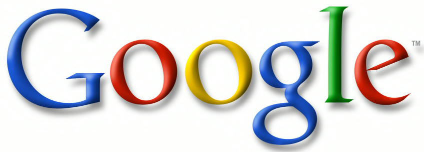

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

ТОМЪ XXXI

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXXI

1888

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1888

СОДЕРЖАНІЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

Календарь на 1888. Кіевъ. 1887. **М. Г—каго.**—Сочиненія Корнелія Тацита. Русскій переводъ съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ и его сочиненіяхъ В. И. Модестова. Т. II. Лѣтопись. Разговоръ объ ораторахъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1887. **А. К.**—Конституція Финляндіи въ изложеніи финляндскаго сената, бывшаго профессора Гельсингфорскаго университета, Л. Михелина. Переведено и дополнено примѣчаніями по русскимъ документамъ К. Ординымъ. Спб. 1887. **Б. Г.**—Історія литературы русскои. Написавъ Омельянъ Огоновскій. Часть I. Львовъ. 1887. Накладомъ Товариства имени Шевченка. **А. С—каго.** — Курганы и случайныя археологическія находки близь мѣстечка Смѣлы. Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ графа Алексѣя Бобринскаго. Спб. 1887. **С. Т—ва.**—О жизнеописаніи Ювенала. Изданіе Д. И. Нагуевскаго, ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета. Изданіе второе, дополненное. Казань. 1887. **А. К.**—50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права. А. Павлова. Москва. 1887. **Б. Г.**—Обозрѣніе посланій святаго Климента, еп. римскаго, къ коринеянамъ. Выпускъ первый. Обозрѣніе перваго посланія. Александра Приселкова. Спб. 1888. **С.**—Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго Государства въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные Д. И. Багалѣемъ. Харьковъ. 1887. **С. Т—ва.**—Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи. Выпускъ II-й. Составилъ и издалъ С. Шолковичъ. Вильна. 1887. **М. Городецкаго.**—Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и его дѣятельность по возсоединенію уніатовъ. Н. Кедрова. Спб. 1887. **Б. Г.**—Сочиненія К. Н. Батюшкова. Изданіе пятое, общедоступное, съ портретомъ автора. Спб. 1888. **С. Ш.**—Вл. Штейнъ. Артуръ Шопенгауеръ, какъ человѣкъ и мыслитель. (1788—1860). Опытъ біографіи. Спб. Томъ I. 1887. **В—а.**—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Томъ второй. Спб. 1888. **С. Ш.** — Домострой. Издалъ В. А. Яковлевъ. Второе, исправленное изданіе. Одесса. 1887. **Е. П.**— Городъ Тотьма Вологодской губерніи. Историческій очеркъ. Составилъ В. Т. Поповъ, предсѣдатель Тотемской уѣздной земской управы, тотемскій городской гласный. Вологда. 1887. **Б.**—Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе Н. Д. Сергѣевскаго, экстраординарнаго проф. императорскаго С.-Петербурскаго университета. Спб. 1888. **П. П.**—Москва и Лондонъ. Историческіе, общественные и экономическіе очерки инизслѣдованія С. В. Иппо. Спб. 1888. **Б. Г.**—Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Часть III. С. Т. Аксаковъ.—П. И. Мельниковъ.—А. Н. Островскій. Спб. 1888. **А. Б—ина.** — Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ восьмой. Перевелъ Андреевъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. **А. К.** — Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Начата подъ ред. В. Ѳ. Корша, продолж. подъ ред. проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XXI. Спб. 1887. **Е. П.**—Матеріалы для біографіи Иннокентія, архіепископа Херсонскаго. Н. И. Барсова. Выпускъ второй. Спб. 1888. **Н. Т—ва.**—Е. С. Шумигорскій. Очеркъ изъ русской исторіи. I. Императрица-публицистъ. Эпизодъ изъ исторіи литературной дѣятельности Екатерины II. Спб. 1887. **Б. Г.**—Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ мистическихъ и раціоналистическихъ. Въ трехъ частяхъ. Составилъ Н. Ивановскій. Казань. 1887. **А. Б—ина.** — Евреи-земледѣльцы. Историческое,

ОЛЬГА СЕРГѢЕВНА ПАВЛИЩЕВА.

Съ портрета, рисованнаго акварелью съ натуры, въ 1844 г., В. Ѳ. Черновой и принадлежащаго Л. Н. Павлищеву.

Дозв. ценз. спб., 23 декабря 1887 г.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1888 ГОДУ.

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ 1888 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе восемь лѣтъ (1880—1887).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.

Въ 1888 году, въ „Историческомъ Вѣстникѣ" будутъ напечатаны, уже находящіеся въ распоряженіи редакціи: историческій романъ графа Е. А. Саліаса, разсказы Н. С. Лѣскова, Д. Л. Мордовцева, С. Н. Терпигорева (С. Атавы) и В. В. Крестовскаго, историческія сцены А. С. Суворина, историческіе очерки: В. А. Бильбасова, Н. И. Веселовскаго, Е. М. Гаршина, Б. Б. Глинскаго, А. А. Голубева, И. И. Дубасова, Г. В. Есипова, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, А. И. Кирпичникова, Д. А. Корсакова, Б. Котляревскаго, А. А. Кочубинскаго, А. П. Мальшинскаго, А. Н. Молчанова. А. И. Незеленова, Е. Н. Опочинина, Н. И. Петрова, П. Н. Полеваго, В. А. Потто, М. И. Пыляева, М. С. Робуша, А. Н. Сиротинина, С. Т. Славутинскаго, И. Н. Смирнова, Н. В. Сорокина, М. И. Сухомлинова, С. С. Татищева, А. А. Титова, А. С. Трачевскаго, Ѳ. М Уманца, П. С. Усова, В. И. Шенрока, Д. И. Эварницкаго, Д. Д. Языкова и др., записки и воспоминанія: Н. А. Бороздина, В. А. Васильева, А. Д. Галахова, А. Я. Головачевой, Р. М. Зотова, Г. В. Карцева, Н. В. Кукольника, М. А. Кретчмера, А. П. Милюкова, Б. А. Милютина, генералъ-маіора П. В. Митурича, камергера М. М. Михайлова, генералъ-лейтенанта А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, Л. Н. Павлищева, А. В. Старчевскаго, М. Д. Францевой, бывшей камеръ-юнгферы императрицы Маріи Александровны, А. И. Яковлевой и др.

Многія изъ статей названныхъ авторовъ будутъ иллюстрированы портретами и рисунками, гравированными въ Парижѣ Панемакеромъ и въ Петербургѣ А. И. Зубчаниновымъ и В. В. Матэ.

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику" 1888 года будетъ печататься, въ переводѣ съ нѣмецкаго, историческій романъ (съ иллюстраціями) Оскара Гекера, подъ заглавіемъ „Ганзейцы".

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени", Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени".

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ.

I.

ЕЛЪ 1824 годъ; былъ августъ мѣсяцъ. Далеко за полночь, среди заснувшаго Петербурга, лишь одна Большая Морская была еще довольно изрядно освѣщена десяткомъ тусклыхъ фонарей съ закоптѣлыми стеклами, но была пустынна изъ конца въ конецъ. Все спало здѣсь давно, такъ же какъ и во всей столицѣ... Лишь изрѣдка громыхала гитара-дрожки ночного извозчика, и въ нихъ, сидя верхомъ, какъ на конѣ, тащился домой запоздавшій обыватель... Пѣшеходовъ почти не было... Холодный порывистый вѣтеръ и крупный дождь одни бушевали на дворѣ. Только въ одномъ мѣстѣ, на углу узкаго и темнаго переулка, упиравшагося въ огромное недостроенное зданіе — было нѣсколько свѣтлѣе и люднѣе. Здѣсь, близъ параднаго крыльца, освѣщеннаго большимъ фонаремъ, стояло нѣсколько экипажей; но лишь одни промокшіе кòни невольно бодрствовали, двигались, встряхивались, фыркали, били копытами о землю. Кучера, всѣ безъ исключенія, кутаясь и ежась отъ непогоды, дремали или крѣпко спали по своимъ кòзламъ, какъ на дрожкахъ, такъ и на большихъ колымагахъ... Два форейтора на переднихъ лошадяхъ двухъ каретъ, запряженныхъ цугомъ, тоже дремали въ сѣдлахъ, распустивъ поводья и сбросивъ стремена.

Сборище, гости и ночное пированье были здѣсь, въ квартирѣ второго этажа,—явленьемъ обычнымъ Сосѣди-обыватели привыкли

къ тому, что почти каждую ночь, чуть не до разсвѣта, на улицѣ, у подъѣзда угольнаго дома, бывало людно, а въ самой квартирѣ и людно и черезчуръ иногда шумно. Всѣ знали, конечно, что это «господа офицеры гуляютъ у извѣстнаго питерскаго блазня».

Въ эти времена, гвардія отличалась и славилась буйными кутежами, съ особенной распущенностью нравовъ и поступковъ. Жалобы на самодурство, уличныя дерзости и публичныя оскорбительныя шалости, слышались отовсюду во всѣхъ слояхъ общества. Говоръ и ропотъ по поводу буйныхъ выходокъ гвардейцевъ часто достигали и до слуха государя Александра Павловича, но лишь изрѣдка виновные наказывались, да и то сравнительно легко, и всякаго рода соблазны шли, конечно, своимъ чередомъ.

Нѣкоторые изъ офицеровъ стали извѣстны дикими, иногда оскорбительными, выходками и были своего рода знаменитостями. Ихъ звали «публичными блазнями», всячески избѣгали въ общественныхъ мѣстахъ изъ чувства самосохраненія; но съ дикостью и безнаказанностью поведенія этихъ «блазней» приходилось мириться поневолѣ.

И только за послѣднее время одно новое «колѣно» этихъ блазней заставило общество нѣсколько встрепенуться и начать снова громко роптать. Дѣло было нѣсколько «изряднѣе» прежнихъ и напугало отцевъ семействъ. Случилось, что одна молодая дѣвушка, красавица, только-что вышедшая изъ института, исчезла во время одного бала и пропадала безъ вѣсти въ продолженіе трехъ сутокъ. Найденная полиціей въ большой квартирѣ, никѣмъ не нанятой и даже не меблированной, дѣвушка оказалась жертвой трехъ неизвѣстныхъ ей обольстителей, которые ее обезчестили и бросили запертою въ пустой квартирѣ. Единственно, что знала несчастная и могла доказать обвязаннымъ на ея рукахъ военнымъ шарфомъ, что злодѣи были гвардейцы.

Но виноватыхъ не нашлось...

Въ домѣ, на Большой Морской, у котораго ночью стояло столько экипажей, жилъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ кутилъ-шалуновъ и блазней. Это былъ артиллерійскій офицеръ Шумскій, всему Петербургу лично знакомый по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ чуть не еженедѣльно совершалъ какое-нибудь буйство или скандалъ, т. е. «выкидывалъ колѣно» на потѣху товарищей и «острастку публики». Во-вторыхъ, это былъ побочный сынъ всемогущаго временщика, графа Аракчеева. Признанный гласно и открыто, любимый безгранично и избалованный донѐльзя своимъ отцомъ—Шумскій могъ творить въ столицѣ безнаказанно все, что только могло прійти въ его беззаботную голову.

Единственнымъ утѣшеньемъ его враговъ, а ихъ было, конечно, много—оставалась одна надежда, что Михаилъ Шумскій хватитъ черезъ край... зарѣжетъ или убьетъ кого-нибудь въ трактирѣ, или

въ театрѣ, на глазахъ у всѣхъ. И вдобавокъ не кого-либо изъ простыхъ смертныхъ... Авось тогда въ отвѣтъ пойдетъ.

Разумѣется, всякіе поступки, неблаговидные или преступные, совершенные неизвѣстными «шалунами» или «блазнями», относили на счетъ «Аракчеевскаго сынка».

Шумскій это зналъ, но когда случалось, что его обвиняли въ глаза за чужое дѣло, — онъ не оправдывался, и отвѣчалъ, смѣясь, равнодушно:

— Не знаю... Не помню... Можетъ и я, въ пьяномъ видѣ.

Когда, грозный для всѣхъ, но не для него, временщикъ-отецъ спрашивалъ у баловня-сына: онъ ли это «наболванилъ» или «прошумѣлъ» въ столицѣ, то Шумскій отвѣчалъ отцу французской поговоркой:

— On prête au riche!..

Это былъ не отвѣтъ, не признанье и пожалуй не опроверженье, но графъ Аракчеевъ бывалъ удовлетворенъ и только легко журилъ любимца на одинъ и тотъ же ладъ:

— Пóлно дурить... Пора бы давно за дѣло... Не махонькій!..

Но если у вертопраха и кутилы было много враговъ, то было и много друзей среди молодежи гвардіи, а равно и въ средѣ людей пожилыхъ и почтенныхъ. Если нѣкоторые изъ нихъ были ложными друзьями изъ личныхъ выгодъ, чтобы пользоваться его средствами или чрезъ него фаворомъ его отца, то были люди искренно его любившіе... Всего болѣе, конечно, молодежь-офицеры... Шумскій былъ «хорошій товарищъ»—терминъ все извинявшій и непонятный статскому... Молодой офицеръ получалъ отъ своего отца достаточно денегъ, чтобы жить очень широко, и, тѣмъ не менѣе, дѣлалъ долги. Одни эти сборища товарищей по вечерамъ стоили дорого, а между тѣмъ это былъ самый меньшій изъ его расходовъ. Всего болѣе уходило на кутежи въ трактирахъ и на карты. Шумскій не любилъ азартныя игры, но игралъ поневолѣ, такъ какъ это было принято, было модой. Молодой человѣкъ, не играющій или не пьющій, подвергался всеобщимъ насмѣшкамъ товарищей и почти презрѣнью. Всякій офицеръ обязанъ былъ пить, играть и любовныя шашни имѣть...

Въ этотъ вечеръ въ квартирѣ общаго пріятеля и «кормильца» Михаила Андреевича было менѣе шумно и менѣе людно, чѣмъ обыкновенно. Нѣкоторые изъ друзей, заглянувъ сюда предъ полуночью, уѣхали, а остававшіеся размѣстились въ двухъ горницахъ, и, переговариваясь вполголоса, вели себя нѣсколько сдержанно и мало пили.

На это была немаловажная причина. Хозяинъ былъ не въ духѣ, озабоченъ и слегка гнѣвенъ. А когда Шумскій бывалъ въ такомъ настроеніи духа, то былъ придирчивъ, оскорблялъ безъ всякаго повода, а иногда и просто выгонялъ отъ себя и переставалъ знаться и кланяться.

Всѣ товарищи, которые были по своему положенію независимы отъ него, разумѣется, избѣгали его въ такія минуты, не желая подчиняться его нелѣпымъ вспышкамъ и причудамъ и равно не желая изъ-за пустяковъ ссориться. Оставались и сносили все покорно тѣ изъ пріятелей, которые были въ зависимости, пользовались деньгами или покровительствомъ аракчеевскаго баловня.

Въ одной изъ горницъ побольше, вокругъ стола, на которомъ перемѣшались въ безпорядкѣ посуда, бутылки и остатки ужина, сидѣло человѣкъ пять офицеровъ безъ сюртуковъ, съ длинными чубуками въ рукахъ. Почти всѣ курили, и дымъ сплошнымъ облакомъ нависъ и стоялъ надъ столомъ и головами собесѣдниковъ.

Общій говоръ прекратился давно, и всѣ молчаливо слушали тихое и мѣрное повѣствованіе плотнаго и толстолицаго офицера, съ брюшкомъ, извѣстнаго разсказчика въ столицѣ. Это былъ семеновецъ, уроженецъ Кіева, полурусскій, полухохолъ, добродушный, умный, подчасъ очень острый человѣкъ, капитанъ Ханенко.

Онъ разсказывалъ о Сибири, гдѣ прожилъ два года...

Въ сосѣдней горницѣ было также тихо, хотя и тамъ сидѣло у зеленаго стола около полудюжины игроковъ. Банкометъ, полякъ Сбышевскій, молча и даже на видъ угрюмо сидѣлъ неподвижно въ большомъ креслѣ и только правая рука его едва-едва шевелилась, выбрасывая карты направо и налѣво... Понтеры кругомъ стола, кто сидя, кто стоя, лишь изрѣдка выговаривали однозвучно по два, по три слова, почти исключительно термины игры или цифру куша, ставки... или просто бранное слово... На этотъ разъ здѣсь играли не ради удовольствія и не ради корысти, а въ силу привычки и чтобы убить время. Главные вожаки-картежники отсутствовали, а богачи, часто въ пухъ проигрывавшіеся у Шумскаго въ квартирѣ, тоже разъѣхались по другимъ вечеринкамъ.

II.

Въ третьей, угловой и маленькой горницѣ, спальнѣ, съ огромной кроватью краснаго дерева, гдѣ могли улечься просторно три человѣка, сидѣлъ за столомъ молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти и медленно писалъ, тихо, какъ бы бережно, выводя буквы; около него былъ на столѣ не тронутый ужинъ, два блюда, и не раскупоренная бутылка вина.

Онъ уже давно угрюмо писалъ письмо, часто останавливался, задумывался и, какъ бы вдругъ прійдя въ себя, почти съ удивленіемъ взглядывалъ на листъ бумаги и на гусиное перо, которое вертѣлъ въ рукѣ и безсознательно грызъ зубами.

Это былъ самъ хозяинъ квартиры, Михаилъ Шумскій. Лицо его, чистое, но нѣсколько смуглое, было бы красиво, если бы не какая-то сухость во взглядѣ и въ тонкихъ вѣчно сжатыхъ губахъ.

Пронзительно непріязненный взглядъ карихъ глазъ и легкая полуулыбка, или скорѣе складка, въ этихъ стиснутыхъ губахъ, дерзкая, презрительная, даже ядовитая—производили непріятное впечатлѣніе...

При знакомствѣ, съ перваго разу, всегда, всякому, казался онъ крайне злымъ человѣкомъ, чего не было на дѣлѣ. Онъ былъ «добрый малый», дѣлавшій иногда зло изъ распущенности, необдуманно, безсознательно, съ легкимъ сердцемъ и спокойной совѣстью. Онъ не привыкъ и не умѣлъ себя сдерживать ни въ чемъ и, увлекаясь, былъ равно способенъ и на чрезвычайно доброе дѣло и на безобразно злой поступокъ, не честный, или даже жестокій...

Теперь, онъ уже давно сидѣлъ тутъ, одинъ...

Послѣ глубокаго и долгаго раздумья, Шумскій снова пришелъ въ себя и, увидя писанье свое и перо, нетерпѣливо дернулъ плечами.

— Ахъ, чортъ, его побери! — вымолвилъ онъ едва слышно.— Эти посланія хуже всякой каторги. И кой лѣшій выдумалъ грамоту. А главное, какъ писать, когда нечего сказать... Какого чорта я ему скажу?!. Написать ему вчерашніе Петькины вирши: «Ябъ васъ любилъ и уважалъ, когдабъ въ могилу провожалъ»...

И обождавъ немного, Шумскій написалъ двѣ строчки, расписался и такъ расчеркнулся, что перо скрыпнуло, хрястнуло и, прорѣзавъ бумагу, забрызгало страницу сотней мелкихъ чернильныхъ крапинокъ.

— Ну, ладно... переписывать не стану!—воскликнулъ онъ и, тотчасъ же положивъ письмо въ конвертъ, крикнулъ громкимъ, звучнымъ голосомъ:

— Эй! Копчикъ!

Чрезъ мгновенье явился въ горницу молодой малый, лѣтъ 18-ти, красивый и бойкій, и нѣсколько фамильярно подошелъ къ самому столу, гдѣ писалъ Шумскій. Это былъ его любимецъ, крѣпостной лакей, не такъ давно прибывшій изъ деревни, но быстро осмѣлѣвшій и «развернувшійся» среди столичной жизни.

— Что изволите?—выговорилъ онъ, улыбаясь.

— Чтò они тамъ?...

— Ничего-съ.

— Никто еще не уѣхалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Поѣли, попили, а еще сидятъ,—вымолвилъ лакей, снова лукаво улыбаясь.—Знать до васъ дѣло какое еще есть.. Пережидаютъ.

— Ну, это дудки! Вызови мнѣ тихонько Квашнина. Да ты, Вася, самъ-то спать бы шелъ, — ласковѣе прибавилъ баринъ въ догонку выходившему уже лакею.

Василій, прозвищемъ Копчикъ, обернулся быстро на порогѣ горницы лицомъ къ барину и, дѣйствительно, ястребинымъ взоромъ окинулъ Шумскаго.

— Вы такъ завсегда сказываете, Михаилъ Андреевичъ; а лягъ я, когда у васъ гости... эти всѣ сидятъ... что будетъ?.. Вы же подниmете палкой или чубукомъ по спинѣ и крикнете: «Чего дрыхнешь, скотъ, когда господа на ногахъ». Нешто этого не было?!.

— Правда твоя, Васька, бывало... подъ пьяную руку. Ну, иди... зови Квашнина!—равнодушно отозвался Шумскій.

Черезъ минуту въ спальню вошелъ высокій, стройный, бѣлокурый и голубоглазый офицеръ въ мундирѣ Преображенскаго полка...

Это былъ первый пріятель Шумскаго и вѣроятно потому, что былъ совершенной его противоположностью, его антиподомъ, и внѣшностью, и характеромъ, и привычками.

Все было въ Квашнинѣ пріятно, ласково, какъ-то мягко... Мягкій взглядъ большихъ и добрыхъ глазъ, мягкость въ голосѣ и во всѣхъ движеніяхъ. Онъ даже ходилъ и двигался тихо и плавно, точно осторожно и мягко ступалъ ногами, какъ бы вѣчно опасаясь поскользнуться и спотыкнуться.

Этотъ же самый голубоглазый офицеръ, съ яркимъ румянцемъ на бѣлыхъ какъ снѣгъ щекахъ, былъ «золотой человѣкъ» во всякомъ затруднительномъ обстоятельствѣ, во всякомъ мудреномъ дѣлѣ. Онъ обладалъ даромъ, какъ говорили товарищи, развязывать гордіевы узлы. Много бѣдъ многимъ его пріятелямъ сошли даромъ съ рукъ, благодаря вмѣшательству и посредничеству Пети Квашнина.

— Ты чего меня?—кротко и кратко выговорилъ онъ, входя и приближаясь...

— Который часъ?..

— А это что!—отозвался Квашнинъ, указывая пріятелю на большіе часы, которые висѣли на стѣнѣ прямо противъ него.—Это ты за этимъ звалъ, чтобы узнать гдѣ часы висятъ?!.. Гляди вонъ они... третій часъ... давно по домамъ пора.

— Нѣтъ... присядь... мнѣ нужно... видишь ли, у тебя спросить...—началъ Шумскій страннымъ голосомъ, не то серьезно, не то шутливо... Глаза его сіяли грустнымъ свѣтомъ, а полуулыбка на губахъ скользнула такъ, какъ еслибъ онъ собирался разсмѣяться громко и весело.

— Ну, спрашивай...

— Ты сядь... сядь прежде...

— Да нешто дѣло какое?

— Дѣло, братецъ, да еще какое!..

— Ночью... вдругъ...

— Да, вдругъ... и ночью... Ты не переспрашивай, а слушай. Совѣтъ мнѣ твой нуженъ.

— Совѣтъ... А? Знаемъ... невпервóй... Хочешь, чтобы я тебѣ отсовѣтывалъ худую затѣю, для того, чтобы все-таки, наплевавъ

на мой резонъ, поступить по своему... Невпервой... Ну говори, что еще надумалъ. Спалить все Адмиралтейство, что ли?..

— Нѣтъ, ты не отгадчикъ, Петя... Я хочу у тебя спросить, гдѣ мнѣ достать такого питья, отъ котораго спятъ люди...

— Въ аптекѣ... А то и отъ вина спится тоже...

— Ты не балагурь. Мнѣ нужно это. Какъ оно зовется?.. Сонное питье... сонный порошокъ что ли? Ну? Дурманъ что ли? Мнѣ надо опоить одну милую особу... Понятно сказалъ, кажется...

— Это ужъ не чухонку ли?—воскликнулъ офицеръ.

— Квашнинъ!—вдругъ выговорилъ Шумскій глухо.—Я тебѣ два раза запрещалъ...

Но голосъ молодого человѣка оборвался отъ прилива мгновеннаго гнѣва. Лицо слегка исказилось и губы дрогнули...

— Вона какъ?!—удивился Квашнинъ, и, пристальнѣе глянувъ въ лицо пріятеля, онъ прибавилъ своимъ мягкимъ и успокоительнымъ голосомъ:

— Прости, Миша... Я вѣдь только сейчасъ понялъ. Я все думалъ, что это у тебя простая зазноба, какихъ сотни бываютъ... А ты видно всѣмъ сердцемъ втюрился... Прости, дальше такъ называть ее не буду... Ну, сказывай...

— Да... Это она... Ее мнѣ надо такъ взять...

— Это распробезумнѣйшая затѣя!.. На этомъ ты, какъ кувшинъ, и головку сломишь!—тревожно вымолвилъ Квашнинъ.—И отецъ твой тебя не помилуетъ и отъ государева гнѣва не упасетъ. Полно, Михаилъ Андреевичъ, ты знаешь, что я въ этихъ дѣлахъ на всѣ руки. Сами вы меня называете любовныхъ дѣлъ мастеромъ. Но это... Но эдакое дѣло... Съ баронессой!.. Вѣдь ея отецъ другъ и пріятель другой, тоже баронессы, Крюднерши!.. Они оба къ одной сектѣ, сказываютъ люди, принадлежатъ; вмѣстѣ на одинъ манеръ и Богу молятся, и чертей вызываютъ... Оскорби барона, онъ къ Крюднершѣ бросится, а та къ государю, а государь за графа возмется, а твой отецъ за тебя... А ты въ Ставрополь съ черкесами драться улетишь съ фельдъегеремъ...

Наступило молчаніе. Квашнинъ глядѣлъ въ лицо друга во всѣ глаза, широко раскрытые и удивленные, а Шумскій понурился и задумался.

— Чтожъ я буду дѣлать?—выговорилъ онъ, наконецъ.—Я ее такъ полюбилъ, какъ еще никогда мнѣ любить никого... и во снѣ не грезилось...

— Любишь, а бѣгаешь отъ нея какъ чортъ отъ ладона... Не понимаю!..

— Какъ бѣгаю?!.—удивился Шумскій и, вдругъ спохватившись, прибавилъ:—Да... да, помню... Это въ собраньи-то?!.

— Вѣстимо. Когда я тебѣ сказалъ, что баронъ съ дочерью пріѣхали, ты бросилъ совсѣмъ невѣжливо свою даму среди танца и

выскочилъ изъ собранія какъ укушенный, или какъ прямо бѣшеный.

Шумскій началъ весело смѣяться...

— Странная любовь,—продолжалъ уже шутливо Квашнинъ.— Мы когда любимъ, льнемъ къ нашему предмету, любезничаемъ, всюду выслѣживаемъ, чтобы какъ повидаться... А ты наоборотъ... А когда баронъ былъ съ дочерью приглашенъ государемъ смотрѣть парадъ, кто вдругъ сказался больнымъ и ушелъ съ плаца... Ты думаешь, я это не замѣтилъ и не понялъ?!.

— Какъ?!.—удивился Шумскій.

— Такъ! нешто я вру... Развѣ этого не было?

— Было. Но никто этого мнѣ такъ еще не объяснялъ, ты одинъ замѣтилъ.

— Такъ стало вѣдь правда!—воскликнулъ Квашнинъ,—что ты отъ баронессы Евы бѣгаешь, какъ чортъ отъ ладона. Ветхозавѣтный чортъ, совсѣмъ, братецъ мой, иначе поступилъ съ первой «имени сего» особой... Онъ не бѣгалъ отъ нея, а за ней ползалъ въ видѣ змія, покуда не совратилъ съ пути истиннаго.

— Вотъ и я такъ то хочу теперь, не бѣгать отъ нея, а обратяся тоже въ змѣя, тоже...

— Да. И будетъ тоже... Тѣхъ изъ рая выгнали, а тебя изъ Петербурга выгонятъ. Брось, родной мой. Ей Богу, брось!—ласково произнесъ Квашнинъ.—Вѣдь это одно баловничество! Не повѣрю я, чтобы можно было человѣку безъ ума влюбиться въ какую ни на есть красавицу, когда онъ ее раза три издали видѣлъ и ни разу съ ней не разговаривалъ. Когда и представлялся случай, такъ удиралъ отъ предмета своего какъ ошпаренный котъ изъ кухни. Все это Михаилъ Андреевичъ въ романахъ твоихъ французскихъ, что ты почитываешь, такъ расписано... А въ жизни нашей, истинной человѣческой, такъ не бываетъ. Вздыхать издали на возлюбленную, мы уже не можемъ—какъ наши дѣды могли...

— Ну вотъ что, Квашнинъ. Ты ходокъ по любовнымъ дѣламъ. Мастеръ? А? Правда...

— Полагаю, что не хуже васъ всѣхъ,—нѣсколько самодовольно отозвался офицеръ.

— Ты мастеръ... Учитель... Насъ всегда обучаешь... такъ вѣдь? Ну вотъ что... задамъ я тебѣ загадку... Я всякій разъ, что встрѣчаю барона Нейдшильда съ Евой, гдѣ бы то ни было—спасаюсь отъ нихъ бѣгомъ, какъ очумѣлый какой... Я признаюсь въ этомъ. И ты это видѣлъ самъ. Видѣлъ еще недавно на балу въ собраніи. Такъ вѣдь? Правда?

— Да. Я же тебѣ это и замѣтилъ.

— Ну, а вмѣстѣ съ тѣмъ, братецъ мой, я всякій почти день видаю Еву и всякій разъ подолгу съ ней бесѣдую... Оттого я въ нее такъ и влюбленъ. Разрѣши эту загадку.

— Ничего не понимаю! Бѣгаю... видаю всякій день?..

— Повторить что ли?

— Зачѣмъ повторять. Слова я понялъ. Но если ты видаешься съ ней всякій день, отчего же ты всегда избѣгаешь ихъ. Даже на Невскій не идешь, когда тебя зовутъ гулять днемъ, во время катанья, боясь встрѣчи... Вѣдь и это я замѣтилъ... Ничего не понимаю. Больно уже хитро. Что же, стало быть, ты тайкомъ отъ ея отца видаешься съ ней?..

— Нѣтъ и отца, барона, видаю всякій день, и ее.

— Ничего не понимаю... Понимаю только, что вы можете быть влюблены другъ въ друга, если видаетесь часто.

— Я въ нее... Да... безъ памяти я люблю ее!—выговорилъ Шумскій измѣнившимся голосомъ.—Но она меня... Она?!

— Ну... еще пуще...

— Ни капли... ни на волосъ не любитъ...

— Что-о?— протянулъ Квашнинъ.

Шумскій не отвѣтилъ ни слова, слегка отвернулся отъ пріятеля и, схвативъ со стола брошенное перо, началъ его грызть. Сильное волненье скользнуло по лицу его. Глаза сверкнули и померкли тотчасъ...

— Въ этомъ-то все и дѣло!—вымолвилъ наконецъ Шумскій глухо.—Ну и давай мнѣ...

Онъ запнулся и выговорилъ какъ бы со злобой:

— Давай... дурману...

— Ну, нѣтъ, братецъ мой... Въ такомъ безумномъ и погибельномъ дѣлѣ я тебѣ помогать не стану!—рѣшительно произнесъ Квашнинъ, вставая.—Я тебя слишкомъ люблю. Да я и не знаю, по правдѣ сказать, гдѣ достать, у какой такой колдуньи, такое снадобье, чтобы опоить дѣвицу... А потомъ еще скажу... Прости за откровенное слово... Я, въ жизни случалось, одолѣвалъ свой предметъ, нахрапомъ, врасплохъ, чуть не силкомъ. Но опаивать и въ мертвомъ состояніе ее... Нѣтъ, прости, Михаилъ Андреевичъ. Это совсѣмъ мерзостно!.. Да и ты только такъ говоришь, а и самъ на такое не пойдешь.

— У меня нѣтъ иного способа... Я ее люблю до страсти, до потери разума! — воскликнулъ Шумскій. — А она на меня и смотрѣть не хочетъ... Она со мной охотно бесѣдуетъ и ласкова, любезна... Но чуть я единымъ словомъ промолвлюсь объ моей къ ней любви—она такъ и застынетъ, такъ ее и поведетъ всю или скорчитъ, будто ледяной водой окатили съ головы... Чтожъ мнѣ дѣлать? Ну разсуди...

Наступило молчаніе. Квашнинъ пожалъ плечами, вздохнулъ и двинулся...

— Куда же ты?

— Домой... три часа... Да и всѣхъ пора разогнать. Они рады

у тебя до слѣдующаго дня сидѣть... Будешь завтра на позорищѣ?.. Ну, на этомъ представленьи новыхъ нѣмецкихъ паяцовъ, что балаганъ поставили на Дворцовой площади?

— Нѣтъ, не буду...

— Отчего? Весь городъ собирается, билеты всѣ уже съ недѣлю разобраны! Да и у тебя билетъ взятъ...

— Не могу. И радъ бы да нельзя. Она съ отцемъ тамъ будетъ. Вчера сказывала,—отозвался Шумскій задумчиво.

Квашнинъ развелъ широко руками и театрально наклонился передъ товарищемъ...

— Ничего не понимаю... Видаешь обоихъ и отца и дочь, бесѣдуешь... А когда гдѣ можно повстрѣчать барона или красавицу,— бѣжишь какъ отъ кредиторовъ...

— А дѣло, Петя, простое. Проще нѣтъ. Послѣ узнаешь. Ну, прости... И то пора спать. Скажи имъ тамъ, что я уже въ постели... Да... стой. Вотъ еще просьба... Возьми письмо, да завтра занеси въ почтамтъ, тебѣ вѣдь мимо...

Квашнинъ взялъ конвертъ съ письмомъ со стола и прочелъ адресъ съ именемъ Аракчеева.

— Тятенькѣ!.. Родителю? Небойсь денегъ просишь?

— А то что же?.. О чемъ мнѣ, кромѣ денегъ, писать этому дураку...

Квашнинъ тряхнулъ укоризненно головой, пожалъ руку Шумскому и плавно вышелъ изъ спальни. Въ квартирѣ было уже пусто, тихо и темно. Гости, не простясь съ хозяиномъ, уже разъѣхались.

— Сущій трактиръ!—подумалъ Квашнинъ.

III.

На утро, въ квартирѣ Шумскаго было мертво тихо до полудня, такъ какъ хозяинъ, поздно, иногда съ разсвѣтомъ, ложившійся спать, вставалъ не ранѣе перваго и второго часа дня. Обыкновенно, проснувшись, Шумскій оставался по цѣлому часу въ постели, пилъ чай, принималъ такъ, лежа, завернувшаго по дорогѣ пріятеля и болталъ съ нимъ или читалъ книгу. Понѣжившись, онъ вставалъ и одѣвался. Копчикъ объявлялъ заѣзжимъ гостямъ двояко. Или «баринъ почиваютъ» или «баринъ нѣжутся».

На этотъ разъ, въ небольшой горницѣ, около передней, гдѣ стояли шкафы съ платьемъ, мундирами и всякой разнообразной аммуниціей богатаго офицера—было нѣчто особенное.

Обыкновенно горница эта бывала заперта или же въ ней возился, прибираясь, одинъ Копчикъ. Теперь въ ней сидѣла женщина лѣтъ пятидесяти, одѣтая какъ простая дворовая женщина, въ ситцевомъ пестромъ платьѣ и съ повязкой на головѣ. Женщина только-что пріѣхала въ это утро въ Петербургъ. Около нея на полу ле-

жалъ простой холщевой мѣшокъ съ пожитками, а на стулѣ ваточная шубка. На столѣ предъ ней стоялъ самоваръ и чайная посуда. Женщина съ видимымъ удовольствіемъ, почти не отрываясь ни на мгновенье, пила чай—чашку за чашкой. Уже около половины самовара перешло въ чайникъ и было ею уничтожено въ видѣ свѣтленькой, желтенькой водицы, конечно, съ блюдечка и въ прикуску.

Изрѣдка въ комнату заходилъ Копчикъ и, перемолвившись, снова уходилъ хлопотать по дому. Хотя у Шумскаго въ квартирѣ было около полудюжины всѣхъ людей и два лакея въ горницахъ, но всѣмъ завѣдывалъ Копчикъ,—одинъ лакей былъ вѣчно въ городѣ на посылкахъ, справляя разныя порученія барина, а другой неизмѣнно сидѣлъ въ качествѣ швейцара въ передней и не имѣлъ права отлучаться изъ нея.

Приготовивъ все ко времени пробужденія барина, Копчикъ явился снова и спокойно сѣлъ около вновь пріѣзжей.

— Ну, все справилъ... Теперь можно и хлѣбнуть съ вами чайку,—сказалъ онъ, присаживаясь къ столу. Такъ какъ же, Авдотья Лукьяновна... Такъ-таки вамъ ничего и не вѣдомо... Аль скрытничаете.

— Чего мнѣ, голубчикъ, отъ тебя скрытничать! Вотъ тебѣ Христосъ Богъ—ничего не знаю,—отвѣчала женщина.

— И Иванъ Андреичъ ничего вамъ не сказывалъ дорогой. Ни, то-ись, ни словечка?—лукаво переспросилъ лакей.

— Говорю тебѣ, пріѣхалъ въ Грузино, побывалъ у Настасьи Ѳедоровны. Меня вызвали, велѣли сбираться въ дорогу... А на утро мы въ тарантасѣ съ Иванъ Андреичемъ и выѣхали.

— Чудно. Стало и она тоже, Настасья-то Ѳедоровна, не знаетъ, зачѣмъ васъ баринъ востребовалъ въ Питеръ.

— Полагательно и она не знаетъ.

— А отпустила тотчасъ?

— Она по его слову, своего Мишеньки, дворецъ Грузиновскій въ ящикъ уложитъ и пошлетъ. Только прикажи онъ.

Копчикъ не понялъ и ротъ разинулъ.

— Такъ она сказываетъ, Василій... Дворецъ графскій готова-де гостинцемъ въ ящикѣ Мишенькѣ переслать.

Копчикъ хотѣлъ снова что-то спросить, но вдругъ бросился со всѣхъ ногъ изъ комнаты... Женщина даже вздрогнула отъ неожиданности.

Черезъ мгновенье Копчикъ вернулся, но оставилъ дверь распертой.

— Почудилось мнѣ, что баринъ позвалъ... Нѣтъ, все еще спитъ.

— А строгъ онъ съ тобой?.. Взыскиваетъ?—спросила пріѣзжая.

— Д-да!—протянулъ молодой малый.

— А вѣдь какой же добрый онъ, сердечный... Не чета нашимъ господамъ... Этотъ добрѣющій... Анделъ!

— Д-да...

— Что такъ сказываешь. Будто не по твоему...

— Да какъ сказать, Авдотья Лукьяновна... онъ вѣстимо добрый... Но тоже и мудренъ. Ужъ и такъ-то это мудренъ, что окромя меня никто ему не угодитъ и всякаго онъ ухлопаетъ... Добрый, а вотъ Макара-то Сергѣева въ Сибирь сослалъ, а Егора рыжаго... Сами знаете...

— Это по нечаянности... Иль не въ своемъ видѣ былъ, подгулявши... Такой ужъ случай непріятный.

— Бутылкой по головѣ ахнулъ, въ високъ... Это же какая ужъ нечаянность,—вымолвилъ тихо Копчикъ.

— Говорю... Подгулявши былъ...

— Оттого не легче. И теперь онъ часто бываетъ не въ своемъ видѣ. Меня иной разъ, Авдотья Лукьяновна, мысли берутъ... проситься у него домой, въ Грузино... У васъ тамъ не такъ страшно...

Авдотья замахала молча руками...

— Нѣтъ... Право... Не такъ тамъ опасно. Здѣсь—ужасти! Тамъ только графу не надо на глаза лѣзть, да дѣло свое исправно дѣлать. Настасья это Өедоровна тоже нашего брата молодца мало обижаетъ. Она больше дѣвокъ и бабъ мучительствуетъ. А здѣсь, у него вотъ...—показалъ Копчикъ на растворенную дверь...—бѣда! Здѣсь, Авдотья Лукьяновна, все одно—что на войнѣ!

— Э, полно ты врать! — съ замѣтнымъ раздраженіемъ отозвалась женщина.—Вы холопы завсегда господами не довольны. На васъ Господь не угодитъ.

— На этого дьявола во истину самъ Господь не угодитъ!—вдругъ какъ бы сорвалось съ языка у молодого малаго.

Женщина окрысилась сразу...

— Слышь-ко ты... глупый,—произнесла она громче.—Ты мнѣ такихъ, объ Михайлѣ Андреичѣ... рѣчей, не смѣй... И слушать-то я тебя не хочу. Дуракъ ты. Вотъ что! Нешто забылъ, что я его кормилица, что я его вспоила и вскормила, выходила и на ножки поставила...

— А отблагодарилъ онъ васъ за это много?..

— Да я не просила. Мнѣ ничего не нужно.

— Самъ бы могъ... Да я чтожъ... Я вѣдь такъ къ слову. Всѣ господа таковы. Онъ меня любитъ, привыкъ, балуетъ деньгами и платьемъ и гулянками... Ну, а случись... не ровенъ часъ. Чѣмъ попало убить какъ Егора можетъ. Вотъ самоваръ, эдакій, малость поменьше, ужъ въ меня разъ леталъ. Такъ съ кипяткомъ и пролетѣлъ на четверть отъ башки. Не увернися я — былъ бы ошпаренный въ лучшемъ видѣ... А вѣдь это не розги! Не заживетъ въ

недѣлю. Эдакое на всю жизнь. Сказывали мнѣ безъ глазъ могъ меня оставить, кабы кипяткомъ въ рыло хлестнуло...

— Все-то враки... Не видали вы настоящихъ-то господъ грозныхъ!—недовольнымъ голосомъ отозвалась Авдотья.—Важность, самоваръ...

Копчикъ хотѣлъ отвѣтить, но до горницы явственно донесся голосъ барина, звавшаго изъ спальни. Лакей бросился со всѣхъ ногъ.

Авдотья тоже встала, оправилсь, потомъ поправила платокъ на головѣ и, ставъ у окона, задумалась, подперѣвъ рукой подбородокъ.

У женщины этой было правильное и выразительное лицо и видно было, что когда-то она была очень недурна собой. Въ лицѣ ея была тоже какая-то суровость и сухость, взглядъ, когда она задумывалась, тоже становился проницательно черствый, точь въ точь такой, какъ у ея любимца-дитятки, у котораго она была кормилицей и няней и котораго теперь обожала не менѣе своей барыни Настасьи Θедоровны.

За послѣдніе годы ея дорогой и «ненаглядный барченокъ» Миша жилъ въ Петербургѣ, она меньше и рѣже видѣла его. Когда онъ пріѣзжалъ на побывку къ отцу-графу въ его имѣнье, близь Новгорода, Грузино, то Авдотьѣ съ трудомъ удавалось разъ въ день повидать Шумскаго, и то, все-таки, издали. Пускаться въ бесѣдованія съ бывшей кормилицей Шумскій не любилъ. Простая дворовая женщина, хотя и умная, хотя и обожавшая его, часто прискучивала ему когда-то своими вѣчными нѣжностями. И Шумскій теперь не любилъ даже встрѣчать глазами любящій взглядъ этой женщины; видѣть и чувствовать его на себѣ — было ему почему-то тяжело. Женщина очень смышленая и даже проницательная видѣла и понимала, что баринъ тяготится ея «глупой любовью» и поневолѣ старалась быть сдержаннѣе, не наскучивать ему ласковыми словами и прозвищами какъ бывало прежде, когда ему было лѣтъ 18, и онъ еще жилъ въ Грузинѣ.

Но съ каждымъ годомъ холодность въ отношеніяхъ бывшей кормилицы съ бывшимъ питомцемъ—все увеличивалась. Шумскій уже наконецъ не дѣлалъ почти никакого различія между прежней мамкой и другими дворовыми своего отца. Когда-то онъ звалъ ее «Дотюшка», передѣлавъ дѣтскимъ языкомъ имя Авдотьюшка, даваемое ей его матерью. Теперь же онъ просто называлъ ее Авдотьей.

Часто женщина горевала, изрѣдка и плакала, видя, что питомецъ совсѣмъ разлюбилъ ее, но обвиняла не его, а себя самою. Стало быть, она сама, глупая баба, не съумѣла сохранить любовь ненагляднаго Миши. Иногда она утѣшалась мыслію, что всѣ молодые люди «въ господскомъ состояніи» гнушаются своихъ мамокъ, когда подростутъ и «выйдутъ на волю» и столичное житье-бытье.

— Что ему во мнѣ дурѣ-бабѣ. Ни сказать я ничего не умѣю, ни понять и разумѣть его барскихъ мыслей не могу. Онъ офицеръ, а я крестьянка.

Такъ утѣшала себя женщина, но чуяла сердцемъ, что лжетъ сама себѣ, желая оправдать неблагодарнаго.

За послѣднiй прiѣздъ молодого человѣка въ Грузино среди лѣта, Авдотья нѣсколько разъ видѣлась съ своимъ питомцемъ, но онъ даже ни разу не поговорилъ съ ней ни объ чемъ, даже не спросилъ, что бывало недавно, какъ ей живется-можется. Онъ говорилъ при встрѣчѣ въ саду или на дворѣ:—«А, здравствуй»! и проходилъ мимо, не заглянувъ ей даже въ лицо.

Однажды, при второй встрѣчѣ, послѣ своего прiѣзда, онъ даже кольнулъ нечаянно въ самое сердце свою бывшую мамку. Сказавъ: «здравствуй»,—онъ прибавилъ неувѣреннымъ голосомъ:

— Ты вѣдь Авдотья, кажется... Та, что къ собаченкамъ Настасьи Өедоровны приставлена?..

Женщина застыла на мѣстѣ, ничего не отвѣтила, въ ней духъ захватило отъ этихъ словъ. А онъ прошелъ мимо...

«Я—та, что тебя грудью своей вскормила и выходила!» смутно сказалось въ ней и просилось на языкъ.

Но она не смогла и не съумѣла бы это сказать. Она прослезилась, утерла рукавомъ лицо и пошла въ домъ, гдѣ дѣйствительно были у нея на попеченiи двѣ собаченки барыни.

Послѣдствiемъ этой встрѣчи было то, что она возненавидѣла этихъ двухъ собаченокъ и уже болѣе не могла ихъ ласкать.

И вдругъ, два дня назадъ, случилось въ Грузинѣ нѣчто очень простое, но для Авдотьи это было нежданнымъ и загадочнымъ событiемъ, смутившемъ ее совершенно и даже испугавшимъ.

Въ Грузино прiѣхалъ любимецъ и наперстникъ ея дорогого Миши, принявшiй при немъ роль полуадъютанта, полуразсыльнаго. Это былъ Иванъ Андреевичъ Шваньскiй, молодой еще, но старообразный, худенькiй и маленькiй человѣчекъ. Любимецъ Шумскаго, онъ былъ не любимъ всѣми, начиная отъ самаго графа Аракчеева и кончая послѣднимъ дворовымъ, хотя бы тѣмъ же Копчикомъ, который даже ненавидѣлъ этого «баринова Iуду», какъ онъ его звалъ.

Черезъ часъ послѣ прiѣзда Шваньскаго въ Грузино, Авдотья была вызвана и ей объявили, что молодой баринъ Михаилъ Андреевичъ желаетъ, чтобы она явилась къ нему въ Питеръ на жительство недѣльки на двѣ.

По объясненiю Шваньскаго это была простая прихоть офицера.

— Такъ ему вздумалось почему-то,—объяснилъ онъ.

И прихоть была тотчасъ же исполнена. Авдотья собралась наскоро и сѣла въ тарантасъ къ Шваньскому. Но дорогой умная женщина вывѣдала все-таки у своего спутника, что есть что-то

новое, есть «какое-то дѣльце», которое придется ей справить Михаилу Андреевичу въ столицѣ.

— И на эту затѣю баба нужна, скромная, не болтушка,—объяснилъ Шваньскій.—Ну вотъ за тебя и взялись...

Разумѣется, всю дорогу женщина была сама не своя отъ мысли, что можетъ быть, услуживъ въ столицѣ своему питомцу, она вернетъ его любовь къ себѣ. Можетъ быть, думалось ей, онъ будетъ такъ доволенъ, что совсѣмъ оставитъ ее жить у себя, и она будетъ завѣдывать его домомъ и хозяйствомъ, станетъ опять «Дотюшкой» для него.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Авдотья рада была путешествію въ столицу, гдѣ жила мѣсяца съ два уже ея любимица-дѣвушка, красавица, которую она считала почти дочерью, такъ какъ когда-то сама случайно спасла ее отъ смерти. Гуляя однажды съ своимъ питомцемъ на рукахъ по саду, около пруда, Авдотья услыхала крики... Какой-то ребенокъ барахтался въ водѣ... Въ одно мгновенье няня положила на траву своего Мишу, вбѣжала по грудь въ воду и вытащила дѣвченку лѣтъ трехъ на берегъ.

Спасенный ребенокъ оказался сиротой изъ сосѣдней деревни, принадлежавшей графу. Дѣвочку взяли во дворъ, и Прасковья понемногу стала любимицей всѣхъ, а въ особенности Авдотьи, которой была, конечно, обязана жизнью. Эта Прасковья, теперь уже взрослая дѣвушка, 19-ти лѣтъ, была отпущена въ Петербургъ по оброку и жила гдѣ-то въ горничныхъ. Авдотья радовалась, что свидится съ любимицей.

IV.

Первые слова, съ которыми Копчикъ вошелъ въ спальню, были для барина очевидно очень пріятнымъ извѣстіемъ.

— Иванъ Андреичъ пріѣхалъ,—сказалъ лакей совершенно равнодушнымъ голосомъ, какъ бы не придавая этому никакого значенія. Тутъ былъ умыселъ со стороны хитраго холопа. Въ секретныхъ или загадочныхъ дѣлахъ барина—слѣдовало имѣть видъ, что ничего не чуешь...

— А!—воскликнулъ Шумскій и сразу сѣлъ на постели.—И Авдотья съ нимъ?

— Точно такъ-съ... Должно барыня ее прислала.

— Позови его.

— Ихъ нѣтъ. Они какъ завезли Авдотью Лукьяновну, такъ сейчасъ же опять выѣхали на извозчикѣ со двора. Сказывали, что въ аптеку...

— Въ аптеку! Дубина онъ. Нешто въ аптекахъ эдакое можно...

— Ну, позови Авдотью,—вдругъ будто прервалъ онъ свои собственныя мысли вслухъ.

Шумскій снова опустился въ подушки, и на оживленномъ лицѣ его скользнула странная улыбка, казавшаяся всегда злой и ядовитой, хотя бы онъ улыбался и отъ пріятнаго ощущенія.

Дверь отворилась, на порогѣ показалась, видимо робѣя, Авдотья и низко поклонилась въ поясъ...

— Здравствуй!.. Диковалась, ѣхала, что я тебя вдругъ вытребовалъ,—ласково и весело выговорилъ Шумскій.

Женщина, сразу ободренная тономъ голоса своего питомца, двинулась ближе съ очевидной цѣлью поздороваться. Шумскій протянулъ руку, и она почтительно, какъ бы бережно, поцѣловала ее и снова отступила на шагъ отъ кровати. Только взглядъ ея умныхъ проницательныхъ глазъ блеснулъ ярче и выдавалъ внутреннее волненіе, радость, почти счастье.

— Ну, что у насъ...

— Слава Богу... Маменька приказала кланяться.

— И прислала варенья, — весело продолжалъ Шумскій, какъ бы поддѣлываясь подъ голосъ мамки.

— Нѣтъ-съ... Ничего не прислали. Приказали ручки расцѣловать, просятъ тоже письмовъ почаще отъ васъ. И графъ сказывали такъ-то и мнѣ, и Ивану Андреевичу: скажи, писалъ бы чаще, а то по мѣсяцу матери не пишетъ.

— Ну, это дудки, объ чемъ мнѣ ей писать. Да сегодня впрочемъ пойдетъ къ нимъ письмо почтой. Когда батюшка въ Питеръ будетъ. Пора ужъ... Вторую недѣлю отдыхаетъ отъ дѣлъ.

— На предбудущей недѣлѣ указано подставу вездѣ разставить. При мнѣ сорокъ коней ушли на дальнія перекладки.

— Опять на своихъ? Чтожъ почтовыя-то лошади не понравились опять.

— Графъ не большимъ трактомъ поѣдутъ въ столицу, а проселкомъ.

— Почему?—удивился Шумскій.

— Не могу знать, сказывали, дорогу самолично глядѣть будутъ, чтобы другой трактъ изъ Новгорода на Питеръ проложить... А нуженъ, вишь, этотъ самый трактъ потому, что...

— Ну, чортъ съ нимъ!—воскликнулъ Шумскій, махнувъ рукой, и тотчасъ прибавилъ, какъ бы объясненье:—Чортъ ихъ возьми, всѣ эти тракты, и старый и новый... Намъ съ тобой до этихъ дѣловъ государственныхъ дѣла нѣту. У насъ свои есть дѣла, поважнѣе да полюбопытнѣе... Садись-ко...

Мамка замѣтно оторопѣла отъ этого слова и, переминаясь съ ноги на ногу, даже слегка смутилась... Шумскій сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ничего. А причина была простая. Уже года съ четыре какъ этой бывшей кормилицы не приходилось сѣсть въ присутствіи своего любимца, а ровно не случалось, сидя, бесѣдовать съ нимъ, да еще слышать ласковую рѣчь.

— Садись... Бери вонъ стулъ сюда. Поближе ко мнѣ!—страннымъ голосомъ произнесъ молодой человѣкъ, какъ бы стараясь придать оттѣнокъ простоты и обыденности тому, что смутило мамку его... Онъ хорошо вспомнилъ тоже, что этого давно не бывало; хорошо понималъ, что эта обожающая его простая баба поневолѣ должна быть поражена нежданной милостью.

Дѣйствительно, Авдотья, взявъ стулъ и усѣвшись на немъ близь постели, въ ногахъ, не могла скрыть той душевной тревоги, которую произвела въ ней ласковость ея «соколика».

Глаза женщины сіяли, все лицо расплылось въ улыбку и слегка зарумянилось... Безсознательно, отъ смущенія, она все утирала ротъ рукавомъ, какъ послѣ чая...

— Ну, вотъ... видишь ли,—началъ Шумскій, какъ бы желая завести длинную рѣчь, серьезную и объяснительную, но тотчасъ же запнулся и замолчалъ.

Мамка тоже молчала.

— Дай-ка мнѣ трубку,—выговорилъ онъ, показывая въ уголъ горницы.

Авдотья быстро вскочила и бросилась исполнять приказаніе. Лѣтъ пять тому назадъ ей случилось въ послѣдней разъ подавать трубку своему Мишѣ. Но тогда онъ былъ еще не офицеръ, а недоросль. Она тогда пожурила его за эту басурманскую, вновь имъ пріобрѣтенную привычку.

Взявъ съ подставки, гдѣ стояли врядъ съ полдюжины трубокъ, она передала лежащему длинный чубукъ съ красивымъ янтарнымъ муштукомъ, осыпаннымъ бирюзой. Затѣмъ она живо нашла клочекъ бумаги на полу, зажгла его спичкой, и поднесла къ красивой трубочкѣ въ видѣ воронки, въ которой былъ уже набитъ свѣжій табакъ.

— А не вредительно это твоему... вашему здоровью,—поправилась Авдотья, не утерпѣвъ сдѣлать вопросъ, который когда-то всегда дѣлала питомцу.

— Куренье-то?!.—разсмѣялся Шумскій, не вопросу, а воспоминанью... Онъ тоже вспомнилъ невольно, какъ курилъ когда-то трубку тайкомъ отъ отца и матери, и какъ эта же самая женщина журила его или ахала и тревожилась, но тѣмъ не менѣе, не выдавала роднымъ эту тайну.

— Да времена давнишніе!—вымолвилъ офицеръ, вздохнувъ.— Тогда лучше было... Вѣдь лучше тогда было, мамушка?.. Или какъ бишь... Дотюшка!

Авдотья снова закраснѣлась, но и прослезилась отъ этого прозвища, которое сладко кольнуло ее въ самое сердце...

— Вѣдь такъ я тебя звалъ?.. Говорили Авдотьюшка. А я переиначилъ да окрестилъ Дотюшкой. Да, тогда лучше было. Я думалъ весь-то свѣтъ—одни ангелы да херувимы и всякій-то человѣкъ затѣмъ на свѣтѣ живетъ, чтобы мнѣ угождать, какъ ты тогда уго-

ждала... Что ни вздумай я, вынь да положь, какъ по щучьему вѣлѣнью. Да... А теперь вотъ... Круто мнѣ, Дотюшка моя глупая, приходитъ. Ложись да и помирай. Застрѣлиться хочу!—улыбаясь, добавилъ Шумскій и выпустилъ изъ рта огромный столбъ дыма.

— Охъ, чтой-то вы... Христосъ храни и помилуй!—не притворно перепугалась мамка.

— Право хоть застрѣлиться.. если вотъ...—Шумскій замялся и продолжалъ:—Ты вотъ можешь меня изъ бѣды выручить, если пожелаешь.

— Я?—изумилась Авдотья.—Изъ бѣды выручить... укажи соколикъ. Я за васъ... Я за моего ненагляднаго... Да чтожъ эдакое сказывать. Сами знаете, я чаю... На десять смертей за васъ пойду. Душу за васъ положу, не токмо тѣло грѣшное.

— Такъ ты меня по старому любишь...

— Охъ, родной мой... Какъ такое спрашиваешь. Грѣхъ вамъ такое спрашивать у мамки своей...

— Да вѣдь... время... Не вмѣстѣ, какъ прежде. Можетъ и разлюбила. Я здѣсь, ты въ Грузинѣ. Я офицеръ, не мальчишка. Давно и бесѣдовать съ тобой не случалось...

— Самъ не изволилъ,—тихо произнесла мамка, и въ голосѣ ея отчетливо сказались, какъ бы само собой, печаль и укоризна.

— Ну-да, да... Не приходилось... Время... года мои... свои заботы... А вотъ теперь... вотъ и ты вдругъ понадобилась, безъ тебя я дѣла ни руками, ни обухами не поверну. А ты можешь...

— Приказывайте...

— Ну вотъ... Слушай... Я тебя за этимъ и выписалъ изъ Грузина. Кромѣ тебя, я довѣриться никому не могу. Дѣло простое, но и погибельное, если болтать на всѣхъ углахъ. Ты не болтушка, да и меня любишь и подводить не станешь. Ну, скажи-ко... Помнишь Прасковью...

— Пашу́ту нашу...

— Ну да Пашу́ту...

— Какъ же мнѣ не помнить, Господь съ тобой!—воскликнула мамка и, вспомнивъ, что обмолвилась, заговоривъ по старому на «ты»—не поправилась.

— Ты вѣдь ее изъ воды вытащила. У тебя она и росла.

— Пашу́та мнѣ все одно, что дочь родная. Не мало я горевала, что ее по билету въ Питеръ пустилъ графъ, здѣсь погибельное мѣсто, а она изъ себя красавица. Долголь до бѣды. А ей бы замужъ за хорошаго парня, изъ нашихъ грузинскихъ.

— Ну, Дотюшка, по билету на оброкѣ твоя Пашута по моей волѣ пошла. Я просилъ объ этомъ матушку... Мнѣ Пашута понадобилась... Поняла или нѣтъ. Тогда она мнѣ нужна была, а теперь вотъ ты... Она мнѣ въ Грузинѣ приглянулась, я ее сюда и взялъ...

Авдотья молча, изумляясь, глядѣла въ лицо офицера и слегка разинула ротъ...

— Чтожъ, ваша барская воля!—сумрачно выговорила наконецъ женщина послѣ паузы, но вздохнула и потупилась...

— Да ты, глупая баба, никакъ на свой ладъ все сообразила!—громко расхохотался Шумскій.—Ты никакъ думаешь, что я твою Пашуту въ забавницы свои произвелъ. Вотъ ужъ истинно пальцемъ въ небо попала. Этого добра, мамка, въ Питерѣ хоть прудъ пруди, дѣвокъ. И показистѣе твоей Пашуты. Вотъ распотѣшила-то!—снова разсмѣялся офицеръ лежа, въ подушкахъ, звонкимъ и даже ребячески веселымъ смѣхомъ.

— Чтожъ... И слава Богу, если я сбрендила!—отозвалась Авдотья и лицо ея снова просвѣтлѣло.

— Я Пашуту на мѣсто поставилъ къ такой барышнѣ, какой во всей Россіи второй нѣтъ. Ангелъ доброты. Святая какъ есть... Мухи не обидитъ. Пашута, каналья неблагодарная, у нея какъ у Христа за пазухой живетъ, поспокойнѣе да посчастливѣе чѣмъ у маменьки въ Грузинѣ, гдѣ дѣвокъ порятъ днемъ и ночью, даже въ заутреню Свѣтлаго Воскресенья.

— Ты же ей, родной, и мѣсто предоставилъ,—удивилась женщина.—Ну спасибо, тебя Господь за это наградитъ. А я-то дура тосковала, что, да гдѣ, моя Пашута... Пропащая, молъ, она въ столицѣ.

— И знаешь ты, что вышло,—другимъ голосомъ заговорилъ Шумскій.—Она съ жиру взбѣсилась! И за мое благодѣяніе—мнѣ теперь... Подлая она тварь!..

— Грубитъ... Не благодарствуетъ...

Шумскій молчалъ и затѣмъ произнесъ снова съ сердцемъ и какъ бы себѣ самому:

— Холопка крѣпостная разныя дворянскія чувства да благородныя мысли, вишь, набрала въ себя. Совсѣмъ не къ лицу... Не по рылу!..

— Не пойму я ничего... Чѣмъ же она тебя прогнѣвила? Зазналась?.. Грубитъ? Неслухается?...

— Да. Именно зазналась. Все это я тебѣ поясню. Все будешь знать, чтобы за нее взяться могла.

— Отправь ее обратно въ Грузино, коли она зазналась. Тамъ живо очухается...

— Нельзя! Нельзя! То-то мое и горе, что нельзя... Я маху далъ! Надо было не ее, а другую поставить на это мѣсто, попроще, да посговорчивѣе... А взять ее обратно теперь, то ея барышня съ ума сойдетъ. Ей Богу. Она обожаетъ Пашуту! Съ ума сойдетъ!

— Тебѣ-то что же. Наплевать тебѣ, соколикъ.

— На кого?

— Да на эту барышню...

Шумскій махнулъ рукой и даже отвернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Наступило молчаніе...

«Все ей объяснить, думалось Шумскому, вѣдь это—une mer à boire... Не пойметъ, а понявъ все, ничего не уразумѣетъ! какъ сказалъ по ошибкѣ, остроумно и вѣрно мой баронъ Нейдшильдъ. Она пойметъ въ чемъ дѣло, но дѣло это будетъ ей казаться простой моей забавой, стало быть, ничего не сообразитъ»...

— Вотъ что, Авдотья,—заговорилъ онъ снова,—теперь мнѣ вставать пора и со двора надо. Сегодня ввечеру или завтра утромъ я тебѣ разъясню въ чемъ ты мнѣ должна услужить, и выручить меня. Оно не очень спѣшно, время терпитъ. Ты расположись въ той горницѣ, гдѣ все мое имущество, прикажи кровать поставить и все эдакое...

— Зачѣмъ. Я и на полу посплю ночь-то.

— Да вѣдь ты у меня недѣли на двѣ застрянешь...

— Ну, и слава Богу, коли дозволишь... Я и рада пожить у васъ. Могу услужить не хуже Васьки... Онъ поваренокъ, какой онъ камердинъ... А я все-таки всю жизнь была...

— Ну, ладно... ладно... на полу, такъ на полу... А въ домѣ ни во что не путайся... Васька Копчикъ все это хорошо одинъ успѣваетъ. Ну, такъ ввечеру я тебя позову... Ну, ступай себѣ...

Авдотья собиралась уже переступить порогъ, когда вспомнила и спросила:

— А гдѣ же, стало быть, родной мой, Пашута живетъ. Мнѣ бы ее сегодня и повидать, да пожурить...

— Ни-ни... Повидаешь, когда я тебя самъ къ ней пошлю. А вѣрнѣе, что я тебя и не пущу туда, а Пашуту къ себѣ сюда вызову.

— Господа ея что ли такіе... острастные. Не любятъ пущать во дворъ свой чужихъ. Важные господа? Вельможные...

— Да... Баронъ онъ, и дочь его баронесса, стало быть,—улыбнулся Шумскій. По фамиліи Нейдшильдъ...

— Не русскіе...

— Финляндцы...

— Такъ... Это вотъ что чухонцами звать...

— Да, пожалуй... Только это глупое вѣдь прозвище.

— Нехристи вѣдь... Какъ же Пашута-то у нихъ?..

— Ну, ладно... ступай!..

Авдотья вышла изъ спальни и задумчивая прошла въ комнату, гдѣ сидѣла по пріѣздѣ.

Вслѣдъ за ней явился тотчасъ Копчикъ и, хитро подмигивая, вымолвилъ тихонько и спѣша:

— Авдотья Лукьяновна, я вамъ ужотко все поясню. Я у дверей былъ, слышалъ о чемъ вы разговоръ имѣли съ бариномъ. Знаю теперь зачѣмъ вы и пріѣхали. Я вамъ, баринъ уѣдетъ, все поясню. А пожелаете, я вамъ въ одинъ мигъ съ Пашутой повидаться устрою.

Авдотья съ удивленьемъ глянула на лакея. Онъ быстро вышелъ.

V.

Чрезъ часъ послѣ разговора съ мамкой, молодой офицеръ, въ простомъ черномъ пальто и городской шляпѣ, т. е. въ штатскомъ платьѣ былъ уже на другомъ концѣ столицы, близь Малаго проспекта Васильевскаго острова. Онъ подъѣхалъ къ маленькому домику съ красивымъ фасадомъ и, позвонивъ, вошелъ въ переднюю, какъ свой человѣкъ, не перемолвившись ни единымъ словомъ съ лакеемъ, который его впустилъ.

— Дождитъ...—мычнулъ лакей, ухмыляясь и нѣсколько фамильярно.—Льетъ да льетъ...

— Да, скверно... Почитай совсѣмъ осень пришла,—отозвался Шумскій.

— И что вамъ эти, сударь, извозчики стоятъ,—заговорилъ лакей нравоучительно.—Каждый день, почитай, отдавай трехгривенный... Вы бы ужъ пѣшкомъ себя приневоливали. А то и выгоды мало. Десять рублей, гляди, въ мѣсяцъ вѣдь проѣздите...

Шумскій промолчалъ и двинулся въ сосѣднюю комнату. Это была столовая, небольшая, но поражавшая сразу своей обстановкой.

Столъ обѣденный, большой шкафъ и всѣ стулья, стоявшіе въ рядъ по стѣнамъ, какъ шеренга солдатъ въ строю—все было одного чистаго готическаго стиля, рѣзное изъ чернаго дуба. Этой столовой, по увѣренью ея владѣльца, было около двухъ сотъ лѣтъ, при чемъ она вдобавокъ не была куплена недавно, а уже принадлежала съ тѣхъ поръ все тому же роду, переходя отъ дѣда и отца къ сыну и внуку... Задокъ или спинка каждаго кресла оканчивалась шпицемъ на подобіе колокольни любого средневѣкового собора. На всѣхъ спинкахъ былъ рѣзной причудливый гербъ подъ баронской короной. Массивный шкафъ въ два яруса былъ еще красивѣе креселъ, такъ какъ верхній ярусъ его опирался на головы четырехъ рыцарей въ полномъ вооруженіи, латахъ, шлемахъ, съ пиками и мечами. Тонкая, замѣчательная работа всего этого поражала искусствомъ, изяществомъ и законченностью...

Шумскій, повидимому давно изучившій въ подробностяхъ эту столовую, не глянувъ ни на что, опустился на одинъ изъ стульевъ близь дверей и тотчасъ задумался...

Въ эту минуту у него былъ видъ просителя, явившагося къ важному сановнику.

Никто не пошелъ докладывать объ немъ, лакей, впустившій его, ушелъ въ противуположную сторону. Другой лакей, прошедшій чрезъ минуту чрезъ столовую, тоже глянулъ на него равнодушно, какъ на обычное явленье въ домѣ.

Прошло около получаса въ полной тишинѣ.

Наконецъ, раздался въ домѣ звонокъ колокольчика за дверью той горницы, которая была прямо предъ молодымъ человѣкомъ. Явился тотчасъ лакей, прошелъ въ эту горницу, вернулся и позвалъ сидящаго.

— Пожалуйте...

Шумскій поднялся, оставилъ свою шляпу на креслѣ, и вошелъ въ горницу. Это былъ кабинетъ.

Всѣ стѣны кругомъ были закрыты простыми высокими шкафами съ книгами, на срединѣ стоялъ, бокомъ къ окну, большой письменный столъ, тоже сплошь покрытый книгами и тетрадями. За столомъ на креслѣ сидѣлъ очень благообразный, сѣдой, но моложавый лицомъ человѣкъ. Румянецъ на свѣжихъ и бѣлыхъ щекахъ, съ лёгкими морщинками лишь около глазъ, странно и красиво оттѣнялъ почти снѣжно-бѣлые вьющіеся кудрями волосы. Можно было подумать, что это молодой человѣкъ, напудрившій себѣ голову и слегка подрумянившій щеки. Бархатный лиловатый кафтанъ съ позументами на воротникѣ окончательно придавалъ маскарадный видъ этому бодрому и красивому старику.

Онъ поднялъ большіе свѣтлые глаза, кроткіе и простоватые, немного на выкатѣ и, глянувъ, не кланяясь, на вошедшаго, произнесъ и сухо и кротко или вѣжливо, но важно:

— Здравствуйте, господинъ Андреевъ.

Шумскій, молча, почтительно поклонился и сталъ передъ столомъ.

— Вы сегодня снова немного опоздали,—тѣмъ же нѣсколько сухимъ тономъ, но все-таки кротко произнесъ старикъ.

— Я уже давно пріѣхалъ-съ... Я сидѣлъ въ столовой въ ожиданіи вашего...

— Я видѣлъ, когда вы подъѣхали къ дому и снова все-таки позволю себѣ утверждать, что вы немного опоздали... Но на нынѣшній разъ бѣды нѣтъ... ибо и дѣла никакого нѣтъ. Вотъ это вы возьмете съ собой и дома увидите... Все, что пофранцузски, надо переписать... Все, что пофинляндски, вы не тронете, конечно, т. е. не станете переводить или переписывать. Дочь это сдѣлаетъ послѣ... Вотъ...

Старикъ взялъ синюю тетрадь и легко перебросилъ ее на столѣ въ сторону Шумскаго. Молодой человѣкъ взялъ тетрадь и, развернувъ ее, сталъ просматривать.

— Когда прикажете?.. Поскорѣе?..

— Нѣтъ, это не къ спѣху... Но все-таки дня черезъ четыре, конечно...

— Черезъ четыре...—повторилъ тихо Шумскій и прибавилъ мысленно:—Старый шутъ!.. Въ четыре дня цѣлую тетрадищу во сто листовъ. Да Шваньскій мой издохнетъ отъ эдакого урока.

— Вы боитесь, господинъ Андреевъ, что не успѣете. Ну, пять дней... Вѣдь не цѣлую же недѣлю вамъ дать.

— Слушаю-съ. Чрезъ пять дней будетъ готово. Больше ничего не прикажете?!..

— Нѣтъ.

— Я могу идти дѣлать портретъ баронессы?!..

— Да... Но, не знаю, согласится ли она сегодня на сеансъ... Ея фаворитка больна!—оживился старикъ.

— Пашута!—быстро вымолвилъ Шумскій, впиваясь глазами въ его лицо.

— Да, Прасковья,—отозвался этотъ, какъ бы говоря: «для меня нѣтъ Пашутъ, а есть горничная Прасковья».

— Что же съ ней?—тревожно повторилъ Шумскій.

Старикъ глянулъ съ улыбкой ему въ лицо своими добрыми глазами и, важно поджавъ губы, произнесъ:

— Не любопытствовалъ еще узнать у баронессы Евы, чѣмъ изволитъ хворать ея фаворитка... да, кажется, и ваша тоже... И вы тоже успѣли, vous amouracher de la gamine.

— C'est un ange, monsieur le baron!—отозвался Шумскій.

— Oh! Déchu, alors... Это чертенокъ и по лицу, и по нраву, и по ухваткамъ. Вы какъ талантливый художникъ, господинъ Андреевъ, должны знать, что во всей существующей на свѣтѣ живописи, даже въ испанской школѣ, не найдется изображенія ангела, черномазаго, какъ цыганъ и съ дерзкими чертами лица. Прасковья хорошенькая дѣвченка, но она не ангелъ, а цыганенокъ... Скорѣе моя Ева напоминаетъ собой тотъ типъ, который принято давать ангеламъ и архангеламъ. Les trois B. Въ понятіи объ ангелѣ буква Б имѣетъ тоже значеніе...

— Ну... Поѣхали! Завели шарманку...—подумалъ Шумскій и вымолвилъ,—совершенно вѣрно, но только баронесса...

— Bonté, beauté, béatitude,—продолжалъ старикъ, не слушая.— Belle, bonne, blanche... Я непремѣнно въ заключеніи или эпилогѣ къ моему сочиненью...

— О значеніи буквъ относительно мозга человѣческаго,—подсказалъ Шумскій.

— О, нѣтъ... нѣтъ... Вы все путаете... Значеніе звуковъ, а не буквъ... Неужели вы не понимаете... Буква есть тѣло, а звукъ его душа... Звукъ содержаніе, а буква форма... И не «относительно мозга»... А ихъ мозговая, comment vous dire, законность, необходимость, непреложность... Знаете ли вы, напримѣръ, что буква б— голубой... Звукъ с—золотисто-желтый... Впрочемъ, я забылъ! это не про васъ, господинъ Андреевъ...

Шумскій стоялъ, опустивъ глаза въ полъ, какъ бы выслушивая равнодушно періодически-одинакій выговоръ, или прислушиваясь къ вѣтру на улицѣ.

— Это, конечно, очень интересно,—вымолвилъ молодой чело-

вѣкъ, стараясь не разсмѣяться. И онъ прибавилъ мысленно: «Bete, болванъ, башка—тоже на б начинаются».

— А знаете ли вы, кто первый написалъ сочиненіе почти на эту же тему... О родствѣ, такъ сказать, красокъ и звуковъ. Геніальный Гёте, къ которому я два раза ѣздилъ поклониться въ Веймаръ и скоро въ третій разъ поѣду!—восторженно проговорилъ баронъ.

— И поѣзжай, да поскорѣе,—мысленно проговорилъ Шумскій.— Да тамъ застрянь подольше. Или совсѣмъ подохни... И лжетъ вѣдь... Станетъ умный человѣкъ такимъ вздоромъ заниматься. Гёте не тебѣ чета... Его стихи и я читалъ въ французскомъ переводѣ.

Видя, что бесѣда съ барономъ можетъ затянуться, что изрѣдка случалось, Шумскій взялъ со стола тетрадь и слегка попятился, какъ бы собираясь раскланяться.

— Узнайте... Можетъ быть, Ева и дастъ вамъ сеансъ... Да, кстати, скажите... Когда же портретъ будетъ готовъ?

— Скоро-съ,—тихо вымолвилъ Шумскій, какъ бы смущаясь.

— Скоро?.. Вотъ уже болѣе мѣсяца, что я слышу отъ васъ это слово.

— Мнѣ этотъ портретъ, какъ я докладывалъ вамъ, баронъ, не задался... Двѣ недѣли назадъ я началъ съизнова, другой...

— Другой... А первый?..

— Первый я бросилъ, изорвалъ...

— Напрасно. Онъ былъ, по моему, очень хорошъ... Но я надѣюсь, что вы не изорвете второго и не начнете третій... И Ева позволила вамъ изорвать первый портретъ...

— Я сдѣлалъ это вдругъ... Въ минуту вспышки и гнѣва на мою работу...

— На глазахъ моей дочери у васъ, господинъ Андреевъ, не должно быть вспышекъ,—вдругъ сухо вымолвилъ баронъ.—Какихъ бы то ни было!.. Гнѣва, радости, досады или чего либо подобнаго. Вы поняли?!..

Шумскій молчалъ, но лицо его слегка вспыхнуло, и онъ чуть не въ кровь кусалъ себѣ губы.

«Создатель мой! Какое терпѣніе надо съ тобой имѣть!»—думалъ онъ про себя.

— Я не желаю оскорбить васъ,—продолжалъ болѣе кротко баронъ.—Я какъ старикъ и стариннаго рода дворянинъ, напоминаю вамъ, что вы человѣкъ, труды котораго я оплачиваю... по найму... Если вы, въ качествѣ талантливаго художника, допущены въ комнату моей дочери, баронессы, ради писанія портрета... то все-таки, господинъ Андреевъ... надо помнить... себя... Не надо забывать или забываться...

Наступила пауза. Шумскій потупился совершенно и тяжело дышалъ.

— Да, кстати... Кажется, сегодня вамъ слѣдуетъ полученіе мѣсячное, toucher vos appointements.

— Нѣтъ-съ... Послѣ завтра,—глухо вымолвилъ Шумскій.

— Вѣрно ли? Я думалъ сегодня...

— Навѣрное.

— Но если вы, господинъ Андреевъ, желаете... Можетъ быть, вамъ нужны деньги... Пожалуйста... Днемъ ранѣе или позднѣе, это вѣдь все равно... Мнѣ...

— И мнѣ тоже все равно-съ,—выговорилъ Шумскій и невольно вдругъ улыбнулся веселой и смѣшливой улыбкой.

— C'est comme il vous plaira... Adieu...

Баронъ наклонилъ голову ласково, но важно. Шумскій низко поклонился и быстро вышелъ изъ кабинета, какъ бы убѣгая.

Когда дверь затворилась за нимъ, онъ остановился и проворчалъ вполголоса среди столовой:

— Когда нибудь я или со смѣху прысну тебѣ въ лицо, или того хуже... отдую, вспыливъ негаданно отъ какой твоей дерзости... Да... чертовски... дьявольски все задумано и обдумано. Но хватитъ ли терпѣнья... Умѣнье—не мудреное дѣло... Терпѣнье—вотъ что мудрено.

И молодой человѣкъ вдругъ задумался и стоялъ не шевелясь.

«Пашута? Больна?» вертѣлось въ его головѣ.

«Неужели это хитрая канитель съ ея стороны,—думалъ онъ.—Неужели дворовая дѣвка, Прасковья, такая бой-баба. Такая шустрая? Такое колѣно надумала, чтобы затянуть мнѣ все дѣло... Не можетъ этого быть! Вѣдь тогда я ни вызвать ее къ себѣ, ни даже видѣть не могу... Ахъ, ты!..»

И Шумскій вздохнулъ тяжело отъ приступа гнѣва.

«Каково я наскочилъ!.. Взялъ за прыткость, а она противъ меня пошла... Да вѣдь это ужасно... Это лбомъ объ стѣну бить и себя... да и ее объ стѣну ухлопать... А сердце мое чуетъ, что это игра, комедія... Она здоровехонька, но хочетъ оттянуть... Ахъ, проклятая дѣвченка!..»

Постоявъ еще мгновенье, Шумскій двинулся.

— Надо велѣть доложить о себѣ,—проворчалъ онъ вслухъ и пошелъ въ переднюю.

Тотъ же лакей, Антипъ по имени, который докладывалъ объ немъ барону, дремалъ на лавкѣ.

— Доложи баронессѣ обо мнѣ,—сказалъ Шумскій.

Лакей очухался на половину и, ничего не отвѣтивъ, сонно пошелъ изъ передней.

— На счетъ то-ись патрета?—обернулся онъ уже съ порога.

— Это не твое дѣло... Доложи, что я пріѣхалъ...

— Да барышня ужъ знаютъ... И сказывали, скажи, что патретъ писать нынче не будемъ... Вамъ то-ись...

Шумскій сильно измѣнился въ лицѣ и стоялъ въ нерѣшимости, что-то соображая.

«Нѣтъ... Не надо,—подумалъ онъ.—Можетъ разсердиться, если послать переспрашивать... Но что же это значитъ... Пашутка? Или иное что? Или случайность?..»

— Что Прасковья? Захворала?—спросилъ онъ вдругъ.

— Не знаю,—лѣниво и сонно отозвался Антипъ.

— На ногахъ она или въ постели...

— Я ее нынче еще не видѣлъ... Да... и то правда... слыхалъ... лежитъ! Жалится, на животъ, что ли...

Шумскій повернулся нетерпѣливо и досадливо на каблукахъ, самъ взялъ пальто съ вѣшалки, накинулъ его и пошелъ по ступенямъ къ выходу.

«Дьяволъ какой—дѣвченка!»—ворчалъ онъ сквозь зубы.

— Что теперь дѣлать? Сколько она проломается. День, два?.. Или недѣлю?.. Ахъ, дьяволъ!—уже вслухъ говорилъ онъ, шагая по улицѣ.

И вдругъ онъ остановился какъ вкопанный.

— А что, если она меня совсѣмъ выдастъ, назоветъ. Скажетъ Евѣ—кто этотъ живописецъ!

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

«Отдыхъ отъ жизни тяжелой
«Могила одна лишь даетъ, —
«Пусть же съ улыбкой веселой
«Страдалица къ смерти идетъ»...
Ольга Павлищева.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ очень долгаго времени писалъ я для себя воспоминанія о моемъ дѣтствѣ, юности, и дальнѣйшихъ затѣмъ событіяхъ моей жизни. Воспоминанія эти, касающіяся меня лично, не могутъ, большею частію, представлять особеннаго интереса для читающей публики. Всякій изъ насъ, людей обыкновенныхъ, прошедшихъ, впрочемъ, далеко не усѣянную розами жизненную школу, если не записываетъ, то сохраняетъ въ душѣ воспоминанія, которыми считаетъ совершенно излишнимъ дѣлиться съ посторонними: личность человѣка заурядпаго никого не можетъ интересовать, хотя и эти люди несутъ тоже весьма не легкій жизненный крестъ, а можетъ быть и несравненно болѣе испытываютъ «скорбь, гнѣвъ и нужду», чѣмъ люди выдающіеся. Но публикѣ до этихъ іереміадъ ровно никакого дѣла нѣтъ.

Вотъ почему я и не вижу надобности предавать гласности цѣликомъ всѣ мои воспоминанія.

Но среди этихъ воспоминаній, — скажу безъ самоувѣренности, — находятся страницы, которыя мнѣ было бы просто грѣшно не сообщить читателямъ «Историческаго Вѣстника». Разумѣю подъ этими страницами выдержки изъ моихъ воспоминаній, которыя относятся къ родителямъ и родственникамъ незабвенной, неизгладимой па-

мяти поэта нашего, Александра Сергѣевича Пушкина, и въ особенности къ единственной сестрѣ его, Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой—матери моей. Будучи старше его, она скончалась слишкомъ тридцать лѣтъ спустя послѣ безвременной смерти брата.

Пушкинъ принадлежитъ не только своимъ кровнымъ роднымъ, но и всей Россіи, а потому и личность горячо любимой имъ сестры не должна отнюдь оставаться въ совершенной тѣни.

Въ покойной матери моей Александръ Сергѣевичъ видѣлъ не только сестру родную, но своего искренняго друга; съ ней — съ дѣтскаго возроста своего—онъ отводилъ душу, и дѣлился вдохновеніями, осуществляемыми его внезапно угасшей лирой. Не чуждая—какъ увидимъ ниже—поэтическаго творчества, мать моя была первоначальнымъ его товарищемъ. Передъ нею онъ ничего не скрывалъ; впрочемъ, его честной, вполнѣ рыцарской душѣ и скрывать передъ горячо любимой имъ сестрою было нечего: характеры ихъ были какъ нельзя болѣе схожи: чуткая ко всему возвышенному, мать моя была, въ глазахъ моего дяди, идеаломъ женщины теплой, отзывчивой, благородной, что̀ видно изъ его къ ней отношеній.

Послѣ всего этого, не могу допустить предположенія, что часть моихъ записокъ, въ которой упоминаю въ главныхъ чертахъ о покойной Ольгѣ Сергѣевнѣ, не заинтересуетъ всякаго, кому мало-мальски дорога память ея брата.

Въ этомъ отрывкѣ изъ моихъ воспоминаній описанъ мною, хотя весьма неполно, но, смѣю сказать, добросовѣстно домашній бытъ родителей Александра Сергѣевича и Ольги Сергѣевны, характеръ матери моей, дни ея молодости, замужество, общество въ которомъ она вращалась, и, наконецъ, страдальческая ея кончина.

Не будучи чуждой литературнаго творчества, Ольга Сергѣевна никогда не дѣлилась съ публикой своими произведеніями, находя, что,—какъ она выражалась,—le jeu ne vaut pas la chandelle (игра не стоитъ свѣчки), а въ 1854 году, она, занимаясь бывшимъ тогда въ модѣ спиритизмомъ, (который впослѣдствіи же осмѣяла сама въ одномъ изъ приводимыхъ мною ниже предсмертныхъ ея стихотвореній «Что такое спиритизмъ») — сожгла, безъ моего вѣдома, повинуясь явившейся будто бы ей тѣни Александра Сергѣевича, почти всѣ свои старинныя рукописи, въ числѣ которыхъ первое по интересу мѣсто занимали веденныя ею съ молодыхъ лѣтъ на французскомъ языкѣ записки, озаглавленныя «Mes souvenirs». Въ запискахъ этихъ весьма интересно была изложена хроника семействъ Пушкиныхъ, Ганнибаловыхъ и характеристика, посѣщавшихъ домъ ея родителей, литераторовъ и общественныхъ дѣятелей первой половины текущаго столѣтія. Не имѣя никакой возможности пополнить этотъ пробѣлъ въ моихъ воспоминаніяхъ, я ограничился только тѣмъ, что̀ мать моя сообщала мнѣ изустно. Не под-

вергся, къ счастію, истребленію хранящійся у меня альбомъ со стихами ея на французскомъ языкѣ и списанными ею любимыми произведеніями ея брата, Жуковскаго, Дельвига, Баратынскаго, князя Вяземскаго, Мятлева, Веневитинова и другихъ писателей Пушкинской плеяды. Изъ этого альбома привожу нѣсколько ея произведеній, и, кромѣ того, сохранившіяся у меня на отдѣльныхъ листкахъ ея предсмертныя стихотворенія—русскія и французскія, которыя она писала довольно четко, не смотря на постигшую ее неизлѣчимую глазную болѣзнь: умерла она почти слѣпая.

Наконецъ, я счелъ не лишнимъ записать въ моихъ воспоминаніяхъ и нѣкоторыя семейныя легенды Пушкинскія. Для большинства читателей легенды эти, носящія на себѣ мистическій характеръ, столь осмѣянный нашимъ положительнымъ вѣкомъ — не могутъ представлять особеннаго интереса, но отвожу имъ мѣсто потому, что завлекая мать мою въ міръ фантазій, онѣ способствовали мистическому настроенію ума ея. Дѣлаю это и потому, что какія бы то ни было событія въ семействѣ Ольги Сергѣевны—будь даже они и плодомъ галлюцинаціи — имѣютъ для меня, какъ для сына ея, не малое значеніе. Впрочемъ, изъ множества подобныхъ таинственныхъ происшествій привожу — какъ сказалъ выше — только тѣ, о которыхъ мать моя любила вспоминать въ кружкѣ своихъ друзей, и которыя, такъ сказать, не прошли для нея безслѣдно' содѣйствуя ея поэтическимъ вдохновеніямъ.

Въ заключеніе не могу не сказать слѣдующее:

До настоящаго времени, никто изъ біографовъ покойнаго моего дяди,—какъ это ни покажется страннымъ, — не отвелъ единственной, родной сестрѣ его, матери моей Ольгѣ Сергѣевнѣ, подобающаго ей мѣста, между тѣмъ какъ, распространяясь о младшемъ братѣ поэта, господа эти толковали усердно и о нянькѣ матери моей и его, Иринѣ Родіоновнѣ (нашедшей себѣ мѣсто и на картинѣ Ге—«Пушкинъ читающій свои стихи Пущину»), личности полуграмотной, и ровно ничѣмъ не замѣчательной въ сущности, кромѣ сообщаемыхъ ею розсказней о богатырѣ Еруслане Лазаревичѣ, царѣ Салтанѣ и прочихъ, въ этомъ родѣ, народныхъ басень. Этого мало. Изъ представленныхъ мною на Пушкинскую выставку въ Москвѣ—во время открытія памятника дядѣ въ 1880 году — семейныхъ портретовъ воспроизведены только въ «Пушкинскомъ альбомѣ», изданномъ при содѣйствіи г. Поливанова, портреты его брата Льва Сергѣевича, и бабки моей, Надежды Осиповны, работы графа де-Местра, имѣющійся только у меня. Между тѣмъ, г. Поливановъ, выпросившій тогда у меня портреты для снятія съ нихъ изображеній, не знаю почему, счелъ излишнимъ воспроизвести предъявленный ему мною портретъ старшей сестры поэта, вмѣстѣ съ остальными двумя, и отсылая мнѣ ихъ обратно, не потрудился мнѣ объяснить причину такого недосмотра.

Всѣ эти пробѣлы о незабвенной матери моей, считаю сыновнимъ долгомъ пополнить насколько возможно и вмѣстѣ съ тѣмъ приложить къ моимъ воспоминаніямъ копію съ портрета покойной. Оригиналъ портрета работы подруги Ольги Сергѣевны, Варвары Ѳедоровны Черновой, которая нарисовала его акварелью въ 1844 году, когда мать моя гостила у нея въ Пулавахъ.

I.

Покойная мать моя, Ольга Сергѣевна Павлищева, единственная дочь Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны Пушкиныхъ, родилась въ Петербургѣ, 20-го декабря 1797 года, слѣдовательно была старше своего брата-поэта годомъ и пятью мѣсяцами, а младшаго брата Льва Сергѣевича, — почти четырьмя годами. Другіе младшіе ея четыре брата—Николай, Павелъ, Михаилъ, Платонъ и сестра Софія скончались въ малолѣтствѣ.

Отецъ ея, Сергѣй Львовичъ, сынъ артиллеріи полковника Льва Александровича Пушкина и Ольги Васильевны, рожденной Чичериной, второй жены послѣдняго, имѣлъ трехъ братьевъ по первому браку отца, а именно: Николая, артиллеріи полковника, вступившаго въ бракъ съ сестрою писателя Измайлова, Петра и Александра—тоже служившихъ въ артиллеріи; а по второму—извѣстнаго дѣятеля въ литературной средѣ Василія, скончавшагося въ 1830 году, и двухъ сестеръ: Анну, умершую въ дѣвицахъ, и Елисавету, вышедшую замужъ за камергера Матвѣя Михайловича Сонцова.

Сергѣй Львовичъ записанъ былъ съ малолѣтства въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, а потомъ переведенъ въ гвардейскій егерскій. Выйдя въ отставку въ 1798 году, послѣ рожденія моей матери, онъ переѣхалъ съ семействомъ въ Москву, а въ 1814 году опять поступилъ на службу и управлялъ Коммисаріатскою коммиссіей резервной арміи въ Варшавѣ, гдѣ и прожилъ около года, послѣ чего, выйдя вторично въ отставку, съ чиномъ V класса, соединился съ женою и дѣтьми въ Петербургѣ. Ольга Сергѣевна и Левъ Сергѣевичъ находились при родителяхъ, а Александръ Сергѣевичъ обучался въ Царскосельскомъ лицеѣ.

Дѣдъ мой, получивъ образованіе французское, имѣлъ, можно сказать, и складъ ума французскій. Зная всего понемногу, отличаясь превосходною памятью, онъ питался преимущественно французской литературой, писалъ прекрасные французскіе стихи, даже цѣлыя повѣсти въ стихахъ, и былъ душою общества, устраивая домашніе спектакли, собранія и игры—jeux d'esprit, при чемъ отличался и въ каламбурахъ, и въ разнообразныхъ, принимаемыхъ имъ на себя, актерскихъ роляхъ. Мастерскимъ чтеніемъ его комедій Мольера восхищались всѣ, а остроты его, изъ числа коихъ нѣкото-

рыя, со словъ моей матери, приведены въ собранныхъ покойнымъ П. В. Анненковымъ матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича—ходили по рукамъ. Французскія же его повѣсти написаны были имъ въ альбомѣ, принадлежавшемъ родственницѣ поэта Мицкевича, госпожѣ Воловской, съ которой дѣдъ мой встрѣчался въ Варшавѣ.

При своемъ легкомысленномъ направленіи, Сергѣй Львовичъ хотя и читалъ книги серьезныя, но не любилъ въ бесѣдѣ своей затрогивать политическіе и экономическіе вопросы, и не смотря на то, что перечиталъ у себя всѣ творенія французскихъ энциклопедистовъ прошлаго вѣка, избѣгалъ въ обществѣ всякихъ философскихъ преній и разговоровъ мало-мальски серьезныхъ. Въ жизни практической онъ всегда былъ наивенъ: поручивъ управленіе своимъ Болдинскимъ имѣніемъ въ Нижегородской губерніи своему крѣпостному человѣку, М. К—ву, дѣдъ въ это помѣстье не заглядывалъ, чѣмъ К—въ и воспользовался, кончивъ тѣмъ, что самъ разбогатѣлъ. Также небрежно дѣдъ слѣдилъ за дѣлами и Михайловскаго имѣнія, и только въ 1836 году, по смерти Надежды Осиповны, отецъ мой, Николай Ивановичъ Павлищевъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Варшаву, проведя въ Михайловскомъ лѣтнее время, выпросилъ у Сергѣя Львовича разрѣшеніе смѣнить плута управляющаго и завести новые порядки, значительно увеличившіе поземельный доходъ. Распоряженія отца моего по этому предмету, изложены въ пріобщаемой къ этимъ воспоминаніямъ перепискѣ его съ Александромъ Сергѣевичемъ. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ, дѣдъ мой довольствовался присылаемыми изъ Михайловскаго двумя-тремя возами домашней замороженной птицы и масла, съ прибавкой сотенъ двухъ-трехъ рублей ассигнаціями, и не терпѣлъ занятій по хозяйству до такой степени, что когда къ нему прибыла изъ деревни депутація крестьянъ съ весьма основательными жалобами на мошенника управляющаго, прогналъ ее, не разспросивъ въ чемъ дѣло. Да и бабка моя, Надежда Осиповна, которой Сергѣй Львовичъ предоставилъ, ради своихъ сибаритскихъ привычекъ, дѣла по хозяйству, хотя и была практичнѣе своего мужа до нѣкоторой степени, но едва ли знала и вѣдала настоящую цѣну вещамъ, а потому, въ итогѣ всегда у нихъ получался минусъ, а не плюсъ, на что и намекнулъ въ одной изъ своихъ сатиръ Мятлевъ, подъ названіемъ: «Сельское хозяйство, быль на Руси».

(«Вотъ управляютъ какъ у насъ:
«Все минусъ, а не плюсъ.
«Ке вуле ву ке л'онъ фассъ?
«Онъ не се па ле Рюссъ»).

При такомъ отношеніи къ практическому быту, мой дѣдъ и бабка нуждались постоянно, что̀ и отзывалось на дѣтяхъ, не всегда

получавшихъ отъ родителей деньги даже на мелкіе расходы. Парадныя комнаты освѣщались канделябрами, а въ комнатѣ моей матери, продававшей зачастую свои брошки и серьги, чтобы справить себѣ новое платье, горѣла сальная свѣча, купленная Ольгою Сергѣевной на сбереженныя ею деньги.

За то въ домѣ дѣда и бабки благоденствовала и процвѣтала поэзія, а благоденствовала и процвѣтала она до такой степени, что и въ передней Пушкиныхъ поклонялись музѣ доморощенные стихотворцы изъ многочисленной дворни обоего пола, знаменитый представитель которой, Никита Тимоѳеевичъ, поклонявшійся одновременно и древнему богу Вакху,—на общемъ основаніи,—состряпалъ нѣчто въ родѣ баллады, передѣланной имъ изъ сказокъ о «Соловьѣ разбойникѣ, богатырѣ широкогрудомъ Еруланѣ Лазаревичѣ и златокудрой царевнѣ Миликтрисѣ Кирбитьевнѣ». Безграмотная рукопись Тимоѳеевича, въ концѣ которой нарисованъ имъ въ ужасномъ, по его мнѣнію, видѣ Змѣй-Горыничъ —долгое время хранилась у моей матери; затеряна при переѣздѣ Ольги Сергѣевны, въ 1851 году, изъ Варшавы въ Петербургъ.

Дѣдъ мой, по природѣ своей, отличался добрымъ, благороднымъ сердцемъ,—но, увы! и самодурствомъ. Будучи въ высшей степени вспыльчивъ, онъ, во время порывовъ гнѣва, забывался. Порывы эти продолжались у него, впрочемъ, недолго, и, придя въ себя, онъ раскаявался и просилъ извиненія. Такъ, однажды, дѣдъ мой, въ припадкѣ гнѣва, далъ довольно внушительное физическое наставленіе автору баллады о «Соловьѣ разбойникѣ», за плохо вычищенные сапоги, или разбитіе лампы—навѣрное не знаю; но послѣ этого наставленія почувствовалъ такое сильное угрызеніе совѣсти, что надѣвъ шляпу, выскочилъ на улицу, и болѣе четверти часа просидѣлъ на тумбѣ, заливаясь горчайшими слезами. Такъ разсказывала мнѣ объ этомъ случаѣ мать.

Сергѣй Львовичъ, женившійся на внучкѣ Ибрагима (Авраама) Петровича Ганнибала, негра Петра Великаго, состоялъ съ женой своей, Надеждой Осиповной, въ родствѣ, такъ какъ мать ея, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, рожденная Пушкина, приходилась ему внучатной сестрою.

Надежда Осиповна была необыкновенно хороша собою, и въ свѣтѣ прозвали ее, совершенно справедливо, «прекрасною креолкой» (la belle créole). Въ полномъ блескѣ красоты своей, бабка моя изображена на доставшемся мнѣ, какъ выше я упомянулъ, единственномъ ея портретѣ на слоновой кости, работы французскаго эмигранта графа Ксаверія де-Местра, автора многихъ литературныхъ произведеній, между прочимъ: «Voyage autour de ma chambre»; графъ любилъ посвящать свои досуги и портретной живописи.

По своему знанію французской литературы и свѣтскости, бабка моя совершенно сошлась съ своимъ мужемъ: въ имѣющихся у меня

ея письмахъ къ дочери замѣчается безукоризненный стиль какой-нибудь Севинье, а проводя свою молодость сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, среди шумныхъ забавъ большого свѣта, Надежда Осиповна очаровывала общество красотою, остроуміемъ и неподдѣльною веселостью.

По характеру своему, напротивъ того, она рѣзко отличалась отъ Сергѣя Львовича: никогда не выходя изъ себя, не возвышая голоса, она умѣла, чтò называется дуться по днямъ, мѣсяцамъ и даже цѣлымъ годамъ. Такъ, разсердясь за что-то на Александра Сергѣевича, которому въ дѣтствѣ доставалось отъ нея гораздо больше чѣмъ другимъ дѣтямъ, она играла съ нимъ въ молчанку круглый годъ, проживая подъ одною кровлею; оттого дѣти, предпочитая взбалмошныя выходки и острастки Сергѣя Львовича игрѣ въ молчанку Надежды Осиповны, боялись ее несравненно болѣе, чѣмъ отца. Эта черта своеобразнаго характера бабки моей особенно проявилась рѣзко относительно моего отца, Николая Ивановича, послѣ его свадьбы. Но объ этомъ будетъ мною сказано въ своемъ мѣстѣ.

Не могу не упомянуть, кстати, со словъ моей матери, о наказаніяхъ, придуманныхъ Надеждой Осиповной для моего дяди Александра Сергѣевича, чтобы отучить его въ дѣтствѣ отъ двухъ привычекъ: тереть свои ладони одна о другую, и терять носовые платки; для искорененія первой изъ этихъ привычекъ, она завязала ему руки назадъ на цѣлый день, проморивъ его голодомъ; для искорененія же второй—прибѣгла къ слѣдующему:

«Жалую тебя моимъ безсмѣннымъ адъютантомъ, ce dont je te félicite» (съ чѣмъ тебя поздравляю)»,—сказала она дядѣ, подавая ему курточку. На курточкѣ красовался пришитый, въ видѣ аксельбанта, носовой платокъ. Аксельбанты мѣнялись въ недѣлю раза два; при аксельбантахъ она заставляла его и къ гостямъ выходить. Въ итогѣ получился требуемый результатъ: Александръ Сергѣевичъ пересталъ и ладони тереть, и платки терять.

Укажу, кромѣ того, и на слѣдующую странность моей бабки: она терпѣть не могла заживаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, и любила мѣнять квартиры; если переѣзжать, паче чаянья, было нельзя, то она превращала, не спрашивая Сергѣя Львовича, снисходившаго къ ея причудамъ, кабинетъ его въ гостиную спальню въ столовую и обратно, мѣняя обои, переставляя мебель, и прочее.

Сергѣй Львовичъ пережилъ свою жену на 12 слишкомъ лѣтъ, а сына-поэта—на 11 лѣтъ; скончался онъ въ іюлѣ 1848 года, а бабка—въ 1836 году—въ самый день Пасхи—во время заутрени. Но и объ этомъ скажу ниже болѣе подробно.

II.

Воспріемникомъ матери моей Ольги Сергѣевы былъ братъ ея дѣда съ материнской стороны, генералъ-поручикъ Иванъ Ибрагимовичъ Ганнибалъ—сынъ крестника Петра Великаго—негра Ибрагима (Авраама) Петровича—родоначальника Ганнибаловъ, Наваринскій герой и основатель Херсона, гдѣ ему воздвигнутъ и памятникъ.

Александръ Сергѣевичъ, воспѣвая его въ своей родословной, говоритъ такъ:

.... «И былъ отецъ онъ [1]) Ганнибала [2]),
«Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
«Громада кораблей вспылала
«И палъ впервые Наваринъ»....

Какъ извѣстно уже изъ упомянутыхъ мною выше, собранныхъ П. В. Анненковымъ, матеріаловъ, въ числѣ которыхъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ эпизодъ о дѣтствѣ Александра Сергѣевича, написанный моимъ отцомъ, Николаемъ Ивановичемъ Павлищевымъ, со словъ покойной Ольги Сергѣевны,—Иванъ Ибрагимовичъ (скончавшійся въ 1800 г.) былъ опекуномъ племянницы своей—бабки моей Надежды Осиповны. Онъ употребилъ всѣ мѣры расторгнуть второй бракъ своего брата, Осипа, который, при живой женѣ своей,—Маріи Алексѣевнѣ,—обвѣнчался, при помощи фальшиваго свидѣтельства о смерти супруги—съ Устиньей Ермолаевной Толстой, и достигнулъ цѣли; энергически вступился Иванъ Ибрагимовичъ за права брошенной своей невѣстки. Марьѣ Алексѣевнѣ вслѣдствіе этого отдана была дочь ея, Надежда Осиповна, а мужъ ея, второй бракъ котораго былъ уничтоженъ, поселился въ своей вотчинѣ Михайловскомъ, гдѣ и скончался въ 1807 году, когда матери моей, т. е. внучкѣ его, было уже десять лѣтъ; не видался онъ, со времени окончанія дѣла, ни съ дочерью, ни съ женою Марьей Алексѣевной, которая по окончаніи бракоразводнаго процесса, продавъ сосѣднее свое имѣніе Кобрино, и пріобрѣтя подмосковное сельцо Захарьино, поселилась въ домѣ своего зятя Сергѣя Львовича и не покидала уже этотъ домъ до самой своей смерти—въ 1819 году. Затѣмъ какая судьба постигла обманутую Осипомъ Ибрагимовичемъ Устинью Ермолаевну—мнѣ неизвѣстно.

Окончательно поселясь у Пушкиныхъ, Марья Алексѣевна Ганнибалъ была первой наставницей своей внучки и внуковъ. Обладая изящнымъ слогомъ, которымъ любовались всѣ, читавшіе ея письма, она обучала мать мою и братьевъ ея, Александра и Льва

[1]) Негръ, Авраамъ Петровичъ
[2]) Ивана Авраамовича.

Сергѣевичей, сначала русской грамотѣ, а впослѣдствіи и русской словесности. Какъ она, такъ и дядя ихъ Василій Львовичъ, возившій въ 1811 году Александра Сергѣевича для опредѣленія въ Царскосельскій лицей, имѣли на молодыхъ Пушкиныхъ самое благотворное вліяніе своими кроткими внушеніями, религіозными убѣжденіями и возвышенною душою. Пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ Василій Львовичъ рѣзко отличался своимъ характеромъ отъ своего брата Сергѣя: мать моя не помнитъ, сердился ли онъ когда-нибудь и возвышалъ ли голосъ, а если разошелся съ своей легкомысленной женой Капитолиной Михайловной (рожденной Вышеславской), то отнюдь не по своей винѣ, и понятно, что всѣ, кто его только зналъ и любилъ,—а знала его и любила вся Москва,—очутились безусловно на его сторонѣ. Василій Львовичъ былъ на столько уменъ, что не обижался, если иногда надъ нимъ друзья его и подшучивали. Такъ онъ расхохотался хотя мѣткой, но исполненной деликатности шуткѣ своего большого пріятеля, литератора И. И. Дмитріева, выразившейся въ формѣ напечатаннаго только для тѣснаго кружка друзей стихотворенія «Путешествіе Василія Львовича въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія», съ нарисованной на Василія Львовича карикатурой. Не разсердился онъ и на выходку того же Дмитріева, когда послѣдній сказалъ ему: «Эхъ, братъ, Василій Львовичъ! много, много написалъ ты на своемъ вѣку, а все-таки лучшее твое произведеніе нецензурный «Опасный сосѣдъ», да и тотъ приписываютъ не тебѣ, а твоему племяннику».

Василій Львовичъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ погостить у своего брата, ввелъ его въ кружокъ первоклассныхъ литераторовъ: Дмитріевъ, Жуковскій, исторіографъ Карамзинъ, Батюшковъ, князь Вяземскій стали обычными посѣтителями моего дѣда. Впослѣдствіи, съ выпускомъ Александра Сергѣевича изъ лицея, а Льва Сергѣевича изъ университетскаго пансіона, кружокъ этотъ увеличился товарищами и друзьями дяди Александра—барономъ А. А. Дельвигомъ, В. В. Кюхельбекеромъ, А. С. Грибоѣдовымъ, барономъ М. А. Корфомъ, П. А. Плетневымъ, Е. А. Баратынскимъ и С. А. Соболевскимъ, изъ числа которыхъ Пушкинъ особенно былъ друженъ съ двумя первыми и Плетневымъ, а впослѣдствіи съ Соболевскимъ и Данзасомъ.

Итакъ Марья Алексѣевна Ганнибалъ и Василій Львовичъ Пушкинъ были первыми руководителями моей матери. Имѣли также вліяніе на ея нравственное воспитаніе и незабвенныя тетки ея по отцу—Анна Львовна Пушкина, скончавшаяся въ дѣвицахъ, и Елизавета Львовна, вышедшая замужъ за задушевнаго друга Сергѣя Львовича—Матвѣя Михайловича Сонцова, превосходившаго моего дѣда въ остротахъ и шуткахъ; на этой-то почвѣ они и сошлись, послѣ слѣдующей шутки Матвѣя Михайловича: «Вотъ, милый другъ

Пушкинъ, ты говоришь, что фамилія Пушкиныхъ древнѣе фамиліи моей—Сонцовыхъ; быть можетъ по геральдикѣ, а не по существу: сонъ былъ извѣстенъ вселенной, когда ей о пушкѣ еще и не снилось».

Общей нянею моей матери и братьевъ ея была, получившая отпускную, приписанная по Кобрину и воспѣтая Александромъ Сергѣевичемъ, Ирина Родіоновна, какъ извѣстно, въ слѣдующихъ стихахъ:

«Подруга дней моих суровыхъ,
«Голубка дряхлая моя!
«Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
«Давно, давно ты ждешь меня»... и проч.

Приставленная сперва къ моей матери, со дня рожденія Ольги Сергѣевны, она уже потомъ стала няней ея братьевъ, отдавая все-таки предпочтеніе первенцу—Ольгѣ Сергѣевнѣ,—что̀ и доказала, переѣхавъ въ домъ отца моего тотчасъ послѣ его свадьбы, гдѣ мать моя и закрыла ей глаза, въ концѣ 1828 года.

Какъ выше сказано, Ольга Сергѣевна обучалась отечественному языку у своей бабки, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, а Законъ Божій преподавалъ ей священникъ Маріинскаго института Александръ Ивановичъ Бѣликовъ, до ея семнадцатилѣтняго возраста. Обладая въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, онъ сдѣлался извѣстнымъ прекраснымъ переводомъ своимъ порусски «Духа Масильона», а также краснорѣчивыми проповѣдями. Въ гостиной Пушкиныхъ онъ бесѣдовалъ съ пользовавшимися широкимъ — á deux battants — гостепріимствомъ дѣда моего и бабки французскими эмигрантами на ихъ же языкѣ, и весьма ловко, при возникающихъ во время этихъ бесѣдъ съ поклонниками Дидро и Вольтера преніяхъ, поражалъ собственнымъ же оружіемъ этихъ господъ—колкой насмѣшкой. Бѣликовъ, какъ мнѣ разсказывала мать—продолжалъ посѣщать домъ дѣда и бабки еще долгое время по окончаніи ея воспитанія и неоднократно, ведя съ нею философскіе, въ духѣ христіанства, разговоры, увѣщевалъ ее не предаваться чтенію имѣвшихся у ея родителей произведеній софистовъ прошлаго вѣка, называя ихъ пофранцузски же: «les apôtres du diable», при чемъ подарилъ ей на память, составленное неизвѣстнымъ испанскимъ авторомъ и переведенное на русскій языкъ сочиненіе въ трехъ частяхъ, подъ названіемъ «Торжество Евангелія, или записки свѣтскаго человѣка, обратившагося отъ заблужденій новой философіи. Сочиненіе, въ которомъ побѣдоносным образомъ поражаются лжемудрствованія невѣрія и въ коемъ доказывается истина христіанской вѣры». Подарокъ Бѣликова, составляющій нынѣ, если не ошибаюсь, библіографическую рѣдкость, мать моя считала весьма цѣннымъ, и подарила мнѣ его на память въ свою очередь, въ день моего поступле-

нія въ университетъ. Книгу эту я храню, какъ священное для меня о моей матери воспоминаніе.

Бѣликовъ умѣлъ снискивать себѣ расположеніе всѣхъ, кто только посѣщалъ домъ моего дѣда и бабки, своей сдержанностью, безобиднымъ остроуміемъ и, не смотря на свою рясу, салонньшъ тактомъ. Уважалъ его и перебывавшій въ этомъ семействѣ легіонъ иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Затѣмъ скажу и объ этихъ господахъ пару словъ.

Именно, господъ и госпожъ этихъ перебывалъ легіонъ; имена же ихъ знаетъ одинъ Господь; изъ нихъ выбираю эссенцію, а именно несноснаго, капризнаго самодура Руслô, да достойнаго его преемника, по тѣмъ же качествамъ, Шеделя, въ рукахъ которыхъ находилось обученіе дѣтей всѣмъ почти наукамъ. Къ счастію, не отдали въ ихъ распоряженіе русскій языкъ, да православный катехизисъ.

Изъ нихъ Руслô, а не Шедель, какъ ошибочно сказано въ матеріалахъ Анненкова, нанесъ оскорбленіе юному своему питомцу Александру Сергѣевичу, одиннадцатилѣтнему ребенку, расхохотавшись ему въ глаза, когда ребенокъ написалъ для своихъ лѣтъ вполнѣ геніальную стихотворную шутку «La Tolyade» въ подражаніе «Генріадѣ». Изображая битву между карлами и карлицами, дядя прочелъ гувернеру начальное четверостишіе:

> Je chante ce combat que Toly remporta,
> Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
> Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
> Dont la main fut le prix d'une terrible escarmouche.»

Руслô довелъ Александра Сергѣевича до слезъ, осмѣявъ безжалостно всякое слово этого четверостишія, и, имѣя самъ претензію писать французскіе стихи не хуже Корнеля и Расина, разсудилъ, мало того, пожаловаться еще неумолимой Надеждѣ Осиповнѣ, обвиняя ребенка въ лѣности и праздности. Разумѣется, въ глазахъ Надежды Осиповны дитя оказалось виноватымъ, а самодуръ правымъ, и она, не знаю какимъ образомъ, наказала сына, а самодуру, за педагогическій талантъ, прибавила жалованье. Оскорбленный ребенокъ разорвалъ и бросилъ въ печку стихи свои, а непомѣрно усерднаго наставника возненавидѣлъ со всѣмъ пыломъ африканской своей крови.

Преемникъ Руслô, Шедель, былъ тоже экземпляръ своего рода; свободные отъ занятій съ дѣтьми досуги проводилъ онъ въ передней, играя съ дворней въ дурачки, за чтô, въ концѣ концовъ, и получилъ отставку. Все это разсказала мнѣ мать.

Въ рукахъ этихъ-то господъ находилось первоначальное образованіе моей матери и ея брата, и, смѣло скажу, умственнымъ своимъ развитіемъ мать моя обязана самой себѣ, точно такъ же какъ и братъ ея.

Порицая Русло и Шеделя, не могу однако ставить съ этими чудаками на одну доску воспитателя дѣтей, тоже французскаго эмигранта, графа Монфора, человѣка образованнаго, гуманнаго, чуждаго вполнѣ того, что называютъ французы manière de goujat (казарменныхъ выходокъ). Графъ Монфоръ, живописецъ далеко не заурядный, подмѣтивъ въ моей матери охоту къ рисованію, очень этому обрадовался, и подъ его руководствомъ она сдѣлала первые шаги въ искусствѣ. Впослѣдствіи Ольга Сергѣевна обучалась съ большимъ успѣхомъ живописи у графа Ксаверія де-Местра и прекрасно рисовала портреты акварелью. Не былъ ей чуждъ и карикатурный жанръ.

Гувернантки были сноснѣе гувернеровъ, хотя и не блистали напускными педагогическими ухватками. Но и изъ нихъ бо́льшая часть по образованію и уму стояла ниже всякой критики, поражая своею наивностью. Такъ, одна изъ нихъ удивлялась, какимъ образомъ волки не прогуливаются по улицамъ Москвы, какъ о томъ ей разсказывали, когда она поѣхала въ Россію изъ родины своей—отчизны Вильгельма Телля; а другая тоже удивлялась, что въ Россіи дессертомъ послѣ обѣда не служатъ сальныя свѣчки. Но всѣ эти гувернантки были женщины добрыя, искренно любившія своихъ питомцевъ. Въ особенности выдѣлялась своей, такъ сказать, материнской нѣжностью къ Ольгѣ Сергѣевнѣ англичанка, миссъ Белли, кончину которой питомица ея горько оплакивала. Миссъ Белли развила въ матери моей любовь къ англійской словесности, познакомивъ ее съ образцовыми произведеніями Шекспира, особенно съ «Макбетомъ», котораго она ставила выше другихъ трагедій знаменитаго поэта. Подъ руководствомъ миссъ Велли Ольга Сергѣевна и изучила англійскій языкъ основательно.

Живопись, какъ я сказалъ уже, была любимымъ искусствомъ моей матери; она полюбила было и музыку, но, къ сожалѣнію, дѣло испортилъ приставленный къ ней въ качествѣ преподавателя фортепіанной игры неудавшійся танцмейстеръ, нѣмецъ Гринвальдъ; барабаня безпощадно на клавикордахъ, принадлежавшихъ едва ли не дѣду моей бабки, негру Ибрагиму Петровичу,—другого же болѣе приличнаго инструмента не водилось,—Гринвальдъ пробовалъ также безпощадно силы мышцъ своихъ и на ученикахъ; придя въ музыкальный восторгъ, онъ такъ больно ударилъ бѣдную Ольгу Сергѣевну линейкою по рукѣ, что она вскрикнула: «Monsieur Grünwald, vous me faites mal!»—«Et qui vous dit que je ne veux pas vous faire du mal?», счелъ за благо отвѣчать нѣмецъ.

Блистательный результатъ подобной музыкальной школы не замедлилъ обнаружиться: музыка опротивѣла Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Кромѣ посѣщавшихъ дѣда моего замѣчательныхъ лицъ, которыя не могли не повліять на развитіе умственной дѣятельности моей матери, и характеръ которыхъ, каждаго въ особенности, она

очертила, насколько мнѣ помнится, превосходно въ уничтоженныхъ ею впослѣдствіи запискахъ,—обычными гостями ея родителей были французскіе эмигранты, въ родѣ графа Бурдибура, Кашара и виконта Сентъ-Обена (о графѣ де-Местрѣ я сказалъ выше); эти такъ называемые «habitués» находили у дѣда и бабки и радушный русскій пріемъ, и безукоризненный, родной имъ французскій говоръ. Въ числѣ эмигрантокъ блистала остроумной бесѣдой и талантливая, между прочимъ, піанистка Першеронъ де-Муши, вышедшая впослѣдствіи замужъ за знаменитаго Фильда.

III.

Отношенія Александра Сергѣевича къ сестрѣ были самыя дружественныя, начиная съ дѣтства и до самой его кончины. Она была товарищемъ его дѣтскихъ игръ. Вопреки безсмысленныхъ преслѣдованій гувернера Руслò, дядя мой, забираясь въ библіотеку отца, перечитывалъ французскія комедіи Мольера, и подъ впечатлѣніемъ такого чтенія, самъ сталъ упражняться въ писаніи подобныхъ же комедій, пофранцузски же. Братъ и сестра для представленія этихъ комедій соорудили въ дѣтской сцену, при чемъ онъ былъ и авторомъ пьесъ и актеромъ, а публику изображала она. Въ числѣ этихъ комедій была носившая названіе «Escamoteur» (Похититель), сильно не понравившаяся Ольгѣ Сергѣевнѣ; она, въ качествѣ публики, освистала этого «Похитителя», чтò и послужило дядѣ поводомъ къ слѣдующему четверостишію:

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est il sifflé par le parterre?
Helas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière [1]).

Въ 1814 году, Александръ Сергѣевичъ, будучи въ лицеѣ, написалъ извѣстное посланіе къ сестрѣ:

«Ты хочешь, другъ безцѣнный,
«Чтобъ я, поэтъ младой,
«Бесѣдовалъ съ тобой...» и проч.

Посланіе это написалъ онъ въ пяти экземплярахъ на простой сѣрой бумагѣ. Одинъ изъ нихъ мать моя подарила мнѣ на память.

По воскресеньямъ и праздникамъ родные посѣщали царскосельскихъ питомцевъ, такъ какъ воспитанники лицея на домъ не отпускались. (Правило это строго соблюдалось при первомъ директорѣ Малиновскомъ; но при его преемникѣ, Энгельгардтѣ, оно нѣсколько разъ было то отмѣняемо, то возстановляемо). Тутъ-то, во

[1]) Скажи мнѣ, почему «Похититель» освистанъ партеромъ? Увы! потому, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера.

время этихъ посѣщеній, дядя мой читывалъ своей сестрѣ поэтическія произведенія своей юной лицейской музы, спрашивая ея совѣтовъ, такъ какъ сознавалъ тонкость ея вкуса и мѣткость ея замѣчаній. Она, съ своей стороны, обмѣнивалась съ нимъ мыслями, сама стараясь развивать себя умственно и пополнять пробѣлы домашняго своего образованія.

Пополненіемъ этихъ пробѣловъ послужили ей бесѣды: съ Державинымъ (въ ея дѣтствѣ), а потомъ съ Жуковскимъ, другомъ его П. А. Плетневымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ и, какъ упомянуто выше, со священникомъ А. И. Бѣликовымъ. Отецъ же ея, Сергѣй Львовичъ, ограничивался тѣмъ, что по вечерамъ занималъ ее мастерскимъ чтеніемъ французскихъ классиковъ, въ особенности Мольера, но безъ всякихъ объясненій и разбора, читая все, что ни попадется ему подъ руку; за то обширная библіотека его открыта была настежъ, и пищею для любознательности матери моей послужили находившіяся въ шкафахъ сочиненія Декарта, Спинозы, Галля, Лафатера, Локка, Гельвеція, Вольфа, Канта, Вольтера, Руссо, Дидро и проч. Этой же библіотекѣ, часть которой подарена была Ольгѣ Сергѣевнѣ моимъ дѣдомъ послѣ ея замужества, а затѣмъ перешла ко мнѣ, мать моя обязана пріобрѣтеніемъ познаній въ астрономіи (по руководству Albert Montemont: «Lettres sur l'astronomie»), зоологіи, ботаникѣ, исторіи всеобщей и отечественной, а также основательнымъ изученіемъ французскихъ, англійскихъ и италіанскихъ классиковъ. Нѣмецкая же словесность далась ей гораздо труднѣе, точно такъ же какъ и Александру Сергѣевичу.

Однимъ изъ любимыхъ занятій Ольги Сергѣевны въ молодые годы ея было изученіе физіогномистики и френологіи, такъ что сочиненія Лафатера и Галля сдѣлались ея настольными книгами, съ помощію которыхъ она, какъ говорила, безошибочно распознавала характеръ людей; занялась она слѣдовательно и хиромантіей, сама иногда изумляясь своимъ предсказаніямъ, изъ которыхъ привожу два примѣра. Однажды, Александръ Сергѣевичъ, вскорѣ послѣ выпуска своего изъ лицея, убѣдительно сталъ просить ее посмотрѣть его руку. Ольга Сергѣевна долго не соглашалась на это, но, уступивъ, наконецъ, усиленной просьбѣ брата, взяла его руку, долго на нее глядѣла, и, заливаясь слезами, сказала ему, цѣлуя эту же руку:

— Зачѣмъ, Александръ, принуждаешь меня сказать тебѣ, что боюсь за тебя?.. Грозитъ тебѣ насильственная смерть и еще не въ пожилые годы.

Какъ извѣстно, предсказаніе сбылось въ 1837 году.

Подобную же насильственную кончину Ольга Сергѣевна предсказала своему родственнику, А. Г. Батурину, поручику лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. Онъ, за два дня до своей кончины, провелъ у Пушкиныхъ, родителей Ольги Сергѣевны, вечеръ, въ пол-

номъ цвѣтѣ здоровья и юношескихъ силъ. Разговоръ зашелъ о хиромантіи, и Ольга Сергѣевна, посмотрѣвъ его руку, сказала:

— По рукѣ вашей, вы не умрете естественной смертію; впрочемъ, не вѣрьте моимъ хиромантическимъ познаніямъ.

На третій же день послѣ этого предсказанія Батуринъ палъ отъ руки убійцы. Солдатъ полка, въ которомъ служилъ Батуринъ, пылая местью къ наказавшему его жестокому фельдфебелю, рѣшился его умертвить, а для ободренія себя къ злодѣянію, напился до-пьяна, и ворвавшись въ казарменную комнату, гдѣ думалъ встрѣтить намѣченную жертву, бросился съ ножомъ на Батурина, принявъ его за предметъ своей мести. Батуринъ тутъ же испустилъ духъ.

Вопросы отвлеченные — кто я, что я, и для чего я — надъ разрѣшеніемъ которыхъ такъ усердно трудились мыслители двухъ прошедшихъ столѣтій, были главнымъ предметомъ умозрительныхъ и, въ полномъ смыслѣ, мучительныхъ изслѣдованій моей матери. Занятія френологіей и дочерью этой науки—хиромантіей, не мѣшали, однако, Ольгѣ Сергѣевнѣ смотрѣть въ молодости своей на философскіе предметы съ точки зрѣнія большинства вышепомянутыхъ мыслителей, но впослѣдствіи она исполнилась убѣжденія, что одни лишь философы-христіане могутъ вывести ее изъ лабиринта.

Перелому въ ея взглядахъ способствовалъ главнымъ образомъ А. И. Бѣликовъ; онъ велъ съ нею—безъ свойственныхъ лицамъ его званія схоластическихъ пріемовъ—весьма оживленныя пренія и, разумѣется, достигъ чего желалъ: Ольга Сергѣевна, увлеченная его методическими опроверженіями Руссо, Вольтера и tutti quanti—опроверженіями шагъ за шагомъ, при томъ исполненными ѣдкихъ надъ этими господами насмѣшекъ, пришла къ заключенію о несостоятельности системъ, вполнѣ гадательныхъ, и стала уже разъяснять себѣ тревожившіе ея вопросы путемъ христіанскаго ученія. Къ сожалѣнію, она, желая постичь тайны гроба роковыя, увлеклась во второй половинѣ жизни своей мистицизмомъ, въ особенности послѣ насильственной кончины брата; она вспомнила свое ему предсказаніе, а кстати вспомнила и довольно загадочныя происшествія въ семействѣ Пушкиныхъ, на которыя она, не смотря на то, что записала ихъ, не обращала прежде особеннаго вниманія. Но обо всемъ этомъ скажу въ своемъ мѣстѣ, а теперь, возвращаясь къ хронологическому изложенію воспоминаній о моей матери, скажу, что она считала безполезною тратою времени всѣ балы и рауты, къ которымъ были такъ падки ея родители, и на которыхъ она, какъ говорятъ французы, à son corps défendant, должна была присутствовать, по приказанію Надежды Осиповны; предпочитала она бесѣду съ книгами, ставя выше всего, по ея выраженію, жизнь созерцательную, почерпая въ красотахъ природы, поэтическихъ своихъ вдохновеніяхъ, и живописи самое высокое наслажденіе. Въ

одномъ изъ сохранившихся у меня ея писемъ, мать моя говоритъ, между прочимъ:

«Le despotisme de mes parents dans ma jeunesse, et ensuite les soucis et revers m'ont fait manquer ma vocation. J'étais née pour mener une vie contemplative, mais non pour la lutte avec les vicissitudes d'une existence problématique ici bas, entre deux éternités—lutte pénible, et insupportable»...

(Деспотизмъ моихъ родителей въ моей молодости, а потомъ заботы и злоключенія заставили меня измѣнить моему призванію Появилась я на свѣтъ для жизни созерцательной, но не для борьбы съ обстоятельствами загадочнаго существованія земнаго, между двумя вѣчностями,—борьбы трудной и невыносимой).

Письмо это она заключаетъ любимыми стихами ея брата:

«Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, на что ты мнѣ дана?..»

...вполнѣ раздѣляя взглядъ его, и сочувствуя изложеннымъ въ этихъ стихахъ мыслямъ.

IV.

Дѣдъ и бабка проводили весну и лѣто ежегодно съ Ольгой Сергѣевной, а въ 1818 году и съ Александромъ Сергѣевичемъ въ сельцѣ Михайловскомъ, (Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи), принадлежавшемъ Надеждѣ Осиповнѣ, которая предназначала это имѣніе моей матери; но такъ какъ бабка скончалась, не оставивъ завѣщанія, то послѣ ея смерти и послѣдовалъ раздѣлъ по закону: Александръ Сергѣевичъ, выплативъ сестрѣ соотвѣтственную часть, удержалъ имѣніе за собою.

Сосѣдями Пушкиныхъ, во время пребыванія ихъ въ Михайловскомъ, оказались родственники ихъ,—Ганнибалы, хлѣбосольство которыхъ, радушіе, доброта, и, порою, навязчивое гостепріимство, вошли у прочихъ сосѣдей въ пословицу:—«Это что за Ганнибальщина?»—говаривалъ зачастую сосѣдній съ Ганнибалами помѣщикъ другому же помѣщику, къ которому пріѣзжалъ погостить, если этотъ послѣдній не отпускалъ его, приказывая отпречь лошадей, пряча его саквояжи, и продѣлывая тому подобныя штуки, въ производствѣ которыхъ изощрялись оба дяди Ольги Сергѣевны,— Петръ и Павелъ Исааковичи Ганнибалы. Они были олицетвореніе пылкой африканской и широкой русской натуры, безшабашные кутилы, но люди такого рѣдкаго, честнаго, чистаго сердца, которые, чтобы выручить друзей изъ бѣды, помочь нуждающимся, не жалѣли ничего, и рады были лѣзть въ петлю.

И Петръ, и Павелъ Исааковичи были людьми веселыми, въ особенности Павелъ, придумывавшій для гостей всевозможныя забавы, лишь бы имъ не было скучно въ деревенской глуши. Весе-

лость его выразилась, между прочимъ, какъ разсказывала мнѣ мать, въ слѣдующемъ экспромптѣ, который онъ пропѣлъ во главѣ импровизованнаго хора безчисленныхъ деревенскихъ своихъ родственниковъ, когда, вооруженный бутылкой шампанскаго, онъ постучалъ утромъ въ дверь комнаты, предоставленной пріѣхавшему къ нему племяннику Александру Сергѣевичу, желая поздравить дядю съ имянинами:

«Кто-то въ двери постучалъ:
«Подполковникъ Ганнибалъ,
«Право-слово, Ганнибалъ,
«Пожалуйста, Ганнибалъ,
«Сдѣлай милость, Ганнибалъ,
«Свѣтъ, Исакычъ, Ганнибалъ,
«Тьфу, ты, пропасть! Ганнибалъ!»

(Стихи сообщены моею матерью).

Александръ Сергѣевичъ, только - что выпущенный тогда изъ лицея, очень его полюбилъ, чтò однако не помѣшало ему вызвать Ганнибала на дуэль за то, что Павелъ Исааковичъ, въ одной изъ фигуръ котильона, отбилъ у него дѣвицу Лошакову, въ которую, не смотря на ея дурноту и вставные зубы, Александръ Сергѣевичъ пòуши влюбился. Ссора племянника съ дядею кончилась минутъ черезъ десять мировой и... новыми увеселеніями да пляской, при чемъ Павелъ Исааковичъ, за ужиномъ, возгласилъ, подъ вліяніемъ Вакха:

«Хоть ты, Саша, среди бала
«Вызвалъ Павла Ганнибала;
«Но, ей Богу, Ганнибалъ
«Ссорой не подгадитъ балъ!»

(Сообщено моей матерью).

Дядя тутъ же, при публикѣ, бросился ему въ объятія.

Въ тотъ же годъ моя мать и дядя видѣлись съ престарѣлымъ братомъ ихъ дѣда, Петромъ Ибрагимовичемъ (Авраамовичемъ) Ганнибаломъ, сыномъ родоначальника этой фамиліи, ихъ прадѣда, генералъ-аншефомъ отъ артиллеріи. Онъ пережилъ всѣхъ своихъ братьевъ и скончался въ 1822 году, болѣе девяноста лѣтъ отъ роду.

Петръ Ибрагимовичъ очень приласкалъ Ольгу Сергѣевну, и въ особенности обрадовался тому, что Александръ Сергѣевичъ, котораго онъ угостилъ настойкой, повистовалъ ему, не поморщась.

По словамъ моей матери, Ганнибалъ впалъ тогда въ такую забывчивость, что не помнилъ своихъ близкихъ. Такъ, напримѣръ, желая разсказать о посѣщеніи имъ своего сына, онъ говорилъ:

— Вообразите мою радость, ко мнѣ надняхъ заѣзжалъ... да вы его должны знать... ну, прекрасный молодой офицеръ... еще недавно женился въ Казани... какъ бишь его... еще хотѣлъ побывать въ Петербургѣ... ну... хотѣлъ купить домъ въ Казани...

— Да это Веніаминъ Петровичъ, — подсказала ему его внучка Ольга Сергѣевна.

— Ну да, Веня, сынъ мой; что же раньше не говорите? Эхъ вы!..

Пребываніе Ольги Сергѣевны въ Михайловскомъ было для нея отрадой. Окруженная веселыми сосѣдями, отводя съ ними душу, она забывала порою тягостный для нея деспотизмъ родителей, которому Ганнибалы не давали черезчуръ разгуливаться; но съ осени, съ переѣздомъ въ сѣверную Пальмиру, начиналась родительская музыка: надоѣданья изъ-за пустяковъ, придирки, и тому подобныя угощенія. Мать моя, однако, выдержала все это дольше своихъ братьевъ—Александра и Льва. Первый изъ нихъ едва ли не нарочно, лишь бы бѣжать отъ родителей, провинился, въ 1820 году, стихами: «Ода на свободу», за которые и удаленъ былъ изъ Петербурга, а второй, равномѣрно, бѣжалъ изъ дома, записавшись въ 1826 году тайкомъ отъ отца и матери въ Нижегородскій драгунскій полкъ—на Кавказъ. «Nous trois nous avons fui la maison, говорила мнѣ мать, car le joug était insoutenable» («Мы трое бѣжали изъ дома, такъ какъ иго было невыносимо»). Дѣтей пилила въ особенности Надежда Осиповна, а въ довершеніе страданій Ольги Сергѣевны, она, въ 1819 году, лишилась горячо любившей бабки своей, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, послѣ чего и заступаться за Ольгу Сергѣевну было некому. Отъ родительскаго гнета избавилъ ее, какъ увидимъ ниже, только 9 лѣтъ спустя, отецъ мой.

Послѣ разлуки съ сестрой, Александръ Сергѣевичъ переписывался съ нею, сообщая въ живыхъ разсказахъ свои путевыя впечатлѣнія и раскрывая ей все, что у него накипало на душѣ. Къ сожалѣнію, бо̀льшая часть этихъ писемъ утрачена, а уцѣлѣвшія у меня, нося на себѣ характеръ совершенно интимный, не могутъ представлять особеннаго интереса для публики. Нѣкоторыя же приписки моего дяди къ сестрѣ, напечатаны въ брошюрѣ, изданной въ 1858 году въ Москвѣ (въ типографіи С. Селивановскаго), подъ заглавіемъ: «Письма А. С. Пушкина къ брату Льву Сергѣевичу» (съ 1820 по 1836 годъ включительно), и сообщены, въ копіи, редакціи «Библіографическихъ Записокъ», Сергѣемъ Александровичемъ Соболевскимъ, съ разрѣшенія вдовы дяди Льва Сергѣевича,— Елисаветы Александровны Пушкиной, рожденной Загряжской.

Упомянувъ о второмъ братѣ моей матери, Львѣ,—въ честь котораго и дано мнѣ при крещеніи имя—считаю не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Обладая умомъ далеко не дюжиннымъ, Левъ Сергѣевичъ образовалъ себя самъ, подобно сестрѣ, чтеніемъ научныхъ книгъ въ отцовской библіотекѣ, убѣдясь, что вся преподаваемая премудрость по системѣ Руслò, Шеделя, и прочихъ имъ подобныхъ фокусниковъ, критики не выдерживаетъ; такимъ образомъ онъ обязанъ самъ

себѣ поступленіемъ въ бывшій университетскій пансіонъ, послѣ блистательно выдержаннаго пріемнаго экзамена. Въ этомъ заведеніи Левъ Сергѣевичъ и кончилъ курсъ. Одаренный громадной памятью, онъ не только декламировалъ произведенія своего брата наизусть, чѣмъ иногда не на шутку бѣсилъ его, но и самъ порой увлекался вдохновеніемъ музы, которую, однако, держалъ подъ спудомъ: самолюбіе не позволяло ему состязаться съ колоссальнымъ талантомъ брата. Левъ Сергѣевичъ, записавшійся, какъ сказано выше, «уходомъ», въ неоднократно покрывшій себя славой Нижегородскій драгунскій полкъ, отличился беззавѣтной, вполнѣ «львиной», какъ выражалась мать моя, храбростью въ кампаніяхъ персидской, турецкой и затѣмъ польской. Покойный фельдмаршалъ Паскевичъ очень любилъ его, украсивъ его грудь многочисленными знаками отличія; дядя въ особенности проявилъ свою отвагу въ сраженіи подъ Елисаветполемъ. Привожу для примѣра слѣдующую черту его находчивости въ названномъ сраженіи:

Когда нижегородцы понеслись въ атаку, одинъ изъ молодыхъ солдатъ, оробѣвъ, пустился на утекъ. «Пушкинъ!»—закричалъ полковой командиръ,—«видишь этого подлеца, догоняй его, руби его; онъ полкъ безчеститъ!» — «Сабля тупа», —нашелся Левъ Сергѣевичъ, взявъ подъ козырекъ, и пришпоривъ коня, воскликнулъ: «За мной ребята»!—Черезъ нѣсколько минутъ непріятельская колонна обратилась въ бѣгство. Орденъ св. Владиміра былъ наградой моему дядѣ за этотъ подвигъ.

Будучи храбръ на войнѣ «до отчаянія», Левъ Сергѣевичъ, въ противоположность своему брату, никогда не выходилъ на дуэли, считая поединки не доказательствомъ храбрости, а храброваніемъ, «родомонтадой», какъ выражаются французы.

Находясь во время службы въ обществѣ бретеровъ,—а бретерство было въ модѣ,—онъ никогда не имѣлъ съ ними никакихъ столкновеній; напротивъ того: эти же бретеры относились къ нему съ должнымъ уваженіемъ, и любили его; во избѣжаніе же непріятныхъ исторій, дядя, между прочимъ,—даже за бутылкой—никому не говорилъ «ты»; не «тыкалъ» онъ и своего закадычнаго пріятеля Ушакова, считая это мѣстоименіе никакой дружбы не доказывающимъ,—сущимъ, какъ онъ выразился однажды матери моей, ядомъ, источникомъ пошлой фамильярности, слѣдовательно «разглупѣйшихъ» (его собственное выраженіе) дуэлей; а происходятъ онѣ именно отъ фамильярнаго обращенія, корень котораго и есть пагубное «ты». Этого мѣстоименія, по мнѣнію дяди Льва, Александру Сергѣевичу слѣдовало бы избѣгать какъ огня. «Неужели до сихъ поръ не дознано Сашкой братомъ»,—сказалъ онъ Ольгѣ Сергѣевнѣ,—что «опаснѣе врага фамильярный другъ»?—Ко Льву Сергѣевичу я еще возвращусь, а теперь возвращаюсь къ послѣдовательному разсказу.

Кончина Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, въ 1819 году, а затѣмъ и неожиданная разлука съ братомъ Александромъ Сергѣевичемъ, высланнымъ изъ Петербурга въ слѣдующемъ, 1820 году, повліяли какъ нельзя болѣе неблагопріятно на характеръ моей матери; родительскіе же капризы стѣсняли ея свободу; по этимъ капризамъ, Ольга Сергѣевна должна была сопровождать Надежду Осиповну и на вечера, и на рауты, и на утренніе визиты, тогда, когда ей хотѣлось заниматься дома; при чемъ Надежда Осиповна, принуждая ее выѣзжать, не заботилась ничуть о туалетѣ дочери, такъ что, одѣтая хуже другихъ, Ольга Сергѣевна чувствовала себя болѣе нежели неловко; Сергѣй же Львовичъ, что̀ называется, и въ усъ не дулъ: смотрѣлъ онъ на все глазами супруги. Наконецъ, неожиданная, въ 1824 году, смерть нѣжно любившей Ольгу Сергѣевну тетки ея, Анны Львовны, довершила превращеніе: отъ прирожденной матери моей веселости и слѣда не осталось. Здѣсь будетъ кстати сказать, что Александръ Сергѣевичъ, не смотря на чувства любви и уваженія, которыя всегда питалъ къ скончавшейся теткѣ, написалъ въ одну изъ минутъ, когда нашелъ на него дѣйствительно шаловливый стихъ,—«Элегію на кончину тетушки». Ольга Сергѣевна шалости этой, написанной, какъ она сказала ему, «ни къ селу ни къ городу»,—долго простить не могла. Въ названномъ стихотвореніи Александръ Сергѣевичъ задѣваетъ довольно колко сестру покойной, Елизавету Львовну Сонцову, любившую обзаводиться серебряными самоварами и прочей серебряной утварью, мужа ея, Матвѣя Михайловича, да за одинъ махъ и дядю своего, Василія Львовича, который имѣлъ страсть писать эпитафіи, въ родѣ сочиненной имъ послѣ смерти его камердинера Василія:

«Подъ камнемъ симъ лежитъ признательный Василій.
«Миръ и покой тебѣ отъ всѣхъ мірскихъ насилій...

Въ заключеніе элегіи Александръ Сергѣевичъ крѣпко выругалъ насолившаго ему цензора Красовскаго.

Супруги Сонцовы и обѣ ихъ дочери — Ольга и Екатерина Матвѣевны—помимо всей ихъ незлобивости—разсердились за элегію не на шутку; Василій Львовичъ, не придавая выходкѣ племянника особеннаго значенія, удивлялся, какъ можно сердиться изъ-за такихъ пустяковъ, а цензоръ, какъ сказалъ моей матери авторъ, во время довольно непріятнаго разговора съ сестрой по этому случаю, «получилъ, что желалъ, и задумчивымъ сталъ».

Привожу эпиграмму въ настоящемъ, первоначальномъ ея видѣ, какъ продиктовала мнѣ мать, а не въ томъ, въ которомъ элегія эта, передѣланная дядей впослѣдствіи, появилась въ напечатанномъ его письмѣ къ князю Вяземскому (См. VIII томъ сочиненій Пушкина, издан. А. С. Суворина 1887 г. стр. 32). Вотъ первоначальный текстъ:

«Ахъ тетушка, ахъ Анна Львовна,
«Сергѣя Львовича сестра,
«Ты къ батюшкѣ была любовна,
«А къ матушкѣ была добра!
«Тебя Матвѣй Михайлычъ кровный
«Всегда встрѣчалъ среди двора,
«Тебя Елизавета Львовна
«Цѣнила больше серебра...
«Давно ли съ Ольгою Сергѣвной,
«Со Львомъ Сергѣичемъ давно ль,
«Какъ бы на зло судьбинѣ гнѣвной
«Дѣлила ты и хлѣбъ и соль?
«Но «вотъ» [1]) уже Василій Львовичъ
«Стихами гробъ твой окропилъ!
«Почто стихи его поповичъ,
«Подлецъ Красовскій, пропустилъ?»

V.

Поэзія была родовою особенностью Пушкиныхъ; въ молодости Ольга Сергѣевна сочиняла преимущественно французскіе стихи, которые и записаны ею въ завѣщанномъ мнѣ альбомѣ. Привожу оттуда слѣдующія коротенькія пьесы:

1.

Sur un Songe.

Tourmentée par un songe, il me semblait naguère,
Que dans les cieux agitant mes bras,
Je volais, soutenue par des ailes legères.
L'amour, á ses pieds délicats,
Traînant pour me braver une masse pésante,
Part plus prompt que les vents, que la foudre èclatante,
Et m'atteint dès les premiers pas.
Qne présage un tel songe? Helas! je crois l'entendre!
Jusqu' á présent, plus volage que tendre
J'aipu fuir, m'echapper à travers mille amours,
Et je suis maintenant enchainée pour toujours
Par le dernier qui' m'a su prendre.

(Къ сновидѣнію).

(Тревожимая сномъ, я когда-то видѣла, будто бы, простирая руки въ небесахъ, я летала поддерживаемая легкими крыльями. Амуръ, чтобы воспротивиться мнѣ, двигая своими нѣжными нож-

[1]) Тутъ каламбуръ: Василій Львовичъ получилъ въ литературномъ обществѣ «Арзамасцевъ» прозваніе «Вотъ», подобно тому какъ Жуковскій— прозваніе «Громобой», а самъ Александръ Сергѣевичъ—«Сверчокъ».

ками тяжелую массу, летитъ быстрѣе вѣтровъ, быстрѣе лучезарной молніи, и настигаетъ меня на первыхъ полетахъ. Что значитъ этотъ сонъ? Увы! кажется мнѣ, что его понимаю. До сихъ поръ— болѣе вѣтряная чѣмъ нѣжная,—я могла бѣжать и уклоняться отъ тысячи привязанностей, а теперь связана на вѣки съ послѣднею, которая и успѣла завлечь меня).

2.

A la Nuit.

Toujours le malheureux t'appelle,
O nuit, favorable aux chagrins!
Viens donc, et porte sur ton aile
L'oubli des perfides humains!
Voile ma douleur solitaire!
Et lorsque la main du sommeil
Fermera ma triste paupière,
O Dieu! reculez mon réveil!..
Qu'à pas lents l'aurore s'avance
Pour ouvrir les portes du jour;
Importuns, gardez le silence,
Et laissez dormir mon amour!

(Къ Ночи).

(Несчастный всегда тебя призываетъ, о ночь, благопріятная горестямъ! Прійди же, и неси на твоихъ крыльяхъ забвеніе вѣроломныхъ смертныхъ. Завѣсь скорбь моего одиночества, и когда рука сна смежитъ мои печальныя вѣжды, о Боже! отодвинь мое пробужденіе, и пусть заря медленными шагами приблизится открыть двери дня. Непрошенные, храните молчаніе, и не мѣшайте спать моей любви).

3.

Sur la cigale.

O cigale mélodieuse!
Que ta destinée est heureuse!
Que tu vis sous d'aimables lois!
Dans le parfum de la rosée
Tu t'enivres, reine des bois!
Puis sur un vert rameau posée,
L'echo retentit de ta voix!
Des fruits, que prodigue l'automne
Des biens, qu'apporte le printemps —
La faveur des dieux te les donne
Dans le boccage et dans les champs!
Des guerrets hôte pacifique,

Ta vue est chère au laboureur;
Nous aimons ton chant prophétique
De l'été doux avant-coureur!
Les muses daignent te sourire,
Et tu tiens du dieu de la lyre
L'éclat de tes joyeux accents.
Des bois oracle harmonieux,
Fille innocente de la terre!..
Ta substance pûre et legère
Te rend presque semblable aux dieux!

(На стрекозу).

(О стрекоза благозвучная, какъ счастлива судьба твоя, подъ какими прекрасными законами ты живешь! Ты царица лѣсовъ, опьяняешься среди благоуханій росы, а когда сидишь на зеленой вѣткѣ, эхо передаетъ твой голосъ. Плоды, которые расточаетъ осень, богатства, приносимыя весною—все это предоставляетъ тебѣ въ рощахъ и поляхъ милость боговъ. Мирный посѣтитель пашенъ! Видъ твой драгоцѣненъ земледѣльцу. Мы любимъ твое пророческое пѣніе, пріятный предвѣстникъ лѣта! Музы удостоиваютъ тебя улыбкою, и ты получила отъ бога лиры очарованіе твоихъ радостныхъ напѣвовъ. Сладкогласный пѣвецъ лѣсовъ, невинная дочь земли, твое чистое и легкое вещество уподобляетъ тебя богамъ!..).

Привожу еще, хотя и вопреки хронологическому порядку, одно французское четверостишіе моей матери; сочинила она его въ теченіе не болѣе пяти минутъ, въ 1849 году (23 мая), за два часа передъ моимъ выѣздомъ изъ Варшавы въ Петербургъ, для поступленія въ учебное заведеніе:

Acrostiche à mon fils Léon.

Les souhaits, qu'en ce jour je fais pour ton bouheur,
En te disant adieu, partent du fond du coeur;
O mon Dieu! daigne, daigne ècouter ma prière,
Ne la rejette pas—tu vois qu'elle est sincère...

(Акростихъ сыну моему Льву).

(Пожеланія, которыя сегодня произношу для твоего счастія, говоря тебѣ прости, исходятъ изъ глубины сердца. О, Боже мой! удостой, удостой услышать молитву мою! Не отвергай ее, ты видишь, что она искренна!).

Въ вышеупомянутомъ альбомѣ списаны моей матерью также многія любимыя ею стихотворенія брата ея и другихъ писателей. Къ сожалѣнію, Ольга Сергѣевна не подъ каждымъ изъ нихъ подписывала фамилію авторовъ. Въ числѣ помѣщенныхъ въ этой книжкѣ произведеній находится пьеса: «Разувѣреніе», приписы-

ваемая Ольгѣ Сергѣевнѣ ея друзьями; мать же на вопросъ мой— «кто авторъ?» отвѣчала, улыбаясь: «Самъ отгадай, Леонъ, а такъ-таки и не скажу».

Въ этомъ стихотвореніи авторъ — по всей вѣроятности Ольга Сергѣевна — говоритъ, какъ бы отъ имени товарища Александра Сергѣевича по лицею, В. В. Кюхельбекера, послѣ упрека, сдѣланнаго ему дядей за обидчивый нравъ. И дѣйствительно: Александръ Сергѣевичъ, однажды, въ присутствіи своей сестры, сказалъ Кюхельбекеру: «Тяжелый у тебя характеръ, братъ «Кюхля» (такъ всегда онъ называлъ его); люблю тебя какъ брата, но когда меня не станетъ, вспомни мое слово: ни друга, ни подруги не познать тебѣ во вѣкъ».

Пушкинъ любилъ всей душой брата «Кюхлю», хотя, такъ же какъ и съ Павломъ Ганнибаломъ, повздорилъ съ нимъ именно изъ-за вздоровъ, вслѣдствіе чего, разсказывала мнѣ мать, секунданты, ихъ же друзья и пріятели, поставивъ Пушкина и «Кюхлю» на дистанцію въ пятнадцати шагахъ одинъ отъ другого, вручили каждому изъ ратоборцевъ по игрушечному пистолету, не бившему и на пять шаговъ. Результатомъ поединка — искреннія объятія соперниковъ, слезы умиленія, и не одна бутылка «Аи».

Вотъ стихи «Разувѣреніе»:

Не мани, меня, надежда,
Не прельщай меня, мечта!
Ужъ нельзя мнѣ всей душою
Вдаться въ сладостный обманъ;
Ужъ унесся предо мною
Съ жизни жизненный туманъ.

Неожиданная встрѣча
Съ сердцемъ любящимъ меня...
Мнѣ ль тобою восхищаться?
Мнѣ ль противиться судьбѣ?
Я боюсь тебѣ ввѣряться,
Я не радуюсь тебѣ!

Надо мною тяготѣетъ
Клятва друга первыхъ лѣтъ!
Юношей связали музы,
Радость, молодость, любовь,
Я расторгъ святыя узы...
Онъ въ числѣ моихъ враговъ!

Ни подруги и ни друга
Не имѣть тебѣ во вѣкъ!
Молвилъ, гнѣвомъ вдохновенный
И пропалъ мнѣ изъ очей;
Съ той поры уединенный
Я скитаюсь межъ людей!

Разъ еще я видѣлъ счастье...
Видѣлъ на глазахъ слезу,
Видѣлъ нѣжное участье,
Видѣлъ... но прости, пѣвецъ,
Ужъ предвижу я ненастье!
Для меня ль союзъ сердецъ?

Что же? роковая пуля
Не прервала дней моихъ?
Чтожъ? для новаго изгнанья
Не подводятъ мнѣ коня?
Въ тихой тьмѣ воспоминанья
Тыбъ не разлюбилъ меня...

Обидчивость Кюхельбекера порой, въ самомъ дѣлѣ, была невыносима; въ обществѣ его прозвали: «Le monsieur qui prend la mouche». Такъ, напримѣръ, разсердился онъ на мою мать за то, что она, на танцовальномъ вечерѣ у Трубецкихъ, выбрала въ котильонѣ не его, а Дельвига; въ другой же разъ, на пріятельской пирушкѣ у П. А. Катенина, Кюхельбекеръ тоже вломился въ амбицію противъ хозяина, когда Катенинъ, безъ всякой задней мысли налилъ ему бокалъ не первому, а четвертому или пятому изъ, гостей.

Относясь всегда, какъ нельзя болѣе, дружески къ Кюхельбекеру, Александръ Сергѣевичъ разошелся съ другимъ своимъ лицейскимъ товарищемъ, барономъ, впослѣдствіи графомъ, Модестомъ Андреевичемъ Корфомъ. Между ними пробѣжала черная кошка изъ-за бездѣлицы. О столкновеніи дяди моего съ Корфомъ, Ольга Сергѣевна, оправдывая отнюдь не своего брата, а Модеста Андреевича, разсказала мнѣ слѣдующее:

Поводомъ къ взаимному охлажденію лицейскихъ однокашниковъ послужило обстоятельство вздорное:

Корфъ и Пушкинъ жили въ одномъ и томъ же домѣ; камердинеръ Пушкина, подъ вліяніемъ Бахуса, ворвался въ переднюю Корфа, съ цѣлью завести ссору съ камердинеромъ послѣдняго; вѣроятно, у этихъ субъектовъ были свои счеты. На произведенный камердинеромъ Пушкина шумъ въ передней, Модестъ Андреевичъ вышелъ узнать, въ чемъ дѣло, и, будучи вспыльчивъ, прописалъ виновнику безпокойства argumentum baculinum. Побитый камердинеръ Пушкина пожаловался своему барину. Александръ Сергѣевичъ вспылилъ, въ свою очередь, и, заступаясь за слугу, немедленно вызвалъ Корфа на дуэль. На письменный вызовъ, Модестъ Андреевичъ отвѣчалъ тоже письменно: «Je n'accepte pas Votre défi pour une bagatelle semblable, non par ce que Vous êtes Pouchkine, mais parceque je ne suis pas Kuchülbecker» (Не принимаю вашего вызова изъ-за такой бездѣлицы, не потому, что вы Пушкинъ, а потому, что я не Кюхельбекеръ).

Корфъ, не жалуя Кюхельбекера за бретерство, уколол этимъ же качествомъ и моего дядю.

Буря въ стаканѣ воды повела, однако, къ тому, что Александръ Сергѣевичъ началъ коситься на Корфа, который тоже сталъ его избѣгать. Сошлись ли они впослѣдствіи на прежнюю товарищескую ногу,—не знаю.

Между тѣмъ, Пушкинъ всю силу своей дружбы обратилъ на третьяго своего товарища, поэта-барона Антона Антоновича Дельвига; теплыя чувства ихъ одного къ другому не омрачились никакими недоразумѣніями.

Дядя, послѣ внезапной смерти Дельвига, послѣдовавшей 31 января 1831 года, о которой получилъ извѣстіе будучи въ Москвѣ, заболѣлъ отъ горя: кончина друга была для него неожиданнымъ, страшнымъ ударомъ. Изливая скорбь о невознаградимой утратѣ передъ матерью моей, тоже искренно любившей безвременно-угаснаго поэта, Александръ Сергѣевичъ, среди истерическихъ рыданій, сказалъ ей:—«Сестра! въ гробу мой Дельвигъ милый! Не много насъ осталось здѣсь: Горчаковъ, Комовскій, Корфъ, и только; о Кюхлѣ (Кюхельбекерѣ) не говорю; онъ для насъ померъ [1]); далеко, далеко онъ отъ насъ... не увидимъ болѣе друга Вильгельма»...

Слова моего дяди, вылившіяся изъ глубины его любящаго сердца, мать моя вспоминала не разъ, и вспоминала не безъ слезъ, высказывая предположеніе, что будь живъ Дельвигъ, онъ бы не допустилъ ея брата до расправы съ «мальчишкой» (ея выраженіе) Дантесомъ, и заставилъ бы Александра Сергѣевича пренебречь всѣми анонимными пасквилями, которыми доѣдали и доѣли его люди, не стоющіе подошвы разорванныхъ сапоговъ его же пьяныхъ лакеевъ (подлинныя слова моей матери. Выражалась она энергически).

И дѣйствительно, Дельвигъ былъ ангеломъ-хранителемъ Пушкина, добрымъ его геніемъ, въ противоположность Чаадаеву, котораго, кстати скажу, Ольга Сергѣевна терпѣть не могла. По ея словамъ, стихотвореніе моего дяди «Демонъ», посвященное имъ другу своему, Ал. Ник. Раевскому, относится именно къ Чаадаеву. Оно написано въ 1823 году, и начинается такъ:

«Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
«Всѣ впечатлѣнья бытія»...

И далѣе:

«Тогда какой-то злобный геній
«Сталъ тайно навѣщать меня»...

Перенося безропотно, до самаго своего замужества, домашнія огорченія и непріятности, Ольга Сергѣевна находила безтолковой суетой погоню за общественными увеселеніями, и удивлялась своимъ

[1]) Кюхельбекеръ былъ сосланъ, въ числѣ декабристовъ, въ 1826 году.

сверстницамъ, бальницамъ и модницамъ, говоря имъ: «Je m'etonne, comment Vous ne pouvez pas suffire à Vous même? (Удивляюсь, какъ вы не можете довольствоваться самими собою?). Любимымъ провожденіемъ времени и утѣшеніемъ ея были книги, веденіе своего дневника, втайнѣ, конечно, отъ родителей,—дневника, въ которомъ она изливала свои страданія, наконецъ, бесѣды съ людьми серьезными о предметахъ отвлеченныхъ.

Какъ я уже упомянулъ въ своемъ мѣстѣ, Ольгу Сергѣевну занимали, главнымъ образомъ, неразрѣшаемые смертными вопросы высшіе—о цѣли бытія земного, назначеніи человѣка и, наконецъ, вопросъ роковой, страшный—о смерти и жизни загробной. Подъ вліяніемъ кончины горько оплаканныхъ ею Маріи Алексѣевны и Анны Львовны, мать моя увидѣла ключъ къ разрѣшенію волновавшихъ ее вопросовъ единственно въ религіи, покончивъ безповоротно съ несостоятельными системами философовъ-энциклопедистовъ.

Убѣжденная въ истинѣ безсмертія души, Ольга Сергѣевна пришла къ выводу, что отошедшія души нашихъ родственниковъ и друзей могутъ порою навѣщать оставшихся, а разъ допустивъ это, она допустила бытіе и другихъ неразгаданныхъ существъ иного міра, духовнаго. Мистическому настроенію матери содѣйствовали, кромѣ чтенія мистиковъ въ библіотекѣ Сергѣя Львовича, принадлежавшаго въ молодости, подобно своему брату Василію, къ масонской ложѣ, и безчисленныя семейныя легенды.

Нѣкоторыми изъ этихъ легендъ я и заканчиваю описаніе молодости матери до ея замужества, разсказывая каждое таинственное приключеніе порознь, и черта въ черту, такъ, какъ передавала мнѣ ихъ Ольга Сергѣевна.

1.

Бѣлая женщина.

Бабка моя, Надежда Осиповна, годъ спустя послѣ появленія на свѣтъ Александра Сергѣевича,—слѣдовательно въ 1800 году,—прогуливаясь съ мужемъ, днемъ, по Тверскому бульвару въ Москвѣ, увидѣла шедшую возлѣ нея женщину, одѣтую въ бѣлый балахонъ; на головѣ у женщины былъ бѣлый платокъ, завязанный сзади узломъ, отъ котораго висѣли два огромные конца, ниспадавшіе до плечъ. Женщина эта, какъ показалось моей бабкѣ, не шла, а скользила, какъ бы на конькахъ.—«Видишь эту странную попутчицу, Сергѣй Львовичъ?» Отвѣтъ моего дѣда послѣдовалъ отрицательный, а странная попутчица, заглянувъ Надеждѣ Осиповнѣ въ лицо, исчезла.

Прошло лѣтъ пять; видѣніе бабка забыла. Пушкины переѣхали на лѣто въ деревню; въ самый день пріѣзда, вечеромъ, Надежда

Осиповна, удалясь въ свою комнату отдохнуть, сѣла на диванъ. Вдругъ видитъ она передъ собою ту же самую фигуру. Страхъ лишаетъ бабку возможности вскрикнуть, и она падаетъ на диванъ, лицомъ къ стѣнѣ. Странное же существо приближается къ ней, наклоняется къ дивану, смотритъ бабкѣ моей въ лицо и затѣмъ, скользя по полу, опять, какъ будто бы на конькахъ, исчезаетъ. Тутъ Надежда Осиповна закричала благимъ матомъ. Сбѣжалась прислуга, но всѣ попытки отыскать непрошенную гостью остались напрасными.

Прошло еще лѣтъ пять или шесть, и Пушкины переселились изъ Москвы въ Петербургъ, такъ какъ дядю моего Александра готовили въ лицей. Къ матери же въ гувернантки опредѣлили англичанку миссъ Белли,—упомянутую мною уже выше,—на которую Надежда Осиповна возложила, сверхъ того, порученіе читать ей, по вечерамъ, англійскіе романы. Однажды Надежда Осиповна, въ ожиданіи прибытія гувернантки, укладывавшей Ольгу Сергѣевну спать, вязала въ своей комнатѣ чулокъ. Комната освѣщалась тусклымъ свѣтомъ висячей лампы; свѣчи же на столикѣ бабка изъ экономіи не сочла нужнымъ зажигать до прихода миссъ Белли. Внезапно отворяется дверь, и Надежда Осиповна, не спуская глазъ съ работы, говоритъ взошедшей: «А! это наконецъ вы, миссъ Белли! давно васъ жду, садитесь, читайте». Вошедшая приближается къ столу, и глазамъ бабки представляется та же таинственная гостья Тверскаго бульвара и сельца Михайловскаго,—гостья, одѣтая точно такъ же, какъ и въ оба предшествовавшіе раза. Загадочное существо вперило въ Надежду Осиповну безжизненный взглядъ, обошло, или, лучше сказать, проскользнуло три раза вокругъ комнаты, и исчезло, какъ бабкѣ показалось, въ стѣнѣ.

Спустя годъ или два послѣ этого послѣдняго явленія, Надежда Осиповна видитъ во снѣ похороны; чудится ей, будто бы ей говоритъ кто-то:—«Смотрите! хоронятъ «Бѣлую женщину» вашего семейства! больше ее не увидите». Такъ и вышло: галлюцинаціи Надежды Осиповны прекратились.

2.

Двойникъ.

Въ 1810 году, къ Пушкинымъ собрались, по случаю ли имянинъ Сергѣя Львовича, или жены его (мать позабыла) гости. Страдая зубною болью, Сергѣй Львовичъ высылаетъ камердинера съ извиненіемъ, что явиться къ чаю не можетъ. Общество занимаетъ Надежда Осиповна разными забавными анекдотами, при чемъ изощряетъ все свое остроуміе на счетъ родственницъ мужа—Чичериныхъ, изъ которыхъ одну она прозвала горбушкой, другую—крикушкой,

третью—дурнушкой. Тогда сидящая за самоваромъ, рядомъ съ Надеждой Осиповной, мать ея, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, подаетъ ей знаки прекратить ядовитыя шутки, но дочь, не унимаясь, хохочетъ надъ своими же остротами до упаду. Марья Алексѣевна повторяетъ свою мимику, и, наконецъ, выведенная изъ терпѣнія, говоритъ:—«Какъ не стыдно тебѣ, Надя, смѣяться надъ его родными?», при чемъ показываетъ дочери на порожній стулъ. Дочь не понимаетъ, смотритъ на мать, и говоритъ ей, продолжая острить:—«Ну чтожъ такое? разумѣется, всѣ три смѣшны: горбушка, крикушка, дурнушка!»...

Между тѣмъ, вотъ что̀ было причиною и жестовъ, и увѣщанія Марьи Алексѣевны: ей показалось, будто бы Сергѣй Львовичъ явился въ гостиную въ халатѣ съ подвязанной щекою, и сѣлъ на стулъ у дивана. Прабабку мою поразило, какимъ образомъ чопорный Сергѣй Львовичъ могъ выйти въ такомъ безцеремонномъ облаченіи, онъ, который принималъ постороннихъ у себя не иначе, какъ во фракѣ, согласно господствовавшему въ то время этикету модныхъ салоновъ? Удивленіе Марьи Алексѣевны возросло, когда на ея вопросъ дочери, почему та не наливаетъ чашку чаю Сергѣю Львовичу (говоря это, Марья Алексѣевна вторично указала на порожній стулъ), Надежда Осиповна отвѣчала:—«Развѣ не знаете, мама, что Сергѣй изъ кабинета не выйдетъ? у него зубы болятъ, и чай ему я уже послала».

Двойникъ моего дѣда, никѣмъ, впрочемъ, невидимый, кромѣ Марьи Алексѣевны, просидѣлъ въ глазахъ ея на стулѣ до самаго ужина, а когда гости перешли въ столовую ужинать, послѣдовалъ за ними, но прошелъ, минуя столовую, въ кабинетъ, гдѣ находился не фиктивный, а настоящій Сергѣй Львовичъ.

Удостовѣрясь на слѣдующій день, что Сергѣй Львовичъ вовсе и не думалъ показываться гостямъ въ неглиже, Марья Алексѣевна перепугалась не мало, но никому о явленіи въ теченіе цѣлаго года и не заикнулась, полагая, что если дастъ волю языку ранѣе,—то случится съ Сергѣемъ Львовичемъ Богъ вѣсть что̀. Но 1810 годъ прошелъ благополучно, и только на новый—1811 годъ—она сообщила о второмъ экземплярѣ моего дѣда.

3.

Одновременная галлюцинація Василія и Сергѣя Львовичей.

Оба они, будучи дѣтьми, увидали вечеромъ въ одной и той же комнатѣ и въ одинъ и тотъ же часъ бабку ихъ Чичерину, на девятый день по ея кончинѣ. Она взошла къ нимъ въ дѣтскую, благословила ихъ и исчезла. Оба мальчика не сказали одинъ другому объ этомъ ни полслова. Лѣтъ пятнадцать спустя, они пировали въ кружкѣ товарищей-офицеровъ Егерскаго полка; предметомъ бе-

сѣды послужили, между прочимъ, сверхъестественные анекдоты, разсказываемые по очереди каждымъ изъ присутствовавшихъ. Очередь дошла до Сергѣя Львовича, и онъ упомянулъ о своемъ видѣніи; тогда Василій Львовичъ, вскочивъ съ мѣста, закричалъ:— «Какъ это, Сержъ? значитъ, мы въ одну и ту же минуту видѣли то же самое?»

4.

Галлюцинація Льва Сергѣевича.

Когда мой дядя Левъ рѣшился поступить въ военную службу, не извѣщая о своемъ намѣреніи родителей, уѣхавшихъ изъ Петербурга въ Михайловское,—это было въ 1826 году,—то, оставаясь въ ихъ пустой квартирѣ (если не ошибаюсь, по набережной Фонтанки у Семеновскаго моста), онъ приступилъ къ разбору бумагъ, среди свѣтлой майской ночи. Разобравъ ихъ, Левъ Сергѣевичъ хотѣлъ пройти въ кабинетъ уложить свои вещи, и тутъ задался вопросомъ, хорошо ли дѣлаетъ, уѣзжая на службу безъ родительскаго благословенія? Путь въ кабинетъ лежалъ чрезъ огромную гостиную, и вотъ Левъ Сергѣевичъ видитъ въ гостиной скончавшуюся, какъ сказано выше, въ 1819 году, свою покойную бабку, Марью Алексѣевну. Дядѣ кажется, будто бы она встаетъ при его приближеніи со стула, останавливается въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ него, благословляетъ его крестнымъ знаменіемъ, и исчезаетъ мгновенно.

Впослѣдствіи, въ Варшавѣ, разсказывая моей матери, свою галлюцинацію, дядя Левъ, который далеко не былъ суевѣренъ, а совершенно напротивъ того, прибавилъ: «благословеніе тѣни добрѣйшей бабки нашей послужило, знать, мнѣ въ пользу. Во всѣхъ отчаянныхъ сраженіяхъ съ персіанами и поляками, я, среди адскаго огня, не получилъ даже контузіи; пули какъ-то отлетали отъ меня, какъ отъ заколдованнаго».

5.

Кончина Алексѣя Михайловича Пушкина.

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, племянникъ Маріи Алексѣевны Ганнибалъ, тоже, какъ извѣстно, рожденной Пушкиной (см. родословную А. С. Пушкина, составленную отцомъ моимъ Н. И. Павлищевымъ со словъ Ольги Сергѣевны и напечатанную въ изданіи П. В. Анненкова 1855 года), былъ свитскимъ офицеромъ и профессоромъ математики въ Москвѣ. Религіозный родственникъ его Василій Львовичъ посѣщалъ его часто, желая обратить его на путь христіанскаго ученія; однако, встрѣчалъ всякій разъ со стороны

хозяина не только сильную оппозицію, но и постоянное кощунство надъ предметами всеобщаго чествованія, — кощунство, доходившее въ вольтеріанцѣ-хозяинѣ до какого-то изступленія. Мало того: Алексѣй Михайловичъ обучалъ кощунству и своего лакея, такъ что, когда Василій Львовичъ выгонялъ изъ комнаты этого доморощеннаго философа, старавшагося, при бесѣдахъ между своимъ бариномъ и гостемъ, перещеголять въ выходкахъ перваго изъ нихъ, лишь бы получить лишній пятакъ на очищенную,—этотъ негодяй, по наущенію Алексѣя Михайловича, возвращался въ ту же комнату черезъ другую дверь, и продолжалъ твердить заданное бариномъ и выученное, къ не малой досадѣ Василія Львовича.

Вдругъ, недумано не жданно, Алексѣй Михайловичъ заболѣваетъ, запирается въ кабинетѣ, и многочисленная дворня его, въ томъ числѣ и философъ, слышитъ явственно въ комнатѣ барина два спорящихъ голоса, и слышитъ ихъ нѣсколько ночей сряду. Челядь. перетрусила; но философъ, по своему скептицизму, посмотрѣлъ на этотъ фактъ съ философской же точки зрѣнія, и, не спрашивая, ворвался въ кабинетъ; тутъ увидѣлъ онъ своего патрона и учителя, среди комнаты, размахивавшаго руками, испуганнаго, и поистинѣ страшнаго въ испугѣ. Алексѣй Михайловичъ, устремивъ глаза на какой-то невидимый лакею предметъ и ругаясь съ какимъ-то таинственнымъ гостемъ, замѣчаетъ приходъ незванаго камердинера, и кричитъ, что есть мочи:

— «Пошелъ, пошелъ прочь! Не мѣшай намъ; мы тебя не спрашиваемъ, убирайся покуда цѣлъ, пошелъ!»

Камердинеръ навострилъ лыжи и не посмѣлъ уже возобновлять опыта. Но затѣмъ, всякую ночь слышна была загадочная перебранка, какъ разсказывали люди, продолжаясь въ теченіе еще недѣль двухъ, до самой кончины Алексѣя Михайловича, о которой Василій Львовичъ, продолжавшій въ силу христіанскаго благочестія и родственныхъ чувствъ посѣщать больного—правда по днямъ, а не по ночамъ, передавалъ своему брату и Ольгѣ Сергѣевнѣ множество другихъ странныхъ подробностей, распространяться о которыхъ считаю уже излишнимъ.

Я привелъ нѣкоторыя легенды лишь въ виду значенія, которое приписывала имъ покойная Ольга Сергѣевна и все семейство Пушкиныхъ.

Левъ Павлищевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НѢМЕЦКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РУССКОЙ ОБСТАНОВКѢ И ВОСТОЧНЫЙ— ВЪ НѢМЕЦКОЙ.

«Travailler pour le roi de Prusse».
Дипломатическая поговорка.

ОГОВОРКА ЭТА, какъ и всякая другая, указываетъ на безспорное явленіе, выхваченное изъ живой дѣйствительности. Она намекаетъ даже на два историческіе закона—на сильное въ наше время національное сплоченіе и на сосредоточеніе его въ сѣверномъ направленіи. Нѣмецкое объединеніе должно было совершиться въ XIX вѣкѣ, и съ помощью Берлина. Оттого названіе «счастливой» (felix) болѣе прилично Пруссіи, чѣмъ Австріи: все помогало ей, что даже враждовало между собой—сначала французская монархія, какъ предъ революціей, такъ и послѣ нея, потомъ монархія русская.

Когда «произволеніемъ Божіимъ» [1]) Пруссія оказалась вождемъ европейской политики, безконечный Восточный вопросъ неизбѣжно долженъ былъ превратиться изъ русско-австрійскаго въ русско-нѣмецкій. Возникла задача: какъ Пруссія отплатитъ Россіи за незабвенныя услуги, послѣ того, какъ она разсчиталась сь Франціей въ 1870 году? Это самый горячій и важный вопросъ настоящей минуты вообще; русская же мысль справедливо поглощена имъ.

---

[1]) «Göttliche Fügung» въ знаменитой телеграммѣ Бисмарка изъ Версаля.

Попытаемся помочь ей простымъ краснорѣчіемъ фактовъ, пользуясь новѣйшими данными исторической науки, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ трудъ дипломата д'Авриля о Берлинскомъ трактатѣ 1878 года и его слѣдствіяхъ [1]).

I.

«Союзъ князей».—Эпоха Фридриха II.

Насколько намъ извѣстно изъ изученія архивовъ [2]), наша дипломатія раньше всѣхъ постигла значеніе міровой революціи, произведенной появленіемъ Пруссіи. И немудрено: новое королевство съ самаго начала сдружилось съ Англіей и обнаружило стремленіе захватить Польшу и Балтійскія провинціи. При Фридрихѣ II, когда уже вскрылась обще-нѣмецкая роль Пруссіи, всѣ, даже враждебные между собой, русскіе дипломаты говорили, что съ этой стороны намъ грозитъ болѣе серьезная опасность, чѣмъ отъ Стокгольма, Варшавы и Парижа. Они хотѣли «соблюдать славную систему Петра I», т. е. «не допускать, чтобы сосѣдъ пришелъ въ предосудительную намъ силу». Дочь Петра Великаго стала душой европейской оппозиціи Фридриху II.

Екатерина II развивала систему Петра I, искусно пользуясь нѣмецкимъ междоусобіемъ для выгодъ своей страны. Фридрихъ II подконецъ бранилъ «тупоумныхъ» министровъ «варварской» Россіи; но и скромная Марія-Терезія позволяла себѣ невозможныя выраженія о Петербургѣ [3]). Немудрено: поведеніе Екатерины II привело къ Тешенскому миру (1779), который далъ Россіи принадлежавшее одной Франціи право вмѣшиваться въ дѣла Германіи и дѣлалъ ее «арбитромъ соперничества домовъ австрійскаго и бранденбургскаго», какъ выражались тогда наши дипломаты. Затѣмъ, только благодаря предстоявшей войнѣ съ Турціей, умирающій Фридрихъ II могъ создать Союзъ имперскихъ князей (1785), который вызвалъ у Екатерины такія соображенія: «Естественное положеніе земель прусскаго короля необходимо должно возбуждать въ немъ и въ его преемникахъ зависть и желаніе расширить свои границы, а также недовѣріе къ нашей державѣ... Если это неопровержимая истина (unstössliche Wahrheit), то кто поручится, что при новой войнѣ у насъ съ Портой, повидимому клонящейся къ погибели по-

---

[1]) D'Avril: «Négociations relatives au tratié de Berlin et aux arrangements qui ont suivi, 1875—1886». Paris. 1886.

[2]) См. наши изслѣдованія: «Союзъ князей» (1877); «La France et l'Allemagne sous Louis XVI» (Revue historique за 1880—1881); «Германія наканунѣ революціи» («Вѣстникъ Европы», 1875). «Das russisch-österreichiche Bündniss» (въ «Historische Zeitschrift» за 1875).

[3]) Maria-Theresia und Joseph II. Jhre Correspondenz. II, 313.

слѣдней, прусскій король захочетъ отвлечь вѣнскій дворъ отъ диверсіи противъ насъ? Не соединится ли онъ скорѣе съ послѣднимъ»? [1]).

Союзъ князей—первое важное предостереженіе для сосѣдей Германіи. Если онъ не былъ исполненіемъ желанія Фридриха «подобрать всѣ головы подъ одну шапку», зато это была первая станція на пути прусскаго объединенія Германіи. Уже Бисмаркъ № I, министръ Фридриха-Вильгельма II (1786—1797), заносчивый Герцбергъ, приписывалъ Пруссіи «славную роль рѣшительницы европейскихъ дѣлъ». При немъ же впервые Восточный вопросъ соприкоснулся съ прусскимъ: состоялся союзъ между Фридрихомъ-Вильгельмомъ II и Георгомъ III англійскимъ, которые обязывались «въ особенности дѣйствовать согласно относительно войны Россіи и Австріи съ Портой» [2]). Отвѣтомъ на этотъ шагъ сосѣда была мысль Екатерины о выгодности соединенія съ Франціей. А когда союзные короли гордо предложили ей свое посредничество въ Восточномъ вопросѣ, она воскликнула: «буде два дурака не уймутся, то станемъ драться!» Императрица раздѣляла мнѣніе своихъ министровъ, которые видѣли въ поступкѣ прусскаго короля желаніе «давать законы Россіи и стать нетерпимымъ повелителемъ не токмо на настоящія наши дѣла, но и на будущія» [3]). Они не ошиблись: незадолго до смерти Екатерины, Герцбергъ составилъ планъ — съ помощью Англіи, остановить побѣды русскихъ за Дунаемъ, а Австрію привлечь на свою сторону клочкомъ Турціи, которую вознаградить возвращеніемъ Крыма.

II.

«Сѣверное императорство».—Эпоха Наполеона I.

Вотъ уже сто лѣтъ, какъ политическая исторія Германіи состоитъ въ развитіи Союза князей, распадаясь на четыре главныя поры—1806, 1849, 1866 и 1870 годы. Въ каждой порѣ ясна неизбѣжность прусскаго объединенія Германіи, какъ роковой силы: оно шло въ разрѣзъ съ желаніями нѣмцевъ, которые съ самаго начала видѣли опасность гогенцоллернскаго интереса для ихъ любимой «конфедераціи», оправдываемой примѣромъ Америки [4]). Патріоты не ошиблись. Въ Потсдамѣ уже при основаніи Союза князей «партія дѣйствія» толковала, что слѣдуетъ «завоевать всю Германію и возвести Фридриха на императорскій престолъ». При Фрид-

---

[1]) Инструкція Сергѣю Румянцеву въ февралѣ 1786 (Москов. архивъ мин. иностр. дѣлъ).

[2]) Объ этой, конечно, секретной статьѣ см. Ранке: «Die deutschen Mächte», II, 358 и слѣд.

[3]) Соловьевъ: «Исторія паденія Польши», 175—200.

[4]) «Союзъ князей», гл. XI.

рихѣ-Вильгельмѣ II, не смотря на всю его бездарность, идея Союза князей развивалась: тогда патріоты совсѣмъ разочаровались, а Гогенцоллернъ пріобрѣлъ еще кусокъ Польши и Байрейтъ съ Аншпахомъ; затѣмъ онъ отдалъ французской республикѣ лѣвый берегъ Рейна и предоставилъ ей грабить югъ Германіи, проведя «майнскую линію», чтобы самому захватить сѣверъ «фатерланда».

Прусская политика еще болѣе выяснилась при второмъ преемникѣ Фридриха II, Фридрихѣ-Вильгельмѣ III (1797—1840). Этотъ государь начиналъ тѣмъ смѣлѣе, что могъ надѣяться на обстоятельства. Французская республика, въ лицѣ Бонапарта, сокрушала Австрію и покупала нейтралитетъ Пруссіи клочками «фатерланда», а въ Россіи воцарился «прошлогодній другъ», какъ назывался, при жизни Екатерины II, Павелъ Петровичъ въ тайной перепискѣ между Фридрихомъ II и его агентомъ въ Петербургѣ [1]). Екатерина говорила: «Боюсь, какъ бы моя смерть, какъ смерть Елисаветы, не послужила знакомъ къ перемѣнѣ всей системы русской политики; изъ насъ сдѣлаютъ прусскую провинцію» [2]).

Но на этотъ разъ въ Берлинѣ ошиблись. Сдѣлавшись императоромъ, Павелъ I послѣдовалъ, во внѣшней политикѣ, установившемуся національному преданію, тѣмъ болѣе, что нѣмецкому революціонеру, Гогенцоллерну, естественно было соединиться съ революціонною Франціей, что̀ и случилось передъ смертью Екатерины. Отсюда замѣчательное по своей прямотѣ наставленіе, которое получилъ отъ самого императора уже Фридрихъ-Вильгельмъ II: «говорятъ, что, дозволяя французамъ распространять хищничества, вы предоставили себѣ долю при раздробленіи германской имперіи; вы знаете, что по Тешенскому миру я одинъ изъ поручителей за германскую конституцію, а потому не удивитесь, если скажу вамъ, что не буду равнодушно взирать на ея уничтоженіе». При Фридрихѣ-Вильгельмѣ III Павелъ I еще болѣе возненавидѣлъ Пруссію: онъ узналъ, что берлинскій дворъ дружитъ съ французами и замышляетъ не только погибель Австріи, но и возстановленіе Польши, съ принцемъ гогенцоллернскаго дома во главѣ [3]). Онъ не меньше Австріи негодовалъ на Бисмарка № II—на «коварнаго министра», Фридриха-Вильгельма III, политику котораго принято было называть «іезуитствомъ Гаугвица».

Эта политика—знаменитый нейтралитетъ Берлина въ эпоху Наполеона I, подъ прикрытіемъ котораго въ Потсдамѣ ухищрялись провести свою завѣтную идею Союза князей. Гогенцоллернъ радовался опустошенію южной Германіи французами и получалъ отъ

[1]) Görtz: «Denkwürdigkeiten», II, 204—206.

[2]) Raumer: «Beiträge», V, 476.—Herrmann: «Geschichte des russ. Staates», VI, 451.

[3]) См. нашу статью «Россія и Франція въ концѣ прошедшаго вѣка», въ «Вѣстникѣ Европы» (1885 г., іюнь).

Бонапарта сначала клочки «фатерланда», потомъ обѣщаніе удѣлить ему цѣлый Ганноверъ. Только разъ «печаль его была безгранична» — когда онъ понялъ, что Бонапартъ только манитъ его Ганноверомъ, а самъ мѣшаетъ Сѣверо-германскому Союзу. Этотъ новый «союзъ» былъ лишь новою формой, въ которую облекалась идея Фридриха II, прилаживаясь къ обстоятельствамъ. Здѣсь опять встрѣчаемся съ пресловутою «майнскою линіей». Пруссія должна была фактически распоряжаться сѣверною Германій и даже получить за это «вознагражденіе». Цѣль была выставлена, конечно, патріотическая— охранять «фатерландъ» отъ французовъ и «отстранять русскихъ отъ вмѣшательства въ дѣла Германіи». Не забудемъ, что тогда французы устроили, съ помощью Берлина, Рейнскій Союзъ, подчинившій имъ около 10 милліоновъ нѣмцевъ, а русскіе умирали на поляхъ Аустерлица, защищая отъ нихъ «фатерландъ».

Въ Берлинѣ уже беззастѣнчиво называли новый политическій кунстштюкъ «сѣвернымъ императорствомъ» (nordisches Kaiserthum). Но нѣмецкіе князья противились ему больше, чѣмъ дѣлу Фридриха II: они мечтали о полной независимости, какъ о плодѣ разрушенія Наполеономъ древней Римско-нѣмецкой имперіи. Пруссія пожала, что̀ посѣяла: когда она поднялась противъ Наполеона изъ-за Ганновера и Сѣвернаго Союза, никто въ Германіи не помогъ ей— и іенскій разгромъ (1806 г.) распространилъ Рейнскій Союзъ на развалинахъ потсдамскаго «императорства», а Гогенцоллернъ сталъ слугой Наполеона.

Такое поведеніе Пруссіи не могло измѣнить политическихъ преданій Россіи. Александръ I съ самаго начала подхватилъ мысль предковъ о соблюденіи «равновѣсія въ Германіи». Французскій посланникъ писалъ изъ Петербурга Наполеону, въ іюлѣ 1801 года: «Соглашаясь на справедливыя вознагражденія Австріи и Пруссіи, императоръ не допуститъ, чтобы слишкомъ увеличилась первая, которую онъ считаетъ нашимъ естественнымъ врагомъ, но надѣется, что вы не слишкомъ возвеличите вторую, которую онъ считаетъ врагомъ Россіи» [1]). Незадолго до Аустерлица, наслѣдникъ русскаго престола сказалъ французскому послу: «Ненавижу пруссаковъ; тутъ я настоящій русскій (qu'il était en cela bon Russe); съ удовольствіемъ готовъ драться съ ними». Эта тема проходитъ красною нитью по близко знакомымъ мнѣ дѣламъ нашего архива временъ Александра I, начиная со слѣдующихъ фразъ доклада вице-канцлера Куракина императору, въ 1802 году: «Снова осмѣливаюсь выразить горячее желаніе, внушаемое мнѣ ревностью къ личной славѣ вашего величества и интересами вашей имперіи. При содѣйствіи Бонапарта, обезпечьте за собой гарантію въ устройствѣ Германіи и сопряженныя съ нею выгоды. Это, съ одной стороны, увѣковѣчитъ довѣріе

---

[1]) Парижскій архивъ мин. иностр. дѣлъ (Russie, Vol. 140).

и признательность князей имперіи, прибѣгнувшихъ къ вашему покровительству, съ другой—упрочить значеніе Россіи, сохранить то внушительное вліяніе въ общихъ дѣлахъ Европы, которое добыли безпрерывные успѣхи долгаго и славнаго царствованія, подъ видомъ гарантіи Тешенскаго договора»[1]).

Понятно, какое чувство къ Берлину преобладало на Вѣнскомъ конгрессѣ, тѣмъ болѣе, что тогда настала пора реакціи. Эпоха сына революціи, Наполеона I, смѣнилась эпохой Меттерниха, пророка застоя и всякихъ «возстановленій» старины (реставрацій). Берлинъ, это разрушительное начало въ средоточіи Европы, долженъ былъ уступить мѣсто маститой митрополіи консерватизма—Вѣнѣ. Подъ видомъ Нѣмецкаго Союза воскресла допотопная Римско-нѣмецкая имперія съ Габсбургомъ во главѣ, только безъ титула императора. И самодовольный творецъ германской реставраціи считалъ новый союзъ совершеннымъ, «навѣки» нерушимымъ залогомъ «общественнаго спокойствія и политическаго мира»: онъ былъ не шутя убѣжденъ, что «только невѣжество или сознательная партійность могутъ стремиться къ реформѣ Союза»[2]). Россія была довольна созданіемъ Меттерниха по другому побужденію: она видѣла въ немъ залогъ «равновѣсія въ Германіи», въ особенности же сокращенія потсдамской страсти «исправлять фигуру Пруссіи[3]).

III.

«Нѣмецкій Союзъ» и «Таможенный Союзъ».—Эпоха Меттерниха и Николая I.

Послѣ Вѣнскаго конгресса прусско-гогенцоллернская идея стушевалась лѣтъ на пятнадцать. Но она и не думала умирать. Все работало на счастливаго roi de Prusse. Увлекаемые міровымъ закономъ національнаго сплоченія, нѣмцы обладали короткою памятью насчетъ средствъ и легко забывали обиды ради высокой цѣли.

---

[1]) Въ петербургскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ (Ministère, II, 28). Тамъ же хранится замѣчательный докладъ канцлера Воронцова 27 августа 1803 г. (III, 31)), на которомъ помѣчено рукою Александра I: «быть по сему». Это—искренняя и горячо написанная цѣлая исторія «прусскаго кабинета», который «безъ всякаго стыда и при всякомъ случаѣ оказывалъ, что расширеніе областей своихъ, на чей бы счетъ ни было и безъ разборчивости въ средствахъ, былъ единственный предметъ, имъ управляющій: короли перемѣнялись и министерство также, но жадность къ пріобрѣтеніямъ оттого нимало не ослабѣвала».

[2]) Любопытная «Записка» Меттерниха о Нѣмецкомъ союзѣ, составленная въ 1855 г., только-что обнародована въ «Historische Zeitschrift» Зибеля (1887 г., Heft 5).

[3]) «Régler la figure de la Prusse» — признаніе Фридриха II. «Oeuvres de Fredéric le Grand», XVIII, 28, въ изданіи Берлинской Академіи Наукъ 1846—1856 годовъ.

Нужды нѣтъ, что самъ Фридрихъ II подсмѣивался надъ своимъ «патріотизмомъ»[1]), собирался сначала устроить свой Союзъ князей «подъ покровительствомъ русскаго двора», сознательно вовлекалъ Петербургъ и Версаль въ дѣла Германіи: его защита Баваріи отъ когтей Австріи казалась подвигомъ пангерманизма. Нужды нѣтъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ III косвенно помогалъ Наполеону громить «фатерландъ», клочки котораго онъ подхватывалъ при этомъ: Іена, вызванная исключительно гогенцоллернскими разсчетами, однако, давала ему возможность порисоваться въ роли жертвы защиты отечества. А Вѣнскій конгрессъ «вознаградилъ» его землями на Рейнѣ, чтò въ сущности развивало идею Сѣверо-германскаго Союза.

Нужды нѣтъ даже, что съ 1820-хъ годовъ нѣмецкіе патріоты ударились въ либерализмъ, мечтали о чемъ-то въ родѣ американскихъ штатовъ, а Гогенцоллернъ соперничалъ съ Габсбургами въ реакціонерствѣ: потерявши нравственное обаяніе въ «отечествѣ», Пруссія ловко схватилась за матеріальный интересъ. Возникъ Таможенный Союзъ (Zollverein, 1828 г.), уничтожавшій вредныя торговыя перегородки внутри Германіи. Напрасно возставали противъ него патріоты, т. е. поборники нѣмецкаго единства, видя въ немъ лишь «извиванія абсолютистической политики». Не прошло десяти лѣтъ, какъ въ Таможенномъ Союзѣ уже числилось до 25 милліоновъ нѣмцевъ, которые приняли тарифы, торговое право, отчасти даже мѣры и монеты Пруссіи, а въ 1853 году къ нему пристала остальная Германія, не исключая самой Австріи.

Между тѣмъ національное движеніе у нѣмцевъ совсѣмъ сливалось съ либерализмомъ, особенно подъ вліяніемъ событій 1848 года: во всенѣмецкомъ парламентѣ во Франкфуртѣ, нація вырабатывала конституцію для всей Германіи. Устрашенная реакціонными заявленіями Габсбурга, она предложила императорскую корону Гогенцоллерну. Но Фридрихъ-Вильгельмъ IV отвергъ ее съ словами, повторенными великимъ герцогомъ баденскимъ въ Версалѣ, въ 1871 году: «Императорскую корону можно пріобрѣсти только на полѣ битвы». Онъ мечталъ объ «историческомъ и христіанскомъ государствѣ» (sic), а не о коронѣ, поднятой въ «канавѣ». Тогда же его министръ, Бранденбургъ, соревновавшій славѣ Меттерниха, отвѣчалъ на всѣ требованія реформъ знаменитымъ: «никогда, никогда, никогда!»

Пруссія разошлась съ нѣмецкою націей: ея нравственный кредитъ былъ окончательно подорванъ въ «отечествѣ». Австрія воспользовалась этимъ: было возстановлено созданіе Вѣнскаго конгресса — союзный сеймъ во Франкфуртѣ съ Габсбургомъ во главѣ. Чувствуя

[1]) Droysen (Geschichte der preussischen Politik, V, 151) приводитъ его саркастическія слова: «Je n'ai jamais cru que j'étois un si bon patriote».

свое безсиліе, увлекаемый потокомъ реакціи, Гогенцоллернъ повиновался и подражалъ Габсбургу: оба они одинаково усердствовали въ «реакціонномъ комитетѣ», какъ называли тогда союзное правительство.

Вторая половина нашего вѣка начиналась въ Германіи словно возстановленіемъ порядка вещей передъ Фридрихомъ II. Габсбургъ распоряжался въ «отечествѣ» и не скрывалъ своего намѣренія «сначала унизить, потомъ уничтожить» Гогенцоллерна. Онъ чувствовалъ себя сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Національныя стремленія мадьяръ были подавлены съ помощью Россіи, а сепаратизмъ своихъ нѣмцевъ, итальянцевъ и славянъ онъ лишилъ жала посредствомъ конституціи 1849 года, основанной на началѣ административной централизаціи. Оставалось одно слабое мѣсто: однѣ провинціи Австріи принадлежали къ Нѣмецкому Союзу, другія — нѣтъ. Шварценбергъ рѣшилъ ввести ихъ всѣ въ Союзъ, что̀ дало бы полный перевѣсъ Австріи въ Германіи и еще принудило бы «отечество» защищать всѣ ея владѣнія. Это—принятый мелкими членами Союза мюнхенскій проектъ 1850 года[1]), который Шварценбергъ собирался представить державамъ, подписавшимъ Вѣнскій трактатъ. Пруссія встревожилась, но не смѣла выступить прямо: она сама только-что совершила точно такой же шагъ—принудила франкфуртскій парламентъ присоединить къ Союзу три своихъ восточныхъ провинціи, да еще безъ согласія участниковъ Вѣнскаго конгресса.

Все дѣло было въ томъ, что̀ скажутъ участники, въ особенности же Николай I, который считался «арбитромъ», рѣшителемъ судебъ Европы, съ Венгерской кампаніи до Крымской войны? Фридрихъ-Вильгельмъ IV, по примѣру Фридриха II, попытался вовлечь Россію въ дѣла «отечества», надѣясь на родство: въ 1850 г. онъ отправилъ Бранденбурга въ Варшаву, гдѣ происходило свиданіе двухъ императоровъ. Но на его долю выпала печальная роль: въ тріумвиратахъ всегда есть свой der dritte im Bunde. Николай I слѣдовалъ преданіямъ Петра Великаго и Екатерины II въ нѣмецкомъ вопросѣ; къ тому же онъ почему-то считалъ Пруссію настолько же «революціонною», насколько Австрію—консервативною. Если теперь оказалось сказкой[2]) «грубое высокомѣріе» (brutal Hochmuth) Николая I, который будто бы не хотѣлъ видѣть зятя и такъ принялъ его министра, что тотъ умеръ съ горя, шесть дней спустя, то эта сказка была искусно сочинена. Русскій императоръ сталъ

---

[1]) Новѣйшія свѣдѣнія о немъ и о нѣмецкой политикѣ Николая I находятся въ статьѣ д'Аврила: „L'Autriche dans la confédération germanique". Она помѣщена въ журналѣ новаго историческаго Общества, описаннаго нами въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1887, декабрь)—„Revue d'histoire diplomatique" (1887, № 1).

[2]) Это доказано надняхъ Зибелемъ, на основаніи берлинскаго архива, въ «Hist. Zeitschrift», 1887, Heft 5.

за мюнхенскій проектъ, какъ за средство пріостановить прусское объединеніе Германіи. Онъ даже оказался plus Autrichien que l'Autriche: онъ не допускалъ права участниковъ въ Вѣнскомъ трактатѣ вмѣшиваться въ это дѣло.

Вслѣдъ затѣмъ возникли кровавыя «недоразумѣнія» между Австріей и Пруссіей, такъ какъ Берлинъ не хотѣлъ поступиться славой усмирителя гессенцевъ, возставшихъ противъ своего курфюрста за нарушеніе конституціи. Николай I вмѣшался въ эту распрю, какъ Deus ex machina, и Гогенцоллернъ покорно уступилъ Габсбургу роль экзекутора въ «фатерландѣ».

У Гогенцоллерна оставалась одна надежда — вѣковыяруссофильскія преданія Франціи да руссофобія англичанъ. Въ началѣ 1851 года французская республика грозила Австріи войной, если мюнхенскій проектъ пройдетъ безъ согласія участниковъ Вѣнскаго договора; лѣтомъ Пальмерстонъ выступилъ съ такою же задорною нотой союзному сейму. Сеймъ гордо отвергъ назойливое вмѣшательство и принялъ мюнхенскій проектъ. Заступники Пруссіи должны были замолчать: смущенные внѣшнимъ могуществомъ Николая I, они занялись подготовкой Крымской войны. Въ 1850-хъ годахъ Габсбургъ торжествовалъ. Все въ Германіи или презирало, или ненавидѣло Гогенцоллерна. Негодовали даже приближенные Фридриха-Вильгельма IV, и во главѣ ихъ наслѣдный принцъ, который былъ вождемъ «партіи дѣйствія», какъ всѣ наслѣдники престола въ Берлинѣ. Эта партія уже издавала, на страницахъ «рептилій» того времени, «меморандумы» насчетъ вытѣсненія Австріи изъ «фатерланда». Устами своего «молодого» юнкера Бисмарка, она возвѣщала о священномъ «правѣ сильнаго». Не доставало только надежнаго союзника, чтобы начать объединеніе «отечества» огнемъ и мечемъ. Обстоятельства помогли счастливой Пруссіи: настала новая эпоха; французское покровительство смѣнилось русскимъ.

IV.

Севастополь и Садовая. — Эпоха Наполеона III и появленіе Бисмарка.

1850-е годы — эпоха Наполеона III, ознаменованная такими великими событіями, какъ Крымская война и Итальянская кампанія. Оба переворота были направлены противъ враговъ Берлина, Россіи и Австріи. Они оказали счастливому Гогенцоллерну еще двѣ незабвенныя услуги. Крымская война измѣнила политическія преданія Петербурга. Тогда Австрія, съ своимъ Нѣмецкимъ Союзомъ, много суетилась, но ничего не сдѣлала; она только возстановила противъ себя Россію. Союзъ еще разъ доказалъ свою негодность и опротивѣлъ всѣмъ патріотамъ Германіи, а Австрія очутилась въ одиночествѣ. Пруссія же привлекла къ себѣ Россію нейтралитетомъ — драгоцѣнное пріобрѣтеніе, особенно въ виду близкаго паденія

старой опоры, Франціи. Итальянская кампанія воспламенила племенное чувство у германцевъ, обезумѣвшихъ отъ внезапнаго проявленія силъ у романцевъ. Пруссіи стоило только воспользоваться этимъ чувствомъ, чтобы снова проводить утлый челнъ своего объединенія «отечества». Тогда же (1858 г.) ея управленіе перешло къ Вильгельму I, который открылъ «новую эру», возвѣстивши о развитіи «національной» политики, путемъ «нравственныхъ завоеваній».

Правда, патріоты недоумѣвали, когда Пруссія называла «признаками дѣтской болѣзни» враждебныя Франціи выходки въ палатахъ нѣмецкихъ государствъ. Для нихъ былъ сюрпризомъ Виллафранкскій позоръ Австріи, силы которой еще далеко не были истощены. Ихъ поразила брошюра о необходимости воспользоваться случаемъ, чтобъ погубить Австрію: ее приписывали Бисмарку, котораго поспѣшили отправить въ Петербургъ, «какъ шампанское, которое держатъ во льду для позднѣйшаго употребленія», по его собственнымъ словамъ. Патріотовъ оскорбляло также презрѣніе Потсдама къ общественнымъ силамъ и конституціоннымъ принципамъ у себя дома; ихъ страшило заявленіе Вильгельма I о томъ, что его «задушевнѣйшая» мысль — «военная организація». Но у нихъ не было другого выбора. Тогда національная идея была либеральная и просвѣтительная; Италіи сочувствовали не только потому, что она объединялась, но и потому, что она освобождалась отъ деспотизма и іезуитства Австріи. Пруссія, какъ средоточіе нѣмецкой культуры и протестантства, какъ другъ Италіи, подавала надежды на лучшее будущее. Она же рисовалась тогда въ маскѣ «новой эры» и «неприкосновенности почвы отечества», какъ говорили ея министры въ палатахъ. Наконецъ, Гогенцоллернъ поневолѣ вручилъ тогда (1862 г.) бразды правленія беззавѣтному поборнику національной идеи—Бисмарку.

Выборъ былъ самый счастливый. Тогда «система» Гогенцоллерновъ, совсѣмъ терявшая кредитъ не только въ «отечествѣ», но и въ самой Пруссіи, могла быть спасена только отвлеченіемъ умовъ отъ внутренней политики путемъ національной идеи, которая вела къ жребію войны и къ ловкости дипломатіи, этихъ стихій новаго генія Пруссіи. Бисмаркъ—не конституціонный министръ: «ich liebe nicht das Innerliche» (не люблю внутреннихъ дѣлъ), говаривалъ онъ, и сразу запутался въ парламентской борьбѣ. Это — смѣлое, беззастѣнчивое, чуть не слѣпое орудіе принципа, который только онъ могъ провозгласить открыто: «сила предшествуетъ праву».

Въ 1847—1850 годахъ, Бисмаркъ былъ душой феодаловъ въ берлинскомъ парламентѣ; съ истинно-юнкерской дерзостью издѣвался онъ надъ «верховными правами народа» и защищалъ права помѣщиковъ.

Когда, въ концѣ 1848 года, королю предложили въ министры

«нѣкоего г. Бисмарка», тотъ написалъ на докладѣ: «красный реакціонеръ; пахнетъ кровью; употребить позже» [1]).

Теперь, когда Бисмаркъ становился майоръ-домомъ Пруссіи, общество заговорило:—«Ну, въ Пруссіи будутъ прекрасно хозяйничать» (schön hausen: вторая часть фамиліи Бисмарка—Schönhausen). Бисмаркъ тотчасъ выдвинулъ, безъ оглядки, «задушевнѣйшую» мысль и связанную съ нею теорію финансоваго произвола. Когда парламентъ обвинилъ его въ нарушеніи конституціи, а въ печати поднялся протестъ общества, послѣдовали гоненія на писателей и ссылки прогрессистовъ.

Бисмаркъ чувствовалъ, что его спасетъ магическое и очень простое средство—уже выяснившаяся національная идея. Онъ не участвовалъ въ ея созданіи, но умѣлъ приладиться къ ней для ея эксплуатаціи, когда она стала силой. Въ пору своихъ феодальныхъ вожделѣній онъ осмѣивалъ ее и благоговѣлъ передъ Вѣной. Но, уже будучи прусскимъ посланникомъ во Франкфуртѣ (1851—1859 гг.), этотъ юнкеръ вдругъ сталъ клясться, что истребитъ Австрію, хотя бы ему пришлось испытать «изгнаніе и даже эшафотъ». Въ 1861 году, онъ озадачилъ своихъ пріятелей въ берлинской палатѣ господъ, приславши имъ изъ Петербурга манифестъ, гдѣ рвалъ въ куски «нелѣпый» Нѣмецкій Союзъ, эту «теплицу революціоннаго партикуляризма». Въ слѣдующемъ году, его министерская программа возвѣстила: «великіе вопросы времени разрѣшаются кровью и желѣзомъ». Бисмаркъ тотчасъ же предложилъ Габсбургу удалиться изъ Вѣны въ Офенъ, чтобы оттуда совершать свою Восточную миссію. Война разразилась бы за три года до Садовой, еслибы не была пріостановлена Шлезвигскимъ вопросомъ.

Нація съ рѣдкимъ единодушіемъ требовала присоединенія эльбскихъ герцогствъ къ Германіи; Бисмаркъ рѣшилъ захватить ихъ для Пруссіи. Тутъ онъ одержалъ первую дипломатическую побѣду—привлекъ Габсбурга къ союзу съ Гогенцоллерномъ въ войнѣ съ Даніей. Правда, средство у него было нехитрое и ржавое, которымъ онъ обыкновенно пользовался съ успѣхомъ: онъ убѣдилъ австрійскаго императора, что голосъ націи былъ «происками революціонеровъ».

Гаштейнскій договоръ (1865 г.), подѣлившій герцогства между Вѣной и Берлиномъ, вызвалъ негодованіе «отечества» и презрѣніе Европы. Россель назвалъ Бисмарка «заслуживающимъ порицанія и недостойнымъ нашего времени». Нѣмцы сожалѣли, что не удалось покушеніе на жизнь Бисмарка весной 1866 года. На всемъ югѣ Германіи твердили, что господство «бисмаркизма» было бы «худшимъ національнымъ бѣдствіемъ, чѣмъ присоединеніе къ Фран-

[1]) «Rother Reaktionär, riecht nach Blut, später zu gebrauchen». Vitzthum, Berlin und Wien in den Jahren 1845—1852.

ціи». Палаты единодушно разрѣшали правительствамъ деньги на войну съ Пруссіей. Бисмаркъ поспѣшилъ схватиться за свое излюбленное средство: пруссаки безъ объявленія войны выгнали австрійцевъ изъ Голштейна. Мѣсяцъ спустя, разразилась битва у Садовой.

Самая непопулярная въ Европѣ личность вышла изъ борьбы увѣнчанною самыми завидными лаврами. Началась эпоха Бисмарка.

V.

Эпоха Бисмарка. — «Сѣверо-германскій Союзъ».

Въ 1866 году, Гогенцоллернъ вытѣснилъ Габсбурга изъ «отечества», пріобрѣлъ 1,000 кв. миль этого «отечества» съ 4 милліонами душъ и объединилъ по-своему часть Германіи, подъ именемъ покорнаго ему Сѣверо-германскаго Союза. Его остановила лишь роковая «майнская линія». Она была дѣломъ Наполеона III: Франція прозрѣла послѣ вѣкового ослѣпленія. Къ ней обращались взоры прижатыхъ къ стѣнѣ южныхъ князей: пылкій вюртембергскій министръ, Варнбюлеръ, открыто заявлялъ въ парламентѣ, что попроситъ помощи въ Парижѣ.

Но если Франція измѣняла своему старому другу, зато навстрѣчу ему шло счастье съ противоположнаго конца.

Вѣрная оцѣнка нѣмцевъ и силъ Австріи передъ войной была не особенно затруднительна. Труднѣе и важнѣе было предугадать международныя условія дѣла. А ключъ къ Садовой лежалъ именно здѣсь, въ особенности же въ Россіи, которая поспѣшно развивалась послѣ Крымской войны и, съ паденіемъ Франціи, пріобрѣтала первенствующую роль въ европейскихъ вопросахъ. Какъ мы видѣли, переворотъ въ нѣмецкой политикѣ Петербурга подготовлялся въ пору Крымской войны. Лѣтъ десять спустя, вспыхнулъ польскій мятежъ. То было первое испытаніе для дипломатическаго таланта Бисмарка. Впрочемъ, тутъ ему не приходилось много думать: съ одной стороны, стремленія повстанья, очевидно, были опасны не для одной Россіи, но и для Пруссіи съ Австріей[1]); съ другой—уже осенью 1860 года послѣдовалъ, въ Варшавѣ, первый примѣръ свиданія трехъ монарховъ-сосѣдей. Прусское правительство протянуло руку русскому. Бисмаркъ не боялся общественнаго мнѣнія, которое ярко проявлялось тогда и въ обществѣ, и въ печати, и въ парламентѣ, назвавшемъ его политику «родственно-династическою сдѣлкой»: онъ издалъ суровый законъ противъ печати и прибѣгнулъ къ «инструменту побѣды» (какъ называлъ король армію), поспѣшивши съ войной изъ-за Шлезвига.

---

[1]) В. Спасовичъ: «Жизнь и политика Вѣлёпольскаго». Спб., 1882 г., гл. XXIII.

Послѣ Садовой все дѣло было въ томъ, что̀ скажетъ Россія, говоритъ новѣйшій историкъ событій [1]), и такъ описываетъ ихъ, на основаніи документовъ и воспоминаній дипломатовъ: «Всеообщее вниманіе было устремлено на Вюртембергъ, гдѣ королевой была высокочтимая въ Петербургѣ Ольга Николаевна. Прославленная въ Европѣ за свою классическую красоту, она была живымъ портретомъ самаго величественнаго изъ монарховъ: у нея была его осанка, его правильность чертъ, его проницательность взгляда. Отецъ мечталъ о престолѣ для нея: онъ выдалъ ее замужъ, вопреки ея склонностямъ, за вюртембергскаго принца (который, прибавимъ, былъ годомъ моложе нея). Питомица блестящаго общества, обладательница утонченныхъ манеръ, она внезапно очутилась, съ разбитымъ сердцемъ, въ жалкой мѣщанской средѣ. Одаренная замѣчательнымъ умомъ, она съумѣла пріобрѣсти большое вліяніе на своего мужа, котораго держалъ въ тѣни недовѣрчивый отецъ-эгоистъ. Кронпринцесса лишь въ предѣлахъ долга интересовалась судьбою своего второго отечества: у нея не было потомства. Ея взоры были прикованы къ Невѣ. Вельможныя дамы изъ Россіи поселялись въ Штутгартѣ, помогая ей разсѣивать тоску по родинѣ и закалять душу въ воспоминаніяхъ юности. Ея кружокъ, это блѣдное, но вѣрное отраженіе впечатлѣній русскаго двора, былъ поистинѣ политическимъ термометромъ для иностранныхъ посольствъ... Князь Горчаковъ велъ переговоры о бракѣ великой княжны Ольги Николаевны и руководилъ ея политическимъ воспитаніемъ: онъ не забывалъ своей ученицы; онъ помнилъ, что отчасти ей былъ обязанъ великими милостями императора и что продолжительная миссія въ Штутгартѣ была исходною точкой его блестящаго поприща».

Вюртембергъ, гдѣ въ 1864 году Ольга Николаевна стала королевой, былъ, казалось, охраненъ отъ всякихъ послѣдствій гнѣва и вожделѣній Бисмарка. При первыхъ пораженіяхъ Австріи, королева умоляла своего царственнаго брата о помощи. Онъ обѣщалъ предстательствовать за нее у своего дяди, Вильгельма I, но прибавлялъ: «все сдѣлаю для васъ, кромѣ войны». Тогда—замѣчаетъ Ротанъ—Россія собиралась воспользоваться раздраженіемъ между Франціей и Пруссіей въ своихъ Восточныхъ видахъ: чтобъ разорвать Парижскій трактатъ, она отказывалась отъ вѣкового вліянія въ Германіи, которое такъ ревниво охраняли Николай I и Нессельроде.

Другое дѣло Дармштадтъ: сестра его великаго герцога была русскою императрицей. Тутъ Бисмаркъ взялся за свое любимое дипломатическое средство—«предлагать все, что̀ не принадлежитъ ему», какъ выразился Наполеонъ III при свиданіи въ Біаррицѣ

---

[1]) Rothan: «L'Allemagne au lendemain de la guerre de 1866»; въ «Revue d'histoire diplomatique», 1887, № 4.

(1864). Прежде всего онъ предложилъ тому же Наполеону за нейтралитетъ весь французскій языкъ—Бельгію, Люксембургъ, французскую Швейцарію и часть Пьемонта. Затѣмъ, столь же развязно предложилъ великому герцогу баварскій Пфальцъ за Дармштадтъ, а баварскому потентату—клочекъ родственнаго и послушнаго Берлину Бадена да... часть Вюртемберга. На протестъ возмущеннаго цинизмомъ сдѣлки баварскаго министра онъ отвѣтилъ: «такъ какъ никто не заботится о васъ, то справедливо, чтобы вы заплатили за всѣхъ». Эти слова еще больше шли къ Вюртембергу.

Въ средоточіи Европы открылась всеобщая погоня за землями, напомнившая времена Наполеона I. Когда Дармштадтъ отказался отъ сдѣлки, полагаясь на поддержку Россіи, Бисмаркъ безцеремонно потребовалъ присоединить къ Сѣверо-германскому Союзу его сѣверную половину безъ вознагражденій—идея, которую внушили ему изъ Вюртемберга. Затѣмъ всѣ—и Дармштадтъ, и Вюртембергъ, и Баварія, замѣтивши свою роль игралища Потсдама и уразумѣвши новую политику Петербурга, бросились въ объятія Франціи. Въ Тюльери растерялись, а Наполеонъ III даже заболѣлъ, такъ что Друэнъ-де-Люисъ воскликнулъ: «не знаю, съ кѣмъ и говорить!» Впрочемъ, этотъ несчастный министръ обнадеживалъ своихъ нѣмецкихъ просителей. Онъ собирался даже мобилизовать войска. Но между тѣмъ какъ его государь открыто проводилъ «майнскую линію», которою долго тщеславился, самъ онъ тайно, но собственноручно, потребовалъ присоединенія къ Франціи баварскаго Пфальца и зависѣвшаго отъ Дармштадта Майнца.

Бисмаркъ воспользовался автографомъ неосторожнаго торгаша, чтобы возстановить Россію противъ Франціи и притянуть къ себѣ южную Германію для борьбы съ зарейнскимъ врагомъ «фатерланда». Въ самомъ дѣлѣ, какъ смѣлъ французскій министръ тревожить Дармштадтъ! Это—привилегія Бисмарка.

Варнбюлеръ первый бросился въ объятія Бисмарка, съ обезоруживающимъ цинизмомъ. Онъ сказалъ ему: «мы ошиблись, вступая въ союзъ съ Австріей; мы считали ее сильнѣе васъ, но вы доказали, что сила на вашей сторонѣ».

Роль Россіи опредѣлилась среди международной суматохи, порожденной Садовою. Вюртембергскій наблюдатель, маркизъ Шатоденаръ, свидѣтельствуетъ: «Я говорилъ въ свое время, какъ сильно выражался русскій уполномоченный о Варнбюлерѣ и его прусскихъ склонностяхъ. Но послѣ проѣзда императора Александра и князя Горчакова черезъ Штутгартъ царскій посланникъ уже говорилъ иначе: онъ сталъ апологетомъ нѣмецкой политики берлинскаго кабинета. Это — столь же внезапная (brusque), какъ и полная перемѣна».

VI.

Та же эпоха. Нѣмецкая имперія.

Теперь потсдамская идея могла развиваться смѣло, ломая внутреннія препятствія, какъ соломинки. Что за важность пресловутая «майнская линія», которою могъ восхищаться лишь падающій тюльерійскій сфинксъ! Отважный всадникъ перескочитъ ее, какъ канаву: «наше дѣло было посадить Германію въ сѣдло, а тамъ ужъ она сама поѣдетъ», сказалъ Бисмаркъ съ юнкерскою образностью выраженій. Власть Гогенцоллерна въ Сѣверномъ Союзѣ была всесильна, вслѣдствіе своей неопредѣленности. Пруссія во всемъ «отечествѣ» владѣла «инструментомъ побѣды»: южныя государства обязались выставлять войска по ея требованію. Бисмаркъ тотчасъ же схватился за возстановленіе Таможеннаго Союза на югѣ, прекращеннаго войной, что было первымъ нарушеніемъ «майнской линіи»: въ первомъ же засѣданіи таможеннаго парламента (конечно, въ Берлинѣ) всѣ трактовали не о мизерныхъ тарифахъ, а объ «единой Германіи» (1868). А на улицахъ Берлина происходили трогательныя оказательства любви къ братьямъ изъ «отечества». Въ то же время прусскій парламентъ превратился изъ «прогрессивнаго» въ «національно-либеральный»: онъ хотѣлъ сразу присоединить къ Пруссіи чуть ли не всю Германію.

Но все-таки и здѣсь пахло этимъ несноснымъ либерализмомъ, который всюду стоялъ на дорогѣ пророка «крови и желѣза». А затѣвалось страшно трудное, рискованное дѣло—увѣнчаніе гогенцоллернскаго зданія посредствомъ борьбы съ гордымъ сосѣдомъ, который съ Вестфальскаго мира распоряжался судьбами Германіи, а подчасъ и всей Европы. И вотъ, на удивленіе исторіи, въ лицѣ Бисмарка происходитъ внезапное претвореніе прусскаго «юнкера» въ государственнаго мужа современнаго образца. Онъ проситъ у парламента прощенія за произвольное правленіе. Онъ восторгается «правами народовъ», разрываетъ съ феодалами; какъ радикалъ, громитъ аристократическую теорію трехклассныхъ выборовъ и двухъ палатъ. Онъ даже прямо говоритъ, насмѣхаясь надъ прежнимъ Бисмаркомъ, что «право предшествуетъ силѣ» [1]). Онъ преподаетъ уроки скромности палатѣ въ земельныхъ похотяхъ, оплакивая судьбу злополучныхъ потентатовъ Германіи и строго указывая на священную «майнскую линію», которую долженъ соблюдать всякій честный нѣмецъ. Онъ обнаруживаетъ передъ лицомъ міра неслыханную привязанность къ трактатамъ и даже срываетъ Люксембургскую крѣпость, чтобы успокоить Наполеона III, который

---

[1]) Рѣчь въ имперскомъ сеймѣ 11 марта 1867. Klüpfel: «Geschichte der deutschen Einheitsbestrebungen», II, 186 и слѣд.

потребовалъ-было ее себѣ на свиданіи съ Францемъ-Іосифомъ въ Зальцбургѣ. А главное—онъ проповѣдуетъ миръ, миръ во что бы то ни стало, и чуть ли не вѣчное въ человѣцѣхъ благоволеніе. Онъ съ жаромъ юношеской искренности увѣрялъ желающихъ слушать, что именно ради сохраненія мира Пруссія обязана улучшать свой «инструментъ побѣды», быть первою военною державой въ Европѣ. Развѣ кто-нибудь могъ знать, что у Мольтке уже хранился пресловутый планъ «оборонительной войны въ формѣ наступательной?»...

Можно было догадываться, на что мѣтитъ этотъ планъ. Въ теченіе 1866—1870 годовъ взоры Бисмарка были прикованы къ западному горизонту—и онъ усмотрѣлъ тамъ грозное наступленіе исконнаго врага германскаго племени, стражемъ котораго сталъ Гогенцоллернъ.

Война была необходима для завершенія потсдамской идеи. Именно тогда, подъ вліяніемъ Садовой и особенно порожденнаго ею торга землями, партикуляризмъ поднялъ голову. Для южанъ Сѣверо-германскій Союзъ былъ «проклятіемъ, прусскимъ цезаризмомъ, податнымъ прессомъ, блескомъ прусской фамильной политики». По свидѣтельству нѣмецкихъ историковъ, вообще, весной 1870 года національныя стремленія были слабѣе, чѣмъ осенью 1866. Объединеніе Германіи могло совершиться лишь съ помощью игольчатаго ружья, на кровавыхъ поляхъ за Рейномъ. Оно и совершилось на намѣченномъ пути.

1-го января 1871 года Гогенцоллернъ сталъ нѣмецкимъ императоромъ. Только въ значеніи Седана для Франціи, а слѣдовательно и для будущаго Европы, самъ Бисмаркъ долженъ былъ признать неисповѣдимость путей Провидѣнія.

Система Фридриха II была завершена въ четыре поколѣнія блистательнѣйшимъ эпилогомъ. Лучшею ея характеристикой служитъ устройство новой имперіи. Это—своеобразное явленіе въ области государственнаго права: по формѣ она—конституціонная монархія, на дѣлѣ—диктатура имперскаго канцлера, который безотвѣтственъ по самой буквѣ уложенія. Здѣсь отпечатлѣлся характеръ Бисмарка: имперскій сеймъ столько разъ требовалъ отвѣтственности, что, кажется, ужъ махнулъ рукой на это дѣло; Бисмаркъ всегда открыто и горячо отстаивалъ диктатуру, не считая этого вопроса щекотливымъ для себя. Такое откровенное упорство можетъ основываться только на силѣ идеи: Бисмаркъ не ошибается, думая, что для нѣмцевъ еще нуженъ его старый конекъ.

Но въ чемъ же должно состоять дальнѣйшее увѣнчаніе зданія германскаго націонализма? Куда поѣдетъ Германія, не только посаженная въ сѣдло, но и совершившая одну изъ отдаленныхъ прогулокъ?

VII.

Появленіе Германіи на Восточномъ горизонтѣ.

Временно покончивъ счеты съ Западомъ, новая Германія неизбѣжно должна была обратиться грудью къ Востоку. Завязался одинъ изъ главныхъ историческихъ узловъ: началась неразрывная связь между крупнѣйшими процессами современности—между вопросами Нѣмецкимъ и Восточнымъ. Могло ли быть иначе? Вытѣсненіе Австріи изъ «фатерланда» неизбѣжно увлекало ее на Востокъ, что̀ ясно сознавалъ Бисмаркъ уже при своемъ вступленіи въ министерство, какъ мы замѣтили выше. Движеніе такой міровой важности не могло совершаться безъ участія такой великой державы, какъ Германія, тѣмъ болѣе, что часть нѣмцевъ, оставшихся въ Австріи, фактически связывала политику Берлина и Вѣны. Съ другой стороны, такое могущественное сосѣдство, какъ Нѣмецкая имперія, должно было тревожить не только французовъ, но и русскихъ, въ силу врожденнаго народамъ инстинкта самосохраненія. Не забудемъ, что національный процессъ въ Германіи не завершился. Свѣтило нѣмецкой публицистики, Робертъ Моль, пожелавшій съ самаго начала вѣнчать имперію и особенно Бисмарка признаніемъ науки [1]) принужденъ былъ сказать: «собираніе нѣмецкой національности до возможныхъ предѣловъ замѣтно вліяетъ на натянутыя отношенія Германіи къ иностраннымъ державамъ; со всѣхъ сторонъ ее окружаетъ или вражда, или крайне сомнительная и лишь внѣшняя дружба».

Эта связь двухъ основныхъ вопросовъ текущей политики очевидна даже во внѣшней оболочкѣ событій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, разверните только печатныя страницы новѣйшей дипломатической исторіи, не страшась эзоповскаго языка ея изысканной вѣжливости: если повѣрить, что языкъ данъ дипломатамъ для утаиванья, то мыслей, а не желаній, которыя, какъ ни вертись, а приходится заявлять. На этихъ страницахъ сначала, въ борьбѣ Запада съ Россіей изъ-за Турціи, вы встрѣчаете вездѣ, подъ именемъ «державъ», Францію, Англію и Австрію: послѣ Крымской войны, въ особенности же послѣ Седана, неизбѣжно наталкиваетесь на имя Берлина.

Но роль Нѣмецкой имперіи въ Восточномъ вопросѣ не можетъ быть понята безъ бѣглаго обзора предшествовавшей работы «державъ».

Орудіемъ политической борьбы на Балканскомъ полуостровѣ, подчиненномъ лунѣ, конечно, долженъ былъ оказаться крестъ, т. е. положеніе райи или христіанскихъ подданныхъ султана. Послѣд-

---

[1]) Mohl: «Das deutsche Reichsstaatsrecht», 1873.

нее издавна занимало вниманіе Австріи, но серьезно выдвинулось съ усиленіемъ Россіи. Одною изъ важнѣйшихъ страницъ въ исторіи дипломатіи, вообще, была VII статья Кайнарджійскаго договора (1774): «Высокая Порта обѣщаетъ твердое покровительство христіанской религіи и ея церквамъ». Статья была подтверждена договорами въ Бухарештѣ (1812) и Адріанополѣ (1829).

Это значило, что турки, умѣвшіе вводить военныя реформы, должны были взяться и за реформы политико-соціальныя, которыя по плечу только очень цивилизованнымъ націямъ. Вскорѣ они сами сознали новую задачу и поступили самостоятельно, но такъ же, какъ Австрія въ 1849 году: мы разумѣемъ гатти-шерифъ 1839 года, эту основу административной централизаціи съ намеками на будущую конституцію.

Смыслъ слѣдующихъ пятнадцати лѣтъ заключался въ плохомъ исполненіи гатти-шерифа, вызвавшемъ вмѣшательство Европы. «Державы» воспользовались случаемъ перехватить роль Россіи передъ лицомъ райи. Лишь только вспыхнула Крымская война, въ сущности изъ-за того, что Порта нарушила знаменитую VII статью, какъ Франція, Англія и Австрія выступили съ «гарантіями» въ пользу райи (1854), которыя заставляли Россію отказаться отъ статьи, а сами повторяли ея содержаніе. У райи оказалась смѣна опекуновъ, пожираемыхъ взаимною ревностью изъ любви къ ней.

«Гарантіи» сослужили хорошую службу «державамъ». На основаніи ихъ, султанъ издалъ гатти-гумаюнъ 1856 года, который даровалъ райѣ больше правъ, чѣмъ сколько получили они до того изъ рукъ Россіи; онѣ же послужили основаніемъ переговоровъ съ Россіей въ Парижѣ. Онѣ появились въ Парижскомъ трактатѣ 1856 года въ видѣ IX статьи, освящавшей гатти-гумаюнъ. Пальмерстонъ тотчасъ же пояснилъ въ парламентѣ, что эта статья означаетъ право «державъ» вмѣшиваться въ дѣла Порты, руководить султаномъ.

Это на бумагѣ. Но тогда же совершилось въ жизни негромкое, но многообѣщавшее врагамъ Россіи явленіе, которое показывало, что и въ Восточномъ вопросѣ наступала прусская эпоха: австрійскія войска, обыкновенно помогавшія Россіи при ея столкновеніяхъ съ Портой, войска, недавно спасенныя Николаемъ I отъ истребленія мадьярами, бивуакировали въ Дунайскихъ княжествахъ совсѣмъ съ другою цѣлью. Въ Европѣ заговорили объ австрійской «неблагодарности», какъ въ былыя времена о честномъ словѣ пунійца или грека. Но здѣсь впервые обрисовалась, за спиной Габсбурга, тѣнь Гогенцоллерна въ Восточномъ вопросѣ: австрійской оккупаціи княжествъ предшествовалъ берлинскій договоръ 1854 года между ними. По словамъ д'Авриля, этимъ договоромъ Пруссія разомъ достигала «обѣихъ своихъ цѣлей въ Восточномъ вопросѣ—сохраненія родственной дружбы Петербурга и обезпеченія жизнен-

ныхъ интересовъ Германіи, т. е. нѣмецкаго Drang nach Osten». Подготовлялся исходъ для Австріи, которую нужно же было дѣвать куда-нибудь, въ виду ея вытѣсненія изъ «фатерланда».

VIII.

«Больной человѣкъ» и его врачи, съ участіемъ новаго товарища.

Порта оказалась неспособной къ политико-соціальному преобразованію. «Гатти-гумаюнъ остался мертвою буквой», по сознанію самого Times'а. Всеобщее недовольство росло отъ грабительства чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что однимъ изъ условій «реформы» было обезоруженіе райи, а въ Болгаріи усилили мусульманство поселеніемъ ушедшихъ изъ Россіи черкесовъ и татаръ. «Державы» очищали свою совѣсть дружескими совѣтами султану, а предложеніе Горчакова, въ 1860 году, помочь райѣ посредствомъ конференціи пяти державъ, разбилось о сопротивленіе Англіи.

Но зато въ Лондонѣ восторженно заговорили о «новой эрѣ», когда воцарился Абдулъ-Азисъ (1861). Правда, Порта стала принимать европейскій (собственно французскій) видъ, но лишь снаружи. Главная изъ новыхъ реформъ—дѣленіе имперіи на вилаеты—была продолженіемъ административной централизаціи или развитіемъ тяжкаго даже для мусульманъ чиновничества—идея, которая одушевляла даже «юную Турцію», мечтавшую о конституціи. Негодность для разноплеменнаго государства этой идеи, убивавшей старое дѣленіе по естественнымъ, историческимъ группамъ, была признана, на константинопольской конференціи 1877 года, даже спеціалисткой въ дѣлахъ такого рода—Австріей.

Отсюда начало, съ 1867 года, торжественнаго обсужденія Европой реформы самихъ реформъ. Тутъ отчетливо обнаружилась непримиримость взглядовъ у тяжущихся сторонъ: «державы» стояли за основу гатти-гумаюна, Россія—за децентрализацію въ формѣ стараго «устройства общинъ», покоющагося на «различіи народностей, религій, обычаевъ и мѣстныхъ правъ». Печальныя, еще живыя въ нашей памяти событія 1875—1876 годовъ за Дунаемъ, да займы и хроническіе дефициты, незнакомые старой Турціи,—вотъ слѣдствія реформъ подъ вліяніемъ «державъ».

Пришлось снова составлять консиліумъ у постели «больного человѣка», какъ назвалъ Турцію еще Николай I. На этотъ разъ всѣ соглашались въ необходимости децентрализаціи, но расходились въ вопросахъ, какъ склонить паціента къ принятію лѣкарства и какой прописать медикаментъ—дѣйствующій на весь организмъ или на особенно пораженные члены? Съ другой стороны, всѣ врачи разошлись съ больнымъ: онъ вздумалъ самъ лѣчиться посредствомъ конституціи 1877 года. Это—дѣло «юной Турціи», которая, подра-

жая Кавуру, написала на своемъ знамени: «Турція fará da se» (сама по себѣ). Результатомъ всѣхъ этихъ разногласій и рѣдкаго въ исторіи дипломатическаго тумана была война 1877—1878 годовъ

Туманъ, очевидно, связанъ съ вступленіемъ въ дѣло новаго дѣятеля, безъ котораго нельзя было обойтись послѣ Седана. Въ 1875 году, по поводу герцеговинскаго возстанія, Россія приглашала Францію къ содѣйствію, заявляя, что она, заодно съ Берлиномъ, предложила Вѣнѣ остановить волненія дипломатическимъ путемъ. Такъ началась совмѣстная дѣятельность трехъ императоровъ. Ея первымъ крупнымъ плодомъ былъ планъ реформы для Босніи и Герцеговины, составленный графомъ Андраши въ концѣ года. Это—торжество идеи децентрализаціи. Планъ былъ поддержанъ остальными державами и принятъ султаномъ. Но герцеговинцы отвергли его, не вѣря туркамъ, а турки стали предаваться насиліямъ. Отсюда берлинскій меморандумъ трехъ императоровъ, въ маѣ 1876 года.

Это уже была не шутка: бумага требовала «поналечь» (peser) на султана, принять «дѣйствительныя мѣры» для исполненія реформъ. Но и она осталась бумагой, вслѣдствіе сопротивленія Англіи. А пока бумага ходила по канцеляріямъ державъ, возстали болгары—уже въ третій разъ въ теченіе десятилѣтія. Послѣдовало звѣрское усмиреніе, герои котораго и теперь ненаказаны, благодаря англичанамъ: иные получили даже награды. Затѣмъ — «усложненія»: лѣтомъ началась война Черногоріи и Сербіи съ Портой, а герцеговинскія волненія охватили Боснію.

Англія спохватилась: она поспѣшила вырвать изъ рукъ трехъ императоровъ важное политическое орудіе—симпатіи угнетенныхъ. Лорду Дерби вдругъ стало жаль болгаръ. Онъ засуетился, но сначала такъ, что только мѣшалъ державамъ; лишь подъ давленіемъ «митинговъ негодованія», онъ выступилъ, наконецъ, съ программой реформъ, напоминавшей берлинскій меморандумъ. Но было уже поздно.

Таинственно, какъ всякое зарожденіе въ природѣ, совершилось событіе, которое гнететъ до сихъ поръ мысль и чувство европейца, особенно восточнаго, взывая къ призраку потоковъ крови. Наука покуда не въ силахъ взвѣсить долю отвѣтственности новаго актера въ драмѣ Восточнаго вопроса: въ настоящую минуту историкъ можетъ только умозаключать, руководясь своимъ опытомъ въ аналогіяхъ и въ логикѣ событій, да присматриваясь къ минамъ дипломатовъ, которые знаютъ больше.

Въ маленькомъ австрійскомъ городкѣ, Рейхштадтѣ, состоялось соглашеніе между Россіей и Австріей, при участіи Берлина. «Съ тѣхъ поръ,—говоритъ д'Авриль,—было вполнѣ и безповоротно уговорено между тремя императорами, что ни въ теченіе предвидѣнной борьбы, ни въ связанныхъ съ нею сдѣлкахъ отнюдь не будутъ на-

рушены ни жизненные и постоянные интересы Германіи, ни спеціальные интересы и стремленія Австріи». Указывая на вѣрность Пруссіи самой себѣ, начиная съ Берлинскаго договора 1854 года, онъ прибавляетъ: «У нея непоколебимая цѣль — русскій союзъ, умѣряемый интересами Германіи, и сообщничество съ Австріей, потому что Австрія — авангардъ, піонеръ Германіи на Востокѣ. Оттого-то теперь вопросъ не въ одномъ Придунайскомъ краѣ, а уже въ Македоніи и Салоникахъ. Австрія — десница Германіи, простертая уже не только къ Черному, но и къ Эгейскому морю. Это новое вожделѣніе тѣмъ опаснѣе, что на пути къ Салоникамъ Германія не встрѣчается такъ прямо съ Россіей, какъ на Дунаѣ, а Англія издавна приковала свои взоры исключительно къ Россіи: Москва загораживаетъ ей Берлинъ» [1]).

Итакъ, прусская идея ясна въ рейхштадтской сдѣлкѣ. Но тогда желающіе еще могли вѣрить, что общая цѣль трехъ друзей будетъ достигнута общими усиліями. Конечно, каждая сторона должна была стремиться получить побольше съ наименьшими жертвами. Но вышло такъ, что осенью того же года Россія выступила одна съ предложеніемъ, которое почти задаромъ вело къ полямъ Плевны и такъ посадило Австрію въ сѣдло, на Балканскомъ полуостровѣ, что дальше она уже могла ѣхать сама. По ея плану, Австрія должна была занять Боснію, Россія—Болгарію, а флотъ державъ—Босфоръ. Такъ Россія вступила въ полосу огня, а всѣ отступились отъ нея. Даже Австрія холодно встрѣтила предложеніе: мадьяры испугались, что съ присоединеніемъ Босніи и Герцеговины они расплывутся въ славянскомъ морѣ. Въ Англіи же мгновенно произошло сліяніе общества съ правительствомъ: митинги негодованія смѣнились оказательствами ненависти русскому казаку, котораго англичане видѣли уже скачущимъ изъ Болгаріи въ Константинополь и Индію.

Но Сербія, гдѣ уже лилась кровь нашихъ добровольцевъ, погибала—и Россія предложила «принудить» (imposer) воюющихъ къ перемирію. «Перемиріе — да, но безъ принужденія, при томъ съ цѣлью составить конференцію», возвѣстилъ Дерби и впервые упомянулъ о знаменитыхъ «интересахъ Англіи». Всѣ соглашались съ нимъ. Но Бисмаркъ сталъ за Россію — и она погрозила султану войной, если онъ не исполнитъ ея требованія тотчасъ же. Война съ сербами и черногорцами вдругъ прекратилась. Въ тотъ же день, въ Ливадіи, выяснились «интересы Англіи». Русскій императоръ успокоивалъ британскаго посланника на случай, если ему придется «дѣйствовать одному». Онъ сказалъ, не разъ употребивши честное слово: «Я не мечтаю о расширеніи предѣловъ имперіи, не имѣю ни малѣйшаго желанія и намѣренія овладѣть Кон-

[1]) d'Avril: «Traité de Berlin», 312—313.

стантинополемъ и покорить Индію; если бы необходимость заставила меня занять Болгарію, то лишь временно, до мира».

Такъ, совѣщанія консиліума превратились въ діалогъ между Петербургомъ и Лондономъ. Англія снова выдвинула вопросъ о конференціи державъ, и опять съ неопредѣленными гарантіями и съ прямымъ требованіемъ сохранить «цѣлость» владѣній больного человѣка. Россія смѣло назвала вещи своимъ именемъ, критикуя «пальятивы, полумѣры, призрачныя программы» и отвергая цѣлость Турціи. Англія защищала такое неправое дѣло, во имя своихъ эгоистическихъ «интересовъ», что ей стало неловко передъ всѣми — и 1877 годъ начался константинопольскою конференціей, гдѣ, при всѣхъ уступкахъ въ пользу Турціи, было признано новорожденное дитя и окрещено названіемъ Болгаріи. Но было поздно: Порта отвергла рѣшеніе конференціи, ссылаясь на приговоръ народа, которому была дарована тогда мимолетная конституція. Разразилась русско-турецкая война 1877—1878 годовъ.

IX.

Дипломатическая война 1877—1878 годовъ. «Честный маклеръ».

Шагъ за шагомъ, наравнѣ съ громомъ русско-турецкаго оружія, шла дипломатическая перестрѣлка: собственно продолжался крупный разговоръ между Лондономъ и Петербургомъ, при чемъ понемногу обозначался голосъ новаго, дѣятеля въ Восточномъ вопросѣ.

Еще русскіе не перешли Дуная, какъ, въ маѣ 1877 года, Дерби опредѣлилъ англійскіе «интересы»: онъ грозилъ войной, если Россія коснется Константинополя, проливовъ или... Суезскаго канала. Горчаковъ отвѣчалъ уклончиво: только вопросъ о проливахъ предоставлялся «общему согласію» державъ; интересами Россіи выставлены лишь племенныя и религіозныя связи съ большею частью турецкихъ христіанъ. Въ іюнѣ онъ прибавилъ, что Россія удовольствуется, собственно для себя, уступленною въ 1856 году Бессарабіей и Батумомъ, предоставляя Австріи Боснію и часть Герцеговины. Тогда Дерби написалъ своему посланнику при Портѣ, что Англія обязана защищать Турцію, какъ свою «полезную, если не необходимую союзницу», какъ «оплотъ противъ честолюбивыхъ замысловъ Россіи на Востокѣ».

Но пока Англія собиралась защищать Турцію, пала Плевна. Затѣмъ, въ январѣ 1878 года, Дерби потребовалъ, чтобы мирились не иначе, какъ при участіи Европы: дѣло касалось, по его мнѣнію, европейскихъ договоровъ 1856 и 1871 годовъ. Россія не противорѣчила. Тутъ внезапно выступила Австрія: она формально предложила конгрессъ, назначая его мѣстомъ Берлинъ, чего потребовала и Россія. Между тѣмъ жизнь подготовила матеріалъ, съ котораго

должна была начинаться работа конгресса: въ мартѣ состоялся «предварительный договоръ» въ С.-Стефано, который создавалъ Болгарію почти въ размѣрахъ константинопольской конференціи и дѣлилъ протекторатъ надъ Босніей, Герцеговиной и Черногоріей пополамъ между Россіей и Австріей. Оффиціальное приглашеніе на конгрессъ было выражено Германіей такъ: «для свободнаго обсужденія предварительнаго договора въ С.-Стефано во всей его цѣлости».

Пока собирался конгрессъ, дипломатическій діалогъ былъ въ разгарѣ. Россія понимаетъ конгрессъ въ смыслѣ ареопага для вопросовъ, «связанныхъ съ европейскими интересами», Англія—для «всѣхъ вопросовъ», затронутыхъ въ С.-Стефано. Россія готова остановиться предъ Константинополемъ, въ виду серьезныхъ угрозъ Дерби, но требуетъ, чтобы и Англія не покушалась ни на Константинополь, ни на проливы. Англія сначала молчитъ, потомъ вдругъ занимаетъ флотомъ Дарданеллы и даже Мраморное море, вопреки трактатамъ и волѣ Порты. Она ссылалась на необходимость защищать своихъ подданныхъ, въ столицѣ султана, отъ предполагаемой анархіи. Россія заявила, что займетъ столицу съ тою же цѣлью, только желая защищать «всѣхъ христіанъ». Англія звала къ Константинополю флоты другихъ державъ, но получила отказъ—и состоялся конгрессъ. Дипломатическая сцена передвинулась въ Берлинъ. Наступала рѣшительная минута, когда никакой эзоповскій языкъ не могъ исказить прямой отвѣтъ на требованія исторіи

Здѣсь опять даемъ слово нашему автору, какъ лицу не только свѣдущему, но и нейтральному. Д'Авриль говоритъ, припоминая рейхштадтскую сдѣлку:

«Императоръ Александръ II сдержалъ обѣщаніе съ лихвой, поступившись даже своимъ вліяніемъ на часть юго-славянъ. Никогда не должно забывать, что если союзъ, скажу больше—миръ между Россіей и Пруссіей сохранился въ 1854 и 1878 годахъ, то потому, что Россія не коснулась интересовъ и стремленій Германіи. Прибавлю съ увѣренностью, что еслибы она поступила иначе, Пруссія тогда же начала бы войну съ нею, вопреки дружбѣ монарховъ и оказаннымъ услугамъ. Если завтра постоянные и существенные интересы Германіи будутъ затронуты Россіей, завтра же Пруссія объявитъ ей войну. Да, на прусскихъ вѣсахъ нѣмецкій интересъ всегда перетянетъ заботу о русскомъ союзѣ. На этой нѣмецкой почвѣ Россія много разъ дѣлала уступки и приносила жертвы, Пруссія же—никогда. Другими словами: въ силу торговыхъ и другихъ связей, въ Восточномъ вопросѣ нѣмецкій императоръ—больше союзникъ Австріи, чѣмъ другъ Россіи. Мы сказали, что русскій императоръ съ самаго начала умѣлъ, съ высокимъ политическимъ тактомъ, жертвовать рѣшительно и безъ заднихъ мыслей всѣмъ, что могло сколько-нибудь повредить интересамъ, для которыхъ

прусскій король или нѣмецкій императоръ—suus et necessarius стражъ. Стало быть, дѣйствительный союзъ между двумя дворами возможенъ только при условіи, что за Россіей сохраняется свобода дѣйствій, пока Пруссія не вмѣшается, чтобы взвѣсить на нѣмецкихъ вѣсахъ слѣдствія побѣды» [1]).

Въ теченіе войны Бисмаркъ держалъ себя другомъ Россіи, отклоняя, даже грубовато, заискиванья турокъ, румынъ и отчасти англичанъ. Мы видѣли, что Россія поспѣшила разсчитаться съ нимъ въ С.-Стефано. Но за 12 дней до этого событія, 19 февраля 1878 года, онъ сказалъ, въ имперскомъ сеймѣ, рѣчь, которую должно считать первою сознательною программой Германіи въ Восточномъ вопросѣ. Здѣсь-то появился пресловутый честный маклеръ, который ведетъ «государственную, а не газетную политику».

Онъ торжественно заявилъ, въ виду криковъ печати о великомъ значеніи нѣмецкаго «посредничества»: «ничего подобнаго быть не можетъ, пока я буду совѣтникомъ моего государя; знаю, что этимъ заявленіемъ я разрушаю много надеждъ, но не думаю, чтобы намъ слѣдовало вступить на Наполеоновскій путь; мы не хотимъ быть ни рѣшителями судебъ Европы, ни даже ея учителями». Желая всѣмъ угодить, маклеръ, съ одной стороны, признается въ «дружественныхъ отношеніяхъ» къ Англіи, съ другой—подтверждаетъ существованіе «отношеній между тремя императорами,—если могу такъ выразиться (обыкновенно говорятъ: «союзъ трехъ императоровъ»). Онъ увѣряетъ, что эти отношенія вовсе «не покоятся на письменныхъ обязательствахъ; и ни одинъ изъ императоровъ не обязанъ уступать голосу двухъ другихъ»: они основаны «на личныхъ сочувствіяхъ трехъ монарховъ, на личномъ довѣріи, связывающемъ эти августѣйшія особы, на личныхъ отношеніяхъ между ихъ правящими министрами, установленныхъ долгими сношеніями».

Коснувшись деликатнаго вопроса объ Австріи и Россіи, маклеръ прибавилъ: «При разногласіяхъ между ними, мы никогда не старались составить большинство двухъ противъ одного, а принимали формально сторону то той, то другой, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда наши желанія склонялись болѣе въ одну, чѣмъ въ другую сторону. Такое воздержаніе вытекало изъ опасенія, что связь еще не настолько окрѣпла, чтобы одна держава жертвовала своими несомнѣнными политическими и національными интересами изъ любезности къ другой или третьей. Никакая держава не приноситъ такихъ жертвъ pour les beaux yeux другой. Это случается лишь тогда, когда на мѣсто доводовъ выступаютъ соображенія о взаимныхъ силахъ. При нихъ каждая изъ сторонъ могла бы сказать себѣ: «очень непріятно дѣлать такую уступку, но еще не-

---

[1]) D'Avril: «Traité de Berlin», 313—314.

пріятнѣе столкнуться, по этому поводу, съ такою великою державой, какъ Германія. Однако, я припомню это».

Затѣмъ слѣдуютъ любопытныя слова о Россіи, словно сказанныя вчера: такъ они близки къ интересамъ переживаемой минуты. Указывая на крики нѣмецкихъ газетъ о вмѣшательствѣ въ пользу Австріи, нашъ другъ объявилъ: «Предположимъ, что мы послѣдовали ихъ совѣтамъ. Какъ хорошо! Мы — друзья въ теченіе ста лѣтъ (sic); Россія выказывала намъ дружбу, когда мы находились въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; а мы разыграемъ передъ нею роль какого-то полицейскаго Европы. Въ Россіи есть именитыя партіи, которыя не любятъ Германію; къ счастью, онѣ не у власти, но онѣ не прочь достигнуть ея. Что скажутъ онѣ соотечественникамъ? Онѣ скажутъ: сколько потребовалось крови, людей, сокровищъ, чтобы достигнуть наконецъ положенія, которое въ теченіе вѣковъ было идеаломъ русскаго честолюбія! Мы могли бы сохранить его въ борьбѣ съ противниками, имѣющими дѣйствительный интересъ бороться съ нами. Но противъ насъ выступаетъ не Австрія, съ которой у насъ издавна умѣренно-дружественныя отношенія, не Англія, съ ея открыто признанными интересами: нѣтъ, это—нашъ другъ, отъ котораго мы могли бы ожидать признательности за оказанныя услуги. Германія, лишенная интересовъ на Востокѣ,—вотъ кто обнажилъ, у насъ за спиной, не мечъ, а ножъ. Вотъ что скажутъ. Эта картина, быть можетъ, преувеличенная (но русская декламація любитъ преувеличивать), стоитъ у меня передъ глазами, и я никогда не возьму на себя отвѣтственности пожертвовать вѣрною, испытанною въ теченіе поколѣній (sic) дружбой, чтобы щекотать свое самолюбіе ролью европейскаго судьи и арбитра. Въ угоду одному изъ друзей поставить на карту дружбу, которая, къ счастью, связываетъ насъ въ эту минуту со многими державами, даже со всѣми (партіи, которымъ не нравится эта дружба, не у власти), при томъ въ вопросѣ, не имѣющемъ прямаго интереса для Германіи, купить цѣной нашего собственнаго мира миръ одного изъ друзей—я могъ бы пойти на это, если бы приходилось рисковать лишь моею собственною особой; но я не могу рѣшиться на это, будучи представителемъ политики великой имперіи съ сорока милліонами душъ. Вотъ почему смѣю съ высоты этой трибуны противопоставить формальный отпоръ всѣмъ внушеніямъ въ этомъ смыслѣ».

Рѣчь берлинскаго маклера даже обезпокоила англичанъ, хотя они, конечно, знали цѣну его словамъ о русской дружбѣ: стражи Турціи испугались пути, который прокладывался Австріи отъ Савы къ Салоникамъ. Нашъ общій другъ сказалъ въ своей рѣчи, что проливы и Дунай интересуютъ его только съ торговой точки зрѣнія: «эти пути изъ Чернаго моря должны оставаться свободными,—вотъ гдѣ прежде всего самый выдающійся изъ нѣмецкихъ интересовъ на

Востокѣ». А нѣмецкая торговля совершается здѣсь съ помощью австрійскихъ судовъ.

«Прусскій союзъ,—говоритъ д'Авриль,—былъ не такъ выгоденъ для Россіи въ 1878, какъ въ 1854 году. Въ Крымскую войну Пруссія прочно обезпечила нѣмецкій интересъ австрійскимъ занятіемъ княжествъ: она получила двойное удовлетвореніе — помогла Россіи и нанесла ущербъ западнымъ державамъ. Въ 1878 году, какъ только кончилась война, идеи русскаго кабинета или, вѣрнѣе, стремленія его кліентовъ встрѣтились съ противными интересами нѣмцевъ относительно Эгейскаго моря. Пруссія volens-nolens должна была нанести ущербъ Россіи на берлинскомъ конгрессѣ. Она сдѣлала это «съ легкимъ сердцемъ». И замѣчательно: обезпеченіемъ нѣмецкихъ интересовъ послужила, какъ въ 1854 году, австрійская оккупація! Таковы настойчивость и послѣдовательность политики, которая правильно обнаруживается одинаковыми шагами все по одному и тому же пути» [1]).

X.

Берлинскій договоръ.—Счастливая Германія.

Послѣ рѣчи честнаго маклера можно было предвидѣть поведеніе Германіи на конгрессѣ. Она пояснялась его ролью въ діалогѣ, предшествовавшемъ конгрессу. Уже въ мартѣ Бисмаркъ ободрилъ лорда Дерби словами: «не могу понять, какъ состоялся бы конгрессъ для пересмотра европейскихъ правъ, еслибы въ немъ не приняла участіе одна изъ первыхъ сторонъ—Англія». Немудрено, что Дерби сталъ настойчиво доказывать, что Россія обязана представить всѣ вопросы мира въ С.-Стефано на обсужденіе конгресса. Этотъ тонъ былъ такъ оскорбителенъ для Россіи, что она строго заявила, что «сохраняетъ за собой свободу принимать или нѣтъ обсужденіе возбуждаемыхъ державами вопросовъ».

Въ Англіи мгновенно совершилась перемѣна декорацій. Все, связанное съ митингами негодованія, исчезло: на мѣстѣ Дерби появился воскресшій Пальмерстонъ—Биконсфильдъ, Сельсбери сталъ громить С.-Стефанскій договоръ. Были мобилизованы резервы; индійскія войска отплыли изъ Бомбея въ Мальту. Россія принуждена была уступить: таковъ смыслъ майской поѣздки графа Шувалова, который напрасно останавливался въ Берлинѣ. По тайной сдѣлкѣ 30-го мая (она тотчасъ была разоблачена по роковой нескромности одного чиновничка въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), Россія отступилась отъ Баязета, т. е. отъ транзита или главнаго торговаго пути изъ Европы въ Персію. Пять дней спустя, Англія

[1]) D'Avril: «Taraité de Berlin», 328.

вынудила у Порты, также тайный, «оборонительный союзъ», по которому она прихватила Кипръ, ради «расширенія и скрѣпленія узъ дружбы» съ султаномъ и въ видахъ «ограниченія азіатскихъ владѣній Турціи» отъ русскихъ казаковъ. И оказалось, что, въ разрѣзъ со смысломъ Парижскаго трактата, эта сдѣлка не касается «европейскихъ» интересовъ: о ней не промолвились ни словечкомъ на Берлинскомъ конгрессѣ. А органъ честнаго маклера (Norddeutsche Allgemeine Zeitung) до того возрадовался этому обезпеченію «цивилизаціи и культуры въ Малой Азіи», что проболтался: «мы не ошибемся, если допустимъ, что наше правительство было предувѣдомлено заранѣе о сдѣлкѣ».

Узнавши о сдѣлкѣ, одинъ англійскій сановникъ воскликнулъ: «Англія кое-что получила: миръ готовъ». И открылся Берлинскій конгрессъ.

Извѣстно, какъ дипломаты окарнали С.-Стефанскій договоръ. Для будущаго важнѣе всего было то, что маклеръ не забылъ отдаленнаго событія—рейхштадтской сдѣлки. По предложенію Сельсбери явилась незабвенная XXV статья Берлинскаго договора: Австріи, предоставлялось «занять Боснію и Герцеговину и ввести въ нихъ свою администрацію». Мало того. Приговорили, чтобы Австрія содержала гарнизонъ и военно-торговыя пути въ Ново-Базарскомъ округѣ, который обнимаетъ собой Митровицу, этотъ исходный пунктъ желѣзной дороги на Салоники, и отрѣзываетъ Сербію отъ Черногоріи. Довольно взглянуть на карту, чтобы понять все значеніе этого клина въ сердцѣ турецкаго славянства и предвидѣть дальнѣйшую судьбу Салоникъ. Замѣтимъ только, что по С.-Стефанскому договору дорога на Салоники проходила почти вся по Болгаріи, а по Берлинскому—она идетъ черезъ владѣнія Порты. Поистинѣ знаменитая XXV статья еще отнимала у сербовъ Митровицу, присужденную имъ въ Санъ-Стефано, и лишала ихъ надеждъ на Боснію, о которой они естественно давно мечтали: многіе изъ нихъ предпочли бы statu quo или свое прежнее положеніе, до благодѣяній конгресса.

И доблестнымъ черногорцамъ пришлось поплатиться въ пользу своей новой счастливой сосѣдки. У нихъ отняли часть Герцеговины, отданной имъ въ Санъ-Стефано, и гавань Спиццу; а чтобы нѣсколько вознаградить ихъ, ограбили албанцевъ. Австріи даровали также морскую полицію по берегамъ Черногоріи и поставили пути въ послѣдней въ зависимость отъ ея согласія.

Явились намеки на еще болѣе широкое вліяніе Австріи. Ей «одной» предоставили работы (со взиманіемъ платы за нихъ съ проходящихъ судовъ) для улучшенія плаванія по Дунаю даже между Сербіей и Румыніей, которыя обязались помогать ей по ея «требованію»; а Россія возвратила себѣ кусокъ Бессарабіи лишь послѣ горячихъ преній и заявленія Бисмарка, что «не будетъ

прочно дѣло конгресса, если въ политикѣ великой имперіи сохранится чувство оскорбленнаго достоинства».

Даже судьба Болгаріи оказалась связанною съ пользами новой счастливицы, и уже совсѣмъ непонятнымъ образомъ. Очевидно, въ интересахъ Англіи была великая Болгарія Санъ-Стефанскаго договора, упирающаяся въ Архипелагъ. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ и слова Дерби, сказанныя въ іюлѣ 1878 года: «Великая Болгарія, простирающаяся до моря, необходимо была бы болѣе независима отъ русскаго вліянія. Она обнимала бы смѣшанное, не исключительно славянское, населеніе и уже въ силу своего приморскаго положенія была бы болѣе доступна британскому вліянію. Напротивъ, малая Болгарія совсѣмъ закрыта для англичанъ». Ясно также, что великая Болгарія торговала бы, главнымъ образомъ, съ Англіей и была бы свободна отъ монополіи австро-нѣмецкихъ товаровъ, слѣдующихъ по Дунаю и сухопутьемъ. Недаромъ австрійцы уже давно сѣтовали, что всѣ желѣзныя дороги въ Турціи исходятъ отъ моря ради выгодъ англійской торговли. Они давно мечтали о линіи Митровица-Салоники, самой короткой между Гамбургомъ и Суэцомъ, т. е. самой удобной для наводненія вѣнско-берлинской мануфактурой рынковъ не только Турціи, но и дальнѣйшаго Востока. Близкій къ Андраши Fremdenblatt проговорился уже осенью 1877 года: «Россія оказалась неспособною рѣшить Восточный вопросъ: очередь Австріи, заодно съ Германіей и съ согласія Европы, взяться за дѣло освобожденія балканскихъ странъ отъ турецкаго деспотизма. Она должна дѣйствовать противоположно Россіи: вмѣсто возбужденія племенныхъ и религіозныхъ страстей, она должна примирять крайности; вмѣсто истребленія благополучія дунайскихъ и балканскихъ странъ путемъ войны и революціи, она должна заняться экономическимъ возрожденіемъ Турціи и двухъ княжествъ. Такая политика будетъ даже въ интересахъ ея торговли».

И такой ясной постановки вопроса не видѣлъ прозорливый Биконсфильдъ! Она застилалась передъ его глазами перспективой цвѣтущаго Кипра, въ особенности же призракомъ казака въ Константинополѣ. Биконсфильдъ оставался романистомъ 1847 года [1]). Онъ не обратилъ вниманія на то, что уже наканунѣ войны въ Болгаріи даже дѣти говорили: «Россія готова освободить насъ отъ турокъ; но Европа не дозволитъ ей поглотить насъ» [2]). Онъ не замѣтилъ, что въ теченіе войны ясно обнаруживалась антипатія между освободителями и освобождаемыми. Онъ словно не слышалъ даже меланхолическихъ словъ Горчакова на самомъ конгрессѣ: «Часто

---

[1]) См. романъ Дизраели «Tancred» (1847), гдѣ кипрейскія вожделѣнія связаны со страхомъ передъ Россіей.

[2]) Свидѣтельство очевидцевъ у д'Авриля, 376.

бываетъ, что, оказывая услугу другу, превращаешь его въ противника: эта истина особенно приложима къ политикѣ. Кажется, это наблюденіе можетъ разувѣрить тѣхъ, которые какъ будто опасаются, что Россія пріобрѣтетъ безусловную преданность населеній, ради которыхъ она принесла величайшія жертвы»[1]).

Для счастливой Австріи и для Берлина было необходимо сокращеніе, и въ особенности раздѣленіе, Болгаріи на двѣ половины— и дѣло сладилось живо: честный маклеръ, который такъ сочувствовалъ болгарамъ въ своей февральской рѣчи, теперь забылъ про нихъ. Возсоединеніе Болгаріи въ 1885 году было очень непріятно Австріи; но ее и здѣсь готово вывезти счастье съ неожиданной стороны. Если тутъ Россія сошлась съ нею во взглядѣ, то, вѣроятно, подъ давленіемъ преданій: она была противъ соединенія дунайскихъ княжествъ въ 1866 году. Одно противорѣчіе вызываетъ другое: горячій врагъ великой Болгаріи въ 1878 году, Англія, сильнѣе всѣхъ приняла ея сторону въ 1885 году.

Берлинскій конгрессъ — поистинѣ львиный дѣлежъ, при чемъ львиная роль выпала на долю Германіи и Англіи. Д'Авриль говоритъ: «Сближая окарнаніе Болгаріи со сдѣлкой о Кипрѣ, нельзя не признать, что общее положеніе Европы скорѣе ухудшилось, чѣмъ улучшилось. Всеобщею грозой стали Германія на сушѣ и Англія на Средиземномъ морѣ. Простирая на Востокъ развертывающуюся силу союзницы Германіи, Австріи, допуская Англіи восполнить Гибралтаръ и Мальту Кипромъ, укрѣпили эти двѣ опасныя твердыни. Такъ поплатилась Европа за наивность, съ которою она была увлечена торійскимъ министерствомъ въ преслѣдованіи русскаго призрака, въ интересѣ скорѣе азіатскомъ, чѣмъ европейскомъ. Правда, Биконсфильдъ увѣрялъ, что англійское правленіе въ Индіи—интересъ всего міра».

Особенныя благодѣянія излились на Австрію. Здѣсь очевидно и упорно исполняется задача, поставленная Берлиномъ еще въ 1854 году. Drang nach Osten въ полномъ ходу въ этомъ углу Европы. Онѣмеченіе идетъ основательно за Савой. Въ Босніи суды уже получили приказаніе посылать свои отчеты въ Вѣну на нѣмецкомъ языкѣ. Ее и Герцеговину спѣшатъ заселить нѣмецкими колонистами. Газеты Бисмарка возвѣщаютъ, съ свойственною имъ риторическою напыщенностью, о новомъ «тевтонскомъ завоеваніи». Онѣ говорятъ: «Нѣмецкій чиновникъ (sic) совершитъ новую культурную миссію: онъ покажетъ, что̀ можетъ сдѣлать нѣмецъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. Мы давно твердимъ иду-

---

[1]) Поясненіемъ служатъ пророческія слова «одного русскаго», написанныя въ 1882 (Nouvelle Revue, 15 février): «Созданныя русскою кровью Греція и Румынія служатъ теперь авангардомъ нашихъ противниковъ; Сербія готова слѣдовать этому примѣру, а чрезъ нѣсколько лѣтъ тоже будетъ съ Болгаріей».

щимъ въ Америку колонистамъ, что въ двухъ шагахъ отъ насъ разстилаются великолѣпныя страны, которыя должна покорить цивилизація»...

Сербія естественно должна была подчиниться вліянію могущественной сосѣдки, обнявшей ее съ трехъ сторонъ. Оно съ каждымъ днемъ ростетъ въ Бѣлградѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ на нашихъ глазахъ Австрія спасла сербовъ, остановивши побѣдныя войска болгаръ. Только патріотическое ослѣпленіе можетъ утѣшаться комедіями смѣны министерствъ въ Бѣлградѣ и разладами въ его дворцѣ. Оно тѣмъ болѣе неумѣстно, что вліяніе Австріи уже продвинулось изъ Бѣлграда далѣе на Востокъ. Пресловутая европейская полицейская комиссія 1856 года на Дунаѣ получила приказъ отъ Берлинскаго конгресса составить новыя правила. Внезапно Бисмаркъ предложилъ не только ввести въ нее Австрію, не имѣющую на то никакого права, но и дать ей предсѣдательство. Лондонская конференція 1883 года согласилась съ нимъ. Одна Румынія естественно протестовала. Но Австрія широко пользуется выгодами на Дунаѣ: она можетъ ждать присоединенія Румыніи. Д'Авриль (450—451) спрашиваетъ: «Развѣ уже не говорятъ, что Австрія смотритъ на исполненіе лондонской конвенціи, какъ на Дамокловъ мечъ надъ головой Румыніи? Развѣ не прибавляютъ, что она пользуется этою угрозой, чтобы приковывать короля Карла къ извѣстнымъ политическимъ и торговымъ видамъ?»

Еще важнѣе работа счастливой Вѣны въ южномъ направленіи. Австрія добилась слiянія своихъ желѣзныхъ дорогъ съ турецкою линіей, уже дѣйствующей между Митровицей и Салониками, т. е. Гамбургъ, Берлинъ и Вѣна соединились съ Архипелагомъ. Черногорія, подобно Сербіи охваченная съ трехъ сторонъ Австріей, перемѣняетъ фронтъ: поѣздки въ Вѣну уже становятся болѣе привлекательны для ея князя, чѣмъ болѣе отдаленныя путешествія. Австрія не добралась только до Греціи. Но въ прошломъ году, когда, встревоженные «великою» Болгаріей, греки поднялись для отнятія куска Ѳессаліи у Порты, австрійцы особенно отличились въ блокадѣ ихъ береговъ державами, пожелавшими еще разъ спасти «больного человѣка».

Такъ, послѣ Берлинскаго конгресса, все ведетъ насъ не къ Мраморному морю, а къ Архипелагу. «Восточный вопросъ,—говоритъ д'Авриль,—перемѣстился изъ Константинополя въ Салоники». Здѣсь завязался главный узелъ грядущихъ великихъ событій. Легко было бы отвѣтить, какъ онъ распутается, если бы дѣло шло только между ближайшими соперниками — Берлиномъ, Софіей и Аѳинами. Но это такой нервъ міровой политики, что за спиной переднихъ борцовъ неизбѣжно выступитъ вся остальная Европа, съ Россіей и Англіей во главѣ. А пока Европа будетъ кипѣть въ пламени, настанетъ пробужденіе ислама, который уже давно собирается съ

силами, чтобы низвергнуть господство христіанъ, безцеремонно подавляющихъ его своею пятой въ Азіи и Африкѣ. И можно думать, что мусульмане Индіи первые постоятъ за себя, въ опроверженіе политики англичанъ, которые выставляютъ ихъ одною изъ главныхъ причинъ своего благоволенія къ «больному человѣку».

Довольно и этихъ черныхъ точекъ, чтобы усомниться въ величіи Берлинскаго конгресса. Но онѣ покрываются цѣлою тучей, если стать на высшую точку зрѣнія нравственной справедливости и историческаго прогресса. Мы думали, что прошло господство грубаго эгоизма и матеріальныхъ интересовъ; мы съ негодованіемъ осуждали, какъ явленіе отжившее, продѣлки Вѣнскаго конгресса, который смотрѣлъ на народы, какъ на игрушки дипломатовъ и придворныхъ вожделѣній; мы хоронили средневѣковое достояніе,—этотъ презрѣнный механическій взглядъ на живыя силы исторіи, воплощенныя въ національностяхъ. А на склонѣ XIX-го вѣка мы встрѣтились съ львинымъ дѣлежомъ за зеленымъ столомъ, блиставшихъ отмѣнными манерами верховъ цивилизаціи. Передъ нашими изумленными глазами кромсали земли, считали души, какъ червонцы, перекидывали чужое добро изъ рукъ въ руки ради соблюденія взаимной вѣжливости. «Интересъ», этотъ сухой и голый эгоизмъ, снова смѣло и безжалостно душилъ трепещущую историческую жизнь и оплевывалъ поблѣднѣвшій призракъ справедливости. И возсѣдалъ онъ на престолѣ въ отечествѣ философовъ и поэтовъ. И вдохновлялся онъ представителями страны великодушныхъ государственныхъ мужей, Пилей и Кобденовъ. Можно бы прійти въ отчаяніе, зная цинизмъ проповѣдника «силы, предшествующей праву», руководившаго конгрессомъ. Но въ ту жалкую минуту была не у дѣлъ совѣсть Англіи. Она выразилась устами Гладстона: «Теперь впервые будешь правъ, если скажешь, что въ минуту этого великаго перелома въ судьбѣ человѣчества лучше было бы для дѣла справедливости и свободы, еслибы не было на свѣтѣ англійской націи». Изъ Германіи до насъ не доносилось ни одного такого голоса.

XI.

Эпилогъ Берлинскаго конгресса.—Все та же эпоха.

И Германія посажена въ прусское сѣдло, и Австрія посажена въ славянское сѣдло, и Англія, съ ея «азіатскими» интересами, превратилась въ магометанскую имперію. Дальнѣйшій путь старушкѣ Европѣ указанъ. Но гладокъ ли онъ? Разскажемъ, что происходило тотчасъ послѣ Берлинскаго конгресса, пока были живы всѣ его дѣятели. Намъ поможетъ другой знатокъ дѣла и дипло-

матъ, Ротанъ [1]), на отвѣтственности котораго оставляемъ вѣрность поучительнаго изложенія.

Въ 1879 году, императоръ Александръ выражалъ неудовольствіе на Пруссію, по поводу Берлинскаго конгресса, такъ же какъ Наполеонъ III послѣ 1866 года: онъ упрекалъ ее въ неблагодарности, припоминая огромныя услуги, оказанныя имъ ей въ 1870 году. Онъ выражался въ этомъ смыслѣ предъ германскимъ посланникомъ, которому было внушено изъ Берлина все выслушивать, обо всемъ доносить и ничего не говорить. Поощряемый молчаніемъ нѣмецкой дипломатіи, онъ даже ставилъ условія, формулировалъ угрозы. Князь Горчаковъ сожалѣлъ объ увлеченіяхъ своего повелителя, но онъ утратилъ всякое вліяніе: Александръ II сталъ самъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Это было очень непріятно Андраши, который сказалъ: «я горжусь такимъ товарищемъ, какъ монархъ; но мнѣ больно видѣть его неопытность и неправильность сужденій».

Видя вооруженія Россіи, берлинскій и вѣнскій кабинеты потребовали объясненій. Когда въ Петербургѣ отрицали самый фактъ, Бисмаркъ воскликнулъ: «но для чего же, какъ не для шпіонства, Господь сотворилъ польскихъ евреевъ!» Онъ преувеличивалъ: ему нужно было задать страху Вѣнѣ, чтобы достигнуть тѣснаго союза съ нею, котораго онъ добивался съ 1866 года. Ему помогали русскія газеты, которыя горячо обвиняли Германію и Австрію, послѣ конгресса. Здѣсь взывали къ союзу съ Франціей, которую подбивали на реваншъ. Нѣкоторые русскіе генералы, со Скобелевымъ во главѣ, восхваляли французскіе маневры и высказывали сомнѣніе въ военной силѣ Германіи.

Бисмаркъ былъ въ Гаштейнѣ. Туда прибылъ, по его вызову, Андраши, находившійся тогда подъ его обаяніемъ. Они составляли планъ совмѣстныхъ дѣйствій. Но Вильгельмъ I не могъ забыть услугъ, оказанныхъ ему Александромъ II въ 1870 году. Онъ пожелалъ личнаго свиданія съ русскимъ государемъ; оно состоялось, но не имѣло никакихъ послѣдствій.

Обрадованный Бисмаркъ бросился въ Вѣну, гдѣ путь ему былъ подготовленъ графомъ Андраши: въ душѣ Франца-Іосифа и эрцгерцога Альбрехта стушевалось предубѣжденіе противъ него. Здѣсь честный маклеръ однихъ запугалъ призракомъ казака и революціи, другихъ плѣнилъ идеями нѣмецкаго братства и общности интересовъ: не онъ ли отказался, въ 1876 году, выдать Австрію русскимъ и раздѣлить съ ними ея наслѣдіе? Недовѣріе къ союзу съ Пруссіей, олицетворенное въ саксонцѣ Бейстѣ, исчезло. Глава военной партіи, эрцгерцогъ Альбрехтъ, который проповѣдовалъ не-

---

[1]) Rothan: «L'alliance de l'Allemagne et de l'Autriche en 1879» («Revue d'histoire diplomatique», 1887, № 1).

нависть къ Берлину и дружбу съ Петербургомъ, первый ополчился за союзъ съ Германіей. Къ нему склонился и императоръ Францъ-Іосифъ, опасаясь, какъ бы маклеръ не перекинулся къ Россіи: Бисмаркъ постоянно грозилъ Вѣнѣ Петербургомъ, а Петербургу—Вѣной.

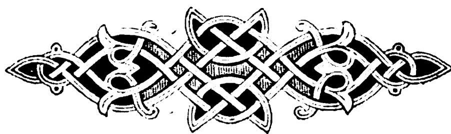
Лишенная опоры, висящая на воздухѣ монархія Габсбурговъ не довѣряла коварной рукѣ дружбы, но должна была выбрать меньшую опасность: она разувѣрилась во Франціи, которая бросила широкую политику, ставши республикой. Къ тому же Бисмаркъ былъ нетребователенъ: онъ не добивался формальнаго союза, довольствуясь простымъ соглашеніемъ насчетъ взаимнаго обезпеченія противъ нападеній со стороны Россіи и на случай возможныхъ столкновеній на Балканскомъ полуостровѣ. Зная неподатливость австрійцевъ, онъ ограничился простымъ протоколомъ, направленнымъ исключительно противъ Россіи и ея выгодъ въ Восточномъ вопросѣ. Это недавно было подтверждено графомъ Кальноки, когда онъ говорилъ передъ делегаціями о случайностяхъ, при которыхъ Австрія и Германія въ правѣ разсчитывать другъ на друга.

«Пальмерстонъ,—замѣчаетъ Ротанъ,—допускалъ только два рѣшенія Восточнаго вопроса: Турція, говаривалъ онъ, либо останется за турками, либо достанется русскимъ. Онъ не предвидѣлъ, что Бисмаркъ найдетъ третье рѣшеніе—то, которое онъ выдвигаетъ теперь на половинныхъ счетахъ съ Австріей».

Такъ, къ началу 1880-хъ годовъ выяснилась вся работа честнаго маклера, а также пружины феноменальнаго счастья старой счастливицы, Австріи, и новой—Пруссіи. Затѣмъ, на Западѣ сохранились старыя орудія политики; но въ Россіи настало новое царствованіе. Будущее рѣшитъ, будетъ ли на нашемъ вѣку продолжаться все та же эпоха въ исторіи Европы, или ей суждено смѣниться какою-либо иною?

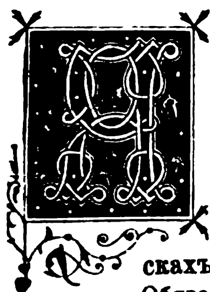
А. Трачевскій.

15 ноября 1887.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЖУРНАЛЬНОМЪ СОТРУДНИЧЕСТВѢ М. Н. КАТКОВА ВЪ 1839 И 1840 ГОДАХЪ.

Я ПОЗНАКОМИЛСЯ съ Михаиломъ Никифоровичемъ Катковымъ въ 1839 году, по окончаніи имъ курса въ Московскомъ университетѣ. Поводомъ къ знакомству послужило мое сотрудничество въ двухъ періодическихъ изданіяхъ А. А. Краевскаго: «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» (съ 1836 г.) и «Отечественныхъ Запискахъ» съ самаго начала ихъ появленія (въ 1839 г.). Обязанный, по условію, доставлять отчеты о всѣхъ новыхъ книгахъ, выходящихъ въ Москвѣ, что̀ требовалось для полноты критическаго отдѣла и библіографической хроники, я, разумѣется, не могъ одинъ справиться съ такою работой, тѣмъ болѣе, что она была срочная, и потому предложилъ Бѣлинскому раздѣлить ее со мною, на что онъ охотно согласился. Хотя онъ самъ въ это время редактировалъ «Московскій Наблюдатель», но у него оставалось еще довольно свободныхъ часовъ для другой работы, въ подспорье къ неважному гонорару за редакторство. Когда же онъ, въ октябрѣ 1839 года, переселился въ Петербургъ, то надобно было замѣнить его другимъ подходящимъ лицомъ. Скоро представился къ тому благопріятный случай. Я давалъ уроки русскаго языка сыновьямъ князя М. Н. Голицына, почетнаго опекуна въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ. На лѣто переселялся онъ въ свое имѣнье, село Никольское, верстахъ въ двадцати отъ Москвы, и оттуда, разъ въ недѣлю, высылалъ за мной экипажъ. Я оставался у него цѣлые сутки, чтобы дать три урока. Здѣсь-то я познакомился съ матерью

Михаила Никифоровича, которая временно гостила въ семействѣ князя съ младшимъ сыномъ своимъ Меѳодіемъ, а на постоянной квартирѣ ея въ городѣ оставался старшій, готовившійся къ магистерскому экзамену. Предложеніе послѣднему раздѣлить со мною журнальную работу было принято не только съ удовольствіемъ, но и съ благодарностью. Особенно же радовалась мать, не имѣвшая обезпеченнаго состоянія.

Лучшаго пособника нельзя было и желать. Катковъ работалъ скоро, но въ каждой работѣ выказывалъ необычайную даровитость и рѣдкое по лѣтамъ научное знаніе. Какъ по мысли, такъ и по изложенію, критика его отличалась силою, мѣткостью и оригинальностью. Эти качества обнаружились на первомъ же замѣчательномъ опытѣ его журнальной дѣятельности—на разборѣ сборника Сахарова: «Пѣсни русскаго народа», состоящемъ изъ двухъ статей [1]). Уже изъ первыхъ вступительныхъ строкъ виденъ въ авторѣ ученикъ профессора Павлова, въ пансіонѣ котораго онъ обучался. Онѣ живо напоминаютъ мнѣ университетскія лекціи естествознанія, отличавшіяся предпочтеніемъ умозрѣнія эмпиризму и синтетическимъ способомъ изложенія — отъ общихъ основъ къ частнымъ выводамъ, что мы, студенты, называли «павловщиной». Первая статья Каткова начинается вылазкой противъ исключительно-фактическаго изслѣдованія научныхъ предметовъ, пріобрѣтенія множества фактовъ, безъ знанія ихъ смысла: «конечно, фактическое изученіе необходимо, но это только ступень, моментъ полнаго знанія; внѣшнее въ предметѣ есть откровеніе внутренняго, проявленіе его сущности, на которую и нужно устремить главное вниманіе: только живое объятіе предмета въ его цѣлости съ внѣшней и внутренней стороны—есть истинное знаніе». Затѣмъ критикъ обращается съ вопросомъ къ мужамъ, «велерѣчиво говорящимъ о необъятности Россіи, и къ труженикамъ, роющимся въ архивахъ и наглотавшимся всякаго сорта пыли»: знаютъ ли они, что̀ такое Русь. Вопросъ этотъ вызванъ изреченіемъ Н. Полеваго, занимавшагося тогда Исторіей русскаго народа: «я знаю Русь, и Русь меня знаетъ». Отвѣтъ критика—отрицательный: онъ осуждаетъ мелочность занятій «Русской Исторіей», если они ограничиваются розысками о Несторовой лѣтописи и о варягахъ, бросаемыхъ изъ угла въ уголъ—то на сѣверъ, то на югъ. Это—упрекъ Каченовскому и Погодину, изъ которыхъ послѣдній доказывалъ скандинавское происхожденіе Руси, а первый велъ ее съ береговъ Чернаго моря и въ числѣ доказательствъ ссылался на чубъ Святослава. Погодинъ, ратуя съ Каченовскимъ и опровергнувъ всѣ его доводы,—сказалъ, смѣяся, одному изъ своихъ пріятелей:—«теперь

---

[1]) «Отечественныя Записки» 1839 годъ (т. IV. отдѣлъ VI, стр. 1—24 и 25—92).

мнѣ осталось уничтожить послѣдній аргументъ Михаила Трофимовича—вырвать изъ его рукъ хохолъ Святослава».—Такія занятія отечественной исторіей, по мнѣнію критика, не могутъ быть названы даже приготовленіемъ матеріала для науки.

Что же нужно? Нужно рѣшить вопросы: изъ какихъ стихій сложился характеръ русскаго народа? какія свойства составляютъ сущность его духа? въ чемъ проявлялась его жизнь и что это за жизнь? какъ развивался онъ и въ чемъ заключалось это развитіе? Рѣшеніе этихъ вопросовъ невозможно безъ изслѣдованія памятниковъ, въ которыхъ народъ выразился въ своей непосредственности, наивно и объективно, преимущественно же пѣсенъ. Мы должны стыдиться даже меньшихъ нашихъ братьевъ,—говоритъ критикъ: они изучаютъ эти пѣсни, чтобы узнать физіогномію народа, понять смыслъ его исторіи; они упорно держатся своей народности и ищутъ ее не въ мертвой буквѣ, а тамъ гдѣ она кипитъ всею полнотою силъ—въ народной поэзіи.—А у насъ развѣ жизнь была однимъ механическимъ выростаніемъ? Мнѣніе о безплодіи и хаотизмѣ русской исторіи до Петра Перваго должно быть отвергнуто, какъ ложное.

Здѣсь оканчивается вступленіе и начинается разборъ книги. Онъ состоитъ изъ двухъ частей, соотвѣтственно тому, что было передъ тѣмъ высказано. Первая часть опредѣляетъ сознаніе русскаго духа въ поэзіи; вторая отыскиваетъ этотъ духъ въ частныхъ явленіяхъ той же поэзіи. «Отыщемъ прежде смыслъ, а потомъ откроемъ его въ дѣйствительномъ существованіи, т. е. въ созданіяхъ народнаго поэтическаго творчества».

Главныя струны русской души, по мнѣнію критика—*горькое, тоскливое чувство неопредѣленности и безотчетное недовольство*. Русскій народъ много и долго страдалъ, искупая великими жертвами каждый шагъ развитія, отъ котораго ничего не получалъ въ награду и которое ни минуты не давало ему отдыха и безпрерывно росло для будущаго плода, не давая знать ни малѣйшимъ намекомъ о томъ, чѣмъ должно увѣнчаться это развитіе. Могла ли исполинская сущность русской души, которая естественно должна была имѣть и требованія исполинскія, довольствоваться мрачною, безотрадною дѣйствительностью? Могла ли она найти себѣ *опредѣленіе* въ этихъ неопредѣленныхъ формахъ, въ которыхъ не было ни тѣни прочности? Но если настоящее русской души было мрачно и уныло, за то впереди ждала ее будущность, въ которой суждено было ей найти осуществленными всѣ элементы и требованія ея натуры, готовилось Провидѣніемъ колоссальное опредѣленіе на смѣну неопредѣленности. Въ народахъ, находящихся, какъ говорятъ нѣмцы, im Werden (въ томъ состояніи развитія, когда они еще только становятся тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно будутъ со временемъ), живетъ всегда инстинктивное созна-

ніе того, что сокрыто въ тайникахъ ихъ существа, предчувствіе будущей дѣйствительности, въ которой найдутъ они свое опредѣленіе. Такъ и русская душа, отрываясь по временамъ отъ тяжести настоящаго, старалась забыться въ инстинктѣ своего назначенія; не отдавая отчета въ томъ, что̀ ожидало ее впереди, она, однакожъ, въ тѣ минуты, когда вырывалась изъ тяжкихъ цѣпей настоящаго, тѣшила себя широкимъ раздольемъ, которое теперь вырабатывала себѣ жизнію и въ которомъ нѣкогда найдетъ себѣ опредѣленіе. Вотъ значеніе того, что обыкновенно называютъ русскимъ разгуломъ.

Отсюда переходъ къ пѣснямъ: въ идеалѣ фантазіи русской заключается то же самое, что и въ русской душѣ. Поэтому наши народныя пѣсни выражаютъ или тоску, или разгулъ, удальство: первое чувство преобладаетъ надъ вторымъ. За симъ самыя пѣсни разсматриваются по отдѣламъ въ порядкѣ расположенія ихъ въ сборникѣ Сахарова, и разсмотрѣніе заканчивается исчисленіемъ требованій отъ лицъ, изучающихъ народную поэзію. Считаю нужнымъ выписать слѣдующее патетическое мѣсто касательно важности этого изученія:

«Да, мы должны, мы обязаны посвятить безъ раздѣла всѣ наши силы нашей родинѣ, нашему народу. Все то, чѣмъ мы теперь пользуемся, чѣмъ наслаждаемся, эта жизнь духа, которой мы стали участниками, не онъ ли, не этотъ ли народъ выкупилъ намъ такою дорогою цѣною? Не за насъ ли, не для насъ ли, такъ тяжко страдалъ онъ? И мы ли дерзнемъ презирать его и не обращать вниманія на то, какъ онъ жилъ, и на то, чѣмъ онъ жилъ? Мы должны благоговѣйно лобзать заживающіе слѣды его ранъ; мы должны благогоѣйно собирать и хранить какъ святыню капли его крови. Не то—горе намъ! Народъ отдвинетъ отъ насъ свою могучую сущность, не дастъ жизненныхъ соковъ корнямъ иноземныхъ растеній и наша образованность, которою мы такъ гордимся, увянетъ и изсохнетъ— и не будетъ плода».

Молодой критикъ искусно владѣлъ и выраженіемъ научныхъ мыслей, хотя оно, на первыхъ порахъ, представляетъ два недостатка: излишество и, по мѣстамъ, реторическій паѳосъ. Но не надо забывать, что въ его время, отъ того и другого, были несвободны даже лучшіе профессора Московскаго университета: Давыдовъ, Надеждинъ, Шевыревъ. Особенно послѣдній платилъ не малую дань второму недостатку.

Въ томъ же 1839 году вышло сочиненіе Зиновьева: «Основанія русской стилистики» (т. е. реторика). Катковъ счелъ нужнымъ поговорить о немъ, потому собственно, что ни одна «система свѣдѣній» не имѣетъ, по его словамъ, такой жалкой участи, какъ реторика [1]). «Реторика», «реторическій» стали обозначать недобро-

[1]) «Отеч. Записки», 1839 г. (т. VI, отд. VI, стр. 47—64).

качественную, пустую, фразистую рѣчь, или, какъ выразился Гамлетъ: «слова, слова, слова». Къ этому поводу, безъ сомнѣнія, присоединилось и другое побужденіе: самъ критикъ въ школѣ изучалъ эту науку и убѣдился въ неопредѣленности ея содержанія, въ схоластицизмѣ и безплодности ея правилъ. Чтобы объяснить такое печальное состояніе реторики, критикъ обратился къ ея исторіи. Въ лучшую эпоху древности, у грековъ, она была не сборникомъ правилъ, а ораторскимъ искусствомъ. Учиться реторикѣ, говоритъ онъ, не значило взять въ руки книгу и твердить ее наизусть, а значило развивать въ себѣ элементы, составляющіе существо оратора, какъ онъ изображенъ Цицерономъ въ двухъ трактатахъ: «Orator» и «de Oratore». Но съ постепеннымъ паденіемъ древняго міра, и реторика постепенно превращалась въ книгу. У римлянъ особенно развелись реторическіе кодексы. Квинтиліановы Institutiones представляютъ скелетъ когда-то гармонически стройнаго цѣлаго. Въ средніе вѣка, до эпохи Возрожденія, реторика все еще имѣла нѣкоторое значеніе: ибо нужно было все, что̀ хоть сколько-нибудь, во мракѣ варварства, напоминало свѣтлую жизнь исчезнувшаго міра. Но и послѣ того она не только не исчезла, но даже помѣщена схоластиками въ число семи свободныхъ искусствъ, и ея вѣдѣнію предоставлено было распоряжаться словами (Rhetorica verba ministrat). Такое явленіе заставляетъ критика уподобить реторику вѣчному жиду. Мало того, говоритъ онъ: «когда подумаешь объ окончательномъ уничтоженіи реторики, нельзя защититься отъ невольной мысли, что вмѣстѣ съ нею будетъ оторвано отъ школы нѣчто существенное и живое». Чтобы объяснить эту странность, найти причину живучести того, что давно начало умирать и, казалось, совсѣмъ умерло, надобно рѣшить вопросъ: возможна ли теперь реторика и какъ? если возможна, то изъ этого ясно будетъ слѣдовать ея необходимость. Рѣшеніемъ этого вопроса занята вторая половина статьи, и рѣшается онъ слѣдующимъ образомъ.

Реторика возможна и необходима, но только отрекшись отъ своихъ претензій. Ея владѣнія должны ограничиться и внѣ и внутри, т. е. по мѣсту ея преподаванія (въ низшихъ школахъ), и по объему ея вѣдомства, или содержанія. Раздѣливъ науки на самостоятельныя и чистопрактическія, критикъ ставитъ ее въ срединѣ между ними; изученіе ея должно слѣдовать непосредственно за изученіемъ грамматики. Грамматика сообщаетъ знаніе словъ въ ихъ отдѣльности или въ связи, отвлеченно отъ ихъ значенія, до котораго ей нѣтъ дѣла: она можетъ показать только формальныя отношенія значеній. Но этого недостаточно. Ученикъ, получивъ слово какъ матеріалъ, долженъ потомъ учиться отпечатлѣвать на этомъ матеріалѣ форму; иначе: онъ долженъ узнать слово, какъ внѣшнюю форму мысли (рѣчь). Реторикѣ не по силамъ разсматривать внутреннюю форму, организацію мысли, за что она такъ безразсудно бралась:

то и другое даетъ себѣ мысль сама. Ея дѣло показать правила рѣчи. Правильною рѣчью называется не только такая, въ которой соблюдены требованія грамматики, но и такая, которая ясна, полна и даетъ сквозь себя видѣть заключающееся въ ней содержаніе. То выраженіе, которое соотвѣтствуетъ своему значенію, равномѣрно ему и вполнѣ обнаруживаетъ его, называется изящнымъ. Правила этого изящнаго выраженія и составляютъ предметъ реторики.

Статья эта требуетъ нѣкотораго объясненія. Чтò критикъ называетъ реторикой, собственно есть стилистика (такъ авторъ и озаглавилъ свою книгу), которая въ полномъ реторическомъ курсѣ занимала первую его часть подъ именемъ общей реторики, содержащей въ себѣ правила, равно обязательныя какъ для прозаика, такъ и для поэта. Оригинальность и цѣнность взгляда Каткова заключаются въ томъ, что онъ на мѣсто хаотическаго содержанія стилистики водворяетъ ея подлинный предметъ и ставитъ ей настоящую задачу—ученіе о стилѣ, или слогѣ. Но что такое слогъ? И до сихъ поръ путаются въ его опредѣленіи, потому что не различаютъ двухъ его сторонъ: субъективной и объективной. Субъективная сторона была давно опредѣлена Бюффòномъ, въ его знаменитой рѣчи (Discours sur le style) словами: слогъ—это самъ человѣкъ (le style—c'est l'homme), т. е. въ слогѣ отражаются духовныя способности автора: его умъ, воображеніе, чувство. Это—слогъ личный, или индивидуальный, зависящій отъ природы пишущаго (отсюда слогъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина). Учиться ему нельзя, даже подражать ему опасно, потому что подражателю легко разыграть роль «вороны въ павлиныхъ перьяхъ». Предметомъ стилистики можетъ служить только объективная сторона слога, зависящая преимущественно отъ содержанія сочиненія, а частію и отъ его цѣли, и обязательная для всѣхъ и каждаго. Это — внѣшняя форма внутренняго, мысленнаго матеріала, долженствующая вполнѣ ему соотвѣтствовать, быть ему равномѣрнымъ, ярко обнаруживать его значеніе. Если, по счастливому выраженію Бюффона, субъективный слогъ есть самъ человѣкъ, то о слогѣ объективномъ нѣмецкіе ученые справедливо говорятъ: онъ есть само содержаніе. Въ такомъ только случаѣ онъ будетъ имѣть право называться «изящнымъ выраженіемъ». Заслуга двадцатилѣтняго критика, повторяемъ, въ томъ и состоитъ, что онъ далъ надлежащее опредѣленіе слогу, какъ предмету особой науки и указалъ этой наукѣ надлежащіе предѣлы.

Характеръ критическаго пріема, который мы уже видѣли въ двухъ статьяхъ Каткова, остался неизмѣннымъ и въ сужденіи объ «Исторіи древней русской словесности», Максимовича (1839), профессора Кіевскаго университета. И здѣсь онъ отправляется отъ общаго къ частному: прежде чѣмъ разсматривать новый фактъ научной литературы, онъ предварительно считаетъ необходимымъ из-

ложить свое собственное пониманіе предмета,—рѣшить вопросъ: при какихъ условіяхъ «словесность» можетъ быть названа «литературой». Это пониманіе усвоилъ онъ на университетскихъ лекціяхъ и знакомствомъ съ капитальными историко-литературными трудами иностранныхъ ученыхъ. Да и трудно было избѣжать такого приступа къ разбору, зная скудость тогдашняго наличнаго капитала по этой отрасли знанія. Представителемъ его былъ «Опытъ краткой исторіи русской литературы», Греча. Поневолѣ придется начать ab ovo, когда прочтешь въ этой книгѣ такое опредѣленіе литературы: «литературою языка или народа называются всѣ его произведенія въ словесности, то есть творенія, писанныя на семъ языкѣ, стихами или прозою». — «Но что же такое литература и что такое словесность?» спрашиваетъ критикъ. «Если объемъ понятія словесности равняется объему понятія литературы, то все это выраженіе есть не что иное, какъ тавтологія—и самая вопіющая; въ такомъ случаѣ можно будетъ такъ читать: литературою называются всѣ произведенія въ литературѣ. Если же словесность и литература различны, то что же бы такое значила словесность? То есть творенія, писанныя на семъ языкѣ въ стихахъ и прозѣ. И такъ словесность составляютъ всѣ творенія, писанныя въ стихахъ и прозѣ на какомъ-либо языкѣ. Но это же самое, въ силу опредѣленія, есть и литература,—и такъ литература и словесность совершенно одно и то же: онѣ могутъ употребляться promiscue [1]) и поставляться одно вмѣсто другого. И такъ истинный видъ этого опредѣленія слѣдующій: литература есть литература, словесность есть словесность, слѣдовательно опять та же вопіющая тавтологія!

Въ виду такой путаницы, критику пришлось разъяснять происхожденіе слова «словесность» и опредѣлять различныя его значенія. Къ словесности, по этому разъясненію, относится языкъ, насколько онъ осуществляется въ словесныхъ памятникахъ (устныя произведенія народа), а къ литературѣ, согласно съ производствомъ этого слова—письменность (письменные, словесные памятники). Въ этихъ послѣднихъ главное, существенное—содержаніе: въ нихъ исчезаетъ самостоятельный интересъ языка, на который обращается вниманіе лишь по его отношенію къ содержанію.

И такъ словесность—это устныя народныя произведенія (пѣсни, сказки, пословицы), литература же—это письменныя словесныя произведенія культурной эпохи. Содержаніе литературы—раскрытіе народнаго самопознанія въ словѣ. Задача исторіи литературы—указать это раскрытіе.

Вотъ къ какимъ выводамъ пришелъ молодой критикъ. Изъ нихъ одинъ—различеніе словесности и литературы—не укрѣпился

[1]) Безъ разбора, смѣшанно.

въ обычаѣ: мы употребляемъ оба слова безразлично; другой — объ интересѣ народной словесности, единственно со стороны языка и понятіе о ней, какъ о младенческомъ лепетѣ только-что пробудившейся души народа,—также не водворился въ наукѣ. Но за то сущность литературы и задача ея исторіи поставлены вѣрно. Задача эта и въ настоящее время еще не исполнена надлежащимъ, вполнѣ достойнымъ, образомъ.

Переходя къ словесности русской, критикъ прежде даетъ характеристику славянскаго племени, а затѣмъ говоритъ о Россіи. Рѣчь его клонится къ тому, что у насъ, до той самой эпохи, когда Петромъ Великимъ внесены были элементы европейской цивилизаціи, не могло быть даже и тѣни литературы въ томъ смыслѣ, какъ, по мнѣнію критика, должно понимать это слово (т. е. какъ выраженіе народнаго самопознанія въ словѣ). Памятники нашей древней словесности не представляютъ съ своей внутренней стороны особеннаго интереса ни для историческаго, ни для критическаго изученія; единственная форма, въ которой они могутъ быть разсматриваемы, это—расположеніе ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Такой строгій приговоръ объясняется скудостью разработки литературныхъ нашихъ памятниковъ въ то время, когда книга Греча была единственнымъ руководствомъ для изученія нашей словесности.

Наконецъ, критикъ приступаетъ къ труду Максимовича и относится къ нему скептически и строго. Онъ не допускаетъ разсматриванія древней нашей словесности въ ея постепенномъ развитіи и взаимной связи, и въ связи со всею жизнію народа, особенно съ его просвѣщеніемъ, послѣ того, какъ единственной формой расположенія словесныхъ памятниковъ призналъ порядокъ хронологическій. Онъ осуждаетъ дѣленіе на періоды, ибо, по его убѣжденію, въ древней русской словесности никакого движенія не было, кромѣ движенія въ языкѣ. Кромѣ того, періоды характеризуются Максимовичемъ не степенями развитія словесности, какъ бы слѣдовало, а внѣшними, не относящимися къ ней фактами и обстоятельствами. Наконецъ, нѣтъ единства въ дѣленіи: въ первыхъ трехъ періодахъ основаніемъ служатъ, какъ сказано, событія, совершенно посторонія словесности, а въ четвертомъ, начинаетъ она понемногу обозначаться своими собственными явленіями.

Оригиналенъ взглядъ критика на «Слово о полку Игоревѣ», объясняемый не скептической школой исторіи, основанной Каченовскимъ, а малой тогда разработкой нашихъ древнихъ памятниковъ словесности. Катковъ не принималъ его за дѣйствительный и достовѣрный памятникъ: «Трудно придумать»,—говоритъ онъ,—«кто могъ написать такую нелѣпицу безъ всякой цѣли, безъ всякой arrière pensée». Онъ не утверждалъ, впрочемъ, что «Слово»—съ умысломъ составленная поддѣлка: онъ думалъ только, что мы не имѣемъ его

въ истинномъ видѣ, ибо «единственный экземпляръ, въ которомъ оно дошло до насъ, представляетъ первоначальное слово не только въ искаженномъ видѣ, но и совершенно передѣланнымъ, такъ что отъ первоначальнаго осталось нѣсколько слѣдовъ, только отдѣльные клочки, которые отличаются отъ всего прочаго не столько особеннымъ изяществомъ, сколько тѣмъ, что въ нихъ отзывается время близкое къ описываемому событію».

Послѣдняя (четвертая) критическая статья Каткова разсматриваетъ «Сочиненія въ стихахъ и прозѣ графини Сарры Толстой», переведенныя съ нѣмецкаго и англійскаго Лихонинымъ, извѣстнымъ московскимъ литераторомъ того времени. Она написана con amore. Главною тому причиной служило сильное сочувствіе къ таланту дѣвицы и ея внѣшней судьбѣ. Сарра была по матери цыганскаго происхожденія, получила отличное образованіе, начала писать на четырнадцатомъ году и умерла семнадцати лѣтъ отъ ужасной болѣзни, зародышъ которой гнѣздился въ ея груди отъ самаго рожденія. Кромѣ того, самъ критикъ имѣлъ поэтическое дарованіе, что̀ доказывается его переводомъ Шекспировой трагедіи: «Ромео и Джульета» и нѣкоторыхъ стихотвореній Рюккерта и Гейне. Поэзія, философія, неизмѣнно привлекали его къ себѣ, начиная еще съ бесѣдъ у Н. Станкевича, о которомъ пришлось ему вспомнить въ началѣ статьи, какъ о человѣкѣ, «не столько принадлежавшемъ публикѣ, сколько малому кругу людей, лично его знавшихъ и не отдохнувшихъ еще отъ невозвратимой, горькой утраты» [1]. Къ числу этихъ немногихъ людей принадлежалъ и Михаилъ Никифоровичъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ. Въ біографическомъ очеркѣ, подъ названіемъ: «Нѣсколько мгновеній изъ жизни графа Т.», Станкевичъ говоритъ объ удаленіи современнаго человѣка отъ природы, о разрывѣ *его связи со вселенной* [2]. Катковъ воспользовался этимъ выраженіемъ, потому что въ поэзіи Сары находилъ проявленіе ея духа, *глубоко сознававшаго свое родство съ общимъ духомъ* жизни. Вотъ тѣ обстоятельства, которыя настроили критика на поэтическій тонъ, почему и слогъ его, отъ начала до конца, является образнымъ, цвѣтистымъ, патетическимъ.

Особенность этой статьи состоитъ въ томъ, что она уклонилась отъ обычнаго критическаго пріема, извѣстнаго намъ по прежнимъ статьямъ. Она не хочетъ прибѣгать къ масштабу искусства; не исходитъ изъ общаго начала и раскрытіемъ его сущности не опредѣляетъ требованій отъ индивидуальнаго поэтическаго творенія. Теорія лирики остается въ сторонѣ, не берется за руководство въ приговорѣ о талантѣ Толстой и о значеніи ея произведеній,—не берется потому, что эти произведенія возникли иначе и имѣю̀тъ иной ха-

---

[1] Ранней смерти.

[2] Журналъ «Телескопъ», 1834 г.

рактеръ сравнительно съ другими того же рода. Поэтому, бо̀льшая половина статьи занята сужденіями о предметахъ, которые естественно возбуждали вниманіе критика по своему близкому отношенію къ судьбѣ Сарры и къ ея поэтической дѣятельности, ставили очередные вопросы и требовали отвѣта.

Первый вопросъ касался различенія дѣятельности мужчины отъ дѣятельности женщины, при чемъ, само собою разумѣется, нельзя было обойти бывшихъ толковъ и споровъ объ эмансипаціи женщины. Катковъ находитъ безразсуднымъ запирать для женщины тѣ или другія житейскія сферы. Притязаніе женщины на литературныя занятія и на извѣстность, ими доставляемую, тогда только можетъ быть осуждаемо, когда окажется, что дѣло дѣйствительно начинается и оканчивается только притязаніемъ. Въ противномъ случаѣ, ея участіе очень желательно, какъ видно изъ примѣровъ мистрисъ Джемсонъ, Беттины, Рахели, Жоржа Зандъ, заслужившихъ справедливую славу. Женщина должна пользоваться всѣми Божіими дарами, ей должны быть отверсты всѣ сокровища разума, всѣ благороднѣйшія наслажденія образованной жизни. Все человѣческое должно быть ей доступно. Послѣ всего сказаннаго объ эмансипаціи, какъ о вопросѣ вѣка, созрѣвшемъ по ходу исторіи, критикъ назначаетъ ей извѣстныя границы, отводитъ женской дѣятельности принадлежащую ей область. Эта область — семейство: «Вотъ міръ женщины, вотъ сфера ея подвиговъ! Въ этомъ мірѣ высшее достоинство ея открывается въ любви дочери, въ любви невѣсты, въ любви жены, въ любви матери... Будучи создана для индивидуальной жизни, для жизни своею личностію, она не обязана выходить на общественную арену для поденнаго труда. Лучшее, полное возмездіе, которымъ она можетъ заплатить за даръ существованія, есть она сама, ея прекрасная, гармоническая личность... Истинно великая, геніальная женщина есть, по преимуществу, религіозное существо, натура глубоко-внутренняя»...

Вслѣдъ за изложеніемъ предварительныхъ разсужденій, занявшихъ, какъ мы замѣтили, просторное мѣсто, Катковъ выражаетъ свое мнѣніе о сочиненіяхъ Сарры. Но онъ, еще до критической статьи, далъ имъ краткую оцѣнку въ извѣщеніи о выходѣ перваго ихъ тома[1]): «Это—не какія-нибудь маленькія чувствованьица, дорогія и понятныя только для ея родственниковъ и знакомыхъ, но яркіе проблески души глубокой и сильной, не какія-нибудь плаксивыя изліянія дѣтской мечтательности и слабой, болѣзненной чувствительности, но дѣйствительныя, нормальныя стремленія богатой натуры проявить во-внѣ сокровища своего духа, глубоко сознававшаго свое родство съ общимъ духомъ жизни, глубоко понимавшаго святое достоинство жизни и ея обоятельную прелесть».

---

[1]) «Отечеств. Записки», 1839 г., т. VI, Библіографическая хроника.

Этотъ-то отзывъ, въ двоякой формѣ похвалы, отрицательной и положительной, развитъ подробно въ статьѣ, о которой идетъ рѣчь. Истинная точка зрѣнія для критика состоитъ въ раскрытіи единства между личностью Сарры и ея поэтическою дѣятельностью: «говоря о ея стихотвореніяхъ, мы будемъ говорить объ ея личной жизни; говоря объ ея жизни, мы невольно будемъ говорить о ея стихотвореніяхъ. Она не потому геніальна, что она геніальный поэтъ, но потому геніальный поэтъ, что геніальная женщина. Содержаніе ея сочиненій было искреннѣйшимъ фактомъ жизни души ея. То, что заключается въ нихъ—это она сама, сама Сарра; это—прекрасная, свѣтлая, нѣжная, граціозная физіономія ея духа». Таковъ выводъ критики, которая, въ заключеніе, подкрѣпляетъ его выпиской нѣкоторыхъ стихотвореній въ прозаическомъ переводѣ.

Кромѣ вышеизложенныхъ четырехъ критическихъ отзывовъ, Каткову принадлежатъ еще многія рецензіи въ «Библіографической хроникѣ» тѣхъ же двухъ годовъ (1839 и 1840 гг.) «Отечественныхъ Записокъ» [1]). Не смотря на ихъ краткость, онѣ свидѣтельствуютъ о сильномъ талантѣ, большой научной заправкѣ и рельефномъ слогѣ рецензента. Въ особенности сильно высказывается вліяніе на него нѣмецкой философіи (Гегеля). Каждое сужденіе его о той или другой книгѣ выражаетъ нѣчто новое, открываетъ какую-либо сторону предмета, на которую прежде или вовсе не обращали вниманія или обходили ее общими фразами. Нападки на умъ, похвалы непосредственному, животному чувству, осужденіе современнаго вѣка за его будто бы матеріальное направленіе, короче, все то, что тогда обзывалось мракобѣсіемъ, или обскуратизмомъ, встрѣчали въ юномъ критикѣ мужественный отпоръ, заслуженное бичеваніе. Приведу два примѣра. Въ «Терапевтическомъ Журналѣ», за 1839 годъ, докторъ Зацѣпинъ печаталъ свое сочиненіе «О жизни», странное по содержанію и изложенію, какой-то уродливый мистико-философско-богословскій трактатъ, съ частыми выходками противъ ума. Катковъ, по этому случаю, пишетъ: «Къ чему эти нападки на то, что̀ выше всякихъ нападокъ?.. Умъ? не есть ли умъ та божественная искра, которою человѣкъ отличенъ отъ животнаго, не есть ли то самое безконечное, которое организировалось въ конечной формѣ? Чувство? но чувство есть форма животной жизни: оно тогда только становится истинно-человѣческимъ, когда наполнено **разумнымъ** содержаніемъ». Та же мысль развивается обстоятельнѣе въ другомъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ:

«Все умъ виноватъ! Позвольте, господа, не торопитесь своими проклятіями: вѣдь это дѣло не шуточное. Зачѣмъ вы видите умъ только въ практической сторонѣ жизни, въ успѣхахъ промышленности, желѣзныхъ дорогахъ и паро-

[1]) Списокъ ихъ приложенъ въ концѣ статьи.

выхъ машинахъ, словомъ, въ одной только внѣшней полезности? Вы говорите только о чувствѣ, только въ немъ видите откровеніе истины, а на умъ смотрите какъ на грѣхъ и заразу, — но вѣдь вы этимъ профанируете самое чувство... Чувство есть тотъ же разумъ, но разумъ, такъ сказать, еще чувственный, заключающійся въ условіяхъ организма, не отрѣшившійся отъ владычества плоти, не ставшій духомъ въ духѣ. Оно требуетъ просвѣтленія, которое возможно только черезъ мысль, черезъ знаніе, словомъ черезъ умъ. Тѣ, которые нападаютъ на умъ, обыкновенно почитаютъ истинность и благость неотъемлемою принадлежностію чувства, и думаютъ, что чувство никогда не ошибается и не заблуждается. Грубое заблужденіе, которое изъ разума дѣлаетъ инстинктъ, а изъ людей—животныхъ! Чувство есть ощущеніе, а ощущенія бываютъ и благія и злыя, и истинныя и ложныя, какъ и мысли. Изъ одного и того же сердца исходитъ и доброе, и злое. Когда человѣкъ прощаетъ своему врагу—онъ дѣйствуетъ по внушенію сердца; когда человѣкъ убиваетъ своего врага—онъ дѣйствуетъ опять по внушенію того же самаго сердца. Слѣдовательно, сердце требуетъ нравственнаго воспитанія, духовнаго развитія, которое возможно только при посредствѣ разума. Предоставленное самому себѣ и чуждающееся разумности, чувство и гаснетъ, и колобродитъ, и бываетъ даже источникомъ преступленія и злодѣйства. Испанцы, во имя Вѣчной Любви, страдающей и умирающей за ея же мучителей, перерѣзали цѣлыя племена и обагрили кровію цѣлую часть свѣта. И это они сдѣлали будто бы по религіозному чувству, такъ же какъ и основали инквизицію для того, чтобы на кострахъ жечь еретиковъ, т. е. людей, признающихъ, кромѣ чувства, еще и разумъ».

Другой примѣръ даетъ рецензія книги: «Обѣдъ, какихъ не бывало, сочиненіе Ѳ. Глинки». Въ 1839 году въ Москвѣ открылись столы для бѣдныхъ, устроенные нѣкоторыми благотворителями. По билету въ одинъ рубль, выданный нищему, этотъ послѣдній могъ обѣдать ежедневно въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Ѳ. Н. Глинка, бывши свидѣтелемъ такого отраднаго зрѣлища, выразилъ свои чувства, примѣшавъ къ нимъ осужденіе XIX-го вѣка, «чувственнаго и внѣшняго, развившаго въ огромныхъ объемахъ умъ свой и забывшаго про сердце», какъ онъ выразился. Катковъ отвергаетъ такой пессимистеческій взглядъ:

«Авторъ (говоритъ онъ) приступаетъ къ дѣлу лирическою выходкою противъ XIX вѣка. Онъ отнимаетъ у нашего вѣка всякое достоинство, всякую духовность; видитъ въ немъ одинъ развратъ, одну матеріальность; пировою храминою его жизни называетъ биржу—мѣсто ума (?), расчета и торга; говоритъ, что теперь религія испарилась, какъ дорогой ароматъ изъ позлащеннаго сосуда... Бѣдный вѣкъ! или и въ самомъ дѣлѣ ты одряхлѣлъ, какъ умирающій левъ въ баснѣ Крылова, и потому на тебя такъ всѣ нападаютъ? Или ты виноватъ передъ всѣми, которые увидѣли свѣтъ Божій прежде нежели ты увидѣлъ его, и сердятся на тебя за то, что не хотятъ понять тебя? Или, наконецъ, на тебя потому нападаютъ всѣ, что каждый видитъ въ тебѣ—понятіе, а не человѣка, который могъ бы подать просьбу за безчестье и увѣчье?.. Тебя бранятъ и поносятъ за безрелигіозность, въ то самое время, когда ты водружаешь знаменіе креста даже въ Австраліи, между дикими получеловѣками; въ то время, какъ ты передалъ Слово Божіе, глаголъ вѣчной жизни, на языки всѣхъ народовъ и племенъ земнаго шара; въ то время, когда ты, отвергшись заблужденій прош-

лаго, такъ называемаго лучшаго вѣка, не однимъ сердцемъ, но и разумомъ своимъ, призналъ Благовѣстіе Богочеловѣка высшею истиною, небесною и божественною мудростію, предвѣчнымъ и единымъ разумомъ, открывшимъ себя въ очевидности явленія—словомъ воплотившимся! Тебя бранятъ и поносятъ за меркантильность направленія, за эгоизмъ и сибаритство, за жестокосердную холодность къ страданію ближняго—и когда же?—въ то самое время, когда ты открываешь сиротскіе пріюты, комитеты для призрѣнія бѣдныхъ, даешь «обѣды какихъ не бывало», словомъ, когда ты христіанскіе подвиги милосердія и любви къ ближнему дѣлаешь уже долгомъ или добровольнымъ порывомъ не частныхъ лицъ, но дѣломъ общественнымъ, государственнымъ!.. Ѳ. Н. Глинка хочетъ видѣть представителей вѣка въ романистахъ, которыхъ называетъ «угодниками общества»: это все равно, что судить о красотѣ русскихъ городовъ не по Москвѣ и Петербургу, а по Тамбову и Пензѣ. Далѣе, Ѳ. Н. Глинка хочетъ судить о вѣкѣ по французскимъ романистамъ, справедливо называя ихъ «угодниками общества на ловитвѣ ощущеній»: это все равно, что по двумъ или тремъ пьянымъ мужикамъ судить объ образованности русскаго народа, видя въ нихъ его представителей. Вольно же порицателямъ XIX вѣка смотрѣть на него изъ Парижа и въ Парижѣ! Да и не лучше ли бъ было имъ въ томъ же Парижѣ взглянуть не на одну его грязную литературу, а на примѣръ—на его публичныя больницы, гдѣ знаменитѣйшіе врачи Европы посвящаютъ свою дѣятельность на облегченіе страждущаго человѣчества, гдѣ уходъ за больными и порядокъ во внутреннемъ устройствѣ и хозяйствѣ свидѣтельствуютъ о высокой христіанской филантропіи» [1]).

Какъ, впослѣдствіи, относился М. Н. Катковъ къ выше изложеннымъ журнальнымъ работамъ для «Отечественныхъ Записокъ?» [2]). Само собою, разумѣется, что онъ видѣлъ въ нихъ только пробу пера, изощряемаго и готовившагося для болѣе широкой и плодотворной дѣятельности, но онъ вспоминалъ съ удовольствіемъ о критическихъ опытахъ своего юношества, особенно объ оцѣнкѣ таланта Сарры Толстой, и любилъ говорить о нихъ въ кругу пріятелей, какъ это видно изъ прилагаемыхъ при семъ двухъ его ко мнѣ писемъ. Первое письмо, или скорѣе записка, получено мною 18-го октября 1856 года, въ отвѣтъ на мое приглашеніе отобѣдать у меня, вмѣстѣ съ другими близкими и присными мнѣ людьми, по поводу моего переселенія изъ Москвы въ Петербургъ. По тѣснотѣ моей квартиры, В. П. Боткинъ устроилъ обѣдъ у себя, въ домѣ своего отца. Кромѣ самого хозяина, были Грановскій, Кудрявцевъ, И. С. Тургеневъ, Кетчеръ, Катковъ, Леонтьевъ... (увы! этотъ списокъ есть вмѣстѣ и поминки умершихъ)... и нѣсколько другихъ лицъ, еще живыхъ и здравствующихъ. Вотъ, что писалъ Катковъ:

«Вмѣняю себѣ въ особенную честь ваше любезное приглашеніе и съ радостію имъ воспользуюсь, чтобы въ кругу людей, равно намъ близкихъ, и вмѣстѣ съ ними выразить то глубокое уваженіе, которое всегда соединяло и будетъ

---

[1]) «Отечественныя Записки», т. VIII, отдѣлъ VI (Библіографическая хроника, стр. 31—32).

[2]) Кромѣ нихъ, онъ сотрудничалъ въ «Москов. Наблюдателѣ», подъ редакціей Бѣлинскаго, 1838 и 1839 гг.

соединять насъ съ вами. Кромѣ общаго признанія вашихъ заслугъ и вашихъ нравственныхъ качествъ, для меня лично воспоминаніе о васъ имѣетъ еще особое значеніе: съ нимъ соединено еще дорогое для меня воспоминаніе моей первой молодости. Гдѣ бы ни случилось намъ встрѣтиться, всегда дружески протянемъ мы другъ другу руку и, я увѣренъ, не измѣнимся никогда въ нашемъ взаимномъ уваженіи и пріязни».

Второе письмо (31 января 1858 г.) извѣщаетъ меня, жившаго уже въ Петербургѣ, о смерти Кудрявцева:

«Простите меня, дорогой Алексѣй Дмитріевичъ, за мое молчаніе на вашъ привѣтъ, который тронулъ меня до глубины души. Повѣрьте, ваше сочувствіе, ваше доброе расположеніе и къ моей дѣятельности, и ко мнѣ лично, цѣню высоко и вижу въ томъ истинную для себя награду и утѣшеніе. Какъ вы знаете меня съ давнихъ поръ, такъ точно и я помню васъ съ той самой поры, когда пробуждалась во мнѣ мысль, и первыя попытки ея неразрывно связаны съ воспоминаніемъ о васъ, о той добротѣ, томъ доброжелательствѣ, томъ благородномъ сочувствіи ко всему молодому, свѣжему, нравственно-чистому, которыя всегда отличали васъ. Я не писалъ къ вамъ просто потому, что былъ подавленъ страшнымъ грузомъ трудовъ, заботъ, горя. Выдалась же полоса! Бывали минуты, когда я приходилъ въ совершенное отчаяніе. Съ одной стороны—туча неблагопріятныхъ и слуховъ, и предчувствій съ сѣвера [1]), съ другой—быстрое, ужасное угасаніе нашего Петра Николаевича [2]), а тутъ обычнымъ потокомъ, ни на минуту не останавливающимся, дѣла, дѣла, дѣла, которыя падали на меня всею своею тяжестью. Да! къ потерѣ Петра Николаевича трудно привыкнуть. Многаго съ его смертію не досчитаемъ мы въ нашемъ капиталѣ. Мнѣ онъ былъ особенно дорогъ, какъ нравственная поддержка, по сходству многихъ завѣтныхъ убѣжденій. Жизнь съ каждымъ днемъ становится труднѣе и суровѣе.

Безъ сомнѣнія, вы имѣете все право участвовать въ изданіи сочиненій Кудрявцева и въ составленіи его біографіи [3]). Мнѣ, кажется, эту послѣднюю обязанность могли бы раздѣлить вы съ Павломъ Михайловичемъ [4]), который если еще не писалъ, то надняхъ будетъ писать къ вамъ. Воспоминаній вашихъ ждемъ съ нетерпѣніемъ [5]).

За статью вашу о Лермонтовѣ, приношу вамъ сердечную благодарность [6]). Я считаю ее однимъ изъ лучшихъ пріобрѣтеній журнала. Мнѣ было дорого и отрадно видѣть то довѣріе, съ которымъ вы отдавали ее мнѣ, но говорю вамъ откровенно и по чистой совѣсти, что я не встрѣтилъ въ ней ни одной мысли, въ которой не былъ бы согласенъ съ вами. Я буду печатать ее не просто, какъ прекрасную статью, но и какъ статью совершенно мнѣ сочувственную. Жду съ нетерпѣніемъ второй половины.

Какое снова тяжкое испытаніе наступаетъ для литературы! Сколько опять накипаетъ на душѣ самыхъ мрачныхъ чувствованій! Скажите, что выйдетъ изъ этихъ колебаній, изъ этихъ затягиваній и отпущеній, и опять затягиваній, изъ этого вѣчнаго поддразниванья? И когда же? въ то время, какъ, повидимому,

---

[1]) Изъ Петербурга.
[2]) Кудрявцева, профессора Московскаго университета.
[3]) Намѣреніе это тогда не осуществилось.
[4]) Леонтьевымъ, профессоромъ Московскаго университета.
[5]) Воспоминанія о Кудрявцевѣ («Русскій Вѣстн.», 1858 г., т. XIII, № 4).
[6]) Лермонтовъ, 3 статьи (ibid., 1858 г., т. XVI, №№ 13, 14 и 16).

единственная и существенная поддержка П—ву [1]) представляется лишь въ свободномъ развитіи мысли и слова. Напрасно суемся мы съ нашими сочувствіями: насъ отталкиваютъ презрительнѣйшимъ образомъ. Такъ и быть! Будемъ ждать, что Богъ дастъ.

Вы пишете, что въ маѣ будете въ Москвѣ. Заранѣе радуюсь этому и надѣюсь, что будемъ гораздо чаще видаться, нежели прошое лѣто. Обнимаю васъ отъ всей души.

СПИСОКЪ

статей М. Н. Каткова въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 и 1840 годовъ [2]).

А. Статьи въ отдѣлѣ критики.

1839 года.

1. «Пѣсни Русскаго народа», собранныя Сахаровымъ (т. IV, стр. 1—24, 25—92).
2. «Основанія Русской стилистики», Зиновьева (т. VI, стр. 47—64).

1840 года.

3. «Исторія древней Русской Словесности», Максимовича, книга 1 (т. IX, стр. 37—72).
4. «Сочиненія въ стихахъ и прозѣ», гр. Сарры Толстой, переводъ съ нѣмецкаго и англ. (т. XII, стр. 15—50).

Б. Статьи въ Библіографической хроникѣ.

1839 года.

5. «Очерки съ лучшихъ произведеній живописи, ваянія и зодчества», изданіе Тромонина, 2 вып. (т. V, стр. 62 и 153).
6. «Практическая перспектива», соч. Ястребцова, ч. I (ibid., стр. 64).
7. «Графиня Евгенія», соч. Евсихіева (ibid., стр. 121).
8. «Талисманъ», фантастическій романъ (ibid., стр. 134).
9. «Путешествіе въ Смоленскъ», Бороградскаго (ibid, стр. 136).
10. «Картины Бородинской битвы», соч. Кузмичева (ibid., стр. 136).
11. «Димитрій Донской», И. Г. (ibid., стр. 137).
12. «О жизни, доктора Зацѣпина» (ibid., стр., 142).
13. «Сынъ милліонера», романъ Поль-де-Кока (т. VI, стр. 37).
14. «Карманная книжка о цѣнности россійской и иностранной монеты» (ibid., стр. 56).
15. «О жизни», И. Зацѣпина, продолженіе (ibid., стр. 61).
16. «О болѣзненныхъ вліяніяхъ въ Германіи», И. Зацѣпина (ibid., стр. 63).
17. «Полное изложеніе правилъ весенняго лѣченія болѣзней» (ibid., стр. 70).
18. «Очерки съ произведеній живописи», тетрадь 3 (ibid., стр. 86).
19. «Сочиненія гр. Сарры Ѳ. Толстой», т. I (ibid., стр. 131).
20. «Иліада Гомера», изд. 2, ч. 2 (ibid., стр. 146).

---

[1]) Правительству. Разумѣются цензурныя строгости тогдашняго времени.

[2]) Всѣ статьи, какъ въ отдѣлѣ «Критики», такъ и въ отдѣлѣ «Библіографической Хроники», по условію, положенному редакціей журнала, безъ подписи авторовъ. Но я велъ обстоятельныя списки книгъ, подлежащихъ разсмотрѣнію, съ обозначеніемъ какія изъ нихъ поступали ко мнѣ, Бѣлинскому, Каткову и Кудрявцеву. Эти списки сохраняются у меня въ цѣлости.

21. «Практич. Перспектива», Ястребилова, ч. 2 (ibid., стр. 158).
22. «Sammlung Christlicher Lieder» (ibid., стр. 200).
23. «Рѣчи въ торжественномъ собраніи 1-й Московской гимназіи» (т. VII, стр. 65).
24. «Выборъ образцовъ изъ нѣмецк. прозаиковъ и стихотворцевъ» (ibid., 75).
25. «Свѣтопись по методѣ Тальбо и Лассена» (ibid., 77).
26. «Торжество заложенія храма во имя Спасителя въ Москвѣ» (ibid., 79).

1840 года.

27. «Азбука для малолѣтнихъ дѣтей» (т. VIII, стр. 27).
28. «Перенесеніе тѣла князя Багратіона» (ib., 30).
29. «Обѣдъ, какихъ не бывало», Ѳ. Глинки (ib., 30).
30. «Очерки произведеній живописи, скульптуры и пр.», тетр. 6 и 7 (ib., 35).
31. «Описаніе практическаго употребленія дагерротипа» (ib., 36).
32. «Конекъ Горбунокъ», Ершова, изд. 11 (ib., 58).
33. «Походъ Кира Младшаго» (т. IX, стр. 57).
34. «Карманный латино-русскій словарь», Болдырева (ib., 58).
35. «Полезное чтеніе для дѣтей» (ib., 60).
36. «Начальный курсъ рисованія» (ib., 62).
37. «Хива, или описаніе (геогр. и стат.) Хивинскаго ханства» (ib., 63).
38. «Басни Хемницера» (т. X, стр. 7).
39. «Странникъ, Вельтмана,» ч. 1, изд. 2 (ib., 7).
40. «Москвѣ благотворительной», стихотвореніе Ѳ. Глинки (ib., 12).
41. «Народный Русскій пѣсенникъ» (ib., 25).
42. «Балакирева полное собраніе анекдотовъ» (ib., 27).
43. «Похвала глупости», Эразма Ротердамскаго (ib., 27).
44. «Описаніе посольства отъ царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду II» (ib., 29).
45. «О мѣрѣ наказаній», профессора Баршева (ib.. 33).
46. «Юридическая Библіотека», Наливкина, тетрадь 1 (ib., 34).
47. «Подарокъ дѣтямъ въ день Христова воскресенія» (ib., 43).
48. «Разговоръ нянюшки съ дѣтьми» (ib., 43).
49. «Исторія несчастій жука и похожденій муравья» (ib., 43).
50. «Деревенскій телеграфъ, днемъ и ночью» (ib., 43).
51. «Азбучка-игрушка для дѣтей» (ib., 43).
52. «Двойная англійская бухгалтерія» (ib., 46).
53. «Практическія упражненія въ бухгалтеріи» (ib., 46).
54. «Мои счастливѣйшія минуты въ жизни». Стихотворенія князя А. И. Долгорукова (ib., 52).
55. «Стихотворенія» Н. И. (ib., 52).
56. «Юрій, послѣдній великій князь Смоленскій», кн. 1 (ib., 53).
57. «Очерки Россіи», издаваемые В. Пассекомъ, кн. 3 (ib., 59).
58. «Юрій, послѣдній великій князь Смоленскій», кн. 2 (т. XI, стр. 88).

Стихотворенія въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 года

1. «Разставанье» (изъ Гейне). Томъ IV, отд. III (Словесность).
2. «Мой милый въ міръ пошелъ имъ любоваться» (изъ Рюккерта), ib.
3. «Страданіе въ удѣлъ ты получила» (Гейне), ib.
4. «Ратклифъ» (изъ Гейне). Томъ VI, отд. III.
5. «Гренадиры» (изъ Гейне). Томъ IX, отд. III.
6. «Кубокъ и вино» (изъ Рюккерта). Томъ XI, отд. III.

А. Галаховъ.

«ПОИМАНЫ ЕСТЕ БОГОМЪ И ВЕЛИКИМЪ ГОСУДАРЕМЪ!...»

Историческій фрескъ.

1509—1510.

«О, славнѣйшій граде Пскове-Великій! Почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ:—Како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? Прилетѣлъ бо на мя многокрильный орелъ, исполнь крилѣ львовыхъ ногтей, и взятъ отъ мене три кедра Ливанова — и красоту мою, и богатество, и чада моя восхити. Богу попустившу за грѣхи наша, и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ заметаша, а отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша...»
Псковская лѣтопись, I, 287.

I.

«Горе тебѣ, Хоразине!»

КОПИТЕСЬ, копитесь, жалобники! копитесь!

Такимъ возгласомъ оглашалась площадь Живоначальныя Троицы, въ Псковѣ, 25-го декабря 1509 года, подъ вѣчевымъ колоколомъ, висѣвшимъ на главной башнѣ городской стѣны, имени Довмонта.

На вѣчевомъ помостѣ, на возвышеніи, стоялъ средниxъ лѣтъ мужчина въ черномъ съ откидными рукавами и съ отложнымъ краснымъ воротомъ ѻпашнѣ. Изъ-подъ распахнувшагося ѻпашня виднѣлась на свѣтло-малиновой однорядкѣ съ поперечными темными нашивками массивная золотая гривна. Высокіе изъ красной юфти сапоги и высокая со-

болья шапка довершали одѣяніе знатнаго обывателя вольнаго города. Въ рукахъ у него была развернутая бумага.

— Копитесь, псковичи, жалобники, копитесь!—продолжалъ онъ возглашать, махая въ воздухѣ бумагой.

Обѣдня у Троицы только-что кончилась, и народъ толпами валилъ изъ церкви, заполняя собою вѣчевую площадь. День былъ ясный, морозный, но тихій. Зимнее солнце ярко горѣло на золотыхъ крестахъ церквей и колоколенъ Великаго Пскова. Надъ площадью носились стаи голубей, встревоженныхъ необычайнымъ движеніемъ на площади.

Псковичи были въ праздничныхъ нарядахъ. Шубы съ бобровыми и куньими и собольими воротниками, ѻпашни, однорядки и мятели пестрѣли, словно маковое поле, яркими цвѣтами красныхъ, малиновыхъ, зеленыхъ и голубыхъ шелковъ и суконъ. Женщины—въ такихъ же яркихъ одеждахъ, старушки и молодицы, дѣвушки и дѣти—все это, какъ живое цвѣточное поле, двигалось изъ церкви къ вѣчевому помосту, и на всѣхъ лицахъ виднѣлось особенное, болѣе чѣмъ праздничное оживленіе.

А съ высоты вѣчевого помоста не умолкалъ призывной голосъ:

— Копитесь, копитесь, псковичи, вольные люди! — копитесь, жалобники!

Въ это время къ помосту приблизилась высокая среднихъ лѣтъ женщина въ лисьемъ, бурой лисицы, шугаѣ, покрытомъ рытымъ зеленымъ аксамитомъ, и въ собольей шапкѣ, повязанной бѣлымъ съ золотымъ шитьемъ убрусомъ. Съ нею рядомъ—молоденькая дѣвушка въ собольей шубкѣ, крытой нѣжнымъ малиновымъ аксамитомъ, и въ собольей шапочкѣ съ высокимъ, малиновымъ же верхомъ. Въ черную косу ея, толстымъ жгутомъ спускавшуюся ниже тальи, вплетены были широкія голубыя ленты, цвѣтъ которыхъ, подъ морознымъ зимнимъ солнцемъ, невольно напоминалъ весну, зелень и незабудки. За ея руку въ изящной малиновой варежкѣ,—перстатица изъ свейской рудожелтой кожи,—держался хорошенькій, кудрявый мальчикъ лѣтъ семи или восьми.

Щеки дѣвушки горѣли румянцемъ—отъ морозу ли или отъ общаго оживленія.

— Съ праздникомъ, Остафьюшко, съ Рожествомъ!—привѣтствовала высокая псковитянка того, кто возглашалъ съ помоста—«копитесь!»

— И васъ такожде, матушка Олёна Митревна, съ праздникомъ!—отвѣчалъ онъ, снимая шапку и низко кланяясь.—И васъ, Ефимья Левонтьевна, и Петрика.

Дѣвушка еще больше зарумянилась. Глаза Остафьюшки заискрились внутреннимъ огнемъ и теплотою.

— Что-й-то ты, родимый, оглашаешь?—спросила высокая псковитянка.

— Грамотку изъ Новагорода, матушка, — отвѣчалъ тотъ.

— Отъ кого грамотка-то, Остафьюшко?

— Отъ посадника, матушка.

— Отъ Юрья?

По лицу вопрошавшей пробѣжала неуловимая тѣнь.

— Точно — отъ Юрья Микитича, отъ Копыла.

— А въ какой силѣ грамотка-ту?

— Пишетъ: пущай-де копятся жалобники на князь Ивана въ его обидахъ Великому Пскову, пущай-деи спѣшатъ въ Новгородъ на очи великому князю московскому—бить челомъ на князь Ивана и на его нелюбье и неправды, а то-деи вся земля наша останется виновата: псковичи-деи крамолу куютъ.

— Самъ онъ крамольникъ! — не вытерпѣла высокая псковитянка.—Поѣхалъ бить челомъ на мужа моего, на Левонтія. А почто?

Она съ любовью глянула на дѣвушку, у которой нѣжный румянецъ молодыхъ щечекъ точно полинялъ сразу и розовыя губки сложились точно для плача.

— Зеленъ виноградъ,—загадочно продолжала высокая псковитянка. — А коли и созрѣлъ, такъ не для него, беззубаго: — не про него и виноградъ мой сáженъ.

Глаза говорившей сверкнули недобрымъ огонькомъ.

— И я ему, матушка Олёна Митревна, вѣры не иму, — тихо сказалъ глашатай,—не даромъ онъ съ нашимъ князюшкой, ѡтай ото всѣхъ, разговоры разговаривалъ, ѣдучи въ Новгородъ.—А все выкликать жалобниковъ надоть — на томъ и старшіе и молодчіе людишки, мужики-вѣчники, приговорили.

— Вѣстимо, выкликай: на то ты сотскій Великаго-Пскова,—согласилась высокая женщина.

— А вонъ и самъ соколъ залетный,—съ улыбкой презрѣнія указалъ глашатай своими живыми сѣрыми глазами на дальній конецъ площади.

— Не соколъ онъ, а воронъ хижій!—отвѣчала высокая женщина.

На дальнемъ концѣ площади показался всадникъ на великолѣпной бѣлой лошади подъ богатымъ чапракомъ. Горностаевая мантія, драпировавшая всадника съ блѣднымъ лицомъ и безжизненными глазами, придавала всей его фигурѣ что-то фантастическое: казалось, что на бѣломъ конѣ сидитъ мертвецъ въ саванѣ.

Бѣлаго всадника сопровождалъ небольшой отрядъ вершниковъ.

— Найдёнъ! найдёнъ!—прошелъ ропотъ по площади отъ одного конца до другого.

— Не сымать шапокъ, псковичи братія!—не сымать!—слышались голоса.

— Долой найдёна! пусть идетъ, откудова пришелъ! — Путь-дорогу изъ Пскова-града найдёну!

Такъ псковичи называли своего послѣдняго намѣстника, спод-

ручника великаго князя московскаго, князя Ивана Михайловича Оболенскаго. «Найдёномъ»—этимъ презрительнымъ прозвищемъ они величали его потому, что онъ не былъ избранъ Псковомъ, по старинному обычаю, на вѣчѣ, вольными голосами, а былъ присланъ изъ Москвы, и ни духовенство Великаго Пскова не встрѣтило его, по обычаю, съ крестами и хлѣбомъ-солью, ни самъ онъ не далъ о себѣ знать заранѣе, а остановился на загородномъ дворѣ, гдѣ его нашли псковичи, и оттуда уже провели на торгъ и къ Живоначальной Троицѣ:—«найдёнъ, найдёнъ»!—такъ и пошло съ тѣхъ поръ.

Князь не поѣхалъ дальше. Онъ на мгновенье пріостановилъ коня, сказалъ что-то ближайшему вершнику и показалъ на вѣчевой помостъ. Злорадная улыбка передернула блѣдное лицо его, и онъ, поворотивъ коня, скрылся за уступомъ Довмонтовой стѣны.

— Ой, лѐле, лѐле, лѐле!—послышался на площади горькій, надрывающій душу плачъ.

Площадь всколыхнулась. Изъ-за уступа Довмонтовой стѣны дѣйствительно показался мертвецъ въ саванѣ, но только не въ горностаевомъ, а въ обыкновенномъ бѣломъ саванѣ. Онъ шелъ, опираясь на длинный посохъ, на верхнемъ концѣ котораго, вмѣсто набалдашника, вдѣтъ былъ пожелтѣвшій отъ времени человѣческій костякъ-черепъ. Босыя ноги пришельца, загрубѣлыя какъ ноги собаки, хрустѣли по снѣгу словно деревянныя.

— Ой, лѐле, лѐле, лѐле!—продолжалъ онъ горько плакать.

— Иванушка—Иванушка юродъ!—пронесся испуганный говоръ по площади.—Иванушка—божій человѣчекъ, юродъ божій.

Юродивый приближался, продолжая плакать. Его обступили псковичи.

— Съ праздникомъ, Иванушко, человѣче божій!—привѣтствовали его ближайшіе.—Откудова Богъ несетъ?

Юродивый остановился, перестал плакать и кроткими, глубокими глазами посмотрѣлъ на окружающихъ. Худое лицо его съ жиденькою бородкою было полуприкрыто саваномъ, закрывавшимъ ему и голову и уши.

— Откудова, Иванушко?—снова спросили его.

— Отъ Марьицы, дѣтушки,—былъ загадочный отвѣтъ.

— Отъ какой такой Марьицы, человѣче?—недоумѣвали псковичи.

— Отъ Марьицы, дѣтушки, отъ Акимовны,—былъ тотъ же неясный отвѣтъ.

Псковичи знали, что юродивый имѣлъ обыкновеніе говорить загадочно, притчами и иносказаніями, и потому старались разгадать таинственный смыслъ отвѣта Иванушки.

— А гдѣ, Иванушко, оная Марьица твоя живетъ?—спрашивали его.

— На Романовой горѣ, дѣтушки.

— На Романовой горѣ, слышь,—кто жъ бы она такая была?—Боярыня?

— Ой, ой, ой!—покачалъ головой юродивый.—Выше подымай.

— Посадница, коли?—Токмо какая же тамъ посадница?

— Выше, выше подымай, дѣтушки.

— Али какая княгиня?

— Выше и превыше.

— Да выше, человѣче божій, никого ужъ нету-ти.

— А царица?—вмѣшался кто-то,—она выше княгини.

— Подлинно, подлинно!—царица—Царица Небесная!—она, матушка, воистину, превыше всѣхъ бояръ и князей, превыше всѣхъ человѣкъ!—Подлинно, подлинно!—Это онъ, видите ли, былъ на Романовой горѣ, въ церкви Похвалы Богородицы... Точно—у Марьицы былъ божій человѣкъ, у самой у Марьицы, у дѣвы Маріи.

— А какъ же онъ назвалъ ее Акимовной?—спросилъ кто-то.

— Въ томъ то, братцы, и премудрость вся!—возгласилъ одинъ грамотѣй,—дѣва-то Марія была дщерь преподобныхъ Іоакима и Анны—вотъ она и Марья Акимовна живетъ—въ этомъ, братцы, и загвоздка вся... Нну! удружилъ Иванушка!—у самой, сирѣчь, у Богородицы въ гостяхъ былъ—нну!

Въ это время къ юродивому приблизилась та высокая псковитянка, которую мы видѣли у вѣчевого помоста. Передъ нею всѣ почтительно растyпились и сняли шапки.

— Олёна-посадница съ дочкой и сыночкомъ,—шептали нѣкоторые.

— Здравствуй, Иванушко!—ласково проговорила посадница,—приходь ко мнѣ разговѣться.

Юродивый глянулъ на нее и горестно всплеснулъ руками.

— Матушка моя!—жено благочестивая!—проговорилъ онъ,—и ты, голубица чистая (это онъ къ дѣвушкѣ), и отроча малое—о, лѐле, лѐле, лѐле!

Онъ прижался головой къ холодному костяку и зарыдалъ еще горестнѣе.

— Горе тебѣ, Хоразине!—горе тебѣ, Виѳсаидо!—о! лѐле-лѐле-лѐле!

И онъ направился къ вѣчевому помосту, хрустя босыми ногами по снѣгу.

II.

Гаданье.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ Крому̀, близь Дѣтинца, въ домѣ посадника Леонтія Макарьевича, выходившемъ на Торговище, собрались гости.

Самъ посадникъ, Леонтій, мужъ той высокой псковитянки, которую мы видѣли съ ея дѣтьми, утромъ, на площади Живоначальныя Троицы, находился въ это время въ Новгородѣ, куда онъ по-

ѣхалъ къ великому князю московскому, Василію Ивановичу, въ октябрѣ мѣсяцѣ торжественно прибывшему въ отчину свою, въ Великій Новгородъ, недавно повергнутый подъ державныя нозѣ въ Бозѣ почивающимъ родителемъ его, блаженныя памяти великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи. Посадникъ Леонтій отправился въ Новгородъ, чтобы судиться передъ великимъ княземъ съ обидчикомъ своимъ, степеннымъ посадникомъ Юрьемъ Копыломъ, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ—«найдёномъ», правившимъ нынѣ дѣлами Великаго Пскова; въ Псковѣ же оставалась теперь его жена, посадница Елена Дмитріевна, съ молоденькою дочкою, красавицею Офимьицею, и съ маленькимъ сынишкою Петрикомъ.

Такъ какъ почти всѣ знатнѣйшіе псковскіе мужи находились теперь въ Новгородѣ, у великаго князя, ради дѣлъ своихъ и въ особенности ради челобитья, на разныя обиды Пскову со стороны великокняжескаго намѣстника, князь Ивана-«найдёна», то между гостями Елены-посадницы были исключительно женщины, псковскія боярыни и жены больших людей со своими дѣтьми.

Гости собрались въ главной горницѣ, надъ подклѣтью, а дѣвушки—въ свѣтлицѣ, въ комнатѣ хорошенькой Офимьицы.

Домъ посадника Леонтія былъ каменный, двухъярусный, съ жилою подклѣтью и просторною свѣтлицею. Главная горница, въ которую входили съ каменнаго крыльца съ колоннами чрезъ присѣнокъ и просторныя съ окнами на Торговище сѣнями, была ярко освѣщена тремя лампадами, спускавшимися со сводчатаго, раскрашеннаго яркими красками потолка и напоминавшими скорѣе церковныя висячія паникадила, въ которыхъ горѣло по дюжинѣ жолтыхъ восковыхъ свѣчей. Стѣнныя ниши и горки красиво сверкали разставленною на нихъ золотою и серебряною посудою, братинами, кубками и турьими рогами, оправленными въ серебро и золото. Лавки были покрыты дорогими заморскими коврами, а столы—браными скатертями.

На столахъ наставлены были разныя лакомства—пряники медовые и сахарные, леденцы, орѣхи каленые, волочскіе и кедровые, разныя пастилы, изюмъ; тутъ же были меды розовые и бѣлые, а также разныхъ сортовъ браги—тверезыя и пьяныя съ хмѣлемъ.

Привѣтливая хозяйка хлопотливо угощала своихъ дорогихъ гостей, но какъ она ни старалась—не видно было ни веселья, ни оживленія. Чувствовалось, что что-то тяготѣетъ подъ Псковомъ: мужья въ отсутствіи; по городу ходятъ зловѣщіе слухи; у церкви Похвалы Богородицы—сказываютъ—ночью колокола сами звонили, а Иванушка юродивый сказывалъ, что въ эту заутреню, тамъ же у Похвалы, икона Богородицы плакала.

— Чтò и говорить!—грустно покачала головой хозяйка,—онамедни говорилъ мнѣ отецъ Ермилъ, что нонѣ въ Филиповъ постъ

явися на небѣ знаменіе—два мѣсяца хвостаты на небеси, въ нощи, и ударилися вмѣстѣ, и одинъ у другово хвостъ отшибъ, и тотъ мѣсяцъ отшибеной хвостъ приволокъ къ себѣ, и знати стало на мѣсяцы томъ какъ перепояска [1]).—Къ чему оно?

— Полагать надо—не къ добру: розратье будетъ,—замѣтила одна гостья, полная блондинка.—А мнѣ сказывалъ человѣкъ—таково бысть знаменіе: на новцы явишася два мѣсяца рогами противу себѣ, одинъ повыше, а другой пониже, и человѣкъ тотъ не дозрѣлъ конца—что быть доканчаніе [2]).

— Оно то же на то же и выходитъ,—вздохнула другая гостья, благообразная старушка.

— Какъ на то же, матушка?—спросила хозяйка.

— А на розратье, лебедушка моя: тамъ мѣсяцы хвостаты, а тутай—рогаты; тамъ они сшиблися и одинъ у другово хвостъ отшибъ...

— Такъ, такъ—истинно: а тутай, надо полагать, рогъ отшибъ у другово.

— Безпремѣнно такъ, милыя!—вмѣшалась третья гостья.—А вотъ скажите мнѣ, милыя, къ чему сіе знаменіе?—Сказывали мнѣ старицы изъ Копорья, якобы изыдоша коркодилы, лютіи звѣріи, изъ рѣки и путь затвориша...

— Ахъ, мать моя!—всполошилась полная блондинка,—въ какой рѣкѣ коркодилы?—ноли въ Великой?

— Ужъ того, милая моя, не вѣдаю,—отвѣчала разсказчица,—а только сказывали: изыдоша оные коркодилы, и путь затвориша, и людей много поядоша, и ужасающася людіе, и молиша Бога по всей земли, и паки спряташася, а иныхъ избиша [3]).

— Господи, Господи!—качала головой благообразная старушка,—видно, послѣдніи денечки пришли—свѣту перестàвленье—переставится свѣтъ-отъ, родимыя.

— А то еще соловецкіе старцы сказывали,—вступилась хозяйка, разливая меды по чарамъ,—сказывали—быдто взыде въ морѣ китъ-рыба, и хотѣ потопити Соловецкой монастырь и островъ...

— Охъ, страхи каки!—воскликнули слушательницы,—и потопилъ?

— Нѣту, касатая,—успокоила хозяйка,—молитвами преподобныхъ опять въ море пошелъ [4]).

— И это, матушка Олёна Митревна,—какая же рыба-китъ?—полюбопытствовала полная блондинка, пригубливая чару меду пьянаго.

---

[1]) Псковская лѣтоп., I, 317.

Тамъ же, 318.

[3] Тамъ же, 320.

Тамъ же, 321.—И все это съ дѣтскимъ довѣріемъ вносилось благочестивыми лѣтописцами въ ихъ хронографы, и все это такъ пугало всѣхъ!

— А та рыба-китъ, касатая, что землю на себѣ держитъ.

— Владычица! какова же должна быть рыбина, что всю землю на себѣ содержитъ!

— Да она, мать моя, не одна,—поправила благообразная старушка,—ихъ три кита.

Таковы были гостинные разговоры именитыхъ россіянокъ добраго стараго времени.

Другіе разговоры и другія затѣи велись наверху, въ свѣтлицѣ, у Офимьюшки. Тамъ собрались только красныя дѣвушки, подружки хорошенькой Офимьицы. Дѣвушки тоже угощались разными сластями и медами, только не пьяными, и занимались гаданьями—лили воскъ и олово топленое въ мисы съ водою, и тѣмъ узнавали свою судьбу и своихъ суженыхъ.

Потомъ стали «хоронить золото», и звонкими молодыми голосами запѣли:

«Ужъ я золото хороню, хороню,
«Ужъ я сёребро стерегу, стерегу!
«Палъ, палъ перстень
«Въ калину-малину,
«Въ черну самородину:
«Очутился перстень
«Да у Остафѣя
«На правой на ручкѣ,
«На лѣвомъ мизинцѣ...»

— Что вы! что вы, дѣвыньки!—вся вспыхнула Офимьица.

— Ахъ ты тихоня!—коварно замѣтила курносенькая непосѣда Дарьица Манухина, отецъ которой тоже уѣхалъ въ Новгородъ съ прочими челобитчиками,—а нонѣ, у вѣчевого помосту?

— Что у вѣчевого помосту?—еще пуще зардѣлась Офимьица.

— Какъ что!—задорно продолжала Дарьица, качая русою головкою и сверкая самоцвѣтными «колтками» въ розовенькихъ ушкахъ,—слушайте, дѣвыньки!—Стоитъ это нонѣ на вѣчевомъ помостѣ ясный соколъ въ красныхъ сапогахъ и въ собольей шапкѣ, и таково голосно выкрикиваетъ: «копитесь, жалобники, копитесь!»—Откудова ни возьмись царевна-несмѣяна и какъ лебедь бѣлая подплываетъ къ помосту... Матыньки! какъ увидѣлъ ее нашъ ясёнъ соколъ, да такъ полымемъ и вспыхнулъ, ажно гривна златая у него на груди ходенёмъ заходила... А кто этотъ младъ ясёнъ соколъ, дѣвыньки?

— Остафій, Остафій!—послышались голоса.

— А развѣ онъ не хорошъ-пригожъ?—сказала сѣнная дѣвушка, подносся сласти боярышнямъ.

— Нѣтъ, дѣвушка,—коварно улыбнулась длиннокосая непосѣда Дарьица,—ужъ если кто хорошъ-пригожъ, такъ это Юша милъ сердечный другъ.

— Какой это Юша, боярышня?—удивилась сѣнная дѣвушка.

— А Юшенька, самъ посадникъ степенный.

— Это Копылъ-то? — Тьфу-тьфу! — Онъ и вправду подбивается къ нашей боярышнѣ, только не видать ему, старому чорту, нашей красавицы-боярышни какъ ушей своихъ. Мы, сѣнныя дѣвушки, такъ и прозвали его—«старчище-Терентьище»... Ему ужъ чуть ли не восьмой десятокъ пошелъ, а туда же аспидъ!

— А вотъ что, дѣвыньки-подруженьки,—заговорила Офимьица, желая замять щекотливый разговоръ,—пойдемте на дворъ гадать—слушать, съ какой стороны собачка голосъ подастъ.

— Любо! любо! идемъ на дворъ!—согласились другія дѣвушки.

— И снѣгъ полоть, и прохожихъ пытать,—добавила Дарьица:—авось Остафій откликнется: «копитесь, дѣвушки, копитесь!»

Всѣ засмѣялись и шумно стали собираться на дворъ. Спустившись съ лѣстницы, дѣвушки чрезъ присѣнокъ пробрались на крыльцо, а потомъ вышли за ворота.

— Ну, Офимьица, гадай ты первая,—сказала Дарьица.

— Нѣтъ, ты начинай, милая:—мнѣ страшно таково,—отнѣкивалась Офимьица.

— Ты хозяйка,—возражали другія подружки,—твой конъ—ты на кону̂.

— Ну, инъ я начну,—сказала Дарьица, и громкимъ голосомъ проговорила:

«Залай, залай, собаченька,
«Залай, сѣренькій волчокъ:
«Откуда мнѣ судьбу ждать,
«Гдѣ мнѣ вѣкъ вѣковать».

Какъ бы въ отвѣтъ на это, гдѣ-то завыла собака, да такъ жалобно, что дѣвушки съ испугомъ переглянулись.

— Ахъ, какъ страшно, дѣвыньки!—струсила сама гадальщица, Дарьица: — гдѣ это?

— Кажись, за Смердьимъ мостомъ, за Псковой рѣкой, — отвѣтила сѣнная дѣвушка.

Собака продолжала выть. Ей отвѣчали другія въ разныхъ мѣстахъ — и въ Дѣтинцѣ и за Дѣтинцемъ, и въ Крому̂, и на Полонищѣ.

— Господи, какъ страшно!—испуганно заговорили дѣвушки.—Нѣтъ, мы не будемъ больше гадать:—говорятъ, это грѣхъ... Охъ, страшно, дѣвыньки!

И всѣ стремглавъ бросились на дворъ, а оттуда въ свѣтлицу.

III.

Тѣнь Мареы-посадницы.

Проводивъ гостей и простившись на ночь съ матерью, Офимьица, прежде чѣмъ лечь спать, долго молилась въ своей свѣтлицѣ передъ

кіотою, сверкавшею золотыми и серебряными окладами старинныхъ иконъ. Особенно жарко молилась она Богородицѣ - утоли - моя - печали, кроткій ликъ которой, казалось, съ такою любовью смотрѣлъ на колѣнопреклоненную дѣвушку. Ей сегодня особенно было что-то и радостно, и боязно. Отчего радостно?—Даже здѣсь, предъ кроткимъ ликомъ Богородицы, она не могла отогнать отъ себя дорогой, желанный образъ суженаго, котораго мужественная красота особенно поразила ее сегодня, когда онъ стоялъ на вѣчевомъ помостѣ, сверкая морознымъ инеемъ своей пушистой бороды. А глаза его, а щеки, жаркимъ поломемъ вспыхнувшія на морозѣ при видѣ... ея, Офимьицы...

И въ постели, подъ голубымъ атласнымъ одѣяломъ, дѣвушка не могла долго заснуть. Ея радужныя дѣвическія грезы смѣнялись то и дѣло предчувствіемъ чего-то страшнаго, невѣдомаго. Не даромъ Иванушка-юродивый такъ плакалъ сегодня. Онъ святой человѣкъ, у него есть даръ провидѣнія. И сегодня у нихъ за обѣдомъ онъ ничего не ѣлъ, и разговляться не захотѣлъ. Онъ все твердилъ, что настаетъ великій постъ для Пскова, а глядя на матушку, онъ горестно качалъ головой и все говорилъ: «Мареа, Мареа!»

Какую онъ Мареу разумѣлъ? Вѣдь ея матушка не Мареа, а Елена. Мамушка Степанида говоритъ, что онъ намекалъ это на Мареу-посадницу, на новгородскую. Мамушка видѣла ее когда-то, очень-очень давно, когда ходила въ Новгородъ на богомолье. Она видѣла, какъ везли эту Мареу въ Москву, а за нею вѣчевой колоколъ, и какъ всѣ новгородцы плакали, провожая свой колоколъ. И мамушка плакала, глядючи на нихъ.

При чемъ же тутъ Мареа-посадница? Эта мысль не давала дѣвушкѣ покоя, и она не могла сомкнуть глазъ, невольно прислушиваясь къ тихому дыханію мамушки, давно спавшей, въ той же свѣтлицѣ, на лежанкѣ.

А во всемъ Псковѣ такъ смутно эти дни. Не даромъ и собаки жалобно воютъ по ночамъ. Всѣ именитые псковскіе люди уѣхали въ Новгородъ къ великому князю московскому. И батюшка уѣхалъ, и они безъ него встрѣтили святой праздникъ. Ужели же бѣда какая ждетъ ея родной городъ? Иванушка даромъ не сталъ бы плакать. А онъ говоритъ, что и Богородица въ Похвалѣ у заутрени плакала:—«святыя слёзки аки бисеръ безцѣненъ по суху древу катились»...

Вдругъ дѣвушка приподнялась на локтѣ и стала къ чему-то прислушиваться...

— «Звонитъ, звонитъ»,—испуганно шептала она, и снова прислушивалась.

— Мамушка! а мамушка!—тихо позвала она.

— Что, мое золото червоное?—откликнулся голосъ съ лежанки.

— Слышишь—вѣчной колоколъ, кажись, звонитъ?

— Что ты, что ты, ягодка! — какъ ему, колоколу-то, звонить ночью?

— Я слышала, мамушка.

— Можетъ, дитятко, слышала въ тонцѣ снѣ, въ ночномъ мечтаніи?

— Нѣтъ, мамушка, я совсѣмъ не спала... Вонъ и собаки воютъ.

Старушка, охая и крестясь, слѣзла съ лежанки и подошла къ постели своей ненаглядной вскормленицы.

— Ахти-хти! и косынька вся по подушечкѣ разметана... Что съ тобой, золото мое?

— Не спится что-й-то, мамушка.

Старушка стала ее крестить.

— О-о-хо-хо! намъ, старымъ да немощнымъ, ину пору не спится по ночамъ, особливо какъ расходится недугъ въ головѣ, разыграется утинъ въ хребтѣ да пуститъ недугъ къ сердцу, какъ у привередливой жены старчища-Терентьища, а вамъ бы, молодешенькимъ, съ чего не спать? Наигрались, нагадались—и баиньки,—бормотала старушка, качая головой.

— Да я все, мамушка, думала объ Иванушкѣ юродивомъ да объ Мареѣ-посадницѣ.

— Что объ ней думать, дитятко? Поди, она давно на томъ свѣтѣ.

— И объ вѣчномъ колоколѣ, мамушка, какъ его на Москву везли, и ты плакала.

— Нашъ-отъ вѣчевой колоколецъ не повезутъ, ягодка.

— А коли повезутъ?

— Не за что, ягодка.

— А что, мамушка, нашъ колоколъ больше новогородскаго?

— Нѣту, золото мое, нашъ поменѣ будетъ. Да что ты все объ колоколѣ да объ колоколѣ?.. Перекрестись и баинькай себѣ съ Богомъ. Ну, ложись,—дай я тебѣ косыньку улажу,—ишь коса-то богатая!—и головкѣ, поди, тяжело отъ эдакой вагй... Ужъ и коса!—кому-то она достанется? А, поди,—Остафью добру молодцу.

Поворчавъ нѣсколько, старушка опять забралась на лежанку; но теперь уже сонъ бѣжалъ и отъ ея старыхъ очей. Старушка поминутно вздыхала, шептала молитвы и крестилась.

— Мамушка!—снова послышался голосъ Евфиміи.

— Что, дитятко? А ты все не спишь?

— Не сплю—все думаю.

— О чемъ же думать, золото мое червоное, коли ужъ и вторые пѣтухи пропѣли.

— Обо всемъ думаю, мамушка... А какая изъ себя была эта Мареа-посадница новгородская?

— Жена была видная, огрядная.

— А она похожа была на матушку?

— Что-й-ты, дитятко! Мареа была ужъ старуха, а мать-то твоя—въ самомъ соку.

— А давно это было, что ее увезли на Москву?

— Давно, ягодка, я тогда еще молода была, а твою матушку только отъ груди я отняла, когда шла въ Новгородъ, ко святой Софѣи премудрости. За мать-ту твою я и молиться ходила, да, за нее, голубушку. Такъ оно и будетъ болѣ тридцати лѣтъ, какъ Мареуту на Москву взяли. Ужъ и слезъ тогда что было въ Новѣгородѣ!

Старушка невольно разговорилась. Она вспомнила старину, свою молодость, войны Пскова съ Новгородомъ и съ нѣмцами, пожары, опустошавшіе городъ, и моровыя повѣтрія. Старушка увлеклась незамѣтно, и особенно яркими красками описала моръ, свирѣпствовавшій въ Псковѣ болѣе двадцати лѣтъ назадъ.

— И что-й-то былъ за гнѣвъ Божій, ягодка моя! Отъ того гнѣва Божія мужи и жены по монастырямъ разбѣгались, ангельскій чинъ принимали, а что было въ городѣ—и сказать-то страшно! мертвецовъ негдѣ было хоронить—по пяти и по шести въ одну яму клали. А болѣзнь была такова: человѣка-то словно рогатиною ударитъ, а потомъ железы вспухнутъ, и станетъ тотъ человѣкъ кровію харкать и горѣть весь аки въ огнѣ, а тамъ скоро и душеньку Богу отдастъ... Ужъ и пролито было тогда слезъ, Господи!

Она замолчала и стала прислушиваться. Слышно было, какъ гдѣ-то благовѣстили къ заутрени.

— Кажись, уснуло дитко мое милое.

Она встала и тихо подошла къ постели Евфиміи. Дѣвушка дѣйствительно спала.

— Подъ сказочку уснула ягодка,—прошептала старушка и направилась къ своему жосткому ложу, нашептывая молитвы.—Далась ей Мареа-посадница!—бормотала она, укладываясь,—и точно, словно бы тѣнь ея бродитъ надъ Псковомъ... Охъ, быть бѣдѣ, быть бѣдѣ...

IV.

„Похоронный колоколъ“.

Что же, въ эти тревожные для Пскова дни, дѣлали псковичи въ Новгородѣ?

Они ожидали праздника Крещенья.

— Копитесь, копитесь, жалобники! Придетъ Крещенье Господне, тогда я вамъ всѣмъ дамъ управу.

Такъ возгласилъ псковичамъ слово государево, на владычнемъ дворѣ, думный дьякъ, Третьякъ Далматовъ, не глядя ни на кого изъ жалобщиковъ, громадною толпою тѣснившихся на дворѣ владыки новгородскаго.

Многимъ псковичамъ показалось при этомъ, что Третьякъ, гордо поднявъ сѣдую голову при возглашеніи слова государева, какъ будто незамѣтно усмѣхнулся въ бороду.

Ждутъ псковичи Крещенья. А челобитчики, по зову степеннаго посадника, Юрья Копыла, валятъ изъ Пскова сотнями: у каждаго за душой есть не одна обида и жалоба на князя Ивана-«найдёна». А еще больше навалило изъ Пскова и пригородовъ чернаго люду, «молодчихъ людей—худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ». У этихъ—жалобы на псковскихъ бояръ и купцовъ, на людей знатныхъ, которые будто бы бѣдныхъ смердовъ заѣдаютъ урочными работами и всякими тяготами.

А это-то послѣднее и на руку великому князю: онъ заступится за смердовъ и проглотитъ Псковъ, какъ батюшка его блаженныя памяти проглотилъ Новгородъ.

Великій князь вызвалъ, наконецъ, изъ Пскова и князя-«найдёна» къ отвѣту.

Князь Иванъ явился въ Новгородъ уже не въ горностаяхъ, а въ скромной одеждѣ великокняжескаго сподручника. Онъ явился, чтобы мстить постылому Пскову за его высокомѣріе, за глумленіе надъ нимъ, за позорную кличку «найдёнъ», которую бросали ему въ глаза псковскіе ребятишки.

Злоба душила его, когда онъ проходилъ владычнымъ дворомъ, чтобы стать на очахъ великаго князя. На дворѣ толпились псковичи-жалобщики и злорадно шептались, когда князь Иванъ проходилъ мимо нихъ, какъ простой челобитчикъ.

— «Найдёнъ», «найдёнъ» идетъ! — пересмѣивались псковичи, показывая на своего князя пальцами.—Ишь какъ хвостъ-отъ поджалъ, не во Псковѣ, видно. Горностаи-то свои припряталъ... А то на!—фу ты, ну ты!—чортъ ему не братъ... Мы и не такихъ князьковъ спроваживали вѣчемъ по добру, по здорову — скатертью дорога! «Найдёнка» и есть «найдёнка»—щербатый алтынъ и цѣна-то ему вся. Погоди, ужо, на Крещенье Господне, мы тебѣ отпоемъ— все отпоемъ отъ «блаженъ мужъ» до «вскую шаташася».

Князь все это слышалъ и задыхался отъ злобы; но молчалъ.

Блѣдный, взволнованный онъ предсталъ предъ ясныя очи великаго князя. Молодой государь сидѣлъ на высокомъ владычнемъ сидѣньѣ съ двуглавымъ орломъ надъ головою. По правую отъ него руку сидѣлъ коломенскій епископъ Мартирій, а по лѣвую—братъ Андрей Ивановичъ. Рядомъ съ княземъ Андреемъ—крымскій царевичъ Абдулъ-Летифъ, а нѣсколько въ сторонѣ—дьякъ Третьякъ Далматовъ.

Машинально, почти ничего не видя отъ волненія, князь-намѣстникъ Пскова приблизился къ государю и поцѣловалъ его руку.

— Здравствуй, князь Иванъ,—сказалъ великій князь ласково.

Князь Иванъ снова поцѣловалъ державную руку.

— Что, Иванушко, — съ улыбкой заговорилъ Василій Ивановичъ,—я чаю, псковичи плохо тебя кормили—вонъ, какой ты худой да блѣдный.

Князь-намѣстникъ въ третій разъ приложился къ рукѣ великаго князя.

— Вижу, вижу, плохое тебѣ тамъ кормленье было, постное,— вижу, Иванушко.

Ласковый пріемъ «обладателя всеа Русіи» ободрилъ псковскаго намѣстника. Онъ выпрямился.

— Челомъ бью великому государю на отчину твою, на Псковъ городъ,—началъ онъ дрожащимъ голосомъ,—къ стопамъ твоимъ, великій государь, хощу положить вины отчины твоей, Псковà-города.

— А въ чемъ его вины передъ мною, великимъ государемъ?— спросилъ Василій Ивановичъ, и голубые глаза его сверкнули гнѣвомъ.—Тертій!—глянулъ онъ въ сторону дьяка Далматова,—записывай вины отчины моей, Псковà-города.

Третьякъ спокойно разложилъ передъ собою свитокъ и, незамѣтно улыбнувшись въ бороду, взялся за огромное орлиное перо, торчавшее султаномъ изъ массивной бронзовой чернильницы.

— Сказывай!—выронилъ слово великій князь.

— Вѣдомо тебѣ, великому государю, буди,—началъ все еще дрожащимъ голосомъ намѣстникъ Пскова,—мнѣ, холопу твоему государеву и намѣстнику, было великое безчестіе отъ псковичей: они, великій государь, въ мои суды и пошлины вступались самоуправно, держали меня, великій государь, не такъ, какъ прежнихъ твоихъ государевыхъ намѣстниковъ допрежъ сего держали, и чинили мнѣ всякое безчестіе словомъ браннымъ и дѣломъ крамольнымъ. Еще же, великій государь, отъ посадниковъ псковскихъ и отъ бояръ чинятся великія обиды и оскорбленія ихъ же братьи, псковичамъ, черному и бѣдному люду...

— Тертій!—возвысилъ голосъ великій князь, взглянувъ на дьяка,—пиши—обиды чинятъ моимъ государевымъ людемъ—смердамъ и рольникамъ, и всей молодчей братьи... Ну?—обратился онъ снова къ князю-намѣстнику.

— Богатые люди, государь, утѣсняютъ бѣдныхъ,—продолжалъ тотъ все болѣе и болѣе смѣло...—А наипаче всего, великій государь, псковичи презираютъ твое государево имя...

— Мое государское имя!—грозно вскричалъ великій князь и гордо выпрямился.—А! такъ вотъ куда уже зашло! мое имя безчестятъ! Такъ я же имъ покажу!.. Я напомню имъ Мареу Борецкую и вѣчевой колоколъ:—будетъ и ихъ колоколъ звонить у меня на Москвѣ по покойникамъ... Отнынѣ псковской вѣчевой колоколъ— похоронный колоколъ.

Великій князь всталъ съ мѣста и въ сильномъ гнѣвѣ удалился въ другіе покои, успѣвъ только кинуть черезъ плечо князю-намѣснику:

— Спасибо, князь Иванъ!—похваляю.

V.

Іорданское дѣйство.

Наступило Крещенье.

Новгородъ, нисколько не оправившійся послѣ разгрома, учиненнаго надъ нимъ блаженныя памяти великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Третьимъ, собирателемъ русской земли, на половину опустошенный и разрушенный и заселенный москвичами, желая, однако, достойно почтить державнаго гостя... «не жалѣючи своихъ холопскихъ великаго государя животишекъ», на славу устроилъ «іорданское дѣйство» на рѣкѣ Волховѣ. Іорданская сѣнь была обита золототканною парчою и дарогими заморскими золо̂тными кистями. На куполѣ сѣни, подъ золоченымъ восьмиконечнымъ крестомъ, ярко блисталъ подъ морозными лучами крещенскаго солнца золотой двуглавый орелъ со скипетромъ и державнымъ яблокомъ въ мощныхъ когтяхъ, а правымъ клювомъ державный орелъ придерживалъ на шелковомъ шнурѣ сдѣланнаго изъ сахара бѣлаго голубя, который долженъ былъ спуститься къ водѣ въ самый главный моментъ «іорданскаго дѣйства» — погруженія креста въ Волховъ.

Съ утра по городу ходили пріѣхавшіе съ великимъ княземъ изъ Москвы дѣти боярскіе и государевымъ словомъ кличъ кликали.

— Посадники псковскіе, и бояре, и всѣ псковичи, жалобные люди!.. по указу великаго государя, идите къ Волхову на іорданское дѣйство, на водосвятіе!

И псковичи толпами повалили къ Волхову, къ іорданской сѣни. На лицахъ у всѣхъ свѣтилось оживленіе, радость. Наконецъ-то они дождались великокняжеской управы!—наконецъ-то отъ нихъ возьмутъ постылаго князя-«найдёна», безсовѣстнаго грабителя и самоуправца, который что хотѣлъ, то дѣлалъ съ беззащитными псковичами, не находившими поддержки даже въ своемъ собственномъ посадникѣ, въ срамникѣ старомъ, въ Юркѣ Копылѣ: вмѣсто того, чтобъ править Псковомъ побожески, по старинѣ, онъ только и думалъ какъ бы ему, старому, лысому и беззубому «старчищу-Терентьицу», жениться на молоденькой Евфиміи, дочери посадника Леонтія Макарьевича, первой красавицѣ и скромницѣ на весь Псковъ-Великій. При томъ же они и испроторились, живучи въ Новгородѣ межъ чужими людьми, и соскучились по своимъ семьямъ — по своимъ женишкамъ и дѣтишкамъ. И праздникъ-то они встрѣтили безсемейно, на чужой сторонѣ, словно полоняники. Теперь и крещенскія святки будутъ справлять въ Псковѣ безъ нихъ — сироты сиротами!

Но сегодня—конецъ всему, конецъ ихъ долготерпѣнію!

Весь Волховъ запрудили собою псковичи, «жалобные люди», какъ ихъ выкликали сегодня дѣти боярскіе.

Но вотъ показалась церковная процессія со стороны святой Софіи. Засверкали и заискрились на солнцѣ церковныя хоругви, кресты и иконы. Впереди всѣхъ въ полномъ облаченіи шли Мартирій, епископъ коломенскій, да архимандритъ Симонова московскаго монастыря и все новгородское духовенство.

Вслѣдъ за духовенствомъ слѣдовалъ великій князь въ сопровожденіи бояръ, окольничихъ и думныхъ. Тутъ же находились и братъ великаго князя Андрей и псковскій намѣстникъ, князь Оболенскій.

Псковичи замѣтили его.

— Вонъ и нашъ «найдёнъ» съ поджатымъ хвостомъ,—трунили издали псковичи.

— И точно—«найдёнка»... И какъ это пса смердящаго пущаютъ на водосвятіе!

— Поди жъ ты!—собака на іорданскомъ дѣйствѣ!

— Что жъ, собакамъ не возбраняется по улицамъ бѣгать.

Началось водосвятіе. Особенно торжественна была минута, когда, при погруженіи креста въ воду, пѣвчіе возгласили: «Во Іордани крещающуся тебѣ, Господи!...»

— Глянь-ко-сь, глянь, братцы! голубокъ спущается на воду,— прошелъ шопотъ по толпѣ.

— Это святой духъ—это дѣйство...

Народъ толпами повалилъ сподобиться святой воды, а духовенство и великій князь съ боярами направились обратно къ святой Софіи.

По Волхову и по берегу рѣки, среди псковичей, послышались громкіе возгласы:

— Посадники псковскіе, и бояре, и всѣ псковичи, жалобные люди! Великій государь Василій Ивановичъ всеа Русіи повелѣлъ вамъ собраться на владычный дворъ! Приходите всѣ до единаго! Бойтесь государевой казни—кто не придетъ! Нынѣ великій государь хочетъ всѣмъ вамъ дать управу.

Это выкликали бояре по указу великаго князя.

Псковичи радостно двинулись къ владычному двору... «Слава тебѣ, Господи!..»

Вдругъ откуда ни возьмись псковскій юродивый Иванушка, все въ томъ же саванѣ и босикомъ. Но теперь онъ сидѣлъ верхомъ на своемъ посохѣ, какъ это дѣлаютъ ребятишки, играя въ лошадки. Юродивый, осѣдлавъ свой посохъ, скакалъ впереди псковичей, свисталъ и похлестывалъ свою мнимую лошадку, приговаривая: «гопъ-гопъ, лошадка!—вывози псковичей во царствіе небесное!»

Потомъ онъ остановился и повернулся лицомъ къ озадаченнымъ псковичамъ.

— Садитесь на палочки, псковичи!—закричалъ онъ,— садитесь всѣ до единаго!—поѣдемъ въ гости къ матушкѣ, къ Марьѣ Акимовнѣ...

У Марьицы палаты богаты,
У Акимовны обители многи:
Самъ Христосъ о томъ сказывалъ
И смущаться намъ не приказывалъ.

— Но-но, лошадка! гопъ-гопъ, псковичи! за мною въ царствіе Божіе!

Никто не понялъ ни дѣйствій юродиваго, ни его иносказаній. Только посадникъ Леонтій Макарьевичъ, хорошій знатокъ священнаго писанія, истолковалъ намеки юродиваго не въ пользу своего дѣла. Онъ понялъ, что ѣздою на палочкѣ онъ уподоблялъ псковичей дѣтямъ несмысленнымъ, «ихъ бо есть царствіе Божіе»; а словами объ «обителяхъ многихъ» юродивый намекалъ на слова Іисуса Христа: «да не смущается сердце выше; вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте: въ дому Отца моего обители многи суть...»

Отецъ Евфиміи догадался, что ихъ ждетъ несчастіе, опала, быть можетъ—казнь...

— Бѣдная Офимьица! бѣдныя дѣтушки мои!—невольно защемило у него на сердцѣ,—это все Юрій Копылъ по злобѣ за Офимьицу: онъ погубитель Великаго Пскова...

VI.

Арестованіе псковичей.

Псковичи, предшествуемые юродивымъ верхомъ на палкѣ, всѣ вошли на владычный дворъ.

Тамъ ихъ встрѣтили московскіе бояре съ дьякомъ Далматовымъ.

— Господо псковичи, лучшіе люди!—обратился къ нимъ Третьякъ,— вы, господо посадники, бояре, купцы и всѣ лучшіе люди, пожалуйте во владычную палату; а вы, люди молодчіе, побождите малость на дворѣ.—Всѣмъ вамъ будетъ управа отъ великаго государя.

«Лучшіе люди» гурьбой вошли въ палату и ждали выхода великаго князя. Тишина въ палатѣ водворилась необычайная, когда дьякъ Далматовъ и московскіе бояре скрылись во внутреннихъ покояхъ. Тамъ, за дверьми, все было тихо какъ въ могилѣ.

Впереди сборища псковичей стояли посадники, въ томъ числѣ степенный Юрій Копылъ и бывшій степенный Леонтій Макарьевичъ; но они не глядѣли другъ другу въ глаза.

Мучительно было ожиданіе. Одинъ только юродивый, который тоже пробрался въ палату, чувствовалъ себя какъ дома. Онъ продолжалъ сидѣть на своемъ деревянномъ конѣ съ черепомъ мертвеца вмѣсто набалдашника, и прохаживался по палатѣ, подходя то къ одному, то къ другому посаднику.

Вдругъ онъ неожиданно остановился передъ Юріемъ Копыломъ.

— Юша!—сказалъ онъ, — поцѣлуй меня за весь Псковъ!—дай ми лобзаніе, Юша.

Озадаченный посадникъ не зналъ, что̀ это значитъ, и въ смущеніи поцѣловалъ юродиваго.

— Его же аще лобжу—той есть: имите его, — сказалъ этотъ послѣдній словами Евангелія.

«Іудино лобзаніе»,—подумалъ про себя отецъ Евфиміи.

Въ это время дверь изъ внутреннихъ покоевъ неожиданно отворилась, и всѣ вздрогнули. Но въ дверяхъ былъ только дьякъ Далматовъ.

— Сполна ли всѣ собрались?—спросилъ онъ, оглядывая сборище.

— Всѣ сполна, — отвѣчалъ посадникъ Юрій.

Дьякъ опять скрылся. Опять ждутъ. Теперь ужъ навѣрно выйдетъ самъ великій князь.

Но онъ не выходитъ. Минуты кажутся часами. Юродивый подъѣзжаетъ на своей палкѣ къ посаднику Леонтію и съ грустью смотритъ ему въ глаза.

— Что, Левушка,—говоритъ онъ,—скучаешь по Олёнѣ Митревнѣ да по дѣтушкамъ.

— Зѣло скучаю, Иванушка.

— А что велишь имъ сказать отъ тебя?

— Какъ что?—удивился посадникъ.

— Да что пожелаешь — поклонъ ли сожительницѣ, благословеніе ли чадамъ... Я севодни ѣду во Псковъ,—такъ и свезу имъ отъ тебя гостинецъ словесный.

— Да я самъ, Иванушка, може севодни же поѣду во Псковъ.

— Э-эхъ!—покачалъ головой юродивый,—улита ѣдетъ—когда-то будетъ!

На лицѣ посадника отъ этихъ словъ юродиваго выразился испугъ: онъ зналъ, что юродивый наобумъ ничего не скажетъ, и весь Псковъ вѣрилъ въ пророческое ясновидѣніе своего юродиваго.

— О-охъ, Левушка!—повторилъ юродивый,—чья улита ѣдетъ, а наша еще и саней не запрягала.

Въ это время дверь изъ внутреннихъ покоевъ растворилась настежъ. Въ дверяхъ показался дьякъ Далматовъ съ боярами. Всѣ замерли въ ожиданіи.

— Пойманы есте Богомъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всеа Русіи!—торжественно провозгласилъ дьякъ.

Слова эти какъ громъ поразили псковичей.

— О-о!—послышались стоны,—пойманы!—Боже правый!

Псковичи попали въ западню. Они сразу теперь поняли это, но поняли слишкомъ поздно: они неожиданно очутились плѣнниками великаго князя. — «Пойманы» — это значитъ: арестованы! Ужасъ овладѣлъ всѣми.

— Тертій! а—Тертюшка!—подскочилъ вдругъ къ дьяку Далматову юродивый на своей лошадкѣ.

— Что, человѣче божій?—почтительно спросилъ дьякъ.

Старая московская Русь глубоко чтила своихъ юродивыхъ, называя ихъ «людьми божьими», «святыми»: «Христа ради юродъ»— и они смѣло говорили въ глаза рѣзкую, по своему времени, правду и царямъ и владыкамъ.

— Что, человѣче божій!—почтительно повторилъ дьякъ свой вопросъ.

— Есть тутъ у васъ поблизости осина?—загадочно спросилъ юродивый.

— Осина, человѣче божій?—удивился дьякъ,—на что осина?— ради коея потребы?

— А для Іуды, Тертюшка,—помнишь: и «шедъ удавися»...

Дьякъ ничего не отвѣчалъ. Онъ и всѣ присутствовавшіе поняли весь трагизмъ намека юродиваго: — совершилось предательство...

Между тѣмъ московскіе бояре, заперевъ владычный дворъ и поставивъ у воротъ стражу, уже переписывали поименно всѣхъ псковичей «жалобныхъ людей», которые находились на дворѣ.

Въ палатѣ же, гдѣ находились арестованные посадники и бояре псковскіе, послѣ нѣмой сцены, полной глубокаго отчаянія, снова раздался голосъ дьяка:

— Подумайте, псковичи, какъ вамъ добить челомъ великому государю!—И дьякъ удалился.

VII.

«Холопи, холопи, холопи!»

По уходѣ дьяка и бояръ московскихъ, въ палатѣ произошла бурная сцена. Многіе въ отчаяніи ломали руки. По сѣдымъ бородамъ текли безмолвныя слезы.

— Іуда!—гдѣ Іуда!—спохватились иные.

Но того, кого называли Іудой, уже не было въ палатѣ.

Когда улеглись первые порывы отчаянія и псковичи поняли свою безвыходность, они начали обсуждать: чтò же имъ дѣлать?— на что рѣшиться?—Дьякъ Далматовъ прямо сказалъ: «подумайте, кàкъ вамъ добить челомъ великому государю». Онъ не сказалъ— «великому князю», а прямо «государю». Ясно, что хотятъ не «княженія», а «государствованія»,—и на послѣднемъ только и возможно обоюдное соглашеніе.

— Что жъ, господо псковичи, отцы и братія!—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ посадникъ Леонтій,—скажемъ то словечко, котораго отъ насъ хотятъ и котораго ни у отцовъ, ни у дѣдовъ, ни у

прадѣдовъ нашихъ на устахъ не бывывало, какъ и Псковъ стоитъ:—добьемъ челомъ этимъ словечкомъ!

— Какое же есть оное словечко?—спросили нѣкоторые,—какова его сила?

— А словечко то, господа псковичи,—медленно произнесъ посадникъ,—«холопи!»

— Холопи!—послышались испуганные голоса,—мы, Псковъ, отчина великихъ князей, а не холопи!

— Что дѣлать, господо! мы—поиманы: намъ ли противу рожна прати?—возразилъ посадникъ.

— На то воля Божія,—согласились другіе,—его святая воля.

Опять вошелъ дьякъ Далматовъ.—«Надумались, господо псковичи?»—спросилъ онъ.

— Надумались,—отвѣчалъ посадникъ Леонтій.

— А какова сила вашей думы?—продолжалъ дьякъ.

— Такова!—отвѣчалъ посадникъ,—познаемъ вину свою и бьемъ челомъ государю...

При словѣ—«государю», а не «великому князю»—чуть замѣтная улыбка промѣльилась подъ сѣдыми усами стараго дьяка-дипломата.

— Бьемъ челомъ государю,—продолжалъ посадникъ,—чтобъ онъ пожаловалъ насъ, холопей своихъ...

Снова усмѣшка скользнула подъ усами дьяка.

— Пожаловалъ насъ, холопей своихъ, и весь Псковъ, какъ ему Богъ извѣститъ!—съ подавленнымъ рыданіемъ закончилъ посадникъ, между тѣмъ какъ на душѣ его клокотало:—«дитятко мое! Офимьица! радость очей моихъ!—и ты—холопка, холопка, холопка!»

Дьякъ удалился. Псковичи остались въ глубокомъ безмолвіи. Только слышно было, какъ юродивый, обхвативъ холодный черепъ руками и припадая къ нему головой, тихо плакалъ, почти беззвучно повторяя: «ой, лѐле-лѐле-лѐле!»...

Внезапно дверь распахнулась и въ ней показались дьякъ Далматовъ и пятеро московскихъ бояръ.

— Государь нашъ,—торжественно провозгласилъ дьякъ,—государь нашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всеа Русіи и великій князь, велѣлъ вамъ, своимъ слугамъ, сказать: прародители наши, великіе князья, и отецъ нашъ, и мы, держали отчину свою, Псковъ, въ своемъ государевомъ жалованьи въ старинѣ до сихъ дней и берегли отовсюду; а вы, наша отчина, Псковъ, имя наше держали честно и грозно, по старинѣ, и оказывали честь своимъ князьямъ, нашимъ намѣстникамъ. А нынѣ вы, отчина наша, Псковъ, наше имя и нашихъ намѣстниковъ держите не попрежнему. И къ намъ пришли жалобники—на посадниковъ и на земскихъ судей бьютъ челомъ, что отъ нихъ нѣтъ управы и дѣлаютъ они большое разореніе. За то слѣдуетъ на васъ, отчину свою, положить ве-

ликую опалу. Но великій государь кажетъ вамъ, отчинѣ своей, милость и жалованье, есть ли только вы сотворите волю государеву: свѣсить прочь вѣчевой колоколъ и впредь вѣчамъ не быть...

Стонъ прошелъ по палатѣ... «Оо!-лѐле-лѐле-лѐле!»—слышались всхлипыванья юродиваго.

— Вѣчамъ не быть,—продолжалъ дьякъ,—а быть во Псковѣ двумъ намѣстникамъ; и по пригородамъ псковскимъ тожъ будутъ намѣстники. А какъ во Псковѣ и по пригородамъ будутъ судить намѣстники, и ту пору государь самъ прибудетъ во Псковъ поклониться Живоначальной Троицѣ, и всему тому учинитъ указъ. Если вы познаете государево жалованье и по его волѣ будете тѣмъ довольны, то государь васъ жалуетъ вашимъ достояніемъ и не будетъ вступаться въ земли ваши. А коли вы не познаете государева жалованья и не учините его воли, и тогда государь будетъ свое дѣло дѣлать, какъ ему Богъ поможетъ. И кровь христіанская взыщется на тѣхъ, которые государево жалованье презираютъ и воли его не творятъ!

Всѣ плакали, выслушивая этотъ жестокій приговоръ.

Впередъ выступилъ посадникъ Леонтій, но за слезами долго не могъ говорить.

— Мы,—говорилъ онъ, пересиливая съ трудомъ истерическія спазмы въ горлѣ,—мы всѣ здѣсь головами на томъ государевомъ жалованьѣ. Бьемъ челомъ государю за то, что отлагаетъ казнь свою надъ нами, холопями своими, и отдаетъ опалу свою отчинѣ своей, Пскову, чтобы кровь христіанская не проливалась!

— Кровь, кровь!—съ ужасомъ шептали нѣкоторые.

Но посадникъ опять овладѣлъ своимъ голосомъ.

— Отчина государева,—продолжалъ онъ,—отъ прародителей его, государей русскихъ, и при отцѣ его, и при немъ государѣ нашемъ, была неотступна и неизмѣнна ни въ чемъ до сего часу, и нынѣ и напредки такъ останется. Вѣдаетъ Богъ да государь—въ какомъ жалованьи похочетъ онъ учинить свою отчину.

Выслушавъ это, дьякъ и бояре удалились.

— Да не смущается сердце ваше,—тихо проговорилъ юродивый, переставъ плакать,—да будетъ его святая воля!

Уже никто не плакалъ. Глухая тоска заступила мѣсто отчаянія: худшее, что̀ могло совершиться,—совершилось!

Снова явились бояре вмѣстѣ съ дьякомъ Далматовымъ. На этотъ разъ волю государеву говорилъ не дьякъ, а старѣйшій изъ бояръ—князь Михайло Даниловичъ Щенятевъ.

— Государь великій князь,—сказалъ онъ,—приговорилъ-было своимъ боярамъ послать на Псковскую землю рать; но теперь вы бьете челомъ за себя и за нашу отчину, Псковъ, отдаете государево жалованье въ его волю. И посему государь говоритъ вамъ: дайте намъ крѣпкое слово за себя и за нашу отчину и за всю

Псковскую землю, что Псковъ, отчина наша, пожелаетъ нашего жалованья и учинитъ волю нашу во всемъ томъ, о чемъ бояре наши вамъ говорили; а государь пошлетъ съ этимъ своимъ жалованьемъ во Псковъ дьяка Третьяка Далматова. Да и вы сами не хотите ли отъ себя послать отсюда о томъ же къ нашей отчинѣ, Пскову, къ своимъ пріятелямъ, которые у васъ тамъ есть, чтобъ и они хотѣли нашего жалованья и учинили во всемъ нашу волю.

Князь Щенятевъ кончилъ. Псковичи молчали. Да и что̀ могли они сказать? Слышны были только ихъ тяжелые, задавленные вздохи, да юродивый какъ бы про себя шепталъ: «горе тебѣ, Хоразине!—горе тебѣ, Виѳсаидо!...»

— Пошлете?—спросилъ князь Щенятевъ.

— Спосылаемъ,—безучастно отвѣчали нѣкоторые.

Князь Щенятевъ глянулъ на дьяка Далматова. Третьякъ удалился и черезъ минуту воротился, предшествуемый Мартиріемъ, епископомъ коломенскимъ, съ распятіемъ въ одной рукѣ и кресто-цѣловальною записью въ другой.

Псковичи поклонились епископу.

— Чада моя!—произнесъ этотъ послѣдній,—говорите со мною слово по слову... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Обѣщаюсь и клянусь Господомъ Іисусомъ Христомъ предъ святымъ его распятіемъ—во всемъ повиноваться государю своему Василію Ивановичу, царю и государю всеа Русіи и великому князю, хотѣть ему добра во всемъ же, безъ единыя хитрости, не мыслить и не думать лиха ни ему, великому князю, ни его княгинѣ, ни его дѣтямъ, ни его землямъ, и пребывать неотступно отъ своего государя до конца живота своего.

Псковичи повторили отъ слова до слова.

— Аминь!—произнесъ Мартирій.—Цѣлуйте животворящій крестъ Христовъ.

Псковичи приложились къ распятію. Присяга была кончена.

Вдругъ изъ-за толпы псковичей протискивается впередъ юродивый.

— Владыко святый!—обращается онъ къ епископу,—чего ради соблазнилъ ты малое стадо сіе, не тобою пасомое?

Мартирій смущено глядѣлъ на юродиваго.

— Чѣмъ я соблазнилъ ихъ, чадо?—спросилъ онъ.

— А зачѣмъ ты заставлялъ ихъ клятися и ротитися? Нали ты, слуга Христовъ, забылъ слово его святое?—забылъ?

— Какое слово?—съ большимъ смущеніемъ спросилъ епископъ.

— А сіе: «азъ же глаголю вамъ не клятися всяко—ни небомъ, яко престолъ есть Божій, ни землею—яко подножіе есть ногама его, ни Іерусалимомъ—яко градъ есть великаго царя» (Еван. отъ Матѳ. V, 34—35). Забылъ, владыко святый?

Горькая улыбка скользнула по лицу епископа, и онъ, не отвѣтивъ ни слова, удалился въ глубокомъ смущеніи.

— Отвѣта же не даде,—качая головою, проводилъ его юродивый.

Черезъ минуту въ послѣдній разъ явился къ псковичамъ дьякъ Далматовъ и проговорилъ: — «Государь вашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всея Русіи и великій князь, указалъ васъ, холопей своихъ государевыхъ, жаловать — звать васъ къ нему, великому государю, обѣдать».

Покорною толпою двинулись проголодавшіеся псковичи во внутреннія палаты.

«Холопи, холопи, холопи!»—эти слова, казалось, стучались въ сердцѣ посадника Леонтія, когда онъ вмѣстѣ съ прочими шелъ къ столу государеву:—«и она, моя голубица—холопка!..»

VIII.

«Батюшка и Псковъ».

Мы опять въ Псковѣ.

Не весело встрѣтили псковичи крещенскій праздникъ. По обыкновенію шумный во все время святокъ, теперь городъ казался словно бы нѣсколько обезлюдѣвшимъ. Да и не удивительно: большинство лучшихъ и богатѣйшихъ псковичей, всѣ посадники почти и бояре, находились въ Новгородѣ; а тѣ, которые оставались въ городѣ, не могли быть вполнѣ спокойны за будущее; большинство псковитянокъ скучало по своимъ отсутствующимъ мужьямъ, — и оттого святки были не въ святки. Хорошо еще, что не долго оставалось ждать: сегодня, на Крещенье, всѣ должны воротиться домой или къ обѣдамъ или послѣ обѣда. Но пришлось обѣдать безъ мужей, безъ отцовъ.

Только дѣти да молодежь не унывали, а даже радовались, что вотъ-вотъ скоро воротятся изъ Новгорода ихъ отцы и привезутъ обѣщанные гостинцы. Юные псковичи и псковитянки устроили даже себѣ на Торговищѣ, подъ Довмонтовой стѣной, ледяную горку и катаются съ нея на салазкахъ при общемъ хохотѣ и дружныхъ крикахъ.

Вмѣстѣ съ прочими катаются на салазкахъ и знакомыя намъ пріятельницы—Офимьица Макарьевичева, дочка посадника Леонтія, и Дарьица Манухина. Крещенскій морозъ такъ нарумянилъ ихъ щеки, что розовыя личики ихъ выглядывали изъ-подъ темныхъ собольихъ шапочекъ словно весенніе цвѣты.

— А ну, Фима, кто кого перегонитъ?—задирала свою пріятельницу веселая Дарьица.

— Посмотримъ.—Только чуръ, Даша, разомъ.

— Знамо, разомъ.—Слушай: разъ, два, три!

И обѣ разомъ пустились съ горы. Дарьица такъ усердствовала, что на полпути налетѣла на чьи-то порожнія салазки, не убран-

ныя съ дороги, и опрокинулась вмѣстѣ съ санками, такъ что только мѣдныя подковки ея красныхъ сапожковъ сверкнули на солнцѣ.

— Обогнала! обогнала!—радостно билъ въ ладоши Петрикъ, братъ Офимьицы.

— Обогнала назадъ пятками!—смѣялись другіе ребятишки.

— Ай-ай! смотрите! Дарьицына коса зацѣпилась за салазки! — вотъ такъ возжи!

Всѣ смѣялись, а Дарьица смѣялась больше всѣхъ, хоть ей со стыда и хотѣлось плакать.

Вдругъ на Торговище, со стороны Новгорода, примчались сани тройкой.

— Православные!—кричалъ кто-то изъ саней,—князь великій переловилъ нашихъ въ Новгородѣ!

Говоръ, смѣхъ, веселье—разомъ стихли.

— Пойманы всѣ наши великимъ княземъ, православные!—продолжалъ вопить пріѣзжій.

Офимьица и Дарьица стояли испуганныя, трепещущія.

— Кажись, это голосъ Филиппа, — нерѣшительно замѣтила первая.

— Да, это Поповичевъ голосъ, Филипповъ, — отвѣчала послѣдняя,—побѣгимъ, распытаемъ его.

И дѣвушки побѣжали, забывъ про свои салазки.

— И мой батюшка пойманъ княземъ?—кричала издали Офимьица.

— Пойманъ, милая, пойманъ!

— И мой, дядюшка?

— И твой, Дарьица, Онисимъ Ильичъ пойманъ.

Между тѣмъ началъ сбѣгаться на площадь народъ. Въ одно мгновенье заговорилъ вѣчевой колоколъ.

Ужасомъ поразила всѣхъ страшная вѣсть, привезенная Филиппомъ Поповичемъ. Онъ ѣхалъ въ Новгородъ съ товаромъ, и около Веряжи услыхалъ отъ встрѣтившихся новгородцевъ, что всѣ псковичи и посадники, и бояре, и купцы, и черные люди, прибывшіе въ Новгородъ съ жалобами и челобитьями,—всѣ, по приказанію великаго князя, переловлены обманнымъ образомъ. Поповичъ бросилъ на дорогѣ товаръ — все равно пропадаетъ Псковъ, а съ нимъ и псковичи и ихъ достояніе! и налегкѣ помчался назадъ, чтобъ сообщить родному городу ужасную вѣсть.

Въ нѣсколько минутъ вѣчевая площадь была затоплена народными волнами. Слышался всеобщій вопль отчаянія, который, сливаясь съ неумолкаемымъ звономъ вѣчевого колокола, наводилъ еще большій ужасъ на всѣхъ. Женщины падали въ обморокъ. Казалось, стоналъ самый воздухъ надъ несчастнымъ городомъ. Изъ этого стона и вопля по временамъ выдѣлялись энергическіе возгласы...

— Ставьте щитъ противу государя!—Запремся въ городѣ!

— Ляжемъ костьми за Живоначальную Троицу и за домы отцовъ нашихъ!

— За вѣчный колоколъ! за вѣчную волю нашу!

Но слышались и другіе голоса — голоса людей болѣе благоразумныхъ:

— Отцы и братія! послушайте!—Какъ же мы поставимъ щитъ противу государя, коли наши братья, посадники и бояре и всѣ лучшіе люди у него въ полону! За наше непокореніе онъ ихъ всѣхъ предастъ лютой казни.

— Опомнитесь, господо псковичи! опомнитесь! — кровь нашихъ братьевъ падетъ на насъ и на чадъ нашихъ! Опомнитесь!

Въ эти страшныя минуты шатанія умовъ на площади неожиданно появляется Онисимъ Манухинъ, отецъ Дарьицы. Онъ пригналъ гонцомъ въ Псковъ отъ арестованныхъ въ Новгородѣ согражданъ своихъ. Издали онъ махалъ поднятою вверхъ бумагою и кричалъ. «Помедлите мало, псковичи, помедлите! Я привезъ грамоту отъ отцовъ и братьи нашей!»

Прямо съ коня, гонца тотчасъ же взвели на вѣчевой помостъ. Знакомый уже намъ красавецъ, сотскій Евстафій, подалъ знакъ, чтобы вѣчевой колоколъ замолчалъ.

На минуту на площади воцарилась мертвая тишина.

— Отцы и братья!—кланялся гонецъ на всѣ четыре стороны,— вотъ грамота отъ посадниковъ нашихъ, отъ бояръ, купцовъ и всѣхъ лучшихъ людей!

— Вычитывай грамоту!—раздались голоса.

— Пускай Остафій вычитаетъ!—кричали другіе,—у него голосъ на весь Псковъ.

— Остафій! Остафій сотскій!

Красавецъ сотскій снялъ шапку и поклонился на всѣ четыре стороны. Вдругъ глаза его упали на чье-то блѣдное, какъ полотно, миловидное личико. Онъ узналъ Евфимію и краска залила его красивое, мужественное лицо.

— Читай! читай!

— Осѣнитесь крестомъ, псковскіе люди!—Вся площадь шумно перекрестилась.

Дрожащими руками взялъ Евстафій грамоту, перекрестился въ свою очередь и сталъ читать.

Могучій голосъ его сначала обрывался, но съ половины чтенія онъ окрѣпъ и поднялся до того, что въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ площади каждое слово его било по слуху, словно молотомъ изъ серебра.

— И мы,—читалъ онъ,—подумавши между собою, сколько насъ ни есть здѣсь посадниковъ и бояръ и всѣхъ псковичей, дали государю крѣпкое слово за себя и за всю псковскую землю потому, что мы, государева отчина, всѣ какъ одинъ человѣкъ до сихъ поръ. Гос-

подо и братья наша! посадники, и всѣ псковичи, и вся земля псковская! похотите вмѣстѣ съ нами государева жалованья и учините его волю. Мы за себя и за васъ дали своими душами крѣпкое слово своему государю, и вы не учините съ нами розни. А если не сотворите государевой воли во всемъ по его хотѣнію, то будетъ вамъ вѣдомо, что государь нашъ съ яростію и съ гнѣвомъ пойдетъ на свою отчину, Псковъ, дѣлать свое дѣло съ великимъ и многонароднымъ воинствомъ, и пошлетъ воеводъ своихъ со многими людьми, и прольется христіанская кровь, и наши головы погибнутъ. И то будетъ на васъ за то, что не захотѣли государева жалованья и не учинили его воли. Государь учинилъ и срокъ дьяку Третьяку Далматову въ 10-й день генваря. Господо и братья! сотворите сіе великое дѣло и не задержите государева посланника. Потщитеся, пока царевъ гнѣвъ еще не пришелъ съ яростію на землю. Здравствуйте!

Посланіе прочитано. Неясный говоръ, какъ рокотъ морскихъ волнъ, снова всколыхнулъ всю площадь; но въ говорѣ этомъ не слышалось уже ни воплей отчаянія, ни страстныхъ призывовъ къ борьбѣ, къ сопротивленію—къ послѣдней отчаянной попыткѣ—или устоять, или погибнуть—погубить и себя и все, что̀ было на землѣ дорогого и священнаго. Пскову предлагали на выборъ: жизнь или смерть. Какъ ни позорною казалась Пскову предлагаемая ему жизнь, жизнь подневольныхъ холопей; какъ ни страстно хотѣли бы мужественныя сердца псковичей истечь кровью за свободу родного города, перестать биться подъ ударами московскихъ копей и бердышей; но въ стѣнахъ этого погибающаго Кареагена остаются еще женщины и дѣти... А хотятъ ли они смерти? — не пощадить ли ихъ? — не купить ли ихъ жизнь и безопасность цѣною своего личнаго позора?

Эти мысли молніей пронеслись въ прекрасной головѣ мужественнаго Евстафія, когда онъ увидѣлъ съ высоты вѣчевого помоста блѣдное личико Евфиміи и заплаканное лицо ея матери, которыя стояли среди взволнованной толпы и безпомощно ломали руки.

— Отцы и братья, — крикнулъ онъ все тѣмъ же металлическимъ голосомъ,—не попустимъ, чтобы погибли головы нашихъ посадниковъ и бояръ, нашихъ отцовъ и наставниковъ—лучшихъ людей Пскова-Великаго! не попустимъ такого дѣла!

— Не попустимъ! Не попустимъ! — раздались согласные возгласы.

— Глядите!—указалъ Евстафій на толпу,—вонъ лучшія жены Пскова плачутъ! дѣти плачутъ! ихъ мужья и отцы—тамъ, у великаго князя въ неволѣ! Пощадимъ дѣтей и женъ—спасемъ полоняниковъ великаго князя!

— Любо! любо! спасемъ отцовъ и братью нашу! — застонала площадь.

Евстафій видѣлъ, какъ Евфимія и мать ея радостно перекрестились и посмотрѣли на него полными слезъ и благодарности глазами.

Евстафій сошелъ съ помоста и съ нѣсколькими старѣйшими и почетнѣйшими лицами, какія еще оставались въ Псковѣ, вошелъ въ церковь Живоначальныя Троицы.

Народъ оставался ждать ихъ: они пошли писать челобитную великому князю.

Черезъ нѣсколько минутъ они вышли изъ церкви, и Евстафій опять взошелъ на ступени вѣчевого помоста, держа въ рукахъ только-что написанное и подписанное старшинами челобитье.

— Отцы и братія! матери и сестры! — началъ онъ, кланяясь на всѣ четыре стороны.—Вотъ челобитье Великаго-Пскова къ князю московскому.

— Вычитай! вычитай,—раздались голоса.

— Государь нашъ, Василій Ивановичъ! — читалъ Евстафій, — царь и государь всеа Русіи и великій князь! Весь Псковъ отъ мала до велика бьетъ челомъ тебѣ, государю, чтобы ты, государь нашъ, великій князь Василій Ивановичъ, пожаловалъ свою старинную отчину; а мы, сироты твои, прежде сего и нынѣ отъ тебя не отступали и не противны тебѣ, государь. Богъ воленъ и ты съ своею отчиною, и съ нами, твоими людишками!—Любо ли, отцы и братья?

— Любо! любо!—стоимъ на семъ челобитьѣ!

И тутъ же приговорили: послать гонцомъ къ великому князю съ челобитьемъ того же Евстафія.

Площадь стала пустѣть—всѣ спѣшили къ своимъ домамъ, тѣмъ болѣе, что наступалъ уже вечеръ.

Евстафій быстро собрался въ путь и передъ отъѣздомъ зашелъ на минуту къ посадницѣ Еленѣ Дмитріевнѣ Макарьевичевой, чтобы проститься съ нею и спросить, не будетъ ли отъ нея какого-либо порученія къ мужу, къ посаднику Леонтію, задержанному вмѣстѣ съ прочими псковичами въ Новгородѣ.

Уходя затѣмъ отъ нея, онъ въ полутемномъ присѣнкѣ замѣтилъ чью-то фигуру, робко прислонившуюся къ стѣнѣ. Онъ тотчасъ же узналъ, кто это.

— Ефимья Леонтьевна!—радостно и испуганно окликнулъ онъ.

Ему не отвѣчали. Онъ подошелъ ближе и услышалъ, что дѣвушка плачетъ.

— Ефимья Леонтьевна! Офимьица! что съ тобою?

Онъ взялъ ее за руку и тихо привлекъ къ себѣ. Дѣвушка вся дрожала.

— Милая! дѣвынька! объ чемъ? я вѣдь къ батюшкѣ ѣду—его привезу.

Дѣвушка обхватила руками его шею.

— Ты ѣдешь... мнѣ за тебя страшно... и тебя поимаютъ!—свѣтъ очей моихъ!

Она страстно прижалась къ нему, а онъ, нѣжно лаская ее и прижимая къ себѣ ея головку, шепталъ:

— Радость моя! солнышко ясное! не плачь—я скоро ворочусь! я твой... А теперь—батюшка и Псковъ!

Съ трудомъ онъ вырвался изъ объятій плачущей дѣвушки.

IX.

Снятіе вѣчевого колокола.

Въ 1510-мъ году, Крещенье приходилось въ воскресенье.

До субботы, до 12-го января, псковичи напрасно ждали вѣстей изъ Новгорода.

Наконецъ, утромъ, въ субботу, раздался вѣчевой колоколъ—въ послѣдній разъ заговорилъ Пскову его историческій голосъ!

Изъ Новгорода прибылъ посолъ государевъ — дьякъ Третьякъ Далматовъ. Что-то привезъ онъ? что ждетъ псковичей? чѣмъ рѣшена будетъ участь Великаго-Пскова?

Всѣ спѣшили на площадь съ этими мыслями. Но мысли эти не были мрачны: на лицахъ у всѣхъ проглядывала смутная надежда. Съ утра городъ облетѣла вѣсть, что посолъ показался встрѣтившимъ его боярамъ такимъ ласковымъ, обходительнымъ. Великому князю понравилась безпрекословная покорность псковичанъ—это не то, что нѣкогда строптивый Новгородъ съ его кичливою посадницею Мареою!

Вѣче приготовилось «почетно и почестно» встрѣтить посла государева. Вѣчевой помостъ и ступени были покрыты краснымъ сукномъ. Вся площадь и прилегающія къ ней улицы были запружены народомъ. Даже верхъ Довмонтовой стѣны былъ покрытъ псковичами. Женщины явились съ грудными дѣтьми на рукахъ. «Худые мужики вѣчники»—этотъ плебсъ Великаго-Пскова, словно черныя галки и воронье усѣяли всѣ сосѣднія крыши домовъ и ближайшія колокольни.

День выдался пасмурный, но теплый.

Посолъ государевъ вышелъ изъ церкви Живоначальныя Троицы, гдѣ онъ служилъ молебенъ о здравіи царя и государя Василія Ивановича всеа Русіи, и, сопутствуемый духовенствомъ и старшинами города, медленно направился сквозь раздвигавшіяся передъ нимъ толпы къ вѣчевому помосту, который онъ, по разсѣянности что ли, назвалъ «лобнымъ мѣстомъ».

— «Кого же тамъ распинать будутъ?»—мысленно спрашивалъ себя ветхій-преветхій старецъ, Игнатій Логиновичъ, бывшій когда-то тоже степеннымъ посадникомъ, слѣдуя за великокняжескимъ посломъ: — «эко выдумалъ—лобное мѣсто!.. И приведоша его на Голгоѳу, мѣсто, еже есть сказаемо лобное мѣсто!..»

Дьякъ медленно взошелъ на вѣчевой помостъ, снялъ шапку поклонился на всѣ четыре стороны, и громко, явственно и ласково произнесъ:

— Поклонъ всему Пскову отъ великаго князя! Велитъ вамъ великій князь сказать: — если вы, отчина моя, посадники и всѣ псковичи, хотите прожить въ старинѣ, то учините мои двѣ воли: чтобъ у васъ вѣчья не было и вы бы колоколъ вѣчной свѣсили; да чтобъ въ городѣ были два намѣстника и на пригородахъ намѣстники же. Тогда вы въ старинѣ проживете. А только тѣхъ двухъ воль вы не сотворите, то будетъ съ вами, какъ государю Богъ на сердце положитъ. Есть у него много силы готовой, и станется кровопролитіе надъ тѣмъ, кто не сотворитъ государевой воли. Государь нашъ, князь великій, хочетъ побывать на поклонъ къ святой Троицѣ во Псковъ.

Какъ громъ поразили эти слова псковичей. Казалось, они сначала не поняли того, что слышали. Они ждали продолженія рѣчи— думали, что они ослышались...

Но дьякъ спокойно сѣлъ на ступени помоста и съ деревяннымъ равнодушіемъ ждалъ отвѣта. Что-то зловѣщее теперь было въ его фигурѣ, въ позѣ, въ выраженіи лица. Онъ казался чудовищемъ на красномъ фонѣ помоста—чудилось, что онъ сидѣлъ по колѣна въ крови!

Площадь огласилась рыданіями... «Не плакалъ тогда развѣ грудной младенецъ при сосцахъ матернихъ!»—говоритъ лѣтописецъ.

Евфимія, уткнувшись лицомъ въ плечо матери, беззвучно рыдала:—«ни его, ни батюшки!—оо!..»

А дьякъ какъ истуканъ сидѣлъ на ступеняхъ и ждалъ.

«Такъ вотъ оно почему лобное мѣсто!»—качалъ сѣдою головою старецъ Игнатій:—«на томъ лобномъ мѣстѣ Псковъ распинаютъ!..»

— Посолъ государевъ! — сказалъ онъ громко, глотая слезы, — подожди до утра... Мы себѣ подумаемъ и потомъ тебѣ все скажемъ.

— Быть по сему!—отвѣчалъ дьякъ, и сошелъ со ступеней, опираясь на массивный посохъ.

Стая вороновъ, летѣвшихъ съ востока куда-то черезъ Псковъ, надлетѣвъ къ площади, усѣянной колыхавшимися массами народа съ испуганнымъ карканьемъ шарахнулась въ сторону и скрылась за рѣкою Великой.

— Къ худу, къ худу каркаетъ вороньё,—боязно говорили псковичи, съ щемящею тоскою расходясь по домамъ.

Сталъ дождикъ накрапывать.

— И небо святое плачетъ,—суевѣрно шептали псковичи,—что-то на-утріе будетъ?

Говорили потомъ, что ночью самъ собою тихо, жалобно звонилъ вѣчевой колоколъ, какъ бы самого себя оплакивая: и звонъ—увѣ-

ряли слышавшіе—былъ погребальный. У Троицы, изъ глазъ иконы Богородицы, «изъ суха дерева текли слезы».

Не стало во Псковѣ и Иванушки-юродиваго: и онъ вмѣстѣ съ прочими поиманъ былъ въ Новгородѣ и прислалъ Пскову поклонъ съ Онисимомъ Манухинымъ:

— Кланяюсь Пскову и костямъ предковъ нашихъ; а наши кости будутъ тлѣть тамъ, куда и воронъ не залетывалъ.

Утромъ, 13-го января, снова весь Псковъ былъ на площади, у вѣча.

На вѣчевой помостъ вступилъ посолъ и ждалъ послѣдняго отвѣта. Къ помосту подошелъ старѣйшій изъ всѣхъ сыновъ вольнаго города, Игнатій Логиновичъ, поддерживаемый внуками.

Площадь замерла въ ожиданіи.

— Посолъ государевъ!—окинувъ глазами надвинувшіяся къ помосту толпы, сказалъ старецъ.—У насъ въ лѣтописцахъ записано такъ: съ прадѣдомъ и дѣдомъ и отцомъ великаго князя и со всѣми великими князьями было у насъ положено крестное цѣлованье: намъ, псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, кто будетъ княземъ въ Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ нѣмцамъ, а жить намъ по старинѣ въ доброй волѣ. А ежели мы, псковичи, отойдемъ отъ великаго князя въ Литву или къ нѣмцамъ, или сами собой станемъ жить, безъ государя, то падетъ на насъ гнѣвъ Божій — гладъ, огонь, потопъ и нашествіе невѣрныхъ; а если государь нашъ великій князь этого же крестнаго цѣлованья не станетъ хранить и насъ не будетъ держать въ старинѣ, то и на него тотъ же обѣтъ, который на насъ, и тотъ же гнѣвъ Божій на его голову и на царство его. Теперь Богъ и государь воленъ въ своей отчинѣ, надъ городомъ Псковомъ и надъ нашимъ колоколомъ: мы прежняго крестнаго цѣлованія не хотимъ измѣнять и навлекать на себя гнѣвъ Божій и кровопролитіе. Мы не поднимемъ рукъ на своего государя и не станемъ запираться въ городѣ. Если государь нашъ хочетъ помолиться Живоначальной Троицѣ и побывать въ своей отчинѣ,—мы рады всѣмъ сердцемъ и тому, что не погубилъ насъ до конца!—Доложи же, посолъ, государю, что мы на него не подымемъ рукъ никогда; но будутъ ли потомки наши такъ же вѣрны крестному цѣлованію, какъ мы, противу того, кто самъ ломаетъ крестъ, и противу потомковъ его—то вѣдомо единому Богу.

Старецъ кончилъ. Сѣдая голова его дрожала.

Какъ ни привыкъ владѣть собою старый, закоренѣлый въ коварствѣ дьякъ; но рѣчь старца поразила его. Онъ не ожидалъ ничего подобнаго отъ этой развалины, слова которой должны бы были повергнуть въ смущеніе самого великаго князя; ничего подобнаго не слыхали они прежде и отъ Новгорода, который былъ сильнѣе и строптивѣе Пскова. Ошеломленный дипломатъ не нашелся что отвѣчать—и безмолвно указалъ рукою на вѣчевой колоколъ.

— Сымите его!—глухо сказалъ онъ псковичамъ.

Но псковичи не тронулись съ мѣста. Да и кто рѣшился бы прикоснуться къ святынѣ своего города!

Тогда дьякъ обратился къ отряду алебардщиковъ, прибывшихъ съ нимъ, въ качествѣ охраны, изъ Новгорода. Это были касимовскіе татары.

— Касимовцы!—сказалъ онъ, махнувъ рукой,—долой колоколъ!

— Айда!—отвѣчали татары, и полѣзли на башню.

Снова вопль и плачъ огласили площадь. Татары, между тѣмъ, отвязали колоколъ и спускали его съ башни, а желѣзный языкъ его, глухо колотясь о края, издавалъ такой звукъ, точно бы, это стоналъ отъ боли нѣмой человѣкъ. Все плакало...

«Какъ у насъ зѣницы не упали со слезами!—Какъ сердце не урвалось отъ горести!» оплакиваетъ этотъ моментъ псковскій лѣтописецъ.

Внизу, подъ Довмонтовою стѣною, уже ждали сани-розвальни, на которыя и спустили вѣчевой колоколъ. Псковичамъ казалось, что это «снимали со креста Распятаго за ны»...

Колоколъ повезли на Снѣтогорское подворье. Весь городъ со слезами провожалъ его, какъ дорогого покойника. Шла за колоколомъ и Евфимія съ матерью: ей казалось, что она провожаетъ своего Евстафія.

— Се бысть—и се не бѣ!—тихо качалъ сѣдою головою старѣйшій изъ псковичей,—буди воля твоя, Господи!

X.

Московская ловушка.

Ничто такъ не живуче, какъ надежда, особенно—надежды молодости.

Попращавшись съ вѣчевымъ колоколомъ и вѣчевою волею своего родного города, Евфимія ждала теперь возвращенія изъ Новгорода отца и своего возлюбленнаго.

Она не могла забыть того, что было, на Крещенье вечеромъ, у нихъ въ сѣнцахъ. И теперь краска невыразимаго смущенья и тайной радости заливала ея щеки, когда она вспомнила эти дорогія минуты, и ей казалось, что она слышитъ милый голосъ: «радость моя! солнышко мое!»—Что ей колоколъ! что ей эта воля!—Ея солнце скоро взойдетъ вонъ оттуда, изъ-за тѣхъ снѣжныхъ холмовъ, между которыми извивается дорога въ Новгородъ. Вѣдь посолъ княжескій сказалъ, что великій князь скоро пріѣдетъ во Псковъ поклониться Живоначальной Троицѣ. А съ княземъ пріѣдутъ и они всѣ—и онъ, и онъ...

Она то и дѣло бѣгала къ своей пріятельницѣ, къ Дарьицѣ Манухиной, но ни однимъ намекомъ не выдала ей своей дѣвичьей

тайны—того, что у нея было съ ея возлюбленнымъ въ присѣнкѣ на Крещенье вечеромъ.

— Ахъ, Офимьица! какая ты стала скрытная,—не разъ говорила ей Дарьица, замѣчая что-то особенное въ своемъ другѣ,— прежде бывало у тебя Остафій не сходилъ съ языка, а теперь ты словно воды въ ротъ набрала и боишься пролить.

— До него ли теперь, Даша!—лукавила плутовка, а у самой сердце билось-билось, и она все спрашивала, какой сегодня день, много ли прошло послѣ Крещенья?

— Знаю, знаю!—на Крещенье онъ уѣхалъ,—коварно улыбалась Дарьица,—не бойся—еще свадьбу успѣете сыграть до масляницы.

Наконецъ, прошла вѣсть, что великій князь ѣдетъ. Псковичи порѣшили встрѣтить его съ великою честію, на самомъ рубежѣ Псковской земли; но присланные впередъ великимъ княземъ московскіе бояре объявили, что государь не желаетъ, чтобъ его встрѣчали «далече». Василію Ивановичу не хотѣлось, конечно, чтобы псковичи заранѣе провѣдали, что онъ ѣдетъ въ Псковъ не какъ гость, не какъ смиренный богомолецъ у Живоначальныя Троицы, а какъ завоеватель и что идетъ онъ на Псковъ во главѣ сильныхъ ратей, предводительствуемыхъ тремя воеводами. Видно было, что онъ не довѣрялъ видимому смиренію и покорности Пскова. А если обманутый въ своихъ ожиданіяхъ этотъ строптивый городъ вошелъ въ союзъ съ нѣмецкимъ орденомъ или Литвою и московскаго князя встрѣтятъ нѣмецкія и литовскія рати? Какъ бы московскому князю не попасть въ ту же западню, какую онъ устроилъ довѣрчивымъ псковичамъ въ Новгородѣ! Что если и псковичи, залучивъ его въ свой Дѣтинецъ, въ свою очередь ехидно скажутъ: «пойманъ еси, княже, Богомъ и Великимъ-Псковомъ»?—Что тогда?— Кто самъ легко ломаетъ крестное цѣлованье и топчетъ ногами договоры, тотъ долженъ ожидать этого и отъ другихъ. Старецъ Игнатій Логиновичъ ясно высказалъ это дьяку Далматову: «за наше вѣроломство—на насъ кара Божья; за вѣроломство великаго князя— на него гнѣвъ Божій и кара».

Дьякъ это хорошо растолковалъ Василію Ивановичу, и потому онъ не только отправилъ впередъ своихъ бояръ, чтобъ они раньше его прихода привели всѣхъ псковичей къ крестному цѣлованію, но—этого мало!—«что крестъ поцѣловать стоитъ?—можно потомъ и вытереть губы» (такъ объяснялъ хитрый дьякъ значеніе присяги),—но—надо копьями, бердышами и конскими копытами закрѣпить крестное цѣлованье. Въ виду копій и бердышей не скажутъ: «пойманъ еси, княже»... Смиренный богомолецъ, князь, и шелъ поэтому на Псковъ завоевателемъ, на челѣ грозныхъ полковъ, какъ главный воевода московскихъ силъ. Паралельно съ нимъ, вправо и влѣво, другими дорогами двигались воеводы съ другими полками.

Но вотъ рубежъ Псковской земли—Рубиконъ послѣдняго вольнаго города древней, вѣчевой Руси.

Alea jacta est!.. Московскій Цезарь—«кесарь»—безстрашно перешелъ черезъ Рубиконъ вѣчевыхъ вольностей.

Вонъ бѣлѣются покрытыя снѣгомъ крыши перваго поселенія Псковской земли. Надъ крышами вьется къ вольному небу синій дымокъ—это топятся печи въ Загряжьѣ.

Гдѣ же крамольники?—гдѣ враги?—гдѣ рати псковскія, нѣмецкія, литовскія?—гдѣ ихъ воеводы?

Вонъ они!—Вдоль утоптанной дороги, по обѣ стороны, лежатъ эти крамольники «крыжомъ», не покрытыми головами прямо въ снѣгу.

Слышенъ стукъ копытъ великокняжескаго коня по замершей землѣ. Слышны тысячи копытъ—дрожма дрожитъ Псковская земля. А крамольники—лежатъ головами въ снѣгу...

— Здравствуйте!—раздается ласковый голосъ великаго князя.

Лежащія ницъ толпы шевелятся, поднимаются съ земли. Самый главный и старѣйшій крамольникъ, старецъ Игнатій Логиновичъ, не можетъ отъ дряхлости самъ подняться. Его съ трудомъ поднимаютъ внуки.

— Здравствуйте, псковичи!—еще ласковѣе говоритъ великій князь, съ участіемъ глядя на дрожащую сѣдую голову старѣйшаго изъ псковскихъ людей.

— Ты бы, государь нашъ, князь великій, здоровъ былъ!—прошамкалъ старецъ, а за нимъ и всѣ.

Но вотъ близко и Псковъ. Тамъ ждутъ страшнаго гостя съ трепетомъ и—нѣкоторые съ тайною надеждою.

Офимьица съ мамушкой и Петрикомъ идутъ къ Живоначальной Троицѣ, чтобы вмѣстѣ съ духовенствомъ идти за городъ встрѣчать великаго князя. Конечно, они шли не его встрѣчать, а кого-то другого.

— Какой-то гостинецъ привезетъ мнѣ батя?—болталъ дорогою Петрикъ.

— А московскую плетку,—отвѣчала со смѣхомъ мамушка.

— Какъ бы не такъ!—А тебѣ что, Фима?—обратился онъ къ сестрѣ.

— Не знаю, Петя,—отвѣчала дѣвушка.

— А я знаю,—лукаво замѣтила мамка.

— А что?—покраснѣла дѣвушка.

— То же плётку—только псковскую—ту, что на свадьбѣ жениху въ руки даютъ.

Дѣвушка еще больше зардѣлась: она поняла намекъ старой мамки, которая очень хорошо видѣла, какого гостинца ждала ея любимица.

У Живоначальной Троицы они нашли въ сборѣ духовенство всѣхъ церквей города Пскова. Готовились къ выходу за городъ для встрѣчи великаго князя.

Но въ это время является туда раньше прибывшій въ Псковъ отъ великаго князя святитель, владыка Вассіанъ Кривой.

— Остановитесь, отцы!—обратился онъ къ псковскому духовенству.—Камо грядете?

— Встрѣчать великаго государя,—отвѣчали отцы.

— Не надо,—остановилъ ихъ Вассіанъ—не велѣлъ себя великій князь встрѣчать далече.

— Гдѣ жъ мы встрѣтимъ его, владыко?—спросили псковичи.

— Въ городѣ, на торгу,—былъ отвѣтъ.

Шествіе двинулось на Торговище. Всѣ были въ полномъ облаченіи. Цѣлый лѣсъ высокихъ крестовъ, свѣтильниковъ и хоругвей выстроился на торгу въ двѣ линіи.

Скоро по звонкимъ, промерзшимъ плитамъ Торговища гулко застучали кованыя свейскою сталью копыта великокняжескаго коня. Князь подъѣхалъ къ линіи хоругвей и крестовъ и остановился, чтобы сойти съ коня. Отдавъ своего кабардинскаго жеребца ближнему боярину, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Тогда къ нему подошелъ съ крестомъ коломенскій епископъ и благословилъ. Поцѣловавъ крестъ, князь поклонился святынѣ и пѣшкомъ вошелъ въ ворота Дѣтинца къ Живоначальной Троицѣ. За нимъ двинулись ближніе бояре, а площади заняла конница московская.

Въ церкви служили молебенъ, пѣли многолѣтіе великому князю.

— Богъ тебя, княже, благословляетъ, Псковъ вземши!—послѣ многолѣтія привѣтствовалъ его владыка коломенскій.

«Вземши!»—точно непріятельскій городъ...

«И кои псковичи были въ церкви и то слушали, и заплакали горько», говоритъ лѣтописецъ.

Евфимія и маленькій Петрикъ видѣли все это издали и напрасно надѣялись увидѣть отца въ толпѣ прибывшихъ—его не было тамъ!

Всѣ псковичи, захваченные въ Новгородѣ, тамъ и оставлены.

— Гдѣ же батя?—заплакалъ вдругъ маленькій Петрикъ.

— Онъ послѣ пріѣдетъ, дитятко,—утѣшала его старая мамушка,—онъ, я чаю, ѣдетъ за московскими ратными людьми и везетъ тебѣ съ Офимьицей гостинцы.

Заплакала и Евфимія. Она поняла, что и тотъ, о комъ она думала дни и ночи, кто далъ ей столько счастья въ тотъ памятный вечеръ на Крещенье,—тоже сдѣлался плѣнникомъ князя московскаго.

Теперь только Псковъ понялъ, что онъ попалъ въ московскую ловушку...

XI.

«Охъ, увы!»

Василій Ивановичъ вступилъ въ Псковъ 24-го января.

Ни 24-го, ни 25-го, ни 26-го числа, псковичи больше его не видѣли. Онъ оставался на своемъ дворѣ. Каждый день съ утра до ночи къ нему во дворъ и въ гридни приходили московскіе бояре, дьяки и воеводы. Что они тамъ дѣлали, о чемъ говорили—никто изъ псковичей не зналъ. Псковичи попрятались въ своихъ домахъ, какъ бѣлки въ дуплахъ отъ собакъ, и ждали, что будетъ.

По улицамъ и по площадямъ рыскали только московскіе ратные люди пѣшіе и конные, «торжища коневымъ каломъ заметая», какъ выражается лѣтописецъ.

Только утромъ 27-го января по улицамъ Пскова и на торжищахъ раздались клики государевыхъ московскихъ людей.

— Копитесь, копитесь!—кликали,—копитесь псковичи, и луччіе, и середніе, и молодчіе люди, копитесь на государевъ дворъ!

И псковскіе улицы опять ожили. Все мужское населеніе повалило къ княжескому двору. За мужчинами слѣдовали, изъ любопытства и съ тайнымъ страхомъ, ихъ жены и дѣти.

Толпы запрудили ворота Дѣтинца.

Въ это время къ воротамъ приближалась какая-то странная процессія. Шесть дюжихъ парней, одѣтые въ богатые однорядки и цвѣтные опашни, въ высокихъ бобровыхъ шапкахъ съ малиновыми верхами и въ красныхъ сапогахъ, несли на своихъ плечахъ рѣзную изъ краснаго дерева кровать съ постелью и подушками. На постели изъ-подъ опушеннаго соболями шелковаго голубого одѣяла виднѣлась брошенная на бѣлыя подушки старческая голова, окаймленная бѣлою какъ снѣгъ бородою и такими же бѣлыми волосами.

Толпы псковичей почтительно разступались передъ этимъ шествіемъ и снимали шапки.

Это шесть взрослыхъ внуковъ-богатырей несли на княжескій дворъ разбитаго параличомъ больного дѣда своего, посадника Игнатія Логиновича. Старецъ желалъ передъ смертью выслушать послѣднюю волю великаго князя московскаго.

За этими носилками двигалось многочисленное потомство маститаго старца: старики уже сыновья, старухи невѣстки, замужнія дочери, внуки, внучки... Женщины плакали... Плакали и посторонніе псковитянки, видя это печальное шествіе.

Въ толпѣ виднѣлись печальныя личики неразлучныхъ Офимьицы и Дарьицы.

Вдругъ сѣдая голова старца отдѣляется отъ подушки и изъ устъ старѣйшаго псковича слышится горькое обращеніе къ плачущимъ:

— Дщери іерусалимски! не плачитеся о мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ: яко се дніе грядутъ, въ няже рекутъ: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша Тогда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны, и холмомъ: покрыйте ны. Зане, аще въ суровѣ древѣ сія творятъ, въ сусѣ что будетъ [1]).

Рыданія еще болѣе усились отъ этихъ словъ.

Толпы приходили ко двору великаго князя. Мужчины входили во дворъ, а женщины и дѣти оставались за воротами.

Дворъ скоро наполнился. Внесли во дворъ и разбитаго параличемъ старца.

Изъ княжеской гридни на крыльцо вышелъ дьякъ Далматовъ съ боярами.

— Господо псковичи!—громко сказалъ Третьякъ, — посадники и бояре, и купцы, и всѣ луччіе люди! идите въ большую гридню—слушать управу государеву. А вы, молодчіе люди, повремените на дворѣ малость: и вамъ будетъ управа великаго князя.

По этому зову всѣ знатные и богатые псковичи вступили въ большую княжескую гридню. Внесли въ гридню и немощнаго посадника Игнатія Логиновича.

Когда дверь за послѣднимъ псковичемъ затворилась и всѣ перекрестились на большую икону Богородицы-утоли-моя-печали, дьякъ Далматовъ произнесъ:

— Господо псковичи!—государь нашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всеа Русіи и великій князь, велѣлъ вамъ говорить: какъ прежде я пожаловалъ васъ, мою отчину, Псковъ, такъ и теперь жалую, не вступаюсь въ животы и достоянія ваши, и напредкй хочу жаловать. Ино здѣсь въ нашей отчинѣ, во Псковѣ, быть вамъ непригоже, для того, что допрежъ сего были многія жалобы на ваши неправды, непорядки, обиды и оскорбленія, и разоренія людемъ. Я васъ жалую нынѣ своимъ жалованьемъ въ Московской Землѣ. И вамъ теперь же ѣхать въ Москву, съ женами и дѣтьми!

Громъ не поразилъ бы такъ, какъ эти страшныя слова. Бросить Псковъ, дома, имущество, скотъ, все хозяйство и—нищими, плѣнниками перебраться въ Москву! Бросить церкви, могилы отцовъ и дѣдовъ, родное небо!

«Пойманы! всѣ пойманы!» колотилось въ душѣ у каждаго.— «Гдѣ же правда!—Гдѣ Богъ!»

А солнце, между тѣмъ, такъ ярко, такъ ласково глядѣло въ окна гридни... «Родное солнушко!» невольно шептали уста несчастныхъ,—«и тебя намъ не видать больше!»

Дьякъ и бояре ждали, однако, отвѣта.

Поддерживаемый внуками, дряхлый посадникъ приподнялся на

---

[1]) Еванг. отъ Луки, XXIII, 28 — 31.

постели и перекрестился на икону, шепча полумертвыми губами: «утоли моя печали! утоли печали всѣхъ!» Перекрестились и остальные псковичи.

Голова несчастнаго посадника тряслась и падала на грудь, когда онъ говорилъ послѣднее слово его родного города:

— Прародителямъ его, государямъ, и ему, государю, мы всегда были неизмѣнны и неотступны до сихъ поръ. И нынѣ мы положились на Бога и на своего государя и царя во всей его волѣ, какъ онъ хочетъ, такъ насъ и пожалуетъ. Вѣдаютъ Богъ да государь!

И голова старика безсильно упала на подушку.

Въ то же время изъ гридни на крыльцо вышелъ окольничій, князь Петръ Васильевичъ Великій. Всѣ стоявшіе на дворѣ псковичи—молодчіе люди—сняли шапки.

— До васъ,—сказалъ князь Великій,—государю дѣла нѣтъ.— Тѣмъ, псковичамъ, что отобраны въ избѣ, государь велѣлъ сказать:—симъ псковичамъ, что отобраны и пойманы въ гриднѣ, я, великій князь, не велю быть во Псковѣ, а посылаю ихъ въ Московскую Землю. Это я дѣлаю потому, что я жалую васъ, свою отчину, Псковъ, для того, что допрежь сего на нихъ бивали челомъ мелкіе люди, псковичи—что отъ нихъ чинятся насилія и обиды. А васъ какъ я пожаловалъ уже свою отчину, Псковъ, такъ и впредь тѣмъ же хочу жаловать. Развода не бойтесь. Только тѣхъ посадниковъ и псковичей, что въ избѣ отобраны, велѣлъ я вывезти, да и ихъ въ Московской Землѣ я пожалую своимъ жалованьемъ, какъ будетъ пригоже. А вы живите въ нашей отчинѣ, Псковѣ, и слушайтесь тѣхъ бояръ и псковскихъ намѣстниковъ, которыхъ я пожалую намѣстничествомъ въ своей отчинѣ.

— Мы челомъ бьемъ за то государево жалованье и рады слушать во всемъ государева намѣстника!—отвѣчали молодчіе псковичи, низко кланяясь.

Ихъ тотчасъ распустили по домамъ.

Но тѣмъ, которые заперты были въ большой гриднѣ, не суждено уже было увидѣть домовъ своихъ!

Къ нимъ явились въ гридню бояре и дѣти боярскіе и всѣхъ переписали по именамъ. По росписи этой, разбитой на мелкія росписи, какъ товаръ по накладнымъ, дѣти боярскіе въ тотъ же день должны были везти арестованныхъ псковичей особымъ обозомъ въ Москву. Жены же и дѣти ихъ должны были отправиться въ Москву подъ конвоемъ дѣтей боярскихъ и подъ начальствомъ князя Михайлы Даниловича Щенятева,—на другой же день!

Только посадникъ Игнатій Логиновичъ не поѣхалъ въ Москву: его вынесли изъ гридни мертвымъ!

«И все то за наше прегрѣшеніе такъ Богъ повелѣлъ быти!» горестно восклицаетъ лѣтописецъ.—«Зане же писано во Апокалип-

сисѣ глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бѣ пришелъ; шестое бо царство именуеть въ Русіи Скиѳскаго острова; сій бо именуеть шестый, а седмый потомъ еще, а осмый—антихристъ. Се бо Христосъ во святомъ Еуангеліи глагола: да не будетъ бѣжство ваше зимѣ, ни въ суботу. — Се убо пріиде на ны зима. Сему бо царству разширитися и злодѣйству умножитися. — Охъ, увы!» [1])

XII.

Невольные переселенцы.

28-го января 1510 года, по снѣжной дорогѣ, пролегающей отъ Пскова къ рѣкѣ Шелони, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, двигался безконечный обозъ. Сотни каретъ, крытыхъ возковъ и колымагъ, троечныя и парныя сани, огромныя розвальни, нагруженныя живностью, съѣстными припасами и разною провизіею, рѣчныя лодки, поставленныя на полозья и влекомыя цугомъ, на вынось, по четыре, по шести и по восьми лошадей — все это безконечною змѣею извивалось между сугробами придорожнаго снѣга, между покрытыхъ инеемъ сосенъ и елей, и представляло собою печальную картину не то бѣгства изъ Египта, не то—осколокъ великаго переселенія народовъ.

Нѣтъ, это было не бѣгство евреевъ изъ Египта и не переселеніе народовъ, а изгнаніе псковичей изъ ихъ родного города.

То тамъ, то здѣсь, раздавался плачъ дѣтей или жалобныя причитанья женщинъ. Многія женщины постоянно оглядывались назадъ или стояли на саняхъ съ лицами, обращенными къ западу, въ надеждѣ хоть еще разъ увидѣть издали родныя колокольни или струйки бѣлаго дыма надъ покинутыми ими навѣки домами, гдѣ протекло ихъ дѣтство и молодость,—и горько, горько плакали.

Впереди безконечнаго обоза, по бокамъ его и сзади, ѣхали верхами московскіе ратники—дѣти боярскіе, конвоировавшіе обозъ переселенцовъ.

Около громоздкой кареты, запряженной осьмеркою цугомъ и слѣдовавшей во главѣ поѣзда, на прекрасномъ ворономъ конѣ ѣхалъ пожилой мужчина въ ратномъ богатомъ одѣяніи и по временамъ наклонялся къ открытому окну кареты, въ которое виднѣлись, въ глубинѣ кареты, заплаканныя лица женщинъ.

Воинъ этотъ былъ—князь Михайло Даниловичъ Щенятевъ, подъ главнымъ начальствомъ котораго совершалось переселеніе трехъ-сотъ псковскихъ семействъ въ Москву.

— Не плачь, матушка Олёна Митревна,—говорилъ князь, нагибаясь къ окну кареты,—Богъ милостивъ—все къ лучшему:—пои-

[1]) Псковск. лѣтоп., I, 282.

маны есте Богомъ и великимъ государемъ не на лихо—милостивъ Богъ.

— Богъ-отъ милостивъ, княже, да государь не милостивъ,—съ горечью отвѣчали изъ кареты.

— И государь будетъ милостивъ—пожалуетъ васъ поприго-жаю.—А тебѣ, милая Офимьица, великій князь такого женишка на Москвѣ подыщетъ, какова у тебя и въ мысляхъ не было.

Евфимія еще пуще заплакала.

— Дитя по батюшкѣ убивается,—послышался изъ кареты голосъ старой мамки,—а онъ, на-поди, женихомъ ее утѣшаетъ.

— Что жъ, и батюшка изъ Новагорода въ Москву прибудетъ, да они, я чаю, давно ужъ по дорогѣ къ матушкѣ Москвѣ,—какъ бы въ утѣшеніе несчастнымъ замѣтилъ князь.

Вдругъ ратники, ѣхавшіе верхами впереди обоза, остановили какія-то встрѣчныя санишки.

— Стой! кто ѣдетъ?—спросилъ одинъ ратникъ.

— Мертвецъ!—отвѣчали изъ санишекъ.

И изъ саней вышелъ человѣкъ въ саванѣ. Испуганныя лошади ратниковъ шарахнулись въ сторону.

Человѣкъ въ саванѣ шелъ прямо къ каретѣ.

— А! Иванушка божій человѣкъ!—воскликнулъ князь Щенятевъ.

— Здравствуй, фараонъ!—отвѣчалъ юродивый.

— Фараонъ!—улыбнулся князь,—что такъ?—Откудова и куда путь держишь?

— Иду изъ полона египетскаго въ землю обѣтованную—къ собѣ домой.

— А гдѣ твой домъ, Иванушка?

— На кладбищѣ.

Юродивый подошелъ къ каретѣ. Оттуда выглядывали знакомыя ему лица.

— А! матушка, Олёна Митревна!—и ты, голубица чистая, и Петрушенька, и мамушка,—здравствуйте!—ласково заговорилъ юродивый

— Здравстуй, родной!—отвѣчили ему,—откудова?

— Изъ Новагорода—поклонъ привезъ вамъ всѣмъ отъ милостивца, отъ посадника Левонтія.

— Отъ батюшки!—воскликнула Евфимія.

— И отъ добра молодца Евстафія,—добавилъ юродивый.

— Что они?—какъ?—спросила посадница-полонянка.

— Въ добромъ здоровьи.—Вчера проводилъ ихъ въ плѣненіе египетское, къ фараонамъ.

— Такъ ужъ повезли на Москву?

— Повезли, матушка.—А у васъ какъ?

— Какъ видишь, родной:—вчера и нонѣ слезами, кажись, рѣку Великую и Пскову дополнили.

— Такъ-то все у Бога:—видимое дѣло—возлюбилъ насъ Господь, посѣтилъ.

— Да, точно, посѣтилъ—велика Его милость!

— Велика, истинно велика!—строго проговорилъ юродивый,—не смѣй роптать!—сказано: кого люблю, того и наказую.—Слышишь?

— Слышу, родной,—а все тяжко:—какая вина на дѣтяхъ нашихъ?

— И дѣтей возлюбилъ Господь:—сихъ же есть царствіе Божіе... Такъ-ту, голубица моя!—ласково обратился юродивый къ Офимьицѣ.

Та съ усиліемъ глотала слезы.

— А теперь ты куда же, родной?—спросила посадница Елена.

— Дальше—другимъ слезы утирать:—вонъ сколько ихъ!—указалъ юродивый рукой вдоль обоза,—всѣмъ надо поклоны передать.

— А потомъ—съ нами?

— Во Египетъ?—Нѣтъ, матушка:—мое мѣсто дома.

— Во Псковѣ?

— Да, на скудельницѣ великой, на кладбищѣ:—буду стеречь гробы отцовъ и дѣдовъ вашихъ.

— Поклонись имъ отъ насъ—намъ и проститься съ ними не дали.

— Поклонюсь и помолюсь... А теперь—да хранитъ васъ Богъ.

И юродивый пошелъ далѣе вдоль обоза—«слезы утирать». А впереди ратники весело пѣли:

«Ужъ я сѣяла, сѣяла лёнъ,
«Ужъ я сѣяла, приговаривала,
«Чеботами приколачивала...»

Евфимія глядѣла изъ окна кареты на разстилавшуюся передъ нею снѣжную равнину, на эти посеребренные инеемъ стебли сухой травы, и грустно думала, что не видать уже ей родной зелени, когда, весной, она выглянетъ изъ-подъ снѣжнаго покрова и родныя поля запестрѣютъ цвѣтами алыми и лазоревыми... Не завивать ужъ ей больше вѣнковъ, не ходить въ хороводахъ съ красными дѣвицами, не пускать вѣнки на рѣку Великую...

А впереди—непривѣтливое свинцовое небо и незнаемая чужая сторона...

Д. Мордовцевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ БЫВШЕЙ КАМЕРЪ-ЮНГФЕРЫ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Я ПОСТУПИЛА на службу къ высоконарѣченной невѣстѣ великаго князя цесаревича Александра Николаевича — принцессѣ Дармштадтской, въ 1840 году; но въ ожиданіи ея прибытія въ Россію, я почти три мѣсяца находилась при великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ (въ замужествѣ принцесса Гессенъ-Кассельская).

Съ ученической скамьи, послѣ шестилѣтней затворнической жизни интитута, судьба внезапно перенесла меня ко двору. Легко можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должна была произвести эта перемѣна на 16-ти-лѣтнюю институтку 40-хъ годовъ. Передъ моими глазами вращался блестящій калейдоскопъ новыхъ лицъ, событій, ощущеній. Ежедневно приходилось не только видѣть, но и говорить съ членами царской семьи: съ какимъ страхомъ и трепетомъ ожидался этотъ моментъ, но милостивое ихъ обхожденіе съ нами мало по малу превратило этотъ страхъ въ счастливое ожиданіе услышать ихъ привѣтливыя слова.

Послѣ замужества моего, сношенія мои съ дворомъ не прекращались, я имѣла возможность изъ двухъ, трехъ источниковъ знать почти все, что тамъ дѣлалось. Я старалась пользоваться правомъ являться къ великой княгинѣ, а потомъ государынѣ, которая принимала меня не только въ праздники для поздравленій, но и въ другіе дни, милостиво освѣдомлялась о моемъ семействѣ. Въ послѣдніе годы жизни покойнаго государя, обстоятельства и положеніе мое позволяли мнѣ имѣть частый доступъ до него.

По совѣту моего покойнаго мужа, я стала собирать и приводить въ послѣдовательный порядокъ набросанныя мною отдѣльныя замѣтки; но событія 1881 года ослабили во мнѣ всю энергію, всю любовь къ этому труду; я перестала о немъ думать. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, по просьбѣ друзей моихъ, я снова принялась за работу, и вотъ, трудъ мой оконченъ, но печатать его вполнѣ теперь еще не своевременно. По настоянію близкихъ мнѣ лицъ, я рѣшаюсь, однако, помѣстить въ «Историческомъ Вѣстникѣ» нѣсколько отрывковъ изъ моихъ воспоминаній, въ увѣренности, что они прочтутся не безъ интереса.

I.

Отецъ мой былъ архитекторомъ въ Москвѣ, гдѣ мы жили въ довольствѣ; но какъ страстный музыкантъ, онъ соблазнился предложеніемъ генерала Гедеонова, директора театровъ, въ 1830 году ѣхать за границу съ оркестромъ роговой музыки (40 человѣкъ).

Средства къ жизни оставилъ намъ отецъ въ видѣ большого количества наготовленныхъ круглыхъ желѣзныхъ печей, которыя и понынѣ называются Утермарковскими печами. На первое время выручка отъ этихъ печей достаточно могла бы насъ обезпечить; впослѣдствіи отецъ надѣялся имѣть возможность намъ высылать деньги, а въ крайнемъ случаѣ, кредиторомъ нашимъ обязался быть энергичный и предпріимчивый генералъ Кокошкинъ, который самъ былъ заинтересованъ по дѣлу печей; онъ обѣщалъ отцу скорый и выгодный сбытъ ихъ на только-что устроенной выставкѣ. Но ничто изъ этого не осуществилось: мать съ 4-мя малолѣтними дѣтьми, престарѣлымъ своимъ отцомъ и старухою матерью моего отца—бѣдствовала; помощи ни откуда не было. Наконецъ, родная тетка моей матери предложила намъ переѣхать въ Петербургъ и помѣститься въ ея домѣ, а другіе родные обѣщали общими средствами помѣстить сестру и меня въ институтъ.

Въ 1834 году, опредѣлили меня въ С.-Петербургскій Елизаветинскій институтъ, гдѣ въ 1840 году, 7-го апрѣля, я кончила курсъ. Мать моя занималась уроками музыки въ Маріинскомъ институтѣ, въ театральной дирекціи, въ двухъ, трехъ частныхъ домахъ; плата за уроки была ничтожная, объ отцѣ ничего не было слышно. Въ 1834 году, онъ писалъ изъ Нью-Іорка, что дѣла его идутъ плохо, а потомъ окончательно пропалъ безъ вѣсти.

Мать, конечно, съ радостію приняла предложеніе одной изъ классныхъ дамъ института, Елизаветы Александровны Липгардтъ, помѣстить меня гувернанткою въ семейство брата ея, уланскаго полковника. Рѣшено было, что до іюля мѣсяца я пробуду у матери

моей, а потомъ переѣду въ Царское Село на службу, какъ вдругъ, другая классная дама—Александра Николаевна Беніотъ, хорошая знакомая и пріятельница еще съ института камеръ-фрау императрицы Александры Θеодоровны — госпожи Эллисъ, узнала, что цесаревичъ великій князь Александръ Николаевичъ женится, и что для будущей цесаревны набираютъ штатъ. Г-жа Беніотъ, не колеблясь ни минуты, представила меня своей пріятельницѣ г-жѣ Эллисъ, которая осталась довольна мною, дала мнѣ нѣсколько наставленій, сообщила въ чемъ именно будетъ состоять моя должность и чего будутъ отъ меня требовать.

На другой же день свезли меня въ Царское Село (куда уже переѣхала царская фамилія на лѣто), представили статсъ-дамѣ графинѣ Юліи Θеодоровнѣ Барановой,—и съ этой минуты судьба моя была рѣшена. Г-жа Эллисъ приказала мнѣ быть готовой ѣхать, какъ только за мной пришлютъ.

Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, и я почти перестала надѣяться, какъ вдругъ подкатила къ нашему подъѣзду придворная карета съ лакеемъ и кучеромъ въ красной ливреѣ. Лакей доложилъ, что за мною пріѣхали. Едва я успѣла показаться въ подъѣздѣ, какъ отворились быстро дверцы, и лакей моментально подсадилъ меня въ карету. Въ ней сидѣла г-жа Эллисъ; она едва кивнула головой въ отвѣтъ на мой поклонъ и молча указала мнѣ мѣсто возлѣ себя. Карета помчалась. Спутница моя, полулежа, какъ будто дремала и не проронила ни единаго слова въ продолженіе всего длиннаго пути (мать моя жила у Семеновскихъ казармъ). Наконецъ, я замѣтила, что мы ѣдемъ по направленію къ Исаакіевскому мосту (тогда онъ былъ между Адмиралтействомъ и Сенатомъ) на Васильевскій островъ; на половинѣ моста наша карета остановилась, дверцы открылись и въ то же время открылись дверцы другой кареты, подъѣхавшей къ нашей. Удивленіе мое было велико, когда я увидѣла сидѣвшую въ той каретѣ начальницу нашего института, баронессу Амалію Θеодоровну фонъ-Бистромъ, и одну изъ нашихъ пепиньерокъ, Марію Герасимовну Парамонову; но удивленіе начальницы было неописуемо, когда она увидѣла меня возлѣ г-жи Эллисъ. Начальница даже не могла воздержаться, чтобы не вскрикнуть: «Какъ вы сюда попали?» Парамонова пересѣла въ нашу карету, мы повернули и поѣхали къ Зимнему дворцу. Въ квартирѣ г-жи Эллисъ мы пробыли около часа. Изящная и никогда нами не виданная роскошная мебель и обстановка квартиры поразили насъ, мы озирались съ какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ, хотя г-жа Эллисъ удалилась въ свои внутренніе покои, но мы шопотомъ едва перекидывались нѣсколькими словами. Черезъ часъ, мы опять сѣли въ карету, но уже запряженную тройкой и помчались въ Петергофъ. По дорогѣ два раза намъ перемѣняли лошадей. Такъ ѣхали мы около двухъ ча-

совъ молча; г-жа Эллисъ закрыла глаза, и мы не смѣли разговаривать. Вообще, непріятное впечатлѣніе производила эта особа: высокаго роста, съ маленькой головой, мелкими чертами блѣднаго, покрытаго едва замѣтными знаками оспы, лица, она держалась сутуловато, неподвижно; къ говорящему съ нею она головы не поворачивала, а поворачивалась всѣмъ корпусомъ; говорила мало и отрывисто, за то, если говорила съ кѣмъ-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ, то голосъ ея звучалъ самыми нѣжными нотами и имѣлъ какую-то пѣвучесть.

Изъ Петербурга мы выѣхали при ярко голубомъ небѣ; было вѣтрено, на горизонтѣ показались бѣлыя облака, изрѣдка солнце пряталось на мгновеніе за ними и, наконецъ, совершенно скрылось. Всю остальную дорогу погода хмурилась; когда мы подъѣзжали къ Петергофу, пошелъ мелкій дождь, стало холодно, сыро, непріязненно, какъ-то тоскливо; мы почти не обратили вниманія ни на дворецъ, ни на садъ съ фонтанами, мимо которыхъ проѣзжали. Наконецъ, карета остановилась передъ подъѣздомъ одноэтажнаго длиннаго дома (такъ называемый кавалерскій домъ, ихъ было нѣсколько, одинъ возлѣ другого). Мы вошли въ комнату, которая показалась намъ очень просто и даже мало меблированною: на окнахъ были старомодныя бѣлыя, коленкоровыя, обшитыя бѣлой широкой бахромой, драпировки, перекинутыя черезъ двѣ скрещенныя позолоченныя стрѣлы, на нижнихъ стеклахъ бѣлыя кисейныя занавѣсочки; вся обстановка ясно говорила, что все это казенное. Г-жа Эллисъ удалилась въ свою спальню и, какъ намъ сказала горничная, легла отдохнуть; она, вѣроятно, желала насъ предупредить, чтобы мы не разбудили разговорами ея госпожу. Такъ просидѣли мы до 6-го часу, едва шептались и не двигались; а голодъ началъ говорить громче насъ; мы ждали съ трепетомъ, что будетъ дальше.

Около 6-ти часовъ показалась г-жа Эллисъ, перемѣнивъ свой костюмъ, и пригласила насъ ѣхать опять съ нею. На бѣду, моя товарка, страдавшая часто тошнотою, захворала, не могла ѣхать съ нами и осталась въ квартирѣ г-жи Эллисъ.

Усталой отъ продолжительной ѣзды, голодной, потому что только утромъ напилась кофе, а главное мучимой неизвѣстностью, куда и зачѣмъ везутъ, мнѣ, казалось, что время едва двигалось, и что мы ѣдемъ куда-то очень далеко. Мы ѣхали по широкой, прямой аллеѣ, обставленной высокими березами; не видно было конца этой аллеи; наконецъ, въѣхали чрезъ легкія желѣзныя ворота въ паркъ и скоро карета подъѣхала подъ какой-то сводъ и остановилась. Это была Сергіевка — дача великой княгини Маріи Николаевны, герцогини Лейхтенбергской. Мы вышли изъ кареты и очутились въ маленькой, прелестной комнаткѣ, стѣны которой были точеныя, деревянныя, въ русскомъ стилѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ насъ пригласили въ другую комнату, довольно большую, но темноватую, не

смотря на широкія окна, за которыми виднѣлась масса цвѣтовъ; сѣрый день и широкій навѣсъ надъ верандой прибавляли темноты.

Посреди комнаты стоялъ государь Николай Павловичъ въ сюртукѣ безъ эполетъ; онъ сказалъ нѣсколько словъ г-жѣ Эллисъ, потомъ прибавилъ:

— Я самъ представлю великой княгинѣ.

Г-жа Эллисъ поклонилась и вышла.

Государь подошелъ ко мнѣ, спросилъ, гдѣ я воспитывалась и какъ моя фамилія. Услышавъ ее, онъ воскликнулъ:

— А!—пойдемте, я васъ представлю вашему однофамильцу!—взялъ меня за плечи, подвелъ къ круглой желѣзной печкѣ и спросилъ, знакома ли мнѣ эта печь, и какъ она мнѣ приходится. Не знаю, откуда у меня хватило храбрости, также полушутя, отвѣтить, что печь мнѣ приходится отцомъ.

— Такъ печи вашего отца? а толь?[1]).

— Моего дѣда,—отвѣтила я.

Повидимому, онъ остался доволенъ, что я безъ застѣнчивости и безъ боязни отвѣчала ему.

— Теперь я васъ познакомлю съ прехорошенькой дѣвушкой,—сказалъ онъ и повелъ меня, какъ мнѣ показалось, къ открытымъ дверямъ другой комнаты; полусвѣтъ и незнакомая меблировка комнаты, въ которой мы находились, не позволили мнѣ тотчасъ узнать въ движущихся намъ на встрѣчу фигурахъ — государя и себя; только когда мы остановились, я замѣтила, что стою передъ огромнымъ зеркаломъ и вижу государя и себя; онъ требовалъ, чтобы я согласилась съ тѣмъ, что дѣвушка, которая стоитъ передъ нами дѣйствительно хорошенькая. Государь, добившись отвѣта моего, смѣялся и былъ доволенъ, что сконфузилъ меня. Затѣмъ онъ привелъ меня въ сосѣднюю комнату, гдѣ находились: великая княгиня Марія Николаевна и великая княжна Александра Николаевна; государь все держалъ меня за плечи, и когда я дѣлала глубокій реверансъ обѣимъ великимъ княгинямъ, онъ присѣдалъ вмѣстѣ со мною и представилъ меня такъ:

— Это Утермаркъ, дочь изобрѣтателя круглыхъ желѣзныхъ печей.

Великая княгиня Марія Николаевна сказала мнѣ, что невѣсту ждутъ въ августѣ мѣсяцѣ, а до того времени намъ, вновь опредѣленнымъ, назначено быть при великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, и съ завтрашняго дня можно начать дежурство, чередуясь,

Великая княжна спросила, есть ли у меня братья и въ какомъ корпусѣ воспитываются. Она очень любила корпуса и Александровскій корпусъ малолѣтнихъ называла своимъ; часто въ Царскомъ Селѣ навѣщала кадетиковъ и играла съ ними; иногда встрѣтить

---

[1]) Кровельный толь, изобрѣтеніе моего дѣда.

въ саду мальчиковъ съ ихъ надзирательницею и пригласить къ себѣ въ гости пить чай.

Г-жа Эллисъ прислала за мной свою карету, въ которой я была отвезена въ отведенную мнѣ вмѣстѣ съ Парамоновой квартиру: въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ, въ нижнемъ этажѣ, окнами на цвѣтникъ и фонтаны[1]).

М. Г. Парамонова ожидала меня съ нетерпѣніемъ, горя желаніемъ узнать результатъ моего представленія. Намъ тотчасъ же былъ поданъ чай: на серебряномъ подносѣ, серебряный чайный приборъ съ бѣлыми чашками, на которыхъ красовался двуглавый орелъ. Къ 11-ти часамъ подали ужинъ изъ трехъ блюдъ; столъ былъ накрытъ тончайшею бѣлою скатертью; приборы и блюда, на которыхъ подавался ужинъ, были серебряные съ императорскимъ вензелемъ. Особая горничная служила намъ обѣимъ. На дежурство мы ѣздили съ дежурными камеръ-юнгферами великой княжны Александры Николаевны. Такъ продолжалось болѣе недѣли. Наконецъ, былъ назначенъ день отъѣзда великой княгини Маріи Николаевны съ дѣтьми за границу, и въ тотъ же день и часъ великая княжна Александра Николаевна выѣхала въ Царское Село.

Парамонова была въ этотъ день свободная и должна была заранѣе уѣхать, чтобы въ Царскомъ Селѣ встрѣтить великую княжну, а я, какъ дежурная, должна была, проводивъ великую княжну, забрать оставшіяся вещи, какъ-то: подушечку съ золотыми булавками, брошками, лишнія перчатки, платки носовые и т. п., тотчасъ слѣдомъ ѣхать за княжной. Дверь кабинета случайно осталась открытою; хотя передъ нею стояли маленькія ширмы, но намъ было видно, какъ государь пригласилъ всѣхъ сѣсть: великая княгиня Марія Николаевна, герцогъ Лейхтенбергскій, ихъ дѣти и великая княжна Александра Николаевна, всѣ размѣстились кругомъ; черезъ минуту первый всталъ государь, за нимъ послѣдовали остальные; обратясь къ образу, они помолились и начали прощаться; государь не любилъ, когда при прощаньи плачутъ, онъ шутилъ съ дѣтьми, посылалъ разныя пожеланія à la mère (матери), т. е. императрицѣ. Онъ говорилъ немного громче обыкновеннаго, къ каждому обращался, хотя ласково, но внушительно; этимъ онъ не допустилъ ихъ растрогаться и разстаться со слезами. Чрезъ нѣсколько дней государь намѣревался тоже уѣхать за границу.

---

[1]) Такъ какъ предполагалось чрезъ нѣсколько дней переѣхать въ Царское Село, то насъ помѣстили вмѣстѣ; впослѣдствіи намъ отводилась каждой отдѣльная квартира.

II.

Великая княжна Александра Николаевна жила въ Царскомъ Селѣ, въ Александринскомъ дворцѣ, съ двумя своими меньшими братьями, великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами; великій князь Константинъ Николаевичъ находился въ плаваніи, а императрица Александра Ѳеодоровна и великая княжна Ольга Николаевна уѣхали за границу за невѣстой.

Великая княжна Александра Николаевна была еще очень молода (ей было только шестнадцать лѣтъ), веселаго, шаловливаго нрава, крайне добра, снисходительна и проста въ обхожденіи,— отличительныя свойства всей нашей царской фамиліи; эти свойства удивительно какъ привлекали всѣхъ, кто имѣлъ счастье испытать ихъ на себѣ. Она вела жизнь самую скромную: вставала рано, тотчасъ отправлялась гулять; послѣ утренняго чая занималась музыкой, потомъ занималась съ гувернанткою, миссъ Гигенботтенъ; съ особеннымъ увлеченіемъ она занималась рисованіемъ подъ руководствомъ академика Зауервейда, пріѣзжавшаго два раза въ недѣлю въ Царское Село. Въ видѣ отдыха, она хозяйничала на своей маленькой мызѣ. Передъ окнами ея комнатъ былъ небольшой островокъ, на немъ маленькій деревенскій домикъ, съ молочными хозяйственными принадлежностями. На островкѣ содержались гуси и кролики, которыхъ великая княжна любила сама кормить. Мыза эта называлась «Сашина» и построена была для цесаревича Александра Николаевича.

Обыкновенно, по утрамъ, великая княжна пила чай, но по воскресеньямъ и праздникамъ заведено было пить шоколадъ. Изрѣдка, въ видѣ особеннаго развлеченія, она ѣздила верхомъ, въ сопровожденіи своей гувернантки, кого-нибудь изъ придворныхъ кавалеровъ ея штата, берейторовъ и лакеевъ. На конѣ она была удивительно граціозна и элегантна.

Однажды, утромъ, когда я была при ея туалетѣ, со мною сдѣлалось дурно. Великая княжна, видя это въ своемъ зеркалѣ, испугалась, встала, подхватила меня, позвала на помощь и велѣла отвести меня въ мою комнату. Когда чрезъ полчаса я вернулась, она ласково и заботливо выговаривала мнѣ, зачѣмъ я на весь день не осталась у себя.

Бывало покажется ей, что мои губы блѣдны, она, сидя передъ зеркаломъ и глядя на меня въ немъ, молча начнетъ кусать свои губы, показывая, чтобы я послѣдовала ея примѣру, или возьметъ свою розовую губную помаду и сама нарумянитъ мнѣ ею губы. Во время туалета она почти всегда разговаривала со мною, расспрашивала о жизни институтской, особенно интересовали ее отношенія воспитанницъ къ класснымъ дамамъ. Въ манерѣ и тонѣ ея вопро-

совъ чувствовалось и слышалось легкое недоброжелательство къ классным дамамъ; случилось даже, что она назвала ихъ: «die steifen alten Jungfern» (упрямыя, старыя дѣвы). Мнѣ сказала дежурная камеръ-юнгфера, что наканунѣ великая княжна имѣла нѣкоторое препирательство съ своею гувернанткою.

Не хвастаясь, могу сказать, что я пользовалась милостивымъ расположеніемъ великой княжны; можетъ быть, оттого, что была также молода, какъ она. Она измѣнила мое имя и называла почему-то: Duc d'Outermer, и это измѣненное имя оставалось за мной до послѣдняго времени; даже послѣ многихъ лѣтъ моего замужества, когда я приходила повидать покойную императрицу Марію Александровну, государь, проходя чрезъ дежурную комнату и случайно увидавъ меня, возвѣщалъ въ третью комнату:

— Marie! Outermer est venue (Мари! Утермеръ пришла).

Однажды, великая княжна позвала меня въ свою спальню: я увидѣла ее лежащею во весь ростъ на полу; она приказала мнѣ дергать ее за платье, то съ одной, то съ другой стороны; такъ какъ любимая ея собачка англійской породы меня еще мало знала, то заливалась лаемъ, покушалась даже схватить меня за руку; я боялась этой собачки, она была довольно зла; я быстро отскакивала и снова дергала за платье съ другой стороны. Великую княжну это забавляло, она хотѣла испытать вѣрность своей собачки, которая неумолкая лаяла и энергично заступалась за свою госпожу. Послѣ обѣда, великая княжна переправилась на паромѣ на свою мызу, чтобы тамъ хозяйничать. Черезъ нѣкоторое время она прислала мнѣ съ камердинеромъ маленькій горшечекъ простокваши своего издѣлія, и милостиво потомъ освѣдомилась, вкусна ли была простокваша. Это была большая милость, какъ мнѣ пояснили мои сослуживицы, и, вѣроятно, оказана мнѣ за утреннюю сцену съ собачкой.

Разъ какъ-то, при утреннемъ туалетѣ, присутствовала статсъ-дама, графиня Юлія Ѳеодоровна Баранова[1]). Тутъ я узнала, что графиня не знаетъ англійскаго языка. Великая княжна, вѣроятно, не желая, чтобы присутствовавшія знали сюжетъ ихъ разговора, стала говорить пофранцузски, но къ каждому слогу прибавляла букву «пе», напримѣръ: *Bo*po*n jou*pou*r co*po*mte*pe*sse, de*pe*mte*pa*in nou*pous ip*i*ro*pons e*pe*n vi*pi*lle.* Этотъ языкъ извѣстенъ почти всѣмъ институткамъ и называется пипскимъ. Мнѣ было ужасно неловко; я поняла бы ихъ разговоръ, а впослѣдствіи могло бы обнаружиться, что я знаю этотъ языкъ. Я нарочно сдѣлала великой княжнѣ какой-то вопросъ, касающійся моей службы, на пипскомъ языкѣ. Она быстро повернулась ко мнѣ и сказала:

---

[1]) Графиня была воспитательницею всѣхъ трехъ великихъ княженъ: Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ.

— «Вы знаете этотъ языкъ?» и похвалила мою деликатность; при этомъ она мнѣ разсказала, что хотя ее еще не берутъ за границу, но, что у дѣдушки — короля прусскаго она, все-таки, уже была, и что тамъ шутя заговорила пописки (съ нѣмецкимъ), прибавляя букву *б*, чтобы привести слушателей въ недоумѣніе на счетъ новаго и непонятнаго для нихъ языка; вышло, однако, что нѣкоторыя слова, при прибавленіи буквы *б*, оказались для непонимающаго слушателя очень двухсмысленными, дѣдушка обратилъ ея вниманіе на это; ей стало ужасно неловко и она попробовала прибавлять другую букву, хотя рѣчь ея уже не была такою плавною. Съ графиней и со мною она для курьеза иногда говорила на этомъ языкѣ.

Однажды, великая княжна страдала насморкомъ; ложась въ постель, она потребовала губную помаду и помазала себѣ носъ, при чемъ разсказала анекдотъ, который, конечно, давно всѣмъ извѣстенъ, и который въ институтѣ дѣти въ числѣ другихъ анекдотовъ выучивали на память: «Когда у дяди моего, императора Александра I былъ насморкъ, онъ приказалъ подать огарокъ сальной свѣчи, чтобы помазать носъ; а когда чрезъ нѣкоторое время повѣряли расходы, оказалось, что съ того времени ежедневно выписывалась сальная свѣча и въ расходѣ записано на этотъ предметъ чуть ли не 600 рублей».

Ложась спать, великая княжна въ постелѣ становилась на колѣни и читала молитву, обращаясь къ висѣвшему у изголовья небольшому образку.

Великая княжна покрывалась ватнымъ шелковымъ одѣяломъ, которое камеръ-юнгфера подвертывала подъ тюфякъ, на ноги клали шелковый на пуху капотъ. Утромъ, вставъ, она укутывалась въ помянутый капотъ, или какъ тогда называли «шлюмперъ», садилась къ туалету умываться и причесываться. Волосы ея были необычайной длины и густоты: причесавъ и скрутивъ ихъ на затылкѣ, надо было сдѣлать изъ нихъ родъ петли и заколоть толстой черепаховой гребенкой, остальной конецъ раздѣлить на четыре пряди, заплести каждую и обвить ими голову такъ, что гребенка съ закрученными волосами оставалась въ центрѣ, а заплетенная коса, шириною въ 1½ вершка, образовала какъ бы вѣнецъ спереди; на вискахъ волосы заплетались въ косички шириною въ вершокъ, которыя спускались по щекамъ и обрамляли прелестный овалъ ея лица; подъ ухомъ косички поднимались къ косѣ и дополняли собою уже и безъ того роскошную прическую. На эту прическу великая княжна надѣвала клеенчатый чепчикъ и входила въ шкафъ, гдѣ брала души. Это продѣлывалось ежедневно, до лѣтняго купанья въ заливѣ.

При великой княжнѣ я находилась почти три мѣсяца — до пріѣзда принцессы Дармштадтской, невѣсты великаго князя.

III.

3-го сентября вернулась изъ-за границы императрица Александра Θеодоровна съ принцессою — высоконареченною невѣстою цесаревича, съ великими княжнами Ольгою Николаевною и Александрою Николаевною, которая выѣхала въ Гатчино на встрѣчу къ императрицѣ; онѣ подъѣхали къ парадному крыльцу стараго Царскосельскаго дворца, гдѣ ихъ встрѣтили государь и цесаревичъ; на крыльцѣ стояли первые придворные чины, въ корридорѣ воспитанники лицея, въ церкви ихъ ожидали придворныя дамы; здѣсь отслужили молебенъ, послѣ котораго поѣхали въ Александринскій дворецъ, гдѣ жилъ государь съ своимъ семействомъ.

Государыня, въ сопровожденіи всего семейства, привела принцессу въ приготовленныя для нея комнаты, въ верхнемъ этажѣ. Великія княжны съ принцессою пошли осматривать помѣщеніе; а императрица осталась въ кабинетѣ и сѣла на круглый диванъ; ее окружали малолѣтніе великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, имъ тогда было около 9—10 лѣтъ, они носили форму кадетъ Александровскаго корпуса малолѣтнихъ: темно-сѣраго сукна панталоны съ лификомъ, черного сукна курточку съ краснымъ кантикомъ, застегнутую на одну золотую пуговку, довольно широкій бѣлый воротникъ, обшитый оборкой. Императрица давно съ ними не видалась; дѣти ласкались къ ней, цѣловали, обнимали ее, что-то на перерывъ одинъ передъ другимъ ей разсказывали, разсматривали и ощупывали все, что на ней было надѣто: брошку, цѣпочку, браслеты. Наконецъ, императрица сняла съ шеи батистовую косынку, подала ее мнѣ и спросила, какъ моя фамилія, гдѣ я воспитывалась, давно ли кончила курсъ. Императрица говорила очень скоро, но не внятно; казалось, будто дрожаніе ея головы причиняло эту невнятность; потомъ она прибавила:

— Я васъ прошу съ принцессой всегда говорить порусски.

Императрица иногда навѣщала принцессу въ ея помѣщеніи; однажды, она пришла утромъ, прошлась по всѣмъ комнатамъ, заглянула за ширмы, гдѣ стояла кровать, подозвала меня и сказала почти шопотомъ порусски, какъ бы не желая, чтобы дармштадтскія камеръ-юнгферы ее поняли:

— Я вижу, что здѣсь еще нѣмецкая уборка; вы этого не позволяйте: надо, чтобы на кровати, кромѣ вальковъ, ничего не лежало, плюмо и подушки должны быть убраны въ корзину.

Дѣйствительно, при дармштадтской методѣ убиранія, кровать имѣла очень не изящный видъ: обыкновенно покрывала и вальки дѣлались изъ той же матеріи, какъ и пологъ у кровати и обивка всей мебели. Уложивъ на постель всѣ подушки, вальки и плюмо, камеръ-юнгферы все это перекрывали покрываломъ, потому постель имѣла волнообразный видъ и покрывало становилось слиш-

комъ короткимъ; въ общемъ это было некрасиво, тогда какъ уборка кровати, усвоеная при нашемъ дворѣ, отличается опрятностію, простотою и изяществомъ.

Когда я передала замѣчанія и желаніе императрицы, дармштадтскія камеръ-юнгферы казались пораженными педантизмомъ нашихъ порядковъ.

За границей почти вездѣ употребляется плюмо: это наволочка въ $1^1/_2$ квадратныхъ аршина изъ шелковой матеріи, очень легко набитая самымъ нѣжнымъ пухомъ; этой периной покрываются поверхъ одѣяла. У насъ при дворѣ это плюмо замѣнялось салопомъ (manteau).

Даже въ приданомъ отъ русскаго двора, принцессѣ былъ данъ вмѣсто плюмо—салопъ, изъ темной шелковой матеріи, на шелковой подкладкѣ на пуху; онъ можетъ также хорошо исполнить назначеніе плюмо и, кромѣ того, подъ рукою находится одежда, которая въ крайнемъ случаѣ можетъ исполнить и прямое свое назначеніе; плюмо въ такомъ видѣ — цѣлесообразнѣе. Великій князь обыкновенно съ этою цѣлію употреблялъ шинель. Выше сказано, что великая княжна Александра Николаевна употребляла шлюмперъ.

IV.

Сентября 7-го былъ торжественный въѣздъ высоконареченной невѣсты въ столицу. Погода была превосходная; царская фамилія выѣхала изъ Царскаго Села въ экипажахъ, остановилась въ загородномъ путевомъ дворцѣ Четыре Рогатки; тутъ былъ завтракъ и не большой отдыхъ, послѣ котораго императрица, великія княжны и принцесса, переодѣлись въ русскія платья. По церемоніалу, всѣ размѣстились въ золоченныя кареты и торжественный поѣздъ двинулся шагомъ къ столицѣ.

Когда подъѣхали къ Зимнему дворцу, то кареты не остановились у наружнаго подъѣзда, какъ обыкновенно, но въѣхали въ большія ворота, которыя противъ Александровской колонны, и, проѣхавъ весь дворъ, остановились у параднаго крыльца, гдѣ ихъ встрѣтили государь, цесаревичъ и всѣ придворные чины. Царская фамилія въ сопровожденіи всего двора двинулась въ церковь, гдѣ и былъ отслуженъ молебенъ.

Принцессѣ отведены были комнаты въ нижнемъ этажѣ, окнами на Неву, на ряду съ комнатами великихъ княженъ Ольги и Александры Николаевнъ. Послѣ пріема, принцесса вернулась въ свои покои, гдѣ мнѣ пришлось снимать съ ея головы и шеи драгоцѣннѣйшіе бриліантовые уборы, какіе я видѣла въ первый разъ въ жизни. На принцессѣ былъ голубого цвѣта шлейфъ, весь вышитый серебромъ, и бѣлый шелковый сарафанъ, передъ котораго тоже былъ вышитъ серебромъ, а вмѣсто пуговицъ нашиты были бриль-

ліанты съ рубинами; повязка, темно-малиноваго бархата, обшитая бриліантами; съ головы спадала серебромъ вышитая вуаль. Пока принцесса переодѣвалась, ей представлялась новая камеръ-фрау, баронесса Каролина Карловна Рааль, урожденная Бронзартъ, бывшая начальница въ институтѣ глухо-нѣмыхъ.

Сентября 9-го, былъ парадный спектакль, а вскорѣ за тѣмъ царская фамилія опять вернулась въ Царское Село, гдѣ и провела всю осень въ большихъ развлеченіяхъ. Непремѣнно каждое воскресенье бывалъ парадный обѣдъ у императрицы; туалеты были почти бальные: нарядныя платья съ открытыми лифами, короткими рукавами, бѣлые башмаки, цвѣты и бриліанты. Французскіе спектакли давались на маленькомъ Царскосельскомъ театрѣ, который находится въ саду Александринскаго дворца. Великая княгиня Елена Павловна, отличавшаяся большимъ вкусомъ, устроивала изящные праздники въ честь невѣсты и жениха. Иногда ѣздили въ Петербургъ слушать оперу или посмотрѣть новый балетъ.

Великая княжна Александра Николаевна была веселаго характера и большая проказница. Однажды, это было уже по пріѣздѣ принцессы, великая княжна придумала такую шутку. Принцесса сидѣла передъ своимъ туалетнымъ столомъ, ее причесывали, чтобы идти къ обѣду къ императрицѣ. Кто-то постучался изъ коридора въ дверь уборной. Я тотчасъ вышла, чтобы узнать, что надо. Передо мной стояла молодая особа съ черными бровями и чернымъ пятнышкомъ на подбородкѣ, въ бѣломъ платьѣ, въ старомодной пожелтѣвшей шали, тюлевомъ чепцѣ стараго фасона съ желтыми лентами. Она какъ-то странно присѣла передо мной и застѣнчиво стала меня просить доложить принцессѣ, что она проситъ мѣсто гладильщицы у ея высочества и что графиня Баранова прислала ее представиться принцессѣ.

Просительницу я тотчасъ узнала по ея выговору (она очень твердо выговаривала букву р), и назвала «высочествомъ».

— Ахъ, какая злодѣйка! она меня узнала!—воскликнула великая княжна,—но сдѣлайте, чтобы принцесса меня приняла,—шепнула она.

Принцесса положительно отказывалась ее принять, тѣмъ болѣе, что была въ неглиже. Я снова стала упрашивать принцессу отъ имени графини Барановой; но принцесса наотрѣзъ отказалась, говоря, что графиня можетъ взять, кого хочетъ, что она будетъ всѣмъ довольна. Просительница слышала отвѣтъ, и я не успѣла сдѣлать двухъ шаговъ, какъ молодая особа уже стояла возлѣ принцессы, присѣдая, низко кланяясь и говоря ломаннымъ французскимъ языкомъ, пытаясь пояснить, что она воспитывалась въ Калужскомъ институтѣ, что она сирота и бѣдна, и умоляетъ принять ее въ гладильщицы.

Принцесса, немного сконфуженная, соглашается на ея просьбу,

видимо желая скорѣе избавиться отъ нея; просительница кидается къ рукѣ, которую принцесса милостиво даетъ поцѣловать, но въ ту же минуту просительница разражается громкимъ, неудержимымъ хохотомъ; я тоже не могла удержаться отъ смѣха; нѣмки камеръ-юнгферы стоятъ оторопѣлыя, не понимая въ чемъ дѣло. Принцесса перепугалась, вскочила со стула, перегнулась надъ своимъ столомъ, какъ бы желая спасти свои руки, и кричитъ:

— Mais elle est folle! (Да это сумасшедшая!)

Дѣло было очень просто: великая княжна насурмила себѣ брови и налѣпила мушку. Надо знать, что у княжны были очень свѣтлыя брови: черныя брови и странный туалетъ дѣлали ее почти неузнаваемой. Гувернантка принцессы, фрейлина Гранси, услыхавъ необыкновенный крикъ и смѣхъ, выскочила изъ своей комнаты, тоже въ пудермантелѣ, но уже тогда, когда дѣло разъяснилось. Великая княжна приставала къ принцессѣ:

— Marie! tu ne m'a pas reconnu après tout ce que je t'ai raconté ce matin?! (Мари! ты меня не узнала послѣ всего того, что я тебѣ разсказала сегодня утромъ?)

Крикъ и хохотъ были безконечны. Тутъ и мнѣ досталось.

— La méchante Outermer m'a tout de suite reconnu. (Злодѣйка Утермеръ меня тотчасъ узнала).

Оказывается, что въ это же утро, за завтракомъ, у императрицы, куда ежедневно всѣ сбирались, великая княжна разсказывала, что самая ничтожная перемѣна въ ея прическѣ дѣлаетъ ее неузнаваемой, и что однажды осенью императрица послѣ обѣда прилегла отдохнуть въ своей спальнѣ, было не свѣтло, не темно, какъ говорится: entre chien et loup (въ сумерки); камеръ-юнгфера сидѣла въ дежурной комнатѣ, а великая княжна, повязавъ пестрый платокъ на голову, прошмыгнула въ спальню къ императрицѣ; дежурной показалось, будто въ комнату вошла чужая женщина и отъ испуга она упала въ обморокъ и проболѣла нѣсколько дней. Императрица не успѣла еще уснуть и не сейчасъ узнала свою проказницу-дочку, пожуривъ ее за причиненный испугъ и его послѣдствія.

Когда великая княжна была невѣстою, женихъ ея, принцъ Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій, долженъ былъ на время вернуться въ Германію. Царская фамилія въ это время находилась въ Петергофѣ. Великая княжна, купаясь ежедневно, слегка простудилась: получила кашель и насморкъ; естественно, что при этомъ было лихорадочное состояніе, и ей очень не хотѣлось купаться; но гувернантка ея, миссъ Гигенботтенъ, находила, что такую легкую простуду всего скорѣе можно вылѣчить, не прекращая купанья; великая княжна повиновалась. Однако здоровье ея понемногу разстроивалось; миссъ Гигенботтенъ приписывала это разлукѣ съ женихомъ; но и послѣ замужства здоровье ея казалось ненадежнымъ. Когда

же она сдѣлалась беременною, то довольно ясно опредѣлился ея недугъ. Вѣроятно, молодому супругу не совсѣмъ было пріятно постоянно находиться сидѣлкой возлѣ больной; иногда это даже было замѣтно. Случалось, уронивъ платокъ или что-нибудь другое, она попроситъ его поднять, или подать, что лежало въ отдаленіи отъ нея, такъ какъ ей самой было вредно нагибаться или тянуться; принцъ позвонитъ и скажетъ вошедшей исполнить что надо, или скажетъ великой княжнѣ: «Mais vous avez vos pincettes». (Но у васъ есть свои щипцы).

Быстрыми шагами шла болѣзнь къ худшему; очевидно развивалась чахотка. За роды, которые приближались,—опасались. Нѣжный, разслабленный болѣзнію, организмъ великой княгини не перенесъ ихъ—она скончалась чрезъ нѣсколько минутъ послѣ рожденія сына, который спустя два часа послѣдовалъ за матерью.

1844 года, 2-го августа, въ темную, ненастную ночь, огни въ фонаряхъ боролись со тьмою и только блѣдными точками освѣщали путь печальному шествію. Тутъ не было ни торжественности, ни роскоши, ни особенныхъ почестей, даже не по главнымъ улицамъ столицы, въ закрытомъ ландо, везли такъ преждевременно скончавшуюся великую княжну Александру Николаевну.

По всему пути густая масса публики безмолвно съ обнаженными головами присутствіемъ своимъ выражала глубокое сочувствіе безъутѣшному отцу.

Въ эту же ночь, въ два часа, государь собственноручно написалъ генералъ-губернатору письмо, въ которомъ просилъ передать публикѣ его глубокую признательность за неоднократно выраженное сочувствіе въ продолженіе болѣзни покойной, и что онъ глубоко тронутъ, что публика добровольно пришла раздѣлить его горе, проводивъ покойницу.

V.

8-го ноября, царская фамилія вернулась въ Петербургъ. Въ тотъ же день великая княгиня Елена Павловна давала большой балъ, по случаю имянинъ великаго князя Михаила Павловича. Затѣмъ слѣдовало безконечное множество празднествъ, баловъ, спектаклей.

Къ сожалѣнію, принцесса не всегда могла участвовать во всѣхъ этихъ празднествахъ и удовольствіяхъ. Вѣроятно, отъ непривычки къ суровому климату, у нея на одной щекѣ подъ глазомъ образовалось красное пятно величиной съ голубиное яйцо. Хотя оно не слишкомъ безпокоило ее, но доктора не совѣтовали ей выѣзжать на морозъ; когда лицо разгоралось, пятно становилось еще краснѣе и чувствительно жгло. Пятно съ трудомъ поддавалось лѣченію. Если же принцессѣ иногда для общаго здоровья и предписывалось

выѣзжать при легкомъ морозѣ, то она покрывалась нѣсколькими вуалями. Вообще, она каталась мало и то всегда въ закрытомъ экипажѣ; большею частью, она прогуливалась или въ залахъ Зимняго дворца или въ Зимнемъ саду. Однажды случилось, что когда она поѣхала въ каретѣ кататься съ своею гувернанткою, на возвратномъ пути, по Литейной улицѣ, что-то сломалось въ каретѣ, и ей пришлось идти пѣшкомъ до Зимняго дворца.

Разъ, утромъ, вошелъ въ дежурную комнату мущина очень высокаго роста, довольно полный, съ маленькой головой, съ гладко причесанными волосами, со звѣздою на груди. Появленіе его меня нѣсколько озадачило, такъ какъ съ этой стороны никто не имѣлъ права войти, кромѣ царской фамиліи и доктора, а о всѣхъ остальныхъ долженъ былъ докладывать камердинеръ. Я только-что хотѣла ему это замѣтить и предложить обратиться къ камердинеру, какъ онъ весьма вѣжливо поклонился и сказалъ:

— Могу ли я васъ попросить доложить принцессѣ, что Жуковскій, ея учитель, желалъ бы представиться ей.

Конечно, я была рада исполнить его желаніе, и сама доложила о немъ принцессѣ и проводила его къ ней. Я очень была довольна, что мнѣ удалось увидѣть нашего знаменитаго писателя.

Для того, чтобы разнообразить развлеченія предположено было устроить костюмированный балъ. Однажды, императрица прислала свою камеръ-юнгферу на половину принцессы просить меня (такъ какъ я была самая молодая изъ всѣхъ служащихъ) позволить ея парикмахеру сдѣлать мнѣ старинную французскую прическу. Могла ли я не исполнить желаніе императрицы? Куафферъ ея, Etienne, тотчасъ же принялся преобразовывать мою голову въ голову какой-нибудь Помпадуръ. Волосы зачесалъ вверхъ, напудрилъ, сзади спустилъ нѣсколько локоновъ, приколол цвѣты, перья, бриліанты. Императрица съ нетерпѣніемъ ждала моего появленія; она осталась очень довольна прическою и, обратившись къ принцессѣ, сказала:

— La petite n'a pas besoin de mettre des fards, cette coiffure relève merveilleusement ses belles couleurs. (Малютка не нуждается въ румянахъ; эта прическа удивительно выказываетъ ея прекрасный цвѣтъ лица).

Дѣло въ томъ, что императрица предполагала, что отъ напудренныхъ волосъ, цвѣтъ лица сильно пострадаетъ. Императрица, поцѣловавъ меня въ голову, сказала:

— Grand merci (благодарю).

Я поцѣловала ей руку.

5-го декабря, былъ день мѵропомазанія принцессы. Въ этотъ день на ней былъ надѣтъ бѣлый атласный сарафанъ и шлейфъ; послѣдній былъ весь опушонъ лебяжьимъ пухомъ; волосы убраны очень просто: ихъ взбили спереди въ длинные почти прозрачные локоны; эта прическа была ей очень къ лицу, весь туалетъ отличался простотою: на ней не было никакихъ драгоцѣнныхъ украшеній.

Къ назначенному часу, въ церковь собрались приглашенные гости: иностранные принцы, посланники съ ихъ женами и дочерьми. Царская фамилія въ сопровожденіи своего штата попарно двинулась къ церкви; какъ только подошли ко входу, гдѣ встрѣтило ихъ все духовенство, государь подвелъ къ митрополиту принцессу, которая прочла Символъ Вѣры, послѣ чего всѣ вошли въ церковь и начался обрядъ мѵропомазанія. Когда надо было совершить мѵропомазаніе ногъ, то за приготовленными ширмами ее разули и надѣли туфли.

Во время причастнаго пѣнія, государыня подвела принцессу приложиться къ иконамъ, а потомъ подвела къ причащенію. На слѣдующей ектиньи поминали послѣ цесаревича—великую княжну Марію Александровну. Послѣ окончанія обряда, государь, государыня, великій князь цесаревичъ и великая княжна Марія Александровна принимали поздравленіе сначала отъ знатнаго духовенства, а потомъ и отъ другихъ. По окончаніи всего, царская фамилія возвратилась во внутренніе покои.

На слѣдующій день, 6-го декабря, было обрученіе цесаревича съ великой княжной Маріей Александровной.

Съ тою же торжественностію и роскошью былъ парадный выходъ. Обрученіе совершилось въ присутствіи всей царской фамиліи, всего двора, всей россійской знати и множества знатныхъ иностранныхъ гостей и представителей иностранныхъ государствъ.

Обручальныя кольца были принесены заранѣе и положены на золотыя блюда на престолъ; въ надлежащее время духовникъ государя вынесъ кольцо для цесаревича, а для великой княжны оберъ-священникъ арміи и флота. Митрополитъ при извѣстной молитвѣ надѣлъ кольца на руки наслѣдника и великой княжны, а государыня подошла и обмѣняла имъ кольца. По окончаніи обряда, всѣ поздравляли императора, императрицу и обручившихся. Послѣ молебна съ колѣнопреклоненіемъ, царская фамилія удалилась во внутренніе покои, а присутствовавшіе гости оставили дворецъ. Въ этотъ же день былъ парадный обѣдъ, а вечеромъ большой балъ.

На другой день, 7-го декабря, въ Александровскомъ залѣ обручившіеся принимали поздравленія.

VI.

Обыкновенно, братъ великой княжны — принцъ Александръ, приходилъ провести вечеръ съ цесаревичемъ и его невѣстой. Онъ превосходно игралъ на роялѣ, фрейлина Гранси работала, а женихъ съ невѣстой проводили время въ веселыхъ разговорахъ и шуткахъ. Къ вечернему собранію, къ 9-ти часамъ, цесаревичъ обязательно долженъ былъ являться къ императрицѣ, не смотря на то, что великая княжна оставалась дома. Когда же она бывала здорова, то цесаревичъ приходилъ за нею, чтобы идти вмѣстѣ къ императрицѣ, въ сопровожденіи фрейлины Гранси.

Во время великаго поста, царская фамилія переѣзжала на нѣсколько дней въ Аничкинъ дворецъ; въ это время провѣтривали и чистили жилыя комнаты въ Зимнемъ дворцѣ. Конечно, эти перемѣщенія сопровождались большою суматохою: всѣхъ вещей и платьевъ не брали съ собою, на столь короткое время. Однако, случалось нерѣдко, что передъ самымъ одѣваньемъ великая княжна спроситъ именно то, что не было привезено изъ Зимняго дворца; тотчасъ надо было посылать гардеропа за спрошенными вещами. Выдавались дни, что какъ гардеропъ, такъ и помощникъ его, буквально цѣлый день катались изъ Аничкина дворца въ Зимній и обратно, а иногда приходилось при этомъ съѣздить въ магазины или къ модисткѣ.

Когда принцесса пріѣхала изъ Дармштадта, при ней состояли на службѣ: Бетси Дингельдей (дочь пастора и Маргарита Бегеръ, а при фрейлинѣ Гранси, Луиза Бегеръ; онѣ оставались на службѣ до свадьбы, послѣ которой Дингельдей и Маргарита Бегеръ вернулись въ Дармштадтъ, а Луиза осталась при великой княгинѣ въ должности портнихи: она получала, какъ и мы, 2,000 р. жалованья, награды и подарки такіе же, какъ и мы. Ей было около 30 лѣтъ, она была очень не глупая, интересовалась всѣмъ, любила читать, основательно знала все, что касается ея отечества; но о Россіи, не только она, но и многіе въ Дармштадтѣ, имѣли весьма смутное и превратное понятіе; они, напримѣръ, увѣрены были, что зимою въ Петербургѣ люди ходятъ въ маскахъ, подбитыхъ мѣхомъ, и что на улицахъ совершенно обыкновенное дѣло встрѣтить волка; они страшились нашей зимы, и, вообще, считали насъ чуть не дикарями.

Съ этой особой я съ удовольствіемъ познакомилась, и чувство гостепріимства заставляло меня не оставлять ее въ одиночествѣ, такъ какъ она еще не съ кѣмъ не была знакома. Длинные зимніе вечера въ дежурной комнатѣ мы коротали чтеніемъ и, конечно, разсказами. Для нея было большимъ счастіемъ, когда я слушала ея разсказы объ ея отечествѣ, родныхъ и друзьяхъ, сочувствовала ея тоскѣ по родинѣ. Понятно, что разсказы ея не могли не касаться жизни и обычаевъ двора великаго герцога. Невольно приходилось ей сравнивать жизнь нашего двора съ дармштадтскимъ.

При великогерцогскомъ дворѣ бывалъ два раза въ недѣлю парадный столъ, за которымъ непремѣннымъ блюдомъ была разварная треска (Stockfisch) съ картофелемъ, рубленными яйцами и топленымъ масломъ. За столомъ прислуживали женщины. Великій герцогъ говорилъ:

— Мужчины мнѣ нужны какъ солдаты!

Великій князь однажды пригласилъ великаго герцога на русскій обѣдъ, но щи и каша не понравились ему; онъ согласился, что то и другое на столько хороши, что ихъ могутъ ѣсть его солдаты.

VII.

Къ веснѣ, пятно, которое причиняло окружающимъ принцессу столько опасенія и безпокойства, стало видимо блѣднѣть и даже исчезать на болѣе продолжительное время. За нѣсколько времени до свадьбы, надо было перебираться въ новое помѣщеніе и намъ стали выдавать часть бѣлья и вещей изъ приданаго отъ гессенскаго двора (приданое дѣлалъ не отецъ, а дядя, кажется, принцъ Карлъ), также и изъ приданаго отъ русскаго двора; все остальное отдавали камеръ-фрау на храненіе. Вещи, выданныя намъ, мы стали размѣщать по шкафамъ въ новомъ помѣщеніи; вслѣдствіе этого, дежурная исполняла свою обязанность при невѣстѣ, а свободная должна была принимать вещи, записывать и убирать.

Квартира, предназначенная молодымъ, въ Зимнемъ дворцѣ, выходила окнами частью на Адмиралтейство, частью на площадь Александровской колонны. Комнаты цесаревича были противъ Адмиралтейства, начиная отъ балкона съ зеленою палаткою, съ котораго царская фамилія смотрѣла обыкновенно разводы.

Первая комната была большая пріемная. Вторая—кабинетъ; за колоннами въ альковѣ—спальня, потомъ комната, гдѣ цесаревичъ принималъ по утрамъ ординарцевъ. Здѣсь, послѣ того, какъ я оставила службу, часто я ожидала пріема у государя. Обыкновенно, передъ самымъ выходомъ государя изъ уборной, рейткнехтъ широко распахивалъ дверь, чрезъ минуту являлся государь, предшествуемый двумя его любимыми огромными собаками: одна свѣтложелтая, другая черная. Государь останавливался,—къ нему подходилъ дворцовый полиціймейстеръ, а потомъ ординарецъ. Тутъ, увидѣвъ меня, онъ обыкновенно говорилъ:

— Bonjour! comment ça va? vous voulez me parler? entrons. (Здравствуйте! какъ поживаете? вы хотите со мною говорить? войдемте),— и вводилъ меня въ библіотеку, она же и второй кабинетъ.

Эта комната была огромная, заставленная по стѣнамъ высокими шкафами краснаго дерева съ надписями на каждомъ, какого отдѣла находятся въ немъ книги, и столами, заваленными книгами, бумагами, планами. На одномъ изъ оконъ стоялъ черный бюстъ папы Григорія XVI.

Дальше начиналась половина цесаревны.

Первая комната была уборная, въ два окна; стѣны покрыты драпировкой изъ розоваго дамá, разукрашены снурками и кистями; портьеры, занавѣсы и вся мебель покрыта той же матеріею; чехолъ на туалетномъ столѣ и покрывало на зеркалѣ—изъ цѣльнаго брюссельскаго кружева на розовой подкладкѣ, приборъ туалетный и зеркало серебрянные. На серебрянное умывальное блюдо становили серебряную лоханочку, съ которой великая княгиня не хотѣла разстаться, такъ какъ она принадлежала ея покойной ма-

тери. Впослѣдствіи, перемѣнили розовую обивку на свѣтло-лиловую и предпочли соединить уборную и кабинетъ въ одной комнатѣ; въ этомъ новомъ кабинетѣ въ послѣднее время императрица Марія Александровна постоянно находилась, а секретаря принимала въ первоначально устроенномъ кабинетѣ.

Вторая комната, въ одно окно, съ матовымъ стекломъ, была ванная. Бѣлая мраморная ванна отдѣлялась отъ остальной части комнаты драпировкой изъ синяго сукна и вся мебель крыта имъ же.

Третья—очень большая спальня; три окна выходили на маленькій дворикъ, а въ другой стѣнѣ, въ выступѣ дворца, одно окно, изъ котораго чрезъ площадь видна Нева; передъ этимъ окномъ стояла прекрасная бѣлаго мрамора, меньше натуральнаго роста, статуя Спасителя. Стѣны, занавѣсы вокругъ кровати, покрывало, вальки на кровати, занавѣсы у оконъ, портьеры, диваны, кушетки, табуреты, стулья съ очень высокими прямыми спинками, корзина для подушекъ, экранъ у камина—все крыто дама́ васильковаго цвѣта съ бѣлыми букетами; вся названная мебель и еще два трюмо, витрины для бриллiантовъ, шкафики у кровати, столы, парадный туалетный столъ съ золотымъ туалетнымъ приборомъ; кіотъ со столикомъ для молитвенника и скамейкою для колѣнъ—были отдѣланы черепаховою фанеркою съ инкрустаціею.

Четвертая комната—кабинетъ: стѣны и мебель крыты свѣтло-голубымъ дама̀ съ бѣлыми узорами; задняя стѣна полукруглая и по всей стѣнѣ полукруглый диванъ; передъ нимъ съ одного конца стояли столикъ и кресла, съ другого—стулья и табуретики, по срединѣ комнаты довольно близко къ дивану—кушетка, на которой великая княгиня постоянно отдыхала. На кушеткѣ лежалъ валекъ длиною около $^3/_4$ арш., на розовомъ чахлѣ надѣта батистовая вышитая и обшитая кружевами наволочка: его подкладывали подъ спину, а маленькій такой же валекъ клали на подушку кушетки подъ голову. Письменный столъ стоялъ у стѣны около двери, ведущей въ спальню; на немъ, кромѣ обыкновенныхъ принадлежностей письменнаго стола, стояли портреты великогерцогскаго семейства и по обѣ стороны стола два прекрасныхъ экземпляра крупной пятнистой бегоніи. Въ противоположной стѣнѣ, каминъ, между оконъ огромное зеркало съ большою бронзовою корзинкою, наполненною живыми благоухащуми цвѣтами[1]). Библіотеки не было во-

---

[1]) Въ то время рѣдкая дама являлась на балъ съ букетомъ цвѣтовъ, а если и были съ букетами, то, такъ какъ тогда porte-bouquet еще не существовало, стебли обматывались лентою и завязывались бантомъ. Каждый разъ въ мое дежурство къ балу я приготавливала букетикъ, для чего пользовалась цвѣтами изъ упомянутой корзинки. Случилось, что великой княгинѣ былъ приготовленъ бальный туалетъ совершенно бѣлый, бѣлое платье было украшено бѣлыми камеліями, на голову тоже бѣлыя камеліи, въ косѣ двѣ шпильки—бриллiанты съ жемчугомъ. Между прочими цвѣтами въ корзинкѣ были случайно и бѣлыя ка-

все. Впослѣдствіи, съ правой стороны круглаго дивана, была сдѣлана небольшая дверь, скрытая подъ драпировкой, ведущая на лѣстницу въ нижній этажъ, въ комнаты дѣтей; по стѣнамъ этой лѣстницы устроены были полки для книгъ; лѣстница освѣщалась днемъ и ночью карселевскими лампами, такъ какъ была устроена внутри стѣнъ и была совершенно темная.

Пятая комната, очень большая, угловая, крыта красною съ золотыми арабесками матеріею; большой письменный столъ, съ золотымъ письменнымъ приборомъ, тутъ же стоялъ рояль и круглый, прекрасный мозаичный столъ; вся мебель крыта тою же матеріею. Эта комната называлась: парадный кабинетъ. Столовой не было, и когда цесаревна обѣдала дома или были приглашенные къ столу, то обѣдали въ этой комнатѣ. Въ первыхъ четырехъ комнатахъ полы были устланы коврами.

Шестая, золотая комната: бѣлыя стюковыя стѣны съ легкими золоченными лѣпными разводами, вся мебель вызолоченная.

Седьмая—огромное бѣлое зало въ два свѣта; въ углахъ колоссальные хрустальные канделябры, на вершинѣ ихъ киликсы, т. е. плоскія, стеклянныя чаши; въ нихъ помѣщены газовые рожки, свѣтъ отъ которыхъ переливался тысячами разноцвѣтныхъ огней въ граняхъ канделябровъ. Вокругъ стѣнъ небольшіе красные бархатные диванчики безъ спинокъ на бѣлыхъ ножкахъ; на рединѣ стѣны, между оконъ, въ уступѣ надъ подъѣздомъ, крытый балконъ, такъ называемый фонарчикъ, по срединѣ котораго стояла бѣлая мраморная Венера Медицейская, а по стѣнамъ устроены пòлки, обтянутыя краснымъ сукномъ; на нихъ послѣ свадьбы цесаревича размѣстили золотыя и серебрянныя блюда, на которыхъ новобрачнымъ была поднесена хлѣбъ-соль различными сословіями.

Впослѣдствіи, была уничтожена широкая лѣстница, ведущая съ улицы до третьяго этажа. Во второмъ этажѣ въ этомъ пространствѣ сдѣлана столовая, обитая зеленымъ съ цвѣтами мокетомъ; свѣтъ проникалъ изъ огромнаго стекляннаго колпака на крышѣ.

мелій; я сдѣлала прелестный букетъ изъ нихъ; такъ какъ камеліи не благоухаютъ, то я прибавила вѣтку геліотропа и искусно запрятала ее, чтобы она не была видна и не портила гармоніи букета съ отдѣлкою платья. Великая княгиня Марія Николаевна пришла какъ разъ къ окончанію туалета, увидѣла приготовленный бѣлый букетъ и спросила великую княгиню:

— Tu a commandé ce bouquet? (Ты заказывала этотъ букетъ)?

— Non, c'est Outermer qui m'arrange toujours un bouquet pour le bal. (Нѣтъ, это Утермеръ дѣлаетъ мнѣ всегда къ балу букетъ).

Великая княгиня Марія Николаевна взяла букетъ, машинально понюхала и съ удивленіемъ, обратясь ко мнѣ, сказала:

— Ah! ça par exemple! un bouquet de camelias avec une odeur si suave? êtes-vous sorcière?.. (А! скажите, пожалуйста, букетъ изъ камелій съ такимъ пріятнымъ запахомъ?! Да вы чародѣйка)?..

Великая княгиня смѣясь сказала:

— Mais oui, c'est son secret! (Да, это ея секретъ).

Пока мы прибирали и размѣщали вещи, графъ Клейнмихель, который былъ распорядителемъ всего устройства, сновалъ безпрестанно по всѣмъ комнатамъ, заходилъ къ намъ и освѣдомлялся, не безпокоютъ ли насъ блохи, увѣряя, что онъ буквально съѣденъ ими. Въ самые послѣдніе дни была пригнана масса рабочихъ для скорѣйшей отдѣлки квартиры; они-то и занесли этихъ насѣкомыхъ.

VIII.

1841 года, 16-го апрѣля, въ 8 часовъ утра, пятью пушечными выстрѣлами возвѣстили столицѣ, что высочайшее бракосочетаніе имѣетъ быть сегодня.

Всѣ мы, какъ дежурныя, такъ и свободныя, явились на службу рано утромъ. Мы были въ бѣлыхъ платьяхъ и надѣли, только-что полученные отъ цесаревича въ подарокъ, бриллiантовые фермуары.

При одѣваніи невѣстой вѣнчальнаго туалета присутствовали статсъ-дамы и фрейлины.

Бѣлый сарафанъ ея былъ богато вышитъ серебромъ и разукрашенъ бриллiантами. Чрезъ плечо лежала красная лента; пунцовая бархатная мантія, подбитая бѣлымъ атласомъ и обшитая горностаемъ, была прикрѣплена на плечахъ. На головѣ бриллiантовая діадема, серьги, ожерелье, браслеты—бриллiантовые.

Въ сопровожденіи своего штата, великая княжна пришла въ комнаты императрицы, гдѣ ей надѣли бриллiантовую корону. Императрица сознавала, что не драгацѣнные алмазы должны въ этотъ день украшать невинное и чистое чело молодой принцессы; она не удержалась отъ желанія украсить голову невѣсты цвѣткомъ, служащимъ эмблемою чистоты и невинности. Императрица приказала принести нѣсколько вѣтокъ живыхъ померанцевыхъ цвѣтовъ, и сама воткнула ихъ между бриллiантовъ въ корону; маленькую вѣтку приколола на груди; блѣдный цвѣтокъ не былъ замѣтенъ среди регалій и драгоцѣнныхъ бриллiантовъ, но символическій блескъ его умилялъ многихъ.

Въ назначенный часъ, вся царская фамилія вышла въ залъ, гдѣ ее ожидалъ весь придворный штатъ. По мѣрѣ того, какъ шествіе подвигалось впередъ по заламъ, придворные попарно примыкали къ нему. Въ церкви уже заняли свои мѣста приглашенные иностранные гости, посланники и представители иностранныхъ дворовъ, въ блестящихъ придворныхъ костюмахъ, дамы въ богатыхъ, парадныхъ, придворныхъ платьяхъ своихъ дворовъ.

На хорахъ тѣхъ залъ, по которымъ должно было пройти шествіе, толпилась масса публики. Сюда стеклось все, что только имѣло возможность получить билетъ, всѣ хотѣли имѣть честь и счастье присутствовать при священномъ бракосоченіи наслѣдника всероссійскаго престола.

На хорахъ публика была въ самыхъ богатыхъ туалетахъ; случилось, однако, что у одной дамы была надѣта черная кружевная накидка: тотчасъ является скороходъ, отыскиваетъ даму и проситъ отъ имени гофмаршала Олсуфьева снять черную накидку. Дама, конечно, моментально исполняетъ желаніе гофмаршала, сбрасываетъ накидку и держитъ ее на рукахъ; вторично появляется скороходъ, прося унести или такъ спрятать, чтобы вовсе не было видно ничего чернаго.

Послѣ вѣнца, великая княгиня вернулась въ покои императрицы, куда мы поспѣшили, чтобы поздравить императрицу и цесаревну [1]). Принявъ поздравленіе своихъ приближенныхъ, она сняла мантію и, полулежа на кушеткѣ, отдыхала въ ожиданіи часа, назначеннаго для парадпаго обѣда.

Когда донесли государю, что всѣ приглашенные къ торжественному обѣденному столу заняли свои мѣста, царская фамилія двинулась въ залу и заняла свои мѣста.

На парадныхъ обѣдахъ за стульями членовъ царской фамиліи стоятъ по рангу придворные чины, которые подносятъ блюда, врученныя имъ метръ-дотелями. Провозглашеніе тостовъ за здоровье государя, государыни и новобрачныхъ, сопровождалось звуками трубъ, литавръ и пушечными выстрѣлами, на хорахъ играла музыка и раздавалось пѣніе. Звонъ колоколовъ не умолкалъ весь день.

Когда стемнѣло, весь городъ былъ залитъ огнями великолѣпной иллюминаціи. Вечеромъ былъ балъ, къ которому допущены были только первые три класса чиновъ, первыя двѣ гильдіи купцовъ и иностранные купцы.

Для порядка и избѣжанія толкотни и недоразумѣній, всѣмъ было назначено не только зало, гдѣ должно было ожидать появленія царской фамиліи, но и подъѣздъ, съ котораго надо было войти во дворецъ.

Толпа стояла стѣною, двигаться во многихъ мѣстахъ было почти невозможно. Музыка раздавалась во всѣхъ залахъ, по которымъ царская фамилія проходила нѣсколько разъ.

Передъ концомъ бала, великій князь Михаилъ Павловичъ и великая княгиня Елена Павловна удалились на половину цесаревича; послѣ чего, государь и государыня въ сопровожденіи свиты проводили новобрачныхъ на ихъ половину; здѣсь они были встрѣчены великимъ княземъ М. П. и великою княгинею Е. П., которые вмѣстѣ съ государемъ и государыней отвели новобрачныхъ въ ихъ внутренніе покои, гдѣ молодую ожидала камеръ-фрау для принятія драгоцѣнностей и для исполненія обычнаго ночного туалета.

[1]) Со дня бракосочетанія цесаревича, государь Николай Павловичъ сдѣлалъ въ Сводѣ Законовъ прибавленіе къ статьѣ 101, чтобы супруги цесаревичей величались «великими княгинями и цесаревнами».

17-го апрѣля, въ день рожденія великаго князя, всѣ члены царской фамиліи сошлись утромъ въ уборной новобрачной. Здѣсь происходили сердечныя поздравленія, обниманіе и цѣлованіе, потомъ всѣ отправились въ парадный кабинетъ, гдѣ былъ сервированъ утренній чай и кофе.

Къ 11-ти часамъ былъ выходъ въ церковь по случаю рожденія цесаревича.

18-го числа, былъ выходъ для пріема поздравленій новообрачными.

19-го числа, былъ парадный спектакль (gala). Цесаревна сама дала намъ билетъ на ложу и торопила насъ скорѣе ѣхать, чтобы не опоздать къ моменту ихъ появленія въ ложѣ.

Какъ только царская фамилія и молодые показались въ ложѣ, публика въ партерѣ и ложахъ встала, и раздались громкія рукоплесканія и единодушное ура! продолжавшееся нѣсколько минутъ; царская фамилія раскланивалась на всѣ стороны, потомъ вдругъ все замолкло, и на сценѣ, и въ залѣ нѣсколько тысячъ голосовъ пропѣли національный гимнъ съ акомпаниментомъ оркестра; потомъ снова привѣтствовали царскую фамилію. Когда снова все замолкло, взвился занавѣсъ и началось представленіе. Въ продолженіе всей оваціи царская фамилія не садилась.

Въ Петербургѣ аристократія наперерывъ чествовала новобрачныхъ балами, обѣдами и другими празднествами.

Вскорѣ государь и молодые поѣхали въ Москву, а оттуда вернулись въ Петергофъ.

IX.

Въ Петергофѣ, императрица Александра Ѳеодоровна жила въ Александріи, на берегу Финскаго залива. Цесаревичъ жилъ тамъ же, на Фермѣ. Это былъ небольшой двухъ-этажный домъ; нижній этажъ его былъ окруженъ съ трехъ сторонъ верандой, выходившей на цвѣтникъ, четвертой стороной выходилъ во дворъ; верхній этажъ имѣлъ небольшія, но широкія остроконечныя, выступающія изъ-подъ крыши, окна, съ остроконечными же кровлями. Желѣзная крыша была выкрашена подъ солому, что придавало дому сельскій видъ; рядомъ съ этимъ домикомъ былъ еще флигель той же архитектуры; здѣсь, дѣйствительно была ферма, содержалось нѣсколько прекрасныхъ коровъ и телятъ, и имѣлось молочное хозяйство.

Впослѣдствіи, ферму перевели, хотя въ Александріи же, но въ болѣе отдаленное мѣсто отъ мѣста жительства цесаревича, а вмѣсто фермы выстроили помѣщеніе для дѣтей цесаревича.

Въ то время, Петергофъ былъ дѣйствительно привлекателенъ. Государь Николай Павловичъ ничего не жалѣлъ для его украшенія: Петергофскій садъ былъ обновленъ; статуи и фонтаны вызолочены; садъ украсился двумя прекрасными мраморными скамейками, стоившими, какъ говорили, 40,000 руб. Строились разные павильоны, украшавшіеся дорогими статуями (Царицынъ островъ—Ставассера), изящными произведеніями искусства, мельницы, окруженныя живописными цвѣтниками, сельскіе домики; разводились прекрасные парки и т. п.

Петергофъ никогда еще не былъ такъ оживленъ, какъ въ лѣто послѣ свадьбы цесаревича. Для поздравленія молодыхъ наѣхало множество царственныхъ и знатныхъ гостей. Высочайшіе хозяева не только радушно, но съ особеннымъ вниманіемъ принимали ихъ. Не проходило дня, чтобы не былъ предложенъ высокимъ гостямъ какой-нибудь новый праздникъ. Отдохновеніемъ служили вечернія прогулки въ многочисленномъ обществѣ, заканчивающіяся какъ бы случайно посѣщеніемъ одного изъ многочисленныхъ павильоновъ, гдѣ былъ приготовленъ чай, ужинъ, и все это сопровождалось прекрасной музыкой и мгновенной иллюминаціею сада. Балы, маскарады, рауты, парады, разводы, церковные выходы, смѣнялись одни другими.

Петергофъ былъ любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Она была изобрѣтательницей чудесныхъ праздниковъ и прогулокъ; за это государь безпрестанно дарилъ ее какою-нибудь новою игрушкою.

Однажды, императрица каталась утромъ съ одной изъ своихъ фрейлинъ; ее привезли къ довольно большому озеру, живописно обставленному большими березами, между которыми виднѣлись четыре красивыхъ новенькихъ домика колонистовъ. Объѣхавъ озеро, взорамъ императрицы представился прелестный сельскій домикъ; на дорогу, на встрѣчу императрицѣ, вышелъ почтенный, заслуженный унтеръ. Императрица вышла изъ экипажа и вошла въ домъ: комнаты были прелестно отдѣланы: мебель деревянная, въ русскомъ стилѣ, стѣны точеныя, вокругъ нихъ широкая скамейка, передъ

нею, въ красномъ углу, длинный столъ, въ стеклянныхъ шкафахъ простенькая посуда. Изъ оконъ былъ видѣнъ изящный цвѣтникъ, въ которомъ проведенная изъ озера вода струилась по камнямъ, въ видѣ водопада. На дворѣ виднѣлся еще небольшой домикъ для сторожа.

Императрица осталась очень довольна и мысленно благодарила своего любезнаго супруга за прелестный сюрпризъ. На прощанье она пообѣщала сторожу скоро пріѣхать съ гостями къ нему пить чай. Усаживаясь въ экипажъ, она спросила: семейный ли онъ; сторожъ тотчасъ представилъ императрицѣ своихъ двухъ дочерей. Императрица благосклонно протянула сторожу и дочерямъ его руку для поцѣлуя; сторожъ благоговѣйно поцѣловалъ руку императрицы и въ ту же минуту снялъ сѣдую бороду и усы, и императрица узнала своего баловника-супруга и двухъ своихъ дочерей, переодѣтыхъ въ крестьянскія платья.

Мундиръ унтера и два сарафана до сего времени висятъ на вѣшалкѣ, во второмъ этажѣ сельскаго домика, названнаго Никольскимъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна любила развлеченія: выходы, балы, передвиженія съ одного мѣста пребыванія на другое; наряжаться было ея страстью.

Въ теченіе лѣта, нѣсколько разъ въ торжественные праздники бывали выходы, или приглашались придворные въ церковь петергофскаго дворца къ обѣднѣ. Въ такихъ случаяхъ императрица, а за нею и великая княгиня, одѣвались въ большомъ дворцѣ. Возня была не малая; надо было привезти множество нарядовъ на выборъ; даже и тогда, когда великая княгиня выберетъ платье и шляпку, могло случиться, что ей что-нибудь не понравится въ выбранныхъ вещахъ; камеръ-фрау привозила на выборъ также множество драгоцѣнныхъ вещей.

Для параднаго выхода требовалось еще бо̀льшаго выбора, такъ что цѣлые фургоны нагружались ящиками, картонками и т. п.

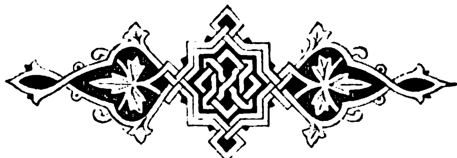
Послѣ большого выхода или обѣдни (это называлось: нарядная обѣдня), царская фамилія выходила на балконъ, выходящій въ верхній садъ на цвѣтникъ (гдѣ по вечерамъ играла музыка и собиралось большое общество); передъ балкономъ, на довольно большой площадкѣ производился разводъ. Публика самая изысканная, самая нарядная, наполняла этотъ цвѣтникъ. Благоуханіе огромной массы цвѣтовъ, изящные лѣтніе туалеты дамъ, дѣтей, кавалеровъ, блестящіе военные мундиры, молодость, красота, счастье и радость оживляли картину. Между публикой и царскими особами было что-то родное, близкое. Царская фамилія дѣлала публику участницею своихъ радостей и удовольствій, это чувствовалось всѣми и всѣ были счастливы при встрѣчѣ съ царскимъ семействомъ.

При разводахъ, государь, цесаревичъ и великіе князья находились на площадкѣ. Самъ государь, командуя разводомъ, отдавалъ честь императрицѣ; она, веселая, радостная, отвѣчала поклономъ, и все время, окруженная своими дѣтьми, любовалась на эту церемонію и благосклонно принимала почести. По удаленіи войска, когда публика могла приблизиться къ балкону, императрица, а за нею и великія княжны, любезно кланялись публикѣ, а со знакомыми милостиво и привѣтливо перекидывались нѣсколькими фразами. Затѣмъ, царская фамилія удалялась съ балкона, переходила въ залы, гдѣ былъ сервированъ большой завтракъ, послѣ котораго дамы смѣняли нарядный туалетъ на болѣе свободный. Обыкновенно къ этому времени подъѣзжали разные шарабаны, кабріолеты съ англійскою упряжью, съ жокеями и грумами. Царская фамилія размѣщалась въ эти экипажи; иногда государь и цесаревичъ сами правили. Весь кортежъ направлялся въ нижній садъ, гдѣ спускались всѣ фонтаны, и миріады брызгъ разсыпались и блестѣли на солнцѣ, какъ разноцвѣтные драгоцѣнные каменья. Тѣнистыя аллеи и влажный воздухъ умѣряли лѣтній полдневный зной. Черезъ часъ катающіеся возвращались въ Александрію.

Въ Петергофѣ, въ большомъ дворцѣ, ежедневно былъ приготовляемъ такъ называемый кавалерскій столъ, сюда приглашались придворные дамы и кавалеры обѣдать въ обществѣ своихъ сослуживцевъ.

А. Яковлева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПО КАКОМУ СЛУЧАЮ ПОСТРОЕНЪ ПѢВЧЕСКІЙ МОСТЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ЩЕ ЖИВЫ немногіе старожилы Петербурга, которымъ памятно то время, когда Пѣвческаго моста не существовало, и берега Мойки соединены были лодочнымъ перевозомъ,—съ одной стороны противъ зданія министерства иностранныхъ дѣлъ, съ другой же, противъ дома Рекетти, нынѣ Калугина, въ которомъ помѣщался, и помѣщается теперь, ресторанъ Донона,—но едва ли кому изъ этихъ старожиловъ, а тѣмъ болѣе изъ нашихъ современниковъ, извѣстно обстоятельство, послужившее поводомъ къ сооруженію Пѣвческаго моста. Обстоятельство это неразрывно связано съ воспоминаніемъ моимъ о графѣ Юріи Александровичѣ Головкинѣ, который и былъ главнымъ виновникомъ возникновенія моста, въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Мнѣ было тогда 30 лѣтъ, время счастливой поры моей жизни. Я служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и находился при графѣ Ю. А. Головкинѣ секретаремъ и корреспондентомъ Харьковскаго университета, котораго графъ былъ попечителемъ.

Графъ Ю. А. былъ типомъ русскаго вельможи, нынѣ уже исчезнувшимъ. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, членъ государственнаго совѣта, прямой потомокъ извѣстныхъ дѣятелей Петровскаго и Аннинскаго царствованій, онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Львовнѣ Нарышкиной. Отецъ его женился на швейцаркѣ, жилъ безвыѣздно за границей, и въ Россію не возвращался. Жена и дѣти его, не исключая и графа Юрію Александровича, были реформатскаго исповѣданія. Воспитаніе графа Ю. А. шло въ

либеральномъ направленіи энциклопедической философіи, родившей французскую революцію.

Не смотря на свое иностранное происхожденіе, графъ въ душѣ былъ русскій, любилъ Россію, и свой родной языкъ, хотя и не могъ свободно на немъ объясняться, впадая часто въ ошибки. Долговременное пребываніе за границею заставило его отвыкнуть отъ употребленія русскаго языка. Сознавая этотъ недостатокъ и желая правильно говорить порусски, онъ нуждался въ переводчикѣ, знающемъ хорошо русскій и французскій языки, почему и обратился къ канцлеру графу Нессельроде, прося рекомендовать ему чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, который бы при основательномъ знаніи русскаго языка, могъ объясняться и на другихъ языкахъ. Графъ указалъ на меня, и мнѣ удалось впослѣдствіи расположить къ себѣ графа Юрія Александровича.

Государственная дѣятельность графа мнѣ мало извѣстна и едва ли имѣетъ она за собою заслуги историческія. Изъ выдающихся фактовъ его служебнаго поприща, было чрезвычайное посольство его въ Китай въ 1805 году,—но миссія эта, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ. Съ тѣхъ поръ большею частію проживалъ онъ за границею, но тѣмъ не менѣе пользовался милостивымъ вниманіемъ императора Николая Павловича, чему и я былъ свидѣтелемъ.

По возвращеніи своемъ изъ-за границы, графъ удостоенъ былъ самаго милостиваго и ласковаго пріема,—государь немедленно сдѣлалъ его членомъ государственнаго совѣта, и, пособственному желанію графа, попечителемъ Харьковскаго университета. Въ Харьковскомъ уѣздѣ у графа было значительное имѣніе, Константиново, куда онъ уѣзжалъ ежегодно. Находясь при немъ, я вслѣдствіе этого получилъ званіе корреспондента университета.

Въ описываемое мною время, графъ, живя въ Петербургѣ, занималъ квартиру въ домѣ Рекетти, близь котораго находился лодочный перевозъ. Квартира его помѣщалась въ двухъ этажахъ, средній онъ занималъ самъ, а верхній предоставилъ чиновникамъ при немъ состоящимъ, и профессорамъ пріѣзжавшимъ по временамъ изъ Харькова.

Образъ жизни графа былъ скромный, хотя онъ имѣлъ состояніе, которое дозволяло ему жить гораздо шире, соотвѣтственно своему высокому положенію; одинокій вдовецъ, онъ былъ окруженъ только лицами при немъ служащими, и нѣкоторыми обычными посѣтителями, садившимися за его обѣденный столъ въ 5 часовъ.

Изъ лицъ болѣе близкихъ къ графу и мнѣ памятныхъ, назову двоюродного его внука, князя Юрія Николаевича Голицына, извѣстнаго, впослѣдствіи, своими музыкальными концертами, отца его князя Николая Борисовича и сестру его Татьяну Борисовну Потемкину. Изъ числа же по стороннихъ, почти ежедневнымъ посѣтителемъ обѣдовъ графа былъ Александръ Дмитріевичъ Крыловъ,

недавно умершій въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а въ то время не болѣе какъ студентъ Харьковскаго университета, пользовавшійся благосклонностію графа за свои успѣхи въ наукахъ.

Однажды, графъ обѣдалъ дома (о чемъ намъ объявлялось съ утра), и на этомъ обѣдѣ присутствовали: упомянутый мною А. Д. Крыловъ, профессоръ ботаники Коленнченко, секретарь графа, Роберти, и я.

Едва мы сѣли за столъ, какъ обѣдъ былъ прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ столовую вошелъ фельдъегерь отъ государя и передалъ графу приглашеніе немедленно пожаловать во дворецъ къ обѣду его величества. Графъ тотчасъ же всталъ изъ-за стола и, не переодѣваясь, поспѣшилъ отправиться во дворецъ, сказавъ намъ дружески:

— Messieurs, je vous souhais bon appetit.

Не прошло и пяти минутъ послѣ ухода графа, какъ мы услышали необыкновенный шумъ на улицѣ и крики:

— Утонулъ... утонулъ!..

Мы тотчасъ же бросились къ выходу и, выбѣжавъ на улицу, увидѣли, что толпа окружала пристань перевоза, а графъ стоялъ въ водѣ, покрывавшей его до плечъ; только благодаря своему огромному росту онъ не былъ залитъ ею совершенно. Оказалось, что входя торопливо въ лодку, графъ оступился и упалъ въ Мойку.

Мы бросились къ графу, но онъ уже выходилъ изъ воды безъ посторонней помощи. Мы хотѣли взять его подъ руку, но онъ быстро оправился и первыя его слова были:

— «Roberti! allez annoncer à l'Empereur ce qui vient m'arriver».

Вслѣдъ за тѣмъ графъ бодро сталъ подыматься по лѣстницѣ. Вода ручьями текла съ его платья.

Въ такомъ видѣ мы проводили его до дверей спальни, и онъ просилъ насъ возвратиться въ столовую и продолжать обѣдъ, прерванный такимъ необычайнымъ образомъ. Мы усѣлись снова. Прошло немного времени. Графъ, переодѣтый и веселый, сидѣлъ уже съ нами за столомъ; шутливое настроеніе хозяина производило на насъ чарующее вліяніе. Такъ прошло полчаса; между тѣмъ, Роберти еще не возвращался.

Вдругъ, въ смежной комнатѣ послышалось какое-то суетливое движеніе, затѣмъ быстро растворились двери и въ комнату вошелъ императоръ, безъ всякаго предупрежденія.

Впечатлѣніе этой минуты навсегда осталось въ моей памяти.

— Ты торопился ко мнѣ, и едва не утонулъ, — сказалъ государь, бросившемуся къ нему на встрѣчу Головкину; затѣмъ, не останавливаясь, прямо прошелъ въ слѣдующую комнату, направляясь въ кабинетъ графа.

Пребываніе государя и разговоръ въ кабинетѣ продолжались недолго, но мы, пораженные неожиданнымъ приходомъ императора, не скоро могли прійти въ себя. Но вотъ двери кабинета опять отворились; государь появился снова, и, провожаемый графомъ до подъѣзда, уѣхалъ обратно во дворецъ.

Прошло полстолѣтія; въ памяти моей едва сохранились образы и картины столь отдаленнаго времени, но величественная фигура императора Николая до сихъ поръ живо мнѣ представляется.

Проводивъ государя, графъ возвратился къ намъ и съ сіяющимъ лицомъ объявилъ торжественную новость.

— Господа,—сказалъ онъ,—государь удостоиваетъ меня необыкновенно высокаго счастія; онъ обѣщалъ завтра пожаловать ко мнѣ откушать, вмѣстѣ съ государыней императрицей.

При этомъ графъ повторилъ слова государя, какъ они были буквально ему сказаны:

— «Тебѣ надо посидѣть дня три дома. А чтобы тебѣ не было скучно, я пріѣду къ тебѣ обѣдать, вмѣстѣ съ императрицею, и привезу съ собою Нарышкиныхъ».

Нарышкины, какъ я уже сказалъ, были въ родствѣ съ Головкинымъ.

Эта неожиданная новость пробудила въ домѣ лихорадочную дѣятельность. — Все пришло въ движеніе, въ ожиданіи высокихъ гостей, времени же къ приготовленію было слишкомъ мало.

Какъ бы то ни было, на другой день, къ пяти часамъ мы завидѣли приближающіеся экипажи, и вскорѣ государь и государыня вступили въ подъѣздъ, встрѣчаемые графомъ Юріемъ Александровичемъ.

Прошло такъ много времени, что подробности пріема уже ускользаютъ изъ моей памяти, — и хотя съ годами она ослабѣла, но мнѣ еще ясно представляется моментъ, когда императоръ въ сопровожденіи Нарышкиныхъ проходилъ мимо насъ. Помнится такъ же, какъ толпа любопытныхъ окружала домъ, занимаемый графомъ, и какъ самъ оберъ-полицеймейстеръ (Кокошкинъ) прохаживался по тротуару набережной Мойки, ожидая выхода государя и государыни.

Честь сдѣланная графу Головкину выходила изъ ряда обыкновенныхъ, ибо хотя государь и обѣдалъ иногда у частныхъ лицъ, но едва ли вмѣстѣ съ государыней императрицей.

Когда уѣхали высокіе гости, графъ собралъ насъ вокругъ себя, и сообщилъ о новомъ доказательствѣ монаршаго къ нему благоволенія.

Во время обѣда, государь объявилъ непременную свою волю, чтобы на мѣстѣ, гдѣ случилось вчерашнее приключеніе съ графомъ, былъ выстроенъ каменный мостъ, въ предупрежденіе могущихъ повториться подобныхъ случаевъ.

Подробности постройки моста несомнѣнно хранятся въ архивахъ петербургской думы, и я не берусь ихъ описывать. — Но могу только прибавить, что мостъ этотъ былъ выстроенъ съ необыкновенною быстротою.

Разсказавъ необычайный случай, повлекшій за собою постройку Пѣвческаго моста, скажу кстати нѣсколько словъ и о личныхъ отношеніяхъ моихъ къ графу, составляющихъ самый счастливый періодъ моей жизни. Пользуясь безграничнымъ довѣріемъ его, я имѣлъ безчисленныя доказательства его сердечнаго ко мнѣ расположенія. Письма его, какъ драгоцѣнный залогъ дружескихъ ко мнѣ чувствъ, сохраняются у меня и понынѣ, — хотя они большею частію относятся ко времени его поѣздки въ Харьковскую губернію.

Всѣ денежныя операціи графа производились мною, и независимо отъ этого, въ знакъ особаго довѣрія ко мнѣ, графъ сдѣлалъ меня производителемъ дѣлъ опеки, учрежденной надъ имѣніями князя Юрія Николаевича Голицына, въ то время несовершеннолѣтняго. Опекунами же были: сенаторъ Лубяновскій, Александръ Васильевичъ Кочубей, и самъ графъ Юрій Александровичъ.

Эти отношенія неизмѣнно сохранялись, до самой кончины графа, послѣдовавшей въ бытность его въ Харьковской губерніи, въ имѣніи Константиново, въ 1844 году.

М. М. Михайловъ.

ПАВЕЛЪ КОНЮШКЕВИЧЪ, МИТРОПОЛИТЪ ТОБОЛЬСКІЙ И СИБИРСКІЙ.

АСКОЛЬКО разработана исторія знаменитаго ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича, противившагося отобранію крестьянъ отъ монастырей императрицею Екатериною II, настолько мало извѣстна личность собрата Арсенія — тобольскаго митрополита Павла Конюшкевича. Его доношеніе въ святѣйшій Сѵнодъ по дѣлу отобранія архіерейскихъ и монастырскихъ имѣній и крестьянъ въ казну до сихъ поръ ненапечатано и даже не имѣется и въ рукописяхъ.

Первымъ изслѣдователемъ личности Конюшкевича былъ нашъ маститый историкъ, графъ М. В. Толстой, напечатавшій свѣдѣнія объ этомъ митрополитѣ во 2-й книжкѣ «Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1869 г. Болѣе подробныхъ данныхъ, или какихъ либо новыхъ матеріаловъ о личности митрополита Павла, какъ намъ извѣстно, напечатано не было.

«Въ Кіево-Печерской лаврѣ,—говоритъ графъ Толстой,—въ соборной церкви Успенія изъ крайняго на южной сторонѣ придѣла св. архидіакона Стефана есть ходъ въ склепъ. Прежде было здѣсь много гробовъ, но теперь осталось только два: у самаго входа металлическій запаенный гробъ генералъ-фельдмаршала, гр. И. В. Гудовича, и въ глубинѣ склепа, у самой стѣны, гробъ Павла, митрополита тобольскаго. Митрополитъ Павелъ представляется какъ бы теперь только уснувшимъ: русые съ просѣдью волосы и борода, лицо спокойное съ закрытыми, нѣсколько впалыми очами, руки, сложенныя на персяхъ, митра и облаченіе, все вполнѣ со-

хранилось, хотя и прошло уже почти сто лѣтъ, какъ тѣло покоится въ гробѣ.

«Павелъ (въ мірѣ Петръ) Конюшкевичъ, родился въ 1705 г. въ Червоннорусскомъ городѣ Самборѣ, и происходилъ изъ сословія мѣщанъ. Поступилъ въ кіевскую академію и въ самое короткое время обратилъ на себя вниманіе начальства отличными успѣхами

Павелъ Конюшкевичъ, митрополитъ Тобольскій.

въ наукахъ и замѣчательною кротостію нрава. По окончаніи курса онъ былъ оставленъ при училищѣ въ должности преподавателя піитики. На двадцать восьмомъ году своего возраста, Конюшкевичъ принялъ монашескій постригъ въ Кіево-Печерской лаврѣ и 5-го декабря 1734 г. рукоположенъ былъ въ іеродіакона, а 1-го января 1740 — въ іеромонахи. Въ этомъ году, назначенный въ архимандриты, Тимоѳей Щербацкій долженъ былъ отправиться въ

С.-Петербургъ для представленія императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, а въ должность «шафара» дорожнаго или распорядителя по части экономіи назначенъ къ нему іеромонахъ Павелъ Конюшкевичъ. Изъ этого путешествія о. Павелъ уже не возвратился въ Кіевъ, но, по указу св. Сѵнода, назначенъ былъ 1741 г. въ Москву на должность проповѣдника при тамошней Славяно-Греко-Латинской академіи. Два года трудился Конюшкевичъ въ дѣлѣ проповѣдыванія слово Божія: постоянство въ занятіяхъ, строгость жизни и замѣчательный даръ въ сказываніи поученій, снискали ему благоволеніе св. Сѵнода, который указомъ 25-го іюня 1743 г. предписалъ новгородскому архіепископу Амвросію Юшкевичу предоставить отправляемому къ нему іеромонаху Павлу Конюшкевичу первое праздное архимандритское мѣсто, и въ слѣдующемъ же году, 18-го февраля, онъ произведенъ былъ въ архимандриты Новгородскаго Юрьева монастыря.

«Въ 1758 году, 5-го мая, архимандритъ Павелъ Конюшкевичъ рукоположенъ былъ въ санъ митрополита тобольскаго и сибирскаго. Онъ прибылъ въ Тобольскъ 20-го ноября того же года и переночевалъ въ Знаменскомъ. Назавтра утромъ пришелъ, не смотря на морозъ, въ лѣтнюю Преображенскую церковь. Туда прибыли соборный протоіерей со священниками. Преосвященный облачился и торжественно шелъ въ городъ. На Прямскомъ взвозѣ, въ городскихъ воротахъ, совершилъ молебенъ и пришелъ въ лѣтній Успенскій соборъ, гдѣ и совершилъ литургію. Заботясь о просвѣщеніи народа чрезъ пастырей церкви, святитель Павелъ прежде всего обратилъ особенную заботливость на усовершенствованіе семинаріи. Хотя она существовала въ Тобольскѣ уже двадцать лѣтъ, но классовъ въ ней было не много, и преосвященный іерархъ не замедлилъ открыть богословскій классъ, самъ непосредственно наблюдая за преподаваніемъ уроковъ. Первымъ учителемъ богословія, а вмѣстѣ и первымъ ректоромъ, опредѣленъ настоятель тобольскаго Знаменскаго монастыря, архимандритъ Михаилъ Миткевичъ. По штатамъ 1764 г. на содержаніе семинаріи съ 1765 г. начало отпускаться изъ казны по 490 р. въ годъ. Между тѣмъ ревностный архипастырь, въ ожиданіи этого пособія, просилъ прислать изъ Кіево-Печерской лавры трехъ монашествующихъ къ учительской должности въ образуемую имъ семинарію; вслѣдствіе чего высланы были туда въ январѣ 1764 г. два ученыхъ іеромонаха Савватій Исаевичъ и Веніаминъ Бялковскій. Не думалъ благочестивый архипастырь, чтобы одинъ изъ этихъ людей сдѣлался впослѣдствіи его предателемъ.

«Въ необъятной по пространству тобольской епархіи много было разныхъ заботъ святителю. Церкви, большею частію деревянныя, были слишкомъ рѣдки и часто подвергались пожарамъ; при митрополитѣ Павлѣ построено было 20 каменныхъ храмовъ въ Тоболь-

Митрополитъ Павелъ Конюшкевичъ въ гробу.
Съ фотографіи снятой въ 1869 году.

скѣ, другихъ городахъ и монастыряхъ и вновь открыто нѣсколько приходовъ въ селахъ и заводахъ, съ деревянными на первый разъ церквами. Положеніе духовенства всегда привлекало къ себѣ попечительность архипастыря: онъ былъ сострадателенъ къ нуждающимся, вдовамъ и сиротамъ, но весьма строгъ къ порочнымъ. За проступки и вины вызывалъ священно-и-церковно-служителей въ архіерейскій домъ и монастыри, приказывалъ употреблять ихъ въ черную работу и даже подвергалъ тѣлесному наказанію. Много хлопотъ причиняли раскольники. Около 1760 года старовѣровъ и раскольниковъ особенно много было въ Тюмени, Тарѣ, Екатеринбургѣ, Енисейскѣ и Томскѣ. Въ то время препираніе со старовѣрами не отличалось миролюбивымъ свойствомъ. Исторія безпристрастна, и потому нельзя не сказать, что вмѣсто того, чтобы отпадшихъ чадъ церкви привлекать кротостію и сострадательною бесѣдою, тогда, по духу времени, дѣйствовали строго. Это не погашало раскола, но еще болѣе разжигало. Самосожигательство раскольниковъ въ Сибири еще продолжалось, не смотря на распоряженія правительства въ 1753 году и строжайшую отвѣтственность начальниковъ.

«Въ 1764 году въ Сибири отобраны были отъ монастырей крестьяне и сдѣланъ разборъ монастырямъ. Суммы на содержаніе архіерейскаго дома и монастырей оказались здѣсь, какъ и повсюду, совершенно недостаточными. Сознавая, что многія обители иноческія, лишившись всѣхъ способовъ къ существованію, не могутъ уже служить разсадниками христіанской вѣры для дикихъ инородцевъ сибирскихъ, митрополитъ Павелъ обратился къ св. Сѵноду съ сильнымъ протестомъ. Въ 1767 году, онъ былъ призванъ на судъ св. Сѵнода. Въ то же время другъ святителя Павла, архимандритъ Московскаго Высоко-Петровскаго монастыря, Сильвестръ, увѣдомлялъ намѣстника Кіево-Печерской лавры Зосиму, отъ 18-го марта 1768 г., что архипастырь выѣхалъ уже изъ Тобольска и просилъ вмѣстѣ съ этимъ озаботиться приготовленіемъ для него келліи въ лаврѣ, ибо писалъ онъ: «Преосвященному Павлу въ Тобольскъ уже не возвращаться для многихъ причинъ, а вдобавокъ еще нашъ отецъ Савватій постарался оклеветать». Св. Сѵнодъ осудилъ митрополита Павла на лишеніе архіерейскаго сана [1]), но императрица Екатерина II не утвердила этого опредѣ-

[1]) Повѣствуютъ, что въ ночь наканунѣ сѵнодальнаго суда, подсудимый святитель явился во снѣ сѵнодальному члену, митрополиту Димитрію Сѣченову. Въ одной изъ статей «Странника», 1868 г. № 17, приведены и самыя слова, сказанныя святителемъ на латинскомъ языкѣ и будто бы переданныя уже въ наше время митрополитомъ Кіевскимъ Евгеніемъ, ректору полтавской семинаріи, архимандриту Мелетію. Вотъ эти грозныя слова: «Нѣкогда отцы наши, въ числѣ коихъ нѣкоторые святые, даровали церкви разныя земныя удобства и неприкосновенность тѣхъ пожертвованій утвердили заклятіями, и я, человѣкъ грѣшный, недостойный епископъ церкви Христовой, не своими, по истинѣ, устами, но устами отцовъ моихъ, предсказываю тебѣ, попечителю церковныхъ имуществъ, позорную и нечаянную смерть».

ленія, потому ли, что не хотѣла повторить надъ другимъ архипастыремъ той кары, которая пала на Мацѣевича, или, можетъ быть, потому, что тобольскій митрополитъ казался ей менѣе виновнымъ, нежели ростовскій. Какъ бы то ни было, но 4-го іюня послѣдовалъ высочайшій указъ объ увольненіи Конюшкевича отъ управленія епархіей, съ отсылкою въ Кіево-Печерскую лавру, куда и прибылъ онъ изъ Москвы въ августѣ того же года. При отъѣздѣ изъ Петербурга отдавали ему, по волѣ императрицы, какія-то деньги, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей; Павелъ не принялъ, говоря, что это огонь. Послали ихъ съ надежнымъ человѣкомъ, назначеннымъ для сопровожденія митрополита, въ Кіевъ. Тамъ намѣстникъ лавры предложилъ святителю: «Пріимите этотъ даръ, по крайней мѣрѣ, для святой лавры: мы устроимъ на нихъ что-либо богоугодное». Павелъ сказалъ:—«А що ты устроишь, отче, на сей огонь?» Намѣстникъ отвѣчалъ: «Мало ли нуждъ въ лаврѣ. Хорошо бы позолотить чрезъ огонь церковныя главы».—«Се добре»,—отвѣчалъ Павелъ. Деньги были приняты и употреблены на позолоту главъ великой церкви. Бывшему постриженнику лавры, возвратившемуся сюда знаменитымъ пастыремъ и страдальцемъ, были предоставлены для жительства намѣстничьи кельи, нарочно исправленныя для этого случая. Свободный отъ епархіальныхъ обязанностей, Павелъ вполнѣ предался иноческимъ подвигамъ, столь близкимъ и любезнымъ строгой и благочестивой душѣ его; часто совершалъ священнодѣйствіе, какъ въ лаврѣ, такъ и по другимъ церквамъ кіевскимъ, и 1770 г., 4-го ноября, скончалъ праведную жизнь свою и достигъ блаженнаго упокоенія. Останки его поставлены были въ томъ же простомъ гробѣ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы и теперь ихъ видимъ.

«Сохранилась собственноручная записка покойнаго митрополита кіевскаго, Евгенія Болховитинова, о явленіи ему митрополита Павла въ то время, когда устроенъ былъ новый склепъ подъ великою церковію лавры и приказано перенести туда, во вновь устроенныя могилы, всѣ гробы, какъ погребенные въ землѣ, такъ и поставленные въ склепѣ подъ соборомъ. «Сего 1827 г., іюня въ 12 день, доложили мнѣ,—пишетъ митрополитъ Евгеній [1]),—что въ усыпальницѣ подъ Стефановскимъ придѣломъ тѣло тобольскаго архіерея Павла, почивающее во гробѣ поверхъ земли и назначенное къ погребенію на новомъ мѣстѣ, оказалось нетлѣннымъ, почему и велѣлъ я оставить посмотрѣть мнѣ самому, но того дня не успѣлъ сдѣлать осмотра. Въ слѣдующую же ночь, когда я заснулъ, представилась мнѣ буря, колебавшая зданіе, отъ коей я проснулся и услышалъ, что по заламъ мѣрно и весьма твердо шествуетъ нѣкто въ мою спальню. Двери растворились и вошелъ

---

[1]) Авторъ словаря писателей духовнаго чина.

неизвѣстный мужъ свѣтомъ озаренный въ архіерейскомъ облаченіи съ гнѣвомъ на лицѣ. Приподнявшись на постелькѣ, я хотѣлъ встать и поклониться ему, но не могъ, потому что ноги и особенно колѣна у меня сильно задрожали. Явившійся сказалъ мнѣ: «Чи дасы намъ почываты, чи ни? Не дасы намъ почывати, не дамъ тебѣ и я николы почывати!» Затѣмъ онъ вышелъ мѣрными шагами изъ спальни. Наутро я пришелъ ко гробу архіерея, коего наканунѣ предположилъ осмотрѣть и, по снятіи крыши, увидѣлъ того самаго святителя Божія Павла, который явился мнѣ ночью и въ томъ же облаченіи. Со слезами лобызалъ я руки его, отслужилъ панихиду и велѣлъ оставить гробъ на прежнемъ мѣстѣ [1])». Святитель Павелъ былъ послѣднимъ митрополитомъ тобольскимъ. Преемникомъ его былъ епископъ Варлаамъ Петровъ, родной братъ новгородскаго митрополита Гавріила.

Въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры сохранился современный портретъ Павла (р. № 1); снимокъ же съ митрополита, лежащаго во гробѣ, сдѣланный чрезъ 100 лѣтъ послѣ его кончины, подаренъ мнѣ лично многоуважаемымъ графомъ М. В. Толстымъ, съ его своеручною надписью. Графъ удостоился получить его изъ рукъ покойной императрицы Маріи Александровны, съ которою онъ, въ концѣ 60-хъ годовъ, обозрѣвалъ древнія святыни Кіева, и по желанію которой былъ сдѣланъ этотъ снимокъ въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ.

А. Титовъ.

---

[1]) «Странникъ» передаетъ это видѣніе почти въ тѣхъ же словахъ, какъ разсказано митрополитомъ Евгеніемъ архимандриту Мелетію Носкову.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ ДНѢПРОВСКІЕ ПОРОГИ.

ЫЛО ЭТО три года тому назадъ. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть Днѣпръ отъ г. Екатеринослава и до г. Александровска съ цѣлью познакомиться съ его порогами, заборами, островами и балками. «Всего удобнѣе вамъ идти на плоту, хотя это далеко не безопасный способъ путешествія по Днѣпру», говорили мнѣ днѣпровскіе лоцманы, и я рѣшилъ идти на плоту. Плоты пускаются съ верховьевъ Днѣпра съ «горишними лоцманами» и идутъ безпрепятственно мимо Смоленска, Могилева, Кіева, но потомъ, на четыре версты ниже г. Екатеринослава, останавливаются у пристани Лоцманской Каменки, расположенной по правому берегу Днѣпра. Отсюда они уже идутъ большею частью съ «низовыми лоцманами». Низовые или вольные лоцманы живутъ въ с. Лоцманской Каменкѣ и за деньги нанимаются проводить суда черезъ всѣ пороги, почти до самаго г. Александровска, что составляетъ больше восьмидесяти верстъ по прямому направленію рѣки. По степени опытности и ловкости лоцманы дѣлятся на три класса, съ атаманомъ во главѣ въ каждомъ классѣ. Каждый лоцманъ за свою оплошность штрафуется собственнымъ атаманомъ. Большинство лоцмановъ — потомки запорожцевъ; они вполнѣ достойны своихъ предковъ «низовыхъ рыцарей». Про ихъ подвиги разсказываютъ часто чудеса. Объ одномъ лоцманѣ, жившемъ еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, говорятъ, что онъ за свою ловкость и умѣнье переправлять суда черезъ днѣпровскіе пороги получилъ отъ бывшаго въ то время министра путей сообщенія, графа Клейнмихеля, жалованный синяго сукна кафтанъ, съ серебряными кистями и обшивками. Это былъ Григорій Бойко. О другомъ лоцманѣ разсказываютъ, что онъ на своемъ вѣку спасъ

жизнь цѣлымъ сотнямъ людей, тонувшимъ на порогахъ. Это былъ Василій Крюкъ. Люди, видѣвшіе старыхъ лоцмановъ и знакомые съ молодыми, отзываются о тѣхъ и другихъ такимъ образомъ: «Старые лоцманы! То были молодцы! и по виду, и по удальству настоящіе запорожцы! Въ нашей памяти они и до сихъ поръ живутъ; имя ихъ свято чтится и понынѣ въ Каменкѣ. Теперь такихъ ужъ нѣтъ! Теперь лоцманы перевелись! Совсѣмъ перевелись! Чортъ знаетъ, что̀ стало, а не лоцманы!» Такъ отзываются о теперешнихъ лоцманахъ старые люди, а, между тѣмъ, меня поражали всегда и настоящіе лоцманы. Что за молодцы! Словно на подборъ подобраны! Какъ надѣнетъ это лоцманъ на себя широкіе шаровары синяго цвѣта, какъ опояшется широкимъ, краснымъ поясомъ, какъ закрутитъ свои роскошные, черные, какъ смоль, усы, да какъ выйдетъ «у недилю, або въ свято» на улицу, подопрется кулакомъ въ бокъ,— что за красавецъ! Но еще красивѣе онъ кажется на своей родной стихіи—на водѣ, во время переправы черезъ пороги барокъ и плотовъ. На плотъ лоцманъ идетъ за какой-нибудь сущій пустякъ, сравнительно съ опасностью, десять-пятнадцать рублей, да полведра или ведро горилки, и деньги беретъ лично не на себя, а на всю лоцманскую общину. Но черезъ пороги онъ пускается въ путь только при самой тихой погодѣ, когда, что называется, ничто и не шелохнетъ. Тутъ лоцманъ священнодѣйствуетъ. Тѣ, кому предстоитъ идти съ нимъ черезъ пороги, собираются въ назначенный день въ лоцманско-каменской пристани и, прежде всего, по командѣ лоцмана, садятся по мѣстамъ, «щобъ доброе сидало, а все зле шикало», а затѣмъ, по командѣ же лоцмана, поднимаются съ мѣстъ, обнажаютъ свои головы, молятся на востокъ и тогда уже рушаютъ въ путь.

— Скажи, добродію, страшно ли переправляться черезъ пороги?[1]).

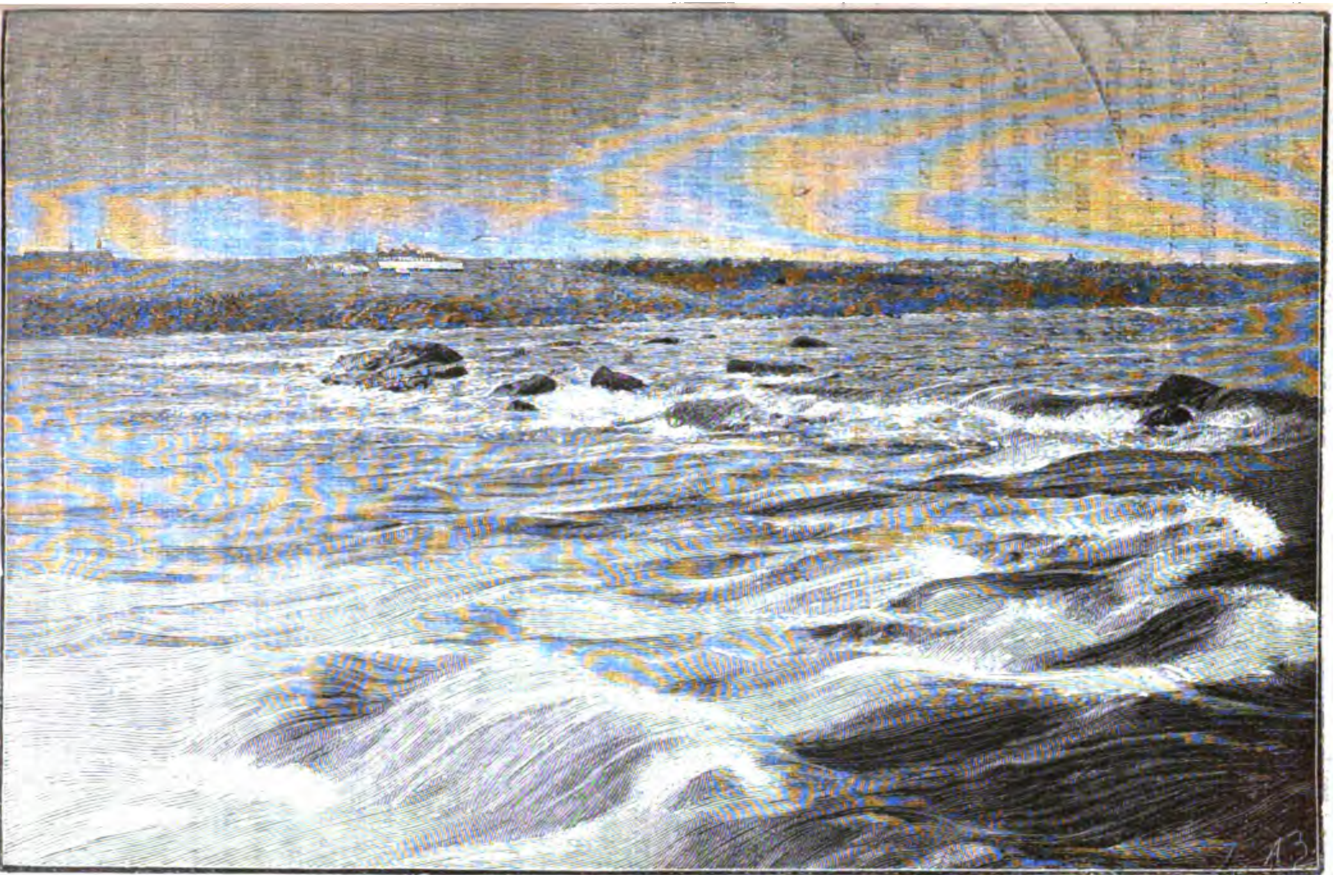
— Нисколько не страшно! Вотъ сколько я плаваю, сколько переправляюсь черезъ нихъ, а, все-таки, какъ видите, и до сихъ поръ и живъ, и здоровъ. Много разъ приходилось видѣть мнѣ и Кодацкій порогъ, и Лоханскій; много разъ приходилось хвать до слезъ и отъ Дида[2]), много разъ приходилось «водить старцивъ и по Вовниги»[3]), а вотъ и теперь, въ добрый часъ сказать, въ лихой помолчать, кое-какъ двигаюсь. Вы, вѣроятно, въ первый разъ идете черезъ пороги. Коли въ первый разъ, то я бы вамъ вотъ что посовѣтывалъ. Если нашъ плотъ будетъ разбитъ, чего со мной еще на всемъ моемъ вѣку не было, и отъ чего, конечно, боронь насъ, Боже, то вы осторожно спуститесь въ воду и одной рукой старайтесь

---

[1]) Для удобства пониманія, предлагаю всѣ разговоры съ лоцманами въ переводѣ съ малорусскаго.

[2]) Дидомъ лоцманы называютъ Ненасытецкій порогъ.

[3]) Образное выраженіе, употребляемое въ смыслѣ «кулякать».

Видъ Ненасытецкаго порога весной.

ухватиться за бортъ плота и такъ плывите по теченію рѣки, пока не встрѣтите болѣе надежнаго спасенія. Поняли?

— Какъ не понять? Понялъ.

— Такъ спасайтесь именно въ томъ случаѣ, когда позади вашего плота не будетъ другого. Въ противномъ случаѣ хватайтесь за первое попавшееся бревно и старайтесь на немъ держаться такъ, чтобы ваше лицо было не за водою, а противъ воды. Тутъ вотъ въ чемъ опасность: если вы пойдете лицомъ впередъ, то на васъ наскочитъ бревно отъ задняго разбитаго плота, смотри, зацѣпитъ васъ по головѣ, тогда вы уже и готовы: сейчасъ же и на дно опуститесь. Если же вы будете идти спиной впередъ, то можете видѣть, плыветъ бревно прямо на васъ или мимо васъ, тутъ вы можете или остаться въ томъ же положеніи, или своротить нѣсколько въ сторону. Вотъ такъ у насъ многіе спасаются. А въ старину, говорятъ, когда разбивало плотъ, еще и такъ спасались. Какъ только наскочитъ плотъ на скалу, такъ лоцманъ сейчасъ же въ воду; сядетъ на дно, да и сидитъ, пока проплывутъ всѣ бревна, а потомъ уже и вылазитъ изъ-подъ воды. Но то, вѣроятно, въ «дуже давню» старину было,—этого я самъ и не видѣлъ; да теперь у насъ никто и не отважится такъ дѣлать.

Съ такими предосторожностями я сѣлъ на плотъ и ввѣрилъ себя испытанному лоцману. Лоцманъ не заставилъ долго ждать себя. Онъ сталъ на передней части плота, снялъ съ себя шапку, перекрестился широкимъ крестомъ и подалъ знакъ плотовщикамъ-бѣлоруссамъ или, какъ ихъ называютъ малороссіяне, литвинамъ, чтобы они брались за стерно (руль).—«А ну, хлопцы, къ стерну!» Плотовщики выстроились по обѣ стороны стерна, въ двѣ линіи, одна противъ другой, и начали двигать имъ то въ одну, то въ другую сторону; плотъ, раскачиваясь по водѣ, медленно шелъ внизъ по направленію къ порогу. Чѣмъ ближе подходилъ къ порогу, тѣмъ сильнѣе раздавался шумъ воды въ моихъ ушахъ, и тѣмъ бо̀льшая опасность выростала передъ моими глазами. Прошла одна минута, и мы очутились въ самомъ порогѣ, носящемъ названіе Кодацкаго. Нашъ плотъ какъ-то особенно сильно качнуло и потомъ, съ быстротою молніи, пронесло по всѣмъ четыремъ лавамъ, или уступамъ порога... Не успѣли мы и очнуться, какъ уже были далеко ниже порога... Вслѣдъ за Кодацкимъ порогомъ мы прошли Сурской, потомъ Лоханскій, далѣе Звонецкій и, наконецъ, увидѣли порогъ Ненасытецкій, самый большой и самый страшный. Онъ тянется на протяженіи почти полуторы версты, а плотъ бѣжитъ черезъ него въ одну, только въ одну минуту. Вотъ порогъ, такъ порогъ! Что̀ передъ нимъ Кодацкій, Сурской, Лоханскій и Звонецкій?! Это всѣмъ порогамъ порогъ! Не даромъ лоцманы называютъ его Дидомъ, а крестьяне—Ненасытецомъ.

— Отчего онъ называется Ненасытецомъ?

— Оттого, что никакъ не насытится: все ѣстъ да ѣстъ, все лопаетъ, да лопаетъ, а никакъ не наѣстся и не налопается. И чего только онъ не поглотилъ? Какъ-то по Днѣпру плыла въ Херсонъ берлина со стекломъ и съ большимъ колоколомъ, да какъ наскочили на камень Чекуху, что посрединѣ Ненасытеца торчитъ, такъ люди не успѣли и осмотрѣться, какъ берлина уже разлетѣлась пополамъ, а стекло и колоколъ только загули на дно. Сейчасъ же все и пескомъ покрылось. Берлину гдѣ-то нашли и вытащили-таки изъ воды, а колоколъ и стекло и понынѣ на днѣ рѣки лежатъ.

— А людей много губитъ Ненасытецъ?

— Хи, и говорить нечего! Вотъ оборотитесь къ лѣвому-то берегу Днѣпра и посмотрите, сколько ихъ плаваетъ тамъ. За недѣлю передъ нашимъ выходомъ на Лоханскомъ порогѣ было разбито двѣнадцать плотовъ: наскочила, видите ли, такая полоса вѣтра, ну и пошло нанизывать плоты одинъ за другимъ на скалы, да такъ цѣлыхъ двѣнадцать и нанизало. И сколько народа тогда погибло! — Спасли только немногихъ, а большая часть вотъ и теперь плаваетъ. А плаваютъ они потому, что ихъ убирать не приказано. Уже осенью ихъ собираютъ въ одно мѣсто и хоронятъ.

Я оборотился и точно увидѣлъ нѣсколько плавающихъ труповъ. Вотъ одинъ зацѣпился за скалу ногами и болтался въ водѣ; онъ одѣтъ въ старую свиту, подпоясанъ краснымъ поясомъ, обутъ въ большіе сапоги; голова его разбита, ротъ открытъ, губы страшно распухли и между зубовъ выросла какая-то зеленая плесень. Какъ сейчасъ вижу его!.. Вотъ другой трупъ; онъ попалъ въ заливъ, между берегомъ и мысомъ, и вертится въ страшномъ водоворотѣ. Онъ плаваетъ вверхъ спиной, уже почернѣвшей отъ времени и покрытой множествомъ червей; руки его опущены внизъ и какъ будто схватываютъ кого-то въ свои страшныя объятія... И теперь безъ содроганія не могу вспомнить объ немъ... А вотъ женщина съ малюткой на груди, крѣпко прижавшимся къ ней,—это несчастная мать со своимъ малюткой-ребенкомъ!.. А вотъ два трупа вмѣстѣ—мужчина и обвившая его за шею рукой женщина. Должно быть, мужъ и жена!.. Но довольно! Такихъ утопленниковъ много можно видѣть на Днѣпрѣ, ниже его пороговъ, въ такъ называемомъ Великомъ Лугу, или большой плавнѣ, начинающейся непосредственно за островомъ Хортицей и идущей внизъ по-надъ лѣвымъ берегомъ рѣки, на протяженіи около сорока пяти верстъ. По разсказамъ весьма компетентнаго лица, въ Великомъ Лугу, послѣ полой воды, собирается до сорока и даже болѣе труповъ. Въ опредѣленное время эти трупы свозятъ въ одно мѣсто и хоронятъ въ общей могилѣ...

...Уже далеко не доходя Ненасытеца порога, слышенъ былъ страшный ревъ его. При одномъ взглядѣ на тотъ адъ, который кипѣлъ въ порогѣ, волосы на головѣ поднимались вверхъ. Лоцманъ

и двадцать плотовщиковъ-бѣлоруссовъ, еще не вступая въ самый порогъ, начали брать разныя мѣры предосторожности на случай несчастья. Всѣ посбрасывали съ себя лишнюю одежинку, всѣ поснимали съ ногъ сапоги, стали прощаться другъ съ другомъ и потомъ, опустившись на колѣни, всѣ стали креститься и читать вслухъ святыя молитвы. У нѣкоторыхъ навертывались слезы на глазахъ. Всѣ были блѣдны, всѣ какъ бы превратились въ застывшіе остовы; одинъ только лоцманъ выказывалъ полное спокойствіе. Сбросивъ съ ногъ сапоги и снявъ съ головы шапку, онъ остался босой въ шароварахъ синяго цвѣта, опоясанный краснымъ поясомъ, въ вышитой мережками сорочкѣ и съ полуоткрытой, выдавшейся впередъ грудью. Онъ стоялъ впереди всѣхъ, нѣсколько закинувъ назадъ голову и, молча, однимъ движеніемъ правой руки, показывалъ ходъ работавшимъ у стерна плотовщикамъ. И плотъ, гонимый неимовѣрно быстрымъ движеніемъ воды, мчался прямо по направленію средины порога. Но пока онъ приближался только къ порогу, опасности большой еще не было. Страшная минута настала собственно тогда, когда плотъ вошелъ въ самый порогъ. Тогда роль лоцмана, и безъ того великая, еще больше того выростаетъ: всѣ ждутъ отъ него или жизни или смерти. А онъ спокойно стоитъ впереди всѣхъ и спокойно помахиваетъ своимъ сжатымъ кулакомъ то въ одну, то въ другую сторону. Небольшой низовой вѣтерокъ широко раздуваетъ и безъ того широкіе шаровары его, да шевелитъ концами краснаго пояса, охватывающаго стройный станъ лоцмана. Онъ не слышитъ, кажется, ни того страшнаго шума, которымъ стонетъ грозный порогъ и отъ котораго на самомъ близкомъ разстояніи невозможно разслышать ни одного слова сосѣда, какъ бы громко ни силился онъ кричать. Онъ не видитъ, кажется, ни того великана-орла, который взобрался на самую вершину орлиной скалы Раковца, торчащей среди порога, и спокойно, убійственно спокойно смотритъ на несчастныхъ пловцовъ, осмѣлившихся ринуться въ самую пропасть страшнаго порога... То картина по истинѣ достойная кисти величайшаго въ мірѣ художника! Но вотъ мы очутились у самаго страшнаго мѣста Ненасытеца,—Пекла. Раздался ужасный трескъ, и нашъ плотъ, какъ бы схваченный желѣзными когтями какого-то чудовища, началъ погружаться въ воду. Онъ все ниже и ниже опускается, а вода на немъ все выше и выше прибываетъ... Вотъ она уже по косточки, потомъ по колѣни, потомъ и по поясъ. Сердце у меня сперва страшно застучало, а потомъ какъ бы совсѣмъ замерло: казалось, что его схватилъ кто въ стальные тиски и безжалостно вырываетъ изъ груди. Братцы, братцы, идемъ ко дну!.. Господи, прости мою казацкую душу! — отпусти ей тяжкіе грѣхи!.. Но тутъ плотъ нашъ, какъ бы толкнутый снизу цѣлымъ сонмомъ тѣхъ же адскихъ силъ, быстро поднялся вверхъ, принялъ свое естественное положеніе, и скоро мы

очутились далеко, далеко за порогомъ... Я оборотился назадъ и увидѣлъ лишь одни пѣнистые пузырьки отъ взволнованной на порогѣ воды; страшный ревъ его показался мнѣ тогда ревомъ разъяреннаго чудовища, стонавшаго при видѣ жертвы, вырвавшейся изъ алчной пасти.

«Ахъ ты, рѣчушка быстрàя, слава твоя дорогая!» грянули хоромъ бойкіе пловцы, за минуту передъ этимъ прощавшіеся и съ цѣлымъ свѣтомъ и съ собственною жизнью. И пѣсня ихъ широко лилась вдоль по шумному Днѣпру, отрадно отдаваясь въ сердцѣ того, кому дорогъ русскій человѣкъ, въ комъ острою болью отзываются его страданія и кто живою радостью откликается на его радость...

Способъ переправы черезъ пороги на плоту — безспорно самый опасный. Безопаснѣе всего плыть черезъ пороги на дубу,—это большая лодка на шесть, на восемь, иногда на двѣнадцать и больше гребцовъ, довольно высоко поднимающаяся надъ водой и по внѣшнему виду напоминающая запорожскую чайку.

Дубъ идетъ всегда въ каналъ порога, оттого онъ рѣдко рискуетъ разбиться о подводныя скалы рѣки. Можно даже вмѣсто дуба употреблять каюкъ, — это небольшая лодочка, могущая вмѣстить въ себя иногда до четырехъ человѣкъ, выдолбленная изъ цѣльнаго дерева съ пришитыми по краямъ ея двумя досками, въ видѣ бортовъ. Въ такихъ каюкахъ плаваютъ обыкновенно рыбаки, которые всего больше стараются держаться вблизи пороговъ, такъ какъ здѣсь ловится самая дорогая на Днѣпрѣ рыба: осетры и сомы. Однако, для того, чтобы владѣть каюкомъ, нужна большая снаровка и еще большая осторожность, особенно, близь Ненасытеца. «Ему никогда неможно вѣрить, потому что онъ, все равно, что пьяница: никому шляху не свернетъ; больше его никто тутъ ни плотовъ, ни дубовъ, ни каюковъ не бьетъ: уже если онъ не полопаетъ, такъ и некому лопать; на немъ всякое мѣсто, вѣроятно, сотня людей зарынà, да и будетъ таки сотня». Больше всего не любитъ «Дидъ» шутокъ, страшно не любитъ. «Какъ-то, разъ на спасовку, въ воскресенье, послѣ обѣда, какъ сейчасъ помню, вышелъ до праваго берега Днѣпра панокъ, — онъ жилъ тутъ въ Николаевской экономіи, — вышелъ, взялъ себѣ каючекъ, сѣлъ въ него и поплылъ по Днѣпру. Плыветъ и въ книгу смотритъ. Плылъ плылъ, да такъ и не замѣтилъ, какъ очутился на самой быстрѣ Днѣпра. А на быстрѣ держись, хлопче, хорошенько! Видитъ панокъ, что бѣда, схватился за весло, сюда-туда тѣмъ весломъ мотаетъ, но ничего не можетъ сдѣлать. Помчало его сердечнаго въ самый порогъ. Не долго плылъ онъ: наскочилъ каюкъ на камень, и панокъ только чабулокъ, да въ воду!.. Пошелъ на дно... А въ ту пору на Ненасытецѣ, между камнями, рыбаки поразставляли свои снасти для лова рыбы. Вотъ одинъ сидитъ за скелей и не видитъ

зарыто по балкамъ, да по островамъ Днѣпровскимъ! Не было имъ счастья на землѣ, да нѣтъ счастья и въ землѣ. Тогда они терпѣли отъ людей, а теперь отъ собакъ. Вотъ это захоронятъ кого-нибудь несчастнаго литвинка въ балкѣ, а собаки уже и тутъ: вынюхаютъ, гдѣ онъ лежитъ, да и давай «байдурить». Да такъ и «ухекаютъ» клятыя; остается одинъ только кожухъ, да голова качается, несчастная, по балкѣ!

— Страшны, братику, твои пороги!

— Страшны, паниченьку! А въ старину были еще страшнѣй. Еслибы вы посмотрѣли на нихъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, да еслибы вы послушали, что говорятъ объ нихъ наши дѣды, такъ теперешняя переправа черезъ нихъ показалась бы вамъ просто шуткой.

— Вѣрно, добродію, вѣрно! Скажи теперь мнѣ, отчего это вотъ та громадная скеля, которая стоитъ на правомъ берегу Днѣпра, немного пониже Пекла, называется Монастырько?

— Этого уже вамъ не докажу; отчего она называется Монастырько, Богъ ее святой знаетъ. Мы и родились, а она — Монастырько; мы и повыростали, а она — Монастырько; мы и поплыли по Днѣпру, а она все Монастырько да й Монастырько! Она у насъ извѣстна больше подъ названіемъ Царицыной скели. Разсказываютъ, что на этой скелѣ когда-то была царица Екатерина. Какъ взошла на нее, такъ и ахнула отъ удивленія: такъ-то тамъ хорошо. Царица захотѣла здѣсь отдохнуть. Тогда бросились на скалу лоцманы, которые плыли съ ней, выдолбили изъ камня столъ, скамью, тарелки, понанесли туда всякаго фрукта, и царица долго любовалась порогами, сидя за столомъ на скамьѣ. Потомъ, говорятъ, князь Потемка велѣлъ выбить ямки на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояла царица, чтобъ всѣ знали, что она тутъ когда-то была и любовалась со скели нашимъ «Дидомъ». Ямки эти и теперь видны; ихъ цѣлыхъ пять на Монастырькѣ.

Скоро мы оставили Ненасытецкій порогъ, потомъ спустились черезъ Волниговскій («Внукъ-порогъ»), оставили за собой Будиловскій и, наконецъ, очутились около Лишняго порога. Тутъ я распростился съ лоцманомъ, оставилъ плотъ, и передалъ себя вольнымъ лодочникамъ, которые давно уже слѣдовали за мной.

— А что, хлопцы, бывали на Лишнемъ порогѣ?

— Овва! Еще бъ таки! Бывали и на Лишнемъ, бывали и на Вильномъ, да бывали, коли хотите, и на Гадючьемъ [1], — отвѣтилъ мнѣ старшій изъ лодочниковъ, Иванъ Чавуленко, крестьянинъ села Петровскаго, Александровскаго уѣзда. И нельзя было не вѣрить ему: уже съ перваго взгляда казалось, что то былъ человѣкъ отважный, много испытавшій и много видѣвшій на своемъ вѣку. Вы-

---

[1]) Своего рода острота: Вильный порогъ, по мѣстному, называется еще Гадючьимъ.

сокаго роста, стройный, съ тонкими чертами лица, съ длинными, но рѣдкими рыжеватыми усами, съ маленькими, но смѣлыми, выразительными глазами, этотъ человѣкъ казался воплощенной энергіей и мужествомъ. Любо было посмотрѣть на него, когда своею небольшою, но сильною, мускулистою рукой, взялся онъ за длинное весло, выставилъ впередъ свою высокую, полураскрытую грудь, съ нѣкоторою гордостью сталъ повѣствовать о своихъ приключеніяхъ на Днѣпрѣ, во время частыхъ плаваній по немъ.

Скала Монастырько (Царицына скала) на Ненасытецѣ.

— Такъ бывалъ ты и на Лишнемъ, и на Вильномъ, и на Гадючьемъ?

— Бывалъ, да еще и не разъ! Да что мнѣ Вильный, какъ я и Дида видѣлъ? Разъ какъ-то, ночью, плылъ я черезъ него въ каюкѣ, а ночь была темная-претемная, хоть въ глазъ коли. Разогналъ я свой каюкъ, перекрестился, да и пустился на волю Божію черезъ порогъ... Такъ онъ, какъ стрѣла! Только что выскочилъ я до Чекухи, скели, что̀ близъ Пекла торчитъ, тутъ какъ торохнется мой каюкъ объ ту скелю, такъ я, вѣроятно, аршина на два такъ и под-

скочилъ вверхъ, потомъ перекинулся внизъ головою, да опять-таки попалъ въ каюкъ, да и выплылъ изъ порога... А то какъ-то шелъ я на плоту черезъ Вовнигу. Уже миновали мы Коростеву забору, уже стали «наближаться» до самаго порога. Только дошли до первой лавы, тутъ вдругъ какъ потянуло насъ, какъ понесло, да прямо на скелю Грозу. Какъ начала жъ та Гроза «шипàть» нашъ плотъ, такъ и теперь страшно вспомнить. Смотрю уже одинъ литвинокъ шелеснулся въ Днѣпръ... Только вода покраснѣла... За нимъ другой, тамъ третій... Вижу, что лихо, давай спасаться. Мигомъ и самъ не замѣтилъ, какъ и петельки порвалъ въ сорочкѣ, какъ и штаны съ себя схватилъ; бросился скорѣй въ воду, схватился за дубъ, да и пошелъ черезъ порогъ. И таки, слава Богу, выплылъ; только пришелъ въ рыбальню голый, совсѣмъ голый, какъ мать на свѣтъ народила.

— Теперь вижу, что ты бывалъ на порогахъ. Теперь попробуй еще и со мной побывать!

— Отчего же не такъ? Готовъ попробовать и съ вами.

Скоро мы снарядили свою лодку, уложили въ нее всю движимость, заняли на ней свои мѣста и направились внизъ по Днѣпру, къ Лишнему порогу. Было около полудня, когда мы добрались до самаго порога. Въ тотъ день, съ утра стояла превосходная погода, но теперь вдругъ въ воздухѣ похолодѣло, подулъ сильный вѣтеръ, и весь Днѣпръ страшно заколыхался. Въ такую погоду плыть черезъ порогъ совсѣмъ было опасно.

— Паничу!

— А что, Иване?

— Видите ли, какая буря поднимается?

— Вижу, а что же изъ этого?

— А то, коли бъ вы страху не набрались.

— Ажъ ничошенько!

— Оно-то такъ, а все же осторожность не мѣшаетъ: вы бы легли въ лодку, то мы бы васъ такъ и переправили черезъ порогъ.

— И что это ты разсказываешь мнѣ? Да это одинъ срамъ и больше ничего. Развѣ жъ таки можно, чтобы вы меня лежачаго, точно какую-нибудь безрогую скотину, переправляли черезъ порогъ? Да я, коли хочешь, то еще и вотъ что сдѣлаю: выну изъ кармана часы, да буду смотрѣть, скоро ли мы перебѣжимъ черезъ порогъ.

— Смотрите, какъ лучше!

— Да ужъ я самъ знаю, какъ мнѣ лучше!

— Ну, хоть вы и знаете, а, все-таки, вотъ что я вамъ посовѣтую: сядьте вы такимъ образомъ, чтобы вамъ волна была не въ лицо, а въ спину; тогда хоть и черезъ голову будетъ плескаться вода, а вы сидите себѣ смирно и ничего не бойтесь: мы уже васъ

вынесемъ. Одного только и остерегайтесь, чтобъ волна не ударила васъ въ лицо, тогда вы можете упасть навзничь въ воду и, боронь Боже, затонуть.

— Добре, это я готовъ сдѣлать.

И такъ я усѣлся. Лѣвой рукой взялся за бортъ лодки, а въ правую взялъ раскрытые часы, чтобы видѣть, сколько минутъ мы будемъ бѣжать черезъ порогъ. Но не прошло, кажется, и секунды, какъ лодка наша уже очутилась въ устьѣ канала.

— Хлопцы, смотрите у меня въ оба! Слышите!

— Слышимъ! Слышимъ!

— Господи, благослови! Дай, Боже, часъ добрый!

Всѣ поснимали шапки, перекрестились и ринулись въ каналъ.

А, между тѣмъ, погода была, по истинѣ, ужасная. Вода въ порогѣ такъ высоко вздымалась, точно она готовилась вырваться изъ гранитныхъ тисковъ рѣки и быстрымъ потокомъ разлиться по всѣмъ окрестностямъ Днѣпра. Чѣмъ ниже спускалась наша лодка, тѣмъ выше поднимались противъ насъ волны. Но вотъ мы очутились въ самой серединѣ канала. Тутъ лодка наша вдругъ сильно качнулась и приняла почти вертикальное положеніе. Признаюсь, холодъ пробѣжалъ по всѣмъ жиламъ моего тѣла... Но въ этотъ моментъ два дюжихъ лодочника налегли на корму лодки, и она приняла свое естественное положеніе, хотя поминутно, то опускалась на переднюю, то садилась на заднюю сторону. Мы готовы уже были выскочить изъ канала, какъ вдругъ на насъ налетѣлъ боковой вѣтеръ! Онъ поднялъ вверхъ огромный валъ бѣлой рѣчной пѣны и съ страшной силой ударился о правый бокъ нашей лодки. Вода хлестнула мнѣ въ лицо, наполнила собой половину лодки. «Хлопцы, налегай на лѣвый бортъ лодки! А ну, крѣпче! Подъ скелю! Держите подъ скелю! Ахъ, Господи, и откуда берется такая сила въ этомъ вѣтрѣ?»

— Ну, слава тебѣ, Боже,—выскочили счастливо!—въ одинъ голосъ воскликнули мои спутники.

— Слава тебѣ, Боже, невольно вырвалось и у меня восклицаніе. Богъ-таки милостивъ къ намъ.

И въ самомъ дѣлѣ, добрый геній хранилъ насъ и на этотъ разъ: прошло ровно полминуты съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ Лишній порогъ, а мы уже далеко оставили за собой его каналъ, протянувшійся почти на полверсты въ длину. Однако, долго еще волновалась надъ рѣкой разнузданная стихія, и долго сидѣли мы подъ гранитной скалой, и долго слышали мы дикія завыванія вѣтра, угрожающій плескъ воды и жалобный шелестъ листьевъ дубовъ, стоявшихъ здѣсь у лѣваго берега Днѣпра. Но странно, прислушиваясь къ ропоту волнъ и къ говору высокаго лѣса, я слышалъ въ нихъ не диссонансъ, а полное гармоническое едино...

— А что, хлопцы, давно видѣли вы такую хуртовину на Днѣпрѣ.

— Да-таки давненько, бо такая година не часто на немъ бываетъ.

— Теперь, казаки, можно гдѣ-нибудь и переночевать, да, кстати и оковитои (изъ aqua vitae, вода жизни, горилка) попробовать, а то какъ будто что-то холодитъ.

— Да гдѣ же тутъ переночевать, какъ не въ Чортовой хатѣ?

— Что жъ то за Чортова хата?

— Пещера такая, пониже Лантуховскаго острова, въ балкѣ Вильной.

— Вотъ оно что! Такъ ступайте до пещеры; найкраще этого и выдумать ничего нельзя.

Проплывъ мимо нѣсколькихъ острововъ, камней, заборъ и балокъ, мы, наконецъ, круто поворотили къ лѣвому берегу Днѣпра и вошли въ устье балки Вильной. Поднявшись версты на двѣ въ балкѣ вверхъ, мы очутились у самой пещеры, находящейся въ возвышенномъ берегу ея. Пещера оказалась чѣмъ-то въ родѣ углубленія, сдѣланнаго самой природой въ скалистомъ берегу балки, съ большимъ навѣсомъ, немного выдавшимся впередъ. Длина ея около четырехъ саженъ, ширина около двухъ саженъ, высота до двухъ аршинъ, отчего въ пещерѣ можно стоять только согнувшись. Въ общемъ, она похожа на простую малорусскую печь съ большимъ устьемъ, въ видѣ входа въ нее. Своды пещеры оказались закопченными дымомъ, а сплошное каменистое дно оказалось засыпаннымъ пескомъ и золой. Въ этой-то пещерѣ мы и расположились на ночлегъ, выгорнувъ руками предварительно изъ нея песокъ и золу. Не мягко было наше ложе, но утомленные продолжительнымъ плаваніемъ по Днѣпру, подкрѣпленные, какою Богъ послалъ, пищею и согрѣтые «доброю оковитою», мы заснули на немъ крѣпкимъ и безмятежнымъ сномъ, подъ шумъ высокаго лѣса, которымъ покрыта вершина балки, и подъ свистъ вѣтра, гулявшаго въ ту ночь по вершинамъ деревьевъ.

Д. И. Эварницкій.

ШУТЫ И СКОМОРОХИ ВЪ ДРЕВНОСТИ И ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.[1]

СМѢХЪ и удовольствіе, доставляемое имъ», — сказалъ одинъ изъ философовъ прошлаго вѣка, — «принадлежатъ къ числу весьма существенныхъ духовныхъ потребностей человѣка». Это несомнѣнно-вѣрное замѣчаніе находитъ себѣ подтвержденіе во всей исторіи человѣчества, начиная отъ древнѣйшихъ временъ и до новѣйшихъ. Человѣкъ, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ свѣта, искалъ развлеченія, искалъ возможности забыть о печаляхъ и невзгодахъ своего существованія; а такъ какъ онъ не всегда находилъ въ себѣ достаточный запасъ собственной веселости, то и весьма естественно долженъ былъ прибѣгать въ этомъ отношеніи къ посторонней помощи. Вотъ почему мы видимъ, и въ древности, и въ средніе вѣка, и въ частномъ быту, и при дворахъ владѣтельныхъ князей, и за монастырской стѣною, и на площади, среди образованнѣйшихъ европейскихъ народовъ, какъ и въ средѣ полудикихъ племенъ Африки и Востока, — всюду встрѣчаемъ лица, на обязанности которыхъ лежало увеселеніе всѣхъ, кому жизнь представлялась или грустною, или слишкомъ однообразной. Изъ глубокой древно-

---

[1]) Статья, предлагаемая нами, въ бо́льшей своей части, составлена по книгѣ Газо́ (M. A. Gazeau. Les fous et les bouffons. Paris. 1882). Изъ той же книги заимствованы и многіе рисунки. Но нѣкоторыя главы пополнены по рукописному запасу свѣдѣній о шутахъ и скоморохахъ, собранному нами лично въ Парижскихъ библіотекахъ. Сверхъ того, въ концѣ нашего очерка, въ особой главѣ, собраны всѣ доселѣ извѣстныя свѣдѣнія о русскихъ шутахъ и скоморохахъ, отъ древнѣйшей эпохи до половины XVIII вѣка. П. П.

сти и до ближайшаго къ намъ времени, тянется рядъ этихъ людей, «веселыхъ по обязанности», и принимавшихъ на себя трудъ— забавлять и смѣшить своихъ современниковъ, или — развлекать своихъ грозныхъ властелиновъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже значительно съумѣли возвыситься въ своемъ положеніи и принять на себя исполненіе гораздо болѣе важной роли: пользуясь безнаказанностью шутовства, они высказывали сильнымъ міра горькія истины, а иногда и вѣнценосцамъ давали добрые совѣты или сообщали о бѣдствіяхъ народа... Имѣя право все говорить и обо всемъ высказывать свое мнѣніе, придворные шуты не только пользовались этимъ правомъ, но даже имъ злоупотребляли, облекая правду въ форму вымысла или мудреной, игривой притчи. И случалось нерѣдко, что сильные міра только этимъ путемъ получали возможность узнать правду, которая не находила себѣ къ нимъ никакого иного доступа. Немудрено, что такого рода подвиги, поражавшіе современниковъ, иногда побуждали ихъ преувеличивать значеніе шутовъ и приписывать имъ такія достоинства, которыми тѣ никогда не обладали. Нѣкоторые изъ шутовъ послужили даже для поэтовъ образцами для художественнаго воспроизведенія характеровъ и перешли въ потомство въ томъ лучезарномъ вѣнцѣ, которымъ надѣлилъ ихъ геній. Таковы шуты Шекспира и тотъ знаменитый Трибулэ, котораго Викторъ Гюго вплелъ такъ искусно въ основу одной изъ лучшихъ своихъ драмъ. Нужно-ли добавлять здѣсь, что характеръ шута, созданный богатымъ воображеніемъ Виктора Гюго, ничего не имѣетъ и не можетъ имѣть общаго съ характеромъ историческаго Трибулэ? Шуты, на всѣхъ ступеняхъ своего ремесла, не поднимались до такой высоты, не выказывали такой силы нравственной. Но достаточно уже и того, что они хоть изрѣдка, хотя ненарокомъ и случайно, становились на сторону здраваго смысла или принимали на себя защиту праваго дѣла, чтобы исторія оцѣнила ихъ заслуги и не отказалась сохранить ихъ имя для потомства. И мы, въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ любопытной исторіи шутовства въ Европѣ, перебирая всѣ сословія «веселыхъ людей», начиная отъ площадного скомороха и оканчивая придворнымъ шутомъ, должны будемъ, конечно, подробнѣе говорить о послѣднемъ разрядѣ, такъ какъ ему и въ исторіи европейскаго общества отведено болѣе видное, болѣе почетное мѣсто. Въ нашъ вѣкъ шуты и скоморохи не составляютъ уже отдѣльнаго сословія; но шутовство и скоморошество не исчезло безслѣдно: оно только переродилось въ такое множество новыхъ видовъ и формъ, что ихъ едва ли съумѣетъ уловить исторія... если даже и удостоитъ ихъ когда-нибудь безпристрастнаго вниманія.

I.

Значеніе и происхожденіе слова буффъ, буффонъ (шутъ). — Домашніе шуты въ древности. — Шуты застольные. — Паразиты, исполнявшіе роль шутовъ. — Aretalogi. — Шутовство въ средѣ стоиковъ и циниковъ. — Скоморохи. — Эзопъ.

Въ одномъ изъ французскихъ объяснительныхъ словарей XVII вѣка слово—буффонъ, буффъ объясняется слѣдующимъ образомъ: ...«такъ называютъ каждаго актера или шутника, который потѣшаетъ публику своими смѣшными выходками, съ цѣлью пріобрѣтенья денегъ. То же названіе примѣняется и ко всѣмъ людямъ, любящимъ смѣяться и увлекающимъ другихъ своею веселостью къ смѣху и шуткамъ. Такая веселость и умѣнье пошутить кстати»,— замѣчаетъ составитель словаря, — «представляетъ собою качество, во многихъ отношеніяхъ весьма цѣнное».

Тотъ же ученый авторъ толковаго словаря производитъ слово буффонъ, буффъ (bouffon) отъ собственнаго имени какого-то аттическаго жреца, будто бы установившаго шутовскіе обряды, совершавшіеся при ежегодныхъ жертвоприношеніяхъ Зевсу-Градохранителю. Но эту странную этимологію слова отвергалъ уже и Вольтеръ, и совершенно вѣрно производилъ французское bouffon отъ средне-вѣковаго латинскаго слова buffo. Такъ назывался скоморохъ, выходившій на сцену съ раздутыми щеками, на которыхъ особенно звонко отдавались наносимые ему оплеухи. Вѣроятно, отсюда самый глаголъ bouffer получалъ въ прежнее время значеніе: надувать, набирать въ себя воздухъ, раздуваться. Литтрэ замѣчаетъ, что и теперь еще существуетъ во французскомъ языкѣ близкое къ этому значенію слово bouffer — обозначающее тоже, что русскій глаголъ надуться, въ смыслѣ прогнѣваться на кого-нибудь, питать къ кому-нибудь невысказываемое нерасположеніе [1]).

Шутовство было между людьми явленіемъ весьма обычнымъ, начиная отъ глубочайшей древности. Знаменитый ученый XVI вѣка, Эразмъ, въ своемъ «Похвальномъ словѣ Глупости», утверждаетъ даже, что и между богами Олимпа шутовство уже играло не послѣднюю роль. Такимъ шутовствомъ представляются ему и продѣлки Меркурія, и неуклюжія ухаживанья Вулкана, и пляски Силена, и пѣсни Пана, «предпочитаемыя гармоническому пѣнію музъ, въ особенности когда нектаръ отуманитъ головы боговъ, пирующихъ на Олимпѣ».

---

[1]) По сравненію съ французскимъ (вѣрнѣе съ романскимъ) словомъ буффонъ, буффъ, наше слово шутъ чрезвычайно любопытно. Въ народномъ говорѣ шутъ очень часто замѣняетъ слово чортъ (шутъ его знаетъ! — шутъ его побери); ясно, что и въ народномъ сознаніи продѣлки и выходки шута представлялись чѣмъ-то имѣющимъ связь съ бѣсовщиной.

И въ древности точно такъ же, какъ въ наше время (гордое своею гуманностью и успѣхами цивилизаціи) сильный былъ не прочь поглумиться надъ слабымъ, а богатый — повеселиться на счетъ своего бѣднаго собрата. И вотъ мы видимъ, что, уже въ незапамятныя времена, богатые и сильные міра даютъ у себя пріютъ разнымъ голякамъ, нерѣдко уродливымъ и безобразнымъ отъ природы, иногда даже просто полоумнымъ—и содержатъ ихъ для своей потѣхи или въ «угоду богамъ», такъ какъ во всѣ времена люди, необладавшіе полнымъ разсудкомъ, считались поставленными подъ особое покровительство божества. Ихъ словамъ, ихъ дѣяніямъ приписывалась особая сила и значеніе, и отрывочныя, безсмысленныя рѣчи ихъ принимаются нерѣдко за изреченія оракула. Такъ точно смотрѣлъ всегда, и доселѣ еще смотритъ простой народъ на юродивыхъ, такъ продолжали смотрѣть на убогаго, богомъ обиженнаго человѣка не только въ теченіе среднихъ вѣковъ, но и въ эпоху Возрожденія. Мы видимъ, напримѣръ, у Рабелэ, что когда Панургъ собирается жениться, и старается разузнать, будетъ ли онъ счастливъ въ супружествѣ, то авторъ заставляетъ его сначала обратиться за совѣтомъ ко всякимъ колдуньямъ, монахамъ, богословамъ, медикамъ и юристамъ, наконецъ, даже къ высокоименитому философу Труйлогану; но въ ихъ отвѣтахъ и указаніяхъ Панургъ не находитъ разрѣшенія своихъ сомнѣній... Тогда Пантагрюэль совѣтуетъ ему обратиться за совѣтомъ къ дураку. «Слыхалъ я не разъ», говоритъ Панургу Пантагрюэль, извѣстную народную поговорку, что «дуракъ умнаго научитъ». Такъ какъ вы не довольны отвѣтами умныхъ, посовѣтуйтесь съ дуракомъ».

Шутъ (рисунокъ Гольбейна). Изъ книги Эразма «Похвала глупости».

Обычай содержать у себя дома шутовъ и уродовъ ведетъ свое начало изъ глубокой древности: мы видимъ его и въ Азіи, у персовъ (въ Сузѣ и Экбатанѣ), и въ Египтѣ. На весьма древнихъ фрескахъ, украшающихъ гробницы египетскихъ царей, мы уже встрѣчаемъ изображенія богатыхъ египтянъ, окруженныхъ свитою людей уродливыхъ или шутовски-переряженныхъ. Съ Востока обычай перешелъ въ Грецію; а оттуда—въ Римъ. Шуты особенно любили потѣшать гостей своимъ весельемъ во время пировъ. Пиръ почитался неполнымъ, если не было на пиру какого-нибудь шутника-разсказчика, какого-нибудь балагура, способнаго разсмѣшить всѣхъ собесѣдниковъ. Вслѣдъ за плясунами, фокусниками, учеными обезьянами, акробатками и эквилибристами, являлись шуты, которымъ придавалось даже особое названіе «смѣхотворовъ» (гелатопойи).

Эразмъ, въ томъ же «Похвальномъ словѣ Глупости», описывая намъ обычаи своего времени, большею частью заимствованные у древнихъ, называетъ невыносимо-скучнымъ тотъ пиръ, на которомъ не присутствуетъ «Глупость» и не проявляется въ лицѣ одного изъ собесѣдниковъ, который бы способенъ былъ смѣшить присутствующихъ своими шутками и дурачествами. Онъ даже совѣтуетъ, за неимѣніемъ такого веселаго собесѣдника, приглашать на пиръ наемнаго шута или хоть какого-нибудь смѣшного паразита,

Шутъ (по рисунку Гольціуса).

которые бы могли потѣшать пирующихъ своими выходками, далеко отгонять отъ нихъ грустныя думы и тягостное молчаніе.

Древніе отлично понимали эту необходимость смѣха на пирахъ, и богатые римляне всегда прилагали заботу о томъ, чтобы за ихъ столомъ былъ хоть одинъ веселый собесѣдникъ. Въ качествѣ такихъ «веселыхъ собесѣдниковъ» за столомъ богатыхъ чаще всего являлись паразиты. Удивительна судьба этого слова! Первоначально, это названіе примѣнялось непосредственно къ тѣмъ жрецамъ, которые принимали участіе въ священныхъ пиршествахъ при храмахъ; затѣмъ, паразитами, въ нѣкоторыхъ греческихъ городахъ, называли гостей, обязательно приглашаемыхъ къ столу глав-

ныхъ правителей города. И только уже въ римской жизни, воспринявшей вмѣстѣ съ греческими нравами и греческую образованность, слово паразитъ получило значеніе дармоѣда и лизоблюда, который платилъ за гостепріимство хозяина то шутовствомъ, то остроуміемъ, то выносливостью по отношенію къ сыпавшимся на него оскорбленіямъ. Луканъ (философъ-скептикъ II вѣка по Р. X.) оставилъ намъ въ своемъ «Паразитѣ» чрезвычайно тонкую характеристику этой жалкой и ничтожной породы людей. По его словамъ: ...«паразитъ, не справляясь съ философскими вопросами, до которыхъ ему нѣтъ никакого дѣла, не заботясь о томъ, кто управляетъ міромъ, ибо онъ и къ этому равнодушенъ, предполагая, что все на бѣломъ свѣтѣ идетъ отлично, и едва ли можетъ идти лучше,— пьетъ, ѣстъ и веселится, спокойно наслаждаясь прелестями жизни. Его даже и ночью не тревожатъ никакія дурныя сновидѣнія; онъ весь день живетъ безъ заботы—что̀ же можетъ тревожить его спокойный сонъ»?..

Во времена упадка римской имперіи, шуты и паразиты, за столомъ знатныхъ и богачей, нерѣдко замѣнялись философами. Этотъ мнимый мудрецъ выступалъ подъ мудренымъ названіемъ ареталога (aretalogus). Такъ назывался особый разрядъ скомороховъ, которые, являясь на римскихъ пирахъ, потѣшали присутствующихъ длинными рѣчами, представлявшими пеструю смѣсь философскихъ сентенцій и плоскихъ шутокъ. Светоній, въ своемъ «Жизнеописаніи Августа», говоритъ, что и этотъ императоръ не пренебрегалъ ареталогами на своихъ пирахъ, и Форчеллини, поясняя въ своемъ словарѣ этотъ терминъ, говоритъ, между прочимъ, что ареталоги потѣшали гостей на пирахъ шутливыми разсужденіями на тему соотношенія между порокомъ и добродѣтелью.

«Отъ великаго до смѣшного» и теперь, и всегда—былъ только одинъ шагъ. И если ужъ самъ Цицеронъ, въ одной изъ своихъ рѣчей (pro Murena) рѣшился осмѣять стоиковъ и выставить ихъ ученіе въ смѣшномъ видѣ, то удивляться ли тому, что нѣкоторыя философскія ученія, слишкомъ рѣзко противорѣчившія общему духу и настроенію времени, представлялись въ эпоху Цезаря смѣшными и давали поводъ къ грубому глумленію надъ самою основою ученія и надъ его нравственными идеалами? Смѣшонъ былъ стоикъ, пренебрегавшій земными благами, среди тѣхъ, кто только этими благами и цѣнилъ жизнь! Смѣшонъ, жалокъ и каррикатуренъ былъ циникъ, проповѣдовавшій противъ роскоши на пирахъ Лукулла «средь розъ, красотъ и ароматъ». А потому и неудивительно, что недоучки изъ стоиковъ и циниковъ, не находившіе себѣ ни школы, ни учениковъ, перерождались иногда въ жалкихъ «ареталоговъ-паразитовъ и прислужниковъ знати». Но мы ошиблись бы, если бы предположили, что шуты и скоморохи являлись въ древности неизбѣжными соучастниками пиршествъ. Шутовство такъ глубоко

проникло въ жизнь древнихъ, что составляло необходимый элементъ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ явленій. Діонисій Галикарнасскій [1]) сообщаетъ намъ, что шуты и скоморохи участвовали даже и въ погребальныхъ шествіяхъ, рядомъ съ флейщиками и плакальщицами. Многіе римляне, и при томъ изъ знатнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ, являлись на улицахъ и въ домахъ не иначе, какъ окруженные цѣлою свитою подобныхъ скомороховъ. Точно также и Плутархъ, въ своемъ жизнеописаніи Суллы, разсказываетъ, что Сулла въ юности бывалъ постоянно окруженъ шутами и скоморохами, съ которыми онъ дѣлилъ и потѣхи, и дешевый развратъ ихъ; въ тотъ же кружокъ вернулся онъ впослѣдствіи, не задолго до своей смерти. Не менѣе пристрастія къ шутамъ и скоморохамъ питалъ и Антоній, о которомъ Плутархъ разсказываетъ съ негодо-

Изъ книги Эразма «Похвала глупости» (рис. Гольбейна).

Шутъ, вскрывающій корзину съ пчелами (рис. въ коллекціи Геннена).

ваніемъ, что его домъ, въ большей части случаевъ, былъ закрытъ для иностранныхъ пословъ и заслуженныхъ полководцевъ, и въ то же время былъ постоянно наполненъ шутами, потѣшниками и развратнѣйшими представителями подмостокъ низшаго разбора.

Къ разряду домашнихъ шутовъ долженъ быть отнесенъ въ древности и знаменитый, прославленный фабулистъ Эзопъ. Не смотря на то, что извѣстный итальянскій ученый Вико (создатель философіи исторіи) утверждалъ, будто Эзопъ никогда не существовалъ въ дѣйствительности и долженъ быть отнесенъ къ области миѳовъ,— свидѣтельства, заслуживающія полнаго вниманія, утверждаютъ, напротивъ, что Эзопъ жилъ между 680 и 560 гг. до Р. Х. и былъ никто иной, какъ фригійскій невольникъ, замѣчательный по своему безобразію и уродливости. Особенно прославился онъ своими

---

[1]) Діонисій, родомъ изъ Галикарнаса въ Каріи, написалъ во время пребыванія въ Римѣ, въ вѣкъ Августа, сочиненіе «О Римскихъ древностяхъ», въ которомъ изложена исторія Рима, отъ древнѣйшихъ временъ по 266 годъ до Р. Х.

остроумными шутками и ловкими продѣлками во время своего пребыванія у нѣкоего Ксанөа, самосскаго философа. Нѣкоторые изъ анекдотовъ объ Эзопѣ, сохраненныя намъ его біографомъ, до такой степени характерны, что мы полагаемъ не излишнимъ привести ихъ здѣсь.

Разсказываютъ, что однажды Ксанөъ, желая угостить у себя нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, приказалъ Эзопу купить на рынкѣ то, что онъ найдетъ тамъ лучшаго. Эзопъ купилъ только языки, и приготовилъ ихъ къ обѣду подъ разными соусами: языки подалъ онъ и на первое блюдо, и на второе, и на третье.. Гости сначала похваливали кушанье, а потомъ ужъ стали и морщиться. Ксанөъ призвалъ къ себѣ лукаваго фригійца, и сказалъ ему гнѣвно: «что ты надѣлалъ? развѣ я не приказывалъ тебѣ купить на рынкѣ все, что ты найдешь лучшаго?»—«А что же можетъ быть лучше языка?»—отвѣчалъ Эзопъ.—Это—главное связующее начало гражданственной жизни, орудіе истины и разума. Языкъ научаетъ, вразумляетъ, языкъ владѣетъ и движетъ массами людей, языкъ служитъ, наконецъ, и для восхваленія боговъ...»—«Ну, хорошо!»—сказалъ Ксанөъ,—«такъ смотри же, завтра ко мнѣ прійдутъ обѣдать тѣ же гости, и я тебѣ приказываю для разнообразія, купить на рынкѣ то, что ты тамъ найдешь самаго дурного».

Эзопъ и на другой день подалъ тѣ же блюда, оправдываясь совершенно основательно, что языкъ есть и худшее изо всѣхъ золъ на свѣтѣ: «Языкъ порождаетъ между людьми и споры, и тяжбы, и раздоры, и войны. Языкъ есть орудіе всѣхъ лжеученій, даже клеветы. И хотя онъ, съ одной стороны, дѣйствительно служитъ къ восхваленію боговъ, за то, съ другой стороны, языкъ способствуетъ и богохульству». Друзья Ксанөа согласились, что фригіецъ правъ.

Разсказываютъ также, что Ксанөу случилось однажды выпить болѣе обыкновеннаго, и онъ такъ опьянѣлъ, что расхвастался передъ своими учениками и побился объ закладъ съ однимъ изъ нихъ, что выпьетъ море. На другой день, очнувшись отъ опьяненія, Ксанөъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда узналъ о своемъ нелѣпомъ хвастовствѣ и о своемъ закладѣ. Но Эзопъ вывелъ его изъ бѣды и далъ ему добрый совѣтъ, благодаря которому Ксанөъ выпутался изъ своего затруднительнаго положенія.

Когда насталъ день, назначенный для выполненія заклада, всѣ жители Самоса сбѣжались на берегъ моря, чтобы присутствовать при посрамленіи философа. Тотъ ученикъ, съ которымъ онъ побился объ закладъ, уже торжествовалъ заранѣе.

Тогда Ксанөъ обратился къ собравшимся и сказалъ: «я дѣйствительно побился объ закладъ, что выпью все море; но при этомъ я не брался выпить рѣкъ, впадающихъ въ него. Пусть тотъ, кто со мною объ закладъ побился, отведетъ рѣки отъ моря, и тогда я

исполню то, что обѣщалъ». Ученикъ призналъ себя побѣжденнымъ, и всѣ не могли нахвалиться находчивостью Ксанѳа.

Для насъ особенно важенъ этотъ анекдотъ, именно въ томъ смыслѣ, что онъ рисуетъ намъ домашняго шута въ той роли, которая часто выпадала на его долю,—въ роли совѣтчика, руководителя и ловкаго плута, который иногда шутя умѣетъ отклонить угрожающую опасность, а иногда и просто подаетъ добрый совѣтъ. И съ этою ролью шутовъ въ исторіи мы еще не разъ встрѣтимся на страницахъ нашего бѣглаго очерка.

II.

Домашніе шуты въ средніе вѣка.— Шуты въ домахъ знати.— Труппы бродячихъ шутовъ и скомороховъ.— Шуты при духовныхъ лицахъ и шутовство въ средѣ духовенства.—Праздникъ дураковъ.—Шутовская одежда.

Въ числѣ многихъ другихъ чертъ быта, унаслѣдованныхъ средними вѣками и переживших паденіе Западной Римской имперіи, мы видимъ и обычай держать домашнихъ шутовъ. Мы встрѣчаемъ этихъ шутовъ и въ баронскихъ замкахъ, и въ монастыряхъ, и въ палатахъ епископа, не смотря на проклятія и запрещенія, изрекаемыя церковью и вопреки всякимъ усиліямъ королевской власти и всякимъ каноническимъ постановленіямъ.

И нельзя не признать, что въ первоначальную эпоху среднихъ вѣковъ, въ эту мрачную и бѣдственную эпоху полнаго преобладанія грубой силы и необузданнаго произвола—домашніе шуты должны были играть весьма видную роль въ домашнемъ быту. Если мы припомнимъ, что въ это время даже и счастливѣйшіе изъ смертныхъ не знали иного развлеченія, кромѣ охоты и войны, а все остальное человѣчество вынуждено было отчаянно бороться съ угнетавшими его невѣжествомъ, суевѣріемъ и нищетою, то поймемъ, почему шутъ и скоморохъ, вносившіе хоть немного веселья въ однообразную жизнь мрачнаго замка, вынуждавшіе хоть на время забыть о тяжкой дѣйствительности,—вездѣ были призываемы и встрѣчаемы, какъ желанные гости. Особенно дороги они были женщинамъ! Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ этихъ массивныхъ и мрачныхъ замковъ, которыми въ эпоху феодализма такъ быстро покрылась вся Европа,—представьте себѣ такой замокъ съ его глубокими рвами, подъемными мостами, окованными желѣзомъ воротами, зубцами, башнями и подземельями. Само собою разумѣется, что за этими зубчатыми стѣнами жизнь должна была протекать среди величайшаго однообразія и оказывалась чрезвычайно скучною. Скука эта еще не въ такой степени отзывалась

на владѣльцѣ замка, который былъ занятъ то судомъ надъ своими вассалами, то военною службою и отношеніями къ сюзерену, то набѣгами на сосѣдей, то грабежомъ и разбоемъ на большой дорогѣ, то, наконецъ, соколиною охотою. Но какъ же справлялась съ этою скукою владѣтельница замка? Турниры и карусели еще не вошли въ обычай; съѣзды рыцарства и состязанія трубадуровъ никому еще и въ голову не приходили... Никому изъ сосѣдей не вздумается, конечно, заглянуть въ замокъ и довѣриться гостепріимству хищнаго барона. Въ такомъ положеніи, домашній шутъ, съ его обезьяньими прыжками и ужимками, съ его веселою пѣсенкой, съ его неистощимымъ запасомъ загадокъ, сказокъ, разсказовъ, съ его умѣньемъ непрерывно болтать и иногда даже играть на волынкѣ или на флейтѣ — такой шутъ, конечно, долженъ былъ являться въ домашнемъ обиходѣ замка лицомъ не только важнымъ, но почти необходимымъ. Онъ одинъ обладаетъ способностью заставить смѣяться высокихъ и сумрачныхъ бароновъ; онъ одинъ вноситъ хоть какой-нибудь лучъ веселья въ сумрачные и холодные покои замка; вотъ почему ему и отводятъ почетное мѣсто рядомъ съ любимой левреткой баронессы, между ея карликомъ и ручнымъ кречетомъ, котораго она кормитъ изъ своихъ рукъ: — между ея потѣхами и забавами.

Аміенскій свинцовый жетонъ «архіепископа невинныхъ».

Жетонъ «папы дураковъ».

Чаще всего бывало, что этотъ шутъ наружностью своею напоминалъ Эзопа; но эта наружность ни мало не мѣшала его успѣхамъ. Чѣмъ болѣе онъ былъ безобразенъ, уродливъ, смѣшонъ отъ природы, тѣмъ болѣе пользовался онъ расположеніемъ своихъ господъ, тѣмъ болѣе возбуждалъ онъ зависть въ ихъ прислугѣ и пажахъ, съ которыми, впрочемъ, онъ и не стѣснялся, осыпая ихъ насмѣшками и преслѣдуя своими шутками.

И не въ однихъ только замкахъ феодальныхъ бароновъ находили себѣ пріютъ домашніе шуты. Мы видимъ ихъ и при дворахъ владѣтельныхъ князей, и въ монастыряхъ мужскихъ и женскихъ, при особѣ аббатовъ и аббатиссъ, и въ свитѣ могущественныхъ прелатовъ и епископовъ. До насъ дошло соборное рѣшеніе одного изъ мѣстныхъ германскихъ соборовъ, относящееся къ 789 году, и воспрещающее «епископамъ, аббатамъ и аббатиссамъ держать своры собакъ, охотиться съ соколами и кречетами и содержать при себѣ

шутовъ и скомороховъ». На Турскомъ соборѣ 813 года «епископамъ и аббатамъ напоминается о томъ, что имъ не слѣдуетъ допускать въ своемъ присутствіи постыдныя игры (joca turpia) шутовъ и скомороховъ, а скорѣе окружать себя бѣдными и неимущими, а во время трапезы услаждать свой слухъ чтеніемъ священныхъ книгъ, а не скоморошескими пѣснями, и вкушать пищу съ благословеніемъ». Немного спустя на Парижскомъ соборѣ 829 года, однимъ изъ положеній собора указывается, что, «святымъ отцамъ слѣдуетъ скорѣе сокрушаться о грѣховности человѣка, нежели осквернять уста свои смѣхомъ, вызываемымъ грязными играми шутовъ и скомороховъ».

И между тѣмъ, какъ могущественные и богатые князья церкви вызывали своими дѣйствіями эти порицанія соборовъ, служившіе выраженіемъ воззрѣній лучшей части духовенства, все низшее ду-

«Глупость», говорящая рѣчь (Изъ книги Эразма, рис. Гольбейна).

Шутовской гербъ (лѣпное изображеніе въ церкви св. Маллiона въ Корнваллисѣ).

ховенство и монашество со страстью предавалось тѣмъ увеселеніямъ и потѣшнымъ «бѣсовскимъ» играмъ, которыя всюду приносили съ собою труппы бродячихъ скомороховъ, являвшихся на торжищахъ и ярмаркахъ, на съѣздахъ князей и на приходскихъ праздникахъ.

Эти бродячія труппы представляли тогда весьма любопытную и пеструю смѣсь музыкантовъ, фокусниковъ и плясуновъ; иногда онѣ даже водили за собою ученыхъ собакъ, ученыхъ медвѣдей и обезьянъ, и являясь гдѣ-нибудь на площади—то играли, то плясали и кривлялись, то забавляли толпу своими немудрыми фокусами, то, наконецъ, переряживались въ самые уродливые и причудливые костюмы, разыгрывали сцены изъ народнаго быта, съ неизбѣжными криками, дракой и ссорою пьянаго мужа со сварливой женой. Противъ этихъ бродячихъ скомороховъ несильны были никакія запрещенія соборовъ, никакія проклятія и отлученія отъ

церкви! Низшее духовенство (и въ особенности клирики) предавались созерцанію скоморошьихъ игръ, съ наслажденіемъ допускали ихъ не только въ оградахъ церковныхъ и на кладбищахъ, но даже и сами принимали въ нихъ живѣйшее участіе, даже внесли ихъ игривую веселость въ нѣкоторыя церковныя празднества. Мудрено (да и несправедливо) было бы обвинять низшее духовенство за такое пристрастіе къ скоморошьимъ играмъ, пѣснямъ и забавамъ, когда бродячіе шуты и скоморохи всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ являлись вездѣ, принимались и угощались всѣми слоями общества, находили себѣ доступъ всюду, и всюду бывали встрѣчаемы, какъ дорогіе, желанные гости. Ихъ приглашаютъ и на свадьбы, и на съѣзды князей, ихъ призываютъ къ участію во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ событіяхъ общественной и частной жизни. Объемистый и почтенный трудъ итальянскаго ученаго Муратори («Итальянскіе древности среднихъ вѣковъ») переполненъ любопытнѣйшими свидѣтельствами о томъ, какъ принимали, угощали и щедро награждали шутовъ и скомороховъ, пріѣзжавшихъ «по приглашенію» изо всѣхъ концовъ Италіи въ Миланъ, въ Падую, или во Флоренцію—на общественныя празднества или на свадьбы богатыхъ князей и высшихъ представителей знати. Свидѣтельства, собранныя ученымъ Муратори, относятся къ XII, XIII и XIV вѣкамъ и весьма любопытны по своимъ подробностямъ. Изъ нихъ узнаемъ мы, напримѣръ, что на одномъ изъ такихъ съѣздовъ число бродячихъ шутовъ и скомороховъ доходило до 1500 человѣкъ, и каждый изъ нихъ былъ отпущенъ съ наградой. До какой степени значительны были эти награды, можно судить по тому, что въ нѣкоторыхъ итальянскихъ городахъ «каждому скомороху дарили лошадь», а въ другихъ, напримѣръ, въ Веронѣ, въ 1335 году, каждый изъ явившихся на праздникъ скомороховъ получилъ «по полной парѣ цвѣтнаго платья, а кому не достало платья, тотъ былъ вознагражденъ за это серебромъ и золотомъ». И это платье, какъ можно судить по современнымъ свидѣтельствамъ, было далеко не простое, а дорогое и затѣйливо-сшитое. Одинъ изъ средневѣковыхъ писателей, Ригордъ (въ сочиненіи «О дѣяніяхъ Филиппа-Августа»), недаромъ замѣчаетъ подъ 1185 годомъ:

«Есть между князьями и баронами и такіе, что готовы отдать скоморохамъ, служителямъ дьявола, тѣ одежды, надъ покроемъ которыхъ сами долго ломали себѣ голову, которыя, по ихъ повелѣнію были изукрашены хитро-вышитыми цвѣтками и узорами; имъ самимъ эти одежды обошлись въ 20 и 30 марокъ серебра, а между тѣмъ, не прошло еще и недѣли послѣ изготовленія этихъ одеждъ, какъ они уже дарятъ ихъ скоморохамъ».

Въ виду такой щедрости, понятны становятся упреки нѣкоторыхъ современныхъ духовныхъ писателей, которые говорятъ, что и духовенство, и міряне одинаково грѣшатъ тѣмъ, что «кор-

мять и поять шутовъ и скомороховъ, между тѣмъ, какъ призрѣваемыя церковью бѣдные мрутъ съ голоду»; понятны и напоминанія соборовъ (Равеннскаго въ 1286 году и Фрейзингенскаго въ 1440 году) о томъ, что «наслѣдіе Господа нашего Іисуса Христа, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ расточать на скомороховъ, хотя бы даже они и нуждались въ пищѣ».

Но всѣ эти напоминанія, упреки, увѣщанія и запрещенія оставались до поры до времени гласомъ вопіющаго въ пустынѣ! Любопытнымъ подтвержденіемъ тому можетъ служить сообщаемый одною изъ англійскихъ хроникъ XIII вѣка эпизодъ, въ которомъ главными дѣйствующими лицами являются священники и монахи. «Случилось однажды,—такъ передаетъ хроника,—что два священника, во время своихъ странствованій, въ глухую ночную пору,

Придворный шутъ.

Придворный шутъ.

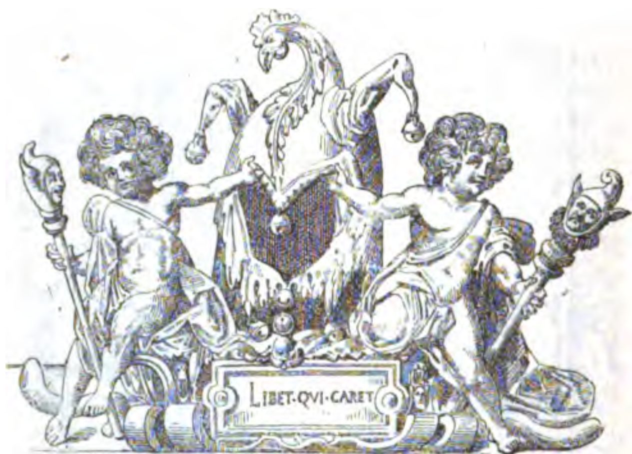
(Рѣзныя на деревѣ изображенія въ церкви св. Левона въ Корнваллисѣ).

подошли къ воротамъ одного бенедиктинскаго монастыря въ окрестностяхъ Оксфорда, и попросились переночевать. Монахи впустили ихъ въ обитель, предположивъ, что это какіе-нибудь прохожіе скоморохи, которые раздѣлятъ съ ними запасы монастырскаго вина и повеселятъ ихъ пѣсней или пляской. Когда же святые отцы увидали, что впущенные ими люди были не болѣе, какъ пастыри духовные, то они на нихъ прогнѣвались, побили ихъ и прогнали изъ обители».

Нѣкоторые монахи, повидимому, старались эксплуатировать въ свою пользу пристрастіе мірянъ и клириковъ къ скоморохамъ и скоморошьимъ играмъ; на это ясно указываетъ намъ одно изъ постановленій Раймунда, графа Тулузскаго (отъ 1233 г.), въ которомъ мы читаемъ:

«Дошло до свѣдѣнія нашего, что нѣкоторые монахи учреждаютъ въ извѣстныя времена года открытыя продажи своихъ (монастырскихъ) винъ, и, дабы увеличить ихъ сбытъ, вводятъ сами или дозволяютъ входить въ ограды своихъ обителей особамъ нечистымъ (turpes personas), нечестнымъ (inhonestas), именно: скоморохамъ, игрокамъ въ кости, св...ямъ и б....мъ—что и воспрещаемъ».

Но видно не легко было защититься отъ всепроникающаго, чарующаго, увлекающаго мірского веселья, которое вносили въ жизнь средневѣкового духовенства эти «служители дьявола», шуты и скоморохи! И это было тѣмъ болѣе трудно, что они превосходно умѣли приноровляться къ обстоятельствамъ, подлаживаться къ публикѣ,

Шутовской гербъ (По рис. Генриха Гудіуса).

снисходить до уровня массы своихъ слушателей, угождать на всѣ вкусы, предупреждать всѣ желанія. На площади, передъ народомъ, они плясали и пѣли не совсѣмъ пристойныя пѣсни, разыгрывали мимическія сцены самаго не двусмысленнаго содержанія, вертѣлись, кривлялись и кувыркались, вызывая громкій смѣхъ и одобреніе толпы остротами, напоминающими нашего «балаганнаго дѣда съ пеньковой бородой»; передъ степеннымъ аббатомъ и передъ важнымъ барономъ, они воспѣвали подвиги воинскіе или житія святыхъ, изложенныя въ стихахъ и положенныя на музыку [1])...

И вотъ, мало-по-малу, изъ среды низшаго духовенства, выдѣляются новые, диковинные представители того смѣшаннаго люда,

[1]) Есть указанія на то, что скоморохи уже въ XI в. пѣли на Западѣ житія святыхъ (духовные стихи?). Въ житіи одного изъ святыхъ (св. Эдера) даже прямо сказано, что онъ впервые обратился на путь истинный, услыхавъ, какъ скоморохъ на площади пѣлъ житіе св. Теобальда.

которымъ такъ изобиловала средняя и южная Европа въ теченіе среднихъ вѣковъ. Имя имъ—голіарды (goliardus) [1]), и, надо сознаться, что о славѣ ихъ шутовскихъ продѣлокъ, потѣхъ и подвиговъ всякаго рода, не даромъ трубятъ соборныя рѣшенія, воззванія мѣстныхъ сvнодовъ и увѣщательныя посланія епископовъ къ низшему духовенству, наполняющія собою почти трехсотлѣтній періодъ (XIII, XIV, XV и даже часть XVI в.)! Подъ именемъ голіардовъ выступаетъ на сцену средневѣковой уличной и площадной жизни цѣлое особое сословіе бродягъ, набиравшихся преимущественно изъ тѣхъ монаховъ и клириковъ, которымъ не мила была тѣсная и ограниченная строгими церковными уставами жизнь и дѣятельность инока или причетника... И вотъ, они покидали церкви и монастыри, уходили безъ разрѣшенія епископовъ въ сосѣднія эпархіи, и, не покидая своей монашеской рясы или одежды клирика, смѣшивались съ толпами той бродячей, бездомной вольницы, которая была извѣстна въ средніе вѣка подъ названіемъ truand, truanderie (собственно: бродяга, бродячая сволочь) [2]). Большею частью это были все молодые, здоровые ребята, полные желанія пожить, повеселиться и покутить на чужой счетъ, и нимало не расположенные подчиняться какимъ бы то ни было властямъ или каноническимъ постановленіямъ. Болѣе всего возмущалось высшее духовное начальство тѣмъ, что эти голіарды, не покидая своей одежды, дерзали обращать ее себѣ на пользу, и не упускали случая извлекать выгоды изъ своихъ давно уже порванныхъ связей съ церковью. Такъ, напр., они занимались продажею какихъ-то свѣчекъ, которымъ міряне придавали особенно спасительное значеніе, вели обширную торговлю крестиками, образками, четками, поддѣльными частицами мощей; гадали по псалтыри и по другимъ книгамъ св. писанія; иногда даже совершали требы, за сходную цѣну... Съ теченіемъ времени, возростая въ числѣ и становясь все болѣе и болѣе дерзновенными, голіарды открыто занимаются сборомъ по-

Одежда шута. Башмаки съ бубенчиками.

---

[1]) Этимологія этого слова до сихъ поръ довольно темна. Дюканжъ производитъ отъ него французское gaillard (молодецъ, удалый добрый молодецъ) и итальянское gagliardo. Встрѣчается оно не только въ формѣ goliardus, но и Galiardus, и Galiardensis, и даже въ описательной формѣ: qui sunt (dicuntur) de familia Goliae.

[2]) На средне-вѣковой латини, отъ которой происходитъ это слово, извѣстны разныя формы его; а именно: Truhan, Tructannus или Trutannus.

даянія на церковь, или, «великимъ сонмищемъ» вторгаясь въ приходскія церкви, «зычнымъ голосомъ пѣли въ храмѣ во время богослуженія церковныя пѣсни, сбивая съ толку священнослужителей и смущая паству». Но этого мало: веселые и шумные голіарды, очень напоминающіе намъ «удалыхъ перехожихъ каликъ» нашихъ былинъ, входятъ въ тѣснѣйшія сношенія съ труппами площадныхъ шутовъ и скомороховъ, странствуютъ вмѣстѣ съ ними по базарамъ и ярмаркамъ, участвуютъ въ ихъ бѣсовскихъ игрищахъ и представленіяхъ, и, вмѣстѣ съ ними, пользуясь сочувствіемъ и содѣйствіемъ низшаго духовенства, вносятъ въ церковныя празднества такой шумный разгулъ и такое безцеремонное мірское ве-

Дуракъ, сѣющій дураковъ.

селье, которое приводитъ на память благочестивыхъ пастырей, сатурналіи и вакханаліи древности, порицаемыя Отцами Церкви.

Поводъ къ этому вторженію голіардовъ, шутовъ и скомороховъ въ стѣны храмовъ и монастырей давала, впрочемъ, сама средневѣковая Западная церковь. Въ ней дѣйствительно еще были свѣжи преданія классической древности, и въ самомъ бытѣ духовенства сохранялись многія черты, совершенно не соотвѣтствовавшія церковнымъ христіанскимъ обычаямъ. Такъ, напримѣръ, въ церкви допускались мірскія пляски и мірскія пѣсни какъ выраженіе веселья христіанъ по поводу нѣкоторыхъ большихъ праздествъ; въ самое богослуженіе вносились молитвы и каноны, «начиненные» (farcies) различными добавленіями, припѣвами и присловьями, неимѣвшими ничего общаго съ чиномъ церковнаго богослуженія; въ проповѣдяхъ дозволялось проповѣдникамъ прибѣгать къ такимъ ораторскимъ пріемамъ, которые заставляли слушателей покаты-

ваться со смѣху [1]); наконецъ, въ праздникъ Крещенія и Обрѣзанія Господня, а равно и во всѣ слѣдовавшую за этими праздниками седьмицу, Западная церковь допускала, въ самыхъ стѣнахъ церковныхъ, отправленіе того шутовского празднества, извѣстнаго подъ названіемъ «празднества Дураковъ» или «празднества Ословъ» (Festum Follorum seu Fatuorum, или — Festum asinorum), въ которомъ голіарды, шуты и скоморохи всѣхъ оттѣнковъ принимали несомнѣнное и весьма дѣятельное участіе, при чемъ они не-

Шутъ въ полномъ парадномъ костюмѣ.

рѣдко надѣвали на себя церковныя облаченія духовенства, а духовенство переряживалось въ скоморошью «крутӯ».

Праздникъ Дураковъ праздновался обыкновенно на святкахъ, между Рождествомъ и 1-мъ января, и особенно часто именно въ это

---

[1]) Такъ, напримѣръ, одинъ монахъ, проповѣдуя прихожанамъ съ церковной каѳедры наканунѣ праздника Рождества Христова, утверждалъ, что вся природа возрадовалась совершившемуся въ мірѣ великому событію, и каждое животное по-своему старалось всюду распространить вѣсть о рожденіи Спасителя. «Пѣтухъ уже спозоранку кукурекалъ: Chistus natus est (Христосъ родился). Быкъ тотчасъ промычалъ ему на это: Ubi? U-u-bi? (гдѣ? гдѣ?). Овца проблѣяла въ отвѣтъ: in Bethleem! in Bethleem! (въ Виѳлеемѣ). А оселъ заржалъ во всю глотку: Eamus! eamus! eamus! (пойдемъ туда!)». Сообщая это паствѣ, проповѣдникъ старался подражать голосáмъ упоминаемыхъ имъ животныхъ.

число. Въ каѳедральныхъ соборахъ, въ день, назначенный для этого праздника, причетъ избиралъ изъ среды своей «епископа или архіепископа Дураковъ» и посвященіе его въ этотъ санъ сопровождалось цѣлымъ рядомъ шутовскихъ обрядовъ. По избраніи, «епископа Дураковъ», облачали въ полное епископское облаченіе, и онъ принималъ участіе въ богослуженіи—съ митрою на головѣ, съ посохомъ и епископскимъ крестомъ въ рукахъ [1]). Новоизбраннаго епископа окружала толпа мелкихъ причетниковъ, переодѣтыхъ въ женскія одежды, въ пестрыя лохмотья облаченія и шутовскіе наряды, въ маскахъ, съ гудками и волынками въ рукахъ. Вся эта братія горланила непристойныя мірскія пѣсни, ѣла колбасы и сосиски на самомъ престолѣ, играла въ кости или въ карты и распространяла по всей церкви чадъ отъ кадильницъ, въ которыя, вмѣсто благоуханій, положены были обрѣзки старыхъ подошвъ. По окончаніи богослуженія, этотъ новый причтъ новаго епископа плясалъ въ церкви и предавался всякимъ безчинствамъ, вовлекая и мірянъ въ свое шумное, необузданное веселье. Праздникъ заканчивался катаньемъ по городу въ навозныхъ телѣгахъ, при чемъ клирики потѣшались тѣмъ, что бросали горстями навозъ въ проходящихъ.

Во многихъ мѣстностяхъ «праздникъ Дураковъ» соединялся съ «праздникомъ Ословъ», учрежденнымъ въ честь «осляти», на которомъ совершенъ былъ въѣздъ Спасителя въ Іерусалимъ. По поводу этого праздника тоже происходили разныя шутовскія процессіи, во время которыхъ клирики заставляли всѣхъ встрѣчныхъ либо плясать съ собою, либо прыгать черезъ помело, а тѣхъ, кто не желалъ имъ подчиняться—осыпали золою и пепломъ. Даже еще въ половинѣ XVII вѣка, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Прованса (мужскихъ и женскихъ) праздникъ Дураковъ продолжалъ справляться съ великою торжественностью и великою непристойностью, нарушая ею всякое понятіе о церковномъ благочиніи и благолѣпіи. Клирики, при этомъ, облачались въ ризы, вывернутыя на изнанку, читали и пѣли все, что имъ приходило въ голову, держа книги вверхъ ногами и надѣвая на носъ огромныя очки, въ которыя, вмѣсто стеколъ, была вставлена апельсинная корка, и т. д. И только уже при соединенныхъ усиліяхъ церковной и свѣтской власти удалось, начиная съ конца XVII вѣка, обуздать эти своеволія и положить предѣлъ шутовскимъ церковнымъ обрядамъ.

Тѣсная связь церковныхъ празднествъ съ шутовскими обрядами въ средніе вѣка, а также и покровительство, которое повсемѣстно

---

[1]) Въ церквахъ, стоявшихъ въ прямой зависимости отъ папскаго престола, избирался не епископъ, а папа дураковъ; въ монастыряхъ—аббатъ или аббатисса дураковъ. Любопытно, что эти папы и епископы дураковъ, пользуясь временемъ своего недолгаго пребыванія въ санѣ, успѣвали выбивать въ честь свою шутовскія медали и жетоны, и даже чеканили (изъ олова или другого сплава) шутовскую монету со своими изображеніями.

оказывало шутамъ высшее духовенство, допуская ихъ въ свиту епископовъ, прелатовъ и аббатовъ—неминуемо должны были отразиться и въ средневѣковомъ искусствѣ. И дѣйствительно, мы видимъ изображеніе шутовъ и въ скульптурныхъ барельефахъ, покрывающихъ стѣны готическихъ соборовъ, и въ рѣзьбѣ, украшающей церковныя каѳедры и монастырскія трапезы XII и XIII вѣковъ. Судя по этимъ изображеніямъ и сравнивая ихъ съ изображеніями шутовъ на медаляхъ и жетонахъ, выбитыхъ въ память «празднества Дураковъ» въ различныхъ мѣстностяхъ Европы, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что у всѣхъ шутовъ, какъ домашнихъ, такъ и площадныхъ, какъ осѣдлыхъ, такъ и бродячихъ, былъ одинъ и тотъ же общій костюмъ, и при этомъ костюмѣ одни и тѣ же аттрибуты, съ самыми незначительными оттѣнками и отличіями въ подробностяхъ. Главнымъ аттрибутомъ шутовъ былъ,

Шутъ, везущій Силена (набросокъ Альбрехта Дюрера).

конечно, дурацкій колпакъ и дурацкій жезлъ (une marotte), украшенный рѣзной головкой въ пестромъ колпакѣ съ побрякушками. Самый колпакъ шута былъ совершенно особеннаго покроя: онъ представлялъ собою родъ капюшона, плотно прилегавшаго къ головѣ, и съ двумя длинными, пришитыми къ нему по бокамъ ушами, съ бубенчиками на концахъ ушей. Этотъ колпакъ, повидимому, былъ самою важною и самою характерною частью шутовского костюма, на сколько можно судить по любопытной гравюрѣ, помѣщенной въ одной изъ нѣмецкихъ старопечатныхъ книгъ (1512 г.). На этой гравюрѣ изображенъ «дуракъ, сѣющій дураковъ». Въ мѣшкѣ, привязанномъ на шеѣ сѣятеля, видны зародыши будущихъ дураковъ, состоящіе изъ небольшой головки и кругловатаго туловища, но головки эти уже облечены въ ушастые колпаки съ погремушками. Къ дурацкому колпаку и дурацкому жезлу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, придавались еще два аттрибута: деревянный мечъ, обклеенный сусальнымъ золотомъ, и небольшая тросточка, къ концу

которой былъ привѣшенъ надутый пузырь, съ брошенною въ него горстью гороха.

Самая одежда шутовъ состояла изъ казакина, который выкроенъ былъ внизу большими зубцами, и большею частью сшитъ изъ полосъ разноцвѣтной матеріи. Чаще всего въ одеждѣ шутовъ преобладали два цвѣта: желтый и зеленый. Оба эти цвѣта, въ средніе вѣка, пользовались далеко не привлекательной славой [1]). Желтый, въ особенности считался всегда признакомъ безчестія, презрѣнія и приниженія. Постоянное присутствіе этихъ цвѣтовъ въ шутовской одеждѣ (до начала XVII вѣка) ясно указываетъ на то, что не смотря на видное положеніе, занимаемое шутами въ обществѣ, въ глазахъ закона гражданскаго и церковнаго положеніе сословія шутовъ и скомороховъ не измѣнилось противъ того времени, когда церковь, въ своихъ соборныхъ постановленіяхъ, называла шутовъ сословіемъ «безчестнымъ, позорящимъ достоинство человѣческое, и даже отлучало ихъ отъ христіанскаго общества», а законъ воспрещалъ имъ обращаться съ жалобами и прошеніями въ судъ, «наравнѣ съ рабами, язычниками, еретиками и іудеями» [3]).

При двухцвѣтной полосатой одеждѣ, исподнее платье шутовъ бывало также двухцвѣтное — одна половина его шилась изъ зеленой, а другая изъ желтой матеріи. Ушастый колпакъ, о которомъ мы упоминали выше, бывалъ также сшитъ изъ двухъ половинъ— зеленой и желтой. И если къ этимъ подробностямъ мы добавимъ, что шуты и скоморохи, подобно древнимъ сценическимъ актерамъ, постоянно брили голову и бороду, то мы получимъ полнѣйшее понятіе о внѣшности шута и скомороха въ средніе вѣка на Западѣ. Далѣе мы будемъ имѣть возможность убѣдиться въ томъ, что шуты и скоморохи явившіеся у насъ на Руси, очень мало отставали отъ своего западнаго образца даже и въ подробностяхъ своей шутовской одежды.

П. П.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Не мѣшаетъ припомнить, что помощники палача являлись при исполненіи казни въ желтыхъ одеждахъ. Желтою круглою нашивкою на груди отличалась въ средніе вѣка одежда евреевъ. Палачъ окрашивалъ въ желтую краску, въ знакъ позора, домъ того, кто былъ уличенъ въ предательствѣ или въ оскорбленіи величества. Зеленый колпакъ надѣвали на банкрота, привязывая его къ позорному столбу на торговой площади.

[2]) Даже и въ XII вѣкѣ, одинъ изъ ученѣйшихъ представителей духовенства, Іоаннъ Силисбюрійскій, совѣтуетъ «не допускать скомороховъ къ причащенію Св. Тайнъ».

[3]) 96-ое и слѣд. правило Африканскаго собора, 424 года.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса. П. А. Матвѣева. Спб. 1887.

ВТОРЪ ЭТОГО сочиненія провелъ около двухъ лѣтъ въ В. Румеліи, гдѣ занималъ мѣсто совѣтника при директорѣ юстиціи, потомъ, вернувшись въ Россію, не переставалъ заниматься болгарскими дѣлами, основательно изучилъ литературу предмета, много бесѣдовалъ съ пріѣзжими изъ Болгаріи русскими и болгарскими дѣятелями. Цѣль сочиненія, какъ гласитъ предисловіе, противоставить иностраннымъ сочиненіямъ, особенно же брошюрамъ гг. Гуна и Коха, русскую книгу о Болгаріи и такимъ образомъ возстановить правду. Г. Матвѣевъ жалуется на недоступность дипломатической переписки, разумное обнародованіе коей было бы краснорѣчивѣйшею защитою русскихъ дѣйствій и чистоты нашихъ намѣреній.

Изъ того немногаго что мы сказали, можно уже себѣ составить нѣкоторое понятіе о книгѣ г. Матвѣева. Признавая благую цѣль сочиненія, т. е. защиту русской политики передъ судомъ современной исторіи, мы полагаемъ, однако, что такая постановка дѣла представляетъ мало ручательства въ историческомъ безпристрастіи автора и низводитъ его трудъ на степень патріотической апологіи. Ни г. Гунъ, ни пасторъ Кохъ, отнюдь не выражали притязанія на объективность. Обѣ книжки г. Гуна ничто иное, какъ сводъ газетныхъ корреспонденцій, писанныхъ въ огнѣ событій. Пасторъ Кохъ, въ свою очередь, былъ ближайшимъ лицомъ къ принцу Баттенбергскому и, выступая въ печать, старался возможно возвеличить своего духовнаго сына. Г. Матвѣевъ напротивъ того излагаетъ событія въ послѣдовательномъ ихъ развитіи. Поэтому мы вправѣ отъ него ожидать критическаго отношенія и самостоятельнаго взгляда. Но читатель не найдетъ у г. Матвѣева попытки связать

и разъяснить явленія прямо противорѣчивыя и съ внѣшней стороны совершенно непонятныя. Для посторонняго наблюдателя, что можетъ быть необъяснимѣе колебаній, крутыхъ поворотовъ, внезапныхъ перемѣнъ фронта и правительствъ и частныхъ лицъ въ различныхъ фазисахъ болгарскаго вопроса! Россія подписываетъ въ С.-Стефано статью обозначающую предѣломъ Болгаріи Эгейское море, объявляетъ соединеніе разрозненныхъ въ Берлинѣ частей Болгаріи основною мыслью своей политики, а съ 1885 года препятствуетъ этому соединенію всѣми средствами своего авторитета. Принцъ Баттенбергъ занимаетъ въ Петербургскихъ вліятельныхъ сферахъ такое положеніе, что по его слову русскіе чиновники немедленно отзываются изъ Болгаріи; но проходитъ нѣсколько лѣтъ и наша дипломатія объявляетъ Баттенберга главною причиною утраты русскаго вліянія въ Болгаріи. Русская власть даетъ Болгаріи либеральную конституцію, русская же власть уничтожаетъ эту конституцію руками генерала Эрнрота, а въ лицѣ генерала Соболева и г. Іонина содѣйствуетъ возвращенію той же конституціи. Такимъ же рѣзкимъ перемѣнамъ подвержены и политическія партіи и отдѣльные лица. Либералы, преслѣдуемые княземъ Черкасскимъ, становятся сотрудниками князя Дондукова-Корсакова. Генералъ Эрнротъ заставляетъ Каравелова бѣжать въ Румелію; два года спустя Каравеловъ опять министръ-президентъ и находится въ тѣсной дружбѣ съ нашимъ дипломатическимъ агентомъ г. Кояндеромъ. Не менѣе любопытныя эволюціи совершаетъ и другой вождь либеральной партіи, Драганъ Цанковъ. Что же касается русскихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ въ Болгаріи, то они спорятъ изъ-за власти, дѣлятъ медвѣжью шкуру, забывая что русское построеніе въ Болгаріи зиждется на самомъ шаткомъ фундаментѣ и что всѣхъ ихъ, правыхъ и виноватыхъ, ожидаетъ та же участь, т. е. возвращеніе домой. Тамъ, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ требованій, а слѣдовательно нѣтъ и дисциплины, пружины организма ослабѣваютъ и отрицательныя свойства человѣческой природы берутъ верхъ. Конечно, и между русскими дѣятелями въ Болгаріи были люди заслуживающіе полнаго уваженія, но исправить дѣла они въ состояніи не были. Каждый толковалъ его по своему, подавалъ записки, но въ большинствѣ случаевъ отдѣльныя старанія увеличивали только общую смуту, выстрѣлы направленные въ политическихъ противниковъ попадали по своимъ; въ результатѣ укоренялось сознаніе, что задача неразрѣшима, что остается лишь сложить руки и ждать грозы, которая заставитъ всѣхъ встрепенуться раскатами грома, а молніею освѣтитъ то, что въ настоящей путаницѣ неясно и недоступно.

Съ теченіемъ времени будущій историкъ легко выполнитъ то, что не удалось г. Матвѣеву, т. е. изложитъ событія въ логической ихъ связи, покажетъ намъ, какъ они происходили на самомъ дѣлѣ, выдвинетъ дѣйствительныя побужденія людей, отведетъ каждому явленію свое мѣсто. Г. Матвѣевъ и не пробуетъ ничего подобнаго. Онъ разсказываетъ исторію Болгаріи хронологически, аргументы свои черпаетъ изъ арсенала нашихъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ документовъ, которые усваивала и распространяла текущая пресса. Съ особымъ уваженіемъ относится г. Матвѣевъ къ покойному И. С. Аксакову и отчасти толкуетъ событія по его шаблону. Человѣкъ въ высшей степени страстный и искренній, И. С. Аксаковъ могъ въ данную минуту вліять силою своего вдохновеннаго слова, но статьи его (теперь собранныя отдѣльною книгою) могутъ скорѣе спутать, а никакъ не помочь хладно-

кровному изученію событій. На первомъ планѣ одушевленіе 1876 г. и побѣдоносная кампанія, потомъ являются дипломаты и на Берлинскомъ конгрессѣ съ легкимъ сердцемъ отдаютъ Европѣ плоды русскихъ побѣдъ, соглашаются на раздвоеніе Болгаріи. Вполнѣ допуская, что дипломатія дѣлала ошибки, мы, однако, полагаемъ, что однимъ этимъ объясненіемъ удовольствоваться нельзя и попытаемся противъ главныхъ тезисовъ славянофильской школы высказать нѣкоторыя возраженія.

Послѣ Крымской кампаніи и подъ вліяніемъ либеральныхъ идей шестидесятыхъ годовъ, наша политическая программа круто измѣнилась и мы, какъ уже было при Александрѣ Благословенномъ, отъ защиты троновъ перешли къ политикѣ свободныхъ національностей. Намъ показалось, что лучшій залогъ всеобщаго мира, процвѣтанія и силы Россіи, заключается въ признаніи за каждою народностью ея историческихъ правъ. Въ вопросѣ итальянскаго единства мы стали на сторону Итальянской независимости, хотя намъ слѣдовало бы предвидѣть, что Австрія, вытѣсненная изъ Италіи, не замедлитъ явиться для насъ опаснымъ конкуррентомъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ вопросѣ польскомъ мы кокетничали съ поляками, доколѣ зарево петербургскихъ пожаровъ и кровавое возстаніе 1863 г. не заставили насъ приступить къ энергическимъ мѣропріятіямъ. Въ дѣлѣ объединенія Молдавіи и Валахіи мы шли не съ Турціею, а съ Европою. Европейскіе дипломаты не переставали увѣрять турецкихъ министровъ, что образованіе цѣльнаго государства на Нижнемъ Дунаѣ лучшая препона московскому честолюбію. Турецкіе сановники приходили въ недоумѣніе, когда вслѣдъ затѣмъ являлись съ тѣмъ же требованіемъ и представители Россіи. Долголѣтній опытъ долженъ былъ бы насъ научить, что Турція все-таки самая надежная охрана рессурсовъ Востока противъ западно-еврейскаго культурнаго и экономическаго захвата, а потому, освобождая народности Балканскаго полуострова, мы только замѣняемъ имъ гнетъ турецкій, внѣшній и преходящій, другимъ болѣе тонкимъ и опаснымъ. Мы должны были бы помнить, что въ минувшія войны наша армія значительной долѣ своихъ успѣховъ обязана была поддержкѣ сильнаго черноморскаго флота и затѣвая войну намъ прежде всего слѣдовало подумать о флотѣ. Принимая во вниманіе, что подстрекателями герцеговинскаго возстанія были—Австрія и Германія, намъ надлежало успокоивать умы, а ужъ никакъ не подливать масла въ огонь. И. С. Аксаковъ потратилъ много чернилъ, сѣтуя на отдачу Босніи и Герцеговины Австріи, но виноватъ въ случившемся отчасти онъ самъ, ибо уступка Босніи и Герцеговины была неизбѣжнымъ залогомъ свободы нашихъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, т. е. практической возможности войны о которой мечтали славянофилы. Что произошло бы съ нашимъ войскомъ послѣ неудачи 18-го августа подъ Плевной, если бы Австрія не была связана особою конвенціею, о существованіи которой разблаговѣстилъ князь Бисмаркъ. Намъ возразятъ, что русскій Богъ великъ и что силы русскаго духа неистощимы. Но такой доводъ переступаетъ черту политической мудрости, которая именно въ томъ и состоитъ, чтобы достигать цѣли при малыхъ затратахъ, а не наоборотъ.

Точно также спорнымъ представляется и другой аргументъ—оцѣнка конечнаго успѣха кампаніи 1877—1878 годовъ. Мы весьма далеки отъ того, чтобы умалять подвиги русскаго оружія, но значеніе побѣдъ опредѣляется нетолько фактомъ и размѣромъ нанесеннаго врагу пораженія, а всею совокупностью послѣдствій, тѣмъ впечатлѣніемъ которое произвела побѣда, какъ

на непріятеля, такъ и на весь міръ. По отзыву военныхъ авторитетовъ, наша мобилизація, предпринятая въ мирное время и за полгода до открытія военныхъ дѣйствій, выяснила въ тогдашней системѣ значительныя несовершенства. Далѣе обнаружилось, что мы начали войну съ недостаточными силами: пришлось гвардію вызвать за Дунай, а Кавказскую армію пополнить двумя дивизіями. Что же до тыла арміи, обоза и интендантства, то обо всемъ этомъ разсказы очевидцевъ, литература и судебныя пренія, сложили неособенно веселую легенду. Но вотъ наши войска, превозмогая непомѣрныя трудности, довершили дѣло побѣды и врагъ лежалъ у ногъ русскаго государя. Обольщеніе длилось недолго: пришлось убѣдиться, что мы отстоимъ отъ своей цѣли дальше, нежели когда либо. Въ Азіи въ отрядѣ генераловъ Геймана и Тергукасова свирѣпствовалъ тифъ,—результатъ стоянія подъ Эрзерумомъ, и если бы война продолжалась, то мы были бы вынуждены ввести новыя силы. На европейскомъ театрѣ войны мы дошли до Мраморнаго моря, но за отсутствіемъ флота воспользоваться выгодами позиціи не могли. Входъ въ Черное море былъ свободенъ и англійской эскадрѣ ничего не стоило войти въ Черное море, стать на наши сообщенія и обречь насъ на тысячевѣрстную коммуникацію черезъ Систовскій мостъ и Румелію съ враждебною Австріею въ тылу. Въ итогѣ оказывалось, что мы попали въ Константинополь случайно, что мы были чистосердечны и никакихъ завоевательныхъ замысловъ не таили. Основою нашей политики служила та формула, которую мы выставляли въ оффиціальной перепескѣ: «l'orient pour les orienteux et Constantinople ville libre».

Общественное мнѣніе и печать, не могшія себѣ уяснить несоотвѣтственность выговоренныхъ въ Берлинѣ условій съ блескомъ нашихъ побѣдъ, поспѣшили обвинить во всемъ нашу дипломатію. Нѣтъ сомнѣнія, что князь Горчаковъ, при своихъ преклонныхъ лѣтахъ, едва ли могъ дать надлежащій отпоръ такимъ воротиламъ каковы князь Бисмаркъ, графъ Андраши, лордъ Биконсфильдъ. Съ другой стороны Болгарія С.-Стефанская (если бы удалось ее получить) быть можетъ доставила бы намъ еще болѣе хлопотъ, нежели Болгарія Берлинская, ибо первая находилась бы черезъ Эгейское море въ непосредственномъ общеніи съ Европою. Гораздо для насъ чувствительнѣе по своимъ послѣдствіямъ оказалась отдача Добруджи румынамъ. Но суть дѣла не въ отдѣльныхъ промахахъ, а въ самой концепціи прошлой войны. Не падаетъ ли доля отвѣтственности и на тѣхъ могикановъ шестидесятыхъ годовъ, которые политику «крови и желѣза» замѣняли политикою «любви», и русское вліяніе на Востокѣ хотѣли основать не на количествѣ штыковъ и броненосцевъ, не на владѣніи стратегическими пунктами, а на мистическихъ симпатіяхъ разныхъ Драгановъ и Петокъ!

Здѣсь будетъ кстати сказать о появившейся въ Парижѣ, вслѣдъ за книгою г. Матвѣева, брошюрѣ, претендующей какъ разъ на то, въ отсутствіи чего мы сѣтовали на г. Матвѣева, т. е. раскрыть подлинныя причины болгарскаго кризиса. «Les causes occulte, de la question Bulgare», — таково заглавіе брошюры. Судя по содержанію, авторъ ея баттенберговецъ, превратившійся въ сторонника Кобурга и, вѣроятно, никто иной какъ г. Начовичъ. Причины неуспѣха русскаго дѣла въ Болгаріи авторъ объясняетъ тѣмъ, что безкорыстные виды русскихъ императоровъ, нынѣ благополучно царствующаго и его въ Бозѣ почившаго родителя, парализовались происками «котеріи», усиливавшейся изъ побужденій честолюбія и наживы поработить

только что освобожденную страну. Выходитъ, что всякая попытка русскихъ людей работать на политической почвѣ во славу русскаго скипетра есть самовластное вторженіе въ сферу самодержавной политики, а русское участіе въ жизни освобожденныхъ народовъ не болѣе какъ плодъ личнаго честолюбія и эксплуатація. Вотъ логика современнаго протестантскаго іезуитизма. Мы хорошо помнимъ возникновеніе разныхъ проектовъ гг. Баранова, Полякова, Гинцбурга, Утина и т. д., касательно проведенія дорогъ въ Сербіи и Болгаріи; намъ всегда казалось страннымъ, какимъ образомъ русское дѣло отождествляется съ тою или другою финансовою группою, которая изъ прямого интереса всегда будетъ держаться вліянія, преобладающаго въ данную минуту. Деньги мѣняютъ свою національность, смотря по тому въ чьи руки онѣ переходятъ. Но нападая на русскихъ концессіонеровъ, авторъ не прибавляетъ, что запѣвалой въ ихъ хорѣ были самъ Баттенбергъ, не перестававшій повторять: «parlez aux Bulgares. Les Bulgares ne m'écoutent pas»! Выставляя себя намѣстникомъ русскаго государя, Баттенбергъ старался побудить русскихъ дѣятелей въ Болгаріи обращаться съ болгарами круто, а затѣмъ, когда отношенія достаточно обострились, перемѣнилъ фронтъ и сдѣлался болгарофиломъ. Другое весьма распространенное мнѣніе, будто стоило дать Баттенбергу два, три милліона, и онъ былъ бы покорнымъ нашимъ слугою. Не касаясь нравственной стороны дѣла и нисколько не сомнѣваясь, что Баттенбергъ охотно бы прикарманилъ наши деньги, мы въ то же время полагаемъ, что это вовсе не измѣнило бы его поведеніе. Съ нашей точки зрѣнія Баттенбергъ человѣкъ безпринципный, торгующій свободою и счастіемъ своихъ подданныхъ. Но онъ является совершенно инымъ, если на него смотрѣть какъ на enfant perdu нѣмецкаго дѣла на Балканскомъ полуостровѣ, котораго собственное отечество, смотря по надобности, то возвеличиваетъ, то низводитъ съ пьедестала, въ концѣ концевъ успѣвающаго разсорить два братскіе народа. Полякъ по своимъ вкрадчивымъ формамъ, Баттенбергъ нѣмецъ по убѣжденіямъ. На немъ отразились основныя черты бисмарковской школы: страсть къ подземной работѣ, упорное стремленіе убѣдить Россію, что ея единственные друзья Германія и онъ Баттенбергъ.

Въ заключеніе, мы имѣемъ право сказать, что, хотя оборотъ, принятый послѣдними событіями и чувствителенъ для русскаго сердца, тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что жалѣть о томъ нечего, если только понесенныя испытанія послужили намъ въ пользу и мы не повторимъ прежнихъ ошибокъ. Война 1877—1878 гг. наглядно раскрыла намъ стратегическія и бытовыя особенности Балканскаго полуострова. Болгарскія дѣла показали намъ, что союзъ среднеевропейскихъ державъ связываетъ, а не утверждаетъ наше вліяніе на Востокѣ и что залогъ успѣха представляетъ только политика самостоятельныхъ дѣйствій. Что на самомъ дѣлѣ таково убѣжденіе Императорскаго Правительства доказывается недавнимъ свиданіемъ въ Берлинѣ, не оставившимъ, по выраженію германскихъ оффиціозовъ, никакого «слѣда». Будь что будетъ, но наши международныя отношенія нынѣ покоятся на совершенно русской почвѣ.

Ив. Д--въ.

Сочиненія П. Н. Кудрявцева. Съ портретомъ и факсимиле автора. Томы I и II. Москва. 1887.

Имя Кудрявцева принадлежитъ къ тѣмъ славнымъ именамъ лучшихъ представителей русской науки и литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, съ которыми неразрывно связана какъ блестящая эпоха въ исторіи Московскаго университета, такъ и пышный разцвѣтъ русской исторической науки. Въ это счастливое время всеобщая исторія имѣла такихъ профессоровъ, какъ Грановскій, Ешевскій и Кудрявцевъ,—этотъ вѣчно-незабвенный тріумвиратъ,—русская же—Соловьева и Кавелина. Свѣтлое, обаятельное имя Грановскаго вызываетъ въ памяти тѣсно связанное съ нимъ имя Кудрявцева, его ученика, во многомъ сходнаго съ своимъ учителемъ, не смотря на существенную разницу въ складѣ дарованія, въ характерѣ и пріемахъ работы. Сходство учителя и ученика заключается въ высокой оцѣнкѣ науки, полной преданности ей; оба они останутся незабвенными и свѣтлыми представителями той эпохи въ исторіи русскаго общества, когда лучшіе люди ожидали близкаго и полнаго осуществленія общечеловѣческихъ идеаловъ, когда они жили идеями, которыя примиряютъ народы и объединяютъ классы, когда не было разногласія между политическими идеалами націй и соціальные идеалы не противорѣчили культурнымъ, — и когда всеобщая исторія могла быть отраженіемъ и проводникомъ этого идеальнаго настроенія. Исторіографія этого времени отличалась у насъ преимущественно характеромъ литературнымъ, представляя собой какъ бы отрасль беллетристики. Причины такого явленія лежали съ одной стороны въ характерѣ современной эпохи,—съ другой во вкусахъ публики. Какъ въ другое время и у другихъ народовъ, такъ и у насъ исторіографія развилась изъ беллетристики и долго носила черты матери. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе характеръ личнаго таланта и наклонностей нашихъ лучшихъ историковъ. Особенно послѣднее замѣчаніе должно имѣть мѣсто при оцѣнкѣ учено-литературной дѣятельности П. Н. Кудрявцева. Въ немъ сильно сказывается потребность художественнаго творчества, онъ живо ощущалъ красоту внѣшнихъ формъ, привѣтствуя съ горячимъ восторгомъ встрѣтившіеся ему за границей произведенія античной скульптуры и новой живописи,—онъ раньше самъ былъ литераторомъ, написалъ цѣлый рядъ повѣстей, весьма сочувственно оцѣненныхъ Бѣлинскимъ, а потомъ сталъ историкомъ. Въ исторію Кудрявцевъ перенесъ пріемы и вкусы литератора: это сказывается какъ въ выборѣ сюжетовъ, такъ и въ образномъ патетическомъ языкѣ. То же самое замѣчается въ тщательной разрисовкѣ подробностей обстановки, въ дорисовываньѣ психологическими мотивами характера и дѣятельности историческихъ лицъ, въ субъективномъ лиризмѣ, которымъ проникнута большая часть его статей, въ той печати внутренняго настроенія автора, подъ вліяніемъ котораго писались эти статьи—по исторіи ли, искусству, или съ характеромъ литературно-біографическимъ. Если подчасъ художественность натуры вредила Кудрявцеву, порождая субъективное отношеніе къ исторіи, то съ другой стороны эта же самая художественность являлась неоцѣнимымъ достоинствомъ въ связи съ тщательнымъ изслѣдованіемъ фактовъ, какъ отраженіе свойствъ народнаго духа, направлявшаго событія и отражавшагося въ нихъ; занимаясь общими судьбами человѣчества, Кудрявцевъ искалъ въ нихъ залога для великой его будущности и осуществленія его идеаловъ—въ самомъ широкомъ и благород-

номъ смыслѣ. Онъ понималъ важность естествознанія для исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе великихъ философскихъ теорій для историка; онъ былъ справедливъ къ великимъ историческимъ теченіямъ, не отождествляя части съ цѣлымъ и ставя цѣлое—исторію человѣчества—выше части. Онъ допускалъ субъективное творчество въ исторіографіи, часто невольно, по натурѣ своей, отдавался ему, но не смѣшивалъ его съ наукой и держался убѣжденія, что наука исторіи состоитъ именно изъ совокупности субъективныхъ усилій разгадать тайну человѣческихъ судебъ. Для этого Кудрявцевъ требовалъ полной внутренней и внѣшней свободы для науки. Таково общее впечатлѣніе, которое получается изъ чтенія многочисленныхъ статей неутомимаго дѣятеля на поприщѣ всеобщей исторіи, помѣщенныхъ въ журналахъ въ 1846—1858 годахъ и теперь къ общему удовольствію собранныхъ въ два обширныхъ тома, страницъ въ 600 слишкомъ каждый. Мы говоримъ «къ общему удовольствію» въ надеждѣ, что интелигентные читатели познакомятся съ этими прекрасными произведеніями, которыя представляютъ столь рѣзкій контрастъ съ научными работами по исторіи въ наше время, когда наука ушла почти по уши въ разработку деталей и разныхъ зачастую чисто спеціальныхъ частностей, когда общіе историко-философскіе взгляды признаются ненужной роскошью.

Журнальныя статьи Кудрявцева, не утратившія въ наше время ни своего интереса, ни научнаго значенія, вызывались появленіемъ въ исторической наукѣ книгъ, обращавшихъ на себя всеобщее вниманіе или приближавшихъ къ разрѣшенію какой-нибудь научный вопросъ; еще чаще происхожденіе ихъ обусловливалось какимъ-нибудь явленіемъ въ ученой или литературной жизни русскаго общества: какъ, напримѣръ, защитой диссертаціи, публичной рѣчью на университетскомъ актѣ, празднованіемъ столѣтней годовщины Московскаго университета.

Все изданіе состоитъ изъ трехъ томовъ. Третій томъ, который будетъ содержать капитальное изслѣдованіе: «Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ»—обѣщанъ издателями въ непродолжительномъ времени. Во главѣ всего изданія напечатаны двѣ статьи, касающіяся общаго положенія и значенія исторіи, какъ науки. Одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ возраженіе на записку, представленную въ Академію Наукъ президентомъ ея, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уваровымъ, на тему «Достовѣрнѣе ли становится исторія», другая возраженія на рѣчь Грановскаго: «О современныхъ задачахъ исторіи». Затѣмъ въ первомъ томѣ слѣдуютъ статьи, относящіяся къ древней и средне-вѣковой исторіи: «Послѣднее время греческой независимости» — обстоятельная рецензія на магистерскую диссертацію И. К. Бакста, — «Древнѣйшая римская исторія по изслѣдованію Швеглера»—обширная статья, для написанія которой авторомъ положено не мало труда по изученію вопроса о доисторическомъ періодѣ Рима по капитальнѣйшему труду по римской исторіи, появившемуся послѣ Нибура, «О сочиненіи Ешевскаго Аполлинарій Сидоній» — разборъ магист. диссертаціи, «Каролинги въ Италіи»,—продолженіе «Судебъ Италіи»—неоконченная монографія, затѣмъ историко-литературная статья «Дантъ, его вѣкъ и жизнь», статья внушенная Кудрявцеву превосходной книгой Вегеле о жизни Данта, этого таинственнаго генія среднихъ вѣковъ, къ которому Кудрявцевъ по своей натурѣ долженъ былъ имѣть такое сочувствіе;

біографія остановилась на юности Данта. Наконецъ, вслѣдъ за художественно литературнымъ разборомъ трагедіи Софокла «Эдипъ царь», два очерка, относящіеся къ области искуствъ: «Бельведоръ» и «Венера Милосская» замыкаютъ первый томъ. Въ первомъ очеркѣ мы находимъ тонкое и вѣрное сужденіе знатока объ европейской живописи въ лицѣ ея характернѣйшихъ представителей,—второй какъ бы взрывъ непосредственнаго художественнаго восторга, который авторъ испытывалъ предъ знаменитой статуей и которому онъ съумѣлъ дать вполнѣ художественное выраженіе, достойное самаго предмета. Второй томъ заключаетъ въ себѣ статьи по новой исторіи, относящіяся къ послѣднимъ годамъ литературной дѣятельности автора. «Осада Лейдена», «Жозефъ Бонапартъ въ Италіи»—рядъ очерковъ, вызванныхъ появленіемъ въ 1853—1854 г. въ 10 томахъ, переписки Жозефа Бонапарта и трактующихъ о завоеваніи французами Неаполя, «Карлъ V»,—обширное изслѣдованіе въ 260 стр., почти полная біографія знаменитаго императора, съ котораго начинается новая исторія Европы; здѣсь авторъ, разбирая новыя изслѣдованія о Карлѣ: Минье, Пишо и Стирлинга, анализируетъ весьма подробно всю жизнь императора съ цѣлью убѣдить въ своихъ взглядахъ на нее, какъ болѣе близкихъ къ исторической истинѣ. Къ сожалѣнію, какъ теперь это видно, взгляды Кудрявцева и факты исторіи непримиримо враждуютъ. Пребываніе въ Италіи и появившаяся вторымъ изданіемъ книга Реймонта о «Юности Катерины Медичи» вызвала работу подъ такимъ же заглавіемъ со стороны Кудрявцева. Особую группу въ этомъ томѣ составляютъ: «Воспоминаніе о Т. Н. Грановскомъ» и часть его біографіи, напечатанная уже послѣ смерти автора подъ заглавіемъ: «Дѣтство и юность Т. Н. Грановскаго». Въ этомъ началѣ біографіи съ какимъ-то благоговѣйнымъ тщаніемъ и трогательной преданностью собраны малѣйшія черты изъ дѣтской жизни Грановскаго съ цѣлью объяснить и дать почувствовать въ этихъ подробностяхъ будущее значеніе и развитіе его глубоко симпатичной личности; здѣсь съ удивительнымъ жаромъ біографъ защищаетъ студента Грановскаго отъ недоброжелательнаго самовосхваленія его университетскаго товарища аріенталиста Григорьева. Приходится искренно сожалѣть о томъ, что мы имѣемъ только талантливое начало этой удивительно мѣткой, психологически тонкой и художественно начатой біографіи профессора-идеалиста. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно ознакомить читателя съ содержаніемъ перечисленныхъ разнообразныхъ статей. Мы постараемся сжато передать существенное изъ наиболѣе важныхъ и крупныхъ, изъ наиболѣе удачныхъ по выполненію или оригинальности взглядовъ. Такимъ образомъ, мы фактически докажемъ читателю вѣрность нашей общей характеристики, сдѣланной вначалѣ.

Мы не будемъ говорить ни «о Дантѣ, его вѣкѣ и жизни», потому что тщательные очерки политическаго состоянія и литературы Италіи въ XIII вѣкѣ заглушили не многія прекрасныя страницы, раскрывающія душевную жизнь молодого поэта,—ни «о Юности Катерины Медичи», ибо мы узнаемъ такъ мало о томъ, какъ слагался характеръ «маленькой дукессины», что повѣтствованіе о ея юности превращается въ отрывокъ изъ исторіи ея родного города, ни объ «Осадѣ Лейдена», гдѣ самая осада занимаетъ весьма незначительное мѣсто, да и та блѣднѣетъ при сравненіи съ соотвѣтствующимъ позднѣйшимъ описаніемъ Мотлея. Эти три статьи въ общемъ для нашего времени не имѣютъ цѣнности и могутъ быть названы слабыми, въ осо-

бенности же послѣднія двѣ. Минуя статью «Жозефъ Бонапартъ въ Италіи», которая не кончена, ибо авторъ, имѣя въ виду разсказать исторію наполеоновскаго владычества въ Неаполѣ и Испаніи, успѣлъ окончить только военную исторію этого владычества въ одномъ Неаполѣ, мы не можемъ не отмѣтить въ ней проницательной характеристики Наполеона, въ которой Кудрявцевъ предвосхитилъ основную мысль мастерской характеристики Тэна, что Наполеонъ «величайшій кондотьеръ своего времени». Нельзя не согласиться съ замѣчаніями Кудрявцева на диссертаціи Бакста и Ешевскаго; здѣсь первому выставляется на видъ коренной недостатокъ его точки зрѣнія въ оцѣнкѣ македонскаго владычества, которое, совершенно справедливо, было катастрофой, а второму — не вѣрное пониманіе характера Галло-римской литературы въ V вѣкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько фалишивое освѣщеніе личности самаго Сидонія. Но всѣ эти статьи имѣютъ второстепенное значеніе для характеристики личности талантливаго историка. Важны его статьи по общимъ вопросамъ исторіи, его характеристика Карла V и, наконецъ, не многія статьи объ искусствѣ.

Задачу современныхъ историковъ Кудрявцевъ видитъ въ изученіи нравственнаго облика народовъ, созданнаго подъ вліяніемъ исторіи. Эта задача становилась для него исходнымъ пунктомъ для совершенно новой отрасли исторіографическаго искусства, которое должно стремиться къ созданію полныхъ и отчетливыхъ индивидуальныхъ образовъ цѣлыхъ народностей. За Кудрявцевымъ остается заслуга, что онъ перенесъ вопросъ о породѣ съ физіологической почвы на психологическую, и что онъ сознательно указалъ на назначеніе психологіи для историка. Нигдѣ не обнаруживается такъ субъективный лиризмъ, о которымъ мы упоминали, какъ въ статьѣ о Карлѣ V. Здѣсь повліяли на изображеніе Карла и уголъ зрѣнія, и личность историка, его убѣжденія и душевныя свойства и несоотвѣтствовавшее предмету настроеніе. Кудрявцевъ подчеркиваетъ въ Карлѣ V мечтательность, его отчужденность духу времени, его склонность къ устарѣвшимъ, отжившимъ идеаламъ. Эти черты напрасно внесены въ портретъ историкомъ; его созданіе сильно противорѣчитъ историческому подлиннику. Факты здѣсь подведены подъ извѣстную формулу. Это проистекало изъ желанія объяснить отреченіе Карла V отъ престола и удаленіе въ монастырь. Не соглашаясь со взглядомъ Минье въ томъ, что помянутые поступки были слѣдствіемъ болѣзненнаго настроенія, Кудрявцевъ настаиваетъ, что Карлъ не понялъ вѣка, что онъ задался ложными идеалами и думалъ этимъ мечтамъ подчинить все теченіе современной ему жизни. Задача историка чрезвычайно расширяется отъ этого, дѣло принимаетъ драматическій характеръ, онъ производитъ оцѣнку цѣлой политической жизни Карла V и произноситъ судъ надъ идеалами великаго вѣка. Но это не вѣрно. То былъ вѣкъ государственнаго строенія, когда искусные политики созидали государство, какъ художественный механизмъ; мысль ихъ питалась реальными выгодами и интересами дѣйствительности. Карлъ V былъ вполнѣ сыномъ этого вѣка. Онъ получилъ чисто дѣловое воспитаніе, былъ современникомъ Макіавеля и не разставался съ политическими трактатами этого писателя. Сложная политика его была отраженіемъ не обыкновенныхъ условій, въ которыя поставила его судьба. Государственный интересъ руководилъ Карломъ V въ войнахъ съ Франціей изъ-за обладанія южной Италіей и Наваррой; простой политической разсчетъ и необходимость заставляли воевать съ турками, то же самое руководило имъ

въ подавленіи религіознаго раскола. Главной задачей Карла было созданіе великой державы. И эти планы осуществились. Но скоро его великая держава распалась, раздвоилась его династія; подъ руководствомъ двухъ габсбургскихъ вѣтвей, Испанія и Германія пошли разными путями. Въ этомъ и нужно усматривать главную причину печальнаго конца царствованія Карла V.

Вся свѣтлая и чистая по своей идеалистической цѣломудренности личность Кудрявцева ярко сказалась въ его статьяхъ объ искусствѣ, проникнутыхъ восторженной любовью къ красотѣ, тонкимъ пониманіемъ ея, страстнымъ поклоненіемъ великимъ твореніямъ слова, рѣзца и кисти. До сихъ поръ неподражаема статья его объ Эдипѣ-Царѣ, въ разборѣ котораго Кудрявцевъ пересказываетъ развитіе драмы съ такимъ психологическимъ пониманіемъ и человѣческимъ сочувствіемъ, что произведеніе Софокла раскрывается во всей своей художественной красотѣ и человѣческой правдѣ. Если Эдипъ-Царь былъ для Кудрявцева высшимъ разцвѣтомъ нравственнаго сознанія грековъ, то воплощеніемъ ихъ чувства изящнаго была для него Венера Милосская. Ея статуя въ Луврѣ сдѣлалась для него откровеніемъ пластической красоты. Описаніе статуи—цѣльное лирическое стихотвореніе въ прозѣ, въ которомъ вылилось изъ глубины души художественное profession de foi автора. Такъ онъ восклицаетъ: «Что же не неумирающаго, намъ родного остается въ этихъ памятникахъ и говоритъ намъ въ нихъ такою понятною рѣчью? И не думаю, чтобы можно было отвѣтить однимъ словомъ — красота: есть красота мертвая и есть красота живая; отъ одной я тотчасъ ухожу въ сторону; другая беретъ все мое вниманіе, родитъ пріязнь къ себѣ... Тайна жизни искусства есть его духовное, идеальное: отсюда и его безсмертіе. Откуда духовное? Конечно, отъ духа художника, который вмѣстѣ съ своею идеею переноситъ въ камень или на полотно и, такъ сказать, часть собственнаго духа. Это онъ, это его создающій духъ»... Этимъ же создающимъ, безсмертнымъ духомъ вѣетъ отъ страницъ твореній Кудрявцева, — вѣетъ потому, что историкъ умѣлъ за условными формами давно минувшихъ вѣковъ угадывать вѣчную и обще-человѣческую мелодію и потому что, какъ человѣкъ, онъ находилъ въ своей душѣ родственные ей звуки. Кудрявцевъ принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ натурамъ, для которыхъ написанъ стихъ:

«Das Ewigweiblishe Zieht anshinan».

С. Т—въ.

Kwartalnik historyczny. Organ towarzystwa historycznego pod redakcyą Xawerego Liskego. Zeszyty 3 и 4. We Lwowie. 1887.

Двѣ послѣднія книжки львовскаго «Историческаго Четырехмѣсячника» изобильны матеріаломъ по историческимъ явленіямъ польской жизни, но преимущественно за времена давно отдаленныя. Неизбѣжное слѣдствіе этого— пониженіе интереса, какой могъ бы имѣть подобный журналъ для читающей публики, — объясняется тѣмъ, что болѣе замѣтныя внѣшнія историческія проявленія собственно польской жизни совершались почти исключительно въ прошедшемъ, а расширить свою программу, въ смыслѣ ознакомленія чи-

тателей вообще со славянской исторической литературой редакція «Четырехмѣсячника», повидимому, не предполагаетъ.

Должно замѣтить, впрочемъ, что въ названномъ журналѣ встрѣчаются отзывы о нѣкоторыхъ книжныхъ и журнальныхъ явленіяхъ русской литературы, но неизмѣнно имѣющихъ извѣстное отношеніе къ специфической программѣ «Четырехмѣсячника». Такъ, отмѣчены «Холмская Русь», г. Батюшкова, нѣкоторыя статьи изъ «Кіевской Старины» (напримѣръ, о «записках Сбитнева»), характеристика гр. Берга, сдѣланная Павлищевымъ, изъ нашего журнала и т. п.

Затѣмъ, въ представляемыхъ журналомъ матеріалахъ о старинныхъ временахъ Польши остается выбирать лишь кое-что, болѣе или менѣе выдающееся изъ области забвенія. Такимъ, напримѣръ, нельзя не признать лучшаго изъ польскихъ королей, Стефана Баторія, 300-лѣтняя годовщина смерти котораго вызвала сколько изобильную числомъ, столько же и безплодную литературу. Пріятнымъ исключеніемъ въ этой послѣдней, по словамъ журнала, является вышедшая въ нынѣшнемъ году въ Краковѣ книга г. Закшевскаго о Баторіи, заключающая въ себѣ не только обзоръ исторіи его царствованія, но и программу дальнѣйшихъ изысканій о болѣе важныхъ и все-таки еще не вполнѣ разъясненныхъ сторонахъ дѣятельности этого короля: таковы особенно, его отношенія къ шляхтѣ вообще и къ отдѣльнымъ ея партіямъ въ частности, а также къ духовенству и по внѣшнимъ дѣламъ—къ сосѣдямъ. По мѣрѣ увеличенія количества матеріаловъ о личности и царствованіи Баторія, можно ожидать здѣсь новыхъ изслѣдованій. Теперь стараются, напримѣръ, разъяснить самымъ естественнымъ образомъ его неожиданную смерть, положившую конецъ дальновиднымъ планамъ воинственнаго короля. Смерть эта приписывалась отравленію: нынѣ, по сличеніи сохранившагося до нашего времени описанія симптомовъ болѣзни съ данными современной медицинской науки, получаетъ силу догадка, что болѣзнь неутомимаго во внутренней и внѣшней борьбѣ Стефана Баторія была самая современная — болѣзнь сердца... Что касается наиболѣе интересныхъ для насъ его внѣшнихъ дѣлъ, то нѣкоторыя относящіяся сюда откровенія кажутся намъ или чисто произвольными гипотезами, или, въ случаѣ своей правдоподобности, омрачающими нѣсколько сложившееся представленіе о прозорливости умнѣйшаго изъ польскихъ королей. Дѣло въ томъ, что Баторій не только затѣвалъ большую войну съ турками (при тогдашней ихъ силѣ, такая война сама по себѣ была крайне рискованна), но еще будто бы хотѣлъ предварить эту великую войнў «завоеваніемъ Москвы и прочнымъ утвержденіемъ надъ ней власти». Проф. Закшевскій, сознавая, что подобный «колоссальный» (т. е. попросту нелѣпый) планъ, приписываемый Баторію, вызоветъ недовѣріе, занялся въ своей книжкѣ подробнымъ разборомъ его осуществимости и—все-таки не рѣшился дать утвердительнаго отвѣта. Авторъ ограничился указаніемъ на послѣдовавшія вскорѣ событія эпохи самозванцевъ, будто бы доказывающія, что проектъ Баторія имѣлъ за себя вѣроятность и что тогдашней Россіей овладѣть было не трудно. По нашему мнѣнію, событія доказали именно противное: не смотря на всѣ «побѣды» Сигизмунда III, не смотря на дѣйствительно страшную смуту, вызванную въ Россіи самозванствомъ (а не польскими побѣдами), упомянутая эпоха, доказала лишь то, что Россію можно временно одолѣть, но прочно подчинить, а тѣмъ болѣе политически уничтожить нельзя.

Гораздо больше важности, поэтому, могли бы имѣть историческія разъ-

ясненія объ отношеніяхъ Стефана Баторія къ польской шляхтѣ, которая ненавидѣла этого бывшаго турецкаго вассала, твердаго характеромъ и властолюбиваго. Подобныхъ королей шляхта вообще выносить не могла, и хотя гипотеза объ отравленіи Баторія теперь отвергается, но несомнѣнно, что шляхта ставила королю препоны въ чемъ только могла. Во всякомъ случаѣ подлежитъ тщательной критической провѣркѣ высказываемое въ журналѣ мнѣніе, будто бы Баторій старался, прежде всего, опираться на шляхетскомъ элементѣ. Это былъ послѣдній король, способный еще спасти Польшу, которая, затѣмъ со вступленіемъ на ея престолъ династіи Вазы, устремилась безповоротно къ гибели: главную причину этой гибели,—шляхетскій элементъ, король Стефанъ держалъ въ рукахъ и съумѣлъ бы, при случаѣ, обратить въ орудіе своихъ плановъ, а не самъ искалъ въ немъ опоры.

Спустя 200 лѣтъ послѣ Баторія наступила для Польши трагическая эпоха, вызывающая до сихъ поръ усердныя изслѣдованія польскихъ ученыхъ. Кромѣ извѣстнаго, недоконченнаго труда кс. Калинки о четырехлѣтнемъ сеймѣ, другой польскій ученый, Тадеушъ Корзонъ, занимается анализомъ внутренняго состоянія Польши при Станиславѣ-Августѣ, хотя содержаніе его труда и не совсѣмъ соотвѣтствуетъ этому названію. Въ Краковѣ недавно вышла вторая часть четвертаго тома этого труда, разсматриваемая въ послѣдней книжкѣ «Четырехмѣсячника». Наиболѣе интереса представляетъ общій взглядъ автора на внутреннее состояніе Польши при послѣднемъ королѣ, чрезвычайно превозносимый рецензентомъ за новый свѣтъ, будто бы внесенный Корзономъ въ исторію эпохи.

Авторъ положилъ не мало труда, чтобъ нарисовать жизнь тогдашняго польскаго общества въ разные моменты описываемой эпохи: (предъ первымъ раздѣломъ, во время четырехлѣтняго сейма, при тарговицкой конфедераціи и во время возстанія Костюшки; онъ разсматриваетъ тогдашнія учрежденія различныхъ представителей власти, касается даже иногда отдѣльныхъ личностей, рѣшая вопросы, насколько эти учрежденія и лица поработали для блага и возрожденія отчизны. Результатъ анализа выходитъ у Корзона для упомянутой цѣли очень благопріятный, вопреки взглядамъ не только Костомарова, но даже и Калинки, который произнесъ строгій судъ надъ дѣятельностью сейма и отнесся съ извѣстной похвалой къ Станиславу-Августу. Корзонъ, напротивъ усматриваетъ въ польскомъ обществѣ того времени всѣ признаки нравственнаго и матеріальнаго возрожденія, даже вопреки внѣшнимъ затрудненіямъ, вопреки внутреннему безначалію. Что эти признаки были, впрочемъ, не слишкомъ многочисленны—въ томъ можно убѣдиться изъ сознанія, помѣщеннаго въ разсматриваемой статьѣ, что тогдашнее польское общество не было ни идеально хорошимъ, ни даже хотя бы только сравнительно совершеннымъ: «анализуемое въ цѣлой своей массѣ, оно стояло, можетъ быть, ниже другихъ современныхъ ему европейскихъ обществъ, развивавшихся нормально».

Всѣ права на оптимистскіе выводы заключаются въ сравнительномъ улучшеніи противъ эпохи саксонскихъ королей, характеризуемой Корзономъ, какъ время умственнаго мрака, нравственной гнили, неслыханнаго экономическаго упадка, политической анархіи, внутренняго разстройства, внѣшняго безсилія,—короче, истинно-варварскаго состоянія, или даже хуже, чѣмъ варварскаго. Напротивъ, въ послѣднія 30 лѣтъ существованія Рѣчи Посполитой, какъ старается показать авторъ, сдѣлано многое по части просвѣщенія, по улучшенію быта крестьянъ и мѣщанъ, по развитію торговли и фабричной промышленности,

но улучшенію администраціи, по процвѣтанію литературы и искусства... Не смотря на это, въ польскомъ обществѣ не оказалось достаточной отпорной силы предъ непріятелемъ. Сеймъ не обладалъ политической предусмотрительностью, враждуя съ могущественной русской императрицей. Король, не лишенный добрыхъ желаній для своего отечества, но легкомысленный и измѣнчивый, вовсе не стоялъ въ уровень съ требованіями времени. Не прекращалась внутренняя борьба, выражавшаяся, напримѣръ, въ появленіи тарговицкой конфедераціи. Все это не говоритъ въ пользу не только политическаго совершенствованія, но даже и хорошо нравственнаго состоянія польскаго общества, слишкомъ долго игравшаго въ мелкую, партійную внутреннюю политику и потерявшаго способность къ истинному патріотизму, когда на него настаалъ спросъ. Тѣ улучшенія внутренняго быта, на которыя указываетъ Корзонъ въ похвалу станиславовскому времени, во многомъ соотвѣтствуютъ достоинствамъ самого Станислава-Августа, который вѣдь тоже лично былъ лучше своего предшественника, Августа III. Польское общество, подобно своему послѣднему королю, быть можетъ, и проявляло нѣкоторыя полезныя въ обычное время стремленія по экономической и просвѣтительной сторонамъ быта, но точно также не стояло въ уровень съ требованіями времени, для котораго нужны были люди съ гражданскими добродѣтелями, съ политическимъ самоотверженіемъ. Можетъ быть, подъ вліяніемъ новыхъ идей, такіе люди и выработались бы въ Польшѣ, (чему примѣромъ служитъ полу-американецъ Костюшко), но времени для такого возрожденія Польшѣ не было дано, да при томъ, судя по недоброжелательству пановъ къ самому Костюшкѣ за его свободолюбивыя воззрѣнія,—сомнительно, чтобъ перерожденіе нравственное и могло скоро совершиться въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ: эпоха «сасовъ» была еще слишкомъ близка, а обстоятельства не ждали...

Мы должны еще указать на историческую разработку одной новѣйшей печальной стадіи польской жизни, восстанія 1863 года, которому въ январѣ исполнится четверть столѣтія—срокъ, достаточно почтенный, чтобъ ожидать обстоятельнаго историческаго освѣщенія этого пагубнаго для поляковъ и неблагопріятнаго для самой Россіи событія. Не смотря на то, безпристрастной исторіи новаго «смутнаго времени» мы едва ли скоро дождемся. Извѣстная книжка покойнаго Берга о польскихъ заговорахъ и восстаніяхъ, которую онъ подготовлялъ къ новому изданію съ большими исправленіями и дополненіями, служитъ и теперь пособіемъ даже для польскихъ писателей о восстаніи 1863 года. Такъ, она была въ числѣ матеріаловъ для неизвѣстнаго автора вышедшей недавно въ Краковѣ и Познани книги «Послѣдніе моменты январскаго возстанія». Должно отдать справедливость львовскому рецензенту, который, въ опроверженіе различныхъ недостойныхъ инсинуацій автора книги о Бергѣ, счелъ умѣстнымъ отстоять нравственную сторону этого русскаго писателя, какъ «человѣка чрезвычайно честнаго, съ независимымъ образомъ мыслей, поборника правды». Вообще, отзывы о людяхъ того времени въ краковской книжкѣ часто ошибочны, и это заранѣе не располагаетъ въ ея пользу, не смотря на то, что авторъ будто бы имѣлъ въ своемъ распоряженіи архивы «жонда народоваго».

Особаго безпристрастія такой источникъ, конечно, не обѣщаетъ въ освѣщеніи событій, но, безъ сомнѣнія, можно бы дать больше интереснаго, чѣмъ оказался въ состояніи дать авторъ. Послѣдними моментами возстанія онъ считаетъ время съ февраля и марта 1864 г., когда полная неудача назначен-

наго тайнымъ жондомъ «посполитаго рушенія» показала даже самымъ рьянымъ поборникамъ возстанія, что ждать болѣе было нечего, да и странно было сражаться безъ войска, безъ оружія и безъ предводителей. Собственно говоря, послѣдніе моменты возстанія начались гораздо раньше, въ 1863 году, послѣ неудачи дипломатическаго вмѣшательства западныхъ державъ, а особенно по установленіи осаднаго положенія въ Галиціи, которая служила какъ бы очагомъ или, правильнѣе «кулисами» возстанія. Употребляемъ это сравненіе потому, что, по словамъ рецензента, отряды, формированные въ Галиціи, появлялись и пропадали, какъ статисты въ театральныхъ процессіяхъ. При такомъ положеніи дѣлъ, трудно было говорить даже о партизанскомъ характерѣ возстанія. Это были просто навербованные «уцекиньеры» (такой терминъ выработали событія), молодые, большею частью, люди, изъ эмигрантовъ, бездомные, голодные, не имѣвшіе ни занятій, ни охоты къ труду: «записавшись въ отрядъ, такой человѣкъ получалъ квартиру, содержаніе и, въ добавокъ, становился еще чѣмъ-то въ родѣ героя—соблазнъ былъ великъ. Когда начинали свистать пули—наиболѣе дѣльные изъ волонтеровъ гибли, а остальные искали спасенія въ бѣгствѣ, и неудивительно: такой импровизованный воинъ часто не умѣлъ зарядить карабинъ, не былъ увѣренъ, что товарищъ его не покинетъ первый, не имѣлъ довѣрія къ предводителю, котораго не зналъ или который видимо терялъ голову». Наилучшей тактикой, конечно, было «утекать» отъ непріятеля за границу, а потомъ снова оттуда выглянуть при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Осадное положеніе въ Галиціи положило всему этому конецъ.

Не лучше шли дѣла и въ самомъ «жондѣ народовомъ»; «правилъ» онъ очень мало. Его и не хотѣли слушаться и не могли, не зная навѣрное, кто въ этомъ потаенномъ правительствѣ засѣдаетъ и даже существуетъ ли оно фактически такъ какъ временами его въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ не было, до новой сформировки. Власть жонда надъ вооруженной силой возстанія была чисто-номинальная. Вообще, «всѣ составы жонда не много придавали значенія военнымъ дѣйствіямъ: люди болѣе высокаго положенія расчитывали на европейское вмѣшательство, красные—на помощь всесвѣтной революціи и на возмущеніе въ самомъ краѣ»... Всѣ эти надежды обманули, и когда послѣдній жондъ, въ лицѣ Ромуальда Траугута, былъ захваченъ русскою властью, «комисары» жонда одинъ за другимъ поспѣшно выбирались за границу, передавая бумаги и печати чуть ли не первому встрѣчному. Неудивительно, что въ краѣ всѣ говорили въ одинъ голосъ: «скорѣе бы это бѣдствіе кончилось»...

А это дѣйствительно было «бѣдствіемъ», особенно для сельскихъ обитателей: не говоря о чемъ другомъ, особенно давали себя знать поборами разные комисары жонда, подъ именемъ которыхъ, какъ говоритъ авторъ, ходили и простые бродяги, такъ что истиннаго комисара отъ ложнаго было не отличить: тотъ и другой предъявляли печати. Но если истинными комисарами бывали то студенты. высланные изъ Варшавы, то какіе-нибудь революціонеры, которыхъ самъ жондъ старался удалить отъ себя, то можно себѣ представить, каковы же были поддѣльные? Все это сводилось къ простому вымогательству и даже грабежу отъ мирныхъ жителей.

Спрашивается: для чего столько времени тянули это безнадежное дѣло, причиняя надолго непоправимый вредъ своей же землѣ? Вотъ какой дается на это отвѣтъ: «того хотѣла партія кандидатовъ въ члены жонда; того же хотѣла дипломатическая филія жонда въ Парижѣ». Въ этомъ послѣднемъ и

крылась, безъ сомнѣнія, наибольшая доля вины. Извѣстно, какую роль играла въ западной Европѣ, именно въ Парижѣ, польская эмиграція въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Она пользовалась вліяніемъ среди своихъ соотечественниковъ и показывала видъ, что располагаетъ вліяніемъ и въ западноевропейскихъ руководящихъ сферахъ. Вліяніе это оказалось настолько ничтожнымъ (не смотря даже на поддержку во Франціи со стороны принца Жерома-Наполеона, нынѣшняго претендента), что вожди эмиграціи не имѣли даже свѣдѣній объ истинныхъ намѣреніяхъ парижскаго и лондонскаго кабинетовъ и напрасно повергли польскій край въ броженіе, слѣдствія котораго и теперь еще даютъ себя знать.

При всѣхъ недостаткахъ и односторонности книги о послѣднихъ минутахъ польскаго возстанія 1863 года, должно признать за подобными историческими явленіями польской литературы наибольшій интересъ для современности. Желательно, чтобы редакція львовскаго «Четырехмѣсячника», не ограничиваясь рецензіями, давала мѣсто и болѣе обработаннымъ статьямъ изъ этой эпохи, подобнымъ, напримѣръ, помѣщенной въ той же книжкѣ монографіи Корзона о философско-исторической теоріи Сташица.

Н. С. К.

Юношескіе годы Пушкина. Біографическая повѣсть В. П. Авенаріуса. Изданіе редакціи журнала „Родникъ". Спб. 1888.

Книга эта служитъ продолженіемъ и окончаніемъ вышедшей въ 1886 году другой книжки того же автора, заключающей разсказъ объ отроческихъ годахъ Пушкина. Каждое изъ этихъ сочиненій составляетъ отдѣльную, вполнѣ законченную повѣсть, а оба вмѣстѣ представляютъ живо и увлекательно написанную картину отрочества и юношества нашего великаго поэта. Появленіе этихъ изданій совпало съ недавнимъ чествованіемъ его памяти, что̀ еще болѣе должно обратить на нихъ вниманіе. Трудъ г. Авенаріуса до выхода отдѣльнымъ изданіемъ печатался въ извѣстномъ дѣтскомъ журналѣ «Родникъ» и очевидно предназначенъ былъ для чтенія юношеству. При этомъ автору предстояла довольно трудная задача. Съ одной стороны нужно было согласить разсказъ съ необходимыми педагогическими условіями и устранить изъ него все, что въ своеобразной молодости нашего поэта далеко не можетъ быть поучительнымъ; съ другой стороны слѣдовало представить образъ геніальнаго юноши сколько возможно дѣйствительнымъ, безъ искусственной идеализаціи, въ его характерной индивидуальности. Задачу эту авторъ рѣшилъ съ полнымъ успѣхомъ. Въ его разсказѣ личность Пушкина, въ его отроческіе и юношескіе годы, въ связи съ первыми проявленіями его характера и поэтическаго таланта, рисуется въ чертахъ правдивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ должна благотворно дѣйствовать и на умы молодыхъ читателей. Г. Авенаріусъ, не скрывая недостатковъ въ натурѣ и воспитаніи своего героя, съумѣлъ согласить ихъ съ тѣми цѣлями, какія преслѣдуетъ здравая педагогика. Не должно думать, однако, что его біографическія повѣсти о Пушкинѣ могутъ имѣть интересъ только для юношества: онѣ съ несомнѣннымъ удовольствіемъ прочтутся всѣми, кого-только интересуетъ жизнь геніальнаго русскаго поэта. Въ значительномъ числѣ сочиненій о Пушкинѣ, существующемъ въ нашей литературѣ, нѣтъ ни одной монографіи,

въ которой собрано было бы столько подробностей о его дѣтствѣ и времени пребыванія въ Царскосельскомъ лицеѣ. Изъ приложеннаго въ концѣ настоящей книги списка источниковъ, послужившихъ для нея матеріаломъ, можно видѣть, что авторъ воспользовался всѣмъ, что заслуживаетъ вниманія въ этомъ отношеніи. Онъ нашелъ возможность ознакомиться даже съ такими источниками, которые до сихъ поръ не появлялись въ печати. Таковъ, напримѣръ, рукописный журналъ «Лицейскій Мудрецъ», издававшійся въ 1815 году воспитанниками лицея и находящійся въ настоящее время у академика Я. К. Грота. Благодаря этому обилію матеріаловъ, фактическая сторона обѣихъ повѣстей, и въ особенности послѣдней, отличается замѣчательной полнотою и множествомъ любопытныхъ подробностей, а живое литературное изложеніе придаетъ этому еще болѣе интереса. Въ повѣсти объ отроческихъ годахъ Пушкина было описано поступленіе его въ Царскосельскій лицей и первые годы пребыванія въ заведеніи до кончины директора Малиновскаго и наступившаго затѣмъ такъ называемаго лицейскаго междуцарствія, продолжавшагося до назначенія Энгельгарта. Повѣсть о юношескихъ годахъ поэта начинается именно съ этого времени и оканчивается выпускомъ его изъ лицея и первыми шагами въ свѣтѣ молодого лицеиста. Здѣсь читатель вполнѣ знакомится съ одной стороны съ характеромъ лицея подъ управленіемъ Энгельгарта и съ персоналомъ преподавателей и другихъ служебныхъ лицъ, а съ другой—съ разсвѣтомъ могучаго дарованія будущаго пѣвца «Руслана и Людмилы». Все это авторъ передаетъ не въ сухихъ описаніяхъ, а въ картинныхъ сценахъ, живо переносящихъ читателя въ изображаемую эпоху и въ среду лицъ, игравшихъ ту или другую роль въ отношеніи къ молодому Пушкину. Таковы, напримѣръ, эпизоды игръ лицеистовъ на Розовомъ полѣ, появленіе въ печати первыхъ стиховъ нашего поэта, два дня у Державина въ Званкѣ, гуманное отношеніе директора къ Пушкину и нравственное на него вліяніе, лицейскій актъ, выпускъ и проч. Въ разсказѣ г. Авенаріуса мы находимъ характерные портреты всѣхъ товарищей Пушкина по лицею, Дельвига, Илличевскаго, Горчакова, Пущина, Кюхельбекера и т. д. Наконецъ, здѣсь не мало любопытныхъ свѣдѣній о первыхъ отношеніяхъ юнаго поэта къ Державину, Карамзину, Жуковскому, къ извѣстному въ то время литературному обществу «Арзамасъ» и кружку молодыхъ писателей. Авторъ мѣстами вноситъ въ свой разсказъ отрывки такихъ стиховъ Пушкина, которые или характеризуютъ его идеи и настроеніе въ годы его юности, или поясняютъ какія-нибудь обстоятельства его тогдашней жизни и его товарищескихъ связей. При такихъ условіяхъ сочиненіе г. Авенаріуса представляетъ сколько полную біографію молодыхъ лѣтъ нашего поэта, столько же и занимательную повѣсть. Въ русской литературѣ это сочиненіе можно поставить на ряду съ извѣстнымъ біографическимъ романомъ Ксенофонта Полеваго: «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ». Къ книгѣ г. Авенаріуса приложено восемь рисунковъ, и въ томъ числѣ копіи съ двухъ каррикатуръ лицеиста Илличевскаго, до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ публикѣ.

А. М.

Дешевая библіотека. Изданіе А. С. Суворина. В. Шекспиръ. „Гамлетъ“. Переводъ съ англійскаго. Н. А. Полевого. Изд. 2-е.
Его же. „Король Лиръ“. Переводъ А. В. Дружинина. Изд. 2-е.
Его же. „Макбетъ“. Переводъ А. И. Кронеберга.
Его же. „Отелло“. Переводъ П. И. Вейнберга.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, усвоенныхъ нашею русскою почвою, Шекспиру принадлежитъ несомнѣнно первое мѣсто, по значенію и вліянію на массу. Великій писатель недаромъ пользуется міровымъ значеніемъ! Подобно Гомеру, онъ одинаково-внятно говоритъ и горячему сердцу юноши, и спокойному разуму зрѣлаго мужа; и тотъ, и другой читаютъ и изучаютъ его одинаково охотно, хотя это чтеніе и приводитъ ихъ къ противоположнымъ результатамъ... Юношу поражаетъ Шекспиръ внѣшнею простотою и цѣльностью своихъ воззрѣній на жизнь и людей; зрѣлаго мужа—неисчерпаемою глубиною и тонкостью своихъ наблюденій и выводовъ; но обоимъ, въ одинаковой степени, Шекспиръ доставляетъ высокое, ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе. Благодаря этой поразительной многосторонности Шекспирова генія, чтеніе произведеній великаго драматурга составляетъ всюду потребность каждаго образованнаго человѣка, а не мимолетную, скоропроходимую моду. По отношенію къ русской читающей публикѣ это уже доказывается совершенно ясно тѣмъ, что даже многотомное, дорого-стоющее «Полное собраніе сочиненій Шекспира», составленное Гербелемъ и Некрасовымъ, успѣло дожить до третьяго изданія. Но такъ какъ большинству русскаго читающаго люда не подъ силу покупать дорогія изданія, а, между тѣмъ, потребность въ знакомствѣ съ Шекспиромъ все болѣе и болѣе возростаетъ, по мѣрѣ распространенія у насъ грамотности, то мы искренно радуемся появленію въ свѣтъ лучшихъ произведеній Шекспира въ отдѣльныхъ томикахъ «Дешевой Библіотеки». Что въ данномъ случаѣ издателю удалось угадать дѣйствительную потребность нашихъ русскихъ читателей—это видно изъ того, что томики «Дешевой Библіотеки», въ которыхъ помѣщены были «Гамлетъ» и «Король Лиръ», въ короткое время успѣли уже выйти вторымъ изданіемъ. Можно сказать съ полною увѣренностью, что Шекспиру не грозитъ забвеніе и что каждый томикъ Шекспира въ «Дешевой Библіотекѣ» переживетъ не одинъ десятокъ изданій. П. П.

А. Н. Масловъ. Завоеваніе Ахалъ-теке. Изданіе второе съ двумя портретами и съ приложеніемъ матеріаловъ для біографіи М. Д. Скобелева. Спб. 1887.

Описаніе Скобелевскаго похода въ Ахалъ-теке, сдѣланное А. Н. Масловымъ съ большимъ литературнымъ талантомъ, при появленіи своемъ вскорѣ послѣ окончанія экспедиціи М. Д. Скобелева обратило на себя вниманіе критики и самое изданіе давно разошлось. Въ этомъ второмъ изданіи авторъ сдѣлалъ самыя незначительныя поправки въ старомъ текстѣ, но за то увеличилъ историческій интересъ своей книги приложеніями крайне любопытныхъ матеріаловъ: о дѣтствѣ, воспитаніи и о первыхъ годахъ службы покойнаго замѣчательнаго генерала. Здѣсь, напримѣръ, данъ отрывокъ изъ неоконченной автобіографіи Скобелева, касающійся его дѣйствій при покореніи

Кокана и Ферганской области, этого перла въ ряду нашихъ многочисленныхъ, но обыкновенно экономически безплодныхъ, Средне-азіатскихъ завоеваній. Въ этихъ же матеріалахъ, въ первый разъ, помѣщены подробные свѣдѣнія о дѣлѣ съ киргизами въ урочищѣ Итебай во время хивинскаго похода, гдѣ 29-го марта Скобелевъ былъ-таки порядочно побитъ и поколотъ пиками киргизовъ и едва не погибъ просто задаромъ.

А. Н. Масловъ собралъ только тѣ матеріалы, которые касаются лично ему знакомой дѣятельности Скобелева во время его Азіатской боевой дѣятельности, а также нѣкоторыхъ эпизодовъ во время маневровъ 4 корпуса подъ Бобруйскимъ въ 1881 году. О дѣятельности же Михаила Дмитріевича на европейскомъ театрѣ войны въ 1877—1878 годахъ, онъ не говоритъ ни слова. Книга заканчивается оригинальной солдатской пѣсней, рисующей то впечатлѣніе непреоборимой власти и силы, какую оказывалъ на мусульманъ и на свои войска покойный генералъ своею героическою личностью. Да и немудрено, умершій 39 лѣтъ отъ роду, Скобелевъ успѣлъ побывать въ 54 военныхъ дѣлахъ, не брезгуя даже дѣлами карлистовъ въ Испаніи!

О литературномъ достоинствѣ книги свидѣтельствуетъ самое имя автора, принадлежащее—между молодыми писателями нашими, одному изъ лучшихъ беллетристовъ. В. П.

Г. Э. Лессингъ, какъ драматургъ. Ѳ. К. Андерсона. Спб. 1887.

При обзорѣ историческихъ и литературныхъ этюдовъ, издаваемыхъ нашими писателями, намъ приходилось замѣчать нерѣдко встрѣчающійся и довольно странный фактъ — совершенное игнорированіе трудовъ своихъ предшественниковъ по тѣмъ же вопросамъ и умолчаніе о томъ, что уже издано по тому же предмету. Не мало у насъ охотниковъ открывать Америку, забывающихъ о томъ, что она уже давно открыта. Г. Андерсонъ въ первыхъ строкахъ своего предисловія къ этюду о Лессингѣ, говоритъ, что онъ очень мало извѣстенъ въ Россіи и далеко не всякій образованный русскій читалъ его. Утвержденіе это совершенно ошибочно: образованнымъ русскимъ людямъ Лессингъ знакомъ не меньше Гёте и Шиллера, а драматическій писатель не можетъ обойтись безъ изученія Лессинга. Переводы первыхъ комедій его «Молодой ученый» Андрея Нартова и «Солдатское счастье» явились въ 1765 и 1779 году. В. А. Петинъ перевелъ «Эмилію Галотти» четырьмя годами раньше Карамзина (въ 1784 г.). Басни Лессинга вышли въ 1816 году въ переводѣ Василія Папышева. Но не говоря уже о старомъ времени, нельзя не знать трудовъ недавнихъ годовъ: «Лессингъ, его жизнь и творенія» («Отечественныя Записки» 1840 года, т. XIII), «Лессингъ его время, жизнь и дѣятельность» Н. Г. Чернышевскаго (1857 г., перепечатка изъ «Современника»), «Эфраимъ Лессингъ» («Русскій Вѣстникъ» 1867 г., т. VI, статья П. Д. Боборыкина), «Лаокоонъ» Эдельсона 1859 года. Это все статьи капитальныя, а сколько еще есть мелкихъ этюдовъ, отдѣльныхъ произведеній. У насъ есть въ переводѣ полное собраніе сочиненій Лессинга. «Натанъ мудрый» и «Гамбургская драматургія» изданы въ двухъ различныхъ переводахъ въ послѣднее время. Г. Андерсонъ говоритъ о Лессингѣ только какъ о драматургѣ, но и съ этой стороны «Заслуги Лессинга для нѣмецкой драмы» подробно изложены въ «Филологическихъ Запискахъ» 1860 года (выпускъ IV). Обо

всемъ этомъ г. Андерсонъ не говоритъ ни слова, хотя въ этихъ статьяхъ могъ бы найдти много полезныхъ указаній для своего изслѣдованія. Составлено оно впрочемъ обстоятельно и добросовѣстно, хотя въ нихъ опущена вся его важная сторона: указать на связь пьесъ Лессинга съ другими его произведеніями,—и это было бы необходимо для характеристики писателя и, во всякомъ случаѣ, нужнѣе изложенія о состояніи нѣмецкой драмы въ первой половинѣ XVIII вѣка и вліяніи на нее Готшеда. Не имѣютъ также прямого отношенія къ предмету книги — подробности о дѣтствѣ и юношествѣ Лессинга, о его спорѣ съ Гёце, объ изданіи религіозныхъ сочиненій Реймаруса, о послѣднихъ годахъ его жизни. И, въ то же время, въ книгѣ очень мало говорится о значеніи писателя, какъ художественнаго критика, ученаго, поэта. А хотя бы краткія указанія на эти стороны таланта Лессинга выяснили бы еще болѣе его характеристику, какъ драматурга. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была также помѣщена статья о Лессингѣ съ оцѣнкою его значенія—и потому мы не будемъ говорить объ этомъ значеніи. Г. Андерсонъ въ сужденіи о писателѣ, держится преимущественно мнѣній Геттнера и даже заключаетъ свой трудъ цитатами изъ этого историка литературы. При разборѣ пьесъ указываются и ихъ недостатки, приводятся мнѣнія разныхъ критиковъ, все, конечно, нѣмцевъ, даже такихъ, мнѣнія которыхъ очевидно пристрастны и даже дики, какъ мнѣніе Куно Фишера объ «Эмиліи Галотти». Только при оцѣнкѣ «Натана мудраго» авторъ почему-то цитируетъ мнѣніе русскаго переводчика г. Крылова, высказавшаго, что идея пьесы кажется ему очень проста, и называетъ это мнѣніе нелѣпымъ, находя, напротивъ, что мысль драмы очень сложна и непонятна, такъ какъ Лессингъ измѣнилъ идею сказки о кольцахъ, заимствованную ихъ изъ Декамерона Бокачіо. Но вѣдь и излюбленной г. Андерсономъ Геттнеръ назвалъ «Натана» «евангеліемъ любви и терпимости», а евангеліе это совершенно ясно. Для чего же авторъ хочетъ видѣть въ немъ какую-то загадку и обрушивается на г. Крылова?.. В. З.

Тверскіе архипастыри-ревнители духовнаго просвѣщенія въ XVIII в. Н. А. Криницкаго. Тверь. 1887. (Изданіе Тверской Ученой Архивной Комиссіи).

Еще новое доказательство той полезной дѣятельности, которой посвящаютъ себя въ различныхъ уголкахъ Россіи недавно учрежденныя архивныя комиссіи: — брошюра о тверскихъ архипастыряхъ, живо-рисующая намъ семинарскій быть XVIII вѣка въ Твери, просвѣтительную дѣятельность трехъ архіепископовъ—Гавріила, Платона (Левшина) и Арсенія Верещагина—и даетъ возможность ознакомиться съ тою разнообразною и многословною семинарскою литературою, которая выражалась въ изумительномъ обиліи привѣтственныхъ рѣчей, торжественныхъ одъ и всякихъ иныхъ виршеплетеній. Многія изъ этихъ произведеній невольно обращаютъ на себя вниманіе не только своею формою и содержаніемъ, но и тѣмъ, что отражаютъ на себѣ извѣстныя общественныя вѣянія въ нашей провинціи прошлаго вѣка[1]). Въ

[1]) Невольно обращаетъ на себя вниманіе, напр., такая пьеса, какъ—«Вопль купецкихъ и разночинческихъ малолѣтнихъ дѣтей» къ преосв. Платону о раз-

какой степени важна была «въ оное время» личная любовь архипастыря къ просвѣщенію, объ этомъ получаемъ понятіе только тогда, когда намъ становится извѣстно, что «семинаріи XVIII в. были поставлены въ полную зависимость отъ епархіальныхъ архіереевъ не только въ учебномъ и нравственномъ, но и въ матерьяльномъ отношеніи; онѣ почти исключительно содержались на средства епархіальныхъ, архіерейскихъ каѳедръ и потому слишкомъ дорожили добрымъ отношеніемъ къ нимъ преосвященныхъ и всячески старались сохранить ихъ расположеніе къ себѣ». Зная это, мы не осудимъ тверскихъ семинаристовъ, которые въ мартѣ мѣсяцѣ 1779 г. поднесли преосвященному Арсенію всякія восхвалительныя рѣчи, на латинскомъ, греческомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ и «соннетъ» съ слѣдующимъ эпиграфомъ:

«Воскресшаго Христа сердцами прославляя,
«О Пастырь, и Тебя питомцы музъ поютъ.
«Что образъ Ты Его въ душѣ своей являя,
«Блаженною ихъ жизнь творишь, пріятнымъ—трудъ».

Вообще, брошюра интересна и поучительна, какъ страничка изъ исторіи нашего просвѣщенія. П. П.

Холмскій Народный Календарь на 1888 годъ. Кіевъ. 1887.

Четвертый годъ издается Холмскій Календарь, о которомъ мы уже говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Издается онъ весьма тщательно и толково. Это не простой календарь, который по истеченіи года дѣлается никому не нужнымъ. Холмскій календарь скорѣе можетъ быть названъ сборникомъ статей религіозно-нравственнаго и церковно-историческаго содержанія. Изъ этихъ статей, всегда болѣе или менѣе интересныхъ, особенный колоритъ имѣютъ статьи частнаго содержанія, знакомящія читателя съ религіознымъ настроеніемъ народа, недавно возвратившагося въ лоно православной церкви, съ его сомнѣніями религіознаго свойства, порождаемыми усердною, неустанною дѣятельностію католическихъ ксендзовъ въ дѣлѣ совращенія православныхъ. Борьба это, борьба—можемъ смѣло сказать—тьмы съ свѣтомъ, далеко еще не угасла; да угаснетъ ли она когда либо? Силы во всякомъ случаи не равны. Затемненное схоластически римско-католическое вѣроученіе въ данномъ случаѣ проводится адептами латинства путемъ интриги, скрытныхъ наущеній, угрозъ и ложныхъ навѣтовъ на православіе. Эти пріемы чужды православному духовенству, которое проповѣдуетъ вселенскую истину открыто, прямымъ путемъ, какой только и возможенъ для истины. И тамъ, гдѣ есть нелѣностные служители этой истины, тамъ свѣтъ православнаго ученія убиваетъ тьму латинскихъ козней. Въ Холмскомъ Календарѣ мы находимъ нѣсколько доказательствъ того. «Бесѣды православнаго священника съ прихожаниномъ по поводу самовольныхъ похоронъ» представляютъ характерную картину вліянія живого слова священника на такъ называемыхъ упорствующихъ (бывшихъ уніатовъ, не исполняющихъ православныхъ обрядовъ): настойчивое желаніе похоронить умершую безъ всякаго обряда, безъ погребенія, послѣ бесѣды священника обращается

рѣшеніи преподавать въ епарх. училищахъ науки «на природномъ россійскомъ языкѣ» и «введеніе въ курсъ преподаваемыхъ наукъ физики, а буде можно, то и натуральной исторіи».

въ просьбу совершить церковное погребеніе по уставу. Въ другомъ случаѣ «Старый Дѣдъ» открываетъ передъ своими слушателями, упорствующею молодежью, систему латино-польскихъ козней, воспользовавшись для этого польской брошюрой 1717 года, составляющей проектъ уничтоженія подвластныхъ Польшѣ русскихъ областей, и въ концѣ концевъ приводитъ всю упорствовавшую толпу въ православную церковь, которой прихожане доселѣ чуждались. Несомнѣнно, что такіе статьи и разсказы принесутъ пользу для народа, такъ какъ Холмскій Календарь имѣетъ широкое распространеніе и расходится въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ.

По поводу предстоящаго въ будущемъ году празднованія 900-лѣтія со времени введенія на Руси христіанства, Календарь удѣлилъ на своихъ страницахъ мѣсто статьямъ: «Исторія просвѣщенія Руси святымъ крещеніемъ» и «Святой равноапостольный князь Владиміръ, просвѣтитель земли Русской»; статьи эти иллюстрированы хорошо исполненными рисунками.

Въ календарномъ отдѣлѣ находимъ «Свѣдѣнія о храмовыхъ праздникахъ и торжественныхъ празднованіяхъ въ церквахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній, съ показаніемъ крестныхъ ходовъ и мѣстъ особеннаго стеченія богомольцевъ». Эти «Свѣдѣнія» также полезны для мѣстнаго населенія, которое любитъ совершать паломничество къ особенно чтимымъ мѣстамъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ Календаря помѣщены замѣтки и наставленія по сельскому хозяйству, медицинѣ и т. п.

Вообще Холмскій Календарь заслуживаетъ полнаго одобренія и распространенія. Изданіе принадлежитъ Холмскому Православному Свято-Богородичному Братству, которое въ своей просвѣтительной дѣятельности отводитъ широкое мѣсто изданію книгъ, брошюръ и картинъ религіозно-нравственнаго содержанія, распространяя свои изданія путемъ продажи и безплатной раздачи мѣстному православному населенію и тѣмъ удовлетворяя все болѣе и болѣе возраждающуюся въ немъ потребность религіознаго развитія и ознакомленія съ историческими судьбами своего края; въ особенности, какъ мы слышали, русскій народъ Холмщины встрѣтилъ сочувственно изданный Свято-Богородичнымъ Братствомъ «Богогласникъ», вытѣсняющій польско-католическія «рожаньцы» и «коляды». Такимъ-то путемъ Холмское Братство выполняетъ свою святую задачу на пользу православной церкви и русскаго народа. Пожелаемъ этому полезному учрежденію всякаго успѣха къ дальнѣйшему совершенію его святой миссіи.

М. Г—кій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Французскія брошюры о войнѣ—какъ слѣдствіе нѣмецкаго миролюбія.—Франція, взывающая къ Россіи.—Исторія князя Бисмарка.—Германскій канцлеръ въ нѣмецкихъ брошюрахъ.—Его отношенія къ Россіи, виноватой даже въ Берлинскомъ конгресѣ.—Воспоминанія о Тургеневѣ.—Л. Н. Толстой и походъ Наполеона въ Россію.—«Исторія народа израильскаго» Ренана.—Революціонное движеніе 1848 года.—Леди Гамильтонъ и лордъ Нельсонъ.—«Монархи съ которыми я встрѣчался».

ОТЪ УЖЕ нѣсколько лѣтъ сряду, благодаря миролюбивой политикѣ германскаго канцлера, каждый новый годъ начинается тревожными и серьезными опасеніями за сохраненіе мира въ Европѣ. Каждую зиму мирные граждане, въ виду постояннаго усиленія нѣмецкой арміи, задаютъ, себѣ вопросъ: «что какъ весной эти нѣмецкія полчища двинутся на одинъ изъ фронтовъ, которые они уже давно себѣ намѣтили какъ основные пункты, на которые должно излиться германское миролюбіе». Но въ то время когда одинъ изъ этихъ фронтовъ спокойно ожидаетъ грядущихъ событій другой находится въ постоянномъ нервномъ ожиданіи войны. Брошюрами объ ней наводнена французская литература конца прошлаго года. Почти всѣ онѣ отличаются мрачнымъ настроеніемъ, болѣзненными опасеніями за будущее. Серьезнѣе другихъ брошюра: «Будетъ ли война»? (Aura-t-on la guerre?) Хотя и въ ней проглядываетъ свойственный французамъ шовинизмъ, но авторъ въ виду опасности, грозящей его странѣ, не расчитываетъ на обаяніе историческихъ побѣдъ былой Франціи, а на высшую справедливость и на симпатіи народовъ. Несправедливо оскорбленная и ограбленная нація должна остаться побѣдительницей. При нынѣшнихъ нововведеніяхъ и изобрѣтеніяхъ въ военномъ дѣлѣ—будущая война послужитъ новою школою для нашего времени, установляя новые тактическіе и стратегическіе законы. Столкновеніе будетъ страшное, и потому не можетъ быть продолжительнымъ, если только побѣ

дитель не доведетъ своего противника до отчаянія непомѣрными требованіями. Всѣ выгоды, по мнѣнію автора, будутъ на сторонѣ атакованнаго, а такъ какъ Франція намѣрена только защищаться, а не нападать—то преимущество останется за нею. Рѣшеніе вопроса: должна ли Франція остаться подавленною и ограбленною націей—зависитъ впрочемъ не отъ Германіи, а отъ Россіи, если она станетъ на сторону справедливости. Двуличная политика Бисмарка, его интриги на Берлинскомъ конгрессѣ и жалкіе результаты, достигнутые Россіей послѣ побѣдоносной войны, по мнѣнію автора, не могутъ быть забыты, и Россія исправитъ ошибки 1864-го, 1866-го и 1870 годовъ. Она не позволитъ раздавить Францію, точно такъ же какъ и не допуститъ паденіе Гогенцоллерновъ. Германія знаетъ, что надъ нею «занесенъ русскій мечъ» и потому не рѣшится на нападеніе, поэтому войны еще нельзя ждать въ очень близкомъ будущемъ. Заключеніе это, хотя и утѣшительное, но, конечно, не уничтожаетъ опасеній, особенно при ошибочномъ мнѣніи автора о «занесеніи меча» и при пессимистическомъ взглядѣ большинства публицистовъ на предстоящую войну, которая можетъ быть только войною націй за свою независимость, даже за свое существованіе и легко можетъ обратиться въ войну пуническую, то есть такую, въ которой дѣло идетъ о совершенномъ уничтоженіи государства, если не національности.

— Главнымъ врагомъ своимъ французы считаютъ—и совершенно основательно—германскаго канцлера; поэтому книгъ объ немъ является также не мало. Одна изъ лучшихъ принадлежитъ Эдуарду Симону, автору замѣчательнаго сочиненія «L'Empereur Guillaume et son empire». Новый трудъ Симона называется «Исторія князя Бисмарка» (Histoire du prince Bismarc, 1847—1887). Это полная картина дѣятельности канцлера преимущественно на парламентстскомъ поприщѣ, начиная съ его дебютовъ на трибунѣ и кончая рѣчами въ защиту септената. Анекдотическая часть, преобладающая въ послѣднемъ нѣмецкомъ сочиненіи Гезекіеля о Бисмаркѣ, отсутствуетъ въ книгѣ француза, гдѣ авторъ является довольно сухимъ лѣтописцемъ оффиціальныхъ дѣяній канцлера въ парламентѣ, въ званіи посланника въ Эрфуртѣ, Франкфуртѣ, Петербургѣ и Парижѣ.—Дипломатію Бисмарка авторъ находитъ очень искусною, конечно, съ точки зрѣнія нѣмецкихъ интересовъ, но отзывается съ негодованіемъ о его стараніи подавить либерализмъ и парламентаризмъ. Его преслѣдованія всякой свободной мысли, вмѣсто объединенія, раздвоили Германію на два враждебные лагеря, ведущихъ между собою ожесточенную борьбу и теперь объединители превратились въ реакціонеровъ, а либералы требуютъ самостоятельности для каждаго нѣмецкаго государства, которыя должны составлять между собою федеративный союзъ—германскіе штаты—по образцу сѣверо-американскихъ. Приводя весьма нелестное мнѣніе Бисмарка о національномъ характерѣ французовъ (по мнѣнію канцлера въ нихъ очень мало сердечности, глубокаго чувства), авторъ сознается, однако, что отзывъ Вольтера о нѣмцахъ гораздо грубѣе (онъ называлъ ихъ даже дикими звѣрями). Симонъ сравниваетъ также Бисмарка съ кардиналомъ Ришелье: какъ тотъ, такъ и другой добивались усиленія королевской власти на счетъ стѣсненій правъ другихъ сословій, централизаціи на счетъ самоуправленія. Ришелье воевалъ съ протестантами, добивавшимися свободы вѣры въ государствѣ, Бисмаркъ борется съ либералами, требующими свободы мысли. Оба добивались ослабленія Австріи и достигли этого, но во время Ришелье Австрія была представителемъ германизма, ослабившаго

теперь Францію съ помощью Бисмарка. Даже въ средствахъ, которыми пользовались оба министра для достиженія своихъ цѣлей, много аналогіи. Оба они, намѣтивъ себѣ цѣль, шли къ ней на проломъ, не смотря ни на какія препятствія, уничтожая не только мѣшавшихъ имъ людей, но и цѣлыя учрежденія. Оба считали ни во что принципъ политическаго равновѣсія и защищавшіе его трактаты. Италія, въ лицѣ своего великаго гражданина Кавура, стремилась также къ объединенію, но при этомъ опиралась на представительныя учрежденія и поэтому пользовалась поддержкой всѣхъ итальянцевъ, тогда какъ къ объединенію Германіи многіе нѣмцы относятся недружелюбно, видя что развитіе политическаго могущества этой страны сдѣлалось могилой ея политической свободы, подавляемой духомъ самовластія, опирающагося на милліоны штыковъ. Въ книгѣ Симона нѣтъ однако и попытокъ рѣшенія вопроса: какимъ же способомъ достигнуть примиренія обоихъ народовъ, съ цѣлью предупредить вторичное столкновеніе. Еще въ 1878 году Бисмаркъ разъяснялъ французскому послу, графу Сен-Валье, всѣ выгоды присоединенія Франціи къ Германіи и Австріи. «Двухсотлѣтняя борьба французовъ съ нѣмцами, говорилъ онъ, принесла пользу только Англіи и Россіи. Соглашеніе между Германіей и Франціей въ настоящее время положило бы конецъ Восточному вопросу, угрожающему миру Европы». Франція не склонилась однако на убѣжденія Бисмарка и предпочла обратиться къ Россіи. Въ чемъ же, спрашиваетъ авторъ, заключается хваленая государственная мудрость человѣка, доставившаго дѣйствительно преобладаніе своему отечеству, но сдѣлавшаго врагами его не только сосѣднія державы, но и его собственныхъ гражданъ?

— Сами нѣмцы, конечно, не соглашаются съ тѣмъ, что гегемонія ихъ слишкомъ тягостна для Европы и достигнута путями, которые одна всеизвиняющая дипломатія можетъ называть прямыми и справедливыми. Нѣмецкіе публицисты стараются доказать, что Германія облагодѣтельствовала всѣ народы, обязанные ей благодарностью. На нѣмецкомъ языкѣ выходитъ не меньше сочиненій, защищающихъ политику канцлера, чѣмъ на французскомъ—обличающихъ его. Замѣчательнѣе другихъ въ этомъ отношеніи книга неизвѣстнаго автора (вмѣсто его имени красуется графская корона) «Бисмаркъ и Россія» (Bismark und Russland). У нея есть еще и другое названіе «Разоблаченія относительно взаимныхъ отношеній Россіи и Германіи съ 1859 года до настоящаго времени». Это—прямая апологія политики канцлера и обвиненіе Россіи въ неблагодарности и клеветѣ на германскаго канцлера. Не смотря на это, книга очень любопытна, потому что въ ней цитируются документы, неизвѣстные публикѣ и которые не могли быть обнародованы безъ согласія самого Бисмарка. Кромѣ оправданія его въ систематической враждѣ къ Россіи, книга старается также доказать, что сближеніе наше съ Франціею не можетъ принести ничего, кромѣ вреда нашимъ интересамъ и что Германія, всѣ дѣйствія которой направлены исключительно къ сохраненію мира, можетъ спокойно вести войну хотя бы и на двухъ фронтахъ. Книга начинается восхваленіемъ дѣятельности Бисмарка, какъ посланника въ Петербургѣ, гдѣ онъ возстановилъ престижъ Пруссіи, хотя и въ то время князь Горчаковъ не раздѣлялъ симпатій императора къ нѣмцамъ и въ литературѣ уже явно высказывалась систематическая агитація противъ всего нѣмецкаго. Во время послѣдняго польскаго возстанія 1863 года содѣйствіе Пруссіи къ его подавленію расположило къ ней русское

правительство, тѣмъ болѣе, что оно знало о стараніяхъ Наполеона III склонить Пруссію на сторону поляковъ и о ея отказѣ въ этомъ. Одно это уже обязывало Россію къ благодарности, не говоря уже о томъ, что сохраненіе нейтралитета Пруссіею во время Крымской кампаніи слѣдовало также цѣнить, хотя оно было отвѣтомъ на дружелюбныя отношенія къ Пруссіи во время ея столкновенія съ Даніею. Затѣмъ авторъ публикуетъ только изъ его книги сдѣлавшуюся извѣстною «секретную русскую докладную записку», составленную одною высокопоставленною особою и доказывающую, что Россія должна имѣть двѣ цѣли: покровительство всѣмъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ, и распаденіе Австріи, которое однако не слѣдуетъ ускорять, а ждать, когда оно совершится само собою. «Эти слова докладной записки, прибавляетъ авторъ, должны заставить Австрію призадуматься». Въ главѣ «Русскія прибалтійскія губерніи» авторъ оправдываетъ Бисмарка въ томъ, что онъ не протестуетъ оффиціально противъ распоряженій правительства въ этомъ краѣ, потому что это было бы «вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла державы, очень щекотливой въ подобныхъ случаяхъ». Далѣе подтверждается, что передъ войной 1870 года происходили 2-го іюля переговоры между прусскимъ и русскимъ правительствомъ, «хотя и нельзя положительно утверждать, что Бисмаркъ заручился обезпеченіемъ тыла арміи и въ замѣнъ того обѣщалъ пересмотръ Парижскаго трактата 1856 года». Приводится также текстъ неизданнаго прусскаго меморандума, разосланнаго державамъ послѣ Седана и въ которомъ «существованіе сильной Австріи признается европейской необходимостью». Исторія переговоровъ 1875 года разсказана съ нѣмецкой точки зрѣнія, при чемъ доказывается, что все это была только интрига Горчакова и что Пруссія не имѣла намѣренія напасть на Францію. Въ главѣ «Берлинскій конгрессъ» говорится, что Англія не соглашалась на превращеніе Болгаріи, соединенной съ Румеліей, въ русскій передовой постъ къ Константинополю и предпочитала войну съ Россіею. По этому предмету графъ Шуваловъ вошелъ съ маркизомъ Салисбюри въ прямое соглашеніе, въ которомъ Бисмаркъ не принималъ никакого участія и постановленія Берлинскаго конгресса были только ратификаціей уже состоявшагося тайнаго соглашенія. Во всѣхъ вопросахъ, возбуждавшихъ на конгрессѣ пререканія, какъ о Батумѣ, Добруджѣ, болгарской границѣ, военной контрибуціи—Германія была всегда на сторонѣ Россіи, но не могла требовать того, отъ чего Россія заранѣе сама отказалась. Въ случаѣ войны Россіи съ Англіей и, можетъ быть, Австріей, Германія не стала бы на сторону Россіи, которая не требовала, впрочемъ, даже нейтралитета Германіи и предпочла вести переговоры съ одною Англіей. Конгресъ былъ созванъ по требованію самой Россіи. Послѣ этой, какъ говоритъ авторъ, «достовѣрной», исторіи конгреса, въ Россіи началась агитація на тему «нѣмецкой неблагодарности, и князь Горчаковъ не только не старался разсѣять эти ложные взгляды, но даже поощрялъ ихъ». Рѣзкіе нападки на Германію и сближеніе оффиціальныхъ русскихъ кружковъ съ Франціей побудили Бисмарка къ заключенію тѣснаго союза съ Австріей. Въ октябрѣ 1879 года былъ подписанъ протоколъ союза, гарантировавшій также территоріальныя владѣнія обѣихъ державъ, хотя императора Вильгельма трудно было убѣдить сдѣлать этотъ шагъ. Бисмаркъ долженъ былъ грозить отставкой, чтобы императоръ подписалъ протоколъ. Присоединеніе Италіи къ союзу было также актомъ необходимости, но канцлеръ «и теперь ничего больше не желаетъ, какъ воз-

становленія дружественныхъ сношеній съ Россіей, конечно, безъ ущерба достоинству и интересамъ Германіи, безъ нарушенія мира и равновѣсія въ Европѣ и не принося въ жертву нынѣшнихъ союзниковъ Германіи». Этими словами заключается эта замѣчательная книга, во многомъ объясняющая отношенія къ Россіи всевластнаго канцлера. Само собою разумѣется, что книга обходитъ молчаніемъ двуличную роль Висмарка въ болгарскомъ вопросѣ, гдѣ онъ—какъ теперь это обнаружено — въ интересахъ поддержанія смуты въ Европѣ, тайно поддерживалъ Кобурга и болгарское самозванное правительство, а явно увѣрялъ Россію, что не одобряетъ сопротивленія Стамбуловыхъ ея законнымъ требованіямъ.

— Французская литература продолжаетъ, какъ и въ прошломъ году, отдавать предпочтеніе, передъ своими соотечественниками, русскимъ писателямъ. Исаакъ Павловскій издалъ свои «Воспоминанія о Тургеневѣ» (Souvenirs sur Tourguéneff). Это—собраніе анекдотовъ, большей частью интересныхъ, иногда мелочныхъ литературныхъ сужденій, впечатлѣній разнаго рода, относящихся къ послѣднимъ годамъ парижской жизни писателя. Авторъ «Воспоминаній» былъ близокъ къ Тургеневу съ 1879 года, когда Иванъ Сергѣевичъ рекомендовалъ его газетѣ «Temps», гдѣ былъ помѣщенъ первый разсказъ Павловскаго «En cellule». Извѣстно, какъ быстро сходился Тургеневъ съ тѣми, кто умѣлъ поддѣлаться къ нему, и какъ легко приближалъ ихъ къ себѣ, тотчасъ же посвящая во всѣ свои проекты. Французовъ интересуютъ, конечно, больше всего въ этомъ сборникѣ сужденія Тургенева о парижскихъ писателяхъ. Французская критика находитъ эти сужденія очень строгими и часто несправедливыми, тѣмъ болѣе, что они касались не только писателя, но и человѣка. Павловскій, впрочемъ, сознается, что это чаще всего были выходки, высказываемыя въ интимномъ кругу и въ дурномъ настроеніи. Но въ такомъ случаѣ для чего же было передавать ихъ въ потомство, стенографируя съ точностью историка? Для русскихъ эти воспоминанія гораздо интереснѣе, потому что въ нихъ больше говорится о нашихъ писателяхъ. Такъ, тутъ собрано много любопытныхъ подробностей объ отношеніяхъ Тургенева къ Л. Н. Толстому и Достоевскому; перваго Ив. Серг. боялся, второго—ненавидѣлъ за то, что тотъ обличилъ автора «Записокъ охотника» въ не любви къ русскому народу. Павловскій приводитъ тутъ же очень дикое сужденіе писателя объ этомъ народѣ «безъ воли, безъ самосознанія, который никогда не будетъ играть преобладающей роли въ исторіи, литература котораго—дикая татарщина, а пѣсни—завыванія». Конечно, выходка эта — плодъ также дурного настроенія духа, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было сохранять и передавать ее? Напрасно также авторъ увѣряетъ, что Тургеневъ не имѣлъ никакихъ политическихъ мнѣній. Самая горячность, съ какою онъ опровергалъ малѣйшія сомнѣнія въ его либерализмѣ, доказываетъ уже, что онъ не могъ быть ретроградомъ. Его отношенія къ Герцену, Огареву, Лаврову, лучше всего говорятъ о его убѣжденіяхъ. Въ книгѣ много также интересныхъ подробностей о произведеніяхъ самого Тургенева, по его собственнымъ разъясненіямъ. Все это пересыпано анекдотами, по временамъ слишкомъ мелкими. Такъ едва ли слѣдовало сохранять разсказъ о томъ, какъ Тургеневъ подарилъ одному бѣдному свои рубашки, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ ему узки.

— Спросъ на русскія произведенія такъ великъ въ Парижѣ, что появляются переводы произведеній вовсе незаслуживающихъ этой чести, или та-

кихъ, которые неизвѣстны въ подлинникѣ. Такъ въ журналѣ «Revue internationale» помѣщена статья Л. Н. Толстого «Наполеонъ и русская кампанія» (Napoléon et la campagne de Russie). Это не болѣе какъ пересказъ, хотя и значительно развитый, главы «Войны и мира», въ которой авторъ высказываетъ свою теорію фатализма въ исторіи и разъясняетъ, что событія совершаются потому, что должны были совершиться, а не потому, что ихъ направлялъ человѣкъ по своей свободной волѣ. Чѣмъ могущественнѣе человѣкъ, тѣмъ яснѣе предопредѣленіе и неизбѣжная необходимость каждаго его поступка. Короли — только рабы исторіи. Въ статьѣ доказывается, что изъ всѣхъ плановъ войны Наполеонъ выбралъ самый нелѣпый и опасный для его арміи, не потому что ослабѣлъ геній полководца, но потому что ему не удавалось ничего, чтобы онъ ни приказалъ. Когда же онъ задумалъ отступленіе, оно превратилось въ бѣгство. Всѣ бѣжали, не зная ни куда, ни зачѣмъ. «Мы представляемъ себѣ Наполеона, какъ руководителя всего движенія Такъ дикари воображаютъ себѣ, что фигура на носу корабля—та сила, которая заставляетъ его двигаться. Наполеонъ, во все время кампаніи, походилъ на ребенка, который сидя въ каретѣ и держась за поручни внутри, воображаетъ, что онъ управляетъ лошадьми». Все это ново только для французовъ, а намъ знакомо по «Войнѣ и миру», но неужели нашъ выдающійся писатель задумалъ развить и для насъ свою фаталистическую теорію?..

— Въ Парижѣ произвело большую сенсацію появленіе въ свѣтъ перваго тома давно ожидаемой «Исторіи народа израильскаго» (Histoire du peuple d'Israel) Эрнеста Ренана. Начинаясь съ патріархальныхъ временъ, томъ оканчивается эпохою, когда Давидъ дѣлается царемъ Іерусалима, то есть когда начинается исторія Израиля, какъ самобытной націи. Но судьбы ея обрисовываются уже со временъ патріарховъ, и этотъ періодъ знаменитый писатель изображаетъ съ глубокой эрудиціей ученаго — блестящимъ языкомъ беллетриста. Семитическое племя номадовъ, вышедшее вѣроятно изъ Аравіи какъ предшествовавшіе ему завоеватели Вавилона, покоряетъ Сирію и Палестину, занятую поколѣніями хананеянъ, гиттитовъ («ротену», какъ ихъ называютъ египетскіе памятники) дѣтей Лота, моавитянами, аммонитами, эдомитами. Ренанъ описываетъ ихъ жизнь, общественное устройство, ихъ вѣрованія и литературу. Ея писанные памятники авторъ обѣщаетъ разсмотрѣть во второмъ томѣ. Ренанъ и здѣсь держится своей теоріи—первобытнаго единобожія семитическихъ племенъ, въ противоположность арійскимъ племенамъ, исповѣдывавшимъ многобожіе. Что семиты признавали одно верховное существо, создавшее міръ и называли его: Элогимъ, Саддаи, Ваалъ, Адонаи, Рамъ, Молохъ и др.—неподвержено сомнѣнію; но что у семитическихъ поколѣній Ханаана, какъ у ассиріянъ былъ свой пантеонъ боговъ изъ Астарты—царицы неба, Суккота, Кіуна и др. — также подтверждается новѣйшими изысканіями. Въ изслѣдованіе отдаленныхъ миеическихъ вѣковъ Ренанъ вноситъ свѣтъ положительной науки. Въ исторіи пребыванія израильскаго племени въ Египтѣ и «Исхода» Ренанъ слѣдуетъ библейскому разсказу, подтверждаему авторитетомъ Масперо, изучавшаго египетскіе памятники. Племя гиксовъ, покорившихъ Египетъ, было также семитическое, но какъ всѣ варвары, они скоро подчинились блестящей египетской цивилизаціи. Странствованіе израильтянъ отъ Синая—этого Олимпа семитовъ до Ханаана, поклоненіе Іеговѣ, исторія Самсона, Самуила, Саула, Давида—до его воцаренія—изложены по изысканіямъ самого автора, который поэтому сознается,

что книга его будетъ многими встрѣчена неодобрительно, хотя изысканія эти произведены вполнѣ научно. Странно только, что знакомый со всѣми древними и новыми источниками по этому вопросу, ученый авторъ почти вовсе не обратилъ вниманія на труды англійскихъ изслѣдователей исторіи Израиля.

— Эдмондъ Морисъ написалъ книгу «о революціонномъ движеніи 1848—1849 года въ Италіи, Австро-Венгріи и Германіи, съ краткимъ обзоромъ предшествовавшихъ тридцатитрехъ лѣтъ» (The revolutionary movement of 1848—1849 in Italy, Austro-Hungary and Germany, with some examination of the previous thirtythreerears). Не много книгъ, о которыхъ сожалѣешь, что онѣ коротки — и сочиненіе Мориса принадлежитъ къ такимъ рѣдкимъ книгамъ. Авторъ употребилъ много труда на изученіе и изложеніе событій въ южной и средней Европѣ, результатомъ которыхъ было паденіе Метерниха и его системы. Для полнаго уясненія движенія конца сороковыхъ годовъ онъ представляетъ, въ сжатомъ очеркѣ, картину господства этой гибельной системы, начиная съ ея распространенія въ 1815 году. Авторъ передаетъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ всѣ перипитіи этого времени, начиная съ незначительныхъ уличныхъ волненій и оканчивая грандіозными востаніями Мадзини и Кошута, Гарибальди и Бема. Литературное движеніе эпохи отъ подпольныхъ памфлетовъ до соціальныхъ брошюръ и зажигательныхъ ораторскихъ рѣчей, не оставлено имъ также безъ вниманія. Онъ не говоритъ только ничего о французской революціи 1848 года, имѣвшей несомнѣнное вліяніе на волненія во всѣхъ странахъ, хотя въ нихъ революціонное движеніе имѣло свои мѣстныя цѣли и причины и шло своимъ путемъ. Системѣ Метерниха, «начавшаго царствовать послѣ паденія Наполеона» и болѣе тридцати лѣтъ тяготѣвшаго надъ Европою, авторъ приписываетъ, можетъ быть, слишкомъ много значенія, но что она была непосредственною причиною волненій конца сороковыхъ годовъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Гнетъ ея чувствовался слишкомъ сильно во всей Европѣ, чтобы не произвести неизбѣжной реакціи. Свергнувъ великаго деспота, задумавшаго изъ Франціи управлять всѣмъ міромъ, мелкіе властители, наслѣдовавшіе его власть, наслѣдовали и его деспотизмъ, очень удобный для нихъ и возведенный Метернихомъ въ правительственную систему. Движеніе противъ цезаризма, которому австрійскій канцлеръ придалъ нѣсколько болѣе мягкія формы, сохранивъ его сущность, началось впрочемъ еще при жизни Наполеона: въ 1808 году возстаніемъ Испаніи и въ 1813 году возстаніемъ въ Германіи; затѣмъ слѣдовали—греческая революція и итальянскія волненія двадцатыхъ годовъ, революціи тридцатыхъ годовъ и т. д. Морисъ слѣдитъ въ особенности за развитіемъ идеи націальности въ сочиненіяхъ Альфіери, Фоскола, Манцони въ мадзиніевскомъ карбонаризмѣ. Хороши у него также характеристики Кошута, Деака и другихъ вожаковъ движенія. Авторъ не оставляетъ безъ вниманія малѣйшихъ волненій въ Галиціи, Трансильваніи, Чехіи, хотя не придаетъ большого значенія славянскому движенію. Оно еще въ будущемъ.

— Вышла двухтомная «Историческая біографія леди Гамильтонъ и лорда Нельсона», основанная на письмахъ и другихъ документахъ, принадлежащихъ Альфреду Моррисону, эсквайру». (Lady Hamilton and lord Nelson: an historical biography based on letters and other documents in the possession of Alfred Morrison, esq. by John Cordy Jeaffreson). Исторія связи куртизанки большого свѣта и знаменитаго адмирала, запятнавшаго

себя позорными поступками—подъ ея вліяніемъ—слишкомъ извѣстна и передавать всѣ ея подробности едва ли было нужно для чести Англіи и въ назиданіе грядущимъ вѣкамъ. Но Джефресонъ, получивъ въ свое распоряженіе массу неизданныхъ писемъ и документовъ, касающихся отношеній этихъ двухъ лицъ, счелъ необходимымъ сохранить эти бумаги для потомства. Новаго въ нихъ мало и онѣ немного прибавляютъ къ характеристикѣ двухъ далеко не нѣжныхъ любовниковъ; но читаются онѣ все-таки съ интересомъ, и ихъ, конечно, ожидаетъ «успѣхъ скандала», какъ говорятъ французы. Авторъ не могъ, однако, удержаться отъ поползновенія реабилитировать свою героиню—на сколько это было возможно. Не отрицая того, что Эми Лейонсъ, прежде чѣмъ сдѣлаться леди Гамильтонъ, въ молодости вела далеко не примѣрную жизнь, была натурщицею, имѣла трехъ или четырехъ любовниковъ, Джефресонъ находитъ, что она и въ это время была «деликатною и простодушною дѣвушкою» (delicate and pureminded girl). Съ такою же странною снисходительностью авторъ относится и къ ея маменькѣ, жившей у своей дочки и сводившей ее съ богатыми людьми, какъ сэръ Гревиль и Вильямъ Гамильтонъ. Что Эми Лейонсъ или Эмма Гартъ, какъ она называла себя въ Неаполѣ, была красавица, прекрасно пѣла и танцовала, говорила пофранцузски и итальянски, умѣла сводить съ ума мужчинъ—еще не доказываетъ, чтобы она была умна и образована, какъ старается доказать Джефресонъ и чего вовсе не видно изъ ея писемъ, вдобавокъ, писанныхъ довольно плохимъ англійскимъ языкомъ. Изъ того, что она помогла бѣжать неаполитанскимъ королю и королевѣ—не слѣдуетъ, чтобы она оказала особыя услуги англійскому правительству, за которыя Нельсонъ просилъ для нея покровительства Георга III. Что сама леди Гамильтонъ отрицала свою связь съ Нельсономъ, даже тогда, когда онъ усыновилъ дочь ихъ Горацію, что жена Нельсона и англійскіе друзья его подтверждали чистоту отношеній его къ бывшей куртизанкѣ — это все понятно, но нисколько не опровергаетъ мнѣнія уже утвердившагося въ исторіи и противнаго этимъ аргументамъ, да и самъ авторъ не рѣшается считать ихъ неоспоримыми.

— Подъ претенціознымъ заглавіемъ «Монархи, съ которыми я встрѣчался» (Monarchs I have met), Батти-Кингстонъ издалъ любопытную книгу. Онъ былъ корреспондентомъ газеты «Daily Telegraph», отправлявшей его въ разныя страны, по разнымъ случаямъ и имѣлъ, дѣйствительно, возможность встрѣчать въ торжественныхъ процессіяхъ, церемоніяхъ, спектакляхъ и т. п. разныхъ властителей, хотя иныхъ изъ нихъ видѣлъ только издали. Это, однако, не помѣшало ему представить характеристику трехъ императоровъ: Вильгельма I, Франца Іосифа и Максимиліана мексиканскаго, императрицу Елисавету австрійскую, трехъ королей: Виктора Эммануила, Гумберта и Карла румынскаго, двухъ королевъ — Маргариту итальянскую и Елисавету румынскую, папу Пія IX, шаха персидскаго—Насреддина, трехъ султановъ—Абдулъ-Азиса, Мурада и Абдулъ Гамида, двухъ хедивовъ — Измаила и Тевфика и одного князя — Михаила сербскаго. Коллекція дѣйствительно любопытная и разнообразная. Обо всѣхъ Кингстонъ разсыпается въ похвалахъ ихъ уму, добродѣтели и достоинствамъ. Только персидскій шахъ, путешествовавшій по Европѣ въ 1873 году и «не любившій журналистовъ», осыпается бранью и насмѣшками и называется прямо «грязнымъ и распутнымъ». Герой автора—Вильгельмъ I, котораго Кингстонъ узналъ, когда тотъ былъ еще прусскимъ королемъ. «Это храбрый солдатъ и лучшій командиръ луч-

шей арміи въ мірѣ», — говоритъ авторъ, бывшій не разъ въ его штабѣ во время парадовъ и маневровъ. Приглашенный къ королевскому столу, онъ удивляется могучему апетиту монарха, плотно завтракавшаго въ 3 и также плотно обѣдавшаго въ 7 часовъ. Объ немъ же разсказываетъ онъ анекдотъ, какъ одна странствовавшая леди, осматривавшая спальню короля, утащила гребенку, на которой было нѣсколько королевскихъ волосъ — и спрятала ее у себя на груди. Книга Кингстона полна подобными анекдотами, конечно, особенно интересными для придворныхъ. На балу 1868 года, данномъ въ Туринѣ, по случаю свадьбы наслѣднаго принца Гумберта, какой-то неловкій уланъ разорвалъ шпорами шлейфъ молодой супруги и прежде чѣмъ она успѣла обратиться къ своимъ фрейлинамъ для приведенія въ порядокъ своего туалета, прусскій кронпринцъ, бывшій на балу, вынулъ изъ кармана своего мундира футлярчикъ, досталъ оттуда ножницы и нагнувшись къ ногамъ принцессы, быстро обрѣзалъ оборвавшуюся и волочившуюся по землѣ оборку подола. Придворные не могли надивиться находчивости и ловкости принца. Когда Викторъ Эмануилъ спросилъ принца, неужели онъ носитъ постоянно съ собою несессеръ, тотъ отвѣчалъ, что къ этому пріучила его жена, требовавшая, чтобы при немъ былъ всегда футляръ съ ножницами, нитками, иголками, пуговками и даже англійскимъ пластыремъ. Францъ-Іосифъ не сказалъ съ авторомъ и двухъ словъ, но онъ все-таки описываетъ императора въ двухъ длинныхъ главахъ, кромѣ главы, посвященной его коронованію венгерскимъ королемъ въ 1867 году. Все это теперь уже древняя, хотя для многихъ еще интересная исторія.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Сочиненіе Петра III.

Ъ АРХИВѢ министерства императорскаго двора (именно въ дѣлахъ Кабинета), сохранилось краткое описаніе поѣздки, совершенной императрицей Елисаветой Петровной, въ Кронштадтъ, въ 1743 году, любопытное въ томъ отношеніи, что оно принадлежитъ перу великаго князя Петра Ѳедоровича (впослѣдствіи императора Петра III), и написано имъ сперва понѣмецки, а за тѣмъ собственноручно переведено порусски. Конечно, это неболѣе, какъ ученическое упражненіе пятнадцатилѣтняго юноши (Петръ родился въ февралѣ 1728 года и былъ привезенъ изъ Киля въ Россію въ январѣ 1742 года), но по немъ мы можемъ судить въ какой степени владѣлъ въ это время Петръ Ѳедоровичъ языкомъ того народа, надъ которымъ былъ призванъ царствовать.

Сочиненіе Петра III уже было напечатано въ 1869 году во второмъ томѣ сборника «Восемнадцатый вѣкъ» (стр. 217), но редакція сборника почему-то сочла нужнымъ передать этотъ документъ своими словами, отнявъ у него именно то, что въ немъ имѣетъ существенное значеніе и интересъ, — орѳографію подлинника. Мы воспроизводимъ здѣсь сочиненіе Петра съ буквальной точностью, по внимательно свѣренному списку, сообщенному намъ директоромъ архива министерства двора Г. В. Есиповымъ.

КРАТКИЕ ВѢДОМОСТИ

о путешествіи Ея Императорскаго величества въ Кронстадтъ.
1743. Мѣсяца Майя.

Переводилъ изъ немецкаго на русское Петръ.

«Впрошлую середу в четвертомъ день сего месеца, Ея Императорское Величество изволила въ препровожденіемъ моемъ и великого числа снат-

нихъ двора особъ таковде детошементомъ конной гвардіи отъ суда ехать въ свои увеселительной замокъ Петергофъ.

«И когда Ея Величество въ дороге въ некоторомъ приморскомъ дворѣ съ часъ времени пробыть изволѣла, то потомъ во второмъ часу по полудни въ Петергофъ прибыла и изъ 51 тамошнихъ пушекъ поздравствована.

«Ея Императ: вел: изволила сама пересматривать комнаты и квартеры разделить. Въ 3-мъ часу, она изволила публично кушать и после того выпочивавшись во дворц съ прочими забавлялась.

«На другой день по утру все были къ руки Ея Импер: вел:, и после обеда для непокойной погоды ни гдѣ не гуляли и опять для провожденія времяни играли в карти.

«Въ Пятницу, после обеда государиня изволила утешатся гуленіемъ въ садахъ и павилионахъ и вечеру игранiемъ въ карты во дворце.

«Въ Суботу очень рано все готово было къ отъѣзду Ея Вел: въ Кронстатъ. Въ девятомъ часу Ея Импер: вел: изволила изъ Петергофу въ Ораниенъ Баумъ поѣхать. Тамъ изволила сесть въ шлупку двенацать веселною и щастливо къ Кронстату переѣхать.

«Какъ Ея Имп: вел: около полудня изволила пристать, такъ кругомъ Кронстатской крепости и Конслотти, также изъ всехъ другихъ мѣстъ и изъ всехъ кораблей и галери, около 5000 выстреловъ изъ пушекъ выстрелили и после того какъ Ея Вел: изволили вступить въ домъ адмирала Головина и особлива кушила и почивала, после обеда изволила сесть въ слупку въ которой паѣхала въ море для осмятриванія флотту какъ карабелново такъ и галерново и протчихъ судовъ которои были вооружени всеми военними принадлежностми. По осмотривание онихъ изволили приітить на адмиралской караблъ називаемои свѣты апостолъ Петръ вкоторомъ Ея Вел: встречено была сбоемъ барабанымъ и с посдравленіемъ прочиіхъ инструментовъ и съ радости восклицаніемъ людей по обыкновеннию морскому. По вшествіи на караблъ со всею свитою начелосъ пушечня стрелба какъ с карабелново такъ и галернаго флотовъ.

«По окончанию всего того изволила возвратится благополучно на яхте Наталия, на которой благополучно Петръ Гофъ прибыть изволила.

«Воскресение 8 числа послѣ послушенія обедни и после кушенія изволила адевшись въ мусшкомъ платѣ ехать верхомъ въ Чарско сѣло, для последующаго праздника Свѣтаго Николаіі, въ которомъ сѣлѣ Ея Импер: вел: сама церковъ въ честь имяни онаго Святителя создать изволила.

«И я своимъ дворомъ въ то времиі отправился возвратно въ Питербургъ и въ тотже вечерю благополучно прибылъ».

Нѣмецкій оригиналъ писанный также собственноручно Петромъ имѣетъ заглавіе:

«Kurtze Relation von Ihr: Kayserl: Majes: Reise nach Kronstadt. 1743. im May Monath. auzgesetzet von Peter».

СМѢСЬ.

Чествованіе памяти К. Н. Батюшкова. Въ концѣ прошлаго года Академія Наукъ собралась въ торжественое засѣданіе по случаю чествованія памяти Константина Николаевича Батюшкова, по поводу исполнившагося 18-го мая столѣтія со дня его рожденія. Мраморный бюстъ поэта былъ помѣщенъ между колоннъ въ нишѣ изъ живыхъ растеній; по бокамъ его, нѣсколько ниже, стояли бюсты Екатерины II и Александра I. Съѣздъ былъ настолько великъ, что въ обширной залѣ не доставало стульевъ. На празднествѣ присутствовали, кромѣ оффиціальныхъ лицъ, писатели М. М. Стасюлевичъ, О. Ѳ. Миллеръ, редакторъ «Отечествен. Записокъ» и «Голоса» А. А. Краевскій, редакторъ журнала «Русская Старина» Семевскій и мн. др. Торжество было открыто городскимъ головою, увѣнчавшимъ бюстъ поэта лавровымъ вѣнкомъ отъ имени городского управленія и всѣхъ гражданъ города Петербурга. Затѣмъ предсѣдатель отдѣленія русскаго языка и словесности, академикъ Я. К. Гротъ, познакомилъ слушателей съ общей характеристикой твореній покойнаго поэта и современной ему эпохой и коснулся того вліянія, какое имѣла его поэзія на молодого тогда А. С. Пушкина. Л. Н. Майковъ въ устномъ біографическомъ очеркѣ нарисовалъ портретъ К. Н. Батюшкова, шагъ за шагомъ прослѣдилъ его развитіе и творческую дѣятельность и коснулся критически нѣкоторыхъ его особенно характерныхъ и важныхъ для обрисовки характера произведеній, по которымъ можно было прослѣдить, какъ съ теченіемъ времени мѣнялись воззрѣнія и вѣрованія поэта. Редакторъ «Русской Старины» въ горячей рѣчи высказалъ благодарность словесному отдѣленію Академіи за то, что оно свято чтитъ память корифеевъ русской литературы. Воздавая должное покойнымъ, оно тѣмъ самымъ поощряетъ и нынѣ живущихъ писателей не ослабѣвать и работать на пользу отечества. Рѣчь эта была покрыта громкими аплодисментами. Въ заключеніе Я. К. Гротъ прочелъ привѣтственную телеграмму, полученную изъ Москвы отъ Московскаго Общества любителей словесности, которое, поздравляя съ торжествомъ, выражаетъ свое сочувствіе брату поэта П. Н. Батюшкову за изданіе полнаго собранія сочиненій

и Л. Н. Майкову за принятый имъ на себя трудъ по составленію подробной біографіи покойнаго юбиляра.

Плевненскій памятникъ въ Москвѣ. Въ годовщину паденія Плевны, открытъ памятникъ, посвященный этому событію. Основная идея памятника слѣдующія: 1) славяне болгарскіе подъ тяжелымъ игомъ; 2) христіанское великодушіе русскаго царя и народа освобождаетъ ихъ; 3) взятіе Плевны—рѣшительный моментъ побѣды; 4) жертвы христіанской любви русскихъ за спасеніе славянъ, какъ единокровныхъ братій о Христѣ; 5) нравственный результатъ борьбы — еще новая, бо́льшая слава Россіи. Положенія эти выражены въ памятникѣ слѣдующимъ образомъ: 1) разъяренный баши-бузукъ рѣжетъ болгарскую семью; 2) согбенный старикъ, русскій крестьянинъ, возмущенный, указываетъ сыну на эту группу и иконою Владимірской Богоматери, издревле воодушевлявшей русскихъ воиновъ, благословляетъ его на подвигъ христіанской любви; 3) мужественная фигура гренадера повергаетъ турецкаго воина, готовясь нанести ему послѣдній ударъ; 4) умирающій гренадеръ срываетъ съ болгарской женщины цѣпи рабства; 5) крестъ надъ луною—символъ побѣды и близости конца великой вѣковой борьбы, прошедшей черезъ всю нашу исторію — завѣтъ предковъ, великое призваніе наше оградить человѣчество отъ хищничества туранцевъ и дать цивилизованному міру, подъ защитой русской груди, совершить мирный прогрессъ. Крестъ украшаетъ корону русскаго царя, Освободителя и совершителя великой миссіи великаго народа. Эти группы и весь монументъ окружены лаврами, исходящими отъ вѣнцовъ славы, окружающихъ кресты, въ знаменіе того, что всѣ главныя дѣла Россіи имѣли источникомъ идею религіи. На верхней части памятника помѣщены рельефные образа: великаго князя Александра Невскаго, Георгія побѣдоносца, архистратига Михаила и др. Внутри памятника устроена часовня, носящая характеръ, напоминающій то религіозное чувство, которое вызвало героическое настроеніе храбраго воинства. На куполѣ крестъ съ сіяніемъ, на склонахъ откоса восьмиугольника—четыре круглыхъ образа: Іисусъ Христосъ, справа отъ него Богородица, слѣва — Предтеча, и архистратигъ Михаилъ. Кромѣ того, въ часовнѣ находятся изображенія слѣдующихъ святыхъ: защитника русской земли Александра Невскаго; Николая Мирликійскаго, чтимаго русскимъ народомъ; покровителя храбрыхъ воиновъ Георгія побѣдоносца; между этими иконами изображены поясныя иконы святыхъ, чествуемыхъ въ день взятія Плевны: мучениковъ Стефана, Иринарха и Василія. На верху—двѣ круглыя иконы Богородицы Владимірской и Смоленской, противъ—двѣ круглыхъ иконы просвѣтителей славянства Кирилла и Меѳодія, соединившихъ народы не въ силу только племеннаго родства, но и объединившихъ вѣрою братьевъ, за которыхъ и пролита русская кровь Подъ этими иконами двѣ доски съ надписями о ходѣ событія 28-го ноября съ поименованіемъ частей войскъ, въ немъ участвовавшихъ: сибирскій, малороссійскій, фанагорійскій, астраханскій, таврическій, самогитскій, кіевскій и московскій гренадерскіе полки, 2-я и 3-я гренадерскія артиллерійскія бригады. Затѣмъ надпись говоритъ, что побѣда одержана въ присутствіи при войскахъ, облегавшихъ Плевну: императора Александра II и главнокомандующаго, далѣе поименованы начальники гренадерскихъ войскъ, участвовавшихъ въ битвѣ. На второй доскѣ обозначено, что памятникъ воздвигнутъ на добровольныя пожертвованія чиновъ гренадерскаго корпуса и исполненъ въ Москвѣ по проекту академика В. О. Шервуда.

125-лѣтній юбилей 2-го Кадетскаго корпуса. 23-го ноября, петербургскій второй кадетскій корпусъ праздновалъ 125-лѣтній юбилей своего существованія. Корпусъ былъ основанъ въ 1762 г. по указу Екатерины II, съ цѣлью подготовленія свѣдущихъ офицеровъ для артиллерійскаго и инженернаго вѣдомствъ и замѣнилъ собою существовавшія для той же цѣли спеціальныя

школы, начало которымъ положено было еще Петромъ Великимъ. При Павлѣ это учебное заведеніе, носившее названіе артиллерійскаго и инженернаго шляхетнаго корпуса, было переименовано во 2-й кадетскій корпусъ. При Николаѣ I корпусъ получилъ дальнѣйшее устройство въ связи съ измѣненіями въ организаціи учебнаго дѣла. Классы были раздѣлены на верхніе, средніе и нижніе, съ подраздѣленіемъ каждыхъ на три степени, а каждая степень на столько параллельныхъ классовъ, чтобы въ одномъ классѣ было не болѣе 35-ти учениковъ. Въ 1830 г. корпусъ получилъ новый штатъ на общихъ положеніяхъ съ другими петербургскими корпусами. Въ прошлое царствованіе 2-й кадетскій корпусъ переименованъ былъ во 2-ю военную гимназію, а четыре года тому назадъ ему вновь возвращено прежнее наименованіе, съ подраздѣленіемъ опять корпуса на роты.

Изъ 2-го кадетскаго корпуса вышло не мало замѣчательныхъ людей: изъ нихъ болѣе знамениты по своей дѣятельности: герой Отечественной войны Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, Ермоловъ, Ушаковъ, и др.

Столѣтіе Рождественской церкви. 6-го ноября, исполнилось сто лѣтъ со дня освященія храма во имя Рождества, въ Петербургѣ, на Пескахъ. Вся мѣстность, извѣстная подъ именемъ «Песковъ», заселена сравнительно позднѣе остального города; первыя здѣсь постройки начались только въ концѣ царствованія Елисаветы. Первая церковь на Пескахъ была заложена въ 1752 г., по преданію она находилась на углу Шестой улицы Песковъ и нынѣшняго Греческаго проспекта; существовала она до постройки нынѣшней каменной, которая начата была въ 1781 г., 18-го сентября и окончена строеніемъ въ 1787 году. Первымъ въ храмѣ былъ освященъ 6-го ноября 1787 года придѣльный престолъ во имя «Всѣхъ Святыхъ»; сентября 8-го 1788 г. освященъ второй придѣлъ во имя Рождества Богородицы и затѣмъ уже главный придѣлъ во имя Рождества Іисуса Христа. Строителемъ храма былъ архитекторъ Егоровъ. Первоначально придѣлы во имя Рождества Богородицы и «Всѣхъ Святыхъ» помѣщались среди церкви по бокамъ. Главный же придѣлъ, во имя Рождества Христова, отдѣлялся отъ другихъ придѣловъ среди церкви стеклянною съ дверями перегородкою. Въ 1826 г. эта перегородка была снята и весь храмъ сдѣланъ теплый. Церковь Рождества обладаетъ цѣнными престольными одеждами изъ чистаго серебра, въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ. Въ храмѣ много старинныхъ иконъ.

Открытіе первой городской читальни въ Петербургѣ. 24-го ноября открылась здѣсь первая безплатная народная читальня. Петербургъ въ дѣлѣ учрежденія читаленъ отсталъ не только отъ Москвы, но даже и отъ Харькова. Городское населеніе отнеслось къ дѣлу устройства читаленъ очень сочувственно. Въ настоящее время въ читальнѣ уже изрядное количество книгъ, пожертвованныхъ для безплатныхъ читаленъ. Крупными жертвователями являются гг. Фену, Глазуновъ, Моревъ, А. А. Краевскій, М. И. Семевскій и Н. А. Лейкинъ. Помимо означенныхъ пожертвованій поступили еще пожертвованія денежныя. Завѣдываніе городскими народными читальнями поручено училищному совѣту. Книги можно брать и на домъ. Читальня основана въ память А. С. Пушкина (по Рузовской ул., на углу Обводнаго канала, въ д. № 43) и занимаетъ просторное, удобное и свѣтлое помѣщеніе, состоящее изъ двухъ кабинетовъ для чтенія (мужского и женскаго) и двухъ гардеробныхъ. Стѣны украшены портретами государей, также поэта А. С. Пушкина и другихъ писателей.

Устройство читальни обошлось въ 2,778 рублей. Книгъ (названій) въ читальнѣ около 200, составляющихъ 3,709 томовъ, въ томъ числѣ пожертвовано 1,700 томовъ, цѣною свыше 1,000 руб. Городской голова, М. И. Семевскій и А. А. Краевскій указали на важное значеніе безплатныхъ городскихъ читаленъ для населенія столицы и ихъ связь съ городскими началь-

ными училищами, выразивъ при этомъ надежду, что городскія читальни постепенно будутъ разростаться и водворяться на различныхъ концахъ широко раскинувшагося Петербурга. И только тогда, когда читальни раскинутся обширною сѣтью по всему Петербургу, можно повторить слова великаго поэта: «Да будетъ свѣтъ, да воскреснетъ разумъ».

Конкурсъ на Макаріевскую премію въ Кіевской духовной академіи. Совѣтъ академіи сообщаетъ объ открытіи новаго конкурса на соисканіе учрежденной при ней преміи. По случаю исполнившагося 28 сентября 1869 г. пятидесятилѣтняго юбилея Кіевской духовной академіи (со времени преобразованія ея въ 1819 году) Макарій, архіепископъ литовскій, впослѣдствіи митрополитъ московскій пожертвовалъ капиталъ въ 25,000 р. и на проценты (1375 р.) съ него учреждена, согласно съ волею жертвователя, по смерти его, ежегодная премія его имени въ 1,000 руб. съ назначеніемъ остальныхъ 375 рублей на вознагражденіе рецензентовъ сочиненій, представленныхъ на премію. Для второго, нынѣ открываемаго, конкурса на Макаріевскую премію, назначены слѣдующія три темы:

1) «Фотій патріархъ константинопольскій». Въ виду тысячелѣтія со времени кончины Фотія представляется полезнымъ составить подробную біографію съ изображеніемъ его дѣятельности и всѣхъ его отношеній и заслугъ съ православно-научной точки зрѣнія и въ интересахъ защиты этого великаго дѣятеля православной церкви частію отъ несправедливыхъ и частію преувеличенныхъ обвиненій со стороны католическихъ ученыхъ и преимущественно Гергенретера (Photius, Patriarch von Constantinopel, 3 B—de 1865—1869 г.). Обратить особенное вниманіе на представленія Фотія объ отношеніи церкви къ государству и на вытекавшія изъ этихъ представленій внутреннія (къ патріарху Игнатію и его партіи) и внѣшнія (къ Риму) церковно-политическія отношенія. Изслѣдованія Гергенретера объ ученыхъ трудахъ и заслугахъ Фотія провѣрить самостоятельнымъ изученіемъ твореній Фотія и важнѣйшія изъ историко-полемическихъ сочиненій и бесѣдъ издать въ русскомъ переводѣ.

2) «Критическій разборъ сочиненія Льва Никол. Толстого: «Въ чемъ моя вѣра»? Критическій разборъ названнаго сочиненія въ связи съ другими сочиненіями Л. Толстого, однородными по содержанію, или вообще въ связи съ религіозно-моральными началами, или воззрѣніями, проводимыми въ его сочиненіяхъ, представляетъ живой современный интересъ, важный впрочемъ не столько по достоинству означеннаго сочиненія, сколько потому вліянію, которое оказываетъ на общество и можетъ оказывать на него. Требуется полный и точный анализъ религіозныхъ воззрѣній Л. Толстого, обстоятельная и основательная оцѣнка ихъ при общедоступномъ, по возможности, изложеніи.

3) «Историческое обозрѣніе преподаванія философіи въ Россіи отъ начала до настоящаго времени, въ связи съ обозрѣніемъ философской литературы и различныхъ направленій философіи въ теченіе означеннаго времени». Желательно указаніе различныхъ теченій философской мысли, какъ въ преподаваніи философіи, такъ въ особенности въ литературѣ философской, и выясненіе причинъ, по которымъ въ разное время отдавалось предпочтеніе тому или иному направленію мысли, такъ что не внѣшняя полнота обозрѣнія требуется, а характеристика внутреннихъ мотивовъ, заключающихся въ общей исторіи просвѣщенія и жизни.

Для рѣшенія данныхъ трехъ вопросовъ назначается трехгодичный срокъ. Поэтому желающіе участвовать въ конкурсѣ должны представить свои сочиненія въ совѣтъ академіи не позже 28 сентября 1890 года. Къ соисканію преміи допускаются сочиненія на русскомъ языкѣ какъ печатныя, такъ и рукописныя. Послѣднія должны быть четко написаны; но не требуется, чтобы они предварительно были одобрены цензурою къ напечатанію. Авторамъ тѣхъ изъ

представленныхъ на конкурсъ сочиненій, въ которыхъ по разсмотрѣніи найдено будетъ вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе одной изъ предложенныхъ задачъ, присуждается полная премія въ 1,000 рублей. Въ томъ же случаѣ, когда въ числѣ сочиненій, представленныхъ на ту или другую тему, не окажется вполнѣ удовлетворительнаго, но будутъ однако заслуживающія вниманія по научнымъ своимъ достоинствамъ, могутъ быть назначены половинныя преміи въ 500 рублей.

Вмѣстѣ съ симъ совѣтъ академіи на тотъ же срокъ — по 28 сентября 1890 г. и на тѣхъ же условіяхъ возобновляетъ конкурсъ на предложенныя имъ въ 1883 году три темы, оставшіяся безъ рѣшенія частію по малодоступности источниковъ, а частію по малоизвѣстности этого перваго конкурса, но сохраняющія и въ настоящее время свое значеніе. Темы эти слѣдующія:

1. «Описаніе библейскихъ рукописей на славянскомъ и греческомъ языкѣ, поступившихъ въ Археологическій музей при Кіевской академіи». Описаніе можетъ быть сдѣлано приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ составлено «Описаніе библейскихъ рукописей сvнодальной библіотеки» Невоструевымъ и Горскимъ, но съ болѣе точнымъ указаніемъ текстуальныхъ особенностей, съ составленіемъ историческаго очерка особенностей, вошедшихъ въ греческій и славянскій тексты, съ уясненіемъ отношенія этихъ особенностей къ русскому переводу, изданному Сvнодомъ, въ тѣхъ частяхъ библейскаго текста, которыя уцѣлѣли и поступили въ Археологическій музей. Необходимость составленія описаній подобнаго рода библейскихъ текстовъ обусловливается потребностію имѣть ясное, сознательное представленіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ, отличающихъ нашъ славянскій библейскій текстъ сравнительно съ другими Западными изданіями греческаго и латинскаго библейскаго текста.

2. «Исторія Кіевской академіи». Существующія исторіи академіи далеко не полны; между тѣмъ имѣется множество неизданныхъ матеріаловъ, могущихъ восполнить эту исторію. Въ виду послѣдняго обстоятельства требуется, чтобы къ исторіи академіи приложены были, по крайней мѣрѣ, болѣе важные матеріалы. Если начальный (до-Могилянскій) періодъ ея достаточно раскрытъ въ сочиненіи С. Голубева, присужденномъ къ половинной преміи 27 февраля 1887 года, то исторія Могилянской коллегіи, далѣе, по переименованіи ея при Петрѣ Великомъ съ 26 сентября 1701 г., исторія «Академіи» XVIII вѣка и наконецъ исторія «Духовной Академіи» съ 1819 г. ожидаютъ еще разработки.

3. «Описаніе собраній рукописей Кіево-Печерской лавры, монастырей Кіево-Михайловскаго, Пустынно-Николаевскаго и Выдубицкаго, Кіево-Софійскаго собора, монастырей Волынской епархіи и покойнаго митрополита московскаго Макарія» (послѣднее собраніе поступило въ Кіевскую академію въ силу его завѣщанія). Описаніе должно имѣть въ виду преимущественно болѣе замѣчательныя къ какомъ-либо отношенія рукописи съ опущеніемъ подробностей о менѣе замѣчательныхъ и интересныхъ рукописяхъ. Образцами для описанія могутъ служить: «Описаніе рукописей Московской сvнодальной библіотеки»—Горскаго и Невоструева, «Описаніе рукописей Хлудова» — А. Попова и друг. На предлагаемую тему можетъ быть написано нѣсколько отдѣльныхъ томовъ, изъ коихъ каждый можетъ быть представленъ особо для соисканія преміи.

Возобновленіемъ конкурса на три темы, назначенныя въ 1883 году, и объявленіемъ трехъ новыхъ темъ для конкурса на соисканіе Макаріевской преміи въ 1890 году дается однако назначеніе не всей преміальной суммѣ, какая имѣетъ составиться къ этому году. Ибо съ 1883 по 1890 годъ включительно съ Макаріевскаго капитала получится сумма 11,000 рублей (въ томъ числѣ 8,000 руб. на преміи за сочиненія и 3,000 руб. на вознагражденіе рецензентовъ преміальныхъ сочиненій), слѣдовательно достаточная для

восьми полныхъ премій, между тѣмъ назначено только шесть темъ. Въ виду какъ наличности свободной преміальной суммы, такъ и особаго обстоятельства—исполненія въ слѣдущемъ году 900-лѣтія крещенія князя Владиміра и Руси, совѣтъ Кіевской духовной академіи, вмѣсто причисленія сей суммы къ основному капиталу, назначилъ соотвѣтствующую сему событію тему:

«Обозрѣніе всѣхъ древнихъ историческихъ извѣстій и сказаній о св. Владимірѣ и крещеніи Руси при немъ». Обозрѣніе должно соединяться съ критическимъ разборомъ извѣстій и сказаній. Желательно было бы также, чтобы къ обозрѣнію приложены были и самые тексты извѣстій и сказаній въ подлинникахъ или переводахъ. Для рѣшенія этой темы назначается также трехгодичный срокъ—до 28 сентября 1890 года; но, въ виду какъ важности событія, такъ и наличности остатка отъ преміальной суммы, можетъ быть удостоено преміи и въ 1888 году ученое сочиненіе о данномъ предметѣ, если таковое явится въ печати до 15 іюля или будетъ представлено въ рукописи къ этому числу.

Юбилей Н. И. Григоровича. Справлялась 25-ти лѣтняя годовщина дѣятельности Николая Ивановича Григоровича, начальника архива и библіотеки Сѵнода. Трудами и знаніемъ Н. И., архивъ Сѵнода къ настоящему времени приведенъ въ образцовый порядокъ. Кромѣ занятій по архиву, юбиляръ составилъ интересныя историческія замѣтки, касающіяся способовъ содержанія духовенства до введенія штатовъ,—принималъ участіе въ трудахъ комиссій «по описанію дѣлъ» старинныхъ годовъ, и, наконецъ, написалъ историческое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Канцлеръ, графъ А. И. Безбородко въ связи съ событіями его времени», которое Академія Наукъ увѣнчала преміей въ 5,000 р., предложенной за такое сочиненіе кн. Кушелевымъ-Безбородкой. Кромѣ архива Сѵнода Н. И. состоитъ членомъ Археографической комиссіи, членомъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной семинаріи и многихъ другихъ. Въ день празднованія юбилея этого труженика, въ квартирѣ его собрались друзья и сослуживцы, чтобы поздравить юбиляра. Директоръ Археологическаго института И. Е. Андреевскій, въ главѣ депутаціи отъ института, привѣтствовалъ юбиляра рѣчью, въ которой, указавъ на значеніе разносторонней дѣятельности Н. И., сообщилъ, что совѣтъ Археологическаго института избралъ его почетнымъ членомъ, и поднесъ привѣтственный адресъ. Представитель депутаціи отъ сослуживцевъ Николая Ивановича, поднесъ ему адресъ, въ которомъ выражены уваженіе, дружба и признаніе заслугъ юбиляра.

† 18-го ноября, на 70-мъ году **Александръ Ивановичъ Резановъ**, ректоръ архитектуры Академіи Художествъ. Русское искусство лишилось въ немъ одного изъ самыхъ крупныхъ и талантливыхъ силъ отечественнаго зодчества, развитію и упроченію котораго въ русско-національномъ стилѣ покойный много способствовалъ многочисленными, монументальными постройками дворцовъ и храмовъ въ Москвѣ, Вильнѣ и Петербургѣ. Воспитанникъ нашей Академіи, А. И. 20 лѣтъ (въ 1837) былъ увѣнчанъ первой академической наградой—двумя серебряными медалями. Черезъ два года за проектъ театральнаго училища онъ уже имѣлъ первую золотую медаль съ правомъ на шестилѣтнее пребываніе за границей пансіонеромъ Академіи. Но прежде чѣмъ отправиться за границу, онъ въ теченіе трехъ лѣтъ работалъ въ Москвѣ при храмѣ Спасителя, который строился тогда К. А. Тономъ. Результатомъ его пребыванія за границей съ 1843 по 1850 годъ явилась между прочимъ, замѣчательная монографія о знаменитомъ соборѣ въ Орвіето XIII—XIV вѣка. Получивъ тогда же академика, покойный, раньше установленнаго трехлѣтняго срока, имѣлъ званіе профессора за проектъ православной церкви на кладбищѣ. Въ этотъ періодъ времени онъ производилъ постройки на Роппшинской мызѣ. Сдѣлавшись преподавателемъ строительнаго искусства въ Ака-

деміи Художествъ съ 1855 г., А. И. назначенъ членомъ строительной комисіи, а послѣ 1863 посвятилъ себя сооруженію православныхъ храмовъ въ Вильнѣ въ византійско-русскомъ стилѣ. Къ этому времени относится и постройки его: дворца въ Бородинѣ, въ селѣ Ильинскомъ (близь Москвы), затѣмъ въ концѣ 60-хъ годовъ—дворца въ Твери, церкви въ Царской Славянкѣ и дома въ селѣ Усовѣ. 70-ые годы ознаменовались въ художественной дѣятельности А. И. плодотворнымъ участіемъ его въ сооруженіи храма Спасителя въ Москвѣ. Что есть лучшаго и чисто русскаго въ этомъ храмѣ, принадлежитъ изобрѣтательному таланту и изящному вкусу покойнаго. Византійско-русскіе орнаменты, главный мраморный иконостасъ, составляющій украшеніе собора, облицовка мраморнаго алтаря и вообще достройка этого грандіознаго памятника, исполненная А. И. Резановымъ, придали ему ту красоту, какой не доставало ему въ первоначальномъ планѣ. Въ это время А. И. состоялъ уже ректоромъ архитектуры съ 1871 года. Тогда же имъ сооруженъ дворецъ великаго князя Владиміра Александровича, въ стилѣ палаццо Питти во Флоренціи и произведены дворцовыя постройки въ Ливадіи. Но едва ли не самымъ монументальнымъ изъ проектовъ А. И. Резанова былъ проектъ городской думы на Красной площади въ Москвѣ, въ московскомъ стилѣ XVII вѣка, къ сожалѣнію, оставшійся неисполненнымъ. Такая обширная и плодотворная дѣятельность А. И. доставила ему извѣстность и за границей. Въ Европѣ знатоки очень оцѣнили оригинальность его сооруженій. Королевскій институтъ британскихъ архитекторовъ избралъ его почетнымъ членомъ.

† 22-го ноября, въ Петербургѣ **Арнольдъ Борисовичъ Думашевскій**, въ средѣ юристовъ пользовавшійся репутаціею авторитетнаго цивилиста и извѣстный сочиненіями по этой спеціальности. По окончаніи курса въ университетѣ, Думашевскій поступилъ на службу по министерству юстиціи и занималъ должность оберъ-секретаря правительствующаго сената. Выйдя въ отставку, онъ пріобрѣлъ отъ Н. С. Таганцева и А. П. Чебышева-Дмитріева право на изданіе «Судебнаго Вѣстника» и нѣсколько лѣтъ редактировалъ эту газету. Въ то же время онъ издалъ нѣсколько томовъ систематическихъ сводовъ рѣшеній уголовнаго и кассаціоннаго департаментовъ сената, въ чемъ чувствовалась крайняя необходимость для лицъ, занимающихся судебною практикою. Въ этомъ дѣлѣ Думашевскій явился иниціаторомъ и своимъ изданіемъ положилъ начало цѣлому ряду другихъ подобныхъ изданій. Онъ принималъ также участіе въ петербургскихъ газетахъ, преимущественно статьями по юридическимъ вопросамъ. Скончался Думашевскій далеко не въ преклонномъ возрастѣ,—ему было 52 года.

† Въ Ревелѣ тайный совѣтникъ **Вильгельмъ Коцебу**, сынъ извѣстнаго писателя Августа Коцебу. Покойный занималъ постъ русскаго посланника въ Карлсруэ, Вернѣ и Дрезденѣ. Изъ его литературныхъ работъ, кромѣ двухъ драмъ «Немилосердный другъ» и «Двѣ Грѣшницы», извѣстны «Очерки и картинки Молдавіи» и «Маленькія исторіи изъ большого свѣта».

† Въ концѣ прошлаго года бывшій профессоръ Петербургской духовной академіи по каѳедрѣ логики и психологіи **Александръ Емельяновичъ Свѣтилинъ**. Покойный пользовался научной извѣстностью, работалъ, между прочимъ, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и составилъ для воспитанниковъ духовныхъ семинарій учебникъ формальной логики. За три года до смерти онъ началъ страдать умственнымъ разстройствомъ и эта болѣзнь свела его въ могилу.

† Въ концѣ 1887 года въ Парижѣ, на сорокъ первомъ году, послѣ тяжкой болѣзни, русская писательница, **Анна Васильевна Жакларъ**, урожденная Корвинъ-Крюковская, писавшая подъ псевдонимомъ Ю—овъ. Литературное дарованіе покойной было впервые оцѣнено Ѳ. М. Достоевскимъ, до конца жизни

сохранившимъ вѣру въ ея талантъ. Первыя повѣсти ея: «Михаилъ» и «Сонъ» помѣщены были въ «Эпохѣ» въ 1861 г. Онѣ обратили на себя вниманіе оригинальностью сюжета, языка и фантазіи. Корвинъ-Крюковская, воспитанная въ строгой и богатой семьѣ, задумывалась надъ психологическими задачами, не зная жизни, искала научныхъ знаній и умѣла пріобрѣтать ихъ, проникалась сочувствіемъ къ служенію вѣчнымъ идеаламъ человѣческаго духа. Она росла вмѣстѣ съ сестрой, также даровитой дѣвушкой, нынѣ извѣстной ученой Софіей Ковалевской, занимающей каѳедру математики въ Стокгольмскомъ университетѣ. Дѣтство и первые годы сестры провели въ витебскомъ имѣніи своего отца генерала Корвинъ-Крюковскаго. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, Анна Васильевна пріѣхала въ Парижъ, гдѣ познакомилась съ выдающимися людьми литературнаго, ученаго и политическаго міра. Здѣсь она вела трудовую жизнь, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, но не покидала намѣренія посвятить себя исключительно литературной дѣятельности. Въ 1870 г. она вышла замужъ за Виктора Жаклара, журналиста. Франко-прусская война 1870 г. и послѣдовавшее затѣмъ смутное время она пережила въ Парижѣ и объ этомъ времени написала интересныя воспоминанія, которыя появятся въ печати. Послѣ 1871 г. Анна Васильевна переселилась съ мужемъ и маленькимъ сыномъ въ Петербургъ. Она не переставала писать, но долгое время произведенія ея не появлялись въ печати. Только въ 1886 г. помѣщена была въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» оригинально задуманная повѣсть «Записки спирита», въ которой авторъ задался цѣлью прослѣдить развитіе, начиная съ своего дѣтства,—склонности къ сверхъестественному. Повѣсть эта, представляя психологическій интересъ, въ то же время не можетъ быть отнесена къ тенденціознымъ произведеніямъ. Отрицательно относясь къ спиритизму, писательница въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучала этотъ вопросъ по научно-литературнымъ источникамъ англійскимъ, американскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ, что, при ея дарованіи, дало ей возможность нарисовать яркую картину на фонѣ строго-научной мысли. Въ 1887-мъ году и также въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» появился написанный этюдъ ея, подъ заглавіемъ «Фельдшерица». Но недугъ уже подкашивалъ силы писательницы и унесъ ее въ могилу въ ту минуту, когда окрѣпшее дарованіе обѣщало блестящую будущность. Въ маѣ прошлаго года больную перевезли въ Парижъ. Она уже не могла ходить и друзья на рукахъ внесли ее въ вагонъ Варшавской желѣзной дороги. 12-го сентября ей была сдѣлана трудная операція (вырѣзаніе кисты яичника). Истощенный предшествовавшими страданіями организмъ не выдержалъ, и ея не стало.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу записокъ Фавье.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прошлаго 1887 года (№ VIII, стр. 384—405), помѣщены, въ русскомъ переводѣ Ѳ. А. Бычкова, по принадлежащей ему рукописи и съ его примѣчаніями, записки Фавье, состоявшаго при французскомъ посольствѣ въ С.-Петербургѣ въ 1760—1761 гг. Въ запискахъ этихъ Фавье даетъ характеристику великой княгини Екатерины Алексѣевны, канцлера графа М. И. Воронцова, семейства Шуваловыхъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, имѣвшихъ въ то время вліяніе на внѣшнюю политику Россіи и, на-

конецъ, представляетъ замѣтки о новомъ русскомъ дворѣ, то есть о дворѣ Петра III.

Первая часть записокъ Фавье, заключающая въ себѣ характеристику императрицы Елисаветы Петровны и вел. кн. Петра Ѳеодоровича, напечатана была (но безъ имени автора) въ «Русской Старинѣ», 1878 г., (т. XXIII, стр. 187—206).

Представимъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Фавье, дополняющія данныя, собранныя о немъ Ѳ. А. Бычковымъ.

Фавье (Jean Louis Favier), извѣстный публицистъ, родился въ Тулузѣ около 1711 года и, достигнувъ двадцати лѣтъ, замѣстилъ своего отца въ должности синдика областныхъ штатовъ Лангедока. Увлеченія молодости разстроили его состояніе и вынудили его сложить съ себя это званіе. Предавшись тогда ученію, онъ преимущественно обратился къ занятіямъ исторіею и политикою и, одаренный необыкновенною памятью, вскорѣ въ совершенствѣ ознакомился съ дѣйствовавшими тогда договорами, союзами и генеалогіею, правами и притязаніями царственныхъ домовъ. Назначенный секретаремъ къ маркизу Шетарди, опредѣленному, послѣ возвращенія изъ Россіи, посланникомъ въ Туринъ, Фавье еще болѣе расширилъ кругъ своихъ познаній подъ руководствомъ этого дипломата. По смерти Шетарди [1]), Фавье былъ отличенъ министромъ д'Аржансономъ, для котораго составилъ, съ замѣчательнымъ талантомъ, различныя записки по вопросамъ особой важности. Министръ, въ свою очередь, вполнѣ ему довѣряя, раскрылъ ему прежнюю политическую систему Франціи по отношенію къ тѣмъ европейскимъ державамъ, которыхъ она должна была считать за своихъ естественныхъ враговъ. Фавье со страстью примкнулъ къ видамъ графа д'Аржансона и тогда же составилъ, по его наставленіямъ, мемуаръ подъ заглавіемъ: «Réflexions contre le traité de 1756» (между Франціею и Австріею). Это одинъ изъ замѣчательныхъ трудовъ о дипломатіи того времени, который возбудилъ противъ автора много враговъ, и когда д'Аржансонъ оставилъ министерство, Фавье также не могъ сохранить своей должности или, по крайней мѣрѣ, пересталъ быть гласно употребляемымъ на службѣ. Тогда, во время министерства Шоазеля, онъ исполнилъ нѣкоторыя тайныя порученія въ Испаніи и въ Россіи. Графъ Брольи, имѣвшій порученіе короля Людовика XV вести съ французскими посланниками при различныхъ дворахъ, секретную неоффиціальную переписку, возложилъ на него составленіе нѣсколькихъ мемуаровъ, въ которыхъ Фавье обнаружилъ большія познанія, но такія услуги, оказанныя лично королю, вопреки гласной системѣ и инструкціямъ министерства, подвергали Фавье опасности. Застигнутый въ расплохъ министромъ, который однажды добылъ нѣкоторыя изъ его корреспонденцій, король выдалъ приказъ объ его арестованіи, но едва лишь уступилъ настояніямъ враговъ Фавье, какъ самъ же далъ ему совѣтъ бѣжать и скрыть свои бумаги. Фавье отправился въ Англію и Голландію, гдѣ жилъ въ кругу лицъ, отличныхъ по уму и положенію. Въ Гагѣ онъ часто видѣлся съ принцомъ Генрихомъ прусскимъ. Сколь ни былъ онъ въ то время удаленъ отъ центра важнѣйшихъ политическихъ интригъ, но не терялъ ихъ изъ вида. Говорятъ даже, что, вспомоществуемый нѣкоторыми иностранными дворами, онъ способствовалъ удаленію гер-

---

[1]) Шетарди умеръ въ январѣ 1758 г. Пекарскій, «Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи». Спб., 1862, стр. XXI.

цога Шоазеля, на котораго смотрѣлъ какъ на главнаго виновника своей немилости. Тѣмъ не менѣе, онъ не получилъ разрѣшенія вернуться во Францію и былъ преслѣдуемъ даже за границею. Его привлекли къ вымышленному заговору вмѣстѣ съ Друэ, Сегюромъ и Дюмурье; онъ былъ арестованъ въ Гамбургѣ и привезенъ въ Парижъ [1]). Переписка его съ принцомъ Генрихомъ признана была преступною и онъ былъ заключенъ въ Бастилію, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, графъ Брольи въ 1773 году вступился за него. Фавье получилъ свободу и жилъ съ тѣхъ поръ частнымъ человѣкомъ. При вступленіи на престолъ Людовика XVI, графъ Верженъ выхлопоталъ ему 60,000 франковъ на уплату долговъ и пенсію по 2,000 фр. Умеръ Фавье въ Парижѣ 2-го апрѣля 1784 года.

Сочиненія его указаны у Керара: «La France littéraire» t. III, p. 79.

Фавье познакомился съ графомъ А. Р. Воронцовымъ въ 1759 году въ Парижѣ, когда этотъ послѣдній ѣздилъ за границу для окончанія своего образованія. Фавье сопровождалъ его въ Испанію и тогда же, по ходатайству Воронцова, возникло предположеніе о приглашеніи его на службу въ Россію (Арх. кн. Воронцова, XXXI, стр. 95 и 96). Это предположеніе не состоялось, а въ концѣ 1760 года Фавье былъ посланъ въ Петербургъ на мѣсто секретаря посольства Деона (ibid., 109). Здѣсь онъ пробылъ очень не долго и въ апрѣлѣ 1761 года отправился чрезъ Вѣну обратно въ Парижъ (ibid., IV, стр. 463 [2]). Между тѣмъ, графъ Александръ Романовичъ былъ назначенъ посланникомъ въ Лондонъ и въ 1762 году вновь повторилъ ходатайство о принятіи Фавье въ русскую службу (ibid., V, стр. 106, 141—142 и XXXI, стр. 191), но и на этотъ разъ предположеніе это не осуществилось, такъ какъ въ слѣдующемъ 1763 году, канцлеръ М. И. Воронцовъ оставилъ завѣдываніе иностранными дѣлами. Долго послѣ этого графъ Александръ Романовичъ поддерживалъ съ Фавье сношенія, между прочимъ, чрезъ А. И. Моркова (ibid., XIV, 227, 228, 235).

Въ Архивѣ князя Воронцова (XXX, стр. 1—46) напечатаны десять писемъ изъ Франціи отъ пріятеля молодости къ графу А. Р. Воронцову, а въ XXVI книгѣ того же Архива помѣщено (стр. 369 и слѣд.) письмо къ нему же неизвѣстнаго француза отъ 2-го января 1781 г., хотя изъ содержанія этого письма и сравненія его съ письмами, помѣщенными въ XXX книгѣ, очевидно, что писавшій ихъ «неизвѣстный французъ» есть тотъ же «пріятель молодости» графа А. Р. Воронцова, остальныя письма котораго почему-то попали въ другую книгу Архива. Г. Бартеневъ не счелъ нужнымъ объяснить, кто этотъ «пріятель молодости» или «неизвѣстный французъ». Не объяснилъ онъ также, почему письма эти напечатаны безъ означенія фамиліи писавшаго ихъ, потому ли, что они и въ подлинникѣ были безъ подписи, или подпись была уничтожена впослѣдствіи или, наконецъ, подпись имъ, г. Бартеневымъ, не разобрана?

Можно съ увѣренностью сказать, что этотъ «пріятель молодости» и «неизвѣстный французъ» есть не иной кто, какъ Фавье. Доказательства тому находятся въ любомъ изъ указанныхъ писемъ его къ А. Р. Воронцову. Такъ

---

[1]) Объ этомъ см. «Flassan, Histoire de la diplomatie française». Paris. 1811, VII, 106, и «Mémoires du g l Dumouriez». Francfort. 1794. p. 243.

[2]) Объ этой миссіи Фавье см. «Vandal, Louis XV et Elisabeth de Russie». Paris, 1882 p. 390—391. Объ отъѣздѣ его изъ Петербурга публиковано было въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 3-го апрѣля 1761 г.; № 27.

въ письмѣ 2-го января 1781 года (XX VI, стр. 369) авторъ говоритъ, что начинается уже 23 годъ съ того времени, какъ онъ познакомился въ Воронцовымъ, а знакомство ихъ началось, какъ мы видѣли, въ 1759 году. Въ письмѣ 1760 году (XXX, стр. 1), авторъ предваряетъ Воронцова о своемъ отъѣздѣ изъ Парижа чрезъ Вѣну и что объ отъѣздѣ его дано знать Лопиталю, бывшему тогда посломъ въ Россіи. Въ слѣдующемъ письмѣ, 31-го января 1762 года (ibid., 3), авторъ вспоминаетъ о своемъ пребываніи въ Петербургѣ. Въ письмѣ 9-го сентября 1762 года (XXX, стр. 7), авторъ просится на службу въ Россію, гдѣ, по его словамъ, онъ оставилъ не дурное о себѣ мнѣніе. Въ письмѣ 1775 года (ibid., 12 и слѣд.) онъ разсказываетъ о своемъ дѣлѣ съ Дюмурье и о содержаніи его въ Бастиліи. Въ письмахъ 1783 году (ibid., 41, 43, 45), говоритъ о сношеніяхъ своихъ съ Морковымъ. Наконецъ, что всего любопытнѣе, въ письмѣ 9-го сентября 1762 года (ibid., 4), онъ самъ называетъ себя по фамиліи.

Письма Фавье къ Воронцову, представляютъ немалый интересъ, не столько, впрочемъ, для русскихъ, сколько для исторіи французскаго общества XVIII вѣка. Можно думать, что при томъ вниманіи, которое обращено нынѣ во Франціи на издающіеся у насъ исторические матеріалы, они найдутъ основательную тамъ оцѣнку. Съ этою собственно цѣлью мы и рѣшились указать на принадлежность означенныхъ писемъ Фавье, чего не нашелъ нужнымъ сдѣлать, почему-то, ихъ издатель, г. Бартеневъ. Напротивъ того, лица, занимающіяся русскою исторіею XVIII вѣка, будутъ благодарны Ѳ. А. Бычкову за обнародованія имъ записокъ Фавье, такъ какъ записки эти представляютъ, несомнѣнно, цѣнный историческій матеріалъ.

N. N.

По поводу пріостановки „Кіевской Старины".

Въ ноябрской книжкѣ «Кіевской Старины» мы, съ глубокимъ сожалѣніемъ, прочли напечатанное редакціею заявленіе, что журналъ пріостанавливается, на неопредѣленное время, за болѣзнью редактора-издателя. Не успѣли еще мы отозваться на это заявленіе, какъ въ декабрской книжкѣ явилось уже другое, новое заявленіе отъ редакціи почтеннаго журнала, извѣщающей публику о томъ, что журналъ пріостанавливается но не прекращается, при чемъ редакція не теряетъ надежды, что «изданіе, можетъ быть, возобновлено, хотя и подъ другою редакціею».

Но и въ этомъ второмъ заявленіи, которое, повидимому, подаетъ надежды на возобновленіе журнала въ близкомъ будущемъ, мы находимъ мѣста, совершенно непонятныя и темныя по заключающимся въ нихъ намекамъ:

«Печальная необходимость»,—говоритъ въ этомъ заявленіи редакторъ-издатель «Кіевск. Старины»,—«заставила насъ положить перо; мы сдѣлали, однако, все, что могли, для дѣла, котораго никогда не считали нашимъ личнымъ, и будемъ рады, если оно найдетъ продолжателей, болѣе насъ искусныхъ и достойныхъ». И затѣмъ, не смотря на тѣ «надежды», о которыхъ редакція упомянула въ началѣ своего заявленія, въ концѣ его та же редакція говоритъ, что готова передать право на изданіе «Кіевской Старины» въ другія руки и «отъ всѣхъ, желающихъ продолженія изданія, будетъ принимать всякаго рода заявленія по сему предмету»...

По общему тону этого второго заявленія редакціи, подъ «печальною необходимостью», заставляющей «положить перо», можно предполагать не просто только болѣзнь редактора-издателя, но и нѣкоторыя неудовольствія, побуждающія его оставить излюбленную дѣятельность и искать себѣ преемника «болѣе искуснаго и болѣе достойнаго». Намъ почему-то кажется, что этотъ намекъ вызванъ скорѣе непріятностями по редактированію журнала, нежели обычными матеріальными затрудненіями издательства (особенно въ провинціи), и мы, ни мало не желая льстить почтенному редактору «Кіевской Старины», съ своей стороны считаемъ долгомъ заявить, что онъ едва ли найдетъ себѣ преемника «болѣе достойнаго и болѣе искуснаго». Въ теченіе пяти лѣтъ Ѳ. Г. Лебединцевъ съумѣлъ поддержать своимъ журналомъ самый живой интересъ къ нашей южно-русской старинѣ, къ ея исторіи и народно-бытовымъ проявленіямъ, къ ея преданіямъ и типамъ. Даже и къ трудному дѣлу разработки мѣстныхъ архивныхъ богатствъ г. Лебединцевъ съумѣлъ подойти съ такой стороны, которая могла и должна была принести большую пользу нашимъ изслѣдователямъ, знакомя ихъ съ матеріалами, намѣчая и задачи, и пути, къ правильному ихъ изученію. Въ особенности пріятно поражало насъ то полное беспристрастіе, съ которымъ почтенный редакторъ «Кіевской Старины» умѣлъ отнестись даже и къ весьма тонкимъ и деликатнымъ вопросамъ взаимныхъ отношеній великорусской и малорусской народности. Мы сознаемъ всю трудность той дѣятельности, которую г. Лебединцевъ на себя принялъ, выступая съ новымъ историческимъ журналомъ, оцѣниваемъ вполнѣ то достоинство, съ которымъ онъ съумѣлъ провести свой журналъ среди всевозможныхъ затрудненій и препятствій, и доставить ему почетную извѣстность въ нашей журналистикѣ, и отъ души желаемъ продолженія «Кіевской Старины» подъ тою же редакціей. Мы надѣемся, что «печальная необходимость положить перо» минуетъ для почтеннаго редактора «Кіевской Старины», что найдутся между почитателями южнорусской старины люди богатые и щедрые настолько, чтобы поддержать и обезпечить полезный органъ нашей исторической журналистики, и что изданіе его, въ будущемъ году, будетъ продолжаться также успѣшно какъ и въ предшествующіе шесть лѣтъ.

ГАНЗЕЙЦЫ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ОСКАРА ГЕКЁРА

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

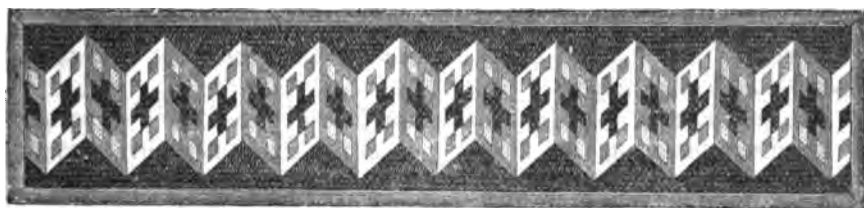
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1888

I.

За кружкой элю.

ОНДОНЪ праздновалъ день новаго 1361 года. Мрачныя времена суроваго пуританства въ ту пору еще не наступили для Лондона и духъ игривой веселости, свойственной быту Старой Англіи, живою струею, кипучимъ ключемъ билъ въ сердцѣ королевства, въ Лондонѣ—въ центрѣ богатой, торговой и промышленной страны. Предки нынѣшнихъ, сухихъ и скучныхъ, сыновъ Альбіона, пользовались каждымъ праздникомъ, чтобы предаться веселью и утѣхамъ всякаго рода, и вотъ почему, въ описываемый нами день Новаго года, толпы разряженныхъ и веселыхъ горожанъ всюду бродили по улицамъ обширнаго города и внутри, и внѣ городскихъ стѣнъ, нѣкогда воздвигнутыхъ римлянами. На льду городскихъ рвовъ и подгородныхъ прудовъ рѣзвилось наینькахъ юношество; болѣе взрослые молодые люди, забавлялись примѣрнымъ боемъ на копьяхъ, и около бойцовъ стѣна-стѣной, тѣснилась толпа зрителей, состоявшая изъ почетнѣйшихъ гражданъ, ихъ женъ и дочерей. Но болѣе всего тѣсноты и давки было на площади, передъ Вестминстерскимъ дворцомъ, гдѣ выжидали обратнаго проѣзда лорда-мэра, съ его придворнымъ штатомъ:—согласно давнему обычаю, лордъ-мэръ отправился поздравить короля съ наступившимъ новымъ годомъ, и король Эдуардъ III долженъ былъ пригласить его къ своему обѣденному столу. Да и стоило посмотрѣть на этотъ торжественный поѣздъ лорда-мэра! Было тамъ чему подивиться! — Свита его состояла изъ каммергеровъ и маршаловъ, изъ меченосцевъ и архиваріусовъ, ихъ каппеллановъ и

егермейстеровъ, изъ множества пажей и альдермэновъ разряженныхъ въ богатые наряды.

Но лорда-мэра на этотъ разъ пришлось подождать; а потому и неудивительно, что нѣкоторые, менѣе терпѣливые, отдѣлились отъ ожидавшей его толпы, утѣшая себя тѣмъ, что еще увидятъ главу города Лондона въ тотъ же вечеръ на улицѣ Темзы, черезъ которую лордъ-мэръ неизбѣжно долженъ былъ проѣхать, направляясь къ торговому двору остерлинговъ (такъ обыкновенно изстари называли англичане нижне-нѣмецкихъ купцовъ, проживавшихъ въ Лондонѣ).

Болѣе всего оживлены были пивныя и виноторговли, которыхъ въ то время было въ Лондонѣ великое множество. Со времени установленія торговыхъ сношеній Англіи съ югомъ Европы, съ тѣхъ поръ, какъ произведенія Испаніи, Италіи и даже Греціи стали провозиться въ Англію моремъ — вино стало быстро вводиться въ общее употребленіе и явилось мощнымъ соперникомъ элю, любимому, исконному напитку англичанъ. Даже и благороднѣйшій рейнвейнъ проникъ въ Лондонъ съ тѣхъ поръ, какъ Генрихъ II даровалъ право ввоза этого вина осѣвшимъ въ Лондонѣ кёльнскимъ купцамъ. Однако же рейнвейнъ можно было достать только въ нѣкоторыхъ, лучшихъ тавернахъ, къ которымъ принадлежала и таверна «Вепря», впослѣдствіи прославленная Шекспиромъ, избравшимъ ее для подвиговъ Фальстафа и другихъ своихъ героевъ.

Но и не только въ лучшихъ, а и въ самыхъ плохенькихъ тавернахъ въ описываемый нами день Новаго года едва можно было протолкаться, такъ что двое иноземныхъ гостей едва-едва могли найти себѣ мѣстечко въ одной изъ такихъ тавернъ, въ улочкѣ «Всѣхъ Святыхъ». Двое моряковъ и нѣсколько ломовыхъ извозчиковъ оказали, однако же, иностранцамъ столько вниманія, что потѣснились на лавкѣ, очищая мѣсто, при чемъ одинъ изъ нихъ воскликнулъ, обращаясь къ тому изъ двухъ пришельцевъ, который былъ пониже ростомъ:

— Ба! мейстръ Нильсъ! Какъ же это вы въ Лондонъ прибыли, и не сочли нужнымъ розыскать здѣсь вашего стараго пріятеля?

— Вы укоряете меня напрасно, Бенъ! — отвѣчалъ мейстеръ Нильсъ.—Я всего только нѣсколько часовъ назадъ прибылъ въ Лондонъ, на готландской шнекѣ «Св. Ѳомы».

— А! славное судно!—замѣтилъ тономъ знатока одинъ изъ присутствующихъ моряковъ. — Киль 55 локтей, а длина палубы 23 сажени.

— И камора на носу двухъ-ярусная,—добавилъ другой морякъ.

— Ну, значитъ, вамъ было сюда удобно плыть,—сказалъ Бенъ, который и самъ владѣлъ маленькимъ грузовымъ суденкомъ, и ча-

стенько бывалъ въ Визби, гдѣ и познакомился съ датчаниномъ Нильсомъ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ.—А какъ-то поживаетъ ваша стройная красавица дочка, Христина? Небойсь все еще, попрежнему, съ пренебреженіемъ отказываетъ всѣмъ своимъ женихамъ.

— Что будешь дѣлать! Такой ужъ упрямицей уродилась,—проворчалъ Нильсъ, чокаясь своей глиняной кружкой съ кружкою сосѣда. Потомъ, отхлебнувъ пива, онъ поморщился и сказалъ:— Ну, ужъ и пиво! одна только слава!.. Такая-то жидель, что его хоть бочку вытяни—не захмѣлѣешь!

— Въ этомъ никто другой не виноватъ, какъ лордъ-мэръ и его альдермэны!—воскликнулъ одинъ изъ ломовиковъ.—Это имъ, видите ли, неугодно, чтобы намъ варили пиво получше да покрѣпче этого!

— Боятся насъ споить!—смѣясь, замѣтилъ старый морякъ.—А вѣдь и при этомъ дрянномъ пивѣ пьянство ничуть не меньше: ночная стража не успѣваетъ подбирать всѣхъ пьяницъ, которые валяются по улицамъ и подъ воротами домовъ!

— По моему,—сказалъ Бенъ,—для праздника слѣдовало бы потѣшить душу, пойти въ винный погребокъ, да винца хорошенькаго испить!..

— Чортъ бы ихъ побралъ—всѣ эти погребки!—раздалось нѣсколько голосовъ разомъ.—Эти погребки—тоже новинка, которою мы нѣмецкой Ганзѣ обязаны. Кабы не она ввезла къ намъ вино, такъ намъ не посмѣли бы давать такого пива!

— Что вѣрно, то вѣрно!—замѣтилъ старый морякъ.—Имъ-то—барышъ, а намъ—все убытокъ.

И всѣ разразились бранью противъ нижне-нѣмецкихъ купцовъ, возбуждавшихъ въ Лондонѣ всеобщую зависть и нерасположеніе къ себѣ своимъ процвѣтаніемъ и богатствомъ.

— Вашему сотоварищу, кажется, не очень по вкусу пришлась наша брань противъ нѣмцевъ!—сказалъ старый морякъ, указывая на спутника Нильса, который опустилъ голову на руки, грустно поморщилъ лобъ и тяжело вздохнулъ.

— Ошибаетесь, почтенный другъ,—перебилъ моряка золотыхъ дѣлъ мастеръ.—Ужъ если кто имѣетъ право поносить ганзейцевъ, такъ ужъ, конечно, мой сотоварищъ, потому что эти нѣмецкіе вороны отняли у него все, и онъ теперь нищій!

Это заявленіе вызвало въ присутствующихъ большое участіе къ иноземцу, и вскорѣ вокругъ обоихъ датчанъ образовался тѣсный кружокъ.

— Мой другъ, котораго вы здѣсь видите, былъ богачемъ!—продолжалъ Нильсъ,—и много кораблей плавало по морямъ отъ его торговой фирмы! Кто-кто не зналъ большого торговаго дома, принадлежавшаго Кнуту Торсену?

— Такъ это и есть господинъ Торсенъ?—воскликнули многіе

изъ присутствовавшихъ моряковъ, поспѣшно снимая съ головы свои матросскія шапки (всѣмъ имъ приводилось перевозить грузы этой фирмы) и Бенъ еще сильнѣе воздѣйствовалъ на нихъ, добавивъ:

— Да! теперь я понимаю, что господину Торсену не могло прійтись по вкусу наше жиденькое пиво. Клянусь св. Георгомъ! Здѣшней тавернѣ никогда еще не случалось принимать у себя болѣе почетнаго гостя!

Сумрачное выраженіе нѣсколько прояснѣло на лицѣ Торсена. Онъ пожалъ руку ближайшимъ изъ своихъ сосѣдей по лавкѣ и сказалъ:

— Спасибо вамъ за доброе обо мнѣ мнѣніе! Мейстеръ Нильсъ не преувеличилъ ничего, говоря вамъ, что меня Ганзейскій союзъ въ конецъ загубилъ...

— И вы не единственная жертва этихъ хищныхъ гильдейцевъ!—перебилъ Торсена старый морякъ,—и тѣмъ болѣе стыдно намъ, независимымъ англичанамъ, что наши короли даютъ больше правъ и привилегій этимъ нѣмецкимъ проходимцамъ, нежели своимъ собственнымъ подданнымъ.

— Выгнать бы ихъ всѣхъ отсюда!—закричали многіе.

— Пусть намъ господинъ Кнутъ Торсенъ разскажетъ о себѣ, какъ это съ нимъ случилось?—требовали другіе.

Только по прошествіи нѣкотораго времени шумъ и гамъ пріутихъ, и всѣ собрались въ кружокъ около датчанъ, желая услышать то, что могъ имъ разсказать раззорившійся купецъ.

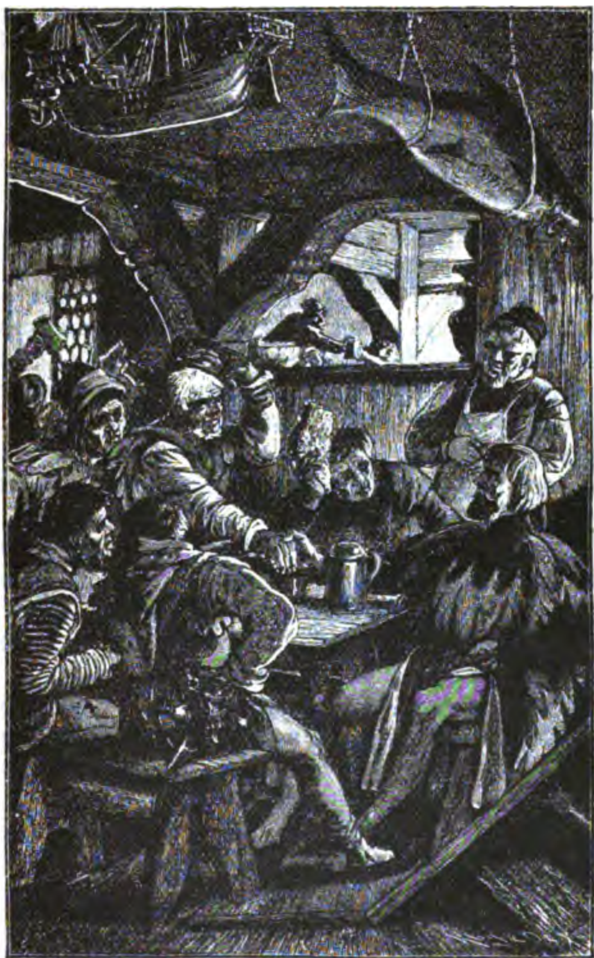
Онъ разсказывалъ долго, много и подробно, и, когда, наконецъ, смолкъ, то шумъ поднялся снова. Еще бы немного, и всѣ бывшіе въ тавернѣ готовы были гурьбою двинуться къ близь лежащему торговому двору ганзейцевъ, и потребовать отчета отъ ихъ здѣшняго главы и представителя. Лондонская чернь радёшенька была каждой возможности выказать ненавистнымъ ганзейцамъ свое недовольство.

— Я человѣкъ миролюбивый!—сказалъ Кнутъ Торсенъ, стараясь успокоить присутствующихъ,—я вотъ и пріѣхалъ въ Лондонъ, чтобы вступить въ переговоры съ альдермэномъ здѣшняго торговаго двора. Господинъ Тидеманъ фонъ Лимбергъ—высокоуважаемый и богатѣйшій купецъ, и я надѣюсь, что онъ поможетъ мнѣ возвратить мое утраченное достояніе.

— Да, коли онъ этого захочетъ!—проворчалъ старый морякъ.— Но вѣдь онъ такой упрямецъ, что осмѣливается идти на перекоръ даже и нашему доброму королю Эдуарду.

— Ну, что за диво — король! — вступился одинъ изъ ломовиковъ, — король безгласенъ передъ Тидеманомъ, отъ котораго онъ зависитъ, хотя еще и не извѣстно, будутъ ли ганзейцы и впредь ссужать короля деньгами. Я слышалъ отъ своихъ пріятелей кёльн-

скихъ корабельщиковъ, что еще намедни король давалъ секретно аудіенцію ихъ землякамъ, и совѣщался съ ними, потому никакъ не могъ выкупить своихъ клейнодовъ, заложенныхъ кёльнскимъ купцамъ. Эти торгаши не соглашались болѣе ждать, и грозились, что пустятъ въ оборотъ свой драгоцѣнный залогъ... Ну, такъ вотъ

«Спасибо вамъ на добромъ словѣ»,—сказалъ Торсенъ.

Тидеману и удалось ихъ какъ-то образумить. Вотъ-то Эдуардъ былъ этому радёшенекъ и альдермэну ганзейскаго торговаго дома, вѣроятно, поднесетъ за услугу не дурной подарочекъ!

— Да! да!—подтвердилъ Бенъ,—Тидеманъ человѣкъ умный и съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь отъ Ганзы поставленъ альдермэномъ,

онъ не потратилъ времени даромъ. Вѣдь вотъ ужъ нынче кончился срокъ контракту, по которому сынъ нашего короля Черный Принцъ, предоставилъ ему разработку свинцовыхъ рудъ, и никто не думалъ, что король рѣшится возобновить этотъ невыгодный для него контрактъ... Однако, г. Тидеманъ съумѣлъ такъ его обойти!

Въ отвѣтъ на эти слова послышался и смѣхъ, и ропотъ. Когда голоса стихли, Кнутъ Торсенъ сказалъ:

— Быть можетъ, я застану альдермэна въ благопріятномъ для меня настроеніи, и во всякомъ случаѣ хочу попытать у него счастья...

Всѣ въ одинъ голосъ крикнули: «конечно! попытать слѣдуетъ»! Бенъ съ удовольствіемъ потеръ руки и сказалъ:

— Я всегда бываю радъ, когда что-нибудь противъ ганзейцевъ затѣвается. Сегодня было бы это какъ разъ кстати!

— Ну, вотъ еще!—зашумѣли многіе,—развѣ не всѣ дни равны?

— Конечно, не всѣ! — возразилъ Бенъ. — Сегодня вечеромъ въ большой залѣ торговаго двора ганзейцевъ соберется купеческій совѣтъ, и на это торжественное засѣданіе обычно пріѣзжаетъ и самъ лордъ-мэръ; а затѣмъ, ганзейцы должны будутъ открыть настежъ среднія ворота своего торговаго двора, а эти ворота только разъ въ году и открываются...

— Еще бы они ихъ чаще открывали! они вѣдь нашихъ кулаковъ порядочно побаиваются...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло!—замѣтилъ Бенъ.—А вѣдь въ эти большія ворота мы могли бы туда цѣлой гурьбой ввалиться...

— Дайте мнѣ сначала попытаться добромъ поправить мое дѣло,— сказалъ Торсенъ,—а если меня примутъ на торговомъ дворѣ неласково, такъ тогда я прибѣгну къ вашей помощи.

— Чтожъ, попытайтесь!—крикнули ему съ разныхъ сторонъ, и съ почетомъ проводили обоихъ датчанъ до дверей таверы.

II.

На торговомъ дворѣ ганзейцевъ.

Кнутъ Торсенъ былъ не пара своему сотоварищу, такъ какъ Нильсъ былъ низкаго происхожденія и очень плохо образованъ, между тѣмъ, какъ Торсенъ и родомъ былъ знатенъ, и образованіе получилъ, по тому времени превосходное. Это можно было видѣть и по всѣмъ внѣшнимъ его пріемамъ. Кнутъ Торсенъ могъ бы пожалуй прослыть и очень красивымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что имѣлъ благородную осанку и умное выраженіе лица; но выраженіе его голубыхъ глазъ было весьма непріятно. Въ его глазахъ свѣтилось коварство, и то невыгодное впечатлѣніе, которое производилъ

этотъ взглядъ, еще усиливалось противной улыбкой, безпрестанно появлявшейся у него на лицѣ.

Нильсъ былъ очень не великъ ростомъ. Длинные бѣлокурые волосы почти прикрывали весь его низкій лобъ и отдѣльными прядями падали на глаза. Красное, лоснящееся лицо его слишкомъ ясно указывало на то, что золотыхъ дѣлъ мастеръ былъ большимъ любителемъ всякихъ спиртныхъ напитковъ.

Оба датчанина направились къ Ганзейскому торговому двору, расположенному повыше Лондонскаго моста, который, какъ извѣстно, долгое время былъ единственнымъ мостомъ, соединявшимъ оба берега Темзы. Обширныя верфи торговаго двора простирались вверхъ по берегу до самой южной оконечности улицы Темзы; съ западной стороны дворъ примыкалъ къ улицѣ Даугэтъ, получившей свое прозваніе отъ древнихъ воротъ въ римской стѣнѣ Лондона; съ восточной—дворъ огибала улочка «Всѣхъ Святыхъ». Первоначально, дворъ, заложенный кёльнскими купцами, былъ очень малъ, и всею своею постройкою напоминалъ подобные же дворы, уцѣлѣвшіе и доселѣ въ Германіи. Но съ самаго своего основанія, этотъ дворъ былъ для нѣмцевъ мѣстностью, въ которой они могли чинить судъ и расправу по своимъ законамъ. **Дворъ**, собственно говоря, состоялъ изъ ряда домовъ, амбаровъ и лавокъ, окружавшихъ довольно обширное пустое пространство; на этомъ пространствѣ помѣщались огороды, площадь для игръ и воинскихъ упражненій ганзейцевъ; на ней же происходили и всякія общія торговыя собранія. И въ другихъ городахъ Европы торговые дворы ганзейцевъ устраивались на тотъ же ладъ, и внутреннія площадки ихъ служили какъ для торговыхъ цѣлей, такъ и для сходокъ ганзейцевъ. Сверхъ всего, упомянутаго нами, внутри лондонскаго двора находилось еще обширное крытое помѣщеніе или зала для сношеній съ мѣстными купцами и для собраній купеческаго совѣта.

Однимъ словомъ, лондонскій дворъ, построенный кёльнскими купцами по образцу всѣхъ остальныхъ ганзейскихъ дворовъ, представлялъ собою клочекъ земли, окруженный высокими стѣнами, и на этомъ клочкѣ нѣмецъ не только находилъ вѣрное убѣжище себѣ и безопасный складъ своему товару, но и такое мѣсто, въ которое онъ переносилъ свои обычаи, и гдѣ чувствовалъ себя, какъ дома. Когда торговыя дѣла лондонскаго двора начали расширяться, то и самъ дворъ сталъ возрастать въ объемѣ и уже въ правленіе Ричарда II ганзейцы пріобрѣли громадный сосѣдній домъ, примыкавшій къ ихъ двору. Въ XVIII вѣкѣ были прикуплены еще другія сосѣднія постройки; между ними находился и очень красивый домъ, который почему-то носилъ названіе **Стыллъ-хауза** (Steal-house) или **Стыллъ-ярда** Steal-yard) [1]).

---

[1]) «Стальной домъ» или «Стальной дворъ». Названіе это истолковывали различно, и, главнымъ образомъ производили отъ того, будто бы ганзейцы, купивъ домъ, нашли въ подвалахъ его массу стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій.

По окончаніи всѣхъ этихъ прикупокъ, округливъ свои владѣнія, ганзейцы (къ кёльнскимъ купцамъ примкнули впослѣдствіи и другіе нижне-нѣмецкіе) возвели на своемъ участкѣ крѣпкій замокъ, соотвѣтствовавшій, по устройству своему, потребностямъ богатаго средневѣковаго торговаго учрежденія.

Особенно красивъ былъ фасадъ этого зданія, выходившій, съ сѣверной стороны, на берегъ Темзы; оно состояло изъ нѣсколькихъ этажей, и здѣсь-то и находились трои ворота, съ округлыми сводами, крѣпко-на-крѣпко притворенныя и обитыя толстыми полосами кованнаго желѣза. Надъ каждыми изъ воротъ стояла своя, особая надпись. Одна изъ нихъ указывала на то, что вступающему въ ганзейскій дворъ хозяева его предлагаютъ «радость и довольство, миръ, спокойствіе и честное веселье»; другая гласила, что «золото должно порождать искусства и само должно быть плодомъ трудолюбія»; третья, наконецъ, угрожала карою тому, кто осмѣлится нарушить обычаи ганзейцевъ. Подъ самою крышею, широко размахнувъ крыльями, красовался на домѣ двуглавый орелъ—гербъ Германской имперіи. Крѣпкія, неприступныя стѣны окружали «Стальной дворъ», захватывая въ свою ограду и древнюю, круглую башню, которая принадлежала еще къ римскимъ постройкамъ, ограждавшимъ входъ въ лондонскую гавань. Въ этой башнѣ, примыкавшей къ большому залу, главному мѣсту дѣйствія всѣхъ празднествъ и публичныхъ собраній, хранилась казна ганзейцевъ — ихъ харатейныя [1]) торговыя книги и важнѣйшія драгоцѣнности. Внутри стѣнъ двора заключалось «особое государство въ государствѣ»—особый міръ, въ которомъ жизнь текла на свой, особый ладъ, подчиняясь стражайшему, почти монастырскому уставу и проявляя значительный оттѣнокъ религіозности.

Въ описываемый нами праздничный день все на «Стальномъ дворѣ» было приведено въ такой порядокъ, такъ прибрано и подчищено, что иноземные гости, когда привратникъ впустилъ ихъ въ ворота, не замѣтили внутри даже и признаковъ того суетливаго движенія, которое здѣсь кипѣло съ утра до вечера въ будни. Нельзя было даже и предположить, что вступая на тотъ клочекъ земли, на которомъ постоянно толклись купцы и приказчики изъ шестидесяти слишкомъ ганзейскихъ городовъ, ворочая и громоздя тюки товаровъ, длинными рядами поваленныхъ и внутри двора, и на берегу, или перебѣгая отъ одной лавки къ другой. Объ этомъ обычномъ торговомъ движеніи можно составить себѣ нѣкоторое понятіе только потому, что черезъ ганзейскій лондонскій дворъ ввозились въ Англію всѣ извѣстныя тогда въ Европѣ предметы торга и промысла, какіе были доступнны европейской торговлѣ! Такая же тишина, какъ и на дворѣ, господствовала и на громадныхъ вер-

[1]) Харатейныя —писанныя на харатьѣ или пергаменѣ.

фяхъ ганзейскаго двора, окруженныхъ высокимъ моломъ о который, во время прилива шумно плескались волны Темзы, и къ которому свободно причаливали тяжело нагруженныя большія морскія суда.

Привратникъ отвелъ Торсена къ главному сторожу дома, который принялъ его въ своей холостой каморкѣ (по строгому обычаю ганзейскаго двора всѣ служащіе въ немъ не имѣли права жениться, о чемъ не мало горевалъ этотъ старый сторожъ, ощущавшій большой недостатокъ въ женскомъ уходѣ).

— Вы желаете, чтобы я свелъ васъ къ нашему господину альдермэну?—спросилъ сторожъ у чужеземнаго гостя. — Если вы пришли по торговому дѣлу, то вамъ пріидется обождать до завтра, потому—сегодня праздникъ и, сверхъ того, нашъ г. Тидеманъ занятъ по горло, такъ какъ сегодня вечеромъ предстоитъ ему предсѣдательствовать въ большомъ купеческомъ совѣтѣ.

— Я желаю быть принятъ въ составъ здѣшняго ганзейскаго двора, а слѣдовательно и въ составъ Ганзейскаго союза,—отвѣчалъ Торсенъ.

— Въ качествѣ хозяина или въ качествѣ приказчика? — переспросилъ осторожный сторожъ.

— Я думаю, вы объ этомъ можете и сами посудить, по моимъ лѣтамъ и по внѣшности?—обидчиво возразилъ Кнутъ.

— Ну, нѣтъ!—съ улыбкой отвѣтилъ сторожъ,—у насъ и приказчики бываютъ постарше васъ; а впрочемъ, я о васъ доложу господину альдермэну, который теперь изволитъ быть въ совѣтской комнатѣ.

Когда немного спустя домовый сторожъ вернулся съ извѣстіемъ, что г. Тидеманъ готовъ принять иноземнаго гостя, Торсенъ замѣтилъ, что сторожъ зорко его осматриваетъ.

— Меча при васъ нѣтъ, — пояснилъ сторожъ, — а только кинжалъ за поясомъ. Только ужъ будьте добры, пожалуйте мнѣ его сюда.

— Развѣ у васъ ношеніе оружія воспрещено?—спросилъ Торсенъ, вручая сторожу свой кинжалъ.—А мнѣ говорили, что каждый купецъ на вашемъ дворѣ долженъ имѣть и шлемъ, и броню, и все необходимое оружіе?

— Совершенно вѣрно! — подтвердилъ домовый сторожъ. — Всѣ живущіе на здѣшнемъ дворѣ должны быть, дѣйствительно, во всякое время готовы къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ, не только ради собственной безопасности, но и ради выполненія стариннаго обязательства, которое мы на себя приняли по отношенію къ городу Лондону, гостепріимно пріютившему насъ въ своихъ стѣнахъ. Мы, ганзейцы, обязаны принимать участіе въ защитѣ города, и, въ виду этого обязательства, должны не только поддерживать самое зданіе Епископскихъ воротъ, выходящихъ на сѣверную сто-

рону города, но, если бы того потребовали обстоятельства, мы обязаны даже содержать на этихъ воротахъ стражу и озаботиться о ихъ защитѣ.

— Тогда и я, значитъ, могъ бы оставить при себѣ оружіе,— сказалъ датчанинъ.

— Если бы вы были ганзейцомъ, то вы бы могли его сохранить у себя, въ вашей каморкѣ. А такъ какъ вы еще не ганзеецъ, то находящееся при васъ острое оружіе должно храниться у меня, до самаго вашего ухода. А теперь, пожалуйте наверхъ: господинъ альдермэнъ ждетъ васъ тамъ.

Домовый сторожъ вывелъ Торсена изъ зданія, въ которомъ находилась зало собраній, провелъ его черезъ небольшой садикъ, въ которомъ нѣмцы посадили нѣсколько вывезенныхъ изъ Германіи лозъ и фруктовыхъ деревьевъ, и привелъ его въ другой домъ, поменьше перваго, въ которомъ собиралась купеческая дума. Тамъ, за громаднымъ прилавкомъ, на возвышенномъ помостѣ, сидѣлъ за своею конторкою альдермэнъ.

То былъ человѣкъ худощавый, съ сѣдѣющими волосами, и рѣзкими, опредѣленными чертами лица. Во всей осанкѣ его было нѣчто аристократическое, нѣчто пріобрѣтенное путемъ частыхъ сношеній съ «великими міра сего»—съ королями и князьями. Онъ говорилъ тихо и сдержанно, отъ времени до времени покашливая, и лишь очень рѣдко дозволялъ себѣ дополнить рѣчь небольшимъ движеніемъ руки.

Датчанинъ невольно поклонился альдермэну ниже, нежели вообще имѣлъ привычку кланяться, и Тидеманъ отвѣтилъ ему легкимъ кивкомъ головы. При этомъ онъ указалъ на одинъ изъ стульевъ съ высокою спинкою и спросилъ гостя о цѣли его прихода.

— Я желаю здѣсь, въ Лондонѣ, поселиться, — отвѣчалъ Торсенъ,—и желалъ бы поступить въ число членовъ вашего здѣшняго торговаго двора.

Альдермэнъ кивнулъ головою, и, не много помолчавъ, снова спросилъ:

— А знакомы ли вы съ обычаями нашего двора? Они вѣдь очень суровы. Всѣ преступающіе положенныя нами правила подлежатъ тяжкому взысканію.

— Какъ обойтись безъ порядка тамъ, гдѣ должны господствовать миръ и спокойствіе?—отвѣчалъ датчанинъ,—а вѣдь всѣ суровыя предписанія вашего общежитія только къ этой цѣли и направлены. Сколько мнѣ извѣстно, на ганзейскихъ торговыхъ дворахъ высокими денежными пенями наказуется лишь тотъ, кто дерзнетъ произнести бранное слово или дозволитъ себѣ ручную расправу; такія же точно пени положены за игру въ кости, пьянство и другіе подобные проступки. Все это такія постановленія, которымъ охотно подчиняется всякій благовоспитанный человѣкъ.

Альдермэнъ опять кивнулъ головой.

— А какъ васъ зовутъ?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Кнутъ Торсенъ.

Альдермэнъ поднялъ сначала глаза къ верху, какъ бы о чемъ-то размышляя, потомъ перевелъ ихъ на Торсена и продолжалъ свой допросъ:

— Откуда вы родомъ?

— Изъ Визби.

— Визби? — переспросилъ Тидеманъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.—Судя по имени, вы, какъ будто датчанинъ?

— Я и дѣйствительно родился въ Даніи, но уже въ юности переселился на Готландъ.

— И вы занимались торговлей?

Торсенъ отвѣчалъ утвердительно.

— И ваше имя—Кнутъ Торсенъ?.. Гм, гдѣ же это я его, какъ будто, ужъ слышалъ?

Альдермэнъ приложилъ лѣвую руку ко лбу, и сталъ припоминать. Не ускользнуло при этомъ отъ его вниманія и то, что датчаниномъ, при послѣднихъ словахъ овладѣло нѣкоторое безпокойство, которое еще болѣе возросло, когда альдермэнъ подозвалъ къ себѣ одного изъ сидѣвшихъ въ сторонѣ писцовъ и приказалъ ему принести книгу постановленій Ганзы.

Прошло довольно много времени, прежде нежели посланный вернулся съ громаднымъ фоліантомъ, переплетеннымъ въ кожу и окованнымъ желѣзными скобами. Торжественно возложилъ онъ фоліантъ на конторку предъ г. альдермэномъ. Въ теченіе всего этого времени Тидеманъ не проронилъ ни единаго слова. Онъ былъ до такой степени глубоко погруженъ въ размышленіе, что даже не разслышалъ, что̀ именно говорилъ датчанинъ, старавшійся скрыть свое смущеніе.

— Кнутъ Торсенъ,—бормоталъ про себя альдермэнъ, разворачивая фоліантъ и пробѣгая алфавитный списокъ именъ, упоминаемыхъ въ немъ; затѣмъ быстро сталъ перелистывать книгу, пока, наконецъ, указательный палецъ его не остановился на одной изъ страницъ...

— Вотъ оно!—воскликнулъ альдермэнъ, сверкнувъ глазами.— «Кнутъ Торсенъ»—такъ и есть!—здѣсь-то я и вычиталъ это имя. Да, да, память мнѣ не измѣняетъ! «Кнутъ Торсенъ, купецъ въ Визби, вслѣдствіе непорядочнаго способа дѣйствій и нарушенія постановленій Ганзейскаго союза изъ состава членовъ его исключенъ»... Ахъ, милостивый государь! и вы, послѣ этого, еще изъявили желаніе вступить въ нашъ торговый дворъ? Вы преднамѣренно умалчиваете о вашемъ прошломъ, чтобы меня провести—да! чтобы меня провести!—повторилъ онъ, возвышая голосъ, такъ какъ онъ видѣлъ,

что датчанинъ желаетъ перебить его рѣчь.—И если бы я не обладалъ такою отличною памятью, то вашъ обманъ вамъ бы и удался! Тогда ужъ я оказался бы виноватъ передъ моими сотоварищами. Ну, сударь, надо сказать правду: это съ вашей стороны было не похвально!

— Вы иначе взглянете на дѣло, если узнаете тѣ поводы, которые привели къ исключинію моему изъ союза,—возразилъ альдермэну Торсенъ.

— Вы думаете? Дѣйствительно, вы такъ думаете?—спросилъ альдермэнъ съ оттѣнкомъ сомнѣнія въ голосѣ. Затѣмъ онъ покачалъ головою, опять заглянулъ въ фоліантъ и сталъ читать вслухъ слѣдующее:

«Въ январѣ 1358 года воспослѣдовало въ высшей купеческой думѣ, въ Любекѣ, по поводу несправедливости, оказанной нѣмецкому купцу во Фландріи—постановленіе: прервать всякія торговыя сношенія съ вышепоименованною страной и приказать всѣмъ ганзейцамъ, дабы они не продавали тамъ своихъ товаровъ, и не получали таковые ни отъ фламандцевъ, ни отъ брабантцевъ. А кто изъ членовъ Ганзейскаго союза»,—такъ написано далѣе въ постановленіи—«преступитъ это наше рѣшеніе, тотъ будетъ лишенъ всего своего имущества, которое отчисляется въ пользу его родного города, а онъ самъ навсегда изгоняется изъ состава нѣмецкаго Ганзейскаго союза».—А такъ какъ проживающій въ Визби ганзеецъ, Кнутъ Торсенъ, не только не соблюлъ выданнаго нами постановленія, но, и послѣ вступленія его въ законную силу, продолжалъ, какъ и прежде, свои торговыя сношенія съ Фландріей, то онъ признанъ виновнымъ въ неповиновеніи и нарушеніи вѣрности союзу, и потому вышепомянутое въ постановленіи наказаніе примѣнено по отношенію къ нему и къ его имуществу».

Альдермэнъ захлопнулъ фоліантъ, откинулся на спинку своего стула и зорко глянулъ въ лицо датчанину. Суровое выраженіе его лица ясно говорило датчанину, что альдермэнъ вполнѣ раздѣляетъ приговоръ, произнесенный Ганзою.

— Я вовсе и не попытаюсь обѣлить передъ вами мой проступокъ,—началъ Торсенъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ (и только уже при дальнѣйшей рѣчи его голосъ сталъ нѣсколько болѣе твердымъ),—не стану, въ извиненіе своей вины ссылаться и на то, что транспортъ фламандскихъ и брабантскихъ товаровъ уже находился въ пути и былъ направленъ ко мнѣ въ то время, когда послѣдовало постановленіе любекской думы; всякій безпристрастный человѣкъ и безъ моихъ оправданій пойметъ, что обрушившееся на меня наказаніе не состоитъ ни въ какомъ соотношеніи съ совершеннымъ мною проступкомъ. Я былъ болѣе чѣмъ зажиточнымъ человѣкомъ, и могъ съ истинною гордостью взирать на плоды моихъ трудовъ. И вдругъ, у меня отнимаютъ все, что добыто было мною

путемъ многолѣтнихъ, тяжкихъ усилій,—дѣлаютъ меня бѣднякомъ!.. Мало того, я даже не смѣю помышлять о томъ, чтобы вновь начать торговлю! Я исключенъ изъ ганзейцевъ, я—отверженецъ, съ которымъ каждый долженъ поневолѣ избѣгать всякихъ дѣловыхъ сношеній, изъ опасенія, что и его можетъ постигнуть такой же суровый приговоръ Ганзы. Что же мнѣ теперь дѣлать? Какъ могу я теперь пропитать себя честнымъ путемъ, когда мнѣ ни откуда нельзя ждать помощи, когда я напрасно сталъ бы молить даже о состраданіи къ себѣ!

Торсенъ умолкъ и выжидалъ отвѣта на свою рѣчь. Онъ надѣялся, что слова его побудятъ альдермэна къ снисхожденію, однако же, суровое выраженіе лица его ни мало не измѣнилось, и онъ отвѣчалъ Торсену очень рѣзко:

— Вы бы должны были обдумать все это прежде, нежели совершили вашъ проступокъ; тогда и судьи ваши не произнесли бы надъ вами своего суроваго приговора. Справедливость должна стоять выше всякаго состраданія.

Торсенъ почувствовалъ, что ему трудно сдержать себя. Взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ онъ альдермэну:

— Если ужъ такъ судитъ господинъ альдермэнъ, то пусть же судъ Ганзейскаго союза не останавливается на полупути, пусть онъ судитъ меня по всей справедливости! Ганзейцы 14-го іюня прошедшаго года вновь заключили миръ съ жителями города Брюгге, что уже и заранѣе можно было предвидѣть, такъ какъ фламандцы и нѣмецкіе купцы не могутъ долго жить въ разрывѣ. Ганзейская складочная контора вновь вернулась въ столицу Фландріи и всякія враждебныя отношенія прекратились. Почему же я одинъ исключенъ изъ этого примиренія? Это ли пресловутая справедливость Ганзы?

— Вы явились ко мнѣ въ качествѣ просителя,—произнесъ альдермэнъ, спокойнымъ и твердымъ голосомъ,—а просителю не прилично вести рѣчь, подобную вашей. Ганза имѣетъ полное право заключить миръ съ враждебной страной, не навязывая себѣ на руки обязательства—уничтожить карательныя постановленія противъ своихъ членовъ, вызванныя отношеніями этихъ членовъ къ враждебной странѣ до примиренія съ нею. Если бы мы такъ стали поступать, то наши законы потеряли бы всякое значеніе, и явились бы пугаломъ, которымъ можно было бы развѣ пугать дѣтей, а ужъ никакъ не взрослыхъ. Или вы думаете, что сочлены наши по союзу стали бы относиться съ уваженіемъ къ нашимъ суровымъ законоположеніямъ, если бы, при каждой перемѣнѣ обстоятельствъ, могли разсчитывать на послабленіе или на отмѣну постановленій? Нѣтъ, господинъ Кнутъ Торсенъ, право должно оставаться правомъ, и если бы вы даже были моимъ сыномъ, я не измѣнилъ бы ни одного слова въ моей рѣчи. Легко можетъ быть, что Ганза васъ

и вновь приметъ въ составъ своихъ членовъ, если вы изволите обратиться къ ней съ нижайшею просьбою.

— Я ничего не желаю иного, какъ только получить обратно мое законное достояніе,—гордо возразилъ датчанинъ.—Если бы я этого могъ добиться, то просуществовалъ бы и безъ помощи Ганзы.

— Вы вольны поступать, какъ вамъ вздумается, — сказалъ альдермэнъ тономъ холодной учтивости, поднимаясь со своего мѣста и тѣмъ самымъ указывая, что аудіенція окончена.

— Одно слово, замолвленное вами въ мою пользу, г. Тидеманъ, — рѣшился добавить датчанинъ съ волненіемъ въ голосѣ,— и Ганза, конечно, помилуетъ меня.

— Я тѣмъ менѣе чувствую въ себѣ къ этому склонности, — сказалъ альдермэнъ,—что и самъ настаиваю на строгомъ примѣненіи нашихъ законовъ. Вашимъ дурнымъ положеніемъ вы обязаны себѣ самому; вѣдь—«что посѣешь, то и пожнешь».

— Хорошо вамъ это говорить,—злобно отвѣчалъ ему Торсенъ,— когда вы съумѣли прибрать къ рукамъ такое поле, на которомъ всякій посѣвъ оказывается всхожимъ!

Альдермэнъ слегка дрогнулъ, но тотчасъ овладѣлъ собою и замеръ на мѣстѣ.

— Всему свѣту извѣстны,—горячо продолжалъ датчанинъ,— тѣ великія заслуги, которыми вы съумѣли пріобрѣсти себѣ расположеніе короля Эдуарда. Вы пользуетесь затруднительными обстоятельствами бѣднаго короля, чтобы обогащать себя различными способами! Ужъ видно плохи были его дѣла, когда онъ могъ предоставить вамъ на откупъ подать, которую нижне-нѣмецкіе купцы должны платить за каждый тюкъ британской шерсти. Не мудрено вамъ проповѣдывать о справедливости, когда вы такъ близко подсѣли къ казенному пирогу! Но я вамъ попомню вашу суровость, да и не вамъ однимъ, а и всей Ганзѣ; я...

Рѣзкій, дребезжащій звукъ звонка перервалъ плавную рѣчь Торсена. По знаку, данному альдермэномъ, нѣсколько слугъ разомъ явилось въ помѣщеніе думы. Тидеманъ повелительнымъ жестомъ указалъ имъ на датчанина и на дверь. Нѣсколько дюжихъ рукъ разомъ подхватили датчанина и повлекли его къ выходу. Немного спустя, онъ ужъ очутился за порогомъ одной изъ боковыхъ калитокъ «Стальнoго двора», и калитка тотчасъ за нимъ и захлопнулась.

Торсенъ судорожно стиснулъ кулаки и произнесъ страшное проклятіе. Затѣмъ, онъ оглянулся кругомъ; переулокъ, въ которомъ онъ очутился, былъ ему незнакомъ. Онъ подозвалъ къ себѣ мальчика, который, судя по конькамъ изъ бычьей кости, возвращался съ катанья на льду. Отъ него узналъ Торсенъ, что онъ находится въ одной изъ улочекъ, примыкающихъ къ Даугэтской улицѣ. Добравшись до этой улицы, онъ уже безъ малѣйшаго затрудненія

вышелъ къ тому мѣсту на улицѣ Темзы, гдѣ ожидалъ его Нильсъ, невдалекѣ отъ главнаго входа въ ганзейскій дворъ.

Несчастіе сблизило этихъ двоихъ людей, совершенно различнаго закала, и сдѣлало ихъ неразрывными друзьями. Благодаря высокомѣрію своей дочери Христины, Нильсъ долженъ былъ много переносить непріятностей въ Визби. Большая часть его заказчиковъ покинула его, такъ что онъ, наконецъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ отпустить всѣхъ своихъ рабочихъ. Не смотря на эти неудачи, Нильсъ все же обладалъ небольшимъ капиталомъ, половину котораго онъ и ссудилъ находившемуся въ тяжкой нуждѣ Кнуту Торсену, въ томъ твердомъ убѣжденіи, что тотъ, рано или поздно, опять-таки будетъ принятъ ганзейцами въ ихъ торговую общину. Зная щедрость своего земляка, онъ разсчитывалъ получить отъ него богатое вознагражденіе за оказанную ему услугу. Однако же, Нильсъ совсѣмъ упалъ духомъ, услыхавъ отъ Торсена о печальномъ исходѣ его аудіенціи на Ганзейскомъ торговомъ дворѣ. Сообразно своему настроенію, Нильсъ уже готовъ былъ обрушиться на Торсена со своими жалобами и упреками; но тотъ, какъ человѣкъ тонко-воспитанный, съумѣлъ внушить ремесленнику должное уваженіе.

Торсенъ хотѣлъ было направиться къ той тавернѣ, въ которую они заходили съ Нильсомъ; но Нильсъ сказалъ:

— Наши молодцы отправились далѣе, къ Ньюгэту, хлебнуть сладенькаго винца въ одной тамошней тавернѣ, потому ихъ въ нынѣшній праздникъ жиденькимъ пивцомъ не удовольствуешь. Они приказали мнѣ сказать вамъ, чтобы мы ихъ тамъ розыскали. Въ Ньюгэтѣ всего-то и есть одинъ винный погребъ, который не трудно узнать по длинному желѣзному шесту съ зеленымъ кустомъ, который выдвигается чуть не на середину улицы. А вы развѣ хотите воспользоваться помощью этихъ ребятъ?

— Во всякомъ случаѣ, — мрачно отвѣчалъ Торсенъ, — я хочу отмстить и здѣшнимъ ганзейцамъ, и тѣмъ, что̀ въ Визби и въ Любекѣ, — добавилъ онъ, скрежеща зубами.

И они пошли по лабиринту улицъ и улочекъ, черезъ обширную площадь, среди которой возвышался готическій соборъ св. Павла, и затѣмъ, свернули въ улицу, которая вела къ Ньюгэту, знаменитой тюрьмѣ, построенной еще въ XII вѣкѣ. Въ задушевной и тайной бесѣдѣ, которая, однако же, вслѣдствіе сильнаго ихъ возбужденія, нерѣдко становилась и очень громкою, и очень внятною, Торсенъ и Нильсъ составили планъ своего мщенія; то быстро шагая, то пріостанавливаясь для своей бесѣды, они поравнялись, наконецъ, и съ длиннымъ монастырскимъ зданіемъ «сѣрыхъ братьевъ» францисканскаго ордена, который пользовался въ Лондонѣ большимъ уваженіемъ и стоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ «остерлингамъ».

— Прежде всего, мы здѣсь отомстимъ ганзейцамъ! — сказалъ Торсенъ, останавливаясь подъ однимъ изъ многочисленныхъ оконъ обители, и обращаясь къ своему спутнику, — а тамъ ужъ вы начнете ваше дѣло въ Визби. Клянусь, что остерлинги будутъ обо мнѣ помнить!

Торсенъ поднялъ руку вверхъ, произнося это заклинаніе, и затѣмъ, вмѣстѣ съ Нильсомъ, быстро зашагалъ по улицѣ и, вскорѣ послѣ того, они оба исчезли подъ сводомъ указаннаго имъ погребка.

III.

Дядя и племянникъ.

Тайная бесѣда датчанъ не осталась безъ свидѣтелей.

Монахъ-францисканецъ, сидѣвшій у рѣшетчатаго окна своей кельи надъ какою-то старою рукописью, услышалъ подъ окномъ громкій разговоръ и осторожно пріотворилъ свое маленькое оконце, такъ какъ лица говорившихъ не были ему видны сквозь оконницы изъ роговыхъ пластинокъ. Быть можетъ, отецъ Ансельмъ и не сдѣлалъ бы этого, потому что мірское любопытство было ему чуждо; но до его слуха доносились слова «гайзецы» и «остерлинги»—и слова эти были произнесены съ особенною злобою, а потому и возбудили его пытливость. Онъ и самъ былъ родомъ изъ Любека, и старшій братъ его, богатѣйшій купецъ Госвинъ Стеенъ, принадлежалъ также къ этому обширному сѣверному торговому союзу. Потому и не удивительно, что отецъ Ансельмъ рѣшился прислушаться къ разговору, который вызвалъ гнѣвный румянецъ на его блѣдныя щеки.

А такъ взволновать Ансельма было не легко, при его добродушномъ характерѣ, при его готовности все прощать и извинять! Безъ всякаго прекословія покорился онъ нѣкогда отцовскому приказанію и промѣнялъ веселую мірскую жизнь на тишину одинокой кельи: — любовь къ отцу была въ немъ сильнѣе вліянія ко всѣмъ тѣмъ наслажденіямъ, какія могла ему представить жизнь. Для того, чтобы братъ его могъ расширить свои торговые обороты, Ансельмъ отказался отъ своей доли въ отцовскомъ наслѣдствѣ:— онъ ни въ чемъ не нуждался, такъ какъ обитель принимала на себя заботу о его немногосложныхъ потребностяхъ. У него была только одна страсть къ ученымъ книгамъ, которыми онъ никогда не могъ насытиться. И только эту страсть могъ поставить ему въ укоръ настоятель обители...

Отецъ Ансельмъ, тотчасъ послѣ того, какъ оба иноземца удалились отъ его окна, рѣшился дѣйствовать. Онъ испросилъ разрѣшеніе у настоятеля и направился къ «Стальному двору» —

извѣстить г. Тидемана о нападеніи, угрожающемъ ему и ганзейцамъ. Каждый монахъ «Сѣраго братства» поступилъ бы точно также на его мѣстѣ, потому что весь ихъ орденъ стоялъ въ самыхъ тѣсныхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ ганзейцамъ и шелъ по слѣдамъ ихъ въ самыя отдаленныя мѣстности, гдѣ только они основывали свои факторіи. Весьма естественно, въ ганзейцахъ, вѣчно боровшихся съ опасностями на морѣ, развивалось глубокое сознаніе ничтожества всего человѣческаго и потребность въ духовномъ руководительствѣ:—вотъ почему всюду, куда бы ни проникали корабли ганзейцевъ, они строили церкви во славу Божію, во славу Того, кто столь милосердо указывалъ имъ путь по морямъ. И никто изъ ганзейцевъ не пускался въ море иначе, какъ захвативъ съ собою на корабль священника, обыкновенно, изъ францисканскаго ордена. Такъ, постепенно, съ теченіемъ времени, между нѣмецкими купцами и монахами излюбленнаго ими ордена, установилось нѣчто въ родѣ братства, которое для отца Ансельма тѣмъ болѣе имѣло значеніе, что онъ самъ сопровождалъ когда-то своего брата, «господина Тидемана-фонъ-Лимбергъ», въ его прежнихъ, дальнихъ плаваніяхъ.

Снова раздался стукъ у воротъ «Стальнаго двора» и тотчасъ вслѣдъ за нимъ благочестивый францисканецъ явился въ каморкѣ домоваго сторожа. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ попросить о томъ, чтобы было доложено господину альдермэну о его приходѣ, словохотливый старикъ уже успѣлъ сообщить ему, что сынъ Госвина Стеена прибылъ изъ Любека.

— Какъ, мой племянникъ Реймаръ? — воскликнулъ Ансельмъ съ радостнымъ изумленіемъ.—Боже ты мой, сколько же лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его,—еще мальчуганомъ! Теперь небось ужъ совсѣмъ взрослый мужчина? Такъ онъ, значитъ, переселился въ Лондонъ, а о своемъ дядѣ и не вспомнилъ? Конечно, моя одинокая келья немного можетъ имѣть привлекательнаго для пылкаго юноши. Ну, а вы-то—видѣли этого милаго юношу?—каковъ онъ изъ себя—и неужели же ни словечка обо мнѣ не спросилъ?

Домовой сторожъ съ досадою выслушивалъ этотъ рядъ вопросовъ, которые такъ и сыпалъ на него отецъ Ансельмъ, не давая ему возможности говорить:

— Да позвольте же, святой отецъ! Вы мнѣ и слова не даете сказать! Молодой г. Стеенъ и живъ, и здоровъ, и васъ бы, конечно, посѣтилъ въ теченіе нынѣшняго же дня; но вѣдь сначала онъ долженъ былъ исполнить то порученіе, ради котораго онъ и присланъ въ Лондонъ. А порученіе-то очень важное,—таинственно добавилъ сторожъ, понижая голосъ.

— А въ чемъ же дѣло-то? говорите поскорѣе, — нетерпѣливо торопилъ Ансельмъ стараго сторожа, который замолкъ не вовремя.

Сторожъ наклонился къ уху францисканца и шепнулъ ему:

— Онъ былъ сегодня тамъ,—въ самомъ Вестминстерѣ.

Монахъ бояливо покосился на сторожа.

— Былъ принятъ самимъ королемъ, и имѣлъ у него продолжительную аудіенцію,—продолжалъ шопотомъ сторожъ.

Добрый Ансельмъ долженъ былъ даже сѣсть отъ волненія.

— И его величество,—вновь раздалось у него надъ ухомъ,—изволили быть къ нему весьма милостивы и даже къ столу его пригласили...

Ансельмъ сложилъ руки. Сердце его ощутило великое счастье; когда еще сторожъ добавилъ къ словамъ своимъ, что Реймаръ посаженъ былъ за столомъ противъ самого господина лорда-мэра, то Ансельму показалось, что сами ангелы вознесли его на седьмое небо.

— Молодой г. Стеенъ всего съ полчаса какъ вернулся изъ Вестминстера, — продолжалъ сторожъ.—Онъ будетъ радёшенекъ васъ повидать. Пожалуйте за мною въ думскую палату. Тамъ онъ изволитъ быть теперь съ самимъ господиномъ альдермэномъ.

Неожиданная радость такъ поразила отца Ансельма, что онъ совсѣмъ было позабылъ о главной цѣли своего прихода. Съ сильнымъ біеніемъ сердца послѣдовалъ онъ за сторожемъ и нѣсколько минутъ спустя уже держалъ въ объятіяхъ своего нѣжно-любимаго племянника.

— Господи Боже!—воскликнулъ онъ, съ гордостью оглядывая статнаго юношу—какъ же ты измѣнился съ годами! Да, да, таковъ былъ и братъ мой Госвинъ, когда былъ въ твоихъ лѣтахъ. Также точно насмѣшливо выставлялась у него нижняя губа, также пламенно горѣли его очи, и такая же добрая была у него улыбка! Быстро течетъ время,—и вотъ мы, былые юноши, теперь ужъ всѣ стали сѣдыми стариками. Счастливъ тотъ, кто можетъ видѣть въ сынѣ отраженіе своей далекой, давно-минувшей юности!

Отецъ Ансельмъ все смотрѣлъ и смотрѣлъ на своего племянника, и, дѣйствительно—молодецъ былъ этотъ Реймаръ Стеенъ, и удивительно щедро надѣленъ отъ природы и внѣшними, и внутренними качествами! Его немного старила густая темная борода, но за то она придавала нѣкоторый мужественный оттѣнокъ всей его физіономіи. Реймаръ и сложенъ былъ на славу; онъ скорѣе походилъ на храбраго воина, нежели на мирнаго торговца—такою неустрашимою отвагою блистали его очи, такая мощь видна была въ его рукахъ, во всей его фигурѣ.

Искренность, съ которою онъ отвѣчалъ на привѣтствія и ласки дяди, выказывала въ немъ человѣка съ теплымъ сердцемъ—и такъ дядя долгое время занятъ былъ бесѣдою съ племянникомъ, и г. Тидеманъ не нарушалъ ее: присутствуя при ней, но не вступая въ нее, онъ смотрѣлъ съ участіемъ на родственную встрѣчу. Въ лицѣ альдермэна вовсе не замѣтно было при этомъ даже и слѣдовъ того оффиціальнаго, должностнаго характера, которое онъ умѣлъ при-

давать ему: онъ являлся простымъ и милымъ старикомъ, умѣющимъ цѣнить семейное счастье.

— Вы, видимо, гордитесь вашимъ племянникомъ, почтеннѣйшій отецъ Ансельмъ,—замѣтилъ альдерманъ,—а потому вамъ лестно будетъ узнать, что и городъ Любекъ гордится имъ не менѣе, чѣмъ вы. Городской совѣтъ принялъ Реймара Стеена въ число своихъ сочленовъ. Подумайте, какъ велика эта честь для вашего племянника, удостоеннаго ею въ такія молодыя лѣта!

Взглядъ Ансельма съ неописанною нѣжностью обратился на Реймара. «Какъ будетъ счастливъ братъ мой Госвинъ!»—прошепталъ онъ чуть слышно.

— Спасибо тебѣ, дядя, что ты теперь вспомнилъ о моемъ добромъ отцѣ!—воскликнулъ радостно Реймаръ.—Его похвала для меня выше всѣхъ отличій, какія могутъ выпасть на мою долю на чужбинѣ. Мы ведемъ такую счастливую семейную жизнь, дядя:—отецъ, мать и сестра составляютъ для меня цѣлый міръ.

— Да хранитъ ихъ Богъ на многія лѣта!—набожно сказалъ Ансельмъ.

— Слѣдовало бы и тебѣ также принять участіе въ нашемъ счастіи, дядя.

Монахъ слегка покачалъ головою и, указывая на сердце, произнесъ:

— Счастье мое погребено здѣсь, и весь мой міръ—въ стѣнахъ моей кельи.

— Да нѣтъ же, дядя!—ласково возразилъ Реймаръ.—Ты долженъ хоть ненадолго пріѣхать въ Любекъ, хоть для того, чтобы быть на моемъ почетномъ празднествѣ.

— На почетномъ празднествѣ?—переспросилъ Ансельмъ съ недоумѣніемъ.—Что ты этимъ хочешь сказать?

— Ахъ, да, да!—съ улыбкою замѣтилъ племянникъ,—ты вѣдь этого ничего не знаешь! На радостяхъ нашего свиданія я и позабылъ сообщить тебѣ самое главное. Такъ слушай же,—промолвилъ онъ, помолчавъ и самодовольно поглаживая бороду:—Въ послѣднемъ засѣданіи совѣта мнѣ дано почетное порученіе—провести черезъ Зундъ ожидаемую въ іюнѣ Бойскую флотилію и оберечь ее отъ всякаго враждебнаго нападенія. Мнѣ поручаютъ управленіе военнымъ кораблемъ, и меня уже наименовали главнымъ его командиромъ.

Ансельмъ не могъ достаточно надивиться этимъ высоко-почетнымъ отличіямъ, такъ какъ онъ зналъ, что для жителей города Любека было въ высшей степени важно благополучное возвращеніе ихъ Бойской флотиліи. Бойи, гавань въ южной Бретани, лежавшая нѣкогда въ Бургнёфской бухтѣ,—была знаменитѣйшею гаванью для флотовъ всѣхъ сѣверныхъ націй; всѣ онѣ содержали тамъ свои факторіи и вымѣнивали тамъ на свои товары крупно-

зернистую Бойскую соль, которая почиталась лучшею приправою при засолѣ рыбы. Но туда же заходили корабли и съ юга Европы—изъ Испаніи и Средиземнаго моря, съ виномъ, нѣжными плодами и шелковыми матеріями, такъ что въ теченіе всѣхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ Бойяхъ шелъ оживленнѣйшій торгъ. Любекскіе купцы, черезъ посредство хозяевъ-купцовъ и приказчиковъ, находившихся на судахъ бойской флотиліи, дѣлали въ Бойяхъ значительныя закупки, и грузъ флотиліи, въ то время когда она возвращалась на Сѣверъ, къ родному городу, представлялъ собою капиталъ весьма значительный. Немудрено, что тотъ день, когда бойская флотилія благополучно проходила черезъ Зундъ, составлялъ истинный праздникъ для всѣхъ ганзейцевъ, принимавшихъ участіе въ барышахъ и убыткахъ этого предпріятія.

— Ужъ я всѣ силы употреблю въ дѣло,—такъ заключилъ Реймаръ свое объясненіе,—чтобы добиться чести и славы въ этомъ дѣлѣ, и вотъ, когда мы будемъ праздновать праздникъ счастливаго возвращенія Бойской флотиліи, ты, дядя, непремѣнно долженъ будешь принять участіе въ нашей общей радости.

— Если на то будетъ воля Божія, и если отецъ настоятель мнѣ дозволитъ пуститься въ это странствованье! Но я слышалъ, что на твою долю выпала еще бо́льшая честь, дорогой племянничекъ: ты былъ на аудіенціи у короля Эдуарда?

— Неужто сторожъ разболталъ?—спросилъ съ усмѣшкой Тидеманъ.—Онъ никакой тайны уберечь не можетъ.

— Да развѣ королевская аудіенція можетъ быть тайной?—спросилъ добродушный Ансельмъ почти съ испугомъ.

— Конечно, нѣтъ!—отвѣчалъ альдерманъ,—въ особенности по отношенію къ нашимъ вѣрнымъ союзникамъ, «сѣрымъ братьямъ». Такъ знайте же, почтенный отецъ, что вашему племяннику удалось добиться отъ короля того именно, къ чему мы уже издавна и тщетно стремились, а именно: ему дозволено перевезти въ Любекъ подлинники нашихъ привиллегій, дарованныхъ намъ англійскими королями, а въ здѣшнемъ нашемъ архивѣ сохранить только копіи. Это для насъ въ высшей степени важно, такъ какъ это священное для насъ сокровище подвергается здѣсь постоянной опасности, благодаря всякимъ смутамъ и буйству лондонской черни...

— Это совершенно вѣрно,—замѣтилъ съ живостью Ансельмъ,—и вотъ изъ-за этой самой черни, которую теперь опять стараются замутить разные иноземцы—изъ-за нея-то я къ вамъ и пришелъ сегодня...

— Ты сейчасъ еще успѣешь объ этомъ разсказать намъ, дорогой дядя,—перебилъ Реймаръ Ансельма,—но прежде позволь мнѣ указать тебѣ на причину, по которой король соблаговолилъ дать свое согласіе на мое представленіе: изъ словъ г. альдермана, который ужъ слишкомъ дружественно ко мнѣ относится, ты можешь

получить о моихъ заслугахъ болѣе выгодное мнѣніе, нежели они того стоютъ. Король Эдуардъ заложилъ свою корону и царственный уборъ своей супруги-королевы городу Кёльну, и эти сокровища долгое время лежали у кёльнцевъ въ залогѣ, и онъ ни теперь, ни въ ближайшемъ будущемъ не имѣлъ бы возможности ихъ выкупить. И вотъ Балтійскіе Ганзейцы сговорились съ товариществомъ здѣшняго «Стальнаго двора», выкупили коронные бриллiанты на свои собственныя деньги, и мнѣ на долю выпало счастье и честь — возвратить сегодня королю его драгоцѣнные клейноды. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, онъ не могъ отказать намъ въ нашемъ ходатайствѣ относительно подлиныхъ актовъ нашихъ привиллегій, а добиться этого было не трудно:—не было въ томъ никакой заслуги!

— Да, да!—подтвердилъ Ансельмъ,—нѣмецкому прилежанію и нѣмецкимъ деньгамъ англійскіе монархи многимъ обязаны; только благодаря этой поддержкѣ и могъ вести борьбу Черный принцъ и одержать свои блестящія побѣды при Креси и Пуатье. Тѣмъ болѣе тяжело мнѣ видѣть, что здѣшніе ганзейцы должны ежеминутно озираться и быть готовыми къ отраженію коварныхъ нападеній лондонской черни, и нельзя не признать величайшимъ злодѣйствомъ то, что это пламя ненависти къ нѣмцамъ еще поддерживается и раздувается иноземцами!

— Вы, кажется, хотѣли намъ нѣчто сообщить по этому самому поводу, почтенный отецъ Ансельмъ?—сказалъ альдермэнъ.

— Да, да! — подтвердилъ монахъ и передалъ дословно разговоръ, подслушенный имъ подъ окномъ его кельи.

— Такъ вы думаете, что это были датчане — тѣ, что затѣвали противъ насъ нападеніе? — спросилъ альдермэнъ. — Не можете ли вы описать мнѣ внѣшность этихъ обоихъ молодцовъ?

Ансельмъ очень охотно исполнилъ его желаніе, и не только альдермэнъ узналъ въ описываемомъ лицѣ Кнута Торсена, но даже и Реймаръ.

— Съ этими обоими датчанами, — сказалъ Реймаръ,— я ѣхалъ сюда на одномъ кораблѣ изъ Любека. Я знавалъ ихъ обоихъ въ Визби. Золотыхъ дѣлъ мастеръ Нильсъ тамъ пользуется очень дурной репутаціей, и меня удивляетъ то, что Торсенъ могъ съ нимъ сойтись. Торсенъ ходатайствовалъ передъ любекскимъ совѣтомъ объ отмѣнѣ произнесеннаго противъ него приговора, однако же, его ходатайство встрѣтило препятствіе, сущность котораго мнѣ неизвѣстна. Во время всего плаванія сюда, Торсенъ постоянно смотрѣлъ на меня очень враждебно, хоть я не принималъ никакаго участія въ рѣшеніи его судьбы.

— Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ безумцевъ, которые непремѣнно хотятъ головою пробить стѣну,—презрительно замѣтилъ альдермэнъ, лишь вскользь упомянувъ о своемъ свиданіи съ Торсеномъ.

— И онъ, и его сотоварищъ задумали непремѣнно вамъ отомстить,—началъ было отецъ Ансельмъ,—а потому будьте пожалуйста осторожны, г. Тидеманъ, и обратите вниманіе на мое предупрежденіе.

— Не боюсь я мщенія этого датчанина,—перебилъ Ансельма Тидеманъ, съ гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. — Этотъ датчанинъ слишкомъ слабъ и ничтоженъ, чтобы повредить нашему союзу даже и здѣсь, на чужбинѣ.

— Да вѣдь лондонскую чернь не мудрено поднять,—замѣтилъ Ансельмъ,—да при томъ же, головы-то у всѣхъ подогрѣты излишними возліяніями по поводу сегодняшняго праздника.

— У насъ вездѣ разставлены ведра съ водой—вотъ мы имъ головы-то и остудимъ!

Монахъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Никакой опасностью не слѣдуетъ пренебрегать! иногда маленькая случайность способствуетъ тому, чтобы отъ искры раздуть пожаръ.

— Благодарю васъ за ваше предупрежденіе,—сказалъ альдерманъ, посмѣиваясь,—но не могу, однако же, не высказать, что вы смотрите на дѣло ужъ слишкомъ мрачно. Одиночество, среди котораго вы проводите жизнь въ вашей кельѣ, населяетъ ваше воображеніе такими страшными видѣніями, какихъ въ дѣйствительности вовсе не существуетъ. А вы, г. Стеенъ,—добавилъ онъ, обращаясь къ Реймару,—конечно, съ удовольствіемъ желали бы проводить вашего дядю, и я вамъ разрѣшаю эту отлучку. Но я прошу васъ о своевременномъ возвращеніи, такъ какъ ровно въ 9 часовъ вечера опускная рѣшетка передъ воротами нашего двора замыкается и никто уже не можетъ быть впущенъ во дворъ ранѣе завтрашняго утра.

— О! я вернусь гораздо ранѣе! Какъ ревностный ганзеецъ, я ни въ какомъ случаѣ не опоздаю на сегодняшнее торжественное вечернее собраніе.

Ансельмъ хотѣлъ было еще распространиться о томъ же предметѣ, но Тидеманъ кивнулъ дружелюбно и дядѣ, и племяннику, и вернулся къ своимъ занятіямъ.

IV.

Пиршество ганзейцевъ.

Неутомимо работалъ Тидеманъ до самого наступленія сумерекъ; затѣмъ, отложилъ перо въ сторону, заперъ въ столъ бумаги и документы и пошелъ въ большую залу собраній, гдѣ и должны были вечеромъ собраться почетные гости. Зоркимъ взглядомъ окинулъ

онъ кругомъ себя, какъ бы желая убѣдиться, все ли находится тамъ въ надлежащемъ порядкѣ.

Кругомъ высокаго камина и вдоль по всему искусно разукрашенному деревянному карнизу тѣснымъ рядомъ были уставлены серебрянные и оловянные сосуды, праздничная утварь торжественныхъ собраній, на которыя сзывались почетные гости. Между этими сосудами было много всякихъ чужеземныхъ диковинокъ, привезенныхъ изъ-за моря. Альдермэнъ не нашелъ здѣсь ничего, требующаго исправленія, къ великому удовольствію окружавшей его толпы слугъ и затѣмъ обратился къ обзору стѣнъ, увѣшанныхъ коврами. Здѣсь онъ сдѣлалъ кое-какія измѣненія,—потомъ осмотрѣлъ главный столъ, стоявшій на возвышеніи, предназначенный для хозяевъ и уставленный богато-вызолоченными кубками. Потомъ обошелъ длинные столы, приготовленные для приказчиковъ; кстати заглянулъ и въ кладовую, смежную съ залой, и убѣдившись въ томъ, что массивный желѣзный сундукъ, служившій хранилищемъ харатейныхъ грамотъ и важнѣйшихъ драгоцѣнностей—накрѣпко запертъ, направился въ кухню, гдѣ по стѣнамъ какъ жаръ горѣли ярко вычищенныя кострюли, блюда и сковороды, а около очага суетились повара, приготовляя къ вечерней трапезѣ обычныя рыбныя блюда.

Альдермэнъ, повидимому, остался вполнѣ доволенъ осмотромъ, и такъ какъ приближался часъ, назначенный для собранія, то онъ приказалъ слугамъ—зажечь свѣчи въ различныхъ фигурныхъ подсвѣчникахъ и люстрахъ, которыя были привѣшены и къ потолку, и къ боковымъ колоннамъ залы и сдѣланы были въ видѣ сиренъ, кораблей, оленьихъ роговъ, вѣнковъ и гирляндъ.

Г. Тидеманъ-фонъ-Лимбергъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣловыхъ людей, которыхъ лица рѣдко освѣщаются лучемъ мимолетной улыбки, пока они заняты исполненіемъ своей обязанности. Въ этотъ вечеръ альдермэнъ казался еще серьезнѣе обыкновеннаго и даже съ нѣкоторою тоскою обводилъ онъ глазами эту ярко-освѣщенную залу, вспоминая, какъ часто онъ здѣсь обращался съ рѣчью къ своимъ сотоварищамъ, и какъ часто видѣлъ здѣсь изъявленіе уваженія къ себѣ не только со стороны ганзейцевъ, жившихъ на лондонскомъ дворѣ, но и со стороны мѣстныхъ городскихъ властей, и со стороны иноземныхъ депутацій.

Въ нынѣшній вечеръ всѣмъ этимъ почестямъ наступалъ конецъ, такъ какъ онъ, по положеніямъ «Стальнoго двора», долженъ былъ сегодня, въ опредѣленный срокъ, сложить съ себя обязанность альдермэна. Мало того: въ ближайшіе два года онъ не могъ еще подлежать выборамъ. Тяжелая отвѣтственность и масса труда выпадала на долю того, кто бывалъ избранъ въ должность альдермэна лондонскаго торговаго двора! Кромѣ внутренняго управленія дворомъ, онъ долженъ былъ вѣдать и всю заграничную корреспонденцію, и

такъ пристально слѣдить за ходомъ торговли, что каждая фактура выгружаемаго во дворъ или вывозимаго со двора товара должна была носить на себѣ его собственноручную подпись. Правда, у альдермэна было два помощника, которые значительно облегчали его трудъ; однако же главная доля работы и надзоръ за общимъ теченіемъ дѣлъ лежали все же на немъ одномъ. Тидеманъ былъ педантически-преданъ исполненію своихъ обязанностей; даже въ воскресенье и праздники онъ до самаго вечера работалъ въ своей конторѣ—и все же онъ весьма неохотно слагалъ съ себя свою обязанность и возвращался къ своему собственному дѣлу, которое, между тѣмъ, вели его сыновья. Жизнь казалась ему пустою безъ усиленной работы, а его богатство представлялось ему ничтожнымъ—безъ почестей, сопряженныхъ съ его положеніемъ. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи его совершенно удовлетворяла занимаемая имъ должность, и онъ чувствовалъ себя здѣсь всесильнымъ владыкой. Нелегко было ему со всѣмъ этимъ разставаться.

Всѣ гости, въ полномъ составѣ, собрались къ назначенному часу, и только знатнѣйшій и почетнѣйшій изъ нихъ, лордъ-мэръ, заставилъ себя нѣсколько подождать. Однако же и онъ наконецъ явился со всею своею свитою и былъ самымъ торжественнымъ образомъ встрѣченъ альдермэномъ и его сотоварищами по лондонскому двору. Послѣ обычныхъ поклоновъ и привѣтствій, г. Тидеманъ передалъ ему, согласно установленному обычаю, пару новыхъ перчатокъ, въ которыя завернуты были пятьдесятъ розенаблей (=100 нынѣшнимъ маркамъ), между тѣмъ, какъ слуги альдермэна подносили ему другіе новогодніе подарки,—боченокъ лучшей икры и нѣсколько бочонковъ сельдей. Кромѣ лорда-мэра, подарки были поднесены, изъ числа гостей, почтовымъ чиновникамъ, представителямъ адмиралтейства и служащимъ въ государственной канцеляріи—всѣмъ по парѣ перчатокъ, со вложенными внутрь ихъ золотыми монетами; а таможеннымъ надсмотрщикамъ—роздано двадцать фунтовъ стерлинговъ, конечно, въ тѣхъ видахъ, чтобы они не слишкомъ сурово исполняли по отношенію къ ганзейцамъ свою щекотливую обязанность.

Когда всѣ гости разсѣлись по своимъ мѣстамъ, г. Тидеманъ держалъ къ нимъ прощальную рѣчь, въ которой выставилъ на видъ то обстоятельство, что король Эдуардъ соблаговолилъ, наконецъ, дать согласіе на давнее ходатайство ганзійцевъ — дозволилъ перевести подлинники привиллегій «Стальнаго двора» въ Любекъ, и объявилъ, что это дѣло возложено на г. Реймара Стеена, котораго и представилъ собранію. Затѣмъ, онъ высказалъ всѣмъ сотоварищамъ глубокую признательность за то повиновеніе, которое они ему оказывали постоянно, въ теченіе его труднаго служенія альдермэномъ и тотчасъ перешелъ къ выборамъ новой купеческой

думы, которая должна была состоять изъ двѣнадцати сочленовъ альдермэна, друхъ его товарищей и девяти помощниковъ.

Выборы происходили въ опредѣленномъ порядкѣ, при которомъ приняты были въ соображеніе присутствовавшія на собраніи лица различныхъ ганзейскихъ городовъ. Эти резиденты, точно также, какъ и всѣ ганзейцы «Стального двора» раздѣлялись на три части. Кёльнъ, съ городами лежащими за Рейномъ, составлялъ одну треть; Вестфалія съ нижнерейнскими, саксонскими и вендскими городами составляла другую треть; а прусскіе и лифляндскіе города съ Готландомъ—третью. Новый составъ думы образовался такимъ образомъ: присутствующіе кёльнцы избрали четырехъ членовъ изъ второй трети; вестфальцы—столько же изъ прусской трети; а пруссаки и лифляндцы—столько же изъ первой, кельнской трети. Затѣмъ, тайною подачею голосовъ избранъ былъ изъ тѣхъ же двѣнадцати членовъ думы новый альдермэнъ. Преемникомъ Тидемана, на этотъ разъ, оказался кёльнскій купецъ, пользовавшійся большою извѣстностью между ганзейцами. Вслѣдъ затѣмъ, изъ числа избранныхъ восьми сочленовъ второй и третьей группы были назначены двое товарищей альдермэна,—и всѣ эти новоизбранные, съ новымъ альдермэномъ во главѣ, выступили впередъ и принесли старому альдермэну слѣдующаго рода клятву:

«Обязуемся тѣ купеческія права и вольности, которыя составляютъ привиллегію ганзейцевъ въ Англіи или гдѣ бы то ни были въ другихъ странахъ—охранять всѣми силами, и клянемся во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ, безъ пристрастія и лукавства, соблюдать справедливость по отношенію къ каждому, кто бы онъ ни былъ—богачъ или бѣднякъ. И въ томъ да будетъ намъ Богъ помощникъ и всѣ его святые»!

Все собраніе произнесло единогласно: «аминь»! — подтверждая тѣмъ самымъ, что всѣ клятвы слышали и приняли.

Затѣмъ г. Тидеманъ вручилъ своему преемнику ключъ отъ казны и отъ главнаго сундука, который двое слугъ внесли въ залу. Новый альдермэнъ долженъ былъ испытать замокъ его и заглянуть внутрь его, на содержимое, и объявить, что онъ все нашелъ въ наилучшемъ порядкѣ. Сундукъ, послѣ этой церемоніи, былъ унесенъ обратно въ башню; избранные девять помощниковъ и двое новоизбранныхъ товарищей приведены были новымъ альдермэномъ къ присягѣ, и, наконецъ, присутствовавшій на собраніи священникъ мѣстнаго прихода «Всѣхъ Святыхъ» прочелъ заключительную молитву и отпускъ.

Этой молитвой закончилось обычное торжественное засѣданіе думы, и начался пиръ. Музыканты помѣстились на эстрадѣ, чтобы увеселять музыкою пирующихъ. Стали разносить вина въ большихъ серебряныхъ кружкахъ, и разнообразные сорта винъ ясно указывали на богатство погребовъ «Стального двора», точно также

какъ и разнообразіе блюдъ краснорѣчиво говорило о широко-раскинутыхъ связяхъ ганзейскаго товарищества, потому что на этомъ пиршествѣ можно было ознакомиться съ кулинарными диковинками и лакомствами чуть ли не всѣхъ странъ свѣта.

Общее веселіе овладѣло всѣми гостями, и присутствовавшіе на пиршествѣ многочисленные приказчики должны были проникаться гордымъ сознаніемъ того, что и они также составляли извѣстную единицу въ средѣ обширнаго и могущественнаго Ганзейскаго союза. И какъ было не гордиться? Самъ лордъ-мэръ поднялся со своего мѣста и предложилъ самый лестный тостъ за процвѣтаніе всего ихъ сословія.

И вдругъ — нежданно-негаданно, — какой-то̀ странный, рѣзкій звукъ нарушилъ общій гулъ веселья... и въ залѣ, словно по мановенію волшебнаго жезла, все стихло. Этотъ звукъ, такъ внезапно нарушившій пиршество, долеталъ откуда-то съ улицы, издалека. Но онъ быстро возрасталъ и усиливался, и вскорѣ стало ясно, что это былъ ревъ и гулъ толпы, приближавшейся къ «Стальному двору», какъ о томъ донесли перепуганный привратникъ и домовый сторожъ.

— Ну, значитъ, дядя вѣрно предсказалъ и не слишкомъ преувеличилъ опасность,— замѣтилъ Реймаръ Тидеману, быстро поднявшемуся съ мѣста. Тотъ поблѣднѣлъ. Во время своего управленія «Стольнымъ дворомъ» Тидеману, однажды, уже пришлось выдержать нападеніе разъяренной черни, и онъ уже зналъ, съ какими это сопряжено опасностями.

— Всѣ къ оружію!—раздался голосъ новаго альдермэна, и всѣ сидѣвшіе за столомъ хозяева и приказчики бросились по своимъ каморкамъ — вооружаться.

Когда они снова вернулись въ залу, въ полномъ вооруженіи, лордъ-мэръ заявилъ слѣдующее:

— Я прошу васъ всѣхъ о томъ, чтобы вы не спѣшили употребить въ дѣло оружіе, ибо я убѣжденъ, что вся эта смута въ народѣ стихнетъ, и народъ спокойно разойдется по домамъ, какъ только узнаетъ, что я самъ присутствую здѣсь, на вашемъ «Стальномъ дворѣ».

— Да будетъ исполнено по желанію вашему, уважаемый лордъ,— отвѣчалъ альдермэнъ, и всѣ гильдейцы, въ знакъ согласія своего, ударили по мечамъ своимъ.

А между тѣмъ, долетавшій съ улицы шумъ все усиливался. Слышались даже дерзостные клики: «Давай намъ сюда ганзейцевъ»!

Нѣсколько слугъ разомъ вбѣжали въ залу и доложили, что бунтовщики намѣриваются приставить къ стѣнамъ и воротамъ лѣстницы и этимъ путемъ проникнуть внутрь «Стального двора». Крикъ негодованія раздался въ залѣ, и всѣ ганзейцы, не дожидаясь даль-

нѣйшихъ приказаній альдермэна бросились во дворъ. За ними послѣдовалъ и лордъ-мэръ, сопровождаемый Тидеманомъ и его преемникомъ.

V.

Подвигъ Реймара.

Громко звучали удары топоровъ въ крѣпко-запертыя ворота и мракъ ночи былъ зловѣще освѣщенъ яркимъ пламенемъ смоляныхъ факеловъ. Проклятія и угрозы слышались со всѣхъ сторонъ, пока наконецъ не раздался изъ-за воротъ голосъ альдермэна:

— Изъ-за чего вы шумите?

Тогда вдругъ все стихло на нѣсколько мгновеній, а затѣмъ нѣсколько сотъ голосовъ разомъ завопили:

— Отворяйте ворота и впускайте насъ!

— Кто вы такіе и чего вамъ нужно въ такой поздній часъ на Стальномъ дворѣ?—переспросилъ альдермэнъ.

— Сами узнаете, когда насъ впустите!—воскликнулъ насмѣшливо одинъ какой-то голосъ. Эти слова встрѣчены были общимъ хохотомъ. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ нѣсколько голосовъ заревѣло изъ толпы:

— Отворяйте, что ли, калитку, а не то мы подрубимъ у васъ ворота!

— Сначала скажите, чего вы желаете,—возразилъ альдермэнъ,— тогда мы вступимъ съ вами въ дальнѣйшіе переговоры.

— Гдѣ тутъ у васъ Тидеманъ-фонъ-Лимбергъ!—заревѣли голоса.—Выдайте его намъ, тогда мы васъ оставимъ въ покоѣ.

— Я здѣсь!—смѣло отозвался Тидеманъ.—Чего вы отъ меня хотите?

— Вы должны передъ нами быть въ отвѣтѣ!—послышалось опять изъ-за стѣны.—Вы сегодня прогнали съ вашего двора одного честнаго малаго, нашего товарища! Вы и со всѣми нами поступаете также высокомѣрно!

— Давайте намъ сюда Лимберга!—раздалось съ разныхъ сторонъ, и новые удары топоровъ посыпались на ворота.

Тогда вдругъ защелкали и зазвенѣли тяжелые замки и запоры воротъ и къ великому удовольствію толпы медленно стали поворачиваться на своихъ петляхъ обитыя толстыми скобами половинки воротъ. Передніе крикуны изъ толпы готовы уже были ринуться во дворъ, когда сзади ихъ ухватила толпа и заставила остановиться:—передъ изумленнымъ народомъ явился самъ лордъ-мэръ!

— Его милость, господинъ лордъ-мэръ!

И дѣйствительно, глава города Лондона, стоялъ у входа на «Стальной дворъ», среди своей многочисленной свиты. Гнѣвно обра-

тился онъ къ толпѣ, въ рядахъ которой сразу замѣтилъ много учениковъ и подмастерьевъ изъ ремесленнаго класса. Этихъ мальчишекъ прежде всего спросилъ лордъ-мэръ — не пожелаютъ ли они отправиться въ Ньюгэтъ, посидѣть за рѣшеткой?

Слугамъ своимъ онъ приказалъ переловить нѣсколькихъ изъ числа этихъ мальчишекъ; затѣмъ, громко обратился къ остальнымъ: «Этихъ я выхватываю изъ вашей толпы, но и всѣмъ остальнымъ заявляю, что ни съ кого не будетъ взыскано, если вы теперь же и немедленно разойдетесь по домамъ. Иначе, мы, черезъ захваченныхъ нами, узнаемъ имена главныхъ зачинщиковъ смуты и примѣнимъ къ нимъ высшую мѣру наказанія. Постыдно уже и то, что здѣсь, въ толпѣ, я вижу такое множество людей зрѣлыхъ и взрослыхъ, которые настолько безнравственны, что завлекаютъ съ собою въ смуту и несовершеннолѣтнихъ ребятъ».

Вся мастеровщина разомъ отхлынула въ сторону, между тѣмъ, какъ захваченные лордомъ-мэромъ ученики и подмастерья подняли громкій ревъ.

Въ народѣ послышался ропотъ, но лордъ-мэръ, нимало не смущаясь, спросилъ:

— Изъ-за чего вы бунтуете? Или вы съ жиру бѣситесь? Можетъ быть вамъ еще налоговъ мало?

Ропотъ усилился.

— Или вы всѣ такіе трусы, что передъ мною и отвѣта держать не смѣете?

Тогда выступилъ изъ толпы Бенъ и тотъ старый морякъ, съ которыми мы уже утромъ познакомились въ пивной.

— Не въ обиду будь вашей милости — заговорилъ старый морякъ, перебирая въ рукахъ свою шапку,—если мы въ такой поздній часъ собрались и пришли сюда, то, право, только ради того, чтобы добиться справедливости...

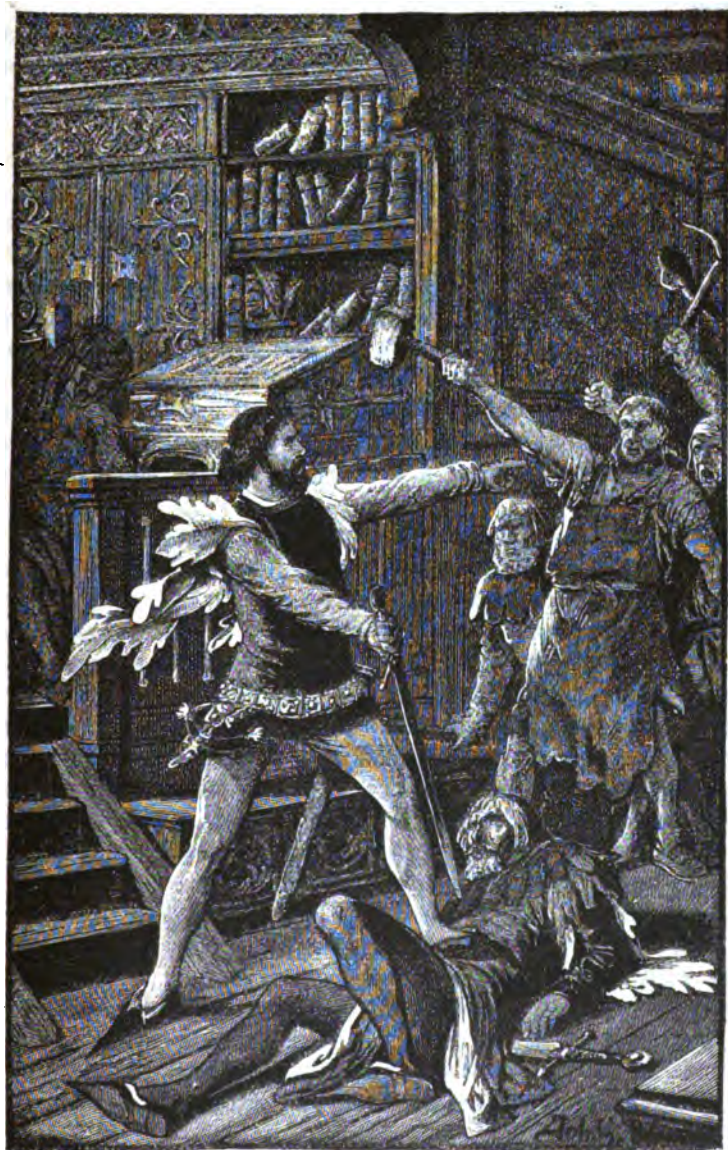
Багрово-красный цвѣтъ лица говорившаго и маслянистый блескъ его глазъ слишкомъ ясно указывали на то, что онъ сегодня хватилъ хмѣльнаго черезъ край. Тоже самое можно было сказать и о Бенѣ, и о прочихъ крикунахъ.

— Лучше бы вы пошли домой, да проспались бы хорошенько, чтобы хмѣль-то свой повывѣтрить, — сказалъ—лордъ-мэръ.—А вы, вмѣсто того, еще и другимъ спать не даете, и нарушаете ночной покой города! Развѣ вы не знаете, чему вы подлежите, по закону, за подобный проступокъ?

— Мы хотимъ только добиться правосудія, — отвѣчалъ старый морякъ.—Ганзейцамъ слѣдуетъ задать порядочную трепку—и мы имъ трепку зададимъ; а потомъ преспокойно разойдемся по домамъ.

Новые крики и смѣхъ раздались изъ толпы.

— Ганзейцы здѣшніе, — продолжалъ, ободряясь, морякъ, — ужъ слишкомъ высоко носъ дерутъ, и намъ отъ нихъ солоно приходится!

«Прочь!»—крикнулъ Реймаръ,—«или убью его на мѣстѣ!»

— Такъ, такъ! вторила толпа, вѣдь вотъ, небось, они насъ на свои верфи не пускаютъ?—заорали въ толпѣ ломовые извозчики.

— И намъ тоже нѣтъ отъ нихъ никакого заработка!—кричали въ свою очередь коробельщики.

— Небось все только нѣмцамъ да англичанамъ ходъ даютъ! вступился Бенъ, и эти ганзейцы пользуются дружбой Англіи, лопатой гребутъ здѣсь деньги, и за все это у насъ же, изъ-подъ носу, заработокъ нашъ отбиваютъ.

— Вонъ ихъ изъ Лондона и изъ Англіи!—ревѣла толпа.

— Именно такъ!—подтвердилъ старый морякъ,—и прежде всего слѣдуетъ въ трубу выпустить Тидемана, потому что онъ хуже ихъ всѣхъ!

Лордъ-мэръ убѣдился въ томъ, что безъ вооруженной силы ничего не подѣлаешь съ пьяною толпою, а потому ограничился тѣмъ, что еще разъ обратился къ ней съ увѣщаніями и предостереженіями.

Онъ потребовалъ, чтобы толпа спокойно разошлась по домамъ и обратилась бы на слѣдующій день съ жалобой въ его канцелярію. Затѣмъ его слуги очистили ему путь черезъ толпу, которая очень охотно разступилась и молча дала дорогу лорду-мэру и его свитѣ.

Но едва только представитель города скрылся изъ вида, какъ шумъ поднялся снова, и толпа стала ломиться въ ворота вновь захлопнувшіяся за лордомъ-мэромъ.

Между тѣмъ, какъ часть нападающихъ изо всѣхъ силъ, всѣми возможными инструментами и орудіями, старалась подломить или пробить ворота, другая часть толпы приготовилась лѣзть на стѣны по приставленнымъ лѣстницамъ. Третьи, наконецъ, раскручивая смоляныя факелы, старались освѣтить какъ можно ярче стѣны и ворота двора и потрясали ими съ дикимъ, неистовымъ крикомъ.

Первые изъ мятежниковъ, взобравшіеся на стѣны, были встрѣчены градомъ мелкихъ булыжниковъ, которыми ганзейцы угостили ихъ изъ своихъ самострѣловъ. Ревъ и крики тѣхъ, кому пришлось отвѣдать этого угощенія, еще увеличили ярость нападающихъ, которые начали бросать черезъ стѣну горящія головни и тѣмъ вынудили ганзейцевъ сойти со стѣны.

Какъ разъ въ эту критическую минуту съ западной стороны двора раздался пронзительный крикъ и громкіе возгласы побѣды, и вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько ганзейцевъ разомъ закричали: «боковая калитка съ Даугэтскаго переулка взломана, и вооруженная толпа ворвалась оттуда».

— Сюда!! на помощь!!.—раздались крики извнутри зданія, въ которомъ помѣщалась ратуша, и поспѣшно бросившіеся туда ганзейцы уже издали услыхали звонкій стукъ мечей.

И дѣйствительно—тамъ кипѣла настоящая битва, и бились не на животъ, а на смерть.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПАВЛИЩЕВЪ.

Съ фотографіи, принадлежащей его сыну.

дозв. ценз. спб., 26 января 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ [1].

VI.

ОРУЧИКЪ конной артиллеріи и флигель-адъютантъ Шумскій, осторожно и таинственно выѣзжающій изъ дому въ статскомъ платьѣ и съ именемъ г. Андреева являющійся въ домѣ финляндскаго барона, было, конечно, явленіемъ не зауряднымъ, а крайней дерзостью «блазня».

Молодой человѣкъ, очевидно, рѣшился на все... ради вновь затѣяннаго «сердечнаго дѣла».

Дѣло же, которымъ Шумскій былъ поглощенъ, которому теперь отдался всѣми помыслами, отъ зари до зари обдумывая, что̀ и какъ предпринять—было собственно преступнымъ замысломъ.

Только въ той средѣ, гдѣ онъ жилъ и вращался, только въ эти дни особенной разнузданности нравовъ между военной молодежью и только въ такомъ избалованномъ людьми и обстоятельствами человѣкѣ, каковъ былъ Шумскій—могъ зародиться подобный замыселъ.

Враги Аракчеевскаго сынка, надѣявшіеся и ожидавшіе, что онъ не нынѣ завтра «зарвется» въ своихъ буйныхъ и преступныхъ затѣяхъ и хватитъ черезъ край — соображали совершенно логично. Такъ и должно было кончиться.

Квашнинъ, самый скромный и благоразумный человѣкъ изъ всего круга пріятелей Шумскаго, былъ правъ тоже, когда думалъ или говорилъ другу:

---

[1]) Продоженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 7.

«Пошелъ кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить»!

А между тѣмъ все, что дѣлалъ Шумскій уже давно и то что затѣвалъ наконецъ теперь въ пылу страсти къ околдовавшей его женщинѣ—такъ просто, понятно, естественно и чуть даже не обыденно и законно представлялось его разуму и его совѣсти.

Казалось, что понятія самого начальнаго объ добрѣ и злѣ не было никогда въ этомъ человѣкѣ.

Такъ зачалась и сложилась вся его жизнь. Обстоятельства сдѣлали его таковымъ... Виною всего было Грузиновское домашнее житье-бытье...

Знаменитая Аракчеевская усадьба, Грузино, созданная временщикомъ, которую онъ посѣщалъ постоянно не только лѣтомъ, но и зимой, была родиной Шумскаго.

Тому назадъ лѣтъ тридцать, простая дворовая женщина, горничная, обратила на себя вниманіе суроваго графа и поселенная въ домѣ—сдѣлалась барской барыней.

Аракчеевъ, тогда еще простой смертный, но уже любимецъ великаго князя Павла, жилъ одиноко, какъ холостой, имѣлъ большую слабость къ женщинамъ красивымъ, и довольно часто мѣнялъ ихъ изъ среды простыхъ мѣщанокъ. Между тѣмъ, будущій временщикъ былъ уже женатъ на дѣвушкѣ хорошаго дворянскаго рода Хомутовой, но молодая женщина послѣ двухъ лѣтъ сожительства покинула мужа, не снеся его грубаго обращенія.

Появившаяся же на этотъ разъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ его, новая экономка на смѣну прежнихъ была, видно, не чета прежнимъ.

Она была молода и красива, хотя не особенно, умна не очень, но за то очень хитра. Это была только пригожая собой и чрезвычайно лукавая женщина. Вскорѣ баринъ и всѣ люди почуяли, что эту женщину лишь не скоро смѣнитъ другая, новая. И всѣ ошиблись... Никакой другой уже не суждено было никогда явиться на смѣну этой.

Настасья Ѳедоровна Минкина осталась у графа на вѣки вѣчные и изъ экономки стала правой рукой во всѣхъ его дѣлахъ и первымъ, самымъ дорогимъ другомъ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ счастливой жизни, они вмѣстѣ посѣлились въ Грузинѣ, подаренномъ императоромъ любимцу. У всемогущаго временщика и у его наложницы-друга явилась только одна помѣха для полноты счастья и благополучія... Этого не могли дать, ни всемогущество, ни власть, ни деньги... Тридцатилѣтнему уже Аракчееву хотѣлось имѣть сына, наслѣдника всего, что вдругъ нажилъ онъ... Не сердце его просило этого у судьбы... Сердце, если таковое было въ немъ, ни какимъ чувствамъ, свойственнымъ простому смертному—доступно не было. Къ другу Настасьѣ онъ былъ привязанъ не сердцемъ. Онъ былъ порабощенъ тѣмъ, что было и осталось тайной для всѣхъ.

Графъ однако упорно, сердито, прихотливо, желалъ сына. У него на землѣ все земное есть, только сына нѣтъ! Слѣдовательно только этого и остается еще упрямо желать и требовать у баловницы-судьбы.

И однажды, лѣтъ двадцать съ небольшимъ тому назадъ, онъ узналъ, что судьба и тутъ уступила покорно. У Настасьи долженъ родиться ребенокъ.

Но сынъ ли это будетъ? Дочери онъ не желаетъ.

У Настасьи Ѳедоровны Минкиной родился сынъ.

Рожденье мальчика въ Грўзинскомъ дворцѣ, было, конечно, событіемъ для всѣхъ, отъ самого графа до послѣдняго его вѣрнаго раба. Но первый человѣкъ для котораго существованіе этого мальчика стало вдругъ уже не важнымъ обстоятельствомъ, а мелкой подробностью житья-бытья—былъ тотъ же прихотливый избранникъ Фортуны. Къ родившемуся, а затѣмъ подроставшему, маленькому Мишѣ, графъ сталъ вскорѣ относиться такъ же, какъ и ко всѣмъ, ко всему на свѣтѣ. Онъ снисходилъ къ сыну съ высоты своего величія, холодно, безучастно, иногда грозно. Настасья Ѳедоровна, вѣроятно, благодаря вліянію на нее друга-сожителя или изъ невольнаго подражанія, тоже относилась къ ребенку сдержанно.

Мальчика, однако, и отецъ и мать стали баловать съ первыхъ же лѣтъ, но на особый ладъ. Баловали не ребенка, а барченка. Заботились, чтобы все у него было. Вскорѣ всякая его прихоть исполнялась немедленно, Аракчеевымъ, Минкиной и слѣдовательно всѣми обитателями усадьбы... Но чего маленькій Миша не видалъ никогда отъ отца и рѣдко видѣлъ отъ матери—была нѣжность родительская, теплая ласка, благотворно касающаяся дѣтскаго сердца, а затѣмъ вліяющая и на его дѣтскій разумъ.

Миша зналъ и видалъ ласку только отъ крестьянки, взятой къ нему въ кормилицы и оставшейся при немъ въ качествѣ няньки. Еслибъ не Авдотья, онъ быть можетъ одичалъ бы совсѣмъ и ходилъ бы по большому Грўзинскому дворцу какъ дикій звѣрокъ, пойманный въ лѣсу и тщетно прикармливаемый людьми.

Миша, когда оглянулся нѣсколько сознательно, т. е. былъ уже не младенецъ, тоже не нашелъ въ себѣ къ сумрачно-величественному отцу и къ равнодушно ласковой матери—ничего... Ни любви, ни боязни, ни даже привычки. Ему была нужна одна «Дотюшка», но и то, только въ минуты какой-либо прихоти и ожиданія ея исполненья... Когда мамка упрямилась или журила его, отказывая въ чемъ-либо своему дорогому питомцу—онъ не только не говорилъ съ ней цѣлый день и два дня, но даже не взглядывалъ на нее... Вечеромъ, ложась спать, онъ наотрѣзъ отказывался Богу молиться, и ни какіе уговоры и застращиванья Авдотьи не помогали.

— Мнѣ никого ненужно... Я одинъ буду... Что захочу, то самъ себѣ и достану!—ворчалъ десятилѣтній мальчикъ..

— Да вѣдь это грѣхъ!—говорила Авдотья.—На меня гнѣвайся, а на Господа Бога, нешто это можно? Господь тебя накажетъ...

«Накажетъ»—было слово, которое для Миши не имѣло смысла. Его никто никогда ни за что не наказалъ. Стращали его наказаньемъ и отецъ, и мать, но нянька упорно, отчаянно заступалась за ребенка, выходила изъ себя и иногда загадочно грозилась господамъ... Во всемъ молчаливая раба, Авдотья Лукьяновна преображалась, доходила до остервененія, когда надо было спасти питомца отъ розогъ или отъ холоднаго чулана... И всѣ обитатели Грузина дивились, потому что грозный баринъ и безпощадная въ наказаніяхъ Настасья Өедоровна, оба равно, каждый разъ, уступали мамкѣ Авдотьѣ... Махнувъ рукой на Мишу и его заступницу, они никогда не приводили угрозы въ исполненье.

И наказанье для ребенка стало призракомъ... Это было привидѣнье, которымъ люди людей пугаютъ, иногда сами вѣрятъ, но никогда сами не видали.

А Миша вѣрилъ только тому, что самъ видѣлъ и слышалъ. Таковъ онъ уродился.

Когда однажды зашла рѣчь между нимъ и однимъ мужиченкой съ деревни объ столицѣ Москвѣ, Миша на какой-то вопросъ крестьянина отвѣчалъ:

— Не знаю... сказываютъ всѣ, такой городъ-столичный есть въ Россіи... Но я его не видалъ и есть ли онъ на свѣтѣ не знаю!

Поѣздки въ Москву его отца и другихъ обитателей и постоянныя сношенія Грузина съ отсутствующими—были для мальчика недоказательствомъ. Онъ самъ этой столицы не видалъ!.. А вѣрилъ онъ только себѣ! Мало ли что «они» говорятъ,—его отецъ и мать. Мало ли что «она» говоритъ,—мамка.

«Они» и «она» были обычнымъ наименованьемъ на языкѣ мальчика, когда онъ думалъ или говорилъ объ этихъ самыхъ ему близкихъ людяхъ, родныхъ и нянѣ. Когда они повиновались ему, т. е. исполняли просимое, давали желаемое, онъ былъ только доволенъ ими, а не благодаренъ имъ. Когда же они отказывали, онъ чувствовалъ непріязнь къ нимъ и вступалъ безсознательно въ борьбу, и почти всегда послѣ долгой и упорной борьбы побѣждалъ.

И чѣмъ болѣе подросталъ Миша, тѣмъ менѣе чувства ощущалъ въ себѣ къ роднымъ, тѣмъ менѣе повидимому любили и они его.

Когда же минуло Шумскому двѣнадцать лѣтъ и Аракчеевъ отдалъ сына въ Пажескій корпусъ, то и послѣдняя связь порвалась. Вскорѣ же родители впервые пожали посѣянное! Чрезъ три года послѣ поступленья въ корпусъ произошло серьезное столкновенье между родителями и отрокомъ, который среди товарищей корпуса быстро развился и «развернулся» не по лѣтамъ.

Разумѣется, за эти три года пребыванія въ столицѣ, Миша набрался всякаго ума-разума. Онъ отлучался изъ корпуса чаще то-

варищей, ходилъ и ѣздилъ верхомъ совершенно свободно и, конечно завелъ множество всякихъ знакомыхъ. При свиданіи съ родными онъ уже былъ смѣлъ и рѣзокъ. Однажды, онъ явился къ матери съ вопросомъ:

— Отчего я зовусь Шумскій, а батюшка графомъ Аракчеевымъ. Сынъ и отецъ одинако должны зваться.

Настасья Ѳедоровна оторопѣла и нѣсколько мгновеній сидѣла разиня ротъ. Простой вопросъ уподобился удару грома.

Наконецъ, она собралась съ духомъ и съ мыслями и вымолвила сердито:

— Это что за глупыя рѣчи?!. Кто тебя надоумилъ эдакое спрашивать? Питерскій какой вертопрахъ?

— Глупаго ничего нѣтъ... И никто не надоумилъ. Я и въ Грузинѣ прежде объ этомъ думалъ давно, да не говорилъ... А теперь иное дѣло... Такъ пришлось, что надо спросить.

— Не хочетъ графъ, чтобы ты теперь назывался его именемъ. Будешь умникъ, будешь называться. Вотъ тебѣ и все!—рѣзко отвѣтила Настасья Ѳедоровна.

— Да онъ отецъ мнѣ?..

— А то кто же... Кумъ что ли?

— Ты мать мнѣ...

— Да что ты? Очумѣлъ?—воскликнула Минкина, разсерженная и еще болѣе удивленная.—Съ чего ты это вдругъ такія рѣчи повелъ?

— Стало быть, ты не жена его, батюшкина, не вѣнчалась съ нимъ какъ всѣ жены? Ты отвѣчай только... Я вѣрно знаю это, но мнѣ надо слышать это отъ тебя самой. Скажи. Нѣтъ? Не вѣнчалась? Не жена вѣдь его—настоящая?!.

Настасья Ѳедоровна вспылила окончательно и выкрикнула внѣ себя:

— Вонъ ступай!.. Уходи!.. Грубіянъ-мальчишка! Нынче же графу скажу, какіе ты со мной негодные разговоры заводишь. Вонъ пошелъ, дуракъ эдакій. Пень!..

Шумскій, усмѣхаясь насмѣшливо, покачалъ головой и проворчалъ что-то... Минкина ясно разслышала только вздохъ его и два слова:—«Ахъ, дуры бабы!»

Этого было достаточно, чтобы привести женщину въ ярость. Она двинулась и изъ всей силы ударила сына по щекѣ... Пощечина смаху свалила Мишу на полъ... Но, вскочивъ на ноги, онъ остервенѣлый, какъ кошка, однимъ прыжкомъ бросился на мать и вцѣпился ей въ чепецъ и въ волосы... Еще два удара сильныхъ и здоровыхъ кулаковъ Минкиной, снова ошеломивъ, сбили его на полъ... Миша не сразу пришелъ въ себя... а когда поднялся, зарыдалъ и опрометью бросился вонъ изъ горницы. Это было первое оскорбленіе въ жизни, которое ему приходилось пере-

чувствовать. Вдобавокъ оно было имъ почти не заслужено и получено отъ родной матери.

15-тилѣтній малый весь день пробродилъ какъ въ чаду по улицамъ Петербурга. Настасья Ѳедоровна, взбѣшенная, конечно, не утерпѣла и тотчасъ пожаловалась графу на сынка. Но, разумѣется, она передала все Аракчееву въ нѣсколько иномъ и смягченномъ видѣ. Онъ узналъ отъ сожительницы только про упрямство сына въ его желаніи разъяснить обстоятельства своего рожденія.

На утро Шумскій былъ позванъ къ отцу и не робѣя нисколько предсталъ предъ грозныя очи временщика. Часъ цѣлый простоялъ онъ предъ сидящимъ въ креслѣ отцомъ и слушалъ нравоученіе со ссылками на законы россійскіе, на Евангельское ученіе и на тексты посланій апостольскихъ. Проповѣдь графа сводилась къ тому, что дѣти не должны судить родителей, должны почитать ихъ, чтобы снискать благословеніе Божеское, а главное—долгоденствіе на землѣ. И тутъ впервые юный Михаилъ Шумскій будто прозрѣлъ и глянулъ вдругъ иными глазами на графа, Настасью Ѳедоровну и на себя... Ему показалось или почуялось, что онъ имъ совершенно чуждъ, что онъ для нихъ какой-то предметъ, какая-то затѣя... Они же для него, тоже ничто, лишь какое-то любопытное явленіе...

Ему показалось, что она, его мать — женщина ограниченная и себялюбивая, злая ко всѣмъ, кромѣ своего благодѣтеля, которому предана рабски, какъ холопка, но предана, однако, не сердцемъ, а лукаво и разсчетливо. Ему показалось, что и онъ тоже, его отецъ, человѣкъ замѣчательно черствый, полный самообожанія, боготворящій даже себя самого и презирающій всѣхъ кругомъ себя... Но, главное, что возникло въ головѣ Шумскаго вопросомъ и поразило его самого, былъ вопросъ:

«Уменъ ли этотъ человѣкъ, какъ говоритъ мать, говорятъ всѣ кругомъ»...

На этотъ вопросъ Шумскій отвѣтилъ себѣ опредѣленно и рѣшительно только впослѣдствіи. Но теперь явилось впервые подозрѣнье, что этотъ всеобщій идолъ, закажденный окружающими его и въ Грузинѣ, и въ столицѣ, будто совмѣщаетъ въ себѣ двухъ лицъ, двухъ человѣкъ, два существа... Одинъ графъ Аракчеевъ, временщикъ, наперстникъ царя, неограниченно всемогущій и властный—показался Мишѣ только злымъ пугаломъ для всѣхъ и «кровопійцей» своихъ рабовъ. Другой графъ Аракчеевъ, сожитель и покровитель его матери, его родитель, показался ему человѣкомъ просто глупымъ, привередникомъ, брюзгой, котораго многіе кругомъ часто рядятъ въ шуты.

Вѣдь онъ правитъ Россіей, а простая, дурашная и малограмотная женщина правитъ имъ, будучи сама во всемъ управляема ключницей Агаѳошихой, изъ которой—ключницы—дѣлаетъ, что хочетъ молодой скотникъ, красавецъ и пьяница Кузька... Что же

это? Скотникъ Кузька можетъ, стало быть, если захочетъ, порѣшить по своему—государственное дѣло.

На этомъ логичномъ, но диковинномъ соображеніи Шумскій остановился и мысленно махнулъ рукой. У него еще не хватало достаточно дерзости разума, чтобы считать свои помыслы и догадки — непреложными истинами. Это свойство его характера должно было развиться немного позже.

Но теперь, покуда, возникло и сказалось въ немъ ясно, крѣпко и рѣшительно только крайнее недовѣріе къ тому, какъ судятъ всѣ этого грузинскаго властелина.

И съ этого именно времени, въ Шумскомъ началась та душевная работа и переработка всѣхъ ощущеній и впечатлѣній его прошедшаго и настоящаго, которая постепенно сдѣлала изъ него «маловѣра», какъ мѣтко окрестила его однажды Авдотья.

— Богъ его знаетъ, что изъ него выростилось,—сказала нянька однажды, оставшись наединѣ съ барыней Настасьей Ѳедоровной.— Онъ маловѣръ!.. Онъ не токмо на графа, онъ въ храмѣ Божьемъ на иконы исподлобья смотритъ... Такъ чего ужъ тутъ спрашивать! Съ глазу что ли это какого приключилось?.. Ладонку бы на него отъ мощей надѣть.

— Мало драли!.. Вотъ что!—рѣшила Настасья Ѳедоровна.—Безъ розогъ коли выросъ молодецъ или дѣвка—значитъ вся жизнь ихъ прахомъ пойдетъ, а послѣ смерти прямо къ чертямъ на сковороду. Ты за него отвѣтъ дашь, мамка, предъ Господомъ Богомъ. А мы съ графомъ—сама ты знаешь—за Мишу, не отвѣтчики. Людей обмануть можно, а Господь-то вѣдь все видитъ!..

VII.

Выйдя изъ Пажескаго корпуса, 18-ти лѣтъ, Шумскій сдѣлался моднымъ гвардейскимъ офицеромъ, какихъ было много. Онъ отлично говорилъ пофранцузски, ловко танцовалъ, зналъ нѣкоторыя сочиненія Вольтера и Руссо, которыя, не смотря на тоску, все-таки прочиталъ подражая другимъ товарищамъ и рисовался повсюду свободомысліемъ и вольнодумствомъ. Кутежи по трактирамъ и по разнымъ зазорнымъ мѣстамъ были на второмъ планѣ. На первомъ же планѣ были «права человѣка», великіе столпы міра: «свобода, равенство и братство», дешевое кощунство надъ религіей, «божественность природы» пантеизмъ и, наконецъ, цѣлыя тирады наизусть выученныя изъ пресловутаго «Эмиля» Руссо, забытаго во Франціи, но вошедшаго въ моду на берегахъ Невы.

Такъ длилось, однако, не долго... Вдругъ случилось въ Петербургѣ событіе, которое повліяло на весь строй жизни гвардейцевъ... Разыгралась исторія въ Семеновскомъ полку, прозванная

и извѣстная подъ именемъ семеновскаго бунта... Исторія кончилась пустяками, но молодежь гвардейцевъ стали подтягивать. Пуще всего принялись искоренять всякое вольнодумство, предоставляя одновременно широкій просторъ «правамъ молодости», чуть не поощряяя всякія проявленія разнузданности, всякія буйства, соблазны и скандалы.

«Пускай молодежь тѣшится всякой чертовщиной, лишь бы бросила Вольтеровщину!»—выразилось, однажды, крупное начальственное лицо.

Поблажка всякимъ «шалостямъ» произвела моду на эти шалости... И скоро это повѣтріе дошло до того, что самый скромный и добродушный корнетъ или прапорщикъ, еще только свѣжеиспеченный офицеръ, какъ бы обязывался новой модой — отличиться, принять крещеніе или «пройти экваторъ», какъ выражались старшіе товарищи.

Пройти экваторъ—значило совершить скандалъ... по мѣрѣ силъ и умѣнья, что̀ Богъ на душу положитъ! Вскорѣ, разумѣется, явились и виртуозы, имена которыхъ гремѣли на всю столицу, стоустая молва переносила ихъ въ захолустья и слава объ подвигахъ героевъ расходилась по весямъ и городамъ россійскимъ.

Однимъ изъ этихъ виртуозовъ явился и Шумскій... Первые его подвиги почему-то очень позабавили и утѣшили временщика-отца, прошли, конечно, безнаказанно, а нашумѣли много—дали ему извѣстность... и стали для него роковыми. Онъ уже не вернулся вспять и не сошелъ съ этого какъ бы избраннаго пути... Отецъ вскорѣ какъ бы спохватился, былъ недоволенъ и журилъ сына, но было поздно...

Однако, среди этой жизни, проводимой среди картъ, вина и продажныхъ женщинъ, съ примѣсью непристойныхъ скандаловъ и буйствъ — было собственно слишкомъ много однообразія, не было пищи, не могло быть удовлетворенья для человѣка мало-мальски выдающагося и одареннаго отъ природы. А таковъ былъ Шумскій.

— Господи, какая, однако, тоска на свѣтѣ жить!—восклицалъ часто баловень, совершенно искренно.

— Влюбись!—совѣтывали товарищи, зная что это единственное, чего не испробовалъ еще Шумскій.

Дѣйствительно, молодой человѣкъ, переставшій давно бывать въ обществѣ и танцовать на балахъ, какъ дѣлалъ первый годъ послѣ выпуска изъ корпуса, перестаъ видать степенныхъ людей, не былъ знакомъ коротко ни съ однимъ порядочнымъ семействомъ. Поэтому онъ не могъ и встрѣтить кого-либо, дѣвушку или женщину достойную увлеченья... Женщинъ, которыхъ видалъ онъ, и къ которымъ зачастую привязывались сердцемъ иные изъ его товарищей, онъ не могъ полюбить, онъ даже не считалъ женщинами...

Въ душѣ своей онъ носилъ женскій обликъ, созданье мечты

своей и фантазируя въ часы досуга или отдохновенья отъ кутежей, говорилъ себѣ...

— Вотъ такую полюбилъ бы... Да и не по вашему... Не вздыхалъ бы и вирши не плелъ бы въ ея честь. Сдѣлалъ бы изъ нея идола-бога, которому бы приносилъ всякія жертвы... Конечно, и человѣческія, еслибы того потребовали обстоятельства.

Къ удивленью Шумскаго его идеалъ былъ, казалось, не воплотимъ на землѣ... Нигдѣ, ни разу не встрѣтилась ему такая женщина, которая хотя бы немного и издалека могла помѣряться и сравняться съ его мечтой...

Такимъ образомъ, не смотря на то что ему было уже почти 22 года, а на видъ казалось 25-ть и даже болѣе, онъ ни разу еще не былъ увлеченъ женщиной, не былъ влюбленъ и теперь былъ уже увѣренъ, что онъ никогда не полюбитъ никого, такъ какъ, очевидно, его природа на это чувство не способна... И онъ ошибся...

Пришла ли просто пора любить, или простая случайность подѣйствовала на скучающій разумъ и впечатлительный мозгъ или, дѣйствительно, его мечта вдругъ воплотилась и явилась предъ нимъ во образѣ дѣвушки? Этого и самъ онъ, холодно разсуждавшій и обдумывавшій сотни разъ свою «первую встрѣчу съ ней», не могъ рѣшить.

— Можетъ быть отъ тоски все это такъ приключилось и такъ разыгралось. Отъ глупой, пьяной, пустой жизни! — говорилъ онъ иногда, но чувствовалъ, что лжетъ себѣ.

Мѣсяца четыре тому назадъ, только-что пожалованный въ флигель-адъютанты, Шумскій не долго тѣшился и гордился своимъ новымъ мундиромъ и положеньемъ и скоро началъ снова пить, безобразничать и страшно скучать. Однажды, въ одно воскресенье, онъ шелъ по Невскому, какъ всегда, скучающій и разсѣянный, едва кланяясь знакомымъ и кланяясь по ошибкѣ тѣмъ, кто кланялся не ему, а сосѣду.

На встрѣчу ему показался, наконецъ, одинъ новый его знакомый офицеръ уланскаго полка, заинтересовавшій его наканунѣ... Онъ вспоминалъ объ немъ даже ночью среди безсонницы, затѣмъ увидѣлъ его во снѣ. Уланъ какъ-то странно, дико пригрезился ему...

— Какъ? Что такое?—старался Шумскій вспомнить, глядя на приближающагося офицера.

Тотъ подошелъ, раскланялся...

— Вспомнилъ!—вслухъ выговорилъ Шумскій, разсмѣясь.—Здравствуйте! Я васъ во-снѣ видѣлъ... Праздничный сонъ до обѣда... Мнѣ надо отъ васъ посторониться или бѣжать.

— Что такое?—удивился офицеръ.

— Мнѣ пригрезилось, что вы меня за грудь укусили. Такъ и вцѣпились...

Оба разсмѣялись и стали говорить объ вечерѣ, проведенномъ

наканунѣ... Вечеринка эта, у одного изъ товарищей улана, была не въ примѣръ всѣмъ тѣмъ, которыми наполнена была вся жизнь Шумскаго и его пріятелей-кутилъ.

Уланъ этотъ, балтійскій нѣмецъ родомъ, студентъ Іенскаго университета, но отлично говорившій порусски, такъ какъ мать его была не только чистокровная россіянка, но и москвичка, заинтересовалъ Шумскаго наканунѣ самымъ простымъ способомъ.

Уланъ, по имени и фамиліи Артуръ фонъ-Энзе, разсказывалъ все, что зналъ о Германіи, объ университетской жизни, о студенческихъ корпораціяхъ и, наконецъ, бесѣда перешла на поэзію...

— Давно ли вотъ Наполеонъ былъ въ Москвѣ!—говорилъ Шумскій.—Еслибы мы были всѣ нѣмцами Германами, такъ Бонапартъ и по сю пору сидѣлъ бы въ Кремлѣ и царствовалъ... Нѣтъ, наши Германы за топоры взялись, а наши Доротеи, бабы и молодухи, кочергами и ухватами французовъ доколачивали.

Фонъ-Энзе былъ страстный поклонникъ знаменитаго старца Гёте, слава о которомъ хотя и достигла до береговъ Невы, но не достигла до всѣхъ петербургскихъ обывателей... въ особенности тѣхъ, въ кругу которыхъ вращался Шумскій... Самъ онъ, не разъ слыхавъ имя нѣмецкаго поэта, только могъ прочесть французскій переводъ «Германа и Доротеи», что̀ показалось ему сочиненьемъ совершенно глупымъ... Онъ и высказалъ новому знакомому свое мнѣнье...

Фонъ-Энзе, съ жаромъ, увлекательно и краснорѣчиво, сталъ объяснять Шумскому, въ чемъ заключается прелесть «Германа и Доротеи». Шумскій слушалъ съ крайнимъ удовольствіемъ... Его недюжинный умъ сразу какъ бы встрепенулся. Въ рѣчахъ фонъ-Энзе ему вдругъ почудилось что-то новое, хорошее, будто какая-то музыка.

Кончилось тѣмъ, что нѣмецъ-уланъ, зная поэзію Гете наизусть, сталъ передавать многія стихотворенія русской прозой, при чемъ выражался не только правильно и плавно, но и красиво, фигурно, съ воодушевленьемъ, съ чувствомъ въ голосѣ...

Шумскій вышелъ поздно ночью отъ пріятеля въ особенно хорошемъ расположеніи духа... Когда же, прійдя домой, онъ засталъ у себя компанію пьющихъ и играющихъ товарищей, или, по выраженію Квашнина: «сущій трактиръ», то ему стало особенно пріятно воспоминанье объ вечерѣ, проведенномъ съ фонъ-Энзе. Теперь, встрѣтившись и перемолвившись съ балтійцемъ, онъ сталъ сразу веселѣе и бодрѣе... Тотчасъ же позвалъ онъ его къ себѣ въ гости, но офицеръ отвѣчалъ уклончиво, видимо, не желая воспользоваться любезнымъ приглашеньемъ. Шумскій, не привыкшій къ подобнаго рода отказамъ, былъ нѣсколько уколотъ и сталъ настаивать, звать офицера тотчасъ же вмѣстѣ ѣхать къ нему.

Фонъ-Энзе изъ вѣжливости, не охотно, обѣщалъ, наконецъ, быть въ тотъ же день, но никакъ не тотчасъ...

— Сейчасъ. Прямо ко мнѣ!.. — настаивалъ Шумскій. — Иначе вы меня... Ну, обидите...

Фонъ-Энзе объяснилъ, что это совершенно не возможно, такъ какъ онъ отправляется на похороны родственницы, которую мало зналъ при жизни, но на похоронахъ которой обязанъ непремѣнно быть на-лицо.

— Я уже и такъ немного запоздалъ,—прибавилъ онъ.—А послѣ похоронъ я тотчасъ пріѣду къ вамъ...

Шумскій, упрямый и прихотливый въ иныя минуты до чрезвычайности, почти до болѣзненности, какъ всѣ избалованные черезчуръ люди, сразу сталъ сумраченъ. Его прихоть, и пустая, — не могла быть исполнена.

Спросивъ въ какой церкви отпѣваніе покойной родственницы офицера и, узнавъ, что не въ русской, а въ католической, Шумскій вдругъ обрадовался оригинальному способу провести время. Онъ никогда не бывалъ въ католической церкви и не видалъ богослуженія въ ней..,

— Я съ вами!—вымолвилъ онъ.—Вы за упокой будете молиться, а я такъ... Во здравіе свое, представленіе буду смотрѣть. Скандала никакого, конечно, не сдѣлаю... Не бойтесь! — прибавилъ онъ, добродушно смѣясь на всю улицу...

Чрезъ нѣсколько минутъ, оба офицера уже входили въ церковь, порталъ которой былъ драпированъ чернымъ сукномъ, съ бѣлыми коймами, а передъ папертью стояла въ ожиданіи погребальная колесница... Церковь оказалась довольно полна народомъ, среди котораго стоялъ на возвышеніи черный гробъ. Вся внутренность храма, очень мало освѣщеннаго близъ престола, была темна, вся толпа протянулась сплошной черной массой, такъ какъ всѣ женщины были въ траурѣ...

И только въ одномъ мѣстѣ, невдалекѣ отъ гроба, было какъ бы небольшое бѣлое пятно... Это была женская фигура въ бѣломъ платьѣ, бѣлой шляпкѣ съ длиннымъ, бѣлымъ вуалемъ, красиво упадавшимъ съ ея головы за спину. Шумскій не послѣдовалъ за офицеромъ въ первые ряды, а остался невдалекѣ отъ входа и прислонился къ стѣнѣ.

Отсюда онъ могъ видѣть все: народъ, богослуженіе, престолъ съ высокими свѣчами, причтъ въ странномъ, для него, облаченіи... Но, разъ окинувъ все взоромъ, онъ пересталъ наблюдать, а весь обратился въ слухъ... Великолѣпный хоръ пѣвчихъ и органъ, исполнявшіе очевидно requiem, сразу плѣнили его... Сочетаніе музыки съ мертвымъ тѣломъ и похоронами поразило его, было для него курьезной новизной, какъ бываетъ съ ребенкомъ, который пораженъ тѣмъ, что̀ другіе даже не видятъ въ силу привычки...

Шумскій стоялъ не шевелясь и съ наслажденіемъ, жадно прислушивался... Онъ любилъ музыку, но слышалъ ее крайне рѣдко...

Отъ окружающей теперь обстановки, новой для него, музыка эта показалась ему осмысленнѣе и сильнѣе. Въ этихъ звукахъ были будто бы цѣль и смыслъ—совершенно особые... Это не ради только удовольствія и одной забавы публики совершается!.. Эти мелодичныя волны звуковъ льются съ выси, то скорбно-сильныя, то тихо и робко унылыя и будто относятся къ тому мертвецу, который лежитъ въ гробу.

— Чуднò это,—думалось Шумскому.—Никогда со мной не бывало такого въ театрѣ или на концертѣ... Взялъ бы да заплакалъ!.. Ей-Богу! Одна бѣда—слезъ у меня этакихъ и въ заводѣ нѣтъ... Я слезы лью только, когда напылитъ въ глаза.

Внимательно слушая и раздумывая о томъ, что какое-то хорошее чувство копошется у него въ груди, Шумскій невольно, но и безсознательно, остановилъ разсѣянный взглядъ на этомъ единственномъ предметѣ въ церкви, который выдѣлялся изъ всей темноты, т. е. на бѣлой фигурѣ дамы съ длиннымъ вуалемъ.

— Отчего она въ бѣломъ? Вся, вѣдь, въ бѣломъ, съ головы до пятъ. Она одна изъ всѣхъ... Ктожъ это? Родственница покойной? Чтожъ это, такъ полагается что ли, по ихнему? Обычай это? Чуднòй обычай!

Всѣ эти вопросы возникали въ головѣ Шумскаго невольно, подъ звуки реквіема, но полусознательно и объясненіе собственно не интересовало его.

— Славно! Ей-Богу, славно! Лучше нашего! —весело воскликнулъ молодой человѣкъ, шаловливымъ голосомъ, когда музыка смолкла и въ церкви всѣ задвигались, готовясь къ выносу. Когда меня будутъ хоронить, хорошо бы тоже съ музыкой и пѣніемъ... Камаринскую бы въ честь моего подохшаго тѣла отхватать забористо... Да такъ, чтобы чертямъ въ аду на радостяхъ поджидающимъ меня, тошно стало...

— «Ну, царство тебѣ небесное, голубушка»,—прибавилъ мысленно Шумскій, увидя гробъ, который подняли на руки и проносили мимо него на паперть... «Спасибо, изъ-за тебя кой-что новенькое видѣлъ. Въ нашей собачьей жизни новаго ничего не бываетъ... Развѣ вино какое новое, кто изъ пріятелей розыщетъ... И отъ него потомъ еще пуще тошнитъ, чѣмъ отъ стараго... А?! Вотъ и она, бѣлая барынька»!..

Въ числѣ провожавшихъ гробъ изъ церкви, двигалась къ нему дама въ бѣломъ платьѣ и вуалѣ, но была еще вдалекѣ и въ сумракѣ церкви... Тихо приближалась она, а Шумскій невольно глядѣлъ на это бѣлое пятно толпы.

Но вдругъ, онъ двинулся и напрягъ зрѣніе... Затѣмъ, вдругъ двинулся еще и сильнѣе, толкнулъ даже двухъ, стоявшихъ передъ нимъ, мужчинъ, чтобы пролѣзть ближе къ ней, къ идущей...

Она подошла, поравнялась съ нимъ, прошла... Только длинный, бѣлый вуаль еще виднѣлся, играя и развѣваясь за спиной ея, такъ

какъ съ улицы въ отворенныя настежъ двери пахнулъ вѣтеръ... Затѣмъ, идущая вслѣдъ толпа скрыла ее съ глазъ.

Шумскій стоялъ на томъ же мѣстѣ, не двигался, опустилъ голову и бормоталъ шопотомъ:

— Въ бѣломъ? Обычай, что ли это?.. Изъ себя очень не дурна... Бѣлà ужъ очень тоже и лицомъ... Ей бы въ цвѣтномъ или въ черномъ ходить... Глуповатое лицо... Да и походка какая?.. Точно привидѣніе какое, не шла, а скользила тѣнью... Вѣрно нѣмка или шведка... и дура!

И чрезъ мгновенье, Шумскій мысленно произнесъ:

— Однако, какая же ты-то скотина! Ты! Себѣ самому врешь всякое... Кого ты надуть хочешь? Себя! Зачѣмъ? Ну, приглянулась... Сердечко екнуло... Чтожъ тутъ? Отъ этакаго лица у всякаго что-нибудь можетъ случиться... Тебя хватило шибко, сразу, врасплохъ, какъ обухомъ... Ну, и не комедіанствуй самъ съ собой... Хороша! нечего, братъ, врать! Хороша! Хороша! Вотъ какъ хороша, что чортъ бы ее побралъ! Да и меня тоже. За какимъ я лѣшимъ сюда лазилъ на похороны какой-то родственницы какого-то нѣмца... А вѣдь онъ знаетъ, навѣрно знаетъ... Она знакомая или родня покойной.

Быстро двинулся и вышелъ Шумскій изъ церкви, даже не отдавая себѣ отчета въ движеньи, и сталъ оглядываться, чтобы найти глазами нѣмца. Но фонъ-Энзе уже шелъ къ нему на встрѣчу...

— Простите, Шумскій, я сейчасъ не могу быть у васъ, потому...

— Скажите, кто эта дама вся въ бѣломъ? Вонъ идетъ,— прервалъ онъ офицера.

— Баронесса Нейдшильдъ.

— Ктожъ такая?

— Единственная дочь довольно извѣстнаго въ столицѣ финляндскаго сановника и чудака, который...

— Она не замужняя, стало быть?..

— Ей семнадцать лѣтъ... Богатая невѣста и, какъ видите, красавица, не правда ли?

Говоря это фонъ-Энзе вдругъ вспыхнулъ. Его обыкновенно бѣлое и свѣжее лицо все покрылось пурпуровой краской отъ глазъ и бровей до подбородка. Шумскій пристально присмотрѣлся къ нему, ядовито ухмыльнулся и подумалъ:

— Только школьники да влюбленные юнцы такъ краснѣютъ. Стало быть, не я одинъ... И онъ тоже... Не я одинъ!? Вотъ и здравствуйте. Да развѣ я уже влюбленъ...

Шумскій громко разсмѣялся своей мысли, протянулъ руку фонъ-Энзе и, крѣпко пожавъ его руку, пошелъ отъ него, не сказавъ ни слова. Смѣхъ этотъ кольнулъ нѣмца. Онъ принялъ его за дерзкій намекъ на ту краску, которую онъ невольно чувствовалъ на своемъ лицѣ.

VIII.

И въ первый разъ въ жизни Шумскій самъ себя не узнавалъ, самъ на себя не могъ надивиться. Съ минуты встрѣчи въ церкви съ дочерью финляндскаго барона—онъ думалъ объ ней непрерывно... Мысли его были просто прикованы къ ней, и, въ тотъ же день, вечеромъ, онъ уже сознался себѣ, что положительно влюбленъ. Онъ принялся объяснять себѣ какъ это могло случиться и объясненье было простое, совершенно естественное.

Онъ какъ и всѣ мужчины, выше всего ставилъ въ женщинѣ красоту, женственность, граціозность. Но извѣстная кроткая задумчивость въ лицѣ, которая свойственна нѣкоторымъ типамъ бѣлокурыхъ и добродушныхъ женщинъ, всегда особенно прельщала его... Все это было въ этой дѣвушкѣ, которая только прошла мимо него, и было въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ онъ когда-либо встрѣчалъ...

Она была полнымъ воплощеньемъ его любимой фантазіи. Граціозно кроткое личико, съ правильно нѣжными очертаньями, безграничное добродушье и полное отсутствіе воли и нрава въ большихъ свѣтло-синихъ глазахъ. Какая-то даже робость, въ этихъ глазахъ, всего окружающаго, боязнь людей. Будто вѣчная мольба взглядомъ, чтобы не обидѣли, не уязвили ее... Мягкій свѣтъ этихъ глазъ говорилъ, что она ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ въ борьбу невступитъ, а всякому уступитъ, станетъ повиноваться, ибо это ея призванье, назначенье...

Вотъ что ясно сказывалось въ лицѣ, во взглядѣ и какъ бы во всѣхъ медленно робкихъ движеньяхъ этой дѣвушки. И все это сразу увидѣлъ или вѣрнѣе почуялъ и отгадалъ Шумскій.

Для него, самовольнаго, крутого нравомъ, грубоватаго въ мысляхъ и рѣчахъ, именно и заключалась особая прелесть найти крайнюю противуположность своей натуры.

Чрезъ нѣсколько дней, Шумскій зналъ уже все о баронѣ Нейдшильдѣ и его дочери, какъ еслибъ уже десять лѣтъ былъ знакомъ съ ними.

Собрать всѣ свѣдѣнія даже въ одинъ часъ было бы ему не трудно, еслибъ онъ обратился къ тому же фонъ-Энзе. Но Шумскій почуялъ въ немъ соперника... Разсказать все друзьмъ и просить ихъ содѣйствія было немыслимо, ибо ихъ неосторожность могла быть для него роковою.

У молодого офицера былъ подъ рукой золотой человѣкъ на всякія дѣла и порученья, человѣкъ родившійся чтобы быть шпіономъ, лазутчикомъ и настоящимъ, не трусливымъ, а хитрымъ и смѣлымъ Лепорелло.

Этотъ человѣкъ былъ полякъ Шваньскій, недавно исключенный изъ одного уланскаго полка прапорщикъ, и получившій теперь

чрезъ графа Аракчеева чинъ коллежскаго секретаря. Онъ былъ причисленъ къ военному министерству, но состоялъ на дѣйствительной службѣ у Шумскаго, жилъ у него и получалъ даже опредѣленное жалованье, кромѣ частыхъ подачекъ. Шумскій приказалъ своему фактотуму Лепорелло въ одинъ день все узнать про барона Нейдшильда. Шваньскій узналъ очень многое. Но этими свѣдѣньями онъ самъ не удовольствовался, а взявъ бричку и почтовыхъ отправился въ Гельсингфорсъ и привезъ черезъ пять дней цѣлую массу свѣдѣній о баронѣ и его дочери.

Шваньскій сдѣлалъ свой докладъ и прибавилъ:

— Даже на могилѣ ихней нянюшки побывалъ-съ!—Онъ дополнилъ это полушутя съ невообразимо уродливой улыбкой, которая невольно смѣшила всѣхъ его знавшихъ. Улыбающійся Шваньскій былъ настоящая обезьяна...

— Какъ на могилѣ нянюшки?.. Чьей?—воскликнулъ Шумскій.

— Ихней-съ. Баронессиной нянюшки... Какъ же?.. На кладбищѣ въ Гельсингфорсѣ... Поклонился...

— Зачѣмъ?—расхохотался Шумскій.—Что ты могъ узнать отъ этой ея могилы...

— А вотъ-съ и ошибаетесь, Михаилъ Андреевичъ. Узналъ койчто очень многозначительное и вамъ интересное.

— Что же? Дурень... Сторожъ кладбищенскій что ли тебѣ разсказалъ что-нибудь...

— Нѣтъ-съ, памятникъ нянюшкинъ мнѣ кой-что разсказалъ. Памятникъ богатѣющій, въ тысячу, поди, рублей, а на немъ надпись: Дорогой, значитъ, моей нянѣ, которая меня, значитъ, любила и которую я любила какъ мать. Ея имя все проставлено и баронессино имя все проставлено... Это нешто ничего не значитъ для пониманія вашего какая это дѣвица... Чувствительная, нѣжная, благодарная и тому прочее и прочее и прочее...

— Да, правда твоя,—задумчиво отозвался Шумскій.

— Вѣдь стоило сходить на могилу нянюшки? Признаете, что не глупо поступлено?

— Нѣтъ. Не глупо... Ты вѣдь, я не спорю, иногда по нечаянности и умно поступаешь,—пошутилъ Шумскій.

По возвращеньи Шваньскаго изъ Финляндіи, молодой человѣкъ тотчасъ собрался искать кого-нибудь, кто знаетъ барона, чтобы быть ему представленнымъ. Къ фонъ-Энзе онъ опять обращаться не хотѣлъ. Онъ подозрѣвалъ, по собраннымъ свѣдѣньямъ, что не только нѣмецъ влюбленъ давно и серьезно въ баронессу, но что и она относится къ нему благосклонно...

Познакомиться оказалось очень мудрено. Баронъ съ дочерью почти нигдѣ не бывалъ, кромѣ двухъ стариковъ, земляковъ своихъ. У самого барона пріемовъ не было никакихъ. Онъ почти никого

не пускалъ къ себѣ, кромѣ тѣхъ же пріятелей финляндцевъ и кромѣ родственника покойной кузины своей, т. е. того же фонъ-Энзе.

Быть представленнымъ барону и баронессѣ, гдѣ либо на большомъ балѣ во дворцѣ или въ собраньи, или въ театрѣ, на какомъ-либо публичномъ увеселеніи, гуляньи или зрѣлищѣ—было возможно. Баронъ изрѣдка показывался съ дочерью-красавицей въ многолюдныхъ сборищахъ. Но къ чему же это знакомство поведетъ? Къ одному визиту, при чемъ баронъ можетъ и не принять его, или принявъ и не отдавъ визита, не звать.

— Какъ же быть! Вѣдь это какая-то чертовщина. Это надо мной дьяволъ тѣшится!—думалъ и восклицалъ Шумскій.—Одна дѣвушка на всю столицу мнѣ понравилась и крѣпко, сразу... И ее-то и нельзя видѣть! Она-то и живетъ какъ въ монастырѣ или въ крѣпости.

Было одно простое средство. Объяснить все отцу и просить графа Аракчеева явиться посредникомъ въ этомъ и для него удивительномъ по своей неожиданности приключеніи. «Его буянъ Миша, да влюбленъ?»

Но зачѣмъ? Что просить у графа. Просить его объяснить барону, что нѣкто, его побочный сынъ, несказанно прельщенъ баронессой и... Что же? Сватать его?!

— Да я вовсе не собираюсь свататься или жениться,—смѣялся Шумскій самъ съ собой.—Да баронъ за меня дочь и не отдастъ пожалуй. Эти чухны гордятся тоже своимъ дворянскимъ происхожденьемъ. А они на половину шведы, стало быть, какъ говорятъ, бывавшіе въ Швеціи—еще болѣе горды и надменны, чѣмъ иные аристократы иныхъ странъ. Да я и не хочу жениться на ней... Чего же я хочу? Познакомиться, видѣться, понравиться... А тамъ видно будетъ! Полюбитъ она меня, мы и безъ покровительства моего отца и согласія барона—обойдемся.

Прошло еще около недѣли.

Шумскій сталъ настойчиво и рѣшительно избѣгать своихъ товарищей, никого не пускалъ къ себѣ, не сказываясь дома или сказываясь больнымъ и почти перестамъ выѣзжать. Сидя одинъ въ своей спальнѣ, онъ ломалъ себѣ голову.

— Что дѣлать? Врешь, башка, надумаешь. Я въ тебя вѣру имѣю крѣпкую... Только надо пугнуть тебя. Надумаешь! Извернешься...

И кончилась тѣмъ, что молодой человѣкъ, предпріимчивый и дерзкій, непривыкшій сдерживать себя предъ какой-либо преградой, когда затѣя возникала въ его головѣ—вдругъ придумалъ нѣчто совершенно невѣроятное и мудреное... А между тѣмъ, оно показалось ему самымъ простымъ и легкимъ дѣломъ... Дѣйствительно, если ему, Шумскому, по пути къ цѣли въ дерзкомъ замыслѣ, не останавливаться ни передъ чѣмъ, смѣло шагать чрезъ всѣ условія

принятой морали и принятыхъ обычаевъ, чрезъ крупныя и важныя преграды и помѣхи,—то успѣхъ можетъ быть несомнѣнно...

— Была не была! Панъ или пропалъ! Смѣлость города беретъ!— весело восклицалъ Шумскій.

Молодой малый надумалъ проникнуть въ домъ барона и сдѣлаться у него своимъ человѣкомъ, воспользовавшись нѣкоторыми странностями его характера, его чудачествомъ, которое было извѣстно въ столицѣ и которое Шумскій узналъ черезъ посредство ѣздившаго въ Финляндію за справками Шваньскаго. Молодой человѣкъ рѣшилъ вѣрно и мѣтко два вопроса, одинъ по отношенію къ барону, другой относительно молодой дѣвушки.

Во-первыхъ, кому дозволитъ скорѣе и легче баронъ, добрякъ до чудачества, гвардейцу флигель-адъютанту или простому смертному, сѣренькому человѣчку, бывать у него часто и видать запросто и его самого и дочь баронессу. Конечно, послѣднему скорѣе!

Во-вторыхъ, способна ли будетъ запертая въ четырехъ стѣнахъ дома, и, очевидно, скучающая дѣвушка полюбить того почти единственнаго человѣка, котораго она будетъ видать ежедневно запросто... Гордость будетъ ее останавливать, но скука будетъ толкать на сближеніе съ нимъ. Если она благосклонно относится къ нѣмцу-улану, то очевидно отъ тоски, одиночества и однообразной жизни.

И Шумскій рѣшилъ перейти порогъ дома барона не Шумскимъ, сыномъ Аракчеева, не офицеромъ гвардіи, а замарашкой, бѣднымъ дворяниномъ, чуть не умирающимъ съ голода въ столицѣ за неимѣніемъ мѣста и работы...

Родители дали ему, господину Иванову, Михайлову или Андрееву—блестящее воспитаніе, научили даже отлично говорить по-французски, сдѣлали изъ него свѣтскаго человѣка и умерли, не оставивъ ни гроша и пустивъ на всѣ четыре стороны... Круглый сирота—онъ погибаетъ... А онъ не глупѣе, не дурнѣе другихъ, пожалуй головой выше многихъ батюшкиныхъ богатыхъ сынковъ, гвардейцевъ и чиновниковъ столицы...

Баронъ можетъ и благодѣянье человѣку оказать и пользу извлечь себѣ изъ него...

И такъ надо Михайлову или Андрееву,—эти два имени ему все-таки ближе и легче на нихъ отзываться—надо явиться къ барону за кускомъ хлѣба, Христа ради.

На первыхъ порахъ Шумскій рѣшился было прямо идти къ барону, съ улицы проситься предъ его ясныя очи, но тотчасъ же раздумалъ...

— Для скачка нуженъ разбѣгъ,—пошутилъ онъ.—Чѣмъ дальше я отойду отъ цѣли вначалѣ, тѣмъ скорѣе до нея достигну. Надо ѣхать въ Гельсингфорсъ. Надо быть рекомендованнымъ оттуда какимъ-нибудь дуракомъ къ одному изъ старичковъ, пріятелей барона. А этотъ уже меня, какъ своего протеже пошлетъ къ Нейд-

шильду. И баронъ не откажетъ услужить пріятелю... А понравиться ему—уже мое дѣло!..

Чрезъ три дня послѣ этого рѣшенія, Шумскій исчезъ изъ Петербурга и пропадалъ недѣлю...

Никому въ его квартирѣ не было извѣстно, гдѣ онъ. Товарищи предполагали, что онъ въ Грузинѣ, и только одинъ Квашнинъ, узнавшій отъ Копчика, что баринъ поѣхалъ по Выборгской дорогѣ—удивился и былъ озабоченъ.

Шумскій, снова появившійся въ столицѣ, былъ не узнаваемъ. Онъ былъ веселъ, добръ со всѣми безъ исключенья, говорливъ и по всему... самый счастливый человѣкъ на землѣ. Вдобавокъ, онъ совершенно пересталъ пить, играть и вообще кутить... По утрамъ онъ началъ рано вставать, чего никогда не бывало прежде и, тотчасъ выйдя изъ дому, исчезалъ до полудня, а иногда до двухъ часовъ дня, но вмѣстѣ съ тѣмъ за это время нигдѣ никогда никому изъ пріятелей не попался на встрѣчу... Онъ пропадалъ въ эти часы а гдѣ—не хотѣлъ объяснить и всегда отвѣчалъ звонкимъ и довольнымъ смѣхомъ счастливаго человѣка.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, послѣ чего Шумскій сталъ снова задумчивъ, озабоченъ, раздражителенъ, вспыльчивъ и всѣмъ товарищамъ было уже ясно, что у молодого человѣка, есть нѣчто очень серьезное, что онъ чѣмъ-то волнуемъ донѣльзя. Какая-то тайна въ его жизни мучаетъ его и изводитъ.

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ [1].

VI.

ВЪ 1828 ГОДУ Ольга Сергѣевна вышла замужъ за отца моего,—Николая Ивановича Павлищева.

Родитель его, бѣдный столбовой дворянинъ Екатеринославской губерніи, но рыцарь, въ полномъ смыслѣ слова, Иванъ Васильевичъ Павлищевъ, участвовалъ, командуя эскадрономъ отважныхъ Маріупольскихъ гусаръ, въ кампаніяхъ противъ Наполеона въ 1805, 1807, 1812, 1813 и 1814 годахъ. За отличіе въ кровавыхъ битвахъ подъ Аустерлицемъ, Прейсишъ-Эйлау, Фридландѣ, Тарутинѣ, Лейпцигѣ (гдѣ, въ самомъ разгарѣ боя, встрѣтилъ въ послѣдній разъ своего старшаго сына, Павла, служившаго юнкеромъ въ другомъ полку), Баръ-Сюръ-Обѣ, Фершампенуазѣ, и наконецъ въ приступахъ Бельвиля и Монмартра, дѣдъ мой,—любимецъ героя этихъ временъ князя Петра Христіановича Витгенштейна—получилъ за отличную храбрость ордена: св. Владиміра 4-й степени, Анны 2-й степени съ алмазами, а за Фершампенуазъ—высшее за военную доблесть возмездіе—орденъ св. Георгія 4-й степени. Скончался въ 1816 году, въ чинѣ полковника, отъ полученныхъ въ сраженіяхъ ранъ и чахотки, по возвращеніи въ Екатеринославъ.

Покровитель дѣтей его, незабвенный князь П. Х. Витгенштейнъ, доказалъ на дѣлѣ, а не на однихъ словахъ, расположеніе къ Ивану Васильевичу: выхлопоталъ вдовѣ его значительную пенсію, замол-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 33.

вилъ въ пользу старшаго сына доброе слово, въ силу котораго дядя Павелъ Ивановичъ быстро пошелъ по службѣ, а младшаго,—отца моего,—опредѣлилъ на казенный счетъ въ благородный пансіонъ Царскосельскаго лицея. Николай Ивановичъ, крестникъ Витгенштейна, былъ, что̀ называется, его garçon gâté, баловнемъ.

Мать отца, Луиза Матвѣевна, рожденная фонъ-Зейдфельдъ, скончалась тоже въ Екатеринославѣ въ 1846 году—тридцать лѣтъ спустя по смерти мужа. За два года передъ кончиной, думала она посѣтить Николая Ивановича въ Варшавѣ, но болѣзнь помѣшала. Я ее не видалъ.

Итакъ, отецъ мой поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ пансіона лицейскаго. Оба заведенія—лицей и пансіонъ, раздѣленные между собою паркомъ, составляли въ то время почти одно, управляясь общимъ директоромъ—сперва Малиновскимъ, а потомъ Е. А. Энгельгардтомъ. Курсъ наукъ и профессора были одни и тѣ же, права по службѣ тоже: лучшіе воспитанники выпускались въ старую гвардію офицерами, а въ гражданскую службу — десятымъ классомъ. Пансіонъ былъ открытъ 27-го января 1814 года, упраздненъ же пятнадцать лѣтъ спустя по причинамъ, изложеннымъ въ весьма интересной монографіи питомца этого заведенія, генералъ-лейтенанта князя Николая Сергѣевича Голицына, изданной въ 1869 году, подъ заглавіемъ: «Благородный пансіонъ Императорскаго Царскосельскаго лицея 1814—1829 гг.».

Отецъ мой, обучаясь въ пансіонѣ, готовился къ службѣ военной, слушая лекціи артиллеріи, фортификаціи, тактики и инженернаго искусства, у извѣстнаго въ то время мастерскимъ преподаваніемъ инженеръ-полковника Эльснера, вмѣстѣ съ своими друзьями Безакомъ и барономъ Бухгольцомъ. Но на старшемъ курсѣ отцу моему пришлось горько разочароваться. Не знаю почему, искренно любившій его за успѣхи въ наукахъ директоръ Энгельгардтъ вообразилъ, что Павлищевъ слабогрудъ, и одаренъ всѣми признаками наслѣдственной чахотки, въ силу чего и распорядился: отцу моему оставить «Марса» въ покоѣ, а служить «Ѳемидѣ».

Передъ самымъ выпускомъ, надъ отцомъ моимъ стряслась бѣда:

Воспитатель Гауеншильдъ, всѣми ненавидимый—и начальствомъ и воспитанниками за фискальство, улучшилъ удобную минуту, когда Энгельгардтъ былъ не въ духѣ, донести, что воспитанникъ выпускнаго класса Павлищевъ куритъ трубку-носогрѣйку. Наслажденіе табакомъ преслѣдовалось Энгельгардтомъ елико возможно. Результатомъ доноса Гауеншильда было то, что отецъ мой едва не подвергся исключенію, и только отличные успѣхи въ наукахъ выручили его изъ бѣды. Однако, вслѣдствіе доноса Гауеншильда, отецъ выпущенъ въ 1819 году не первымъ, а вторымъ, получивъ не золотую медаль — предоставленную другому воспитаннику Ольховскому,—а первую серебряную.

На слѣдующій мѣсяцъ послѣ выпуска, отецъ мой, семнадцати лѣтъ отъ роду, вслѣдствіе ходатайства князя Витгенштейна, поступилъ прямо на должность помощника столоначальника въ департаментъ народнаго просвѣщенія, по приказанію тогдашняго министра князя А. Н. Голицына; въ должности этой пробылъ годъ, по истеченіи котораго Петръ Христіановичъ пристроилъ отца моего, въ 1820 году, къ себѣ, по званію главнокомандующаго 2-й арміею, и повезъ съ собою въ Тульчинъ.

Служба отца у Витгенштейна была далеко не обременительна; Петръ Христіановичъ познакомилъ крестника, между прочимъ, и съ семействомъ начальника своего штаба, Киселева, который, обласкавъ какъ нельзя болѣе отца моего, посовѣтывалъ ему воспользоваться свободными отъ службы досугами: заняться серьезно тѣмъ, къ чему онъ обнаруживалъ особенную склонность.

Слова Киселева не упали на почву безплодную. Отецъ послѣ бесѣды съ Киселевымъ, передѣлалъ изъ Дестютъ-де-Траси замѣчанія на Монтескье, перевелъ изъ Филанджьери трактатъ «Одѣяніяхъ, неподлежащихъ наказанію», и нѣкоторыя главы изъ «Философскаго словаря» Вольтера, касающіяся политико-экономическихъ вопросовъ. Будучи нрава веселаго, отецъ, желая посмѣяться надъ Бурцовымъ, Филипповичемъ и другими почитателями ихъ сослуживца,—сосланнаго впослѣдствіи декабриста—князя Барятинскаго, хлопотавшими, между прочимъ, о замѣнѣ въ артиллеріи и фортификаціи техническихъ иностранныхъ словъ русскими, написалъ «Юмористическое письмо изъ Кремлевщины 1123 года». Результатъ выходки—дуэль отца съ Барятинскимъ на пистолетахъ, при чемъ отецъ повредилъ противнику колѣно.

Исторію потушили. Барятинскій подалъ рапортъ о какой-то другой, будто бы, постигшей его внезапной болѣзни, а съ отцомъ моимъ, немедленно, послѣ поединка, помирился.

Въ 1822 году, П. Д. Киселевъ, командировалъ отца, съ разрѣшенія Витгенштейна, въ Петербургъ, съ порученіемъ извлечь въ государственномъ архивѣ и военно-топографическомъ депо, матеріалы для исторіи русско-турецкихъ войнъ, начиная со временъ Петра Великаго до временъ послѣднихъ, при чемъ Павелъ Дмитріевичъ, вручивъ ему инструкцію, снабдилъ рекомендательными письмами, давшими отцу поводъ войти въ прямыя сношенія съ Нессельроде, Дибичемъ, Довре, и особенно съ Закревскимъ.

Отецъ выполнилъ весьма добросовѣстно возложенное на него порученіе: съ помощью прикомандированныхъ къ нему изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и инспекторскаго департамента писцовъ, онъ трудился болѣе двухъ лѣтъ надъ составленіемъ выписокъ, которыя и пересылалъ къ своему начальнику съ срочнымъ фельдъегеремъ. За то, два раза въ теченіе года (1824), получилъ онъ денежные подарки, въ размѣрѣ годоваго жалованья.

Возвратиться въ Тульчинъ отцу не довелось: послѣдовалъ извѣстный поединокъ П. Д. Киселева съ М—мъ. Покровитель Николая Ивановича выѣхалъ послѣ дуэли за границу, а отецъ подалъ тогда же,—въ 1825 году,—въ отставку; онъ думалъ отправиться туда же, и жить концертами, полагая, что русскія пѣсни заинтересуютъ иностранцевъ; игралъ отецъ мастерски на семиструнной гитарѣ, введенной въ моду Сихрою и Аксеновымъ, музыкальные вечера которыхъ онъ постоянно посѣщалъ; тамъ очень полюбилъ отца и знаменитый авторъ народнаго гимна, А. Ф. Львовъ, и познакомилъ съ главными понятіями, какъ выразился Львовъ, объ «его превосходительствѣ генералъ-басѣ», вслѣдствіе чего, отецъ и рѣшился написать для незабвеннаго композитора варіаціи на русскую пѣсню: «Ахъ, что же ты, голубчикъ», съ акомпаниментомъ квартета, а затѣмъ, передѣлалъ для гитары и напечаталъ отрывки изъ «Фрейшюца», Вебера.

Между тѣмъ, оставаясь въ Петербургѣ, отецъ примкнулъ къ кружку литераторовъ, и сблизился съ будущимъ своимъ шуриномъ Пушкинымъ, барономъ Дельвигомъ, Баратынскимъ, Илличевскимъ, Плетневымъ; знакомство съ ними побудило его тоже заняться литературою.

Для подготовки себя къ этой дѣятельности, отецъ сталъ изучать не только отечественныхъ, но французскихъ, нѣмецкихъ, въ особенности же, англійскихъ и итальянскихъ писателей, дѣлалъ выписки изъ Ласъ-Казаса о Наполеонѣ, перевелъ на французскій языкъ комедію Гольдони: «Il fastoso» («Le fastieux»), и взялся за составленіе итальяно-русскаго словаря, котораго у насъ тогда еще не доставало. Но не получивъ, по независящимъ причинамъ, обѣщаннаго значительнаго вознагражденія, отецъ держалъ словарь свой подъ спудомъ, а впослѣдствіи и затерялъ его.

Всѣ пріятели отца писали, переводили, главное—зарабатывали деньги. Особенно благопріятно было то время для переводчиковъ романовъ: Дешаплетъ, напримѣръ, если не нажилъ себѣ состоянія, то получилъ, по крайней мѣрѣ, возможность избавиться отъ нужды.

Сообразивъ это, отецъ предложилъ услуги барону Дельвигу, и, сдѣлавшись его сотрудникомъ по издаваемой Антономъ Антоновичемъ «Литературной Газетѣ», посвятилъ себя переводамъ; изъ ихъ числа отецъ напечаталъ: «Патриціи» и «Богемскую дѣвичью войну»—два сочиненія Фанъ-Деръ-Фельдта, произведенія котораго соперничали тогда съ романами Вальтеръ-Скотта. Трудъ не пропалъ даромъ: вырученныя деньги отецъ послалъ нуждавшейся своей матери, что̀ оказалось для нея значительной поддержкой.

Въ 1826 году, свиданіе отца моего со старшимъ его братомъ, Павломъ, который жилъ въ Новгородѣ, командуя эскадрономъ лейбъ-гвардіи Конно-егерскаго полка, рѣшило его дальнѣйшую участь. Братъ склонилъ его опять поступить на службу, безъ которой—отецъ

и самъ увидѣлъ,—что не можетъ обойтись. Павелъ Ивановичъ, обласканный великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, взялся ходатайствовать въ пользу брата передъ его высочествомъ. Желая побывать въ чужихъ краяхъ, отецъ сталъ проситься въ канцелярію Нессельроде, и Нейдгардтъ, по волѣ великаго князя, лично рекомендовалъ отца министру; однако, дѣло кончилось тѣмъ, что его опредѣлили въ коллегію иностранныхъ дѣлъ (27-го іюня 1827 года), въ экспедицію переводовъ для французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго и польскаго языковъ, съ обѣщаніемъ послать при первомъ удобномъ случаѣ за границу.

Кромѣ занятій по переводамъ, отецъ пополнялъ, по волѣ вице-канцлера, Государственный Архивъ бумагами, хранившимися въ военно-топографическомъ депо. Эту работу онъ, можно сказать, полюбилъ; рыться въ архивной пыли составляло для него даже родъ наслажденія, особенно когда попадались подъ руку любопытныя дѣла архива; но приходилось уже работать изъ видовъ на вознагражденіе. Въ слѣдующемъ году (1828), онъ, какъ знатокъ языковъ, откомандированъ былъ иностранной коллегіей на три мѣсяца въ Сенатъ, гдѣ и работалъ въ слѣдственной комиссіи надъ польскими мятежниками, переводя, подъ руководствомъ оберъ-прокурора Кайсарова, французскія и польскія бумаги.

Годъ этотъ составляетъ переломъ въ жизни отца: онъ женился

Разсказываю подробности свадьбы моихъ родителей—само собою разумѣется—съ ихъ же словъ.

Отецъ, не смотря на то, что жилъ лишь трудами—посѣщалъ избранное общество, опираясь на французскую поговорку: «Dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es». (Скажи мнѣ съ кѣмъ ты, скажу кто ты). Одѣтый всегда безукоризненно, скромный, во всѣхъ отношеніяхъ приличный, былъ онъ, въ особенности, хорошо принятъ въ семействѣ Лихардовыхъ, гдѣ и встрѣтился съ Ольгой Сергѣевной Пушкиной и ея родителями.

Ольга Сергѣевна очень ему понравилась, а потому, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отецъ рѣшился сдѣлать предложеніе; но раскусивъ чванство Сергѣя Львовича и въ особенности Надежды Осиповны, которые оба, по своему эгоизму, держали дочь на привязи, и—само собою разумѣется—не могли допустить мысли, выдать ее за человѣка бѣднаго, бывшаго къ тому же пятью годами моложе ея,—отецъ мой счелъ необходимымъ расположить предварительно ихъ въ свою пользу. Насчетъ поддержки Александра Сергѣевича и Василія Львовича, съ которыми былъ уже давно знакомъ, онъ былъ покоенъ.

Прежде всего, онъ повелъ атаку на родителей: очаровалъ Сергѣя Львовича французскими каламбурами и бесѣдами о дворѣ Тюльерійскомъ, сочинителяхъ, сочинительницахъ французскихъ; затѣмъ сдѣлался постояннымъ партнеромъ Надежды Осиповны въ

бостонѣ, нарочно проигрывая ей бо̀льшею частію партіи. Играли же не по маленькой.

Въ результатѣ онъ получилъ доступъ въ домъ Пушкиныхъ: они сами пригласили его.

Объяснясь съ Ольгой Сергѣевной безъ церемоній,—напрямикъ,— онъ получилъ ея согласіе, но въ согласіи родителей Ольга Сергѣевна усомнилась сильно.

Такъ и вышло на повѣрку:

Формальное предложеніе отца встрѣтило съ ихъ стороны рѣшительный отказъ, не смотря на все краснорѣчіе Александра Сергѣевича, Василья Львовича и Жуковскаго; Сергѣй Львовичъ замахалъ руками, затопалъ ногами и—Богъ вѣсть почему—даже расплакался, а Надежда Осиповна распорядилась весьма рѣшительно: она приказала не пускать отца моего на порогъ, и дѣло съ концомъ.

Этого мало: когда, двѣ недѣли спустя, Надежда Осиповна увидѣла на балѣ,—кажется у Лихардовыхъ или Вяземскихъ, не могу сказать навѣрное,—отца, то запретила дочери съ нимъ танцовать. Во время одной изъ фигуръ котильона, отецъ подойдя къ ней, сдѣлалъ съ нею тура два. Нашлись пріятели, которые поспѣшили доложить о такомъ великомъ событіи, забавлявшейся картами въ сосѣдней комнатѣ Надеждѣ Осиповнѣ. Та въ негодованіи выбѣжала, и въ присутствіи общества, далеко немалочисленнаго, не задумалась толкнуть свою тридцатилѣтнюю дочь. Мать моя упала въ обморокъ.

Чаша переполнилась; Ольга Сергѣевна не стерпѣла такой глубоко оскорбительной выходки, и написала на другой же день моему отцу (приславшему тайкомъ освѣдомиться о ея здоровьѣ послѣ скандала) записку, что она согласна вѣнчаться, никого не спрашивая. Это случилось во вторникъ, 24 января 1828 года, а на слѣдующій день, 25 числа, въ среду, въ часъ пополуночи, Ольга Сергѣевна тихонько вышла изъ дома; у воротъ ее ждалъ мой отецъ; они сѣли въ сани, помчались въ церковь св. Троицы Измайловскаго полка, и обвѣнчались въ присутствіи четырехъ свидѣтелей — друзей жениха,—именно двухъ офицеровъ того же полка, и двухъ конно-егерскаго.

Послѣ вѣнца, отецъ отвезъ супругу къ родителямъ, а самъ отправился на свою холостую квартиру. Рано утромъ Ольга Сергѣевна послала за братомъ Александромъ Сергѣевичемъ, жившимъ особо, въ Демутовой гостинницѣ. Онъ тотчасъ пріѣхалъ, и послѣ трехчасовыхъ переговоровъ съ Надеждой Осиповной и Сергѣемъ Львовичемъ, послалъ за моимъ отцомъ.

Новобрачные упали къ ногамъ родителей и получили прощеніе. Однако, прощеніе Надежды Осиповны было неполное: она до самой кончины своей относилась недружелюбно къ зятю.

Не такъ поступилъ образумившійся Сергѣй Львовичъ: онъ полюбилъ зятя какъ родного сына, а братъ его, Василій Львовичъ,

поздравилъ молодыхъ хранящимся у меня въ подлинникѣ письмомъ:

«Любезные друзья, Николай Ивановичъ и Ольга Сергѣевна! «Молю Бога, чтобъ Онъ благословилъ васъ, и чтобъ вы были счаст«ливы совершенно! я васъ поздравляю отъ искренняго сердца, и увѣ«ренъ, что во всякое время вы будете стараться быть утѣшеніемъ «вашихъ родителей.

«Поручая себя въ вашу любовь, остаюсь преданный вамъ и лю«бящій васъ дядя Василій Пушкинъ. 2 февраля 1828 г. Москва».

Когда объ этой свадьбѣ было доложено государю императору с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Горголи, то его величество спросилъ, нѣтъ ли жалобы съ чьей-либо стороны, и на отрицательный отвѣтъ изволилъ сказать: «Такъ оставить безъ послѣдствій»,—чему очень обрадовался отецъ мой, и въ особенности его свидѣтели.

Поэтому же случаю Александръ Сергѣевичъ сказалъ сестрѣ: «Ты мнѣ испортила моего Онѣгина; онъ долженъ былъ увезти «Татьяну, а теперь... этого не сдѣлаетъ».

Въ описанномъ событіи мать моя проявила такое мужество, которому удивлялась сама. Впрочемъ, въ цѣльномъ, такъ сказать, характерѣ ея проглядывала даже не женская отвага, и прежде нежели продолжать постепенное хронологическое изложеніе моихъ о ней и отцѣ воспоминаній, считаю не лишнимъ привести теперь же, кстати, слѣдующіе примѣры ея присутствія духа:

Будучи дѣвицей, она однимъ грознымъ взглядомъ и энергическимъ словомъ принудила ретироваться вооруженнаго топоромъ злодѣя, проникнувшаго черезъ окошко въ ея комнату, съ намѣреніемъ грабежа, и своею распорядительностью заставила людей во-время схватить разбойника и предать его въ руки правосудія. Такую же неустрашимость и распорядительность показала она и впослѣдствіи, въ Варшавѣ, когда, въ декабрѣ 1849 года, вспыхнулъ ночью пожаръ въ намѣстниковскомъ дворцѣ, гдѣ жили мои родители. Проснувшаяся мать первая, увидя, объятый пламенемъ потолокъ въ комнатѣ передъ спальнею, черезъ которую и былъ только выходъ въ другіе покои — перешла черезъ нее, задыхаясь клубами дыма, вынесла въ дальнюю комнату лежавшую въ горячкѣ малолѣтнюю сестру мою, подняла на ноги людей, дала знать пожарной командѣ, уложила вещи, и уже потомъ разбудила отца, кабинетъ и спальня котораго находились на другой половинѣ огромной казенной квартиры. Прискакалъ оберъ-полиціймейстеръ генералъ Абрамовичъ съ командой, и пожаръ потушили. Излишнимъ затѣмъ считаю перечислять всѣ примѣры мужества матери и самоотверженія въ критическія минуты, которыхъ я бывалъ свидѣтелемъ. Безстрашіе не покидало ее ни въ послѣдней тяжкой ея болѣзни, ни на одрѣ смертномъ. Перенесла она геройски и нервный ударъ, и поразившій ее

ужасный недугъ — слѣпоту, и всѣ страшныя физическія мученія; дѣлавшій ей въ декабрѣ 1863 года глазную операцію профессоръ Юнге сказалъ, что отвага ея—есть отвага храбраго мужчины.

VII.

Первые годы послѣ свадьбы, родители мои провели въ Петербургѣ, и моя мать, умомъ и любезностью, привлекала въ домъ свой множество замѣчательныхъ литераторовъ и художниковъ. Къ числу первыхъ принадлежалъ и поэтъ Мицкевичъ. Являлся онъ обыкновенно по вечерамъ, доставляя иногда хозяевамъ и гостямъ художественное наслажденіе импровизаціями, которыя, однако, много теряли оттого, что Мицкевичъ передавалъ ихъ на французскомъ языкѣ, не будучи въ немъ особенно силенъ; любимымъ же его занятіемъ была игра въ шахматы съ моимъ отцомъ. Иногда же Мицкевичъ, играя въ молчанку, былъ невыносимъ. Затѣмъ, изъ артистовъ, посѣщавшихъ нашу гостиную, стоялъ на первомъ планѣ другъ отца, Михаилъ Ивановичъ Глинка, издавшій, въ сотрудничествѣ съ нимъ, въ 1829 году, «Лирическій альбомъ». Въ альбомѣ, кромѣ сочиненій издателей, помѣщены пьесы и романсы Норова, Вьельгорскаго, Штерича и другихъ, а также замѣчательная пѣсня «Вилія» изъ поэмы Мицкевича «Валленродъ», въ переводѣ на русскій языкъ двоюроднаго брата моей матери — Шеміота, положенная на музыку госпожею М. Шимановской, замѣчательною піанисткою, которая давала въ то время съ большимъ успѣхомъ концерты въ Петербургѣ. На дочери г-жи Шимановской и женился потомъ Мицкевичъ.

Михаилъ Ивановичъ Глинка, являясь очень часто, разыгрывалъ съ отцомъ дуэты: онъ на фортепіано, отецъ — на гитарѣ, а подъ веселую руку, оба они, не отличаясь впрочемъ голосами, задавали, послѣ чая съ ромомъ, вокальные концерты, въ особенности когда Михаилъ Ивановичъ приводилъ съ собою молодаго пѣвца Иванова, впослѣдствіи сдѣлавшагося первокласнымъ европейскимъ теноромъ.

Родителей моихъ посѣщалъ очень часто и другъ Александра Сергѣевича, баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ съ женой Софьей Михайловной, рожденной Салтыковой; отецъ мой, какъ я сказалъ выше, былъ его сотрудникомъ; они сошлись характерами какъ нельзя болѣе, и Антонъ Антоновичъ сохранилъ до самой своей кончины неизмѣнную, вполнѣ сердечную привязанность къ нему, и само собою разумѣется, къ сестрѣ задушевнаго друга своего Пушкина.

Александръ же Сергѣевичъ бывалъ у сестры рѣдко, будучи очень занятъ, а если заходилъ, то весьма не надолго, не такъ какъ друзья его — П. А. Плетневъ, В. А. Жуковскій, С. А. Собо-

левскій и Е. А. Баратынскій. О супругѣ послѣдняго Настасьѣ Львовнѣ скажу ниже.

Среди названныхъ мною людей,—достойныхъ всякаго уваженія,— моя мать и провела четыре года до отъѣзда своего въ Варшаву, принимая друзей въ скромной квартиркѣ, которую отецъ нанялъ тотчасъ же послѣ свадьбы — въ Казачьемъ переулкѣ, близь Введенской церкви Семеновскаго полка.

Ограничиваясь тѣснымъ кружкомъ знакомыхъ, моя мать не находила никакого удовольствія посѣщать большой свѣтъ, до котораго былъ такъ, если можно выразиться, падокъ братъ ея Александръ Сергѣевичъ. Она какъ бы предчувствовала, что онъ сдѣлается жертвой интригъ и злословія этого свѣта.

Однажды, наканунѣ бала у графини Б., куда пригласили дядю вскорѣ послѣ его свадьбы, она сказала ему [1]):

— Охота тебѣ, Саша, смотрѣть на бездушныхъ пустомелей, да переливать изъ пустого въ порожнее? Охота тебѣ принуждать къ этому и Наташу? Чего не видали? Вспомни мое слово: къ добру не поведетъ. Не по твоему карману, не по твоему уму. Враги тамъ у тебя кругомъ да около; рано или поздно тебѣ же напакостятъ. «Отыди отъ зла и сотвори благо!»

Сколько было родственной, скажу, чуткости, сколько неподдѣльнаго женскаго инстинкта и пророческой правды въ этихъ дружескихъ предостереженіяхъ? Но не вникъ въ слова сестры Александръ Сергѣевичъ и... разсердился; отвѣчалъ ей рѣзко пофранцузски:

— La dessus je te dirai, chère soeur, que moi et ma femme nous sommes celèbres—moi par mon talent, ma femme—par sa beauté. Or donc, je veux, que tout le monde nous apprecie à notre juste valeur. D'ailleurs il est dit: on n'allume point une lampe pour la mettre sous le boisseau».

(На это скажу тебѣ, милая сестра, что я и моя жена знамениты—я моимъ талантомъ, жена—красотою, а потому хочу, чтобы всѣ цѣнили насъ по достоинству. Къ тому же сказано: «Зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ»).

— Faites comme Vous l'entendez,—отвѣчала моя мать брату,— mais croyez moi, Alexandre, que si je Vous ai dit quelque chose qui a pu Vous déplaire—je l'ai fait, en Vous souhaitant du bien.

(Дѣлайте какъ знаете, но вѣрьте мнѣ, Александръ, что если сказала что-нибудь вамъ непріятное, то сдѣлала желая вамъ добра).

Братъ горячо обнялъ сестру и убѣдительно сталъ просить ее ѣхать на балъ съ нимъ и женою вмѣстѣ. Не желая огорчать его, мать моя согласилась, говоря Александру Сергѣевичу: «такъ и быть, но на балъ, какъ хочешь, сатиру напишу».

---

[1]) Это случилось въ концѣ 1832 года, передъ отъѣздомъ моей матери въ Варшаву.

Дѣйствительно, видѣнное ею на балѣ общество послужило матери поводомъ къ слѣдующей эпиграммѣ:

«Петербургскую смѣсь
«Собираютъ здѣсь
«Въ это зданіе.

«Вотъ Ю . . . . князь
«Вперилъ глазъ, подбодрясь
«На собраніе.

«Вотъ вельможный панъ
«А . . . . . Степанъ
«Величается.

«Съ нимъ В . . . ъ тутъ,
«Волокита-шутъ
«Оправляется.

«Н . . . . ъ въ звѣздѣ
«Попадетъ вездѣ
«Съ бѣдной Лизою.

«Въ числѣ чудаковъ
«Тутъ верзила М . . въ
«Съ рожей сизою.

«А . . . нъ мадамъ
«Здѣсь равна госпожамъ
«Между бабами.

«По стѣнамъ вокругъ
«Грозный рядъ старухъ
«Сидитъ жабами».

У родителей своихъ моя мать бывала часто, но отецъ мой навѣщалъ только изрѣдка тестя, избѣгая встрѣчи съ тещей: Надежда Осиповна не могла простить отцу его женитьбу, и въ имѣющихся у меня письмахъ ея къ дочери изъ деревни въ Петербургъ, а потомъ изъ Петербурга въ Варшаву, ни разу не обмолвилась о немъ ни однимъ словомъ до самаго октября 1834 года, въ которомъ, обрадовавшись появленію моему на свѣтъ Божій, открыла съ зятемъ дипломатическія сношенія.

Продолжаю описывать бытъ моихъ родителей съ 1829 по 1832 годъ.

Къ этому времени относится случившееся съ отцомъ моимъ происшествіе, послужившее матери моей поводомъ написать эпиграмму, приводимую ниже: Отецъ, отличавшійся, подобно своему тестю, Сергѣю Львовичу, въ молодости весьма вспыльчивымъ нравомъ, угостилъ въ общественномъ собраніи внушительнымъ физическимъ привѣтствіемъ нѣкоего шуллера З., котораго изобличилъ въ обманѣ на зеленомъ полѣ. Шуллеръ скушалъ угощеніе молча, а

на слова отца: «Если обидѣлись, присылайте секундантовъ»,—обратился въ постыдное бѣгство, и затѣмъ совершенно скрылся изъ Петербурга. Онъ былъ сынъ хотя мелкаго, но весьма денежнаго чиновника; воображая себя большимъ бариномъ, онъ, что̀ называется, финтилъ и тарантилъ, напуская на себя какой-то сверхъестественно надмѣнный тонъ, что не служило помѣхой подвигамъ, въ силу которыхъ и получился въ итогѣ вышеописанный анекдотъ.

Мать терпѣть не могла этого господина, не разъ злоупотреблявшаго добротой и ея мужа и младшаго ея брата—Льва Сергѣевича Пушкина, у которыхъ онъ съумѣлъ своимъ краснорѣчіемъ брать деньги безъ отдачи; они и не подозрѣвали въ немъ плута и шуллера.

Вотъ двѣ эпиграммы матери на этого субъекта, послѣ пресловутаго происшествія; изъ нихъ вторая на голосъ пѣсни: «Ахъ, на что же огородъ городить».

I.

«Ты отъ подъячаго родившись,
«Отважно кверху вздернулъ носъ,
«И весь въ надмѣнность превратившись,
«Себя ей въ жертву, знать, принесъ.
«Что трусъ ты—въ этомъ прочь сомнѣнье,
«Да плутъ и въ карточной борьбѣ:
«А я прибавлю мое мнѣнье:
«Пощечина—къ лицу тебѣ».

II.

«Я вамъ пѣсню о Картежновѣ спою,
«Его качества всѣмъ пропою...
«Ай, люли и проч.
«Въ головѣ сидитъ надмѣнность у него,
«Глупость, чванство, да и больше ничего...
«Ай, люли и проч.
«Плутовски онъ улыбается,
«Какъ волкъ дикій озирается...
«Ай, люли и проч.
«На словахъ удалецъ большой,
«А на дѣлѣ первый трусъ душой...
«Ай, люли и проч.
«Лишь онъ въ карты мостакъ надувать,
«Станетъ всякій отъ него за то бѣжать...
«Ай, люли и проч.
«Станетъ всякій отъ него за то бѣжать,
«Молясь Богу его больше не встрѣчать...
«Ай, люли» и проч.

Въ то же почти время—въ 1829 или 1830 году—не помню,—заклеймила мать моя эпиграммой нѣкоего семинариста И. Получивъ

образованіе по лекалу схоластики, господинъ этотъ, пользовавшійся покровительствомъ извѣстнаго графа Хвостова (осмѣяннаго Александромъ Сергѣевичемъ въ эпиграммѣ «Въ твоихъ стихахъ лишь пользы три», всячески угождалъ ему, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, и въ присутствіи матери довольно рѣзко отозвался о «Кавказскомъ Плѣнникѣ» Александра Сергѣевича и «Громобоѣ» Жуковскаго. Конечно, мать дала ему хотя утонченно-учтивый, но весьма внушительный отпоръ. Самоувѣренность его и рѣзкія сужденія она приняла къ сердцу, и написала слѣдующее:

«Съ бурсацкой [1]) логикой сроднясь,
«Ты логику свою оставилъ;
«Умомъ бурсацкимъ возгордясь,
«За правило себѣ поставилъ:
«Вести себя преосторожно,
«Дрожать предъ мощнымъ кулакомъ,
«И унижаться, если можно,
«Передъ Хвостовымъ чудакомъ».

Много сохранилось у меня мѣткихъ эпиграммъ матери, изъ которыхъ не могу не привести четверостишіе, набросанное ею на танцовальномъ вечерѣ у княгини Т. Предметомъ четверостишія послужилъ нѣкій полякъ Ф., личность гордая, напыщенная, воображавшая Богъ вѣсть что̀ о мнимыхъ своихъ достоинствахъ. Отецъ его, прокутивъ свое значительное состояніе въ пиршествахъ съ прихлебателями панами-шляхтой,—женился, ради поправленія кармана, на безграмотной дочери извѣстнаго своимъ богатствомъ трактирщика. Чванство сына не знало никакихъ границъ. Вотъ четверостишіе:

«Отъ пана-шляхтича родился,
«Да отъ кухмистерши простой,
«Къ вельможамъ въ общество забился,
«И думаетъ что панъ большой»...

Вообще мать не любила «воронъ въ павлиньихъ перьяхъ» фанфароновъ, корчащихъ вельможъ, и помѣшанныхъ на фальшивомъ комъ-иль-фотствѣ, преслѣдуя ихъ насмѣшками. Въ глазахъ ея такіе люди были нравственными уродами. Не жаловала она и тѣхъ, кто, будучи природнымъ русскимъ, французилъ въ гостиныхъ, подражая парижскому выговору. «Если говоришь по-французски, другъ мой,—сказала мнѣ она,—то говори безъ парижскихъ вывертовъ. Парижа ты не нюхалъ».

Говоря объ эпиграммахъ матери, долженъ замѣтить, что бо̀льшую ихъ часть набрасывала она шутя, безъ желчнаго намѣренія,

---

[1]) Слова «бурсакъ» мать моя не переваривала, относясь антипатично къ роману Нарѣжнаго, подъ тѣмъ же заглавіемъ, и употребила слово это съ явной ироніей, намекая на самый романъ, отъ котораго предметъ эпиграммы г. И. былъ въ восторгѣ.

сообщая часто ихъ тѣмъ, на которыхъ были составлены. Къ числу такихъ относится экспромптъ на большую ея пріятельницу, дочь духовника ея, многоуважаемую г-жу Г. Всегда веселая и охотница посмѣяться, г-жа Г., явилась однажды на званый вечеръ, противъ своего обыкновенія, грустной и молчаливой. Желая развеселить ее Ольга Сергѣевна тутъ же сказала ей экспромптъ:

«Скажи намъ, что съ тобой, претрида? [1]).
«Не узнаютъ тебя друзья...
«Грустнà ты, словно панихида,
«И молчалива, какъ кутья»...

Г-жа Г., будучи чрезвычайно умной и доброй, поняла шутку, и не только не обидѣлась, но, по вѣрному расчету автора шутки, расхохоталась, и такимъ образомъ цѣль матери уничтожить сплинъ подруги была достигнута.

Первое мѣсто среди подругъ моей матери занимала незабвенная супруга поэта, Евгенія Абрамовича Баратынскаго, Настасья Львовна, рожденная Энгельгардтъ, бывшая впослѣдствіи, можно сказать, второю для меня матерью, когда моя мать, отправивъ меня учиться въ Петербургъ, поручила ея надзору и попеченію. Настасья Львовна почти не отличала меня отъ своихъ дѣтей, и сохранила къ моей матери сердечную привязанность до кончины своей—за границею въ 1860 году. Настасья Львовна была, въ полномъ смыслѣ слова, существомъ поэтическимъ, неземнымъ; мечты о мірѣ духовномъ, жизни загробной, довели ее до мистицизма и были главнымъ предметомъ ея задушевныхъ бесѣдъ. На этой-то почвѣ она и сошлась съ моей матерью.

Мать моя была тоже въ искренно родственныхъ отношеніяхъ и съ женою брата Александра Сергѣевича — Натальей Николаевной; сохранила она отношенія эти и послѣ вторичнаго брака тетки съ П. П. Ланскимъ.

Да и мудрено было не любить и не уважать Наталью Николаевну, которая, будучи примѣрной супругой и матерью, посвятила себя домашнему очагу, и перенесла такъ много горя отъ подлаго злословія людей низкихъ, погубившихъ Александра Сергѣевича.

Хотя покойная тетка была тоже религіозной, но не увлекаясь отвлеченными вопросами, смотрѣла на вещи съ точки зрѣнія болѣе практической. Приходившіе къ Александру Сергѣевичу стихотворцы иногда ей черезчуръ надоѣдали своей музой, и однажды, на вопросъ Баратынскаго, не помѣшаетъ ли онъ ей, если прочтетъ въ ея присутствіи Александру Сергѣевичу новыя стихотворенія, отвѣчала, (какъ разсказывала мнѣ моя мать):

---

[1]) Произвела Ольга Сергѣевна это существительное отъ французскаго слова «prêtre»—священникъ,—разумѣя подъ нимъ дочь священника.

— Lisez, je Vous en prie; je n'ecoute pas.

(Читайте, прошу васъ; я не слушаю).

У брата своего, какъ сказано выше, моя мать встрѣтила и Николая Васильевича Гоголя. Творецъ «Мертвыхъ Душъ» произвелъ на нее впечатлѣніе оригинала. Играя бо̀льшею частію въ молчанку, à la Мицкевичъ, Гоголь рѣдко читалъ свои произведенія, но когда читалъ ихъ, то неподражаемо; въ особенности мастерски передразнивалъ хохловъ—каковымъ, впрочемъ, былъ самъ,—и жидовъ. Александръ Сергѣевичъ очень благоволилъ къ нему, и только разъ, какъ передала моей матери Наталья Николаевна, попенялъ ему, при появленіи въ свѣтъ «Мертвыхъ Душъ». Думая напечатать въ стихахъ правдивый разсказъ о скупавшемъ мертвыя души псковскомъ помѣщикѣ, Пушкинъ сообщилъ объ этомъ сюжетѣ Николаю Васильевичу въ разговорѣ; Николай Васильевичъ и предупредилъ его, создавъ Чичикова. «Хитрый, хитрый малороссъ,—говорилъ Пушкинъ женѣ,—перебилъ мнѣ поэму; впрочемъ, Богъ съ нимъ; хорошо сдѣлалъ: ни за что бы мнѣ не удалось такъ изобразить «Похожденія Чичикова», какъ онъ».

Этотъ эпизодъ, повторяю, слышалъ я отъ матери, а потомъ и отъ самой Натальи Николаевны.

Чтобы покончить съ воспоминаніемъ о Гоголѣ, на сколько оно касается моихъ записокъ, долженъ замѣтить, что хотя моя мать и говорила, что «отъ его Калліопы[1]) припахиваетъ дегтемъ, и чувствуется «малороссійское сало», но отдавала полную справедливость его таланту, восхищаясь въ особенности «Вечерами на Хуторѣ», которые и любила читать вслухъ, съ свойственнымъ ей искусствомъ. Помню живо, какъ впослѣдствіи въ Варшавѣ,—мнѣ было 10 лѣтъ,—мать, желая развеселить меня,—а былъ я нездоровъ,—прочла мнѣ въ журналѣ «Новоселье», повѣсть «о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

Тутъ расхохотался я до спазмовъ, и смѣхъ едва ли не содѣйствовалъ быстрому возстановленію моего здоровья.

Отдавая справедливость Н. В. Гоголю, мать была большой почитательницей Василія Андреевича Жуковскаго. Лира его, по ея мнѣнію, образецъ изящнаго; въ особенности высоко стояли въ ея глазахъ его «Аббадона» и «Ундина». Познакомила меня она, когда мнѣ и девяти лѣтъ не было, съ «Громобоемъ», «Варвикомъ», «Смальгольмскимъ барономъ», «Краснымъ-карбункуломъ», «Похищенной нечистымъ колдуньей-старушкой», и тому подобными ужасными балладами Василія Андреевича. Въ особенности любила она разсказывать ихъ во время прогулокъ, что̀ и отразилось на моихъ нервахъ: засыпалъ я среди «страховъ ночныхъ», пряча голову подъ одѣяло; но при этомъ полюбилъ я фантазіи: не разъ, во время бури

---

[1]) Муза краснорѣчія.

и грома, убѣгалъ я въ рощу, прилегающую къ купленной моими родителями дачѣ въ колоніи Пельцовизна, расположенной въ гористой живописной мѣстности, въ 3-хъ верстахъ отъ Варшавы, и убѣгалъ, лишь бы помечтать объ описанныхъ Жуковскимъ привидѣніяхъ, и,—какъ ни покажется страннымъ,—наслаждаться мучительнымъ чувствомъ собственнаго, дѣтскаго страха предъ сверхъестественнымъ міромъ. Знаменитый пѣвецъ ужасовъ,—добрѣйшій и веселый Василій Андреевичъ,—проѣздомъ за границу чрезъ Варшаву въ 1842 году,—заѣхалъ къ намъ на эту же дачу на пару дней, и тутъ же встрѣтился съ пріѣхавшимъ погостить къ дочери изъ Петербурга, Сергѣемъ Львовичемъ. Дѣтей Жуковскій очень любилъ, и неудивительно, что приласкалъ и меня и мою сестру. Не могу, кстати, не прибавить, что на другой же день по пріѣздѣ Жуковскаго, появился у насъ на дачѣ и пѣвецъ «Сенсацій госпожи Курдюковой», Мятлевъ — балагуръ и камергеръ (какъ прозвалъ его Александръ Сергѣевичъ), тоже отправлявшійся тогда за границу. Онъ былъ давнишнимъ знакомымъ моихъ родителей и Александра Сергѣевича. Всегда веселый, любезный, Мятлевъ оказался попрежнему душою общества, а дѣтей забавлялъ фокусами, угощая конфектами, и бѣгая съ ними взапуски.

Но распространяясь о Гоголѣ, Жуковскомъ, Мятлевѣ, опять зашелъ я слишкомъ впередъ. Возвращаюсь къ семейной хроникѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

VIII.

Однообразныя занятія отца моего по иностранной коллегіи казались ему переходнымъ пунктомъ къ чему-нибудь иному, лучшему: онъ все смотрѣлъ вдаль, даже въ Америку, мечтая уже не о миссіи дипломатической, а о консульствѣ. Начальникъ азіатскаго департамента, К. К. Родофиникинъ, посуливъ ему мѣсто консула въ Молдавіи, хотѣлъ сдѣлать изъ него, что̀ называется, рабочую лошадь. Отецъ нуженъ былъ Родофиникину для замѣны другого дѣльца, назначеннаго начальникомъ отдѣленія, а потому Родофиникинъ, увернувшись обычнымъ «буду имѣть въ виду», перевелъ отца къ себѣ въ департаментъ, столоначальникомъ по турецкимъ дѣламъ.

Оканчивалась турецкая война, учреждалась миссія въ Греціи. Желая туда пристроиться, отецъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, сталъ учиться поновогречески у какого-то монаха Александро-невскаго монастыря; желая облегчить себѣ служебное поприще на востокѣ, онъ принялся также изучать, подъ руководствомъ товарища своего, графа Толстого, изъѣздившаго вдоль и поперегъ Турцію и Персію—языки турецкій и персидскій.

Но увы! надежды на Грецію скоро улетучились. Въ Аѳины назначили сперва нѣкоего Поп-уло, а потомъ нѣкоего Х-уло; было ясно, что грекъ Родофиникинъ покровительствовалъ своимъ единоплеменникамъ. Взбѣшенный отецъ мой, при объясненіи съ Родофиникинымъ, сказалъ ему слѣдующую рѣзкую фразу:

— Для пользы службы, не переименоваться ли мнѣ изъ Павлищева въ Павлопуло?

Родофиникинъ притворился, что не понялъ ядовитости этихъ словъ, но вслѣдъ за тѣмъ не преминулъ отомстить отцу, обративъ его изъ столоначальника въ начальника библіотеки. Такимъ образомъ, всякія надежды на миссію исчезли.

Вспыхнулъ польскій мятежъ; отецъ рѣшился распроститься и съ Родофиникинымъ, и съ Петербургомъ.

По ходатайству тестя своего, Сергѣя Львовича, онъ поступилъ, въ февралѣ 1831 года, въ составъ временнаго правленія царства Польскаго, подъ начальство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника С. Энгеля.

Надлежало тотчасъ ѣхать. Не легко было отцу разстаться съ весьма серьезно заболѣвшей, вслѣдствіе простуды, женою; мать моя до конца 1832 года осталась въ Петербургѣ, и пріѣхала въ Варшаву лишь тогда, когда отецъ совершенно устроился.

Выѣхавъ изъ Петербурга, отецъ черезъ нѣсколько дней былъ въ Вильнѣ, гдѣ явился къ Энгелю. Послѣдній тотчасъ же откомандировалъ его къ генералъ-интенданту арміи, съ порученіемъ слѣдить за операціей заготовленія въ Пруссіи продовольственныхъ припасовъ для нашихъ войскъ. Отецъ находился при главной квартирѣ почти въ теченіе всей кампаніи, и получивъ знакъ военнаго достоинства (Virtuti militari), вступилъ, вмѣстѣ съ нашими побѣдоносными войсками, въ Варшаву.

Въ Варшавѣ онъ прожилъ послѣ этого безвыѣздно цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, занимая послѣдовательно мѣста: управляющаго канцеляріей генералъ-интенданта дѣйствующей арміи, (1832—1834 гг.), помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта царства Польскаго (1834—1842 гг.), помощника оберъ-прокурора общаго собранія варшавскихъ департаментовъ сената (1842—1851 гг.), оберъ-прокурора того же собранія (1851—1859 гг.) и члена X-го департамента сената. Затѣмъ, послѣ кратковременной отставки (съ 1860 по 1861 годъ), отецъ поступилъ вновь на службу, но уже по военному вѣдомству; состоя при главнокомандующихъ войсками, завѣдывалъ, по высочайшему повелѣнію, періодической печатью и дирекціею оффиціальныхъ двухъ газетъ—а именно основаннаго имъ русскаго и польскаго «Варшавскихъ Дневниковъ» до 1871 года; въ 1871 году, отецъ возвратился въ Петербургъ съ назначеніемъ состоять по военному министерству, послѣ слишкомъ пятидесятилѣтней безупречной службы. Сверхъ того, будучи при занимаемыхъ

имъ до 1860 года должностяхъ, онъ состоялъ членомъ совѣта народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ и членомъ экзаминаціоннаго комитета, преподавая съ 1838 по 1851 годъ русскую исторію и статистику, порусски же, въ бывшихъ юридическихъ и педагогическихъ курсахъ.

Считаю долгомъ, впрочемъ, замѣтить, что описаніе дѣятельности отца моего на поприщѣ административномъ, педагогическомъ и литературномъ, составляетъ особый отдѣлъ моихъ воспоминаній, который я надѣюсь предложить со временемъ, если позволятъ обстоятельства, вниманію читателей «Историческаго Вѣстника». Здѣсь же упоминаю объ его дѣятельности лишь въ главныхъ ея чертахъ.

Въ 1832 году, какъ сказано выше, мать моя переселилась въ Варшаву.

Русское общество только-что начинало тамъ группироваться около своего центра — свѣтлѣйшаго князя Ивана Θедоровича Варшавскаго, съ супругой котораго, Елизаветой Алексѣевной, рожденной Грибоѣдовой, мать знакома была давно, находясь въ родствѣ. Фельдмаршалъ былъ всегда очень внимателенъ къ моей матери, а также и къ ея братьямъ и оцѣнилъ,—какъ я уже сказалъ въ своемъ мѣстѣ,—боевыя заслуги младшаго,—Льва Сергѣевича. Послѣдній, по окончаніи польской кампаніи, подавъ въ отставку, проживалъ въ Варшавѣ, и поселился въ домѣ моихъ родителей. Случилось при этомъ такъ, что поданное имъ своему начальнику, командиру финляндскаго драгунскаго полка, прошеніе объ отставкѣ затерялось въ ордонансгаузѣ, или поступило не въ свое время, вслѣдствіе чего дядю исключили изъ службы. Паскевичъ ничего объ этомъ не зналъ, и танцуя на балѣ у себя полонезъ съ моею матерью, спросилъ ее: «А что дѣлаетъ вашъ братъ Левъ?» — Онъ здѣсь, въ Варшавѣ,—отвѣчала она, при чемъ разсказала, что случилось. Фельдмаршалъ попросилъ ее прислать «завтра же» записку, и недѣли чрезъ двѣ въ «Инвалидѣ» было напечатано, что Пушкинъ увольняется отъ службы съ чиномъ и мундиромъ. Паскевичъ предлагалъ дядѣ поступить вновь на службу къ нему адъютантомъ, но Левъ Сергѣевичъ, покутивъ въ Варшавѣ порядкомъ, предпочелъ драться съ горцами, и въ началѣ 1834 года уѣхалъ на Кавказъ.

Въ томъ же, 1834 году, появился на свѣтъ и азъ многогрѣшный. Говорю объ этомъ вовсе не съ цѣлію распространяться о моей особѣ, а потому, что появленіе мое прекратило вражду Надежды Осиповны къ моему отцу, котораго она до этого времени «игнорировала». По полученіи извѣстія о моемъ рожденіи, она написала ему слѣдующее письмо:

«Comment Vous exprimer la joie, que j'ai éprouvée, en recevant votre lettre, mon cher Николай Ивановичъ? Il faut être grand' mère pour pouvoir se faire une idée de ce que j'ai senti en la lisant; que

le ciel bénisse notre petit Léon, que j'aime deja de tout mon coeur; qu'il fasse Votre bonheur, et que j'aie la douce satisfaction de recevoir ses caresses; c'est le voeu sincère, que je ne cesserai de former».

(Какъ выразить вамъ радость, которую я испытала, получивъ письмо ваше, мой дорогой Николай Ивановичъ? Надо быть бабушкой, чтобы представить себѣ, что я почувствовала, его читая; да благословитъ небо нашего маленькаго Леона, котораго люблю уже отъ всего сердца; да составитъ онъ ваше счастіе, и желаю имѣть пріятное утѣшеніе принимать его ласки; вотъ искреннее мое желаніе, которому никогда не измѣню).

Желаніе это осуществилось черезъ полтора года, когда мать въ 1836 году, по случаю смертельной болѣзни моей бабки, поѣхала въ Петербургъ, и взяла меня съ собою, такъ какъ Надежда Осиповна непремѣнно хотѣла видѣть и благословить внука. Увидѣвъ меня, она—правда—весьма не надолго, оживилась, приказала, чтобы я находился въ ея комнатѣ безотлучно, и чтобы меня, кромѣ ея и матери—никто не смѣлъ ласкать, даже Сергѣй Львовичъ, которому она говорила: «Не цѣлуй ребенка, онъ тебя испугается». Такимъ образомъ,—какъ разсказывала мнѣ моя мать—я дневалъ-ночевалъ въ комнатѣ бабки, и былъ безсознательнымъ свидѣтелемъ ея кончины.

Надеждѣ Осиповнѣ не было суждено увидѣть зятя: мучимая угрызеніями совѣсти, она рыдала, вспоминая о немъ, и жаждала свиданія съ нимъ, вслѣдствіе чего мать моя написала мужу, чтобы онъ пріѣхалъ. Случилось такъ, что въ это же время князь Паскевичъ ѣхалъ въ Петербургъ, и бралъ съ собою отца. Узнавъ въ чемъ дѣло, свѣтлѣйшій отправилъ его впередъ; однако, не смотря на скорость курьерской ѣзды, отецъ опоздалъ, и нашелъ тещу уже на столѣ. Умирая, Надежда Осиповна безпрестанно спрашивала: «Да что, въ самомъ дѣлѣ не является Павлищевъ, когда пріѣдетъ наконецъ, вѣдь онъ мнѣ родной... какая, Боже, тоска... нѣтъ его, нѣтъ его...» Скончалась она во время Великой заутрени перваго дня Пасхи.

Тѣло бабки было предано землѣ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ—въ 4-хъ верстахъ отъ сельца Михайловскаго; въ этомъ же монастырѣ похоронены: на слѣдующій годъ—Александръ Сергѣевичъ, а въ 1848 году—Сергѣй Львовичъ.

Не нарушая хода событій, нахожу своевременнымъ упомянуть, что Александръ Сергѣевичъ, узнавъ отъ отца моего о скоромъ пріѣздѣ въ столицу Паскевича, прежде чѣмъ явиться къ фельдмаршалу, попросилъ зятя вручить свѣтлѣйшему только-что вышедшій нумеръ «Современника», гдѣ былъ напечатанъ журналъ дяди «Путешествіе въ Арзерумъ во время похода 1829 года». Паскевичъ принялъ книжку благосклонно, но послѣ сказалъ отцу, что въ статьѣ интереснаго ничего нѣтъ. Фельдмаршалъ ожидалъ найти въ ней что-нибудь посерьезнѣе о своихъ дѣйствіяхъ противъ турокъ.

IX.

Послѣ кончины бабки, возникла длиннѣйшая и скучнѣйшая процедура по раздѣлу ея наслѣдства, о чемъ я сказалъ уже въ началѣ моихъ воспоминаній. Дядя Александръ Сергѣевичъ, ужаснувшись, до какой степени были запущены Сергѣемъ Львовичемъ дѣла по Михайловскому имѣнію, упросилъ отца моего побывать тамъ, прежде возвращенія своего въ Варшаву, и принять, если возможно, самыя крутыя мѣры противъ дальнѣйшаго хищенія.

Отецъ согласился, и, попросивъ отсрочку отпуска, провелъ въ Михайловскомъ съ моей матерью все лѣто, смѣнилъ мошенника управляющаго, и, заведя свои порядки, привелъ имѣніе не въ примѣръ въ болѣе благообразный видъ.

Все это видно изъ прилагаемой ниже переписки между дядей и отцомъ,—переписки, которая началась между ними еще въ 1834 году, значитъ за два года до смерти бабки. Подлинныя письма дяди у меня,— а отъ писемъ отца сохранились черновыя; отецъ никогда прямо набѣло ничего не писалъ.

Свиданіе между матерью моей и дядей—въ 1836 году—оказалось послѣднимъ.

Разставанье ея съ нимъ было до крайности грустное. Оба они томились предчувствіемъ вѣчной разлуки, и братъ, провожая сестру, залился горькими слезами, сказавъ ей:

«Едва ли увидимся когда-нибудь на этомъ свѣтѣ, а впрочемъ, «жизнь мнѣ надоѣла; не повѣришь, какъ надоѣла! Тоска, тоска! все «одно и тоже, писать не хочется больше, рукъ не приложишь ни «къ чему, но... чувствую: не долго мнѣ на землѣ шататься».

(Подлинныя его слова, переданныя мнѣ матерью).

И дѣйствительно: болѣе они не встрѣтились: не прошло и года, какъ Александръ Сергѣевичъ, раненый смертельно Дантесомъ-Гекереномъ, отошелъ въ вѣчность.

Распространяться объ этомъ событіи, о которомъ столько писали, то справедливо, то вкривь и вкось, считаю излишнимъ, ограничиваясь слѣдующимъ:

По полученіи роковаго извѣстія въ Варшавѣ, въ дипломатической канцеляріи намѣстника, чиновникъ этой канцеляріи г. Софьяносъ явился къ моимъ родителямъ ночью на квартиру. Съ таинственнымъ видомъ прошелъ онъ въ кабинетъ отца, и на вопросъ: «зачѣмъ пожаловали не къ чаю, а такъ поздно?» отвѣчалъ: «извѣстіе страшное: Александръ Сергѣевичъ убитъ!» Тутъ Софьяносъ, сообщивъ отцу нѣкоторыя свѣдѣнія о злополучномъ дѣлѣ, поспѣшилъ откланяться. Между тѣмъ мать моя, услышавъ голоса разговаривавшихъ, позвала отца по уходѣ печальнаго вѣстника, и спросила, кто былъ у него такъ поздно и зачѣмъ?

— Александръ Сергѣевичъ... началъ отецъ.

— Что боленъ? умеръ?

— Убитъ на дуэли Дантесомъ.

Это извѣстіе было для моей матери такимъ страшнымъ ударомъ, что она занемогла очень серьезно; кровавая тѣнь погибшаго брата являлась къ ней по ночамъ; она вынесла жестокую нервную горячку, во время которой неоднократно вспоминала, какъ разсматривая руку брата, предсказала ему насильственную смерть.

Всѣ знакомые моихъ родителей, начиная съ фельдмаршала,—и русскіе и поляки,—поспѣшили изъявить самое теплое сочувствіе матери. Медовая улица, гдѣ жили мои родители, три дня сряду была запружена экипажами.

Не скоро мать поправилась. Лѣчили ее три доктора,—насколько помнится, изъ разсказовъ Ольги Сергѣевны Шеферъ—докторъ фельдмаршала,—Добродѣевъ и Бонцевичъ. Въ концѣ концовъ натура взяла свое.

Послѣ кончины брата, мать моя долго не выѣзжала въ свѣтъ, посвятивъ себя исключительно семьѣ; но, мало-по-малу, стала посѣщать кружокъ избраннаго русскаго общества, который въ это время расширился. Общество это собиралось у намѣстника Паскевича, Горчаковыхъ, Окуневыхъ, Шиповыхъ, Симоничей. Скажу нѣсколько словъ о представителяхъ этихъ семействъ:

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, впослѣдствіи,—какъ извѣстно,—ставшій во главѣ русскихъ силъ на Дунаѣ и подъ Севастополемъ, былъ въ то время начальникомъ штаба у Паскевича; Николай Александровичъ Окуневъ—внучатный братъ моей матери, свиты Его Величества генералъ-майоръ—былъ попечителемъ варшавскаго учебнаго округа; генералъ-адъютантъ Шиповъ — главнымъ директоромъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а бывшій командиръ грузинскаго гренадерскаго полка, отличившійся въ елисаветпольскомъ сраженіи и впослѣдствіи посланникъ при персидскомъ дворѣ, генералъ-лейтенантъ, графъ Симоничъ — комендантомъ города Варшавы.

Въ этихъ семействахъ мать моя въ особенности любила бывать, и принимала ихъ у себя; къ нимъ не рѣдко присоединялись и пастыри нашей православной церкви — архіепископы варшавскіе и новогеоргіевскіе, впослѣдствіи митрополиты петербургскіе—Антоній и Никаноръ. Первый изъ нихъ, какъ извѣстно, присоединилъ значительную часть уніатовъ къ православной церкви; будучи вмѣстѣ съ тѣмъ священно-архимандритомъ Почаевской лавры, управлялъ онъ съ 1837 по 1843 годъ, кромѣ епархіи варшавской, и епархіей волынскою. Преемникъ его, краснорѣчивый Никаноръ, замѣчателенъ проповѣдями; пробылъ онъ въ Варшавѣ съ 1843 по 1848 годъ. Оба они, и Антоній и Никаноръ, оставили самыя лучшія по себѣ воспоминанія среди русскаго варшавскаго общества.

Отецъ мой, заваленный работами—и по законодательной части въ государственномъ совѣтѣ, и по народному просвѣщенію,—показывался гостямъ рѣдко. Составлялъ онъ тогда «Историческій Атласъ

Россіи», «Польскую исторію», русскіе учебники географіи и статистики, да писалъ корреспонденціи въ журналъ Е. А. Баратынскаго «Москвитянинъ»; писалъ онъ также статьи и въ «Сѣверную Пчелу». Вообще, отецъ предпочиталъ салоннымъ разговорамъ ученыя бесѣды съ удалявшимися въ кабинетъ его двумя обычными посѣтителями-сотрудниками по ученой части, которыхъ онъ особенно уважалъ, а именно: воиномъ кампаніи Отечественной, полковникомъ К. М. Франковскимъ [1]), который былъ тогда директоромъ реальной гимназіи, и добрѣйшимъ Петромъ Павловичемъ Дубровскимъ [2]), фамилію котораго дядя Александръ Сергѣевичъ далъ герою своей повѣсти, подъ тѣмъ же названіемъ. Пушкинъ относился всегда съ радушіемъ къ Дубровскому, какъ къ другу Михаила Ивановича Глинки. Уроженецъ Москвы, Дубровскій былъ ярымъ славянофиломъ, и задавшись цѣлію «научить поляковъ уму да разуму русскому» появился, не знаю какими судьбами, въ Варшавѣ, гдѣ добился должности сперва учителя русскаго языка въ гимназіи, потомъ цензора и основалъ, наконецъ, литературно-славянскій журналъ «Денницу». Разумѣется, отецъ мой занялъ между его сотрудниками первое мѣсто. Привелъ Петръ Павловичъ къ отцу и другого пріятеля Глинки, земляка и товарища послѣдняго по университетскому пансіону А. А. Римскаго-Корсакова — поэта и проказника. Нашаливъ въ Петербургѣ, и прогнѣвивъ батюшку своего, Корсаковъ въ одно прекрасное утро, едва ли не вмѣстѣ съ Дубровскимъ, очутился въ Варшавѣ преподавателемъ русской азбуки въ уѣздномъ (повѣтовомъ—какъ называли) училищѣ. Здѣсь школьники, въ силу физическаго его недостатка или, точнѣе сказать, физическаго избытка — непомѣрной тучности — такъ ему насолили насмѣшками, что Корсаковъ бросилъ учительство, и опредѣлился канцелярскимъ чиновникомъ въ бывшую правительственную коммиссію внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ царства Польскаго. Стихи и афоризмы свои Корсаковъ печаталъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», издававшихся при дѣятельномъ участіи Пушкина, барономъ Дельвигомъ. Дельвигъ невзначай порядкомъ разсердилъ Корсакова, сказавъ ему, ради краснаго словца, что «стихи его, какъ полъ лощенный гладки, о мысли не споткнешься въ нихъ». Послѣ такого словца, Корсаковъ пересталъ не только сотрудничать у Дельвига, но и кланяться съ нимъ.

Часто бывалъ у моихъ родителей еще одинъ поэтъ—П. Г. Сіяновъ, издавшій въ Варшавѣ собраніе стиховъ «Досуги кавалериста». Онъ былъ товарищемъ Льва Сергѣевича по оружію во время польской кампаніи, но любилъ особенно вспоминать Отечественную войну, когда служилъ въ сформированномъ графомъ Мамоновымъ полку «безсмертныхъ гусаръ».

---

[1]) Скончался въ ноябрѣ 1846 г.

[2]) Скончался въ 1884 г. членомъ Императорской Академіи Наукъ.

Гораздо позднѣе, въ 1849 году, появился въ домѣ моихъ родителей творецъ оперъ «Жизнь за царя» и «Русланъ и Людмила», находившійся тогда уже на вершинѣ музыкальной славы. Прожилъ Михаилъ Ивановичъ Глинка въ Варшавѣ года два; при немъ состоялъ въ качествѣ эконома испанецъ или португалецъ — Донъ Педро, обжора и Геркулесъ по части бутылочной. Откуда выкопалъ такого субъекта Михаилъ Ивановичъ — неизвѣстно; знаю только, что въ названномъ господинѣ онъ души не чаялъ, и привезъ въ Варшаву. Разскажу кстати о прогулкѣ ихъ, въ самый день пріѣзда, по главной улицѣ города—«Новый Свѣтъ»:

На встрѣчу пріѣзжимъ попадается Паскевичъ въ коляскѣ, сопровождаемый конвоемъ линейныхъ казаковъ. Было установлено правило снимать,—подъ страхомъ гауптвахты,—передъ фельдмаршаломъ шапки, чего Глинка и Донъ Педро не могли еще знать. Намѣстникъ крикнулъ кучеру зычнымъ гласомъ «стой», подозвалъ гуляющихъ, и накинулся на злополучнаго Педро:

— Знаешь кто я? Шапку долой!

Педро вытаращилъ глаза, ничего не понимая, а Глинка, спѣша выручить пріятеля, докладываетъ о фамиліи спутника.

— А вы сами-то кто?

— Я—Глинка!

— Ахъ, Боже мой, такъ это вы, Михаилъ Ивановичъ? Вообразите, не узналъ. Садитесь съ этимъ шутомъ ко мнѣ въ коляску, и отобѣдайте у меня; покорно прошу.

Паскевичъ уважалъ талантъ покойнаго композитора, и любилъ музыку (извѣстно, что въ предсмертныхъ страданіяхъ, происходившихъ отъ рака въ желудкѣ, заставлялъ онъ играть у себя въ комнатѣ военный оркестръ, чтобы заглушить мученія). Глинка, послѣ обѣда, за которымъ Педро, по обычаю, объѣлся, предложилъ фельдмаршалу устроить музыкальные вечера; Паскевичъ принялъ предложеніе съ радостью, и вскорѣ произведенія Глинки исполнялись подъ магической палочкой самого Михаила Ивановича, въ Королевскомъ замкѣ и Бельведерѣ, военнымъ оркестромъ и хоромъ превосходныхъ пѣвчихъ главной квартиры арміи. Между тѣмъ, Глинка, не жалуя большого свѣта, посѣщалъ только насъ, когда не исправлялъ у фельдмаршала музыкальной обязанности, а еще болѣе любилъ сиживать дома, въ халатѣ, предаваясь лѣни и бесѣдуя съ друзьями, упомянутыми мною выше,—Корсаковымъ и Дубровскимъ. Само собою разумѣется, Педро вертѣлся тутъ же, воздавая честь музѣ Терпсихорѣ вообще, а Вакху въ особенности.

Почти въ одно время съ Глинкою завернулъ въ Варшаву, на обратномъ пути изъ-за границы, другъ Александра и Льва Сергѣевичей, С. А. Соболевскій, и, застрявъ въ этомъ городѣ болѣе года, никуда не показывался, а ѣздилъ, такъ же, какъ и Глинка, единственно къ моимъ родителямъ.

Скажу о Соболевскомъ нѣсколько словъ:

Замѣчательный библіофилъ и сотрудникъ во многихъ журналахъ, Сергѣй Александровичъ, колкими эпиграммами и безцеремоннымъ черезчуръ обращеніемъ въ обществѣ высшаго круга,—въ которомъ и стяжалъ прозвище «Mylord qu'importe» (русскаго болѣе соотвѣтственнаго перевода, кромѣ «бояринъ—чортъ всѣхъ побери», пожалуй, и не пріищешь),—нажилъ себѣ не мало враговъ; въ сонмѣ ихъ, на первомъ мѣстѣ, находился извѣстный Ф. Ф. Вигель, вслѣдствіе эпиграммы, законченной такимъ образомъ:

«... Счастливъ домъ тотъ, и тотъ флигель,
«Гдѣ разврата не любя,
«Другъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель,
«Въ шею выгнали тебя»...

Славился Соболевскій амфигуріями и искусствомъ рифмоплетства до такой степени, что подсказывалъ дядѣ, Александру Сергѣевичу, рифмы, когда отдыхалъ у него на диванѣ, послѣ обѣда, наслаждаясь ароматомъ гаванской сигары.

— Нутка, Сергѣй, Бога ради, рифму на «Ольга»,—пристаетъ Пушкинъ.

— «Фольга!»—разрѣшаетъ задачу, зѣвая, Соболевскій.

Дядя продолжаетъ писать и опять спрашиваетъ:

— Сергѣй, какъ мнѣ подогнать рифму на слово «Мефистофель»? Думаю — «профиль».

— Неправильно, — возражаетъ Соболевскій, — гораздо проще— картофель; но, будетъ съ тебя, Александръ; спать хочу.

Привожу слѣдующій образецъ рифмоплетства «Mylord qu'importe», за который намылила ему дружески голову добрѣйшая Анна Петровна Кернъ, подруга матери, воспѣтая дядей въ стихахъ: «Я помню чудное мгновенье», а Глинкой—въ романсѣ на тѣ же слова:

Анна Петровна, женщина умная, не обидѣлась на довольно пошлую выходку Соболевскаго, а только, сдѣлавъ ему дружескій выговоръ, посовѣтывала не терять досуги на пустяки, а обратить талантъ рифмоплетства къ чему-нибудь болѣе путному.

Вотъ выходка Соболевскаго, сообщенная мнѣ матерью:

«Ну, скажи, каковъ я?
«Счастливъ безпримѣрно;
«Баронесса Софья
«Любитъ меня вѣрно,
«Слѣпѣе крота...
«Я же легче серны,
«Влюбленнѣе кота,
«У ногъ милой Керны...
«Эхъ!! какъ онѣ скверны!»

Въ заключеніе не могу не вспомнить шутку Соболевскаго, по адресу извѣстной поэтессы Р.

«Ахъ! зачѣмъ вы не бульдогъ,
«Только пола нѣжнаго!
«Полюбить бы я васъ могъ,
«Очень больше прежняго!

«Ахъ! зачѣмъ вы не бульдогъ
«Съ поступью, знать, гордою,
«Съ четвернею бѣлыхъ ногъ,
«Съ розовою мордою!

«Какъ не цѣловать мнѣ лапъ,
«Бѣлыхъ, какъ у кролика,
«Коль лобзанье ногъ у папъ
«Счастье для католика?..

«Быть графиней, что за стать?
«И съ какою ручкою
«Вы осмѣлитесь сравнять
«Хвостикъ съ закорючкою?..»

Дѣдъ, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, пріѣзжалъ два раза къ дочери въ Варшаву на все лѣто: первый разъ въ 1842 году, второй—въ 1846 году; при немъ тогда выдержалъ я экзаменъ въ третій классъ гимназіи, по окончаніи котораго дѣдъ самъ надѣлъ на меня мундирчикъ и благословилъ иконой. Тогда видѣлъ я дѣда въ послѣдній разъ: въ 1848 году, онъ скончался семидесяти семи лѣтъ отъ роду.

X.

Послѣ кончины Сергѣя Львовича, моя мать ѣздила въ Петербургъ опредѣлить меня въ закрытое заведеніе, а также и для раздѣла наслѣдства. Тамъ встрѣтила она въ послѣдній разъ Льва Сергѣевича, тоже пріѣхавшаго въ столицу изъ Одессы, гдѣ, послѣ перехода въ гражданскую службу, онъ состоялъ членомъ таможни; умеръ дядя Левъ въ Одессѣ же, ровно четыре года спустя.

Осенью 1851 года, моя мать переселилась въ Петербургъ, чтобы наблюдать за окончательнымъ образованіемъ дѣтей. Отецъ же, связанный службою, остался въ Варшавѣ.

Проживъ въ Польшѣ девятнадцать лѣтъ сряду, мать никакъ не могла научиться попольски, увѣряя, что ей слышатся звуки псковскаго нарѣчія, съ «дзяканьемъ» и «дзюканьемъ»,—нарѣчія, изученіе котораго показалось ей совершенно ненужнымъ. Прислугу она пріучала объясняться порусски, при чемъ вражду національную считала непонятной мелочью, не постигая польскаго фанатизма и ненависти поляковъ къ русскимъ. «Господъ поляковъ»,—говорила она мнѣ, — «никакъ не убѣдишь въ томъ, что русскій, «полякъ, китаецъ, англичанинъ, эѳіопъ да нѣмецъ—всѣ одинаково «рождаются, очень много страдаютъ, очень мало радуются, и, нако-

«нецъ, возвращаются къ общему Небесному Отцу. Господь Іисусъ «Христосъ искупилъ всѣхъ. Апостолъ же Павелъ самъ сказалъ: «Нѣсть Эллинъ и Іудей, варваръ и Скиѳъ, рабъ и свободъ, «но всяческая и во всѣхъ Христосъ».

Принципъ этотъ не мѣшалъ ей, однако, быть патріоткой, но патріоткой въ самомъ благородномъ смыслѣ слова, безъ непостижимой ея философскому, христіанскому взгляду, ненависти къ какой бы ни было народности. Любила она искренно всѣхъ, и, будучи врагомъ такъ называемыхъ «бабьихъ сплетенъ», ни о комъ не отзывалась дурно, развѣ уже объ отъявленныхъ негодяяхъ, о чемъ я говорилъ выше.

Покинувъ Варшаву, она оставила по себѣ самую лучшую память, и среди русскихъ, и среди поляковъ. Всѣ оцѣнили умъ ея, доброту, благочестіе, отсутствіе предразсудковъ и благотворительность, примѣровъ которой могу привести множество.

Въ Петербургѣ мать встрѣтила свою невѣстку, вдову поэта, Наталью Николаевну, вышедшую замужъ за генералъ-адъютанта П. П. Ланскаго, и давнишнихъ друзей, изъ которыхъ стали ее часто посѣщать съ супругами: Петръ Александровичъ Плетневъ, князь П. А. Вяземскій, князь В. Ѳ. Одоевскій литераторъ, царскосельскій товарищъ Александра Сергѣевича С. Д. Комовскій, шуринъ послѣдняго и родственникъ матери графъ Е. Е. Камаровскій, Я. И. Сабуровъ, А. Н. Зубовъ, Алексѣй Николаевичъ Вульфъ съ сестрами Анною и баронессою Евпраксіею Вревскою, Анна Петровна Кернъ, а также извѣстная прежней литературной дѣятельностью,—впрочемъ, осмѣянная въ эпиграммѣ Александра Сергѣевича,—Е. Н. Пучкова, наконецъ, задушевный другъ матери, Настасья Львовна Баратынская. Посѣщалъ часто ее и товарищъ ея дѣтства, графъ Константинъ Николаевичъ Толстой, женатый на кузинѣ ея, княжнѣ Оболенской, а въ 1855 году показался и престарѣлый Филиппъ Филипповичъ Вигель, сдѣлавшійся обычнымъ посѣтителемъ нашимъ, по субботамъ, когда мать принимала своихъ старыхъ подругъ, сестра моя — молодыхъ, а я — товарищей, университетскихъ буршей. Вигель занималъ общество чтеніемъ интересныхъ воспоминаній (напечатаны впослѣдствіи въ «Русскомъ Вѣстникѣ»). Нервный, своенравный, онъ терпѣть не могъ, когда прерывали чѣмъ-нибудь чтеніе, сморканьемъ ли, чиханьемъ ли, или куреніемъ табаку, а къ зелію такому, по его выраженію, «вельми богопротивному», онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Если что-либо прерывало чтеніе, Вигель уходилъ домой, ни съ кѣмъ не прощаясь, что̀, впрочемъ, не мѣшало ему приходить въ слѣдующую субботу снова, и опять читать. Не могу забыть, какъ разсердился Вигель за то, что въ одну отъ субботъ заснули подъ его чтеніе князь П. А. Вяземскій и Я. И. Сабуровъ, вторя его краснорѣчію старческимъ храпомъ. Вигель, замѣтивъ это, всталъ, раскланялся, и исчезъ, не говоря ни слова.

Не сносилъ Филиппъ Филипповичъ ни противорѣчія, ни похвалы своимъ антагонистамъ; такъ, онъ едва не ушелъ, когда моя мать, вовсе не думая его обидѣть, похвалила за что-то врага его, Соболевскаго.

— Madame! — вскричалъ онъ, вскочивъ со стула, не смотря на то, что, вслѣдствіе болѣзни, перемѣнялъ мѣсто съ трудомъ, — ne me parlez pas de cette obscénité de la tête aux pieds! (Сударыня, не говорите мнѣ объ этой неприличности съ головы до ногъ!).

Не мало стоило трудовъ успокоить раздраженнаго старика.

Надо замѣтить, что Филиппъ Филипповичъ, будучи чопоренъ до крайности, появлялся, даже среди своихъ самыхъ короткихъ знакомыхъ, не иначе какъ во фракѣ.

Мать моя, находя удовольствіе въ обществѣ своихъ современниковъ и современницъ, бесѣдуя съ ними о братѣ, ужасную кончину котораго не могла забыть, сосредоточила всѣ заботы свои на дѣтяхъ. «Для Лели и Нади только живу», — говорила она, и отказывая себѣ во всемъ, имѣла одну цѣль: сбереженное оставить намъ; мысль, что дѣти будутъ нуждаться, давила ее подобно кошмару. Чтобы показать силу ея материнской любви, считаю священнымъ для себя долгомъ привести слѣдующія слова, сказанныя ею мнѣ въ 1857 году:

«Желаю отъ души видѣть тебя счастливымъ, сынъ мой; молю «Бога, чтобы тяжесть всѣхъ неудачъ и горькихъ разочарованій, ко«торыя испытываешь, когда тебѣ не минуло еще и двадцати-трехъ «лѣтъ, легла не на тебѣ, а на мнѣ, — лишь бы въ упорной борьбѣ, «какую выдерживаешь, купить тебѣ спокойствіе. Я всегда съ тобою, «сынъ мой; будь твердъ и вѣрь: всякая побѣда обусловливается твер«достію духа и вѣрою, а уныніе и безвѣріе влекутъ за собою же«стокія пораженія».

Любимымъ предметомъ бесѣдъ матери съ друзьями былъ міръ духовный. Какъ я уже сказалъ выше, она занималась одно время столоверченіемъ, полагая, что бесѣдуетъ съ тѣнью брата Александра, который будто бы приказалъ сестрѣ сжечь ея «Семейную Хронику». Находясь подъ вліяніемъ галюцинаціи, мать увидала, яко бы тѣнь брата, ночью, умолявшаго ее это исполнить, и на другой же день отъ ея интересныхъ записокъ не осталось и слѣдовъ. Случилось это при началѣ Восточной войны, когда многіе были заражены идеями новаго крестоваго похода противъ невѣрныхъ, страхомъ о кончинѣ міра, и ужасами разнаго рода, предаваясь сомнамбулизму, столоверченіямъ, гаданіямъ въ зеркалахъ. Въ это же самое время, осенью 1853 года, вскорѣ, какъ помнится, послѣ битвы при Синопѣ, собрались въ Москвѣ у господъ Нащокиныхъ любители столокруженія, чающіе проникнуть въ тайны духовнаго міра, —

друзья покойнаго Александра Сергѣевича. Господа эти вызвали тѣнь его, и тѣнь, будто бы управляя рукой молоденькой дѣвочки, не имѣвшей никакого понятія о стихахъ, написала посредствомъ миніатюрнаго столика [1]), одну изъ ножекъ котораго замѣнялъ карандашъ на бумагѣ, слѣдующую штуку, на вопросъ любопытныхъ: «Скажи, Пушкинъ, гдѣ ты теперь?»:

«Входя въ небесныя селенья,
«Печалилась душа моя,
«Что средь земнаго треволненья
«Васъ оставлялъ на долго я...
«Попрежнему вы сердцу милы;
«Но не земное я люблю,
«И у престола высшей силы
«За васъ, друзья мои, молю...»

Впрочемъ, мать моя бросила столоверченіе, послѣ того, какъ одна изъ короткихъ ея знакомыхъ, занимавшаяся тѣмъ же, занемогла отъ разстройства нервовъ, и едва не сошла съума. Возвратилась эта знакомая къ состоянію нормальному, благодаря неумолимой логикѣ доктора Здекауера.

Мало-по-малу мать разочаровалась и въ Сведенборгѣ, и въ ученіи спиритовъ. (См. ниже: предсмертное стихотвореніе ея «Спиритизмъ»).

Мать, послѣ постигшаго ее въ 1846 году воспаленія легкихъ, стала страдать слабостью и періодическимъ потемнѣніемъ глазъ, а въ слѣдующемъ, 1847 году, ѣздила лѣчиться въ Фрейвальдау, въ Силезію, у знаменитаго Шрота. Лѣченіе принесло пользу, но глазная болѣзнь возобновилась въ Петербургѣ: яркаго освѣщенія мать не могла выносить, а вслѣдствіе глазной болѣзни, естественнымъ образомъ подверглась и разстройству нервовъ.

Недуги съ лѣтами увеличились, и 2-го декабря 1862 года разразились страшнымъ нервнымъ ударомъ, которому предшествовали лѣтомъ того же года головокруженія.

Нервный ударъ, лишивъ мать употребленія ногъ, способствовалъ въ свою очередь развитію глазной неизлѣчимой болѣзни «глаукома». Между тѣмъ къ операціи глазъ приступить было нельзя безъ опасности для жизни, такъ какъ послѣ удара у матери проявлялись безпрестанные обмороки. Такъ рѣшилъ на консиліумѣ съ окулистомъ Блесигомъ, пользовавшій мать докторъ и другъ нашего дома Н. И. Варенуха. Онъ не отходилъ отъ матери, занимая квартиру въ одномъ и томъ же домѣ, и съумѣлъ продлить ей жизнь еще почти на шесть лѣтъ.

---

[1]) Столики эти продавались тогда въ любыхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей за четвертакъ. Я самъ, по приказанію матери, купилъ таковой на Невскомъ проспектѣ.

Глазную операцію мать выдержала уже въ концѣ 1863 года у профессора Юнге, когда организмъ ея нѣсколько окрѣпъ; спасти же отъ окончательной слѣпоты возможно было только правый глазъ; лѣвый былъ мертвъ; но и послѣ операціи мать видѣла предметы правымъ глазомъ какъ бы сквозь густой черный флеръ, а ноги послѣ удара остались парализованными, такъ что безъ помощи палки она не могла ступить.

Въ періодъ послѣдней, тяжелой, эпохи жизненнаго пути, мать, не смотря на слѣпоту, написала собственноручно хранящіяся у меня стихотворенія. Привожу нѣкоторыя по годамъ.

1864.

Смерть! не страшилищемъ вижу тебя!
Вижу тебя я съ улыбкой привѣтливой:
Очи исполнены нѣжной любви,
Вижу тебя я въ одеждѣ сіяющей
Цвѣтомъ весеннихъ небесъ голубыхъ,
Крылья распущенны, благоуханныя,
Вѣя прохладою, бѣлы какъ снѣгъ;
Вижу вокругъ тебя радугу ясную,
Вѣтвь примиренья во длани твоей!
Что же такъ медлишь полетъ твой, прекрасная?
Скорѣе жъ лети ты, скорѣе ко мнѣ,
И нѣжно возьми ты въ объятья меня!

20 марта.

Утѣшительница.

(Быль).

(Написано послѣ бесѣды матери съ одною изъ ея знакомыхъ, Т. С. В., рожденной княжной Х.—существомъ, впрочемъ, добрѣйшимъ,—которая, думая утѣшить ее, приводила многочисленные примѣры слѣпоты. «Знаю, Темира»,—отвѣчала ей мать,—«что есть люди несчастнѣе меня, да отъ этого-то мнѣ нисколько не легче»).

Старушка больная, слѣпая, безногая,
На лавкѣ сидитъ у окна одинокая,
Глаза неподвижные, тусклые, впалые,
Слезы роняли давно небывалыя.
Къ ней въ горницу входитъ сосѣдка дородная,
На ней душегрѣйка алая, модная.
Хоть стара, да румяна, бѣла, черноброва,
Сурмится, румянится всякій день снова.
«Здравствуй, Онуфревна! съ праздникомъ, кумушка!
«Что ты, мой другъ? здоровалъ голубушка?
«Тебѣ принесла я на праздникъ подарочекъ,
«Медку сотоваго, красненькихъ яичекъ.

«Да какой же прекрасный у насъ и денекъ!
«Солнышко грѣетъ, какъ зимой огонекъ;
«И тепло, и свѣтло, и луга зеленѣютъ,
«Скоро на нихъ и цвѣтки зажелтѣютъ».
Цѣлуетъ слѣпую, ей въ руки кладетъ
По два яичка, предъ ней ставитъ медъ.
«Спасибо тебѣ»,—ей сказала слѣпая.
Дрожащей рукою глаза утирая,—
«Спасибо, кума, не на радость себѣ
«Добрые люди приходятъ ко мнѣ».
— «И полно тужить, ты напрасно грустишь,
«Еще въ такой праздникъ! ну, право грѣшишь!
«Вотъ недалеко слѣпую я знаю,
«А горя побольше у ней еще, чаю:
«Она безъ пріюта, подаяньемъ живетъ,
«А всегда весела, часто пѣсни поетъ».
Старушка молчала, внимала словамъ,
И слезы катились у ней по щекамъ.

15 іюня.

1865.

Что такое спиритизмъ?

Насъ спиритисты утѣшаютъ,
Что послѣ смерти въ другой міръ
Мы перейдемъ, и увѣряютъ,
Что всѣ планеты, какъ трактиръ —
Для временнаго пребыванья
Одушевленнаго созданья;
И что не только человѣкъ,
Собака, мышь, и слонъ, и кошка,
Но даже таракань и мошка
Переселяться будутъ вѣкъ
Изъ міра въ міръ для улучшенья,
Души и тѣла украшенья.
А что земля грязна, скверна,
И для того лишь создана,
Чтобъ поселить сперва чертей,
Птицъ хищныхъ, лютыхъ тожъ звѣрей,
Мошенниковъ, воровъ, злодѣевъ,
Клоповъ и блохъ, и жабъ и змѣевъ,
Чѣмъ начинается нашъ родъ,
То есть всѣ люди и весь скотъ.
А потому давно пора
При смерти намъ кричать «ура».

25 февраля.

La pensée.

Nous faudra t'il toujours enchaîner la pensée?
Et la soumettre au joug pour la voir abaissée?
N'est-elle point semblable à l'aigle dans les airs,
Qui plâne sur l'abyme et traverse les mers?
Qui plus prompt que le trait, parcourant les déserts,
S'arrête sur les monts aux dessus des nuages?...
Ah! laissons lui son vol et reservons les cages
A ces gentils oiseaux, parés de leur plumage,
Qui chantent dans les bois, pour qu'il soient entendus,
Et s'abattent joyeux sur les filets tendus!
Quand la pensée est grande, elle doit être libre:
Il faut briser ses fers, il faut qu'on la délivre;
Alors son vol sera rapide, audacieux!
Il lui découvrira les arcanes des cieux,
Ces mondes si brillants, mais cachés à nos yeux,
Qui, l'attirant toujours, la repoussent encore;
Leur source étanchera la soif qui la dévore!...
Plus belle, rajeunie, et pleine de vigueur,
Allumant ses flambeaux pour dissiper l'erreur—
Où pourraient la plonger les merveilleux mirages,
Elle atteindra le but de ses lointains voyages...
. . . .
Et je rêvais pour elle ainsi la liberté;
Mais revenue bientôt à la réalité,
Par une voix secrête et cependant sonore,
Qu'on craint presque toujours, que la passion abhorre,
Cette voix me disait: «Homme stupide et vain!
«Toi même dans les fers, esclave du destin,
«Création imparfaite, et du ciel repoussée!...
«Est-ce à toi d'élever jusqu'à lui la pensée?!!
«Si l'aigle sans frayeur traverse les déserts,
«C'est qu'il peut de son oeil en mesurer l'espace,
«Appercevoir son but, les monts couverts de glace;
«Mais ta pensée à toi, volant dans l'univers—
«Cet espace sans fin,—ègarée, epuisée,
«Où peut elle ployer son oeil fatigué?
«Ces mondes si brillants, qu'elle interrogerait,
«Seront muets pour elle, et partout le silence;
«Ne voyant que la mort auprès de l'existence,
«Sans espoir vers la terre elle rotournerait»...

1 Juillet. 1865.

(Мысль).

(Неужели намъ надо будетъ всегда сковывать мысль, и покорять ее игу, чтобы видѣть ее униженною? Не подобна ли она орлу въ воздухѣ, который паритъ надъ пропастью и пролетаетъ моря,—орлу, который быстрѣе стрѣлы пробѣгая степи, останавливается на горахъ, выше облаковъ? Оставимъ ему полетъ и отдадимъ клѣтки тѣмъ красивымъ птичкамъ, разряженнымъ въ перья, по-

ющимъ въ рощахъ для того, чтобы ихъ слышали; онѣ радостно попадаютъ въ разставленныя имъ сѣти. Когда же мысль велика, то должна быть свободна! Надо сломать ея оковы, надо дать ей волю; тогда полетъ ея будетъ быстръ и смѣлъ. Онъ откроетъ ей тайны небесъ—міровъ блестящихъ, но сокрытыхъ отъ нашихъ взоровъ,—міровъ, которые, привлекая ее, отталкиваютъ вновь! Источникъ этихъ міровъ утолитъ жажду, ее пожирающую. Тогда, прекраснѣе, съ обновленною молодостью, исполненная силы, зажигая свои факелы, разсѣевающіе заблужденія, въ какія могли ее погрузить чудесные призраки—мысль достигнетъ цѣли своихъ далекихъ странствованій.—И я такую воображала себѣ для мысли свободу. Но скоро возвратилась къ дѣйствительности, услышавъ голосъ тайный но однако звучный—голосъ, котораго почти всегда боятся, и котораго страсть человѣческая ужасается. Голосъ этотъ мнѣ сказалъ: «Человѣкъ безумный и «тщеславный! Самъ ты въ цѣпяхъ, рабъ судьбы, несовершенное творенье, отвер«женное небесами!... Тебѣ ли къ нимъ возносить мысль? Если орелъ пролетаетъ «безстрашно пустыни, то потому, что можетъ глазомъ измѣрить разстояніе, за«мѣчать свою цѣль—горы, покрытыя льдомъ. Но мысль твоя, летая во вселен«ной, въ этомъ пространствѣ безъ конца—мысль, заблужденная, истощенная, гдѣ «можетъ опустить свое усталое крыло? Эти блистающіе міры, которые она бы «вопрошала, будутъ нѣмы для нея, и вездѣ встрѣтитъ она безмолвіе. Тогда, не «видя смерти рядомъ съ жизнію, она безъ надежды возвратилась бы на землю»...)

1866.

Ангелу хранителю.

Не улетай, прекрасный Ангелъ мой,
Не улетай, небесный утѣшитель,
Души моей, томимой злой тоской,
Кто, какъ не ты, путеводитель?

Не улетай, о, сжалься надо мной!
Подъ бременемъ моимъ ужъ я изнемогаю,
Веди меня средь жизни роковой,
Дай руку мнѣ, тебя я умоляю!

Опора мнѣ нужна: опорою мнѣ будь!
Лучами свѣтлыми и теплыми надежды
Разсѣй ужасный мракъ, и озари мой путь,
И пусть я при тебѣ мои закрою вѣжды.

4 сентября.

Зачѣмъ не бьетъ мой часъ желанный,
Зачѣмъ дышу, страдаю я?
Зачѣмъ у гроба клиръ печальный
Не молитъ Бога за меня?

Не потому ль, что искупаю
Страданьемъ счастіе дѣтей?
Да будетъ такъ! Благословляю
Тяжелый крестъ судьбы моей.

И донесу его радушно
Я до могилы; тамъ усну...
Тамъ будетъ мнѣ легко, не душно,
И я отъ жизни отдохну...

20 ноября.

1867.

Буря.

Солнце исчезло, тучи бѣгутъ
Одна за другой все мрачнѣе...
Бѣлыя волны по морю плывутъ
Къ высокимъ скаламъ все сильнѣе.

Лѣсъ содрогнулся, въ немъ вѣтеръ шумитъ,
Качаетъ деревья, ихъ съ корнемъ срываетъ,
Съ природы гигантомъ сразиться летитъ,
И дубъ вѣковой на землѣ издыхаетъ.

Но къ лѣсу на помощь вотъ туча спѣшитъ,
Молніей, громомъ его осѣняетъ,
Дождь водопадомъ шумящимъ кипитъ,
Вѣтеръ въ испугѣ предъ нимъ умолкаетъ.

И синее море недвижно опять.
Любуясь собою, въ немъ шаръ золотистый,
И блестки игривыя стали сіять,
И въ рощѣ запѣлъ соловей голосистый...

Все тихо, но живо, и зелень луговъ,
И зелень деревьевъ; и какъ благовонны
Въ воздухѣ чистомъ дыханья цвѣтовъ,
Какъ ярки цвѣты, какъ жизнію полны!

. . . .

Такъ въ юношѣ буря души исчезаетъ.
Надежда съ улыбкой приходитъ къ нему!
Счастьемъ грядущимъ его утѣшаетъ,
Онъ жадно ей внемлетъ, онъ вѣритъ тому...

Рукою своею она подымаетъ
Съ очей его черный тяжелый покровъ,
Долину прекрасну предъ нимъ открываетъ,
Въ долинѣ той радость и дружба, любовь...

. . . .

Но вѣтеръ въ пустынѣ когда забушуетъ,
Онъ страшенъ, ужасенъ, удушливъ и жгучъ,
Не съ дивной природой земли онъ воюетъ:
Онъ борется съ небомъ, съ миріадами тучъ!..

И вотъ онъ усталъ; но побѣдой гордится
Надъ моремъ, дождемъ, надъ свирѣпой грозой!
На жолтую, рыхлую почву ложится,
Чтобъ съ новою силой стремиться на бой!

1[illegible]-го мая.

Моя эпитафія.

*
* *

Отдыхъ отъ жизни тяжелой
Могила одна лишь даетъ;
Пусть же съ улыбкой веселой
Страдалица къ смерти идетъ...

9-го іюля.

Съ января 1868 года силы физическія окончательно стали покидать мою мать; она таяла какъ свѣча, пожелтѣла какъ пергаментъ, но сохранила свѣжесть умственныхъ силъ. Въ послѣднія минуты бытія земнаго, написала она три слѣдующія стихотворенія.

I.

Фатализмъ.

*
* *

Фатализмъ мой законъ: онъ меня утѣшаетъ,
Съ небомъ, землею меня онъ миритъ;
Ропотъ въ страданьяхъ моихъ заглушаетъ,
Совѣсть тревожную даже щадитъ...

Голосъ его какъ мнѣ звученъ, пріятенъ!
Для сердца бальзамъ, для ума свѣтлый лучъ!
Почто же не всѣмъ, какъ мнѣ, онъ понятенъ?
И ясенъ, какъ майское небо безъ тучъ?

Не гордость ли разумъ людей помрачаетъ?
Боясь унижаться, повѣривъ судьбѣ,
Скорѣй въ неудачахъ себя обвиняютъ,
Въ успѣхахъ «спасибо» гласятъ лишь себѣ...

II.

*
* *

Я смерти жду, какъ узникъ ждетъ свободы,
Но дни текутъ, и мѣсяцы, и годы;
Она нейдетъ, глуха къ моимъ мольбамъ,
Безжалостна къ томленью и слезамъ!
Она нейдетъ, и долгой жизни бремя
Такъ стало тяжело! и почему же время

Для всѣхъ другихъ быстрѣе рѣкъ бѣжитъ,
Лишь для меня недвижимо стоитъ?
Но жалоба моя быть можетъ и напрасна:
Кто знаетъ? не она ль судьбѣ, какъ мы, подвластна,
Которая ведетъ ее своей рукой,
Коситъ, не вѣдая, что видитъ предъ собой?

III.

* * *

Ужъ холодъ струится по жиламъ моимъ...
Не вѣстникъ ли смерти моей онъ желанной?..
Спѣши же ко мнѣ, оставь жизнь молодымъ,
Жизнь ихъ лелѣетъ надеждой отрадной;
Надежда жъ моя—вся въ тебѣ лишь одной.
Ты прекращаешь страдальцевъ стенанья,
Ниспосылая имъ вѣчный покой,
Сномъ безпробуднымъ, забвеньемъ страданья...

19-го марта 1868 г.

Въ четвергъ, 2-го мая 1868 года, въ четыре часа по полудни, мать моя скончалась на моихъ рукахъ, пріобщившись Святыхъ Тайнъ. По настоянію Е. Л. Симанской, ее соборовали за двѣ недѣли до кончины.

6-го мая, въ понедѣльникъ, послѣдовалъ выносъ тѣла въ Новодѣвичій монастырь, на кладбищѣ котораго мать изъявляла неоднократно желаніе быть погребенной. Литургію, отпѣваніе и погребеніе, въ сослуженіи съ мѣстнымъ духовенствомъ, совершалъ маститый протоіерей Преображенскаго собора М. Спасскій, давнишній знакомый матери и Александра Сергѣевича.

Миръ праху ея...

Левъ Павлищевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Переписка между Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ и Николаемъ Ивановичемъ Павлищевымъ.

I.

4-го мая 1834 года, С.-Петербургъ.

Милостивый государь Николай Ивановичъ! благодарю васъ за ваше письмо Оно дѣльное и дѣловое, слѣдовательно отвѣчать на него не трудно.

Согласясь взять на себя управленіе батюшкинаго имѣнія, я потребовалъ яснаго расчета долгамъ казеннымъ и частнымъ, и доходамъ. Батюшка отвѣчалъ мнѣ, что долгу на всемъ имѣніи тысячъ сто, что процентовъ въ годъ должно уплачивать тысячъ семь, что недоимки тысячи три, а что доходовъ тысячъ двадцать двѣ. Я просилъ все это опредѣлить съ бо́льшею точностью, и батюшка не успѣлъ того сдѣлать самъ; я обратился въ ломбардъ, и узналъ навѣрное, что долгу казеннаго 190,750, что процентовъ ежегодно 11,826, что недоимокъ 11,045. (Частныхъ долговъ полагаю около 10,000). Сколько доходу навѣрное знать не могу, но полагаясь на слова батюшкины, и ставя по 22,000, выйдетъ, что за уплатою казнѣ процентовъ, остается до 10,000. Изъ оныхъ, если батюшка положитъ по 1,500 Ольгѣ Сергѣевнѣ, да по стольку же Льву Сергѣевичу, то останется для него 7,000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенныя, долги частные, долги Льва Сергѣевича, а часть доходовъ сего года уже батюшкой получена и истрачена.

Покамѣсть не приведу въ порядокъ и въ извѣстность сіи запутанныя дѣла, ничего не могу обѣщать Ольгѣ Сергѣевнѣ, и не обѣщаю; состояніе мое позволяетъ мнѣ не брать ничего изъ доходовъ батюшкинаго имѣнія, но своихъ денегъ я не могу и не въ состояніи приплачивать. Надѣюсь получить (Мѣсто въ письмѣ вырвано). Изъ нихъ пришлю вамъ долгъ Льва Сергѣевича.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью остаюсь

Вашъ покорнѣйшій слуга А. Пушкинъ.

P. S. Я еще не получилъ отъ батюшки довѣренности. За одинъ мѣсяцъ изъ моихъ денегъ уплатилъ уже въ одинъ мѣсяцъ 866 за батюшку, а за Льва Сергѣевича 1,330: болѣе не могу.

На оборотѣ: его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшаву. Помощнику статсъ-секретаря государственнаго совѣта. (Штемпель почтамта С.-Петербургъ, 1835, мая 5-го).

II.

3-го іюня 1835 года.

Милостивый государь Николай Ивановичъ! вы желаете знать, что такое состояніе батюшки; посылаю вамъ о томъ вѣдомость:

Въ селѣ Болдинѣ душъ по 7-й ревизіи 564.

Въ сельцѣ Кистеневѣ (Тимашевѣ тожъ) 476.

Покойный Василій Львовичъ владѣлъ другой половиною Болдина, въ коей было также около 600 душъ. Эта часть продана спустя 3 года послѣ отрѣ-

ченія отъ наслѣдства самого наслѣдника. Я не могъ взять на себя долга покойника, потому что ужъ и безъ того былъ стѣсненъ, а братъ Левъ Сергѣевичъ, кажется, не могъ бы о томъ и подумать, ибо на первый случай надобно было бы уплатить по крайней мѣрѣ 60,000. Жаль, что вы въ то время не снеслись со мною; кабы я могъ думать, что вы примете на себя управленіе этимъ имѣніемъ, я бы могъ отъ него не отступиться.

Вы хотите имѣть довѣренность на управленіе части Кистенева, коего доходы уступаю сестрѣ: съ охотою; напишите мнѣ только: переслать ли вамъ оную, или сами вы за нею пріѣдете. Переговорить обо всемъ не худо было бъ.

Весь вашъ А. Пушкинъ.

На оборотѣ: его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшаву, г. помощнику статсъ-секретаря. (Штемпель почтамта С.-Петербургъ, 5-го іюня 1835).

III.

2-го августа 1835 года.

Милостивый государь Николай Ивановичъ! я вамъ долго не отвѣчалъ, потому что ничего утвердительнаго не могъ написать. Отвѣчаю сегодня на оба ваши письма: вы правы почти во всемъ, а въ чемъ не правы, о томъ нечего толковать. Поговоримъ о дѣлѣ. Вы требуете сестрину законную часть; вы знаете наши семейственныя обстоятельства; вы знаете, какъ трудно у насъ приступать къ чему-нибудь дѣльному, или дѣловому: отложимъ это до другого времени. Вотъ распоряженія, которыя на дняхъ предложилъ я батюшкѣ, и на которыя онъ, слава Богу, согласенъ. Онъ Льву Сергѣевичу отдаетъ половину Кистенева, свою половину уступаю сестрѣ (т. е. доходы) съ тѣмъ, чтобъ она получала доходы и платила проценты въ ломбардъ. Я писалъ о томъ уже управителю. Батюшкѣ остается Болдино. Съ моей стороны это конечно не пожертвованіе, ни одолженіе, а расчетъ для будущаго. У меня, у самого, семейство, и дѣла мои не въ хорошемъ состояніи. Думаю оставить Петербургъ и ѣхать въ деревню, если только этимъ не навлеку на себя неудовольствія.

За фермуаръ и за булавку даютъ 850 рублей. Какъ прикажете?.. не худо было бы вамъ пріѣхать въ Петербургъ, но объ этомъ успѣемъ списаться.

Я до сихъ поръ еще управляю имѣніемъ, но думаю къ іюлю сдать его. Матушкѣ [1]) легче, но ей совсѣмъ не такъ хорошо, какъ она думаетъ; лѣкаря не надѣятся на совершенное выздоровленіе.

Сердечно кланяюсь вамъ и сестрѣ. А. Пушкинъ.

IV.

13-го іюля 1836 года.

Я очень зналъ, что приказчикъ плутъ, хотя признаюсь не подозрѣвалъ въ немъ такой наглости. Вы прекрасно сдѣлали, что его прогнали, и что взялись сами хозяйничать. Одно плохо; по письму вашему вижу, что вопреки моему приказанію, приказчикъ успѣлъ уже все распродать. Чѣмъ же будете вы жить покамѣсть? Ей Богу не вѣдаю. Вашъ Пановскій ко мнѣ не является. Но такъ какъ я еще не имѣю довѣренности отъ Льва Сергѣевича, то я его и не отыскивалъ. Однако, гдѣ мнѣ найти его, когда будетъ до него нужда? Батюшка

---

[1]) Надеждѣ Осиповнѣ.

уѣхалъ изъ Петербурга 1-го іюля, и я не получилъ объ немъ извѣстія. Письмо сестры перешлю къ нему, коль скоро узнаю, куда къ нему писать; что ея здоровье? Отъ всего сердца обнимаю ее. Кланяюсь также милой и почтенной Прасковьѣ Александровнѣ [1]), которая совсѣмъ меня забыла.—Здѣсь у меня голова кругомъ идетъ, думаю пріѣхать въ Михайловское, коль скоро немножко устрою свои дѣла.

На оборотѣ: его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ городъ Островъ, оттуда во Вре́въ.

V.

1836 (число не выставлено).

Пришлите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, объявленіе о продажѣ Михайловскаго, составя его на мѣстѣ; я такъ его и напечатаю. Но постарайтесь на мѣстѣ же переговорить съ лучшими покупщиками. Здѣсь за Михайловское, одинъ изъ нашихъ сосѣдей, знающій и край и землю нашу, предлагалъ мнѣ 20,000 рублей. Признаюсь, врядъ ли кто дастъ вдвое, а о 60,000 я не смѣю и думать. На сдѣлку вами предлагаемую не могу согласиться, и вотъ почему: батюшка никогда не согласится выдѣлить Ольгу, а полагаться на Болдино мнѣ невозможно. Батюшка уже половину имѣнія прожилъ и проглядѣлъ, а остальное хотѣлъ уже продать. Вы пишете, что Михайловское будетъ мнѣ игрушка, такъ—для меня, но дѣти мои ничуть не богаче вашего Лёли [2]); и я ихъ будущностью и собственностію шутить не могу. Если, взявъ Михайловское, понадобится вамъ его продать, то оно мнѣ и игрушкою не будетъ. Оцѣнка ваша въ 64,000 выгодна, но надобно знать, дадутъ ли столько; я бы и далъ, да денегъ не хватаетъ, да кабы и были, то я капиталъ свой могъ бы употребить выгоднѣе. Кланяюсь Ольгѣ, дай Богъ ей здоровья—а намъ хорошихъ покупщиковъ. Нынче осенью буду въ Михайловскомъ—вѣроятно въ послѣдній. Желалъ бы васъ еще застать.

А. Пушкинъ.

На оборотѣ: его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Островъ, въ село Вревъ.

— — — — — —

Письма моего отца, Николая Ивановича Павлищева, къ дядѣ моему, Александру Сергѣевичу Пушкину (въ выдержкахъ).

I.

Михайловское, 27-го іюня 1836 года.

Я ѣхалъ сюда, предубѣжденный въ пользу управителя. Съ этимъ предубѣжденіемъ я принялся на досугѣ разсматривать его приходо-расходныя книги, и вотъ что оказалось. Имѣйте однакожъ терпѣніе прочитать все со вниманіемъ: я трудился больше для васъ, нежели для себя. Рѣчь идетъ здѣсь только о послѣднихъ 18 мѣсяцахъ, которые управитель провелъ здѣсь одинъ, безъ господъ (Слѣдуетъ подробное описаніе кражъ управителя по всѣмъ продуктамъ и прочимъ статьямъ дохода).

---

[1]) Осиповой.

[2]) Дядя жестоко ошибся. Л П.

Если разбирать каждую статью, то не было бы письму моему конца. Довольно прибавить что въ холстѣ, пряжѣ, шерсти, да въ поборѣ съ крестьянъ, какъ то: гусей, куръ, свиней, яицъ, и проч. я не досчитался больше половины. Обо всемъ у меня составлены подробныя вѣдомости, изъ которыхъ явствуетъ, что управитель въ прошломъ году батюшкѣ далъ 630 руб., въ расходъ вывелъ 720, а 3,500 укралъ. Воровство страшное, а отъ чего? отъ того, во-первыхъ, что управитель воръ, а во-вторыхъ потому, что онъ, получая 300 руб. жалованья и рублей 260 разныхъ припасовъ, по положенію батюшки, не можетъ прокормить этимъ себя, жену, пятеро дѣтей и двухъ бабъ, которыя у него въ услуженіи изъ деревни, да и что онъ за дуракъ тратить на это свое жалованье? По самому простому положенію деревенскому, ему нужно безъ малаго 1,000 рублей. Денегъ этихъ въ расходѣ онъ показать не смѣлъ, а утаилъ ихъ въ приходѣ. Прибавьте къ этому нерадѣніе о лѣсахъ, особенно на Земиной горѣ, отъ неимѣнія караула болѣе года, жалкое состояніе строеній, нищенскую одежду дворни (напримѣръ 5 фунтовъ льна на душу), своевольный нарядъ на барщину (дѣлать напримѣръ для управляющаго дрожки), и получите полное понятіе о нерадивомъ и плутовскомъ управленіи Г. Р.

Я не могъ скрыть мое негодованіе: я призвалъ управителя и высчиталъ ему по книгамъ—такъ называю я его безтолковыя записки—всѣ его злоупотребленія. Онъ вымолвилъ: «батюшка, не погубите!» (т. е. не разглашайте). На вопросъ что̀ заставило его идти въ управители на 560 руб., отвѣчалъ онъ: «крайность». Я ему отказалъ, въ полной увѣренности, что вы еще меня поблагодарите за избавленіе васъ отъ расчета съ подобнымъ плутомъ.

Послѣ этого я хлѣбъ въ амбарѣ перемѣрилъ, и поручилъ старостѣ садъ, пчельникъ Архипу, птицъ птичницѣ, скотъ скотницѣ. Все это было третьяго дня. Вчера же успѣлъ я землю, которая ходила въ 75 руб. отдать за 95; другую, ходившую въ 175, берутъ у меня уже за 245. Сообщу о послѣдующемъ мои соображенія.

Теперь же у меня голова ходитъ кругомъ, но не отъ хозяйства, а отъ положенія Ольги. [1]) Она очень больна: кашель ужасный и грудь болитъ. Не знаю что̀ дѣлать: доктора она не хочетъ, и не позволяетъ послать за нимъ. Желаю здоровья вамъ съ дѣтками. Натальѣ Николаевнѣ и сестрицамъ ея мое усерднѣйшее почтеніе.

Н. Павлищевъ.

II.

Михайловское, 11-го іюля 1836 года.

Изъ письма моего отъ 27-го іюня вы знаете, Александръ Сергѣевичъ, что я прогналъ управителя. Съ того времени хозяйство идетъ своимъ порядкомъ, безъ хлопотъ; косятъ сѣно да ставятъ въ скирды, а тамъ примутся за жатву. Теперь я на досугѣ познакомился коротко съ имѣніемъ.

Оцѣнка ваша—по 500 руб. за душу—едва ли основательна. Душа душѣ розь продается она въ Псковской губерніи по разнымъ цѣнамъ.

Въ Михайловскомъ земли не 700 десятинъ, а 1,965, какъ видно изъ межевыхъ книгъ и спеціальныхъ плановъ. Ошибка ваша произошла отъ того, что вы вмѣсто двухъ описей межевыхъ книгъ, взяли отсюда только одну, и то не Михайловскаго, а Морозова—съ прочими деревнями. По книгѣ и планамъ видно, что въ Зуевѣ, что нынѣ Михайловское, съ прочими деревнями, по межеванію 1786 года имѣется земли 1,965 десятинъ 1738 саженей; въ томъ числѣ показано

[1]) Супруги Николая Ивановича—матери моей.

неудобной только 48 десятинъ. На этомъ пространствѣ въ 1786 году было 190 душъ; изъ нихъ 100 слишкомъ выселены были для г-жи Толстой подъ Псковъ, и осталось по послѣдней ревизіи 80.

И такъ въ отношеніи земли, Михайловское есть одно изъ лучшихъ имѣній въ Псковской губерніи. Пашенная земля, не смотря на запущенную обработку, родитъ изрядно: пастбищныхъ луговъ и отхожихъ сѣнныхъ покосовъ вдоволь, лѣсу порядочно, а рыбы безъ числа.

Средній доходъ съ имѣнія опредѣляется десятилѣтнею сложностью, но приходо-расходныя книги не могли бы служить повѣркою, бывъ составляемы плутами и грабителями, подобными Р. Къ счастію, что хоть за 1835 годъ книги я успѣлъ захватить у управителя. Дѣлать нечего; положился на Р. Не будемъ считать, что онъ укралъ сѣна, разнаго хлѣба, масла, льна, и тому подобныхъ припасовъ; что на однѣхъ оброчныхъ земляхъ я тотчасъ сдѣлалъ до 200 руб. прибыли. На худой конецъ Михайловское, при прошлогоднемъ дурномъ урожаѣ, дало до 5000 чистаго дохода; не будемъ считать всего этого, а положимъ, что Р. не укралъ ни гроша: все-таки по его книгамъ, за отчисленіемъ расхода на посѣвъ дворовымъ, на лошадей, скотъ и птицъ, чистаго дохода выведено 3600 рублей. Это самый низшій доходъ; для полученія его нуженъ капиталъ 80,000 рублей; слѣдовательно Михайловское равно капиталу 80,000, а душа 1,000 рублямъ. Положимъ, имѣніе будетъ всегда опустошаемо наемными приказчиками, будутъ неурожаи и доходъ еще уменьшится; въ такомъ случаѣ, понижая доходъ въ 10-тилѣтней сложности на 3000 рублей, получится капиталъ 75000; сбавьте еще на грабежъ и неурожай 5000,— и тутъ имѣніе сохранитъ цѣну 70000.

Итакъ, самая низкая цѣна Михайловскому 70,000. Хлопочу о законной оцѣнкѣ, потому что дѣйствую не за себя, а за жену съ сыномъ, и за Льва Сергѣевича. Чѣмъ справедливѣе оцѣнка, тѣмъ законнѣе будетъ выдѣляемая $^1/_{14}$ часть. Если имѣніе купите вы, то я готовъ спустить еще 6000, и отдать его вамъ за 64000, т. е. по 800 руб. душу. Такимъ образомъ, заплатите Ольгѣ вмѣсто 8500 руб. 13700,— капиталъ, составляющій все достояніе нашего сына,— залогъ его существованія въ случаѣ моей смерти. Разумѣется, что и Левъ Сергѣевичъ поблагодаритъ, получа вмѣсто 15,700—25,000.

Вотъ основаніе, на которомъ должно дѣлиться. Раздѣлъ можетъ быть произведенъ, или продажею имѣнія, или дѣлежемъ въ натурѣ. Послѣдній способъ невыгоденъ, ибо пришлось бы для уравненія дѣлить имѣніе по клочкамъ; раздробленіемъ имѣніе потеряло бы цѣну, и каждый остался бы въ убыткѣ. Остается способъ продажи. Ольга купить его не можетъ, потому что не можетъ заплатить вамъ и Льву 50,000; Левъ также, потому что нуждается въ деньгахъ; остаетесь вы. Если же и вы не хотите, то приходится продать имѣніе въ чужія руки; покупщики найдутся; для нихъ можно даже возвысить цѣну до 70,000. Объявленіе объ этомъ должно подать въ газетахъ. Не забудьте только сдѣлать въ газетахъ вызовъ кредиторамъ и должникамъ покойной матушки. Я ожидаю васъ и очистилъ флигель для васъ, если вамъ не вздумается стать въ домѣ. Вамъ надо поспѣшить сюда.

Не знаю, въ какомъ положеніи вы найдете Ольгу. Здоровье ея съ день ото дня хуже; кашель не перестаетъ, а къ нему присоединились еще лихорадочные припадки. Противъ воли ея, я посылалъ въ Новоржевъ за докторомъ, который и пріѣзжалъ. Но она не принимаетъ его лѣкарства. Я въ мучительномъ положеніи; попытаюсь еще разъ призвать доктора, а тамъ одна надежда на Бога.

Мое почтенье Натальѣ Николаевнѣ.

Н. Павлищевъ.

III.

1-го августа 1836 года.

Вы требуете окончательной оцѣнки. Я уже сдѣлалъ ее, по дѣйствительному доходу 1834 года, въ 64,000.

Предлагаю вамъ еще сдѣлку, если, разумѣется, Сергѣй Львовичъ согласится выдѣлить Ольгу. Ей причтется съ Нижегородскаго имѣнія 80 душъ, что̀ дастъ 48 тысячъ. По моей оцѣнкѣ, приходится вамъ и Льву Сергѣевичу получить за Михайловское каждому по 25,143 рубля, обоимъ 50,287. Если вы согласны на эту мѣну, то я, принявъ Михайловское, заложу его въ 12 тысячъ, изъ коихъ тотчасъ 5,143 рубля посылаю Льву Сергѣевичу, а остальные употреблю на расплату съ семейными долгами, и на поправку имѣнія. Такимъ образомъ, останусь я должнымъ вамъ 25 тысячъ, а Льву 20 тысячъ, которыя и заплачу Нижегородскимъ имѣніемъ. Получа Михайловское, — которымъ я могу управлять и изъ Варшавы,—я посредствомъ заклада, могу тотчасъ имѣть деньги, нужныя мнѣ до зарѣза. Оно въ моихъ рукахъ будетъ кусокъ хлѣба, а въ вашихъ, простите откровенность, дача, игрушка, которой вы, впроче ъ, всегда можете поль зоваться.

Изъ лучшихъ покупщиковъ Л—въ на водахъ, а Р. въ Москвѣ; другихъ я еще не пріискалъ, потому что по болѣзни Ольги, я нигдѣ не былъ и никого не видѣлъ. Согласитесь лучше, Александръ Сергѣевичъ, на предлагаемую мною сдѣлку, и дѣло съ концомъ. Примите и проч. Н. Павлищевъ.

Предложивъ вамъ мѣнять—Михайловское на часть Нижегородскаго имѣнія, я ожидалъ скораго отвѣта. Отвѣта нѣтъ, а между тѣмъ, меня зовутъ въ Варшаву. Срокъ моего отпуска минулъ третьяго дня. Если бы отвѣтъ вашъ пришелъ во̀ время, то я успѣлъ бы еще съ довѣренностями вашею, Льва и Ольги, съѣздить въ Островъ, и пріискать денегъ; въ случаѣ же неудачи—еще списаться съ вами. Но теперь мнѣ не съ чѣмъ выѣхать и пріѣхать, чтобы расплатиться съ кредиторами. Эта крайность заставляетъ меня отказаться и отъ мѣновой сдѣлки, и отъ продажи имѣнія въ чужія руки, требующей много времени. Возьмите Михайловское, только выручите насъ изъ бѣды. Если не можете заплатить доли Ольгиной сполна, то дайте на первый разъ 2,500 руб., остальныя 5,000 руб. будутъ за вами.

Зову васъ сюда дня хоть на два или на три для того, чтобы сдать вамъ на руки документы и бумаги по имѣнію и хозяйству. Въ нѣсколько часовъ познакомитесь съ здѣшнимъ хозяйствомъ, а познакомившись съ нимъ, не дадите себя обманывать подобно батюшкѣ ни здѣсь, ни въ будущемъ вашемъ Нижегородскомъ имѣніи. (Если разумѣется, батюшка его не замотаетъ или не проплачетъ).

Все хозяйство раздѣлилъ я на 2 части: одною завѣдуетъ староста, а другою Архипъ. Тотъ и другой имѣютъ книги, по которымъ должны вести отчетность. Каждый по своей части. Отъ меня узнаете, сколько чего, и что отъ нихъ вы должны требовать. Я съ охотой занимался сельскимъ дѣломъ, и не даромъ хочу быть порядочнымъ, если не помѣщикомъ, то хоть арендаторомъ или управителемъ. Je crois que j'ai manqué ma vocation.

Не забудьте также, что рекрутскій наборъ на носу. Не худо забрить лобъ кому-нибудь изъ наслѣдниковъ Михайлы, но это вы сами знаете. Передъ выѣздомъ отсюда пишу Сергѣю Львовичу, что сдѣлка наша не состоялась по причинамъ, требовавшимъ немедленно моего выѣзда въ Варшаву. Посмотримъ, что скажетъ Сергѣй Львовичъ. Авось образумится. Вѣдь самъ же онъ говорилъ въ

письмѣ къ Прасковьѣ Александровнѣ [1]): «Ma présence à Нижній n'est bonne à rien: j'ai perdu toutes les facultés intellectuelles,—je suis presque aliéné».

Здоровье Ольги поправляется. На дняхъ соберемся, можетъ быть, погостить у Прасковьи Александровны, у Вревскихъ, и у Веньямина Петровича Ганнибала. П. А. сидитъ дома, нездорова. Вревскіе были у насъ два раза, Веніаминъ Петровичъ насъ изрѣдка навѣщаетъ; сосѣдство его, какъ хорошаго хозяина, можетъ быть очень полезно. Н. Павлищевъ.

IV.

4-го ноября 1836 года.

Отъѣзжая изъ Михайловскаго, я приказалъ старостѣ, до пріѣзда вашего доносить обо всемъ мнѣ, чтобы не оставить имѣнія на произволъ судьбы. Теперь полагаю, что вы уже тамъ были, все видѣли, и приняли въ свое распоряженіе. Спѣшу кончить расчетъ нашъ по наслѣдству, которое осталось за вами въ 40,000 руб.

При дѣлежѣ должно различать имѣніе движимое отъ недвижимаго. Изъ движимаго причитается Ольгѣ 10,104 руб. 88 к., въ то число получено 3,526 руб. 8 к. Остается получить 6,578 руб. 80 коп.

Во владѣніе введутъ Васъ не прежде какъ въ апрѣлѣ, слѣдственно до апрѣля намъ и денегъ требовать нельзя. Но я въ такомъ положеніи, что не знаю, какъ проживу до будущаго мѣсяца. Я пріѣхалъ сюда съ 1,000 рублями, и тѣ пошли тотчасъ на квартиру и поправку хозяйства. Вы богаты если не деньгами, то кредитомъ. Помогите. Высылайте намъ теперь 1,578 руб.; 5,000 отдадите къ январю 1838, если нельзя дать прежде. Процентовъ не нужно; словомъ, мы будемъ вамъ весьма благодарны, если вы на первый разъ вышлете 1,578 р.

Послушайтесь меня, Александръ Сергѣевичъ. Не выпускайте изъ рукъ плута Михайлу съ семьею. Я самъ не меньше вашего забочусь о благѣ крѣпостныхъ. Въ Михайловскомъ я одѣлъ ихъ и накормилъ. Благо ихъ не въ вольности, а въ хорошемъ хлѣбѣ. Михайло и послѣдняго не заслуживаетъ. Возьмите съ него выкупъ; онъ дастъ вамъ за семью 10 тысячъ руб. Не то берите хоть оброкъ съ Ваньки и Гаврюшки, по 10 руб. въ мѣсяцъ съ каждаго, а съ Васьки, получающаго чуть ли не полковничье жалованье,—по 20 руб. въ мѣсяцъ, обязавъ, въ случаѣ неисправности, платить самого Михаилу. Вотъ вамъ и капиталъ 10,000 Петрушка будетъ если не солдатъ, то лихой ротный писарь, или цирульникъ.

Батюшка подарилъ карету съ завѣтной четверней Ольгѣ. Карета вамъ вѣрно не нужна; я продаю ее, а лошадей, которыя нужны въ хозяйствѣ для работы, не хотите ли оставить за собою?

Изъ Михайловскихъ дворовыхъ у меня Петрушка и Пронька. Послѣдняго просимъ мы оставить у насъ, а съ Петрушкой я не знаю что̀ и дѣлать. Онъ спился съ кругу; я хотѣлъ было отправить его по пересылкѣ въ деревню для отдачи въ рекруты, вмѣсто порядочнаго мужика, но раздумалъ; ожидаю вашихъ приказаній, а между тѣмъ далъ ему паспортъ для проживанія здѣсь въ Варшавѣ.

Надо было мнѣ немедленно ѣхать въ Варшаву [2]). Слава Богу, что фельдмаршалъ [3]) принялъ меня, не только безъ грозы, но даже безъ упрековъ. Примите и проч. Н. Павлищевъ.

---

[1]) Осиповой.

[2]) За просрочку отецъ мой могъ бы получить непріятности. Л. П.

[3]) Паскевичъ. Въ то время мой отецъ былъ помощникомъ статсъ-секретаря бывшаго совѣта управленія въ царствѣ Польскомъ. Л. П.

И. С. АКСАКОВЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ.

ВАНЪ Сергѣевичъ Аксаковъ, въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, является писателемъ опальнымъ; онъ долженъ былъ горячо отстаивать правоту и искренность своихъ убѣжденій. Его обвиняли въ весьма серьезномъ, по тогдашнимъ понятіямъ, преступленіи, именно въ панславизмѣ. Чтобы понять важность подобнаго обвиненія, надо вспомнить, что панславизмъ считался тогда въ Австріи грознымъ признакомъ революціи и распаденія имперіи, а мы слѣпо вѣрили всему, что̀ внушали намъ руководители австрійской политики. Въ Вѣнѣ пошелъ дождь, а у насъ стали распускать зонтики и придумывать мѣры для борьбы съ наступающимъ ненастьемъ. Названіе славянофилъ, вначалѣ самое безобидное, получило опасный смыслъ въ примѣненіи къ лицамъ, заговорившимъ о славянствѣ и готовымъ посвятить себя его изученію.

Сочувствіе къ славянамъ совпадаетъ у насъ съ эпохою славянскаго возрожденія, и на первыхъ порахъ дѣло шло чрезвычайно мирно, не возбуждая ни въ комъ ни малѣйшаго опасенія. Наиболѣе ревностнымъ поборникомъ идеи славянской взаимности былъ у насъ Шишковъ. Онъ первый пытался ознакомить русское общество съ произведеніями славянскихъ литературъ; онъ первый завязалъ литературныя связи съ учеными и писателями различныхъ славянскихъ народовъ. Хотя для Шишкова главная прелесть общенія съ славянами заключалась въ языкѣ, въ розысканіи корней словъ и ихъ развѣтвленій, тѣмъ не менѣе доброе сѣмя было уже брошено, и оно не погибло безслѣдно. Начатое Шишковымъ продолжали

ученые новаго поколѣнія, встрѣтившіеся лицомъ къ лицу съ славянскимъ міромъ во время своихъ научныхъ путешествій по славянскимъ землямъ. Имена первыхъ профессоровъ славянскихъ нарѣчій въ нашихъ университетахъ занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи русской науки.

Едва только обнаружилось у насъ, хотя и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, сочувствіе къ славянству, какъ возникло уже противодѣйствіе, навѣянное совѣтами людей, враждебно смотрѣвшихъ на сближеніе Россіи съ соплеменными ей народами. Въ Австріи встревожились появленіемъ знаменитаго труда Шафарика: «Славянское народописаніе», представившаго наглядное доказательство живучести и распространенности славянскаго племени. Шафарикъ подвергся преслѣдованію со стороны австрійскихъ властей, а по примѣру Австріи и у насъ стали смотрѣть недружелюбно на молодыхъ ученыхъ, пожелавшихъ заняться новымъ для нихъ міромъ, который открытъ былъ Шафарикомъ. Къ числу даровитѣйшихъ ученыхъ и писателей, тогда еще молодыхъ, заговорившихъ о сочувствіи къ славянамъ, принадлежали Ив. Серг. Аксаковъ и Ник. Ив. Костомаровъ. Они сходились между собою въ томъ, что признавали необходимымъ изученіе славянства; но въ развитіи своей основной мысли невсегда руководствовались одними и тѣми же началами. Аксаковъ говорилъ о славянахъ какъ русскій писатель, принимавшій горячее участіе во всемъ, что совершалось въ нашей общественной и политической жизни; Костомаровъ имѣлъ въ виду преимущественно бытовую сторону: этнографія интересовала его гораздо болѣе политики.

И тотъ и другой, и Аксаковъ и Костомаровъ, не допускали возможности примѣненія панславизма къ жизни, т. е. къ политической судьбѣ славянскихъ народовъ. Аксаковъ прямо заявилъ, что «въ панславизмъ онъ не вѣритъ», и что «гораздо болѣе всѣхъ славянъ его занимаетъ Русь». Императоръ Николай Павловичъ замѣтилъ на это: «И дѣльно, потому что все прочее мечта, и если бы совершилось объединеніе славянъ, оно было бы «на гибель Россіи». Костомаровъ въ повѣсти своей Панычъ Наталичъ юмористически изобразилъ «мечтателя, доведшаго идею панславизма до смѣшного восторженія».

Сочувствіе къ славянамъ было хотя и весьма важнымъ, но не единственнымъ поводомъ къ обвиненію Аксакова. Все то, что̀ ставилось ему въ вину, а равно и все то, что̀ высказано имъ въ свое оправданіе, представляетъ много весьма любопытныхъ чертъ для исторіи нашей умственной и общественной жизни. Постараемся изложить дѣло на основаніи достовѣрныхъ источниковъ—подлинныхъ рукописей Аксакова и другихъ лицъ, находившихся съ нимъ въ непосредственныхъ и близкихъ сношеніяхъ.

Ближайшимъ поводомъ къ обвиненію Аксакова послужила переписка его съ отцомъ своимъ—Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, пользовавшимся вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ въ нашей литературѣ. Иного рода извѣстность Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ и его сыновья пріобрѣли въ томъ кругу, въ которомъ цѣнили писателей не по ихъ таланту, а по ихъ направленію и благонамѣренности.

Крайне неприличною и неблагонамѣренною сочтена была статейка Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, помѣщенная въ «Московскомъ Вѣстникѣ», подъ названіемъ: «Рекомендація министра». Вся суть надѣлавшей шума статейки заключается въ томъ, что мѣста даются у насъ по протекціи, и что даже министръ, не смотря на свое высокое положеніе, обязанъ платить невольную дань укоренившемуся общественному злу. Получивъ письмо отъ вліятельной особы, которой нельзя отказать, министръ говоритъ просителю: «Хоть я тебя не знаю, и ты просишь важнаго мѣста, на которое много искателей, но такъ и быть: для его сіятельства я напишу письмо къ N. N., а онъ для меня дастъ тебѣ мѣсто», и вслѣдствіе этого рекомендуетъ совершенно неизвѣстное ему лицо за весьма «способнаго и знающаго чиновника». Диктуя рекомендательное письмо, министръ высказываетъ свои забавныя понятія о слогѣ и знакахъ препинанія, не допуская, напримѣръ, восклицательнаго знака въ началѣ письма при обращеніи къ лицу, занимающему низшее мѣсто по службѣ (милостивый государь мой, Иванъ Ѳедотовичъ!): «Пристало ли моему знаку восклицанія стоять передъ нимъ во фронтѣ; точку, сударь, ему—точку». Такимъ же образомъ, по мнѣнію министра, оканчивать письма: «имѣю честь быть» могутъ только мелкіе чиновники; лица же высокопоставленныя должны писать въ подобныхъ случаяхъ: «имѣю честь пребыть» и т. д. [1]).

Въ вину Константину Сергѣевичу Аксакову поставлено то, что онъ носитъ бороду и старинное русское платье, и написалъ статью: «Семисотлѣтіе Москвы», отдающую преимущество Москвѣ, какъ столицѣ передъ Петербургомъ, и заключающую въ себѣ «правила несообразныя съ монархическимъ образомъ правленія». Напоминая читателямъ, что 28-го марта 1847 года исполнится ровно семьсотъ лѣтъ со времени появленія имени Москвы на страницахъ нашихъ лѣтописей, Конст. Серг. Аксаковъ говоритъ: «Москва является представительницей общей русской жизни, жизни всей русской земли, жизни земской (собственно народной), говоря словомъ, такъ часто встрѣчающимся въ лѣтописяхъ и грамотахъ... Въ нее, при Іоаннѣ IV, созвана была первая Земская Дума изъ городовъ и вообще изъ земли русской... До Петра Великаго существовала въ Москвѣ такая перекличка стрѣльцовъ, когда вечеромъ запирались ворота

---

[1]) «Московскій Вѣстникъ», 1830 г., часть первая, стр. 118—121.

кремлевскія: «Близъ собора Успенскаго часовой стражъ начинаетъ возглашать: «Пресвятая Богородица, спаси насъ»; за нимъ второй въ ближнемъ притинѣ: «Святые московскіе чудотворцы, молите Бога о насъ»; пятый: «Славенъ городъ Москва»; шестой: «Славенъ городъ Кіевъ»; седьмой: «Славенъ городъ Владиміръ»; восьмой: «Славенъ городъ Суздаль» и т. д. Въ этомъ непридуманномъ народномъ голосѣ слышишь, что царствующій градъ Москва помнила всѣ города русскіе, всю русскую землю. Таково значеніе Москвы, такова она—истинная столица святой Руси... Наполеонъ сказалъ въ разговорѣ съ Тучковымъ: «Столица ваша—Москва, а не Петербургъ, который не что иное, какъ резиденція государя» и т. д. [1]).

Въ перепискѣ Аксаковыхъ затрогивались различные вопросы, общественные и политическіе. Приведемъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ отрывковъ.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ писалъ сыну своему Ивану Сергѣевичу:

... «Все, что ты пишешь о предположеніяхъ по службѣ—весьма хорошо: только жаль, что ты пишешь объ этомъ съ почтой. Оказій самыхъ вѣрныхъ у тебя множество: Корфы, Анненковъ, Языковъ. А всего было бы лучше вовсе не писать: ибо Константинъ Сергѣевичъ уже успѣлъ разсказать объ этомъ Хомякову, а это (къ несчастію) все равно, что разсказать всей Москвѣ. Само собою разумѣется, что Надеждинъ плутуетъ. По первому твоему шагу можно было предсказать всѣ его будущія дѣйствія. А я предсказываю тебѣ, что ты не будешь имѣть никакихъ успѣховъ по своей службѣ: слово успѣхи принимаю я въ мірскомъ значеніи. Петербургъ ведетъ себя, какъ слѣдуетъ ему; но Москва—какъ не слѣдуетъ ей. Говорятъ, что въ настоящемъ великомъ посту будутъ такія катанья съ горъ, съ музыкою, факелами, пѣсенниками и цыганами, какихъ еще никогда не бывало. Закревскій потерялъ въ моихъ глазахъ послѣднее доброе мнѣніе, какое я имѣлъ о немъ: я считалъ его православнымъ русскимъ человѣкомъ. Я не обвинялъ его въ произволѣ въ его столкновеніяхъ съ московской публикой, ибо эта подлѣйшая публика того стоитъ. Ее можно оскорблять сколько угодно, но оскорблять народъ въ его святыхъ вѣрованіяхъ—безразсудно. Впрочемъ, теперь и московская публика возстаетъ на него общимъ бунтомъ: послѣднее воскресеніе онъ далъ у себя блистательный балъ и тѣмъ помѣшалъ общественному пикнику, т. е. folle journée, составленному по подпискѣ 500 человѣкъ на катаніе, обѣдъ и балъ. О, подлецы! Они не смѣли не поѣхать къ нему и въ ихъ ругательствахъ явственно выражается смыслъ: «Зачѣмъ ты насъ звалъ? Вѣдь ты знаешь, что мы не осмѣлимся отказаться?» Про супругу Закревскаго разсказываютъ чудеса. Цинизмъ ея не-

[1] «Московскія Вѣдомости», 1846 г., № 49, стр. 344—346.

возможенъ къ описанію. Русское платье на бывшемъ маскарадѣ убило наповалъ всѣ другіе костюмы. Повѣришь ли ты, Иванъ, что ругательство (какъ говорятъ иные) надъ русскимъ платьемъ, надѣтымъ, какъ костюмъ въ маскарадъ, произвело на общество самое благопріятное дѣйствіе, и что послѣдствія его будутъ полезны? [1]) Шевыревъ получилъ въ подарокъ отъ графини Закревской—богатую палку. Описаніе маскарада пишетъ Вельтманъ для «Москвитянина». Оно начинается такъ: «Слава въ вышнихъ Богу, миръ на землѣ, въ человѣцехъ благоволеніе» и пр. Я знаю благонамѣренность Вельтмана и понимаю, что это относится не къ маскараду, но все какъ-то странно такое начало.—Неужели ты не былъ и у Вяземскаго? Ужъ это слишкомъ» [2])...

... «Третьяго дня читалъ Сологубъ у Васильчиковыхъ свою драму при многочисленной публикѣ. Константинъ не поѣхалъ, ибо оставилъ Васильчиковыхъ совсѣмъ. Всѣ люди, сколько-нибудь понимающіе какое-нибудь литературное достоинство драматическаго произведенія, находятъ, что драма Сологуба—нелѣпость во всѣхъ отношеніяхъ. Что, оставя въ сторонѣ историческую вѣрность времени, его пьеса нелѣпа, какъ мелодрама. Гоголь и Загоскинъ не поѣхали даже слушать. Давно и многоожидаемый маскарадъ долженъ сегодня совершиться. Завтра Шевыревъ изъ костюмера превратится въ писаку и, какъ достойный наслѣдникъ Шаликова, стоя на колѣняхъ предъ свѣтской пустошью, опишетъ великое событіе, обмакивая перо въ сладкое чувство умиленія... Боже мой! Этотъ же самый Шевыревъ, двадцать два года тому назадъ, въ живыхъ и свѣжихъ стихахъ высказалъ все то о Шаликовѣ, что я теперь говорю о немъ самомъ!.. Грустно, господа, жить на свѣтѣ» [3])...

... «Шевыревъ на верху блаженства. Статья его понравилась у васъ: онъ веселъ и свѣтелъ, какъ мѣдный грошъ! Отвратительное созданье! Онъ ругаетъ Константина самымъ неблагонамѣреннымъ образомъ. Если Погодинъ и хуже его, какъ человѣкъ, то все онъ для меня сноснѣе, какъ человѣкъ умный. Ходъ «Бродяги» [4]) и отсут-

---

[1]) Появленіе русскаго платья на московскихъ маскарадахъ подало поводъ къ толкамъ и журнальнымъ замѣткамъ. Отсутствіе русскаго платья на томъ или другомъ маскарадѣ объяснялось на разные лады. По случаю маскарада, бывшаго у графа А. Н. Панина и подробно описаннаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», появилась въ той же газетѣ такая замѣтка: «Не было ни одного русскаго платья на маскарадѣ. Общество, надѣвая для маскарада костюмы чуждыхъ народовъ, не захотѣло клеймить народнаго русскаго платья маскараднымъ характеромъ. Тутъ было темное прекрасное чувство, которое не допустило наше общество поступить иначе, и если оно надѣнетъ русскую одежду, то ужъ, вѣрно, не для маскарада» («Московскія Вѣдомости» 1846. № 4, стр. 25).

[2]) Письмо 15 февраля.

[3]) Письмо 9 февраля.

[4]) Поэма, сочиненная И. С. Аксаковымъ.

ствіе сочинителя очень забавны, а еще болѣе оригинальны. Впрочемъ, я не одобряю вполнѣ твоего отшельничества. Блудовъ видалъ меня нѣсколько разъ, и хотя онъ никого не слушаетъ и только наслаждается собственными своими рѣчами; но я помню, что возбуждалъ его вниманіе своими рѣзкими выраженіями, ибо дѣло забирало меня за живое. Впрочемъ, онъ лучше другихъ. Зачѣмъ тебѣ участіе въ Иванѣ Сергѣичѣ? Хорошо, еслибъ было искреннее участіе въ «Бродягѣ». Да, милый другъ Иванъ, ступай въ Малороссію, подъ ея прекрасное небо, въ ея роскошную природу. Мнѣ сладко было твое увлеченіе. Константинъ взбѣсился отъ него, а Хомяковъ и Гоголь умерли было со смѣху надъ гнѣвомъ Константина. Не смотря на треволненія духа, на этихъ дняхъ я какъ-то принялся писать свои охотничьи записки: ранняя весна, пробужденіе жизни въ природѣ и токъ тетеревовъ благотворно подѣйствовали на мою душу. Божественно звучатъ поэтическія струны сердца человѣческаго, и я торжественно исповѣдую, на краю моего земнаго поприща, что одно искусство можетъ примирять человѣка съ жизнію... Прощай!.. Вырывайся скорѣе изъ Петербурга. Я буду спокойнѣе» [1])...

Въ письмахъ Ивана Сергѣевича Аксакова къ отцу обратили на себя вниманіе, и при томъ весьма неблагосклонное, слѣдующія мѣста:

«Австрія не оставляетъ намѣренія германизировать славянскія племена, но дабы не испугать ихъ, дѣйствуетъ по обыкновенію двусмысленно, лжетъ и обманываетъ, какъ и прежде. Елачичъ писалъ сюда, что онъ находится въ самомъ грустномъ положеніи, не знаетъ, что и дѣлать. Австрія вновь вводитъ между кроатами употребленіе мадьярскаго языка. «Я, пишетъ онъ, нахожусь между двухъ непріятностей, или опять подпасть подъ зависимость мадьяръ, или сдѣлаться мятежникомъ противъ своего императора; впрочемъ, пока не рѣшенъ вопросъ италіанскій, Австрія не рѣшится на многое». Въ Галиціи стали вновь вводить сборъ десятины въ пользу помѣщиковъ, и это дало поводъ къ интерпелляціи одного изъ представителей Галиціи на Вѣнскомъ сеймѣ. Силенъ же этотъ порядокъ, нечего сказать, хоть я и не вѣрилъ возможности возродиться въ Европѣ новымъ началамъ силою собственныхъ средствъ, и тѣмъ путемъ, коимъ они шли; но все же, пока происходила борьба, они были въ ходу въ самихъ душахъ человѣческихъ и смущали ихъ, все же слышалось, что занесены такіе вопросы, разрѣшеніе коихъ вызоветъ и насъ на сцену и преобразуетъ міръ; а теперь опять покойно, заплыветъ жиромъ сердце человѣческое; грустно знать, что страшныя раны, кои были обнажены 1848 годомъ, оставшись невылѣченными, закрыты снова и преданы забвенію! разумѣется, старый порядокъ не устоитъ, но простоитъ, можетъ быть, еще долго.

[1]) Письмо 8 марта 1849 года.

Читали ли вы отголосокъ русскаго сердца тверскаго помѣщика, статскаго совѣтника Дмитрія Шелехова? Этотъ господинъ напечаталъ особыми брошюрами и самъ развезъ ихъ по всѣмъ здѣшнимъ магнатамъ; прочтите, это замѣчательно, какъ безкорыстна подлость подлостей! Я достану и пришлю. Онъ говоритъ, между прочимъ, про Россію, что въ ней законы исполняются какъ святыня, что въ ней крестьяне благоговѣютъ передъ Богомъ и передъ своими господами, и проч. Ну, что прикажете дѣлать съ этимъ народомъ? У насъ, право, создается цѣлая своя правительственная литература, ибо другой не даютъ хода» [1]).

... «Государь ѣдетъ со всѣмъ дворомъ, со всею царскою фамиліею къ вамъ въ гости. Вѣроятно много будетъ манифестацій руссицизма, много всякихъ эффектовъ. Государь на это мастеръ, и я увѣренъ, что въ его душѣ собственно, когда онъ бываетъ въ Кремлѣ, пробуждается сочувствіе къ народу, къ Руси, но не всегда ясно для него самого... Но всего забавнѣе будутъ его окружающіе. Все это пустится въ національность, которую опошлятъ до невыносимаго. Если уже Закревскій увлекъ своимъ маскарадомъ всю Москву, такъ что̀ уже будетъ теперь? И на днѣ Москвы, на осадкѣ, останется одинъ Константинъ, ибо и народъ поддастся весь обаянію... Маскарадъ Закревскаго, возбудившій здѣсь сильную зависть, повторится во дворцѣ, и вѣроятно всѣ участвующіе будутъ причислены къ московскому двору его величества: кавалеры будутъ сдѣланы камеръ-юнкерами и камергерами, а дѣвицы получатъ фрейлинскій шифръ. Всего замѣчательнѣе то̀, что государь приказалъ Блудову ѣхать съ собою. Онъ можетъ надѣяться, что его будутъ таскать всюду. Что̀ мы будемъ дѣлать тогда съ бородой? «Бродяга» все еще продолжаетъ быть въ ходу совершенно независимо отъ автора, о коемъ—слава Богу—никто не заботится. Поповъ исправляетъ должность оффиціальнаго чтеца моихъ стиховъ. Поповъ читалъ ихъ у Блудова, гдѣ былъ и Александръ Строгоновъ, ... , бывшій министръ: онъ замѣтилъ, что какъ-то нехорошо, будто въ Россіи такъ много бродягъ» [2]).

Приведенное письмо, а равно и нѣкоторыя изъ послѣдующихъ писемъ «заставляли предполагать въ Аксаковѣ либеральный (противоправительственный) образъ мыслей», вслѣдствіе чего, Аксаковъ и былъ арестованъ. 17-го марта 1849 года, въ шесть часовъ вечера «доставленъ въ штабъ корпуса жандармовъ подполковникомъ Левенталемъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Аксаковъ и помѣщенъ въ столовомъ залѣ графа».

Немедленно, по арестованіи Аксакова, доставлены слѣдующія свѣдѣнія о найденыхъ у него бумагахъ и книгахъ:

---

[1]) Письмо 24 февраля 1849 года, изъ Петербурга въ Москву.

[2]) Письмо 1-го марта 1849 года.

1) Черновая книга, въ которой Аксаковъ, еще воспитываясь въ Училищѣ Правовѣдѣнія, до 1842 года, вписывалъ переводы съ латинскаго языка, замѣчанія изъ исторіи, свои мысли о Невскомъ проспектѣ и другихъ предметахъ, болѣе въ сатирическомъ родѣ. Здѣсь же вложены отдѣльные листы съ стихотвореніями его, изъ которыхъ замѣчательно посланіе къ бывшему соученику его, князю Оболенскому. Въ этомъ стихотвореніи Аксаковъ, черезъ годъ по выходѣ изъ училища и по вступленіи въ гражданскую службу, въ 1843 году, описываетъ эту службу въ насмѣшливомъ тонѣ, напримѣръ:

«И такъ, въ судѣ верховномъ — виноватъ! —
«Хотѣлъ сказать: на фабрикѣ сенатской,
«Среди обширныхъ, каменныхъ палатъ,
«Грязнѣе всякой камеры палатской,
«Работаю, какъ будто на подрядъ.
«Вкусили мы всю прелесть службы статской,
«И видимъ: слишкомъ мало толку въ ней,
«Чтобъ ей отдать цвѣтъ лучшихъ нашихъ дней.
« . . . .
«Хотя бъ сказалъ сенатскій нашъ ораторъ,
«Что грудь звѣздами, дюжихъ пару плечъ
«Намъ лентами украситъ императоръ,
«А право, другъ, игра не стоитъ свѣчъ!
«Что толку въ томъ, министръ ты иль сенаторъ!
« . . . .
«Но чужды мнѣ столь сильныя желанья,
«Всю жизнь отдать за ленты и кресты,
«Нѣмецкія ничтожныя призванья,
«Всѣ полныя блестящей пустоты,
«Я къ нимъ въ себѣ не чувствую призванья»...

2) Большое собраніе писемъ самого Ивана Аксакова къ разнымъ лицамъ, 1844 года, изъ Астрахани, гдѣ онъ находился при сенаторѣ (нынѣ членъ государственнаго совѣта), князѣ Гагаринѣ, ревизовавшемъ Астраханскую губернію. Въ этихъ письмахъ Аксаковъ описываетъ болѣе Астрахань, и хранилъ ихъ, какъ матеріалъ для описанія Астрахани.

3) Поэма подъ названіемъ «Бродяга», сочиненіе самого Ивана Аксакова. Въ этомъ стихотвореніи Аксаковъ описываетъ похожденія крѣпостного человѣка, который бѣжалъ, самъ не зная отчего, и то бродяжничаетъ, то работаетъ гдѣ-либо, то опять бродяжничаетъ. Аксаковъ въ этомъ сочиненіи желалъ показать, что русскій человѣкъ иногда бродяжничаетъ не для преступленій, а по одной любви къ русскому разгулу и безпечности. Поэмы этой написана только 1-я часть, впрочемъ, довольно обширная, а предполагается написать еще двѣ части. Стихи Аксакова показываютъ, что онъ имѣетъ піитическій талантъ.

4) Въ письмахъ къ Ивану Аксакову отъ отца и братьевъ его нѣкоторыя мѣста обращаютъ на себя вниманіе.

Въ письмѣ отъ 3-го марта (въ отвѣтъ на извѣстное письмо отъ 24-го февраля, въ которомъ Иванъ Аксаковъ сожалѣлъ о заживающихъ ранахъ Европы) отецъ пишетъ: «Я уже имѣлъ случай отвѣчать тебѣ на него (на означенное письмо) съ оказіей и порядкомъ побранилъ тебя за рѣзкость и неточность выраженій, особенно за то, что ты не договариваешь своихъ мыслей, отчего выходитъ совершенно превратный смыслъ. Еслибъ кто-нибудь, не знающій тебя и твоего образа мыслей, прочелъ это письмо, то могъ бы заключить, что ты западный европейскій либералъ, тогда какъ эти люди для тебя гадки и отвратительны».

Въ другихъ письмахъ отецъ подозрѣваетъ, что нѣкоторыя письма сына его не дошли къ нему по почтѣ, или даже читаются почтовыми чиновниками.

Письма эти показываютъ, что Иванъ Аксаковъ извѣщалъ отца и братьевъ объ арестованіи Самарина. Отецъ Аксакова, въ письмѣ отъ 12-го марта, говоритъ: «Несчастное происшествіе съ Самаринымъ глубоко насъ всѣхъ огорчаетъ... Я надѣюсь на справедливость государя. Когда онъ прочтетъ всѣ письма Самарина, особенно 3-е и 7-е, то, я увѣренъ, обратитъ гнѣвъ на милость. Не можетъ быть, чтобъ онъ не почувствовалъ негодованія за положеніе русскихъ въ Ригѣ: онъ царь русской земли по преимуществу. Горько и временное торжество нѣмцевъ; я не фанатикъ, очень много имѣю терпимости, много имѣлъ и имѣю пріятелей-нѣмцевъ, изъ коихъ многіе въ частныхъ личностяхъ люди хорошіе, но какъ каста, какъ партія, они всегда были мнѣ противны. Послѣднее происшествіе усилило общую ненависть къ нѣмцамъ».

Въ томъ же письмѣ находится приписка сына, Константина Аксакова: «Я такъ былъ пораженъ твоимъ извѣстіемъ, что долго не могъ опомниться. Самаринъ въ крѣпости! Самый искренній, самый благородный, самый прямой человѣкъ, и, сверхъ того (что нечасто встрѣчается въ обществѣ), русскій, всей душою преданный русской землѣ, и онъ въ крѣпости! Я объясняю себѣ это только тѣмъ, что нѣмцы оклеветали его, и что государь, вѣроятно, не успѣлъ прочесть всѣхъ писемъ. Я помню, что Самаринъ и я желали, чтобъ эти письма дошли до государя. Мы надѣялись, что государь придетъ въ негодованіе, увидя, что терпятъ русскіе отъ нѣмцевъ».

Въ письмѣ отъ 8-го марта тотъ же Сергѣй Аксаковъ писалъ къ сыну Ивану: «Жизнь въ Москвѣ сдѣлалась для меня еще несноснѣе: и обстоятельства требуютъ неукоснительно бѣгства, и предметы общихъ разговоровъ, устремленіе общихъ интересовъ, непосредственно раздѣляемыхъ всѣми, имѣющихъ еще усилиться въ будущемъ — выводятъ меня изъ терпѣнія! Весьма затруднительно и

не безвредно для меня, и будетъ странно, а какъ бы хорошо было уѣхать намъ съ Константиномъ въ Абрамцево».

Григорій Аксаковъ, служащій въ Симбирскѣ, писалъ къ брату Ивану: «Да здравствуетъ Елачичъ! Австрія, кажется, уже собирается отказаться отъ безумнаго франкфуртскаго собранія, и тогда, навѣрное, можно предполагать, что она изъ нѣмецкой превратится въ славянскую монархію».

5) Между книгами Ивана Аксакова находятся:

«О соціализмѣ и коммунизмѣ», сочиненіе Штейна, на нѣмецкомъ языкѣ, напечатанное въ Лейпцигѣ, въ 1842 году; въ этомъ сочиненіи, хотя частію опровергаются правила коммунизма, но находятся и многія возмутительныя мысли.

«Стихотворенія Адама Мицкевича», на польскомъ языкѣ, въ 4-хъ частяхъ, изданныя въ Парижѣ, въ 1838 году.

Шесть экземпляровъ брошюры: «Семисотлѣтіе Москвы», сочиненіе Константина Аксакова — то самое, которое было напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1846 года.

6) Письма къ Ивану Аксакову отъ разныхъ постороннихъ лицъ имѣютъ содержаніе бо̀льшею частью литературное и ученое и не заключаютъ въ себѣ ничего недозволеннаго.

7) У него еще находится много копій съ разныхъ мнѣній и другихъ бумагъ, кои онъ подавалъ по дѣламъ службы.

Черновыхъ же писемъ, которыя Иванъ Аксаковъ посылалъ послѣднее время къ отцу своему, равно и никакихъ бумагъ, кои бы содержали въ себѣ мысли, подобныя выраженнымъ въ письмѣ его отъ 24-го февраля, не оказалось во всѣхъ его бумагахъ.

Аксакову предложенъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ весьма подробно и откровенно. При чтеніи ихъ императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ свои замѣтки, и, возвращая рукопись графу Ал. Ѳед. Орлову, написалъ: «Призови, прочти, вразуми и отпусти». Приводимъ отвѣты Аксакова на предложенные ему вопросы, а также и замѣчанія государя: написанное рукою государя печатаемъ курсивомъ.

Вопросы.	Отвѣты.
1) Опишите ваше званіе, лѣта, гдѣ вы воспитывались, службу вашу и другія важнѣйшія обстоятельства вашей жизни?	Отъ роду мнѣ 25 лѣтъ; чинъ мой коллежскій асессоръ, хотя я уже въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго 1848 г. выслужилъ узаконенный срокъ для полученія новаго чина, но по случаю перевода моего изъ министерства юстиціи въ министерство внутреннихъ дѣлъ, представленіе о моемъ чинѣ не могло быть сдѣлано. Воспитывался я въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, откуда

вышелъ въ 1842 г. съ чиномъ 9-го класса, и поступилъ прямо на службу во 2-е отдѣленіе 6-го департамента Правительствующаго Сената, гдѣ черезъ три недѣли назначенъ былъ исправлять должность секретаря. Въ концѣ 1843 года отправился я съ бывшимъ сенаторомъ, нынѣ членомъ государственнаго совѣта, княземъ П. П. Гагаринымъ на ревизію въ Астраханскую губернію. Въ концѣ 1844 г., ревизія кончилась и я поступилъ въ прежнюю должность. Лѣтомъ 1845 г. указомъ Правительствующаго Сената опредѣленъ я былъ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты въ Калугу. Въ маѣ 1847 г. причисленъ къ департаменту министерства юстиціи и, ордеромъ министра юстиціи, предписано было мнѣ исправлять должность оберъ-секретаря сначала во 2-мъ отдѣленіи, а потомъ (въ октябрѣ того же года) въ 1-мъ отдѣленіи 6-го департамента Сената. Высочайшимъ приказомъ 21 сентября 1848 г. переведенъ былъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ кандидатомъ для занятія должности въ губерніи. Вслѣдствіе сего, сдавъ должность въ Сенатѣ, пріѣхалъ я въ С.-Петербургъ, но въ октябрѣ же мѣсяцѣ отправленъ былъ его высокопревосходительствомъ, г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ секретнымъ порученіемъ (о раскольникахъ) въ Бессарабію, откуда 21 января 1849 г. возвратился, представивъ министру отчетъ по своимъ занятіямъ. Съ весною я предполагалъ вновь отправиться куда-нибудь съ порученіемъ, и такъ какъ предстояла надобность въ обозрѣніи и хозяйственномъ описаніи городовъ Казанской губерніи, то я и просилъ директора хозяйственнаго департамента назначить меня туда, а самъ между тѣмъ занялся чтеніемъ разныхъ дѣлъ министерства, касающихся городовъ Казанской губерніи. Особенныхъ, другихъ, важныхъ обстоятельствъ жизни не было. Я не упоминаю здѣсь о тѣхъ, которыя имѣютъ значеніе только для меня; 5-ти лѣтняя бо-

лѣзнь одной изъ моихъ сестеръ, недавняя (съ годъ продолжающаяся) болѣзнь другой моей сестры и проч., и проч.

2) Кто вашъ родитель, и братья, гдѣ они находятся, чѣмъ занимаются и какое имѣютъ состояніе?

Отецъ мой, коллежскій совѣтникъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, 58-ми лѣтъ, теперь въ отставкѣ; прежде служилъ цензоромъ и былъ нѣкогда предсѣдателемъ цензурнаго комитета въ Москвѣ, а потомъ былъ директоромъ Константиновскаго межеваго института. Съ 1826 г. онъ живетъ постоянно въ Москвѣ, уѣзжая лѣтомъ въ подмосковную деревню свою Абрамцево (верстахъ въ 60-ти отъ Москвы). По слабости своего зрѣнія (нѣсколько лѣтъ тому назадъ жестокая болѣзнь лишила его одного глаза), онъ не можетъ много заниматься дѣлами; письма, большею частію, диктуетъ; также диктуетъ воспоминанія своего дѣтства и записки о рыбной ловлѣ и объ охотѣ, ибо въ молодости былъ страстнымъ охотникомъ. Года два тому назадъ напечатаны были его записки о рыбной ловлѣ, обратившіе на себя общее вниманіе чистотою языка, живостью разсказовъ и умѣньемъ придать имъ интересъ, даже и не для охотниковъ. Старшій братъ мой Константинъ, магистръ Императорскаго Московскаго университета, живетъ при отцѣ и при матери моей. Семейство наше состоитъ изъ 10-ти человѣкъ: изъ 3-хъ братьевъ и 7-ми сестеръ, которыя всѣ живутъ въ домѣ и изъ которыхъ двѣ тяжело больны. Изъ братьевъ двое, братъ Григорій и я, отвлечены службою отъ родительскаго дома, слѣдовательно одному необходимо было остаться съ отцомъ, и эту святую обязанность исполняетъ братъ мой Константинъ, помогающій ему въ хозяйствѣ и занимающійся сверхъ того, самъ для себя, учеными трудами по части русской исторіи и филологіи. При этомъ я укажу на два его сочиненія: диссертацію о Ломоносовѣ и драму: «Освобожденіе Москвы въ 1612 г.» Братъ мой Григорій, окончившій въ 1840 г. курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, служитъ теперь симбирскимъ губернскимъ прокуро-

ромъ. Онъ женатъ, имѣетъ дочь; собственнаго состоянія у него нѣтъ; но теперь на деньги, принесенныя ему женою, онъ покупаетъ имѣніе въ Симбирской губерніи, душъ 400 или 500. Литературою онъ не занимается, т. е. не пишетъ. У отца моего состояніе, по многочисленности его семейства, весьма ограниченное: онъ имѣетъ душъ съ 500 въ Оренбургской губерніи, въ Белебеевскомъ уѣздѣ, и душъ съ 300 въ Симбирской,—въ Корсунскомъ уѣздѣ. Имѣніе это все заложено. Кромѣ того, душъ 40 въ подмосковной деревнѣ, Дмитріевскаго уѣзда, Абрамцевѣ.

3) Въ бумагахъ вашихъ находится письмо вашего родителя, въ которомъ онъ, отвѣчая на ваше письмо отъ 24-го февраля, дѣлаетъ вамъ замѣчаніе на рѣзкость и неточность выраженій, особенно за то, что вы не договариваете вашихъ мыслей, отъ чего выходитъ такой смыслъ, что иной можетъ принять васъ за либерала. Объясните съ полною откровенностію все содержаніе упомянутаго письма вашего и, если сохранила ваша память, изложите оное точными словами, особенно тѣ мѣста, за которыя вы получили замѣчаніе отъ вашего родителя?

Готовъ отвѣчать на этотъ вопросъ съ полною откровенностью, хотя она можетъ быть для меня и не выгодною.

Поводомъ къ письму моего отца было мое письмо къ нему слѣдующаго содержанія:

Я писалъ: «возвращеніе стараго порядка вещей въ Европѣ наводитъ улыбку гордой радости на лица нашихъ петербургскихъ аристократовъ. Они вдругъ всѣ пріободрились. Всякій разъ, послѣ прогулки по Невскому проспекту, овладѣваетъ мною великая скорбь. Вы не повѣрите, какъ возмущается душа моя при видѣ этихъ господъ полуфранцузовъ, полунѣмцевъ, все, что угодно, только не русскихъ; коверкающихъ свой родной языкъ, ослѣпляющихъ насъ роскошью произведеній Запада, живущихъ уже совсѣмъ не порусски... На лицѣ ихъ написано: «слава Богу, теперь мы безопасно можемъ дѣлать то, что дѣлали прежде, т. е. роскошничать, развратничать и разорять нашихъ крестьянъ»!.. Когда въ прошломъ году, испуганные европейскими смутами, они пѣли хвалебный гимнъ Россіи и русскому народу, то въ ихъ словахъ слышались другія слова: «какой у насъ, въ самомъ дѣлѣ, добрый, терпѣливый, удобный народъ: мы презираемъ его, выжимаемъ изъ него послѣднюю денежку, и онъ сноситъ все, и даже не питаетъ къ намъ ненависти»!.. Вотъ выраженія, за неточность которыхъ упре-

калъ меня отецъ мой, говоря, что оттого происходитъ такой смыслъ, который можетъ подать обо мнѣ ложное понятіе, будто я либералъ, тогда какъ, прибавляетъ онъ, западный либерализмъ ненавистенъ душѣ твоей. И онъ совершенно правъ. Пользуюсь случаемъ, чтобъ дополнить невысказанную мысль и изложить ее съ искреннимъ чистосердечіемъ:

По моему мнѣнію, старый порядокъ въ Европѣ такъ же ложенъ, какъ и новый. Онъ уже ложенъ потому, что привелъ къ новому, какъ къ логическому, непремѣнному своему послѣдствію. Ложныя начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увѣнчаться безвѣріемъ, анархіею, пролетаріатствомъ, эгоистическимъ устремленіемъ всѣхъ помысловъ на матеріальныя блага, и гордымъ, безумнымъ упованіемъ на однѣ человѣческія силы, на возможность замѣнить человѣческими учрежденіями Божія постановленія. Вотъ къ чему привели Западъ авторитетъ католицизма, раціонализмъ протестантизма и усиленное преобладаніе личности, противное духу смиренія христіанской общины. Не такова Русь. Православіе спасло ее и внесло въ жизнь ея совершенно другія начала, свято хранимыя народомъ. Онъ смотритъ на царя, какъ на самодержавнаго главу всепространной русской православной общины, который несетъ за него все бремя заботъ и попеченій о его благосостояніи; народъ вполнѣ вѣритъ ему (царю) и знаетъ, что всякая гарантія только нарушила бы искренность отношеній и лишь связала бы безъ пользы руки дѣйствующимъ; наконецъ, что только то ограниченіе истинно, которое налагается на каждаго христіанина въ отношеніи къ его ближнимъ духомъ Христова ученія. Взглядъ русскаго народа на правительство вообще высказанъ въ оффиціальномъ объясненіи извѣстнаго манифеста, изданнаго въ февралѣ или мартѣ прошлаго года, въ словахъ: «всякая форма правитель-

Совершенная правда.

Святая истина!

Слава Богу!

Все это справедливо.

ственная, какъ бы совершенна она ни была, имѣетъ свои недостатки, и проч.». Да не подумаютъ, что я хочу льстить, Боже сохрани! Но вотъ мои убѣжденія:

При Петрѣ Великомъ верхніе слои общества отчуждились отъ народа и поддались обаянію Запада, увлеклись блестящимъ соблазномъ его цивилизаціи и презрѣли коренныя, основныя начала русской народности. Не одни художества и ремесла были вводимы въ Россію. Нѣтъ!.. Русскіе портные ссылались на каторгу за шитье русскаго платья (см. «Полное собраніе Россійск. законовъ»), русскій языкъ былъ весь изломанъ, исковерканъ и нашпигованъ иностранными выраженіями; администрація, съ ея нѣмецкими учрежденіями и названіями, подавила жизнь своимъ формализмомъ; чиновники, съ своими нѣмецкими чинами, были поставлены въ неискреннее и странное отношеніе къ народу, которому было трудно не только понять, но и выговорить имена ихъ. Дворянство совершенно оторвалось отъ народа, присвоивъ своей жалкой цивилизаціи право не вѣрить, когда онъ вѣритъ, не соблюдать уставы церкви, имъ соблюдаемые, не знать языка, которымъ онъ говоритъ, забыть свою исторію и преданія, и глядѣть на него только, какъ на удобный матеріалъ для извлеченія изъ онаго доходовъ. Послѣдующія поколѣнія шли по данному толчку, не оглядываясь, не сознавая, и общество тѣмъ виновато передъ правительствомъ, что заслоняло отъ него народъ. Между тѣмъ, какъ образованное общество жило заемною жизнью, обезьянски шло за Западомъ и добровольно задавало себѣ въ чужомъ пиру похмѣлье, народъ, славу Богу, остался тѣмъ же, или почти тѣмъ же. Я говорю почти, потому что примѣръ разврата, нами подаваемый, уже начинаетъ проникать и въ села. Разумѣется, простой народъ, живущій въ столицахъ, сначала оскорблялся, видя, напримѣръ, въ Москвѣ, что въ великій постъ,

Справедливаго много, хотя, слава Богу, не въ общемъ примѣненіи.

Ежели было, или есть такъ, то оно неприлично и не должно было допущено быть мѣстною властію.

Потому что, подъ видомъ участія къ мнимому утѣсненію славянскихъ племенъ въ другихъ государствахъ, тмится преступная мысль соединенія съ сими племенами, не смотря на подданство ихъ сосѣднимъ и частію союзнымъ государствамъ; а достиженія сего ожидали не отъ Божьяго опредѣленія, а отъ возмутительныхъ покушеній на гибель самой Россіи.

И мнѣ жаль, потому что это значитъ смѣшивать два предмета совершенно разныхъ: преступное съ святымъ.

Прекрасно, но посмотримъ, что есть русскій человѣкъ въ мысляхъ г. Аксакова.

когда онъ говѣетъ, постится, идетъ къ заутренней, или возвращается съ исповѣди, высшее общество, съ факелами, пѣсельниками, цыганами и цыганками, бѣшено наслаждается ночными катаньями съ горъ; но потомъ — народъ мало-по-малу привыкаетъ и къ этому, и, чего добраго, пожалуй, заведетъ и у себя то же.

Въ нынѣшнее царствованіе во многихъ сердцахъ пробудилось угрызеніе совѣсти. Спрашивали себя: не виноваты ли мы передъ русскимъ народомъ, старались воскресить въ себѣ русскаго человѣка. Это возрожденіе русской народности проявилось въ наукѣ и въ литературѣ. Люди, всѣми силами, всѣми способностями души преданные Россіи, смиренно изучившіе сокровища духовнаго народнаго богатства, свято-чтущіе коренныя начала его быта, неразрывнаго съ православіемъ, люди эти, Богъ вѣсть почему, прозваны были славянофилами, хотя въ ихъ отношеніяхъ къ западнымъ славянамъ было только одно сердечное участіе къ положенію единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ братій. Я принадлежу къ этимъ людямъ и думаю, что намъ, т. е. образованному обществу, слѣдуетъ покаяться, нравственно перевоспитаться и стать русскими людьми.

Въ началѣ прошлаго года, происшествія въ Европѣ заставили думать насъ, что общество образумится, перевоспитается. Но вышло не то. Общество, и въ особенности петербургское, сперва испугалось: новое доказательство, что оно не знаетъ русскаго народа, которому всякое возстаніе, всякій насильственный революціонный путь, ненавистны, противны его нравственнымъ убѣжденіямъ и основамъ его быта, проникнутаго духомъ вѣры. Оно скоро успокоилось, не видя, впрочемъ, что, ругая Западъ, оно хранитъ въ себѣ всѣ начала, продолжаетъ жить его заемною жизнью, словомъ, какъ выразился не помню кто, думаетъ

устроить на Руси свой домашній Западъ и безнаказанно упиваться сладостью всѣхъ тѣхъ грѣховъ, которые погубили Западъ! Поэтому, говорю откровенно, противно мнѣ бывало смотрѣть на какого-нибудь молодого, износившагося въ пустой и развратной жизни, франта, владѣтеля цѣлыхъ десятковъ тысячъ душъ крестьянъ, которые въ потѣ лица работаютъ кротко и усердно на удовлетвореніе безумной роскоши своего господина!.. А господинъ этотъ, полный глубокаго презрѣнія къ грубому, невѣжественному мужику, не умѣетъ безъ ошибокъ подписывать порусски своего имени, считаетъ себя уволеннымъ отъ обязанности, если не вѣрить, то почитать церковь и исполнять ея уставы. Вмѣсто того, чтобъ поучиться у народа его мудрости и смиренію, онъ, вступивъ въ службу, готовъ будетъ сейчасъ учить его по своему и навязывать ему Богъ знаетъ какія, только не русскія, теоріи. Такихъ господъ много, они на каждомъ шагу попадаются въ С.-Петербургѣ.

Очень понятно.

Бываютъ такіе, но за то несутъ на себѣ общее презрѣніе всѣхъ благомыслящихъ, которыхъ, слава Богу, еще довольно, и съ каждымъ днемъ болѣе.

Отецъ мой говоритъ, что негодованіе мое можетъ быть принято въ другомъ смыслѣ, т. е. въ либерально-западномъ. Если такъ, то весьма ошибутся тѣ, которые это подумаютъ. Я уже сказалъ, что всякій насильственный путь противенъ русскому народу, а, слѣдовательно, и всѣмъ тѣмъ, которые, какъ я, имѣютъ претензію держаться русскаго духа. Я убѣжденъ, что насиліе порождаетъ насиліе, нарушаетъ нравственную чистоту дѣла и никогда не приводитъ къ добру. Я считаю даже, что никакая цѣль никогда не оправдываетъ средствъ, и вѣрю Спасителю, сказавшему ученику своему, когда тотъ хотѣлъ его защитить (слѣдовательно, сдѣлать, кажется, святое дѣло): «всякій, поднявшій мечъ, мечомъ и погибнетъ».

Стало и не слѣдуетъ ему давать поводъ разными сужденіями, преувеличиваніями, и подобнаго рода выходками, которыя одною надменностію и неопытностію отзываются и искажаютъ чистоту намѣреній.

И потому, я желалъ бы только, чтобы мы сами, открывая другъ другу, мирнымъ путемъ убѣжденія,—наши заблужденія, постарались попасть на правую дорогу, устре-

мить всѣ свои силы на изученіе родной стороны, на пользу Россіи и ея народу, при содѣйствіи правительства, которое всегда благонамѣренно, но не всегда успѣваетъ въ своихъ желаніяхъ и которое во сто разъ благонамѣреннѣе самаго нашего общества; только правительство можетъ практически осуществить вознагражденіе русской народности и самобытное развитіе русской жизни.

Объясненіе мое на этотъ вопросъ нѣсколько длинно, но я счелъ нужнымъ распространиться и начать издалека, дабы предупредить всякое недоразумѣніе. Все, написанное мною, изложено съ самою полною откровенностью.

Вѣрю, но и въ добрыхъ намѣреніяхъ можно ошибаться; c'est le ton qui fait la musique.

4. Въ другомъ письмѣ, отъ 15-го февраля, родитель вашъ, упоминая, что вы сообщаете ему о предположеніяхъ по службѣ, сожалѣетъ, что пишете объ этомъ съ почтой, тогда какъ у васъ много оказій, присовокупляя: «а всего бы лучше вовсе не писать». Объясните съ тою же откровенностію обо всемъ, что вы писали насчетъ предположеній по службѣ.

Поводомъ къ этому письму моего отца послужило другое письмо мое, въ которомъ я писалъ, что отказался отъ предложеннаго мнѣ мѣста начальника отдѣленія, прибавляя, что отказался бы даже и отъ вицедиректорства, потому что цѣль моя на службѣ: ѣздить съ порученіями по Россіи и изучать ее во всѣхъ отношеніяхъ, не только по предмету возлагаемаго на меня порученія. Отецъ мой, по нѣжности своей ко мнѣ, вѣроятно, думаетъ, что подобный отзывъ, если бы дошелъ до свѣдѣнія моего начальства, повредилъ бы мнѣ въ его сужденіи обо мнѣ, какъ о чиновникѣ.

Ничуть, цѣль добрая, и начальникъ доступенъ.

5. Почему вы дозволили себѣ помѣщать въ вашихъ письмахъ извѣстія о заключеніи камеръ-юнкера Самарина въ крѣпость и почему принимали въ немъ участіе?

Я не понимаю, почему я въ письмѣ не могъ упомянуть о заключеніи камеръ-юнкера Самарина въ крѣпость, когда это было извѣстно всему городу, и всѣ объ этомъ говорили. Еслибъ это не было извѣстно, то всякій вправѣ былъ бы подумать, что онъ пропалъ безъ вѣсти. Управляющій дома Устинова, гдѣ квартировалъ Самаринъ, намѣревался было, какъ я самъ видѣлъ, подать въ полицію извѣщеніе о неизвѣстной отлучкѣ Самарина, но былъ отъ того удержанъ. Участіе въ Самаринѣ я принималъ потому, что знаю его уже лѣтъ семь, какъ умнаго, честнаго, образованнаго, даровитаго человѣка, съ твердымъ характеромъ и добросовѣстною душою, всѣмъ сердцемъ преданнаго Россіи.

6. Изъ отвѣтовъ родителя и брата вашего, Константина, на письма ваши о Самаринѣ, видно, что они вполнѣ раздѣляютъ негодованіе г. Самарина противъ остзейскихъ нѣмцевъ, а родитель вашъ, въ письмѣ о маскарадѣ, данномъ въ Москвѣ графомъ Закревскимъ, отдавая старинному русскому платью преимущество передъ всѣми костюмами, говоритъ, что московская публика возстаетъ общимъ бунтомъ на графа Закревскаго, что ругательство надъ русскимъ платьемъ въ маскарадѣ произвело на общество самое благопріятное дѣйствіе, и что послѣдствія его будутъ полезны. Если и вы раздѣляете мнѣнія вашихъ родственниковъ, то подробно объясните вашъ образъ мыслей по означеннымъ предметамъ?

Отецъ и братъ писали мнѣ о томъ, что раздѣляютъ негодованіе Самарина противъ нѣмцевъ въ Остзейскомъ краѣ. Я тоже раздѣляю это негодованіе, ибо, какъ русскій, не могу быть равнодушенъ къ положенію русскихъ въ Остзейскомъ краѣ. Впрочемъ, такъ же какъ и они, я не люблю нѣмцевъ, только какъ касту, дѣйствующую въ духѣ презрѣнія къ Россіи и къ ея народу, но въ частности уважаю и люблю ихъ, если они хорошіе люди. Доказательствомъ этому служитъ то, что у меня много пріятелей-нѣмцевъ. Что касается до возстанія всей московской публики противъ графа Закревскаго общимъ бунтомъ, то эти выраженія въ письмѣ моего отца относились, сколько помню я, къ тому, что графъ Закревскій, пригласивъ московское общество къ себѣ на folle journée, разстроилъ этимъ уже совсѣмъ заготовленный пикникъ; отказаться оно не посмѣло, но поѣхало къ графу весьма недовольное. Изъ тона письма моего отца слышно презрѣніе его вообще къ московской публикѣ, которая часто изволитъ гнѣваться на графа Закревскаго за его короткій судъ и расправу и въ то же время готова на всякое униженіе, чтобъ попасть въ салонъ графини Закревской. Что касается до выраженій его о русскомъ платьѣ, то они содержатъ ту мысль, что общество, надѣвъ русское платье, какъ шутовское, маскарадное, взамѣнъ арлекинскаго или шпанскаго костюма, почувствовало же однако красоту и удобство этого одѣянія и невольно спросило себя: отчего бы не ходить такъ всегда? Я не придаю платью большой важности, но думаю, однако, что еслибъ мы всѣ надѣли русское платье, то стали бы менѣе чужды народу и легче было бы намъ перевоспитать себя на русскій ладъ. Не говоря уже о томъ, что русскій нарядъ удобнѣе и красивѣе, я просто не понимаю, отчего костюмъ, принадлежащій чужой народности, со всѣми невыгодами и вреднымъ вліяніемъ иностранной моды, носить приличнѣе, чѣмъ наше народное платье?..

7) Братъ вашъ Григорій въ одномъ письмѣ изъ Симбирска, выхваляя Елачича и называя безумнымъ франкфурское собраніе, выражаетъ надежду, что Австрія изъ нѣмецкой превратится въ славянскую монархію. Не питаете ли вы и родственники ваши славянофильскихъ понятій и въ чемъ оныя состоятъ?

Братъ Григорій называетъ въ одномъ изъ писемъ своихъ франкфуртское собраніе безумнымъ. Я думаю, въ этомъ и спрашивающіе меня не сомнѣваются. Онъ выхваляетъ Елачича... Развѣ онъ не былъ достоинъ похвалы? Это призналъ и государь императоръ, наградившій его орденомъ. Что касается до мнѣнія его, что Австрія изъ нѣмецкой превратится въ славянскую монархію, то я также думалъ это, ибо нѣмецкіе элементы ея подгнили, и она давно бы рухнулась, еслибъ не поддержали ее славяне... Впрочемъ, можетъ быть, Австрія устоитъ и въ настоящемъ своемъ видѣ... Что касается до моихъ славянофильскихъ идей, то ни я, ни родственники мои, не славянофилы въ томъ смыслѣ, въ какомъ предложенъ этотъ вопросъ. Въ панславизмъ мы не вѣримъ, во-первыхъ, потому, что для этого необходимо было бы единовѣріе славянскихъ племенъ, а католицизмъ Богеміи и Польши — элементъ враждебный, чуждый, несмѣсимый съ элементомъ православія прочихъ славянъ; во-вторыхъ всѣ отдѣльные элементы славянскихъ народностей могли бы раствориться и слиться въ цѣлое только въ другомъ, крѣпчайшемъ, цѣльномъ, могучемъ элементѣ, т. е., въ русскомъ; въ-третьихъ, большая часть славянскихъ племенъ заражена вліяніемъ пустого, западнаго либерализма, который противенъ духу русскаго народа и никогда къ нему привиться не можетъ. Признаюсь, меня гораздо болѣе всѣхъ славянъ занимаетъ Русь, а брата моего Константина даже упрекаютъ въ совершеннѣйшемъ равнодушіи ко всѣмъ славянамъ, кромѣ Россіи, и то даже не всей, а собственно Великороссіи.

И дѣльно, потому что все прочее мечта. Одинъ Богъ можетъ опредѣлить, чему быть въ дальнемъ будущемъ; но ежели стеченіе обстоятельствъ и привело бы къ сему единству, оно будетъ на гибель Россіи.

8) Родитель вашъ, въ письмѣ отъ 8-го марта, писалъ къ вамъ: «жизнь въ Москвѣ сдѣлалась для меня еще несноснѣе: и обстоятельства требуютъ неукоснительно бѣгства, и

Это письмо моего отца касается чисто семейныхъ дѣлъ: разстройства финансовъ, болѣзни дочерей, а также и скуки, наводимой на него московской жизнью. Онъ охотно прожилъ бы въ деревнѣ всю зиму, ибо онъ и братъ мой Константинъ любятъ всею ду-

предметы общихъ разговоровъ, устремленіе общихъ интересовъ, непосредственно раздѣляемыхъ всѣми, имѣющихъ еще усилиться въ будущемъ— выводятъ меня изъ терпѣнія! Весьма затруднительно и не безвредно для меня, и будетъ странно, а какъ бы хорошо было уѣхать намъ съ Константиномъ въ Абрамцево. Въ чемъ состоитъ тягостное положеніе, въ которомъ находятся родитель и братъ вашъ, и какой настоящій смыслъ имѣетъ вышеизложенное письмо?

шою природу, деревню, и всѣ ея мирныя удовольствія. Прошлаго года отецъ мой уѣхалъ съ братомъ въ деревню въ самомъ началѣ весны, но простудился тамъ, сдѣлался очень боленъ и долженъ былъ воротиться въ Москву. Поэтому онъ и называетъ поѣздку въ деревню «небезвредною». Пустота ежедневныхъ общихъ интересовъ и разговоровъ нагоняетъ на него, при невозможности заниматься службою, такую сильную скуку, что онъ часто уходитъ въ другія комнаты, не дожидаясь отъѣзда гостей.

9) Между книгами вашими оказались: сочиненіе Штейна о соціализмѣ и коммунизмѣ и стихотворенія Мицкевича. Гдѣ и у кого пріобрѣли вы эти книги; не питаете ли вы мыслей коммунистическихъ и вообще противныхъ образу нашего правленія, и если питаете, то объясните со всею искренностію, какими путями вы приведены къ этому?

Найденныя у меня книги куплены въ Москвѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но когда именно и въ какомъ магазинѣ, не помню. Пріобрѣлъ же я ихъ изъ любознательности. Мицкевича купилъ потому, что самъ занимаюсь поэзіей и пишу стихи. Коммунистическихъ идей не раздѣляю. Свои мысли я изложилъ уже въ 3-мъ пунктѣ, и думаю, что въ нихъ нѣтъ ничего «противнаго образу нашего правленія».

10) У васъ еще оказались стихи вашего сочиненія, посланіе къ князю Оболенскому, въ 1843 г., въ которыхъ вы съ насмѣшкой отзываетесь о гражданской службѣ, о Сенатѣ, о наградахъ чинами и крестами. Не распространяли ли вы этихъ стиховъ и мыслей, въ нихъ заключающихся, и для чего сохраняли этотъ листокъ?

Посланіе къ князю Оболенскому, товарищу по училищу и сослуживцу, писано мною въ началѣ 1843 г., когда мнѣ было 19 лѣтъ... Оно заключаетъ въ себѣ юношеское разочарованіе въ службѣ, ибо формализмъ судебнаго дѣлопроизводства сильно охладилъ тогда мою пылкую ревность къ дѣятельности общеполезной. Мнѣ тогда страшно было вообразить, что прослужа лѣтъ 40 въ этой атмосферѣ, я могу совершенно подчиниться вліянію служебнаго формализма; сдѣлаться чиновникомъ, который думаетъ только объ очисткѣ бумагъ, о полученіи за это наградъ; смотрѣть на людей отвлеченно, не понимать ничего, кромѣ своихъ дѣлъ и постепенно заглушить въ себѣ живого человѣка, желавшаго нѣкогда только блага и пользы! Со временемъ я перемѣнилъ

мысли и думаю, что можно остаться чиновникомъ и сохранить въ себѣ человѣка... Листокъ этотъ сберегался совершенно случайно; впрочемъ, я и не видѣлъ надобности его истреблять.

11) Объясните, какую главную мысль предполагали вы выразить въ поэмѣ вашей: «Бродяга», и почему избрали бѣглаго человѣка предметомъ сочиненія?

Отчего выбралъ я бродягу предметомъ поэмы? Оттого, что образъ его показался мнѣ весьма поэтичнымъ, оттого, что это одно изъ явленій нашей народной жизни, оттого, что бродяга, гуляя по всей Россіи, какъ дома, даетъ мнѣ возможность сдѣлать стихотворное описаніе русской природы и русскаго быта въ разныхъ видахъ; оттого, наконецъ, что типъ этотъ мнѣ, какъ служившему столько лѣтъ по уголовной части, очень хорошо знакомъ. Крестьянинъ, отправляющійся бродить, вслѣдствіе какого-то безотчетнаго влеченія, по всему широкому пространству русскаго царства (гдѣ есть, гдѣ разгуляться), потомъ наскучившій этимъ и добровольно являющійся въ судъ,—вотъ герой моей поэмы. Написана еще только 1-я часть, которая сама можетъ дать за себя объясненіе.

12) Не имѣете ли еще что-либо присовокупить къ поясненію предложеннаго вамъ въ предыдущихъ вопросахъ?

Кажется, ничего больше присовокупить не имѣю, кромѣ того, во-первыхъ, что я до сихъ поръ не знаю, зачѣмъ я арестованъ и въ чемъ меня обвиняютъ? во-вторыхъ, все предыдущее изложено мною по долгу совѣсти, безъ малѣйшей утайки, въ третьихъ, что я чувствую себя совершенно чистымъ передъ Богомъ, Россіей и государемъ и вполнѣ надѣюсь на милость Божію и на равосудіе правительства.

Аксаковъ скоро былъ выпущенъ на свободу: онъ арестованъ 17-го марта, а 22-го марта 1849 года «содержавшійся при III Отдѣленіи въ столовой залѣ графской половины Аксаковъ освобожденъ». Но кратковременное пребываніе подъ арестомъ не разъ откликалось впослѣдствіи. Вотъ одно изъ доказательствъ. Въ 1853 году Аксакову открывалась возможность совершить научное путешествіе, и онъ обратился къ графу Ал. Ѳед. Орлову съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Прежде всего я долженъ принесть вашему сіятельству извиненіе въ томъ, что рѣшаюсь утруждать васъ своею просьбою, но

въ моемъ затруднительномъ положеніи я не могъ поступить иначе, да и думаю, что прямой путь, прямое обращеніе къ такому лицу, какъ вы, графъ, предпочтительнѣе всякихъ дорогъ косвенныхъ и окольныхъ.

«Въ концѣ этого мѣсяца снимется съ якоря и отправится въ дальнее плаваніе, т. е. къ нашему Камчатскому порту 64-хъ пушечный военный фрегатъ «Діана». Рѣдко представляется возможность совершить такое отдаленное, любопытное, разнообразное путешествіе, и я почелъ бы себя истинно счастливымъ, еслибъ мнѣ удалось какъ-нибудь воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Не говоря о любознательности, о склонности моей къ географическимъ занятіямъ и къ путешествіямъ, склонности, которую, по ограниченности моихъ денежныхъ средствъ, я удовлетворить никогда не былъ въ состояніи, я глубоко убѣжденъ, что это плаваніе доставитъ мнѣ возможность приложить съ пользою къ дѣлу тѣ немногія дарованія, которыя имѣю. Я всею душою желаю служить Россіи, но чувствую, что призванъ служить ей скорѣе на поприщѣ литературномъ, чѣмъ на какомъ-либо иномъ; а ваше сіятельство, вѣрно, согласитесь, что добросовѣстный, благонамѣренный, ученый или литературный трудъ можетъ быть не менѣе важенъ и полезенъ для государства, какъ и всякій другой честный трудъ... Между тѣмъ, у насъ нѣтъ ни одного новѣйшаго литературнаго описанія морскихъ путешествій и странъ отдаленныхъ; въ этомъ отношеніи мы руководствуемся обыкновенно сочиненіями англійскими и французскими, слѣдовательно и смотримъ на описываемыя ими страны съ точки зрѣнія англійской и французской, а не съ точки зрѣнія русскаго человѣка, взглядъ котораго можетъ быть свѣжѣе и самобытнѣе. Я вовсе не имѣю притязанія думать, что описанія мои будутъ отвѣчать всѣмъ строгимъ требованіямъ современнаго просвѣщенія, но въ одномъ ручаюсь безбоязненно, что принесу въ дѣло всѣ способности, какими только надѣлилъ меня Богъ, горячую добросовѣстность труда и искреннее стремленіе къ пользѣ. О желаніи моемъ было доведено до свѣдѣнія его императорскаго высочества генералъ-адмирала, и его высочество изволилъ отозваться, что мѣсто для меня на фрегатѣ найдется, какъ скоро я буду облеченъ какимъ-нибудь оффиціальнымъ порученіемъ отъ посторонняго вѣдомства. Но въ пріисканіи этого оффиціальнаго порученія я и опасаюсь встрѣтить главнѣйшее затрудненіе, тѣмъ болѣе, что есть обстоятельства, которыя ваше сіятельство хорошо знаете, но которыя, будучи извѣстны другимъ только по слуху, могутъ быть сочтены препятствіемъ къ командировкѣ меня въ дальнее плаваніе.

«Вашему сіятельству довольно извѣстны и мой образъ мыслей, и мой характеръ. Если я и поступалъ неблагоразумно, то все-таки поступалъ честно и всегда дѣйствовалъ по крайней мѣрѣ прямо и

открыто. Подвергая себя теперь добровольной разлукѣ съ семьей, друзьями и родиной, я руководствуюсь самыми чистыми, самыми честными намѣреніями. Это сознаніе даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вашему сіятельству прямо, безъ обиняковъ, съ моею покорнѣйшею и горячею просьбою: исходатайствовать мнѣ у государя императора дозволеніе отправиться на фрегатѣ «Діана» на собственный мой счетъ, или насчетъ министерства народнаго просвѣщенія и географическаго Общества, если послѣднія будутъ согласны дать мнѣ какое-нибудь порученіе. Съ своей же стороны я готовъ исполнять и всякое другое порученіе, которое, во время плаванія, угодно будетъ возложить на меня начальству фрегата. Ваше сіятельство обяжете меня самою искреннѣйшею благодарностью, а я употреблю всѣ усилія, чтобъ путешествіе мое было дѣйствительно не безполезно для русской науки и литературы» [1]).

Графъ Орловъ, на основаніи справки объ арестѣ, полагалъ, что Аксакова «отпускать не должно», и съ этимъ мнѣніемъ государь былъ «совершенно согласенъ». Письмо Аксакова оставлено безъ отвѣта.

Тяжелое впечатлѣніе произвело на государя письмо Аксакова къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, во время Крымской войны. Въ этомъ письмѣ Аксаковъ говоритъ:

«1855-й годъ будетъ сѣрый, безъ ведра и безъ сильной грозы. Однако, тучи все тѣснѣе и сильнѣе будутъ облегать небо. Изъ иностранныхъ газетъ видно, что идутъ переговоры о мирѣ, что на конференціяхъ Пруссія и даже Австрія изъявляютъ желаніе, чтобы положено было непремѣннымъ условіемъ: сохранить цѣлость Россійской имперіи. Вотъ оно до чего дошло! Про положеніе нашихъ крымскихъ дѣлъ, про управленіе, про грабежъ чиновниковъ въ Крыму разсказываютъ ужасы. Такъ и должно быть! Порядокъ вещей разлагается; страшная деспотическая сила, мечтавшая съ такою дерзкою самостоятельностію замѣнить собою силу жизни, является во всей своей несостоятельности. Пусть же ее банкрутится! Только жаль бѣдныхъ русскихъ солдатъ!.. Говорятъ: Петербургъ теперь отвратительнѣе, чѣмъ когда-либо, и умѣетъ соглашать свой патріотизмъ съ большимъ, чѣмъ прежде, поклоненіемъ Западу. Покуда возможенъ патріотизмъ въ Петербургѣ, до тѣхъ поръ нечего ожидать добра Россіи. Петербургскій патріотизмъ не возродитъ Россію къ новой жизни; онъ чисто внѣшній, государственный, такое же достояніе Запада, какъ всѣ моды, пороки и добродѣтели, перенесенные оттуда, какъ point d'honneur и проч. и проч. Петербургъ долженъ только каяться, но онъ вовсе не кается, и его ненависть къ Западу по-

---

[1]) Письмо 1-го сентября 1853 года.

хожа на ненависть холопа—parvenu, разбогатѣвшаго и перенявшаго пріемы и образъ жизни своего бывшаго господина съ страшными претензіями на самостоятельность» [1]).

Прочитавши это письмо, государь замѣтилъ: «Хорошъ голубчикъ» [2]).

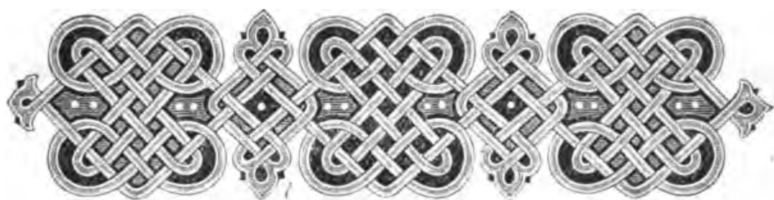
М. И. Сухомлиновъ.

---

[1]) Письмо изъ Москвы въ Петербургъ, поданное на почту 3-го января 1855 года.

[2]) Письмо Аксакова, по своему содержанію и тону, служитъ отголоскомъ настроенія, вызваннаго событіями Крымской войны.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И ПРУССКІЙ ДВОРЪ.

ЛИЧНЫЯ отношенія императора Николая къ прусскому королевскому дому касаются эпохи сравнительно не отдаленной, но мало разработаны въ исторической литературѣ и остаются до сего времени почти неизвѣстными русскому обществу. Хотя они и носили на себѣ преимущественно родственный и семейный отпечатокъ, но, однако, этою стороною далеко еще не исчерпывается ихъ значеніе. Они, несомнѣнно, отразились и на общемъ направленіи внѣшней политики Россіи въ продолженіе тридцатилѣтняго царствованія и, съ этой точки зрѣнія, представляютъ, независимо отъ бытового, и большой политическій интересъ.

Пруссія первой половины настоящаго столѣтія далека была по своему пространству и могуществу отъ того государства, которое стоитъ нынѣ во главѣ объединенной Германіи. Съ тогдашнимъ пятнадцатимилліоннымъ населеніемъ своимъ, она была слабѣйшею изъ великихъ державъ Европы. Въ случаѣ столкновенія съ могучими сосѣдями, она не могла надѣяться отстоять независимость свою однѣми собственными силами. Ей необходимъ былъ твердый оплотъ извнѣ и такимъ оплотомъ съ 1813 года явилась для нея Россія. Она могла тѣмъ болѣе положиться на насъ, что русская дружба покоилась не столько на политическомъ разсчетѣ, сколько на личной глубокой и искренней привязанности къ королю Фридриху-Вильгельму III двухъ русскихъ государей, изъ коихъ первый почиталъ въ немъ сподвижника своего въ великомъ дѣлѣ освобожденія Европы, второй же уважалъ тестя и маститаго представителя

политической системы, извѣстной въ исторіи подъ названіемъ Священнаго Союза.

Еще при жизни императора Николая, а въ особенности послѣ его смерти, германскіе историки и публицисты изъ національно-либеральнаго лагеря пытались заподозрить отношенія его къ прусскому двору, приписывая ему своекорыстные и честолюбивые замыслы, желаніе господствовать надъ слабымъ и податливымъ сосѣдомъ. Жалобы эти раздаются и доселѣ, каждый разъ, какъ въ нѣмецкой печати возбуждается вопросъ объ обязательствахъ Германіи предъ Россіею, обязательствахъ, кои современные нѣмцы всячески стараются, если не опровергнуть, то, по крайней мѣрѣ, отрицать. Основательное и безпристрастное знакомство съ историческими фактами приводитъ къ совершенно противоположному выводу. Оно несомнѣнно доказываетъ, что въ сношеніяхъ съ Пруссіею, болѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо, императоръ Николай увлекался свойственнымъ ему великодушіемъ и безкорыстіемъ, и всѣми силами споспѣшествовалъ развитію и утвержденію международнаго положенія этой державы, всегда готовый защищать ее отъ внѣшнихъ нападеній, и не дозволяя себѣ при этомъ ни малѣйшаго посягательства на ея внутреннюю самостоятельность. Подъ могучимъ его покровомъ выросла и окрѣпла Пруссія и развила въ себѣ тѣ нравственныя и матеріальныя силы, которыя дали ей возможность двадцать лѣтъ тому назадъ взять въ свои руки дѣло единства Германіи и осуществить въ свою пользу эту завѣтную мечту нѣмецкаго народа.

Справедливость требуетъ признать, что императоръ Николай не желалъ и не допускалъ этого результата, потому уже, что достигнуть его нельзя было иначе, какъ путемъ ниспроверженія порядка, установленнаго въ Европѣ Вѣнскимъ конгрессомъ, порядка, поддержаніе коего государь считалъ обязанностью не только своею, но и всѣхъ прочихъ европейскихъ монарховъ. Руководившее имъ въ семъ случаѣ чувство законности и уваженія къ существующимъ договорамъ вполнѣ совпадало съ политическимъ интересомъ Россіи и съ вѣковыми преданіями политики русскаго двора, всегда стремившагося къ соблюденію равновѣсія въ Германіи между домами габсбургскимъ и гогенцоллернскимъ. Этого доселѣ не могутъ простить памяти императора Николая нѣмецкіе писатели-патріоты, не принимая въ соображеніе, что находясь въ одинаковыхъ союзныхъ отношеніяхъ къ дворамъ вѣнскому и берлинскому, онъ не могъ, безъ нарушенія торжественно принятыхъ обязательствъ, отдать одного на жертву другому. Они забываютъ также, что образъ мыслей русскаго государя вполнѣ раздѣлялъ и самъ тесть его, король Фридрихъ-Вильгельмъ III, а до революціи 1848 года и оба сына послѣдняго, занимавшіе послѣдовательно прусскій престолъ.

Императоръ Николай не могъ сочувствовать и преобразованію Пруссіи въ государство конституціонное, начало коему было поло-

жено въ первые же годы по воцареніи Фридриха-Вильгельма IV. Онъ искренно любилъ и уважалъ Пруссію, но Пруссію государственную, историческую, съ ея военною организаціею и строгою дисциплиною во всѣхъ отрасляхъ народной жизни, управляемую неограниченною властью короля, дружественно расположенную къ Россіи и благодарную ей за жертвы, ею принесенныя возстановленію монархіи Великаго Фридриха въ прежнемъ блескѣ и могуществѣ.

Смѣемъ надѣяться, что въ нижеслѣдующихъ страницахъ, излагающихъ личныя отношенія государя къ берлинскому двору за сорокъ слишкомъ лѣтъ (1814—1855 гг.), намъ удастся разсѣять ложь и клевету, распущенныя его и нашими недоброжелателями, и возстановить во всей чистотѣ и безупречности нравственный обликъ императора Николая, какъ преданнаго родственника и друга прусской династіи, добраго сосѣда и вѣрнаго союзника прусскаго государства и народа.

I.

Помолвка.

Русско-прусскія отношенія въ началѣ XIX вѣка. — Союзъ 1813 года. — Предположеніе о скрѣпленіи его союзомъ родственнымъ между императорскимъ и королевскимъ домами. — Неудачныя попытки такого союза въ XVIII столѣтіи. — Нерасположеніе къ нему Фридриха II. — Первое посѣщеніе Берлина великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Павловичами.—Празднества въ Берлинѣ при возвращеніи русскихъ войскъ изъ Франціи въ 1814 году. — Личная дружба короля Фридриха-Вильгельма III къ императору Александру I. — Помолвка великаго князя Николая съ принцессою Шарлоттою.— Путешествіе его по чужимъ краямъ. — Наставленіе принцессы въ правилахъ православной вѣры.

Въ исторіи международныхъ сношеній европейскихъ государствъ не существуетъ другого примѣра столь быстрыхъ и рѣзкихъ перемѣнъ, какъ тѣ, которыя въ продолженіе первыхъ тринадцати лѣтъ настоящаго столѣтія происходили во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Пруссіи, нѣсколько разъ переходившихъ отъ самой тѣсной дружбы къ открытой враждѣ. Причиною ихъ была слабость и нерѣшительность короля Фридриха-Вильгельма III и постоянныя колебанія его между естественнымъ влеченіемъ къ Россіи и страхомъ, внушаемымъ ему и его министрамъ Наполеоновскою Франціею.

На второй годъ по воцареніи императора Александра I, при личномъ свиданіи съ нимъ въ Мемелѣ, король прусскій поклялся ему въ вѣчной дружбѣ [1]), но уже въ слѣдующемъ году предлагалъ На-

---

[1]) Свиданіе императора Александра I съ королемъ и королевою прусскими произошло въ Мемелѣ, съ 29-го мая (10-го іюня) по 4-е (16-е) іюня 1802 года.

полеону вступить съ нимъ въ наступательный и оборонительный союзъ [1]). Годъ спустя, берлинскій дворъ снова сблизился съ нашимъ и обмѣнялся съ нимъ деклараціями, устанавливавшими общія мѣры противодѣйствія французскимъ захватамъ [2]). Но какъ только дѣло дошло до ихъ приведенія въ исполненіе, король не только отказался приступить къ коалиціи, состоявшейся между Россіею, Англіею и Австріею, но и воспротивился проходу русскихъ войскъ чрезъ свои владѣнія, заявивъ, что сочтетъ это за объявленіе войны. Войска наши уже готовились къ вторженію силою въ прусскіе предѣлы, когда въ намѣреніяхъ короля произошла новая перемѣна, вызванная нарушеніемъ прусскаго нейтралитета императоромъ французовъ, направившимъ одинъ изъ своихъ корпусовъ чрезъ принадлежавшія тогда Пруссіи княжества Ансбахъ и Байрейтъ въ Франконіи. Послѣдствіемъ было прибытіе императора Александра въ Берлинъ, возобновленіе клятвы въ вѣчной дружбѣ на гробницѣ Фридриха Великаго и заключеніе въ Потсдамѣ договора, коимъ Пруссія обязалась сначала предложить воюющимъ сторонамъ свое посредничество на соглашенныхъ съ нами условіяхъ, а въ случаѣ ихъ отверженія, присоединить всѣ свои силы къ силамъ Россіи, Австріи и Англіи для общаго дѣйствія противъ Наполеона [3]). Не прошло и шести недѣль со дня подписанія Потсдамскаго договора, какъ берлинскій дворъ, устрашенный исходомъ Аустерлицкаго сраженія, спѣшилъ не только покинуть своихъ союзниковъ, но и заключить съ Франціею союзный трактатъ, по которому онъ изъ рукъ Наполеона принялъ Ганноверскую область, принадлежавшую королю великобританскому [4]). Въ продолженіе всего 1806 года, онъ велъ переговоры въ противуположномъ направленіи, съ Франціею—чрезъ графа Гауквица и чрезъ барона Гарденберга—съ Россіею, переговоры, приведшіе, наконецъ, къ войнѣ съ первою державою, при содѣйствіи второй. Извѣстны гибельныя для Пруссіи событія этой войны, полное уничтоженіе ея военной силы и покореніе французами всей территоріи королевства. По Тильзитскому мирному договору, Наполеонъ лишь изъ уваженія къ императору всероссійскому возвратилъ королю прусскому часть его владѣній [5]), что не мѣшало прусскимъ министрамъ обвинять насъ въ вѣроломствѣ и въ «постыдной» измѣнѣ нашему союзническому долгу [6]). Король, по-

---

[1]) См. Thiers: «Histoire du Consulat et de l'Empire», V, стр. 3—9.

[2]) Русская и прусская деклараціи, 12-го (24-го) мая 1804 года.

[3]) Потсдамскій договоръ между Россіею и Пруссіею, 22-го октября (3-го ноября) 1805 года.

[4]) Шёнбрунскій договоръ между Франціею и Пруссіею, 3-го (15-го) декабря 1805 года.

[5]) Тильзитскій договоръ между Россіею и Франціею, 26-го іюня (8-го іюля) 1807 года.

[6]) Denkwürdigkeiten des Fürsten von Hardenberg, III, стр. 525.

видимому, не раздѣлялъ этого мнѣнія. По крайней мѣрѣ, ни къ кому иному, какъ къ императору Александру, обращался онъ съ просьбами объ исходатайствованіи у Наполеона облегченія тяжелыхъ условій, наложенныхъ императоромъ французовъ на Пруссію.

Въ концѣ 1808 года, онъ и королева посѣтили въ Петербургѣ своего великодушнаго заступника [1]). Но когда начали обнаруживаться признаки близкаго разрыва между Россіею и Франціею, въ шаткомъ умѣ Фридриха-Вильгельма III возобновились прежнія колебанія. Королева Луиза, ревностная сторонница русскаго союза, между тѣмъ, скончалась, министръ, баронъ Штейнъ, былъ удаленъ отъ должности по требованію Наполеона, и король, и совѣтники его, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе склонялись въ пользу сближенія съ тюильрійскимъ дворомъ. Въ оправданіе имъ, слѣдуетъ замѣтить, что французскія войска занимали еще бо̀льшую часть прусской территоріи, что важнѣйшія крѣпости были въ рукахъ французовъ, что прусская армія была низведена до численнаго состава въ 45,000 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе сначала, казалось, чувство негодованія за претерпѣнное униженіе возьметъ верхъ надъ соображеніями политическаго свойства и осенью 1811 года въ Петербургъ былъ отправленъ начальникъ прусскаго генеральнаго штаба, генералъ Шарнгорстъ, который заключилъ съ русскимъ государственнымъ канцлеромъ, графомъ Румянцовымъ, и военнымъ министромъ, Барклаемъ де-Толли, тайную конвенцію о совокупномъ дѣйствіи противъ Франціи въ случаѣ объявленія ею войны Россіи [2]). Но король не утвердилъ этой конвенціи. Напротивъ, онъ взялъ на себя починъ предложенія французскому правительству наступательнаго и оборонительнаго союза именно противъ Россіи. Союзный договоръ между Франціею и Пруссіею былъ подписанъ въ началѣ 1812 года. Въ силу его, Пруссія ставила въ распоряженіе Наполеона двадцатитысячный вспомогательный корпусъ для войны съ Россіею, за что при заключеніи мира ей обѣщалось территоріальное вознагражденіе на счетъ русскихъ владѣній [3]). Само собою разумѣется, что войскамъ императора французовъ и его союзниковъ, имѣвшимъ вторгнуться въ Россію, обезпечивался свободный проходъ чрезъ прус-

---

[1]) Король и королева прусскія пробыли въ Петербургѣ около мѣсяца, съ 26-го декабря 1808 года (7-го января 1809 года) по 19-е (31-е) января 1809 года.

[2]) Петербургская конвенція между Россіею и Пруссіею, 5-го (17-го октября) 1811 года.

[3]) Въ бумагахъ генерала Михайловскаго-Данилевскаго имѣется слѣдующая собственноручная его замѣтка по этому вопросу: «Пруссія требовала Курляндію, Лифляндію и Эстляндію. Когда Наполеону объ этомъ доложилъ Бассано, то онъ сказалъ: «Et le serment sur le tombeau de Frédéric? (а клятва на гробѣ Фридриха?)» Къ сожалѣнію почтенный историкъ не указалъ на источникъ изъ котораго почерпнулъ это свѣдѣніе. Впрочемъ, оно подтверждается данными, обнародованными профессоромъ Онкеномъ въ его изслѣдованіи: «Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege».

скія области[1]). Доводя объ этомъ до свѣдѣнія государя, король Фридрихъ-Вильгельмъ искалъ извинить свой поступокъ настоятельною необходимостью. «Мнѣ нѣтъ надобности»,—писалъ онъ,—«высказывать вамъ, чего стоило мнѣ принять такое рѣшеніе, но я вѣрю, что исполнилъ мой первый долгъ, принеся самыя дорогія мои чувства въ жертву сохраненію государства и я полагаюсь въ томъ на мою совѣсть. И такъ, государь, пожалѣйте обо мнѣ, но не осуждайте меня... Какой бы оборотъ не приняли событія, моя неизмѣнная преданность къ особѣ вашего величества не потеряетъ своей силы. Если вспыхнетъ война, то мы нанесемъ другъ другу вреда лишь настолько, насколько того потребуетъ крайняя необходимость. Мы всегда вспомнимъ, что мы друзья, что мы должны когда-нибудь снова стать союзниками и, уступая непреодолимой силѣ, мы сохранимъ свободу и искренность нашихъ чувствъ»[2]).

Неожиданная развязка кровавой драмы 1812 года привела прусское правительство въ крайнее замѣшательство. «Великой» арміи не существовало, побѣдоносныя русскія войска готовились перейти Нѣманъ, воззваніе князя Кутузова, обращенное къ германскимъ государямъ и народамъ, приглашало ихъ сбросить съ себя ненавистное иго французовъ, и съ русскою помощью отвоевать независимость отечества. Но съ другой стороны, французскіе отряды занимали главныя крѣпости королевства и самую столицу; король, его семейство, всѣ министры, были въ ихъ власти. И армія, и народъ, громко требовали расторженія союза съ Наполеономъ и соединенія съ русскими, въ коихъ они привѣтствовали освободителей Германіи. Но правительство долго колебалось. Чрезвычайные посланные отправлены были въ Парижъ и въ главную квартиру императора Александра. Командиръ прусскаго вспомогательнаго корпуса, генералъ Іоркъ, подалъ первый примѣръ отпаденія отъ французовъ, подписавъ конвенцію съ русскимъ уполномоченнымъ, генераломъ Дибичемъ, о непринятіи участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ, впредь до полученія приказаній короля. Вслѣдъ за тѣмъ, въ самый новый годъ, войска наши вступили въ восточную Пруссію и въ герцогство Варшавское. Они уже заняли Кёнигсбергъ, когда, наконецъ, король рѣшился покинуть Берлинъ, находившійся во власти французовъ, и искать со всею своею семьею убѣжища въ Бреславлѣ, въ Силезіи. Оттуда посланы были во всѣ концы Пруссіи приказанія о приведеніи арміи на военную ногу. Въ письмѣ къ государю, Фридрихъ-Вильгельмъ извѣщалъ, что полковнику

---

[1]) Парижскій договоръ между Пруссіею и Франціею, 12-го (24-го) февраля 1812 года. Подобный же трактатъ заключенъ былъ Франціею съ Австріею, 2-го (14-го) марта того же года.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ III императору Александру I, 19-го (31-го) марта 1812 года.

Кнезебеку поручено вступить въ переговоры относительно заключенія «договора дружбы и союза», который,—присовокуплялъ онъ,— «надѣюсь навсегда соединитъ наши государства, подобно тому, какъ сами мы соединены душою и чувствомъ» [1]).

Но прошло не мало времени, прежде чѣмъ договоръ этотъ состоялся. Переговоры велись въ Калишѣ, въ нашей главной квартирѣ. Прусскій уполномоченный предъявлялъ странныя притязанія, какъ будто дѣло шло не объ освобожденіи Пруссіи Россіею, а наоборотъ. Онъ требовалъ, между прочимъ, чтобы русскій дворъ напередъ отказался отъ какихъ бы то ни было завоеваній и обѣщалъ возвратить королю нѣкогда принадлежавшія ему земли, входившія въ составъ Варшавскаго герцогства. Чтобы положить конецъ этимъ неумѣстнымъ препирательствамъ, императоръ Александръ отправилъ собственныхъ уполномоченныхъ къ королю, въ Бреславль, съ готовымъ проектомъ союзнаго трактата. Въ немъ заключалось обязательство Россіи всѣми силами содѣйствовать возстановленію Прусской монархіи въ прежней ея силѣ и пространствѣ и не полагать оружія, доколѣ результатъ этотъ не будетъ достигнутъ. Король и его канцлеръ, баронъ Гарденбергъ, приняли русскій проектъ безъ малѣйшаго измѣненія. Трактатъ былъ подписанъ въ Бреславлѣ Гарденбергомъ 15-го (27) и Кутузовымъ въ Калишѣ 16-го (28) февраля 1813 года, то есть когда уже наши казачьи разъѣзды показались въ ближайшихъ окрестностяхъ Берлина. Три дня спустя, русскія войска, подъ главнымъ начальствомъ графа Витгенштейна, заняли оставленную французами столицу Пруссіи.

Императоръ Александръ спѣшилъ въ Бреславль обнять своего стараго друга и вновь обрѣтеннаго союзника. Король издалъ воззваніе къ своему народу, соединилъ войска свои съ русскими и объявилъ войну Франціи. Одновременно возстановлены были правильныя дипломатическія сношенія между двумя союзными дворами. Посланникомъ въ Берлинъ государь назначилъ Даніила Алопеуса, братъ котораго долгіе годы представлялъ Россію въ Пруссіи. Въ инструкціи, данной этому дипломату, его величество вмѣнялъ ему въ обязанность стараться обратить прусскую монархію «въ авангардъ Россіи, привязавъ ее къ вѣсамъ сѣвера, въ общемъ равновѣсіи» [2]).

Съ этого времени, король Фридрихъ Вильгельмъ III уже до конца жизни оставался вѣренъ союзу и дружбѣ своей съ русскимъ дворомъ. Личная привязанность его къ императору Александру возрасла и окрѣпла въ продолженіе кампаніи 1813 года, блестящіе

---

[1]) Король Фридрихъ-Вельгельмъ III императору Александру I, 27-го января (8-го февраля) 1813 года.

[2]) Императоръ Александръ I Даніилу Алопеусу, мартъ 1813 года.

успѣхи которой, имѣвшіе послѣдствіемъ независимость Пруссіи и всей Германіи, могли только развить и усилить чувства признательности короля къ тому, кого тогда уже называли освободителемъ Европы. Послѣ Лейпцигской битвы, обезпечившей торжество «общаго дѣла», естественно, зародилась въ умѣ обоихъ государей мысль скрѣпить установившуюся между ними дружескую связь родственными узами между ихъ царственными семьями.

Не смотря на вѣковыя союзническія отношенія между Россіею и Пруссіею, русскій императорскій домъ ни разу до того еще не породнился съ прусскою королевскою фамиліею. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія была рѣчь о бракѣ между старшимъ сыномъ короля Фридриха Вильгельма II, наслѣднымъ принцомъ Фридрихомъ съ принцессою Анною Мекленбургскою, племянницею императрицы Анны Ивановны и будущею наслѣдницею русскаго престола. Нелюбившій своего первенца старый король желалъ посредствомъ этого брака устранить его отъ наслѣдованія въ Пруссіи, которая по воцареніи Фридриха въ Россіи перешла бы къ его брату. «Хорошо»,—писалъ по этому поводу Фридрихъ Вильгельмъ II своему посланнику при петербургскомъ дворѣ—«пусть старшій мой сынъ отречется и будетъ русскимъ императоромъ, другой сынъ—королемъ прусскимъ. Вы должны работать въ этомъ смыслѣ, вести всѣ переговоры самымъ тайнымъ образомъ, а также ничего не говорить Лёвенвольду» [1]. Но бракъ этотъ не состоялся, отчасти благодаря проискамъ вѣнскаго двора, главнымъ же образомъ вслѣдствіе неохоты кронпринца Фридриха отречься отъ наслѣдственныхъ правъ своихъ на прусскій престолъ [2]. Когда, десять лѣтъ спустя, императрица Елисавета искала невѣсты для племянника и будущаго своего преемника великаго князя Петра Ѳедоровича и русскій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ обратилъ вниманіе государыни на принцессу Амалію, сестру короля Фридриха II прусскаго, то послѣдній предписалъ своему представителю въ Петербургѣ «избѣгать и уклоняться отъ всякихъ разсужденій о бракѣ» [3]. «Его королевское величество знать ничего не хочетъ о русскомъ свадебномъ дѣлѣ»,—писалъ его секретарь министру иностранныхъ дѣлъ [4]. Но когда король узналъ о предположеніи женить великаго князя на саксонской принцессѣ, то постарался разстроить этотъ бракъ, опасный для Пруссіи. Онъ поручилъ Мардефельду обратить вниманіе императрицы на единственную дочь принцессы Ангальтъ-Цербтской,

---

[1]) Собственноручная резолюція короля Фридриха Вильгельма II на донесенія Мардефельда изъ Петербурга, сентябрь 1731 года.

Принцъ Евгеній Савойскій къ австрійскому посланнику въ Берлинѣ, графу Секендорфу, 16-го (27) декабря 1730 и 12-го (23) февраля 1731 года.

[3]) Кабинетъ секретарь Ейхель государственному министру, графу Подевильсу, 19-го (30) іюля 1742 года.

[4]) Отъ того же къ тому же, 24-го августа (4 сентября) 1742 года.

«которой хотя всего лишь четырнадцать лѣтъ, но она прекрасна, статна и уже вполнѣ развита... Что же касается до сестеръ моихъ,— тутъ же прибавилъ онъ,—то вамъ достаточно извѣстно рѣшеніе мое не выдавать ни одной изъ нихъ замужъ въ Россію. Итакъ, вы должны ловко устроить, чтобы мнѣ о томъ никогда не говорили» [1]).

Такимъ образомъ, рѣшеніе короля Фридриха Вильгельма III вступить въ родственную связь съ русскимъ императорскимъ домомъ противорѣчило семейнымъ преданіямъ Гогенцоллерновъ. Отъ брака его съ королевою Луизою, скончавшеюся въ 1810 году, у него было четыре сына и двѣ дочери. Старшей изъ послѣднихъ, принцессѣ Фридерикѣ-Луизѣ-Шарлотѣ-Вильгельминѣ минулъ шестнадцатый годъ. Ее-то и было предположено выдать за втораго брата императора Александра, тогда еще восемнадцатилѣтняго великаго князя Николая Павловича.

Вскорѣ послѣ Лейпцигской битвы, король Фридрихъ-Вильгельмъ III прибылъ на нѣсколько дней изъ арміи въ Берлинъ, и тамъ повѣдалъ намѣреніе свое почтенной оберъ-гофмейстеринѣ покойной королевы, графинѣ Фоссъ, заступившей по смерти ея малолѣтнимъ дѣтямъ мѣсто матери. Графиня обратилась къ придворному проповѣднику пастору Заку съ вопросомъ: какъ быть съ перемѣною вѣры, требуемою русскими законами? Тотъ отвѣчалъ, что такъ какъ принцесса еще не конфирмована въ евангелическомъ исповѣданіи, то она въ правѣ, если пожелаетъ, принять православную вѣру [2]).

Въ январѣ 1814 года, союзные государи, во главѣ своихъ армій перешли за Рейнъ и вступили въ предѣлы Франціи. Между тѣмъ, прусская королевская семья, находившаяся до тѣхъ поръ въ Штаргардѣ, возвратилась въ Берлинъ. Скоро чрезъ прусскую столицу проѣхала, направляясь къ Карлсруэ, императрица Елисавета Алексѣевна и лично познакомилась съ будущею своею золовкою, которая, по словамъ графини Фоссъ, «выглядѣла прекрасно и превосходно вела себя» [3]). Вслѣдъ за императрицею, 24-го января (5 февраля), прибыли въ Берлинъ, слѣдовавшіе въ главную квартиру русской арміи великіе князья Николай и Михаилъ. Посланникъ Алопеусъ выѣхалъ имъ на встрѣчу въ Мюнхебергъ, и они остановились въ посольскомъ домѣ. Молодые путешественники соблюдали строжайшее инкогнито, странствуя подъ именемъ графовъ Романовыхъ. На другой день, они сдѣлали визитъ дѣтямъ короля въ замкѣ и здѣсь великій князь Николай Павловичъ въ первый разъ увидалъ будущую свою невѣсту. Онъ былъ красивый статный юноша и съ перваго разу понравился молодой миловидной принцессѣ, ко-

---

[1]) Король Фридрихъ II Мардефельду, 22-го октября (2 ноября) 1743 года.
[2]) Дневникъ графини Фоссъ, 24-го октября (6 ноября) 1813 года.
[3]) Тотъ же дневникъ, 11-го (23) января 1814 года.

торая и на него произвела сильное впечатлѣніе. Въ честь великихъ князей состоялся у князя Радзивила, женатаго на дочери принца Фердинанда Прусскаго, парадный обѣдъ на 60 приглашенныхъ. Вечеръ ихъ высочества провели въ оперѣ и изъ театра снова заѣхали въ замокъ проститься съ принцомъ и принцессами. Въ ту же ночь они выѣхали изъ Берлина. Графиня Фоссъ вручила имъ письмо на имя короля, въ которомъ извѣщала, что «въ виду извѣстныхъ предположеній, ей въ особенности понравился старшій изъ великихъ князей» [1]).

Великія событія, совершившіяся въ теченіе года, взятіе Парижа, низложеніе Наполеона, Вѣнскій конгрессъ, а также крайняя молодость великаго князя и принцессы, заставили императора и короля отложить на нѣкоторое время осуществленіе ихъ намѣренія. Николай Павловичъ не присутствовалъ при торжественномъ чествованіи въ Берлинѣ русской гвардіи, возвращавшейся въ отечество изъ французскаго похода. По этому случаю, при прусскомъ дворѣ происходили великолѣпныя празднества. 1-го (13) августа 1814 года, первые русскіе полки вступили въ Потсдамъ. Король выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу, въ сопровожденіи принцессы Шарлотты. На слѣдующій день, они вошли въ прусскую столицу. Вдоль главной улицы Берлина, Подъ Липами, отъ королевскаго замка до самыхъ бранденбургскихъ воротъ разставлены были столы, за которыми русскіе солдаты разсѣлись въ перемежку съ прусскими и угощались насчетъ короля, а его величество, сопровождаемый блестящею военною свитой, самъ обходилъ столы и ласково здоровался со своими гостями. Празднества завершились 4-го (16) августа большимъ обѣдомъ въ бѣлой залѣ замка, для русскихъ офицеровъ. Обѣдало болѣе 600 человѣкъ. За почетнымъ столомъ, кромѣ короля и принцевъ, сѣли всѣ принцессы королевскаго дома, имѣя каждая сосѣдями по одному русскому и по одному прусскому генералу. Русскіе пѣсенники пѣли на площади подъ открытыми окнами залы. За обѣдомъ произнесено было множество тостовъ въ честь обѣихъ армій, породнившихся на полѣ брани [2]).

Въ началѣ сентября, Фридрихъ-Вильгельмъ III долженъ былъ отправиться на конгресъ въ Вѣну. За день до его отъѣзда, 4-го (16), оберъ-гофмейстерина, графиня Фоссъ, открыла принцессѣ Шарлоттѣ желаніе короля выдать ее за великаго князя Николая Павловича. Принцесса много плакала, однако, ничего не возразила, замѣтивъ только, что ей будетъ тяжело разстаться съ нѣжно любимымъ отцомъ [3]). Сдержанность ея вполнѣ объясняется дѣвичею застѣнчивостью. Она была откровеннѣе съ любимымъ своимъ братомъ, прин-

---

[1]) Дневникъ графини Фоссъ, 24-го и 25-го января (5 и 6 февраля) 1814 года.

[2]) Тотъ же дневникъ, 1-го (13)—4-го (16) августа 1814 года.

[3]) Тотъ же дневникъ, 4-го (16) сентября 1814 года.

цемъ Вильгельмомъ, и въ письмѣ къ нему призналась, что молодой русскій великій князь, котораго она видѣла всего лишь одинъ разъ, пришелся ей по сердцу. Николай Павловичъ съ своей стороны восторженно отозвался о принцессѣ императору Александру, и еще во время французскаго похода повѣдалъ свои чувства королю, отцу ея [1]).

На Вѣнскомъ конгрессѣ политика прусскаго двора шла рука объ руку съ нашею, совмѣстно настоявъ на присоединеніи Саксоніи къ Пруссіи и герцогства Варшавскаго къ Россіи. Противорѣчіе между двумя союзными правительствами начало обнаруживаться лишь по вторичномъ низложеніи Наполеона, когда, во время переговоровъ о мирѣ, прусскіе государственные люди требовали присоединенія къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи, а императоръ Александръ отстоялъ неприкосновенность французской территоріи. Разнорѣчіе это нисколько не нарушило, впрочемъ, добраго согласія и личной дружбы обоихъ монарховъ. «Дружба моя къ вашему величеству»,—писалъ король императору Александру въ концѣ 1815 года,—«обратилась для меня въ истинную религію. Я никогда не забуду, государь, ни оказанныхъ мнѣ вами услугъ, ни того благородства чувствъ, коими вы ихъ сопровождали. Мои подданные также будутъ помнить ихъ, какъ и я... Послѣ Бога, благословившаго мое оружіе и великодушные порывы, внушенные имъ моему народу, вамъ, государь, вашей непоколебимой твердости, геройству вашему и вашихъ несравненныхъ войскъ, обязанъ я навсегда наибольшею благодарностью» [2]).

Осенью того же года, русскія войска снова съ береговъ Рейна возвращались въ Россію, чрезъ Пруссію. Въ Берлинѣ приготовлена была торжественная встрѣча гренадерскому полку, коего шефомъ состоялъ король Фридрихъ-Вильгельмъ. Къ этому дню прибылъ туда императоръ Александръ, съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и двумя сестрами: вдовствующею принцессою Ольденбургскою Екатериною Павловною и великою герцогинею Саксенъ-Веймарскою Маріею Павловною. 23-го октября (4 ноября) русскій, имени короля прусскаго, полкъ вступилъ въ столицу. Въ тотъ же вечеръ данъ былъ въ замкѣ большой обѣдъ. Въ отдѣльной залѣ накрытъ былъ столъ для высочайшихъ особъ, къ коему были также приглашены главнокомандующіе обѣими арміями, генералъ-фельдмаршалы князья Барклай-де-Толли и Блюхеръ. Прочіе гости обѣдали въ сосѣднихъ залахъ. Посреди обѣда, императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ встали съ своихъ мѣстъ и провозгласили здоровье помолвленныхъ великаго князя Николая и принцессы Шарлотты.

---

[1]) Grimm: «Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland», I стр. 62.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ III императору Александру I, 22-го декабря 1815 г. (3 января 1816 г.).

Вѣсть эта тотчасъ распространилась по всему замку. Приглашенные обступили жениха и невѣсту и принесли имъ поздравленія. На другой день великій князь и принцесса, вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, посѣтили мавзолей въ Шарлоттенбургѣ и совершили молитву надъ гробницею королевы Луизы. Берлинское общество и весь прусскій народъ съ радостью узнали о рѣшенномъ бракѣ. На придворномъ балу, въ оперномъ театрѣ, Николай Павловичъ былъ предметомъ общаго вниманія. Столичный магистратъ далъ въ честь помолвленной четы другой балъ, въ залѣ драматическаго театра, на которомъ великому князю и принцессѣ устроены были восторженныя оваціи. Три недѣли оставался Николай Павловичъ въ Берлинѣ и въ это короткое время успѣлъ снискать общее сочувствіе, при дворѣ, въ войскѣ и въ народѣ [1]).

Женитьба брата русскаго императора на старшей и любимой дочери короля прусскаго, была не только крупнымъ семейнымъ событіемъ для обоихъ царственныхъ домовъ, но и имѣла, кромѣ того, важное политическое значеніе. Такъ и смотрѣлъ на нее король Фридрихъ-Вильгельмъ, писавшій по этому поводу своему августѣйшему другу и союзнику, что дружба ихъ «хотя и чуждалась всегда политическихъ разсчетовъ», но родственная связь необходимо должна еще болѣе ее упрочить. «Небу угодно было,—заключалъ король,— «даровать намъ это счастіе и никогда союзъ не будетъ заключенъ подъ болѣе счастливыми предзнаменованіями. Печаль, которую мнѣ причинитъ отсутствіе обожаемой дочери, будетъ менѣе чувствительна при мысли, что она найдетъ второго отца, семью, не менѣе расположенную любить ее и супруга, избранника ея сердца» [2]). И великій князь и принцесса все еще были слишкомъ молоды, чтобы возможно было безъ отлагательства соединить ихъ бракомъ. Первому было всего 19 лѣтъ, второй 17. Рѣшено было отложить бракосочетаніе до достиженія Николаемъ Павловичемъ совершеннолѣтія. До тѣхъ же поръ, онъ долженъ былъ довершить свое образованіе путешествіемъ по главнѣйшимъ странамъ Европы. Государь поручилъ графу Каподистріи составить для его высочества обзоръ внутренняго положенія иностранныхъ государствъ. Замѣчательно, что въ отзывахъ своихъ о Пруссіи, министръ этотъ выражался крайне неодобрительно о прусскихъ государственныхъ людяхъ и ихъ политическомъ направленіи. Великій князь Николай посѣтилъ Германію, Австрію, Англію [3]). Отправляясь за границу, равно какъ и на возвратномъ пути, онъ останавливался въ Берлинѣ на нѣсколько недѣль. Въ апрѣлѣ 1817 года, король назначилъ его ше-

---

[1]) Grimm: «Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland», I стр. 64—66.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ III императору Александру I, 3-го (15) апрѣля 1816 года.

[3]) О пребываніи его въ Англіи въ 1816 году, см. статью мою въ «Историческомъ Вѣстникѣ», февраль 1886 года, стр. 350.

фомъ 3-го (впослѣдствіи 6-го) Бранденбургскаго кирасирскаго полка. Между тѣмъ, принцесса Шарлотта наставлялась въ правилахъ православной вѣры, командированнымъ съ этою цѣлью въ Берлинъ протоіереемъ Музовскимъ.

II.

Бракъ.

Путешествіе принцессы Шарлотты изъ Берлина въ Петербургъ.—Принцъ Вильгельмъ.—Торжественный въѣздъ въ столицу.—Совершеннолѣтіе великаго князя Николая Павловича и обрученіе его.—Вѣнчаніе.—Переѣздъ двора въ Москву.—Переписка императора Александра I съ принцемъ Вильгельмомъ.—Рожденіе великаго князя Александра Николаевича.—Прусскій король въ Москвѣ и въ Петербургѣ.—Болѣзнь великаго князя и великой княгини.—Поѣздка ихъ въ Берлинъ—Представленіе «Лалла Рукъ».—Жизнь въ Потсдамѣ и его окрестностяхъ.—Сближеніе великаго князя съ прусскою арміей.—Пребываніе въ Эмсѣ.—Отношенія великаго князя къ членамъ королевской семьи.—Дружба съ принцомъ Вильгельмомъ.—Греческое возстаніе.

31-го мая (12 іюня) 1817 года, принцесса Шарлотта выѣхала изъ Берлина въ Петербургъ. Ея высочество сопровождали: братъ ея, принцъ Вильгельмъ, оберъ-гофмейстерина графиня Гааке, фрейлина графиня Трухзесъ, наставница г-жа Вильдерметъ, оберъ-гофмейстеръ баронъ Шильденъ, камергеръ графъ Лоттумъ, секретари Шамбо и Шиллеръ и протоіерей Музовскій. Король и всѣ братья и сестры проводили принцессу до Фридрихсвальде.

Поѣздъ состоялъ изъ двѣнадцати экипажей. Ея высочество ѣхала въ каретѣ, запряженной восемью лошадьми, вмѣстѣ съ тремя дамами своей свиты. Въ Данцигѣ была остановка, продолжавшаяся два дня. Оттуда поѣздъ направился, чрезъ Браунсбергъ, въ Кёнигсбергъ. Въ Мемелѣ встрѣтилъ невѣсту великій князь Николай Павловичъ и предшествовалъ ей до самого Петербурга. Отъ границы путь лежалъ на Митаву, Ригу, Дерптъ. На восемнадцатый день, августѣйшіе путешественники встрѣчены были за нѣсколько станцій до Гатчины самимъ императоромъ Александромъ и въ тотъ же вечеръ, чрезъ Царское Село, прибыли въ Павловскъ, лѣтнее мѣстопребываніе вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Изъ всѣхъ членовъ прусской королевской семьи, второй сынъ короля, принцъ Вильгельмъ, пользовался наибольшимъ расположеніемъ императора Александра. Государь близко сошелся съ нимъ во время французскаго похода 1814 года, въ коемъ принцъ принималъ дѣятельное участіе и за мужество, выказанное имъ въ сраженіи при Баръ-сюръ-Объ, пожаловалъ ему георгіевскій крестъ 4-й сте-

пени. Узнавъ, что принцъ Вильгельмъ будетъ сопровождать сестру свою въ Петербургъ, его величество писалъ ему, что вся царская семья приметъ его «какъ брата съ распростертыми объятіями». «Съ той минуты,—продолжалъ государь,—какъ я имѣлъ счастіе съ вами познакомиться, ваше высочество, завоевали, благодаря выдающимся вашимъ достоинствамъ, мою нѣжную дружбу и полное мое уваженіе. Видѣть васъ въ нашей средѣ будетъ истиннымъ праздникомъ»[1]). Въ Павловскѣ вдовствующая императрица радушно приняла свою будущую невѣстку, обняла ее и расцѣловала. Императрица Елисавета Алексѣевна подошла къ ней съ вопросомъ:

— Нѣтъ ли у васъ и для меня ласковаго взора?

Представляя матери своей принца Вильгельма, императоръ Александръ сказалъ:

— Рекомендую вамъ моего новаго брата.

— Стало быть,—отвѣчала Марія Ѳеодоровна,—и у меня теперь однимъ сыномъ болѣе.

На другой день, 19-го іюня (1 іюля), состоялся торжественный въѣздъ принцессы въ Петербургъ. Она въѣхала въ столицу въ золотой каретѣ, вмѣстѣ съ двумя императрицами. Гвардейскіе полки были расположены шпалерами по обѣимъ сторонамъ пути. На порогѣ большой церкви Зимняго Дворца невѣста была встрѣчена высшимъ духовенствомъ съ крестомъ и святою водою. Въ продолженіе слѣдующихъ пяти дней она оставалась въ одиночествѣ, готовясь къ таинству св. мѵропомазанія. Обрядъ этотъ совершенъ надъ нею 24-го іюня (6 іюля). Воспріемникомъ служилъ ей самъ императоръ Александръ. Ея высочество твердымъ голосомъ произнесла символъ вѣры на славянскомъ языкѣ. По пріобщеніи ея святыхъ таинъ, діаконъ возгласилъ на ектеніи имя благовѣрной великой княжны Александры Ѳеодоровны.

25-го іюля (6 іюня) былъ днемъ рожденія великаго князя Николая Павловича, которому минулъ двадцать одинъ годъ. День этотъ ознаменованъ двойнымъ торжествомъ. Сначала великій князь принесъ установленную учрежденіемъ объ императорской фамиліи присягу на вѣрность подданства государю и на служеніе отечеству. Затѣмъ состоялось обрученіе его въ большой церкви Зимняго Дворца. Невѣста въ первый разъ появилась въ роскошномъ русскомъ платьѣ и кокошникѣ.

Ко дню вѣнчанія, назначенному на 1-е (13) іюля, день рожденія августѣйшей невѣсты, вся императорская семья съѣхалась въ Петербургъ. Даже цесаревичъ Константинъ Павловичъ прибылъ нарочно изъ Варшавы, чтобы присутствовать на этомъ празднествѣ. Послѣ вѣнчанія, въ Зимнемъ Дворцѣ, былъ обѣденный столъ

---

[1]) Императоръ Александръ I принцу Вильгельму прусскому, 15-го (27) іюня 1817 г.

для особъ первыхъ трехъ классовъ и придворныхъ чиновъ, а вечеромъ балъ. Въ 10 часовъ, новобрачные отправились въ отведенный имъ для жительства Аничковъ дворецъ. Тамъ ихъ встрѣтили со св. иконами и съ хлѣбомъ-солью императоръ Александръ Павловичъ и императрица Елисавета Алексѣевна, а прибывшій изъ Берлина фельдъегерь вручилъ имъ поздравительное письмо отъ прусскаго короля.

Еще за нѣсколько дней до обрученія, императоръ Александръ писалъ королю Фридриху-Вильгельму: «Во время достопамятной борьбы, когда наши народы, соединенные общею, поразительною судьбою, проходили съ нами кровавый путь испытаній и славы, и такъ сказать, среди военнаго стана, рѣшенъ былъ этотъ столь дорогой намъ бракъ. Онъ довершаетъ зданіе неразрывнаго союза Пруссіи и Россіи, соединяя наши двѣ семьи въ одну» [1]). Въ самый день вѣнчанія, государь написалъ королю другое письмо, въ которомъ сообщилъ, что великая княгиня Александра завоевала всѣ сердца и что, въ особенности, императрица Марія Θеодоровна чрезвычайно ее полюбила [2]). На письма эти король отвѣчалъ, что состоявшійся бракъ удовлетворилъ его самому задушевному желанію [3]).

Первые дни послѣ свадьбы, новобрачные провели въ Павловскѣ, въ гостяхъ у вдовствующей императрицы. Рядъ блестящихъ празднествъ въ Царскомъ Селѣ, въ Стрѣльнѣ, въ Петергофѣ, въ Ораніенбаумѣ, продолжался до самой осени. Въ нихъ принималъ участіе принцъ Вильгельмъ и чрезвычайный посолъ короля прусскаго, отправленный имъ въ Петербургъ для принесенія поздравленія дочери и зятю, князь Антонъ Радзивилъ. Съ принцемъ случилось непріятное приключеніе. Онъ былъ укушенъ цѣпною собакою. Въ томъ предположеніи, что животное могло быть бѣшенное, принцу, предосторожности ради, прижгли рану раскаленнымъ желѣзомъ. Операцію эту онъ выдержалъ со стойкостью и хладнокровіемъ.

— И не мудрено! — воскликнула по этому поводу императрица Марія Θедоровна,—вѣдь онъ прусскій принцъ.

Принцъ Вильгельмъ сопровождалъ всю царскую семью въ Москву, куда она отправилась въ сентябрѣ того же года. Онъ разстался съ нею незадолго до праздниковъ Рождества. Государь послалъ ему вслѣдъ въ подарокъ золотую саблю и въ двухъ письмахъ выразилъ сожалѣніе объ его отъѣздѣ, а также предложилъ ему самому из-

---

[1]) Императоръ Александръ I королю Фридриху-Вильгельму III, 21-го іюня (3 іюля) 1817 г.

[2]) Императоръ Александръ I королю Фридриху-Вильгельму III, 1-го (13 іюля) 1817 г.

[3]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ III императору Александру I, 14-го (26) іюля 1817 г.

брать тотъ русскій полкъ, коего онъ желалъ бы быть шефомъ [1]). Въ отвѣтахъ своихъ принцъ благодарилъ государя за радушный и ласковый пріемъ и время проведенное въ Россіи называлъ «самымъ пріятнымъ и важнымъ въ своей жизни». Исполняя желаніе его величества, онъ указалъ на Калужскій пѣхотный полкъ, какъ на тотъ, съ коимъ связываетъ его общее воспоминаніе о битвѣ при Баръ-сюръ-Объ, въ которой полкъ этотъ особенно отличился, а принцъ личною храбростью заслужилъ георгіевскій крестъ [2]). Государь тотчасъ же назначилъ его шефомъ Калужскаго полка [3]).

17-го (29) апрѣля 1818 года, въ первопрестольной Москвѣ, великая княгиня Александра Өеодоровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ-первенцомъ, Александромъ Николаевичемъ. Какъ только король Фридрихъ-Вильгельмъ узналъ о рожденіи внука, онъ рѣшился лично навѣстить въ Россіи дочь свою и зятя, а также лучшаго своего друга, императора Александра. Путь его лежалъ чрезъ Познань и Кёнигсбергъ прямо на Москву, гдѣ въ то время находился дворъ. Сопутствовалъ ему старшій сынъ, наслѣдный принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ. На границѣ встрѣтилъ короля назначенный состоять при немъ на время пребыванія его въ Россіи, генералъ-адъютантъ князь В. С. Трубецкой, въ Оршѣ—начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, баронъ И. И. Дибичъ. Самъ государь, съ цесаревичемъ Константиномъ и великими князьями Николаемъ и Михаиломъ, выѣхали на встрѣчу своему высокому гостю за 20 верстъ до столицы. Наконецъ, въ Кунцовѣ, гдѣ назначенъ былъ послѣдній ночлегъ, обняла его великая княгиня Александра Өеодоровна.

Торжественный въѣздъ прусскаго короля въ Москву происходилъ 4-го (16) іюня, обычнымъ порядкомъ, чрезъ Драгомиловскую заставу, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Съ умиленіемъ взиралъ этотъ государь на святилище русской земли, Кремль, и на древнюю столицу русскаго царства, пожаръ которой послужилъ зарей освобожденія его страны, Германіи, и всей Европы. Первые три дня пребыванія въ Москвѣ посвящены были поклоненію ея святынямъ, осмотру достопримѣчательностей и отдыху, въ тихомъ семейномъ кругу. Затѣмъ начались празднества, поразившія нашихъ гостей своимъ блескомъ и великолѣпіемъ. Независимо отъ пріемовъ при дворѣ, рядъ ихъ открылся блестящимъ баломъ, даннымъ московскимъ генералъ-губернаторомъ. Русскіе вельможи, владѣльцы знаменитыхъ подмосковныхъ, также дали изумительные

---

[1]) Императоръ Александръ I принцу Вильгельму прусскому, 14-го (26) и 19-го (31) декабря 1817 г.

[2]) Принцъ Вильгельмъ прусскій императору Александру I, 27-го и 30 декабря 1817 г., (8 и 11 января 1818 г.) и 19-го (31) января 1818 г.

[3]) Его величество Вильгельмъ, германскій императоръ, король прусскій, по нынѣ состоитъ шефомъ Калужскаго пѣхотнаго полка.

по роскоши праздники, князь Н. Б. Юсуповъ въ Архангельскомъ и графъ Д. Н. Шереметевъ въ Останкинѣ.

О пребываніи въ Москвѣ прусской королевской семьи сохранился любопытный разсказъ современника-очевидца, графа П. Д. Киселева, состоявшаго тогда при особѣ наслѣднаго принца. По словамъ его, король спросилъ графа Толстого не осталось ли въ городѣ зданія съ котораго можно было бы разомъ осмотрѣть страшныя развалины тогдашней Москвы. «Графъ Толстой»,—разсказывалъ Киселевъ,—«возложилъ этотъ розыскъ и сопровожденіе августѣйшихъ гостей на меня какъ на москвича и на молодого человѣка. Я повелъ ихъ на Пашковскую вышку [1]). Только-что мы всѣ влѣзли туда и окинули взглядомъ этотъ рядъ погорѣлыхъ улицъ и домовъ какъ, къ величайшему моему удивленію, старый король, этотъ деревянный человѣкъ какъ его называли, сталъ на колѣни, приказавъ и сыновьямъ сдѣлать тоже. Отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторилъ: «вотъ наша спасительница!» [2]).

Пробывъ въ Москвѣ одиннадцать дней, король и наслѣдный принцъ вмѣстѣ со всею императорскою фамиліею выѣхали въ Петербургъ. Тамъ ожидали ихъ новыя торжества: балы, охоты, парады, смотры, поѣздки по окрестностямъ, на острова, въ Царское Село, въ Павловскъ, въ Петергофъ. Въ Ораніенбаумѣ сожженъ былъ фейерверкъ, заключительный букетъ котораго состоялъ изъ 40,000 ракетъ. Послѣдніе дни пребыванія прусскихъ гостей были опечалены болѣзнью великаго князя Николая Павловича, занемогшаго корью. Едва успѣла великая княгиня проводить отца своего и брата до Гатчины, какъ и она занемогла тою же болѣзнью.

Два года спустя, а именно осенью 1820 года, великокняжеская чета предприняла продолжительное путешествіе за границу. Оно было вызвано, главнымъ образомъ, слабымъ состояніемъ здоровья великой княгини, которая, по совѣту врачей, должна была провести зиму въ родномъ климатѣ и слѣдующею весною пользоваться водами въ Эмсѣ. Великій князь отвезъ жену свою въ Берлинъ, а самъ, вмѣстѣ съ королемъ, на короткое время поѣхалъ въ Троппау, гдѣ находились императоры русскій и австрійскій и засѣдалъ европейскій конгрессъ. Къ праздникамъ Рождества и король и великій князь возвратились въ прусскую столицу.

Зимній сезонъ 1820—1821 годовъ въ Берлинѣ былъ необыкновенно блестящимъ. Оживленію двора и общества содѣйствовало присутствіе многочисленныхъ царственныхъ гостей. Въ числѣ ихъ,

---

[1]) Белведеръ въ домѣ на Моховой, принадлежавшемъ тогда Пашкову, а нынѣ занимаемомъ Румянцовскимъ музеемъ.

[2]) Изъ письма Н. В. Ханыкова къ А. П. Заблоцкому-Десятовскому, отъ 3-го іюля 1874 года («Графъ Киселевъ его время», IV, стр. 7).

кромѣ великаго князя и великой княгини, былъ герцогъ Кумберландскій съ супругою и наслѣдный великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, Павелъ-Фридрихъ, женихъ второй дочери короля, принцессы Александрины. По предложенію герцога Карла Мекленбургскаго, генерала прусской службы и обычнаго устроителя празднествъ при берлинскомъ дворѣ, собранные въ Берлинѣ принцы и принцессы, условились дать въ королевскомъ замкѣ представленіе, которое явилось бы соединеніемъ всѣхъ искусствъ: пластики, драмы, музыки и живописи. Сюжетомъ представленія избрана была поэма Томаса-Мура: «Лалла Рукъ». Она имѣла быть воспроизведена въ рядѣ живыхъ картинъ, сопровождаемыхъ пѣніемъ и исполненіемъ инструментальныхъ нумеровъ. Въ картинахъ принимали участіе, кромѣ августѣйшихъ особъ, весь придворный штатъ прусскихъ хозяевъ и иностранныхъ гостей и представители высшаго берлинскаго общества. Распоряженіе представленіемъ поручено было графу Брюлю, интенданту королевскихъ театровъ; устройство декорацій и постановку картинъ взялъ на себя извѣстный архитекторъ Шинкель; Спонтини написалъ музыку для вставныхъ арій и романсовъ, исполнять которые приглашены были первыя пѣвицы берлинской оперы, г-жи Мильдеръ, Шульцъ, Зейдлеръ и Бадеръ. Всѣхъ участниковъ въ представленіи было 123 лица.

Напомнимъ вкратцѣ содержаніе Муровой поэмы. Владѣтель Бухаріи, Абдалла, отправляется въ Дели, къ повелителю Индіи, Аурензебу, просить руки его дочери Лалла Рукъ для сына своего Америса. Родители рѣшаютъ этотъ бракъ и молодая принцесса предпринимаетъ дальнее путешествіе въ Кашмиръ, гдѣ долженъ ее встрѣтить женихъ ея. Принцессу сопровождаютъ многочисленные бухарскіе придворные, среди которыхъ выдается молодой поэтъ, развлекающій ее разсказами. Очарованная Лалла Рукъ влюбляется въ разсказчика. Съ грустью приближается она къ Кашмиру, помышляя о предстоящей разлукѣ съ вдохновеннымъ пѣвцомъ. Но достигнувъ цѣли своего странствованія, она въ выходящемъ ей на встрѣчу женихѣ узнаетъ очаровавшаго ее спутника-поэта. Живыя картины должны были изображать главные моменты поэмы, а также четыре разсказа принца-поэта: Хоросанскій пророкъ подъ покрываломъ, Рай и Пери, Гебры или огнепоклонники, праздникъ розъ въ Кашмирѣ. Аріи и романсы, исполняемы, за сценою, объясняли содержаніе воспроизведенныхъ въ картинахъ разсказовъ. Заключительную картину составляла сцена встрѣчи Лалла Рукъ съ принцомъ Америсомъ въ Кашмирѣ, на лѣстницѣ дворца, живописно расположеннаго на берегу озера.

Какъ ясно доказывалъ выборъ сюжета, цѣлью представленія было привѣтствовать вожделѣнный союзъ брата русскаго царя съ дочерью короля прусскаго. Понятно, что обѣ главныя роли выпали на долю великаго князя и великой княгини. Александра Θеодо-

ровна изображала Лаллу Рукъ. Она была въ длинномъ бѣломъ платьѣ съ корсажемъ изъ золотого глазета. Широкій поясъ обхватывалъ ея стройную талію. На шеѣ, на груди и на рукахъ блистали драгоцѣнныя каменья, самые башмаки были усыпаны изумрудами. Прозрачный розовый вуаль съ серебрянными прошивками былъ наброшенъ ей на плечи. Роскошные волосы падали локонами на грудь. Николай Павловичъ, исполнявшій роль принца Америса, былъ одѣтъ въ голубой кафтанъ черкесскаго покроя, съ широкимъ поясомъ; на ногахъ у него были желтыя туфли, на головѣ родъ татарской шапки и зеленый тюрбанъ. Остальныя роли были распредѣлены между членами королевскаго семейства, иностранными гостями и знатнѣйшими придворными. Великаго Могола игралъ принцъ Вильгельмъ старшій, братъ короля; сестеръ его—герцогиня Кумберландская, супруга принца Вильгельма старшаго, и дочь короля принцесса Александрина; сыновей — четыре королевскіе сына, наслѣдный принцъ и принцы Вильгельмъ младшій, Карлъ и Альбрехтъ; а также князья Сольмсъ и Радзивилъ; владѣтеля Бухаріи—герцогъ Кумберландскій, а жену его—княгиня Луиза Радзивилъ. Придворные были раздѣлены на два лагеря: индусовъ и бухарцовъ. Костюмы отличались не только роскошью, но и этнографическою точностью.

Представленіе состоялось въ берлинскомъ королевскомъ замкѣ 15-го (27) января 1821 года, предъ избранною толпою зрителей, принадлежавшихъ исключительно ко двору и къ высшему обществу. Въ антрактахъ исполнялись танцы артистами придворнаго балета. Все обошлось какъ нельзя лучше, и старый король, большой любитель театральныхъ зрѣлищъ, былъ въ восторгѣ. Онъ рѣшился повторить представленіе для бо̀льшаго круга зрителей. 30-го января (11 февраля) оно было дано снова на сценѣ только-что отстроеннаго драматическаго театра. На этотъ разъ, въ обширной залѣ присутствовало болѣе 3,000 приглашенныхъ [1]).

Зима быстро пронеслась посреди шумныхъ увеселеній всякаго рода. Весною король со всѣмъ семействомъ переѣхалъ въ Потсдамъ и жилъ попеременно то въ тамошнемъ дворцѣ, то въ Сансуси, въ Парецѣ или на Павлиномъ островѣ. Любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Фридриха-Вильгельма III былъ небольшой домъ, выстроенный имъ въ Парецѣ, деревнѣ отстоящей на двѣ мили отъ Потсдама. Тамъ все было просто, и помѣщеніе, и патріархальный образъ жизни, исключительно въ семейномъ кругу. Король любилъ въ сопровожденіи дѣтей своихъ разъѣзжать по окрестностямъ, завтракать на открытомъ воздухѣ, въ присутствіи мѣстныхъ поселянъ, окружавшихъ при такихъ случаяхъ королевскую семью. Ве-

---

[1]) Подробное описаніе этого праздника въ сочиненіи Гримма: «Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland», I, стр 164—167.

ликій князь и великая княгиня принимали участіе въ этихъ мирныхъ удовольствіяхъ. Они сопровождали короля и на Павлиный островъ, гдѣ все напоминало ему о покойной, нѣжно имъ любимой женѣ, королевѣ Луизѣ. Въ одной сторонѣ острова онъ воздвигнулъ ей скромный памятникъ, въ другой велѣлъ выстроить русскую крестьянскую избу, которую въ честь зятя назвалъ «Никольское». Много времени посвящалъ Николай Павловичъ и военнымъ упражненіямъ, знакомству съ прусскою арміею и въ частности съ кирасирскимъ полкомъ, коего онъ состоялъ шефомъ. Полкъ этотъ былъ нарочно вызванъ изъ Бранденбурга, гдѣ квартировалъ, въ Берлинъ, на все время пребыванія великаго князя въ прусской столицѣ. Его штандарты и знамена хранились въ королевскомъ замкѣ, въ помѣщеніи, отведенномъ его высочеству. И великій князь и великая княгиня присутствовали на всѣхъ военныхъ торжествахъ, между прочимъ, на происходившемъ 18-го (30) марта 1821 года освященіи памятника, сооруженнаго на Крестовой горѣ, близь Берлина, въ честь прусскихъ воиновъ, павшихъ на полѣ брани во время войнъ за освобожденіе.

Въ половинѣ лѣта, король переселился въ Кобленцъ, на Рейнѣ, а великій князь и великая княгиня поѣхали въ близь лежащій Эмсъ, гдѣ ея высочество выдержала полный курсъ лѣченія водами. Въ августѣ великокняжеская чета возвратилась въ Берлинъ, снова провела тамъ двѣ недѣли и оттуда предприняла чрезъ Варшаву обратный путь въ отечество.

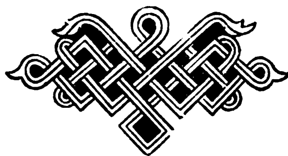
Проведя, такимъ образомъ, въ Пруссіи около года, великій князь Николай окончательно сблизился, освоился, можно сказать, сроднился съ прусскою королевскою семьею. Съ величайшимъ уваженіемъ относился онъ къ своему маститому тестю, полюбившему его какъ родного сына. Онъ звалъ его не иначе, какъ «папа», и почтительно цѣловалъ его руку. Съ молодыми принцами, наслѣднымъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ и принцемъ Вильгельмомъ связывала его тѣсная, братская дружба. Они были на «ты» и называли другъ друга уменьшительными именами: Фрицъ, Никсъ. Въ особенности близко сошелся Николай Павловичъ со вторымъ своимъ зятемъ и любимымъ братомъ жены своей, Вильгельмомъ. Съ нимъ были у него общіе вкусы и наклонности, страсть къ военному дѣлу. Нечего и говорить, что однѣ и тѣ же политическія начала исповѣдывались въ то время при обоихъ дворахъ: петербургскомъ и берлинскомъ, начала божественнаго происхожденія верховной власти, монархическаго порядка и законности, словомъ, тѣ самые, которые были положены императоромъ Александромъ I въ основаніе Священнаго союза. Свѣжо было также воспоминаніе о братствѣ по оружію, о совмѣстныхъ подвигахъ русской и прусской арміи, въ борьбѣ противъ общаго врага, о пережитыхъ вмѣстѣ испытаніяхъ и конечномъ торжествѣ. Всѣ эти впечатлѣ-

нія оставили глубокій слѣдъ въ умѣ великаго князя на всю жизнь его.

Хотя за нѣсколько мѣсяцевъ до отправленія въ Пруссію, а именно лѣтомъ 1820 года, великій князь Николай и былъ посвященъ императоромъ Александромъ въ тайну отреченія цесаревича Константина Павловича отъ наслѣдственныхъ правъ своихъ, и могъ уже считать себя законнымъ наслѣдникомъ русскаго престола, но поглощенный обязанностями военной службы, онъ вовсе не занимался внѣшнею политикою, не былъ даже знакомъ съ ея современнымъ состояніемъ и ходомъ. Во время пребыванія его въ Берлинѣ, вспыхнуло греческое возстаніе, съ самаго начала встрѣтившее сочувствіе въ придворныхъ прусскихъ кружкахъ, руководимыхъ и направляемыхъ двумя женщинами высокаго ума и образованія: женою принца Вильгельма, брата короля, и принцессою Луизою, бывшею замужемъ за княземъ Радзивиломъ. Независимо отъ политическихъ соображеній, дѣло грековъ впервые представилось и великому князю съ его общечеловѣческой стороны, и онъ съ радостью принялъ участіе въ устроенныхъ въ Берлинѣ денежныхъ сборахъ въ пользу мужественныхъ борцовъ за вѣру Христову и за независимость Эллады [1]).

С. С. Татищевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Генцъ господарю валахскому князю Гикѣ, 3-го (15) января 1826 г.

ВСТРѢЧИ НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ.

Люди извѣстные, или выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, представляются большею частію не такъ какъ обыкновенные: они сами себя и ихъ другіе иначе не показываютъ, какъ съ высоты подножія и въ праздничномъ убранствѣ. Отъ этого получается такое впечатлѣніе, какъ будто всѣ они однимъ мѵромъ мазаны. Подойти къ нимъ поближе, когда они стоятъ просто, и на полу, какъ всѣ (а стоятъ они совершенно такъ же какъ всѣ, и на полу), побудничному одѣтые, не показывая себя и даже не подозрѣвая, что на нихъ смотрятъ, — было бы занимательнѣе. Во-первыхъ, люди необыкновенные сдѣлаются болѣе похожими на людей, а во-вторыхъ вблизи лучше видно, что не все то золото, что блеститъ, какъ и не все черно, что не представляется бѣлымъ...

Я имѣю доброе намѣреніе — подходить къ людямъ поближе и разсматривать ихъ попристальнѣе, хоть и не скрываю отъ себя, что намѣреніе мое, оставаться добрымъ, можетъ оказаться недостигнутымъ...

I.

Егоръ Петровичъ Ковалевскій.

Въ ряду моихъ житейскихъ встрѣчъ, первою по времени выходящею изъ ряда обыкновенныхъ была встрѣча съ роднымъ моимъ дядею Егоромъ Петровичемъ Ковалевскимъ.

Имя это, теперь забытое, пользовалось, между концомъ тридцатыхъ и шестидесятыхъ годовъ, извѣстностью въ высшемъ служебномъ, литературномъ и одно время дипломатическомъ мірѣ. Можетъ быть, такимъ успѣхомъ оно отчасти было обязано счастливой случайности, подобно тому, какъ актеръ благодарной роли; но когда видишь, сколько очень счастливыхъ случайностей и самыхъ благодарныхъ ролей проходитъ мимо людей безслѣдно, то поневолѣ станешь искать еще чего-то. И вотъ именно этимъ «еще чѣмъ-то» и былъ надѣленъ отъ природы Егоръ Петровичъ. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо достается человѣку брать врожденными способностями, гдѣ нужны познанія, какъ солдату штыкомъ, гдѣ требуется правильная осада.

Егоръ Петровичъ принадлежалъ къ такимъ людямъ. Познанія ему доставилъ харьковскій университетъ; но эти познанія были совсѣмъ не тѣ, съ какими ждало его служебное поприще; служебное же поприще оказалось опять не тѣмъ, на которомъ ему суждено было проявить свои дарованія. Съ курсомъ философіи въ головѣ, — потому что его помѣстили на квартирѣ у профессора, читавшаго философію—онъ очутился передъ лабиринтомъ сибирскихъ рудниковъ, потому что старшій братъ его былъ главнымъ горнымъ начальникомъ въ Сибири,—а изъ невѣдомаго ему міра рудниковъ прямо и неожиданно попалъ въ столько же невѣдомый міръ дипломатіи, потому что того захотѣлъ случай.

Я еще смутно помнилъ голубой воротникъ студента на блѣдномъ, крестившемся на образа, Егорѣ Петровичѣ, пріѣзжавшемъ къ бабушкѣ—его матери—въ деревню изъ Харькова, когда мнѣ довелось его увидѣть съ краснымъ кантикомъ горнаго чиновника, пріѣхавшаго изъ Сибири.

Бабушкина семья въ полномъ сборѣ сидѣла за ужиномъ; вдругъ на дворѣ зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ.

— Егоръ ѣдетъ!—закричали всѣ въ одинъ голосъ и бросились изъ столовой на крыльцо.

Раздались возгласы, поцѣлуи, даже плачъ (это бабушка заплакала отъ радости), и въ столовую ввели за руки худощаваго молодого человѣка, средняго роста, съ свѣтлыми, необыкновенно пріятнаго выраженія глазами и женски-мягкими чертами лица и пріемами. Говорилъ онъ высокимъ, пѣвучимъ, но громкимъ голосомъ, неожиданно вскрикивая, когда оживлялся, а когда смѣялся, то какъ-то особенно захлебывался. Домъ наполнился разомъ и этими вскрикиваньями и захлебываньемъ. Даже намъ, дѣтямъ, отъ пріѣзжаго дяди, стало веселѣе. Довольно было того, что онъ тутъ же, изъ-за ужина, прокатился на мнѣ и на моемъ братѣ верхомъ по комнатамъ...

Скоро Егоръ Петровичъ уѣхалъ, но на его мѣсто пришли по почтѣ двѣ тоненькія книжечки, и хоть онѣ были очень тоненькія, но наполнили собою также весь домъ. Ихъ читали, о нихъ гово-

рили, съ ними носились, какъ съ благословеннымъ плодомъ, выращеннымъ въ воздухѣ этого самаго дома. На одной изъ книжекъ было крупно напечатано: «Сибирь. Думы. Стихотворенія Е. К.». Въ домѣ произносилось просто: Сибирьдумы, какъ одно слово.

Болѣе другихъ цѣнили стихотвореніе, обращенное непосредственно къ этому самому дому, именно строки:

«Вотъ знакомое крыльцо, балконъ.
«Вамъ, мои друзья, поклонъ!»

Избыткомъ чувства восполнялся недостатокъ риѳмы.

Вторая книжка носила названіе: «Марѳа, посадница Новгородская, или славянскія жены. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Е. К.». И была она посвящена Озерову. «Великій! твой даръ, твои страданія...» — такими словами начиналось посвященіе. Изъ этой трагедіи мы дѣти (я съ сестрою) разыгрывали сцену князя Холмскаго съ какою-то Ксеніею. Историческая вѣрность требовала, чтобы моя курточка была скрыта, и потому на меня надѣвалась кацавейка одной изъ тетушекъ, обшитая мѣхомъ. Съ высокаго роста кацавейка превращалась въ боярскій охобень. На головѣ у сестры фата замѣнялась тюлевымъ шарфомъ. Выходили мы изъ-за ширмъ бабушкиной спальни — Холмскій съ одного конца половинокъ, Ксенія съ другого. Холмскій, выпрастывая руку изъ-подъ кацавейки, произносилъ на распѣвъ:

— «Ахъ, Ксе-нія! то не меч-та-ль?»

Ксенія освобождала лицо изъ-подъ шарфа и отвѣчала:

— «Другъ ми-и-лый!»

Дѣло кончалось тѣмъ, что Ксенія падала на полъ, а Холмскій скрывался за ширмы. Но такъ какъ Ксенія одинъ разъ ушиблась, то падать ей потомъ дозволялось только на кровать. Это не мѣшало растрогивавшейся до слезъ бабушкѣ видѣть въ своихъ внукахъ достойныхъ истолкователей великаго произведенія любимаго сына...

Знало ли человѣчество о существованіи наивныхъ книжечекъ, или онѣ обречены были пожелтѣть гдѣ-нибудь на полкахъ книжной лавки, пока не пошли на обертки въ лабазъ, и только въ старомъ наслѣдственномъ дворянскомъ гнѣздѣ оставили по себѣ слѣдъ чего-то свѣтлаго, непохожаго на его сѣренькую вседневность,—кто на это отвѣтитъ?

Зато, если не человѣчеству, то и не одному русскому обществу суждено было узнать довольно скоро объ ихъ авторѣ, хотя на совершенно иномъ поприщѣ, къ которому онъ никогда не готовился, и уже позднѣе, попутно, на литературномъ, съ котораго онъ началъ.

Случилось это совсѣмъ неожиданно.

При послѣднемъ духовномъ правителѣ Черногоріи (Владыкѣ Петрѣ Нѣгожѣ), въ концѣ тридцатыхъ годовъ, возникла мысль: поискать, нѣтъ ли въ этой богатой только безшабашнымъ муже-

ствомъ Черной Горѣ кстати и золота? Понадобился горный инженеръ. А гдѣ же, кромѣ Россіи, могли быть въ то время и горные инженеры, и все что надобилось славянину? И вотъ, въ качествѣ новаго Аронавта, командируется, надѣвшій уже эполеты, капитанъ корпуса горныхъ инженеровъ Ковалевскій [1]).

Но командировался-то онъ искать золото, а нашелъ войну, — и пускай бы еще съ Турціей (безъ этого нельзя было и представить себѣ Черногорію), а то съ Австріей, съ которою, какъ водится, мы состояли въ самой закадычной дружбѣ.

— Ты посланъ отъ русскаго царя! — обратились добродушные разбойники Черной Горы къ человѣку, который былъ дѣйствительно посланъ, но совсѣмъ не затѣмъ, зачѣмъ они полагали,—веди насъ на австріяковъ! Австріякъ католикъ и врагъ намъ, значитъ врагъ и твоему царю. Вотъ тебѣ ружье, вотъ тебѣ пистолеты, а вотъ кинжалъ: бери и иди на австріяковъ!

Какъ ни лестно было въ чинѣ капитана, да еще не настоящаго, а больше только для шутки, сдѣлаться главнокомандующимъ, какъ ни байроновски романтично было приключеніе и какъ ни молодъ былъ капитанъ,—однако же и онъ усомнился въ своемъ правѣ поступить такъ, какъ отъ него требовали. Пришлось Владыкѣ, который въ одно и то же время былъ митрополитъ и поэтъ, воинъ и просвѣщенный монахъ, пустить въ ходъ свое краснорѣчіе и несомнѣнную обаятельность своей особы, чтобъ убѣдить пріѣзжаго въ совершенной невозможности для русскаго, да еще офицера, не поспѣшить взвалить на плечо ружье, и не пуститься въ горы, вмѣсто золота, которое не уйдетъ, за австрійцами, которые какъ разъ удерутъ, покуда тутъ разсуждаютъ.

Взваливъ на плечо длинный самострѣлъ, одѣлся въ алую албанскую куртку, бѣлую тунику и черногорскую красноверхую шапочку, заткнулъ за поясъ пистолеты и кинжалъ мирный искатель золотой руды и пошелъ карабкаться съ горстью головорѣзовъ по стремнинамъ и вдоль горныхъ ручьевъ, уже не за рудою, а за австрійскими солдатами, которые дали заманить себя въ такія трущобы, гдѣ только дикая коза да черногорецъ умѣютъ на ногахъ держаться. Тутъ ихъ, разумѣется, сколько успѣли, перебили, а живыхъ забрали въ плѣнъ, въ томъ числѣ и офицеровъ, и принялись ставить висѣлицы.

— Вѣшай всѣхъ!! — кричали своему фельдмаршалу побѣдители, — и веди дальше!

Но не было нужды быть въ самомъ дѣлѣ фельдмаршаломъ, чтобы сообразить, что вѣшать офицеровъ дружественной державы

[1]) Корпусъ этотъ былъ образованъ изъ бывшихъ горныхъ чиновниковъ, состоявшихъ при техническихъ занятіяхъ. Е. П. Ковалевскаго преобразованіе застигло на золотыхъ пріискахъ.

и переносить войну за горы, значило уже для себя готовить висѣлицы,—и молодой капитанъ сообразилъ это.

— Не поведу и вѣшать не позволю!—объявилъ онъ рѣшительно.

— Твой царь тебѣ не приказалъ?

— Мой царь не приказалъ, и вамъ не приказываетъ! Онъ приказываетъ заключить миръ.

Находчивость Е. П. одержала побѣду чуть ли не труднѣе уже одержанной. Войско поспорило и уступило на томъ, что офицеровъ, такъ и быть, оно для царя прощаетъ и на миръ для царя соглашается; только подписать его долженъ царевъ капитанъ,—иначе оно миру не вѣритъ.

— Подписывай, или веди впередъ! а не то пойдемъ и безъ тебя—только вотъ офицеровъ перевѣшаемъ.

Дѣлать было нечего: перекрестился царевъ капитанъ и скрѣпилъ приложеніемъ руки и герба своего печати мирный договоръ двухъ государствъ между собою. Напрасно фигура императора Николая, отъ имени котораго онъ дѣйствовалъ, передъ нимъ грозно возставала, съ сибирскими линейными батальономи, солдатскимъ ранцемъ и всѣмъ арсеналомъ строгостей того времени,—онъ скрѣпилъ, потому что не скрѣпить не могъ.... А тамъ—будь что будетъ!

Первый кто прочелъ въ Петербургѣ копію съ этого небывалаго въ исторіи международныхъ отношеній акта былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Нессельроде, а доставилъ ему такое удовольствіе австрійскій посолъ, любезно потребовавъ кстати и полнаго удовлетворенія, которое должно было состоять въ оффиціальномъ порицаніи поступковъ русскаго офицера, какъ неприличныхъ и несогласныхъ съ добрыми отношеніями сосѣдей. Николай давать удовлетвореній не любилъ. Онъ остался недоволенъ. А тутъ еще, какъ на бѣду, темное до тѣхъ поръ имя маленькаго русскаго офицера иностранныя газеты разславили по всему свѣту и пуще усилили неудовольствіе государя: онъ и гласности не любилъ. Между тѣмъ виновникъ всѣхъ этихъ бѣдъ лишенъ былъ даже возможности личнымъ объясненіемъ съ ближайшимъ представителемъ русской власти — нашимъ посламъ въ Вѣнѣ — растолковать всю свою неповинность въ винѣ: предѣлы австрійской имперіи были строго охраняемы на всѣхъ заставахъ отъ попытки страшнаго капитана посягнуть своимъ появленіемъ на ея безопасность.

Какъ изъ этого выпутался Е. П., мнѣ разсказалъ, въ бытность свою представителемъ Россіи на вѣнскихъ конференціяхъ въ Крымскую войну, князь А. М. Горчаковъ, приблизительно въ такомъ видѣ:

«Я познакомился съ вашимъ дядюшкой самымъ неожиданнымъ и довольно необыкновеннымъ образомъ (разсказывалъ онъ). Проживалъ я тогда въ Италіи, неизвѣстный, въ опалѣ [1]). Это было

---

[1]) Повода къ опалѣ князя я не запомнилъ. Во всякомъ случаѣ онъ не изъ тѣхъ, чтобъ исторіи былъ нанесенъ ущербъ отъ невписанія его на ея скрижали.

давно—въ концѣ тридцатыхъ годовъ. А когда человѣкъ въ опалѣ, въ немъ никто не нуждается. Тѣмъ страннѣе мнѣ показалось, что ко мнѣ обратился вашъ дядя. Докладываютъ: «капитанъ Ковалевскій, имѣетъ передать просьбу»! Имя это я зналъ только изъ газетъ.—«Введите!» Вошелъ молодой человѣкъ, худенькій, нисколько не заносчивый, какъ можно бы ожидать, напротивъ самой симпатичной внѣшности, милыхъ пріемовъ—словомъ, знакомый намъ хорошо нашъ дорогой Егоръ Петровичъ! и съ полной откровенностью объявляетъ прямо, что пришелъ просить моего покровительства.—«Но у кого же я могу покровительствовать? Я самъ въ немъ нуждался бы, чтобъ выйти изъ моей опалы!» — У вашего дяди Татищева, нашего посла въ Вѣнѣ [1]). Ему одному я могу передать подробности той несчастной исторіи, въ которой я представленъ газетами государственнымъ преступникомъ и въ которой я дѣйствовать иначе не могъ. Я русскій, и я былъ связанъ моимъ именемъ русскаго. Чтò бы ни послѣдовало, я не раскаяваюсь въ томъ, что сдѣлалъ; я иначе былъ бы измѣнникомъ, а не русскимъ... Попробуйте быть на моемъ мѣстѣ, когда цѣлый народъ вамъ говоритъ: «Тебя послалъ русскій царь; мы его дѣти; онъ насъ защититъ, а ты защитить не хочешь!» Вашъ дядюшка говорилъ горячо, искренно (а это такъ рѣдко приходится слышать намъ, дипломатамъ!),—словомъ, прекрасно! Онъ увлекъ меня. Съ Татищевымъ я былъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ—ему я и опалою своею былъ обязанъ; но благородный молодой порывъ вашего дяди меня подкупилъ. Я взялся быть его ходатаемъ. — «Передайте мнѣ записку, если вы имѣете такую, или сообщите всѣ подробности, ничего не утаивая,— а ужъ я берусь изложить въ такой формѣ, въ какой это только и можетъ разсчитывать на успѣхъ. Вы понимаете, что записка должна быть прежде всего изложена на хорошемъ французскомъ языкѣ (en bon français)». Вашъ дядюшка владѣлъ ужъ и тогда русскимъ языкомъ какъ никто, но французскимъ онъ не обязанъ былъ владѣть. Это ужъ наше ремесло—notre métier à nous! Короче, записка была сдѣлана и послана, при письмѣ отъ меня, въ Вѣну — въ руки Татищева; а изъ Вѣны пошла, при письмѣ отъ Татищева— уже прямо въ руки государя.—«Le capitaine Kowalewsky a agi en vrai russe» — поставилъ на ней резолюцію Николай Павловичъ, и нашъ Егоръ Петровичъ былъ спасенъ.

— Эти слова историческіе,—прибавилъ разсказчикъ,—какъ и тѣ, которые государю угодно было обратить ко мнѣ, когда я удостоенъ былъ избранія на трудный постъ стража достоинства Россіи при нынѣшнихъ конференціяхъ. Пріѣхавъ въ Петергофъ, я просилъ у его величества напутствій и указаній, какъ должно мнѣ дѣйствовать.—«Ты русскій, и дѣйствуй, какъ тебѣ подскажетъ твое

[1]) Кажется, князь назвалъ Татищева своимъ дядей.

русское чувство. Другихъ указаній ты не получишь». Затѣмъ государь меня трижды перекрестилъ: «А вотъ тебѣ и напутствіе. Поѣзжай съ Богомъ»! У него были слезы на глазахъ; у меня они текли изъ глазъ.

Такъ заключилъ свой разсказъ Горчаковъ.

Я помню возвратъ Егора Петровича въ Петербургъ. Его встрѣчали, какъ человѣка спасшагося отъ кораблекрушенія. Тутъ же ему было передано, что государь желаетъ его видѣть лично и назначаетъ представленіе вечеромъ, особо. Для ничтожнаго капитана, даже не гвардейскаго, это была милость необычайная. Велѣно было привезти и маленькаго черногорца, Джуро Давыдовича, сына одного изъ сердарей Владыки, посланнаго при оказіи въ Россію просвѣтиться и просвѣтить собою Черную Гору.

Николай вышелъ изъ кабинета Аничковскаго дворца, гдѣ проживало царское семейство, послѣ пожара въ Зимнемъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, по домашнему. Слѣдомъ вышелъ Нессельроде, въ звѣздахъ. Можетъ быть, этому очень маленькаго роста, но большой хитрости человѣку и обязанъ былъ Е. П. милостивымъ вечернимъ пріемомъ, когда никого нѣтъ и оно не такъ замѣтно́.

— Спасибо, Ковалевскій! Ты поступилъ, какъ обязанъ былъ поступить русскій. Иначе ты поступилъ бы дурно,—обратился онъ къ дядѣ.

А у черногорца спросилъ, въ какую службу тотъ хочетъ.

— Въ такую какъ капитанъ!—отвѣчалъ мальчикъ.

Его опредѣлили въ горный корпусъ, гдѣ онъ успѣлъ проявить сразу свои мускульныя способности въ борьбѣ съ товарищами, пристававшими къ нему какъ къ новичку даже сверхъ положенія.

— Джуро! скажи: много женъ у твоего Владыки? — дразнили его приставалы.

— Владыко жёны не имѣетъ! — гремѣлъ черногорецъ и бросался тузить кого ни попало.

— Джуро! Джуро! А что̀, правда, что Владыка на пирожное ѣстъ жеванную бумагу?

— Владыко жеванной бумаги не ястъ!

Въ классахъ имъ травили нелюбимаго учителя нѣмецкаго языка.

— Джуро! вѣдь это австріякъ!

И Джуро кидался, скрежеща зубами, на учителя; съ трудомъ успѣвали его оттаскивать. Когда учитель выходилъ изъ класса, онъ подкрадывался сзади и плевалъ ему въ карманы. Наконецъ, его должны были пересадить ко мнѣ, въ старшій классъ, пока онъ не сдѣлается ручнымъ.

Дальнѣйшая судьба этой надежды Черной Горы была слѣдующая. Ручнымъ онъ кое-какъ сдѣлался, но горнымъ инженеромъ никакъ сдѣлаться не могъ. Изъ всѣхъ предметовъ, входившихъ въ кругъ познаній тогдашняго горнаго офицера, онъ оказалъ способ-

ности къ одной маршировкѣ, и хотя былъ за это сильно поддерживаемъ директоромъ изъ военныхъ, но далѣе первыхъ двухъ классовъ (изъ девяти), и то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ приспособленія къ каждому, не поднялся. Изъ корпуса его взялъ, уѣзжая на Кавказъ, родной братъ Егора Петровича, убитый затѣмъ при муравьевскомъ штурмѣ Карса во главѣ свей бригады, Петръ Петровичъ Ковалевскій. Тутъ Джуро Давыдовичъ добрался даже до майора, а съ нимъ и до майорши, при помощи которой произвелъ на свѣтъ цѣлое племя такихъ же будущихъ майоровъ, какъ самъ. Но Черногорія его своимъ просвѣтителемъ не увидала.

Надо ли прибавлять, что гласность, приданная заграничною печатью похожденіямъ Е. П. въ Черногоріи, восполнилась совершенною безгласностью печати отечественной, и даже въ изданномъ имъ томикѣ: «Четыре мѣсяца въ Черногоріи», не было слѣда того, что онъ въ эти четыре мѣсяца тамъ надѣлалъ. Тѣмъ не менѣе, разсказанныя въ легкой формѣ впечатлѣнія природы и нравовъ этого заслоненнаго горами отъ остального міра уголка, населеннаго народомъ православнымъ, — съ ребяческимъ невѣденіемъ того, что творитъ, снимавшимъ головы турокъ съ плечъ, какъ библейскіе люди закалывали въ жертву Богу сыновей,—народомъ, у котораго и правитель ходилъ съ клобукомъ на головѣ и съ пистолетами подъ рясой,—такія впечатлѣнія и такіе разсказы сдѣлали ихъ автора чуть не Колумбомъ Черногоріи. Вещественнымъ слѣдомъ похожденія была пара длинныхъ пистолетовъ въ серебрянной оправѣ, съ замысловатою чеканкою и надписью посербски: «Капитану Ковалевскому отъ черногорскаго народа, за походъ...» Слѣдовали годъ и мѣсяцъ. Этого слѣда не удалось изгладить краснымъ чернилам цензора, какъ не изгладилось въ сердцахъ первобытнаго народа имя капитана Ковалевскаго. Онъ могъ повышаться въ чинахъ и извѣстности, — въ Черногоріи онъ до конца пребылъ капитаномъ, и даже перешелъ въ этомъ скромномъ видѣ за предѣлы ея скалъ, въ сосѣднія славянскія земли... Въ спискахъ пограничныхъ заставъ и въ памяти жандармовъ Австрійской имперіи тотъ же капитанскій чинъ удержался вплоть до полковничьяго, который смѣнилъ его гораздо позже и при обстоятельствахъ гораздо значительнѣе.

И вотъ, случайно сдѣланный отчаянный шагъ дѣлается первымъ шагомъ дальнѣйшей карьеры, сперва случайнаго горнаго инженера, а теперь случайнаго дипломата. Въ азіатскомъ департаментѣ его отчетъ о командировкѣ для розысканія въ Черной Горѣ мѣсторожденій золота (которыя, за другими занятіями, такъ и не были розысканы) имѣетъ гораздо бо́льшій успѣхъ, чѣмъ въ горномъ. Нессельроде, въ качествѣ крошечнаго Меттерниха, косо посматривающій на непріятное вторженіе предпріимчиваго добровольца въ область тиши да глади (хоть и безъ Божьей благодати)

его дипломатіи, не считаетъ себя вправѣ не назначить ему аудіенціи послѣ знаменитаго пріема въ Аничковскомъ дворцѣ.

Съ этихъ поръ Е. П. является первымъ охотникомъ и кандидатомъ на порученія рисковыя или въ странахъ полудикихъ. Мало времени спустя, въ свитѣ поднявшагося войною, на верблюдахъ и казацкихъ скакунахъ, графа Перовскаго, на Хивинскія ханства, онъ уже гораздо болѣе въ качествѣ дипломатическаго чиновника, чѣмъ горнаго инженера, голодаетъ и мерзнетъ вмѣстѣ съ верблюдами и казаками въ степи; отбивается самолично, въ дрянномъ земляномъ укрѣпленьицѣ отъ нападающихъ дикарей и отсиживается на кони̇нѣ до подоспѣвшей выручки, за что́ и получаетъ желтуху, которая окрашиваетъ его въ цвѣтъ самой чистой охры, но не получаетъ Георгія, къ которому его представляютъ. Императоръ Николай могъ поступиться правилами международныхъ отношеній, какъ было въ первомъ случаѣ, но не правилами награжденія орденами, и Е. П., за подвигъ безспорно военный, получилъ какой-то совершенно статскій крестикъ...

Тутъ онъ окончательно сознаетъ въ себѣ странствователя, даже присвояетъ это названіе цѣлому ряду разсказовъ о совершонныхъ имъ странствованіяхъ. Поданное въ лакомомъ видѣ беллетристическихъ очерковъ, не безъ приправы малороссійскаго юмора, продававшееся при томъ дешево и въ небольшихъ выпускахъ,—то самое, что тщетно и не разъ до него предлагалось, подъ прѣснымъ описаніемъ ученаго,—пошло раскупаться и читаться на расхватъ. Критика хвалила, редакторы журналовъ просили статей и ставили подъ ними «автора Странствователя по сушѣ и морямъ». Имя Е. П. Ковалевскаго сдѣлалось литературнымъ именемъ.

Но мирныя ощущенія литературнаго успѣха не для такихъ неугомонныхъ натуръ, какая гнѣздилась въ тщедушномъ, только на видъ, тѣлѣ Е. П. Это было упругое тѣло, выносливое, какъ сухое тѣло степного верблюда, а натура—требующая ощущеній острыхъ, опасности и риска. И вотъ, подобно тому, какъ пьяница оживаетъ отъ рюмки, этотъ худенькій странствователь оживляется карточнымъ столомъ, съ его неудачами. Партнеръ его, Некрасовъ, говорилъ, что Е. П. былъ единственный игрокъ въ клубѣ, игравшій непремѣнно для того, чтобъ проиграться. Когда выигрывалъ, онъ оставался безъучастенъ и готовъ былъ во всякое время остановиться; зато, когда проигрывалъ, его ничѣмъ остановить нельзя было. Борьба съ опасностью и неудачею придавала ему такую настойчивость, что его тогда просто боялись: обыкновенно, мягкій и вялый, онъ дѣлался рѣзокъ и говорилъ непріятности. Только проигравшись въ пухъ, онъ успокоивался. Но за проигрыши приходилось расплачиваться, и тутъ выручалъ только какой-нибудь отчаянный литературный ходъ. Надлежало написать что-нибудь необыкновенно длинное и само по себѣ необыкновенное и отыскать

такого необыкновеннаго издателя, который согласился бы выдать деньги впередъ за то, что еще не было написано.

Такой издатель существовалъ. Это былъ Ольхинъ, прежде извѣстный министерскій курьеръ, а теперь издатель произведеній извѣстныхъ русскихъ писателей. Деньги, первоначально выскаканныя на курьерской телѣжкѣ съ пакетами и преувеличенныя подачками въ генеральскихъ прихожихъ, пущенныя потомъ на жидовскіе проценты между чиновной милюзгой, собирали теперь русскую литературу уже въ его собственную прихожую, а литературныхъ генераловъ въ столовую, если они давали себя «прикармливать» (какъ выражался когда-то Некрасовъ по отношенію къ неподатливымъ цензорамъ). Иные прикармливали его сами.

Е. П. былъ черезчуръ брезгливъ, чтобы «прикармливать» Ольхина; однако, на прикармливаніяхъ другими приходилось въ критическія минуты присутствовать и ему. Я помню одно такое прикармливанье у Кукольника, на дачѣ въ Парголовѣ. Вызвано оно было сверхъестественнымъ успѣхомъ «Парижскихъ тайнъ», Евгенія Сю, между русскими чиновниками. Въ то время, кто только состоялъ въ живыхъ, непремѣнно состоялъ и въ чиновникахъ, если не сподобился состоять въ офицерахъ. Свободомыслящіе начальники отдѣленій и ротные командиры признали «Парижскія тайны» за послѣднее слово истины, и «Мертвыя души», Гоголя, недавно пользовавшіяся почетомъ, были поруганы. Ольхинъ сказалъ себѣ: «Отчего не сочинить своихъ тайнъ? И мы не лыкомъ шиты! Свои, пожалуй, понравятся тоже начальникамъ отдѣленій». И попросилъ Кукольника заказать «Тайны». Выборъ Нестора Васильевича палъ почему-то на моего дядю, — должно быть, потому, что тотъ никогда ничего не писалъ въ этомъ родѣ.

Дядя былъ въ проигрышѣ, и заказъ принялъ. Такъ вотъ пробные-то образцы этого напередъ проиграннаго въ карты заказа и подлежало сдобрить кукольниковскимъ обѣдомъ. «Нестору Васильевичу» Ольхинъ непремѣнно ставилъ бы свѣчи, еслибы не былъ жидомъ, а будучи жидомъ вѣрилъ ему, все равно, какъ Моисею. Стало быть, скажетъ этотъ Моисей, что «Тайны» домашнія затыкаютъ за поясъ чужестранныя — и карточный долгъ ихъ сочинителя будетъ уплоченъ; не скажетъ — пиши пропало! Кукольникъ, собственно, тогда уже переставалъ быть Кукольникомъ, и только по инерціи продолжалъ снискивать себѣ поклоненіе. Все уже имъ было написано и описано. Торквато-Тассо и Кузьма Мининъ Сухорукъ, Эвелина де-Вальероль и Голендуха Демьяновна, Петръ Великій и какой-то Джуліо Мости, Сорренто, Нижній Новгородъ, Васильевскій островъ и Версаль:

«Ничто не оставлено имъ
«Подъ солнцемъ живымъ безъ отвѣта!»

И если ему не была «звѣздная книга ясна», и съ нимъ не «говорила морская волна», такъ только потому, что этого не требовалъ Ольхинъ. На «Нестора Васильевича» издатель, редакторъ, актеръ, могли смѣло полагаться, какъ на каменную гору: пьесу ли надо къ бенефису—будетъ; повѣсть къ книжкѣ—напишетъ; разсказъ къ чтенію—разскажетъ. Хорошо бы черезъ 24 часа послѣ сожженія турецкаго флота патріотическую драму въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ,—разгорится патріотическимъ жаромъ какъ разъ на 5 дѣйствій и на стихи! Зато баронъ Брамбеусъ, непризнавшій Гоголя, призналъ его русскимъ Шиллеромъ, Брюлловъ написалъ съ него дѣйствительно шиллеровски мечтательную голову, а посѣтители Александринскаго театра, въ праздничные дни, прозвали его «нашимъ Несторомъ Васильевичемъ».

Въ грузномъ и обрюзгломъ парголовскомъ хозяинѣ врядъ ли кто нашелъ бы что-нибудь шиллеровское. Говорилъ онъ голосомъ жирнымъ, сильно напирая на *о;* когда смѣялся, все его огромное туловище колыхалось, а небольшіе глазки слезили и губы складывались въ воронку, какъ у дѣтей, когда они плачутъ.

Слѣдомъ за нами пріѣхала наемная карета, изъ которой вышелъ широкій, приземистый, точно приплюснутый, пожилой человѣкъ, съ толстыми, отвислыми губами и подсматривающими, постоянно готовыми на улыбку, хотя отъ природы еврейски-грустными глазами. Это былъ «самъ Ольхинъ». За нимъ, довольно подобострастно, вылѣзъ маленькаго роста, но съ очень большою лысиною человѣчекъ. Это былъ сотрудникъ нѣсколькихъ журналовъ, переводчикъ кого хотите, фельетонистъ, компиляторъ чего угодно, при нуждѣ—даже писатель для народа и романистъ, Петръ Фурманъ: микробъ того литературнаго недуга, которому суждено было развиться позднѣе въ репортеровъ, «нашихъ собственныхъ корреспондентовъ», критиковъ отъ строки, историческихъ романистовъ отъ «Русскаго Архива»—всѣхъ этихъ писакъ отъ толкучаго рынка!.. Возилъ его съ собою Ольхинъ не то для своего развлеченія, не то для собиранія литературнаго матеріала, въ родѣ того, какъ за прогулкою собираютъ грибы. Послѣднее вѣроятнѣе. Случилось, напримѣръ, что у дяди моего остановились часы. Онъ спрашиваетъ у Кукольника: «Который часъ?» А у Кукольника у самого часы остановились. Ольхину это ту же минуту показалось грибами.

— Вотъ вы возмите-ко, да и запишите себѣ въ книжечку!—обратился онъ къ Фурману,—отлично вамъ пригодится. Намъ, дескать, счастливый случай доставилъ возможность быть свидѣтелями въ высшей степени рѣдкаго... или какъ тамъ-нибудь... приключенія: у одного извѣстнаго литератора остановились часы. Онъ спрашиваетъ у другого—и у того остановились... Забавно выйдетъ.

— Но вѣдь мало же тутъ забавнаго, помилуйте! — рѣшился протестовать Фурманъ, подъ дѣтскій плачъ хозяина.

— А мало, такъ прибавьте отъ себя—ужъ это ваше дѣло. Вѣдь прибавить можно-съ?—обратился Ольхинъ уже къ дядѣ, какъ бы по праву его литературной собственности на этотъ сюжетъ.

— Можно, разумѣется!—захлебнулся по-своему Е. П.

Потомъ еще нѣсколько разъ подвертывались сюжеты въ томъ же родѣ. Вилку ли уронять, или пробка выскочитъ изъ бутылки и хлопнетъ лакея по лбу—сейчасъ Ольхинъ дѣлаетъ знаки рукою, записывая на воздухѣ то, что Фурману предстояло записать въ памятную книжку.

Наконецъ началось главное, зачѣмъ съѣхались—чтеніе романа. Глаза Ольхина пошли усиленно подсматривать за всѣми—такъ и забѣгали по комнатѣ. По ихъ выраженію было ясно, что онъ рѣшительно не понималъ ни слова изъ того, что читалось.

Съ издателями, даже редакторами журналовъ, это случается, какъ мнѣ доводилось убѣждаться впослѣдствіи; но на первый разъ оно мнѣ показалось очень забавно, гораздо забавнѣе сюжетовъ для Фурмана. Кукольникъ искалъ возможность выразить одобрѣніе и никакъ не могъ. Пріятно улыбающееся выраженіе лица Ольхина (ка̀къ дескать все это хорошо: извѣстные литераторы; одинъ читаетъ удивительную вещь, другой ей удивляется) на̀чало переходить въ сосредоточенное, угрожая перейти въ строгое: «что̀жъ молъ это такое? слушающій извѣстный литераторъ не удивляется! Несторъ Васильевичъ не удивляются! За что̀ же я деньги заплачу?» Но Несторъ Васильевичъ по маломъ времени кое-какъ уловилъ-таки возможность удивиться и расшатать себѣ туловище одобрительнымъ плачемъ. Среди совершенно невозможной въ Петербургѣ уличной сцены, гдѣ несуществующій петербургскій уличный мальчикъ (le gamin de Pétérsbourg) ночью спасаетъ изъ обломавшейся кареты дочь какого-то вліятельнаго князя (по современнымъ условіямъ цензуры могшаго даже показаться великимъ) раздается крикъ другого французскаго уличнаго мальчика: «Сенька! отдай мнѣ! У тебя хоть собака есть, а у меня ничего нѣту!» Это было признано за чисто шекспировскую черту нравовъ петербургскихъ маленькихъ французовъ. Долго потомъ Несторъ Васильевичъ не переставалъ твердить сквозь слезы на всѣ лады: «Сенька! у тебя хоть собака есть! Ай-да Ковалевскій! Молодецъ! Сенька! у тебя хоть собака»...

Испытаніе кончилось приговоромъ въ пользу автора трехъ тысячъ рублей за романъ, въ которомъ, и то ночью, успѣлъ появиться одинъ Сенька, но гдѣ долженствовало пройти все населеніе Петербурга, не только ночью, но и днемъ, ради чего и опредѣлялся размѣръ въ шесть частей, а названіе давалось: «Петербургъ днемъ и ночью». По тогдашнему, сдѣлка была блистательная.

Но «анаѳемскій романъ», какъ называлъ его самъ авторъ, долженъ былъ быть написанъ; а это не такъ-то легко было сдѣлать человѣку, не только незнавшему того о чемъ онъ взялся написать

6 частей, но и просто незнавшему, о чемъ онъ писать будетъ. Романъ превратился въ кредитора, который преслѣдовалъ его по пятамъ. Онъ завидовалъ людямъ свободнымъ отъ обязательства написать романъ, какъ самымъ счастливымъ въ мірѣ; накидывался на знакомыхъ за то, что они не помогаютъ ему писать: «Хоть бы что-нибудь разсказали!» говорилъ онъ съ отчаяніемъ:—вѣдь хо̀дите жъ вы по улицѣ, ѣздите на извозчикахъ: ну, и слушали бъ, разспрашивали, смотрѣли бъ... А то вѣдь и дѣла нѣтъ никому до того, что̀ я долженъ писать!» Онъ даже осыпа̀лъ укорами своего кадета-черногорца: «ты чего сидишь, ничего не дѣлаешь? Сходилъ бы въ харчевню, подслушалъ, о чемъ тамъ говорятъ? Тебѣ можно—тебя за солдата примутъ. А я съ мужикомъ заговорю, онъ сейчасъ шапку снимаетъ; мнѣ ничего ракалія не скажетъ»...

Доморощенныя «Тайны», предпринятые какъ доказательство, что мы не лыкомъ шиты, выходили сами шитыя лыкомъ... Гораздо позднѣе, подъ названіемъ «Петербургскихъ Трущобъ», имъ суждено было сдѣлать имя г. Всеволоду Крестовскому.

Помню неудачную попытку покрыть другой проигрышъ драматическою формой. Вдохновенье шло отъ немало извѣстнаго въ свое время начальника репертуарной части въ театрахъ, тоже игрока, Неваховича,—можетъ быть, не безъ задней мысли: обезпечить ею возможный выигрышъ.

— Ужъ вы только напишите—мы все сдѣлаемъ: драма пойдетъ! ужъ мы все сдѣлаемъ!—распинался и моргалъ Неваховичъ. Онъ всегда моргалъ и всегда распинался, что какіе-то «они все сдѣлаютъ»...

Въ драмѣ уже выступали не уличные, а клубные и салонные герои; главный герой былъ игрокъ, какъ и авторъ, и если не сочинялъ, когда проигрывался, драмъ и романовъ, какъ авторъ, то искалъ, какъ и онъ, золото; а, найдя золото (чего не удавалось дѣлать автору), разражался монологомъ, который давалъ возможность Каратыгину расточить избытокъ своего могучаго голоса, а автору получить гонораръ.

— «Я буду гнать, и загоню, это презрѣнное общество (имѣвшее низость требовать, чтобы платили долги) въ болото, какъ стадо барановъ и потоплю»!—долженъ былъ вопить знаменитый трагикъ, и презрѣнное общество должно было потрясать театръ рукоплесканіями по поводу того, что оно презрѣнно...

Такъ какъ участь пьесъ гораздо болѣе была въ рукахъ этого царя Александринской сцены, даже когда онъ выходилъ изъ бутафорской порфиры, чѣмъ отъ тѣхъ, которые «все дѣлали», то необходимо было знать, какъ думаетъ Василій Андреевичъ о драмѣ; а чтобъ не услышать самому, что онъ о ней думаетъ дурно,—дядя поручилъ мнѣ побывать у Каратыгина. Какъ и вся молодежь, воспитанная еще на преданіяхъ классической красоты движеній и

формъ, размѣреннаго произношенія стиховъ и разсчитаннаго впечатлѣнія монологовъ, я былъ поклонникомъ этого послѣдняго сценическаго виртуоза по всѣмъ этимъ частямъ; а потому не безъ пріятнаго трепета взялся исполнить порученіе. Предстояло не съ высоты театральнаго помоста, а лицомъ къ лицу увидѣть человѣка, во всякое представленіе завладѣвавшаго театромъ. Про него говорили, что онъ и передъ и послѣ представленія владѣлъ имъ. Законъ писанный для другихъ актеровъ для него не былъ писанъ: онъ являлся на репетиціи въ шляпѣ, репетировалъ сидя, остальные подобострастно стояли, или поплачивались за неподобострастье, какъ Самойловъ, котораго держали въ черномъ тѣлѣ. Къ мелкой сошкѣ Каратыгинъ не обращался иначе, какъ: «эй ты, шутъ! начинай что ли!» или: «чего жъ ты, дубина, орешь? не можешь говорить тише, когда реплика моя!» Онъ бралъ роли, какія ему нравились и отвергалъ тѣ, которыя были не по вкусу; особенно не допускалъ мысли—изображать лицъ антипатичныхъ. Только для королей и дѣлалъ исключеніе—игралъ Людовика XI, и зато игралъ превосходно. Игрокъ новой драмы былъ, по принятымъ понятіямъ, симпатиченъ. Оставалось знать: по вкусу ли онъ?

Каратыгинъ жилъ на самомъ краю Невскаго проспекта, у Знаменія, чтò въ сороковыхъ годахъ было чуть не на краю свѣта. По ту сторону стараго, узкаго и мрачнаго, съ гранитными почернѣвшими башеньками Аничковскаго моста, все уже казалось краемъ свѣта.

Я отправился почему-то вечеромъ, и мнѣ пришлось отыскивать въ тускло-освѣщенной, широкой, а зà-мостомъ почти и совсѣмъ пустынной, улицѣ, домъ, гдѣ жилъ Каратыгинъ. Даже извозчикъ вэроптал: «очинна уже далече заѣхали!» говорилъ онъ:—«безъ людей какъ быдто бъ и бòязно!» Это на Невскомъ-то проспектѣ! Домà номеровъ не имѣли; надо было искать по имени владѣльца. Когда я наконецъ доискался и позвонилъ, мнѣ не сразу отперли. За дверью послышалось сперва какое-то движеніе, потомъ чьи-то торопливые шаги, и когда все утихло, только тогда дверь осторожно пріотворилась.

— Ктò тамъ?—опросилъ меня нерѣшительный голосъ.

Въ полусвѣтѣ лѣстницы я различилъ въ прихожей чью-то выглядывавшую голову. Голова эта мигомъ спряталась, опять послышались шаги и кто-то грузно повалился на кровать, которая скрипнула.

— Вамъ кого угодно?—опросилъ меня прежній голосъ.

— Василія Андреевича Каратыгина. Могу я его видѣть?

— Они нездоровы... Да вы не изъ театра будете?

— Нѣтъ, не изъ театра. Я по своему дѣлу.

Мой отвѣтъ и офицерская шляпа съ перомъ, какъ тогда носили, видимо послужили въ мою пользу. Дверь отворилась совсѣмъ.

— Пожалуйте. Я спрошу барина. А какъ доложить?

Я себя назвалъ и прибавилъ отъ кого.

Послышался шопотъ; опять скрипнула кровать и тяжолые шаги направились изъ-за перегородки осторожно въ мою сторону; хорошо извѣстная величавая фигура Каратыгина, на этотъ разъ не въ порфирѣ, но запахнутая поношеннымъ халатомъ, безъ всякой величавости предстала передо мною.

— Прошу меня извинить... Вы вѣдь не изъ театра?—услышалъ я повторенную ту же настойчивую фразу голосомъ, гремѣвшимъ на сценѣ: «здѣсь императоръ твой и папа!!», а въ этой прихожей спускавшимся почти до шопота.

— Пожалуйте. Извините. Я тутъ прилегъ-было у себя въ спальной (за перегородкой прихожей была спальня этого, какъ всѣмъ было хорошо извѣстно, богатаго человѣка); потому что, знаете ли, я сказываюсь больнымъ. Когда вы позвонили, я подумалъ: не изъ театра ли прислали свидѣтельствовать? и навсякій случай прилегъ. Не платить же штрафа въ самомъ дѣлѣ! Сегодня идетъ—вы конечно видѣли на афишѣ (онъ назвалъ переводную французскую мелодраму). Ну, и въ ней есть роль мерзавца брадобрѣя Людовика XI, Оливье-чорта. Они хотѣли, чтобъ я игралъ эту роль! Посудите сами: мнѣ (тутъ заговорилъ опять императоръ и папа)—мнѣ.. играть роль отвратительнаго лица, чорта!! Посудите! Она идетъ Ивану Иванычу Сосницкому; но мнѣ ее играть не подобаетъ. При томъ, она даже и не главная... Я сказался больнымъ... На меня злятся—афиша испорчена. Какъ разъ затѣютъ непріятности... А вы пожаловали насчетъ пьесы?..

— За отвѣтомъ: согласны ли взять главную роль въ пьесѣ?

— Я не отказываюсь. Роль имѣетъ хорошій монологъ—и заключительный: это очень важно. Для начала, пьеса вашего дядюшки обѣщаетъ... и я готовъ содѣйствовать... Такъ и передайте. Но играть не обѣщаю скоро. Надо, чтобъ Иванъ Ивановичъ окончательно удержалъ за собою чорта. А до тѣхъ поръ я боленъ... Впрочемъ, я не отказываюсь: монологъ хорошъ... и заключительный,—впечатлѣніе передъ вызовами...

Проводилъ онъ меня съ тѣми же предосторожностями до выхода и отскочилъ отъ двери подальше, когда она отворилась, точно штрафъ тутъ ужъ сейчасъ и стоялъ за нею.

Цѣль постановки пьесы—скорѣйшее полученіе гонорара—не достигалась, и потому Е. П. письменно затребовалъ ее обратно. Потомъ онъ и самъ радовался, что знаменитый монологъ съ баранами не былъ выкрикнутъ на весь театръ Каратыгинымъ. Тотъ же игрокъ благополучно перешелъ въ повѣсть, безъ лишней огласки. Весь интересъ повѣсти заключался въ томъ, что цѣломудріе цензора не допустило игроковъ въ Петербургѣ, они переведены были красными чернилами въ Баденъ-Баденъ, при чемъ петербургскіе ваньки,

какъ законами нравственности допущенные, продолжали благополучно возить за двугривенные отъ Казанскаго моста въ Среднюю Подъяческую, а бѣлыя лѣтнія ночи озарять сцены на Крестовскомъ островѣ. Цензурныя строгости во время оно нерѣдко проявлялись шалостями.

Когда бывали выигрыши—а и они бывали—тогда-то развертывалась не знавшая разсчета натура Е. П.: онъ обдаривалъ родныхъ, угощалъ обѣдами, ужинами, мороженымъ близкихъ, набиралъ билеты въ театры, наконецъ, просто навязывалъ деньги.

— Берите, господа, кто хочетъ, покуда есть, — кричалъ онъ весело, раскрывая полный бумажникъ, — послѣ и захотите, да не будетъ...

И хотѣвшіе брали. Но если отдавали, онъ сердился.

— Да убирайтесь вы совсѣмъ! — протягивалъ онъ брезгливо.

Кружокъ молодежи, только-что успѣвшей встать со скамей корпусовъ и университетовъ, а не кружокъ сверстниковъ, доставлялъ близкихъ людей этому человѣку, бывшему на 12—15 лѣтъ ихъ старше. Сколько такъ называемыхъ «петрашевцевъ» собиралось у него по вечерамъ и какая совершалась тутъ уголовщина, въ родѣ чтенія извѣстнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю... Тогда это было преступно вообще; но если подпоручикамъ и коллежскимъ регистраторамъ оно было просто преступно, то украшенному орденами штабъ-офицеру, какимъ былъ Е. П., сугубо преступно. И, конечно, одна счастливая случайность борьбы двухъ соперничавшихъ вѣдомствъ,—изъ которыхъ одно, по обязанности своей доносящее, не успѣло донести, а другое донесло изъ любви къ искусству,—спасла нашего путешественника отъ поѣздки на ту сторону Невы, въ мѣсто покрѣпче его киргизскаго укрѣпленія... Шефъ жандармовъ (графъ Орловъ) пообѣщалъ «согнуть въ бараній рогъ» всякаго, кто посмѣетъ раздуть дѣло, открытое министромъ внутреннихъ дѣлъ (Перовскимъ); никто не усомнился, что обѣщаніе будетъ исполнено, — и дѣло раздуто не было.

Между тѣмъ, извѣстность Е. П. Ковалевскаго возростала, и какъ путешественника (онъ былъ командированъ съ порученіями уже совсѣмъ дипломатическими и уже къ нему прикомандировывались ученые и техники, — въ Африку и въ Китай), и какъ писателя (онъ описалъ и Африку и Китай).

Но однообразные успѣхи осѣдлой жизни были не по немъ: на мѣстѣ его заѣдала хандра. Забившись съ ногами въ глубокое кресло, закрывъ ладонями лицо, онъ только протягиваетъ отчаянно: «ахъ, да какая, однако же, анаѳемская тоска!» Внимательное начальство пытается отъ времени до времени развлечь его занятіями, въ родѣ назначенія предсѣдателемъ экзаменаторской комиссіи въ младшихъ классахъ горнáго института: по цвѣту кантика онъ былъ горный инженеръ и слѣдовательно обязанъ былъ исполнять пору-

ченія «по своему вѣдомству». И вотъ его развлекаютъ бѣдные мальчики—порютъ по Кайданову объ ассиріянахъ и вавилонянахъ, или по Гречу—объ исключеніяхъ при склоненіи именъ существительныхъ...

Не обходится при этомъ и безъ забавныхъ случаевъ. Такъ, однажды, слышитъ онъ изъ-подъ своихъ ладоней, которыми закрываться тутъ было какъ разъ у мѣста, что кадетикъ произноситъ особенно знакомое ему слово—«хандра».

— А вы знаете, что такое хандра?—спрашиваетъ онъ.

Кадетикъ перепуганъ: предсѣдатель придирается; пропалъ хорошій балъ!

— Да вы мнѣ скажите совершенно откровенно, не бойтесь: знаете или нѣтъ?

— Не знаю-съ, господинъ полковникъ,—сквозь слезы отвѣчаетъ мальчикъ.

— Счастливый вы человѣкъ! И впередъ не знайте! Я вамъ ставлю полный балъ.

Но счастливыхъ людей между людьми зрѣлыми онъ не выносилъ. Здоровье и счастье онъ считалъ до нѣкоторой степени личною обидою:—«такой онъ жирный, здоровый, счастливый! ахъ, какая скотина!»—говорилъ онъ про такихъ людей. Есть люди, чихающіе съ особеннымъ наслажденіемъ, громко и по три раза кряду.

— Вотъ счастье—какъ чихаетъ! мнѣ никогда такъ не чихнуть!—завидовалъ онъ.

И надо было видѣть, какъ преображался этотъ скучающій, недоспавшій за картами, неудовлетворенный человѣкъ, когда ему вынимался счастливый билетъ командировки, въ которую онъ могъ кинуться внизъ головою. Ноги утрачивали способность свертываться въ креслѣ, веселый голосъ оглашалъ комнаты; онъ суетился, объѣзжалъ знакомыхъ; на выданныя подъемныя дѣлалъ закупки, опять дарилъ, опять бралъ билеты въ театръ, давалъ деньги, и земли подъ собой не слышалъ. Но особенно любопытно было видѣть его передъ началомъ Крымской войны въ Тріестѣ, гдѣ была тогда главная квартира воинствующей славянской идиліи, съ крестомъ для св. Софіи въ рукахъ («Пади предъ нимъ, о царь Россіи—и встань, какъ всеславянскій царь!»); слышать его оживленные возгласы на лѣстницѣ Hôtel de la Ville, шутки съ кельнерами и хорошенькими кельнеринами и знать при этомъ, что съ ранняго утра до поздней ночи пакеты, депеши, дипломатическіе курьеры пріѣзжали и уѣзжали; входили къ нему въ номеръ и стремительно оттуда выходили, даже консулы наши, генеральный и простой, поднятые имъ на ноги (а поднять на ноги русскаго консула—такое же чудо, какъ воскресить Лазаря); надо было быть свидѣтелемъ, какими выходками, почти ребяческими, сопровождались дѣла самыя серьезныя,—и только тогда можно было составить себѣ понятіе,

на что была способна такая натура — неутомимая и настойчивая за дѣломъ, полусонная и равнодушная, когда ее оставляли безъ дѣла.

Вотъ одна изъ выходокъ, развлекавшихъ Е. П. въ Тріестѣ. Посолъ нашъ въ Вѣнѣ, баронъ Мейендорфъ (софійскій крестъ и нѣмецкій посолъ какъ-то уживались вмѣстѣ), не только не помогалъ, но гдѣ могъ — подставлялъ ножку такой его «фуй, русской» дѣятельности...

— Постой же! Я знаю, что сдѣлать, чтобы ты меня, нѣмецъ, помнилъ!—рѣшаетъ онъ,—и, добившись у мѣстныхъ властей того, чего не могъ или не хотѣлъ добиться Мейендорфъ: почотнаго пропуска черезъ австрійскія владѣнія команды русскаго военнаго судна, застигнутаго блокадою англо-французовъ,—онъ дожидается ночи, чтобы послать объ этомъ шифрованную депешу барону, который страдалъ безсонницей.

— Онъ засыпаетъ только къ разсвѣту; а его тутъ какъ разъ и разбудятъ,—захлебывался смѣхомъ Е. П.

Но идилія кончается, а трагедія тѣмъ временемъ идетъ на Дунаѣ и сосредоточивается подъ Севастополемъ. Онъ мѣняетъ идилію на трагедію и высиживаетъ Севастопольскую осаду въ свитѣ главнокомандующаго, кн. Горчакова. На австрійскихъ заставахъ вычеркивается чинъ капитана передъ его именемъ, но записывается чинъ полковника, и не одному Ковалевскому, если онъ имѣлъ несчастье быть полковникомъ, приходилось испытать неудобство этого чина при переѣздѣ границъ Австріи.

Подъ севастопольскими ядрами обычный юморъ не покидаетъ Е. П. Про извѣстную разсѣянность главнокомандующаго онъ, между прочимъ, разсказываетъ, что когда за картами тому говорятъ: «князь, вамъ ходить»,—то, вмѣсто того, чтобы пойти съ карты, онъ встанетъ и самъ пойдетъ. Продолжительная осада его утомляетъ, и онъ говоритъ военнымъ: «вамъ хорошо,—вы по крайней мѣрѣ знаете, что васъ убьютъ, а тутъ сиди и жди, когда кончится...»

Съ воцареніемъ Александра II скитальческая жизнь Е. П. кончается. Въ качествѣ директора департамента министерства иностранныхъ дѣлъ,—который хотя и называется азіатскимъ, но есть въ то же время африканскій, американскій, австралійскій, славянскій, греческій и т. д.,—и въ чинѣ генерала настаетъ для него осѣдлость, въ казенной квартирѣ, съ курьеромъ въ прихожей, съ обязательною потерею времени на прочтеніе и подписываніе того, что пишется и, доколе стоятъ міръ и департаменты, все не допишется... Конечно, это очень скоро становится для него ассиріянами Кайданова; онъ рвется впередъ, гдѣ дѣятельность подвижнѣе и шире, и уже портфель министра мерещется его воображенію.

— Буду министромъ!—говоритъ онъ,—буду! и кулакомъ стучитъ по столу съ опостылившими бумагами.

Е. П., кидается въ погоню за своимъ призракомъ горячо, нерасчетливо, какъ кидался во все, начиная съ картъ, зарываясь—и, наконецъ, зарвался: министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, избравшій его, по памяти еще перваго знакомства въ Италіи, ближайшимъ сотрудникомъ въ качествѣ знатока славянскаго міра, который самому князю представлялся такъ смутно, что онъ безъ посторонней помощи не находилъ славянскихъ земель на картѣ,—этотъ министръ началъ тяготиться нескрываемымъ вліяніемъ на него директора. Директоръ съ своей стороны тяготился министромъ—и они довольно скоро разстались. Ковалевскій перешелъ въ сенатъ, гдѣ опять сталъ закрываться ладонями, оставивъ живой слѣдъ своей дѣятельности въ азіатскомъ департаментѣ, въ угаданныхъ имъ и подготовленныхъ на свое мѣсто людяхъ, въ томъ числѣ въ Н. П. Игнатьевѣ.

Время его управленія не походило на то, которое ему предшествовало и едва ли то, которое послѣдовало за нимъ на него походило. Славяне, персы, туркмены, греки, бухарцы, до тѣхъ поръ знавшіе только спину департаментскаго швейцара, смѣло и свободно шли въ кабинетъ директора, вмѣсто того, чтобъ ожидать на морозѣ и дождѣ, когда онъ покажется у подъѣзда, закутанный въ шубу и приметъ отъ нихъ прошеніе, которое прочтетъ столоначальникъ. Чтобы увидать Востокъ въ лицахъ, слѣдовало побывать у Егора Петровича; чтобы наслушаться пререканій славянъ между собою, понять причину ихъ разрозненности, а оттого и приниженности въ средѣ другихъ народностей,—нужно было посидѣть у Е. П.

— Вѣдь вы сами сожрали бы другъ друга, еслибъ васъ не жрали турки да австріяки!—корилъ ихъ заслужившій право на горькую правду директоръ.

— Вы всѣ подлецы и предатели!—выговаривалъ онъ жосткія слова, не стѣсняясь,—выпрашиваете и продаете! Ничего вамъ не будетъ! я васъ знаю! меня не проведете!

За то если кто стоилъ заступничества или поддержки, онъ, въ какое бы время ни было, хоть ночью, отправлялся къ Горчакову, иной разъ тащилъ, къ великому ужасу послѣдняго, прямо въ его пріемную какого-нибудь загорѣлаго, оборваннаго черногорца, отъ котораго чопорный князь сторонился, какъ отъ зачумленнаго,—и этимъ вѣрнымъ средствомъ достигалъ удовлетворенія: министръ соглашался на все, только бы «cet empesté de Slave» убирался.

Противуположность привычекъ и воззрѣній этихъ людей, поставленныхъ у одного и того же дѣла, порождала любопытныя сцены. Князю, напримѣръ, не нравился мрачный тонъ донесеній консуловъ изъ Турціи. А донесенія эти въ извлеченіяхъ, иногда цѣликомъ, отсылались на прочтеніе государю; менѣе мрачныя—всегда цѣликомъ.

— Vous savez, mon cher Егоръ Петровичъ,—это портитъ общее пріятное настроеніе и только нашего добраго государя огорчаетъ,—говорилъ Горчаковъ.—Зачѣмъ ему это знать? Я васъ прошу, внушите—конфиденціально, разумѣется,—если хотите даже частнымъ образомъ,—такъ, отъ себя,—чтобъ они не смотрѣли сквозь такіе темные очки...

— То есть, вы хотите, чтобы они смотрѣли сквозь ваши, князь? (Горчаковъ постоянно ходилъ въ очкахъ). Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ они безъ всякихъ очковъ смотрѣли, простыми глазами. И внушать имъ я могу только это. Отъ всего же другого отказываюсь... Да я просто и не умѣю такъ написать...

— Vous le prenez trop au serieux, mon bon Егоръ Петровичъ! Написать можно прекрасно, въ шутливомъ тонѣ.

И князь становился въ позу, произносилъ фразы, одна красивѣе другой.

— Заключить можно безсмертнымъ изреченіемъ Фигаро: «pace, gioja!» Ну согласитесь, что это выйдетъ премило...

Тутъ Е. П. уже не выдерживалъ и захлебывался своимъ истерическимъ смѣхомъ.

— Князь, вы столько писали на вашемъ вѣку премилыхъ вещей и такъ много произносили прекрасныхъ фразъ, что я васъ попрошу: пожертвуйте этими! А я ничего моимъ консуламъ писать не буду...

— Какъ хотите. А жаль,—настаивалъ Горчаковъ, становясь въ позу:—помните, господа, безсмертное изреченіе Фигаро...

Но Е. П. стоялъ на томъ, что консуламъ его помнить не слѣдуетъ, и pace gioja оставались при князѣ.

Такіе люди не могли кончить иначе, какъ разойтись при помощи сената...

Грустно прибавлять къ этому, что ненастигнутый призракъ министра не разсѣялся, а только смѣнился въ стремленіяхъ Е. П. болѣе скромнымъ, но тѣмъ болѣе неотступнымъ призракомъ уже товарища министра, а не то оберъ-прокурора святѣйшаго Сѵнода. Дошло до того, что во всякомъ назначеніи на эти должности помимо него онъ уже началъ видѣть для себя оскорбленіе, а въ назначаемомъ негоднаго человѣка.

— Прошу покорно! такого подлеца назначить!—кричалъ онъ въ смѣшномъ негодованіи,—или—такую скотину!

— Да вы отчего же его считаете подлецомъ?—спрашивали его,—вы его знаете?

— Я его совсѣмъ не знаю,—отвѣчалъ онъ уже своимъ протяжно-равнодушнымъ голосомъ,—только навѣрное подлецъ, или скотина...

И разговоръ оканчивался смѣхомъ.

Смѣхомъ или шуткою кончалось съ нимъ многое, что въ другихъ возмущаетъ.

Помню я, какъ въ Одессѣ, еще воронцовской, еще единственномъ уголкѣ Европы въ Россіи, извозчикъ, вѣроятно тоже чувствовавшій въ себѣ уголокъ европейца, наткнулся на тумбу и чуть не вывалилъ насъ изъ дрожекъ. Е. П. на него крикнулъ.

— Извините, баринъ, я близорукъ, — оправдывался извозчикъ.

— Каковò? онъ смѣетъ быть близорукимъ! — обратился ко мнѣ дядя; но въ ту же минуту самъ захлебнулся смѣхомъ на мой смѣхъ.

Въ другой разъ онъ прогналъ отъ себя добродушнѣйшаго слугу Өедора. Его спрашиваютъ, за что̀ онъ прогналъ?

— Представьте, что̀ этотъ человѣкъ со мною сдѣлалъ, — разсказывалъ Е. П. — Возвращаюсь я домой очень поздно (что̀ значило — очень рано: на разсвѣтѣ, изъ клуба и, можетъ быть, послѣ проигрыша). — Спать хочется смертельно. Звоню, звоню, звоню — не отпираетъ!.. Наконецъ-то отперъ. И что̀ же вы думаете? Вмѣсто того, чтобъ поскорѣе снять шинель, бросается меня цѣловать и увѣряетъ, что Христосъ воскресъ! А? какъ это вамъ покажется? — Ну, братъ, говорю, ужъ если Христосъ воскресъ, такъ сію же минуту убирайся!

— И прогнали?

— Прогналъ.

— А можетъ быть Христосъ и въ самомъ дѣлѣ тогда воскресъ?

— И не думалъ! Это Өедору спьяна показалось.

Өедоръ дѣйствительно многое дѣлалъ спьяна; но надобно сознаться, что поводъ къ его изгнанію былъ столько же забавенъ, сколько и жестокъ.

На вещи серьезныя тоже случалось Егору Петровичу смотрѣть какъ на такія, съ которыми стѣсняться нѐчего. Такъ, въ приложеніи, будто бы научномъ, къ своему беллетристическому описанію поѣздки въ Африку, онъ сболтнулъ, что по пути къ истоку Голубого Нила онъ заходилъ туда, гдѣ нога человѣческая не бывала. Сказано это было болѣе для красоты слога или, какъ говорятъ итальянцы: «dico per dire», а мы говоримъ: «это я только такъ сказалъ». Но наша петербургская Академія Наукъ какъ не русская, не знала, что можно говорить «только такъ», и повѣрила; да мало того, что повѣрила — напечатала, и еще не порусски объ этомъ въ своихъ «Запискахъ». Боже, какой гвалтъ подняли на всѣхъ языкахъ и въ «Запискахъ» всѣхъ академій, какія есть на свѣтѣ, путешественники съ цѣлаго свѣта, которые только изъ-за того и бьются каждый, чтобъ его нога хоть одинъ шагъ лишній ступила туда, гдѣ до нея не ступали. И вдругъ, чтобъ какой-то русскій путешественникъ топтался тамъ, гдѣ они не топтались? Да какъ онъ смѣлъ! Пусть онъ представитъ доказательства! Мы ему не вѣримъ! и т. д. Того, кѣмъ поднята была ученая буря, она, конечно, и не коснулась. Онъ академическихъ записокъ не читалъ, и объ ея существованіи узналъ только отъ задѣтой заживое нашей

академія. Академикъ Бэръ, перепуганный и съ ворохомъ печатной бумаги со всѣхъ концовъ вселенной, предсталъ, въ одинъ несносный день, передъ Е. П. и объявилъ, что тотъ обязанъ все это прочесть и на все это отвѣтить.

— Кàкъ, и вы думаете, что я все это стану читать? да еще и на все это отвѣчать?! Нѣтъ, ужъ отвѣчайте сами, если это васъ занимаетъ, а мнѣ до этого ровно никакого нѣтъ дѣла, — огорашиваетъ его Е. П.

Бэръ думаетъ совсѣмъ иначе: дѣла всѣхъ больше до этого Е. П.; а потомъ еще и честь русской науки! Разительнѣе послѣдняго довода онъ ничего не находитъ и собирается читать Е. П. свою печатную бумагу. Тотъ, видя, что дѣло плохо, проситъ лучше оставить: онъ, пожалуй, такъ и быть, самъ прочтетъ, — прочтетъ и отвѣтитъ. Это было уже тѣмъ лучше, что Бэръ, наконецъ, ушелъ; а тамъ можно было и не читать.

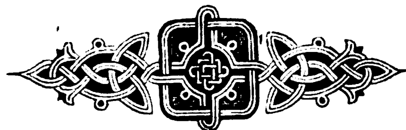
Конечно, онъ ничего не отвѣчалъ, потому что ничего не читалъ; конечно, Бэръ бѣгалъ по нѣсколько разъ въ недѣлю напоминать о чести русской науки, которая такъ-таки и осталась бы поруганною, еслибъ на ея счастье двое какихъ-то ученыхъ нѣмцевъ не сцѣпились между собою уже изъ-за собственныхъ ногъ. Ихъ принялись травить другіе, и въ общей грызнѣ про ногу русскаго путешественника забыли...

На вещи практически-серьезныя Е. П. смотрѣлъ иначе. Это доказали, между прочимъ, его заботы о судьбѣ Общества литературнаго фонда. Оно было послѣднимъ дѣломъ его жизни, и въ него онъ положилъ всѣ тѣ свойства своей неисчерпаемой подвижности, которую до конца не успѣлъ расточить на разнообразныхъ житейскихъ поприщахъ. И если мысль образовать такое общество принадлежитъ Дружинину, то ея воплощеніе и укрѣпленіе на ногахъ положительно дѣло рукъ Ковалевскаго. Онъ провелъ уставъ и получилъ пріютъ для собраній членовъ, благодаря своему вліянію у брата, министра народнаго просвѣщенія, и былъ первымъ предсѣдателемъ комитета, оставаясь до конца жизни не только его руководителемъ, но и первымъ работникомъ: не разъ онъ составлялъ протоколы за секретарей, когда ими были столько же превосходные литераторы, сколько никуда негодные письмоводители, и переписывалъ самъ набѣло. Оживленіе, какъ вездѣ, овладѣвшее имъ и здѣсь, сообщилось другимъ, а личная привлекательность и ни въ какихъ случаяхъ непокидавшій юморъ сдѣлали то, что партіи, въ литературѣ непримиримыя, пріятельски собрались около его предсѣдательскаго стола. Собственно и стола такого не было, а садился всякій гдѣ хотѣлъ, пили чай, свиду будто и шутили, но на дѣлѣ рѣшали вопросы вовсе не шутя. Дверь и кошелекъ Е. П., — послѣдній, когда милостью англійскаго клуба бывалъ хоть мало-мальски оставленъ не пустымъ, — были во всякое время открыты просящимъ и предупре-

ждали разсмотрѣніе просьбъ въ комитетѣ; такъ же какъ связи въ высшихъ служебныхъ сферахъ, всегда помогали такъ или иначе пристроить просителя на должность съ жалованьемъ. Въ его гостиной сливались потоки до тѣхъ поръ еще несливавшихся отборныхъ силъ администраціи и литературы. Здѣсь отмѣченный на министерскій постъ Головнинъ селезнемъ переваливался за Чернышевскимъ, уловляя его руку, которой тотъ ему не давалъ пожать, а настоящіе министры, и первый въ ихъ числѣ Горчаковъ, сохранившій добрыя личныя отношенія послѣ разрыва служебныхъ,—испытывали въ присутствіи пишущаго народа ту особенную пріятность чего-то несовсѣмъ позволительнаго, какую испытываютъ степенные люди въ обществѣ свободныхъ женщинъ; писатели съ своей стороны получали возможность созерцать вблизи тѣхъ, которыя представлялись имъ только на разстояніи... Однихъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ обворожалъ своимъ парижскимъ нарѣчіемъ, другихъ Островскій съ Писемскимъ—искуснымъ чтеніемъ, всѣхъ—Горбуновъ отборнѣйшимъ меню разсказовъ, какимъ особенно рѣдко удается лакомиться министрамъ...

Портретъ Е. П. Ковалевскаго въ залѣ общихъ собраній литературнаго фонда, да уже не достигающее его слуха скромное спасибо за помощь на проценты съ капитала его имени отъ нѣсколькихъ бѣдняковъ умственно трудящейся молодёжи, которую онъ такъ любилъ при жизни: вотъ слѣды по немъ на этомъ мало замѣтномъ, но полезномъ поприщѣ. На замѣтныхъ и того не осталось... Правда, осталась о немъ добрая память всѣхъ честныхъ и порядочныхъ людей [1]...

П. Ковалевскій.

[1]) На поприщѣ литературномъ отъ Е. П. осталась книга «Гр. Блудовъ и его время». Тутъ онъ является талантливымъ портретистомъ крупныхъ историческихъ лицъ царствованія Александра I.

— Ты о нихъ такъ говоришь, какъ будто зналъ ихъ лично, — выразился покойный государь Александръ II, принимая автора книги.

Эти-то лица, а не Блудовъ, на которомъ онъ и остановился, — послужили поводомъ къ сочиненію, ограничившемуся первою частью. Второй части (собственно о Блудовѣ) онъ и не намѣревался писать.

ВОСПОМИНАНІЯ БЫВШЕЙ КАМЕРЪ-ЮНГФЕРЫ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ [1].

X.

НА БЕРЕГУ Финскаго залива еще въ Петровское время былъ построенъ маленькій дворецъ, называвшійся Монплезиромъ. Комнаты въ немъ, кромѣ одной, маленькія, темныя; окна изъ мелкихъ стеколъ, которыя отъ старости получили радужный оттѣнокъ; чтобы впустить воздухъ въ комнату, надо поднять нижнюю часть окна вверхъ, подставивъ подъ нее подпорку; тогда верхняя часть окна дѣлается еще туманнѣе; вся обстановка, конечно, носитъ на себѣ характеръ прошлаго столѣтія и глазамъ не представляется ничего привлекательнаго. Въ комнатахъ много картинъ, хотя онѣ почернѣли отъ сырости и темноты, но говорятъ, что знатоки признаютъ между ними работы знаменитыхъ художниковъ. Показываютъ, между прочими комнатами, одну, крошечную, гдѣ стоитъ кровать, на подушкѣ лежитъ колпакъ, на полу предъ кроватью на маленькомъ коврикѣ туфли, въ которыхъ паукъ свилъ паутину, на столѣ—неоконченныя туфли, которыя самъ хозяинъ шилъ своей женѣ. Это комната, гдѣ Петръ I жилъ лѣтомъ нѣкоторое время. Прелесть Монплезира заключается въ цвѣтникѣ, по срединѣ котораго стоитъ изящнѣйшій фонтанъ, въ видѣ снопа колосьевъ; бассейнъ его окруженъ благоухающими цвѣтами: цѣлая масса чудныхъ махровыхъ розъ всѣхъ колеровъ, геліотроповъ, разноцвѣтнаго левкоя, душистой

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 147.

гвоздики, желтаго и бѣлаго жасмина, однимъ словомъ все благоухающее, чѣмъ могла располагать прекрасно содержимая оранжерея, сгруппировано здѣсь. Вокругъ фонтана на широкой дорожкѣ стоятъ четыре полукруглыя скамейки. Въ цвѣтникѣ много небольшихъ золоченыхъ статуй; онѣ возвышаются на пьедесталахъ въ аршинъ высоты, изъ-подъ ногъ статуй струится по пьедесталу вода и впадаетъ въ небольшой бассейнъ. Въ двухъ углахъ сада стоятъ скамейки съ сюрпризами: изъ-за спинки скамеекъ, съ самой земли спускается цѣлый рядъ фонтановъ, струи которыхъ, поднимаясь довольно высоко и образовавъ надъ скамейкою дугу, падаютъ не далеко отъ ногъ сидящихъ на скамейкѣ. Вокругъ сада и въ немъ самомъ находятся прекрасныя старыя деревья; передъ дворцомъ красуется нѣсколько цвѣтущихъ померанцевыхъ деревъ въ кадкахъ.

Какое наслажденіе въ знойный день, посидѣвъ въ саду Монплезира и надышавшись благоухающимъ воздухомъ, перейти на другую сторону дворца — къ заливу. На прозрачной синевѣ взморья, пронизанной золотыми лучами солнца, виднѣются выстроившіеся въ рядъ нѣсколько фрегатовъ, на которыхъ воспитанники морского корпуса практически примѣняютъ свои познанія въ морскомъ дѣлѣ, и двѣ, три императорскія яхты. Вправо рисуется силуэтъ Петербурга, надъ которымъ царитъ золотой куполъ Исаакіевскаго собора и шпицъ Адмиралтейства; влѣво высится въ розовомъ туманѣ Кронштадтъ съ лѣсомъ мачтъ.

Въ то время, о которомъ я говорю, у петергофскихъ дачниковъ было какъ бы условлено каждое утро побывать въ саду Монплезира. Гуляющіе приходили въ утреннихъ простенькихъ туалетахъ, кто съ рукодѣліемъ, кто съ книгой; иные только проходили черезъ садъ, чтобы выйти на платформу къ заливу насладиться прохладою, полюбоваться на синюю зыбь воды, искрящуюся серебристыми и золотистыми блестками, ударяющуюся и слегка набѣгающую на откосъ берега, усыпанный до самой платформы мелкими камешками.

Иногда и сама императрица со всѣми великими княгинями и княжнами пріѣзжала утромъ въ Монплезиръ. Подъ густымъ развѣсистымъ деревомъ разстилали коверъ, изъ дворца выноси стулья, табуретики, столикъ, и императрица съ дочерьми и приближенными располагалась тутъ съ работой. Которая-нибудь изъ фрейлинъ читала вслухъ.

Однажды, и мнѣ случилось быть съ моею двухлѣтнею малюткой въ цвѣтникѣ въ тотъ день, когда тамъ была государыня; она прохаживалась по дорожкѣ; проходя мимо, она узнала меня и остановилась разговаривать; обративъ вниманіе на мою дѣвочку, она опустила руку, но чрезъ минуту сказала:

— On ne veut pas de nous! (Нами пренебрегаютъ!)

Тогда я замѣтила, что государыня опустила руку, чтобы дитя

ее поцѣловала, но та, конечно, не поняла этого, и я поспѣшила исправить оплошность, поцѣловавъ руку императрицы.

Бывало императрица съ семействомъ и нѣсколькими фрейлинами пріѣдетъ вечеромъ въ Монплезиръ; на платформѣ у залива, на большомъ кругломъ столѣ, приготовленъ чай; фрейлина Полина Арсеньевна Бартенева разливаетъ его, всѣ размѣщаются вокругъ стола; а кадеты морского корпуса на нѣсколькихъ шлюпкахъ подплываютъ съ пѣснями, на нѣкоторомъ разстояніи останавливаются и продолжаютъ пѣть русскія пѣсни. Императрица очень любила эти импровизованныя серенады.

Разъ, императрица, встрѣтивъ въ саду морскихъ кадетовъ, предложила имъ такого рода состязаніе: кто первый прибѣжитъ на гору, тотъ получитъ отъ нея подарокъ. Гора эта состояла изъ многихъ уступовъ, обшитыхъ цинковыми листами, а по нимъ быстро струилась вода; подъ послѣднимъ уступомъ вода пропадала въ землю и дальше снова вытекала изъ пастей лягушекъ и морскихъ коней и направлялась въ бассейнъ къ фонтану Сампсонъ.

Кадеты массою бросились бѣжать по водянымъ ступенямъ, и счастливецъ, достигшій вершины, прибѣжавъ къ царицѣ—получилъ подарокъ и позволеніе поцѣловать ея руку. Подобныя состязанія повторялись нерѣдко и у меня находится выигранная и полученная отъ императрицы моимъ двоюроднымъ братомъ А. Ѳ. Пфейферомъ небольшая дымчатаго топоза печатка.

Однажды, это состязаніе было предложено императрицею фрейлинамъ: которая изъ нихъ любитъ ее больше всѣхъ, та первая взбѣжитъ на гору. Графиня Тизенгаузенъ первая достигла вершины горы, но при этомъ упала и повредила себѣ бокъ. Поврежденіе это осталось замѣтнымъ на всю жизнь.

Іюня 25-го, въ день рожденья государя Николая Павловича, обыкновенно бывалъ раутъ. Послѣ свадьбы цесаревича, императрицѣ вздумалось устроить этотъ раутъ въ видѣ сельскаго праздника подъ открытымъ небомъ въ саду Монплезира, при чемъ она пожелала, чтобы и туалеты соотвѣтствовали своею простотой. Великія княгини и великія княжны съ радостью содѣйствовали приведенію въ исполненіе мысли императрицы.

Дамы преимущественно были въ легкихъ бѣлыхъ платьяхъ. Бѣлое платье императрицы было украшено букетами изъ васильковъ (ея любимый цвѣтокъ), голова убрана такими же цвѣтами. Бѣлое платье цесаревны было вышито соломой, голова убрана краснымъ макомъ и колосьями, платье украшено такими же цвѣтами, въ рукахъ букетъ изъ такихъ же цвѣтовъ. Костюмы остальныхъ лицъ, болѣе или менѣе, носили характеръ простоты. За то украшенію драгоцѣнностями не полагалось границъ. Масса бѣлыхъ платьевъ производила большой эффектъ, но главную красоту имъ придавали брилліанты. У императрицы, у цесаревны и у другихъ великихъ

княгинь и княженъ, цвѣты были усѣяны бриллiантами: въ средину каждаго цвѣтка на серебряной проволочкѣ былъ прикрѣпленъ бриллiантъ; онъ изображалъ какъ бы росу и эффектно колебался на своемъ гибкомъ стебелькѣ.

Дамы, гулявшiя въ цвѣтникѣ Монплезира и на его платформѣ, выходящей на заливъ, въ бѣлыхъ нарядахъ, блестѣвшихъ всѣми цвѣтами радуги драгоцѣнныхъ камней, казались нимфами, особенно на платформѣ берега, гдѣ послѣднiе лучи заходящаго солнца еще нѣсколько минутъ освѣщали эти блестящiя движущiяся существа и придавали имъ какую-то розовую прозрачность. Картина была дѣйствительно поразительная, но къ сожалѣнiю слишкомъ кратковременная.

Въ залахъ и саду играла музыка. Масса публики окружала садъ Монплезира и любовалась истинно великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Арапы въ своихъ богатыхъ восточныхъ костюмахъ сновали взадъ и впередъ между гостями, предлагая мороженое и разные прохладительные напитки. Когда стемнѣло, садъ мгновенно освѣтился тысячами огней. Подъ конецъ вечера гости отправились во дворецъ, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ, послѣ котораго скоро стали разъѣзжаться.

1-е iюля, день рожденья и день свадьбы императрицы Александры Ѳеодоровны, всегда праздновался съ большимъ великолѣпiемъ въ Петергофѣ.

Въ Большой Петергофскiй дворецъ царская фамилiя прiѣзжала съ утра: привозилось все необходимое для большого туалета. Обѣдня была съ выходомъ въ русскихъ платьяхъ, послѣ обѣдни прiемъ поздравленiй, разводъ передъ дворцомъ, наконецъ, завтракъ съ многочисленными приглашенными.

Никогда еще не былъ этотъ день отпразднованъ съ такою роскошью, такъ торжественно, никогда еще не было столько прiѣзжихъ знатныхъ гостей и такой роскошной иллюминацiи всего нижняго сада, стоившей громадныхъ денегъ, какъ въ годъ свадьбы великаго князя. Садъ былъ буквально залитъ огнями: по обѣимъ сторонамъ проѣзжихъ дорожекъ тянулись рѣшотки, сажени въ три и больше высоты, самыхъ затѣйливыхъ и разнообразнѣйшихъ узоровъ, и все это густо было увѣшано шкаликами; въ другихъ мѣстахъ стояли щиты, звѣзды, транспаранты, вензеля; все это блестѣло какъ драгоцѣнные камни. Во многихъ мѣстахъ сада играла музыка. Царская фамилiя ѣздила по иллюминованнымъ аллеямъ въ англiйскихъ экипажахъ, штульвагенахъ, гостямъ предоставлены были придворные экипажи и верховыя лошади; придворныя дамы и фрейлины катались въ длинныхъ линейкахъ, на которыхъ помѣщалось до 12 персонъ; богатые экипажи частныхъ лицъ слѣдовали за придворными; и все это тянулось нескончаемой вереницей по ярко освѣщеннымъ широкимъ аллеямъ, наполненнымъ народомъ.

2-е іюля было единственнымъ днемъ, когда публика впускалась въ Александрію и на Ферму. Во время пребыванія царской фамиліи въ Александріи, ни одинъ смертный не былъ пропускаемъ чрезъ легкія ворота у парка, охраняемыя двумя стоящими на караулѣ жандармами, если этотъ смертный не сидѣлъ въ придворномъ экипажѣ, или на фургонѣ или на бранкардѣ. Вступающіе на службу на смѣну лакеи, истопники—всѣ должны были проѣхать въ ворота непремѣнно въ придворномъ экипажѣ, какой бы онъ ни былъ. Жандармы неуклонно исполняли свою обязанность.

Очень естественно, что публика съ радостію пользовалась 2-го іюля разрѣшеніемъ гулять въ Александріи, осмотрѣть цвѣтникъ, паркъ, ходить по всѣмъ дорожкамъ, приближаться къ дачѣ и осматривать ее со всѣхъ сторонъ, и въ извѣстные часы видѣть какъ царская фамилія садится въ экипажи и ѣдетъ кататься. Въ этотъ день музыку перемѣщали изъ Монплезира въ Александрію.

Александрія дѣйствительно восхитительна: на возвышенномъ мѣстѣ стоитъ прелестный двухъ-этажный, многоугольный коттежъ, по стѣнамъ котораго лѣпятся маленькіе балконы, навѣсы, веранды, можно сказать засыпанныя цвѣтами; обходя вокругъ дачи, за каждымъ угломъ, за каждымъ выступомъ стѣнъ, встрѣчается какой-нибудь сюрпризъ; здѣсь по стѣнѣ вьется густой, развѣсистый плющъ, любимое растеніе императрицы, подъ нимъ стоитъ садовый диванъ, столъ, стулья съ навѣсами изъ полосатаго полотна; въ другой сторонѣ, цѣлый роскошный цвѣтникъ и по дорожкамъ стоятъ табуреты въ видѣ фарфоровыхъ боченочковъ; передъ фасадомъ довольно большая песчаная площадка, на которой разставлены садовые стулья, столы, скамейки; она окружена со всѣхъ сторонъ тщательно подстриженными кустарниками и множествомъ цвѣтовъ, только въ серединѣ между кустовъ сдѣлана какъ бы просѣка, спускающаяся до самаго залива; зеленый бархатистый коверъ перерѣзывается въ нѣсколькихъ мѣстахъ узенькими дорожками, ведущими къ заливу, по которому далеко тянется дамба; на концѣ послѣдней стоитъ чугунная бесѣдка, прозрачная точно изъ кружевъ. Аллея, ведущая съ Фермы на Александрію густо обсажена абрикосовыми деревьями.

Въ паркѣ Александріи находится очень маленькая церковь въ готическомъ стилѣ; свѣтъ проникаетъ въ нее сверху изъ оконъ въ видѣ розетокъ изъ разноцвѣтнаго стекла. Здѣсь стоятъ два стула, поднесенные императрицѣ воспитанницами какого-то института: сидѣнье и спинка вышиты золотомъ по малиновой шелковой матеріи. По воскресеньямъ обыкновенно царская фамилія въ этой церкви слушала обѣдню.

Помѣщеніе въ Александріи и на Фермѣ было очень тѣсное, такъ что помѣстить служащихъ положительно было негдѣ; дежурнымъ приходилось пріѣзжать на службу съ 7-ми часовъ утра на цѣлый день. Камеръ-фрау и старшая камеръ-юнгфера, поочереди ноче-

вавшія тамъ, должны были въ назначенный великимъ княземъ часъ будить его. Послѣ перваго буженія, онъ обыкновенно просилъ еще чрезъ четверть часа его разбудить, а потомъ еще черезъ 5 минутъ, послѣ этого онъ вставалъ; точно тоже самое продѣлывалось при буженіи великой княгини.

Однажды, я, по обыкновенію, пріѣхала на дежурство въ семь часовъ и сѣла у окна читать; вдругъ кто-то надъ моимъ ухомъ забарабанилъ по желѣзному подоконнику, я вскочила, обернулась: передо мной стоялъ государь Николай Павловичъ.

— Хорошо ли вы изволили почивать?—спросилъ онъ.

Я поблагодарила и отвѣтила, что хорошо.

— Великая княгиня встала?

— Нѣтъ еще, ваше величество.

— А великій князь?

— Нѣтъ еще, ваше величество.

— Вы однѣ?

— Одна.

Я должна была такъ отвѣтить, потому что камеръ-фрау была обязана тотчасъ выйти изъ-за ширмъ, какъ только раздался голосъ государя, но она, вопреки приказанію спать одѣтой, всегда спала раздѣтая, а вслѣдствіе этого и не могла выйти къ государю. Потомъ государь спросилъ меня:

— Вы не боитесь меня?

На этотъ вопросъ я нѣсколько затруднилась отвѣчать; наконецъ отвѣтила:

— Нѣтъ, ваше величество, не боюсь.

— Прекрасно! дайте мнѣ вашу руку.

Я подала ему руку, и онъ ушелъ.

Государь пилъ минеральную воду; въ двухъ, трехъ мѣстахъ сада была приготовлена вода, и онъ обязательно пѣшкомъ долженъ былъ прогуляться отъ одного стакана къ другому.

Во время пребыванія царской фамиліи въ Петергофѣ войска стояли лагеремъ въ Красномъ Селѣ. Цесаревичъ уѣзжалъ туда на нѣсколько дней, и экспромптомъ пріѣзжалъ только на нѣсколько часовъ повидать великую княгиню.

Случалось, что вся царская фамилія ѣздила дня на два въ Красное Село, чтобы присутствовать при большой зарѣ съ церемоніей.

Послѣ маневровъ великій князь возвращался до такой степени загорѣлый, что часть лба, защищенная козырькомъ фуражки или кивера, казалась бѣлоснѣжною.

Однажды великая княгиня позвала меня; я вошла въ уборную; великая княгиня стояла передъ открытымъ ящикомъ комода и вынула изъ него нѣсколько кисейныхъ вышитыхъ большихъ косынокъ. Она выбрала одну съ шолковой подкладкой и сказала:

— Vite! Dépêchons-nous, prenez des ciseaux et donnez-moi aussi, il faut ôter la doublure. (Живо! поспѣшимъ, возьмите ножницы и дайте также мнѣ, надо отпороть подкладку).

— Votre Altesse! daignez ne pas vous déranger, moi je l'ôterai seule. (Ваше высочество! не извольте безпокоиться, я отпорю одна).

— Non, non, vous n'aurez plus le temps, je veux vous aider. (Нѣтъ, нѣтъ, вы не успѣете, я вамъ помогу).

Она проворно и ловко управляла ножницами. Едва мы кончили работу, какъ вошелъ великій князь. Великая княгиня только успѣла накинуть косынку и пошла съ нимъ гулять.

XI.

Въ первыхъ числахъ августа царская фамилія переѣхала въ Царское Село, которое было самымъ любимымъ мѣстопребываніемъ великой княгини Маріи Александровны.

Цесаревичу были приготовлены комнаты въ старомъ дворцѣ, въ боковомъ фасадѣ, выходящемъ въ садъ, на большой лугъ, посреди котораго расположилась оазисомъ группа прекрасныхъ старыхъ деревъ; между ними высилась колонна, на вершинѣ которой сидѣлъ орелъ съ распростертыми крыльями.

Комнаты цесаревича находились въ нижнемъ этажѣ, а надъ ними, во второмъ этажѣ, были комнаты цесаревны. Комнатъ было не много и всѣ не слишкомъ большія; конечно, весь дворецъ былъ къ услугамъ великаго князя, начиная съ громаднаго зала, бѣлыя стѣны котораго разукрашены золочеными арабесками и гирляндами цвѣтовъ, граціозно лѣпившимися по стѣнамъ въ углахъ и между громадныхъ оконъ; букеты гирляндъ образовывали подсвѣчники. Это громадное зало раздѣлялось на двѣ части стеклянной стѣной съ двумя широчайшими дверьми, по желанію можно было соединить обѣ части.

Внутреннія комнаты были: китайское зало съ замѣчательнымъ паркетомъ изъ различныхъ дорогихъ деревъ съ перламутровой инкрустаціей; паркетъ былъ до того гладокъ, что бѣжать по немъ не было возможности. Мебель обита темною матеріею съ китайскимъ узоромъ; на столахъ вдоль стѣнъ разставлены были разныя китайскія чашки, необычайно легкія и прозрачныя, фигурки, божки. Въ этой комнатѣ обѣдали, когда были приглашенные къ столу. Обыкновенно тутъ находился камердинеръ, такъ какъ эта комната была ближайшая къ кабинету. Слѣдующая комната въ два окна былъ кабинетъ; въ стѣнѣ противъ оконъ было вставлено широчайшее зеркало, оно занимало болѣе половины стѣны, передъ нимъ стояла кушетка, крытая, какъ и вся мебель, свѣтло-голубымъ ситцемъ съ большими букетами розъ; возлѣ нея небольшой столикъ съ книгами и лампой, потомъ длинное кресло, на одной

изъ ручекъ котораго на шалнерахъ былъ устроенъ столикъ, его можно было по желанію приблизить, отдалить, повысить или понизить. Первое время послѣ родовъ великая княгиня на немъ завтракала; возлѣ кресла письменный столъ, и т. д. За этой комнатой слѣдовала проходная, такъ называемая Екатерининская спальня, тоже въ два окна; у задней стѣны стояла двухъ-спальная кровать: пологъ, покрывало, вальки на кровати, корзинка для подушекъ, нѣсколько стульевъ и табуретокъ стараго фасона, были обиты желтымъ атласомъ; отъ кровати налѣво была маленькая дверь на лѣстницу, соединяющую комнаты нижняго этажа, гдѣ жилъ великій князь, съ комнатами второго и на верхъ въ третій этажъ въ корридоръ, на который выходили квартиры служащихъ. Только когда поселился великій князь въ эту часть дворца, нашли нужнымъ преградить ходъ въ третій этажъ и сдѣлали между двухъ этажей на лѣстницѣ потолокъ; самую лѣстницу не уничтожили, такъ какъ великій князь по ней поднимался въ комнаты великой княгини. Вправо отъ кровати была дверь, ведущая въ спальню, она же и уборная. Впослѣдствіи, отъ смежной комнаты, которая называлась дежурная, отдѣлили половину, т. е. одно окно, и сдѣлали отдѣльную отъ спальни уборную. Спальня имѣла два окна; надо замѣтить, что всѣ окна были громадныя, доходящія до пола. Выйдя изъ Екатерининской спальни въ спальню великой княгини, налѣво у самой двери стоялъ туалетный столъ, у слѣдующей стѣны двухъ-спальная кровать, огороженная высокими и широкими ширмами, обтянутыми съ верху до низу съ обѣихъ сторонъ зеленою тафтою; въ углу между дверей, ведущихъ въ дежурную комнату и окномъ, стоялъ маленькій столикъ, покрытый салфеткой, на немъ образъ Спасителя въ золотой ризѣ, украшенной драгоцѣнными камнями; а передъ образомъ на тарелкѣ теплящаяся лампадка; далѣе между двухъ оконъ трюмо, потомъ дверь въ комнаты, гдѣ впослѣдствіи жили дѣти. За дежурной комнатой—прихожая, комната для мужской прислуги, выходъ на лѣстницу.

Екатерининская спальня служила столовой, когда великая княгиня обѣдала или пила чай [1]) безъ гостей, только съ великимъ княземъ, принцемъ Александромъ, или фрейлиной Гранси, когда та пріѣзжала изъ Швейцаріи гостить. Осенью сюда ставили въ кадкѣ яблоню съ плодами, которые великая княгиня сама снимала съ дерева; весною ставили корзинки, наполненныя ранними ягодами: земляникой и проч.

За Екатерининской спальней на лѣво была небольшая комната, состоящая вся изъ зеркалъ; они были вставлены въ рамки изъ лиловаго стекла, или точнѣе изъ лиловыхъ зеркалъ, и все это изукрашено бронзовыми арабесками. Слѣдующая комната была от-

---

[1]) Ежедневно изъ Москвы привозили калачъ къ чаю.

крытая, т. е. имѣла двѣ стѣны, заднюю и лѣвую, выкрашенныя въ ярко синюю краску съ легкими красными и бѣлыми арабесками въ помпейскомъ вкусѣ, а правую замѣняла цѣлая перегородка цвѣтовъ, четвертой вовсе не было, она служила выходомъ въ цвѣтникъ, устроенный на колоннадѣ, наравнѣ, со вторымъ этажемъ, и дальше въ огромное зало, такъ называемое Камероновское[1]); стѣны его состояли изъ большихъ окопъ, на которыхъ лежала крыша. Оно обнесено кругомъ во всю длину балюстрадой, за которой поставлены темные бронзовые бюсты римскихъ императоровъ и правителей, греческихъ ученыхъ и философовъ. Въ концѣ балюстрады спускаются съ обѣихъ сторонъ лѣстницы, на послѣднихъ ступеняхъ стоятъ рѣшетчатыя желѣзныя двери, за дверьми довольно большая площадка, съ которой спускается широкая лѣстница въ садъ, и съ этой же площадки открывается входъ подъ колоннаду: длинный, почти темный, тунель, объемомъ какъ разъ въ то пространство, которое надъ тунелемъ занимаетъ бѣлое зало съ балюстрадой, о которомъ сейчасъ было говорено. По обѣ стороны тунеля находятся квартиры для служащихъ и для пріѣзжающихъ; какъ-то: секретаря, казначея, адъютантовъ и другихъ должностныхъ лицъ.

Великая княгиня вставала обыкновенно часовъ въ 8—9 и затѣмъ кушала чай въ Екатерининской спальнѣ съ великимъ княземъ, который къ этому времени возвращался съ прогулки вокругъ озера.

Утренній ея туалетъ былъ весьма простъ: легкое батистовое или жаконетовое платье съ бѣлымъ вышитымъ воротничкомъ, соломенная шляпа съ лентами подъ цвѣтъ соломы, коричневая вуаль, коричневый зонтикъ, шведскія перчатки и клѣтчатый, пестрый манто. Такъ одѣтая, она каждое утро отправлялась съ цесаревичемъ въ пролеткѣ къ императрицѣ, иногда оставалась завтракать тамъ, или, вернувшись домой, въ извѣстные дни принимала секретаря по дѣламъ.

Первое время по пріѣздѣ ея изъ Дармштадта, оттуда понаѣхало большое число просителей; великая княгиня всѣмъ помогала, изъ нихъ очень не многіе пріѣзжали, чтобы поселиться и найти занятія въ Россіи; являлись болѣе въ надеждѣ, что великая княгиня не откажетъ въ помощи своимъ соотечественникамъ. Наконецъ, приняли мѣры противъ нихъ... имъ давали средства на обратный путь, и такимъ образомъ выселяли массами; оставались только тѣ изъ нихъ, которые нашли занятія.

Великій князь часто уѣзжалъ работать къ государю, а великая княгиня въ это время, въ сопровожденіи одной изъ своихъ

[1]) По имени архитектора строившаго его.

фрейлинъ, княжны Евгеніи Долгоруковой или Софіи Дашковой [1]), отправлялась гулять пѣшкомъ; эти прогулки длились иногда часа два. Бывало она вернется съ прогулки усталая, разгоряченная, торопится перемѣнить платье на шлюмперъ, (а бѣлье на ней хоть выжми) въ то же время торопитъ, чтобы подали скорѣе сельтерскую воду. Кувшинъ воды подавали буквально ледяной, его едва можно было держать въ рукѣ. Въ стаканъ выжимали полъ-лимона и треть стакана всыпали мельчайшаго сахару; она держала стаканъ въ рукѣ и быстро мѣшала ложкой, пока вливали воду; отъ лимона съ сахаромъ вода сильно пѣнилась, и великая княгиня залпомъ выпивала стаканъ холодной сельтерской воды, послѣ чего уходила въ кабинетъ и ложилась на кушетку отдыхать. Вотъ можетъ быть причина начала ея болѣзни и преждевременной кончины. Меня крайне удивлялъ подобный режимъ, но я не имѣла права говорить объ этомъ.

Часто, возвратясь изъ собранія разгоряченная, она находила ночь такой соблазнительно-прохладною, что отправлялась кататься. Случалось даже зимой, что, смѣнивъ нарядъ на простое неглиже, она въ открытыхъ саняхъ каталась съ великимъ княземъ.

Великій князь иногда уѣзжалъ въ Петербургъ, въ государственный совѣтъ, съ 10-ти часовъ утра и возвращался обѣдать къ 7 часамъ; а великая княгиня не завтракала безъ него и такимъ образомъ не принимала пищи болѣе 10 часовъ. Едва ли это могло не вредить ея нѣжному организму.

Осенью царская фамилія жила болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Царскомъ Селѣ; августъ и сентябрь проводили въ лѣтнихъ развлеченіяхъ: въ долгихъ прогулкахъ, въ катаньяхъ и т. п. Иногда вечеромъ ѣздили въ англійскихъ экипажахъ въ Павловскъ на музыку. Государь и цесаревичъ сами правили, въѣзжали въ садъ, гдѣ въ павильонѣ играла музыка, и останавливались слушать ее. Когда царская фамилія подъѣзжала къ саду, то оркестръ, часто не кончивъ начатую вещь, исполнялъ пьесу, которая пользовалась особеннымъ вниманіемъ кого-нибудь изъ членовъ царской фамиліи. Публика, конечно, тотчасъ же обступала экипажи, привѣтствовала царскую фамилію, которая на всѣ стороны ласково раскланивалась, иногда милостиво разговаривала съ знакомыми ей лицами. Прослушавъ нѣкоторое время музыку, всѣ двигались дальше. Случалось, оставались пить чай у великой княгини Елены Павловны. Позднѣе осенью, лѣтнія развлеченія смѣнялись балами и спектаклями въ Царскосельскомъ театрѣ.

---

[1]) Фрейлина княжна Е. Долгорукова вышла замужъ за князя Гагарина. Овдовѣвъ, онъ женился на фрейлинѣ Дашковой. Онъ впослѣдствіи былъ президентомъ Академіи Художествъ.

XII.

Изъ Царскаго Села предположено было дней на 10—12 ѣхать въ Гатчино. Какъ только объ этомъ заговорили, всѣ съ радостію стали готовиться къ поѣздкѣ, обѣщавшей новыя развлеченія. Переѣздъ сопровождался большими сборами: за недѣлю стали приготовлять новые наряды.

Наконецъ, дворъ переѣхалъ въ Гатчино. Первымъ дѣломъ была прогулка по дворцу; великой княгинѣ показывали всѣ достопримѣчательности дворца; потомъ начались прогулки по паркамъ, которые дѣйствительно хороши. Съ утра уже всѣ были въ нарядныхъ туалетахъ, къ завтраку и обѣду приглашалось многочисленное общество. Вечеромъ танцы, послѣ ужина расходились въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, чтобы на завтра снова собраться и веселиться.

Объявили, что будетъ спектакль, пойдетъ водевиль «Ложа перваго яруса». Назначены были ежедневныя репетиціи. Тотчасъ послѣ завтрака, съ веселыми возгласами, смѣхомъ, все общество спѣшило въ залъ, гдѣ устроенъ театръ. Великая княгиня возвращалась съ репетиціи веселая: пѣла, старалась говорить намъ что-нибудь забавное, чтобы разсмѣшить насъ. Снимая перчатки и, съ усмѣшкою показывая ихъ намъ, говорила:

— Vous vous-étonnez? (Вы удивляетесь?) и дѣйствительно было чему удивляться: перчатки въ первый разъ надѣтыя—были буквально изодраны, какъ оказалось, вслѣдствіе усердныхъ апплодисментовъ. На правой рукѣ, на четвертомъ пальцѣ, великая княгиня носила множество колецъ; это были воспоминанія ея дѣтства, юности, тутъ были кольца ея матери; всѣ не дорогія и не имѣвшія даже особеннаго наружнаго достоинства. На лѣвой рукѣ она носила очень толстое обручальное кольцо и другое, такое же толстое, съ узорчатою чеканкою, поперечникъ, такой же толщины, былъ прикрѣпленъ большимъ рубиномъ. Это—фамильное кольцо, подаренное государемъ всѣмъ членамъ царской семьи. Эти-то кольца помогли при апплодированіи такъ изорвать перчатки.

Назначена была послѣдняя репетиція въ костюмахъ. Тутъ вышелъ курьезъ: одно изъ дѣйствій изображаетъ входъ въ корридоръ и кассу театра; тутъ толпится много народу; одни спѣшатъ скорѣе занять свои мѣста, другіе взять билетъ, нѣкоторые въ торопяхъ забыли заплатить извозчику, который съ отчаянными воплями лѣзетъ въ корридоръ театра и т. д. Извозчика игралъ генералъ Юрьевичъ (дядька цесаревича Александра Николаевича), маленькаго роста, довольно широкоплечій, съ круглымъ, краснымъ лицемъ, покрытымъ прыщами, и воспаленными глазами; на немъ былъ надѣтъ извозчичій армякъ, съ жестянымъ билетомъ на спинѣ. Иллюзія была полнѣйшая, гримировки не требовалось. При входѣ въ

залъ на репетицію, Юрьевича останавливаетъ лакей и, говоря, «Куда лѣзешь? паршивецъ!»—схватываетъ его сзади за воротникъ. Генералъ Юрьевичъ начинаетъ увѣщевать лакея, называя себя по имени. Лакей не хочетъ ничего слушать и еще энергичнѣе выпроваживаетъ его. Къ счастью генерала, въ эту минуту вошелъ флигель-адъютантъ князь Барятинскій, къ которому онъ и обратился съ просьбою вразумить глупаго лакея, что онъ—генералъ Юрьевичъ, дѣйствующее лицо.

Надо замѣтить, что при каждомъ дворцѣ есть извѣстный комплектъ постоянныхъ лакеевъ, и очень не мудрено, что лакею гатчинскаго дворца никогда не приходилось видѣть генерала Юрьевича. Этотъ эпизодъ съ генераломъ прибавилъ много смѣха и веселья.

Наконецъ, настлалъ день представленія и всѣ поговаривали о какомъ-то сюрпризѣ, и онъ, дѣйствительно, произошелъ. Въ томъ дѣйствіи, гдѣ на сценѣ толкотня, чуть не драка, всѣ торопятся, снуютъ извозчики, распоряжаются будочники (тогда были будочники, а не городовые), вдругъ является квартальный надзиратель (онъ обращенъ къ публикѣ почти спиною), грозя кулакомъ будочнику, толкая въ спину извозчиковъ, и т. д. Но вотъ онъ повернулся и проходитъ молча черезъ сцену. Всѣ узнали въ квартальномъ надзирателѣ самого государя.

Николай Павловичъ неподражаемо скопировалъ типъ тогдашняго квартальнаго.

Неудержимый взрывъ рукоплесканій проводилъ квартальнаго. Долго всѣ восторгались талантомъ импровизованнаго актера.

Вскорѣ послѣ этого, давали оперу «Норму»; конечно, какъ «Ложа перваго яруса», такъ и «Норма», были значительно сокращены, даже, сколько мнѣ помнится, давали лишь одно дѣйствіе и то только болѣе эфектныя мѣста.

Утромъ, въ день представленія, къ намъ пришелъ камердинеръ государя и просилъ насъ устроить костюмъ жреца для государя. Камердинеръ объяснилъ, что не можетъ просить объ этомъ дежурныхъ дамъ при государынѣ, боясь, что такимъ образомъ можетъ узнать императрица, а это дѣлается ей сюрпризомъ... Мы сшили изъ двухъ простынь хитонъ, оставивъ несшитыми только мѣста для рукъ и шеи; на плечахъ и вокругъ ворота собрали простыни въ широкія складки; талью надо было подпоясать такъ, чтобы хитонъ перепадалъ черезъ поясъ, третью простыню должно было накинуть на голову, гдѣ она придерживалась вѣнкомъ изъ пучковъ красной рябины. «Норму» пѣла фрейлина Полина Арсеньевна Бартенева; она обладала прекраснымъ и обширнымъ голосомъ. Послѣ того, какъ «Норма» призываетъ всѣхъ жрицъ и жрецовъ—во главѣ ихъ является колоссальная фигура верховнаго жреца въ бѣломъ хитонѣ, въ покрывалѣ и вѣнкѣ изъ рябины, съ большою черною бородою.

Въ залѣ пронесся шопотъ восторга и вмѣстѣ удивленія: mais

c'est l'Empereur!! (Но это императоръ!!). Съ нетерпѣніемъ ждали момента, чтобы выразить громогласно свой восторгъ. Императрица была восхищена сюрпризомъ.

XIII.

Великая княгиня Марія Александровна не охотно оставляла болѣе или менѣе спокойную жизнь въ Царскомъ Селѣ, чтобы снова погрузиться въ жизнь столичную, этикетную, съ безпрестанными аудіенціями, представленіями новыхъ лицъ, съ необходимыми выѣздами на балы, концертами, спектаклями, строго соблюдаемыми визитами и поздравленіями между царскими особами. Все это ее тяготило, но этикетъ обязывалъ все это исполнять. Немыслимо было не являться на ежедневныя собранія къ императрицѣ. Когда собраніе состояло изъ небольшого кружка приглашенныхъ, то дамы занимались рукодѣліемъ; онѣ вышивали по канвѣ шерстями полосу шириною $^1/_2$ аршина, а длиною около 6—7 аршинъ, изображающую гирлянду цвѣтовъ; на концѣ каждой полосы вышивалось имя вышивавшей. Мы въ дежурный день, въ свободное время, вышивали по рисунку половину стежка, такъ что великой княгинѣ приходилось только застилать полувышитые стежки.

Эта вышивка предназначалась для одной изъ комнатъ Гатчинскаго дворца. Я видѣла эту комнату отдѣланною. Между каждой вышитой полосой, была вставлена такой же ширины полоса полированнаго орѣховаго дерева.

Дармштадтскія дѣвицы, къ свадьбѣ, вышили по канвѣ шерстями большой коверъ и кажется 12 стульевъ; рисунокъ представлялъ Дармштадтъ, замокъ великаго герцога и окрестные виды. Великая княгиня послала имъ всѣмъ золотыя брошки со своими иниціалами. Этотъ коверъ и стулья должны были тоже украшать одну изъ комнатъ Гатчинскаго дворца.

На масляницѣ, государь пригласилъ все свое семейство и нѣсколько избранныхъ лицъ на блины, а послѣ блиновъ предполагалось танцовать. Это было совершенно новое удовольствіе: — днемъ танцовать у государя въ маленькихъ тѣсныхъ комнатахъ! оно было принято съ восторгомъ. Въ видахъ тѣсноты, рѣшено было одѣться очень просто: бѣлыя кисейныя платья, бантикъ или цвѣтокъ на головѣ, за то драгоцѣнныя украшенія пополняли собою туалетъ и вознаградили простоту.

Комнаты государя находились въ верхнемъ этажѣ надъ комнатами государыни, подъ телеграфомъ стараго устройства, и частью выходили окнами на Неву и часть на Адмиралтейство. Комнаты были не велики, одинъ только кабинетъ былъ большой, но посрединѣ стоялъ огромный письменный столъ, за которымъ можно было работать со всѣхъ четырехъ сторонъ, такъ что въ этой комнатѣ

можно было только вокругъ стола проходить полонезомъ. Къ 12-ти часамъ всѣ собрались на блины, послѣ которыхъ тотчасъ стали танцовать во всѣхъ комнатахъ. Тѣснота и толкотня были ужасныя, но тѣмъ было веселѣе. Протанцовавъ до 6-ти часовъ, всѣ пришли домой усталыя, раскраснѣвшiяся, съ оборванными платьями, и съ восторгомъ утверждали, что еще никогда такъ не веселились какъ въ этотъ день и называли его «Folle journée (шальной день).

Императрица Александра Θеодоровна знала, что государь большой знатокъ дамскихъ нарядовъ и любитъ что-нибудь оригинальное; она придумала для всѣхъ дамъ царской семьи платья одинаковаго цвѣта и покроя.

Однажды, былъ назначенъ фамильный обѣдъ; на такой обѣдъ никого не приглашали: государь обѣдалъ въ своей семьѣ.

Къ этому дню сюрпризомъ были приготовлены фамильныя платья. Сшиты были они изъ синей шелковой матерiи (gros d'Afrique) очень просто, но оригинально: юбка изъ 6—7 полотнищъ собрана и пришита къ поясу; лифъ съ мысомъ. Начиная съ мыса сдѣланы три складки, которыя на мысѣ и до половины тальи пришиты плотно, такъ что онѣ почти незамѣтны, съ половины тальи онѣ начинаютъ расходиться и ужè у самаго ворота, т. е. на груди образуютъ три, трубочками сложенныя, складки, которыя своею внутреннею стороною слегка прикрѣплены къ бѣлой шелковой подкладкѣ лифа; край отстающихъ складокъ обшитъ узенькою бархатною ленточкою, а вокругъ ворота бѣлаго лифа пришита въ вершокъ ширины бѣлая кисейная буффа; въ верхнюю часть ея вдѣта узенькая бархатная ленточка, чтобы можно было на плечахъ и груди немного стянуть буффу. Изъ-подъ синихъ, коротенькихъ рукавчиковъ, въ видѣ эполетки, спускаются очень длинные, широкiе бѣлые кисейные рукава, зашитые только до сгиба локтя, оставляя остальную часть рукъ обнаженной. На рукахъ фамильный браслетъ.

На головѣ два золотыхъ обруча въ $^1/_2$ вершка ширины: первый на лбу у самыхъ волосъ, второй окружалъ косу, изъ которой выпадали 3—4 длинныхъ локона.

Государь подарилъ совершенно одинаковые браслеты всѣмъ дамамъ своего семейства. Браслетъ шириною въ $^1/_2$ вершка состоялъ изъ разныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ въ формѣ параллелограмовъ одинаковой величины, каждый камень былъ оправленъ отдѣльно и могъ быть отстегнутъ отъ другого.

Государь, войдя въ комнаты императрицы и увидавъ всю свою семью въ античной прическѣ и въ платьяхъ на сколько возможно близко подходящихъ къ греческому покрою, былъ прiятно пораженъ этой метаморфозой.

Однажды, войдя въ уборную, я совершенно неожиданно застала тамъ великую княгиню Марiю Александровну и великую княгиню

Елену Павловну; обѣ онѣ сидѣли въ креслахъ. Мнѣ надо было пройти мимо великой княгини Елены Павловны. Она тревожно обратилась ко мнѣ, видимо, оберегая что-то на полу, и сказала:

— Je vous en prie, ne marchez pas sur mon chapeau! (Пожалуйста, не наступите на мою шляпу).

Я увидала на полу ея шляпку и поспѣшно хотѣла ее поднять, но великая княгиня не допустила, прибавивъ:

— Non, non, laissez le, où il est. (Нѣтъ, нѣтъ, оставьте ее, гдѣ она лежитъ).

Оказалось, что она, изъ почтенія къ великой княгинѣ, не сочла возможнымъ положить свою шляпку на стулъ, столъ или диванъ, а положила возлѣ себя на полъ.

Разъ, великая княгиня вернулась изъ церкви раньше окончанія обѣдни,—съ нею сдѣлалось дурно. Великая княгиня Марія Николаевна, проводивъ ее въ ея комнаты, обратилась къ намъ съ радостнымъ поздравленіемъ.

— Поздравляю, поздравляю... перешивайте платья.

Съ этого времени великая княгиня стала чаще оставаться дома. Принцъ Александръ и фрейлина Гранси проводили съ нею время. Великая княгиня очень любила фрейлину Гранси, часто упрашивала ее остаться навсегда въ Россіи, но та не рѣшалась покинуть свою родину Швейцарію; она, впрочемъ, часто пріѣзжала и долго гостила. Фрейлина Гранси по старой привычкѣ называла великую княгиню—«Princesse», а великая княгиня звала ее «Marianne». Во время ея гощенія она находилась при великой княгинѣ безотлучно.

Когда въ послѣдній разъ фрейлина Гранси уѣзжала изъ Россіи, въ первый разъ при прощаньи съ нею великая княгиня плакала, смотрѣла изъ окна какъ уѣзжающая усаживалась въ экипажъ и спѣшно провожала ее отъ одного окна къ другому, пока та не исчезла изъ виду, точно она предчувствовала, что имъ больше не увидаться.

XIV.

Съ первыми лучами весенняго солнца, великая княгиня спѣшила покинуть душную столицу, чтобы снова зажить на просторѣ, на чистомъ воздухѣ, который былъ еще очень свѣжъ, но великая княгиня очень любила гулять по нѣскольку часовъ въ день. Нѣжная кожа ея на рукахъ и лицѣ покрывалась какою-то перхотью и грубѣла, на рукахъ даже лопалась; доктора совѣтовали ей вмѣсто воды (Царскосельской) для умыванья рукъ употреблять отваръ овсяныхъ крупъ, а для лица миндальныя отруби.

Весною, когда наставала жара, великая княгиня загорала не столько отъ солнца, сколько отъ воздуха. По возвращеніи съ прогулки, ей тотчасъ подавали свѣжій огурецъ, она его разрѣзала во

всю длину пополамъ и внутренней стороной обтирала себѣ лицо; это очень освѣжало ее.

Чтобы не оставались на ночь комары въ спальнѣ, такъ какъ великая княгиня не ложилась въ постель, если слышала пискъ комара, употребляли слѣдующее средство: откроютъ всѣ окна, потушатъ всѣ огни, лакей внесетъ умывальную чашку, наполненную водою и зажигаетъ вѣтку можжевельника, держа ее надъ чашкой, чтобы искры не падали на коверъ. Комната наполняется можжевеловымъ дымомъ, и комары вмѣстѣ съ нимъ стремятся въ открытыя окна. Когда воздухъ болѣе или менѣе очистится, тогда закрываютъ окна и вносятъ снова огонь.

Въ то время императрица была за границей, а великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи оставались въ Царскомъ Селѣ; они почти ежедневно, во время своей утренней прогулки, заходили къ великой княгинѣ. Иногда, они заставали ее еще въ уборной. Они шутили, шалили, болтали, смѣшили великую княгиню и насъ. Однажды, они стали представлять, какъ будутъ себѣ выбирать невѣстъ (имъ было тогда 10—11 лѣтъ). Зеленыя ширмы у кровати изображали цѣлый рядъ иностранныхъ принцессъ, а они, проходя мимо, обозрѣвали ихъ и, указывая на каждую рукой, приговаривали: «Laide, laide, passable, passable, laide!» (Безобразная, безобразная, посредственная, посредственная, безобразная).

Великая княгиня смѣялась и дразнила ихъ, что такимъ образомъ они рискуютъ остаться холостяками. Великій князь Николай Николаевичъ, между прочимъ, разсказалъ, что когда у великаго князя Михаила Николаевича выпалъ первый зубъ, то бонна его, англичанка, мистриссъ Юль, заказала себѣ золотой браслетъ, въ середину велѣла вставить его зубъ подъ стекло, а кругомъ обставить бриллiантами. Великій князь Михаилъ Николаевичъ немного сконфузился при этомъ разсказѣ.

Когда акушеръ Шольцъ представилъ великой княгинѣ акушерку, которой суждено было принять новорожденную великую княжну Александру Александровну, то, по уходѣ ея, великая княгиня сказала:

— Das arme Kind! so wie es zur Welt kommt, wird sich gleich erschrecken mussen, so scheuslich sieht die Hebamme aus! (Бѣдное дитя! какъ только оно появится на свѣтъ, сейчасъ должно испугаться, такъ ужасно выглядитъ повивальная бабка).

Дѣйствительно, Анна Даниловна Чайковская, главная акушерка Воспитательнаго дома, была маленькаго роста, широкоплечая, подслѣповатая, съ страшно обезображеннымъ оспою лицомъ.

Вскорѣ опять возобновилось пятно подъ глазомъ великой княгини. Тогда докторъ Шольцъ рѣшился поставить ей къ обѣимъ рукамъ піявки. Передъ великой княгиней поставили столъ, положили на него подушки, чтобы она могла облокотиться на нихъ.

Докторъ самъ ставилъ піявки. Великая княгиня сначала терпѣливо наблюдала за ними; но извѣстно, что эта процедура очень утомительна. Видя, что піявки, при всемъ стараніи доктора, не всѣ принимаются, она сказала:

— Nein, es ist aber scheuslich! die sweinpelze wollen nicht fassen! (Нѣтъ, это ужасно! пріявки не хотятъ приняться).

Изъ Царскаго Села императорская фамилія переѣхала въ Петергофъ; въ это лѣто великая княгиня должна была отказаться отъ парадныхъ выходовъ, обѣдовъ и баловъ, чему впрочемъ она была очень рада, потому что предпочитала болѣе спокойную жизнь. За то она очень усердно гуляла пѣшкомъ; дурная, дождливая погода ее нисколько не удерживала. Ноги ея очень опухали вслѣдствіе ея положенія; надо было заказывать ботинки и калоши огромныхъ размѣровъ; калоши были ей невыносимы, тяготили и жали ноги. M-me Брюно (башмачница) умудрилась дѣлать ей калоши изъ перчаточной кожи на очень легкой и мягкой подкладкѣ; конечно, гуляя въ дождь и по топкимъ дорожкамъ, не окорачивая платья и юбокъ, великая княгиня возвращалась съ прогулки въ такомъ видѣ, что надо было не только передѣться, но снятыя платья и юбки (она носила бѣлыя шелковыя юбки) оказывались негодными для дальнѣйшаго употребленія; калоши размокали и представляли нѣчто мягкое и неуловимо скользкое, а красная подкладка окрашивала и ботинки и чулки; всю эту обувь едва можно было стянуть съ ногъ. Вслѣдствіе всего этого, ботинки и калоши заказывались дюжинами; калоши служили только на одну прогулку.

Въ началѣ августа всѣ перебрались изъ Петергофа въ Царское Село. Наконецъ насталъ день родинъ. Государь Николай Павловичъ съ утра былъ у великой княгини, позднѣе пріѣхала императрица. Когда акушеръ могъ съ достовѣрностію опредѣлить близость родовъ, государь ушелъ въ Екатерининскую спальню, гдѣ на столѣ былъ приготовленъ образъ и теплящаяся лампадка; тутъ Николай Павловичъ на колѣняхъ усердно молился о благополучномъ разрѣшеніи. Когда онъ случайно зашелъ въ дежурную комнату, гдѣ мы всѣ, дежурныя и свободныя, находились, то посмотрѣлъ на насъ и сказалъ камеръ-фрау, чтобы насъ освободили на нѣсколько дней отъ службы, такъ какъ такимъ молоденькимъ дѣвочкамъ тутъ дѣлать нечего.

1842 года, 18 августа, родилась великая княжна Александра Александровна.

Когда на другой день насъ допустили поздравить великую княгиню, новорожденная лежала въ корзинкѣ, обтянутой зеленой тафтой, въ изголовьѣ и въ ногахъ были откидывающіяся кибиточки; корзинка стояла на постели возлѣ великой княгини. Хотя каждая изъ насъ въ свое дежурство приходила въ дежурную комнату, но при-

служивать лично великой княгинѣ насъ не допускали до девятаго дня.

На девятый день великая княгиня встала; къ этому дню великій князь подарилъ ей утренній капотъ, сѣрый кашемировый, на голубой шелковой подкладкѣ и чепчикъ съ голубыми лентами. Когда она совершенно одѣлась, пришелъ великій князь, обнялъ, поцѣловалъ ее и подъ руку повелъ въ ея кабинетъ, гдѣ она принимала великихъ княгинь и великихъ князей, пріѣзжавшихъ съ поздравленіемъ; тутъ она оставалась до 8 часовъ, послѣ чего ее снова уложили въ постель.

Съ этого дня ребенка перемѣстили въ приготовленныя для него комнаты. Великая княгиня выразила желаніе самой кормить, но государь воспротивился этому.

Августа 30-го въ Царскосельской церкви совершились крестины. Въ назначенный часъ статсъ-дама графиня Салтыкова пришла принять ребенка. Она была въ русскомъ платьѣ, въ кокошникѣ съ нашитыми на немъ брилліантами и перекрытымъ фатой; на рукахъ у нея была парчевая подушка, на которую положили новорожденную, перекрыли парчевымъ же покрываломъ, прикрѣпленнымъ на плечахъ и груди графини. Подушку и покрывало поддерживали двое знатныхъ придворныхъ.

Въ церкви за ширмами находились: англичанка-бонна, кормилица и акушерка; послѣдняя въ дорогомъ бѣломъ шелковомъ платьѣ и блондовомъ чепцѣ; брилліантовый фермуаръ и серьги дополняли ея туалетъ, но не уменьшали безобразія ея наружности.

Изъ церкви статсъ-дама графиня Салтыкова принесла ребенка и вручила его великой княгинѣ.

XV.

У начальницы нашего института были три дочери. Профессоръ Гриммъ, повидимому, намѣревался сдѣлать предложеніе старшей дочери — Агнесѣ; но случайно увидалъ среднюю — Анету, обратилъ свое вниманіе на нее, познакомился и убѣдился, что эта молодая дѣвушка гораздо умнѣе и солиднѣе своей сестры — сдѣлалъ предложеніе и женился. Чрезъ нѣкоторое время Агнеса снова дѣлается невѣстою инженера путей сообщенія Стюарда. Какъ разъ въ это время императрица Александра Өеодоровна навѣстила институтъ. Начальницѣ удалось представить свою дочь-невѣсту императрицѣ, которая ее милостиво поздравила и спросила, не желаетъ ли она ее о чемъ-нибудь попросить. Невѣста признается, что дѣйствительно желала бы попросить нѣчто у императрицы. Государыня, видя, что невѣста затрудняется высказаться, сама стала подсказывать ей:

— Желаете вы получить приданое?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Моего благословенія?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Мѣсто для жениха?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Наконецъ, чего же вы желаете?

— Я прошу ваше величество исходатайсвовать передъ государемъ позволеніе моему жениху носить усы [1]).

Императрица громко расхохоталась и только сказала:

— Les pauvres sont-elles toutes si bete? (Бѣдняжки, неужели онѣ всѣ такъ глупы?)—повернулась и пошла къ дверямъ швейцарской.

Старшія дѣвицы, окружавшія и провожавшія императрицу, успѣли сказать ей, что: «M-elle Agnès est une élève de l'institut Patriotique». Императрица улыбнулась и какъ бы въ утѣшеніе сказала:

— Bien, bien! (Хорошо,. хорошо!)

Въ прежніе годы, когда какая-нибудь изъ камеръ-юнгферъ выходила замужъ, то императрица Александра Ѳеодоровна всегда благословляла ее къ вѣнцу. Невѣста, совсѣмъ готовая ѣхать въ церковь, должна была явиться къ императрицѣ; она надѣвала на невѣсту свои бриллiанты и, благословивъ ее, отпускала. Вслѣдствіе этого неизбѣжно должно было пригласить на свадьбу камеръ-фрау, чтобы по окончаніи свадебнаго обряда и пира, она могла снять бриллiанты и отвезти во дворецъ. За это молодые обыкновенно подносили ей подарокъ.

Но случалось и такъ, что камеръ-фрау, соскучась въ чужомъ для нея обществѣ, выражала желаніе возвратиться домой раньше окончанія бала (въ прежніе годы свадьбы почти всегда оканчивались баломъ, продолжавшимся до утра); тогда молодая должна была удалиться въ уборную, гдѣ съ нея снимались бриллiанты, и она возвращалась въ залъ, лишенная дорогихъ украшеній.

Однажды, императрица на Пасхѣ прислала въ Смольный монастырь на Александринскую половину куличъ, внутри котораго былъ запеченъ бобъ. Императрица обѣщала дать приданое той, которой попадется бобъ. Воспитанница, нашедшая въ своемъ ломтикѣ кулича счастливый бобъ, была впослѣдствіи принята камеръ-юнгферой къ императрицѣ. Когда она сдѣлалась невѣстой, то напомнила государынѣ о своей счастливой находкѣ.

Какъ-то разъ, великая княгиня, вернувшись изъ французскаго театра, сказала камеръ-фрау, что она въ этотъ вечеръ видѣла у м-мъ Алланъ (знаменитая французская актриса) очень красивую ленту, надѣтую вмѣсто кушака. Великая княгиня описала ленту и прибавила:

— Посмотрите въ магазинахъ, не найдете ли вы что-нибудь подобное.

---

[1]) Въ то время инженеры путей сообщенія не имѣли права носить усовъ.

Чрезъ нѣсколько дней камеръ-фрау приноситъ ленту длиною около 4 аршинъ, совершенно такую, какъ описала великая княгиня, и говоритъ, что болѣе такихъ лентъ нѣтъ, все раскуплено. Великая княгиня удовлетворилась и приказала сдѣлать кушакъ съ длинными концами, и надѣвала его на бѣлыя платья. А намъ камеръ-фрау призналась, что она ѣздила къ м-мъ Алланъ и упросила ее уступить эту ленту великой княгинѣ.

Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что эта камеръ-фрау не умѣла заслужить благоволенія великой княгини. Многія неблаговидныя ея дѣйствія не ускользали отъ вниманія великой княгини; говорили даже, что когда пріѣзжала фрейлина Гранси въ Россію, то бывшая ея камеръ-юнгфера, оставшаяся портнихой при великой княгинѣ, очень откровенно разсказывала о всѣхъ дѣяніяхъ камеръ-фрау, такъ что понемногу великая княгиня получила настоящее понятіе о ней, а сама камеръ-фрау не переставала себя компрометировать передъ великой княгиней.

Въ приданомъ отъ русскаго двора, между множествомъ драгоцѣнныхъ платьевъ, было одно, хотя и дорогое, но довольно старообразное для молодой дамы, а именно: по темно-малиновому полю разбросаны довольно крупные букеты свѣтло-сѣрыхъ и свѣтло-розовыхъ съ зеленью цвѣтовъ, тогда нашъ глазъ еще не привыкъ къ такимъ крупнымъ рисункамъ, и великая княгиня никогда не надѣвала этого платья и называла его Grossmutterkleid» (бабушкино платье). Чрезъ много лѣтъ она вспомнила о немъ и приказала камеръ-фрау его принести. Камеръ-фрау ужасно сконфузилась, лицо ея и шея покрылись багровыми пятнами, она стала переминаться, вертѣться, не зная, что сказать. Великая княгиня почти испуганно спрашиваетъ ее:

— Was ist geschehen? Was fehlt ihnen? (Что случилось? что съ вами?)

Наконецъ, камеръ-фрау рѣшается сказать, что такъ какъ великая княгиня называла его бабушкинымъ платьемъ и оттого никогда не надѣвала, то она осмѣлилась его взять себѣ и перешить на свой ростъ. Великая княгиня покраснѣла отъ неожиданности такого отвѣта и сказала довольно многозначительно:

— Ach so!? (Вотъ какъ!?) а присутствовавшія сгорѣли со стыда отъ столь дерзновеннаго поступка.

Дѣйствительно, камеръ-фрау была не симпатична, весьма неровнаго характера; трудно было жить съ нею въ ладу: сегодня она внимательна и любезна, а завтра неизвѣстно почему и за что язвитъ и говоритъ колкости. Маленькаго роста, очень полная брюнетка съ крупными мужскими чертами лица, она при этомъ обладала еще крикливымъ діапазономъ голоса. Давно замѣтили мы, что она не забываетъ себя, обижая другихъ; конечно, никто изъ насъ не рѣшался довести объ этомъ до свѣдѣнія великой княгини, которая

при всякой раздачѣ сама дѣлила всѣмъ пòровну, прежде менѣе цѣнныя вещи, потомъ и дорогія, слѣдила, чтобы никого не обсчитать, и сказала камеръ-фрау, чтобы всегда поступали такимъ образомъ; но камеръ-фрау дѣлила одна въ своей квартирѣ и посылала каждой, что ей самой менѣе нравилось, такъ что мы даже не знали, сколько и что было изъято изъ употребленія.

Какъ государь, такъ и великій князь, очень обращали вниманіе на туалеты. Государь питалъ антипатію къ чернымъ галстучкамъ. Тогда галстучекъ былъ необходимою принадлежностію туалета; въ угоду государю можно было носить только цвѣтные. Когда государю случалось проходить черезъ дежурную комнату и замѣтить на комъ-нибудь изъ насъ черный галстучекъ, онъ непремѣнно спрашивалъ:

— Давно овдовѣли?

А если былъ въ дурномъ расположеніи духа, то говорилъ:

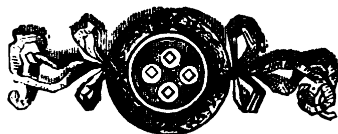
— Что за ворона!

Кончина императора Николая Павловича была для всѣхъ совершенно неожиданна, почти до послѣдняго дня надѣялись на его выздоровленіе, такъ какъ здоровье его всегда считалось несокрушимымъ.

Слабая, болѣзненная императрица Александра Θеодоровна съ необычайной твердостію перенесла эту потерю, она даже была на выходѣ по случаю восшествія на престолъ императора Александра Николаевича и имѣла на столько присутствія духа, что сама позаботилась указать всѣмъ форму траурнаго параднаго туалета [1]). Послѣ того, она еще нѣсколько разъ появлялась на большихъ выходахъ рядомъ съ новою императрицею, но затѣмъ постепенно удалялась въ замкнутую жизнь.

А. Яковлева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Въ этотъ день онѣ не надѣли русскаго платья, а надѣли французское придворное платье, т. е. длинный бархатный шлейфъ, пристегнутый къ платью длинные рукава и высокій лифъ.

„КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА" И ДУРОВЫ.

(Изъ Сарапульской хроники).

ВОСПОМИНАЯ великаго поэта Пушкина въ пятидесятилѣтнюю годовщину смерти его, нынѣ припомнили и другихъ лицъ, съ которыми онъ сближался или имѣлъ какое-либо дѣло. Особенное вниманіе было обращено на исторію «Кавалеристъ-дѣвицы» Дуровой, сочиненіямъ которой Пушкинъ симпатизировалъ, помѣщалъ ихъ въ «Современникѣ», писалъ о нихъ и даже изъявлялъ было желаніе принять на себя отдѣльное изданіе ихъ и проч. Въ истекшемъ году во «Всемірной Иллюстраціи» помѣщенъ портретъ Дуровой съ біографіей. Въ загородныхъ садахъ Петербурга, какъ видно изъ объявленій, въ іюлѣ, давалась пьеса «12-й годъ. Кавалеристъ-дѣвица»—эпопея въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Осетрова. Нѣкто г. Байдаровъ перепечаталъ даже самое сочиненіе Дуровой подъ своимъ именемъ, снабдивъ вымыслами, увѣряя, напримѣръ, что Дурова жила въ Ирбитѣ на р. Камѣ [1]). По выходѣ этой книги въ свѣтъ, г. Суворинъ въ «Новомъ Времени» напечаталъ статью: «Кавалеристъ-дѣвица и Пушкинъ», гдѣ высказалъ сомнѣніе вообще въ вѣрности автобіографическихъ подробностей въ книгѣ «Кавалеристъ-дѣвица» и привелъ въ доказательство неточности записокъ документъ, напечатанный въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г. стр. 2043, именно всеподданнѣйшій до-

---

[1]) Книга эта озаглавленная такъ: «Кавалеристъ-дѣвица Александровъ-Дуровъ», составилъ В. Байдаровъ, вышла какъ приложеніе къ газетѣ «Вѣстникъ Краснаго Креста» №№ 1 и 2 январь, февраль 1887 г. Такъ значится на зеленой оберткѣ, а на титульной бѣлой страницѣ показано: Изданіе редакціи журнала «Досугъ и Дѣло».

кладъ, сентября 28 дня 1807 года, гдѣ говорится: «Коллежскій совѣтникъ Дуровъ, въ Вятской губ. въ городѣ Сарапулѣ жительствующій, ищетъ повсюду дочь Надежду, по мужѣ Чернову, которая по семейнымъ не согласіямъ принуждена была скрытьсця изъ дому и отъ родныхъ своихъ, и отъ которой было письмо изъ Гродно, что она, записавшись подъ именемъ Александра Васильева сына Соколова въ конный польскій полкъ, служитъ товарищемъ и была во многихъ съ непріятелемъ сраженіяхъ» и проч. Сомнѣнія г. Суворина вполнѣ основательны. Дурова была не заурядная личность и болѣе вѣрныя свѣдѣнія о ней, полагаемъ, имѣютъ интересъ и значеніе. Живя въ г. Сарапулѣ, который ей былъ роднымъ, занимая квартиру въ домѣ, который построенъ въ свое время смежно съ домомъ Дуровыхъ, я рѣшился пересмотрѣть метрическія записи мѣстнаго Вознесенскаго собора и распросить старожиловъ о своеобразномъ «кавалеристѣ».

Дуровы пріѣхали въ г. Сарапулъ (Вятской губерніи) изъ Малороссіи въ концѣ 1789 г. Андрей Васильевичъ поступилъ на мѣсто городничаго, по смерти бывшаго до него секундъ-майора Касиновскаго. Будущій «кавалеристъ» Надежда Андреевна привезена сюда лѣтъ семи. Въ метрикѣ 1790 года, августа 3 (№ 51), показано: «Сарапульскаго городничаго секундъ-майора Андрея Дурова родилась дочь Евгенія; воспреемница дочь его Андреева отроковица Надежда». Затѣмъ, у Дурова рождались дѣти: «Клеопатра 1791 году, октября 19, Евгенія 1793 года, іюля 24, Варвара 1795 года, января 26, Анна 1796 года, октября 22, Василій 1799 года, января 10, Евгенія 1801 года, мая 1». Изъ нихъ въ живыхъ остались, кромѣ Надежды, Клеопатра, Василій и Евгенія послѣдняя. Такое увеличеніе въ семьѣ Дуровыхъ въ теченіе десяти лѣтъ даетъ понятіе о заботахъ, въ которыя была погружена постоянно мать Надежды Андреевны; и едва ли заслуженно «Кавалеристъ-дѣвица» рисовала свою мать черными красками, увѣряя, будто бы она и угнетала дочь и била по пальцамъ, не отпускала отъ себя на полчаса и проч.; такъ что та приняла твердое, непоколебимое намѣреніе свергнуть тягостное иго, и, создавъ обдуманный планъ, бѣжала безъ всякой поддержки съ чьей бы то ни было стороны, тѣмъ болѣе, что мать разошлась изъ ревности съ отцомъ и проч.

Въ дѣйствительности было нѣчто другое. Въ метрикахъ о бракосочетавшихся 1801 года, октября 25, подъ № 44, значится: «Сарапульскаго нижняго земскаго суда дворянской засѣдатель 14-го класса Василій Стефановъ Черновъ 25 лѣтъ понялъ господина сарапульскаго городничаго Андрея Дурова дочь дѣвицу Надежду 18 лѣтъ» (слѣдовательно она родилась въ 1783 году). Чрезъ годъ и два мѣсяца у этой четы былъ уже сынъ. Въ метрикѣ о родившихся въ 1803 году подъ № 3 читаемъ: «Сарапульскаго нижняго земскаго суда дворянскаго засѣдателя Василья Степанова Чернова сынъ

Іоаннъ родился 7 генваря. Воспреемникъ: Сарапульскій городничій Андрей Васильевъ сынъ Дуровъ».

Въ началѣ этого столѣтія, Прикамская мѣстность была далеко не спокойнымъ мѣстомъ. Ни татары и ни въ какомъ случаѣ киргизы (по близости живутъ башкирцы) уже не могли дѣлать набѣговъ на Сарапульскій уѣздъ, но «шалили» здѣсь отдѣльныя шайки разбойниковъ и воровъ, и преимущественно лѣтомъ,—рѣка Кама не даромъ служила вольнымъ путемъ для сообщенія между Россіей и Сибирью. Для поимки воровъ и для охраны жителей въ Сарапулѣ въ то время находился отрядъ казаковъ. Надежда Андреевна сблизилась съ казачьимъ эсауломъ; отчего очевидно и произошли тѣ «семейныя несогласія», о которыхъ упоминается во всеподданнѣйшемъ докладѣ, и по которымъ она «принуждена была скрыться изъ дому». Передаютъ, что въ то время мужъ ея былъ командированъ на службу въ другой городъ, но она вскорѣ уѣхала отъ него къ отцу въ Сарапулъ. Когда казачій отрядъ выступилъ въ 1806 году, Надежда Андреевна, оставивъ платье на берегу рѣки, въ военной одеждѣ отправилась вслѣдъ за эсауломъ подъ видомъ его деньщика. Съ началомъ войны 1807 года, Надежда Андреевна пробралась въ дѣйствующую армію. Въ теченіе трехъ лѣтъ на нее не обращали вниманія, но разъ она была ранена въ правую руку и упала съ лошади. Когда, чтобъ осмотрѣть рану, сняли съ Надежды Андреевны мундиръ, то узнали ея полъ, донесли государю, онъ назначилъ ей пенсію и проч., и она возвратилась въ Сарапулъ. Подробности ея службы и отличій изображены ею самою въ сочиненіи «Кавалеристъ-дѣвица».

О семействѣ Дуровыхъ за то время имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Въ исповѣдныхъ росписяхъ 1807 года показаны: городничій 6-го класса Андрей Васильевичъ Дуровъ, вдовъ 50 лѣтъ, дѣти: Клеопатра 16, Василій 9, Евгенія 7 лѣтъ. Тоже самое съ прибавкой лѣтъ показывалось до 1811 года. Въ росписяхъ 1812 года Евгеніи нѣтъ, а въ 1813 году и сынъ Василій уже не значится. Въ 1823 году записаны въ росписяхъ: городничій коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Андрей Васильевъ сынъ Дуровъ 67 лѣтъ, жена 2-я Евгенія Степановна 37 лѣтъ, дочь его отъ первой жены Клеопатра 32 лѣтъ, дочь его отъ второй жены Елисавета 14 лѣтъ,—глухонѣмая. Въ 1826 году, 11 іюня Андрей Васильевичъ Дуровъ умеръ 75 лѣтъ «натурально» [1]). Вторая жена его была изъ крѣпостныхъ. Дворовыхъ у Дуровыхъ имѣлось 6—8 человѣкъ. Одна дочь—Клеопатра умерла дѣвицей, а другая—Евгенія вышла за Пучкина. Михаилъ Ѳеопемтовичъ Пучкинъ былъ «мальчикомъ» у Дурова, учился

---

[1]) Сохранилась на могилѣ его чугунная плита, на которой означено, что онъ скончался 10 іюня 1826 года, житія его было 73 года и 8 мѣсяцевъ, тезоименитство 2 октября.

въ училищѣ, потомъ «писалъ» въ полиціи, гдѣ «усмотрѣлъ» его губернаторъ и увезъ въ Вятку. Тамъ Пучкинъ дослужился до столоначальника и наконецъ назначенъ былъ стряпчимъ въ Малмыжъ. Тогда онъ пріѣхалъ въ Сарапулъ и женился на дочери Дурова. По смерти ея, онъ служилъ вице-губернаторомъ въ Астрахани, откуда, переѣзжая на губернаторство въ Томскъ, дорогой умеръ.

Надежда Андреевна Дурова.

По просьбѣ старика Дурова, на мѣсто его былъ назначенъ городничимъ сынъ Василій Андреичъ; онъ служилъ въ гвардіи, но оставилъ службу и пріѣхалъ къ отцу. Въ исповѣдныхъ росписяхъ 1826 года онъ означенъ: «городничій штабсъ-капитанъ Василій Андреичъ сынъ Дуровъ, холостъ, 28 лѣтъ». Это именно тотъ самый Дуровъ, о которомъ у Пушкина есть статья (т. V, стр. 198, изд. Лит. Ф.). Прослуживъ года три, онъ взялъ отпускъ и отправился на Кавказъ

лѣчиться отъ какой-то, по словамъ Пушкина, удивительной болѣзни, въ родѣ каталепсіи; но попавъ изъ глухого городка въ веселую компанію, какъ видно, закружился: игралъ съ утра до ночи въ карты и наконецъ проигрался до того, что уже Пушкинъ въ своей коляскѣ довезъ его до Москвы. Пушкинъ описываетъ помѣшательство Дурова на одномъ пунктѣ: имѣть сто тысячъ рублей. Въ 1833 году, Пушкинъ получилъ отъ него письмо: «исторія моя коротка: я женился, а денегъ все нѣтъ». Поѣздка Василія Андреевича на Кавказъ продолжалась полгода, дѣла въ полиціи пришли въ безпорядокъ. Пріѣхалъ губернаторъ, распекъ за это уѣзднаго судью Кузьму Ивановича Шмакова; онъ сослался на Дурова, котораго и уволили отъ должности. Въ 1830 или 1831 году, по ходатайству Пушкина, новый губернаторъ назначилъ Василія Андреевича городничимъ въ Елабугу; тамъ, въ 1834 г., онъ попалъ подъ судъ за неправильныя дѣйствія при рекрутскомъ наборѣ. Чрезъ пять лѣтъ въ 1839 г. его, по протекціи въ Петербургѣ, вновь назначили городничимъ въ Сарапулъ. Здѣсь онъ служилъ до конца 1847 года, когда его перевели было въ Глазовъ; но, побывавъ въ Петербургѣ, Дуровъ получилъ назначеніе въ Кунгуръ; тамъ онъ и умеръ. Василій Андреевичъ былъ женатъ на Коротковой. Отецъ ея тоже, въ своемъ родѣ, не рядовая личность. Поступивъ въ солдаты рекрутомъ изъ крестьянъ деревни Лупихи (въ 25 верстахъ отъ Сарапула), Михаилъ Коротковъ, находясь въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, изучилъ въ такомъ совершенствѣ шагистику и ружейные пріемы, что государь императоръ Николай Павловичъ на смотрахъ, глядя на него, радовался и назначилъ его для обученія ружью наслѣдника—покойнаго государя императора Александра Николаевича. Удостоенный такой чести, Коротковъ сталъ получать чины и наконецъ уже капитаномъ былъ назначенъ начальникомъ Сарапульской инвалидной команды. Онъ былъ женатъ на мѣщанкѣ Вечтомовой. Василій Андреевичъ женился на дочери его красавицѣ Александрѣ Михайловнѣ уже послѣ смерти ея отца. Василій Андреевичъ тогда служилъ въ Елабугѣ, но свадьба была въ Казани— «пошли гулять и обвѣнчались». Дѣтей было, кажется, четверо; изъ нихъ Андрей служилъ въ Либавскомъ полку, Николай былъ мировымъ судьей, дочь Вѣра вышла въ Кунгурѣ за уѣзднаго судью Верещагина. Пушкинъ упоминаетъ о Васильѣ Андреевичѣ: «Страсть его къ женщинамъ была очень замѣчательна. Бывши городничимъ въ Елабугѣ, влюбился онъ въ одну рыжую бабу, осужденную къ кнуту, въ ту самую минуту, какъ она уже была привязана къ столбу, а онъ, по должности своей, присутствовалъ при ея казни. Онъ шепнулъ палачу, чтобы онъ поберегъ и не трогалъ ея прелестей, бѣлыхъ и жирныхъ, что и было исполнено; послѣ чего Дуровъ жилъ нѣсколько дней съ прекрасной каторжницей». Въ Сарапулѣ, въ томъ самомъ флигилѣ, гдѣ жила «Кавалеристъ-дѣвица»

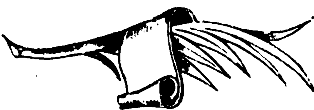
и откуда, по ея словамъ, она бѣжала (онъ былъ въ пять оконъ, одноэтажный, обнесенъ кругомъ террасой, стоялъ надъ рѣчкой Юрманкой), братъ ея Василій Андреевичъ собиралъ купеческихъ сынковъ и «мамашекъ». Кутежи продолжались по недѣлѣ, послѣ чего ихъ чинно развозили по домамъ. Василій Андреевичъ, по общимъ отзывамъ людей знавшихъ его, былъ баринъ «простой»—«десятокъ яицъ бралъ». Съ каждаго нищаго полагался оброкъ,—пять рублей ассигнаціями заплати и ходи годъ. Подозрительные люди также вносили надлежащій налогъ. Въ этомъ смыслѣ кунгурское мѣсто городничаго считалось за особенно «хорошее» — богатое. Въ Сарапулѣ Василій Андреевичъ жилъ не въ ладу съ протоіереемъ Петромъ Анкудиновичемъ Анисимовымъ, составлявшимъ тоже уѣздную «силу». Объ одномъ изъ ихъ столкновеній разсказываютъ такъ. Разъ, въ Казанскую, 22 октября (въ храмовой праздникъ) городничій послѣ молебна подошелъ приложиться ко кресту, руки его были въ перчаткахъ. Протоіерей Анисимовъ, предъ самымъ лицомъ городничаго, поднялъ крестъ вверхъ, рѣзко замѣтивъ: «Господь пострадалъ за насъ на крестѣ съ обнаженною плотію, а ты подходишь ко кресту и знаменаешься натянувши на руки рукавицы». Началось дѣло, слѣдствіе и проч. Въ видѣ мировой, Дуровъ долженъ былъ ублаготворить Анисимова значительной мздой. Сvнодъ призналъ, что протопопъ поступилъ правильно, но сдѣлалъ ему замѣчаніе за рѣзкость выраженій. Ссора возникла изъ-за того, что протопопъ, купивъ въ собственность мѣсто рядомъ съ городническимъ, раздражался близостію съѣзжей избы и проч.

Можно представить на сколько не соотвѣтствовала романической натурѣ Надежды Андреевны пошловатая уѣздная будничная обстановка. Надежда Андреевна, вмѣстѣ съ братомъ, переселялась сначала изъ Сарапула въ Елабугу, въ 1829 г., чрезъ десять лѣтъ изъ Елабуги въ Сарапулъ. Когда же Василій Андреевичъ перечислился въ Кунгуръ, она вновь уѣхала въ Елабугу, гдѣ и провела послѣдніе годы жизни. Но всегда она имѣла отдѣльную квартиру. Изъ Сарапула она много разъ отлучалась то въ Малмыжъ къ сестрѣ, то въ Елабугу и изрѣдка въ Петербургъ. Отъ природы она была экзальтированная, нѣсколько причудливая. На одной квартирѣ въ Нечаевскомъ домѣ (гдѣ нынѣ домъ Петра Ѳоминскаго) у Надежды Андреевны умерла собачка, ея любимица. Она очень сокрушалась: обрядила собачку, какъ покойницу, положила на подушку и похоронила возлѣ крыльца; выстлала потомъ могилу дерномъ и обнесла рѣшеткой. Чтобъ не разламывали послѣднюю, она платила хозяевамъ рубль въ мѣсяцъ. Въ дни соболѣзнованія о собачкѣ, зашла одна сосѣдка; видя какъ барыня убивается, разсказывая о своемъ горѣ, сосѣдка тоже заплакала. Встрѣтивъ такое сочувствіе къ невозвратной потерѣ, Надежда Андреевна подарила женщинѣ пять рублей. Сынъ ея, Иванъ Василье-

вичъ Черновъ, засватавъ невѣсту, послалъ ей письмо, прося благословенія. Надежда Андреевна, вскрывъ конвертъ и замѣтивъ, что ее называютъ «маменькой», немедленно изорвала письмо. Братъ ея поспѣшилъ надоумить Ивана Васильевича, и по слѣдующему письму дѣлового характера благословеніе и дозволеніе на бракъ было послано. Надежда Андреевна отличалась быстротой въ своихъ рѣшеніяхъ. Разъ въ Елабугѣ она купила у татарина лисій мѣхъ за 10 рублей. Дешевизной покупки она похвалилась предъ братомъ; но тотъ, разсмотрѣвъ мѣхъ, объяснилъ, что цѣна ему 2 рубля, потому что онъ былъ спитъ изъ обрѣзковъ и хвостовъ. Надежда Андреевна, раздасадованная, отдала мѣхъ первому же пришедшему къ ней нищему. «Вспыльчивая была, — разсказывалъ бывшій крѣпостной Дуровыхъ,— чуть что не по ней... Но и добродѣтельная: пошлетъ за мадерой— сейчасъ семигривенный; волосы ей стригъ, за каждый разъ семь гривенъ (ассигнаціями)». Въ Сарапулѣ у ней была верховая лошадь, мастью сѣрая, купленная за 120 руб. ассигн. На ней она часто ѣздила по городу: садилась въ сѣдло, какъ мужчина; вообще она была лихая наѣздница: «встала въ стремя и полетѣла!» Надежда Андреевна всегда ходила въ сюртукѣ, иногда во фракѣ. Носила шляпу, или картузъ. Съ виду она была мала ростомъ, худенькая— «тончавая», шадравитая. Знавшіе ее уже старушкой, отзываются, что лицо у нея отличалось бѣлизной и пріятностію.

Надежда Андреевна умерла въ Елабугѣ въ 1866 году; ей было болѣе 80 лѣтъ. Въ «Вятскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» помѣщены въ № 28—біографія, а въ № 40—краткія свѣдѣнія о похоронахъ и послѣднихъ годахъ ея жизни. Похороны Дѣвицы-Кавалериста почтилъ мѣстный кадровый баталіонъ приличнымъ воинскимъ конвоемъ, проводившимъ ее до могилы. Георгіевскій крестъ несъ офицеръ. Провожавшихъ печальную церемонію было весьма мало, потому что выносъ сдѣланъ былъ очень рано. Послѣдніе годы своей жизни Дурова проводила въ уединеніи; ее нельзя было встрѣтить ни въ какихъ общественныхъ собраніяхъ. Можетъ быть, это отчасти происходило потому, что она жила одною пенсіею, получаемой за воинскія доблести (послѣ смерти осталось, говорятъ, только одинъ рубль), а можетъ быть и потому, что преклонныя лѣта заставляли ее искать покоя и уединенія.

Н. Блиновъ.

СПАСО-ЯКОВЛЕВСКІЙ ДМИТРІЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ РОСТОВѢ ВЕЛИКОМЪ.

Текутъ времена и лѣта во мгновеніи ока,
Солнце скоро шествуетъ къ западу съ востока.
Пріидите люди въ вѣрѣ просвѣщеннін,
Грядите во святый храмъ кротцы и смиреннія.
Молитву прилежно къ Богу возсылайте,
На сіе писаніе умильно взирайте.

(Изъ эпитафіи Стефана Яворскаго на гробницѣ св. Димитрія).

ОСТОВСКІЙ ставропигіальный первоклассный Спасо-Яковлевскій Дмитріевъ монастырь находится въ западномъ концѣ Ростова, на берегу озера Неро или Каово. Этотъ монастырь прежде носилъ названіе Зачатьевскаго по первоначальному деревянному храму, устроенному во имя зачатія св. Анны. Основаніе же монастырю положилъ св. Іаковъ, епископъ Ростовскій, въ концѣ XIV вѣка.

Согласно указаніямъ лѣтописей, св. Іаковъ былъ рукоположенъ во епископа Ростовскаго митрополитомъ Пименомъ около 1385 года, послѣ епископа Матѳея; между тѣмъ, мѣстное рукописное сказаніе говоритъ, что онъ былъ епископомъ Ростовскимъ послѣ епископа Арсенія, въ мірѣ Ростовскаго князя Семена Луговскаго-гривы. До этого времени св. Іаковъ былъ игуменомъ маленькаго монастыря, находящагося въ Ростовскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь погостъ Копыри [1]). Если вѣрить этому сказанію, то спустя $2^1/_2$ мѣсяца послѣ Мамаева побоища, а именно 20-го ноября 1380 г., близь села Деболъ и Скня-

[1]) Въ 48 верстахъ отъ Ростова.

тинова, въ древнемъ городкѣ, обмываемомъ рѣкою Сарою [1]), при монастырѣ св. Маріи, происходилъ съѣздъ Ростовскихъ князей, на которомъ обсуждались слѣдствія Куликовской битвы, касавшіяся удѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходилъ и выборъ преемника оставившему епархію, Ростовскому епископу Арсенію. По предложенію Ростовскаго князя Өеодора Андреевича Щепина (или князя Андрея Өедоровича) Ростовскимъ епископомъ былъ избранъ настоятель обители Копырей св. Іаковъ.

Во время управленія своею паствою, св. Іаковъ много боролся съ разными ересями; особенно же возставалъ онъ противъ иконоборства, проповѣдуемаго нѣкимъ Маркіаніаниномъ, который, благодаря энергіи святителя, вскорѣ былъ изгнанъ изъ Ростова. Рукописныя житія передаютъ слѣдующее обстоятельство изъ жизни св. Іакова, послужившее причиной основанія Яковлевскаго монастыря.

Одна изъ Ростовскихъ фринъ успѣла почему-то своимъ поведеніемъ вооружить противъ себя Ростовскаго князя Александра Константиновича. Застигнутая однажды на мѣстѣ преступленія и осужденная на смерть, она припала къ ногамъ святителя, умоляя спасти ее отъ казни. Св. Іаковъ, слѣдуя примѣру Іисуса Христа, велѣлъ бросить въ нее первый камень тому, кто считалъ себя безгрѣшнымъ.

Князь, бояре и граждане, недовольные такимъ судомъ, который нарушалъ ихъ приговоръ, выгнали архипастыря изъ города и самовольно лишили его епископской власти. Преслѣдуемый ругательствами грубой толпы, святитель вышелъ изъ Кремля, гдѣ было тогда жилище епископовъ и направился къ берегу озера Неро. Затѣмъ, бросивъ на воды озера свою святительскую мантію, св. Іаковъ всталъ на нее какъ на плотъ и поплылъ по направленію къ западу къ великому изумленію пораженнаго чудомъ народа. Черезъ нѣсколько времени онъ остановился у того мѣста, гдѣ теперь находится Яковлевскій монастырь, а мантія между тѣмъ поплыла далѣе и была прибита волнами къ острову, называемому теперь «Левскимъ» [2]).

Какъ ни упрашивали послѣ этого ростовцы возвратиться опять въ городъ, св. Іаковъ остался непреклоненъ. Основавъ здѣсь монастырь, св. Іаковъ скончался въ глубокой старости 27-го ноября 1392 года, святое же тѣло его было погребено въ созданной имъ

---

[1]) Городокъ этотъ, по словамъ одной рукописи, построенъ какимъ-то баснословнымъ царемъ Саромъ, сыномъ древняго князя, который былъ внукомъ Новгородскаго князя Вандала; это тотъ самый Городецъ на Сарѣ, который изслѣдованъ и описанъ графомъ Уваровымъ въ его извѣстномъ сочиненіи «Меряне и ихъ бытъ».

[2]) По сказанію мѣстной лѣтописи на этой мантіи нашли двѣ иконы: Всемилостивѣйшаго Спаса и св. Льва, папы Римскаго (Ростовскій уѣздъ, А. Титова, стр. 336).

Спасо-Яковлевскій монастырь въ г. Ростовѣ Ярославской губерніи.

самимъ церкви. Оба вышеприведенныя событія—судъ святителя надъ блудницей и плаваніе на мантіи изображены художникомъ Медвѣдевымъ на стѣнѣ теплой монастырской церкви. Первоначальныя постройки въ монастырѣ были деревяныя, вслѣдствіе чего онѣ легко дѣлались жертвою тѣхъ страшныхъ опустошительныхъ пожаровъ, которые неоднократно превращали въ пепелъ весь городъ и которые пришлось испытать Ростову въ особенности во время опустошенія его полчищами Едигея и во время нашествія поляковъ въ 1609 году. Въ это же время сгорѣли и древнія жалованныя грамоты, которыя, впрочемъ, снова были возстановлены въ 1624, но затѣмъ послѣдующими сонастоятелями были уже утеряны навсегда.

Въ началѣ своего существованія монастырь былъ очень бѣденъ. Первая каменная церковь, существующая и понынѣ, была сооружена Ростовскимъ митрополитомъ Іоной Сысоевичемъ [1]), который, желая придать ей болѣе великолѣпный видъ, украсилъ стѣны ея живописью al fresco. Для входа во храмъ съ западной и сѣверной стороны его пристроилъ двѣ паперти и самъ освятилъ эту церковь во имя Живоначальныя Троицы 22-го августа 1686 года, о чемъ свидѣтельствуетъ и посейчасъ стѣнопись, находящаяся подъ мѣстнымъ образомъ Спасителя [2]).

До 1765 г. церковь зачатія св. Анны не подвергалась особымъ перестройкамъ. Она была, какъ видно изъ донесенія архимандрита Павла св. Сvноду,—пятиглавая съ придѣломъ на сѣверной сторонѣ во имя св. Іакова объ одной главѣ. Всѣ главы были деревянныя, обиты деревянной чешуею; на большой главѣ Зачатьевской церкви поставленъ желѣзный крестъ съ золоченымъ яблокомъ; кровля крыта тесомъ и выкрашена краской. При входѣ во храмъ, съ западной стороны, придѣлана каменная паперть. Кромѣ того, при церкви устроена шатровая колокольня съ небольшимъ желѣзнымъ крестомъ, на которой находится шесть небольшихъ колоколовъ. Внутренность церкви украшена стѣннымъ письмомъ. Иконостасъ о пяти ставахъ съ выгибкой; царскія врата и иконостасъ столярной работы съ лицевой рѣзьбой, при чемъ на иконостасѣ, тумбахъ, клеймахъ, равно какъ и около клеймъ, рѣзьба самая мелкая. Иконостасъ, въ которомъ находится 50 иконъ живописнаго письма—не золоченъ; полъ въ церкви чугунный.

Съ 1776 года, т. е. вскорѣ послѣ открытія мощей св. Димитрія, начались и другія каменныя постройки; между прочимъ устроена каменная ограда съ башнями, въ которыхъ при перестройкѣ, бывшей въ 1808 году, сдѣланы круглыя венеціанскія окна. Въ верх-

[1]) Его біографія въ «Ист. Вѣстн.», октябрь 1885 г. стр. 88—99.

[2]) Въ 1759 г. Троицкій храмъ былъ опять переименованъ въ Зачатьевскій вслѣдствіе указа Ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича.

немъ этажѣ одной изъ этихъ башенъ сдѣлана лѣстница, которая ведетъ на площадку самой крыши, откуда открывается великолѣпный видъ на заозерье, такъ что въ ясный день простымъ глазомъ можно видѣть до 30 церквей, стоящихъ вокругъ озера и близь Московской шоссейной дороги.

Соборная церковь, построенная митрополитомъ Іоной, теперь во многомъ измѣнила свой видъ. Альфресковое письмо, переписанное около 1780 г. гробовымъ іеромонахомъ Амфилохіемъ, вполнѣ сохранило свои прежнія изображенія, не смотря на то, что впослѣдствіи, какъ кажется, неоднократно поправлялось.

Замѣчательный иконостасъ вмѣстѣ съ иконами, писанными харьковскимъ живописцемъ Венедиктомъ Вендерскимъ, былъ сооруженъ въ 1780 г. [1]). Въ алтарѣ за престоломъ находится другой иконостасъ съ иконами, обложенными серебряными вѣнцами съ драгоцѣнными камнями.

Кромѣ того, въ храмѣ есть нѣсколько вышитыхъ дорогихъ иконъ, принесенныхъ въ даръ графиней А. А. Орловой-Чесменской; въ алтарѣ находится серебряная вызолоченная дарохранительница въ видѣ храма, вѣсомъ 1 п. 25 ф.—даръ графа Н. П. Шереметева.

Два каменныхъ четырехъ-угольныхъ столба, поддерживающіе своды и куполы церкви, обставлены иконостасомъ съ драгоцѣнными образами. На одномъ изъ этихъ столбовъ находятся: образъ Толгскія Божіей Матери, написанный гробовымъ іеромонахомъ Амфилохіемъ, и келейный—св. Димитрія съ изображеніемъ Ватопедской Божіей Матери. Эта икона перевезена была святителемъ Димитріемъ въ Ростовъ при вступленіи его на митрополію. На другомъ столбѣ помѣщена икона Пресвятыя Богородицы Боголюбскія съ изображеніемъ на ней Ростовскихъ чудотворцевъ; съ нею встрѣтили св. Димитрія ростовскіе граждане въ 1702 г. Какъ эта икона, такъ и келейная, въ день погребенія св. Димитрія были принесены вмѣстѣ съ тѣломъ его въ монастырь.

На сѣверной сторонѣ храма, вблизи алтаря, находится гробница св. Іакова. При первоначальномъ устройствѣ храма митрополитомъ Іоною надъ гробницей святителя находился каменный аркосолій, подобный открытому въ 1884 году въ Успенскомъ соборѣ надъ древнимъ гробомъ св. Леонтія [2]); но въ 1779 году аркосолій былъ разобранъ и вмѣсто его поставлена деревянная рѣзная сѣнь, уничтоженная въ 1845 году. Надъ гробомъ св. Іакова сдѣлана графиней Орловой-Чесменской серебряная рака цѣною въ 9276 руб.; на бокахъ ея вычеканенъ судъ св. Іакова надъ блудницей и другія чудеса святителя, вмѣстѣ съ тѣмъ позолоченными буквами написаны на ней краткія свѣдѣнія о его житіи.

---

[1]) Описаніе Спасо-Яковлевскаго монастыря. Спб. 1849 г.

[2]) «Ист. Вѣстн.», январь 1886 г., т. XXIII, рис. на стр. 81.

Близь южныхъ вратъ стоитъ небольшая деревянная витрина съ ковчегомъ, заключающимъ въ себѣ частицы святыхъ иноковъ, избіенныхъ въ обители св. Саввы. Этотъ ковчегъ пожертвованъ въ монастырь знаменитымъ Ростовскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ въ 1758 году [1]).

У юго-западнаго угла въ великолѣпной серебряной ракѣ подъ такой же сѣнію открыто почиваютъ мощи св. Димитрія митрополита Ростовскаго. Рака сдѣлана въ видѣ гробницы—совершенно гладкая и только на серебряной тяжелой крышкѣ ея находятся архіерейскія принадлежности: митра, посохъ, дикирій и трикирій. Внутри рака обита малиновымъ бархатомъ, въ нее поставленъ кипарисный гробъ, вмѣщающій въ себѣ уже тотъ деревянный, въ которомъ были обрѣтены мощи святителя. Онъ обитъ бѣлымъ гладкимъ атласомъ и позументомъ. Мощи святителя Димитрія почиваютъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи.

У подножія раки поставленъ образъ святителя въ серебряной рамѣ итальянской работы, тутъ же на серебряной тумбѣ находится также извѣстная надпись, сочиненная Ломоносовымъ: «Всемогущій непостижимый Богъ и пр.»

Рака и образъ съ серебряной рамой сдѣланы изъ перваго найденнаго въ Россіи серебра, пожертвованнаго императрицей Елисаветой, и поступили въ монастырь уже послѣ ея смерти при Екатеринѣ II, пріѣзжавшей въ 1763 году въ Ростовъ для переложенія мощей угодника въ эту раку.

На стѣнѣ близь раки виситъ большая, писанная масляными красками, картина, изображающая это переложеніе мощей. Изъ прилагаемаго здѣсь снимка съ этой картины видно, что сама императрица участвовала въ обнесеніи гроба святителя вокругъ церкви. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1763 года [2]), между прочимъ, значится, что 23-го мая, въ 7-мъ часу, государыня пріѣхала въ Ростовъ. Ее встрѣтилъ архимандритъ Богоявленскаго монастыря Іосифъ, а архимандритомъ Спасо-Ярославскаго монастыря, Тихономъ, говорена рѣчь.

«25-го мая, въ воскресенье, по утру, въ 10-мъ часу, ея и. в. высочайше соизволила шествовать въ соборную церковь, гдѣ встрѣтили въ церковныхъ дверяхъ, со святымъ крестомъ, митрополитъ Новгородскій [3]), преосвященные: с.-петербургскій, сарскій и подольскій и архимандритъ Свято-Троицкой лавры, и начали молебенъ. По начатію онаго, ея и. в., со кресты и духовною церемоніею, слѣдовала пѣшкомъ въ монастырь, гдѣ мощи св. Димитрія чудотворца.

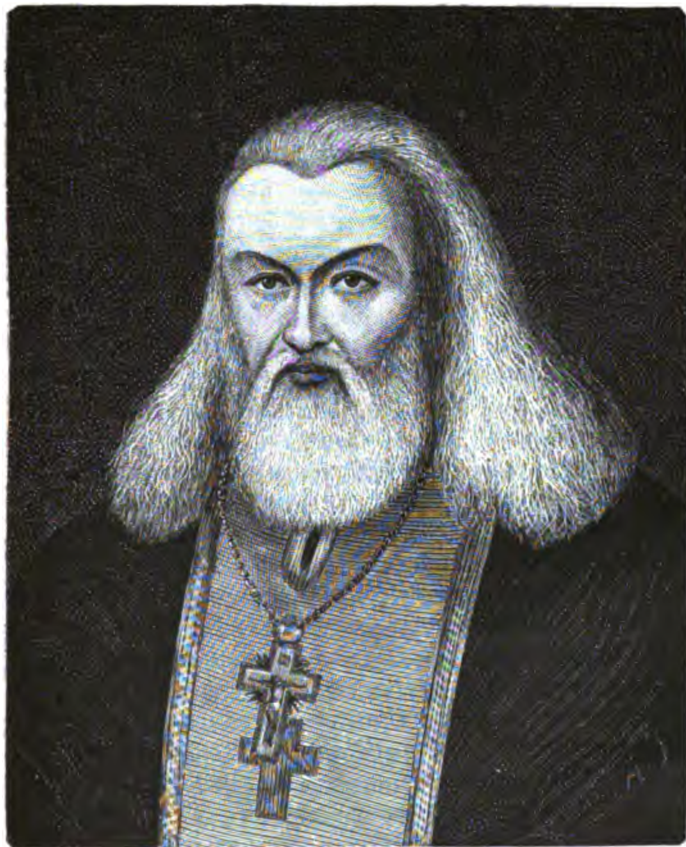
---

[1]) «Ист. Вѣстн.», январь 1887 г., т. XXVII, стр. 136.

[2]) Тамъ же.

[3]) Ростовскій митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ за свое извѣстное «Доношеніе» былъ въ это время взятъ въ Москву, а назначенный на ростовскую каѳедру тверской епископъ Аѳанасій еще не пріѣзжалъ.

По прибытіи въ церковь, св. мощи въ гробѣ были поставлены посреди церкви и начался молебенъ; по окончаніи онаго тѣ святыя мощи несены были вокругъ церкви, при чемъ слѣдовала и ея и. в. По прибытіи со святыми мощами въ церковь, положены оныя въ новосдѣланную серебряную раку; по положенію въ раку началась божественная литургія, которую исправляли митрополитъ Новгородскій и преосвященные: с.-петербургскій, сарскій и подольскій, и

Архимандритъ Спасо-Яковлевскаго монастыря Иннокентій.

архимандритъ Свято-Троицкой лавры, и другіе архимандриты. По окончаніи литургіи архимандритомъ Спасо-Яковлевскаго монастыря, Тихономъ, говорена проповѣдь; по окончаніи оной начался соборный молебенъ. Послѣ всего производилась пушечная пальба и ея и. в., окончивъ усердное къ Богу и св. угоднику моленіе, и положеніе св. мощей въ раку, обратно изволила шествовать изъ монастыря въ каретѣ, откуда прибыла пополудни къ 1 часу.»

Придѣланная въ 40-хъ годахъ къ Зачатьевскому храму обширная паперть росписана по стѣнамъ священными изображеніями.

Близь сѣверной стѣны погребенъ знаменитый подвижникъ, гробовой іеромонахъ Амфилохій. Скромный мраморный памятникъ обозначаетъ мѣсто упокоенія этого благочестиваго старца. За памятникомъ въ стѣнѣ, въ полукруглой нишѣ, поставлена келейная икона о. Амфилохія, передъ которой, по завѣщанію графини Орловой-Чесменской, горитъ неугасимая лампада.

Рядомъ съ старцемъ Амфилохіемъ погребенъ не менѣе знаменитый архимандритъ этого монастыря, Иннокентій, скончавшійся 27-го марта 1847 года. Его памятникъ еще скромнѣе. Небольшой, прекрасной работы (теперь сильно попортившійся), портретъ архимандрита живо напоминаетъ собою многочисленнымъ, хотя годъ отъ году и убывающимъ, поклонникамъ, выразительныя черты лица усопшаго, краснорѣчиво говорящія о добродѣтели и умѣ этого симпатичнаго старца. Съ лѣвой стороны къ Зачатьевскому храму пристроена церковь во имя св. Іакова, сооруженная въ 1836 году графиней А. А. Орловой-Чесменской, при неусыпныхъ трудахъ архимандрита Иннокентія. Ранѣе на этомъ мѣстѣ была небольшая церковь, построенная въ 1725 году. Живопись въ этомъ храмѣ сдѣлана извѣстнымъ художникомъ Тимоѳеемъ Медвѣдевымъ; имъ же написаны и мѣстныя иконы. Самое же главное украшеніе этого храма составляетъ картина итальянца-художника Карачи «Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ»—даръ графини Орловой. Картина эта была куплена Алексѣемъ Орловымъ за границей, за 10,000 рублей, и находилась у него въ Москвѣ.

Слѣдующая церковь, во имя св. Димитрія, о пяти куполахъ. При ней, вмѣсто паперти, устроенъ портикъ, который, какъ и весь храмъ, обставленъ надъ фронтонами высокими колоннами и капителями Коринѳскаго и Іоническаго орденовъ. Между колоннами сдѣланы ниши и въ нихъ поставлены гипсовыя изображенія разныхъ святыхъ въ человѣческій ростъ. Церковь эта, обыкновенно, называется Шереметевскою, потому что покойный графъ Николай Петровичъ Шереметевъ былъ однимъ изъ крупныхъ вкладчиковъ при ея постройкѣ. По разсказамъ старожиловъ, графъ Шереметевъ далъ обѣщаніе выстроить этотъ храмъ въ память св. Димитрія.

Этотъ богатый снаружи храмъ очень бѣденъ внутри. Начавъ строить его въ обширныхъ размѣрахъ, графъ думалъ перенести въ него изъ Зачатьевской церкви мощи св. Димитрія, въ чемъ ему содѣйствовалъ и бывшій тогда архимандритъ Мелхиседекъ, знакомый графу по С.-Петербургу, гдѣ онъ былъ намѣстникомъ Александро-Невской лавры.

Дѣло приходило уже къ желанному концу, но этому воспротивился бывшій тогда ярославскій преосвященный Павелъ. Онъ напомнилъ, что св. Димитрій, по пріѣздѣ въ Ростовъ, при первомъ

своемъ посѣщеніи Яковлевскаго монастыря, взойдя въ соборную церковь Зачатія святыя Анны, совершилъ здѣсь обычное моленіе и потомъ, при выходѣ изъ нея (конечно, не безъ откровенія свыше), указавъ въ юго-западномъ углу ея мѣсто своего погребенія и прославленія, сказалъ окружающимъ: «Се покой мой, здѣ вселюся во вѣкъ вѣка», а потому измѣнить волю почившаго іерарха онъ находитъ не только невозможнымъ, но и преступнымъ. Самолюбіе графа было сильно оскорблено этимъ правдивымъ отвѣтомъ преосвященнаго. Онъ упорно продолжалъ ходатайствовать, но, тѣмъ не менѣе, ничего не могъ уже сдѣлать. Вслѣдствіе этого, онъ прекратилъ и дальнѣйшую постройку этой церкви, такъ что она достраивалась уже на пожертвованія доброхотныхъ дателей и на монастырскія средства[1]). Всѣ эти суммы, конечно, далеко были недостаточны для того, чтобы выполнить первоначальный планъ храма, задуманный богатымъ благотворителемъ. Старожилы, между прочимъ, разсказываютъ, что храмъ этотъ строился графомъ въ память рожденія своего сына Димитрія, который впослѣдствіи тоже былъ однимъ изъ вкладчиковъ въ этотъ монастырь. Вообще, жертвы Шереметевыхъ были довольно значительны. Нѣкоторыя изъ пожертвованій графомъ Д. Н. были сдѣланы въ 1835 году, вскорѣ послѣ его тяжкой болѣзни, очевидно, въ благодарность угоднику за исцѣленіе.

На западной сторонѣ монастыря находится древняя пятиглавая церковь Преображенія Господня. Прежде она была соборною церковью бывшаго тутъ въ старину Спасъ-Песоцкаго княжнинскаго монастыря, основаннаго княгиней Маріей, супругой Ростовскаго князя-мученика Василькò, убитаго татарами въ 1238 году. Выстроивъ монастырь, княгиня Марія жила въ немъ до самой своей кончины († 1271) и погребена подъ церковью св. Игнатіемъ, епископомъ Ростовскимъ, отчего и самый монастырь получилъ наименованіе Спасскаго княжнина, чтò на Пескахъ[2]). Строеніе въ этомъ монастырѣ сначала было деревянное, но потомъ, въ XVI вѣкѣ, выстроена была каменная, двухъэтажная, пятиглавая церковь во имя Преображенія Господня и рядомъ съ ней другая, во имя великомученика Георгія. Обѣ церкви находились въ верхнемъ этажѣ и соединялись между собою папертью; среди ихъ была шатровая колокольня; въ нижнемъ этажѣ находились палатки. Въ 1764 году, монастырь этотъ былъ упраздненъ и присоединенъ къ Спасо-Яковлевскому. До этого же времени за нимъ числилось 599 душъ крестьянъ и онъ былъ не изъ бѣдныхъ. Остатки монастыря—Преображенскій соборъ представляетъ собою одну изъ капитальныхъ по-

[1]) На этотъ громадный храмъ графъ далъ только 65,000 руб. (Спис. мон., стр. 40).

[2] Очевидно, что монастырь въ XIII вѣкѣ былъ женскимъ.

строекъ XVI вѣка, но, къ сожалѣнію, испорченную передѣлками въ позднѣйшее время. Георгіевская же церковь—паперти и колокольня сломаны въ половинѣ настоящаго столѣтія. Объ этомъ событіи, между прочимъ, сохранилась слѣдующая запись современника: «Одинъ изъ архимандритовъ, въ виду того, что службы въ этихъ храмахъ совершаются очень рѣдко, а въ колокольнѣ нѣтъ надобности, порѣшилъ уничтожить и церковь св. Георгія и колокольню, чтобы на эти деньги сдѣлать нужныя хозяйственныя постройки. Первоначально онъ сталъ предлагать эти зданія на сломъ, но купить святыню желающихъ не нашлось, тогда онъ приступилъ къ ломкѣ самъ. Многовѣковое зданіе трудно поддавалось и кирпичъ оказался очень крѣпкимъ, такъ что рабочіе отказывались продолжать работу. Тогда было приказано наполнить внутренность колокольни дровами и зажечь. Колокольня рухнула и болѣе не существуетъ»[1]).

Внутренность въ Спасо-Преображенской церкви очень не богата; иконостасъ простой, находящіяся въ немъ иконы подновлены въ 1808 году. Однако, желательно, чтобы этотъ памятникъ XVI вѣка былъ реставрированъ опытной рукой и велика будетъ заслуга того настоятеля, который съумѣетъ это сдѣлать, равно какъ и изыскать необходимыя средства для возстановленія художественныхъ архитектурныхъ образцовъ древней до-петровской Руси.

Монастырская библіотека, благодаря просвѣщеннымъ заботамъ іеромонаха Гавріила, содержится прекрасно. Въ этомъ собраніи рукописей замѣчательны четьи-минеи перваго выхода, мартъ—май 1700 года. На первыхъ семи страницахъ рукою великаго автора написано: «Его царскаго пресвѣтлаго величества стольникови и полковникови сумскому его милости пану Андрею Герасимовичу Кондратьеву дарствуетъ сію книгу Димитрій Савичъ, архимандритъ новгородско-сѣверскаго, року 1700 марта 1-го». Замѣчательна также рукопись подъ заглавіемъ: «Остальныя проповѣди св. Дмитрія» (ненапечатанныя), при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ на малороссійскомъ языкѣ. Кромѣ того, есть и другія рукописи, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, находится и тетрадь съ духовными псалмами и кантами на линейныхъ нотахъ XVIII вѣка, вошедшими отчасти въ сборникъ Безсонова.

Архивъ монастыря богатѣйшій. Въ числѣ другихъ бумагъ здѣсь находятся и копіи съ дѣла о покушеніи раскольниковъ украсть мощи св. Димитрія. Это было 15 февраля 1766 года. Воры, быть можетъ, и достигли бы задуманной ими цѣли, но архимандриту Павлу ночью во снѣ было видѣніе: нѣкто, придя къ нему въ келью и сдернувъ одѣяло сказалъ: что ты спишь? здѣсь воры. Архимандритъ проснулся и пошелъ осматривать церковь, гдѣ за рѣзнымъ

[1]) Рукопись моей библіотеки, № 2023, л. 189 об.

Переложеніе императрицей Екатериной II мощей святителя Димитрія въ раку.

Съ картины Шебуева.

иконостасомъ и пойманъ былъ воръ Ксенофонтовъ, который при этомъ признался, что онъ находится въ этомъ дѣлѣ не одинъ, а въ сообществѣ другихъ 9 человѣкъ-раскольниковъ; и что послѣдніе, кромѣ церковной утвари, намѣрены были похитить также и мощи св. Димитрія, чтобы потомъ предать ихъ сожженію. Всѣ воры были пойманы и получили достойное ихъ возмездіе.

Въ ризницѣ сохраняются: митра съ остатками горностаевой опушки, которая покрывала главу обрѣтенныхъ мощей святителя; бѣлый миткалевый платокъ, найденный въ подрясникѣ при обрѣтеніи мощей; бѣлое бумажное полотенце съ надписью: «Отъ святаго града Іерусалима присланъ сей медальёнъ (?) преосвященному Димитрію, митрополиту Ростовскому года 1705, августа 12»; ризы, передѣланныя изъ саккоса святителя, атласныя малиноваго цвѣта съ разводами. Затѣмъ среди множества драгоцѣнныхъ церковныхъ предметовъ, пожертвованныхъ разными именитыми благотворителями и высочайшими особами, замѣчательна въ особенности серебряная чаша съ черневымъ изображеніемъ святителя и надписью:

«Что мало передъ симъ внутро земли его скрывало,
«Изъ того, Димитрій, сосудъ тебѣ изваялъ,
«Кой въ знакъ святителю почтенный полагаю,
«Отъ моихъ сокровищъ тебѣ я посвящаю,
«Когда въ честь тебя я, святитель, посвятилъ,
«Не мню, чтобъ кто сей въ иное употребилъ.
1759 года».

Монастырь удостоивался неоднократно и посѣщенія государей, особенно памятенъ для него пріѣздъ императора Александра I, что было 23 августа 1823 года. Осмотрѣвъ храмы и поклонившись св. мощамъ, императоръ посѣтилъ здѣсь благочестиваго старца, гробового іеромонаха Амфилохія. Затворившись въ его келіи, онъ бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ болѣе получаса. Амфилохій не долго жилъ послѣ этого событія: старецъ скончался 26 мая 1824 года, 75 лѣтъ отъ рожденія. Память о немъ, какъ о великомъ подвижникѣ, и посейчасъ еще свѣжа въ народѣ, который почитаетъ его за святаго мужа.

Съ неменьшимъ почитаніемъ народъ относится и къ племяннику его, знаменитому архимандриту Иннокентію [1]). До постриженія своего въ монашество онъ былъ простымъ сельскимъ священникомъ; но потомъ, послѣ преждевременной кончины его жены, онъ въ 1813 году поступилъ въ число братства Спасо-Яковлевскаго монастыря и въ 1818 году уже былъ назначенъ его архимандритомъ.

[1]) Прилагаемый рисунокъ снятъ съ портрета покойнаго, писаннаго еще при его жизни. Портретъ этотъ пожертвованъ въ Ростовскій музей, находящійся въ Бѣлой палатѣ, графомъ М. В. Толстымъ и по заявленію лицъ, знавшихъ покойнаго, портретъ имѣетъ поразительное сходство съ нимъ.

Время его управленія было самымъ цвѣтущимъ временемъ въ исторіи этого монастыря. Слава его гремѣла повсюду. Онъ былъ нѣкоторое время духовникомъ гр. А. А. Орловой, которая много сдѣлала пожертвованій въ эту обитель. Самъ же Иннокентій былъ безсребренникомъ и все, что имѣлъ, раздавалъ нищимъ и бѣднымъ людямъ, такъ что послѣ его смерти осталось лишь нѣсколько серебряныхъ пятаковъ. Въ монастырской библіотекѣ, между прочимъ, сохранилась тетрадка современника Иннокентія, іеродіакона Иринарха, въ которой простымъ языкомъ описаны послѣдніе дни жизни этого почтеннаго старца.

Заканчивая наше описаніе, скажемъ вообще, что каждый посѣтитель этой обители можетъ въ ней найти не мало такого, что въ состояніи будетъ удовлетворить и его религіозное чувство и его любознательность. Здѣсь все находится подъ обаяніемъ славы великаго святителя Димитрія, этого талантливаго обличителя раскола, духовнаго витіи, ученаго богослова, историка, поэта и драматурга.

А. Титовъ.

Ростовъ, 1887 г.
Янв. 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВИСѢЛЬНИКИ ВО ФРАНЦІИ И ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ТАРАЯ, какъ время, истина — что у людей, обыкновенно, слово расходится съ дѣломъ. Печальнѣе всего, что то же замѣчается и въ человѣчествѣ, хотя можно сказать, что и за то спасибо: чтò бы было, если бы слова всегда соотвѣтствовали низкимъ поступкамъ, если бы не было идеаловъ у человѣчества такъ же, какъ зачастую не бываетъ ихъ у отдѣльныхъ лицъ? Историки, а также и педагоги, давно замѣтили, что умственное развитіе совершается легче и правильнѣе, чѣмъ нравственное. Какъ ни живучи суевѣрія и предразсудки, опытъ и его великое слѣдствіе—наука, не безъ успѣха борятся съ ними. Гораздо устойчивѣе пережитки первобытной животности въ нравахъ. Въ лучшихъ случаяхъ, они лишь измѣняютъ свою оболочку: волчій зубъ превращается въ лисій хвостъ, грязь чувственности прикрывается утонченностью гастрономіи, канкана и шансонетки.

Мало того. Какъ бы въ укоръ ликующему оптимизму, цензоры нравовъ и умовъ указываютъ на совпаденіе нравственной распущенности съ блескомъ умственнаго развитія. Но имъ-то и не слѣдовало бы изумляться, проливать крокодиловы слезы, впадать въ тонъ проповѣдничества и кивать на Петра. Вглядитесь въ родники исторіи, и вы увидите, что указанное противорѣчіе — дѣло ихъ рукъ. Эпохи Перикла, Возрожденія, французскаго регентства, реставраціи Стюартовъ слѣдовали за господствомъ деспотизма, который, словно неразумное дитя, усиливаяся ломать жизнь, какъ свою игрушку, пуская въ ходъ строжайшую цензуру нравовъ и мыслей. Играя съ огнемъ, тупоуміе и свойственное ему упрямство вызывали реакцію въ умахъ и жизненныхъ стремленіяхъ. Домо-

строевская степенность временъ Эсхила породила гетеръ, гнетъ папскаго лицемѣрія создалъ Борджіевъ, аскетизмъ пуританъ привелъ къ разврату эпохи Карла II, изъ ханжества Людовика XIV прямо вытекло паденіе нравовъ при регентѣ.

Восьмилѣтнее регентство Филиппа Орлеанскаго (1715—1723 гг.) особенно поучительно въ смыслѣ указанной исторической связи. Въ такой блестящей, передовой странѣ, какъ Франція, около двухъ вѣковъ тому назадъ, легче всего наблюдать растлѣвающія свойства перезрѣлаго абсолютизма. Людовикъ XIV съ рѣдкой настойчивостью подготовлялъ нравственное паденіе націи — это основное условіе грядущей великой революціи. Онъ поставилъ на престолъ развратъ и сопутствующее ему раболѣпіе. Вся его жизнь, это идолопоклонство предъ пресловутою «системой», была колоссальнымъ обманомъ, въ широкомъ, Дантовомъ, смыслѣ этого слова: исторія теперь только, благодаря новымъ документамъ, разоблачила его личное участіе въ тѣхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ абсолютизма, въ которыхъ никто не сомнѣвался въ силу фактовъ, не допускающихъ лжетолкованій.

Созданный Людовикомъ XIV версальскій воздухъ воспиталъ и его племянника, Филиппа Орлеанскаго, котораго деспотъ женилъ на своей незаконной дочери отъ г-жи Монтеспанъ. Это былъ прямой продолжатель «системы», съ ея автократнымъ упрямствомъ, развратомъ и расточительностью, съ ея раболѣпіемъ, застѣнками, Бастиліей, «письмами съ печатью» объ арестѣ любой личности безъ суда; съ ея финансовыми плутнями и безшабашнымъ ограбленіемъ народа; съ ея врожденною ненавистью къ малѣйшему проявленію критической мысли и независимаго характера. Съ другой стороны, регентъ, подобно Карлу II Стюарту, былъ вождемъ новаго поколѣнія, представлявшаго собой неизбѣжную реакцію ханжеству и мучительной чопорности этикета. Любя власть, лишь какъ средство къ удовлетворенію своихъ страстей, Филиппъ презиралъ ея внѣшнія оковы и даже обычныя условія приличій. Остроумный, краснорѣчивый весельчакъ, съ очаровательнымъ обхожденіемъ, онъ былъ вольнодумецъ, атеистъ, другъ янсенистовъ, ученыхъ и художниковъ, поклонникъ философіи и химіи. Умственно это былъ питомецъ критики и новой, реальной философіи, возникавшей всюду въ концѣ царствованія Людовика XIV, подъ вліяніемъ свободныхъ странъ— Англіи и Голландіи: этимъ мvромъ была уже помазана его мать, просвѣщенная курфюрстина пфальцская, Елизавета-Шарлота. Но регентъ еще болѣе шелъ по стопамъ своего отца, тщеславнаго вождя кутилъ при Людовикѣ XIV. «Не все ли равно для государства — я или мой лакей въ каретѣ?» говорилъ повѣса на тронѣ—и съ пяти часовъ вечера закатывался на всю ночь. Запирались всѣ двери—и честная компанія предавалась безпримѣрно-грязнымъ оргіямъ, къ которымъ принуждали даже почтенныхъ матронъ Парижа. Здѣсь

было правиломъ ругаться надъ правдой, добродѣтелью и религіей. Здѣсь-то царственный кутила-мученикъ до того возбуждалъ виномъ свои падающія силы, что быстро уходилъ себя: онъ умеръ отъ удара, среди пирушки, 49-ти лѣтъ, отказавшись отъ потребованнаго медиками воздержанія. Когда, въ концѣ жизни Людовика XIV, вымирало его потомство отъ заразъ, многіе видѣли въ этомъ преступную руку на все способнаго Филиппа, и сами подобные же царедворцы бѣжали отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Когда онъ сталъ регентомъ, коноводомъ его оргіи съ женской стороны стала его собственная дочь — по отзывамъ современниковъ, тучная, «могучая, какъ башня, впрочемъ красивая и свѣжая», герцогиня Беррійская, умершая также отъ апоплексическаго удара, среди кутни. Ихъ отношенія были такъ соблазнительны, что, при видѣ этой четы, парижане вспоминали папу Александра VI и Лукрецію Борджіа; а они только улыбались на это. Кромѣ всемогущей герцогини, Филиппъ подчинялся еще своимъ собутыльникамъ, хотя сознавалъ ихъ тупоуміе, невѣжество и ничтожество: съ хохотомъ исполнялъ онъ ихъ нелѣпыя и гибельныя для народа прихоти, самъ называя ихъ висѣльниками (собственно—«колесованными», roués).

Характеръ регента и его правленія, особенно со стороны ихъ пошлости и распутства, живо очерчивается самыми фактами въ своего рода дневникѣ за 1715—1719 годы, только-что изданномъ въ Парижѣ подъ именемъ «Газеты регентства» [1]).

Вотъ картина придворныхъ нравовъ регентства, собранная нами изъ нѣскольких мѣстъ «Газеты».

«Удовольствія при дворѣ не перестаютъ быть очень оживленными и не прекращаются ни на одну ночь. Регентъ каждый вечеръ ходитъ ужинать къ одной дамѣ въ Сенъ-Жерменскомъ кварталѣ, которая царитъ теперь. Маркизъ де-Биронъ ухаживаетъ за нею, хотя, кажется, получитъ отъ нея не больше, чѣмъ отъ ея

[1]) «Gazette de la régence», publiée par E. de Barthélemy (Paris, 1887). Это—выборка изъ двухъ большихъ рукописныхъ томовъ, хранящихся въ королевской библіотекѣ, въ Гаагѣ. Рукописная «Газета» (обычный тогда родъ журналистики) состоитъ изъ писемъ, служившаго въ королевской библіотекѣ Парижа, Бюва, кажется къ правителю Голландіи, Гейнзіусу. Авторъ, бѣднякъ, получалъ за нихъ деньги съ разныхъ лицъ, разсылая ихъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Письма изобличаютъ умнаго, развитаго и наблюдательнаго человѣка. Въ нихъ драгоцѣнны подробности, схваченныя живьемъ и ярко освѣщающія пороки Версаля. Особенно хорошо очерчена борьба регента съ парламентомъ. Бюва—поклонникъ парламента и врагъ іезуитовъ. Онъ быстро понялъ Ло, а также регента, на котораго сначала возлагалъ надежды, ожидая либеральныхъ реформъ отъ этого врага пышнаго дядюшки. Самого Людовика XIV онъ зло называетъ «великимъ христіанскимъ государемъ, который развилъ независимую власть сверхъ мѣры и умеръ отъ гангрены, сопровождаемый малымъ сожалѣніемъ со стороны подданныхъ и ненавистью всѣхъ иноземцевъ». Разочаровавшись въ регентѣ, Бюва обнаруживалъ теплое участіе къ новой надеждѣ — къ королю Людовику XV, которому было тогда всего 5—9 лѣтъ.

предшественницъ. А затѣмъ явится другая, которую замѣститъ новая нимфа... Среди нашихъ бѣдствій, дворъ чудесно развлекается».

Слѣдуетъ описаніе ночныхъ пиршествъ съ факелами, маскарадовъ съ контрдансами, менуэтами и гавотами, рѣзни въ фараонъ, ланскне, кости, и во всѣ запрещенныя игры, раззоряющія особенно молодежь, которая даже «обкрадываетъ своихъ отцовъ» ради нихъ. Затѣмъ предъ нами разливанное море шампанскаго, которое именно тогда снискало себѣ неувядаемую славу, и его слѣдствіе — скандалы. Вотъ принцы крови и первые царедворцы заливаются на балахъ пѣснями и отпускаютъ остроты, которыя могли выносить только тогдашнія демуазели. Регентъ превосходитъ всѣхъ невозможнымъ обращеніемъ съ дамами, особенно съ балетчицами, на театральныхъ балахъ, на глазахъ у всѣхъ, даже не отворачиваясь въ уголокъ: онъ еле держится на ногахъ. А принцы учиняютъ даже потасовку изъ-за актрисъ, нето съ ними самими. Первостатейныя аристократки не отстаютъ отъ нихъ: двѣ изъ нихъ дрались на кинжалахъ, и обѣ получили раны изъ-за новаго Адониса, какого-то хлыщеватаго маркиза. Во дворцѣ самого регента иногда, среди оргіи, вваливалась незнакомая пьяная маска; и не знали, какъ спровадить ее.

Но больше всего изумлялись «удивительному темпераменту» регента: онъ нерѣдко воскресалъ послѣ того, какъ хлопнется отъ безчувствія на полъ—и «природа отказываетъ ему въ своей помощи, не смотря на рвотное»; однажды его оживили только вспрыскиваніемъ табака. Тѣло регента возбуждалось къ жизни лошадиными средствами: душа же его спала непробуднымъ сномъ. Ничто не могло обидѣть или устыдить его. А ужъ сколько приходилось ему испытывать реприманцовъ отъ безчисленнаго множества покидаемыхъ «нимфъ!» Онъ окривѣлъ отъ пощечины, которой удостоился отъ одной изъ нихъ. Другая, послѣ тщетныхъ усилій вломиться къ нему въ кабинетъ, прислала ему такой billet doux: «Я была у твоихъ дверей, которыхъ не отворили по твоему приказу. Придешь, породистый песъ, ко мнѣ: получишь то же. Ты не умѣешь говорить, но умѣешь читать. Читай же, чудовище. Завтра пришлю къ тебѣ моего дворнягу (это — мой мужъ), чтобъ ты сдѣлалъ его своимъ камергеромъ». И что же? Регентъ «посмѣялся и всѣмъ показывалъ записочку».

Но истиннымъ шикомъ кутни, достойнымъ пера автора «Наны», были гомерическіе «балы» у Беррійской: они стоили отъ 50 до 100 тысячъ ливровъ каждый (на нынѣшнія деньги въ $3^1/_2$ раза больше). Это милое созданіе Версаля «дышало однимъ весельемъ: въ цвѣтѣ молодости, она не знала никакихъ сдержекъ—ни мужа, ни взрослаго короля и никого другого». Иногда она выѣзжала за городъ и инкогнито вмѣшивалась въ сельскіе хороводы: «плясала, какъ крестьянскія дѣвки, пѣла съ ними самыя развеселыя пѣсни». Бер-

рійская отличалась еще необыкновеннымъ чванствомъ: изъ глубины своей безнравственности она смотрѣла даже на мелкихъ дворянъ, какъ плантаторъ на негровъ. При ея дворѣ говорили: «мы живемъ въ царствѣ знати; прошло царство ничтожествъ». Однажды городской голова отправился, съ своими товарищами, представляться ей. Ихъ экипажъ остановился у лѣстницы ея Люксембургскаго дворца. Она велѣла немедленно удалить музланскія кареты, дерзнувшія такъ далеко пробраться въ ея дворъ, и арестоватi пропустившихъ ихъ часовыхъ. На замѣчаніе гостей, что самъ Людовикъ XIV дозволялъ имъ это, хозяйка сказала, что желаетъ соблюдать свои права, и повернулась къ нимъ спиной. А родственники Беррійской и царедворцы зачастую, бывало, побьютъ дворянина—и его же упрячутъ въ Бастилію при помощи «письма съ печатью».

Примѣръ сверху успѣшно дѣйствовалъ на поколѣніе, растлѣнное деспотизмомъ Людовика XIV. Въ «свѣтѣ», наряду съ отчаяннымъ раболѣпіемъ и всякими низостями, процвѣталъ рѣдкій развратъ. Отсюда потокъ грязи разливался по всей столицѣ. Ея творецъ и поклонникъ долженъ былъ самъ закрыть нѣкоторые черезчуръ злачныя мѣста. Онъ даже вспомнилъ о Богѣ, смѣясь въ кулакъ: «регентъ возобновилъ королевскій указъ, возбраняющій неприличія въ церквахъ, гдѣ разговариваютъ какъ на рынкѣ».

Чего стоила народу эта милая компанія «висѣльниковъ», но не изъ тѣхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые вѣшаютъ! Какъ онъ долженъ былъ переносить подобныя извѣстія: «Три метрессы его высочества недавно родили; одна изъ нихъ получила 50,000 ливровъ въ день родовъ?»

Не забудемъ, что «великій» заводчикъ «системы» оставилъ страну нищею [1]). Передъ смертью Людовика XIV, государственный долгъ возросъ до 8 милліардовъ на нынѣшнія деньги: на одни проценты уходило около 80 милліоновъ въ годъ. Казенныя монополіи доходили до того, что фунтъ кофе стбилъ 25 теперешнихъ франковъ. Ничто не могло наполнить бездонную бочку абсолютизма — ни порча монеты, ни изобрѣтеніе мнимыхъ должностей и титуловъ для продажи, ни сдача на откупъ даже податей и почтъ, ни сборъ десятины съ доходовъ, ни безпардонный выпускъ бумажекъ, павшихъ до 20% показной цѣны. Между тѣмъ, не платили жалованья чиновникамъ; солдатамъ не хватало даже на хлѣбъ и патроны; придворные лакеи побирались по Версалю, и сама Ментенонъ ѣла овсяный хлѣбъ. А народъ по провинціямъ питался травкой да древесной корой; родители убивали дѣтей отъ безкормицы, а подчасъ

---

[1]) Нашу характеристику Людовика XIV и его системы, на основаніи новыхъ научныхъ данныхъ, см. въ первыхъ двухъ книжкахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за текущій годъ.

и сами питались ихъ трупами. Во многихъ мѣстахъ, особенно на югѣ, толпа разносила съѣстные припасы и избивала чиновниковъ, ревя: «лучше пусть вѣшаютъ, чѣмъ помирать съ голоду!» Бунты умножались съ каждымъ днемъ. Наконецъ, въ столицѣ, Ментенонъ не смѣла показываться на улицѣ. Толпа оскорбляла самого короля и дофина. На домахъ расклеивались воззванія къ тѣнямъ Брута и Равальяка.

При нравѣ регента, при его понятіяхъ о власти, французскому абсолютизму оставалось идти по той же дорожкѣ, пока онъ не сломитъ себѣ шеи на ней. Становится страшно за него и за будущее Франціи, когда читаешь такое признаніе «Газеты» въ 1718 году: «Гнѣвъ регента происходитъ отъ слишкомъ большой славы, которую онъ приписываетъ этой системѣ. Онъ сказалъ: «хочу доставить королю всю должную ему власть; пусть не говорятъ, что она уменьшилась хоть на волосъ». Его ужасаетъ мысль, что она потерпитъ малѣйшее нарушеніе въ его регентство, и ради ея сохраненія въ цѣлости онъ подозрѣваетъ все на свѣтѣ. А это — добрый, милостивый государь: онъ не дѣлалъ бы зла, еслибы его не влекло къ нему указанное правило,—эта слабая его струнка».

И вотъ, вольнодумство регента ограничивается, на первыхъ порахъ, сокращеніемъ арміи и государственныхъ расходовъ, да притѣсненіемъ іезуитовъ, папистовъ и такихъ проходимцевъ, какъ троно-искатели Стюартовой крови. Вслѣдъ затѣмъ вновь открылись всѣ прелести «системы» дядюшки. Ревностное сокращеніе расходовъ, до того, что собирались закрыть академію надписей, нисколько не облегчало финансоваго гнета: деньги переходили изъ казеннаго сундука въ карманы «висѣльниковъ». Снова пошла въ ходъ отчаянная порча монеты и изобрѣтеніе налоговъ, которые безпощадно взимались по провинціямъ, гдѣ интенданты изображали изъ себя безотвѣтственныхъ пашей не хуже, чѣмъ при Людовикѣ XIV. Попрежнему особенно свирѣпствовала знаменитая габель — соляная монополія, съ ея сыщиками, совавшими свой носъ въ каждый горшокъ француза. Она порождала цѣлое воинство соляныхъ контрабандистовъ, которые «составляли какъ бы полки, съ своими офицерами и съ своимъ главнокомандующимъ».

Вскорѣ оказалось, что народъ въ конецъ измученъ фискальствомъ правительства, которое открыто говорило съ хохотомъ: «это—вьючное животное, дѣло котораго таскать тяжести да терпѣть». Изъ глубины страны все чаще приходили такія письма къ издателю «Газеты»: «Нѣтъ словъ выразить вамъ всѣ бѣдствія провинцій. Деревни переполнены ворами: нельзя выйти изъ города, а и тамъ воровства каждую ночь; даже запрещается выходить. Не найти другой такой страны; и если король не станетъ платить, то можно опасаться революціи. Множество чиновниковъ ходятъ, Христа ради, обѣдать къ капуцинамъ, а сами капуцины собираютъ для нихъ подаяніе. Просто раззоръ!»

Въ самомъ Парижѣ свирѣпствовала оспа отъ грязи и бѣдности; нищіе осаждали прохожихъ по вечерамъ; воровства и даже убійства открыто совершались на улицахъ. Уже жаловались, что самъ регентъ «очень плохо оплачиваетъ свой дворъ».

Съ обнищалаго народа уже нечего было взять прямымъ путемъ— и «висѣльники» пустились во вся тяжкая въ фискальствѣ, такъ же какъ и въ своей кутнѣ. Еще съ 1716 года начались, подъ громкимъ именемъ «операцій», всевозможныя финансовыя плутни, заводчикомъ которыхъ былъ все тотъ же «великій» Людовикъ XIV, какъ доказано теперь документально историками. Это—рядъ грязныхъ сдѣлокъ съ сановными ростовщиками, которые, въ крайнемъ случаѣ, подвергались легкимъ наказаніямъ судьями, наткнувшимися, въ своихъ разслѣдованіяхъ, на августѣйшія имена. Финансовый шабашъ увѣнчался истиннымъ философскимъ камнемъ—искусствомъ создавать несмѣтныя богатства изъ ничего: мы разумѣемъ колоссальный, геніальный финансовый «секретъ» шотландскаго проходимца, Джона Ло—этого отца Ланграновъ-Дюмонсо, и нынѣ процвѣтающаго Бонту, Струсберговъ, Рыковыхъ и К°. То было уже ограбленіе націи не врозницу, а оптомъ, соединенное съ завершеніемъ разврата, благодаря ажіотажу, этой цыгански-азартной игрѣ на биржѣ, которая такъ удачно привилась съ тѣхъ поръ въ Европѣ.

Описаніе продѣлокъ Ло и вызванной ими оппозиціи парламента— важнѣйшія страницы въ «Газетѣ». Оказывается, что деспотизмъ Людовика XIV, въ соединеніи съ новою философіей, уже сильно развили такую живую, даровитую и критическую націю, какъ французы: съ самаго начала въ Парижѣ чуть не всѣ подсмѣивались надъ шотландскимъ геніемъ «висѣльниковъ», мѣтко называя его «проходимцемъ» (aventurier), а вскорѣ «общество возненавидѣло очень ненавистнаго Джона Ло», и «всѣ роптали на этого иностранца, игрока по профессіи и человѣка подозрительнаго по его роскоши и издержкамъ». Чего стоило внушить довѣріе къ гибельному банку проходимца! Сколько героическихъ усилій потрачено было на это регентомъ, который тѣмъ снискалъ себѣ всеобщую ненависть и едва не вызвалъ революціи!

Всеобщее недовольство росло съ каждымъ днемъ. Уже въ первые мѣсяцы регентства расклеивались на домахъ оскорбительныя для Филиппа воззванія. Затѣмъ появились каррикатуры, въ которыхъ «первыя лица двора изображались въ неприличныхъ позахъ»: однажды регентъ получилъ, въ коробочкѣ, восковые портреты съ него самого и съ Беррійской «въ совсѣмъ неприличныхъ положеніяхъ». Наконецъ, Парижъ наводнили стишки, въ которыхъ регентъ и его дочка играли такую же роль, какъ въ памфлетахъ временъ Фронды «мамаша» (Анна Австрійская) и Мазаренъ.

Тутъ уже обрисовалась мефистофельская фигура «Аруэ,—вылупливающагося, но весьма сатирическаго поэтика». Это—Вольтеръ.

которому шелъ 22-й годъ при смерти Людовика XIV. Въ маѣ 1716 года его «схватили». Въ маѣ 1717-го онъ «сидитъ въ Бастиліи, ибо хотятъ вынудить у него сознаніе, куда онъ запряталъ свои рукописи о самыхъ священныхъ предметахъ и о самыхъ почтенныхъ личностяхъ, что̀ становится государственнымъ дѣломъ». Въ іюнѣ его присудили къ «пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, безъ чернилъ и бумаги»: «возбуждался вопросъ объ его изгнаніи; но сказали, что онъ станетъ писать оттуда противъ всего человѣческаго рода и что это—чума, которую нужно изъять изъ гражданскаго общества». Въ августѣ, когда «тихонько повѣсили одного молодого автора сатиръ на дворъ и текущія дѣла», спрашивали другъ друга—не Аруэ ли это?

А злодѣянія «висѣльниковъ» становились все болѣе частыми и дерзкими, по мѣрѣ возрастанія всеобщаго негодованія. «У меня— свои резоны, и я—господинъ», воскликнулъ регентъ,—и пошли аресты справа и слѣва. Кого только не хватали, съ помощью «писемъ съ печатью»,—писателей, художниковъ, «болтуновъ», гугенотовъ рядомъ съ іезуитами и испанцами, ростовщиковъ заодно съ ворами и соляными контрабандистами, слушателей популярныхъ проповѣдниковъ, наконецъ вельможъ и даже родственниковъ регента. Пытались секвестровать самый языкъ человѣческій. Въ концѣ 1716 года ничтожный фаворитъ Филиппа, шефъ жандармовъ, д'Аржансонъ, «призвалъ большинство содержателей кофеенъ (онѣ играли роль клубовъ и замѣняли газеты) и весьма учтиво сказалъ имъ, въ своемъ отдаленномъ кабинетѣ, чтобы они не допускали у себя разговоровъ противъ правительства, въ особенности же противъ личности регента, прибавивши, что послѣ того, какъ они предупредятъ своихъ гостей, уже послѣдуютъ аресты тѣхъ, которые осмѣлились бы эманципироваться». «Газета» замѣчаетъ глубокомысленно: «признаться, публика—животное, которому трудно угодить».

А полтора года спустя, случился скандалъ съ книжкой самого духовника Мадамы (герцогини Орлеанской), аббата С.-Пьера. Кроткій добрякъ, изобрѣвшій самое слово «благотворительность» и надоѣдавшій министрамъ филантропическими проектами, которые однако даже царедворцы называли «мечтами честнаго человѣка», С.-Пьеръ былъ упоренъ въ своихъ убѣжденіяхъ, опережавшихъ вѣкъ. Свѣдущій картезіанецъ и деистъ, противникъ лжеклассицизма, какъ академикъ, онъ первый смѣло лишилъ Людовика XIV титула «Великаго» за его воинственность и деспотизмъ, во имя своей любимой идеи вѣчнаго мира и свободы. Въ 1718 году онъ напечаталъ брошюру о «Полисинодіи» или объ учрежденіи аристократическихъ совѣтовъ при каждомъ министерствѣ. То былъ первый намекъ, на материкѣ, на англійскую конституцію. Что другое, а это регентъ тотчасъ сообразилъ—и покорная академія исключила правдиваго духовника изъ числа своихъ членовъ. «Газета» поя-

сняетъ: «Регентъ сказалъ депутатамъ академіи, что одобряетъ ея поступокъ и что онъ даже велѣлъ отправить издателя книги въ Бастилію. Въ книгѣ, кажется, много истинъ; но онѣ не по времени (hors de saison) и написаны слишкомъ рѣзкимъ и живымъ тономъ; впрочемъ говорю понаслышкѣ, такъ какъ никто не видалъ этого сочиненія».

Но самымъ громкимъ и опаснымъ скандаломъ была борьба абсолютизма съ парижскимъ парламентомъ, которая почти не прерывалась до самой революціи. Этотъ парламентъ—вовсе не то, что англійскій. Онъ былъ главой магистратуры, судебнаго вѣдомства. Онъ состоялъ изъ легистовъ или крючкотворцевъ римскаго права, которые назывались «мантьеносцами» или мундирниками и были, въ средніе вѣка, главною опорой юнаго абсолютизма въ его борьбѣ съ феодалами. За нимъ оставалось отъ глубокой старины только одно политическое значеніе — право «регистрацій», по которому указъ короля становился закономъ лишь по внесеніи его въ парламентскіе списки. За это-то право и схватился парламентъ, когда, со временъ Ришелье, прекратились государственные чины или земскій соборъ, хоть сколько-нибудь ограничивавшій произволъ короны. Могучій кардиналъ сразу остановилъ эту попытку парижскаго парламента превратиться въ англійскую конституцію: онъ приказалъ ему «регистровать указы, даже не освѣдомляясь объ ихъ содержаніи».

При Фрондѣ значеніе парламента возросло: сама корона обращалась къ нему, чтобы прикрыться законностью въ борьбѣ съ вельможами, выставляя такимъ образомъ «аристократію мантіи» или мундира противъ родовой «аристократіи меча». Къ тому же «полетта» (продажа парламентскихъ мѣстъ наслѣдственно) доставляла парламенту независимость и богатства; онъ же назначалъ мелкихъ чиновниковъ по провинціямъ. Эти государственныя привилегіи, курульная маститость сѣдовласыхъ законниковъ, корпоративный гордый духъ — все приковывало вниманіе народа къ новой знати, истреблявшей ненавистныхъ феодаловъ. Понятно, что, съ паденіемъ земскихъ соборовъ, парламентъ, который еще въ XVI вѣкѣ назывался «могучимъ столпомъ монархіи», превратился въ «рожденнаго покровителя народа», въ единственнаго защитника его правъ, попираемыхъ абсолютизмомъ.

При Фрондѣ онъ рѣшился, подобно англійскому парламенту, «служить обществу и преобразовать государство»: онъ требовалъ обезпеченія свободы и надзора за финансами, во имя «народа, который одинъ только дѣлаетъ королей». Тутъ сказался широкій политическій взглядъ—и въ вельможную смуту вмѣшался народъ, что придало Фрондѣ значеніе перваго національнаго протеста противъ крайностей абсолютизма. «Народъ, ей-Богу, правъ!» воскликнулъ самъ Мазаренъ. Очевидецъ говоритъ: «Парламентъ заворчалъ—

и всѣ пробудились. Начали какъ бы ощупью искать законовъ, а законовъ нѣтъ. Испугъ, крикъ: подавай ихъ! Среди этого-то возбужденія народъ проникъ въ святилище: парламентъ осквернилъ государственныя тайны». Когда Мазаренъ арестовалъ трехъ парламентскихъ, въ Парижѣ явились баррикады, и правительство должно было уступить.

Людовикъ XIV поспѣшилъ сократить парламентъ. Вступивши въ Парижъ, по усмиреніи Фронды, онъ «строго воспретилъ ему вѣдать общія дѣла государства». Вскорѣ послѣ того, услышавъ толки парламентскихъ о необходимости собраться для протеста, онъ самъ созвалъ ихъ: протестанты помолчали, переглянулись между собой—и вышли гуськомъ, не проронивъ слова. Затѣмъ были вырваны ихъ протоколы временъ Фронды, и было велѣно регистрировать указы въ недѣльный срокъ.

При регентѣ парламентъ, освящавшій его временную власть во имя малолѣтняго короля, снова зашевелился. Его почтенные члены осуждали и деспотизмъ, и развратъ правителя, служа самымъ авторитетнымъ отголоскомъ всеобщаго негодованія. Они сразу поняли «секретъ» Ло и рѣшились устранить «видѣнія и подозрительныя идеи» этой души «висѣльниковъ». Особенно встревожились они, когда регентъ, желая разбить упорное недовѣріе публики къ своему любимцу, объявилъ его банкъ «королевскимъ» и велѣлъ производить всѣ государственныя уплаты его билетами, да еще сталъ чеканить негодную монету. Тогда вождемъ парламентскихъ былъ извѣстный юристъ, ораторъ и ученый картезіанецъ, честный д'Агессо (d'Aguesseau), который провелъ умныя реформы въ своемъ вѣдомствѣ и возставалъ противъ ханжества и произвола Людовика XIV. Онъ спросилъ регента, кто присовѣтовалъ ему эту мѣру? На отвѣтъ, что это—его собственная мысль, онъ возразилъ: «Нѣтъ, это—мысль Ло; но она никому не понравится, и я считаю ее непримѣнимой».

Затѣмъ д'Агессо составилъ планъ государственныхъ преобразованій для устраненія подобныхъ злоупотребленій и провелъ его въ видѣ законнаго парламентскаго «предостереженія» (remontrance). Но «эта желѣзная твердость римлянина, эта рѣдкая любовь къ отечеству,—говоритъ «Газета»,—считались при дворѣ опасными и крамольными добродѣтелями». Три съ половиною мѣсяца спустя послѣ описаннаго разговора, въ январѣ 1718 года, д'Агессо былъ сосланъ въ свою деревню по интригамъ Ло, котораго поддерживалъ одинъ изъ главныхъ «висѣльниковъ»—знаменитый мемуаристъ-сатирикъ С. Симонъ. Какъ бы насмѣхаясь надъ обществомъ, регентъ назначилъ канцлеромъ самаго ненавистнаго всѣмъ, и особенно парламенту, «висѣльника», д'Аржансона. Этотъ творецъ государственной полиціи и «писемъ съ печатью» при Людовикѣ XIV, былъ «искусный царедворецъ, который вкрался въ душу регента путемъ за-

бавныхъ россказней о городскихъ событіяхъ и милыхъ шутокъ насчетъ поведенія его высочества».

Въ іюнѣ, не смотря на всеобщее «остолбенѣніе и уныніе», «предостереженія» парижскаго и еще одного провинціальнаго парламента были направлены къ королю, хотя регентъ возстановилъ изданный при Ришелье указъ, отмѣнявшій эту привилегію мантьеносцевъ. А билеты банка пали до четверти показной цѣны, и по рукамъ ходили ѣдкіе стишки про д'Аржансона.

Регентъ отвѣчалъ парламенту за короля, что онъ «не позволитъ унижать королевскую власть». Парламентскіе стали совѣщаться частно и даже сноситься съ своими провинціальными товарищами. А ихъ «первый» (президентъ) сказалъ регенту въ глаза: «Государь, вы можете сдѣлать мнѣ тысячу непріятностей; но я объявляю вамъ, что не обращу на нихъ вниманія; должность же мою вы отнимете у меня только вмѣстѣ съ моею головой». И онъ сталъ сближаться съ сыномъ г-жи Монпансье, герцогомъ мэнскимъ, стоявшимъ во главѣ враждебной Филиппу партіи при дворѣ, сносившейся съ Мадридомъ. А парламентскіе еще усерднѣе совѣщались промежъ себя, при чемъ «лица ихъ горѣли отъ очевиднаго гнѣва». Среди нихъ слышались даже такіе голоса: «регентъ слѣпъ не только тѣлесно, но и духовно; таковы же его совѣтники».

Наконецъ, парламентъ послалъ своего «перваго» просить отмѣны распоряженія насчетъ банковыхъ билетовъ Ло. Регентъ опять защищалъ своего генія. «Первый» возразилъ: «но мы знаемъ, что Ло, до изданія указа, накупилъ товаровъ на крупныя суммы, чтобы выиграть много денегъ; это — человѣкъ, утратившій доброе имя, изгнанный изъ своего отечества, осужденный въ разныхъ процессахъ». Регентъ сначала «только улыбался, молчалъ и сказалъ въ заключеніе, что потомъ изъявитъ свою волю». Понятно, что такое воля у такихъ безшабашныхъ упрямцевъ власти. Филиппъ сталъ сыпать билетами Ло, награждая «висѣльниковъ». А парламентскихъ онъ изругалъ непечатно и возвѣстилъ имъ: «вы можете соблюдать вашу власть, какъ сочтете удобнымъ, а я сдѣлалъ запасъ пороха и свинца, чтобы соблюсти власть короля».

У банка Ло появилась охранная гвардія регента, съ восемью зарядами на солдата. Другіе отряды были посланы на рынки, «чтобы принуждать брать новую монету, когда она появится». Когда парламентъ рѣшилъ издать собственный декретъ противъ указа регента, войска появились и у его типографіи, а полицейскіе заняли и всѣ другія печатни. Парламентскіе засадили всѣхъ своихъ писцовъ за работу—и копіи декрета появились въ подвѣдомственныхъ имъ судахъ и въ провинціальныхъ парламентахъ. Вслѣдъ затѣмъ по всему Парижу были расклеены объявленія регента о недѣйствительности декрета, «посягающаго на королевскую власть». Парламентскимъ же онъ послалъ повелѣніе не собираться болѣе по фи-

нансовымъ дѣламъ. Они отправили бумагу обратно къ регенту съ заявленіемъ, что не станутъ и читать ее.

Въ концѣ августа новый внезапный ударъ. Регентъ рѣшился воспользоваться правомъ короля присутствовать въ парламентѣ, при чемъ всѣ его повелѣнія были обязательны. Вдругъ Парижъ былъ занятъ дворцовою стражей, «какъ завоеванный городъ»; а парламентскіе получили приказъ пріѣхать въ Луврь въ каретахъ. Они успѣли составить протестъ противъ всего, что произойдетъ въ королевскомъ засѣданіи, и поклялись молчать и не двигать пальцемъ въ Луврѣ, «подобно статуямъ». Затѣмъ отправились, длиннымъ обходомъ, пѣшкомъ, попарно. Ихъ было до 160 человѣкъ. По открытіи засѣданія, д'Аржансонъ сказалъ королю, что парламентъ не регистрируетъ его назначенія канцлеромъ. Вѣнчанный ребенокъ смѣшался. Регентъ наклонился къ его уху, показалъ видъ, будто выслушалъ что-то, и объявилъ, что король требуетъ повиновенія и исполненія всѣхъ указовъ, съ его воцаренія, а также «запрещаетъ своему парламенту вмѣшиваться въ какое-либо государственное дѣло», герцогамъ же и пэрамъ разрѣшаетъ засѣдать въ немъ въ шапкахъ. Парламентскіе хранили глубокое молчаніе.

На другой день мушкетеры схватили трехъ старцевъ, въ томъ числѣ «перваго», и увезли невѣдомо куда. Парламентъ объявилъ, что остановитъ все правосудіе во Франціи, если не возвратятъ арестованныхъ. Регентъ отвѣчалъ: «вѣрю въ благонамѣренность парламента, но я не менѣе благонамѣренъ; онъ хочетъ стать мнѣ поперекъ дороги и узнать мои намѣренія; но они — государственная тайна, и я никогда не дозволю этого». Однако, мѣсяца черезъ два, арестованные были возвращены. Затѣмъ регентъ сталъ «ласкать парламентъ». «Газета» прибавляетъ: «очень похоже на то, что онъ добьется своего, хотя это обойдется ему не дешево, ибо онъ платитъ 140,000 ливровъ пенсіи многимъ членамъ этого почтеннаго судилища». Филиппъ даже осыпалъ знаками вниманія семью д'Агессо, хотя самого ex-канцлера все еще держалъ въ ссылкѣ.

Но было поздно: овцы уже не вѣрили волку въ пастушьемъ одѣяніи. Парижемъ овладѣвало волненіе. Опасались, что, благодаря новой монетѣ, прекратится подвозъ хлѣба изъ провинціи. Гвардія ворчала, не желая «стрѣлять въ своихъ отцовъ» изъ-за шотландскаго проходимца. Главныя правительственныя мѣста присоединялись къ протесту парламента. Нашлись протестанты въ самомъ совѣтѣ регента: у «висѣльниковъ» возникъ расколъ, какъ всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ. «Многіе господа мантіи и меча», т. е. чиновная и родовая знать, съ братцами Филиппа во главѣ, заговорили: «въ случаѣ смерти короля, изъ Франціи отправится торжественное посольство къ испанскому королю съ приглашеніемъ занять престолъ». Уже герцогъ мэнскій попалъ въ тюрьму. А на-

родъ, по провинціямъ, называлъ своихъ друзей, соляныхъ контрабандистовъ, «испанскою гвардіей».

Такъ, регентъ прибавлялъ свою долю къ подготовкѣ революціи, которою слѣпой абсолютизмъ занимался съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи.

Дѣло казалось почти невозможнымъ, ибо абсолютизмъ былъ потребностью времени, какъ орудіе истребленія пережитковъ феодализма. При нападеніи Людовика XIV на Голландію, симпатіи всего материка были на его сторонѣ; и если онѣ перешли потомъ къ республикѣ, то лишь благодаря его деспотизму, да болѣе достойному представителю монархизма—Вильгельму III. Регенту сначала всѣ охотно повиновались въ ожиданіи реформъ. «Газета» восклицаетъ: «кто бы могъ подумать, что такой умный государь будетъ работать лишь противъ собственныхъ интересовъ?» И Людовикъ XV былъ сначала «возлюбленнымъ»: когда онъ заболѣлъ, въ Парижѣ плакали, не отходили отъ дворца, отслужили 6,000 молебновъ. При малѣйшемъ вниманіи къ всѣми сознаннымъ нуждамъ народа, при самомъ скромномъ желаніи всеобщаго добра, при самомъ легкомъ пониманіи справедливости реформъ, при пожертвованіи одною только прихотью — пристрастіемъ къ государственнымъ «висѣльникамъ», знаменитая «система» великаго кардинала могла укорениться на болѣе долгій срокъ.

Въ то время, какъ на крайнемъ Западѣ «система» пошатнулась, въ началѣ XVIII вѣка, отъ растлѣнія «висѣльниковъ», на Востокѣ Европы она выставила знамя реформъ и служенія на тронѣ, которое стало и на Западѣ душой обновленнаго, «просвѣщеннаго» абсолютизма, полвѣка спустя. Въ высшей степени знаменательно и счастливо для историковъ было первое появленіе русскаго царя въ Парижѣ именно при регентѣ. Авторъ «Газеты» видѣлъ Петра I собственными глазами.

Если теперь въ каррикатурахъ Запада принято изображать нашего брата, русскаго, въ видѣ медвѣдя, то что же долженъ былъ подумать тогда утонченный Парижъ о царѣ и его свитѣ, которые всюду вносили съ собой неприглядную внѣшность и нѣкоторые наслѣдственные пороки древней Москвы? Извѣстно, что долго и послѣ того въ столицахъ Европы спѣшили заново передѣлывать помѣщенія, которыя занимали русскіе послы. Опытные парижане особенно скоро замѣтили свою отечественную болѣзнь, которая подкашивала гигантскія силы Преобразователя[1]). Сверхъ того, даже сѣверные гости не могли устоять противъ поголовной страсти къ азартнымъ играмъ, свирѣпствовавшей тогда въ столицѣ Франціи. Но зато русскій богатырь выгодно выдѣлялся среди растлѣнной массы въ особенности наивною любознательностью даровитаго варвара.

---

[1]) Любопытныя строки объ этомъ можно прочесть на стр. 184 «Газеты регентства».

О приготовленіяхъ къ пріѣзду царя встрѣчаемъ такія свѣдѣнія въ «Газетѣ».

«19-го февраля 1717 года. Жена царскаго посла внезапно уѣхала въ Голландію, хорошо поразвлекшись здѣсь многократными балами и пиршествами насчетъ многихъ особъ, которымъ она не заплатила и, пожалуй, не заплатитъ. Она все поддерживала слухъ о прибытіи царя во Францію: она утверждала это даже при своемъ отъѣздѣ, хотя ея кредиторы мало вѣрятъ ей, опасаясь, что это — одна увертка». Но 26-го апрѣля уже «ждали царя съ минуты на минуту». Было рѣшено, что маршалъ Тессэ встрѣтитъ его за 10 лье, принцы крови—у С.-Дени, регентъ—у воротъ С.-Дени, а король—внизу лѣстницы Лувра. Король предложитъ ему два стола, на 16 кувертовъ каждый. Въ старомъ Луврѣ приготовили помѣщеніе царю съ меблировкой покойной королевы. «Съ балкона каждое утро будетъ представляться любопытное зрѣлище парижской заставы, запруженной дровами и всякаго рода припасами». Впрочемъ, готовъ и отель Ледигьеръ, съ королевской мебелью: слышно, что царь не захочетъ жить въ Луврѣ. «Гоффурьеры отмѣтили мѣломъ многіе дома по сосѣдству для людей его царскаго величества, который не желаетъ жить на счетъ короля... Предполагается возможно больше развлекать этого государя». Развѣдывали и о личности гостя. Знавшій Петра I лично венгерскій дѣятель Ракоци сказывалъ, что это—«государь особаго рода, съ неопрятными манерами, равнодушный къ дамамъ, впрочемъ умный и способный къ великимъ намѣреніямъ».

«10-го мая. Царь прибылъ въ пятницу (6-го мая нов. стиля), въ 9½ часовъ вечера, порисовавшись (par affectation) разрушеніемъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ для его чествованія, сообразно съ его рожденіемъ и саномъ. Весь придуманный церемоніалъ пропалъ, такъ какъ онъ воспротивился ему: его не встрѣтили ни регентъ, ни кто-либо изъ принцевъ». Петръ не дозволилъ даже зажечь нѣсколько дюжинъ факеловъ, высланныхъ ему навстрѣчу. Его не видѣла «безчисленная толпа, кишѣвшая отъ Парижа до С.-Дени и дальше», сопровождаемая «громаднымъ количествомъ каретъ». Замѣтили только «5 или 6 повозокъ багажа, охраняемыхъ отрядомъ кавалеріи»: говорили, что тамъ «на много милліоновъ слитковъ золота, такъ какъ царь желаетъ жить здѣсь главнымъ образомъ на свой счетъ и накупить обоевъ и богатой, роскошной мебели».

Около 10-ти часовъ царь прибылъ въ Лувръ. «Кажется, ему не понравился дивный блескъ ярко освѣщенной, самой богатой и изящной мебели. За роскошнымъ ужиномъ изъ постнаго и скоромнаго онъ выпилъ всего двѣ кружки пива и почти ничего не отвѣдалъ. Спать онъ пожелалъ въ отелѣ Ледигьеръ, куда и прибылъ къ 11-ти часамъ. Здѣсь съ перваго шага обнаружилась странность его нрава: онъ отказался отъ самой лучшей комнаты, легъ въ не такъ чистой

и удобной. Въ субботу, къ 10-ти часамъ, регентъ явился повидаться съ нимъ, а послѣ обѣда его царское величество послалъ привѣтствовать его. Когда прибылъ регентъ, оба государя обнялись нѣсколько разъ и, проведши на людяхъ съ четверть часа въ общей бесѣдѣ, удалились въ кабинетъ, гдѣ совѣщались больше часа при помощи толмача [1]). Замѣтили, что регентъ вышелъ очень довольный и что черный парикъ царя былъ осыпанъ пудрой сильно напудреннаго парика регента. Царь сказалъ, между прочимъ, регенту, что пріѣхалъ взглянуть на мудрость его правленія и попользоваться ею. Затѣмъ приходилъ привѣтствовать царя маршалъ Вилляръ [2]), но, неизвѣстно почему, былъ принятъ довольно холодно».

«Въ понедѣльникъ (9-го мая) король отправился къ царю, который сошелъ до дверецъ кареты, въѣхавшей на дворъ, и самъ высадилъ его, обнимая; затѣмъ велъ его правой рукой по лѣстницѣ. Когда Вильруа [3]) выразилъ безпокойство насчетъ особы короля, царь сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ не боялся, такъ какъ онъ остороженъ. Два монарха оставались вмѣстѣ полчаса; затѣмъ король отбылъ тѣмъ же способомъ. Возвратившись, онъ важно сказалъ (онъ у насъ пресерьезный), что сей государь ласковъ и имѣетъ счастливую физіономію. Во вторникъ царь отдалъ визитъ королю. Около 4 часовъ прискакалъ во всю прыть гвардеецъ, которому велѣно было увѣдомить о приближеніи царя къ Лувру. Король сошелъ съ лѣстницы, сдѣлалъ шаговъ 15 по двору и приблизился къ дверцамъ кареты. Когда царь вышелъ, онъ сдѣлалъ два поклона, на которые царь тотчасъ же отвѣчалъ. Они обнялись. Король подалъ руку, и они взошли вмѣстѣ. Пройдя до залы Совѣта, они оставались тамъ, стоя, всего четверть часа безъ двухъ минутъ. Тутъ царь поздравилъ короля съ прекраснымъ воспитаніемъ и со счастьемъ имѣть подданными такой образованный народъ и такихъ искусныхъ правителей. Онъ прибавилъ, что самъ онъ, къ несчастью, плохо воспитанъ, и просилъ не обращать вниманія на его оплошности въ иныхъ случаяхъ. Когда Вильруа разсказалъ, какъ г-жа Вантадуръ воспитывала короля и нѣкоторымъ образомъ исторгла его изъ когтей смерти, оба монарха пролили нѣсколько слезъ».

«Дѣлаютъ приготовленія во всѣхъ рощахъ Версаля и Марли, чтобы показать царю ихъ воды во всевозможной красотѣ. Король все на свой счетъ кормитъ его. Начинаютъ не иначе говорить о царѣ, какъ съ похвалой: онъ ласковъ со всѣми и, кажется, съ умомъ и тонкостью различаетъ вещи. Онъ очень презираетъ своихъ подданныхъ, принимая во вниманіе то, что видитъ здѣсь».

«Царь два раза посѣтилъ гобеленовскую фабрику, и все уди-

---

1) Роль переводчика игралъ князь Куракинъ.

2) Извѣстный генералъ въ войнѣ за испанское наслѣдство.

3) Дядька короля-ребенка.

влялся обоямъ. Былъ на площадяхъ Побѣдъ, Вандомской и Королевской и перечитывалъ надписи, стараясь запомнить ихъ. Многіе рабочіе приносили ему свои рѣдкости, между прочимъ, прекрасные эстампы: онъ отобралъ много послѣднихъ и велѣлъ купцамъ прійти черезъ нѣсколько дней. Забылъ сказать, что во вторникъ городъ представилъ царю подарки: 12 дюжинъ восковыхъ съ мускусомъ факеловъ, столько же свѣчей, столько же коробокъ конфектъ и т. п. Депутація была принята весьма учтиво и возвратилась довольная. Говорятъ, его величество отправится осматривать главные города Франціи. Наши принцы крови не посѣщаютъ его: онъ объявилъ, что не станетъ отдавать имъ визитовъ».

«21-го мая. Царь разъѣзжаетъ по Парижу въ каретѣ маршала де Тессэ, одной изъ самыхъ заурядныхъ, безъ стражи; а за нимъ двѣ другія. Онъ выходитъ чуть свѣтъ, возвращается въ 10 часовъ, опять выходитъ въ 2 и возвращается въ 6, ужинаетъ въ 7, ложится въ 9 и встаетъ съ зарей. Кромѣ гобеленовъ, онъ особенно интересуется въ Луврѣ планами нашихъ главныхъ пограничныхъ городовъ, которые разсматриваетъ подолгу и очень пристально. Два раза былъ онъ у одного мастера, который изготовляетъ круги, глобусы и другіе математическіе инструменты. Въ среду былъ въ Пале-Роялѣ, у Френэ, гдѣ онъ и его люди выпили 4 чашки шоколаду: заплатилъ экю въ 100 су. У одного скорняка онъ самъ торговался изъ-за муфты съ копѣйки на копѣйку; сторговалъ за 11-ть ливровъ, заплатилъ и далъ еще монету въ 30 ливр. Отсюда выводятъ, что ему хотѣлось сначала узнать цѣну муфты, чтобы судить объ этой торговлѣ, а потомъ онъ разсчитался покоролевски. Впрочемъ, покуда онъ не обнаружилъ особой щедрости и кажется не очень-то тароватымъ. Вчера онъ былъ въ С. Клу, гдѣ регентъ давалъ ему обѣдъ, пригласивъ также г-жу Вантадуръ, герцогиню д'Эстрэ и еще нѣсколько дамъ. До сихъ поръ онъ занятъ только удовлетвореніемъ своего любопытства: если имѣются въ виду какіе переговоры, то онъ, вѣроятно, приберегаетъ ихъ къ концу... Регентъ подарилъ царю великолѣпные гобелены».

Въ день обѣда у регента, Петръ сдѣлалъ визитъ Беррійской. «Онъ прибылъ къ 3 часамъ и былъ принятъ герцогиней въ передней. Его величество поцѣловалъ ее въ обѣ щеки. Она подала ему правую руку и привела его въ парадный залъ, гдѣ стояло два кресла. Они оставались, стоя, четверть часа; затѣмъ царь пошелъ осматривать картинную галлерею... Царь попалъ къ инвалидамъ, когда они обѣдали. Онъ отвѣдалъ ихъ хлѣба, вина, мяса и выпилъ, воскликнувъ:

— Друзья, за ваше здоровье!

«Онъ очарованъ всѣмъ. И все разъѣзжаетъ по Парижу, безъ конвоя, въ трехъ такихъ простенькихъ каретахъ, что его и не узнали бы, еслибы не желтые цвѣта г-на де-Тессэ».

22-е мая. Петръ превосходно провелъ время въ С. Клу, на изысканномъ обѣдѣ у регента. «Къ 6 часамъ вечера царь возвратился въ свой отель и въ положенный часъ удалился къ себѣ, какъ простенькій буржуа. Никто никогда не увлекался до такой степени любопытствомъ. По вечерамъ онъ записываетъ свои размышленія; говорятъ, тутъ онъ все предается мечтамъ». 24-го, Петръ былъ очарованъ Версалемъ, гдѣ и заночевалъ. На другой день онъ возвратился, чтобы видѣть процессію на праздникѣ Тѣла Господня. Затѣмъ онъ располагалъ опять посѣтить Версаль, осмотрѣвши Фонтенебло: «Царь всюду ясно выказываетъ скупость: часто толкуетъ съ частными лицами объ издержкахъ, которыхъ однако не уплачиваетъ. Такъ, механикъ въ Марли нарочно собралъ рабочихъ, чтобы окончить нѣкоторыя поправки. Царь все видѣлъ, долго держалъ народъ, чтобы удовлетворить свое любопытство — и ушелъ, не давши ни копѣйки, что̀ вызвало ропотъ... Стало извѣстно, что царь старается войти въ тѣсныя связи съ регентомъ».

Однажды Петръ зашелъ въ соборъ Парижской Богоматери. Для разговора съ нимъ выслали каноника, знавшаго поитальянски. «Царь спросилъ, кто это исполняетъ должности дьякона и подъякона. Ему отвѣчали, что два каноника іерейскаго сана. Онъ былъ крайне изумленъ и замѣтилъ, что въ первобытной церкви священникъ не унижался до дьяконскихъ обязанностей, и что всякій долженъ соблюдать свой чинъ... Этотъ государь тяжелъ во многихъ отношеніяхъ. Именно: онъ не терпитъ никого, кромѣ своей свиты; бѣгаетъ, словно горецъ (баскъ), не соображая, могутъ ли поспѣть за нимъ спутники; черезчуръ скупится. И еще тысяча подобныхъ непріятныхъ сторонъ».

«4-го іюня. Царь носится по Парижу изъ угла въ уголъ; и всюду ярко обнаруживается его крайняя экономность. Всѣ внѣ себя отъ причиняемыхъ имъ хлопотъ и даже расходовъ. Теперь онъ второй разъ въ Версалѣ. Онъ былъ въ Фонтенебло, но не пожелалъ охотиться. Со всего онъ снимаетъ планы. При немъ духовникъ, который выпиваетъ не больше 12—15 бутылокъ (sic) шампанскаго за обѣдомъ. Самъ царь трезвъ: послѣ нѣсколькихъ кружекъ пива, онъ умѣренно пьетъ вино. Живетъ на счетъ короля».

«7-го іюня. У меня есть знакомый офицеръ въ отелѣ Ледигьеръ, который распоряжается по части услугъ царю. Не разъ говорилъ онъ мнѣ, что этотъ государь только на третій день послѣ пріѣзда полчаса говорилъ отдѣльно съ регентомъ; а потомъ велъ себя такъ, будто онъ весь поглощенъ любопытствомъ. Мало того. Офицеръ говоритъ, что, кажется, у царя нѣтъ никакого особаго дѣла: онъ рѣдко пишетъ депеши и не посылаетъ чрезвычайныхъ гонцовъ. Теперь онъ въ Версалѣ, который ему хочется осмотрѣть въ точности въ теченіе нѣсколькихъ дней».

«11-го іюня. Царь щедръ, какъ никто, на проявленіе своего

крайняго скряжничества. Вотъ уже 6 дней, какъ онъ въ Версалѣ и Марли, гдѣ онъ страшно кутитъ, съ своими людьми, за столомъ. Его свитскіе много забрали въ одномъ кабакѣ, ничего не заплативши: они говорили, что это — дѣло короля. Маршалъ де-Тессэ изнемогаетъ. Герцогъ д'Антенъ бѣжалъ отъ двора. Словомъ, царь утомляетъ всякаго, кто приближается къ нему. Онъ отталкиваетъ своими болѣе, чѣмъ мѣщанскими манерами: надѣемся, что отправится 15-го или 16-го».

«14-го іюня. Въ субботу вечеромъ мы видѣли, какъ царь возвращался изъ Версаля, въ сопровожденіи 30-ти гвардейцевъ. Въ пятницу (т. е. 10-го іюня, а по стар. стилю 30-го мая) ему давали парадный, великолѣпный балъ, по поводу дня его рожденія. Не повѣрите, до чего противенъ этотъ государь всѣмъ, приближающимся къ нему! Онъ принимаетъ всѣхъ за рабовъ, не обращаетъ вниманія на первостатейныхъ особъ, какъ ни стараются онѣ принимать и угощать его. Его главные служители дебоширствовали въ Версалѣ сверхъ всякой мѣры; всюду пропадаетъ бѣлье, которое оказывается у его людей».

20-го іюня парижане освободились отъ своего неугомоннаго и накладнаго гостя, который пробылъ у нихъ 44 дня и истомилъ ихъ разгульныя души любознательностью и энергіей генія. Онъ понялъ своихъ хозяевъ. Увлекаясь ихъ культурой и внѣшнимъ лоскомъ, онъ замѣтилъ глубокую язву, подтачивавшую организмъ государства. Онъ писалъ своей супругѣ: «а сколько дорогою видѣлъ, бѣдность въ людяхъ подлыхъ великая».

Французы же ошиблись, предполагая, что у него была одна только цѣль—любознательность, желаніе поучиться у болѣе развитой націи. Пріѣздъ Петра былъ прямо связанъ съ политическими интересами.

При немъ Россія стала неразрывною частью системы европейскихъ державъ. Полтавская побѣда перевертывала всѣ дипломатическія преданія. Сѣверная война имѣла столь же великое европейское значеніе, какъ и одновременная война за испанское наслѣдство. Она касалась будущаго Швеціи, Польши, Турціи, а черезъ посредство Австріи вліяла на участь юной Пруссіи, т. е. всего центра Европы. Естественно было предположить, что съ Людовикомъ XIV окончится традиціонная политика Запада и начнется эра новаго политическаго равновѣсія, съ участіемъ такой небывалой тяжести, какъ Востокъ Европы.

Такъ думалъ самъ Петръ I, и онъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Прямолинейная, старая политика Франціи, направленная противъ Габсбурговъ и искавшая помощи въ Турціи и Швеціи, пошатнулась по его смерти, въ силу обстоятельствъ. Въ описываемое время подготовлялся тотъ любопытный «королевскій секретъ» Людовика XV, который недавно вскрытъ историческою нау-

даже къ дружбѣ съ Австріей и велась тайкомъ отъ министровъ, служившихъ преданію. Филиппъ Орлеанскій первый обратилъ вниманіе на новаго дѣятеля исторіи: для него, у котораго не было ничего святаго, ничего не значили преданія; а умъ указывалъ ему на новыя требованія жизни.

Съ другой стороны, Петръ, истощенный сѣверною войной, искалъ новыхъ помощниковъ. Уже во время несчастнаго прусскаго похода онъ открылъ переговоры въ Фонтенебло о посредничествѣ Франціи въ его примиреніи съ турками и шведами. Но тогда было еще рано. По донесенію русскаго агента [2]), не только правительство, но и «весь народъ французскій былъ враждебенъ Россіи, не хотѣлъ слышать о добрыхъ вѣстяхъ о насъ, которыя не допускались и въ печать». По смерти Людовика XIV, самъ регентъ затронулъ вопросъ о сближеніи съ Россіей черезъ посредство Берлина, точь-въ-точь какъ во времена директоріи и консульства Бонапарта [3]). Въ концѣ 1716 года Петру были сдѣланы формальныя предложенія изъ Версаля. Онъ соглашался, но съ условіемъ не постановлять ничего вреднаго Австріи, «дабы свободныя руки имѣть». Сверхъ того, онъ требовалъ, чтобы Франція обезпечила за нимъ завоеванія, сдѣланныя имъ въ сѣверную войну. Филиппъ не соглашался на эти условія: отсюда посѣщеніе его самимъ царемъ, у котораго уже возникла неотвязная мысль о выдачѣ своей дочери, Елисаветы, замужъ за Людовика XV.

Слѣдствіемъ поѣздки Петра въ Парижъ было великое по своей необычайности событіе: подружились между собой двѣ незнакомки, двѣ крайности среди націй Европы, по ихъ культурному и географическому положенію. 4-го (15-го) августа образовался франко-русскій союзъ на слѣдующихъ условіяхъ: сохраненіе договоровъ утрехтскаго и баденскаго (окончившихъ войну за испанское наслѣдство), а также того, который прекратитъ сѣверную войну; посредничество Франціи въ этой войнѣ; обязательство Франціи не заключать новыхъ союзовъ съ Швеціей. Условія весьма выгодныя для насъ: здѣсь лежали въ зародышѣ такія сѣмена величія Россіи, какъ ништадтскій миръ и присоединеніе Финляндіи.

Такъ, геніальный преобразователь совершилъ преобразованіе и въ международной политикѣ во славу Россіи. Мы и здѣсь возвращаемся, въ переживаемую минуту, къ его великимъ преданіямъ.

А. Трачевскій.

---

[1] См. наше сочиненіе: «La France et l'Allemagne sous Louis XVI», въ Revue historique за 1880—1881.—Broglie: Le secret du roi, 1878.—Mémoires de Bernis.

[2]) Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. XVII, 74.

) См. нашу статью «Россія и Франція въ концѣ прошедшаго вѣка», въ «Вѣстникѣ Европы» за 1885 г.

ШУТЫ И СКОМОРОХИ ВЪ ДРЕВНОСТИ И ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ[1].

III.

Шуты придворные въ древности и въ новѣйшее время.—Оффиціальные шуты при дворѣ французскихъ королей.—Извѣстные дураки временъ Карла VII, Людовика XI и Карла VIII.

ЕСЛИ СУРОВЫЕ бароны содержали шутовъ въ своихъ замкахъ, почтенные аббаты считали присутствіе ихъ неизлишнимъ въ стѣнахъ обителей, а епископы и прелаты удѣляли имъ почетное мѣсто въ своихъ палатахъ, то ужъ, конечно, короли и королевы, принцы и принцессы, не могли отказать себѣ въ удовольствіи содержать шутовъ при своихъ дворахъ: этого требовали и мода, и обычай времени.

Шуты при дворахъ владѣтельныхъ князей и царей извѣстны намъ по преданіямъ уже и въ глубокой древности. Уже въ древней санскритской поэмѣ, «Рамаянѣ», упоминается о томъ, что прекрасная Сита, супруга храбраго Рамы, содержитъ и кормитъ при себѣ шута. Средневѣковыя сказанія о Соломонѣ утверждаютъ, что и при особѣ этого великаго мудреца состоялъ постоянно шутъ, по имени Маркольфъ. Сказанія представляютъ Маркольфа чрезвычайно-уродливымъ, но умнымъ и проницательнымъ. Соломонъ, при первой встрѣчѣ съ Маркольфомъ, вступаетъ съ нимъ въ словопреніе и говоритъ ему, между прочимъ:

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 201.

тобою обойдусь, какъ съ ровней; ты постоянно будешь состоять при моей особѣ и будешь удостоенъ почета отъ всѣхъ моихъ подданныхъ.

Затѣмъ Соломонъ задаетъ Маркольфу вопросы о человѣкѣ, о природѣ, о деревьяхъ, травахъ, винѣ, медицинѣ и т. д. Шутъ отвѣчаетъ на все. Его рѣчь отличается тонкою насмѣшливостью, свободою и смѣлостью въ выборѣ выраженій; иногда она принимаетъ даже оттѣнокъ дерзости и нахальства. Соломонъ, возмущенный этимъ, изгоняетъ шута, и Маркольфъ воскицаетъ уходя.

Премудрый Соломонъ и шутъ его Маркольфъ, по рукописи XV вѣка.

— Владыкамъ міра нравится только пріятная для нихъ ложь; и даже мудрѣйшимъ изъ нихъ правда глаза колетъ.

О придворныхъ шутахъ знаемъ, что при дворѣ персидскихъ царей они были уже въ V вѣкѣ до Р. Хр., а греческіе историки упоминаютъ о нихъ въ Сициліи, при дворѣ Гіерона, и въ Македоніи, при дворѣ Филиппа, отца Александра Великаго. Придворныхъ шутовъ видимъ и въ свитѣ Александра, во время его бракосочетанія съ Статирой, и въ Пергамѣ, у царя Атталы. Нѣкоторые изъ мало-азійскихъ царьковъ, какъ, напр., Антіохъ-Эпифанъ IV и Антіохъ IX, правившій Сиріей во II и I вѣкѣ до Р. Хр., до того увлекались шутами и скоморохами, что даже обучались ихъ искусству, и принимали участіе въ ихъ играхъ и потѣхахъ.

Если въ Малой Азіи, такъ тѣсно связанной по образованіи съ міромъ греческимъ и римскимъ, мы видимъ шутовъ, при дворахъ

потѣшниковъ всякаго рода, которыми окружали себя короли, нахлынувшихъ на Европу варваровъ, въ V и VI вв. по Р. Хр. Сидоній Апполинарій (жившій въ V вѣкѣ) сообщаетъ намъ о шутахъ, описывая пиръ Теодорика II, короля Визиготѳовъ въ Испаніи (453—466). Свирѣпый Аттила также не пренебрегалъ этимъ развлеченіемъ и любилъ окружать себя шутами. Не менѣе видное мѣсто занимаютъ шуты и при дворѣ византійскихъ императоровъ, и византійскія хроники даже сохранили намъ имя одного изъ этихъ придворныхъ шутовъ, Дандери, жившаго при императорѣ Ѳеофилѣ (829—42).

Одна изъ фигуръ шахматной игры, приписываемой Карлу Великому.

Начиная съ X вѣка, мы видимъ уже шутовъ при дворѣ всѣхъ владѣтельныхъ князей и королей, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ свиты. Ордерикъ Виталій [1]) разсказываетъ въ своей «Церковной Исторіи», какъ одинъ изъ шутовъ, сопровождавшихъ отца Гуго-Капета, дерзнувшій осмѣять изображенія какихъ-то святыхъ, былъ за это пораженъ молніей. Предполагаютъ даже, не безъ основанія, что шуты вѣроятно были и при дворѣ Карла Великаго, такъ какъ въ сохранившейся и дошедшей до насъ шахматной игрѣ великаго императора, въ числѣ фигуръ, видимъ и шута [2]). Въ одномъ изъ

---

[1]) Ордерикъ Виталій род. въ Англіи, но отъ родителей-французовъ; онъ написалъ «Церковную Исторію», отъ Р. Хр. до 1141 г.

[2]) Шутомъ (fou) называютъ французы и до сихъ поръ, ту фигуру шахматной игры, которую у насъ принято называть офицеромъ.

средневѣковыхъ романовъ (Roman du Rou) разсказывается подробно о томъ, какъ въ 1047 году шутъ герцога норманнскаго Вильгельма (впослѣдствіи прозваннаго Завоевателемъ) спасъ ему жизнь, открывъ заговоръ, составленный противъ него нѣсколькими недовольными имъ баронами. И если бы не преданность этого шута, то легко можетъ быть. что Вильгельму никогда бы не пришлось одержать знаменитой Гастингской побѣды, и самая судьба Англіи была-бы совсѣмъ иною.

Знаемъ также о шутахъ при дворѣ Людовикѣ Благочестиваго и Филиппа Августа, который въ 1181 году счелъ даже обязанностью своею издать постановленіе объ изгнаніи шутовъ и скомороховъ не только отъ своего двора, но и вообще изъ Парижа. Вѣроятно, однако же, эта суровая мѣра не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, потому что, въ XIII вѣкѣ, Парижъ былъ уже вновь переполненъ этой «веселой братіей» и по отношенію къ ней установился даже особый, курьезный обычай: скоморохъ, вступая въ Парижъ черезъ одну изъ городскихъ заставъ, «долженъ былъ, вмѣсто уплаты пошлины, пропѣть передъ сборщикомъ одну изъ своихъ пѣсенъ» [1]).

Собственно-же говоря, шуты придворные, въ качествѣ оффиціальныхъ, штатныхъ потѣшниковъ, появляются при особѣ королей французскихъ не ранѣе XIV вѣка, при Филиппѣ V (Долгомъ), и съ этого времени, въ смѣтѣ расходовъ двора, являются особою статьею расходы, полагаемые на королевскаго шута. Расходы эти бывали иногда весьма значительны, потому что многіе изъ королей и князей, привязываясь къ своимъ шутамъ, ничего не жалѣли для ихъ забавы и удовольствія, и старались исполнять всѣ ихъ прихоти. Короли дарили шутамъ богатыя одежды, плащи изъ дорогихъ матерій, мѣха и шапки, нерѣдко разукрашенныя золотомъ и драгоцѣнными камнями. Такъ, напр., мы знаемъ, что Филиппъ VI подарилъ своему шуту Арсемалю «богатую шапку, подбитую горностаемъ и украшенную наколотой спереди розой, которой листья были изъ чистаго кипрскаго золота, а лепестки цвѣтка, усыпаны крупнымъ жемчугомъ». При Карлѣ V (Мудромъ) упоминается о нѣсколькихъ шутахъ, поочередно забавлявшихъ его своими продѣлками; но любимѣйшимъ изъ нихъ былъ Тевенэнъ, котораго король похоронилъ съ особыми почестями и даже воздвигъ надъ его прахомъ великолѣпный надгробный памятникъ. На этомъ памятникѣ шутъ изображенъ въ длинномъ саванѣ, но съ дурацкомъ колпакѣ и съ шутовскимъ жезломъ въ лѣвой рукѣ; правою онъ прижималъ къ груди два туго набитые кошелька. Братъ Карла V (Мудраго), Жанъ, герцогъ Беррійскій — самый легкомысленный и расточительный изъ дядей несчастнаго Карла VI — былъ постоянно окруженъ шутами.

---

[1]) Hist. litt. de la France, t. XVI, 244.

его были торжественно перенесены изъ церкви и опущены въ могилу его шутами, одѣтыми въ глубокій трауръ. При дворѣ слабоумнаго Карла VI шуты играли очень видную роль, такъ какъ самъ король постоянно нуждался въ какихъ-нибудь развлеченіяхъ и забавахъ, которыми пытались разсѣять его мрачное меланхолическое настроеніе. И есть основаніе предполагать, что шуты короля очень усердно заботились о разсѣяніи его, потому что одинъ изъ нихъ, Гензеленъ Кокъ, въ теченіе одного 1404 года, износилъ на королевской службѣ «сорокъ семь паръ башмаковъ». Но всѣ

Гробница шута Тевенэна, въ церкви св. Маврикія, въ Санлисѣ.

эти скудныя свѣдѣнія, заимствуемыя преимущественно изъ источниковъ, лишь мелькомъ упоминающихъ о томъ или другомъ шутѣ, не даютъ намъ полнаго понятія о бытѣ шутовъ при дворѣ французскихъ королей. Только уже съ царствованія Людовика XII и Франциска I, начинается рядъ шутовъ, прославленныхъ преданіемъ и вообще пользовавшихся большою популярностью.

Особенно извѣстенъ былъ своею простотою и добротою шутъ Людовика XII, по прозванію Перепелочка (Caillette), котораго король очень любилъ за его способность болтать безъ устали и безъ умолку, а придворные — за удивительную выносливость по отношенію къ ихъ грубымъ и жестокимъ шуткамъ. Но его громкую извѣстность затмила слава любимца Франциска I-го — шута Три-

города Блуа. Современные хронисты и земляки Февріаля отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ простоватомъ и даже глупомъ, описываютъ его непривлекательную наружность и обращаютъ особенное вниманіе на его срѣзанный черепъ, горбатый носъ и низкій лобъ; при этомъ замѣчаютъ, однако же, что онъ «отлично плясалъ, пѣлъ, каждаго умѣлъ передразнить, и при томъ такъ, что никто на него не сердился». Сохранившееся на одной итальянской медали изображеніе Трибулэ представляетъ намъ его вовсе не безобразнымъ и при томъ атлетически-сложеннымъ мужчиной, съ замѣчательно красивыми и тонкими руками. Мы знаемъ о немъ, что онъ съ дѣтства очутился при роскошномъ дворѣ Людовика XII, и даже отданъ былъ для обученія шутовскому мастерству подъ присмотръ учителя Мишеля Ле-Верлуо, который обучалъ его сурово, не жалѣя «лозы полезной». Окончивъ успѣшно свое ученіе и уже вполнѣ освоившись со своимъ искусствомъ, Трибулэ сопровождалъ Людовика XII, въ числѣ прочей свиты, въ Италію, во время похода, предпринятаго противъ Венеціи, въ 1509 г.

Кайльеттъ, шутъ короля Людовика XII.

Но Трибулэ, собственно говоря, вошелъ въ силу и славу только уже въ царствованіе Франциска I, который такъ любилъ и баловалъ этого шута, что всѣ его смѣлыя выходки сходили ему съ рукъ. Преданіе представляетъ намъ его то шаловливымъ шутникомъ, который позволялъ себѣ шутить со всѣми, даже и съ высокопоставленными духовными особами, то—хитрымъ и прозорливымъ царедворцемъ, который умѣлъ иногда пользоваться своимъ дурацкимъ колпакомъ, чтобы подать добрый совѣтъ. Съ королемъ Францискомъ онъ обращался за̀-просто, и называлъ его не иначе, какъ mon cousin, т. е. точно такъ, какъ король называлъ младшихъ принцевъ и князей королевскаго дома. Нѣкоторыя черты изъ жизни этого замѣчательнаго шута заслуживаютъ того, чтобы мы привели ихъ здѣсь. Случилось, однажды, что Трибулэ шелъ съ какимъ-то важнымъ придворнымъ по мосту безъ перилъ. Вельможа замѣтилъ съ досадою: «Не понимаю, какъ это могло случиться, что мостъ построили, а перилъ къ нему не догадались сдѣлать?»—«Э! да гдѣ жъ

Милость и расположеніе короля къ Трибулэ охраняли его отъ возмездія со стороны вельможъ за его нѣкоторыя черезчуръ смѣлыя выходки, но все же одинъ изъ прогнѣванныхъ шутомъ дворянъ пригрозилъ ему, что до смерти заколотитъ его палками за его насмѣшки. Трибулэ пошелъ жаловаться Франциску І-му. «Никого не бойся», — сказалъ ему король, — «если бы кто вздумалъ обойтись съ тобою такъ жестоко, то, повѣрь, я послѣ этого приказалъ бы его черезъ четверть часа повѣсить». — «Ахъ, братецъ (cousin)!» — отвѣчалъ Трибулэ, — «я бы очень былъ вамъ благодаренъ, если бы вы его повѣсили за четверть часа ранѣе того, какъ онъ меня вздумаетъ побить!»

Шутъ Трибулэ, изображенный на одной изъ итальянск. монетъ, 1462 г.

Эти два анекдота, однако же, свидѣтельствуютъ намъ только объ остроуміи Трибулэ; слѣдующіе два выказываютъ намъ въ немъ человѣка, который умѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ, чтобы повременамъ высказать горькую правду и подать добрый совѣтъ.

Когда Францискъ I, въ концѣ 1524 г., предпринялъ походъ въ Миланскую область, который долженъ былъ окончиться страшнымъ пораженіемъ подъ стѣнами Павіи и плѣненіемъ самого Франциска I, Трибулэ случилось присутствовать на совѣтѣ, гдѣ собравшіеся у короля вельможи и военачальники обсуждали вопросъ о томъ, какъ и откуда именно слѣдуетъ вступить съ войсками въ Италію. Каждый предлагалъ свой планъ дѣйствій. Тогда шутъ, обращаясь къ королю, сказалъ: «Братецъ, да вы что же это—совсѣмъ, что ли, задумали поселиться въ Италіи»?— «Нѣтъ». — «Ну, такъ мнѣ не по

какъ войти въ Италію... А вѣдь главное-то вовсе не въ этомъ»... «А въ чемъ же по-вашему?»—«А въ томъ: какъ изъ Италіи выходить будете! И объ этомъ, небось, никто не толкуетъ».

Четырнадцать лѣтъ спустя, въ 1539 г., Карлу V-му, побѣдившему Франциска I подъ Павіей и взявшему его въ плѣнъ, необходимо было провести испанскія войска черезъ французскія владѣнія въ Нидерланды, для усмиренія возстанія въ Гентѣ; онъ обратился съ просьбою о дозволеніи прохода войскамъ къ Франциску I,

Рис. изъ книги «Корабль глупости», 1498 г.

своему врагу и противнику, и тотъ, съ рыцарскимъ великодушіемъ и вѣжливостью, не только разрѣшилъ Карлу V провести свои войска черезъ Францію, но даже придалъ его личному проѣзду черезъ Францію характеръ торжественнаго шествія тріумфатора, котораго всюду встрѣчали празднествами, пирами и каруселями. Такое неумѣстное гостепріимство, оказанное заклятому врагу Франціи, не нравилось многимъ патріотамъ, и приближенныя къ Франциску I лица даже не стѣсняясь совѣтовали ему воспользоваться проѣздомъ Карла V черезъ Францію, чтобы не только побудить, но (въ случаѣ крайности) даже понудить его къ отмѣнѣ невыгодныхъ для Франціи трактатовъ, заключенныхъ въ Мадридѣ и въ Камбра. Трибулэ, повидимому, былъ на сторонѣ этой патріотической партіи.

какъ можно роскошнѣе»,—сказалъ однажды Трибулэ Франциску I.— «Вотъ и я, братецъ, отъ вашей великодушной щедрости ни за что не хочу отстать: тоже хочу поднести подарочекъ императору, при его проѣздѣ черезъ Парижъ».—«А какой бы это могъ быть подарочекъ?»—спросилъ смѣясь король.—«А вотъ хочу ему подарить свой дурацкій колпакъ; потому что считаю его величайшимъ изъ дураковъ... И въ самомъ дѣлѣ: самъ въ петлю лѣзетъ и по доброй волѣ отдается въ руки своего врага!»—«Не угодно ли вамъ будетъ замолчать, господинъ шутъ!»—крикнулъ разгнѣванный король;—

Другой рисунокъ изъ книги «Корабль глупости», 1498 г.

«вы забываете, что императоръ ввѣряется мнѣ на мое королевское слово, и потому можетъ считать себя вполнѣ безопаснымъ!»—«Что̀ говорить, братецъ!»—отвѣчалъ спокойно Трибулэ,—«твое слово дорогого сто̀итъ! Но вѣдь и я могу обождать со своимъ подарочкомъ... Посмотрю, можетъ быть, мой колпакъ и тебѣ пригодится!» Нечего и добавлять къ этому разсказу. Трибулэ былъ, по-своему, правъ въ своемъ разсужденіи. Карлъ V, торжественно прослѣдовавъ черезъ Францію, принявъ дары и празднества, надавалъ Франциску много разныхъ обѣщаній и ни одного изъ нихъ не выполнилъ...

В. Гюго, въ лучшей изъ своихъ драмъ («Король потѣшается»), вывелъ на сцену Франциска I и его шута, которому сохранилъ его историческое имя—Трибулэ. Этотъ характеръ шута, погибающаго жертвою любви къ своему дѣтищу, проявляющаго въ своемъ жал-

вышенныя чувства человѣка, способнаго и страдать, и плакать, и мстить за обиду,—конечно, только по имени напоминаетъ историческаго. Трибулэ и всецѣло созданъ творческою фантазіей генія, умѣющаго придать блескъ и привлекательныя краски даже и неказистой дѣйствительности. Историческій Трибулэ до самой смерти оставался любимцемъ Франциска I, и умеръ спокойно, совершенно-довольный своею судьбой. Только въ ближайшее царствованіе, при дворѣ французскихъ королей, явился въ качествѣ шута человѣкъ, который заставилъ забыть о Трибулэ: это былъ знаменитый Брюскэ, шутъ короля Генриха II.

Настоящее имя Брюскэ было Жанъ-Антуанъ Ломбаръ. Родомъ онъ былъ изъ Прованса, и дѣйствительно проявилъ въ своей шутовской должности столько ума, хитрости, пронырства, знанія людей и злого остроумія, что личность его невольно врѣзалась въ память современникамъ, которые съ величайшею подробностью передали потомству подвиги этого типическаго шута, ярко рисующіе намъ блестящую и крайне непривлекательную современную эпоху.

Брюскэ впервые выступилъ на свое шутовское поприще въ концѣ 1536 года, во время вторженія Карла V въ Провансъ. Говорятъ, будто до этого времени Брюскэ испытывалъ свои силы въ адвокатурѣ, но не имѣлъ успѣха. Пользуясь той неурядицей, которую всегда война вноситъ въ страну, даже и самую благоустроенную, Брюскэ явился въ французскомъ лагерѣ подъ Авиньономъ, прикинулся докторомъ и принялся лѣчить во славу Божію всякій военный людъ, взимая съ каждаго паціента солидное вознагражденіе. При этомъ, конечно, успѣхъ не всегда былъ на его сторонѣ: однихъ ему удавалось вылѣчить, другихъ случалось отправлять на тотъ свѣтъ... Какъ бы то ни было, однако же, начальство дознайось, что Брюскэ никакихъ правъ на званіе доктора не имѣетъ, и маршалъ Монморанси, суровый воинъ, приказалъ повѣсить обманщика. Тогда нашлись добрые люди, которые доложили дофину (наслѣднику престола) о случившемся и обратили его вниманіе на Брюскэ, какъ на великаго забавника и смѣхотвора. Дофинъ (впослѣдствіи король Генрихъ II) приказалъ его привести къ себѣ, ознакомился съ удивительными его способностями къ шутовству, и принялъ его подъ свое покровительство. Разсказываютъ, между прочимъ, что когда дофинъ сталъ его укорять въ томъ, что онъ стольких людей уморилъ своими лѣкарствами, Брюскэ нашелся ему отвѣтить: «Видитъ Богъ, ваше высочество, что лѣчилъ я не хуже другихъ медиковъ; кто выздоровѣлъ — тѣ мною довольны, а кто и померъ—тѣ тоже не жалуются: вѣдь и ихъ тоже я навѣки избавилъ отъ всякой немочи».

Попавши въ милость къ дофину, Брюскэ совершилъ быструю и блестящую карьеру. Дофинъ назначилъ его сначала состоять при

ствы сдалъ ему на содержаніе почтовую станцію въ Парижѣ, которая въ то время приносила огромный доходъ содержателю, потому что доставляла ему возможность пускать въ дѣло всякія прижимки и вымогать отъ проѣзжающихъ, смотря по ихъ надобности и состоянію, двойные и тройные прогоны. Брюскэ, благодаря этому, сталъ очень быстро богатѣть; но содержаніе почты не было исключительнымъ источникомъ его обогащенія. Дѣло въ томъ, что Брюскэ, какъ человѣкъ замѣчательно-умный и тонкій, хорошо понимая свое положеніе королевскаго любимца, пользовался этимъ положеніемъ съ удивительною наглостью и не останавливался ни передъ ка-

Шутъ Брюскэ, по рис. Торбидо.

кими средствами для достиженія постоянно одной и той же цѣли— наживы и накопленія денегъ. Съ невозмутимымъ нахальствомъ онъ выпрашивалъ, гдѣ хитростью, а гдѣ даже и силою присвоивалъ себѣ, при посѣщеніи знатныхъ домовъ, все то, что ему нравилось, и если его желаніе не удовлетворяли сразу, то онъ всегда умѣлъ найти такой окольный или принудительный путь, которымъ, въ концѣ концовъ, добивался своей цѣли.

При заключеніи мира съ Испаніей и подписаніи мирнаго договора въ Като-Камбрэзисъ, самый актъ подписанія договора порученъ былъ Генрихомъ II кардиналу Карлу Лотарингскому, брату знаменитаго Франциска Гиза. Кардиналъ, въ числѣ прочей блестящей свиты, захватилъ съ собой и Брюскэ, который и былъ имъ представленъ на одной изъ аудіенцій королю Филиппу II. Брюскэ,

бойко-владѣвшій испанскимъ и итальянскимъ языками, очень понравился своими шутками и остротами могущественному королю, который приглашалъ его нѣсколько разъ къ себѣ, и наградилъ его весьма щедрыми подарками. Но Брюскэ ими не удовольствовался и придумалъ слѣдующую продѣлку. На одномъ изъ большихъ обѣдовъ, данныхъ по поводу подписанія трактата въ присутствіи короля и всѣхъ бывшихъ на съѣздѣ высокопоставленныхъ особъ, случилось быть и Брюскэ. Громадный столъ, блиставшій серебромъ и золотомъ, заставленъ былъ тончайшими яствами и усыпанъ цвѣтами. Когда обѣдъ былъ оконченъ, и гости принялись за фрукты, Брюскэ вдругъ вывернулся изъ-за стула короля Филиппа II, вскочилъ на столъ, захватилъ края скатерти съ одного конца, и такъ быстро и ловко прокатился по столу до другого конца, что обвернулъ около себя всю скатерть, со всѣми находившимися на ней серебряными тарелками, блюдами, вазами и золотыми кубками, а потомъ, соскочивъ со стола на полъ, вышелъ со всѣмъ этимъ добромъ изъ залы, какъ ни въ чемъ не бывало. Король и гости «изволили смѣяться продѣлкѣ шута до-упаду», и, по желанію короля, Брюскэ получилъ въ подарокъ всю ту серебряную и золотую посуду, которую онъ на себѣ успѣлъ вынести изъ залы.

Современные хронисты сохранили намъ цѣлую эпопею о томъ, какъ Филиппъ II, чрезвычайно довольный продѣлками шута-француза, отдалъ къ нему на выучку своего придворнаго шута, и какъ Брюскэ этого несчастнаго дурачилъ, обиралъ, обманывалъ и, наконецъ, отослалъ къ Филиппу съ шутовскимъ аттестатомъ. Но лукавый Брюскэ не надъ одними шутами испытывалъ свои шутовскія способности: онъ не церемонился и съ тѣми, которые были гораздо повыше его, шутилъ съ князьями, съ графами, и съ важными сановниками позволялъ себѣ такія продѣлки, которыя бы могли ему стоить головы, если бы онъ не зналъ, что пользуется неограниченною милостью короля. Однакожъ, при дворѣ Генриха II нашелся знаменитому шуту такой соперникъ, который не разъ ставилъ его въ тупикъ своими ловкими штуками, своею удивительною изобрѣтательностью и умѣньемъ не остаться въ долгу у своего противника. Этотъ соперникъ былъ никто иной, какъ богатый и знатный маршалъ Строцци.

Между маршаломъ Строцци и шутомъ Брюскэ завязалась цѣлая шутовская борьба, длившаяся нѣсколько лѣтъ и не разъ побуждавшая всѣхъ смѣяться то надъ маршаломъ, то надъ Брюскэ, хотя многія изъ ихъ шутокъ отличались замѣчательною безпощадностью и жестокостью, свидѣтельствующею о невысокомъ нравственномъ уровнѣ эпохи.

Такъ, въ одинъ прекрасный день, когда маршалъ явился къ королю въ парадномъ костюмѣ и великолѣпномъ бархатномъ плащѣ съ длинными рукавами, превосходно расшитыми серебромъ и зо-

оттягать его у маршала. И вотъ онъ пошелъ на королевскую кухню, набралъ тамъ полные карманы полосокъ прожареннаго шпека, и въ то время, какъ маршалъ представлялся королю и дѣлалъ обычные церемоніальные поклоны, Брюскэ ухитрился повѣсить ему сзади на плащъ всѣ эти полоски шпека, и, по окончаніи церемоніи, вдругъ повернулъ маршала спиною къ королю, и сказалъ:

— Спереди-то плащъ у маршала серебромъ расшитъ, а сзади-то золотомъ!

Король расхохотался, а за нимъ и всѣ придворные сочли долгомъ вторить высочайшему хохоту. Маршалъ посмѣялся вмѣстѣ съ другими, потомъ обратился къ Брюскэ и весьма любезно проговорилъ:

— Это твои штуки, Брюскэ! Вижу, что тебѣ хочется получить отъ меня этотъ плащъ! Возьми его, только прикажи моимъ людямъ, чтобы они мнѣ привезли другой изъ дома. Но я могу тебя увѣрить въ томъ, что ты мнѣ за это поплатишься.

Нѣсколько дней спустя, маршалъ пріѣхалъ въ домъ къ Брюскэ; при немъ было нѣсколько лицъ изъ его ближайшей свиты и какой-то богато-одѣтый незнакомецъ, котораго маршалъ познакомилъ съ Брюскэ и назвалъ англійскимъ графомъ. Вовсе не упоминая объ эпизодѣ съ плащемъ, маршалъ шутилъ и смѣялся съ шутомъ, осмотрѣлъ его конюшню, и наконецъ увелъ его въ садъ для совѣщанія, какъ онъ говорилъ объ очень важномъ дѣлѣ, а между тѣмъ мнимому графу и лицамъ своей свиты подалъ тайный условленный знакъ. Англійскій графъ былъ не болѣе, какъ самый искусный слесарь, какого только можно было отыскать въ Парижѣ. Едва графъ съ шутомъ вышли изъ комнаты, слесарь принялся за работу: подобралъ ключъ къ кладовой, въ которой Брюскэ хранилъ свою серебряную посуду (кладовая эта была извѣстна свитѣ маршала), выбралъ изъ нея все, что было получше и подороже, и, тщательно приперевъ кладовую, передалъ серебро людямъ маршала, которые все серебро скрыли въ маршальскомъ экипажѣ. Когда маршалъ сообразилъ, что его молодцы уже все успѣли обработать, онъ вернулся изъ сада, распрощался съ шутомъ и уѣхалъ, отказавшись отъ предлагаемаго ему завтрака. Брюскэ хватился пропажи уже только на другой день, впалъ въ большое уныніе, и никакъ не могъ догадаться, кто такъ ловко съумѣлъ его обокрасть. Жаловался онъ и королю, и многимъ другимъ, и всѣ смѣялись надъ его горемъ. Когда онъ заговорилъ о пропажѣ съ маршаломъ, тотъ сказалъ ему, что знаетъ вора, и уговоритъ его вернуть украденное, если Брюскэ дастъ за это приличное вознагражденіе. Брюскэ наконецъ согласился отдать въ награду половину украденнаго серебра—лишь бы ему возвратили остальную. Но маршалъ былъ великодушенъ, онъ взялъ только четвертую часть похищенныхъ у шута вещей, кото-

инквизитору и принесъ ему жалобу на Брюскэ, выставивъ его дѣяніе какъ кощунство и оскорбленіе Божьяго величія, при чемъ просилъ о заключеніи Брюскэ немедленно подъ стражу и о строгомъ разслѣдованіи дѣла. Брюскэ схватили и засадили въ тюрьму, гдѣ онъ и провелъ нѣсколько очень тревожныхъ дней, въ ожиданіи инквизиторскаго допроса. Но Строцци, конечно, съумѣлъ повернуть дѣло въ другую сторону, и выхлопоталъ личный приказъ короля, съ которымъ и явился освободить шута изъ тюрьмы инквизиціи.

Конецъ знаменитаго шута былъ довольно печаленъ. Онъ пережилъ Генриха II, оставаясь при дворѣ и въ царствованіе Франциска II, и даже въ царствованіе Карла IX. Но ему ужъ не везло: его заподозрили въ сношеніяхъ съ гугенотами, къ которымъ дѣйствительно принадлежалъ его зять. И вотъ, во время волненій, сопровождавшихъ ужасы Варѳоломеевской ночи, зять его погибъ, а разъяренная толпа разграбила и его домъ, и домъ Брюскэ. Мало того, шуту приказано было немедленно выѣхать изъ Парижа. Только уже спустя сколько-то времени, пользуясь удобной минутой и старыми связями, несчастный шутъ получилъ разрѣшеніе вернуться къ блестящему двору Екатерины Медичи, гдѣ и оставался до самой смерти своей, въ 1565 году. Но это была уже только тѣнь прежняго Брюскэ; на него смотрѣли, какъ на обломокъ величія прежнихъ царствованій—его терпѣли при дворѣ изъ состраданія...

IV.

Оффиціальные придворные шуты при дворѣ французскихъ королей (продолженіе).—Сотоварищи и преемники Брюскэ. — Тони. — Сибилò. — Матюрина полоумная. — Шикò.

У неподражаемаго Брюскэ были и сотоварищи по шутовству, и подражатели. Часто отлучаясь на долгое время отъ двора, по своему завѣдыванію почтовыми сообщеніями, а иногда (какъ мы видѣли выше) отправляемый и съ дипломатическою цѣлью для сопровожденія оффиціальныхъ представителей французскаго двора, Брюскэ долженъ былъ все же оставлять при особѣ короля хоть какого-нибудь плохенькаго шута, который былъ бы способенъ въ его отсутстіе развлекать и смѣшить его королевское величество.

Такимъ сотоварищемъ Брюскэ по шутовскому ремеслу былъ при дворѣ нѣкто Тонй (или Тонэнъ—уменьшительное отъ Антуанъ). Мы видимъ его, послѣдовательно, при дворахъ Генриха II, Франциска II и Карла IX, въ теченіе всего періода отъ 1556 года,

когда его имя является впервые въ табели расходовъ королевской казны, и до 1572 года, т. е. до его смерти.

Тоній былъ родомъ изъ Пикардіи и первоначально «работалъ» при дворѣ герцога Орлеанскаго, который съ большимъ трудомъ выпросилъ его у своей матери. Старая герцогиня въ особенности дорожила этимъ жалкимъ шутомъ потому, что она «посвятила его Богу, чтобы онъ молился за спасеніе души ея двоихъ сыновей-идіотовъ». Въ ранней юности онъ и самъ былъ совершеннѣйшимъ идіотомъ, но потомъ герцогъ Орлеанскій, путемъ цѣлаго ряда усилій, стараній и заботъ, и при помощи опытныхъ воспитателей-шутовъ, успѣлъ развить въ Тони способность къ шутовству на столько, что по смерти герцога, король Генрихъ II, весьма охотно принялъ Тони на службу ко двору и впослѣдствіи полюбилъ его на столько, что даже заказалъ извѣстному поэту Ронзару (Pierre-de-Ronsard) написать въ стихахъ эпитафію Тони. Но этого мало. Тони удалось понравиться не одному только королю: онъ съумѣлъ войти въ милость къ суровому маршалу А. де-Монморанси, одинаково наводившему ужасъ и на враговъ внѣшнихъ, и на враговъ внутреннихъ, къ которымъ онъ относился съ неслыханною жестокостью. Ревностный католикъ и фанатическій приверженецъ интересовъ династіи, Монморанси, обыкновенно, шагомъ проѣзжалъ на своемъ боевомъ конѣ черезъ деревни, опустошенныя его же солдатами, залитыя кровью и заваленныя трупами невинныхъ жертвъ фанатизма или военной жестокости, и, спокойно вперяя взоръ въ картину общаго разрушенія и неисчислимыхъ убійствъ, перебиралъ на рукѣ четки и читалъ въ полголоса молитвы. И этотъ-то суровый, неумолимый воинъ удостоилъ Тоній своихъ милостей и вниманія, ласкалъ его, смѣялся его глупымъ выходкамъ, приглашалъ его къ обѣду, сажалъ его передъ собою на стулъ или на скамеечку, и ухаживалъ за нимъ съ величайшею предупредительностью. И если пажи или прислуга не угождали въ чемъ-нибудь шуту, то маршалъ выходилъ изъ себя, кричалъ и бранился, а при малѣйшей жалобѣ со стороны Тони приказывалъ сѣчь своихъ слугъ. «И плутоватый, злой шутъ», по замѣчанію современника, «находилъ особенное удовольствіе въ томъ, что неповинныхъ людей драли за каждую мелочь по его жалобамъ, и хохоталъ во все горло во время экзекуцій, и всегда находилъ возможность на что-нибудь жаловаться своему грозному покровителю». Но маршалу пришлось на себѣ испытать всю глубокую испорченность и жестокосердіе этого шута, который постоянно льнулъ только къ тѣмъ, кто былъ въ милости и на верху почестей. Когда, по смерти Генриха II, маршала постигла опала, его любимецъ Тони первый покинулъ его и даже не узнавалъ его при встрѣчахъ. И суровый маршалъ, разсказывая объ этомъ предательствѣ своимъ приближеннымъ, «улыбался весьма добродушно», по свидѣтельству современниковъ.

роль былъ, повидимому, очень привязанъ. Сохранился и портретъ его, представляющій намъ шута болѣзненнымъ молодымъ человѣкомъ, довольно красивымъ, съ томными глазами, невыражающими ничего, кромѣ отупѣнія. Ни о характерѣ его, ни о дѣятельности,— мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія, также точно какъ его другихъ шутахъ, современникахъ Брюскэ, напримѣръ о Мартенѣ, прозванномъ Судьею (le bailli) и жившемъ при дворѣ герцоговъ Орлеанскаго и Ангулемскаго, или о шутихахъ Кателò и Ля-Жардиньеръ,

Тонэнъ, по рис. Клуэ, въ колл. Герварда.

принадлежавшихъ къ дворамъ Маргариты Наваррской и Катерины Медичи. Всѣ эти дѣятели «веселаго сословія шутовъ» извѣстны намъ только по имени. Болѣе опредѣленными выступаютъ фигуры двухъ преемниковъ Брюскэ—шутовъ Сибилò и Шикò, одновременно выступающихъ на шутовское поприще, при дворѣ Генриха III. Каждый изъ нихъ заслуживаетъ упоминанія, какъ чрезвычайно типическій представитель того времени, въ которое они жили, и какъ любопытный образчикъ того изумительнаго перерожденія шутовскихъ нравовъ, къ которому приводило долгое пребываніе шутовъ при роскошномъ и блестящемъ французскомъ дворѣ, переживавшемъ такіе быстрые и рѣзкіе переходы отъ однихъ воззрѣній къ другимъ, въ бурную эпоху борьбы и кровавыхъ внутреннихъ смутъ.

Сибилò былъ неуменъ и не отличался никакими особенными внутренними или внѣшними достоинствами. Но причудливый Генрихъ III, любившій окружать себя шутами и «миньонами», любившій иногда тѣшиться самыми дѣтскими забавами и шалостями, отличалъ Сибилò отъ другихъ шутовъ своихъ. Прискучивъ завиваньемъ волосъ и долгими сеансами передъ зеркаломъ, или нанизываньемъ ожерелій для королевы, или игрою съ маленькими собачками, обезьянами и попугаями, или спусканьемъ волчка, утомившись отъ долгихъ процессій, въ которыхъ онъ принималъ участіе, переодѣвшись въ бѣлый или черный костюмъ кающагося— Генрихъ III съ удовольствіемъ любовался на продѣлки своихъ шутовъ и особенно тѣшился грубыми, неистовыми выходками Сибилò. Одинъ изъ современныхъ хронистовъ говоритъ между прочимъ, что «трудно себѣ и представить что-нибудь отвратительнѣе и ужаснѣе такого чудовища, какъ Сибилò. Въ сущности, человѣкъ совершенно ничтожный, склонный и къ пьянству, и къ разврату, и къ богохуленію, онъ ничѣмъ такъ не могъ потѣшить короля, какъ своими дикими, изступленными порывами, и король хохоталъ до слезъ, видя, какъ онъ, съ палкою въ рукахъ, съ пѣною у рта, съ дикими воплями, бросался на толпу людей на площади или даже во дворцѣ, и пугалъ всѣхъ встрѣчныхъ, разбѣгавшихся въ разныя стороны отъ испуга.

Рядомъ съ Сибилò видимъ при дворѣ Генриха III шутиху Матюрину — явленіе совершенно новое, потому что до этого времени шутихи и дуры водились только при дворахъ королевъ. Матюрина, насколько можно заключить по отзывамъ современниковъ, была женщина умная и твердаго характера, очень бойкая на языкъ и до того преданная католицизму, что готова была всякими средствами способствовать обращенію каждаго встрѣчнаго гугенота въ лоно великой и единой Западной церкви. Когда Генрихъ III, послѣ извѣстнаго «дня баррикадъ» (12 мая 1588), долженъ былъ покинуть Парижъ, предоставляя полную свободу дѣйствій необузданно-самолюбивому Генриху Гизу, Матюрина, одна изъ всѣхъ королевскихъ слугъ, осталась въ Луврѣ, какъ бы для того, чтобы охранить его отъ неистовствъ. И когда, шесть лѣтъ спустя, 22 марта 1594 года, Генрихъ IV, вступивъ ночью въ Парижъ, заѣхалъ сначала въ соборъ Парижской Богоматери, чтобы отслужить благодарственный молебенъ, а потомъ отправился въ Лувръ, котораго онъ не видалъ со страшной Варѳоломеевской ночи,—первымъ лицомъ, встрѣтившимъ его на лѣстницѣ Лувра, была шутиха Матюрина, которая и поспѣшила привѣтствовать своего господина и владыку. Она сохранила свое положеніе и при Генрихѣ IV, и, впослѣдствіи, даже оказала ему немаловажную услугу.

«Во вторникъ, 27 декабря 1594 года»,—такъ разсказываетъ современный хронистъ,—«въ то самое время, когда король, возвраща-

сапогахъ въ покои г-жи де-Лианкуръ (Габріэль д'Эстрэ), съ графомъ Суассонскимъ, графомъ Сенъ-Полемъ и другими сановниками, къ нему явились для привѣтствованія его гг. де-Роньи и де-Монтиньи и были допущены къ цѣлованію руки. Именно тогда, когда онъ ихъ принималъ, юноша, по прозванію Жанъ Шатель, лѣтъ около девятнадцати отъ роду, сынъ одного изъ французскихъ суконщиковъ, проживавшій во дворцѣ, успѣлъ проскользнуть въ комнату въ числѣ прочихъ лицъ и пробиться до самаго короля, прежде, чѣмъ кто либо его замѣтилъ, и пытался ударить ножемъ его ко-

Шутъ Грефье-де-Лорисъ, въ колл. Герварда.

ролевское величество въ горло. Но такъ какъ король нагнулся, чтобы поднять представлявшихся ему господъ, которые опустились передъ нимъ на колѣни и цѣловали ему руки, то ножъ при нанесеніи удара, попалъ не въ горло, а въ лицо съ боку, разсѣкъ верхнюю губу и повредилъ одинъ зубъ. Король, почувствовавъ, что онъ раненъ, обвелъ глазами всѣхъ окружающихъ, и увидавъ шутиху Матюрину, сказалъ было: «Ахъ, чортъ побери шутиху! Вѣдь это она меня ранила!» Но Матюрина, громко отрицая это обвиненіе, тотчасъ бросилась къ дверямъ и поспѣшила ихъ затворить, и тѣмъ способствовала поимкѣ ничтожнаго убійцы; его тотчасъ схватили, обыскали, и видѣли, какъ онъ бросилъ на полъ ножъ еще окровавленный; такимъ образомъ, онъ долженъ былъ тутъ же со-

Вѣроятно, это обстоятельство и воспоминанія объ услугѣ, оказанной въ данномъ случаѣ Матюриной, способствовало тому, что Генрихъ IV постоянно выказывалъ ей большое расположеніе и, по временамъ оказывалъ ей милости, которыхъ не могли отъ него добиться даже и самые важные изъ вельможъ. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ передаетъ намъ тотъ же хронистъ, расказывая, что «19-го сентября 1596 года король обѣдалъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ съ Матюриной, которая (за обѣщанные ей пять сотъ червонцевъ) доставила г-жѣ де-Плансй случай просить у короля о помилованіи ея мужа — хотя король и строго воспретилъ кому бы то ни было заговаривать объ этомъ; а мужъ ея былъ присужденъ къ смертной казни за то, что, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, обокралъ королевскую казну». И Генрихъ IV, неумолимый въ подобныхъ случаяхъ, помиловалъ преступника! Такое снисхожденіе, такое отступленіе отъ твердо-принятаго рѣшенія, очевидно, было сдѣлано ради Матюрины и было доказательствомъ большого расположенія къ ней со стороны Генриха IV.

Матюрина пережила Генриха IV и сохранила свое положеніе при дворѣ его преемника. Въ 1622 году, она еще числится въ штатѣ лицъ королевскаго дома съ пенсіономъ въ 1,200 ливровъ, очень значительнымъ по тому времени. Весь Парижъ зналъ Матюрину, и когда ей случалось проходить по улицамъ города, уличные мальчишки бѣжали вслѣдъ за нею и кричали: «вотъ она, вотъ она, Матюрина-шутиха!» Это вниманіе, оказываемое ей парижскими уличными зѣваками, въ значительной степени объясняется тѣмъ страннымъ костюмомъ, который она постоянно носила и который былъ какъ бы естественнымъ отраженіемъ той бурной и воинственной эпохи. Она ходила въ мужской одеждѣ, вооруженная съ головы до ногъ; голову прикрывала мужскою шляпою съ перомъ, а на боку носила шпагу, на широкой портупеѣ, которая шла съ праваго плеча къ лѣвому боку, поверхъ обычнаго въ то время кожанаго камзола. Этой любопытной амазонкѣ многіе изъ современныхъ поэтовъ посвящали свои произведенія, а одинъ изъ нихъ издалъ даже цѣлую книгу стиховъ, подъ заглавіемъ: «Признанная мудрость г-жи Матюрины», и въ этихъ стихахъ воспѣваетъ ея дѣянія, ея мужественные поступки и мужественную внѣшность.

Третье лицо, подвизавшееся на шутовскомъ поприщѣ въ ту же самую эпоху, былъ шутъ Шико̀—личность въ высшей степени оригинальная и почти не носившая на себѣ никакихъ отличительныхъ признаковъ придворнаго шута. Благородный, прямой и открытый, по характеру, Шико̀ съумѣлъ поставить себя при дворѣ независимо, съумѣлъ обратить на себя общее вниманіе и заслужить общее уваженіе; онъ и умеръ героемъ.

только уже въ 1572 году поступилъ шутомъ на службу къ Карлу IX. Достовѣрно извѣстно, что онъ былъ, первоначально, преданнѣйшимъ слугою партіи Гизовъ и Лиги, и потому именно принималъ дѣятельное участіе въ той страшной ночи 24 августа 1572 года, когда все населеніе Парижа раздѣлилось, подъ вліяніемъ ненависти и фанатизма, на два враждебные лагеря и во всемъ городѣ произошла отвратительная бойня, поглотившая массы жертвъ... Шикô, вмѣстѣ съ шайкою убійцъ, предводимою его братомъ, капитаномъ Раймономъ, ворвался въ палаты герцога де-Ларошфукô, самаго блестящаго изъ молодыхъ гугенотовъ, который, со времени бракосочетанія Генриха Наваррскаго и Маргариты Валуа, состоялъ въ свитѣ приближеннѣйшихъ къ Карлу IX лицъ. Раймонъ преспокойно зарѣзалъ юнаго герцога на глазахъ королевскаго шута...

И впослѣдствіи, въ царствованіе Генриха III, Шикô неоднократно принималъ участіе въ религіозныхъ войнахъ: мѣняя дурацкій колпакъ на каску, а шутовской кафтанъ на кирассу, и, хватаясь за мечъ, Шикô являлся отчаяннымъ рубакой и смѣлымъ бойцомъ. И снявъ съ себя воинскія доспѣхи, Шикô никогда не становился при дворѣ въ положеніе Трибулэ или Брюскэ; онъ былъ просто умнымъ человѣкомъ, который не стѣсняясь высказывалъ всѣмъ и каждому свое мнѣніе. Онъ никогда не забывалъ о томъ, что онъ старый солдатъ, и до конца жизни оставался честнымъ солдатомъ. Не даромъ его и при дворѣ называли постоянно «капитаномъ Шикô»—прозвищемъ не совсѣмъ обычнымъ для оффиціальнаго придворнаго шута.

Пользуясь большимъ расположеніемъ короля Генриха III, Шикô, вмѣстѣ съ Матюриной, перешелъ послѣ его смерти на службу къ Генриху IV, какъ бы въ наслѣдство, вмѣстѣ съ остальною движимостью, составлявшею королевское имущество. Вѣротерпимость Генриха IV, открыто сочувствовавшаго гугенотамъ, не вполнѣ сходилась съ религіозными воззрѣніями Шикô—стараго лигиста, и преданіе утверждаетъ, будто онъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, способствовалъ тому, что Генрихъ IV, желая положить конецъ кровавымъ религіознымъ распрямъ, вернулся въ лоно католической церкви. Неоднократно Шикô говаривалъ Генриху:

— Милостивый государь и другъ мой (Monsieur mon ami), вижу я очень хорошо, что какъ бы ты ни старался и чтô бы ты ни дѣлалъ,—ты все же ничего не добьешься, пока не перейдешь въ католичество. Надо тебѣ въ Римъ на богомолье отправиться, да съ папою полюбезничать, такъ, чтобы всѣ это видѣли, потому иначе и вѣрить не захотятъ, что ты окатоличился. Ну, да тебя и не мѣшаетъ покропить святой водицей, чтобы омыть отъ остальныхъ твоихъ прегрѣшеній!

зался отъ прежняго своего фанатизма и перешелъ на сторону тѣхъ, которые заботились исключительно о благѣ и спасеніи родины отъ раздиравшихъ ее смутъ. Однако же, самому Шико̀ не суждено было быть свидѣтелемъ 25 іюля 1593 года, когда Генрихъ IV, вновь перейдя въ католичество, вновь соединилъ подъ своимъ скипетромъ разрозненныя части своего государства. Шутъ умеръ ранѣе этого событія отъ раны, полученной при осадѣ Руана, въ 1592 году, и при томъ полученной при весьма странныхъ условіяхъ.

По обычаю своему, Шико̀ храбро сражался въ первыхъ рядахъ въ то время, когда королевскія войска пытались взять городъ приступомъ. При этомъ Шико̀ удалось взять въ плѣнъ графа де-Шалиньи, одного изъ главныхъ предводителей лиги, и онъ лично представилъ его Генриху IV, примолвивъ при этомъ: «Вотъ, дарю тебѣ этого плѣнника, котораго я лично взялъ въ плѣнъ». Эти слова и погубили бѣднаго шута... Шалиньи, по фамильярности, съ какою Шико̀ относился къ королю, понялъ, что это и есть шутъ короля. Графъ, глубоко оскорбленный тѣмъ, что онъ могъ быть взятъ въ плѣнъ шутомъ, бросился на него, вырвалъ у него изъ рукъ уже отданную ему шпагу, и нанесъ ему страшный ударъ ею по лицу. Рана была такая жестокая, что Шико̀ пришлось унести и положить въ госпиталь. Тамъ помѣстили его въ одной комнатѣ съ умирающимъ солдатомъ. Мѣстный священникъ, явившійся его исповѣдовать, отказался дать ему разрѣшеніе его грѣховъ, потому что онъ состоялъ на службѣ у короля-гугенота. Тогда Шико̀, поднявшись на своемъ смертномъ одрѣ, разразился противъ этого жестокаго священно-служителя такою энергическою филиппикой, что два дня спустя и умеръ отъ послѣдствій этого раздраженія.

Онъ умеръ вѣрнымъ слугою своего короля и вѣрнымъ сыномъ отечества. Энергическій и сильный образъ капитана Шико̀ до такой степени рѣзко выдѣляется изъ общаго фона всѣхъ предшествовавшихъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ оффиціальныхъ придворныхъ шутовъ, что его ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшать съ ихъ общею массою, и надъ его безвѣстною могилою слѣдовало бы такъ же, какъ и надъ могилою Гамлетовскаго Іорика, надписать: — «человѣкъ онъ былъ».

П. П.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія Корнелія Тацита. Русскій переводъ съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ и его сочиненіяхъ В. И. Модестова. Т. II. Лѣтопись. Разговоръ объ ораторахъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1887.

ОЛТОРА ГОДА назадъ («Ист. Вѣстн.» 1886 г. апрѣль) въ рецензіи на 1-й томъ Тацита въ переводѣ г. Модестова мы высказали мнѣніе, что заключать въ скобки дополняемыя переводчикомъ слова неудобно, такъ какъ читатель не въ состояніи отличить этихъ добавокъ отъ тѣхъ словъ Тацита, которыя по законамъ русской интерпункціи должны быть заключены въ скобки. Въ краткомъ предисловіи къ этому тому г. Модестовъ заявляетъ, что по совѣту автора одной замѣтки, написанной по поводу выхода перваго тома, въ этомъ томѣ онъ подобныя добавленія печатаетъ курсивомъ. Мы очень порадовались, встрѣтивъ такое заявленіе, не изъ самолюбія, конечно,—какое же можетъ быть самолюбіе у безъимяннаго рецензента? Кромѣ того, мы даже не знаемъ, нашу ли замѣтку имѣлъ въ виду г. Модестовъ или кого-либо изъ собратій нашихъ, совпавшаго съ нами въ этомъ далеко не мудреномъ наблюденіи,—а порадовались потому, что встрѣтили пріятное исключеніе изъ очень непріятнаго общаго правила. Русскіе литераторы съ именемъ хоть и очень интересуются похвальными рецензіями, болѣе или менѣе маскируютъ этотъ интересъ притворнымъ равнодушіемъ, а совѣты и замѣчанія рецензентовъ, которые не безусловно восхищаются ими, принимаютъ какъ личную для себя обиду.

Мы не будемъ повторять того, что говорили въ вышеуказанной замѣткѣ о заслугахъ г. Модестова, какъ извѣстнаго спеціалиста по Тациту и какъ опытнаго литератора, не потому, чтобы надѣялись на вниманіе читателей

что въ главной части этого 2-го тома, именно въ переводѣ Лѣтописей, г. Модестовъ былъ въ особенныхъ, не совсѣмъ выгодныхъ, условіяхъ: онъ имѣлъ передъ собою весьма почтеннаго соперника въ лицѣ Алексѣя Кронеберга, переводъ котораго, если вѣрить оберткамъ послѣднихъ изданій К. Т. Солдатенкова, и до сихъ поръ еще не вышелъ изъ продажи. Очень неудобно переводить трудную вещь, которая уже была переведена однажды хотя сколько нибудь удовлетворительно: счесть прежній переводъ не существующимъ, какъ говорится, игнорировать его — будетъ до крайности неразумно и противно основному принципу всякой научной работы—строить свой трудъ на трудахъ предшественниковъ; держать его передъ собою—опасно: если новый переводчикъ будетъ пользоваться всякимъ удачнымъ выраженіемъ прежняго, его обвинятъ въ плагіатѣ; если онъ будетъ умышленно удаляться отъ стараго перевода, онъ опять-таки нарушитъ вышеуказанный принципъ и подпадетъ обвиненію въ ложномъ самолюбіи, которое заставляетъ его предпочитать свое дурное чужому хорошему. А переводъ А. Кронеберга, по изяществу своему, несомнѣнно выше нормы удовлетворительнаго.

По нашему убѣжденію, г. Модестовъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія съ честію: во-первыхъ онъ поставилъ на первый планъ «точность перевода и возможную близость его къ подлиннику»; стало быть, предназначилъ его не столько для бѣглаго чтенія тѣхъ, кому недоступенъ оригиналъ, сколько для вспоможенія тѣхъ, кто будетъ изучать оригиналъ, или почувствуетъ надобность справиться съ нимъ; тогда какъ Алексѣй Кронебергъ имѣлъ очевидно въ виду большую публику, читателей въ обыкновенномъ смыслѣ. Далѣе, согласно съ этимъ измѣненіемъ въ задачѣ, г. Модестовъ позволилъ себѣ дѣлать гораздо больше примѣчаній, которыя очень неудобны при бѣгломъ чтеніи и очень полезны при внимательномъ, и которыя А. Кронебергъ иногда волей-неволей долженъ былъ вносить въ текстъ перевода. Но главная причина успѣха г. Модестова, и, если можно такъ выразиться, его побѣда надъ его предшественникомъ (побѣда, которая, возвышая побѣдителя, нисколько не унижаетъ побѣжденнаго)—его знаніе Тацита и добросовѣстное отношеніе къ тяжелой задачѣ.

Мы сравнили въ разныхъ мѣстахъ книги около 20 главъ въ томъ и другомъ переводѣ и въ оригиналѣ (по тексту Карла Гальма) и пришли къ положительному убѣжденію, что вездѣ, гдѣ переводчики расходятся въ передачѣ смысла оригинала, правда на сторонѣ г. Модестова [1]); во многихъ от-

---

[1]) Мы находимъ излишнимъ пестрить рецензію обрывками цитатъ, но ограничимся здѣсь немногими примѣрами: (Октавій) «выступаетъ на сцену въ качествѣ консула и показываетъ, что онъ довольствуется правами трибуна» (I, 2), конечно, вѣрнѣе передаетъ Тац. consulem se ferens et... tribunicio pere contentum», нежели Крон. «объявилъ себя консуломъ и притворился, будто доволенъ властью трибуна»; procissimi (ibid), конечно, не «крѣпкіе духомъ люди», а «наиболѣе пылкіе» республиканцы; firmatus animo (I, 6) вѣрнѣе передать: «съ твердымъ намѣреніемъ», какъ у Мод., нежели «человѣкъ рѣшительный», какъ у Крон. (venenum datum est)... apertius, quam ut fallerent (XIII, 1) гораздо вѣрнѣе и лучше переведено у Мод. «слишкомъ открыто, чтобы могли обмануть кого-нибудь», чѣмъ у Крон.: «такъ открыто (дали отраву), что всѣ это видѣли»; кто же даетъ отраву такъ, чтобы всѣ это видѣли? и пр., и пр.

тельно тяжеле для чтенія, нежели второй. Конечный нашъ выводъ тотъ, что всякій, кому надобны самыя Лѣтописи Тацита, а не изложеніе ихъ содержанія, предпочтетъ переводъ г. Модестова, и что вообще его переводъ есть шагъ впередъ, а не назадъ; сжатость тацитовскаго слога далась г. Модестову не въ большей мѣрѣ, нежели и А. Кронебергу; но г. Модестовъ и не брался за эту неисполнимую задачу (см. Предисловіе).

«Разговоръ объ ораторахъ» требовалъ гораздо меньшаго труда со стороны переводчика; но за то и гораздо менѣе даетъ читателямъ, нежели Лѣтописи. Интереснѣй другихъ въ немъ первыя 13 главъ, гдѣ разбирается съ противуположныхъ сторонъ до сихъ поръ занимательный вопросъ о сравнительномъ значеніи дѣятельности практической и художественно-творческой.

Будущій историкъ русской культуры едва ли можетъ пропустить безъ вниманія тотъ фактъ, что мрачные Ювеналъ и Тацитъ гораздо болѣе имѣютъ у насъ успѣха, нежели оптимисты временъ республики и Августа.

А. К.

Конституція Финляндіи въ изложеніи финляндскаго сенатора, бывшаго профессора Гельсинфорскаго университета Л. Михелина. Переведено и дополнено примѣчаніями по русскимъ документамъ К. Ординымъ. Спб. 1887.

Врядъ ли къ какой странѣ историческая судьба была такъ милостива, какъ къ Финляндіи, и, если природа признала ея жителя, по выраженію поэта, «убогимъ пасынкамъ», за то голосъ исторіи призналъ его самымъ нѣжно любимымъ сыномъ. Некогда и эта область, подобно другимъ европейскимъ странамъ, переживала рядъ политическихъ перепетій, знавала страхъ передъ нашествіемъ врага, раздиралась внутренними неурядицами и трепетала передъ неизвѣстностью будущаго, но вотъ уже болѣе ³/₄ вѣка, какъ въ предѣлахъ ея царитъ полный покой, территорія ея расширена, населенію предоставленъ одинъ удѣлъ: благоденствовать. Однако, сыны Финляндіи все же недовольны и желаютъ бо́льшого. Имъ не достаетъ номенклатуры «государства», ихъ тѣснитъ фикція зависимости отъ Россіи. Эти два чувства побуждаютъ ихъ стоять очень часто въ враждебно-натянутомъ отношеніи къ нашему отечеству, стараться по возможности его игнорировать и при каждомъ удобномъ случаѣ тенденціозно заявлять о своемъ историческомъ правѣ на самостоятельность. Вышепоименованный трудъ г. Михелина, финляндскаго сенатора и профессора, слѣдовательно человѣка теоретически и практически знакомаго съ строемъ жизни своего народа, также не чуждъ

---

[1]) I, 2 «Никто ему (Октавію) не противорѣчилъ» (Крон.) хуже, чѣмъ «никто не оказывалъ ему противодѣйствія» (Мод.) и дальше отъ оригинала: «nullo adversante. I, 74 «который подашь ты голосъ» (Крон. оригиналъ: quo loco censebis) непонятно и тяжело порусски; у Мод. гораздо лучше: «Когда ты будешь подавать голосъ?» и т. д. Очень удачно введено у г. Модестова слово принципатъ; когда рѣчь идетъ о первыхъ императорахъ, ихъ власть иногда только и можно обозначить этимъ терминомъ.

тенденціознаго отношенія къ Россіи. Желая ознакомить Европу съ основами финляндскаго самоуправленія, авторъ издалъ свое сочиненіе на французскомъ языкѣ, при чемъ событія въ немъ излагаемыя разсматриваются съ исключительно финской точки зрѣнія, при томъ съ подчеркиваньемъ смысла однихъ событій и съ умолчаніемъ или затушевываніемъ другихъ; г. Ординъ, полагая вполнѣ справедливо, что русская публика имѣетъ законное право интересоваться ближе дѣлами Финляндіи, нежели иностранный читатель, перевелъ трудъ г. Михелина и, найдя въ немъ немало тенденціозныхъ погрѣшностей, дополнилъ свой переводъ обширными примѣчаніями, въ которыхъ противопоставилъ финской точкѣ зрѣнія автора русскую, національную. Такимъ образомъ, читатель имѣетъ возможность выслушать обѣ стороны, вслѣдствіе чего получается, если не вполнѣ обстоятельная, за то довольно хорошо освѣщенная картина историко-юридическаго положенія великаго княжества Финляндіи. Если бы кто пожелалъ, однако, ознакомиться съ вопросомъ въ бо́льшей полнотѣ, тому необходимо имѣть въ виду сочиненія С. Соловьева, Робертъ Кастреца, Ирьо Коскинена, Сборникъ постановленій В. К. Ф. и нѣкоторыя другія, въ значительной степени пополняющія недостатокъ историческаго матеріала въ трудѣ г. Михелина. Этотъ недостатокъ историческаго матеріала и можетъ считаться главнымъ источникомъ не совсѣмъ правильнаго освѣщенія вопроса и не даетъ возможности читателю выяснить себѣ, чѣмъ была теперешняя Финляндія до присоединенія къ Россіи, и чѣмъ она стала послѣ того. Если вникнуть въ этотъ матеріалъ болѣе внимательно, то непредубѣжденный читатель увидитъ, что мысль объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи возникла давно въ умахъ представителей интеллигенціи этой страны, и зависимость отъ Швеціи тяготила многихъ, какъ тяжелый кошмаръ. Если съ другой стороны задать себѣ вопросъ, было ли реальное историческое основаніе обратиться этой области въ самостоятельную автономическую единицу и была ли возможность тому при наличности остальныхъ историческихъ факторовъ, то врядъ ли можно будетъ склониться въ пользу утвердительнаго отвѣта; фантазировать можно на какую угодно тему и путемъ доктринерства можно дойти до разнообразныхъ выводовъ, только жизнь не слагается по этимъ чисто головнымъ доктринамъ и совершаетъ свой историческій круговоротъ по законамъ строгой необходимости. И такою необходимостью было присоединеніе Финляндіи къ Россіи, семена же этого присоединенія лежатъ въ исторической глубинѣ, восходящей къ концу XVII столѣтія. Вопросъ можетъ быть поставленъ только въ такой формѣ: на какихъ основаніяхъ произошло присоединеніе завоеванной провинціи, для пріобрѣтенія которой было потрачено столько времени, крови и денежныхъ средствъ. И здѣсь мы встрѣчаемся съ безпримѣрнымъ въ исторіи человѣчества актомъ великодушія и милосердія. Ни завоеватель римлянинъ, ни германецъ, ни англосаксонецъ, не вводили въ свое государственное право такого начала, какое было провозглашено созваніемъ Боргоскаго сейма и манифестомъ о Фридрихсгамскомъ мирѣ. Ни о какихъ обязательствахъ или принудительныхъ законахъ общегосударственнаго права здѣсь не шло рѣчи: здѣсь царилъ только законъ милосердія и великодушія. Странно говорить о какомъ-то юридическомъ актѣ «соединенія», объ образованіи «молодого государства», о рѣшающемъ значеніи сейма, о чемъ такъ часто упоминаетъ въ своей книгѣ г. Михелинъ. Подъ вліяніемъ вѣяній того времени, подъ вліяніемъ воспитательныхъ идей европейскаго просвѣщенія, по глубокой симпа-

самоуправленіе, но и оказалъ ему немало крупныхъ милостей насчетъ русскаго народа-побѣдителя и его казны. Преемники Александра Павловича не измѣняли своей политики въ отношеніи новой провинціи, желая по завѣту своего предшественника видѣть финскій народъ «спокойнымъ извнѣ, свободнымъ внутри, предающимся подъ охраною закона и добрыхъ нравовъ земледѣлію и промышленности». И, дѣйствительно, стоитъ только побывать въ этой обѣтованной странѣ, какъ увидишь, какимъ благосостояніемъ, покоемъ, и миромъ пользуются ея граждане, какъ хорошо имъ подъ защитою Россія и какъ фиктивна ихъ зависимость отъ Россіи. Разверните затѣмъ книгу г. Михелина съ главы «Государственное право» и вы поймете, откуда это благоденствіе, на чемъ оно зиждется и кѣмъ охраняется. Въ ознакомленіи читающей публики съ основаніями самоуправленія великаго княжества Финляндскаго немалая заслуга г. Ордина, переведшаго французскій трудъ г. Михелина и отнесшагося къ нему не просто въ качествѣ переводчика, но и комментатора. Можетъ быть мѣстами переводчикъ излишне придирчивъ къ автору «Конституціи», но во всякимъ случаѣ имъ руководили наилучшія побужденія выяснить истину, за что ему, конечно, должно быть принесено великое спасибо. Осталось только пожелать, чтобы онъ въ скорѣйшемъ времени выполнилъ свое обѣщаніе «представить вниманію лицъ, интересующихся предметомъ, опытъ болѣе подробнаго изслѣдованія обстоятельствъ, сопровождавшихъ присоединеніе или, точнѣе, покореніе Финляндіи». Тогда въ нашей литературѣ будетъ восполненъ пробѣлъ по этому вопросу и тогда можно будетъ обсудить предметъ въ его полномъ освѣщеніи и въ болѣе правильной постановкѣ.

В. Г.

Исторія литературы русскои. Написавъ Омелянъ Огоновскій. Часть I. Львовъ. 1887. Накладомъ Товариства имени Шевченка.

Авторъ названнаго труда, профессоръ русскаго языка и литературы въ Львовскомъ университетѣ, извѣстенъ въ Галиціи какъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ враговъ русскаго единства и сторонниковъ малорусской особности. Названіе русскій, по его мнѣнію, принадлежитъ исключительно малорусскому племени (великорусское племя будто бы въ древности называло себя Москвою и уже московскіе «цари» дали ему названіе Русь), и потому подъ именемъ русской литературы у него разумѣется литература южно-русская, къ которой — въ виду того, что авторъ считаетъ бѣлорусское нарѣчіе частью нарѣчія малорусскаго — присоединяется и литература западно-русская. Первая часть труда обнимаетъ время отъ начала русской письменности до Котляревскаго, слѣдовательно до начала XIX вѣка, и заключаетъ въ себѣ обзоръ всѣхъ письменныхъ и печатныхъ памятниковъ южно-и-западно-русскихъ, какіе только извѣстны автору,— даже грамотъ.

Нельзя сказать, чтобы знакомство автора съ литературными произведеніями соотвѣтствовало его малорусскому патріотизму. Львовскій профессоръ— мы не желаемъ выражаться рѣзко—недостаточно хорошо знакомъ съ тѣмъ предметомъ, который онъ преподаетъ съ университетской каѳедры. Цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, въ томъ или другомъ отношеніи важныхъ и замѣчательныхъ — ему совсѣмъ неизвѣстенъ. Онъ не имѣетъ понятія о

давно изданы («Русская Историческая Библіотека», т. IV), ему неизвѣстно западно-русское печатное изданіе евангелія, конца XVI вѣка, съ переводомъ на западно-русскій языкъ, хотя о немъ упоминается въ обоихъ каталогахъ старопечатныхъ изданій, Ундольскаго и Каратаева (у послѣдняго даже съ выдержками). Львовскій профессоръ не знаетъ цѣлаго ряда произведеній конца XVI и первой половины XVII в., напечатанныхъ во Львовѣ («Просфонима», «Плачъ альбо ляментъ», «Вирши» Памвы Берынды), въ Кіевѣ («Вирши» Кассіана Саковича; они переизданы въ «Исторіи кіевской духовной академіи», Голубева), въ Вильнѣ (проповѣди Леонтія Карповича; они переизданы давно уже въ московскихъ Чтеніяхъ). Далѣе, другой рядъ литературныхъ произведеній извѣстенъ г. Огоновскому только по названіямъ, вслѣдствіе чего онъ иногда дѣлаетъ весьма курьезныя ихъ опредѣленія и характеристики. Палея, по его словамъ, не что иное, какъ начальная часть византійскаго хронографа (стр. 49); апокрифическое хожденіе Богородицы по мукамъ и Пчела — русскія произведенія (стр. 92, 95), первое до-монгольскаго, второе—монгольскаго періода; болгарская повѣсть о троянской войнѣ—русскій переводъ сочиненія Гвидо де-Колюмна (стр. 223) и т. п. Этого мало: авторъ никогда не видывалъ и не читывалъ даже такихъ для него важныхъ южно-русскихъ произведеній, какъ проповѣди митрополита Григорія Цамвлака, проповѣди Кирилла Транквилліона («Евангеліе Учительное»), проповѣди Антонія Радивиловскаго (онъ не знаетъ, что «Огородокъ» этого проповѣдника и «Вѣнецъ»—два изданія одного и того же сборника, стр. 319), философскія и стихотворныя произведенія Сковороды, не говоря уже о трудахъ Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, Ѳеофана Прокоповича, Стефана Яворскаго.

Наши изданія литературныхъ памятниковъ стараго времени и посвященныя имъ изслѣдованія такъ мало извѣстны г. Огоновскому, что онъ обнаруживаетъ полное незнакомство не только съ изданіемъ южно-русскихъ драматическихъ произведеній, Тихонравова, съ изслѣдованіями объ «Апокрисисѣ» Филалета, Скабалановича, о «Палинодіи» Копыстенскаго, Завитневича, о Петрѣ Могилѣ—Голубева, о Симеонѣ Полоцкомъ—Майкова и Татарскаго, но даже не знакомъ съ «Исторіею русской церкви», митрополита Макарія. Сверхъ того, г. Огоновскій не знаетъ ни одной изъ существующихъ у насъ большихъ исторій русской литературы, и труды Галахова и Порфирьева, — если бы онъ съ ними познакомился, — открыли бы ему цѣлый невѣдомый міръ и, безъ сомнѣнія, дали бы ему возможность очень много улучшить свое произведеніе.

Одна особенность кидается въ глаза при чтеніи труда галицкаго украйнофила. Вездѣ, гдѣ ему случается говорить о Москвѣ, онъ не щадитъ черныхъ красокъ и накладываетъ ихъ самымъ густымъ слоемъ. Дѣлая характеристику южно-русской литературы XVI—XVII вв., г. Огоновскій производитъ такого рода вылазку противъ Москвы: «въ этотъ періодъ, говоритъ онъ, изо всѣхъ славянскихъ народовъ только одни москвичи не проявляли даже малѣйшей литературной дѣятельности. Въ вѣкъ Ивана Грознаго, благодаря царскому произволу, исчезли всѣ признаки жизни въ человѣкѣ-невольникѣ. Единственный грамотей, Максимъ Грекъ, оказался не въ состояніи оживить омертвѣніе во всѣхъ направленіяхъ жизни народной, общественной и умственной»

винецкаго, г. Огоновскій замѣчаетъ: «онъ распространилъ свѣтъ науки въ городѣ, гдѣ не было никакого просвѣщенія» (стр. 320).

Тѣ изъ интересующихся исторіею русской литературы, которые ожидаютъ найти въ трудѣ г. Огоновскаго сколько-нибудь новаго матеріала, новыхъ наблюденій и выводовъ, прочитавъ его, жестоко разочаруются.

А. С—скій.

Курганы и случайныя археологическія находки близь мѣстечка Смѣлы. Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ гр. Алексѣя Бобринскаго. Спб. 1887.

Недавно изданные дневники раскопокъ свыше пятидесяти кургановъ близь мѣстечка Смѣлы, а также свѣдѣнія объ орудіяхъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Черкасскаго уѣзда, имѣютъ цѣлью, по словамъ автора, предсѣдателя Императорской Археологической комиссіи, «доставить новыя данныя для археологіи южной части Кіевской губерніи». Въ этой губерніи, вообще, много громадныхъ могильныхъ сооруженій, въ Черкасскомъ же уѣздѣ кургановъ насчитывается великое множество. Подобные курганы тянутся во множествѣ отъ Кавказскихъ горъ до верховьевъ Днѣпра; количество ихъ уменьшается къ сѣверу и увеличивается къ югу. На югѣ можно встрѣтить въ изобиліи курганы въ окрестностяхъ Тифлиса и Дербента; на сѣверѣ они попадаются въ восточной Германіи и въ Помераніи и появляются снова въ большомъ количествѣ во всей Даніи, гдѣ по наружному виду совершенно похожи на курганы Кіевской губерніи. Ихъ можно встрѣтить также въ Венгріи, въ Западной Европѣ и въ Сибири. Кѣмъ и когда насыпаны эти курганы, осѣдлымъ ли племенемъ или кочующими народами, сколько прошло вѣковъ между тѣмъ временемъ, когда первобытные народы выкапывали могильныя ямы одними деревянными или каменными орудіями, и походомъ, напримѣръ, Ольги на древлянъ, сколько смѣнилось племенъ, сколько прошло кочующихъ населеній, все это еще неразобранныя и непрочитанныя страницы исторіи. Было время, когда въ окрестностяхъ Смѣлы жители носили дорогіе рѣзные камни ассирійскаго издѣлія и металлическія зеркала греческой работы, когда витязи умирали въ бою отъ мѣдныхъ стрѣлъ, которыя донынѣ сохранились врѣзанными въ черепѣ. Исторія не даетъ отвѣта на вопросъ о томъ, какіе здѣсь жили народы, ограничиваясь довольно неполными указаніями о скиѳахъ и смутнымъ перечисленіемъ нѣкоторыхъ названій племенъ. Систематическое и правильное собираніе матеріала, производство раскопокъ и занесеніе въ дневники нетолько описанія всякаго найденнаго предмета, но и всѣхъ тѣхъ мелкихъ фактовъ, которые невольно должны останавливать вниманіе археолога, дадутъ современемъ возможность освѣтить эти темныя и загадочныя страницы и передать ихъ изъ области доисторической древности въ вѣдѣніе исторіи.

Авторъ напечаталъ свои цѣнныя изслѣдованія въ формѣ дневниковъ потому, что не считалъ, по его объясненію, возможнымъ сдѣлать какой-либо, хотя бы нѣсколько удовлетворительный общій выводъ изъ своихъ раскопокъ. Но тѣмъ не менѣе онъ не можетъ отрѣшиться отъ мысли сдѣлать кое-гдѣ

мѣчанія обыкновенно помѣщаются авторомъ, послѣ описанія различныхъ группъ кургановъ, подъ особымъ заголовкомъ: «Соображенія».

Четыре главы изслѣдованія авторъ посвящаетъ описанію кургановъ между рѣкою Серебрянкою и Ирдынемъ, на правомъ берегу Серебрянки, на лѣвомъ берегу рѣки Тцемина и, наконецъ, близь Гуляй-Города. Въ трехъ остальныхъ главахъ мы знакомимся съ стоянкой и мастерской каменнаго вѣка у подножья Юрьевой горы, съ случайными археологическими находками изъ камня, бронзы, желѣза, глины, кости, стекла, серебра и золота, знакомимся съ результатами небольшого антропологическаго изслѣдованія въ видѣ таблицы измѣреній нѣкоторыхъ череповъ и другихъ костей скелетовъ, найденныхъ близь Смѣлы.

Изслѣдованные курганы въ окрестностяхъ Смѣлы существенно разнятся отъ кургановъ близь Гуляй-Города, которые, вѣроятно, принадлежали совсѣмъ другимъ народамъ, хотя и стоявшимъ на одной степени развитія съ жившими около Смѣлы. Курганы около Смѣлы рѣзко раздѣляются на два типа—древнѣйшій и позднѣйшій, съ переходной ступенью между ними. По наружному виду они не представляютъ никакой разницы, значительно, однако, отличаясь по внутреннему строенію, какъ въ обрядѣ погребенія, такъ и во многихъ другихъ подробностяхъ. Курганы того и другого типа двухэтажнаго строенія, впрочемъ, отличнаго въ формѣ ямы, въ размѣрѣ ея, въ характерѣ постройки нижняго деревяннаго склепа. Надъ склепами впослѣдствіи времени насыпался курганъ, который служилъ для новыхъ погребеній. Между нижними и верхними погребеніями проходило весьма долгое время, въ пользу чего говоритъ бо́льшая сохранность костей въ верхнихъ слояхъ кургана, слѣды бронзы, присутствіе глиняныхъ урнъ и горшечковъ, которые, вѣроятно, ставились въ силу обычая съ яствами и напитками. Въ курганахъ древнѣйшаго типа замѣчательно полное отсутствіе желѣзныхъ предметовъ; здѣсь мы встрѣчаемъ издѣлія либо изъ глины, либо изъ кремня. въ видѣ скребковъ и оконечностей стрѣлъ; изрѣдка на шеѣ видны слѣды бронзовыхъ украшеній, попадаются въ верхнихъ слояхъ бронзовые удила и наконечники стрѣлъ. Существеннымъ признакомъ древнѣйшихъ кургановъ является также постоянно встрѣчаемая красная окраска костей, происходившая по остроумной догадкѣ нашего археолога вслѣдствіе окраски внутренности склепа въ красный цвѣтъ, который переходилъ съ гніеніемъ досокъ и ихъ осяданіемъ на кости трупа. Такой окраски въ курганахъ позднѣйшихъ совершенно не замѣчается. Большинство изъ кургановъ этого типа разграблено, что составляетъ ихъ отличительную черту. Разграбленіе происходило въ періодъ близкій къ погребенію и объясняется присутствіемъ въ могилахъ сравнительно цѣнныхъ вещей.

По этимъ находкамъ мы можемъ судить о большой роскоши жившаго здѣсь народа: здѣсь мы встрѣчаемъ съ одной стороны золотыя бляшки на одеждахъ, серебряныя и янтарныя украшенія, тонко тканныя разноцвѣтныя платья, зеркала и браслеты, а также принадлежности туалета, каковы разныя краски, при особыхъ приспособленіяхъ для растиранія этихъ красокъ; съ другой стороны, воинственныя принадлежности—мѣдныя копья и стрѣлы; встрѣчаются наглядныя указанія на битвы; на обширныя торговыя сноше-

это догадка не восходящая далѣе VI вѣка до Р. Х., согласно свидѣтельству Геродота, догадка—и только. Такія же догадки можно дѣлать о тѣхъ 20 курганахъ, которые изслѣдованы около Гуляй-Города. Здѣсь точно также наблюдаются два типа погребеній съ такими же отличительными признаками, за исключеніемъ не встрѣчающейся красной окраски костей. Несомнѣнно, что эти курганы принадлежатъ другому народу, у котораго замѣчается полное отсутствіе цѣнныхъ металловъ—золота и серебра, и изобиліе бронзы. Бронзовыя предметы напоминаютъ кавказскія бронзы, они грубы и покрыты характерной патиной. Въ этихъ курганахъ совершенно не проявляется вліяніе греческаго искусства; мы не находимъ вовсе мелкихъ предметовъ греческаго издѣлія и совершенно отсутствуютъ греческіе терракотовые сосуды. Только подробные матеріалы дадутъ возможность выяснить всѣ тѣ вопросы, которые возникаютъ при раскопкѣ кургановъ, только будущее дастъ возможность для научныхъ обобщеній. Теперь же приходится ограничиться констатированіемъ фактовъ, не щадя труда, энергіи, терпѣнья, времени и денежныхъ затратъ, для того, чтобы буквально по камню приносить для постройки будущаго зданія. Трудный путь, тяжелый трудъ, трудное будущее. Но тѣмъ безкорыстнѣе и почтеннѣе роль немногихъ преданныхъ своему дѣлу энергичныхъ труженниковъ, которые работаютъ для этого будущаго. Таковъ именно графъ Бобринскій, издавшій во всѣхъ отношеніяхъ образцово свой новый трудъ: это огромный фоліантъ въ полтораста страницъ текста, напечатаннаго на глазированной бумагѣ крупнымъ и разгонистымъ шрифтомъ, съ полями въ ладонь и иллюстрированнаго двадцатью четырьмя превосходно, художественно исполненными гравюрами-таблицами. Таблицамъ предпослано подробнѣйшее объясненіе ихъ по отдѣльнымъ, пронумерованнымъ предметамъ; не забытъ и справочный указатель, да кромѣ того въ началѣ фоліанта приложены двѣ географическія карты 1) Кіевской губерніи; 2) окрестностей мѣстечка Смѣлы, съ обозначеніемъ ближайшихъ кургановъ,—обѣ въ большомъ масштабѣ, обѣ тонкой и изящно-отчетливой работы. Рѣдкое и исключительное содержаніе этого тяжеловѣснаго фоліанта вполнѣ однимъ словомъ гармонируетъ съ исключительной роскошью изданія и великолѣпіемъ какъ рисунковъ, такъ и другихъ приложеній. Жалко только, конечно, что и читатели фоліанта будутъ исключительно спеціалисты. А сколько сдѣлано затратъ?

С. Т—въ.

О жизнеописаніи Ювенала. Изслѣдованіе Д. И. Нагуевскаго, ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета. Изданіе второе, дополненное. Казань. 1887.

Ювеналу посчастливилось за послѣднее время у насъ болѣе, чѣмъ какому-либо другому изъ римскихъ классиковъ. Профессоръ Благовѣщенскій помѣстилъ объ немъ цѣлый рядъ изслѣдованій въ «Журналѣ Министерства Нар. Просв.». Извѣстный поэтъ А. Фетъ въ 1885 г. издалъ отдѣльной книгой переводъ его сатиръ съ объясненіями и тѣмъ вызвалъ на свѣтъ нѣсколько статей различнаго достоинства. Мы слышали, что недавно въ Москвѣ вышелъ другой тоже стихотворный переводъ Ювенала г. Адольфа,

передъ нами брошюры, г. Нагуевскій, какъ о томъ свидѣтельствуетъ обложка ея, посвятилъ тому же Ювеналу цѣлыхъ пять отдѣльно изданныхъ сочиненій, изъ которыхъ одно написано имъ полатыни (докторская диссертація: «De Juvenalis vita observationes Dissertatio inauguralis Rigae 1883»), а другое («Римская сатира и Ювеналъ. Митава. 1859») имѣетъ весьма почтенный размѣръ (464 стр.). Кромѣ того, двѣ его брошюры («Характеръ и развитіе римской сатиры. Рига 1872» и «Отвѣтъ г. Благовѣщенскому. Воронежъ 1883»), очевидно, касаются того же поэта, и ему же посвящена статья г. Нагуевскаго, напечатанная въ 1880 г. въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.».

Почему такъ везетъ Ювеналу относительно переводчиковъ — статьи г. Благовѣщенскаго тоже сводились къ переводу и примѣчаніямъ—понятно само собою; римская сатира есть единственный вполнѣ оригинальный продуктъ творчества грубоватыхъ и неизобрѣтательныхъ въ области чисто-духовной дѣятельности владыкъ міра; а Ювеналъ — самый даровитый и искренній ея представитель. Почему г. Нагуевскій такъ упорно разрабатываетъ одного только Ювенала, это, конечно, его личное дѣло; мы же замѣтимъ только, что такое сосредоточеніе энергіи на извѣстной небольшой группѣ вопросовъ, особенно часто встрѣчающееся между филологами (извѣстно, что одинъ нѣмецкій ученый, лѣтъ 20 изучавшій Тацита, издалъ наконецъ комментарій къ нему, написанный совершенно тацитовскимъ языкомъ, такъ что къ нему понадобился опять-таки комментарій), имѣетъ свою дурную и свою хорошую сторону; дурно то, что съуживается область дѣятельности основательно подготовленнаго спеціалиста; хорошо то, что въ этой узкой области ученый является полнымъ хозяиномъ дѣла, что въ этой имъ же глубоко вырытой ямѣ всякій ударъ его заступа отрываетъ хотя бы нѣсколько крупинокъ золотой истины. Поэтому, отъ всякой новой статьи или брошюры человѣка, уже 15 лѣтъ работающаго надъ однимъ классикомъ, не только публика, но и спеціалисты въ полномъ правѣ ожидать новаго слова.

Въ началѣ своего предисловія г. Нагуевскій говоритъ: «Сравнительно съ двумя прежними изданными мною изслѣдованіями о жизни Ювенала, изъ которыхъ первое было напечатано въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (1880, май), второе, какъ докторская диссертація, появилось на латинскомъ языкѣ съ дополненіями (De Juv. vita и пр.)—предлагаемое второе изданіе является въ измѣненномъ и дополненномъ видѣ. Положивъ въ основаніе два прежнія изслѣдованія съ нѣкоторыми сокращеніями, авторъ въ настоящемъ изданіи отвелъ надлежащее мѣсто новѣйшей литературѣ о Ювеналѣ, при чемъ подробнѣе коснулся мнѣній, высказанныхъ Вэленомъ, графомъ Ал. В. Олсуфьевымъ и Риттвегеромъ» (слѣдуютъ указанія). Далѣе авторъ говоритъ о монографіи Гильда, которою вполнѣ онъ могъ воспользоваться только по напечатаніи своей брошюры, но онъ не признаетъ ее важною.

Брошюра г. Нагуевскаго распадается на 2 очень неравныя главы: 1-ая (въ 4 стр., отъ 4—9) говоритъ объ источникахъ жизнеописанія Ювенала, 2-ая (отъ стр. 9 до 36) излагаетъ самое жизнеописаніе. Въ 1-ой гл. авторъ перечисляетъ 9 жизнеописаній Ювенала, объясняетъ, согласно со всѣми своими предшественниками, происхожденіе этихъ vitae, отмѣчаетъ тѣ изъ нихъ

[illegible] послужило основаніемъ всему разсказу о ссылкѣ Ювенала. Во 2-ой главѣ авторъ прежде всего, разумѣется, изслѣдуетъ вопросъ о годѣ рожденія Ювенала и приходитъ къ заключенію, что онъ родился въ сороковыхъ годахъ перваго вѣка, т. е. къ тому же, что считается установившимся еще съ 1847 г., со времени появленія изслѣдованія Боргезе. Пререканія г. Нагуевскаго съ «талантливымъ рецензентомъ перевода г. Фета графомъ Олсуфьевымъ», который относитъ рожденіе Ювенала къ 49 году, признаемся, кажутся намъ непонятными. О происхожденіи Ювенала г. Нагуевскій ничего не говоритъ, вѣроятно, потому, что въ предисловіи онъ высказалъ свое согласіе съ извѣстіемъ трехъ біографій о томъ, что отецъ Ювенала былъ вольноотпущенникъ, при чемъ впрочемъ онъ не приводитъ никакихъ данныхъ въ его подкрѣпленіе.

Съ стр. 13 г. Нагуевскій, не касаясь ни воспитанія Ювенала, ни условій, при которыхъ протекла его молодость, приступаетъ къ рѣшенію запутаннаго вопроса о времени ссылки Ювенала. Считая причиной ссылки тѣ же пресловутые стихи VII сатиры (90—92) относительно пантомима Париса, г. Нагуевскій тѣмъ не менѣе относитъ изгнаніе поэта не къ тому времени, когда Парисъ былъ въ силѣ, а къ концу царствованія Домиціана, когда Париса уже въ живыхъ не было: онъ былъ убитъ самимъ же Домиціаномъ. Едва ли можно считать вѣроятнымъ, чтобы самый злой тиранъ, только попугавъ того, кто задѣнетъ его фаворита, подвергъ его наказанію тогда, когда разочаровался въ этомъ фаворитѣ. Напротивъ, паденіе Париса должно бы было примирить Домиціана съ сатирикомъ. Единственный аргументъ г. Нагуевскаго—IV жизнеописаніе, въ которомъ онъ самъ признаетъ только «слѣды древнихъ указаній». Что же касается до эпиграммъ Марціала (VII, 24 и 91), онѣ только доказываютъ, что Ювеналъ во время ихъ написанія находился въ Римѣ; но вѣдь мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній о томъ, сколько времени продолжалась ссылка Ювенала, а г. Нагуевскій на стр. 29 сомнѣвается «дѣйствительно ли Ювеналъ Марціала тожественъ съ нашимъ сатирикомъ». Мы, впрочемъ, не раздѣляемъ этого сомнѣнія, да и самъ г. Нагуевскій къ нему относится какъ-то не серьезно, такъ какъ въ окончательномъ выводѣ (стр. 36) онъ повторяетъ всѣми признанный фактъ о дружбѣ Ювенала съ Марціаломъ (ср. также стр. 25).

Доказывая, что ссылка Ювенала имѣла мѣсто именно при Домиціанѣ, г. Нагуевскій аргументируетъ такимъ образомъ: Квинтиліанъ умалчиваетъ о Ювеналѣ, а онъ къ этому могъ имѣть только одинъ поводъ—нерасположеніе Домиціана къ сатирику; если же Домиціанъ ненавидѣлъ Ювенала, то стало быть онъ и долженъ былъ сослать его. Едва ли слѣдуетъ доказывать слабость такой аргументаціи: можно основывать выводъ на томъ, что сказалъ историкъ, а не на томъ, о чемъ умолчалъ онъ: поводовъ къ умолчанію Квинтиліана можно найдти множество.

Переходя (съ стр. 20) къ вопросу о мѣстѣ ссылки Ювенала, г. Нагуевскій высказывается въ пользу Египта. Такъ какъ самъ Ювеналъ ничего не говоритъ о своей ссылкѣ, а сомнительныя біографіи его раздѣляются въ этомъ пунктѣ на двѣ группы (однѣ стоятъ за Шотландію, другія за Египетъ), то также трудно возражать г. Нагуевскому, стоящему за авторитетъ

біографы не могли найдти въ сатирахъ Ювенала никакихъ указаній, которыя навели бы ихъ на мысль объ этомъ. Какъ такъ? Біографъ, сказавъ, что Ювеналъ былъ сосланъ, ставитъ себѣ вопросъ: куда? Въ XV сатирѣ (45 ст.) онъ находитъ указаніе, что Ювеналъ лично былъ въ Египтѣ (quantum ipse notavi); зачѣмъ онъ попалъ туда? Въ почетную ссылку (per honorem militiae). Относительно Шотландіи г. Нагуевскій держится того, уже многими высказаннаго, мнѣнія, что Ювеналъ былъ тамъ съ своей когортой. Невѣроятнаго здѣсь ничего нѣтъ; но считать это неопровержимо доказаннымъ (стр. 32 и стр. 23) тоже нѣтъ никакой возможности: возстановленная Моммсеномъ надпись свидѣтельствуетъ только о томъ, что Ювеналъ служилъ въ 1-ой далматской когортѣ; но тогда ли, когда она была въ Британіи или нѣтъ, мы не знаемъ. Относительно времени этой службы г. Нагуевскій держится взглядовъ Синнерберга, взглядовъ остроумныхъ, но недоказанныхъ.

Относительно положенія Ювенала въ Римѣ г. Нагуевскій, не вдаваясь въ подробности, повторяетъ домыслы своихъ предшественниковъ и въ весьма мрачныхъ краскахъ рисуетъ отношенія Ювенала къ непринявшей его въ свою среду аристократіи (стр. 30). Можетъ быть, это все и такъ, но только все это не доказано; самъ г. Нагуевскій не счелъ возможнымъ воспользоваться этимъ въ своихъ выводахъ, которыми онъ заключаетъ свою брошюру (стр. 34—36).

Вотъ все немногосложное содержаніе новаго труда г. Нагуевскаго. Изложеніе его вовсе не отличается ясностью и изяществомъ. Неправильныя выраженія въ родѣ: «Особенно онъ (Парисъ) понравился римскимъ дамамъ, которыя подъ часъ не чужды были съ нимъ и любовныхъ интригъ» (стр. 15) и полонизмы въ родѣ: «примѣръ В. Гюго и пр. (есть) тому доказательствомъ» (стр. 12) непріятно пестрятъ брошюру. Неправильно даже и самое заглавіе ея «О жизнеописаніи Ювенала», которое, очевидно, произошло изъ недостаточнаго разграниченія двухъ русскихъ значеній слова: vita; равно какъ неточно и названіе этой книжечки вторымъ (крупный шрифтъ въ оригиналѣ) изданіемъ.

Мелкихъ фактическихъ недосмотровъ въ трудѣ г. Нагуевскаго гораздо больше, чѣмъ страницъ. Вотъ примѣры: онъ цитируетъ статью Штампини въ Rivista di philologia (стр. 5); не нужно быть большимъ знатокомъ итальянскаго языка, чтобы знать, что звукъ шт поитальянски не возможенъ и что филологія поитальянски, какъ и порусски, пишется съ однимъ ф. Извѣстный гуманистъ Казаубонъ напрасно названъ Казабаномъ (6). IV-я сатира Ювенала не съ 34 стиха осмѣиваетъ Криспина (стр. 17), а напротивъ до 34 стиха и т. д., и т. п. Такая небрежность корректуры (?) непростительна въ спеціальномъ филологическомъ изслѣдованіи.

А. К.

50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права. А. Павлова. Москва. 1887.

«Мы до сихъ поръ не имѣемъ полной догматической системы особеннаго каноническаго права отечественной церкви»,—говоритъ г. Павловъ въ предисловіи къ настоящему труду.—«Нужно исполнить не малое число предва-

нихъ дѣйствующее право или такое, которое должно быть признаваемо дѣйствующимъ». Исходя изъ этого вполнѣ справедливаго положенія, почтенный проф. Московскаго университета беретъ предметомъ своихъ работъ тѣ именно источники, «относительно которыхъ уже давно обнаружились и теперь продолжаются разныя колебанія въ церковномъ законодательствѣ и на практикѣ». Съ этою цѣлью онъ издалъ въ 1872 г. «Номокононъ при Большомъ Требникѣ», а въ настоящее время вышепоименованное изслѣдованіе. Надъ тою же темою работалъ и проф. Петербургскаго университета г. Горчаковъ, но въ его трудъ «О тайнѣ супружества» вкралось немало недостатковъ и невѣрныхъ выводовъ, которые въ изслѣдованіи г. Павлова устраняются и подвергаются строгой критикѣ. Жаль только, что критикъ держится черезчуръ рѣзкаго (мѣстами даже грубаго) тона въ отношеніи своего предшественника по разработкѣ настоящаго вопроса. 50-я гл. Кормчей, какъ источникъ русскаго брачнаго права, происходитъ отъ Кіевскаго митрополита Петра Могилы, который съ своей стороны для I части статьи «Требника», имѣющей содержаніемъ «о тайнѣ супружества» взялъ источникомъ Ритуалъ католической церкви папы Павла V, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія «съ цѣлью, такъ сказать, полнаго обращенія римско-католической статьи въ православіе», а для второй части, имѣющей содержаніемъ «о сродствѣ въ тайнѣ супружества»—Эктезисъ Хартофилакса Константинопольской церкви Мануила Ксанѳянина. Распространенію Эктезиса не только въ греческой, но и въ другихъ церквахъ православнаго Востока, содѣйствовали: во 1-хъ каноническій сборникъ Мануила Малакса, составленный въ 1562 г., куда Эктезисъ принятъ былъ почти цѣликомъ, и во 2-хъ печатное изданіе этого памятника, вышедшее въ 1564 г., въ Венеціи, изъ рукъ Захаріи Скордилія, по прозванію Марафары. Этимъ-то изданіемъ Скордилія и пользовался Петръ Могила при новомъ изданіи «Требника», принимая статью котораго въ Кормчую, всероссіе патріархи сдѣлали въ обѣихъ частяхъ нѣкоторыя исправленія, сокращенія и приспособленія къ особенностямъ помѣстной церковной практики. Таковъ въ его главнѣйшихъ моментахъ анализъ источниковъ 50-й главы Кормчей, сдѣланный проф. Павловымъ. Авторъ ставитъ вопросъ: каковъ этотъ источникъ самъ по себѣ, по своимъ внутреннимъ достоинствамъ? и разрѣшаетъ его въ пользу источника на основаніи сравненія статьи: во 1-хъ, съ коренными и неизмѣнными нормами православнаго брачнаго права, содержащимися въ законодательствѣ Вселенской церкви и во 2-хъ, съ тѣми статьями о бракахъ, которыя въ эпоху принятія статьи «Требника» въ Кормчую имѣли практическое значеніе и въ русской и греческой церкви. Выводъ изъ сравненія тотъ, что статья «Требника» не содержитъ въ себѣ ничего несогласнаго съ основными канонами Вселенской церкви и что, «если въ 50-й главѣ и встрѣчаются нѣкоторыя неточности и даже противорѣчія, то эти недостатки настолько незначительны, что прежняя практика, говоря вообще, вовсе ихъ не замѣчала и не умаляла сравнительнаго достоинства главы въ цѣломъ составѣ... Для практики она преимущественно важна была, какъ техническое руководство къ точному опредѣленію степеней родства и свойства... и (у насъ) до сихъ поръ нѣтъ другого, по крайней мѣрѣ, оффиціальнаго руководства, которое по ясности и полнотѣ росписей родства и свойства (въ

особенности послѣдняго) можно было бы поставить на одну линію съ 50-й главой Кормчей».

Историко-каноническій анализъ обѣихъ составныхъ частей 50-й главы Кормчей: «о тайнѣ супружества», гдѣ излагается понятіе о бракѣ и даются наставленія священнику о порядкѣ и условіяхъ его совершенія и «о сродствахъ въ тайнѣ супружества», гдѣ приводятся различные виды родства, составляющаго препятствіе къ браку, приводитъ автора къ постановкѣ вопросовъ: даетъ ли Кормчая, по включеніи въ нее статьи «Требника», сравнительно съ старыми источниками, какія-либо новыя опредѣленія и нормы по брачному праву и, если даетъ, то насколько эти опредѣленія и нормы усвоены были позднѣйшимъ русскимъ законодательствомъ и практикою и сохраняютъ ли въ какомъ-нибудь отношеніи свое непосредственное дѣйствіе въ брачномъ правѣ до настоящаго времени?» Рѣшеніе этихъ вопросовъ позволяетъ автору выставить нѣкоторыя интересныя положенія практическаго свойства. Такъ онъ говоритъ: въ § 4. — «Собственно-русское церковное законодательство о различныхъ видахъ родства, составляющаго препятствіе къ браку, ослабивъ обязательную силу византійскихъ церковныхъ законовъ, изложенныхъ въ 50-й и 51-й гл. Кормчей, въ нѣкоторомъ отношеніи уклонилось и отъ тѣхъ нормъ православнаго брачнаго права, которое содержится въ канонахъ Вселенской церкви (прямое разрѣшеніе брака во второй степени духовнаго родства и косвенное—въ первой)»; въ § 5. «Такъ какъ по точному смыслу указа 19 января 1810 года епархіальные архіереи не могутъ не давать разрѣшенія на браки въ родствѣ и свойствѣ (двухродные), превышающемъ 4-ю степень, то это разрѣшеніе есть не болѣе какъ простая формальность, отмѣна которой не причинила бы никакого ущерба церковной правдѣ, но соблюденіе которой не рѣдко соединяется для заинтересованныхъ лицъ съ большимъ неудобствомъ»; въ § 6 «Установленная въ 50-й гл. Кормчей полная аналогія между родствомъ духовнымъ и родствомъ по усыновленію должна быть выдерживаема и въ дѣйствующемъ брачномъ правѣ»; въ § 7. «Родство физическое или незаконное (если оно извѣстно) должно быть признаваемо препятствіемъ къ браку»; въ § 8. «Новый способъ исчисленія степеней свойства, по которому каждый изъ супруговъ въ отношеніи къ кровнымъ родственникамъ другого принимается за особую степень, долженъ быть отвергнутъ однажды навсегда, какъ прямо антикононическій»; въ § 9. «Дни и времена въ году, въ которые не должно совершаться вѣнчаніе браковъ, не исчислены вполнѣ и со всею точностію ни въ одномъ законодательномъ актѣ русской церкви, вслѣдствіе чего въ нашей церковной практикѣ и теперь возможны случаи несогласія въ этомъ отношеніи». Этими положеніями заканчивается 1-я половина книги, составляющая изслѣдованіе въ собственномъ смыслѣ; 2-ю половину составляютъ «Приложенія», изъ которыхъ одни изданы всего въ первый разъ, а иныя въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Приложенія эти составляютъ: 1) текстъ 50-й гл. Кормчей, параллельно съ ея источниками; 2) Роспись (греческая) степеней родства и свойства, въ которыхъ бракъ запрещенъ или дозволенъ, составленная неизвѣстнымъ авторомъ около половины XI вѣка; 3) Мнѣніе Даніила, митрополита ефесскаго по прозванію Спана (конца XV вѣка), о бракѣ между сыномъ крестника и внукою крестнаго отца; 4) Трактатъ о порядкѣ и условіяхъ совершенія брака, составленный отъ лица св. Сvнода с.-петербургскимъ архіепископомъ Гавріиломъ Кременецкимъ (безъ заглавія); 5) Предписанія къ предупрежде-

Правительствующаго Сvнода, послѣдовавшихъ по дѣламъ о бракахъ, совершившихся въ разныхъ сродствахъ,—трудъ митрополита Евгенія (Болховитинова), хранящійся между рукописями Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора подъ № 65; 7). Изъ меморій частной духовно-гражданской комиссіи въ дирекціонную комиссію о сочиненіи новаго уложенія отъ 11-го іюня 1769 г.; 8) А) Іоанна монаха Зонары отъ лица архіереевъ о томъ, что не должно двумъ троюроднымъ братьямъ жениться на одной и той же, Б) святѣйшаго патріарха антіохійскаго Ѳеодора Вальсамона мнѣніе по обсуждавшемуся въ Сvнодѣ вопросу о томъ, можно ли одному и тому же вступать въ бракъ съ двумя троюродными сестрами.

Изслѣдованіе г. Павлова, посвященное высокопреосвященному Алексію, архіепископу Виленскому и Литовскому, составляетъ, безспорно, богатый вкладъ въ нашу церковно-историко-юридическую литературу и главнымъ образомъ, со стороны анализа источниковъ и приложеній. Что же касается до обработки самого вопроса «о тайнѣ супружества», то въ этомъ отношеніи трудъ г. Горчакова представляетъ интересующимся этимъ вопросомъ гораздо болѣе матеріала и обнимаетъ его въ бо́льшей полнотѣ, какъ со стороны его историческаго, такъ и со стороны его догматическаго развитія.

В. Г.

Обозрѣніе посланій святаго Климента, еп. римскаго, къ коринѳянамъ. Выпускъ первый. Обозрѣніе перваго посланія. Александра Приселкова. Спб. 1888.

Въ исторіи святоотеческой литературы, какъ извѣстно, первое мѣсто занимаютъ творенія мужей апостольскихъ, бывшихъ первыми авторитетными распространителями и провозвѣстниками апостольскаго преданія. Будучи тѣсно связаны съ писаніями апостоловъ, эти памятники облегчаютъ знакомство съ ними уже потому, что появились при тѣхъ же или очень подобныхъ историческихъ условіяхъ. Они знакомятъ насъ съ библейскимъ текстомъ, какой употреблялся въ первобытной христіанской церкви; представляютъ данныя для рѣшенія вопросовъ о подлинности, неповрежденности и употребленіи св. книгъ Ветхаго и Новаго завѣта; до нѣкоторой степени знакомятъ съ состояніемъ и устройствомъ первоначальной церкви, съ ея ученіемъ, догматическимъ и нравственнымъ. Въ нихъ, вообще, найдутъ для себя не мало матеріала и церковный историкъ, и догматистъ, и моралистъ. Въ ряду сочиненій мужей апостольскихъ, посланія св. Климента, еп. римскаго, ставятъ на первомъ мѣстѣ не только католическіе богословы, напр., Люмперъ и Галландъ, но и нашъ отечественный патрологъ, Филаретъ, арх. черниговскій. Между тѣмъ, въ русской литературѣ до сихъ поръ нѣтъ обстоятельнаго изслѣдованія посланій этого отца. «Патрологическій опытъ», П. С., подъ заглавіемъ: «Святый Климентъ, епископъ римскій», Спб., 1852 г., представляющій на пространствѣ 31 стр., біографическія свѣдѣнія о св. Клментѣ, обозрѣніе твореній, извѣстныхъ съ именемъ этого отца, и его ученіе, напоминаетъ, по справедливому замѣчанію А. Приселкова «о тѣхъ запискахъ, которыя выдавались наставниками семинарій семинаристамъ въ то не очень

дѣнія о приходѣ черкасъ на государеву службу въ украинскіе московскіе города, о надѣленіи ихъ землею, о раздачѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Эти документы относятся къ московскимъ пограничнымъ городамъ. Слободско-украинскіе документы знакомятъ насъ со списками служилыхъ черкасъ разныхъ статей въ разныхъ городахъ, со смѣтными и строельными книгами, съ оброчными и другими книгами, заключающими въ себѣ свѣдѣнія о разныхъ повинностяхъ, взыскиваемыхъ съ населенія, съ вѣдомостями о двухъ татарскихъ погромахъ. Особое мѣсто занимаютъ дѣла, относящіяся къ исторіи управленія, но ихъ сравнительно не много. Такимъ образомъ, богатые матеріалы найдены въ I и II отд. архива. Богатѣйшій, неисчерпаемый матеріалъ хранится въ III вотчинномъ отдѣленіи архива, знакомящій насъ съ мѣстнымъ владѣніемъ въ Бѣлгородской украинѣ. Еще болѣе важныя данныя для исторіи великорусскихъ поселеній и государственной колонизаціи заключаютъ въ себѣ писцовыя книги по городу Бѣлгороду.

Въ архивѣ харьковскаго губернскаго правленія сосредоточены дѣла многихъ нынѣ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ. Отсюда г. Багалѣемъ извлечено громаднѣйшее «дѣло объ окружныхъ земляхъ» или иначе о постороннихъ владѣльцахъ, поселившихся на казацкихъ земляхъ въ харьковскомъ слободскомъ полку, пріобрѣвшихъ себѣ въ собственность самыми разнообразными способами. Оно напоминаетъ то генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ, которое производилось нѣсколько ранѣе въ малороссійскихъ полкахъ, и состоитъ изъ доношеній сотенныхъ правленій и документовъ на земли, сообщенныхъ владѣльцами.

Матеріалы, найденные въ архивѣ министерства юстиціи и харьковскихъ архивахъ, взаимно дополняютъ другъ друга. Первыя изображаютъ намъ, главымъ образомъ, такія стороны жизни населенія, которыя находились въ связи съ дѣятельностью центральнаго правительства, вторыя изображаютъ намъ эту жизнь со всѣми ея мѣстными особенностями. Весь напечатанный г. Багалѣемъ матеріалъ, можетъ быть, подведенъ подъ четыре рубрики: 1) исторія колонизаціи, 2) исторія землевладѣнія, 3) исторія управленія и 4) исторія сословныхъ отношеній. Большая часть документовъ относится къ исторіи колонизаціи. Сюда относятся самые ранніе документы, повѣтствующіе о первыхъ попыткахъ Московскаго государства закрѣпить за собою тотъ край, который впослѣдствіи времени получилъ названіе слободскихъ полковъ. Эти попытки состояли съ одной стороны въ устройствѣ сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ, а съ другой — въ постройкѣ городовъ. Не малый интересъ представляютъ документы о переселеніяхъ малороссіянъ изъ южнорусскихъ областей Рѣчи Посполитой. Въ малорусской колонизаціи нужно различать колонизацію казацкую и старшинскую или владѣльческую въ связи съ крестьянской. Для характеристики старшинской колонизаціи въ сборникѣ есть 16 дѣлъ, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о постороннихъ владѣльцахъ, пріобрѣвшихъ себѣ имѣнія на окружныхъ казачьихъ земляхъ, при чемъ мѣстными старожилами постоянно излагается и исторія этихъ владѣній.

Еще бóльшій интересъ представляютъ документы для исторіи землевладѣнія, уясняя вопросы какъ о происхожденіи крупной поземельной собственности, такъ о мелкомъ казачьемъ землевладѣніи. Отдѣлъ матеріаловъ по

лицъ разныхъ сословій, о повинностяхъ крестьянъ, о школахъ, богадѣльняхъ, мельницахъ, винокурняхъ и шинкахъ, и пр. Большая часть документовъ напечатана цѣликомъ, остальные съ сокращеніи. Нѣкоторые документы сведены въ общія таблицы, нѣкоторые напечатаны съ измѣненіями въ слогѣ. Если предлагаемый сборникъ сослужилъ уже службу автору въ качествѣ матеріаловъ для появившагося изслѣдованія подъ заглавіемъ: «Степная окраина Московскаго государства въ XVI—XVIII столѣтіяхъ», то и для другихъ изслѣдователей по данному вопросу онъ еще надолго останется необходимымъ пособіемъ, заключая какъ много цѣнныхъ и новыхъ документовъ, такъ и указанія на источники, изъ которыхъ эти документы были извлечены г. Багалѣемъ. С. Т—въ.

Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи. Выпускъ II-й. Составилъ и издалъ С. Шолковичъ. Вильна. 1887.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была уже помѣщена библіографическая замѣтка объ изданномъ въ 1885 году I-мъ выпускѣ названнаго Сборника [1]. Второй его выпускъ появляется въ свѣтъ уже послѣ кончины его составителя, некрологъ котораго также былъ помѣщенъ на страницахъ этого журнала [2]). Покойный Семенъ Вуколовичъ Шолковичъ, какъ уроженецъ Сѣверо-Западнаго края, тотчасъ по полученіи кандидатскаго диплома въ Кіевскомъ университетѣ, посвятившій свои труды учебному дѣлу родной ему страны,— съ безпримѣрнымъ трудолюбіемъ и особенною ревностію занимался научными изысканіями, въ которыхъ устойчиво выражалось русское направленіе и любовь къ родинѣ. Понятно по этому появленіе на первыхъ же страницахъ посмертнаго Сборника, одного изъ капитальнѣйшихъ трудовъ покойнаго— «О границахъ польской короны и великаго княжества Литовско-Русскаго» Эта монографія, потребовавшая кропотливой работы, основана на юридическихъ и историческихъ актахъ и, главнымъ образомъ, на двухъ граничныхъ журналахъ 1546 года и впервые появилась въ печати въ VIII выпускѣ «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», изд. П. Н. Батюшкова. Изъ того же изданія, напечатаннаго въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, взято въ разсматриваемый Сборникъ описаніе Люблинскаго съѣзда 1569 года, профессора И. И. Малышевскаго. Пополненіемъ этихъ статей служитъ «Перечень литовскихъ князей, исповѣдывавшихъ православную вѣру, а равно и древнѣйшихъ дворянскихъ западно-русскихъ фамилій». Интересный списокъ фамилій, потомки которыхъ въ бо́льшей ихъ части исповѣдуютъ уже латинскую вѣру и считаютъ себя поляками, составленъ покойнымъ редакторомъ «Вѣстника Юго-Западной Россіи» Говорскимъ; но этотъ перечень требуетъ теперь значительныхъ пополненій по тѣмъ историческимъ матеріаламъ, которые появились послѣ его составленія. Далѣе въ Сборникѣ находимъ труды И. С. Аксакова (Что такое полонизмъ?), М. Юзефовича,

---

[1]) Томъ XXIII, стр. 470, 471.
[2]) Томъ XXVI, стр. 665, 666.

св. Сунода о причинахъ неуспѣха въ Западномъ краѣ русскаго дѣла; три политическія записки графа М. Н. Муравьева, патріотизмъ котораго еще въ 1831 году, вынуждалъ его представить правительству истинное положеніе дѣлъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и соображенія о реорганизаціи его на русскихъ началахъ. Труды всѣхъ этихъ русскихъ государственныхъ мужей, ученыхъ и публицистовъ завершаются въ Сборникѣ «Открытымъ письмомъ ультрамонта-католика и поляка къ редакторамъ русскихъ и польскихъ журналовъ». Эта правдивая и чистосердечная рѣчь польскаго каноника и члена варшавскаго архіепископальнаго капитула, помѣщенная впервые въ «Варшавскомъ Дневникѣ», прошла едва замѣченною въ русскомъ обществѣ и русской литературѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ этотъ искренній открытый приговоръ историческимъ ошибкамъ польскаго общества и латино-польскаго духовенства, которое, по заключенію автора, въ своихъ отношеніяхъ къ русскому государю и правительству отступило отъ римско-католическаго вѣроученія и сдѣлалось ослушниками папскихъ декретовъ, повелѣвающихъ признавать установленныя отъ Бога верховныя власти, не оспаривать ихъ правъ, почитать ихъ и христіански повиноваться имъ. «Патріотъ не тотъ,—говоритъ почтенный авторъ,—кто ненавидитъ и бунтуется, кто отрицаетъ правду, кто мечтаетъ, кто вызываетъ сильнѣйшаго; но тотъ, кто любитъ, кто миренъ, кто практиченъ, кто повинуется своей вѣрѣ, наставляющей: никогда не бунтоваться; коль скоро государь царствуетъ, то подданные должны смотрѣть на него, какъ на своего природнаго государя и никогда не прикословить правамъ его и его законности». Это живое слово поляка-патріота производитъ отрадное впечатлѣніе въ особенности послѣ чтенія «Дружескихъ совѣтовъ» ксенда Фелинскаго (I вып. «Сборника»).

Въ видѣ приложенія къ книгѣ, находимъ карту границъ короны польской и вел. княж. Литовско-Русскаго съ древнѣйшихъ временъ до люблинской уніи и шесть палеографическихъ снимковъ: Туровскаго евангелія XI вѣка, грамоты Сигизмунда I городу Трокамъ 1516 года, Апостола 1525 г., судебнаго рѣшенія ковенскаго магистрата 1543 года, литовскаго статута и памянника или синодика Супраельскаго 1631 года; наконецъ, къ книгѣ приложенъ указатель изданій, изъ которыхъ были извлечены статьи для I-го выпуска «Сборника», восполняющій недостатокъ, замѣченный нами при обзорѣ I-го выпуска.

Интересующіеся судьбой нашей сѣверо-западной окраины по изданію С. В. Шолковича могутъ воскресить въ своей памяти главнѣйшіе историческіе и публицистическіе труды, касающіеся польскаго вопроса, и выяснить себѣ историческій ходъ событій въ той области, которая въ недалекомъ будущемъ (въ 1895 году) будетъ праздновать столѣтній юбилей своего присоединенія къ Россіи.

М. Городецкій.

Настоящее сочиненіе не есть самостоятельное изслѣдованіе на основаніи какихъ-либо новыхъ необнародованныхъ документовъ и не обнимаетъ собою дѣятельности маститаго іерарха православной церкви во всей ея полнотѣ. Авторъ воспользовался изданными Академіею Наукъ, по завѣщанію покойнаго митрополита, на оставленныя имъ для этой цѣли средства, тремя обширными томами его мемуаровъ, и на основаніи этого новаго источника составилъ краткій очеркъ дѣятельности литовскаго апостола, имѣя въ виду «напомнить... нашей духовной публикѣ о той свѣтлой личности, которая стала забываться...» Но не только духовная публика имѣетъ основаніе интересоваться дѣятельностью этой грандіозной личности, и свѣтскій читатель, если ему только не чужды дѣла родной земли и дороги воспоминанія о его лучшихъ людяхъ, долженъ съ вниманіемъ и благодарностью остановиться на каждой строчкѣ, относящейся къ жизнеописанію борцовъ за русское дѣло въ Западномъ краѣ. Дѣло, вынесенное этими людьми на своихъ плечахъ, почти безъ поддержки, есть воистину великое, общечеловѣческое дѣло, настоящая оцѣнка которому предстоитъ будущему суду исторіи. Сирый, слабый и забитый туземецъ Литвы и Бѣлоруссіи обрѣлъ въ ихъ лицѣ настоящихъ спасителей: они возвратили ему его личность, его человѣческое *я* и разсѣяли окружавшій его мракъ и неправду, вывели его на настоящій естественно-историческій путь. И достигнуть этого удалось почти невѣроятными усиліями; каждый свой шагъ приходилось обдумывать и постоянно отбиваться и отъ с в о и х ъ и отъ чужихъ враговъ; нужно было бороться и съ косностью массы, и съ явнымъ противодѣйствіемъ недруговъ, и съ равнодушіемъ тѣхъ, кто долженъ бы былъ быть истиннымъ другомъ и помощникомъ. Раскройте жизнеописаніе Іосифа Сѣмашки и вы остановитесь въ изумленіи, какъ могъ одинъ человѣкъ при тѣхъ условіяхъ остаться непоколебимымъ въ своемъ дѣлѣ, откуда у него бралась сила, какъ велика была вѣра въ правоту своихъ начинаній. Съ ранняго возраста запала въ его душу мысль «отторгнутыхъ насиліемъ возсоединить любовью», и эту любовь понесъ онъ своему литовскому народу, не ослабѣвая ни при какихъ трудностяхъ. Стойкость его въ проведеніи своихъ принциповъ была изумительна: онъ былъ вездѣ одинаковъ и ц ѣ л е н ъ, и передъ сильнымъ міра сего, и передъ равнымъ, и передъ подчиненнымъ. Ни министры, ни губернаторы, ни генералы, не могли поколебать разъ принятыхъ имъ намѣреній. Мѣриломъ всѣхъ его дѣйствій, всѣхъ милостей, всѣхъ взысканій—были правда, заслуга, несчастіе, сознаніе высоты своего положенія. По внѣшнему виду онъ не былъ нѣженъ, мягокъ и уступчивъ, да и могъ ли онъ быть таковымъ, занимая такое воистину боевое положеніе, когда приходилось ломать старый строй, созданный польско-латинскими усиліями, создавать новый modus vivendi, перевоспитывать массу и проводить въ жизнь новыя начала. Вспомните дѣятельность любого реформатора, а таковымъ можетъ считаться Сѣмашко, и и вы поймете, что въ его положеніи нельзя было давать волю своимъ нѣжнымъ чувствамъ, поневолѣ приходилось быть подчасъ суровымъ и даже жестокимъ. Загляните въ домашнюю жизнь владыки, и вы найдете въ ней не мало сценъ, вызывающихъ умиленіе. Чуть не каждое лѣто объѣзжалъ онъ свою епархію и, не имѣя возможности побывать вездѣ, назначалъ духовенству въ

нужды, провинившимся дѣлалъ мѣткіе, строгіе выговоры, такъ что его и любили и боялись. Сѣмашко любилъ свое духовенство, входилъ всегда въ его жизнь, наставлялъ словомъ убѣжденія, а не мѣрами внѣшняго насилія. Онъ по одному взгляду умѣлъ распознавать человѣка и былъ чрезвычайно находчивъ въ жизненныхъ обстоятельствахъ. Сѣмашко не покидалъ ни на минуту мысли порвать въ корнѣ всѣ отношенія, коими выражалась зависимость уніатовъ отъ римско-католической церкви, поставить ихъ на твердую самостоятельную почву и окончательно слить ихъ съ православною церковью. Съ этою цѣлью имъ предпринимается цѣлый рядъ мѣръ, внушеній, по его инициативѣ исключительно издаются правительствомъ законоположенія, дѣлается воззваніе къ общественной благотворительности и пробуждается духъ національнаго самосознанія. И все это дѣлалось безъ всякой поддержки; латинское духовенство интриговало, православные дѣятели, какъ-то графъ Протасовъ, камергеръ Скрипицынъ «обнаруживали иногда вредныя несообразности», а послѣдній, будучи командированъ въ западныя губерніи «выбалтывалъ слишкомъ много чиновникамъ и латинскимъ помѣщикамъ». Наконецъ, послѣ невѣроятныхъ трудностей, дѣло возсоединенія уніатовъ съ православною церковью совершилось 25 марта 1839 г. Утомленный непосильными трудами, маститый іерархъ просилъ государя дозволить ему «прожить остатокъ дней своихъ частно по собственному избранію, но не въ монастырѣ», однако, этому не суждено было совершиться, и онъ былъ призванъ трудиться на пользу великаго дѣла благополучія литовскаго народа еще многіе годы; онъ ревностно учреждалъ школы, самъ лично избиралъ начальниковъ и учителей, создавалъ просвѣщенный классъ духовенства. Дѣятельность его за все это время изумительна по своему разнообразію, плодотворности и настойчивости. Уже при жизни его труды были оцѣнены по заслугамъ и его личность признана высокою и достойною великаго поклоненія. Недаромъ же московскій митрополитъ Филаретъ дарилъ его своей дружбой и обмѣнивался съ нимъ самыми сокровенными помыслами и думами. И чѣмъ далѣе мы будемъ уходить въ даль времени, чѣмъ болѣе матеріала будетъ въ нашемъ распоряженіи и чѣмъ беспристрастнѣе будетъ судъ исторіи, тѣмъ ярче будетъ блистать передъ нами образъ великаго реформатора, борца за свободу литовскаго народа, апостола православія въ Западномъ краѣ.

В. Г.

Сочиненія К. Н. Батюшкова. Изданіе пятое, общедоступное, съ портретомъ автора. Спб. 1888.

Въ прошломъ году, П. Н. Батюшковъ выпустилъ въ свѣтъ полное собраніе сочиненій своего брата, извѣстнаго поэта К. Н. Батюшкова. Это роскошное изданіе, въ трехъ томахъ, сопровождаемое обширной біографіей поэта, составленной Л. Н. Майковымъ, многочисленными примѣчаніями В. И. Саитова, портретами, рисунками и факсимиле. уже разошлось въ продажѣ, не смотря на свою относительно высокую цѣну (15 рублей). Такой успѣхъ, доказывающій, что современные читатели сознаютъ потребность знакомиться съ произведеніями даровитыхъ русскихъ писателей прошлаго времени, побу-

доступнымъ для большинства. Въ новое изданіе вошли всѣ сочиненія К. Н. Батюшкова, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя были написаны имъ въ молодости, а также писемъ семейнаго характера, не представляющихъ литературнаго, или общественнаго интереса, и включенныя въ четвертое изданіе въ видѣ матеріаловъ для біографіи. Обширное изслѣдованіе Л. Н. Майкова о жизни и сочиненіяхъ поэта замѣнено въ настоящемъ изданіи сжатымъ, но обстоятельнымъ біографическимъ очеркомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пятое изданіе, благодаря своей общедоступности, будетъ имѣть еще большій успѣхъ нежели предыдущее. С. Ш.

Вл. Штейнъ. Артуръ Шопенгауеръ, какъ человѣкъ и мыслитель. (1788—1860). Опытъ біографіи. Спб. Томъ I. 1887.

Надо сознаться, что философія намъ, какъ говорится, «не ко двору», хотя въ частной жизни мы большіе охотники философствовать, à la Фамусовъ, но почти всегда съ тѣми же послѣдствіями, къ которымъ приходилъ и почтенный родитель Софьи Павловны: «пофилософствуй—умъ вскружится». И не только вскружится, а частенько и «за разумъ зайдетъ». Поговорка эта едва ли не чисто-русскаго, національнаго происхожденія. Чтобы убѣдиться, какую незначительную роль философія играетъ въ нашемъ высшемъ образованіи, стоитъ только вспомнить судьбу ея въ русскихъ университетахъ, гдѣ на нее всегда смотрѣли подозрительно, то вовсе не допуская ея преподованія, то пристегивая ее къ логикѣ или гомилетикѣ. И не то, чтобы у насъ былъ недородъ философовъ; являлись они и на каѳедрѣ, и въ литературѣ, и въ разныхъ наукахъ, какъ Веланскій въ физикѣ, Дебольскій въ педагогикѣ, но все климатъ что ли мѣшалъ ихъ развитію, и сочиненія ихъ, хотя и мало читаемыя, подвергались по временамъ «изъятію изъ обращенія» какъ «Прошедшее философіи» де-Роберти. Самобытными философами мы были даже всегда богаты, начиная отъ Кифы Мокіевича и Кузьмы Пруткова, но мы говоримъ о серьезныхъ людяхъ науки, къ которымъ всегда стремилась наша интелигенція. Послѣ увлеченія французскою философіею и энциклопедистами въ концѣ прошлаго столѣтія, въ началѣ нынѣшняго мы стали изучать нѣмецкую философію: въ двадцатыхъ годахъ знакомились съ Кантомъ, въ тридцатыхъ восторгались Шеллингомъ, въ сороковыхъ увлекались Гегелемъ, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ увлеченія доходили до Бюхнера, Штрауса, Фейербаха, въ семидесятыхъ годахъ одно время былъ въ большой модѣ Эдуардъ Гартманъ, авторъ ученія о безсознательномъ. Между всѣми этими представителями нѣмецкаго ума, когда онъ обращался еще къ изслѣдованію вопросовъ о цѣли бытія, а не объ усовершенствованіи игольчатыхъ ружей, принадлежитъ и философъ, о которомъ и на его родинѣ заговорили только послѣ его смерти, а у насъ занялись имъ въ восьмидесятыхъ годахъ, но разомъ перевели всѣ его главныя произведенія, пишутъ критическія изслѣдованія о его философскомъ міросозерцаніи (книга г. Калочинскаго), составляютъ цѣлые томы его афоризмовъ и мыслей, выходящіе въ короткое время вторымъ изданіемъ. И теперь вышла книга въ 580 страницъ, разсказывающая только первую половину его жизни. Такой обширной біографіи нѣтъ ни

смѣло называющій своихъ предшественниковъ на аренѣ философіи: Фихте, Шеллинга, Гегеля—шарлатанами, писавшими дребедень? Вопросы эти пытается рѣшить г. Штейнъ въ своей еще далеко не конченной книгѣ о Шопенгауерѣ, получившей такой обширный объемъ не потому, что жизнь философа, далеко не сложная и не богатая событіями, разсказывается слишкомъ подробно, но потому, что въ его біографіи, которую слѣдовало бы назвать критическою—подробно разбираются всѣ его сочиненія. Внѣшняя жизнь писателя служитъ только рамкою, въ которую включена въ хронологическомъ порядкѣ оцѣнка всѣхъ его произведеній. И г. Штейнъ производитъ эту оцѣнку обстоятельно и добросовѣстно, взявъ въ основу своего труда книгу Гвиннера, хотя существуетъ позднѣйшая біографія философа, составленная Юргенъ Бона-Майеромъ, подъ тѣмъ же названіемъ, какъ у г. Штейна «Arthur Chopenhauer als Mensch und Denker». Русскій авторъ не говоритъ зачѣмъ онъ далъ своему труду тоже заглавіе, но пользуется этою книгою какъ Ашеромъ, Фромановъ, Линднеромъ, Фрауенштедтомъ, Зейдлицомъ и др. Цитаты изъ сочиненій Шопенгауера приводятся по русскимъ переводчикамъ. Но о слабѣйшей дисертаціи—«четвертомъ корнѣ закона достаточнаго основанія», переведенномъ А. Фетомъ, не слѣдовало бы такъ распространяться. Немудрено, что вся она была продана на макулатуру. Слишкомъ обширно также изложено спеціальное опровержение Гётевской теоріи цвѣтовъ, но «Міръ какъ воля и представленіе» изложенъ ясно и основательно, также больше по переводу Фета. Языкъ г. Штейна вездѣ хорошъ, но переводъ риемованными стихами шопенгауеровскихъ стихотвореній очень слабъ. Лучше было бы не гоняться за риемами, а позаботиться о размѣрѣ. Къ книгѣ приложенъ портретъ Шопенгауера въ молодости—и семь страницъ опечатокъ. А сколько ихъ еще неисправлено! Покойный Траншель, добросовѣстно относившійся къ типографскому дѣлу, пришелъ бы въ ужасъ, взглянувъ на теперешнюю работу своей типографіи. В—ъ.

В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Томъ второй. Спб. 1888.

Мы уже говорили о прекрасномъ и полезномъ трудѣ гг. Руммеля и Голубцова: «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій» по выходѣ перваго тома, въ прошломъ году. Теперь составители выпустили второй томъ, заключающій въ себѣ 72 родословныхъ (на буквы М—Я). Кромѣ того, къ нему приложены обширныя дополненія и поправки къ первому тому и родословная Казначеевыхъ, составленная уже по отпечатаніи второго тома. Всѣ родословныя, вошедшія во второй томъ, обработаны въ высшей степени добросовѣстно и на основаніи тщательныхъ изысканій. Конечно, въ нихъ найдутся пропуски и даже ошибки, но тотъ, кто знаетъ, съ какими затрудненіями приходится бороться собирателямъ родословій, никогда не обвинитъ ихъ въ невольныхъ промахахъ. Мы находимъ раціональной систему, которой держались составители въ своемъ изданіи: они включали въ него только родословія, или вовсе еще не напечатанныя, или напечатанныя раньше съ большими пробѣлами. Такимъ образомъ, «Сборникъ» гг. Руммеля и Голуб-

другихъ изслѣдователей: Новикова, князя П. Долгорукова, князя Лобанова-Ростовскаго, П. Н. Петрова и проч. Искренно желаемъ, чтобы составители не остановились на второмъ томѣ и получили бы возможность продолжать свой почтенный трудъ. С. Ш.

Домострой. Издалъ В. А. Яковлевъ. Второе, исправленное изданіе. Одесса. 1887.

Первое изданіе «Домостроя» проф. Яковлева появилось двадцать лѣтъ тому назадъ («Домострой по рукописямъ Импер. Публичной Библіотеки. Подъ ред. В. Яковлева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1867»). Съ того времени литература этого памятника обогатилась новымъ изданіемъ его текста, сдѣланнымъ по древнѣйшей его рукописи библіотеки Моск. Общ. Ист. и Древностей И. Е. Забѣлинымъ (въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др.» 1881, кн. 2-я), и изслѣдованіемъ проф. Некрасова «Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя» (въ тѣхъ же «Чтеніяхъ» 1872, кн. 3-я). Г. Яковлевъ, пользуясь этими трудами, нашелъ своевременнымъ повторить свое изданіе.

Новое изданіе «Домостроя» сдѣлано по тѣмъ же спискамъ, что и первое. Общій типъ его остался прежній; измѣненія касаются лишь варьянтовъ, въ основаніе которыхъ положенъ списокъ, напечатанный г. Забѣлинымъ; другіе варьянты взяты изъ стараго изданія «Домостроя», сдѣланнаго г. Голохвостовымъ и изъ нѣкоторыхъ рукописей Публичной Библіотеки, служившихъ г. Яковлеву варьянтами и для перваго его изданія «Домостроя». Предисловіе перваго изданія г. Яковлева не входило ни въ какія соображенія о литературномъ значеніи издаваемаго памятника или о его составѣ, а ограничилось лишь сухимъ перечнемъ рукописей, послужившихъ матерьяломъ для изданія. Во второмъ изданіи предисловіе нѣсколько больше (стр. 1—8) и касается вскользь нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ историко-литературнымъ изученіемъ «Домостроя».

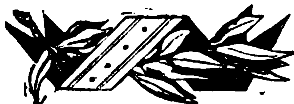
Во второмъ изданіи, какъ и въ первомъ, не мало опечатокъ и неточностей, бросающихся въ глаза даже безъ сличенія съ подлинникомъ; эта сторона въ подобнаго рода изданіяхъ имѣетъ немаловажное значеніе, и лишаетъ пользующагося изданіемъ довѣрія къ послѣднему. Затѣмъ, напрасно г. Яковлевъ въ предисловіи ко второму изданію выпустилъ перечисленіе (бывшее въ предисловіи къ 1-му изд.) рукописей, на которыхъ основано было изданіе Голохвастова; послѣднимъ онъ пользуется для своихъ варьянтовъ, называя сокращенно рукописи, о которыхъ нельзя получить точнаго понятія изъ предисловія; для этого необходимо прибѣгнуть или къ предисловію перваго изданія, или къ самому изданію Голохвастова. Для научныхъ же цѣлей желательно было бы и расширеніе приложеннаго къ изданію алфавитнаго указателя или, лучше, обращеніе его въ словарь къ «Домострою». Впрочемъ, какъ намъ извѣстно, однимъ изъ молодыхъ нашихъ ученыхъ уже оканчивается печатаніемъ подробный словарь къ этому памятнику.

Вообще, мы думаемъ, что изданіе проф. Яковлева, пригодное для педагогическихъ цѣлей, оставляетъ не малаго желать въ смыслѣ научномъ, и мы будемъ надѣяться, что г. Яковлевъ дастъ намъ современемъ изданіе

«Домостроя», вполнѣ достойное научной важности этого знаменитаго памятника русской литературы XVI вѣка. «Домострой» ждетъ подробнаго изслѣдованія, особенно со стороны культурно-бытовыхъ чертъ своего содержанія, чего весьма мало коснулся проф. Некрасовъ въ своемъ, упомянутомъ выше, изслѣдованіи о «Домостроѣ»; главной задачей его было разъясненіе вопроса о составѣ этого памятника. Средніе вѣка исторіи русской литературы (XIV, XV и XVI) остаются наименѣе изслѣдованными, а между тѣмъ для разработки ихъ (и особенно XVI-го вѣка) представляется огромный рукописный матерьялъ, надъ изданіемъ и объясненіемъ котораго русской исторической наукѣ предстоитъ не мало интереснаго и въ высшей степени плодотворнаго труда. **Е. П.**

Городъ Тотьма Вологодской губерніи. Историческій очеркъ. Составилъ В. Т. Поповъ, предсѣдатель Тотемской уѣздной земской управы, тотемскій городской гласный. Вологда. 1887.

Авторъ настоящей книжки относитъ основаніе Тотьмы къ самымъ отдаленнымъ временамъ, предполагая, что ее слѣдуетъ подразумѣвать подъ словомъ «у Тошьмѣ», встрѣчающимся у Карамзина подъ 1138 годомъ. Подъ собственнымъ именемъ Тотьма является у Карамзина въ первый разъ подъ 1539 г., и съ этого времени авторъ погодно прослѣживаетъ ея исторію до 1885 года. Способъ изложенія совершенно лѣтописный и въ этомъ его неудобство: въ матеріалѣ трудно разобраться, рядомъ приводятся извѣстія, нисколько между собой несвязанныя; такъ, напримѣръ, на стр. 38 поставлены вмѣстѣ слѣдующія извѣстія: «Въ 1681—82 годахъ цѣна соли въ Тотьмѣ на заводѣ была шесть и семь копѣекъ за пудъ. Въ 1682 году, во время стрѣлецкаго бунта, у стрѣлецкаго полковника Грибоѣдова правительствомъ были отняты вотчины, и онъ сосланъ въ Тотьму. Въ 1682 году учреждена Устюжская епархія, къ которой причисленъ и г. Тотьма, и епископы именовались Велико-Устюжскими и Тотемскими. Первымъ епископомъ былъ Гелासій». Ставя рядомъ извѣстія, не имѣющія между собой ничего общаго, приходится при такомъ способѣ изложенія разбивать извѣстія однородныя, и чтобы узнать, напр., о солевареніи въ Тотьмѣ, надъ книгой надо производить новое изслѣдованіе. Слѣдуетъ еще замѣтить, что многое въ книгѣ является компиляціей, заимствованіемъ изъ другихъ изслѣдованій, а не сообщается по первоисточникамъ, напр., о Смутномъ времени, о воеводахъ. Но не смотря на эти недостатки, въ книгѣ встрѣчаются весьма интересныя данныя для внутренней городской исторіи, напр., для движенія населенія: въ 1782 году въ Тотьмѣ было 82 купца, въ настоящее же время никто изъ ихъ потомковъ въ тотемскомъ купечествѣ не состоитъ; интересны свѣдѣнія о школахъ, солевареніи и др. Вообще по своему матеріалу книга можетъ быть полезна. **В.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Крымская кампанія.—Центральная Азія.—«Казаки» въ англійскомъ переводѣ.—Англійскій критикъ идей Л. Н. Толстого.—Отчего Гладстонъ не спасъ Гордона.—Рукопись Британскаго музея, изданная по указанію русскаго профессора.—Три книги всемірной исторіи.—Шекспиръ или Бэконъ.—Записки герцога Саксенъ-Кобургскаго.—Книга, написанная мусульманиномъ на сербскомъ языкѣ.—Нѣмецкія изслѣдованія прошлаго Литвы.—Французскіе этюды имперской Германіи.—Памфлетъ противъ Вольтера.—Убійство маршала Брюна.

НГЛІЯ съ большимъ сочувствіемъ встрѣтила два новые тома капитальнаго сочиненія Кинглека «Вторженіе въ Крымъ: его причины и описаніе его осады до смерти лорда Раглана» (The invasion of the Crimea: its origin and an account of its progress down to the death of lord Raglan. By A. W. Kinglake, Vols, VII and VIII). Въ вышедшихъ нынѣ томахъ изложены событія, начиная отъ Инкерманскаго сраженія и оканчивая смертью главнокомандующаго англійскою арміею. Авторъ обѣщаетъ еще 3—4 тома этой исторіи и нельзя не пожалѣть, что томы эти выходятъ чрезвычайно медленно. Разбирая 7-й и 8-й томы, англійская критика приходитъ, прежде всего, къ убѣжденію, что они ясно доказываютъ «какое лживое, зловредное и жалкое созданіе (very perfidions, mischievous and poor creature) былъ послѣдній императоръ французовъ». Исторія согласится, конечно, съ этимъ приговоромъ, но она же скажетъ, что Англія сама поддерживала этого авантюриста во все время его царствованія, вѣря въ его дружбу, и бросила его только во время вторженія пруссаковъ во Францію. Кинглекъ приводитъ неоспоримыя доказательства нечестнаго отношенія Луи Наполеона къ своимъ англійскимъ союзникамъ и подтверждаетъ, что его пагубное вліяніе замедляло ходъ осады Севастополя. Но авторъ-англичанинъ не говоритъ, что во время войны французы не разъ спасали своихъ союзниковъ отъ пораженія, а медленность въ осадѣ происходила отъ геройской

бали жаръ. Критикъ журнала «Athenaeum» замѣчаетъ иронически: «Какъ Тьеръ, написавши исторію Наполеона, считалъ себя поэтому знатокомъ военнаго дѣла, такъ и Луи Наполеонъ, занявъ тронъ своего дяди, воображалъ себѣ, что унаслѣдовалъ и его военный геній». Это совершенно справедливо, но еще справедливѣе то, что при обоихъ Наполеонахъ и во всѣхъ сраженіяхъ, гдѣ участвовали англичане, они не выказывали никакого военнаго генія, не исключая ихъ морскихъ битвъ, гдѣ имъ давала верхъ численность и сила ихъ флота. Медленность въ ходѣ осадныхъ работъ послѣ Инкерманскаго сраженія Кинглекъ приписываетъ тому обстоятельству, что Луи Наполеонъ отмѣнилъ свое прежнее приказаніе: идти на приступъ, какъ скоро будутъ сдѣланы бреши въ укрѣпленіяхъ, и сбирался самъ пріѣхать въ Крымъ— принять начальство надъ союзною арміею, о чемъ, однако, не предувѣдомилъ лорда Раглана, а приказалъ только своему главнокомандующему — не спѣшить съ осадными работами и не усиливать бомбардированія, хотя по свидѣтельству самого Тотлебена, послѣ десятидневной бомбардировки въ апрѣлѣ, верки, особенно со стороны Малахова кургана, были такъ повреждены, что штурмъ былъ весьма возможенъ. Но дальнѣйшее затишье въ лагерѣ осаждающихъ дало возможность русскимъ исправить главнѣйшія поврежденія. Кинглекъ живо рисуетъ эпизоды осады, хвалитъ за храбрость капитана Уольслея, довольно сомнительнаго героя послѣдней войны въ Суданѣ. Но настоящій герой книги Кинглека—Тотлебенъ. Онъ одинъ, а не сухопутные и морскіе генералы, былъ настоящимъ защитникомъ Севастополя. Убѣжденный въ томъ, что крѣпость не можетъ устоять при продолжительныхъ усиліяхъ союзниковъ, онъ все-таки, въ теченіе восьми мѣсяцевъ, устраивалъ и поддерживалъ ея защитительные верки. Подробно описаны: штурмы редана 18-го іюня, взятіе батареи Жерве, отбитіе приступа Хрулевымъ. Авторъ преувеличиваетъ только заслуги Раглана; но вообще книга Кинглека заслуживаетъ вниманія русскихъ читателей, а нашей военной литературѣ предстоитъ высказать объ ней вполнѣ компетентное сужденіе.

— Извѣстное сочиненіе Ланределя «Русская центральная Азія», вышло въ новомъ сокращенномъ и популярномъ изданіи, подъ названіемъ «Черезъ центральную Азію» (Through central Asia). Въ послѣдней, добавочной главѣ Лансдель подробно излагаетъ ходъ дипломатическихъ переговоровъ по вопросу о русско-афганской границѣ и сообщаетъ о трудахъ пограничной коммиссіи. Съ особенной похвалою отзывается онъ о постоянной предупредительности (neverfailing courtesy) всѣхъ членовъ коммиссіи, но находитъ, что ея постановленія, хотя и принятыя обѣими сторонами и утвержденныя договоромъ, не исключаютъ возможности возникновенія новыхъ спорныхъ пунктовъ и даже столкновенія. Какъ духовное лицо, Лансдель, конечно, недоволенъ этимъ, возстаетъ противъ воинственныхъ тенденцій, прорывающихся въ постановленіяхъ коммиссіи и сокрушается о томъ, что оба народа забываютъ извѣстный завѣтъ, слѣдуя которому можно было бы обойтись безъ всякихъ коммиссій и договоровъ: «возлюби ближняго своего какъ самого себя».

— Л. Н. Толстымъ англичане продолжаютъ интересоваться попрежнему. Книжная фирма, издавшая переводы Гоголя, Лермонтова, Достоевскаго, выпустила въ свѣтъ переводъ «Казаковъ» (The Cossacks) неизвѣстнымъ авторомъ.

въ немъ открывается новый міръ, не такой странный и далекій отъ насъ, какъ въ сочиненіяхъ Гоголя, не дикій и живописный какъ у Лермонтова, не мрачный и подавляющій какъ у Достоевскаго, но блестящій, увлекательный, какъ во всѣхъ произведеніяхъ Толстого. «Казаки» — первокласный романъ, по содержанію и характерамъ менѣе тонкій, чѣмъ «Анна Каренина», менѣе глубокій, чѣмъ «Война и миръ», но превосходящій оба эти романа по силѣ реализма». Въ концѣ книги помѣщенъ еще переводъ «Севастопольскихъ воспоминаній» (Recollections of Sebastopol), также увлекающихъ англичанъ своимъ страшнымъ реализмомъ.

— Извѣстный поэтъ и ученый, читавшій исторію поэзіи въ Оксфордскомъ университетѣ, Метью Арнольдъ написалъ о Л. Н. Толстомъ, обширную критическую статью въ «Fortnightly Review». Онъ говоритъ сначала о крайней впечатлительности русской литературы, ея чуткомъ сознаніи, блистательно проявляющихся въ произведеніяхъ націи еще недавно пришедшей въ соприкосновеніе со старой и мощной цивилизаціей Запада. Русскіе писатели не говорятъ, что русская нація—лучшая изъ всѣхъ націй. Въ романахъ Толстого нѣтъ ни одной строки, написанной съ цѣлью—превозносить Россію или дающей пищу тщеславію. Событія и характеры развиваются въ нихъ естественно, согласно природѣ — условіе вполнѣ благопріятное для высокаго искусства. Въ романѣ русскіе писатели въ настоящее время первенствуютъ. Въ «Аннѣ Карениной» нѣтъ ничего сентиментальнаго и фальшиваго, хотя многое тяжело и прискорбно, но ничего нѣтъ чувственнаго. Исторія Левина, по мнѣнію англійскаго критика, имѣетъ автобіографическое значеніе и продолжается въ трехъ послѣдующихъ произведеніяхъ Толстого: «Моя исповѣдь», «Моя религія» и «Что дѣлать». Но въ толкованіяхъ библіи, въ пяти заповѣдяхъ Толстого, Арнольдъ находитъ много сомнительнаго, наряду со многимъ весьма остроумнымъ. Критикъ разбиваетъ почти всѣ религіозныя формулы романиста. Вотъ заключительное мнѣніе Арнольда объ идеалахъ Толстого: «Разрѣшеніе вопроса объ идеалѣ христіанина Левинымъ въ такомъ обществѣ какъ наше, гораздо ближе къ истинѣ, нежели болѣе острое рѣшеніе, какое впослѣдствіи графъ Толстой усвоилъ для самого себя. Первое скорѣе можетъ оказать пользу. Не знаю, какъ въ Россіи, но въ англійскомъ селеніи рѣшеніе высшаго круга зарабатывать хлѣбъ трудами своихъ рукъ произвело бы неудовольствіе, а не братскую радость среди тружениковъ.—Насъ и безъ того много, сказали бы садовники, плотники, кузнецы: пожалуйста, пишите ужъ лучше ваши статьи, стихи и прочій вздоръ, а не мѣшайтесь въ нашу черную работу, не отбивайте у насъ кусокъ хлѣба. Поэтому я прихожу къ заключенію, что графъ Толстой напрасно оставилъ свои труды какъ поэтъ и художникъ, и что онъ съ пользою могъ бы къ нимъ возвратиться». Это мнѣніе англичанина конечно раздѣляютъ всѣ благомыслящіе русскіе люди.

— Мнѣніе русскихъ людей по отношенію къ англійской политикѣ было всегда на сторонѣ Гладстона и его кабинета, хотя маститый вождь либеральной партіи едва не втянулъ Англію въ войну съ Россіей изъ-за Афганистана, а въ Египтѣ и Суданѣ дѣйствовалъ такъ, что едва ли исторія сниметъ съ него упреки въ плохомъ веденіи дѣлъ въ этихъ странахъ. Это доказываетъ и Макдональдъ въ своемъ сочиненіи: «Слишкомъ запоздалое о Гордонѣ и Хартумѣ: свидѣтельство независимаго очевидца» (Too late for Gordon and Khar-

пополняетъ во многомъ эта книга. Главная причина, почему англичане не дошли до Хартума и не могли во-время спасти Гордона, состоитъ въ непростительной медленности, съ какою снаряжалась экспедиція. Кабинетъ Гладстона упорно отказывался вѣрить грозящей опасности, хотя еще въ апрѣлѣ 1884 года всѣ, знающіе дѣло, предупреждали объ этомъ. А между тѣмъ Гладстонъ ничего не дѣлалъ въ этомъ отношеніи до конца іюня, когда Уольслей писалъ, что отрядъ въ 3—4 тысячи войскъ могъ бы прибыть въ Донголу еще въ половинѣ октября и спасти генерала Гордона. Но въ кабинетѣ только одинъ лордъ Гартингтонъ признавалъ необходимость скорѣйшаго отправленія экспедиціи. Только въ августѣ военный министръ послалъ спросить генерала Стефенсона, не можетъ ли онъ довольствоваться силами, находящимися подъ его командою и, вслѣдствіе отрицательнаго отвѣта, отправленъ былъ, наконецъ, изъ Ассуана въ Вадигальфу 35-й полкъ и, въ началѣ сентября, отправился въ Донголу. Въ экспедиціи оказался недостатокъ въ верблюдахъ, даже въ углѣ для пароходовъ, шедшихъ по Нилу. Обозъ задерживалъ движеніе отряда. Генералу Стюарту отказали въ присылкѣ телеграфа для сообщеній съ Уольслеемъ. Книга Макдональда оставляетъ безъ объясненій многія обстоятельства, относящіяся къ этому неудачному походу и, очевидно, не хочетъ высказываться слишкомъ откровенно. Но изъ разсказа его все-таки видно странное упрямство Гладстона, невѣрившаго въ серьезную опасность. Непредусмотрительность—не дѣлающая чести проницательности государственнаго дѣятеля.

— Три года тому назадъ профессоръ Виноградовъ, занимаясь въ Британскомъ музеѣ, нашелъ любопытную рукопись, заключавшую въ себѣ сборникъ процессовъ, составленный вѣроятно знаменитымъ юристомъ Броктономъ. Русскій профессоръ сообщилъ тогда же въ журналѣ «Athenaeum» о своемъ предложеніи. Теперь сборникъ этотъ изданъ подъ названіемъ «Колекція процесовъ, рѣшенныхъ въ королевскихъ судахъ во время царствованія Генриха III, съ замѣтками юриста того времени, вѣроятно Генриха Броктона» (A collection of cases decided in the king's courts during the reign of Henry III annotated by a lawyer of that time, seemingly by Henry of Brocton). Издатель этого трехтомнаго сборника вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе г. Виноградова о томъ, что эта интересная коллекція, рисующая нравы отдаленной эпохи, составлена Броктономъ, и пояснена его замѣтками. Англійская критика приписываетъ огромное значеніе этому сборнику, на который указалъ русскій ученый. Не говоря уже объ исторической сторонѣ царствованія сына Іоанна—Безземельнаго, 12-ти лѣтъ уже сдѣлавшагося самостоятельнымъ монархомъ, пытавшагося напрасно завоевать Францію и Сицилію, взятого въ плѣнъ своими баронами, возставшими на него за обремененіе ихъ непомѣрными налогами—самый юридическій бытъ въ XIII вѣкѣ, представляемый запутанными процесами, до того любопытенъ, что книга невольно привлекаетъ читателя, не смотря на ея тяжелый языкъ.

— Популяризація историческихъ свѣдѣній дѣлаетъ, вообще, большіе успѣхи въ Англіи. Подъ общимъ названіемъ «Очеркъ всемірной исторіи» (A sketch of unversal history) вышли три тома, составленные разными писателями: «Древняя исторія» (Ancient history) професора Раулинсона, «Средневѣко-

ясностію изложенія и имѣютъ въ виду не ученыхъ, а образованныхъ читателей. Въ этомъ родѣ вышло уже нѣсколько сочиненій, но и послѣ трудовъ Фримана, Лоджа, Смита, книги названныхъ выше професоровъ имѣютъ значеніе и, конечно, найдутъ читателей. Къ сожалѣнію, у каждаго изъ этихъ трехъ историковъ есть свой конекъ, заставляющій ихъ объ однихъ событіяхъ говорить подробно, а о другихъ вскользь. Такъ въ «Древней исторіи» знаменитый ассиріологъ Раулинсонъ посвящаетъ все свое вниманіе Вавилону и его Набупалласарамъ и Меродахъ-Баладанамъ, а о Солонѣ говоритъ только, что онъ составилъ «умѣренно демократическую конституцію» и что Периклъ «былъ великій ораторъ». Въ исторіи Рима пропускаетъ Сципіона-Эмиліана, цивилизацію Этруріи и греческихъ колоній, значеніе реформъ Суллы и др. Въ исторіи среднихъ вѣковъ Стокса пропущены: учрежденіе Тевтонскаго ордена, Черная смерть—важнѣйшее экономическое событіе эпохи, Кальмарскій союзъ, названіе «жакерія» приписано небывалому предводителю этой партіи (эту ошибку сдѣлалъ и Фруассаръ), а не прозвищу французскаго крестьянина: Жакъ Вономъ. Въ исторіи Паттона, написанной тяжелымъ языкомъ, также встрѣчаются пропуски и ошибочныя сужденія: въ исторіи французской революціи не говорится ничего о столкновеніяхъ монархіи съ парижскимъ парламентомъ, въ разсказѣ о президентствѣ Мак-Магона умалчивается о его монархическихъ интригахъ. Князь Бисмаркъ названъ побѣдителемъ въ борьбѣ съ папствомъ. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что началомъ новой исторіи слѣдуетъ принять 1453-й годъ, хотя многіе держатся этой даты. Ни изгнаніе англичанъ изъ Франціи, ни война алой и бѣлой розы, ни даже взятіе турками Константинополя, не принадлежатъ къ такимъ событіямъ, которые кладутъ начало новой эры, наступившей позже съ открытіемъ Америки и началомъ реформаціи.—Въ общемъ всѣ три книги всемірной исторіи даютъ ясное понятіе о судьбахъ человѣчества въ теченіе его исторической жизни.

— Давно уже обѣщанная и съ нетерпѣніемъ ожидаемая книга американскаго сенатора Донелли о такъ называемомъ «шекспировскомъ вопросѣ»— ровно ничего не разъяснила и обманула всѣ надежды. Въ исторіи литературы давно уже упоминалось мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ, что малообразованный актеръ конца XVI вѣка не могъ написать такихъ удивительныхъ пьесъ и что они принадлежатъ знаменитому писателю, философу и государственному дѣятелю этой эпохи Френсису Бэкону. Эту гипотезу осебенно горячо поддерживала Делія Бэконъ, американка, нарочно пріѣхавшая въ Стратфордъ, чтобы въ мѣстѣ рожденія Шекспира отыскать тайну его произведеній. Кончилось однако тѣмъ, что она умерла въ домѣ сумасшедшихъ. Это, однако, не остановило ея послѣдователей и споръ продолжался въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Въ это время издано 255 сочиненій по этому вопросу: 117 за Шекспира, 73 за Бэкона и 65 оставляютъ вопросъ открытымъ. Послѣднею явилась книга Донелли, названная: «Великая криптограма» (The great cryptogram). Во время королевы Елисаветы были въ большой модѣ тайные условные знаки, криптограмы или шифры, изобрѣтеніемъ которыхъ занимался и Бэконъ. По своему высокому положенію въ государственномъ управленіи, лордъ-канцлеръ не могъ сознаться въ томъ, что пишетъ для театра; по тогдашнимъ понятіямъ, занятіе это считалось предосудительнымъ. Первыя же пьесы написаны имъ, когда онъ былъ бѣднымъ адвокатомъ и

имѣвшему у себя ни одной книги, не напечатавшему при жизни ни одной пьесы, гдѣ столько глубокихъ мыслей, обширныхъ свѣдѣній, знанія европейскихъ языковъ и философскихъ системъ. Авторъ шекспировскихъ пьесъ былъ человѣкъ высокаго образованія, аристократъ, филантропъ, бывшій въ Шотландіи и Италіи, совершавшій морскія путешествія, приверженецъ партіи Эссекса, свободномыслящій протестантъ. Ничѣмъ этимъ не могъ быть актеръ Шекспиръ, умершій папистомъ, и отъ котораго не осталось ни одной рукописи. Только на нѣсколькихъ роспискахъ сохранилась его подпись, свидѣтельствующая, что онъ съ трудомъ выводилъ даже буквы своей фамиліи. Донелли пріобрѣлъ первое изданіе Шекспира 1623 года, отличающееся странною неправильностью набора. Въ историческихъ драмахъ, и особенно въ Генрихѣ IV, многія мѣста, слова и отдѣльныя буквы напечатаны безъ всякой видимой надобности другимъ шрифтомъ, курсивомъ, наполнены скобками, прописными буквами. Это-то и есть криптограма, на дешифрированіе которой Донелли посвятилъ семь лѣтъ и пришелъ къ убѣжденію, что эти слова и буквы, сопоставленныя между собою — представляютъ доказательства, что драмы написаны Бэкономъ. Но все это не убѣждаетъ читателя. Бэконъ умеръ одиннадцатью годами позже Шекспира, хотя былъ двумя годами старше его и больше шести лѣтъ провелъ въ частной жизни, прогнанный отъ двора и лишенный всѣхъ званій и должностей за взятки и лихоимство. Что же мѣшало ему объявить себя тогда авторомъ пьесъ, пользовавшихся уже и въ то время извѣстностью?

— Вышелъ первый томъ довольно любопытныхъ историческихъ записокъ герцога Саксенъ-Кобургскаго «Изъ моей жизни и изъ моего времени» (Aus meiner Leben und aus meiner Zeit. Von Ernst II, Herzog von Sachsen Coburg-Gotha). Братъ покойнаго мужа королевы Викторіи, авторъ книги, играетъ значительную роль въ исторіи Германіи и пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Болѣе сорока лѣтъ назадъ онъ наслѣдовалъ своему отцу въ управленіи герцогствами Кобургъ и Гота и либеральными мѣрами поставилъ ихъ на высокую степень благосостоянія, содѣйствуя въ то же время объединенію своего общаго отечества. Въ 1866 году онъ былъ преданнымъ союзникомъ прусскаго короля. Въ войну съ Франціей, онъ находился въ главной квартирѣ Вильгельма I, который, принявъ императорскую корону, оффиціально призналъ заслуги, оказанныя національному дѣлу объединенія герцогомъ Эрнстомъ. Въ запискахъ своихъ авторъ обѣщаетъ изложить безпристрастно всѣ событія его времени и доводитъ разсказъ до 1850 года. Нельзя сказать, чтобы книга была написана легкимъ литературнымъ языкомъ. Многія подробности въ ней скучны и излишни, но серьезное отношеніе автора къ дѣлу заставляетъ забывать о недостаткахъ слога. Мѣстами встрѣчаются мѣткія характеристики, какъ, напримѣръ, принца Альберта, мужа Викторіи. Братья-погодки росли вмѣстѣ и были привязаны другъ къ другу. Они получили солидное образованіе, знали хорошо исторію и естественныя науки, любили народъ и въ религіи держались передовыхъ идей. Біографы принца Альберта приписываютъ ему особенную набожность. Герцогъ говоритъ, что онъ не раздѣлялъ этого чувства и называетъ Альберта человѣкомъ твердыхъ убѣжденій и непреклонной воли, а не мягкимъ дипломатомъ, какимъ его изображаютъ англичане. Описывая свое путешествіе въ

роль былъ въ то время уже очень слабъ и постоянно засыпалъ за обѣдомъ. Дизраэли, уже имѣвшаго литературную извѣстность, герцогъ называетъ «высокомѣрнымъ евреемъ, который поставилъ себѣ цѣлью — выдвинуться впередъ—и непремѣнно достигаетъ ее». Изъ Лондона братья отправились черезъ Парижъ въ Брюсель, къ своему дядѣ, королю Леопольду, слушали тамъ лекціи Кетле и вошли въ сношенія съ итальянскими эмигрантами, что возбудило неудовольствіе въ германскихъ консервативныхъ дворахъ и сдѣлало Кобурговъ не популярными. Въ теченіе трехъ семестровъ братья ходили на всѣ лекціи въ Боннскомъ университетѣ. Авторъ съ ироніей упоминаетъ объ отсталости профессоровъ, читавшихъ и о «божественномъ происхожденіи монархическихъ началъ», но отзывается съ уваженіемъ объ одномъ А. В. Шлегелѣ и его лекціяхъ по исторіи литературы. Переговоры о бракѣ Альберта съ Викторіей сопряжены были, по словамъ герцога, съ большими затрудненіями, которыя преодолѣли только энергія и терпѣніе принца. Въ 1842 году и герцогъ женился на Александринѣ, дочери великаго герцога Баденскаго, хотя расчитывалъ прежде вступить въ бракъ съ дочерью прусскаго короля Маріею, но она сдѣлалась невѣстою наслѣднаго баварскаго принца и герцогъ отправился въ Карлсруэ просить руки принцессы Александрины—и та дала свое согласіе. Въ 1844 году онъ вступилъ на престолъ и съ этого періода, записки говорятъ только о политическихъ событіяхъ. Революціонное движеніе 1848 года въ Германіи герцогъ приписываетъ французскому вліянію, хотя деспотизмъ мелкихъ князей и бюрократизмъ правителей лежали тяжелымъ гнетомъ на народѣ. Но нѣмцы терпѣливы и врядъ ли бы еще скоро поднялись противъ своихъ притѣснителей, еслибы Франція не подала имъ примѣра. Слѣдя за развитіемъ либеральныхъ идей, герцогъ ввелъ необходимыя политическія и финансовыя реформы въ своихъ владѣніяхъ и поэтому въ нихъ не произошло никакой революціи, хотя его родные и даже братъ Альбертъ были недовольны его уступками народу. Герцогъ отзывается неодобрительно о Фридрихѣ Вильгельмѣ IV и говоритъ, что вліяніе Россіи на дѣло Европы послѣ усмиренія венгерскаго возстанія было тогда еще значительнѣе, чѣмъ въ наше время вліяніе Германіи. Въ войнѣ съ Даніею герцогъ командовалъ войсками, одержавшими побѣду при Экернфёрде и говоритъ подробно объ этомъ эпизодѣ. Какъ нѣмецъ, онъ смотритъ на отношенія Германіи къ Даніи въ 1848—1849 годахъ съ нѣмецкой точки зрѣнія и не упрекаетъ Пруссію и Австрію въ ограбленіи маленькаго королевства и въ неисполненіи условій мирнаго трактата, по которому сѣверный Шлезвигъ должно было возвратить Даніи.

— Въ Сараевѣ вышла книга «Narodno blago», написанная Мехмедомъ бегъ-Капетановичемъ Любушакомъ. Это первое сочиненіе магометанина на сербскомъ языкѣ—сборникъ пословицъ Босніи и Герцеговины. Къ тексту присоединены лингвистическія и историческія примѣчанія и коментаріи. Приведено также нѣсколько народныхъ пѣсенъ. Всѣхъ пословицъ болѣе четырехъ тысячъ, въ числѣ которыхъ до четырехсотъ арабскихъ, приводимыхъ авторомъ для сравненія. Между этими поговорками, собираемыми авторомъ. съ молодыхъ лѣтъ, много оригинальныхъ, хотя бо̀льшая часть общія всѣмъ славянскимъ племенамъ, многія—всей арійской и даже туранской расѣ, какъ напримѣръ: «Можно запретить пѣть, нельзя запретить плакать»; «раны отъ

16*

«чѣмъ больше законовъ, тѣмъ меньше правосудія», «золотое платье не скраситъ позора»; «кто охотно пляшетъ, тому легко подъигрывать».

— Нѣмцы прилежно занимаются изученіемъ литовскаго языка и изданіемъ старинныхъ литовскихъ сочиненій. Профессоръ Бецценбергеръ издаетъ съ 1882 года «Литовскія изслѣдованія» (Litauische Forschungen) Теперь въ сборникѣ «Литовская и леттская печать XVI и XVII столѣтія» (Litauische und lettische Drucke des XVI und XVII Jahrhundertes) вышло сочиненіе Ширвида 1629 года «Punkty Kazan», съ лингвистическими коментаріями и біографіей автора, члена іезуитскаго ордена. Это—темы для проповѣдей. Первоначально книга была напечатана въ Вильнѣ, съ польскимъ текстомъ. Нѣмецкое изданіе—безъ этого текста, но съ обширными примѣчаніями, относящимися къ изслѣдованію языка литовскаго и жмудинскаго (самогитскаго) съ ихъ діалектами, вовсе не разрабатываемыми въ Россіи, гдѣ живетъ большая часть этого племени, послѣдне прибывшаго въ Европу изъ общей арійской родины и сохранившаго болѣе близкое сходство съ санкритскимъ языкомъ.

— Э. Лависсъ издалъ «Этюды имперской Германіи» (Etudes de l'Allemagne impériale). Это вѣрная картина политическаго и соціальнаго положенія нѣмцевъ послѣ 1870 года. Особенно подробно авторъ говоритъ о парламентѣ, соціализмѣ, эмиграціи и экономическомъ кризисѣ. Общій выводъ книги тотъ, что настоящее положеніе новой имперіи не нормально: возвышеніе ея было слишкомъ быстро, насильственно и искуственно, чтобъ быть прочнымъ. Въ то время когда армія все сильнѣе организуется съ каждымъ годомъ для будущихъ завоеваній, соціализмъ продолжаетъ свое дѣло съ неменьшей энергіей, которую трудно побѣдить и которая готовитъ основанія переустройства общественнаго порядка въ Германіи. Но еще прежде ей угрожаетъ война, изъ которой возникла имперія и къ которой она снова стремится неудержимо. Причиною и центромъ новой войны будетъ конечно Пруссія, ареною—Франція. Авторъ видитъ страшное зло въ международныхъ коалиціяхъ и лигахъ мира, истощающихъ непомѣрными вооруженіями экономическія силы державъ и влекущихъ за собою бѣдствія всѣхъ классовъ общеста, что даетъ поводъ соціалистамъ стремиться къ преобразованію общественныхъ условій.

— Въ то время когда въ Парижѣ воздвигали новую статую Вольтера, Луи Николардо выпустилъ въ свѣтъ второе изданіе своего памфлета противъ великаго писателя, появившееся еще 33 года тому назадъ. И тогда это былъ уже томъ въ 700 страницъ, разросшійся теперь въ два огромныхъ тома подъ названіемъ «Хозяйство и финансы Вольтера» (Menages et finances de Voltaire). За это время, писатель, готовившійся быть священникомъ и сохранившій къ Вольтеру всю ненависть, къ какой способны католическіе патеры, собралъ еще больше всякаго рода клеветъ и обвиненій противъ врага религіи. Вольтеръ, также безпощадный къ другимъ въ своей враждѣ, говорилъ о президентѣ де-Броссъ, съ которымъ поссорился изъ-за вязанки дровъ: «дѣло идетъ не о томъ, чтобы его сдѣлать смѣшнымъ, но чтобы обезславить его». Экс-іезуиту Николардо мало обезславить Вольтера, онъ хочетъ сдѣлать его смѣшнымъ. Онъ собралъ всѣ сплетни, распространяемыя еще при жизни писателя его противниками Патулье, Нонотомъ, Фрерономъ и др. и предста-

какъ во время траура при дворѣ, не желая дѣлать себѣ новаго костюма, чтобы явиться въ Тюльери, онъ взялъ у пріятеля его кафтанъ, велѣлъ ушить для своей худощавой фигуры и возвратилъ, не давъ себѣ труда превратить кафтанъ въ прежній видъ. Все это могло быть въ дѣйствительности, но чѣмъ же это уменьшаетъ славу писателя? Въ Вольтерѣ какъ человѣкѣ было много слабостей, мелочныхъ сторонъ; онъ дѣйствительно любилъ деньги, но это объясняется желаніемъ его пріобрѣсти скорѣе независимое положеніе. Но этотъ же человѣкъ принялъ къ себѣ какъ дочь внучку Корнеля и далъ ей приданое. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ это изъ тщеславія, для того чтобы объ немъ больше говорили, но вѣдь если разбирать тайныя причины добрыхъ дѣлъ, многія ли изъ нихъ окажутся совершенно безкорыстными? Николардо старающійся опрокинуть статую Вольтера, напоминаетъ крыловскую моську, облаивающую слона. Кто же въ этомъ лаѣ увидитъ доказательство силы и справедливости.

— Одинъ изъ драматическихъ эпизодовъ «бѣлаго терроризма» послужилъ предметомъ новыхъ изслѣдованій. Описанное по оффиціальнымъ документамъ «Убійство маршала Брюна» (L'assassinat du maréchal Brune, par le commandant Vermeil de Conchard) все-таки неразъяснено авторомъ, собравшимъ всѣ судебные протоколы, рапорты, донесенія начальствующихъ лицъ и пр. Кто былъ настоящій виновникъ преступленія? Маршалъ былъ растерзанъ чернью, вторгнувшеюся въ авиньонскую гостинницу, гдѣ Брюнъ остановился, назначенный Наполеономъ во время Ста дней командовать южною арміею. За что чернь, не знавшая маршала, могла ненавидѣть его? Въ 1807 году, онъ потерялъ важную должность и былъ отставленъ за взятки и казнокрадство. Но это было въ Парижѣ, съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ, Авиньонъ могъ знать по бюлетенямъ только военныя заслуги маршала, котораго императоръ, вернувшись съ Эльбы, принялъ опять на службу, не имѣя возможности быть слишкомъ разборчивымъ въ выборѣ своихъ приверженцевъ. На югѣ въ то время волновались роялисты, занимавшіе всѣ общественныя должности: они старались замять это дѣло и даже приписать смерть маршала самоубійству. Судебное слѣдствіе, безъ котораго нельзя было обойтись, выяснило, однако, что когда толпа простолюдиновъ ворвалась въ комнату, гдѣ былъ маршалъ, между ними былъ какой-то хорошо одѣтый господинъ, съ которымъ переговаривались коноводы черни и который подалъ знакъ покончить съ маршаломъ. Вдова его употребляла всѣ усилія, чтобы открыть этого господина, но слѣдственные судьи не захотѣли его разыскивать, и свидѣтельскія показанія ничего не выясняли. Привлеченные къ суду давали показанія неохотно, явно умалчивали о многомъ, и судьи не настаивали на собираніи болѣе подробныхъ свѣдѣній. Бѣлый терроризмъ, какъ неизбѣжная реакція противъ наполеоновскаго деспотизма, былъ слишкомъ силенъ, чтобы даже во имя справедливости и правосудія обнаружить истину. Теперь, по прошествіи слишкомъ 70-ти лѣтъ, напрасно было бы и отъискивать ее, но книга Коншара читается все-таки съ большимъ интересомъ, какъ одна изъ страницъ исторіи 1815 года, полнаго міровыхъ катастрофъ и событій.

СМѢСЬ.

АСКОПКИ развалинъ Бѣлой палаты въ древнихъ Булгарахъ. Развалины древняго города Булгаръ съ его памятниками, частію уже обращенными въ груды камней и щебня, давно останавливали на себѣ вниманіе членовъ Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи. Памятники эти, какъ единственные драгоцѣнные слѣды культуры древняго царства волжскихъ булгаръ, были тщательно осмотрѣны и за ихъ неприкосновенностью учрежденъ постоянный надзоръ. Съ теченіемъ времени два изъ этихъ памятниковъ—«Малый Минаретъ» и «Черная Палата»—были реставрированы, но о раскопкахъ на булгарской почвѣ до сихъ поръ не было рѣчи. Весною прошлаго года нѣкто Г. вошелъ въ Общество съ просьбою—позволить ему произвести раскопки въ развалинахъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Бѣлой Палаты», мотивируя свое ходатайство желаніемъ найти какую-то сказочную «золотую корону». Совѣтъ Общества отдалъ въ его распоряженіе только такъ называемый «четвероугольникъ», поставивъ условіемъ, чтобы раскопки производились подъ наблюденіемъ кого-нибудь изъ членовъ Общества. Г., не достигнувъ цѣли, бросилъ свои работы. Вслѣдъ за этимъ несчастнымъ кладоискателемъ началъ производить раскопки развалинъ Бѣлой Палаты членъ археологическаго Общества, г. Казариновъ. Обнаруживъ расчисткою весь фундаментъ Бѣлой Палаты, онъ возстановилъ на планѣ расположеніе комнатъ составлявшихъ нѣкогда это зданіе, при чемъ планъ оказался вполнѣ согласнымъ съ планами и описаніями путешественниковъ прежнихъ лѣтъ, когда остатки этого зданія были еще хорошо сохранившимися. По этому плану видно, что въ срединѣ зданія была большая крестообразная зала, съ четырьмя угловыми комнатами; далѣе шла боковая пристройка, и подъ всѣмъ зданіемъ шли подвалы, подземные ходы, съ идущими по всевозможнымъ направленіямъ глиняными трубами. По предположенію г. Казаринова, однѣ изъ этихъ трубъ служили для проведенія воды, что вполнѣ согласно съ господствующимъ воззрѣніемъ на Бѣлую Палату, какъ на древнюю баню; другія же трубы, вертикальныя, предназначены были для отопленія снизу

шихъ печей и дымовыхъ трубъ, закоптѣвшихъ и удержавшихъ въ себѣ остатки угля. Разобравъ мѣстами фундаментъ, г. Казариновъ нашелъ замуравленный въ него, пробитый человѣческій черепъ и, кромѣ того, извлекъ изъ фундамента 13 камней-плитъ съ полустершимися надписями на греческомъ языкѣ; смыслъ этихъ надписей остался, однако же, теменъ даже г. Готвальду, извѣстному оріенталисту и археологу. Г. Казариновъ плоды своихъ раскопокъ демонстрировалъ въ засѣданіи Общества, которое, въ виду научной важности предметовъ, могущихъ быть найденными при дальнѣйшихъ раскопкахъ въ Бѣлой Палатѣ, постановило приняться за дѣятельныя раскопки съ весны настоящаго года.

— **50-тилѣтіе памятниковъ Кутузову-Смоленскому и Барклаю де-Толли.** 29-го декабря исполнилось 50 лѣтъ со дня открытія памятниковъ фельдмаршаламъ Отечественной войны 1812 года, князю Кутузову-Смоленскому и князю Барклаю-де-Толли, на Казанской площади, противъ Казанскаго собора. Торжественное открытіе этихъ памятниковъ происходило 29-го декабря 1837 года. Всѣ войска, составлявшія въ то время спб. гарнизонъ, участвовали въ торжествѣ открытія, въ присутствіи Николая Павловича. Оба памятника проектированы извѣстнымъ русскимъ художникомъ Орловскимъ, а вылиты Якимовымъ, въ 1836 г. Фигуры полководцевъ—изъ бронзы. У ногъ каждаго положено по французскому знамени временъ Наполеона I-го, съ переломленнымъ древкомъ. Пьедесталы, четырехугольные гранитные столбы, утверждены на круглыхъ плитахъ, цѣльнаго гранита, съ четырьмя гранитными тумбами по сторонамъ. На сторонахъ пьедестала, обращенныхъ къ Невскому проспекту, надписи: на 1-мъ «фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому, 1812», а на 2-мъ «князю Барклаю-де-Толли, 1812, 1813, 1814 и 1815». Памятники ограждены желѣзными рѣшетками, утвержденными на базисѣ. Сооруженіе этихъ памятниковъ началось, по повелѣнію Александра 1-го, 23-го сентября 1818 года.

— **Общество любителей древней письменности и искусствъ** продолжаетъ выпускать въ свѣтъ «Памятники древней письменности и искусства». Въ LXIX выпускѣ этого изданія помѣщено: «Житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго», написанное императрицею Екатериною II. Изъ предисловія къ редактированному памятнику П. И. Бартеневымъ, узнаемъ, что этотъ доселѣ неизвѣстный у насъ трудъ монархини писанъ въ послѣдніе годы ея жизни, когда досуги ея безпрестанно посвящались изученію русскихъ древностей. Подойдя въ занятіяхъ своихъ къ XIV вѣку русской исторіи, она не могла не остановиться на особенно выдающихся дѣятеляхъ того времени, какими были два боярскіе сына— митрополитъ московскій Алексій и радонежскій игуменъ Сергій. По изложенію и слогу надо думать, что оба житія должны были войти въ дальнѣйшія главы «Записокъ касательно Россійской исторіи» (которыя въ печати доведены только до конца XIII вѣка). Какъ въ этихъ «Запискахъ», такъ и въ обоихъ житіяхъ Екатерина излагаетъ разсказъ свой то порусски, то языкомъ церковно-славянскимъ, иногда объясняя въ скобкахъ менѣе понятныя выраженія. Подлинникъ житія Сергія хранится въ Петербургѣ, въ государственномъ архивѣ въ большой переплетенной связкѣ съ бумагами Екатерины Великой по русской исторіи, въ той самой, гдѣ находится «Слово о полку Игоревѣ» съ ея примѣчаніями. Житіе Екатерина озаглавила такъ: «О преподобномъ Сергіи, историческая выпись». Факсимиле заголовка приложено къ изданному памятнику. Въ приложеніи къ житію Сергія помѣщенъ отрывокъ изъ житія святителя Алексія, митрополита московскаго, писаннаго собственною рукою императрицы Екатерины II.

Войска Донскаго. Выборъ референта палъ на группу изъ семи кургановъ изъ которыхъ шесть меньшихъ окружали одинъ бо́льшій; кромѣ того, С. П. Буренинъ раскопалъ одинъ изъ стоявшихъ въ сторонѣ кургановъ. Постройка ихъ представляетъ нѣкоторое искусство. Такъ, въ нѣкоторыхъ курганахъ можно несомнѣнно констатировать присутствіе каменнаго свода надъ погребеннымъ, хотя настолько непрочнаго, что онъ успѣлъ развалиться внутри кургана. Курганы были обложены камнями, преимущественно плоской, плитообразной формы, при чемъ нѣкоторые камни потребовали для устраненія ихъ большихъ усилій. Въ большомъ курганѣ были похоронены, повидимому, одинъ надъ другимъ нѣсколько человѣкъ, при чемъ одинъ отъ другого были отдѣлены слоями камня или деревянными досками; такими же досками, вѣроятно, были прикрыты и погребенные въ могилы костяки, надъ которыми насыпаны малые курганы. Вещей при скелетахъ, кромѣ сопровождавшихъ каждый костякъ погребальныхъ урнъ или горшковъ, найдено очень мало. Въ боковой стѣнѣ одного изъ кургановъ оказался похороненнымъ, повидимому впослѣдствіи, костякъ съ остатками стремянъ, оружія и колчана со стрѣлами. Какъ строеніе черепа этого костяка, очень похожаго на черепа монгольскихъ расъ, такъ и найденные при немъ предметы, по мнѣнію Г. Д. Филимонова, вполнѣ походятъ на предметы изъ сибирскихъ кургановъ и заставляютъ принять этотъ костякъ за скелетъ какого-либо кочевника, проходившаго, быть можетъ, со своею ордой чрезъ это мѣсто, гдѣ уже существовали курганы, насыпанные прежнимъ населеніемъ, и погребеннаго своими товарищами въ одинъ изъ этихъ кургановъ; кочевникъ былъ погребенъ въ большой деревянной колодѣ. Что касается длинноголовыхъ череповъ кореннаго населенія, насыпавшаго курганы, эти черепа оказались очень похожими на черепа изъ кургановъ южной части Донской области, изученные профессоромъ А. П. Богдановымъ, а также на черепа того длинноголоваго народа, который разсѣялъ свои курганы по всей Руси. Слѣдующій референтъ, А. Н. Харузинъ доложилъ объ антропологическихъ коллекціяхъ и измѣреніяхъ, собранныхъ имъ среди населенія малой или букеевской киргизской орды. Это племя, называющее себя хазаками, перекочевало на земли, занятыя имъ въ настоящее время, при Павлѣ I, послѣ того, какъ компрометированные пугачевскимъ бунтомъ заволжскіе калмыки откочевали къ китайскимъ предѣламъ. Измѣренія киргизовъ были произведены, главнымъ образомъ, въ ханской ставкѣ и удались только благодаря энергическому пособію, помогшаго г. Харузину, мѣстнаго начальства. Киргизы средняго, даже нѣсколько ниже чѣмъ средняго роста, съ хорошо развитою грудью, среднею полнотой, слабо-желтоватою, смуглою кожей, черными густыми волосами, рѣдкою бородой и большею частью округлою, короткою головой; монголизмъ выраженъ у нихъ болѣе чѣмъ у сосѣднихъ калмыковъ; на многихъ киргизахъ отпечатокъ родства съ туркменами. Слѣдующій рефератъ о раскопкахъ въ Тульской губерніи былъ сообщенъ приватъ-доцентомъ Н. Ю. Зографомъ. Референтъ производилъ раскопки близь деревни Голубочки, Бѣлевскаго уѣзда, по приглашенію владѣлицы имѣнія Е. В. Арбузовой. Изслѣдованные курганы расположены по оврагу, склоняющемуся къ рѣкѣ Истѣ, притоку рѣки Оки, протекающей въ полутора верстѣ отъ кургановъ; курганы были уже распаханы и еще ранѣе нѣсколько изъ нихъ было раскопано Е. В. Арбузовой. Во всѣхъ курганахъ трупы оказались совершенно испепеленными въ золу; вмѣстѣ съ тѣмъ съ остатками сожженныхъ труповъ попадались погребальные горшки, слѣды желѣзныхъ предметовъ и массы пережженныхъ костей животныхъ, служившихъ для тризны по погребенномъ. Въ двухъ большихъ курганахъ

костровъ употреблялся уголь другого дерева, повидимому, березы; что касается костей животныхъ, онѣ такъ перегорѣли, что весьма немногія могли быть опредѣлены съ точностью; референтъ преполагаетъ, что для тризны, урпотеблялись лошади, быки, свиньи, крупныя птицы, быть можетъ, дрофы. Въ большомъ курганѣ среди пепла можно было констатировать присутствіе костей двухъ скелетовъ—взрослаго и малолѣтняго. Референтъ предполагалъ перебраться на другую сторону Оки, въ предѣлы Орловской губерніи, въ имѣніе г-жи Лавровой, производившей прошлымъ годомъ раскопки и докладывавшей о нихъ петербургскому археологическому Обществу, но строгое запрещеніе производить раскопки въ предѣлахъ Орловской губерніи, полицейскія власти которой воспретили раскопки г-жѣ Лавровой въ ея собственномъ имѣніи, остановили референта въ его намѣреніи. Указывая на фактъ запрещенія раскопокъ съ научною цѣлью, референтъ обратилъ вниманіе отдѣла, что распашка кургановъ крестьянами совершенно игнорируется мѣстными властями, и идетъ такъ успѣшно, что, вѣроятно, черезъ десятокъ, другой лѣтъ въ черноземной Россіи нечего будетъ и раскапывать.

Отчетъ о состояніи Карамзинской библіотеки за 1886 — 1887 библіотечный годъ. Къ 26 ноября 1886 года оставалось библіотечныхъ суммъ на лицо: процентными бумагами и наличными деньгами 15,719 руб. 75 коп. Сверхъ того залоговъ: 277 руб. 59 коп. Всего 18,497 руб. 34 коп. По 26 ноября 1887 года поступило всего 7,128 руб. 81 коп., а съ остаткомъ на приходѣ 25,626 руб. 15 коп. Употреблено въ расходъ 7,138 руб. 2 коп. Къ 26 ноября 1887 года состояло библіотечныхъ суммъ на лицо 16,008 руб. 54 коп., залоговъ 18,488 руб. 13 коп. Журналовъ и газетъ въ 1887 году получалось 43 названія. Книгъ въ библіотекѣ состоитъ 12.790 названій въ 28,612 томахъ. Въ 1887 году поступило 319 названій въ 688 томахъ. Чтеніе и выдача книгъ производились ежедневно, отъ 10 до 3 часовъ дня, исключая субботы. Посѣтившихъ въ теченіе года библіотеку опредѣлить трудно, но полагать можно отъ 30 до 70 человѣкъ ежедневно. Бравшихъ подъ залоги книги и ноты на домъ было 518 человѣкъ. Этимъ абонентамъ было выдано 25,795 томовъ; въ томъ числѣ: журналовъ—9,134, французскихъ книгъ—397, англійскихъ—43, нѣмецкихъ—18. Въ числѣ русскихъ книгъ было выдано изъ отдѣла литературы и изящной словесности—10,952, исторіи—847, дѣтскихъ книгъ—766, естественныхъ, медицинскихъ и математическихъ наукъ — 479, исторіи литературы и критики — 474, педагогическихъ и философскихъ книгъ — 422, географіи — 345, богословія—321, юридическаго—106, учебниковъ—36, сельскаго хозяйства и прикладныхъ наукъ—16. Изъ журналовъ были выданы: «Русскій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Историческій Вѣстникъ», «Наблюдатель» и др. По числу спроса первенствующее мѣсто принадлежало, какъ и въ прошломъ году, отдѣлу изящной словесности; изъ этого отдѣла выдано по 5,193 требованіямъ, историческаго—544, дѣтскихъ книгъ—529, литературно-критическаго—348, медицинскаго и математическаго — 311, педагогическаго и философскаго—302 и проч.

Древнія кладбища въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Профессоръ К. Гревингъ сдѣлалъ въ засѣданіи эстовскаго ученаго Общества сообщеніе о результатѣ осмотра имъ прошлымъ лѣтомъ разныхъ мѣстностей Лифляндіи и Эстляндіи въ археологическомъ отношеніи. Между прочимъ, профессоръ говоритъ слѣдующее: на правой сторонѣ ведущаго изъ Феллина въ Перновъ тракта, близъ восьмого верстового столба и Геймтальской усадьбы Анни, находится такъ-называемое чумное кладбище. Оно не отмѣчено ни могильными насыпями, ни крестами; только вокругъ него, немного выше земли,

замѣтна каменная ограда фута въ 3 шириной. Во многихъ мѣстахъ при копаніи найдены были неглубоко зарытыми остатки человѣческихъ тѣлъ, погребенныхъ безъ гробовъ и въ безпорядкѣ, какъ это дѣлается въ случаяхъ большой смертности. Мѣстами встрѣчались каменныя кольца, состоящія изъ свободно лежащихъ въ пескѣ каменныхъ блоковъ въ 1 футъ толщиной. Подъ однимъ такимъ кольцомъ найденъ былъ женскій скелетъ, а при немъ нѣсколько небольшихъ синихъ и бѣлыхъ стеклянныхъ бусъ и три рижскіе шиллинга временъ Густава Адольфа. Поэтому надобно предположить, что это кладбище относится къ тому времени. Другое такое мѣсто погребенія имѣется близь подмызка Петерфельдъ (принадлежащаго къ Геймталю), на которомъ недавно еще существовали деревянные кресты. На немъ профессоръ нашелъ между скелетами одну деньгу 1744 года, два рижскіе шилинга 1571 и 1572 годовъ, а также одинъ ревельскій шиллингъ Германа фонъ-Брюггеней и лирообразную бронзовую пряжку. Кладбище это слѣдуетъ также причислить къ древне-эстонскимъ, которыми продолжали пользоваться и въ позднѣйшее время. Третье подобное мѣсто погребенія, такъ-называемое «чумное кладбище» находится подъ Тейлицомъ, близь Керзельской корчмы, но не смотря на старанія профессора, при раскопкахъ не нашлось никакихъ признаковъ погребенія здѣсь людей. Въ разстояніи 1 версты отъ Новаго-Карисгофа поднимается такъ называемая Капличная гора (Kappelli Mäggi), въ 300 метровъ длиной и 22 метровъ шириной, обнесенная чуть замѣтною каменною оградой, изъ свободно лежащихъ небольшихъ эрратическихъ глыбъ, напоминающихъ своею формой о времени каменныхъ корабельныхъ гробницъ. О томъ, что здѣсь находилось кладбище, свидѣтельствуютъ также найденные остатки человѣческихъ труповъ; но при нихъ не нашлось никакихъ украшеній. И это мѣсто, какъ видно, служило для погребенія во время войны или чумы и принадлежитъ къ такъ-называемымъ эстскимъ «кальмедамъ» (чумныя кладбища).

Трость Пушкина. Въ одесскій музей исторіи и древностей передана Н. Г. Тройницкимъ желѣзная трость, принадлежавшая Александру Сергѣевичу Пушкину. Извѣстно, что знаменитый поэтъ постоянно ходилъ съ этой тростью во время своего пребыванія въ Одессѣ. По отъѣздѣ его отсюда, слѣды трости затерялись и до настоящаго времени неизвѣстно было, гдѣ она находится. Въ прошломъ году, неожиданно, Н. Г. Тройницкому посчастливилось получить ее отъ одесскаго старожила Ивана Мартыновича Донцова, который болѣе тридцати лѣтъ сохранялъ у себя эту завѣтную трость. И. М. Донцову она оставлена была покойнымъ Ягницкимъ, сыномъ бывшаго адъютанта при графѣ М. С. Воронцовѣ полковника Ягницкаго, которому принадлежалъ домъ, гдѣ помѣщается нынѣ «Парижская гостинница» (уголъ Пушкинской и Дерибасовской). Къ Ягницкому трость перешла отъ состоявшаго нѣсколько лѣтъ на службѣ въ Одессѣ поэта А. И. Подолинскаго, а къ послѣднему—отъ бывшаго профессора въ Московскомъ университетѣ, поэта А. Мерзлякова, проживавшаго нѣкоторое время въ Одессѣ, въ 1825 году. Н. Г. Тройницкій предполагалъ, какъ болѣе соотвѣтствующимъ цѣли, передать эту трость въ пушкинскій музей при Александровскомъ лицеѣ, куда стекаются пожертвованія предметовъ, принадлежавшихъ великому поэту, но И. М. Донцовъ (послѣдній обладатель трости) пожелалъ принести ее въ даръ здѣшнему музею, какъ учрежденію того города, гдѣ Пушкинъ ходилъ съ этой тростью и гдѣ оставилъ ее по отъѣздѣ изъ Одессы.

† 24-го ноября послѣ скоротечной чахотки, 27 лѣтъ отъ роду, **Николай Владиміровичъ Саговскій.** Имя покойнаго пріобрѣло большую извѣстность у всѣмъ интересующихся дѣломъ воспитанія и обученія; составленныя и изданныя имъ «коллекціи для объяснительнаго чтенія» или обыкновенно называемыя коллекціи Саговскаго, широко распространились по русскимъ школамъ. Послѣ Н. В. остались безъ всякихъ средствъ жена и трое маленькихъ дѣтей. Жена предполаетъ продолжать это полезное изданіе.

Поль участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, былъ тяжело раненъ и включенъ въ пенсіонеры георгіевскаго капитала, пожертвованнаго государемъ для защитниковъ Севастополя. 1-го октября Поль, по болѣзни, отказался отъ званія редактора газеты «Виленскій Вѣстникъ», которую велъ въ русскомъ духѣ.

† 30-го ноября, въ клиникѣ военно-медицинской академіи профессоръ петербургской духовной академіи **Александръ Александровичъ Приселковъ.** Уроженецъ Тверской губерніи, сынъ священника, онъ окончилъ тверскую духовную семинарію и въ числѣ первыхъ учениковъ, былъ отправленъ въ петербургскую духовную академію, которую окончилъ со степенью кандидата, потомъ оставленъ въ ней баккалавромъ по каѳедрѣ патрологіи, которую и занималъ въ продолженіе 10 лѣтъ. Въ 1886 году прекратилъ чтеніе лекцій и занялся магистерской диссертаціей («Климентъ, епископъ римскій, и его сочиненія»). Диссертація эта отпечатана совѣтомъ академіи. Публичная защита назначена была въ декабрѣ. Хлопоты по диссертаціи и волненія по поводу защиты ея надломили силы покойнаго, разстроили нервную его систему. Къ этому присоединилось воспаленіе мозга. Покойный пользовался любовью студентовъ.

† Въ Кіевѣ на 48 году одинъ изъ опытныхъ педагоговъ, **Василій Лукичъ Рафальскій,** бывшій инспекторъ классовъ кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ и съ 1882 г. исполнявшій обязанности кіевскаго отдѣльнаго цензора. Покойный былъ уроженецъ Волынской губерніи; высшее образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ 1861 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета. Двадцать пять лѣтъ прослужилъ онъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, преподавая русскую словесность, исторію, географію, педагогику и 20 лѣтъ завѣдывалъ учебною частью въ Маріинскомъ донскомъ институтѣ, а съ 1878 г. — въ кіевскомъ. Нѣкоторое время редактировалъ неофиціальную часть «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостей». Во время управленія цензурнымъ вѣдомствомъ князя П. П. Вяземскаго, Рафальскій принялъ на себя исполненіе цензорскихъ обязанностей въ Кіевѣ. Онъ сознавалъ, какое значеніе въ наше время имѣетъ печатное слово и, какъ цензоръ, давалъ кіевской печати просторъ и свободу въ области научныхъ изслѣдованій, не препятствовалъ разъясненію путемъ историческимъ и критическимъ прошедшаго и настоящаго, отжившихъ и существующихъ формъ общественной и политической жизни.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ исторіи прежней цензуры.

Прочитавъ въ декабрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года расказъ В. А. Васильева «Приключенія одной книги», мнѣ пришло на память небольшое столкновеніе, бывшее у меня съ музыкальною цензурою 1861 года.

Въ моей молодости я иногда сочинялъ романсы и, между прочимъ, переложилъ на музыку извѣстное стихотвореніе Лермонтова:

«Разстались мы но твой портретъ» и т. д.

земпляровъ.

Отдавъ ему упомянутый романсъ, посвященный мною Александрѣ Николаевнѣ Протасовой [2]), я удивлялся, что онъ долго не выходитъ въ свѣтъ, когда я заѣхалъ къ г. Іотти узнать о причинѣ этого замедленія, то онъ взволнованнымъ и недовольнымъ тономъ сообщилъ мнѣ, что цензура не позволяетъ печатаніе романса. Въ свою очередь возмущенный этимъ запретомъ, я, взявъ съ собою послѣднее изданіе сочиненій Лермонтова, отправился къ строгому цензору [3]). На вопросъ мой почему онъ не разрѣшаетъ къ печати столь невинное музыкальное произведеніе, на слова нашего великаго поэта, давно появившіяся въ печати и одобренныя цензурою, болѣе строгою чѣмъ современною (1861 г.),—онъ мнѣ отвѣчалъ, что препятствіемъ къ тому служатъ послѣднія двѣ строки этого стихотворенія:

«Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
«Кумиръ поверженный—все Богъ».

— Но вѣдь это подлинныя слова Лермонтова!—воскликнулъ я.—Цензура давно ихъ пропустила, вся Россія ихъ читала,—почему же вы запрещаете?!.

— Въ чтеніи, перебилъ онъ меня, эти слова не бѣда, но въ музыкальномъ произведеніи дѣло другое: впечатлѣніе музыки, и при томъ прекрасной музыки, — добавилъ онъ, чтобы польстить моему композиторскому самолюбію,—увеличиваетъ значеніе этихъ словъ, — а потому я не считаю возможнымъ разрѣшить печатаніе этого романса.

Никакіе мои доводы не могли убѣдить цензора и дѣло перешло въ цензурный комитетъ, гдѣ безъ всякихъ затрудненій было разрѣшено изданіе романса, находящагося и до сихъ поръ въ продажѣ.

Эта коротенькая замѣтка, достаточно, по нашему мнѣнію, характеризуетъ то туманное, неопредѣленное, переходное положеніе, въ которомъ находилось цензурное дѣло въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Кн. В. И. Г.

II.

Къ біографіи К. А. Коссовича.

Въ 1839 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, въ тверскую гимназію поступилъ новый преподаватель греческаго языка: это былъ Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ, впослѣдствіи извѣстный оріенталистъ и профессоръ С.-Петербургскаго университета, скончавшійся въ январѣ 1883 года. Само по себѣ вступленіе новаго лица въ учебное заведеніе есть обстоятельство весьма обыкновенное и могло бы, какъ это нерѣдко случается, остаться только фактомъ въ исторіи школы на ряду съ другими подобными; но вступленіе въ педагогическую дѣятельность Каэтана Андреевича имѣло большое вліяніе на развитіе учеб-

---

[1]) Перешедшій впослѣдствіи, если я не ошибаюсь, въ собственность извѣстнаго книгопродавца Э. Мелье.

[2]) Нынѣ баронесса Мейндорфъ.

[3]) Непомню кто это былъ,—помню только, что онъ жилъ на Васильевскомъ острову.

лѣтъ, именно до перехода преподавателя во 2-ю московскую гимназію.

Греческій языкъ преподавался тогда въ четырехъ старшихъ классахъ; одни изъ учениковъ изучали этотъ предметъ, а другіе—въ бо̀льшемъ размѣрѣ, чѣмъ первые—математику, такъ что курсъ гимназическій въ старшихъ классахъ оказывался двойственнымъ. За греческій языкъ брались ученики наиболѣе даровитые и прилежные: это обстоятельство очень много содѣйствовало установленію тѣхъ пріемовъ преподаванія, которые, какъ увидимъ ниже, началъ вводить Каэтанъ Андреевичъ.

При предмѣстникѣ его руководствами служили «Греческая грамматика» Бутмана и «Хрестоматія» Якобса; первая книга имѣла довольно большой объемъ и давала ученикамъ вѣсомъ своимъ чувствовать, что они носятъ съ собой порядочный грузъ. Но вотъ, съ появленіемъ новаго учителя, настала перемѣна не только учебниковъ, но распорядка и пріемовъ преподаванія. Явилась въ видѣ руководства «Элементарная грамматика греческаго языка» Кюнера, очень скоро переведенная Каэтаномъ Андреевичемъ съ нѣмецкаго языка на русскій. Новизна системы и небольшой объемъ новаго учебника болѣе и болѣе привлекали учениковъ къ основательному изученію его. Но главная особенность въ направленіи хода преподаванія состояла въ томъ, что Каэтонъ Андреевичъ, тотчасъ же по ознакомленіи учениковъ съ чтеніемъ и главными флексіями склоненія и спряженія, приступалъ къ переводу греческаго текста на русскій языкъ. Для этого въ 4-мъ классѣ сначала бралось евангеліе, а затѣмъ къ концу года Одиссея или Иліада Гомера. Ученики, приступая къ такому труду, сильно сперва смущались, какъ имъ вести дѣло, и полагали, что они не въ состояніи исполнить его; однако, подъ руководствомъ наставника, по немногу дѣлали, что могли, и вскорѣ достигали результатовъ удовлетворительныхъ.

Введеніемъ къ такимъ занятіямъ обыкновенно служило ободрительное напутствованіе Каэтана Андреевича, выражавшееся приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: «вы, господа, нѣкоторое время разбирайте текстъ греческаго евангелія, заглядывая въ церковно-славянскій переводъ: это необходимо для васъ до той поры, пока вы не ознакомитесь хорошо съ элементарной грамматикой греческаго языка; а когда изучите по моему указанію основную сущность этимологіи и синтаксиса, тогда уже можете обходиться вовсе безъ готоваго перевода, и вамъ нужно будетъ пользоваться только словаремъ. Конечно, сначала дѣло пойдетъ у васъ медленно; но за то вы одновременно съ переводомъ греческаго текста нѣсколько разъ просмотрите и относящійся къ нему грамматическій матеріалъ; далѣе увидите, что трудъ значительно облегчится, и чтеніе пойдетъ у васъ быстрѣе»!..

И вотъ начиналась работа. Наиболѣе даровитые и прилежные скоро овладѣвали структурою языка и, разобравъ разносторонне текстъ трехъ или четырехъ греческихъ страницъ, оказывались въ силахъ читать далѣе такъ, какъ именно ожидалъ того отъ нихъ примѣрный наставникъ.

Къ чести учениковъ и учителя должно отнести то явленіе, что были тогда ученики, успѣвавшіе въ теченіе гимназическаго курса прочитать самостоятельно бо̀льшую часть Иліады и Одиссеи. Отчетъ въ такихъ домашнихъ занятіяхъ отдавался преподавателю въ его квартирѣ, которая всегда была открыта для учениковъ. Являешься, бывало, къ Каэтану Андреевичу съ чѣмъ либо разработаннымъ дома и находишь его постоянно за дѣломъ: то онъ об-

собственнаго словаря греческаго языка, то разбираетъ еврейскую библію, то какой-либо арабскій или санскритскій текстъ. Ласково и привѣтливо принимаетъ онъ ученика, откладывая въ сторону свою работу, и начинаетъ выслушивать отчетъ въ прочтенномъ дома изъ греческаго классика. Такъ какъ являлись къ нему на квартиру ученики, прочитывавшіе значительное количество текста, то, конечно, не имѣлъ онъ времени выслушивать отвѣты ихъ сполна. Изъ цѣлой рапсодіи выбиралъ мѣста три, четыре—то въ началѣ, то въ срединѣ, то въ концѣ—и заставлялъ переводить; за переводомъ слѣдовалъ грамматическій разборъ,—и если испытатель убѣждался, что ученикъ не обошелъ вниманіемъ ни одного слова въ переводимомъ текстѣ, то награждалъ его искреннею, восторженною похвалою и тѣмъ поощрялъ къ дальнѣйшему труду.

Самъ онъ постоянно былъ занятъ дѣломъ: сверхъ преподаванія въ гимназіи и частыхъ домашнихъ собесѣдованій съ учениками, приходившими къ нему съ отчетомъ въ работахъ, онъ въ Твери же началъ заниматься изученіемъ восточныхъ языковъ,—еврейскаго, арабскаго и санскритскаго. Владѣя выдающимися способностями къ языковѣдѣнію и страстно любя эту отрасль науки, онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды прочихъ лингвистовъ самымъ методомъ и вообще пріемами изученія языковъ. Изучая названные восточные языки, словъ изъ словарей онъ не выписывалъ, грамматикъ систематически не изучалъ, а входилъ въ духъ и конструкцію языка такимъ путемъ: ознакомившись съ алфавитомъ и научившись разбирать слова, тотчасъ же принимался за иноязычный текстъ, имѣя при себѣ на первыхъ порахъ готовый переводъ. По мѣрѣ того, какъ встрѣчались ему разныя слова, онъ каждое разсматривалъ въ словарѣ, а затѣмъ обращался къ соотвѣтственному отдѣлу грамматики, настойчиво и усердно разбиралъ его и выносилъ положительное знаніе, и вотъ такимъ аналитическимъ методомъ, но непремѣнно при постоянномъ разборѣ текста, онъ изучилъ всѣ грамматики.

Подобные пріемы не могли не изумлять насъ, и мы съ удивленіемъ, бывало, спрашивали:

— Да какъ же, Каэтанъ Андреевичъ, вы не выписываете словъ изъ словарей? Ужели вы не забудете ихъ послѣ? Вѣдь придется снова пріискивать.

— Нѣтъ, господа, отвѣчалъ онъ: слово, разъ мнѣ встрѣтившееся въ текстѣ и разъясненное словарнымъ истолкованіемъ, никогда мною не забудется, причина та, что оно помогло мнѣ выразумѣть смыслъ иноязычнаго текста, значитъ оказало благодѣяніе; а какъ же можно забывать благодѣтеля?

Думаемъ, что такимъ остроумнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и назидательнымъ объясненіемъ, онъ желалъ если не прикрыть свою необыкновенную память и вообще рѣдкія дарованія къ изученію языковъ, то и не придавать имъ въ нашихъ глазахъ особеннаго значенія. Скромность примѣрно-поучительная и заслуживающая глубокаго сочувствія!

И. Рогозинниковъ.

Отвѣтъ моему рецензенту.

Нѣкто Ив. Д—въ написалъ нѣсколько страничекъ въ январскомъ № «Историческаго Вѣстника» о моей книгѣ «Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса». Этотъ рецензентъ упрекаетъ меня за то, что я написалъ «патріотическую апологію нашей политики въ Болгарскомъ вопросѣ». Я готовъ принять упрекъ въ патріотизмѣ, но рѣшительно протестую противъ той цѣли, которую совершенно произвольно навязываетъ мнѣ рецензентъ— «защиты русской политики передъ судомъ современной исторіи». Этой благой цѣли, вопреки увѣренію г. рецензента, я вовсе не имѣлъ въ виду и въ этомъ отношеніи могу сослаться на все содержаніе моей книги. Мнѣ даже совершенно не понятно такое очевидное недоразумѣніе со стороны рецензента, такъ какъ мнѣ приходилось довольно рѣдко хвалить дѣятельность нашихъ дипломатовъ на Балканскомъ полуостровѣ, за исключеніемъ покойнаго князя А. Н. Цертелева и М. А. Хитрово.

Въ предисловіи къ моей книгѣ, я говорю, что наше дипломатическое вѣдомство вообще крайне скупо на опубликованіе своихъ документовъ, а по болгарскимъ дѣламъ въ особенности. Далѣе я указываю на укоренившееся въ нашемъ дипломатическомъ вѣдомствѣ предубѣжденіе противъ гласности, которое эксплуатируется врагами Россіи—пользуясь имъ, они съ успѣхомъ распространяютъ разнаго рода басни и тенденціозную клевету, по адресу нашей политики. Неужели это дало поводъ рецензенту признать мою книгу апологіей нашей политики и ея представителей? Далѣе я опровергаю, на основаніи достаточно констатированныхъ фактовъ, выдумки нѣмецкихъ публицистовъ о роли и участіи Россіи въ нѣкоторыхъ событіяхъ новѣйшей исторіи Болгаріи, наприм., въ первомъ болгарскомъ переворотѣ 27-го апрѣля 1881 года, объясняя, что этотъ переворотъ былъ намъ навязанъ, а не вызванъ по нашей иниціативѣ. Сообщаемыя въ моей книгѣ данныя объ отношеніяхъ нашей дипломатіи и ея представителей къ этому перевороту, который засталъ ихъ совершенно въ расплохъ, также едва ли свидѣтельствуетъ въ пользу мнѣнія рецензента, что цѣль моей книги «защита русской политики передъ судомъ современной исторіи».

Эту задачу, я уступаю нашимъ досужимъ бывшимъ представителямъ въ Болгаріи, нынѣ упраздненнымъ, вслѣдствіе перерыва дипломатическихъ съ ней сношеній—имъ ближе и лучше извѣстны мотивы и соображенія, руководившіе ихъ дѣятельностью въ Болгаріи.

Въ сущности рецензентъ не доволенъ и сѣтуетъ на меня за то, что «колебанія, крутые повороты, внезапныя перемѣны фронта правительствъ и частныхъ лицъ въ различныхъ фазисахъ Болгарскаго вопроса» и, вообще, явно противорѣчивыя явленія нашей политики, въ моей книгѣ не достаточно мотивированы. При этомъ рецензентъ даже забѣгаетъ впередъ и говоритъ о переворотѣ 6-го сентября 1885 года, который какъ извѣстно круто измѣнилъ нашу болгарскую политику, хотя измѣненіе политическихъ событій въ моемъ очеркѣ доведено лишь до этого момента. Проще говоря, рецензенту не нравится, что моя книга не скрываетъ нѣкоторой непослѣдовательности и колебаній той политики, которой держалась наша дипломатія въ Болгарскомъ вопросѣ.

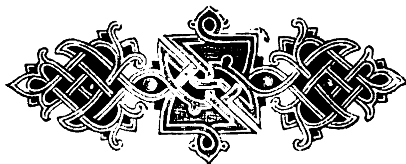
ской политики, на что онъ самъ намекаетъ, то отчего бы ему не повѣдать о нихъ русскому обществу, давъ ему ключъ къ разъясненію всѣхъ этихъ «колебаній, крутыхъ поворотовъ, внезапныхъ перемѣнъ фронта правительствъ и частныхъ лицъ въ различныхъ фазисахъ Болгарскаго вопроса».

Разъяснивъ политическую программу и логическую связь въ дѣйствіяхъ нашей дипломатіи въ Болгарскомъ вопросѣ, рецензентъ, конечно, оказалъ бы публикѣ большую услугу. Но, къ сожалѣнію, онъ возлагаетъ эту полезную задачу на будущаго историка, а самъ пускается въ полемику съ московскими славянофилами и покойнымъ И. С. Аксаковымъ.

И. С. Аксаковъ былъ человѣкъ съ убѣжденіями, онъ относился къ Болгарскому вопросу серьезно. Выработавъ извѣстную довольно опредѣленную, хотя быть можетъ слишкомъ идеальную, программу по этому вопросу, онъ неуклонно держался ея основаній, измѣняя свои взгляды только въ частностяхъ. Мнѣнія Аксакова, вѣроятно, извѣстны рецензенту (статьи Аксакова по Болгарскому вопросу помѣщены въ собраніи его сочиненій), онъ можетъ не соглашаться съ ними и находить ихъ ошибочными, но во всякомъ случаѣ не долженъ смѣшивать ихъ съ тою политикой, которой слѣдовала наша дипломатія въ отношеніи Болгаріи. Поэтому довольно непослѣдовательно заявленіе рецензента, что я толкую событія по шаблону Аксакова, черпая мои аргументы изъ арсенала нашихъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ документовъ. Аксаковъ и наша оффиціальная дипломатія, дѣйствовавшая на Балканскомъ полуостровѣ, послѣ Берлинскаго конгресса, какое странное смѣшеніе понятій и взглядовъ! Кромѣ того, и то и другое заключеніе рецензента не вѣрно. Къ мнѣніямъ Аксакова я въ моей книгѣ относился критически и не обинуясь, указывалъ на его ошибки, въ отношеніи, напр., Батенберга и затѣяннаго послѣднимъ переворота. Защиту нашей дипломатіи въ Болгарскомъ вопросѣ я на себя отнюдь не бралъ вопреки желанію рецензента, и оффиціальными и оффиціозными ея аргументами не руководствовался.

Рецензентъ не дѣлаетъ выписокъ изъ моей книги и даже не ссылается на страницы ея, подтверждающія его заключенія, по этому я считаю излишнимъ входить въ болѣе подробное и фактическое ихъ опровержение.

П. Матвѣевъ.

ные документы. Исполнивши это, они направились въ залу засѣданій, чтобы озаботиться о важныхъ документахъ, хранившихся въ главномъ сундукѣ кладовой. Въ это самое время вооруженные люди ворвались на боковую лѣстницу, которая вела въ зданіе со стороны Доугэтскаго переулка. Во главѣ ворвавшихся были — Торсенъ и Нильсъ. Первому изъ нихъ пришла въ голову счастливая мысль, повести своихъ пособниковъ въ обходъ къ той маленькой калиточкѣ, изъ которой его сегодня утромъ выпроводили со двора. Замокъ у калитки оказался не особенно крѣпкимъ и какой-то слесарь съумѣлъ его взломать безъ особеннаго труда.

По счастью, ворвавшіеся на лѣстницу люди не могли ни окружить, ни обезоружить Тидемана и Реймара, потому, что лѣстница была узенькая и двое людей съ трудомъ могли по ней взбираться рядомъ. Такимъ образомъ обоимъ ганзейцамъ пришлось биться только противъ Торсена и Нильса, хотя толпа и сильно напирала сзади.

Тидеманъ плохо владѣлъ мечемъ, — его дѣло было писать бумаги и сводить счеты; а потому судьба обоихъ ганзейцевъ зависѣла исключительно отъ силы и ловкости Реймара, который, въ данную минуту вдвойнѣ возблагодарилъ отца своего за то, что тотъ обучилъ его и воинскому искусству.

Реймаръ, дѣйствительно, оказался превосходнымъ бойцомъ, который не только съумѣлъ отражать удары, наносимые обоими противниками, но еще и самъ нападалъ на нихъ энергично и сильно.

— Пойдите прочь, Реймаръ Стеенъ — закричалъ ему Торсенъ—намъ не до васъ нужно добраться! Пусть Тидеманъ-фонъ-Лимбергъ самъ попробуетъ защититься!

— Одинъ — противъ цѣлой шайки! — гнѣвно отвѣчалъ Реймаръ, нанося жестокій ударъ Нильсу, который, между тѣмъ собирался проколоть кинжаломъ лѣвую ногу мужественнаго бойца.

Съ крикомъ рванулся Нильсъ назадъ, и на мѣсто его выступилъ какой-то рыжій морякъ.

— Еще разъ, Реймаръ Стеенъ,—продолжалъ Торсенъ, которому вся кровь бросилась въ голову,—знайте, что я ничего противъ васъ не имѣю, хотя вашъ отецъ и врагъ мнѣ! Отстранитесь отъ борьбы!

— Нѣтъ! противъ людей, врывающихся съ улицы, буду биться до послѣдняго! — закричалъ Реймаръ. — Стыдно вамъ, что вы, нѣкогда принимавшій участіе въ нашемъ общемъ союзѣ, вы, нѣкогда бывшій такимъ честнымъ и почтеннымъ купцомъ, позволяете себѣ принять участіе въ такомъ темномъ дѣлѣ! И вновь скрестились мечи и раздался ихъ стукъ.

— Убирайтесь съ вашими укорами»!—кричалъ Торсенъ,—что я дѣлаю, за то я и отвѣчаю!

— Ха! ха! ха! вотъ какъ! Потому-то вы и приходите сюда, «какъ тать во нощи!»

— Ты мнѣ заплатишь за это, — кричалъ датчанинъ, потому не я воръ, а вы, ганзейцы — вы всѣ воры, вы украли у меня все мое состояніе. Ну васъ всѣхъ къ чорту—въ пекло!

И съ неистовой яростью онъ устремился на Реймара. Тотъ долженъ былъ подняться еще на двѣ ступеньки. Датчанинъ послѣдовалъ за нимъ, совершенно ослѣпленный бѣшенствомъ и нанося ударъ за ударомъ. Реймаръ видѣлъ, что съ этимъ безумцемъ борьба становится ему невозможною, и отступалъ шагъ за шагомъ, пока наконецъ не очутился на самомъ верху лѣстницы. А толпа все лѣзла и лѣзла наверхъ, и черезъ нѣсколько минутъ заняла площадку, съ которой нѣсколько дверей вели въ ратушу. Реймаръ и Тидеманъ, съ большимъ трудомъ могли отбиться отъ нападающихъ на столько, что имъ удалось проскользнуть въ дверь конторы. Но и сюда рвался Торсенъ и сопровождавшая его толпа. Когда Реймаръ увидѣлъ, что только мечемъ онъ можетъ спасти своего старшаго товарища, онъ съ такою непреодолимою силою набросился на разъяреннаго датчанина, что тотъ невыдержалъ натиска, поскользнулся и при паденіи выронилъ изъ рукъ оружіе. Тогда Реймаръ сталъ ему своею мощною ногою на грудь, и, взмахнувъ мечемъ, крикнулъ толпѣ:

— Или вы всѣ сейчасъ же уберетесь отсюда, или я проколю датчанину его коварное сердце!

Съ изумленіемъ взглянули бунтовщики на храбраго ганзейца— и вдругъ услыхали недоброе... По главной лѣстницѣ, которая вела въ залу изъ садика, поспѣшно бѣжали на помощь Тидеману и Реймару вооруженные ганзейцы, въ шлемахъ и доспѣхахъ. Толпа сразу дрогнула и побѣжала. Торсенъ рванулся съ земли, съ отчаяннымъ усиліемъ поднялся на ноги и бросился вслѣдъ за своими пособниками. «Тебѣ еще это припомнится!»—крикнулъ онъ Реймару, убѣгая.

Молодой любчанинъ только съ презрѣніемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, и поспѣшилъ обратиться къ ослабѣвшему отъ испуга Тидеману, утѣшая его тѣмъ, что опасность уже миновала.

Подоспѣвшіе молодцы бросились внизъ по лѣстницѣ вслѣдъ за убѣгавшими бунтовщиками, которые однако же успѣли удалиться черезъ открытую калитку и вновь направились на улицу Темзы, въ соединеніе съ главною толпою черни.

Но уже издали слышались крики: «Городская стража приближается!»... Толпа заколебалась... Крики стали ближе и слышнѣе,— а въ то же время съ сѣверной стороны показался вдали свѣтъ фонарей и факеловъ, освѣщавшихъ путь подходившей городской

дворъ» было не легко разбѣжаться и ускользнуть отъ рукъ стражи, которая сильными отрядами наступала изо всѣхъ улицъ, выходившихъ на берегъ Темзы и приближалась къ Стальному двору съ двухъ противуположныхъ сторонъ, освѣщая себѣ путь ярко-пылавшими небольшими котелками со смолой, вздѣтыми на длинные шесты. Лордъ-мэръ еще во-время успѣлъ отправить стражу на помощь ганзейцамъ! И лишь очень немногимъ изъ бунтовщиковъ удалось попрятаться и притаиться въ излучинахъ берега Темзы: большинство захвачено было стражей и отведено въ тюрьму, гдѣ и подверглось тяжкимъ наказаніямъ.

VI.

Сельдяная ярмарка въ Шоненѣ.

Іюльское солнце палящими лучами освѣщало эѳирно-голубое Балтійское море, сверкавшее тысячами огней, словно поверхность громаднаго, граненаго сапфира. Теплый, мягкій вѣтерокъ порхалъ надъ моремъ, по волнамъ котораго двигалось масса кораблей.

Подобно лебедямъ-великанамъ они неслись къ берегамъ Шонена, и цѣль ихъ плаванія была самая мирная,—ловъ сельдей.

Въ то время, Балтійское море составляло главный рыбный запасъ Европы. Рыбы водилось и ловилось въ немъ великое множество; устья рѣкъ кишмя кишѣли форелями и разными породами лососей; киты, пугавшіе мореходовъ, были въ Балтикѣ не диковинкой; а около прибрежья ловилась въ огромномъ количествѣ камбала.

Но главную добычу остерлинговъ составляли несмѣтныя стада сельдей, періодически появлявшіяся въ Балтійскомъ морѣ. До самаго конца XII (вѣка) сельди постоянно водились у Померанскаго берега и такими густыми массами, что, въ періодъ времени между днемъ св. Якова и св. Мартина, ихъ можно было ловить съ берега и руками, и корзинами. Сельдь очень скоро сдѣлалась любимымъ постнымъ блюдомъ на всемъ сѣверѣ Европы и стала доставлять вендскимъ приморскимъ городамъ — Любеку, Висмару, Роштоку, Стральзунду и Грейфсвальде—огромный доходъ, и даже сдѣлалась главнымъ источникомъ ихъ благосостоянія. Но вѣдь сельдь прихотлива и перемѣнчива, а потому, въ XIII вѣкѣ, она вдругъ измѣнила направленіе своихъ странствованій и пошла вдоль низменныхъ береговъ Шонена. Ганзейцы тотчасъ поспѣшили за нею слѣдомъ со своими кораблями, и только тогда успокоились, когда по-

лучили въ Швеція на ловъ сельдей привилегію и дозволеніе основать свои колоніи.

Съ тѣхъ поръ, ко времени лова сельдей стали къ Шоненскому берегу приплывать сотни ганзейскихъ кораблей. Они обыкновенно совершали свои плаванія по нѣскольку вмѣстѣ, потому что, въ то время рѣдкій корабль рѣшался пускаться въ море въ одиночку:— на морѣ ему всегда грозила встрѣча съ морскими разбойниками.

Корабли, въ которыхъ ганзейцы совершали свои морскія путешествія, носили особое названіе—когге (а русскіе называли ихъ обыкновенно шнеками). Они отличались всѣмъ своимъ складомъ отъ образца древнихъ классическихъ галеръ, по которому еще продолжали строиться суда на Средиземномъ морѣ: имъ придавался своеобразный видъ болѣе округлыми очертаніями корпуса, высокими бортами, мощнымъ и рѣзко-выдающимся килемъ и толстою высокою мачтою, на верху которой помѣщалась округлая сторожевая будка съ зубцами.

Между тѣми шнеками, которыя въ описываемый нами іюльскій день направлялись къ Шоненскому берегу, одна, принадлежавшая любекскому купцу Госвину Стеену, была особенно красива. Онъ и самъ плылъ на ней, и управлялъ ею, такъ какъ ганзейскій купецъ, вообще, не только руководилъ торговлею изъ своей уютной конторы,— онъ умѣлъ владѣть не только перомъ, но и кораблемъ, и мечемъ. Ему постоянно приходилось опасаться враговъ въ открытомъ морѣ, и ужъ смолоду онъ закалялся въ борьбѣ съ опасностями и невзгодами всякаго рода. Въ мелкихъ стычкахъ съ пиратами образовались тѣ герои, которые впослѣдствіи, становясь бургмейстерами, умѣли водить своихъ согражданъ къ побѣдамъ на сушѣ и на морѣ.

Однако же, тотъ, кто бы теперь увидалъ г. Госвина Стеена на бортѣ его шнеки, едва ли узналъ бы въ немъ богатаго и высоко уважаемаго купца, такъ какъ онъ, по обычаю всѣхъ сѣверныхъ моряковъ одѣтъ былъ въ грубую фрисландскую куртку, поверхъ которой носилъ кольчужную рубашку. Съ увѣренностью стараго мореплавателя отдавалъ онъ нужныя приказанія и его «ребята» выполняли всѣ его указанія самымъ тщательнымъ образомъ, слишкомъ хорошо зная неумолимую строгость своего хозяина. Даже тѣ распущенные, своевольные молодцы, которые были приняты Госвиномъ Стееномъ только на одно плаванье, для обороны отъ нападенія морскихъ разбойниковъ на обратномъ пути, — даже и эти морскіе ландскнехты выказывали ему большое уваженіе.

Кто видѣлъ Реймара, тотъ уже могъ составить себѣ полное понятіе о его отцѣ: вся разница была только въ томъ, что борода у Госвина была сѣдая, и въ глазахъ его уже не было того пламеннаго блеска,—взглядъ ихъ былъ спокойнѣе и строже. Неутомимо ходилъ Госвинъ взадъ и впередъ по палубѣ своего корабля, отдавая приказанія короткими, отрывистыми фразами, и покрикивая

взглядъ въ синюю даль, тогда на лицѣ его можно было ясно прочесть глубое раздумье, даже безпокойство и волненіе.

Отъ такого именно раздумья отвлекъ его рыжебородый рыбакъ, у котораго свѣтло-голубые глаза свѣтились добродушіемъ. Насупивъ брови и почесывая въ затылкѣ, онъ спросилъ:

— А что, г. Стеенъ, не начать ли мнѣ понемножку сѣти-то изъ трюма на палубу выгружать? Скоро вѣдь и якорь бросить придется, потому вонъ ужъ и Фальстербо вдали показываться сталъ.

Купецъ глянулъ въ даль, на выходившій изъ-за моря островъ и отвѣчалъ:

— Чтожъ, выгружай, Ганнеке. Только смотри, какъ будешь причаливать, чтобы наши люди не затѣвали никакой ссоры съ датчанами. Миръ и спокойствіе—прежде всего.

— Ну, г. Стеенъ,—простодушно отвѣтилъ Ганнеке,—вѣдь ужъ вы меня знаете. Посмѣютъ ли наши ребята завести какую ссору, въ моемъ-то присутствіи! Хотя, правду сказать, иногда и кипитъ на сердцѣ противъ этихъ датчанъ, потому самому, что они... они... какъ бы это сказать? Ну, одно слово—датчане, и значитъ, народъ этакій неподходящій... А ужъ въ особенности теперь, какъ они себѣ Шоненъ-то присвоили... Однако, вы будьте спокойны, г. Стеенъ, это вѣдь они только касательно сельдей.

Хозяинъ машинально кивнулъ головой въ знакъ согласія, потому что его собственныя мысли носились гдѣ-то очень далеко, хотя его дурное настроеніе духа вызывалось отчасти и неожиданнымъ захватомъ Шонена со стороны датскаго короля Вольдемара IV.

Шоненъ, въ былые годы, принадлежалъ Даніи вмѣстѣ съ Готландомъ и Блекингомъ, но былъ заложенъ Голштиніи и въ двадцатыхъ годахъ XIV вѣка добровольно подчинился Швеціи, выплатившей за него всю сумму долга. Шведскій король, Магнусъ II, возбудившій противъ себя ненависть въ народѣ своимъ дурнымъ управленіемъ страною, въ 1360 году уступилъ однако же Шоненъ, Готландъ и Блекингенenъ Вольдемару Датскому, по договору, которымъ Вольдемаръ обѣщался помогать Магнусу датскимъ войскомъ, въ случаѣ междоусобной войны внутри государства. Стремленія датскаго короля къ завоеваніямъ тѣмъ болѣе должно было тревожить ганзейцевъ, что они уже изстари должны были опасаться могущества этой страны, много разъ угрожавшаго великимъ ущербомъ ихъ торговымъ интересамъ. Правда, Вольдемаръ уважалъ привиллегіи, выданныя ганзейцамъ на Шоненъ; но на долго ли? это было бы трудно сказать утвердительно, при его характерѣ. Не даромъ его въ народѣ называли аттердагомъ (завтрашникомъ), такъ какъ онъ любилъ всегда обдумывать каждый свой шагъ и откладывать рѣшеніе каждаго дѣла на-завтра.

ною и опять сталъ ходить взадъ и впередъ по палубѣ. Тогда Ганнеке опять подошелъ къ нему:

— Я передалъ ваше желаніе ребятамъ, — г. Стеенъ, — и очень это было кстати, потому они всѣ чертовски противъ датчанъ злы; они, видите ли, полагаютъ, что это датскіе каперы гнались за нашей Бойской флотиліей и ее...

— Молчать! — гнѣвно крикнулъ хозяинъ, топнувъ ногою.

Ганнеке съ испугомъ посмотрѣлъ въ искаженное гнѣвомъ лицо хозяина; онъ видѣлъ, что Стеенъ вдругъ весь затрясся отъ злобы... Рыбакъ отошелъ въ сторону, глубоко опечаленный, бормоча про себя:

— Такимъ мнѣ его еще не случалось видѣть — со мной онъ бывалъ всегда такой обходительный... А всему эти проклятые датчане виной!

И снова взглядъ Стеена углубился въ синюю даль. Послѣднія недѣли было не легко ему пережить и много пришлось вынести огорченій. Онъ былъ недоволенъ и собою, и всѣмъ міромъ, и всѣмъ, что когда-либо казалось ему дорогимъ и милымъ. Одного дня, — да! — одного удара было достаточно для того, чтобы уничтожить, разрушить всѣ его планы.

Госвинъ Стеенъ всегда, «отъ младыхъ ногтей», былъ человѣкомъ осторожнымъ, принимавшимся за дѣло лишь тогда, когда онъ могъ быть твердо увѣренъ въ его счастливомъ исходѣ. Этою мудрою предусмотрительностью онъ съумѣлъ добиться уваженія и почтенія со стороны всѣхъ своихъ согражданъ; всѣ искали его совѣтовъ и принимали эти совѣты за рѣшенія оракула. Никогда еще ему не случалось ошибаться, никогда еще ни одно изъ его прорицаній не оставалось неисполненнымъ. Много разъ совѣтъ города Любека обращался къ нему съ просьбою — принять на себя званіе и должность бургмейстера, и Госвинъ Стеенъ не изъявлялъ на то согласія, такъ какъ онъ отлично зналъ предѣлы своей возможности, и говорилъ себѣ, что предлагаемая ему должность слишкомъ затруднительна и, что, занимая ее, мудрено на всѣхъ угодить. А ему хотѣлось, среди всѣхъ своихъ согражданъ, оставаться единымъ непогрѣшимымъ и безупречнымъ; ему любо было слышать, какъ почитатели его, вздыхая, говорили:

— Да! вотъ если бы Госвинъ Стеенъ былъ у насъ бургмейстеромъ, такъ въ городѣ-то все бы на иной ладъ пошло!

Когда, зимою, происходили совѣщанія о томъ, кому поручить командованіе главнымъ военнымъ кораблемъ, который долженъ былъ благополучно провести черезъ Зундъ Бойскую флотилію, и при этихъ совѣщаніяхъ члены магистрата не могли прійти ни къ какому рѣшенію, тѣмъ болѣе, что бургмейстеръ Іоганнъ Виттенбергъ въ теченіе лѣта долженъ былъ вести переговоры въ Брюгге и по-

— Довѣрьте командованіе кораблемъ юнѣйшему изъ нашихъ сочленовъ,—назначьте командиромъ его сына моего Реймара, и я надѣюсь, что вы въ этомъ не раскаетесь.

Господа члены магистрата, услышавъ эту рѣчь, молча обмѣнялись между собою удивленными взглядами; но та увѣренность, съ какой Госвинъ Стеенъ говорилъ, показалась имъ вполнѣ убѣдительною, и они единогласно возложили на Реймара эту трудную обязанность. На большомъ кораблѣ, съ сильнымъ, многочисленнымъ и хорошо вооруженнымъ экипажемъ въ 400 человѣкъ, съ разнымъ воинскимъ снарядомъ и запасомъ на носу и кормѣ судна, Реймаръ вышелъ въ началѣ іюня изъ гавани Травемюнде и направился смѣло къ Норезунду. Четыре недѣли спустя тотъ же военный корабль возвратился въ ту же гавань одинъ,—и при немъ не было Бойской флотиліи. Вся флотилія, съ богатѣйшимъ грузомъ товаровъ, который цѣнили въ 400,000 марокъ, попала въ руки пиратовъ, отъ которыхъ Реймаръ Стеенъ не съумѣлъ оберечь флотилію. Кто были эти морскіе разбойники—датчане ли, норвежцы ли, финны или русскіе—этого никто опредѣленно сказать не могъ, потому что, пока они грабили флотилію, Реймаръ Стеенъ долженъ былъ выдерживать упорную битву съ какимъ-то сильнымъ иноземнымъ кораблемъ. Какой-то странный туманъ покрывалъ все это дѣло, и никто не могъ въ этотъ туманъ проникнуть, такъ какъ весь экипажъ Бойской флотиліи былъ захваченъ въ плѣнъ, а всѣ люди, находившіеся съ Реймаромъ на военномъ кораблѣ хранили мрачное и глубокое молчаніе. Сильно-потерпѣвшіе любекскіе купцы подняли было крикъ и въ своемъ кругу стали между собою поговаривать, что Бойскую флотилію можно было бы, конечно, спасти, если бы командиромъ ганзейскаго военнаго корабля былъ человѣкъ болѣе опытный, однако же Реймаръ, послѣ того, какъ онъ отдалъ отчетъ совѣту обо всемъ ходѣ дѣла, не былъ привлеченъ ни къ какой дальнѣйшей отвѣтственности. Гдѣ нѣтъ истца, тамъ и судьѣ дѣлать нечего; а для того, чтобы затѣять какое-нибудь дѣло противъ Реймара—не было необходимыхъ уликъ и потому именно любекскій городской совѣтъ, противъ всякаго ожиданія, выказалъ себя, въ данномъ случаѣ, чрезвычайно снисходительнымъ. Подъ рукою, въ городѣ ходили слухи, объяснявшіе эту снисходительность довольно своеобразно; говорили, что Госвинъ Стеенъ принялъ на себя всѣ убытки, понесенные отдѣльными членами совѣта вслѣдствіе гибели Бойской флотиліи... Сумма, уплаченная имъ, по слухамъ, равнялась 150,000 марокъ.

Такъ и уладилось дѣло. Реймаръ былъ посланъ отцомъ въ Визби чтобы отнынѣ завѣдывать его тамошними дѣлами, и вся эта непріятная исторія забылась и быльемъ поросла.

нечаянно-вырвавшагося слова, даже взгляда, для того, чтобы задѣть заживое проницательнаго купца. Но болѣе всего угнетало, давило его то, что онъ видѣлъ, какъ всеобщее, слѣпое довѣріе къ нему его согражданъ—ихъ вѣра въ то, что Госвинъ Стеенъ не можетъ ошибаться — разлетѣлась прахомъ. И его честолюбію былъ этимъ нанесенъ жестокій ударъ!

Друзья и ближайшіе знакомые не безъ участія смотрѣли на внутреннія страданія этого, всѣми уважаемаго человѣка, и даже большинство его служащихъ понимали его горе. Беззавѣтно преданный ему Ганнеке понималъ это лучше многихъ другихъ и старался всѣми силами развлечь и разсѣять своего любимаго хозяина. Какъ только бывало Госвинъ задумается и углубится въ свои грустныя размышленія, Ганнеке ужъ непремѣнно окажется около него и найдетъ какой-нибудь поводъ, чтобы съ нимъ заговорить.

Такъ поступилъ онъ и въ ту минуту, о которой мы теперь передаемъ читателю. Онъ повелъ опять рѣчь о сѣтяхъ.

— Теперь, г. Стеенъ, всѣ сѣти у насъ на верху и сельдямъ зададимъ гонку. Полагаю, ныньче уловъ-то не дуренъ будетъ.

Хозяинъ не отвѣчалъ ни слова и продолжалъ смотрѣть вдаль.

— Жаль только одного,—продолжалъ добродушный Ганнеке,—что вотъ ныньче съ засоломъ будетъ намъ поруха, потому не будетъ у насъ этой самой крупнозернистой Бойской соли и...

Суровый взглядъ хозяина заставилъ Ганнеке перервать рѣчь на полу-словѣ; но онъ постарался загладить свою ошибку, и продолжалъ:

— Вотъ теперь, какъ ѣдемъ-то на ловъ сельдей, такъ и вспоминается мнѣ мой сынъ, Янъ; года два тому назадъ я бралъ его тоже съ собою въ Шоненъ... Тамъ вѣдь у меня шуринъ есть — сторожемъ приставленъ... Такъ это къ нему погостить мы ѣздили...

Хозяинъ глянулъ въ сторону Ганнеке, нетерпѣливо ожидая окончанія его безсвязной рѣчи.

— Это объ Янѣ-то мнѣ вспомнилось, и я хотѣлъ вамъ сказать, что онъ меня не на шутку радуетъ, г. Стеенъ, и старуху мою тоже. И ужъ такъ-то мы г. Реймару благодарны, что онъ взялъ Яна съ собою въ Визби и опредѣлилъ при дѣлѣ — вѣдь вотъ ужъ скоро этому два года минетъ! Намедни пріѣхалъ изъ Визби мой родственникъ, Бульмерингъ, бочаръ,—сдавалъ тамъ бочки,—ну, и Яна видѣлъ. Говоритъ, совсѣмъ приказчикомъ смотритъ.

Счастливый и довольный отецъ, при этихъ словахъ такъ широко и радостно улыбался, что лучъ его радости запалъ и въ сердце Госвина Стеена. Онъ, конечно, вскорѣ снова впалъ бы въ раздумье, но Шоненъ былъ уже близко, работы предстояло на кораблѣ

Юго-западная оконечность Шонена представляетъ собою безотрадный, плоскій и низменный песчаный откосъ, далеко вдающійся въ море; но во время лова сельдей этотъ откосъ бывалъ такъ оживленъ, такъ полонъ шума и движенія, что это обыкновенно столь скучное и угрюмое прибрежье становилось просто неузнаваемымъ. Тысячи рыбачьихъ барокъ были разбросаны въ открытомъ морѣ, около разставленныхъ ими сѣтей, и подходящія большія суда должны были принимать всякія мѣры предосторожности и лавировать очень искусно, чтобы никому не причинить тѣмъ ущерба. На берегу тоже кипѣла своеобразная дѣятельность: множество бондарей и купорщиковъ работали надъ бочками, въ которыя складывались соленыя сельди.

На пространствѣ между замками Скалёръ и Фальстербо главнымъ образомъ и толпился народъ; тамъ-то и происходила главная сельдяная ярмарка нѣмецкой Ганзы. Мѣсто, на которомъ ганзейцы имѣли право торга и надъ которымъ развѣвался флагъ ихъ городовъ, они окопали глубокимъ рвомъ и отдѣлили валомъ и частоколомъ отъ остального острова, составлявшаго нынѣ датское владѣніе. Каждому отдѣльному городу, на этомъ клочкѣ земли, принадлежали особыя поселенія, называвшіяся **виттами**, и, въ свою очередь, отдѣлявшіяся одно отъ другого тыномъ, на которомъ прибитъ былъ гербъ города. Въ каждой **виттѣ** были свои особые каменные дома для копченія и соленія сельдей и деревянныя таверны и лавки для рыбаковъ и ремесленниковъ, равно какъ и амбары, и склады для всякаго рода товаровъ.

Витта любечанъ на Шоненѣ была одною изъ самыхъ главныхъ; даже управленіе ею было поручено особому **фогту** (управляющему) изъ членовъ любекскаго магистрата. Къ любекской виттѣ, съ одной стороны примыкали витта прусскихъ городовъ, а съ другой—Роштокская, Стральзундская и Висмаркская витты.

Среди рыбнаго товара наваленнаго горами, среди грудъ соли и всякой копченой снѣди, въ особыхъ лавкахъ выставлены были на показъ драгоцѣннѣйшіе европейскіе товары—шелковыя матеріи и нидерландскія сукна, южныя вина и восточныя пряности — такъ какъ ганзейскіе корабли никогда не приходили на сельдяную ловлю пустыми, а постоянно привозили съ собою грузъ товаровъ. На пустынномъ полуостровкѣ мало-по-малу развилась ярмарка, которая могла смѣло соперничать съ самыми крупными ярмарками въ большихъ и многолюдныхъ городахъ. Такимъ образомъ ганзейцы достигали разомъ двухъ цѣлей: безпошлинно вывозили съ Шонена богатѣйшій запасъ сельдей (съ каждаго корабля взималась лишь самая ничтожная подать), который продавали у себя дома съ большою выгодою, и при этомъ безпошлинно же ввозили въ Шоненъ свои и

и даже самъ датскій фогтъ, управлявшій Шоненомъ могъ, на основаніи установившагося обычая, оставаться здѣсь только одинъ день для посола сельди, выловленной на долю датскаго короля. Вообще, только ганзейскимъ рыбакамъ было предоставлено самое право производить рыбную ловлю, точно также, какъ и соленіе рыбы могло производиться только при помощи рабочихъ-ганзейцевъ. Вслѣдствіе этого нѣмецкимъ купцамъ исключительно принадлежали всѣ выгоды торга, снабжавшаго сельдями не одну только Германію, но и Англію, и Нидерланды, и Швецію, и Россію съ Польшею.

На Шоненѣ, какъ и вообще во всѣхъ остальныхъ ганзейскихъ поселеніяхъ все было подчинено строжайшей дисциплинѣ, и за соблюденіемъ всякихъ законоположеній, касающихся рыбной ловли, торговли вообще и рыночнаго торга въ частности, слѣдили очень зорко. Богобоязенные ганзейцы озаботились и о томъ, чтобы тамъ же воздвигнута была нѣмецкая церковь, въ которой богослуженіе совершалось монахомъ. Рядомъ съ церковью находилась и обычная въ то время оружейная палата, въ которой всѣ, собиравшіеся переступить порогъ церкви, должны были складывать оружіе. Предосторожность далеко неизлишняя: въ средніе вѣка кровь билась въ жилахъ не по-нашему, и рука слишкомъ поспѣшно хваталась за мечъ и за ножъ!

VII.

Загадочный незнакомецъ.

Было уже далеко за полдень, когда Госвинъ Стеенъ причалилъ на своей шнекѣ къ Шонену. Словно изъ раскаленной печи повѣяло съ берега на него и на весь его экипажъ; прибрежный песокъ жегъ имъ ноги. Іюльское солнце палило такъ сильно, что смола, которою были обмазаны суда, таяла и наполняла воздухъ своимъ острымъ ароматомъ.

Госвинъ Стеенъ былъ встрѣченъ съ большою радостью. Хотя его привѣтствовали и принимали люди, большею частью ему подчиненные и состоявшіе на службѣ у него и прибывшіе сюда ранѣе его на легкихъ рыболовныхъ судахъ, однако же, при его нынѣшнемъ грустномъ настроеніи, и этотъ радушный пріемъ былъ ему очень пріятенъ.

Какой-то иноземецъ, стоявшій въ сторонѣ на берегу (Стеену никогда еще не случалось видѣть его въ Шоненѣ), повидимому, смотрѣлъ съ завистью на почетный пріемъ, оказанный Госвину, и не сводилъ съ него своихъ недобрыхъ глазъ. Госвинъ повернулся въ его сторону и не могъ отвести глазъ отъ иноземца, который

Всѣ спѣшили привѣтствовать Госвина Стеена.

онъ его уже гдѣ-то видѣлъ. Но, какъ онъ ни напрягалъ своей памяти, онъ никакъ не могъ себѣ уяснить—гдѣ и когда это было?

Тогда онъ снова сосредоточилъ все свое вниманіе на своихъ служащихъ и подчиненныхъ и спросилъ ихъ, хорошо ли они безъ него работали.

— А вотъ сами изволите увидѣть, г. Стеенъ,— весело крикнули ему всѣ въ одинъ голосъ,—какъ пожалуете къ намъ въ нашу витту.

Въ этой виттѣ происходила такая суматоха, что она представляла собою сущій муравейникъ. Но какъ въ муравейникѣ, такъ и здѣсь, въ этой любекской виттѣ, все происходило на основаніи твердо установившихся правилъ. Многія сотни рукъ заняты были въ соляныхъ амбарахъ соленіемъ рыбы, между тѣмъ, какъ другія укладывали рыбу въ бочки и устанавливали на повозки для перевозки на берегъ, гдѣ, еще въ тотъ же вечеръ, готовы были къ отплытію въ Любекъ тридцать легкихъ судовъ, постоянно поддерживавшихъ сношенія съ Шоненомъ, до самаго октября мѣсяца, когда всякая дѣятельность на Шоненѣ прекращалась до слѣдующаго года.

Уловъ рыбы въ этомъ году былъ настолько изобиленъ, что ганзейцы не могли быть имъ недовольны. Если, при этомъ, въ средѣ ганзейцевъ и замѣтно было нѣкоторое сумрачное настроеніе, то это главнымъ образомъ слѣдовало приписать тѣмъ тревожнымъ извѣстіямъ, которыя доходили въ Шоненъ о новыхъ мѣропріятіяхъ короля Вольдемара. Онъ почему-то суетливо разъѣзжалъ по всей своей странѣ и явно избѣгалъ встрѣчи съ тѣми послами Ганзейскаго Союза, которымъ было поручено къ нему явиться, и просить его объ утвержденіи различныхъ обѣщанныхъ имъ привиллегій. Осторожный и хитрый аттердагъ находилъ тысячи извиненій для замедленія дѣла, и показывался то здѣсь, то тамъ, очевидно занятый приведеніемъ въ исполненіе какихъ-то таинственныхъ замысловъ и возможностью ихъ осуществленія въ ближайшемъ будущемъ.

Огненно-красный шаръ солнца медленно погружался въ морскія волны, покрывая ихъ ослѣпительно-краснымъ отблескомъ. Госвинъ Стеенъ, распорядившись выгрузкою товаровъ изъ шнеки въ магазинъ любекской витты, отправился на берегъ, чтобы тамъ взглянуть на снаряженіе рыбачьихъ судовъ, готовившихся къ отплытію. Множество рыбачьихъ барокъ подплывали въ это время къ берегу, доверху нагруженныя своимъ богатымъ уловомъ; другія же отплывали отъ берега въ море, на ночной ловъ. Вдоль всего берега на ночь обыкновенно зажигались факелы и береговые сторожа были заняты именно тѣмъ, что разставляли ихъ на опредѣленныхъ разстояніяхъ.

его до такой степени непріятно вліяло на Госвина, что онъ не остался на берегу, а вернулся въ ганзейскую витту.

— Сановитый господинъ!—замѣтилъ иноземецъ одному изъ береговыхъ сторожей, кивая въ сторону удалявшагося Стеена.

— Еще бы!—сказалъ сторожъ и подмигнулъ одному изъ стоявшихъ около него рыбаковъ.—Этого господина не на всякихъ вѣсахъ и взвѣсить-то можно.

— А развѣ знаешь, кто это такой?

— Коли не ошибаюсь, должно быть, господинъ Госвинъ Стеенъ изъ Любека.

— Да! да!—подтвердилъ сторожъ, посмѣиваясь,—а мы его, по здѣшнему, еще иначе называемъ.

— А какъ?

— Зовемъ его «сельдянымъ рыцаремъ», потому, видите ли, что онъ на сельдяхъ и разбогатѣлъ, и теперь такую силу забралъ въ руки—чтò твой баронъ!

— Не одною сельдью онъ разбогатѣлъ, шуринокъ,—вступился рыбакъ,—ты небось забылъ, каковъ онъ въ работѣ-то, да какова у него голова-то!..

— Такъ-то такъ,—продолжалъ подшучивать сторожъ Шрётеръ,—голова головой, а разбогатѣть помогли ему и тѣ золотыя лисички, которыя его супруга принесла съ собою въ приданое.

— Да развѣ супруга Стеена происходитъ изъ такого богатаго дома?—спросилъ иноземецъ.

— Полагаю,—сухо отрѣзалъ Ганнеке.—Вѣдь нашъ-то господинъ взялъ за себя дочь богача Вульфа Вульфляма изъ Стральзунда, о которомъ разсказываютъ, что онъ даже и сидѣлъ не иначе, какъ на серебряной лавкѣ. Мой родственникъ, бочаръ Бульмерингъ, который поставляетъ ему бочки для его пòгреба, разсказывалъ мнѣ, что всѣ стѣны въ его домѣ увѣшаны драгоцѣнными коврами. Такъ-то! А какъ онъ свою свадьбу праздновалъ, то приказалъ—словно король въ коронованье—всю улицу отъ своего дома до церкви выстлать лундскимъ сукномъ, да музыкантовъ герцогскихъ нанялъ и играть заставилъ. Однихъ блюдъ за свадебнымъ обѣдомъ было восемьдесятъ!—заключилъ не безъ нѣкоторой гордости Ганнеке.

— Господи Боже мой!—сказалъ сторожъ съ глубокимъ вздохомъ,—какъ подумаешь! Когда я женился на моей Доротѣ, такъ мы съ ней были рады-радёшеньки, что у насъ хоть селедки-то были...

— Почемъ знать? Вамъ, можетъ быть, ваши селедки вкуснѣе казались, нежели Вульфу весь его роскошный свадебный пиръ. Онъ и при всемъ своемъ богатствѣ ничѣмъ не былъ доволенъ, потому что у него не хватало именно той теплоты сердечной, которою въ

— Строгонекъ-таки онъ, но за то и добръ при этомъ,—сказалъ Ганнеке.

— Вѣдь у него, кажется, и сынъ есть?—продолжалъ разспрашивать иноземецъ.

— Какъ же! г. Реймаръ—и тоже славный господинъ.

— Тотъ вѣрно теперь завѣдуетъ дѣлами отца въ Любекѣ?

— Нѣтъ, онъ нынче живетъ въ Визби, потому...

— А почему бы это?

— Ахъ!—съ досадою сказалъ Ганнеке, почесывая за ухомъ,—вышла тутъ одна исторія... Я, право, и самъ не знаю, какъ это случилось... Мало ли тамъ что злые языки болтаютъ...

— А скажите пожалуйста, могу ли я сегодня еще переговорить съ г. Госвиномъ Стееномъ?—спросилъ иноземецъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— О, да, я полагаю,—сказалъ Ганнеке.—Сельдяные суда уже нагружены. Не хотите ли, чтобы я свелъ васъ въ нашу витту?

Иноземецъ охотно согласился на это предложеніе и направился вслѣдъ за старымъ рыбакомъ.

Ганзейскіе купцы бывали замѣчательно невзыскательны въ своихъ житейскихъ потребностяхъ. Въ этомъ можно было убѣдиться и по убранству той маленькой комнатки, въ которой жилъ Госвинъ Стеенъ на любекской виттѣ. Жесткая койка, стулъ да рабочій столъ—составляли всю мебель въ комнаткѣ. Хозяинъ былъ занятъ вычисленіемъ прибылей, которыя долженъ былъ ему принести уловъ сельдей за нынѣшній годъ, когда его занятія были прерваны приходомъ Ганнеке и другого неизвѣстнаго ему лица, въ которомъ Госвинъ тотчасъ призналъ страннаго незнакомца. Не смотря на то, что лицо незнакомца теперь не носило на себѣ ни малѣйшаго признака враждебности, Госвинъ все же почувствовалъ въ душѣ своей, при входѣ его, нѣчто въ родѣ внутренняго трепета или замиранія сердца.

— Что вамъ угодно?—спросилъ его Стеенъ очень непривѣтливо.

— Извините, г. Стеенъ,—вступился Ганнеке,—этотъ господинъ желаетъ съ вами переговорить, такъ вотъ я его сюда и привелъ, потому, какъ вы знаете, никакой иноземецъ не имѣетъ права входа въ наши витты.

— Чего же вамъ отъ меня нужно?—переспросилъ Стеенъ тѣмъ же сухимъ тономъ у незнакомца.

— Мнѣ нужно бы съ вами сладить небольшое дѣльце,—очень вкрадчиво заговорилъ незнакомецъ.

Госвинъ Стеенъ пристально посмотрѣлъ на него, и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ:

членовъ того общаго собранія Любекской думы, въ которое я вносилъ свою просьбу объ измѣненіи произнесеннаго противъ меня тяжкаго приговора.

— А! теперь признаю васъ,—воскликнулъ Стеенъ.—Вы тотъ самый датчанинъ, котораго мы исключили изъ Ганзейскаго Союза.

— Родомъ я, дѣйствительно, датчанинъ,—отвѣчалъ Кнутъ Торсенъ,—однако же я въ Визби пріобрѣлъ права нѣмецкаго гражданства. Иначе я бы не могъ попасть въ составъ Ганзейскаго Союза.

— Не затѣмъ ли вы пришли сюда, чтобы вновь повторить вашу просьбу? — спросилъ Стеенъ, на котораго, попрежнему присутствіе датчанина дѣйствовало чрезвычайно непріятно.—Въ такомъ случаѣ знайте заранѣе, что я тутъ ничего не могу сдѣлать.

— Само собою разумѣется. Такъ всегда и отвѣчаютъ въ подобныхъ случаяхъ.

Стеенъ быстро глянулъ на говорившаго и добавилъ:

— Да если бы я даже и могъ что-нибудь сдѣлать, то и тогда бы не сдѣлалъ, потому что вашъ проступокъ принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ. Нарушеніе довѣрія, между нами, ганзейцами, наказуется очень строго...

— Ну, положимъ, что не для всѣхъ бываютъ наказанія равны!—замѣтилъ Торсенъ, злобно и лукаво искрививъ губы въ подобіе улыбки.

— Что вы этимъ хотите сказать?—рѣзко спросилъ Стеенъ.

— А то и хочу сказать, что иному и нарушеніе довѣрія легко сходитъ съ рукъ, потому что его судьямъ глаза червонцами прикрываютъ.

Оба собесѣдника взглянули другъ на друга взглядомъ смертельной ненависти: — оба отлично понимали тайный смыслъ произнесенныхъ словъ; и Стеенъ теперь сталъ догадываться, зачѣмъ именно къ нему Кнутъ Торсенъ пожаловалъ.

— Ну, что же далѣе? Говорите!—почти повелительно обратился онъ къ датчанину.

Торсенъ указалъ на стоявшаго у входа Ганнеке и, пожавъ плечами, отвѣчалъ:

— Если васъ не стѣснитъ его присутствіе, то я могу сейчасъ перейти къ главной сути нашего дѣла.

— Ступай—обратился Госвинъ къ Ганнеке,—но будь подъ рукой. Можетъ быть ты мнѣ понадобишься.

И при этомъ онъ подозрительно окинулъ взглядомъ Кнута Торсена, который отвѣтилъ на этотъ взглядъ словами:

— Не безпокойтесь, я не причиню вамъ никакого вреда.

Стеенъ не удостоилъ его отвѣтомъ, а только выпрямился во весь ростъ и опустилъ лѣвую руку на рукоять меча.

Ганнеке невольно улыбнулся, выходя изъ комнатки. Невзрачная, приземистая фигура датчанина, въ сравненіи съ рослымъ и плечистымъ старымъ купцомъ, представлялась просто ничтожествомъ, и потому его послѣднія, успокоительныя слова представлялись въ устахъ его чѣмъ-то въ родѣ неумѣстной похвальбы...

— Кабы я могъ предвидѣть,—думалъ про себя Ганнеке,— что посѣщеніе этого иноземца причинитъ такую непріятность доброму г. Стеену, я бы его вовсе и не привелъ сюда. И вѣдь тоже—датчанинъ! Волкъ его заѣшь! Однако, говоритъ-то онъ понѣмецки настолько хорошо, что и не разберешь откуда онъ родомъ.

Ганнеке и еще нѣкоторое время продолжалъ что-то бормотать себѣ подъ носъ: у него была эта привычка, тѣмъ болѣе, что, и вообще молчать былъ онъ не охотникъ.

Сначала онъ было присѣлъ на скамейку въ виттѣ, но усидѣлъ на ней недолго. Гнѣвный голосъ Стеена громко раздавался въ маленькомъ домикѣ и до слуха Ганнеке донеслись среди вечерней тишины рѣзкіе звуки спора или перебранки, въ которой и голосъ датчанина не уступалъ по силѣ голосу Стеена. Но когда Ганнеке подошелъ къ дверямъ домика—въ комнаткѣ все опять стихло: оба собесѣдника, очевидно, смолкли на мгновеніе.

Рыбакъ, покачавъ головою, вернулся опять на свою скамью, и опять что-то сталъ бормотать себѣ подъ носъ, выражая разныя догадки и предположенія.

Во всей виттѣ царствовала полнѣйшая тишина: рыбаки, ремесленники и работники отдыхали отъ своего тяжкаго дневного труда, который долженъ былъ опять начаться съ восходомъ солнца.

Только въ тавернѣ по берегу еще слышалось нѣкоторое движеніе, такъ какъ тамъ обыкновенно толкались иноземные корабельщики, зафрахтованные ганзейцами и на утро уже готовившіеся къ отплытію.

Темнота быстро возростала. На берегу и по взморью тускло мерцали смоленые факелы и смоляныя бочки, т. е. плавучіе боченки съ горящею смолою, цѣпями прикрѣпленные къ берегу и поставленные на меляхъ и вблизи подводныхъ камней, для охраны подходящихъ кораблей отъ опасности.

Эти огни напомнили Ганнеке о его шуринѣ, который долженъ былъ всю ночь бродить вдоль по берегу. Охотно пошелъ бы Ганнеке съ нимъ поболтать и побесѣдовать о своей почтенной супругѣ Марикѣ и о своемъ возлюбленномъ сынѣ Янѣ, который подавалъ такія большія надежды. Но нельзя было сойти съ мѣста: приказано было быть подъ рукой.

Датчанинъ долго засидѣлся у Госвина Стеена. Ужъ всѣ звѣзды засвѣтились на небосклонѣ, ужъ холоднымъ ночнымъ вѣтромъ потянуло съ моря, такъ что Ганнеке, привычный къ стужѣ, нашелъ нужнымъ натянуть себѣ на плечи какой-то старый брезентъ... А

напоминало Ганнеке, что онъ на чужбинѣ, да еще на какой непривѣтной чужбинѣ, гдѣ и климатъ, и море, и люди — одинаково хмуры и пасмурны. А добродушному Ганнеке въ этомъ холодѣ и тишинѣ было не понутру. Привычный къ городскому шуму и движенію, онъ только тамъ себя хорошо и чувствовалъ, гдѣ около него текла жизнь дѣятельная, веселая, пестрая—какъ на торговой площади въ Любекѣ. Онъ радъ былъ радешенекъ, когда, наконецъ, раздался въ темнотѣ голосъ его господина, и онъ былъ призванъ въ его комнатку.

Въ комнатѣ царила такая тьма, что хоть глазъ выколи. Стеенъ, среди своей важной и таинственной бесѣды съ незнакомцемъ совсѣмъ позабылъ объ освѣщеніи, и только теперь приказалъ Ганнеке вздуть огня.

Вѣрному слугѣ показалось, что голосъ его господина звучитъ какъ-то странно. Онъ вышелъ за огнемъ, и внесъ въ комнату свѣтецъ, который и поставилъ на полочку около двери. Только тутъ успѣлъ онъ разсмотрѣть лицо Стеена, и просто въ ужасъ пришелъ! Смертная блѣдность покрывала его щеки, и странное смущеніе было написано во всѣхъ чертахъ. Кнутъ Торсенъ, напротивъ, преспокойно осматривалъ всѣ углы комнаты, какъ будто ничего особеннаго между нимъ и Госвиномъ не произошло.

— Теперь вы позволите мнѣ удалиться, — сказалъ онъ, обращаясь къ Госвину, который тяжело дышалъ и былъ страшно взволнованъ.—Я проведу ночь въ прибрежной тавернѣ, а завтра, черезъ Мальмё возвращусь въ Копенгагенъ.

Сказавъ это, онъ слегка поклонился и направился къ выходу.

— Проводи его изъ нашей витты, — приказалъ Госвинъ рыбаку, ожидавшему распоряженія. Тотъ, испуганный выраженіемъ лица своего господина, хотѣлъ было къ нему обратиться съ вопросомъ участія; но Госвинъ такъ нетерпѣливо и повелительно махнулъ рукой, указывая на двери, что Ганнеке долженъ былъ повиноваться и вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ датчаниномъ, къ которому почувствовалъ еще болѣе отвращенія.

VIII.

Датчане въ Визби.

Когда Стеенъ остался одинъ въ комнатѣ, онъ, въ страшномъ волненіи, бросился на стулъ и закрылъ себѣ лицо руками. Въ этомъ положеніи онъ и оставался нѣсколько минутъ сряду. Тя-

мощною рукою оперся о столъ, то въ глазахъ его не видно было слезъ: въ нихъ скорѣе выражалась какая-то дикая рѣшимость. Губы были тѣсно сжаты, а вздутыя на лбу жилы свидѣтельствовали о страшномъ гнѣвѣ, кипѣвшемъ въ сердцѣ Стеена.

Онъ злобно засмѣялся, но тотчасъ послѣ того прижалъ обѣ руки къ сердцу, какъ бы ощущая въ немъ жестокую боль, вскочилъ со стула и поспѣшно открылъ маленькое окошечко. Прохладный ночной вѣтерокъ освѣжилъ его и на минуту оказалъ благодѣтельное вліяніе на его сильно возбужденные нервы.

Но, видимо, новый порывъ отчаянія овладѣлъ имъ вскорѣ послѣ того, и онъ опять опустился на стулъ, закрывъ лицо обѣими руками.

Въ такомъ положеніи засталъ его Ганнеке по возвращеніи. Перепуганный подошелъ онъ къ хозяину и воскликнулъ:

— Добрый вы мой, бѣдный г. Стеенъ, что съ вами такое?

Госвинъ не могъ выговорить ни слова. Онъ только покачалъ головою.

— Нѣтъ, ужъ нѣтъ!—продолжалъ Ганнеке, въ большомъ волненіи, — вы ужъ, пожалуйста, теперь отъ меня не укрывайтесь, хоть я и бѣдный, и простой человѣкъ, и вамъ не пара! Повѣрьте, что нашъ братъ иногда васъ, господъ, лучше понимаетъ, нежели и вы-то сами себя понимаете!

Купецъ мотнулъ головою и крѣпко пожалъ мозолистую руку честнаго рыбака.

— Вы мнѣ дороги, г. Стеенъ, — продолжалъ Ганнеке (и двѣ крупныя слезы текли по щекамъ его),—такъ дороги, какъ еслибы вы мнѣ братомъ были роднымъ, не въ обиду вамъ будь сказано. Ахъ, г. Стеенъ, вѣдь мы-то всѣ только у одного Господа, Спасителя нашего, и находимъ себѣ утѣшеніе въ печаляхъ: онъ тоже вѣдь былъ простой человѣкъ. И ужъ вы не побрезгуйте моею къ вамъ преданностью и привязаностью. Какъ бы вы были теперь дома, въ кругу вашего семейства, такъ я бы не посмѣлъ къ вамъ навязываться съ моимъ участіемъ; ну, а вѣдь здѣсь-то вы одиноки, и мнѣ сдается, что вамъ было бы полегче, какъ бы вы немножко повысказались.

Госвинъ Стеенъ прижалъ руку рыбака къ своему сердцу.

— Ты—добрый, дорогой, преданный мнѣ человѣкъ, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, который невольно выдавалъ его внутреннее волненіе,—и, повѣрь мнѣ, я высоко цѣню твои заботы обо мнѣ. Но тебѣ нечего обо мнѣ тревожиться. Мы всѣ — люди. Всѣ поддаемся иногда тяжелому настроенію, но вѣдь это проходитъ, минуетъ... Я вотъ и теперь уже чувствую себя гораздо тверже...

Ганнеке взглянулъ на говорившаго испытующимъ окомъ.

Купецъ не отвѣтилъ. Взоръ его, выражавшій отчаяніе, блуждалъ кругомъ по стѣнамъ маленькой комнатки, руки судорожно сжимались—и вдругъ, неудержимый стонъ вырвался изъ груди его.

— Ой, ой, ой!—вскрикнулъ перепуганный Ганнеке,—что же это съ вами, г. Стеенъ! Да отвѣтьте же, Христа ради!—умолялъ онъ хозяина, который сидѣлъ передъ нимъ, какъ окаменѣлый.— Отвѣтьте, коли у васъ языкъ не отнялся! хоть словечко вымолвите!

И онъ старался растереть руки своего господина, холодныя какъ ледъ.

Черезъ минуту, Госвинъ Стеенъ вздохнулъ глубоко, всею грудью. Лицо его оживилось, и онъ съ удивленіемъ оглядѣлся кругомъ, а потомъ взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ на колѣняхъ Ганнеке, и какъ будто пришелъ въ себя.

— Должно быть, въ этотъ разъ поѣздка по морю меня такъ растревожила,—проговорилъ онъ, стараясь усмѣхнуться.—Я постараюсь уснуть... Но, постой, постой, что̀ бы это могло быть?—быстро добавилъ онъ, указывая рукою по направленію къ берегу и какъ будто прислушиваясь.

На берегу слышенъ былъ глухой шумъ и жалобные вопли.

— Вѣрно какой-нибудь корабль наткнулся на берегъ?—сказалъ Стеенъ.—Или не завязалась ли тамъ какая-нибудь ссора съ датчанами?

— Только ужъ навѣрно нашихъ людей тамъ нѣтъ,—замѣтилъ Ганнеке, очень обрадовавшись тому, что его хозяинъ опять ожився.—Наши всѣ мнѣ поклялись, что они будутъ соблюдать тишину, а на ихъ слово можно положиться.

— А все же этотъ шумъ меня тревожитъ!—сказалъ Госвинъ.— И онъ не стихаетъ, а все усиливается.

— Можетъ быть, тамъ въ тавернѣ на берегу завязалась драка?

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ хозяинъ,—не похоже на это! Скорѣе, можетъ быть, не пришли ли сюда какія дурныя вѣсти? Посмотри, что тамъ такое?

— Не хотѣлось бы мнѣ оставлять васъ одного, г. Стеенъ,—тревожно замѣтилъ Ганнеке.

— Ну, такъ я пойду съ тобою вмѣстѣ,—рѣшилъ купецъ и добавилъ, когда они оба вышли на воздухъ:—Смотри-ка, смотри— не однихъ насъ поднялъ на ноги этотъ шумъ: всѣ проснулись въ нашей виттѣ.

И онъ указалъ на массу рыбаковъ и работниковъ, выбѣжавшихъ изъ-подъ тѣхъ навѣсовъ, которые служили имъ прибѣжищемъ для ночлега.

Въ это время, къ воротамъ витты подбѣжало разомъ нѣсколько

— Датчане вторглись на Готландъ! Они взяли Визби!

Крикъ ужаса раздался имъ въ отвѣтъ.

Госвинъ Стеенъ едва удержался на ногахъ. Онъ ухватился за руку Ганнеке и едва могъ выговорить:

— Кто... кто привезъ эту вѣсть?

— Сейчасъ корабль пришелъ,—заговорили въ одинъ голосъ прибѣжавшіе (это и были тѣ самые рыбаки, которые выѣхали въ море, на ночной ловъ).—Съ этимъ кораблемъ и вѣсть пришла. Нѣкоторые изъ жителей Визби, которымъ удалось оттуда убѣжать, приплыли сюда на этомъ кораблѣ. Да вотъ и всѣ они сюда идутъ; мы только ихъ бѣгомъ обогнали.

Страшная вѣсть быстро облетѣла всѣ витты. Поспѣшно собрались всѣ хозяева, чтобы за-одно выслушать разсказъ бѣглецовъ и затѣмъ между собою посовѣтоваться.

Всѣ уже давно смутно предвидѣли, что король Вольдемаръ затѣваетъ нѣчто, ни для кого неожиданное. Всѣ какъ бы давно уже ожидали этой дурной вѣсти; и все же вѣсть о захватѣ Визби оказалась для всѣхъ такою неожиданностью, что во всѣхъ виттахъ произвела ужасъ и смущеніе. Никому и въ голову не приходило, что хитрый аттердагъ дерзнетъ наложить руку и на Визби, главный и старѣйшій центръ нѣмецкой торговли и мореплаванія, городъ, въ которомъ нѣмцевъ было такъ много, что они не только пользовались такими же правами, какъ и сами готландцы, но и принимали участіе въ самомъ управленіи городомъ.

— Какъ хотите, а мнѣ все еще не вѣрится, чтобы можно было рѣшиться на такое безбожное дѣло!—воскликнулъ стральзундскій купецъ, Эвергардъ фонъ-Моръ, когда вступилъ въ кружокъ ганзейцевъ, собравшійся около Госвина Стеена, почти потерявшаго сознаніе.

— Какъ же не вѣрить, когда это уже совершилось?—спросилъ другой.

— Да вѣдь это же оплеуха, которую всѣмъ намъ, ганзейцамъ, даетъ датскій король!—горячо воскликнулъ фонъ-Моръ.—Вѣдь это посмѣяніе надъ всѣмъ нашимъ союзомъ, которое должно непремѣнно быть отмщено.

— Госвинъ Стеенъ, кажется, чувствуетъ себя получше?—заговорили въ толпѣ, видя, что Стеенъ медленно подымается, опираясь на своего вѣрнаго Ганнеке.

— Вамъ бы слѣдовало прилечь, успокоиться,—сказалъ Стеену стральзундецъ.—Прикажите отвести васъ въ вашу комнату.

— Не надо,—сказалъ купецъ,—теперь я себя опять чувствую крѣпкимъ. Я хотѣлъ бы знать подробности, какъ было дѣло?

Повидимому, онъ говорилъ правду: на лицѣ его явился румя-

шихъ, сопровождаемыхъ рыбаками, ремесленниками и работниками; эта толпа заняла всю площадку передъ любекской виттой, и начался подробный и печальный разсказъ.

Первый выступилъ изъ толпы сѣдой старикъ-штурманъ, который былъ лично извѣстенъ большинству присутствовавшихъ любекскихъ купцовъ, такъ какъ онъ изъ года въ годъ постоянно плавалъ между Ревелемъ и Висмаромъ, своей родиной.

— Мы уже плыли обратно,—такъ повелъ онъ свой разсказъ,— и свѣжій нордъ-остъ крѣпко сбивалъ насъ въ сторону отъ нашего курса, такъ что намъ поневолѣ пришлось пройти у самаго берега Готланда. На берегу, близь Форёзунда, видимъ большую толпу людей: и руками намъ машутъ, и всячески знаки дѣлаютъ. Мы подплыли къ берегу, но должны были принять мѣры предосторожности противъ устремившейся къ намъ толпы, такъ какъ всѣ лѣзли къ намъ на корабль и всѣ, наперерывъ другъ передъ другомъ, кричали: «Спасите насъ отъ датчанъ — они у насъ перебили отцовъ нашихъ и братьевъ»! Только тутъ замѣтили мы, что толпа, главнымъ образомъ, состояла изъ женщинъ и дѣвушекъ.

— Такъ, значитъ, дѣйствительно, аттердагъ осмѣлился отнять у насъ Визби?—воскликнулъ Эвергардъ фонъ-Моръ.

— Датчанинъ не станетъ спрашиваться,—отвѣчалъ съ усмѣшкой старый штурманъ.—Вѣдь вотъ хоть бы и Аландъ—пришелъ да и взялъ.

Извѣстіе о захватѣ и этого шведскаго острова, лежащаго на юго-востокѣ отъ Готланда, вызвало новое изумленіе въ слушателяхъ; но ганзейцы побудили старика продолжать разсказъ о видѣнномъ на Готландѣ.

— Не мудрено сообщить вамъ то, что мы слышали отъ удрученныхъ горемъ жителей Готланда. Только что съ Аланда пришла вѣсть о томъ, что аттердагъ занялъ Борнгольмъ, какъ ужъ въ Визби стало извѣстно, что онъ высадился со своими войсками въ Эйстъ-Закенѣ. Тщетно пытались готландцы оказать ему сопротивленіе: въ двухъ стычкахъ они были разбиты. Однако же, они еще разъ собрались съ силами, чтобы дать ему отпоръ подъ стѣнами Визби. Перепуганные граждане, вмѣсто того, чтобы выжидать врага за своими стѣнами, вздумали также соединиться съ готландцами и сражаться противъ датчанъ, однако же, тѣ ихъ одолѣли, и восемьсотъ готландцевъ полегли въ этой битвѣ.

— Вотъ и у меня эти датскіе псы растерзали отца и троихъ братьевъ,—воскликнулъ находившійся среди матросовъ юный готландецъ, проливая горькія слезы.—Но я имъ это попомню и отомщу— видитъ Богъ!

Всѣ съ участіемъ посмотрѣли на юношу, который произнесъ клятву, поднявъ къ небу правую руку.

— Послѣ этого пораженія, аттердагу были открыты ворота Визби. Но онъ не пожелалъ войти въ городъ воротами, а велѣлъ разбить и повалить часть стѣны, и въѣхалъ въ городъ, какъ побѣдитель. Самого-то города враги не грабили, но за то церквамъ и монастырямъ отъ нихъ не было пощады:—имъ должны были выдать всѣ церковныя сокровища. Даже изъ мраморныхъ изваяній святыхъ, датскія воины не постыдились выломать драгоцѣнные камни.

— О, да развѣ однѣ только церкви и монастыри пострадали отъ нихъ!—перебилъ старика одинъ изъ гражданъ Визби, спасшійся на висмаркскомъ кораблѣ, вмѣстѣ съ женою и ребенкомъ.—Досталось порядкомъ и купеческимъ конторамъ! Небось тоже взвыли! Тамъ воины аттердага хорошо похозяйничали. Не даромъ король обѣщалъ имъ, что сведетъ ихъ въ страну, гдѣ и свиней изъ серебряныхъ корытъ кормятъ, а бабы ленъ на золотыхъ прялкахъ прядутъ.

— Это вѣрно кто-нибудь другой королю въ уши надулъ,—замѣтилъ второй изъ бѣжавшихъ визблянъ,—и я даже знаю, кто именно! Вѣрно золотыхъ дѣлъ мастеръ Нильсъ и его гордая доченька, которой всѣ женихи не по плечу казались, такъ что, наконецъ, всѣ ее на смѣхъ поднимать стали. Она на это озлилась, и когда ея отецъ возвратился изъ Англіи, то и онъ, и дочка его вскорѣ послѣ того покинули Визби и отплыли въ Копенгагенъ. Тамъ Нильсъ съумѣлъ втереться въ довѣренность короля Вольдемара, расписалъ ему неслыханныя богатства Готланда и тѣмъ самымъ возбудилъ алчность аттердага до высшей степени. Онъ насказалъ ему о литыхъ мѣдныхъ дверяхъ, о золоченныхъ оконныхъ рѣшеткахъ, о залахъ съ колоннами, о мраморныхъ каминахъ, о богатствѣ монастырей и церквей и о неслыханномъ высокомѣріи купцовъ!

— Вотъ почему,—продолжалъ первый гражданинъ,—тотчасъ по вступленіи въ Визби, аттердагъ приказалъ выставить на торговой площади три самыя большія пивныя бочки и объявить во всеуслышаніе, что нашъ городъ сохранитъ свои старыя права и вольности только въ томъ случаѣ, если эти бочки, въ теченіе трехъ часовъ будутъ наполнены золотомъ и серебромъ. Само собою разумѣется, что мы, съ перепугу, стали откапывать все, что у насъ было подороже и наполнили бочки. А такъ какъ и при всемъ нашемъ стараніи, онѣ все же оставались не полны, то я, вмѣстѣ съ другими земляками и рѣшился искать спасенія на чужбинѣ.

— Въ то самое время,—началъ опять свой разсказъ старый штурманъ,—какъ я принималъ на бортъ этихъ несчастныхъ готландцевъ, и аттердагъ тоже сталъ собираться въ обратный путь въ Данію, и нагрузилъ свои корабли всѣми похищенными имъ драгоцѣнностями. И мы сами были свидѣтелями того, какъ корабль, нагруженный самыми большими сокровищами,—корабль, на кото-

. .Датчане были безпощадны и ненасытны...

— Это ужъ, видимо, была Божья воля!—воскликнули въ одинъ голосъ визбляне. — Но Богъ пошлетъ ему наказанье еще не такое въ будущемъ!

— Онъ нашею рукою его накажетъ! —сказалъ Эвергардъ-фонъ-Моръ,—потому что это было бы неизгладимымъ пятномъ для всего нашего Союза, если бы мы не отомстили за неповинныя страданія несчастнаго родственнаго намъ города. Наглый датчанинъ оскорбилъ насъ въ нашихъ старѣйшихъ правахъ и, ограбивъ Визби, нанесъ прямой ущербъ многимъ изъ нашихъ сотоварищей.

— Онъ намъ за это дорого поплатится!—въ одинъ голосъ воскликнули присутствующіе ганзейцы; и тотчасъ же было порѣшено, ярмарку на Шоненѣ немедленно закрыть и на слѣдующій же день покинуть полуостровъ; а ужъ тамъ, въ родныхъ своихъ городахъ, сообща посовѣщаться о томъ, какія слѣдуетъ, въ ближайшемъ будущемъ, принять мѣры противъ аттердага. Госвинъ Стеенъ, какъ въ то время, когда визбляне разсказывали объ ограбленіи Визби, такъ и при дальнѣйшемъ совѣщаніи, держалъ себя въ высшей степени спокойно. Только тогда, когда онъ обратился къ готландцамъ съ вопросомъ, не знаютъ ли они чего-нибудь о судьбѣ, постигшей его торговый домъ въ Визби — только тогда его голосъ дрогнулъ. Но никто не могъ ему сообщить ничего опредѣленнаго. Всѣ только знали вообще, что датскіе воины бродили по всѣмъ важнѣйшимъ купеческимъ конторамъ и по всѣмъ товарнымъ складамъ, и шарили всюду.

— Ну, значитъ, и моего дома не обошли! — мрачно произнесъ Госвинъ.

— Однако же людей-то не убивали, при конторахъ и складахъ?— освѣдомился Ганнеке, который, конечно, тревожился о судьбѣ своего сына Яна.

— А развѣ же это не люди были тѣ восемьсотъ гражданъ, которые пали подъ стѣнами города Визби? — возразили рыбаку готландцы.

— Что и говорить! Страшно подумать даже! отозвался Ганнеке,—но я, собственно, говорю о томъ, не убивали ли и потомъ, когда аттердагъ уже вступилъ въ городъ? Ему отвѣчали только неопредѣленнымъ пожатіемъ плечъ.

— Мы были настолько озабочены нашею безопасностью, что ужъ ни о чемъ другомъ и помышлять не могли. Ну, насегодня спокойной вамъ ночи желаемъ—пойдемъ на корабль къ своимъ дочерямъ и женамъ.

И готландцы удалились.

Ганнеке посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, качая головою. Онъ никакъ не могъ понять ни равнодушія, ни спокойствія этихъ шведовъ,

— Не остаться ли мнѣ у васъ сегодня на ночь?—спросилъ рыбакъ своего хозяина, проводивъ его до дверей комнатки.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Стеенъ,—мы оба сегодня слишкомъ многое пережили, и тебѣ также нуженъ покой, какъ и мнѣ. Будемъ спать; да! спать... И счастливъ тотъ, кому не прійдется вовсе проснуться на завтра!

Печально удалился Ганнеке подъ навѣсъ, гдѣ и выискалъ себѣ мѣстечно на соломѣ, и уснулъ среди толковъ и тревожныхъ разговоровъ того рабочаго люда, съ которымъ онъ раздѣлялъ ложе труда, достаточно покойное для труженика.

Немного часовъ пришлось спать ганзейцамъ и рабочему люду. Вмѣстѣ съ зарею жизнь закипѣла въ виттахъ, и закипѣла шумнѣе обыкновеннаго, потому что почти все населеніе собиралось въ обратный путь на родину. Ночной уловъ сельдей былъ посоленъ и уложенъ въ бочки, а затѣмъ движеніе, шумъ и говоръ въ виттахъ стали замѣтно слабѣть.

Длинные ряды возовъ двинулись съ рыбною кладью къ берегу, у котораго въ нѣсколько рядовъ стояли тысячи кораблей и мелкихъ судовъ.

Датскій фохтъ въ этотъ день не показывался. Но Кнутъ Торсенъ стоялъ на берегу, во время нагрузки судовъ, и странная, почти сатанинская улыбка змѣилась на его губахъ.

Одинъ корабль за другимъ подымали якоря и распускали паруса. Когда, наконецъ, и шнека Госвина Стеена была готова къ отплытію, Ганнеке сталъ прощаться съ своимъ шуриномъ.

— Дай Боже!—сказалъ честный береговой сторожъ,—увидѣться по-добру, по-здорову!

— Богъ дастъ,—сказалъ со вздохомъ Ганнеке, утирая себѣ глаза широкою ладонью,—авось и увидимся, если только мой сыночекъ-то, Янъ...

Онъ дальше и говорить не могъ; только пожалъ еще разъ руку шурину и затѣмъ поскорѣе вступилъ на бортъ шнеки.

Легкая бриза вздула паруса кораблей, которые величаво стали удаляться отъ берега по морскимъ волнамъ. Любекская шнека отваливала отъ берега въ числѣ самыхъ послѣднихъ. Госвинъ Стеенъ стоялъ на палубѣ и твердымъ голосомъ отдавалъ приказанія матросамъ. Но его брови мрачно насупились, когда онъ увидѣлъ тамъ на берегу вдвойнѣ ему ненавистнаго датчанина, который осмѣлился ему поклониться полу-приниженно, полу-насмѣшливо.

Гнѣвнымъ движеніемъ отвернулся отъ него Госвинъ Стеенъ и только тогда вздохнулъ свободно, когда исчезъ вдали берегъ Шонена, теперь опустѣвшій... Тамъ только и остались, что вооружен-

дѣніе.

IX.

Фирма Госвинъ Стеенъ и сынъ.

Та тѣсная внутренняя связь, которая существовала между всѣми нѣмецкими купцами уже въ теченіе цѣлаго столѣтія, высказывалась отчасти и въ одинаковомъ устройствѣ городовъ и городского быта, напоминающихъ въ значительной степени американскіе и австралійскіе города, выстроенные какъ будто по одному общему образцу и плану. И дома, и улицы ганзейскихъ городовъ поразительно были схожи между собою, какъ это можно и теперь еще видѣть въ старыхъ кварталахъ Любека, Страсбурга и Данцига.

Всѣ они были обнесены толстыми стѣнами, съ зубцами и башнями, обведены глубокимъ рвомъ, и за стѣнами вмѣщали въ себѣ цѣлый лабиринтъ узкихъ улицъ, обстроенныхъ домами изъ обожженнаго кирпича, высокими, мрачными, съ высокою кровлею. На всѣхъ углахъ и перекресткахъ можно было наткнуться либо на часовню, либо на больницу, либо на карантинъ для зачумленныхъ и надъ всею путаницею улицъ и домовъ возвышались стройныя, тонкія, островерхія башенки множества церквей, возносившихъ къ небу свои кресты и колоколенки. И улицы, и торговыя площади ганзейскихъ городовъ были куда-какъ некрасивы и бѣдны на взглядъ: не было въ нихъ ничего похожаго, ничего напоминающаго роскошь и богатство южныхъ и средне-нѣмецкихъ городовъ, въ которыхъ всѣ площади были украшены изящными водоемами и фонтанами, то мраморными, то бронзовыми, и по работѣ принадлежавшими лучшимъ современнымъ мастерамъ. Однимъ словомъ, нѣмецкому сѣверу былъ вовсе чуждъ тотъ тонкій художественный вкусъ, который развился въ южной Германіи вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Италіею.

Но за то улицы ганзейскихъ городовъ были постоянно полны шума и движенія, въ особенности въ тѣхъ кварталахъ, которые были населены ремесленниками. Пока благопріятное время года давало къ тому какую-нибудь возможность, они обыкновенно переносили свои мастерскія изъ душныхъ и тѣсныхъ помѣщеній на улицу: и мѣдникъ, и сапожникъ, и даже портной — всѣ работали на открытомъ воздухѣ съ утра и до вечера. Только сукновальщики должны были продолжать подъ крышей свою тяжелую, но прибыльную работу.

Если мы себѣ представимъ эти узкія, извилистыя улицы, еще болѣе стѣсненныя различными выступами, входами въ погреба, на-

должны будемъ придти къ тому убѣжденію, что картина уличной жизни того времени, хотя и не согласовалась съ нашими нынѣшними полицейскими правилами благоустройствъ и благочинія, однако же представляла собою очень живую, пеструю и яркую картину жизни тогдашняго вольнаго бюргерства. Среди маленькихъ, узкихъ домишекъ ремесленниковъ и рабочаго люда, очень гордо возвышались высокія и обширныя каменныя зданія, принадлежавшія именитымъ ганзейскимъ купцамъ. Украшенные по фасаду цвѣтными поливными кирпичами, эти дома, и внѣшнею постройкою своею, и внутреннимъ устройствомъ напоминали вестфальскія крестьянскія избы, съ которыхъ и былъ заимствованъ первоначальный образецъ ихъ постройки.

Въ такомъ же точно домѣ помѣщалась и контора, и жилыя комнаты торговой фирмы Госвинъ Стеенъ и сынъ, принадлежавшей къ старѣйшимъ въ городѣ: она вела свое начало отъ XI столѣтія. Этотъ торговый домъ счастливо пережилъ всѣ невзгоды, постигавшія городъ въ теченіе почти двухъ вѣковъ. Только въ 1138 году глава этой фирмы перенесъ свое мѣстопребываніе (послѣ всеобщаго опустошенія города) изъ стараго Любека — въ новый Любекъ. Затѣмъ, въ половинѣ XII вѣка, помѣщеніе торговаго дома Госвинъ и сынъ еще разъ потерпѣло отъ пожара, до тла уничтожившаго весь новый Любекъ. Но любекскіе купцы не потерялись отъ этой бѣды: они только рѣшили, на мѣстѣ деревянныхъ, воздвигнуть каменныя постройки, болѣе безопасныя отъ огня. И съ той поры городъ пошелъ богатѣть, и процвѣтать, и сталъ во главѣ постепенно складывавшагося союза нижне-нѣмецкихъ купцовъ.

Богатства частныхъ лицъ возростали и возростали, и вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе возростало число желѣзныхъ сундуковъ, которые должны были служить хранилищемъ денегъ и сокровищъ для мѣстныхъ богачей-купцовъ. Граждане ганзейскихъ городовъ были очень умѣренны въ своихъ потребностяхъ; имъ некогда было и думать о наслажденіяхъ, такъ какъ вся жизнь ихъ складывалась изъ одного, нескончаемаго труда. Такъ скопляли они постепенно богатства свои, большею частью переходившія отъ отца къ старшему сыну, который, въ свою очередь, также почиталъ своею священною обязанностью—увеличить во чтобы то ни стало основной капиталъ своего дома.

Цѣлыя поколѣнія Госвинъ Стееновъ начали и окончили свое земное существованіе въ нижнемъ этажѣ своего обширнаго дома (расположеннаго невдалекѣ отъ городской ратуши), работая въ тѣсной конторѣ, при скудномъ освѣщеніи, проникавшемъ внутрь ея сквозь толстыя круглыя стеклянныя оконницы. А рядомъ съ конторою помѣщалась та обширная общая зала или главный складъ

карета, запряжен
громадныхъ входн
скій доспѣхъ хозя
наваленными груд
пива и съ цѣлыми
Стеена звали сел

Яркое августов
Любека и одинъ и
мрачную контору
дѣлъ за своимъ пи
вигалъ въ сторону
докучавшаго ему с
случайнаго гостя,
слѣдуетъ насъ и су
няго нашего часа?»

Госвинъ Стеенъ
такимъ мрачнымъ
ностью того Госвин
дѣли на палубѣ ш
нія матросамъ. Вмѣ
была надѣта богата
украшенномъ купеч
съ перстнемъ и вы
ваго дома, которая
кахъ съ товарами,
Но богатство одежд
торыми еще недавн
дившая на всѣхъ т
билась, выраженіе
захъ его не было п

Изъ Визби все е
болѣе убѣждало куп
ятно хорошо похозяй

Когда Ганнеке,
складѣ, помѣщавше
слуга Даніэль — вх
они обыкновенно зас
дуковъ: онъ все как
тамъ деньги.

И очень онъ изм
именитый купецъ.
которыя теперь съ
лая и пріятная семей
весь домъ, разлетѣл

Отношеніе отца къ сыну сдѣлались натянутыми, и эта натянутость еще возростала постоянно отъ разныхъ недоразумѣній. Съ обѣихъ сторонъ проявлялась какая-то странная обидчивость, такъ что самаго ничтожнаго слова было достаточно, чтобы раздуть тлѣвшую подъ пепломъ искру въ сильное пламя. Мѣсто прежняго мира и счастья заступилъ раздоръ, и ни г-жа Мехтильда, ни ея дочь Гильдегарда никакъ не могли примирить отца съ сыномъ. Не смотря на всю свою любовь къ Реймару, онѣ обѣ вздохнули свободно, когда онъ покинулъ домъ отцовскій и отправился въ Визби, чтобы тамъ принять въ свое управленіе мѣстную контору Госвиновъ. Они надѣялись, что время примиритъ ихъ, зная при томъ, до какой степени отецъ былъ привязанъ къ сыну. Такая связь беззавѣтной любви и преданности можетъ временно ослабѣвать, но не можетъ порываться.

Между тѣмъ настроеніе главы дома и послѣ отъѣзда Реймара нисколько не измѣнилось, а современи его возвращенія изъ Шонена, оно даже въ значительной степени ухудшилось. Обыкновенно столь спокойный, Госвинъ сталъ тревожнымъ и лихорадочно-безпокойнымъ. Чуть гдѣ-нибудь дверью хлопнутъ, ужъ онъ перепугается. Когда ему случалось выходить изъ дома, то онъ постоянно, по возвращеніи, справлялся съ какою-то особенною поспѣшностью, не заходилъ ли къ нему какой-то иноземецъ.

Любящая супруга съ волненіемъ слѣдила за Госвиномъ; ей было слишкомъ ясно, что какая-то тяжелая забота угнетала его душу. Но какъ ни приступала къ нему фрау Мехтильда, какъ ни упрашивала, чтобы онъ открылъ ей свое сердце, онъ не проговаривался ни единымъ словомъ и попрежнему былъ углубленъ въ свои мрачныя думы. Это было тѣмъ больнѣе переносить доброй женѣ, что она, до того времени, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ, всегда дѣлила съ мужемъ всѣ его радости и всѣ печали. А теперь Госвинъ Стеенъ, очевидно, шелъ какою-то невѣдомою ей тропою, и въ груди скрывалъ отъ своей возлюбленной супруги какую-то страшную тайну.

Сначала мать и дочь думали, что тяжелое настроеніе отца вызывается заботами о будущемъ, которое во всякомъ случаѣ могло возбуждать различныя опасенія, благодаря своевольному образу дѣйствія датскаго короля. Однако же они должны были прійти къ убѣжденію, что ихъ предположенія были совершенно ошибочны, такъ какъ Госвинъ Стеенъ мало заботился о политическихъ событіяхъ и даже сталъ очень неакуратно посѣщать общія собранія купцовъ въ ратушѣ.

Ганнеке, много и часто бесѣдовавшій съ старымъ Даніэлемъ о душевномъ настроеніи хозяина, держался того взгляда на вещи,

могла быть извѣстная доля правды, такъ какъ фирмою на устройство и на быстрое возростаніе Готландской отрасли ея торговыхъ дѣлъ были употреблены весьма значительные капиталы. Если бы оправдалось извѣстіе объ ограбленіи купеческихъ конторъ датскими солдатами, то причиненные этимъ грабежемъ убытки могли бы надѣлать не мало хлопотъ Госвину Стеену. Съ этимъ взглядомъ отчасти соглашались и мать, и дочь, и потому именно съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія Реймара, втайнѣ надѣясь на то, что благопріятныя извѣстія, привезенныя имъ, быть можетъ, поведутъ къ новому сближенію отца съ сыномъ.

Не менѣе ихъ нетерпѣливо ожидалъ и Ганнеке вѣстей изъ Визби, потому что очень тревожился о своемъ Янѣ. Дома онъ не смѣлъ даже и заикаться о своихъ тревогахъ, чтобы еще болѣе не растравить горе жены, которая уже отчаялась увидѣть своего сына въ живыхъ.

Одинокій солнечный лучъ, который сегодня утромъ такъ докучалъ Госвину за его работой, уже значительно передвинулся и образовалъ длинную, рѣзкую, свѣтящую линію, діагонально пересѣкавшую темное пространство конторы. Милліоны мельчайшихъ былинокъ носились въ этомъ солнечномъ лучѣ... Госвинъ Стеенъ опять придвинулъ свой стулъ къ окошку и все продолжалъ выписывать и подводить какіе-то громадные итоги на отдѣльномъ листкѣ бумаги. Задача, которую онъ разрѣшалъ, была видимо не изъ легкихъ, и онъ съ недовольнымъ видомъ покачалъ головою, когда наконецъ закончилъ свои вычисленія.

X.

Недобрый гость.

И вдругъ раздался стукъ двернаго молотка въ главную дверь и гулко отозвался во всѣхъ углахъ обширнаго дома. Госвинъ Стеенъ тревожно обернулся, судорожно сжалъ перо въ рукахъ и со страхомъ устремилъ неподвижный взглядъ на входную дверь. На каменной лѣстницѣ, которая снизу вела въ жилыя комнаты верхнихъ этажей, послышались медленные старческіе шаги Даніэля. Онъ былъ посланъ сверху матерью и дочерью—посмотрѣть, кто пожаловалъ и желалъ войти въ домъ: они обѣ думали и надѣялись, что это стучится Реймаръ.

Но, отворивъ дверь, Даніэль увидѣлъ передъ собою не милое, ласковое лицо своего молодого господина... Какой-то иноземецъ пе-

— Позвольте узнать ваше имя? спросилъ Даніэль тономъ учтиваго слуги, который хорошо знаетъ свою обязанность.

— Скажите только г. Стеену,—отвѣчалъ иноземецъ,—что его знакомецъ изъ Шонена пожаловалъ.

Даніэль поклонился и направился къ контору своего господина, которая была значительно удалена отъ канцеляріи его помощниковъ.

Стеенъ заранѣе уже зналъ, о комъ станетъ ему докладывать Даніэль. Онъ слегка кивнулъ головою, и только тогда когда увидѣлъ, что Даніэль замялся и не спѣшитъ исполнить его приказаніе, спросилъ его рѣзко:

— Чего же ты ждешь?

— Да вы, г. Стеенъ, очень ужъ изволите быть блѣдны,—озабоченно замѣтилъ старикъ, —такъ не приказать ли этому иноземцу попозже зайти?

— Нѣтъ,—рѣшительно отвѣчалъ хозяинъ.—Да смотри, чтобы никто насъ не потревожилъ.

Тотчасъ послѣ того, Даніэль ввелъ неизвѣстнаго гостя въ контору. Отъ его взгляда не ускользнуло то, что при входѣ гостя въ контору, хозяина передернуло, и что они оба — и хозяинъ, и его гость—обмѣнялись взглядами, полными ненависти и непримиримой вражды. Однако же старый слуга почтительно вышелъ изъ конторы, и остановился за дверьми не для того, чтобы подслушать происходившій въ конторѣ разговоръ, а потому что принималъ самое искреннее участіе въ судьбѣ своего господина, съ которымъ издавна привыкъ связывать свою радость и горе.

Но, какъ ни напрягалъ Даніель своего старческаго слуха,—до его ушей не долетало ни одно слово. Только уже много времени спустя различилъ онъ голосъ своего господина; но онъ долеталъ издали, и поэтому старикъ заключилъ, что Госвинъ Стеенъ увелъ своего посѣтителя въ смежную комнату.

Эта чрезвычайная предосторожность тѣмъ болѣе поразила Даніэля, что хозяинъ обыкновенно дѣлалъ всѣ дѣла съ знакомыми ему купцами при открытыхъ дверяхъ, между тѣмъ какъ на этотъ разъ не только приперъ дверь въ контору, но и задвинулъ ее задвижкою.

Соображая все это и покачивая головою, Даніэль поднялся на лѣстницу, чтобы сообщить обо всемъ фрау Мехтильдѣ, ожидавшей его возвращенія.

Супруга хозяина тяжело вздохнула.

— Тутъ есть какая-то загадка,—сказала она многозначительно,—и я даже не рѣшаюсь ее отгадывать...

Спустя нѣсколько времени, задвижка, замыкавшая дверь въ контору, щелкнула, и дверь отворилась. Въ дверяхъ показался Госвинъ Стеенъ, еще блѣднѣе прежняго. Онъ кликнулъ Ганнеке.

— Ганнеке на верху, въ пакгаузѣ, — сказалъ подоспѣвшій на зовъ Даніэль.

— Сію минуту послать его сюда! — приказалъ хозяинъ.

— Сейчасъ!—отвѣчалъ старый слуга. Но, прежде, нежели обернуться къ лѣстницѣ онъ осмѣлился спросить хозяина:

— Не прикажете ли послать къ вамъ супругу вашу? Мнѣ сдается, что вы нездоровы?

Госвинъ Стеенъ гнѣвно свелъ брови, топнулъ ногою и крикнулъ:

— Позови мнѣ Ганнеке! И не заботься объ остальномъ, что тебя не касается.

И тотчасъ опять замкнулъ за собою дверь. Старику это было очень обидно. Такъ грубо и грозно съ нимъ никогда еще не говаривали, съ самаго начала его долгой, тридцатипятилѣтней службы въ торговомъ домѣ «Госвинъ и сынъ». Онъ начиналъ чуять вѣяніе иной наступающей эпохи — леденящее дыханіе какого-то приближающагося страшнаго бѣдствія.

Покорно исполнилъ онъ приказаніе и позвалъ Ганнеке изъ пакгауза.

Старый слуга и радъ былъ бы подѣлиться съ рыбакомъ-пріятелемъ своими взглядами и мнѣніями, но не успѣлъ ничего сказать, потому спѣшилъ скоротать свиданіе своего хозяина съ этимъ чужимъ гостемъ, къ которому онъ относился очень недовѣрчиво, хотя и самъ не могъ себѣ дать отчета, почему это происходило?

Когда Ганнеке вошелъ въ контору, Госвинъ Стеенъ вышелъ къ нему изъ сосѣдней комнаты.

— Я приказалъ тебя позвать,— сказалъ онъ рыбаку,— потому что ты мнѣ нуженъ какъ свидѣтель въ одномъ дѣлѣ, которое должно покамѣсть оставаться втайнѣ. Ты много разъ уже доказывалъ мнѣ свою привязанность и преданность. Могу ли я и впредь на тебя положиться?

— Я за васъ, г. Стеенъ, пойду и въ огонь, и въ воду, если бы это было вамъ нужно.

— Сегодня я хочу тебѣ дать весьма вѣское доказательство моего къ тебѣ довѣрія,— продолжалъ хозяинъ.

— Постараюсь оказаться достойнымъ его,—подтвердилъ Ганнеке.

— Вѣрю, — сказалъ Госвинъ Стеенъ, медленно шагая взадъ и впередъ по конторѣ. — Само собою разумѣется, что я могъ бы и безъ тебя обойтись, такъ какъ у меня довольно есть и друзей, и знакомыхъ. Но я не могу поручиться за то, что они съумѣютъ смолчать, тогда какъ ты...

ЛЕВЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Съ акварельнаго портрета, рисованнаго въ 1849 году въ Одессѣ и принадлежащаго Л. Н. Павлищеву.

Дозволено цензурою. Спб., 25 февраля 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ [1].

IX.

РАВСТВЕННАЯ пытка, которую переживалъ Шумскій и которую замѣтили его друзья, явилась послѣдствіемъ его знакомства и сближенія съ плѣнившей его юной баронессой. Ловко и дерзко одолѣвъ всѣ препятствія и проникнувъ въ домъ Нейдшильда — Шумскій собственно не достигъ ничего.

Бѣлолицая и свѣтлоокая финляндка была непобѣдима, неуязвима... Страсть Шумскаго, разгоравшаяся съ каждымъ днемъ, казалось, не могла вовсе коснуться ея, не только зажечь въ ней искру сочувствія или взаимности.

— Чтожъ это... Мраморная статуя! — восклицалъ часто Шумскій, оставаясь одинъ и обдумывая свои отношенія къ очаровавшей его женщинѣ.—Нѣтъ!.. Это снѣговая глыба, принявшая образъ молодой дѣвушки...

Иногда внѣ себя отъ злости и отчаянія онъ восклицалъ:

— Она просто восковая кукла!

Дѣйствительно, баронесса Ева была красива, какъ можетъ быть красива только искусно сдѣланная кукла съ нѣжной, прозрачно бѣлой кожей лица и рукъ, съ розовымъ румянцемъ на щекахъ, легкимъ и ровнымъ, который никогда не сходилъ и никогда почти не усиливался, будто нарисованный. Большіе свѣтло-голубые глаза, окаймленные пепельными бровями и почти серебристыми рѣсни-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 265.

пройти цѣлый искусъ терпѣнія и выжиданія... Тутъ столкнулись — огонь и ледъ.

Сначала, когда къ барону Нейдшильду явился бѣдный и благовоспитанный молодой человѣкъ, г. Андреевъ, съ рекомендаціей пріятеля барона, и сталъ просить занятій ради куска хлѣба, баронъ затруднился... Но доброта его взяла верхъ... Г. Андреевъ, элегантный, умный, даже остроумный, при томъ скромный, наконецъ, собесѣдникъ болѣе или менѣе занимательный, понравился барону...

— Такому молодому человѣку нельзя не оказать благодѣяній! — рѣшилъ про себя и сказалъ дочери баронъ.

И Нейдшильдъ сталъ давать Андрееву разную работу, иногда порученья, иногда онъ просто сажалъ его и хотя холодно вѣжливо, но бесѣдовалъ съ нимъ подолгу, удивляясь его благовоспитанности и образованію.

Баронессу Шумскій видалъ не всякій разъ, когда являлся, да и то мелькомъ, на мгновенье. И надо было непремѣнно придумать что-нибудь, чтобы видать ее чаще и хотя немного сблизиться.

По счастью для себя, даровитый и способный малый обладалъ въ числѣ разнообразныхъ маленькихъ талантовъ—однимъ, который давно бросилъ... Когда-то, года три назадъ, онъ много и хорошо рисовалъ пастелью и случалось дѣлалъ удачные портреты. Заброшенный талантъ теперь могъ сослужить службу. Шумскій со страстью снова принялся за цвѣтные карандаши и въ десять дней сдѣлалъ два портрета, которые привели его товарищей въ искренній восторгъ.

— Стало быть, не разучился. Могу! могу!—радовался Шумскій, какъ ребенокъ.

Разумѣется, на предложеніе г. Андреева дѣлать портретъ баронессы пастелью большихъ размѣровъ, чуть не en pieds, баронъ съ удовольствіемъ согласился...

Начались сеансы... т. е. пребываніе наединѣ, вдвоемъ, по часу и болѣе...

Шумскій теперь могъ по праву, не сводя глазъ съ модели, страстно пожирать глазами свою очаровательницу.

Баронесса Ева въ первые сеансы сидѣла молча, холодная, какъ статуя, безучастная, какъ восковая кукла, строгая, какъ королева; но понемногу, поневолѣ прислушиваясь къ тому, что безъ умолку говорилъ и разсказывалъ скромный, любезный и умный г. Андреевъ, Ева, наконецъ, сама заговорила. Она стала интересоваться судьбой художника-портретиста, его невѣроятнымъ и тяжелымъ прошлымъ.

который онъ сочинилъ и героемъ котораго былъ самъ...

И Ева стала относиться къ Андрееву участливо, мило, снисходительно. Онъ ее интересовалъ; ей было его жалко всѣмъ сердцемъ. А отъ жалости къ чувству не далеко.

— Но къ какому чувству?—спрашивалъ себя Шумскій.

Дни шли за днями. Ева встрѣчала живописца нѣсколько любезнѣе, чѣмъ прежде, подавала руку, чего прежде не дѣлала, улыбалась, какъ доброму пріятелю...

Затѣмъ, глаза ея стали иногда дольше останавливаться на сидящемъ предъ ней за молбертомъ молодомъ человѣкѣ. Въ глазахъ появлялось, что-то бóльшее, чѣмъ благосклонность, ясно свѣтилось чувство пріязни...

И Шумскому оставалось теперь изучить характеръ баронессы, знать всю ея жизнь наизустъ, не только всѣ ея привычки, склонности или причуды, но даже, по возможности, всѣ ея тайные помыслы. Тогда уже легко будетъ бороться съ ея гордостью и съ ея ледянымъ хладнокровіемъ.

— Но какъ этого достигнуть?—думалъ Шумскій и, конечно, ничего придумать не могъ.

Самый пустой случай помогъ ему. Однажды, баронесса во время сеанса была озабочена и не въ духѣ. На вопросъ Шумскаго, она объяснила, что у нея настоящее маленькое горе. Ея любимая горничная, жившая у нея уже года три, выходитъ замужъ и уѣзжаетъ съ мужемъ въ Свеаборгъ.

Шумскій даже вспыхнулъ отъ мгновенной мысли, которая при объясненіи баронессы зародилась нежданно въ его головѣ. Мысль эта, какъ скользнувшій лучъ среди темноты, даже, какъ упавшая молнія, освятила ему дальнѣйшее его поведеніе, дальнѣйшія козни относительно возлюбленной.

Онъ сталъ разспрашивать баронессу объ ея любимицѣ, выходящей замужъ, предлагая найти ей совершенно такую же дѣвушку въ замѣнъ. Ева оживилась, насколько ея натура и разъ принятое чопорно-вѣжливое отношеніе къ г. Андрееву, позволяли это. Изъ разспросовъ, искусно и тонко дѣлаемыхъ, Шумскій узналъ, что въ однообразной и скучной обстановкѣ Евы горничная при ней поневолѣ играла видную роль, была почти наперстницей, которой она повѣряла многое задушевное...

Шумскій выслушалъ все и объявилъ, что баронесса другой такой же горничной въ Петербургѣ не найдетъ, а равно и онъ самъ не берется найти.

— Это невозможно,—объявилъ онъ.—Подходящая дѣвушка, полуобразованная, не захочетъ быть горничной или хоть даже только именоваться таковой. А горничныя, существующія въ Петербургѣ

зино съ письмомъ молодого человѣка къ матери, въ которомъ онъ просилъ немедленно выслать къ нему дѣвушку Прасковью.

X.

Дѣвченка, когда-то едва не утонувшая и вытащенная изъ воды нянькой Шумскаго, была теперь дѣвушкой уже взрослой, но на видъ ей можно было дать не болѣе 20-ти лѣтъ, настолько была она моложава, жива и красива.

Среди дворни грузинской, Прасковья, или, какъ всѣ звали ее, Пашута, была совершенно «отмѣтнымъ соболемъ». Авдотья, спасшая ее, привязалась къ ней, считала пріемышемъ, такъ какъ у дѣвушки не было на-лицо ни отца, ни матери. Они были живы, но находились Богъ вѣсть гдѣ. Отецъ былъ сданъ за вину въ солдаты и бѣжалъ, а жена его или разъискала его и жила съ нимъ, или просто пропадала, въ свою очередь...

Оба числились въ бѣгахъ... Спустя пять-шесть лѣтъ, появился въ Грузинѣ мальчикъ, завезенный проѣзжими и оставленный на селѣ какъ бы подкинутымъ, съ запиской на имя нянюшки Авдотьи, въ которой говорилось, что ее просятъ призрѣть младенца Василія, брата Пашуты.

Фактъ говорилъ ясно, что бѣглые мужъ и жена живы и здоровы. Аракчеевъ строжайше приказалъ разъискивать ихъ, но пойманы они не были, а ребенокъ былъ оставленъ на селѣ. Когда мальчику минуло пять лѣтъ, его сестрѣ было уже 16 и дѣвушка выхлопотала, чтобы брата взяли въ домъ, въ число дворни.

Положеніе самой Пашуты въ грузинскомъ домѣ было исключительное. Няня Авдотья, пользовавшаяся таинственнымъ и непонятнымъ значеніемъ у господъ, защищала Пашуту отъ всѣхъ, такъ же, какъ защищала своего питомца отъ гнѣва графа и Настасьи Ѳедоровны.

Пашута была какъ бы на правахъ пріемной дочери Авдотьи и поэтому первымъ товарищемъ игръ молодого барченка Миши. Дѣвочка, будучи гораздо старше барченка, часто, когда ей было уже лѣтъ 12 или 14, замѣняла няню и приглядывала за шалуномъ. Разумѣется, этой подняньке доставалось не мало отъ капризнаго и избалованнаго барчука.

Когда Мишѣ минуло 16 лѣтъ, а Пашутѣ было уже за двадцать, юноша перемѣнился въ своемъ обращеніи съ бывшей своей подняньκой... Онъ замѣтилъ и понялъ, что эта Пашута очень красивая дѣвушка... Барченокъ началъ нѣжно и ласково относиться къ

находили ничего противъ того, чтобы Пашута стала первой прихотью Миши, его первой побѣдой и первой живой игрушкой.

Но сердечная вспышка, нѣчто въ родѣ первой любви, поскольку могъ быть на нее способенъ прихотливый и черствый сердцемъ барченокъ, продолжалась недолго.

Шумскій встрѣтилъ въ дѣвушкѣ самый страстный, ожесточенный и крутой отпоръ въ своихъ намѣреніяхъ.

Пашута давно, съ первыхъ дней своей тяжелой роли подняньки, возненавидѣла этого барченка. Страстно, со слезами и отчаяніемъ явилась она просить Авдотью спасти ее отъ ухаживанья молодого барина. Авдотья, казалось, только того и ждала, обрадовалась просьбѣ своего пріемыша и повернула дѣло очень хитро... Молоденькая дѣвушка изъ грузинской дворни была взята ходить за бѣльемъ и платьемъ Миши... Авдотья повела все дѣло такъ хитро, что Миша, его родные, и всѣ въ домѣ были убѣждены, что нежданная перемѣна совершилась сама собой. Молодой баринъ вдругъ измѣнилъ Пашутѣ и быстро увлекся другой, которая была гораздо менѣе привлекательна, чѣмъ Пашута, но болѣе уступчива.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Шумскій, пріѣзжая въ Грузино изъ Петербурга не обращалъ никакого вниманія на Пашуту, вслѣдствіе того, что дѣвушка всячески избѣгала молодого барина и когда случайно сталкивалась съ нимъ, то вела себя отчасти сдержанно, а въ иныя минуты и прямо непріязненно. Она даже довольно ловко съумѣла заставить молодого барина себя не взлюбить, такъ какъ ухитрялась подчасъ ловко уколоть его самолюбіе, чѣмъ-либо разсердить и раздражить противъ себя.

Когда уже дватцатилѣтній Шумскій наиболѣе занимался собой, франтилъ и обращалъ тщательное вниманіе на свою внѣшность, Пашута постоянно, будто нечаянно проговаривалась, что баринъ удивительно умный и ловкій молодецъ... «Но ужъ дуренъ-то — какъ смертный грѣхъ!»

Это было, конечно, неправдой, Пашута умышленно лгала, но клялась, что это ея искреннее личное мнѣніе.

— Да ты дура!—говорилъ Шумскій,—я въ пажескомъ корпусѣ считался самымъ красивымъ изъ всѣхъ. Ужъ скорѣе за глупого мнѣ прослыть, а ужъ никакъ не за дурнорожаго.

Но Пашута стояла на своемъ, просила извиненія за искренность и божилась, что скорѣе можно въ чорта влюбиться, чѣмъ въ молодого барина.

И Шумскій пересталъ даже и разговаривать «съ дурой Пашуткой», когда видалъ ее во время своихъ пріѣздовъ изъ столицы и пребыванія въ Грузинѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шумскій отлично видѣлъ и зналъ, что Пашута красивая, умная, и бойкая дѣвушка, «бой-дѣвка на всѣ

Шумскій вдругъ вспомнилъ объ Пашутѣ. Ее надо приставить къ Евѣ.

Чѣмъ болѣе думалъ онъ объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что Пашута будетъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ и его самымъ полезнымъ и дѣятельнымъ союзникомъ.

И Пашута была тотчасъ отпущена Настасьей Ѳедоровной въ столицу по оброку, съ приказаніемъ явиться прежде къ барину Михаилу Андреевичу, который «можетъ быть» ей и мѣсто найдетъ подходящее.

Совѣщанія Шумскаго съ Пашутой продолжались цѣлыхъ три дня. Пашута явилась въ столицу ни жива, ни мертва, снова отъ той же боязни попасть насильственно въ наложницы къ прихотнику, молодому барину. Когда она узнала, что Шумскій вызвалъ ее для помощи въ мудреномъ дѣлѣ — она ожила, вздохнула свободнѣе и обѣщала все!.. Обѣщала себя не жалѣть, а услужить барину.

Въ награду Пашута должна была по ходатайству Шумскаго сдѣлаться вольной и, стало быть, при своемъ красивомъ лицѣ и шустрости могла выйти замужъ въ столицѣ, по крайней мѣрѣ, за купца или богатаго мѣщанина.

Такимъ образомъ, Пашута очутилась при баронессѣ, знавшей, что дѣвушка крѣпостная холопка графа Аракчеева и изъ грузинской дворни. Но это не могло возбудить подозрѣній Евы. Что же общаго между Аракчеевымъ и г. Андреевымъ. Даже братъ Пашуты Васька-Копчикъ, изрѣдка бывая въ гостяхъ у сестры, не скрывалъ въ домѣ барона, что онъ въ услуженіи у флигель-адъютанта Шумскаго.

Сначала братъ и сестра ловко и усердно служили барину Михаилу Андреевичу въ его замыслахъ по отношенію къ молодой баронессѣ.

Понемногу, незамѣтно, по особымъ причинамъ все измѣнилось. Но Шумскій не подозрѣвалъ, что союзники его, оба крѣпостные его отца, мальчишка 18-ти лѣтъ и дѣвушка 29-ти относятся къ нему непріязненно, и если не противодѣйствуютъ изъ страха его мести, то и не помогаютъ. Онъ былъ обманутъ ими какъ малый ребенокъ, и только теперь наступило время, въ которое Пашутѣ, а отчасти и Васькѣ, приходилось снять съ себя личины и, конечно, пострадать.

За послѣднее время Шумскій сталъ догадываться, что Пашута не повинуется ему, что она привязалась всѣмъ сердцемъ къ своей молодой барышнѣ, потому что сама баронесса полюбила Пашуту серьезно. Все искусно подстроенное Шумскимъ не приводило ни къ чему.

едва не бросился на Пашуту съ чубукомъ въ рукахъ.

Дѣвушка отъ страха побой обѣщала впредь повиноваться во всемъ, но затѣмъ, вызванная вновь чрезъ брата, не явилась вовсе. Чрезъ дня три Шумскій получилъ отъ матери письмо, а съ нимъ вмѣстѣ и другое отъ барона къ графу Аракчееву съ просьбой продать ему крѣпостную дѣвушку Прасковью.

Настасья Ѳедоровна писала, что графъ и отвѣчать барону не считаетъ нужнымъ.

Шумскій былъ внѣ себя отъ удивленія и гнѣва. И тутъ уже пришло ему на умъ немедленно вызвать изъ Грузина себѣ на помощь няню Авдотью, имѣвшую большое вліяніе на свою какъ бы пріемную дочь.

XI.

Когда Шумскій вернулся отъ Нейдшильда, не видавъ Евы и зная, что Пашута притворяется больной, онъ весь день волновался и повторялъ одну и ту же фразу:

— А если дѣвченка меня выдастъ, назоветъ баронессѣ. Что тогда дѣлать? Тогда все пропало.

На заявленное Авдотьей желаніе повидать барина, чтобы узнать, «что ей дѣлать прикажутъ», молодой человѣкъ только разсердился. На утро Шумскій, конечно, былъ сперва въ домѣ барона и на вопросъ его объ Пашутѣ, Антипъ опять объяснилъ, ухмыляясь, что она больна.

— Чѣмъ больна-то?—спросилъ Шумскій.

— Ейная хворость—пёсья!

— Что?!—удивился и невольно улыбнулся Шумскій, хотя на сердцѣ было далеко не весело.

— Пёсья болѣзнь такая есть. Сами знаете. Когда, собаку какую господа въ холѣ содержатъ да балуютъ, то она съ жиру бѣсится. Вотъ и наша Пашутка отъ барышниныхъ ласковъ чумѣть начала и бѣситься.

— Да что же она дѣлаетъ. Лѣчится? Лежитъ?

— Ни! Зачѣмъ! Она на ногахъ... Она плачетъ все только.

— Плачетъ?!

— Да. Съ придурью! Ходитъ по дому съ краснымъ раздутымъ рыломъ... Бѣсится—одно слово!.. Съ чего ей надрываться?.. Ѣстъ до отвалу. Одѣта съ барышнинова плеча, всѣ платья новенькія ей идутъ въ награжденье. Ѣздитъ съ барышней по магазеямъ и по гостямъ, якобы гоберианка какая и воетъ кажинный день...

— Какъ воетъ?.

— Ну, надрывается плачетъ. Сказываю вамъ, увидите, не узнаете

стя хвостъ, и насъ всѣхъ перекусаетъ!—уже острилъ, глупо ухмыляясь, Антипъ.

— Нельзя ли мнѣ ее повидать, если она на ногахъ, а не въ постели.

— Нельзя!—рѣшительно заявилъ Антипъ.

— Отчего?—удивился Шумскій.

— Не пойдетъ. Ей вчерася я сказывалъ, что вамъ было желательно ее повидать. А она мнѣ въ отвѣтъ брякнула: «Чего мнѣ съ этимъ камадеянтомъ говорить. Межъ насъ никакихъ такихъ дѣловъ нѣтъ».

— Комедіантомъ?—повторилъ Шумскій себѣ самому, но невольно вслухъ произнесъ это слово.

— Камадеянтъ. Такъ и сказала. А ввечеру еще обозвала ряженымъ волкомъ. Васъ же все... Это стало быть выходитъ, что вы господинъ такой обходительный и ласковый хоть бы съ нами, холопами, а на повѣрку вишь... Злобственный, что ли? Это когда волкъ овечью шкуру надѣваетъ, чтобы въ стадо пролѣзть и задрать по сусѣдушку овечку какую...

— Это все Пашута вамъ такъ разъясняла.

— Да. Все она... Мы хохотали до слезъ отъ этихъ ея глупостевъ, а она бѣсилась и грозилась. Увидите, говоритъ, что будетъ вскорости. Мало смѣху будетъ.

И Шумскій еще болѣе смущенный вышелъ изъ дома барона.

Время терять было нельзя. Съ каждымъ днемъ Пашута могла выдать его съ головой и дверь дома Нейдшильда будетъ заперта для г. Андреева.

Шумскій невольно дивился дерзости и смѣлости дѣвушки, вступавшей съ нимъ почти въ открытую борьбу. Только однимъ предположеньемъ могъ Шумскій объяснить себѣ это поведеніе крѣпостной дѣвки его отца. Она очевидно надѣется въ скоромъ времени быть выкупленной барономъ у Аракчеева. А между тѣмъ она должна знать отъ барышни, что отвѣта изъ Грузина на письмо барона нѣтъ и не предвидится.

— «Умъ за разумъ зайдетъ!—думалъ Шумскій и прибавлялъ гнѣвно.—Нѣтъ! Каково я попался! Хорошу я себѣ помощницу выискалъ. Дуракъ эдакій. Надо было подумать, надо было помнить, что она еще прежде была съ норовомъ. Когда она мнѣ, лѣтъ семь тому, приглянулась было, то какъ она себя со мной вела. Чистая барышня-дворянка. Королевна-Недотрога!»

Прежде всего Шумскій позвалъ къ себѣ Авдотью и встрѣтилъ словами:

— Слушай, Дотюшка, въ оба, мотай на усъ, что я тебѣ буду говорить. Приходитъ мнѣ плохо, хоть утопиться или застрѣлиться.

тебя озолочу... Да тебѣ не то надо... Знаю. Ну, буду тебя обожать, боготворить. Оставлю тебя жить здѣсь со мной и быть у меня хозяйкой, домомъ командовать. Все, что хочешь. Что ни придумай, на все я буду согласенъ. Только помоги.

Шумскій проговорилъ все это съ такимъ жаромъ и неподдѣльнымъ отчаяньемъ въ голосѣ, что Авдотья оторопѣла, сердце въ ней забилось сильнѣе и она слегка прослезилась.

— На десять смертей пойду я за тебя! — выговорила нянька рѣзко, почти выкрикнула, съ легкой хрипотой въ горлѣ отъ волненія и подступившихъ слезъ.

Шумскій усадилъ няню, сѣлъ противъ нея и началъ самое подробное изложеніе своей бѣды. Онъ разсказалъ знакомство свое съ Нейдшильдами подъ чужимъ именемъ, свое сближеніе съ баронессой и свою страсть... Затѣмъ, объяснивъ съ какой цѣлью, онъ выписалъ Пашуту и опредѣлилъ къ баронессѣ, онъ разсказалъ нянѣ, какъ дѣвушка, по неизвѣстнымъ причинамъ, стала ему противодѣйствовать.

Разумѣется, самъ Шумскій понималъ хорошо мотивы, руководившіе Пашутой. Онъ догадывался, что дѣвушка слишкомъ привязалась къ Евѣ, чтобы быть ея предательницей, да еще человѣку, котораго не любила съ дѣтства.

— Что же нужно-то тебѣ, соколикъ. Въ чемъ не слухается Пашутка? — спросила Авдотья.

— Ну, слушай... Это самое главное... Что̀ я на сихъ дняхъ потребую отъ поганой дѣвченки — тебѣ и знать не нужно. Было бы только тебѣ извѣстно, что это есть мое желаніе, и что Пашутка должна сдѣлать все, какъ я ей прикажу. Безъ всякихъ своихъ дурацкихъ разсужденій — она должна слѣпо повиноваться.

— Вѣстимо должна... Крѣпостная она, а ты нашъ баринъ, графскій сынокъ.

— Ну, вотъ что ты сдѣлаешь, Дотюшка. Слушай.

И Шумскій сталъ объяснять нянѣ заискивающимъ и ласковымъ голосомъ, что такъ какъ дѣвушка притворно сказывается больной, и онъ самъ ее видѣть не можетъ, то Авдотья должна отправиться къ ней въ гости и съ ней переговорить.

— Ты должна ей объяснить, что если она на сихъ дняхъ не исполнитъ того, что я потребую, то я ее немедленно возьму отъ баронессы. Не пойдетъ охотой, я ее отъ имени графа вытребую чрезъ полицію, какъ крѣпостную. Затѣмъ, конечно, отправлю обратно въ Грузино, а ужъ тамъ она пойдетъ прямо на скотный дворъ, гдѣ ее маменька прикажетъ пороть розгами, сколько вздумается главному скотнику Еремѣю.

Няня вздохнула и потупилась...

противничаньемъ твоей господской волѣ себя такъ поставитъ... Нѣтъ, не то... А боюся я... Боюся.

— Чего?

— Боюся. Я ее знаю. Пашуту страхомъ взять нельзя. Вѣдь я ее пяти годковъ приняла и около меня она какъ дочь выросла. Съ ней пужаньемъ ничего не подѣлаешь. Ее только добромъ взять можно. И добромъ всякъ ее совсѣмъ возьметъ. Вотъ ты сказываешь, это барышня самая съ ней сердечна чрезъ мѣру. Ну, вотъ Пашута за нее горой и стоитъ теперь. И супротивъ тебя пошла. А страхомъ... Ни-и!.. Ничто на нее эдакое не дѣйствуетъ. Хоть ножемъ ей грозися. Смертью грози! Только голову задеретъ и скажетъ:— Семь смертей не бывать, а одной не миновать! Ты знаешь ли, соколикъ, что когда я ее изъ воды-то вытащила, почему она въ эту воду попала. Топилась! Да, родной, топилась! Пяти-то годковъ отъ роду. Ее высѣкъ кто-й-то середь слободы, при всемъ народѣ... Ужъ и не помню кто... Она отъ него да прямо въ воду. Пяти годовъ. Такъ чтожъ теперь-то отъ нея ждать.

— Какъ же быть-то, Дотюшка?—растерянно проговорилъ Шумскій. — Чѣмъ же ее взять?

Няня задумалась, не отвѣчала, а лицо ея стало сумрачно и глаза заблестѣли ярче. Казалось, она думаетъ думу настолько важную, что душевная тревога тотчасъ отразилась на лицѣ. Шумскій невольно удивился, поглядѣвъ пристальнѣе въ лицо своей бывшей мамки.

— Я Пашуту возьму... Токмо ты оставь меня самою, по моему глупому разуму, орудовать. Какъ мнѣ самой Богъ на душу положитъ. А пужаньемъ... Гдѣ же?..

— Сдѣлай милость! Какъ знаешь, какъ хочешь. Только помоги. Ты пойми, что мнѣ смерть чистая приходитъ. Я извелся. Либо захвораю отъ боли сердечной и помру, либо просто пулю въ башку себѣ пущу.

— Охъ, что ты...

— Вѣрно тебѣ, Дотюшка, сказываю...

— Полно. Полно... Все будетъ по твоему. Есть у меня на Пашуту одно только слово. Страшное слово! Завѣтное слово! Думала я во вѣки его не сказывать. Ну, а вотъ... Будто и приходится. И если я скажу его Пашутѣ, то она твой слуга вѣрный будетъ. Всѣ противности броситъ...

— Спасибо тебѣ, дорогая...

Шумскій всталъ, обнялъ Авдотью, и поцѣловалъ вскользь, почти на воздухъ, приложивъ къ ея лицу не губы, а свою щеку. Няня покраснѣла отъ избытка счастья.

мнѣ. Говорить ли!

— Что ты, Богъ съ тобой, вѣстимо говорить.

— Охъ, нѣтъ... Ты въ этомъ не судья... Дай, говорю съ духомъ собраться. Пойду я вотъ въ здѣшнія святыя мѣста, въ Укремль. А какъ я пожалюся святымъ угодникамъ и изъ Укремля приду... тогда я тебѣ и скажу: говорить ли мнѣ Пашутѣ мое страшное слово...

— Ну, ладно!—смѣясь отозвался Шумскій.—Ступай сейчасъ въ свой вукремль и молися всласть. А тамъ иди къ Нейдшильдамъ. Тебя Копчикъ проводитъ. Только видишь ли, Дотюшка, одна бѣда, въ Петербургѣ нѣту Кремля и нѣтъ никакихъ угодниковъ. Здѣсь не пологается. Тутъ не Москва.

Няня вытаращила глаза.

— Вѣдь на этомъ мѣстѣ, Дотюшка, гдѣ Питеръ стоитъ, тому сто лѣтъ одно болото было. А что въ нихъ водится?

— Не пойму я тебя, соколикъ.

— Да вѣдь сказывается пословица: было бы болото, а черти будутъ. Коли Питеръ эдакъ-то выстроился, такъ какихъ же ты святыхъ угодниковъ тутъ захотѣла...

Однако, Авдотья собралась и тотчасъ же по указанію Васьки отправилась въ Невскую Лавру, но его съ собой не взяла, говоря, что онъ ей помѣшаетъ молиться.

Вернулась няня домой чрезъ четыре часа, и Шумскій, увидя женщину, невольно изумился, на столько лицо ея было тревожно и выдавало внутреннее волненіе. Глаза были заплаканы.

— Что съ тобой, Авдотья?—воскликнулъ онъ.

— Ничего. Богу молилась.

— Такъ чтожъ такая стала... Будто тебя избили. Аль ты Богу-то въ страшныхъ грѣхахъ какихъ каялась...

Авдотья вспыхнула, все лицо ея пошло пятнами, а затѣмъ тотчасъ же стало блѣднѣть, и все сильнѣе... Наконецъ, мертво-блѣдная она зашаталась... Если бы молодой человѣкъ не поддержалъ женщину вò-время за локоть и не пòсадилъ на стулъ, она бы по всей вѣроятности свалилась съ ногъ.

«Вѣрно попалъ! Самъ того не желая, прямо въ цѣль угодилъ»!—подумалъ Шумскій и прибавилъ:—Устала ты видно. Далеко ходила. Прилягъ. Отдохни. Иль чаю напейся чтоль...

И уйдя къ себѣ въ горницу Шумскій думалъ, ухмылясь:

— «А видно у моей мамки есть на душѣ кой-что не простое... Какъ я ее шарахнулъ невзначай... И какое же это слово «страшное», какъ она называетъ, можетъ она сказать Пашуткѣ. Какая-нибудь тайна между ними двумя. Вѣрнѣе такая тайна, которой Пашутка еще не знаетъ и теперь, узнавши, измѣнитъ свое поведеніе Увидимъ, увидимъ.»

— Ну, хоть денька три... Ради своего же счастья обожди, соколикъ.

— Да отчего. Помилуй!

— Не собралась я еще съ духомъ. Ради Господа не неволь. Хуже будетъ. Страшное это дѣло.

Шумскій махнулъ рукой и согласился поневолѣ...

XII.

Между тѣмъ, юная баронесса, очевидно, избѣгала встрѣчи съ своимъ портретистомъ и не давала сеансовъ.

Три дня еще напрасно являлся Шумскій къ Нейдшильдамъ.

Баронъ былъ очень любезенъ съ нимъ, сажалъ и задерживалъ болтовней. Онъ, повидимому, былъ особенно въ духѣ отъ предстоящаго путешествія за границу, въ Веймаръ, на поклонъ къ великому старцу Вольфгангу Гёте.

Въ первый день баронъ задержалъ Андреева подробнымъ описаніемъ дома Гёте въ Веймарѣ, его рабочаго кабинета, крошечной спальни съ однимъ окошкомъ, гдѣ едва помѣщались кровать и одно кресло...

Въ другой разъ баронъ два часа продержалъ Шумскаго, развивая одинъ свой новый проектъ водоснабженія домовъ водой. По проекту барона слѣдовало устраивать не покатыя, а плоскія крыши съ стѣнками, на подобіе резервуаровъ, а по срединѣ ставить громадную печь. Весь нанесенный зимой снѣгъ, долженствовало растапливать и чистая вода по трубочкамъ текла бы во всѣ комнаты жильцевъ.

Мысль эту лелѣялъ баронъ тогда, когда о водопроводахъ въ городахъ Европы не было и помину. Проектъ его крышъ и печей канулъ въ Лету, а мысль была все-таки не праздная и, въ иномъ болѣе разумномъ видѣ, стала чрезъ полстолѣтія дѣйствительностью.

Шумскій на этотъ разъ слушалъ барона терпѣливо, задумчиво, почти грустно. Онъ называлъ краснорѣчивыя разглагольствованія финляндца—«шарманкой» и обыкновенно избѣгалъ ихъ, прерывалъ.

— Не правда ли удобно? — восклицалъ баронъ. — Вмѣсто того, чтобы возить воду въ бочкахъ, таскать въ ведрахъ, а снѣгъ сгребать съ крышъ и сваливать во дворахъ...

— Да-съ, — отозвался Шумскій угрюмо. — Ну-съ, а лѣтомъ какъ же? Все-таки бочками возить воду, по старому.

— Лѣтомъ?! Да-а?..—протянулъ баронъ.—Лѣтомъ! C'est une idée! Я объ этомъ не... Да, лѣтомъ ужъ придется по старому.

на мундиръ и съ не менѣе сіяющимъ лицомъ.

Баронъ при видѣ вошедшаго г. Андреева едва замѣтно дернулъ плечомъ и отвернулся. Фигура его и жестъ какъ бы говорили...

— Ты все свое... Знай—ходишь!.. А тутъ вонъ что? Пропасть между нашимъ обоюднымъ общественнымъ положеніемъ сегодня еще шире разверзлась. Ты приплелся за работой, а я вонъ что... Во дворецъ ѣду.

Шумскій зналъ, что Нейдшильдъ бываетъ крайне рѣдко на пріемахъ во дворцѣ, раза два въ годъ. Иначе, ему самому въ качествѣ флигель-адъютанта было бы невозможно появляться на высочайшихъ выходахъ, рискуя встрѣтиться лицомъ къ лицу съ барономъ.

Глядя теперь на Нейдшильда полнаго чувствомъ собственнаго величія, Шумскій невольно улыбался...

— Ничего! Pardon. Сегодня не до васъ. До свиданія. A demain, mon bon...—сказалъ наконецъ баронъ.

Шумскій вышелъ въ столовую и уже собирался уходить, когда къ нему на встрѣчу появился изъ гостиной Антипъ и доложилъ:

— Боронесса просятъ пожаловать...

Сердце стукнуло въ немъ невольно отъ неожиданности. За ночь принятое рѣшеніе пришло на умъ.

А за эту послѣднюю ночь Шумскій рѣшился на объясненіе съ баронессой, на произнесенье рокового слова любви.

— Хватитъ ли храбрости?—спросилъ онъ самъ себя, входя въ гостиную.

А, между тѣмъ, надо было пользоваться случаемъ, возможностью спокойно объясниться. Баронъ, уже уѣзжающій, не могъ помѣшать нежданнымъ приходомъ въ гостиную. Люди во время его отсутствія всегда исчезали, домъ пустѣлъ и въ немъ воцарялась мертвая тишина.

Ева встрѣтилась съ молодымъ человѣкомъ какъ всегда... безучастно любезно. Она вышла изъ своей комнаты, плавно и легко скользя по паркету, стройная, красивая, спокойная и медленно протянула ему свою маленькую, бѣлую какъ снѣгъ руку съ сѣткой синихъ жилокъ и съ ярко розовой ладонью... При этомъ она улыбнулась ласково, глянула лучистыми глазами прямо въ глаза его...

Шумскій рѣшился въ одинъ мигъ на дерзость... нагнулся и поцѣловалъ поданную ручку. Когда онъ поднялъ голову и взглянулъ на дѣвушку, чтобы увидѣть впечатлѣніе имъ произведенное, то встрѣтилъ то же выраженіе благосклонной ласковости, но нѣсколько болѣе холодное.

— Не дѣлайте никогда этого, г. Андреевъ,—вымолвила Ева.— Это не слѣдуетъ.

искусству владѣть голосомъ и лицомъ.

— До сихъ поръ никто еще не цѣловалъ моей руки, съ тѣхъ поръ какъ я на свѣтѣ!—вымолвила Ева, слегка оживясь.—И нахожу даже, что это странный обычай, касаться губами руки... Не умный и непріятный. Pardon... Я сейчасъ возвращусь.

И она тихо вышла изъ комнаты.

— Руки мыть! — чуть не вслухъ воскликнулъ Шумскій, стоя среди комнаты какъ пораженный громомъ... — Вѣдь руки мыть! — повторилъ онъ и чувствовалъ, что лицо его вспыхнуло отъ досады или даже отъ другого, болѣе сильнаго и глубокаго чувства. Онъ былъ оскорбленъ... Всѣ его мечтанья послѣднихъ дней, надежды и ожиданья... все разлетѣлось въ прахъ.

— Я ей противенъ!—шепталъ онъ.—Я ей гадокъ... Чтожъ это... Чтожъ тутъ дѣлать? — думалъ и бормоталъ онъ совершенно потерявшись.

Вѣроятно лицо Шумскаго сильно измѣнилось, потому что баронесса, выйдя снова въ гостиную, участливо глянула на него и, садясь на свое обычное мѣсто у окна, заговорила ласковѣе.

— Сегодня вы что будете дѣлать? Вы хотѣли брови исправить. Или вѣрнѣе сказать: одну бровь...

— Извините баронесса, — съ волненіемъ выговорилъ Шумскій, становясь передъ мольбертомъ.—Я попрошу васъ простить мнѣ глупый вопросъ и отвѣтить прямо и откровенно. Вы изволили сейчасъ руки мыть?..

Ева слегка потупилась, виновато улыбаясь, и глаза ея на половину закрылись длинными рѣсницами. Она отвѣтила такъ тихо, что Шумскій не услыхалъ, а догадался, что она говоритъ роковое: «да».

— Стало быть, я вамъ противенъ...

— Нѣтъ!—громко и нѣсколько удивляясь отозвалась она.

— Вамъ было гадко прикосновеніе моихъ губъ къ вашей рукѣ.

— Не пріятно... Я почти въ первый разъ въ жизни, говорю вамъ, испытала это... И мнѣ это не понравилось. Я очень брюзглива. Я никогда никому не позволяю этого... Если бы я знала, то я предупредила бы васъ...

Ева говорила такъ дѣтски-наивно и просто, такимъ невиннымъ голосомъ, что чувство досады и обиды поневолѣ тотчасъ улеглось въ молодомъ человѣкѣ. Ему стало даже смѣшно. Онъ улыбнулся.

— Не ожидалъ я, что сегодня будетъ между нами такой... разговоръ,—вымолвилъ онъ, запнувшись.

— Такой глупый разговоръ, хотите вы сказать.

— Да.

— Мало... Мало знаю. Но, Боже мой, какъ дорого бы я далъ, чтобы знать васъ ближе, знать хорошо!..—воскликнулъ Шумскій съ неподдѣльной страстью. — Какая пропасть между нами... Вы смотрите на меня съ высоты вашей аристократической гордости, надменности... Я для васъ не человѣкъ, а червякъ... Хуже! Какой-то гадъ...

— Не правда,—тихо отозвалась Ева.

— А почему?—не слушая, продолжалъ Шумскій.—Будь я богатый и знатный человѣкъ—вы бы отнеслись иначе. Если бы я сказалъ вамъ, что я васъ безумно полюбилъ, вы бы не оскорбились, быть можетъ, даже отвѣтили бы взаимностью...

— Никогда!—спокойно, но твердо отозвалась Ева.

— Никогда?! Еслибъ я былъ знатенъ, богатъ, блисталъ въ вашемъ обществѣ, былъ бы гвардейцемъ, флигель-адъютантомъ, даже хоть любимцемъ государя...

— Никогда!..—повторила Ева, улыбаясь.

— Потому что меня, каковъ я есть, вамъ нельзя полюбить?!—почти съ отчаяніемъ произнесъ Шумскій.

— Нѣтъ. Васъ можно!..—Ева запнулась... —Вы можете легко понравиться...

— Но не вамъ?

— Нѣтъ, не мнѣ... потому что... Бросимъ этотъ разговоръ.

— Потому что вы любите!.. Вы любите другого? Скажите...

Ева молчала.

— Скажите. Умоляю васъ.

— Я никого не люблю. Я не могу любить. Не умѣю... Не знаю, что это за чувство... Но повторяю, прекратите этотъ разговоръ.

Шумскій глубоко вздохнулъ, но ему стало легче. Слишкомъ правдиво звучалъ голосъ Евы, для того чтобы сомнѣваться въ искренности ея заявленья.

Наступило молчанье и длилось долго. Баронесса сидѣла, глубоко задумавшись. Шумскій сѣлъ тоже и повидимому усердно занялся работой, но чувствуя, что руки его дрожатъ, что онъ только испортитъ портретъ—оставилъ лицо и принялся машинально рисовать платье и кресла.

Чрезъ полчаса времени, проведеннаго въ полномъ молчаніи, Шумскій первый заговорилъ, но тихо и отчасти грустно.

— Простите меня, если я сегодня оскорбилъ вашу дворянскую и въ особенности финляндскую гордость.

Ева улыбнулась добродушно.

— Финляндія тутъ ни при чемъ... Я не хочу, чтобы вы мои личные недостатки дѣлали недостатками моей милой родины. Ну,

и о гордости дворянской тутъ не можетъ быть рѣчи... Вѣдь вы тоже дворянинъ.

— Да-съ... Но вѣдь, однако, вы оскорбились... Вы меня очевидно простили по добротѣ сердца. Но все-таки вы были обижены. Оттого я васъ вижу сегодня такой молчаливой и задумчивой, какой никогда не видалъ.

— Вы ошиблись... Какой вы странный, однако! Вы стало быть убѣждены, что я все время думала объ васъ, объ вашемъ поступкѣ.

— Конечно.

— И ошиблись совершенно.

— Не думаю. Даже увѣренъ, что правъ.

— Вотъ она гордость или самолюбіе, г. Андреевъ. Я давно забыла, что вы почему-то поцѣловали сегодня у меня руку. Ей Богу забыла и теперь опять вы напомнили.

— Почему же вы такъ молчаливы...

— Я думала объ одной своей—бѣдѣ. Объ непріятности, которая для меня настоящая бѣда. Моя любимица Пашута принадлежитъ графу Аракчееву, человѣку злому... Мнѣ хотѣлось выкупить Пашуту! Баронъ, отецъ мой, писалъ графу, но до сихъ поръ нѣтъ никакого отвѣта. И стало быть не будетъ. Я не знаю, что дѣлать... Я объ этомъ цѣлые дни думаю. Иногда ночью во снѣ брежу этимъ. И теперь тоже объ этомъ задумалась.

Шумскій вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

Наступило снова долгое молчаніе...

Шумскій кончилъ часть платья и сложивъ всѣ карандаши въ коробку, выговорилъ, вдругъ рѣшаясь на роковой для себя вопросъ.

— Г. фонъ-Энзе вашъ родственникъ, баронесса?—И онъ пристально и пытливо глянулъ на дѣвушку.

— Да,—просто отозвалась Ева.

— И, кажется, вы его очень близко знаете...

— Да.

— Я хочу сказать, что баронъ очень любитъ фонъ-Энзе, а вы его любите...

— Что? Я васъ не понимаю!—глухо отозвалась Ева.

— Нѣтъ, баронесса вы меня поняли!—произнесъ Шумскій рѣзко и всталъ съ мѣста...

— Нѣтъ, г. Андреевъ. Я васъ не понимаю. Если бы я думала, что я васъ поняла, то сочла бы нужнымъ покинуть комнату и прекративъ сеансы немедленно, оставить портретъ не оконченнымъ. Я васъ не поняла! Я слишкомъ хорошаго объ васъ мнѣнія, чтобы вашу обмолвку принять за умышленную дерзость...

— Ради Бога. Правду!..—съ полнымъ отчаяньемъ страстно воскликнулъ Шумскій, приближаясь къ сидящей Евѣ и готовый упасть предъ ней на колѣни.—Правду мнѣ нужно. Вы все поняли, понимаете... Я даю слово молчать цѣлый вѣкъ, никогда ни единымъ

словомъ не обмолвиться. Но теперь, сейчасъ, отвѣчайте мнѣ правду. Не играйте словами, не обижайтесь... Скажите мнѣ одно слово: фонъ-Энзе вашъ женихъ?

— Никогда. Богъ съ вами...

— Но вы его... Простите! Умоляю васъ! Вы его любите?

— Г. Андреевъ. Я отъ васъ не ждала...

— И онъ безъ ума отъ васъ! Онъ васъ любитъ!

Ева опустила глаза и лицо ея стало сумрачно.

— Вѣдь это правда? Одно слово...

Ева молчала.

— Вы не хотите отвѣчать?

— Довольно, г. Андреевъ... Еще одно слово и... мой портретъ останется неоконченнымъ.

— Но я не могу такъ оставаться въ неизвѣстности!—вскрикнулъ Шумскій.—Я хочу знать! Слышите ли вы! Я хочу знать. Женихъ ли онъ вашъ, избранный вамъ барономъ.

Ева поднялась съ мѣста и двинулась въ свою комнату.

Шумскій бросился къ ней и уже хотѣлъ взять за руку, чтобы остановить.

— Одно слово... Бога ради! Изъ жалости, наконецъ. Одно слово! Но правду! правду!

Голосъ молодого человѣка, очевидно сразу, неотразимо подѣйствовалъ на баронессу, и она отозвалась шопотомъ.

— Фонъ-Энзе теперь не женихъ...

— Вы его любите?..

— Не знаю. Можетъ быть. Я не умѣю, не могу любить. Я уже это сказала разъ. Но за то, теперь прибавлю, что портретъ... Сеансовъ больше не будетъ!.. Прощайте.

Баронесса быстро, не глядя и не подымая головы, скрылась за дверью... Шумскій бросился къ мольберту хотѣлъ сорвать бумагу съ доски и однимъ движеньемъ разорвать портретъ пополамъ, но остановился и схватился за голову.

Чрезъ минуту онъ выходилъ изъ дома барона съ сильно измѣнившимся лицомъ.

— Или всему конецъ, или все начнется!—бормоталъ онъ, ничего не видя и не сознавая кругомъ себя.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Графъ Е. Саліасъ.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ [1].

О. С. Пушкиной.

«Насъ случай свелъ; но не слѣпцомъ меня
«Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой!
«Поэта другъ, сестра и геній милый
«По сердцу ты и мнѣ давно родня.

«Такъ въ памяти сердечной безъ заката
«Мечта о немъ горитъ теперь живѣй;
«Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата,
«Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

«Удѣлъ его—блескъ славы вѣчно льстивой,
«Но часто намъ сіяющей изъ тучъ;
«И отъ нея ударитъ яркій лучъ
«На жребій твой, въ безпечности счастливый.

«Но для него ты благотворнѣй будь:
«Свѣти ему звѣздою безмятежной,
«И въ бурной мглѣ отрадой, дружбой нѣжной
«Ты услаждай тоскующую грудь!» [2]).

Князь Вяземскій.

ТРЫВКИ изъ моихъ воспоминаній, напечатанные въ январской и февральской книжкахъ «Историческаго Вѣстника», возбудили, сверхъ моего ожиданія, довольно значительный интересъ; нѣкоторыя періодическія изданія отозвались о нихъ весьма лестнымъ для меня образомъ, и привели у себя обширныя выдержки.

Кромѣ того, многіе изъ знакомыхъ, пользовавшихся радушнымъ гостепріимствомъ моей матери, стали убѣждать меня помѣстить въ «Историческомъ же Вѣстникѣ» и другія части «Семей-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 283.

[2]) Объ этихъ стихахъ князя Вяземскаго, написанныхъ 12-го августа 1825 года къ матери моей, во время лѣтняго ея пребыванія въ Ревелѣ, и напечатан-

Не обладая ни литературнымъ талантомъ, ни даже сноснымъ литературнымъ слогомъ, я писалъ «Хронику» собственно для себя, а если рѣшился напечатать два отрывка изъ нея, то потому, во-первыхъ, что, какъ я уже предварялъ читателей, мнѣ казалось «просто грѣшно» утаивать нѣкоторыя черты, извѣстныя лишь мнѣ одному, изъ жизни поэта, принадлежащаго не только своимъ кровнымъ роднымъ, но и всей Россіи, а, во-вторыхъ, потому, что исполняя сыновній долгъ, я хотѣлъ напомнить, что единственная сестра достославной памяти Пушкина—родная мать моя Ольга Сергѣевна Павлищева,—забытая, Богъ вѣсть почему, пушкинскими біографами и коментаторами, была, дѣйствительно,—какъ ее воспѣлъ кн. Вяземскій—«поэта другъ и геній милый». Появившіяся же въ печати, въ разное время, три или четыре записочки къ ней дяди Александра, да напечатанные стихи его: «Ты хочешь, другъ безцѣнный, чтобъ я, поэтъ младой» говорятъ публикѣ объ отношеніяхъ его къ Ольгѣ Сергѣевнѣ весьма немного.

Въ виду благосклоннаго пріема, оказаннаго первымъ двумъ отрывкамъ моей «Семейной хроники», и уступая просьбамъ знакомыхъ, рѣшаюсь предложить читателямъ «Историческаго Вѣстника» дальнѣйшіе отрывки изъ моихъ обширныхъ воспоминаній.

Предлагаемые отрывки основаны преимущественно на хранящейся у меня перепискѣ моего дѣда и бабки съ Ольгой Сергѣевной отъ 1829 по 1835 годъ включительно, на перепискѣ между моими родителями за 1831, 1832, 1834, 1835, 1836, 1841 и 1854 годы,

---

ныхъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», въ 1826 году,—дядя мой, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, писалъ автору 24-го мая того же года: «Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ. Какъ же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? Счастливѣе чѣмъ Андрей Шенье, я заживо слышу голосъ вдохновенія».

Въ изданной въ 1880 году сыномъ автора, кн. П. П. Вяземскимъ, брошюрѣ «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ 1816—1825 гг., по документамъ Остафьевскаго архива» на страницѣ 70 напечатано между прочимъ: «Двѣ послѣднія строфы въ первоначальной редакціи представляютъ нѣсколько варіантовъ отъ текста, напечатаннаго въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»:

«Его удѣлъ: блескъ славы горделивой,
«Сіяющей изъ лона бурныхъ тучъ,
«И отъ нея падетъ блестящій лучъ
«На жребій твой, смиренный, но счастливый,
«Но ты ему спасительнѣе будь (еще полезнѣй).

«Свѣти ему звѣздою безмятежной!
«И въ бурной мглѣ участьемъ дружбы нѣжной
«Вливай покой въ растерзанную грудь» (тоскующую, томящуюся).

Издатель «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», баронъ А. А. Дельвигъ, другъ Пушкина, подарилъ экземпляръ этого альманаха моей матери, съ собственноручной надписью. Хранится у меня. Л. П.

Павлищевой, за 1828, 1829, 1835 и 1836 года.

Вслѣдствіе этого, печатаемые мною теперь отрывки будутъ обнимать лишь событія упомянутыхъ годовъ.

Къ большому моему сожалѣнію, только письма моего отца къ своей матери писаны порусски; переписка же Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны, подобно перепискѣ моихъ родителей между собою, происходила пофранцузски, слѣдовательно, въ переводѣ на русскій языкъ письма эти неизбѣжно утратятъ многое въ своей внѣшней сторонѣ.

Дальнѣйшимъ подспорьемъ при составленіи предлагаемыхъ отрывковъ послужили разсказы моихъ родителей, знакомыхъ Александра Сергѣевича, подругъ Ольги Сергѣевны, а также происшествія, которыхъ я былъ уже самъ очевидцемъ.

Всѣ эти разсказы я аккуратно вносилъ въ мой дневникъ, который веду въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ сряду, день въ день.

Итакъ приступаю къ изложенію событій, начиная съ 1828 года.

XI.

Послѣ свадьбы моего отца, дядя Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ бывалъ первое время почти ежедневно у моихъ родителей, поселившихся въ уютной квартиркѣ, въ домѣ Дмитріева, въ Казачьемъ переулкѣ, и всячески старался устроить примиреніе между Николаемъ Ивановичемъ и его тещей, Надеждой Осиповной; но бабка и слушать не хотѣла сына, говоря, что виною свадьбы,—состоявшейся безъ ея позволенія,—не дочь, а зять, при чемъ однажды поподчивала Александра Сергѣевича шумной сценой, въ заключеніе которой объявила ему категорически, «чтобы онъ не смѣлъ ей больше и толковать о Николаѣ Ивановичѣ».

Съ горестью сообщалъ Александръ Сергѣевичъ моему отцу о результатахъ своихъ попытокъ, и разъ пророчески сказалъ ему: «Вспомните мое слово: рано или поздно матушка сама раскается».

Посѣщая дочь, Надежда Осиповна всегда выбирала время, когда моего отца не было дома, и только въ праздникъ Пасхи Николай Ивановичъ былъ у Пушкиныхъ, по настоянію Александра Сергѣевича. Кончились праздники—и все пошло по старому.

Сергѣй Львовичъ взглянулъ на дѣло иначе: правда, онъ побаивался жениныхъ сценъ, и посѣщалъ Николая Ивановича тайкомъ, но все же показывалъ ему свое расположеніе, хотя и выражавшееся сначала сентиментальными фразами, а не дѣломъ. На дѣлѣ же Сергѣй Львовичъ проявилъ это расположеніе попозже,—въ 1831 году,—пристроивъ зятя, какъ мною уже было разсказано раньше,

О своей тогдашней домашней обстановкѣ отецъ мой пишетъ своей матери, Луизѣ Матвѣевнѣ, отъ 1-го іюня 1828 года слѣдующее:

«Попрежнему служу я въ иностранной коллегіи переводчикомъ съ разныхъ языковъ, и получаю 1,000 рублей жалованья. Вице-канцлеръ распорядился произвести меня въ коллежскіе ассессоры, а теперь откомандировалъ въ сенатъ переводить бумаги съ польскаго, а въ польскомъ я понаторѣлъ еще въ Тульчинѣ, подъ командой добрѣйшаго Витгенштейна; переводить бумаги надобно въ слѣдственной комиссіи надъ поляками. Работу эту чиню подъ наблюденіемъ оберъ-прокурора Кайсарова. Онъ малый славный. А вотъ что теперь скажу вамъ, любезнѣйшая матушка: теща, Надежда Осиповна Пушкина, не любитъ меня, и я даже съ ней не вижусь. Шуринъ, Александръ Сергѣевичъ, правда, потащилъ меня къ ней на Пасху, думалъ мировую устроить, но дѣло вышло дрянь. Похристосовались и шабашъ, а объ иномъ прочемъ ни гу-гу.

«Александру Сергѣевичу это не по нутру: оный со мной въ отношеніяхъ вполнѣ хорошихъ, но ничего съ упрямой тещей не подѣлалъ. Тесть добрый малый, но у жены подъ пантуфлей. Ничего въ нашу пользу не сдѣлалъ, разумѣю на счетъ денегъ. Тесть скупъ до крайности, вдобавокъ, по хозяйству не свѣдущъ.

«У него въ Нижегородской губерніи 1,000 душъ, а крѣпостной его управляющій набиваетъ себѣ карманъ, и оставляетъ барина безъ гроша. Отъ беззаботливости отца и плутовства управителя очевидно и мы терпимъ.

«Жена прохворала почти съ самой свадьбы; сильно огорчаетъ ее теща своей враждебностью ко мнѣ; а какъ на грѣхъ, простудила ее зимой комедія визитовъ, которые мы сдѣлали десятка съ три, въ 20 градусовъ морозу. Старики уѣхали теперь въ деревню, а шуринъ, Александръ, еще здѣсь. Заглядываетъ къ намъ, но или сидитъ букой, или на жизнь жалуется; Петербургъ проклинаетъ, хочетъ то за границу, то къ брату на Кавказъ. Больше почти никого и не видимъ.

«Съ перемѣной жизни не знаю, останусь ли здѣсь. Все зависитъ отъ родителей жены, смотря по средствамъ, которыя доставятъ они для нашего существованія. Вся надежда теперь на шурина Александра Сергѣевича: авось ихъ уломаетъ, что̀ и обѣщался сдѣлать; надняхъ ѣдетъ къ нимъ на недѣлю. Если же ничего не успѣетъ сдѣлать, то Богъ поможетъ. Увѣренъ я, что съ моей женою буду вездѣ и всегда счастливъ».

Отецъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ, въ первый годъ своей женитьбы, и отъ матеріальныхъ, и отъ нравственныхъ заботъ, сдѣлался едва ли не достойнымъ мученическаго вѣнца, а Ольга Сергѣевна, преданная ему всей душой, страдала отъ отношеній къ нему

жёлчнымъ мѣсяцемъ, а мой медовый годъ — жёлчнымъ годомъ»). Единственнымъ ея утѣшеніемъ были минуты свиданій съ Александромъ Сергѣевичемъ. Пушкинъ тогда дѣйствительно хотѣлъ бросить Петербургъ, и высказывалъ сестрѣ свои мрачныя мысли, вылившіяся и въ написанной имъ тогда же у моихъ родителей элегіи «Предчувствіе», изъ которой привожу двѣ первыя строфы:

«Снова тучи надо мною
«Собралися въ тишинѣ!
«Рокъ завистливой бѣдою
«Угрожаетъ снова мнѣ...

«Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
«Понесу ль навстрѣчу ей
«Непреклонность и терпѣнье
«Гордой юности моей»?

Въ день же своего рожденья, 26-го мая того же 1828 года, онъ, въ написанномъ по этому случаю стихотвореніи: «Даръ напрасный», прямо скорбитъ, что живетъ на землѣ.

Прочитавъ моей матери эти послѣдніе стихи, дядя Александръ сказалъ: «Хуже горькой полыни напрокутило мнѣ житье на землѣ; нечего сказать, знаменитъ день рожденья, который вчера отпраздновалъ. Родился въ маѣ, и вѣкъ буду маяться».

При этомъ Пушкинъ зарыдалъ.

Ольга Сергѣевна тоже не могла удержаться отъ слезъ, и впослѣдствіи, при всякой, постигавшей ее невзгодѣ, вспоминала стихи брата, но на этотъ разъ возразила ему такъ, думая его утѣшить:

«Не будь бабой, Александръ, перестань, полно плакать, а спрашивается изъ-за чего? Изъ какихъ-нибудь пошлостей журнальной ракальи? Плюнь! Охота тебѣ te forger des idées noires! Эти идеи — больше ничего какъ расплясавшіеся нервы. Что же послѣ этого я о себѣ должна сказать? Тебѣ, слава Богу, ничего не достаетъ, а взгляника на меня, и на моего Николая Ивановича!.. Если же міръ земной гадокъ, то плачь не плачь все равно; людей не передѣлаешь. А на твои стихи [1]) скажу тебѣ и всѣмъ извѣстные другіе:

«Ничто не ново подъ луною,
«Что было, есть, то будетъ вѣкъ:
«И прежде кровь лилась рѣкою,
«И прежде плакалъ человѣкъ!»

---

[1]) Считаю нелишнимъ напомнить читателямъ эту прелестную элегію дяди:

«Даръ напрасный, даръ случайный,
«Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
«Иль зачѣмъ судьбою тайной
«Ты на казнь осуждена?

безъ Божія Промысла, стало быть и ты появился на свѣтъ не съ бухты-барахту».

(Эту бесѣду съ братомъ передавала мнѣ мать моя).

Ольга Сергѣевна въ то время (1828 г.), кромѣ посѣщеній своего старшаго брата Александра, находила утѣшеніе и въ письмахъ младшаго. Этотъ младшій братъ, «нашъ пріятель Пушкинъ Левъ» [1]), былъ Веніаминомъ, любимцемъ Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны, но не выдержавъ, такъ же, какъ сестра его и братъ, ихъ деспотическихъ нѣжностей; записался тайкомъ отъ родителей въ нижегородскіе драгуны и ускакалъ на Кавказъ, гдѣ, какъ сказано мною въ предшествующемъ отрывкѣ, покрылъ себя боевою славою.

Ольга Сергѣевна души въ немъ не чаяла; отвѣчая ей тѣмъ же и уважая ее, онъ, однако, побаивался ея справедливыхъ дружескихъ головомоекъ, за которыя, впрочемъ, былъ ей всегда признателенъ. Одну изъ подобныхъ головомоекъ считаю не лишнимъ привести, хотя и отступаю отъ хронологическаго порядка.

Утромъ достопамятнаго 14-го декабря 1825 года, дядя Левъ исчезаетъ изъ родительскаго дома, что̀ называется пофранцузски: «sans tambour ni trompête» — не думано, не жданно. Можно себѣ представить, какого страха натерпѣлся мнительный Сергѣй Львовичъ, когда вѣсть о вооруженномъ мятежѣ облетѣла городъ, а Льва Сергѣевича—нѣтъ какъ нѣтъ. Между тѣмъ, является къ дѣду въ кабинетъ его камердинеръ, знаменитый Никита Тимоѳеевичъ, и является съ растрепанными чувствами, докладывая, что на Сенатской площади солдаты, молъ, передрались, убитыхъ и изувѣченныхъ видимо, дескать, невидимо, а губернаторъ Милорадовичъ уже

«Кто меня волшебной властью
«Изъ ничтожества воззвалъ,
«Душу мнѣ наполнилъ страстью,
«Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..

«Цѣли нѣтъ передо мною:
«Сердце пусто, празденъ умъ,
«И томитъ меня тоскою
«Однозвучный жизни шумъ».

26-го мая 1828 г.

Эти стихи вызвали, какъ извѣстно, отповѣдь въ стихахъ же митрополита московскаго Филарета.

[1]) Дядя Александръ написалъ на брата слѣдующіе шуточные стихи:

«Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
«Не лишенъ разсудка;
«Но съ шампанскимъ жирный пловъ
«И съ груздями утка,
«Намъ докажутъ лучше словъ,
«Что онъ болѣе здоровъ
«Силою желудка...»

тюшка, Сергѣй Львовичъ! Душенька моя вся переворачивается, что барчука моего, ненагляднаго Левона Сергѣича, нѣтъ. Гдѣ-то онъ пропадаетъ, родименькій? Ужъ не попуталъ ли его сердечнаго то́же нечистикъ?» (его выраженіе).

Сергѣй Львовичъ отъ такого причитанья испугался еще больше, и разсудилъ тутъ же попотчивать, во-первыхъ, причитальщика здоровеннѣйшей тукманкой, во-вторыхъ, побѣжать къ женѣ и закричать: «Леонъ убитъ!» и, наконецъ, въ-третьихъ, очутиться безъ верхней одежды и шляпы на улицѣ. Ольга Сергѣевна бросилась за нимъ слѣдомъ, и насилу убѣдила его воротиться домой, а сама распорядилась заложить сани, и поѣхала на поиски. Надежда Осиповна, при всемъ своемъ хладнокровіи, смутилась, а дворня собралась въ лакейскую внимать дальнѣйшимъ причитываньямъ оскорбленнаго Тимоѳеевича. Сумбуръ вышелъ полнѣйшій; всѣ, исключая моей матери, потеряли голову, а Сергѣя Львовича трясла лихорадка отъ страха и простуды.

Въ девять часовъ вечера является Левъ Сергѣевичъ здравый, невредимый и веселый.

— Гдѣ пропадалъ? что? какъ?—накинулась на него Ольга Сергѣевна.—Разсказывай, что съ тобой было!

Оказалось, что Левъ Сергѣевичъ, любопытства ради, простоялъ на углу Адмиралтейской площади и Вознесенскаго проспекта, наблюдая за ходомъ дѣла, и дождавшись конца, завернулъ къ одному изъ своихъ пріятелей подѣлиться свѣжими впечатлѣніями.

— Вѣдь ты еле-еле не убилъ отца, мать до́ смерти перепугалъ, не говорю уже обо мнѣ,—продолжала Ольга Сергѣевна,—знаю, съ сорванцами не якшаешься, а все же могъ невзначай попасть и въ толпу, и въ бѣду изъ-за пустого любопытства; и тебя бы за мятежника сочли: въ толпѣ не разберешь!

Тутъ Ольга Сергѣевна принялась читать ему пофранцузски нравоученія болѣе получаса, взяла съ Льва Сергѣевича обѣщаніе никому болѣе не заикаться, что онъ былъ недалеко отъ происходившаго, и прибавила порусски въ заключеніе: «Слава Тебѣ Господи, что братъ Сашка въ деревнѣ: чего добраго, не ограничился бы разѣваньемъ рта, какъ ты, а напроказилъ бы по́ своему».

Въ своемъ мѣстѣ я разскажу, какимъ образомъ судьба дѣйствительно вывезла дядю Александра, не допустивъ его сдѣлаться свидѣтелемъ, а—легко могло статься—и однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ четырнадцатаго декабря, вмѣстѣ съ его друзьями Пущинымъ и Кюхельбекеромъ, которые, какъ извѣстно, оба попались.

Но возвращаюсь къ послѣдовательному изложенію воспоминаній.

себя домашнему очагу, и кое-какъ сводили концы съ концами, не имѣя никакой поддержки отъ дѣда и бабки.—«En vérité,—говаривалъ имъ Александръ Сергѣевичъ, — papa et maman vous forcent, mes chers amis, de tirer le diable par la queue, mais helas! je n'y puis rien faire»... (Поистинѣ папаша и мамаша принуждаютъ васъ, милые друзья, тянуть чорта за хвостъ, но я, увы! ничего противъ этого сдѣлать не могу...).

Между тѣмъ, Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна поѣхали на лѣто въ Михайловское.

«Тесть и теща ускакали въ отчину», — пишетъ отецъ своей матери,—«и не знаю, возвратятся ли на зиму сюда, или ускачутъ подальше; послѣднее было бы для меня, милая маменька, пріятнѣе, и въ тысячу разъ пріятнѣе; теща нрава тяжелаго, да несноснаго; не разъ представляетъ меня женѣ не тѣмъ, что я есмь, а тѣмъ, что я никогда не есмь; поссорить, впрочемъ, съ Олей меня ей не доведется, а все же ея разговоры обо мнѣ съ дочерью моей особѣ не по нутру».

Наступилъ 1829 годъ, а съ нимъ наступили для моей матери новыя испытанія физическія и нравственныя. Къ первымъ изъ нихъ относится тяжкая ея болѣзнь, ко вторымъ—разлука съ братомъ Александромъ Сергѣевичемъ.

Передъ этими испытаніями, однако, были и пріятныя для нея минуты.

Не посѣщая свѣта, родители довольствовались тѣснымъ семейнымъ кружкомъ, котораго я уже отчасти и коснулся въ напечатанныхъ раньше отрывкахъ изъ моей «Хроники». Баронъ Дельвигъ, — съ нимъ отецъ особенно сошелся, и поэтъ Мицкевичъ (когда измѣнялъ своему правилу: знать больше, а говорить меньше), были весьма пріятными собесѣдниками, а Михаилъ Ивановичъ Глинка тоже, подобно Дельвигу, сотрудникъ отца, но не по литературной, а уже по музыкальной части, устраивалъ у моихъ родителей артистическіе вечера. Дядя Александръ, навѣщая свою сестру бо́льшею частію днемъ, появлялся по вечерамъ рѣдко: всего въ теченіе зимы 1829 года былъ разъ пять — не болѣе. Однажды, пришелъ онъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, когда обычные посѣтители были уже въ сборѣ; гости — одни въ ожиданіи музыкальнаго сеанса, другіе виста—расхаживали по комнатѣ, и тутъ-то произошелъ извѣстный обмѣнъ добродушныхъ фразъ между русскимъ и польскимъ поэтами — фразъ, о которыхъ такъ много трубили.

Пушкинъ и Мицкевичъ вошли вмѣстѣ.

— Дорогу, господа, тузъ идетъ,—возвѣстилъ Мицкевичъ, указывая на Александра Сергѣевича.

подтрунивать надъ весьма плохимъ французскимъ произношеніемъ послѣдняго.

— C'est un excellent homme votre [1]) Мицкевичъ, je n'en doute pas, et un homme de génie, par dessus le marché, j'en conviens aussi; mais comme il ecorche cette pauvre et malheureuse langue française!, au nom du ciel! (Прекрасный человѣкъ твой Мицкевичъ—не сомнѣваюсь въ этомъ, да и геніальный человѣкъ въ придачу, и это сознаю; но какъ онъ коверкаетъ этотъ бѣдный и несчастный французскій языкъ!.. Боже мой!)

— L'un n'empêche pas l'autre,—возразилъ дядя,—il n'a qu'à parler français à la manière des hottentots, mais nous nous comprenons parfaitement. Cela ne m'empêche nullement d'être amoureux fou de sa petite bluette «Boudryss». Savez vous, Olga, que c'est tout ce qu'il y a de plus gentil? Il me l'a traduite en français d'un bout à l'autre; et j'en veux faire aussi quelque chose». (Одно другому не мѣшаетъ; пусть говоритъ себѣ пофранцузски на манеръ готентотовъ, но мы отлично понимаемъ другъ друга; это не мѣшаетъ мнѣ быть влюбленнымъ до безумія въ его искорку «Будрысъ» [1]). Знаешь, Ольга, что это стихотвореніе какъ нельзя болѣе мило? Онъ мнѣ его перевелъ на французскій языкъ съ начала до конца, и я хочу тоже изъ «Будрыса» сдѣлать кое-что)».

(Разговоръ этотъ сообщенъ мнѣ матерью).

Надо замѣтить, что Ольга Сергѣевна не выносила плохого французскаго произношенія, а тѣмъ болѣе ошибокъ въ разговорѣ, при чемъ всегда поправляла собесѣдниковъ, говоря, что ошибки во французскомъ языкѣ ей рѣжутъ ухо. Слабость къ подобнымъ поправкамъ одолѣвала ее до такой степени, что не покидала и въ самыя горькія минуты жизни. Привожу тому примѣръ:

Извѣстіе о неожиданной смерти Дельвига (въ январѣ 1831 г.) поразило Ольгу Сергѣевну какъ громомъ. Печальнымъ вѣстникомъ оказался мой отецъ, и передавая ей роковое для нея и ея брата извѣстіе, сказалъ, между прочимъ: «Vous m'avez comprise, qu'après tout ce qu'on m'a raconté, cette mort était inévitable».—«Vous m'avez compris»,—поправила его Ольга Сергѣевна, среди истерическихъ рыданій.

(Сообщено мнѣ отцомъ).

---

[1]) Говоря пофранцузски, братъ съ сестрой были на вы, порусски же—всегда на ты.

[1]) Заимствованная Пушкинымъ у Мицкевича одна изъ пѣсенъ западныхъ славянъ, «Будрысъ и его сыновья», появилась въ печати гораздо позже этого разговора съ моей матерью, а именно въ 1832 году.

грустное, но и жёлчное настроеніе брата.

— Напрасно, Александръ,—увѣщевала его она,—портишь свою кровь эпиграммами на всякую ракалью. Ставь себя, ради Бога, выше ея! Злишься по пустому, и ничего со злости не ѣшь, а какому-нибудь Каченовскому или Кочерговскому — какъ ты его прозываешь, — твои эпиграммы какъ съ гуся вода. Уписываетъ онъ, думаю, свой обѣдъ за обѣ щеки, и уписываетъ такъ, что за ушами пищитъ, и горя мало. А плюнь ему въ глаза — скажетъ, небось, «Божія роса!»

Дядя разсмѣялся.

— Лаянье противъ тебя этихъ Кочерговскихъ, — продолжала мать,—все равно, что тявканье собаченки на луну: лаетъ собаченка, а луна свое дѣло дѣлаетъ.

— Хорошо, Ольга, все это тебѣ говорить, но шайка Кочерговскихъ и полнолуніе выведетъ изъ терпѣнія, не то что меня,—возразилъ Александръ Сергѣевичъ, — а господа журналисты и любопытные [1]) — отъ нихъ мнѣ нѣтъ ни отдыха, ни срока, — напрашиваются уже не на эпиграммы, а поистинѣ на мою палку [2]).

---

[1]) Враговъ своихъ, между прочимъ, Александръ Сергѣевичъ заклеймилъ эпиграммой «Пріятелямъ», а любопытныхъ — эпиграммой подъ тѣмъ же названіемъ. Считаю кстати не лишнимъ привести ихъ:

1) Пріятелямъ.

«Враги мои, покамѣстъ я ни слова...
«И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
«Но изъ вида не выпускаю васъ,
«И выберу когда-нибудь любого:
«Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
«Какъ налечу нежданный, безпощадный!
«Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
«И сторожитъ индѣекъ и гусей».

2) Любопытный.

— Что жъ новаго? «Ей Богу ничего».
— Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь...
Иль ты сердитъ?—Помилуй, братъ, за что?
— Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
«Охъ, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново».

[2]) Дядя въ этомъ разговорѣ намекаетъ, кажется, на одну изъ его эпиграммъ по адресу Каченовскаго:

«Клеветникъ безъ дарованья,
«Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
«А дневнаго пропитанья
«Ежемѣсячнымъ враньемъ».

тораго дядя явился къ Ольгѣ Сергѣевнѣ на другой день, и сообщилъ о немъ сестрѣ, заливаясь звонкимъ своимъ смѣхомъ.

Дѣло происходило такъ:

Сидитъ Александръ Сергѣевичъ въ театрѣ: драму или комедію представляли — мать забыла. Актриса, стяжавшая громкіе знаки одобренія, пришлась дядѣ не по вкусу, и онъ сталъ шикать. Тогда возсѣдавшій передъ нимъ въ креслѣ какой-то поклонникъ *лицедѣйки*, проворчалъ, не адресуясь, впрочемъ, непосредственно къ Пушкину: «Экое невѣжество!».

Александръ Сергѣевичъ не унимается.

— Перестаньте шикать, или извольте выходить вонъ! — относится поклонникъ уже прямо къ Пушкину, оборачиваясь въ его сторону.

Александръ Сергѣевичъ на это ничего не отвѣчаетъ, дожидается антракта, и затѣмъ даетъ заступнику пощечину.

Обиженный господинъ, придерживая ладонью потерпѣвшую часть, бѣжитъ стремглавъ изъ театра жаловаться людямъ власть имущимъ.

— Вы ударили вчера въ театрѣ вотъ этого господина?—спрашиваетъ на другой день дядю петербургскій оберъ-полиціймейстеръ Горголи, указывая на жалобщика.

— Ударилъ.

— А почему, позвольте васъ спросить, г. Пушкинъ, вы нанесли ему ударъ не сейчасъ послѣ того, какъ онъ съ вами заговорилъ, а дождались, когда занавѣсъ опустятъ?

— Не хотѣлъ, чтобы мою плюху приняли за аплодисментъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ Пушкинъ.

Выговоромъ ли, денежнымъ ли взысканіемъ въ пользу обиженнаго, закончилось дѣло—мать мнѣ не сказывала.

Къ тому же времени относится и забавная продѣлка извѣстнаго Петербургу Элькана, получившаго отъ дяди Александра за нее строгій выговоръ на улицѣ. Записалъ я и этотъ анекдотъ со словъ матери.

Эльканъ—по происхожденію іерусалимскій гражданинъ, но выдававшій себя потомкомъ татарскаго или арабскаго владыки—навѣрное не знаю—Эль-хана, во время обычной своей прогулки по Невскому проспекту, остановленъ былъ пріѣхавшей изъ провинціи какой-то любительницей отечественной литературы—такъ называемымъ *синимъ чулкомъ*.

Принимая Элькана по нѣкоторому сходству за Александра Сергѣевича, синій чулокъ бросился къ нему съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

стихи мои, но никто не можетъ меня вамъ представить, и вотъ сама представляюсь».

— Вы не ошиблись,—отвѣчаетъ Эльканъ,—точно такъ, я Пушкинъ; завтра утромъ буду васъ ждать у себя.

При этомъ Эльканъ сообщаетъ синему чулку адресъ Пушкина, указывая и на часъ пріема—онъ и объ этомъ по своему всевѣдѣнію тоже зналъ, хотя съ Пушкинымъ встрѣчался только въ клубѣ.

Дама, разсыпаясь въ выраженіяхъ благодарности, проситъ, въ припадкѣ овладѣвшаго ею литературнаго восторга, позволенія тутъ же, на улицѣ, облобызать руку творца «Евгенія Онѣгина», на что̀ мнимый Пушкинъ изъявляетъ свое разрѣшеніе.

Можно судить до какой степени была поражена дама, когда пожаловала на другой день къ настоящему Пушкину въ гости!

Картина.

— «Знаю, чьи эти штуки,—догадался Александръ Сергѣевичъ,— «сильно Элькано̀мъ пахнетъ, но это ему даромъ не пройдетъ».

Чѣмъ кончилась дальнѣйшая бесѣда моего дяди съ злополучной дамой, я не знаю, но Ольга Сергѣевна говорила, что братъ ея, встрѣтивъ Элькана на Невскомъ же проспектѣ, отпустилъ ему комплиментъ такого рода:

— Ecoutez, Ell-Khhan,—сказалъ онъ полушутя, напирая на якобы мусульманское произношеніе фамиліи шутника, — si vous vous avisez dorénavant à jouer mon rôle, ce bâton là (дядя указалъ на свою палку) jouera le sien sur vos épaules, en tout bien tout honneur.

(Послушайте, Элль-Хханъ, если еще осмѣлитесь разыграть мою роль, то вотъ эта самая палка, по чести, разыграетъ на вашихъ плечахъ свою собственную.)

Эльканъ, сознаваясь въ содѣянномъ грѣхѣ, обозвалъ приставшую къ нему даму шутихой, съ которой иначе-де и поступить было нельзя, и при этомъ, кстати, разсказалъ Александру Сергѣевичу о трогательномъ обрядѣ цѣлованья руки на улицѣ.

Александръ Сергѣевичъ, захлебываясь отъ смѣха, разумѣется, преложилъ гнѣвъ на милость.

О забавной жалобѣ Ѳаддея Булгарина моей матери на Александра Сергѣевича разскажу въ своемъ мѣстѣ.

XII.

До замужества моя мать пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ. Но нравственная передряга, которую она перенесла отъ Сергѣя Львовича, въ особенности же отъ Надежды Осиповны при этомъ событіи, потрясла всю ея нервную систему, а весной 1829 года,

ей шумомъ, а неожиданное паденіе на полъ ножницъ, ложекъ и тому подобныхъ предметовъ, вызывало въ ней истерическія рыданія и хохотъ.

И тутъ Надежда Осиповна ухитрилась отмѣтить своего зятя козлищемъ отпущенія въ глазахъ всѣхъ знакомыхъ.

Николай Ивановичъ дѣйствительно сдѣлалъ ошибку: не посовѣтовавшись предварительно съ Александромъ Сергѣевичемъ,—а кому же какъ не Александру Сергѣевичу скорѣе всего можно было знать натуру сестры,—отецъ мой привелъ къ ней весьма неопытнаго молодого доктора, нѣкоего Иванова, который сталъ пользовать Ольгу Сергѣевну самыми энергическими средствами, отчего ей и сдѣлалось гораздо хуже.

Зайдя къ сестрѣ, дядя попросилъ Ольгу Сергѣевну показать рецепты и ужаснулся.

— Да какъ же можно было довѣриться такому коновалу?—замѣтилъ онъ.—Отъ его лѣкарствъ и ломовая лошадь (un gros cheval de carosse—выразился Александръ Сергѣевичъ) съ ногъ свалится. Сію же секунду лечу за Спасскимъ и Шерингомъ!

Сказано-сдѣлано: встревоженный Александръ Сергѣевичъ, выскочивъ на улицу, сѣлъ на перваго попавшагося ваньку, и не заставъ Спасскаго, возвратился къ сестрѣ съ домашнимъ докторомъ Надежды Осиповны Шерингомъ.

Шерингъ подтвердилъ, что лѣкарства Иванова никуда не годятся, что онъ, хотя и постарается, но ручаться за выздоровленіе не можетъ, и намекнувъ о необходимости созвать консиліумъ, прочиталъ, въ концѣ концовъ, въ присутствіи больной, цѣлый ученый трактатъ о постигшей ее болѣзни, безпрестанно повторяя, что излагаетъ всю сущую правду.

Александру Сергѣевичу надоѣло слушать эту правду. Онъ отозвалъ Шеринга въ другую комнату, и сказалъ ему:

— Къ чорту вашу сущую правду; какъ же можно запугивать больную вашей сущей правдой? Не сущая правда, а сущая ложь для нея благодѣяніе и спасеніе. На тотъ свѣтъ и безъ лѣкарствъ вы ее отправите вашей сущей правдой. Можете угощать ею меня или Николая Ивановича, а не ее.

Затѣмъ дядя накинулся и на вошедшаго въ комнату отца.

— Вы-то чего глядѣли? не нашли никого лучше Иванова? Можете сказать ему, что Пушкинъ посылаетъ ему дурака. А вы,—обратился Александръ Сергѣевичъ къ Шерингу,—если на себя не полагаетесь, то привезу вамъ въ подмогу Спасскаго, а еще лучше, Молчанова. Только не уходите, и ждите меня.

И не давъ Шерингу секунды на возраженіе, дядя схватилъ шляпу, и былъ таковъ.

Не прошло и часа, какъ Александръ Сергѣевичъ возвратился съ молодымъ докторомъ Молчановымъ. Шерингъ еще не уходилъ.

— Вотъ вамъ, Шерингъ, прекрасный помощникъ, а вы, добрѣйшій Николай Ивановичъ, простите меня, что укорилъ васъ за Иванова. Ну, что же дѣлать? Всякій можетъ ошибаться; только смотрите, чтобы у васъ Ивановымъ въ квартирѣ и не пахло, а когда придетъ сегодня вечеромъ, какъ обѣщалъ, вытолкайте его въ зашей...

Молчановъ, при видѣ больной, которую зналъ такъ недавно въ цвѣтущемъ состояніи здоровья, не могъ удержаться—какъ говорила мнѣ моя мать—отъ слезъ, обзывая получившаго отставку доктора Иванова и палачемъ, и мясникомъ; онъ далъ Ольгѣ Сергѣевнѣ слово, что болѣзнь, захваченная во-время, уступитъ раціональному лѣченію, и, сознаваясь въ своемъ нервномъ характерѣ, выразилъ радость, что будетъ пользовать паціентку не одинъ, а вмѣстѣ съ невозмутимымъ нѣмцемъ Шерингомъ.

О ходѣ болѣзни сестры своей Александръ Сергѣевичъ извѣщалъ дѣда и бабку ежедневно, а Надежда Осиповна не замедлила усмотрѣть въ сдѣланномъ Николаемъ Ивановичемъ промахѣ его равнодушіе къ женѣ.

— «Если бы мой зять»,—причитывала она встрѣчному-поперечному,—«любилъ Ольгу, то не отдалъ бы ее на жертву коновалу».

Александръ Сергѣевичъ, заступаясь за Николая Ивановича, замѣтилъ ей неосновательность такихъ подозрѣній, и сказалъ, что зять, самъ будучи въ отчаяніи отъ своей ошибки, заболѣлъ съ горя, но, не смотря на свою болѣзнь и безсонныя ночи, не отходитъ отъ больной, и любитъ ее больше чѣмъ она, то есть Надежда Осиповна.

Тутъ-то бабка вышла изъ себя окончательно, и сдѣлавъ дядѣ одну изъ такихъ сценъ, на которыя была—нечего сказать—мастерица, запретила ему заикаться объ отцѣ моемъ, приказала заложить заповѣдную коляску, и отправилась объѣзжать всѣхъ знакомыхъ съ изліяніями расходившейся жёлчи.

Кстати о заповѣдной коляскѣ: экипажъ этотъ,—къ нему бабка чувствовала особенное расположеніе,—помнилъ эпоху нашествія на Россію полчищъ Бонапарта, и стяжалъ себѣ, по оригинальному своему виду, общее вниманіе уличныхъ ѳевакъ. Предводился экипажъ этотъ четырьмя клячами,—тоже свидѣтельницами событій болѣе или менѣе отдаленныхъ. На одной изъ клячъ возсѣдалъ, въ качествѣ форейтора, двѣнадцатилѣтній поваренокъ Прошка, одѣтый въ какой-то невѣроятный костюмъ. И колесница, и пегасы—съ ободраннымъ Беллерофономъ in spe—славились во всемъ околоткѣ. «А вотъ и рыдванъ самой, значитъ, барыни Пушкиной ползетъ»,—замѣчали другъ другу, смѣясь, лавочники и дворники Пантелеймонской улицы.

семъ къ бабкѣ моей. Привожу одно изъ нихъ:

«Безцѣнная маменька»,—пишетъ онъ,—«безпрерывная болѣзнь жены приводитъ меня въ отчаяніе. Донынѣ три доктора, не смотря на увѣренія брата Оли, Александра Сергѣевича, не могли ей сдѣлать ощутительной пользы, особенно нестерпимымъ ея головокруженіямъ. Дошло дѣло до того, что Ольга воображаетъ быть близкой къ сумасшествію; въ припадкѣ мученій, она хотѣла выпрыгнуть изъ окошка, и занесла было уже ногу, но къ счастію я подоспѣлъ. Боже, Боже, чѣмъ прогнѣвилъ я Тебя? Одинъ ея братъ Александръ Сергѣевичъ ее можетъ успокоивать, а когда его нѣтъ—бѣда сущая. Въ довершеніе бѣды, шуринъ говорилъ мнѣ, что хочетъ весной ѣхать на Кавказъ лѣчиться, а тамъ пробраться туда, гдѣ турецкія пули свищутъ—въ Анатолію къ Паскевичу. На кой чортъ? Сестрѣ объ этомъ онъ ни гугу, да съ меня взялъ слово ей не говорить, до поры до времени: это ее убьетъ. Я же, любя жену до безумія, страдаю душой; одно только ея выздоровленіе можетъ мнѣ дать отраду и совершенное счастіе. Должно же, наконецъ, Провидѣніе сжалиться. Такъ, милая матушка! Хожу какъ шальной, оставилъ знакомыхъ, друзей, и вы можете только моей горести приписать, что я забылъ все на свѣтѣ. Голова моя теперь такъ пуста, что ничего и обдумать не могу по вашему дѣлу. Никого, какъ я ужъ сказалъ, никого—исключая шурина Александра Сергѣевича—не вижу; правда, заходитъ въ недѣлю раза два Михаилъ Глинка, да и то не надолго: поговоритъ о «Лирическомъ альбомѣ», который издаемъ вмѣстѣ съ нимъ, а тамъ за шапку. Но до музыки ли мнѣ теперь? Глинка на меня сердится, что не могу съ нимъ усердно работать. Да онъ долженъ же понять, наконецъ, что у меня отъ домашнихъ печалей и безъ музыки въ ушахъ звенитъ».

«Оплачемъ, милая маменька, невозвратимую смерть милой моей сестры Александры, но да будетъ воля Божія! страданія ея кончились, и чистая душа ея да насладится вѣчнымъ блаженствомъ. Умоляю, милая матушка, храните здоровье ваше для оставшихся въ живыхъ дѣтей вашихъ, которыя только и думаютъ о томъ, чтобы доставлять вамъ отраду. Олинька раздѣляетъ горе наше всей душой».

Письма этого отецъ мой не показалъ женѣ, но просилъ ее приписать свекрови нѣсколько словъ отъ себя. Привожу и выдержку изъ приписки матери, или лучше сказать, перевожу ее съ французскаго:

«Бѣдный мой Николай»,—пишетъ она,—«видя меня больную, и не отходя отъ меня ни днемъ ни ночью, страдаетъ не меньше, если не больше чѣмъ я, такъ что не онъ меня, а я его должна утѣшать. Расхворался и онъ отъ безсонныхъ ночей; болѣе мѣсяца глазъ почти не смыкаетъ, ухаживая за мной, но говоритъ, что все вынесетъ,

щаго здоровья. Съ тѣхъ поръ какъ я его лишилась, знаю всю его цѣну; вотъ уже скоро годъ страдаю безпрерывно печенью и головокруженіями. Доктора толкуютъ, что печенью страдаю давно. Это неправда, а головокруженія—говорятъ они—будто бы запущенный ревматизмъ, который поймала, когда простудилась еще въ томъ году. Но мало ли что доктора говорятъ? они же слѣпые, дѣйствующіе ощупью, (marchant à tâtons). Болѣзнь моя ужасна для меня тѣмъ болѣе, что будучи всегда здоровой, не имѣла и понятія о головокруженіяхъ. Все это приводитъ меня въ отчаяніе; хотѣла я съѣздить къ вамъ съ Николаемъ на все лѣто въ Новомосковскъ, а теперь не смѣю надѣяться на скорое свиданіе съ вами; къ тому же братъ мой Александръ, не спросясь меня, сдѣлалъ мнѣ сюрпризъ: онъ съѣздилъ въ Ораніенбаумъ надняхъ, и заранѣе нанялъ тамъ для насъ дачу на лѣто; подноситъ онъ ее мнѣ въ подарокъ, и слышать не хочетъ, чтобы мы ему возвратили отданныя хозяину деньги. Дача, говоритъ, прехорошенькая, на самомъ берегу моря. Братъ увѣренъ, что морской воздухъ и морскія купанья будутъ мнѣ гораздо полезнѣе докторскихъ визитовъ. Ѣхать же въ Ревель или въ Гапсаль,—знаю по опыту,—обойдется слишкомъ дорого».

Не суждено, однако, было Ольгѣ Сергѣевнѣ принимать брата у себя на ораніенбаумской дачѣ. Онъ уѣхалъ на Кавказъ, куда стремился уже давно. «Не могу просто и сказать тебѣ, Оля»,—говорилъ онъ, подготовляя сестру исподоволь къ разлукѣ съ нимъ,—«какъ Петербургъ мнѣ надоѣлъ своими сплетнями и гнилой весной! Воздуха, воздуха желаю! Весну ненавижу, особенно гнилую. Весной я и золъ, и боленъ. Авось на югѣ какъ-нибудь съ ней раздѣлаюсь».

Передавая мнѣ слова дяди, мать говорила, что въ высказанной ей братомъ ненависти къ веснѣ никакой афектаціи не было. Подобно Надеждѣ Осиповнѣ, которая предсказывала себѣ кончину непремѣнно въ мартѣ, что̀ и случилось—Александръ Сергѣевичъ ненавидѣлъ весну, а начиналъ чувствовать себя въ собственной тарелкѣ лишь съ наступленіемъ октября, о чемъ и высказывается такъ:

«Теперь моя пора, [1]) но не люблю весны,
«Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь, весной я боленъ,
«Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены»...

Далѣе Пушкинъ относится къ осени такъ:

«Дни поздней осени бранятъ обыкновенно,
«Но мнѣ она мила, читатель дорогой,
«Красою тихою, блистающей смиренно,
«Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,

---

[1]) Пушкинъ родился въ маѣ.

. . . .

«И съ каждой осенью я разцвѣтаю вновь;
«Здоровью моему полезенъ русскій холодъ,
«Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь;
«Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
«Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
«Желанія кипятъ, я снова счастливъ, молодъ,
«Я снова жизни полнъ...

. . . .

«И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
»Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
«И пробуждается поэзія во мнѣ!
«Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
«Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ
«Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ,
«И тутъ идетъ ко мнѣ незримый рой гостей—
«Знакомцы давніе, плоды мечты моей»...

. . . .

Въ февралѣ того же 1829 года, чувствуя какую-то безотчетную грусть, Пушкинъ сказалъ сестрѣ:

— Боже мой! Какъ мнѣ не хорошо! Какая тоска! Кажется, совсѣмъ здоровъ, а нигдѣ не нахожу себѣ мѣста; кидаюсь и мечусь во всѣ стороны, какъ угорѣлая кошка. Чувствую: идетъ весна проклятая...

— Стало быть, Александръ, — возразила улыбаясь Ольга Сергѣевна,—ты кошка Василія Андреевича? [1])

«Мечется кошка, невесело ей;
«Чуетъ она приближенье мышей».

— А хоть бы и такъ,—разсердился дядя,—тутъ ровно нѣтъ ничего смѣшнаго, Ольга. Ужъ эта мнѣ весна, весна...

— Такъ ступай въ гости къ бѣлымъ медвѣдямъ,—разсмѣялась Ольга Сергѣевна.

— Къ медвѣдямъ, не къ медвѣдямъ, а петербургская весна, просто, чортъ знаетъ, что такое!...

(Разговоръ этотъ сообщенъ мнѣ моей матерью).

Кромѣ безотчетной тоски, Александръ Сергѣевичъ подвергался въ то же самое время и жёлчному настроенію духа. Не скупился онъ тогда ни на ѣдкія эпиграммы, а порой и на довольно дерзкія выходки. Привожу одну изъ нихъ:

Приходитъ онъ къ больной сестрѣ какъ-то вечеромъ, и застаетъ у нея одну изъ ея знакомыхъ, нѣкую госпожу К.—родомъ француженку.

---

[1]) Баллада Жуковскаго «Судъ Божій надъ Епископомъ».

дуръ пѣтыхъ до тошноты (bête à donner des nausées).

Александръ Сергѣевичъ пришелъ къ моей матери недовольный и сердитый, а гостья, какъ будто нарочно, стала забрасывать его самыми праздными вопросами.

— A propos, monsieur Pouchkine, vous et votre soeur vous avez donc du sang nègre dans vos veines? (Кстати, г. Пушкинъ, у васъ и у вашей сестры, течетъ въ жилахъ негритянская кровь?)

— Certainement (разумѣется),—отвѣчаетъ дядя.

— Est-ce votre aïeul qui etait nègre? (Вашъ дѣдъ былъ негромъ?)

— Non, il ne l'etait plus. (Нѣтъ, онъ имъ уже не былъ).

— Alors, c'etait votre bisaieul? (Значитъ, негромъ былъ вашъ прадѣдъ?),—не унимается допрощица.

— Oui, c'etait mon bisaieul. (Да, мой прадѣдъ).

— Ainsi il était nègre?! Oui, c'est cela...—соображаетъ гостья,—mais, alors, qui etait donc son père à lui? (Ахъ, такъ это онъ былъ негромъ... точно такъ... но въ такомъ случаѣ кто же былъ его отецъ?)

— Un singe, madame, (обезьяна, сударыня),—отрѣзываетъ ей Александръ Сергѣевичъ.

— Богъ, Ты мой Богъ, какая пѣтая дура!—обратился дядя къ Ольгѣ Сергѣевнѣ уже порусски (благо любопытная порусски не понимала),—съ ней и ты и я совершенно поглупѣемъ, а потому прощай, до свиданья.

Пушкинъ раскланялся, и вышелъ.

Ольга Сергѣевна всякій разъ, какъ вспоминала объ этомъ разговорѣ, не могла удерживаться отъ смѣха, при чемъ очень забавно передразнивала обоихъ собесѣдниковъ.

Намѣреніе Александра Сергѣевича уѣхать не могло долго остаться для моей матери тайной. Разлученная съ младшимъ братомъ Львомъ—еще съ 1826 года,—огорчаемая отношеніями къ мужу Надежды Осиповны, страдая и физически, Ольга Сергѣевна находила единственную отраду въ свиданіяхъ съ дядей Александромъ. Каково же было ей лишиться и этой отрады, и къ тому же,—какъ она полагала,—на довольно долгое время?

— Вотъ чего мнѣ еще не доставало,—говорила она брату,—этотъ годъ (1829) и безъ того для меня клиномъ сталъ, а тутъ еще и ты уѣзжаешь!

Братъ сталъ ее утѣшать, и, между прочимъ, сказалъ ей:

— Мнѣ совѣтовали ѣхать въ будущій понедѣльникъ; но я раздумалъ, и ѣду завтра; понедѣльникъ день несчастный, и ожидаю

— Дни всѣ равны, — возразила Ольга Сергѣевна, — а твои встрѣчи съ попами и зайцами пустое суевѣріе.

— Нѣтъ, не пустое суевѣріе, и далеко не пустое, какъ себѣ тамъ хочешь. Никто, мнѣ этого, какъ ты называешь, пустого суевѣрія изъ головы не выбьетъ; держусь латинскаго афоризма: post hoc, ergo propter hoc [1]), хотя этотъ афоризмъ расходится повидимому съ здравымъ смысломъ. По опыту, по горькому опыту говорю тебѣ, и теперь жалѣю, что продиктовалъ тебѣ замѣтку о несчастныхъ дняхъ.

Продиктованная Александромъ Сергѣевичемъ матери моей,—гораздо прежде этого разговора,—замѣтка переписана была ею въ альбомъ, который хранится у меня. У кого и какимъ образомъ дядя списалъ ее—этого я не спрашивалъ. Считаю не лишнимъ, тѣмъ не менѣе, привести ее дословно:

«Дней въ году тридесятъ пять, опричь еще понедѣльниковъ и «пятницъ, а также дней, въ которыхъ приходится въ какомъ-либо «году 25-е марта. Въ оные дни не токмо не довлѣетъ пути держать, но ничего важнаго задумывать, предпринимать, совершать. «Человѣкъ, родившійся въ одинъ изъ таковыхъ дней не богатъ, и «не долголѣтенъ. А кто въ одинъ изъ этихъ дней занеможетъ, или «переѣдетъ изъ двора во дворъ, или въ службу вступитъ, ни въ «чемъ횟омъ не найдетъ себѣ счастія. Оныхъ дней въ іануаріи семь: «1, 2, 4, 6, 11, 12, 20; въ февруаріи три: 11, 17, 18; въ березозолѣ «четыре: 1, 14, 24, 25; въ травенѣ три: 1, 17, 18; въ маѣ три: 1, «6, 26; въ іунiѣ одинъ: 17; въ іулiѣ два: 17, 21; въ серпенѣ два: «20, 21; въ септемврiѣ два: 10, 18; въ октобріи три: 2, 6, 8; въ «ноемвріи два: 6, 8; въ декемвріи три: 6, 11, 18».

Основываясь на этой таблицѣ, Пушкинъ въ числѣ несчастныхъ дней—jours néfastes [2])—считалъ и день своего рожденія 26-го мая, и при всякой постигавшей его невзгодѣ говорилъ:

— Что же дѣлать?—такъ уже мнѣ на роду написано: въ несчастный день родился!

По возвращеніи же своемъ въ 1831 году въ Петербургъ изъ Москвы, вскорѣ послѣ свадьбы, вмѣстѣ съ своей молодой женой, онъ сказалъ моей матери:

— Боюсь, Ольга, за себя, — а на мою Наташу не могу иногда смотрѣть безъ слезъ; едва ли будемъ счастливы, и свадьба наша, чувствую, къ добру не поведетъ! Самъ виноватъ кругомъ и около: изъ головы мнѣ вышло вонъ не вѣнчаться 18-го февраля, а вспомнилъ объ этомъ поздно—въ ту самую минуту, когда насъ водили уже вокругъ аналоя.

---

[1]) Послѣ того, слѣдовательно по причинѣ того.

[2]) Отъ латинскаго «Non fas»—не дѣлай.

ревни тайкомъ въ Петербургъ; въѣздъ въ столицу, какъ извѣстно, былъ тогда ему еще запрещенъ, но дядя очень желалъ видѣться съ своими друзьями Пущинымъ и Кюхельбекеромъ, о которыхъ онъ соскучился въ деревнѣ. Ничего не зная о замыслахъ декабристовъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ роковое для нихъ 14-е число, Пушкинъ пустился въ путь, но не успѣлъ отъѣхать и двухъ верстъ, какъ ему перебѣжалъ дорогу заяцъ, вслѣдствіе чего Александръ Сергѣевичъ велѣлъ ямщику повернуть оглобли, и воротился домой.

Сообщая объ этомъ случаѣ сестрѣ, онъ сказалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ:

— Благо мнѣ, что обратилъ вниманіе на зайца. Иначе не на зайца бы наскочилъ самъ, а на четырнадцатое декабря, а оно, кстати, какъ разъ пришлось въ понедѣльникъ—jour néfaste; вѣрь, Ольга, непремѣнно бы попался въ исторію, вмѣстѣ съ Пущинымъ и Кюхельбекеромъ, а къ нимъ-то я, не зная ничего, и ѣхалъ. Смѣйся послѣ этого надъ тѣмъ, что̀ называешь суевѣріемъ!..

Многимъ покажется очень страннымъ, что Пушкинъ, при своемъ умственномъ развитіи—Пушкинъ, который сомнѣвался особенно въ описываемую эпоху его жизни во многомъ такомъ, въ чемъ и сомнѣваться бы не слѣдовало, — придавалъ подобное значеніе и феральнымъ днямъ, и встрѣчѣ съ попами и зайцами. Онъ также терпѣть не могъ подавать и принимать отъ знакомыхъ руку — въ особенности лѣвую — черезъ порогъ, не выносилъ ни числа тринадцати человѣкъ за столомъ, ни просыпанной невзначай на столъ соли, ни подачи ему за столомъ ножа. Почешется у него правый глазъ—ожидаетъ онъ въ теченіе сутокъ непріятностей. Встрѣтитъ ли, выйдя изъ дома, похороны—говоритъ: «слава Богу! будетъ удача». Если же, находясь въ пути, увидитъ мѣсяцъ отъ себя не съ правой, а съ лѣвой стороны,—призадумается, и непремѣнно прочтетъ про себя «Отче нашъ», да три раза истово перекрестится.

Ольга Сергѣевна тоже была суевѣрна, но не въ такой степени; онъ же тщательно относился ко всякимъ примѣтамъ, о которыхъ упоминаетъ, между прочимъ, и въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ, подъ тѣмъ же названіемъ:

1.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣлъ въ младенческія лѣта,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ,
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,

Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу,
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

2.

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивый.

Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны,
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты,
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души...

Эти послѣднія стансы дядя посвятилъ Александрѣ Алексѣевнѣ Олениной — двоюродной сестрѣ Анны Петровны Кернъ. Къ Александрѣ Алексѣевнѣ Пушкинъ былъ далеко неравнодушенъ:

. . . .
«Рисуй Олениной черты
«Въ жару сердечныхъ вдохновеній!
«Лишь юности и красоты
«Поклонникомъ быть долженъ геній».
. . . .
. . . .

Александра Алексѣевна, такъ же какъ и ея родственница — Анна Петровна, была подругой Ольги Сергѣевны, не смотря на разницу въ лѣтахъ. Кромѣ весьма пріятной наружности, дѣвица Оленина отличалась блестящимъ свѣтскимъ умомъ, и подобно своей кузинѣ Кернъ—золотымъ, что̀ называется, сердцемъ. Она встрѣтилась съ моей матерью и въ Варшавѣ, въ сороковыхъ годахъ, когда мужъ ея Андро (имя и отчества его не помню) получилъ тамъ мѣсто президента города, иначе сказать, городского головы. Говоря Ольгѣ Сергѣевнѣ о покойномъ поэтѣ, госпожа Андро заявила ей однажды полушутя, полусерьезно:

— Очень жаль, что покойный твой братъ не на мнѣ женился! сама бы за него или подставила грудь подъ пистолетъ Дантеса проклятаго, или укокошила бы его какъ собаку.

Но опять я увлекся воспоминаніями, слѣдуя ходу мыслей, въ чемъ и прошу извиненія.

Итакъ, въ концѣ марта 1829 года состоялась разлука матери моей съ братомъ-поэтомъ—разлука, хотя и кратковременная, но очень для Ольги Сергѣевны тяжелая.

вался въ Москвѣ, и пробылъ тамъ довольно долго у своего пріятеля Павла Воиновича Нащокина—товарища по воспитанію отца моего. Затѣмъ, не заставъ въ Тифлисѣ брата Льва Сергѣевича, дядя Александръ выхлопоталъ разрѣшеніе мѣстныхъ властей участвовать добровольцемъ въ походѣ противъ турокъ; въ іюнѣ онъ очутился у покрытаго снѣгомъ хребта Саганъ-Лу—древняго Тавра, а потомъ былъ, какъ всѣмъ извѣстно, свидѣтелемъ пораженія Эрзерумскаго сераскира, и взятія самого Эрзерума.

Паскевичъ, женатый на дальней его родственницѣ Е. А. Грибоѣдовой, зналъ Александра Сергѣевича и сестру его съ малолѣтства, а во время кампаній оцѣнилъ по заслугамъ и боевые подвиги дяди Льва.

Паскевичъ принялъ Александра Сергѣевича очень радушно, но впослѣдствіи былъ на него въ большой претензіи за то, что Пушкинъ, описывая свое путешествіе въ Эрзерумъ, не распространился во всей подробности о дѣйствіяхъ Ивана Ѳедоровича противъ непріятеля, умолчавъ о многомъ по этому предмету. Паскевичъ высказалъ по этому случаю свою претензію Ольгѣ Сергѣевнѣ въ Варшавѣ.

Родителямъ своимъ, уѣхавшимъ на лѣто въ Михайловское и Тригорское, Александръ Сергѣевичъ почти не писалъ. Безпокойство ихъ какъ о немъ, такъ и о Львѣ Сергѣевичѣ, можно видѣть изъ писемъ къ моей матери въ Ораніенбаумъ.

«Сознаюсь, Олинька», — пишетъ Сергѣй Львовичъ (пофранцузски),—«письма Александра и Льва мнѣ необходимы. Отсутствіе обоихъ для насъ—штука прескверная. Къ тебѣ въ Ораніенбаумъ могу пріѣхать, и письма твои меня успокоиваютъ, но Сашка и Лелька («Sachka et Lolka» въ подлинникѣ) изъ рукъ вонъ. Быть можетъ Лелька здоровъ—дай Боже, но воображаю его убитымъ, а еще хуже того искалѣченнымъ. По слухамъ, армія стоитъ недалеко отъ Эрзерума, значитъ и онъ тамъ. Не думаю, чтобы Александръ заѣхалъ такъ далеко; братъ Василій пишетъ мнѣ изъ Москвы, что оба они будто бы гостили на Кавказѣ у Раевскаго. О нашихъ же побѣдахъ вамъ лучше должно быть извѣстно, чѣмъ у насъ въ захолустьѣ; пока нѣтъ моихъ двухъ оригиналовъ, считаю себя обитателемъ мифической шестой части свѣта. Дошедшіе слухи о взятіи Силистріи меня нѣсколько пріободрили: значитъ и миръ не такъ далекъ, какъ мы опасались, но все-таки я успокоился не надолго; пока да что, много воды утечетъ, а о томъ, что на Кавказѣ дѣлается, ровно ничего не знаю. Правда, поговариваютъ, будто бы весьма недавно Нижегородскіе драгуны увѣнчались новыми лаврами; да согласись, милая Олинька, отцу и матери отъ этого отнюдь не легче.

«Короче, я въ безпрерывномъ безпокойствѣ: не доѣдаю, не досыпаю; Надя меня хладнокровнѣе, но и она стала тревожиться; а

узнать, гдѣ Нижегородскіе драгуны.

«А каковъ Сашка? Дельвигъ показывалъ мнѣ его письмо изъ Тифлиса, но уже давно; Дельвигу пишетъ, а намъ нѣтъ; ревную къ нему Сашку, а онъ въ письмѣ къ Дельвигу ни мѣсяца, ни числа, не проставилъ. Христосъ его знаетъ, о чемъ онъ думалъ; вотъ теперь прошло больше мѣсяца, съ тѣхъ поръ какъ Дельвигъ письмо получилъ. Но да будетъ воля Неба» (que la volonté du Ciel soit faite»).

«Извѣстіе о паденіи Эрзерума», — пишетъ въ августѣ того же года Надежда Осиповна,—«меня сначала, какъ патріотку, очень обрадовало, но не надолго; сраженіе подъ Эрзерумомъ уже не представляется мнѣ въ розовомъ, а въ красномъ, кровавомъ цвѣтѣ. Что мой Левъ? Живъ ли, здоровъ ли? Нѣтъ, нѣтъ писемъ, милая Оля, отъ твоихъ братьевъ; одна лишь надежда на милость Божію. Неужели сыновья не пріѣдутъ, не осушатъ моихъ слезъ?

«Подобно пловцу по бурному морю, я между страхомъ ужаснымъ и слабою «надеждой», имя которой ношу».

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Левъ Павлищевъ.

Примѣчаніе. Мнѣ сообщены двѣ поправки къ напечатанному въ Февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» отрывку изъ моей «Семейной хроники», за которыя я весьма признателенъ лицу, ихъ сообщившему. Моя «Хроника» касается, преимущественно, событій, происходившихъ почти полстолѣтія назадъ, а потому естественно, что въ нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностяхъ у меня могутъ встрѣтиться невольные промахи, или, вѣрнѣе, обмолвки. Такъ, приводя (на стр. 296 Февральской книжки «Ист. В.»), со словъ моей матери, отзывъ дяди о «Мертвыхъ душахъ», я отнесъ его ко времени появленія въ свѣтъ этого сочиненія Гоголя, тогда какъ дядя высказалъ свое мнѣніе послѣ прочтенія ему авторомъ первыхъ главъ «Мертвыхъ душъ», находившихся еще въ рукописи, ибо «Мертвыя души» были напечатаны лишь въ 1841 году, когда дяди уже не было въ живыхъ. Затѣмъ (тамъ же, на стр. 303), я ошибочно приписалъ изданіе «Москвитянина» поэту Баратынскому, тогда какъ этотъ журналъ издавался М. П. Погодинымъ.

Л. Павлищевъ.

ВСТРѢЧИ НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ [1].

II.

Михаилъ Ивановичъ Глинка [2]).

ЫЛО время, когда въ понятіи русскаго общества поэзія, живопись и музыка воплощались въ тройственномъ созвѣздіи Кукольника, Брюлова и Глинки. То было братство творцовъ, соперничавшее въ превосходствѣ и помогавшее другъ другу его достигнуть. Кукольникъ, по собственнымъ словамъ, нарочно выводилъ изъ терпѣнія Глинку, бракуя то, чѣмъ онъ приходилъ ему хвалиться, и такимъ пріемомъ вызывалъ его на достиженіе совершенства.

— Скверно, Мишенька! говорю бывало (разсказывалъ Кукольникъ). Можешь сдѣлать лучше, коли захочешь...

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 370.

[2]) Въ очеркъ этотъ вошли отчасти сцены и черты лицъ, эпизодически введенныхъ подъ вымышленными именами въ хронику «Итоги жизни», печатавшуюся нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ литературномъ журналѣ. Нынѣ лица эти, какъ историческіе, являются уже подъ настоящими именами и на своемъ настоящемъ мѣстѣ—въ изданіи посвященномъ собиранію историческаго матеріала, а сцены — въ дополненномъ и переработанномъ видѣ. По тѣмъ же соображеніямъ и, назначаемый для слѣдующей книжки, разсказъ о встрѣчѣ съ такимъ лицомъ, какъ знаменитый художникъ Ивановъ, принадлежащимъ безспорно исторіи, хотя и появивившійся тридцать лѣтъ назадъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», имѣетъ, кажется, право, въ дополненномъ новыми подробностями и измѣненномъ видѣ, найти себѣ помѣщеніе на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

— Ой, придешь, Мишенька! ей-Богу, придешь! сдѣлаешь гораздо лучше—и непремѣнно придешь!

Черезъ нѣсколько дней и точно приходитъ.

— Ну, слушай теперь! говоритъ:—въ послѣдній разъ пришелъ. Скажешь: скверно, — никогда больше ничего отъ меня не услышишь.

Заигралъ—пропадать приходится, такъ хорошо.

— Умница, Мишенька! говорю:—дай поцѣловать себя. Я зналъ, что можешь лучше...

И такъ-то всякій разъ: чѣмъ больше разсердится, тѣмъ лучше сдѣлаетъ. «Вотъ на зло же тебѣ хорошо сдѣлалъ»! говоритъ: — «не смѣй ругаться»!..

Не знаю, такъ ли поступалъ Кукольникъ съ Брюлловымъ. Тотъ былъ своего рода Саваоѳомъ этой троицы, и если кому изъ нихъ видѣлся впереди памятникъ, то ему, конечно, всѣхъ ближе. Какъ удивились бы они, еслибъ кто-нибудь сказалъ тогда, что памятникъ ждетъ одного Глинку..

Да, такимъ людямъ послѣ смерти ставятъ памятники, а при жизни творятъ пакости невѣроятныя: калѣчатъ ихъ творенія на сценѣ и на концертныхъ подмосткахъ; убиваютъ самую вѣру въ ихъ призваніе и устраиваютъ паденіе тамъ, гдѣ ихъ истинная сила... Родятся они всегда раньше срока, эти великіе недоноски вѣка, опередившіе его и ему недоступные. Идущія на встрѣчу поколѣнія ихъ чествуютъ, но большею частью уже на могилѣ...

Брюловъ успѣлъ заживо вкусить славы, Кукольника успѣхъ на рукахъ носилъ; только генію Глинки «за могильною чертою» достались и «гимнъ временъ», и «благословеніе племенъ»... Глинкѣ выпало на долю быть недоступнѣе ужъ и потому, что его искусство, музыка, была менѣе другихъ искусствъ доступна времени, выкормленномъ на молокѣ итальянскихъ оперъ и куплетовъ Верстовскаго. Еще «Жизнь за Царя» кое-какъ переварилась такимъ слабымъ желудкомъ, но «Русланъ» причинилъ ему положительную индижестію. Не только офицеры, которыхъ великій князь Михаилъ Павловичъ штрафовалъ назначеніемъ въ большой театръ, когда давалась эта опера, но сами тонкіе цѣнители и судьи, друзья композитора, не уразумѣли новыхъ откровеній величайшаго творенія ихъ друга, »Руслана», и произнесли ему приговоръ: «mon cher, c'est un oeuvre manqué»!

Это тому-то «Руслану», за котораго особенно и поставленъ памятникъ Глинкѣ!

Я познакомился съ Глинкою, когда знаменитое созвѣздіе распалось. Брюловъ уже былъ въ могилѣ, а Кукольникъ—чиновникомъ особыхъ порученій въ военномъ министерствѣ. Сверстники М. И. об-

пробуждало его геній. Съ однимъ изъ такихъ новопоставленныхъ онъ проживалъ въ Варшавѣ, куда бѣжалъ отъ петербургскихъ шиповъ къ розамъ хорошенькихъ полекъ... и ихъ «мазурѣчкамъ». Больной нервами, неговорившій ни о чемъ, какъ только объ этихъ нервахъ («посмотрите, какъ они у меня болятъ—видите? неужто не видите? Я—такъ вижу ясно!»), онъ хандрилъ, не пѣлъ, не игралъ, особенно—не сочинялъ.

— C'est un génie manqué!—отпѣли его свѣтскіе попы искусства.

Но не отпѣла молодежь. И съ нею онъ позабывалъ хандрить; не такъ ужъ ясно видѣлъ, какъ болѣли нервы; опять пѣлъ, игралъ и даже фантазировалъ на фортепьяно; а тамъ немножко попробовалъ и сочинять. Подъ рукую стаканъ лафита, опоражниваемый и тотчасъ доливаемый, молодыя вѣрующія лица кругомъ, женщина подлѣ (какая-нибудь, но непремѣнно женщина),—вотъ та обстановка, которая способна была снова озарять его осень.

— Съ вами я молодѣю, господа!—говаривалъ онъ,—вы что ли приносите мнѣ молодость? Даже мускулы ощущаю...

Ощущать мускулы составляло для него повѣрку своихъ физическихъ силъ, и повѣрку эту онъ производилъ на томъ самомъ спутникѣ, который его отвезъ въ Варшаву и теперь долженъ былъ привезти изъ Варшавы. Спутникъ этотъ особенной точностью не отличался, а мазурѣчки и польки не особенно гнали отъ себя композитора, и ждать его возвращенія приходилось долго. Наконецъ-таки дождались. Дождались и рѣшили созвать близкую молодежь, на квартирѣ привезшаго, котораго М. И., за его юркость, прозвалъ «егозкой».

М. И. далъ себя охотно привезти, даже говорилъ, что разсчитываетъ на «порцію удовольствія» (его любимое выраженіе) отъ вечера съ молодыми друзьями. Настроили рояль, подогрѣли пару бутылокъ лафиту и нашли какую-то женщину постоять у рояля.

Мнѣ приходилось въ первый разъ увидать творца «Руслана», и я съ трепетомъ поднимался по лѣстницѣ. Въ комнатѣ уже было изрядно накурено, когда я вступилъ въ нее. Прямо противъ двери, за раскрытымъ всею крышкою роялемъ я увидѣлъ небольшого, плотнаго, съ высокой грудью человѣка лѣтъ зà сорокъ, безъ сюртука. Полоска темныхъ бакенбардъ какъ-будто обвязывала его слегка одутловатое лицо съ пренебрежительными, не то кислыми губами, надъ которыми нависали жидкіе усы. Глаза наполовину прикрытые вѣками, свѣтились огоньками, поминутно прорывавшимися наружу. Голова, въ темныхъ, густыхъ и гладкихъ, довольно длинныхъ волосахъ, на открытой короткой шеѣ, была нѣсколько закинута назадъ... Отъ быстраго движенія короткихъ крѣпкихъ рукъ

Да, это былъ наконецъ онъ.

Онъ кончилъ и дохлебнулъ стаканъ, который ту же минуту былъ дòлитъ «егозкой»; потомъ обвелъ комнату почти совсѣмъ прикрытыми глазами и, увидавъ вошедшаго со мною очень молодого и красиваго юношу, прямо направился на него.

— Какой милый òбразъ!—произнесъ онъ, разставляя руки, —позвольте васъ облобызать!

Затѣмъ, онъ обратился къ присутствующимъ: «полагать надо, изъяны немаловажные нашимъ барынямъ чинитъ... Кàкъ оно пò—наукѣ-то, милостивый мой государь, егозка, выходить должно»?

«По-наукѣ» было изреченіе какого-то школьнаго учителя Глинки, Калмыкова, языкомъ и пріемами котораго онъ говорилъ, когда бывалъ въ духѣ.

— По наукѣ,—подхватилъ «егозка» (на немъ лежала обязанность давать заключенія на вопросы «по-наукѣ», въ родѣ того какъ даютъ ихъ «по-существу»), — по-наукѣ, я полагаю, непремѣннo чинитъ. А Калмыковъ чтò говоритъ по этому поводу?

— «Гòворю (тутъ Глинка заморгалъ глазами и заговорилъ сильно на *о*, выжимая изъ себя каждое слово),—гòворю и пòвторяю: се есть бичъ, ниспосланный небомъ на мужіи людстіи. Сказалъ—дòвольно»!

И вздернувъ плечи, заложивши большіе пальцы рукъ за подтяжки, съ закинутою назадъ головою, козыремъ пошелъ по комнатѣ. Потомъ хлебнулъ изъ стакана, взялъ руку женщины, ласково погладилъ—и опять за рояль.

— Это будетъ для васъ,—шепнулъ онъ ей и сладко закатилъ глаза.

«Когда въ часъ веселый откроешь ты губки»...

Запѣлъ онъ... и кончилъ:

«Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать»!..

да такъ выразительно, что женщина уже было потянулась къ нему, принявъ за личное желаніе композитора. Но онъ удовольствовался произведеннымъ впечатлѣніемъ и не нанесъ поцѣлуевъ дѣйствіемъ.

Опять хлебокъ вина. Шопенъ и Глюкъ—его любимцы (кромѣ себя, онъ только ихъ и игралъ) выступаютъ на клавиши. За ними идетъ уже что-то неопредѣленное, неуловимое, прихотливо-вдохновенное, такое отъ чего занялся духъ у всѣхъ насъ и что унесло насъ куда-то,—невѣдомо куда,—изъ холостой накуренной комнаты петербургскаго холостяка, съ пріисканною Богъ знаетъ гдѣ женщиною, съ роялемъ нанятымъ помѣсячно, но превращеннымъ коротенькими мелькающими по его клавишамъ руками въ источникъ властныхъ, неслыханныхъ, все покрывающихъ звуковъ... Пальцы

набѣгаетъ снова, опять исчезаетъ и набѣгаетъ, покуда пальцы не соскользнутъ съ клавишей и руки не повиснутъ...

Въ игрѣ Глинки не было ничего декоративнаго, концертнаго—ничего напоказъ. О методѣ, бѣглости, силѣ,—всего этого приклада публичнаго исполненія, ни на минуту не приходила мысль, когда за роялемъ сидѣлъ Глинка. Это было обояніе высшаго разряда. Блестящихъ и особенно гремящихъ пьянистовъ онъ невыносилъ:—«звучно, говорилъ онъ,—однако же, не благо-звучно». Когда пробовали вызвать его сказать, что-нибудь о Листѣ,—то разсказывалъ за него Калмыковъ:—«гòворю—лицомъ худъ, волосомъ длиненъ й бѣлокуръ. Сѣлъ: въ одной рукѣ жупелъ, въ другой дрѐ—колья. Взы—гралъ: зала потряслася й многія беременныя женщины пò—выкидывали. Сказалъ—довольно»!

Стаканъ опорожненъ; снова долитъ;—Глинка опять козырнулъ по комнатѣ, и уже опять у рояля—поетъ въ видѣ отдыха.

— Двадцат лѣтъ у меня съ плечъ сегодня, господа!—говоритъ онъ.—Егозка, господинъ, чтò докладываютъ мускулы?

И онъ принимается тузить хозяина.

— Чтò докладываютъ? спрашиваю—пò-наукѣ...

По наукѣ, оказывалось, мускулы докладывали отлично.

— Гòворю: удостовѣрился—довольно!

Удостовѣрясь въ мускулахъ, М. И. окончательно расходился: сѣлъ за рояль и началъ показывать, какая будетъ въ оркестрѣ сочиняемая имъ въ то время фантазія на камаринскую. Онъ подыгрывалъ губами, ударялъ по клавишамъ обѣими пятернями въ пасажахъ tutti, пристукивалъ каблуками, подпѣвалъ, подсвистывалъ и съ поразительною òбразностью передавалъ движеніе и краски инструментовъ... Когда я услыхалъ впослѣдствіи эту безподобную по чисто руской забубённости вещь въ концертѣ, то къ ней почти ничего не прибавило оркестровое исполненіе, даже кое-что поубавило въ огнѣ и стремительности передачи.

— А теперь развѣ чего-нибудь такого, чтобъ чуточку чухляндіей запахло?—спросилъГлинка, и затянулъ:

> «Есть пустынный край, безотрадный брегъ,
> «Такъ на сѣверѣ—далекò»...,—

стрòфы баяна, запрещенныя тогдашнею цензурою за то, что были посвящены Пушкину, который осмѣлился умереть на дуэли...

Это «далекò», какъ безконечная, однообразная сѣверная даль, протянулось однообразнымъ звукомъ и гдѣ-то пропало, какъ она, въ безконечности.

> «Всѣ безсмертные—въ небесахъ»!!...

поднялся, кончая пѣсню, тотъ же звукъ, но уже воспрянувъ къ самымъ небесамъ, и, оборвавшись,—разомъ упалъ на землю...

самые сладкозвучные пѣвцы не слыхали пѣть того, что имъ было спѣто...

«Любви роскошная звѣзда,
«Ты закатилась навсегда»!..

почти возопилъ онъ слѣдомъ—арія, про которую онъ говорилъ: «это моя тоска»! И хоть она написана для женскаго голоса, — послѣ него не было возможности слышать ее, какая бы пѣвица ни пѣла...

За холостымъ ужиномъ, въ шуткахъ, остротахъ и выходкахъ всякаго рода онъ не отставалъ отъ молодежи, «получая порцію удовольствія» каждый разъ, когда удавалось кому-нибудь мѣткое уподобленіе или разсказывался веселый анекдотъ. Самъ онъ такихъ «порцій» доставилъ больше всѣхъ, и, между прочимъ, уподобилъ сквозному вѣтру, котораго терпѣть не могъ, пѣвицу Степанову за ея непріятный и рѣзкій голосъ...

Передъ тѣмъ какъ расходиться, его усадили-таки еще за рояль, и онъ простился съ нами романсомъ:

«Прощайте, добрые друзья!
«Насъ жизнь раскинетъ въ разсыпную»...

и когда кончилъ:

«И той семьѣ (семьѣ друзей) не измѣню,
«На дѣтскій сонъ не промѣняю;
«Ей пѣснь послѣднюю пою—
«И струны лиры обры—ва—ю»!!

съ одуряющимъ взрывомъ на послѣднемъ словѣ, и оборвалъ акордомъ въ обѣихъ рукахъ, то, обведя всѣхъ огоньками своихъ глазъ, встрѣтилъ уже слезы на всѣхъ глазахъ...

Такихъ ночей не выдается по нѣсколько въ жизни!

Съ живымъ Глинкою этимъ можно бы и кончить. Но прежде, нежели съ нимъ кончить и, можетъ быть, чтобъ лучше съ нимъ кончить, разскажу про вечеръ, проведенный вслѣдъ за тѣмъ у другого члена созвѣздія—Кукольника.

Выше сказано, что онъ состоялъ тогда чиновникомъ военнаго министра. Князь Чернышевъ, по какому-то недоразумѣнію, покровительствовалъ отечественной литературѣ. Въ его канцеляріи начинающіе писатели (Дружининъ, Лонгиновъ, Салтыковъ) состояли помощниками столоначальниковъ, а кончающіе (Кукольникъ, Струговщиковъ)—въ четвертомъ класѣ. Литература, такимъ образомъ, какъ бы получала своего рода ночлежный пріютъ.

Но Кукольникъ, о которомъ въ первый разъ швейцаръ князя Чернышева даже не хотѣлъ доложить, а послалъ спросить у княгини: не приказывала ли она принести куколъ для дѣтей [1]),—былъ

[1]) Разсказано самимъ Н. В. Кукольникомъ.

совсѣмъ неожиданно въ сослужительство съ нимъ. Просвѣтить подвѣдомственныя военному министерству земли Войска Донскаго каменнымъ углемъ (антрацитомъ), изъ нѣдръ ихъ извлеченнымъ руками собственныхъ горныхъ инженеровъ и затопить этимъ углемъ разомъ всѣ печи отъ береговъ тихаго Дона до еще болѣе тихихъ Москвы-рѣки, Яузы и Неглинной—представлялось зрѣлищемъ достойнымъ русскаго Шиллера и отечественнаго Александра Македонскаго, какъ прозвалъ князь Меншиковъ князя Александра Ивановича Чернышева, по милости его княгини.

— Какъ же тотъ городъ зовутъ,—имѣла она привычку спрашивать,—который покорилъ Александръ? (Онъ когда-то взялъ гдѣ-то какой-то городишко).

— Вавилонъ, княгиня!—обязательно отвѣчалъ Меншиковъ.

— Ахъ, нѣтъ, я говорю про моего Александра...

— Виноватъ, я полагалъ—про Македонскаго.

И вотъ, однимъ изъ такихъ «собственныхъ» инженеровъ, переведенныхъ, вопреки существовавшимъ въ то время положеніямъ о горныхъ инженерахъ, но согласно завоевательнымъ вкусамъ нашего Александра Македонскаго, былъ и я. Кукольникъ держалъ палочку капельмейстера въ этомъ техническомъ оркестрѣ, я былъ чѣмъ-то въ родѣ скрипки. Заставать капельмейстера дома было всего вѣрнѣе «вечеромъ, когда онъ, по собственному выраженію, давалъ отпускъ намозоленному мозгу».

Когда я пришелъ, онъ только-что совершилъ свой послѣобѣденный отдыхъ и сидѣлъ, спустивши съ постели ноги. Мальчикъ Сашка натягивалъ на нихъ сапоги и приговаривалъ такъ серьезно, какъ будто это составляло тоже часть его лакейскихъ обязанностей: «прилетѣли мухи». А баринъ, кряхтя и отдуваясь, подхватывалъ: «мухи». Затѣмъ слѣдовалъ новый стихъ Сашки и новое подхватыванье барина: «вострухи»...

— А! прошу покорно пожаловать!—привѣтствовалъ меня Кукольникъ, и опять обратился къ лакею:—ну, такъ какъ же, Сашенька, дальше?

И Сашенька невозмутимо продолжалъ о мухахъ.

Хозяинъ разсмѣялся, наконецъ, своимъ плаксивымъ смѣхомъ.

— Васъ это удивляетъ? Это нашъ ordre du jour! Какъ только проснуся: «Сашенька! Державина — шутливые!» и Сашенька начинаетъ. «Квасу»! и Сашенька несетъ...

Дѣйствительно, Сашенька принесъ квасъ, который Несторъ Васильевичъ выпилъ въ перемежку съ какимъ-то еще четверостишіемъ Державина, старческій портретъ котораго въ колпакѣ висѣлъ надъ диваномъ. Къ старику (такъ онъ называлъ Державина), онъ обращался съ набожнымъ благоговѣніемъ, къ Пушкину

тый класъ не совсѣмъ еще угомонилъ пятиактныя трагедіи; валялись пробные оттиски затѣянной имъ же «Иллюстраціи». Наполнялась она преимущественно приношеніями писателей начинающихъ или близкихъ знакомыхъ. Онъ показалъ и рисунки, тоже принесенные. Жидковато было и то и другое. Потомъ прочиталъ, хохоча всѣмъ туловищемъ, свою грызню съ знаменитымъ Ѳадеемъ Булгаринымъ, бывшимъ на то время непремѣнною литературною собакою, кидавшеюся на всякую кость не ему брошенную и доносчикомъ на журналистовъ. На Кукольника онъ донесъ, что тотъ не говѣетъ и постовъ не соблюдаетъ. Кукольникъ намекалъ ему на взятки, которыя тотъ бралъ съ лавочниковъ, чтобъ хвалить ихъ товаръ въ «Сѣверной Пчелѣ». Въ заключеніе онъ «разносилъ», по собственному выраженію, Бѣлинскаго.

Замѣтивши, что его веселость не дѣйствовала сообщительно, онъ остановился.

— Тина жизни отъ васъ далече!—проговорилъ онъ съ грустью,—и благодареніе Всевышнему! Она на днѣ житейскаго моря—вы пока плаваете на его поверхности. Погрузиться на дно — у-у! какъ тяжело!...

Мы перешли въ гостиную, гдѣ уже собрались вокругъ хозяйки, Амаліи Ивановны, уменьшенней мужемъ въ «Мумочку» — женщины бѣлой отъ пудры и бѣлокурой отъ Выборга, домашніе друзья: зрѣлый не по чину штабсъ-капитанъ съ померанцевымъ воротникомъ, состоявшій членомъ какой-то эротической городской комиссіи прозванный за то «султаномъ», да совершенно черный, точно изъ донского антрацита вытесанный, казацкій майоръ. Намозоленный мозгъ хозяина уходилъ каждый вечеръ въ отпускъ къ этимъ людямъ. Раскрыли столъ и разобрали карты. Дѣтскій плачъ Кукольника почти не унимался отъ остротъ «султана» и тяжелыхъ какъ молотъ шутокъ казака, прозваннаго «атаманомъ». Этотъ атаманъ не понималъ рѣшительно ничего, и надо было вбивать всякое понятіе въ него, какъ сваю. Хозяинъ и вбивалъ съ особеннымъ вкусомъ.

— Я люблю первобытныхъ людей,—говорилъ онъ,—они становятся рѣдки...

«Мумочка» визжала и приговаривала: «ахъ, фуй! какой смишной»!—призывая на помощь «Несторхина» всякій разъ, когда не въ мѣру русская соль играющихъ становилась не подъ силу ея филологіи. Несторхенъ благодушно разъяснялъ и маленькіе его глазки слезились отъ смѣха...

Напившись на-скоро чаю, я удалился. При прощаньи, Кукольникъ самъ увидѣлъ необходимость оправдаться.

— Глупые люди въ обиходѣ нужны,—заговорилъ онъ,—только

съ ними голова вполнѣ отдыхаетъ. Вѣрьте мнѣ, глупость — одинъ изъ полезныхъ реагентовъ въ жизни...

Не похожи были два вечера двухъ недавнихъ свѣтилъ одного созвѣздія...

Я не стану описывать послѣдующихъ встрѣчъ съ Глинкою: всѣ онѣ походили на первую. Разскажу только послѣднюю, которая на нихъ мало походила.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ М. И. вернулся изъ Испаніи. Изъ Испаніи онъ вернулся гораздо худшимъ, нежели года два назадъ изъ Варшавы. Онъ состарѣлся, никуда не выходилъ, брюзжалъ и гасъ подъ старчерскими недугами и равнодушіемъ общества. Той же самой «егозкѣ» предстояло развлечь его напоминаніемъ о хорошемъ времени, когда онъ молодѣлъ среди молодыхъ поклонниковъ. Большая часть ихъ успѣла пережениться, и первый «егозка». Послѣднее обстоятельство дѣлало успѣхъ предпріятія, если не труднѣе, то во всякомъ случаѣ сомнительнѣе: жёны понравятся—прекрасно, — Глинка развлечется, даже пріѣдетъ; не понравятся — пуще забрюзжитъ, закутается въ халатъ и не сниметъ ермолки съ головы ни за что на свѣтѣ—не пріѣдетъ. Выбрали изъ числа молодыхъ супругъ такихъ, которыя должны были понравиться (первымъ условіемъ этого было, что онѣ не напоминали ни чѣмъ покойной супруги М. И.) и поѣхали.

Пріемъ по началу былъ не ободрителенъ: хозяинъ съеживался, какъ мимоза - сензитива отъ прикосновенія (мимозою онъ и самъ называлъ себя); его губы складывались кисло и вѣки закрывались... Ѣхать онъ отказывался: у него болѣли нервы. Онъ негостепріимно спряталъ правую руку подъ жилетъ и отошелъ къ роялю, у котораго толпилось нѣсколько волосатыхъ молодыхъ людей изъ музыкальнаго міра, въ томъ числѣ Сѣровъ. Оставалось убираться; но предварительно слѣдовало отдать поклонъ сестрѣ М. И., Людмилѣ Ивановнѣ, у которой онъ жилъ и состоялъ подъ началомъ. Отъ нея зависѣло почти болѣе, чѣмъ отъ Глинки, чтобъ онъ пріѣхалъ. Отпуститъ она—еще можетъ быть пріѣдетъ, а не отпуститъ,—пиши пропало. Она отпускала, — передъ вечеромъ (теперь его укладывали спать рано) и съ тѣмъ, что будутъ прежніе друзья, но прежняго лафита не будетъ. Привезли его закутаннаго; сквозной вѣтеръ, который онъ не любилъ теперь пуще пѣвицы Степановой, изгнали чуть ли не изъ цѣлаго околодка; бережно усадили, какъ больного, въ большое кресло и принялись осторожно развлекать на старый ладъ. Ужъ именитый гость началъ гладить по рукѣ то ту, то другую изъ молодыхъ дамъ и немного слаще складывать губы; уже кресло подкатили къ роялю и коротенькая рука, по старой привычкѣ, пошарила стакана съ лафитомъ... Какъ вдругъ все пошло прахомъ. На порогѣ показалась нежданная гостья—блондинка съ дѣтски-недоумѣвающимъ лицомъ

исчезла за жилетъ и мимоза съежилась, какъ будто на нее наступили.

— А вѣдь хорошенькая?—попытался исправить дѣло хозяинъ, но напрасно.

— Иже херувимы тайно образующе, — проговорилъ брезгливо гость—терпѣть не могу такихъ.

Увы! блондинка напомнила ему жену — и вечеръ былъ испорченъ.

Бѣдный больной и вообще-то теперь почти ничего и никого не могъ терпѣть. Онъ и самого себя выносилъ съ трудомъ; тяготился извѣстностью, почти обижался, когда въ немъ видѣли не Михаила Иваныча, а композитора, и сердился, когда заговаривали объ его сочиненіяхъ. Роковая перемѣна произошла въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшился, послѣ продолжительнаго упорства, дать свою «камаринскую» на большой благотворительный концертъ въ дворянскомъ собраніи, и услышалъ изъ угла почти неосвѣщенныхъ хоръ, куда забился, какъ ее безмолвно и тупо проводили. А тутъ еще, на бѣду, два музыкальныхъ жидка (одинъ собственно только состоявшій при музыкѣ, другой отлично игравшій чужую музыку на фортепьяно) сочли своею обязанностью отрыть великаго композитора въ его темномъ углу и ободрить въ неуспѣхѣ. Чаша переполнилась: Глинка выбѣжалъ изъ залы, поклялся, что ни одной ноты больше не напишетъ и броситъ Петербургъ. Онъ его и бросилъ—уѣхалъ въ Испанію, откуда теперь вернулся, потому что срокъ паспорта истекъ, привезъ съ собою чернаго какъ сапогъ Дона-Педро съ его испанскими пѣснями и гитарою — единственными, какъ утверждалъ, представителями музыки ни свѣтѣ...

Женская заботливая рука сестры отнеслась къ пріѣзжему какъ къ больному; устранила разомъ и навсегда стаканъ краснаго вина, замѣнивъ его сельтерскою водою, а ключемъ ночныя вдохновенія у рояля... Но, увы! крутой поворотъ не выправилъ погнутаго цѣлою жизнью въ одну сторону тѣла; можетъ быть, скорѣе даже сломилъ его. И Глинка не выздоровѣлъ отъ сельтерской воды, про которую говорилъ, съ трудомъ уже подражая Калмыкову: «не вредно, однакожъ и безполезно», захирѣлъ, и погасъ, какъ свѣтильникъ, устроенный не для того, чтобъ тлѣть, но чтобъ горѣть пламенно и сокрушительно—или ужъ не горѣть вовсе.

П. Ковалевскій.

ЛАКЕЙСКАЯ СТОЛИЦА.

I.

ОЧТЕННЫЙ дѣятель въ области археографіи и археологіи, секретарь рязанскихъ губернскаго (казеннаго) и земскаго статистическихъ комитетовъ, и неутомимый собиратель всякихъ мѣстныхъ рѣдкостей, А. В. Селивановъ, показывая мнѣ устроенный при статистическихъ комитетахъ кабинетъ рѣдкостей и находокъ—я не знаю какъ его назвать, такъ какъ туда все входитъ—указалъ мнѣ на какой-то довольно большой голый черепъ, помѣщенный подъ колпакомъ на одномъ изъ шкафовъ кабинета.

— Это чтожъ такое?

— Это страшная по здѣшнему мѣсту рѣдкость.

— Да что именно-то?

— Это черепъ носорога...

Такъ какъ разговоръ этотъ происходилъ у насъ непосредственно вслѣдъ за осмотромъ кольчуги князя Олега Рязанскаго—того, который одинъ изъ всей Русской земли отказался идти съ Дмитріемъ Донскимъ противъ Мамая, то я какъ-то невольно странно посмотрѣлъ на моего до крайности добраго и любезнаго собесѣдника, съумѣвшаго совмѣстить у себя въ кабинетѣ такія несовмѣстимыя, повидимому, вещи, какъ кольчуга князя Олега и откуда-то добытую голову носорога.

— Это тоже вѣдь у насъ найдено, здѣсь въ Рязанской губерніи,—сказалъ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на мое удивленіе.

— Найдено—гдѣ же, въ землѣ?—спросилъ я, зная, что иногда, въ прежнее время, помѣщики тоже любили собирать—и платили

нованій, происхожденій и назначеній. Я думалъ, не имѣю ли я дѣло и теперь съ однимъ изъ такихъ же рѣдкихъ предметовъ, занесенныхъ въ Рязанскую губернію любителемъ-собирателемъ помѣщикомъ Богъ знаетъ откуда.

Но оказалось, что черепъ носорога Алексѣй Васильевичъ добылъ отъ Касимовскаго исправника, доставшаго его въ свою очередь отъ какихъ-то мужиковъ, ловившихъ рыбу на берегу рѣки Оки и нашедшихъ его въ песчаной береговой осыпи.

— Это очень большая рѣдкость,—повторилъ еще разъ г. Селивановъ и замѣтилъ при этомъ, что находка эта указываетъ на то, что въ отдаленнѣйшія времена, можетъ быть еще до потопа, въ Рязанской губерніи, въ Касимовскомъ уѣздѣ, водились, между прочимъ, и носороги.

— Вы думаете?—сказалъ я.

— Да, потому что какъ же иначе онъ могъ попасть сюда?

Обозрѣвая потомъ, въ поѣздку мою, кабинеты рѣдкостей при статистическихъ комитетахъ дальнѣйшихъ губерній уже по Волгѣ, я вездѣ встрѣчалъ подобные же черепа, найденные исправниками и принесенные ими въ даръ статистическимъ комитетамъ, хотя вездѣ они, сохраняя очень подозрительное сходство съ обыкновенными кобыльими, называются различно: черепами лосей, ископаемыхъ оленей, каменныхъ барановъ, зубровъ и т. под. Одинъ такой черепъ попалъ, между прочимъ, и въ Радищевскій музей въ Саратовѣ, гдѣ и помѣщается вмѣстѣ съ картинами, древними медалями, письмами г-жи Віардо и письменнымъ столомъ И. С. Тургенева... Я такъ привыкъ находить въ статистическихъ комитетахъ разныя страусовыя окаменѣлыя яица, шлемы, рыцарскіе доспѣхи, письма знатныхъ и совсѣмъ иногда никому неизвѣстныхъ иностранцевъ и иностранокъ, однимъ словомъ все, кромѣ нужныхъ и интересныхъ современныхъ статистическихъ цифръ, что подъѣзжая къ Саратову, я держалъ, напримѣръ, съ моимъ пріятелемъ пари, что найду такой вотъ сомнительный черепъ даже и въ Радищевскомъ музеѣ, гдѣ ему, кажется, быть совершенно ужъ незачѣмъ,—и пари это выигралъ...

— Ну вотъ и проигралъ, сказалъ мой знакомый, когда обойдя вмѣстѣ со мною музей, и не находя нигдѣ черепа, онъ началъ было ужъ торжествовать; но я указалъ ему въ это время на кабанью или какую-то очень похожую на нее голову, смотрѣвшую на насъ сверху, со шкафа:

— А это что? Видите?..

Но я нѣсколько отвлекся въ сторону.

А. В. Селивановъ сказалъ мнѣ, когда мы еще стояли съ нимъ передъ черепомъ носорога, что принесшій его въ даръ статистическому комитету касимовскій исправникъ, г. Новиковъ, очень хоро-

собиранію и сохраненію историческихъ нашихъ памятниковъ.

— Вы сдѣлаете очень хорошо,—добавилъ онъ,—если въ поѣздку свою по Окѣ, заѣдете на нѣсколько дней въ г. Касимовъ и познакомитесь тамъ съ нимъ.

— О, я съ удовольствіемъ,—сказалъ я.

— Городъ прелюбопытный во многихъ отношеніяхъ, преоригинальный,—продолжалъ г. Селивановъ,—и, кромѣ того, вы познакомитесь дѣйствительно съ достойнымъ человѣкомъ.

— Достойныхъ людей я вообще люблю,—сказалъ я,—но если они къ тому же и образованные да еще посѣщеніе ихъ сопряжено съ осмотромъ губернскихъ или хотя бы уѣздныхъ достопримѣчательностей—это вдвойнѣ и даже втройнѣ пріятно, ибо тогда пріятное соединяется съ полезнымъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о посѣщеніи мною, въ эту поѣздку мою по Окѣ, города Касимова и его исправника, г. Новикова, былъ рѣшенъ тутъ же.

Алексѣй Васильевичъ сдѣлалъ только нѣсколько замѣчаній мнѣ, какъ себя вести съ населяющими городъ татарами, какъ отыскать ихъ ахуна, что у него просить, чтобы онъ показалъ, какія вообще древности и рѣдкости имѣются еще въ Касимовѣ, гдѣ хранятся и проч.

— А что касается исправника,—добавилъ онъ,—то это такой милѣйшій человѣкъ, что вы и сами это сейчасъ же поймете и никакихъ наставленій, какъ съ нимъ вести себя, вамъ не надо. Кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что и я также думаю скоро его навѣстить.

Я не сталъ послѣ этого задерживать почтеннаго Алексѣя Васильевича, такъ какъ онъ, кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ занятій и должностей, несетъ на себѣ обязанность еще и секретаря мѣстнаго дамскаго благотворительнаго комитета и въ этотъ день вечеромъ у нихъ было назначено въ городскомъ саду благотворительное гулянье, на которомъ впервые долженъ былъ знакомиться съ мѣстнымъ обществомъ вновь назначенный къ нимъ губернаторъ, пріѣхавшій въ Рязань прямо изъ Ниццы, гдѣ онъ до сихъ поръ проживалъ.

— Ужо вечеромъ въ саду увидимся,—сказалъ мнѣ при прощаніи г. Селивановъ.—Вѣдь вы навѣрно не откажете себѣ въ удовольствіи подышать чистымъ воздухомъ и вмѣстѣ сдѣлать доброе дѣло?

— Непремѣнно увидимся,—отвѣтилъ я,—потому что и подышать вечеромъ чистымъ воздухомъ и сдѣлать доброе дѣло одинаково всегда для меня пріятно.

— Такъ я пойду теперь распоряжаться.

— А я пойду къ одной моей знакомой дамѣ благотворитель-

назначенные въ этотъ вечеръ для продажи съ благотворительной цѣлью.

II.

О древнемъ Касимовѣ сохранилось очень мало свѣдѣній. Извѣстно, что онъ служилъ нѣкогда столицею хановъ и царей татарскихъ и что это продолжалось болѣе двухсотъ лѣтъ—отъ Василія Темнаго до Петра Великаго.

Ни одинъ изъ этихъ хановъ и царей, въ историческомъ и культурномъ смыслѣ, ничѣмъ не замѣчателенъ. Всѣ они были одинъ какъ другой, да едва ли и могли быть иными при томъ положеніи, въ которомъ они находились. Начиная съ перваго изъ нихъ и кончая послѣднимъ, они всѣ были ставленники московскихъ великихъ князей и царей и вполнѣ отъ нихъ зависѣли. Въ исторіи Касимовскихъ царей и царевичей нѣтъ ни одной попытки не только отложиться отъ Москвы и зажить своей самостоятельной жизнью, на манеръ хотя бы сосѣдней Казани, но нѣтъ, кажется, даже ни одного случая простого неповиновенія Москвѣ.

Утекая отъ брата своего Махмутека, перваго царя казанскаго, двое сыновей Улу-Мухамеда, Якубъ и Касимъ Трегубъ, явились къ Василію Темному съ извѣстіемъ, что братъ ихъ Махмутекъ убилъ отца, основалъ царство (Казанское), а они ушли и просятъ ихъ пріютить. Василій, повидимому, обрадовался имъ, потому что встрѣтилъ ихъ очень радушно, такъ же какъ и толпу татаръ, пришедшихъ съ ними. Дѣло было какъ разъ во время спора его съ Шемякой и онъ справедливо разсчитывалъ, что они ему годятся. И, дѣйствительно, они ему годились.

Въ Москвѣ въ то время, вообще, очень любезно обходились съ татарскими выходцами царской крови. Они почти не переводились въ Москвѣ. Ихъ ласкали, содержали и за это пользовались ихъ услугами, если и не положительными, активными, то хотя какъ помѣхой, досадой для ихъ родственниковъ, сидѣвшихъ на престолахъ астраханскомъ, казанскомъ и крымскомъ. Этотъ взглядъ на царевичей пришельцевъ укрѣплялся въ Москвѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, развился положительно въ цѣлую систему. Въ то время были даже у насъ обреченные для ихъ кормленія города: Юрьевъ, Кашира, Сурожскъ, Серпуховъ, Звенигородъ—управлялись наѣхавшими въ Россію татарскими царями и царевичами, неудачниками въ своей землѣ. Въ нихъ они жили, «кормились», иные по нѣкоторомъ времени, какъ вновь имъ дома улыбалось счастье, отъѣзжали, а иные такъ и умирали тамъ.

Вотъ, въ качествѣ такихъ-то искателей себѣ спасенія и сытой жизни на чужбинѣ, и явились къ Василію Якубъ и Касимъ, по про-

леніе Мещерскій городокъ, который уже гораздо позже впослѣдствіи сталъ называться, въ память его, Касимовымъ. Какъ Касимъ управлялъ городкомъ, какъ въ то время тамъ люди жили и, вообще, что это былъ за городокъ, извѣстно очень немного, ничего почти неизвѣстно.

Мещерскій городокъ, или Городецъ, какъ онъ тогда назывался, надо думать, былъ данъ великимъ княземъ Касиму не зря. Великій князь могъ дать ему любой какой-нибудь и другой городъ, но далъ именно этотъ едва ли не по слѣдующимъ соображеніямъ.

Основывалось и укрѣплялось новое татарское царство Казанское—которое въ Москвѣ, не безъ основанія, считали для себя опаснымъ болѣе стараго, раздираемаго междоусобіями—Золотой Орды. Казань была ближе, моложе и сильнѣй. Въ Казани, какъ сказано, засѣлъ братъ Якуба и Касима, Махмутекъ, человѣкъ рѣшительный и предпріимчивый. Было очень важно имѣть противъ него какой-нибудь оплотъ и при томъ, лучше всего, такой, за который въ случаѣ чего не пришлось бы отвѣчать, по крайней мѣрѣ, можно бы было отговариваться, сваливать на кого-нибудь чужого свою вину. Въ этомъ смыслѣ, Касимъ съ Якубомъ были для великаго князя московскаго чистымъ кладомъ: съ братомъ Махмутекомъ они во враждѣ, заклятые враги, сидятъ въ Мещерскомъ городкѣ, что они тамъ дѣлаютъ въ Москвѣ трудно знать, подвластная имъ мордва-мещера народъ почти что дикій, наполовину христіанъ, на половину магометанъ и даже есть пришлые азіаты.—Какъ за нихъ отвѣчать? А между тѣмъ, всегда можно приказать своему ставленнику, натравить ихъ на казанскаго хана. Удалось—можно побѣду прибрать къ рукамъ, неудача—свалить на своеволіе царевича и подвластную ему, отданную ему на кормленіе мордву-мещеру. Такъ, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи шли дѣла на практикѣ и очень можетъ быть, что эта будущая практика была при пожалованіи «Мещерскаго городка» Касиму Москвою прозорливо провидѣна. Очень ужъ похожъ былъ этотъ «Мещерскій городокъ» на передовой постъ русскихъ противъ Казани.

Пожалованіе Касиму Мещерскаго городка случилось около 1452 года, лѣтъ черезъ шесть или семь, послѣ пріѣзда братьевъ въ Россію. Якубъ, какъ сказано пропалъ изъ виду, а Касимъ остался и сталъ править городомъ на отчетѣ, такъ сказать, у великаго князя.

До 1467 года Касимъ сидѣлъ у себя въ городкѣ смирно, исполняя по временамъ только кое-какія порученія великаго князя по части отраженія разныхъ не значительныхъ татарскихъ же шаекъ; въ этомъ же году онъ затѣялъ самостоятельное и, повидимому, серьезное предпріятіе. Въ Казани умеръ братъ его, Махмутекъ, ко-

торые изъ князей казанскихъ стали обращаться къ Касиму съ просьбой пріѣхать въ Казань на царство. Касимъ не скрылъ этого отъ великаго князя и разсказалъ ему во всѣхъ подробностяхъ о своемъ искушеніи. Великій князь былъ очень доволенъ всѣмъ этимъ и вѣрностью и откровенностью Касима, не скрывавшаго отъ него ничего, и случаемъ вмѣшаться въ казанскія дѣла. Лѣтописцы, впрочемъ, увѣряютъ, что призывъ этотъ Касима на царство въ Казань, былъ просто дипломатической хитростью казанцевъ, желавшихъ заманить его только къ себѣ. Они догадывались, вѣроятно, почему великій князь выбралъ для Касима резиденціей Мещерскій городокъ. Повидимому, дѣйствительно это приглашеніе было только хитростью. Когда, поспѣшно собравшись, Касимъ со своими татарами и съ сильнымъ русскимъ отрядомъ, даннымъ ему въ подмогу великимъ княземъ, подошелъ къ Волгѣ, то на другой ея сторонѣ стоялъ уже съ своими войсками Ибрагимъ и ни касимовскимъ татарамъ, ни русскимъ, переправиться черезъ Волгу не позволили. Такъ они понапрасну простояли и должны были идти обратно. Обратное шествіе ихъ было затруднено дождями, холодами, насталъ наконецъ голодъ, и они были рады, что хотя возвратились изъ этого неудачнаго и страннаго похода цѣлыми и невредимыми.

Вскорѣ послѣ этого, именно черезъ три года, въ 1469 году Касимъ умеръ. На его мѣсто въ Мещерскомъ городкѣ сѣлъ царемъ сынъ его Даньяръ.

Вотъ все, что извѣстно о Касимѣ.

III.

Даньяръ былъ, повидимому, такая же точно безцвѣтная личность, какъ и отецъ его. По крайней мѣрѣ, ничего объ немъ неизвѣстно. Будь онъ хоть чѣмъ-нибудь замѣчателенъ, объ немъ было бы, конечно, упомянуто въ современыхъ ему запискахъ, лѣтописяхъ. Но объ немъ ничего нигдѣ не говорится, хотя имя его, какъ участника походовъ великаго князя, и упоминается неоднократно. Такъ, онъ былъ при паденіи великаго Новгорода, стоялъ въ Коломнѣ при нашествіи на Москву хана Ахмета и проч. Самое характерное извѣстіе объ немъ сохранилось по слѣдующему случаю:

«Того же лѣта (1483 г.), врачъ нѣкій Антонъ пріѣха къ великому князю, его же въ велицѣй чести держа, князь велики его, врачева же князя Каракучю, царевичева Даньярова, да умори его смертнымъ зеліемъ за посмѣхъ; князь же великій выда его сыну Каракучеву, онъ же, мучавъ его, хотѣлъ дати на окупъ, князь же велики не повелѣ, но велѣ его убити; они же, сведоша его на рѣку, на Москву, подъ мостъ, зимѣ, да зарѣзаша его ножемъ, какъ овцу».

Послѣ Нуръ-Даулета сидѣлъ въ Касимовѣ царевичъ Сатылганъ. Послѣ Сатылгана—Джанай. Послѣ Джаная—Шейхъ-Ауліаръ. Послѣ Шейхъ-Ауліара—Джанъ-Али. Послѣ Джанъ-Али—его братъ Шахъ-Али.

Объ этомъ Шахъ-Али упоминается и много, и часто, и если самъ по себѣ онъ былъ и такая же тоже безцвѣтная личность, какъ и его предшественники, то, по крайней мѣрѣ, изъ подробностей, сообщаемыхъ объ немъ, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о татарскихъ касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, вообще. Кромѣ того, Шахъ-Али былъ участникомъ событій почти всего царствованія Ивана Грознаго. Онъ былъ, кажется, даже любимцемъ его. Онъ участвовалъ во взятіи Казани, въ которой былъ нѣкогда, какъ и братъ его, Джанъ-Али, царемъ, и даже не разъ, а три раза. Участвовалъ въ Ливонской войнѣ, гдѣ отличился страшной жестокостью, разоряя нѣмецкую землю.

Въ началѣ своей карьеры въ Россіи, Шахъ-Али и выѣхавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ Россію татары много вынесли горя. Уличенный въ тайныхъ сношеніяхъ съ Казанью, онъ былъ сосланъ на Бѣлоозеро. Татаръ же его разослали кого въ Тверь, Новгородъ и Псковъ, гдѣ ихъ разсажали по тюрьмамъ. Въ Псковѣ было посажено 73 человѣка и «въ томъ числѣ малыхъ дѣтокъ 7 и тѣ изомроша въ день и въ нощь, и выкидаша ихъ вонъ». Въ Новгородѣ было посажено «восемьдесять и болѣе; они же, по своей скверной вѣрѣ, въ пять дней всѣ изомроша». Болѣе живучими оказались почему-то жены ихъ. Послѣ долгой мучительной тюремной жизни они, наконецъ, стали просить, чтобы ихъ крестили и дали потомъ имъ свободу. На это великій князь согласился, и «се велико множество душъ избыша козни лукаваго и познаша святую православную вѣру». Вскорѣ дѣла въ Казани опять запутались, и представилась возможность московскому князю вмѣшаться въ нихъ. Это было ужъ въ малолѣтство Ивана, при правленіи матери его, Елены. Сейчасъ же, конечно, вспомнили о сосланномъ Шахъ-Али и на Бѣлоозеро поскакалъ нарочный съ прощеніемъ и приказаніемъ немедленно явиться ему въ Москву. Сохранилось описаніе того, какъ возвращенный Шахъ-Али являлся къ молодому тогда Ивану. Шахъ-Али палъ на колѣни и, стоя такъ, произнесъ рѣчь: «Отецъ твой, государь мой, князь великій Василій Ивановичъ всея Руси взялъ меня дѣтинку мала да меня жаловалъ, какъ отецъ сына, и, пожаловавъ, въ Казани царемъ учинилъ меня и жалованьемъ своимъ великимъ жаловалъ; и по грѣхамъ моимъ въ Казань пришла въ князехъ, и въ людяхъ казанскихъ несогласица, и азъ опять къ государю своему, къ отцу твоему пришелъ на Москву. И отецъ твой,

учинился и впалъ есьми предъ нимъ въ великую проступку, гордостнымъ своимъ умомъ и лукавымъ помысломъ. И Богъ за мое преступленіе и за лукавое помышленіе не попустилъ, и отецъ твой, государь мой, меня за мое преступленіе наказалъ, и опалу свою наложилъ меня смиряючи. И нонѣ ты, государь мой, памятуя за отца своего великое ко мнѣ жалованье, надо мною милость показалъ, и то тебѣ Богъ положилъ по сердцу, что еси, государь мой, пожаловалъ меня не по моимъ грѣхамъ».

Иванъ милостиво велѣлъ встать ему, приказалъ сѣсть на отдѣльную лавку, по правую руку отъ себя, подарилъ шубу и, наконецъ, отпустилъ на подворье. Шахъ-Али униженно просилъ у великаго князя позволенія представиться княгинѣ — матери. Ему разрѣшили. Также точно униженно, стоя на колѣняхъ, Шахъ-Али и передъ нею каялся въ грѣхахъ своихъ. Потомъ онъ сталъ просить о новой къ нему милости—позволить представить свою жену. Ему позволили.

Въ 1546 году, Шахъ-Али взобрался-таки вторично на казанскій престолъ, но не надолго, черезъ мѣсяцъ онъ долженъ былъ снова бѣжать.

Въ третій разъ онъ сдѣлался царемъ казанскимъ въ 1551 году. Отнявъ въ дѣйствительности всякую самостоятельность у своего ставленника, Иванъ Грозный, однако, заботился придать внѣшній блескъ казанскому хану. Такъ, на этотъ разъ Шахъ-Али отпустили на царство съ великой пышностью и встрѣчу ему тамъ приготовили тоже пышную. «Но съ первой же минуты», говоритъ Вельяминовъ-Зерновъ, «своего вступленія на престолъ, Шахъ-Али очутился въ положеніи трудномъ и стѣсненномъ. Надобно знать, что при возведеніи его на ханство, государь московскій призналъ его царемъ не на прежнихъ основаніяхъ, а далъ ему Казань, луговую сторону и Арскую; нагорную же, какъ завоеванную мечемъ, оставилъ причисленною къ Свіяжску». Уже это одно должно было возбудить всеобщее неудовольствіе; примѣшались и другія обстоятельства. Начались притязанія съ обѣихъ сторонъ: казанской и русской. Изъ нихъ каждая смотрѣла на новаго хана, какъ на лицо, обязанное служить исключительно ея интересамъ. Казанцы требовали, чтобы Шахъ-Али выпросилъ обратно нагорную сторону; глядѣли недовѣрчиво на всѣ его поступки, видя въ нихъ потворство великому князю, бушевали и не слушались. Русское же правительство ласкало Шаха-Али, какъ и князей казанскихъ, и даже городецкихъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ ввелъ съ собою въ городъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, строго наказывало, чтобы ханъ привелъ Казань въ такую же точно совершенную зависимость отъ государя московскаго, въ какой находился Касимовъ. Что было дѣлать Шахъ-

нагорную сторону. Государь, для котораго столь важная уступка была невозможна, отвѣчалъ каждый разъ отказомъ и казанцы оставались недовольны. Мало того, въ городѣ стали затѣваться заговоры. Ханъ началъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости: такъ, въ два дня по его приказанію погибло до 70 человѣкъ князей, оглаковъ и мурзъ. Жестокость только раздражила умы. И напрасно, желая сколько-нибудь угодить народу, глядѣлъ Шахъ-Али равнодушно, какъ казанцы и даже его собственные городецкіе татары держали у себя русскихъ плѣнныхъ. Слухи объ этомъ доходили до Москвы и навлекали непріятности со стороны русскаго правительства.

Шахъ-Али вздумалъ было жаловаться на свое безсиліе и говорилъ, что ему остается только бѣжать въ Москву. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ предложеніе, прискорбное для его сердца, въ которомъ еще была жива любовь къ сородичамъ и мусульманамъ,— укрѣпить городъ людьми русскими...

Дѣло, очевидно, не могло долго оставаться въ подобномъ напряженномъ положеніи. Развязка послѣдовала въ началѣ 1552 года. Государь, которому объ эту пору нѣкоторые казанскіе князья, враги Шаха-Али, внушили изъ-подъ рукъ, будто жители Казани готовы принять къ себѣ московскаго намѣстника, послалъ Алексѣя Адашева свести хана съ престола и приказать ему сдать городъ русскимъ. Тутъ къ чести Шаха-Али надобно сказать, что онъ съумѣлъ выказать въ нѣкоторой степени твердость и благородство характера. Когда Адашевъ, исполняя волю государеву, обратился къ нему съ требованіемъ, чтобы онъ впустилъ добровольно людей великаго князя въ городъ, обѣщая ему за то, отъ имени Ивана, все, чего бы онъ не захотѣлъ, то Шахъ-Али отвѣчалъ, что покинуть столицу и сойдти съ престола онъ готовъ, но что сдать городъ русскимъ и окончательно наложить руку на родную мусульманскую землю онъ не можетъ никакъ. Марта 6-го 1552 года, Шахъ-Али выѣхалъ изъ Казани въ сопровожденіи бывшихъ при немъ русскихъ стрѣльцовъ, многихъ князей и мурзъ казанскихъ, и своихъ городецкихъ татаръ подъ предлогомъ рыбной ловли на озерѣ. За городомъ онъ объявилъ, что покидаетъ совершенно царство по приказанію государя, и затѣмъ, встрѣченный нашими воеводами на Волгѣ, перебрался въ Свіяжскъ.

И опять очутился онъ въ Касимовѣ...

Уже изъ одного этого перечня возшествій Шахъ-Али на казанскій престолъ и потомъ сошествій съ него, пріѣздовъ его въ Касимовъ и потомъ отъѣздовъ оттуда, видно, какую жалкую роль игралъ онъ. Лично однако же Иванъ, повидимому, цѣнилъ его. Такъ, онъ всегда звалъ его на военные совѣты, происходившіе подъ предсѣдательствомъ самаго Ивана передъ каждымъ изъ его походовъ.

татарами, но и цѣлыми русскими отрядами. Неизвѣстно ни одной его самостоятельной побѣды, но многія довольно серьезныя и отвѣтственныя порученія онъ исполнялъ къ удовольствію Ивана вполнѣ точно. Такъ будучи посланъ опустошать Ливонію, онъ опустошилъ ее до такой степени, что превратилъ буквально чуть не въ пустыню. Нѣмецкіе лѣтописцы въ ужасѣ отъ того, что онъ тамъ дѣлалъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что наружность у Шахъ-Али была ужасная: уши у него висѣли почти до плечъ, какъ у звѣря какого. Брюхо было такихъ размѣровъ и столь отвислое, что онъ не могъ подъ конецъ садиться на лошадь. Объ этой наружности его сохранилось извѣстіе у многихъ современныхъ ему писателей. Всѣ согласны, что Шахъ-Али былъ ужасенъ: «зѣло былъ взору страшнаго и мерзкаго лица и корпуса, имѣлъ уши долгія, на плечахъ висящія, лицо женское, толстое и надменное чрево, короткія ноги, ступени долгія, скотское сѣдалище»... Вельяминовъ-Зерновъ, впрочемъ, отрицаетъ или, по крайней мѣрѣ, сильно сомнѣвается во всѣхъ злодѣйствахъ, которыя ему приписываются нѣмецкими лѣтописцами. Онъ находитъ ихъ во всякомъ случаѣ сильно преувеличенными. Къ тому же и нравы и военные обычаи тогда были такіе...

IV.

Послѣ Шаха-Али потянулся рядъ совершенно опять безцвѣтныхъ царевичей и царей, которые сажались въ Касимовъ, утрачивая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе не только ужъ власть свою, которая была умалена до совершеннаго ничтожества, но и самое представительство, внѣшній свой блескъ. Таковы были Саитъ-Булатъ, Мустафа-Али, Уразъ-Мухаммедъ, Арсланъ, Сеидъ-Бурханъ и, наконецъ, послѣдняя царица касимовская Фатима-Султанъ. Съ нею и кончилось это жалкое и странное царство, выдуманное Москвою и сослужившее, однако, московской политикѣ не малую службу.

Теряя свои размѣры съ каждымъ новымъ ханомъ, чуть не съ каждымъ даже днемъ, власть касимовскихъ правителей достигала при Сеидъ-Бурханѣ, принявшемъ крещеніе, совершенно ужъ призрачнаго существованія. Названный при крещеніи Василіемъ Арслановичемъ, Сеидъ Бурханъ принялъ въ глазахъ своихъ сородичей подданныхъ, до сихъ поръ въ Касимовѣ, небывалое фальшивое назначеніе. До него всѣ владѣльцы касимовскіе, безъ исключенія, исповѣдывали мусульманство. Былъ, правда, одинъ примѣръ, царевичъ Саитъ-Булатъ тоже принялъ православіе, но тотъ былъ смѣщенъ немедленно. Теперь же Москва, повидимому, рѣшила больше не церемониться съ Касимовымъ: дѣло, очевидно, подхо-

Крещеный Василій Арслановичъ долженъ былъ быть нѣкотораго рода опытомъ при этомъ московскомъ рѣшеніи, прежде приведенія его въ исполненіе. И, дѣйствительно, такъ и было. При немъ Касимовъ не только управлялся приставленнымъ къ царевичу московскимъ воеводою и воеводской канцеляріей — это ужъ давно было заведено—но и наполнился наѣхавшими въ него со всѣхъ сторонъ русскими. Строились церкви русскія, основывался даже женскій дѣвичій монастырь...

Въ смыслѣ политической самостоятельности, жизнь, вообще, всѣхъ царей касимовскихъ не была завидною. Теперь же, къ концу, утрачивалась даже и тѣнь этой самостоятельности. Цари касимовскіе низводились просто на роль какихъ-то бутафорскихъ принадлежностей при московскомъ дворѣ, во время торжественныхъ царскихъ пріемовъ, выходовъ, встрѣчъ чужеземныхъ пословъ, обѣдовъ, обѣденъ и проч. Они были нужны и служили только своими титулами и оригинальной одеждой, нѣсколько отличной отъ русской, для приданія блеску этимъ царскимъ обѣдамъ и выходамъ. Даже самыя церемоніи, съ которыми ихъ встрѣчали при ежедневныхъ почти пріѣздахъ ко двору, не имѣли никакой другой идеи, кромѣ, какъ показать кому это было нужно изъ чужеземцевъ, дескать вотъ какія особы къ намъ являются. Но иностранцевъ это, повидимому, не вводило въ заблужденіе. Такъ Мейерберъ, бывшій въ Россіи въ 1661 — 1662 годахъ, записалъ о касимовскомъ царѣ, котораго онъ видѣлъ (Василія Арслановича) слѣдующее: «Ничтожнаго владѣльца этого величаютъ важнымъ титуломъ царя. Льстецы выдумаютъ, пожалуй, и его звать императоромъ».

Всѣ цари касимовскіе послѣ Шахъ-Али, проведшаго почти всю свою жизнь въ походахъ съ царемъ Иваномъ, мало и живали даже въ Касимовѣ. Они постоянно упоминаются при описаніи чуть не ежедневныхъ выходовъ и обѣдовъ московскихъ царей наравнѣ съ царевичами сибирскими, грузинскими, киргизскими и т. д. Касимовъ, очевидно, управлялся въ это все время московскими воеводами, и они только жили на доходы съ Касимова, рѣдко мѣшаясь въ самое управленіе. Очень можетъ быть, что ихъ привлекала въ Москву и болѣе веселая и широкая жизнь при московскомъ дворѣ, чѣмъ гдѣ-то въ захолустьѣ, въ своемъ ничтожномъ городишкѣ; но и московское требованіе тутъ очевидно. Какъ только касимовскій царь долго не ѣхалъ въ Москву, его выписывали туда, не давая ему долго засиживаться въ своей столицѣ. И они являлись покорные, готовые дать отчетъ въ чемъ угодно. Ихъ одѣвали, сажали, водили, показывали какъ куколъ и утѣшали тѣмъ, что за царскими столами ихъ угощали и подчивали, «поили и кормили» стольники такіе-то и такіе-то.

имъ ни въ чемъ не довѣряли, постоянно подозрѣвали ихъ и за ними слѣдили.

Олеарій, посѣтившій Касимовъ въ 1636 г., проѣздомъ съ голштинскими послами изъ Москвы въ Персію, говоритъ въ своемъ дневникѣ: «Наконецъ, къ вечеру (7 іюля) проѣхали еще (по р. Окѣ) 3 версты (отъ селенія Бабина) проѣхали мы къ городу Касимогороду; отъ насъ онъ былъ по лѣвую руку. Городъ этотъ—татарскій и принадлежитъ къ татарскому княжеству Касимову. Тутъ жилъ въ старомъ каменномъ строеніи, служившемъ въ прежнія времена замкомъ, молодой татарскій царевичъ вмѣстѣ съ матерью и дѣдомъ, которые нѣсколько лѣтъ назадъ признали надъ собою власть великаго князя. Городъ отданъ имъ на прокормленіе»... «Послы наши желали засвидѣтельствовать царевичу свое почтеніе, отправили къ нему въ подарокъ фунтъ табаку и бутылку французской водки. Ему это такъ понравилось, что онъ приказалъ кланяться посламъ, очень благодарить ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извиниться, что не можетъ принять господъ пословъ у себя въ домѣ и угостить ихъ, какъ бы ему хотѣлось. Этимъ онъ раздражилъ бы воеводу, который, вообще, неохотно допускалъ, чтобы чужіе люди имѣли съ нимъ сношеніе. Царевичъ прислалъ, однако, черезъ слугъ своихъ, которые были также татары и могли объясняться у насъ съ однимъ только персидскимъ переводчикомъ, разнаго рода припасовъ, чтобы отплатить за сдѣланные ему подарки, именно: двухъ барановъ, кадку меду, боченокъ пива, водки, нѣсколько кусковъ льду, простокваши и свѣжаго масла, сбитаго, какъ говорили слуги, руками самой матери царевича». Олеарій, какъ обстоятельный человѣкъ, сдѣлалъ даже рисунокъ тогдашняго Касимова. Это просто большое прибрежное деревянное село, съ нѣсколькими православными церквами, съ заборами, съ деревянными избами, село, единственное отличіе котораго отъ большихъ теперешнихъ побережныхъ селъ—каменная мечеть съ минаретами (сохранившаяся до сихъ поръ) и еще какой-то каменной полуразрушенной башней, которая, вѣроятно, и называется у Олеарія «замкомъ».

Надо полагать, что матеріальный достатокъ касимовскихъ царей въ это время тоже былъ не особенно какъ великъ. Они жили въ Москвѣ, можетъ быть, и безбѣдно, но едва ли роскошно. По крайней мѣрѣ, ни о какой царской роскоши ихъ, и вообще даже о томъ, были ли какіе-нибудь у нихъ у самихъ пріемы и обѣды нигдѣ не упоминается.

О состояніи Василія Арслановича сохранилось извѣстіе въ писцовыхъ книгахъ, которыя при немъ составляли, въ Касимовѣ, Воейковъ и подъячій Постникъ-Раковъ. Изъ этихъ книгъ видно, что состояніе царевича было далеко не большое и все оно состояло изъ лѣсовъ, луговъ, озеръ, пчельниковъ и разныхъ лавокъ. Не

Въ самомъ Касимовѣ ему принадлежало, правда, много мѣстъ и построекъ, но ихъ занимали и въ нихъ жили его князья, мурзы сеиты, и по тогдашнему обычаю, многочисленная дворня, которая конечно дохода ему не приносила, а напротивъ поглощала еще и то, что получалось съ деревень, съ лѣсовъ, луговъ, рыбныхъ озеръ и проч. Здѣсь можно было бы, конечно, привести изъ описи Воейкова и Постника-Ракова цифры этихъ лѣсовъ, земель, рыбныхъ ловель и прочихъ угодій, которыя принадлежали царевичу Василію Арслановичу, но опись эта дошла до насъ въ отрывкахъ, въ разныхъ спискахъ и изъ нихъ трудно сдѣлать точные выводы. Во всякомъ случаѣ, состояніе лично ему принадлежавшее было ни больше состояній многихъ изъ тогдашнихъ даже и не славившихся своимъ богатствомъ русскихъ князей и бояръ; расходы же его по представительству, по пустому титлу, были, конечно, гораздо больше ихъ и поглощали всѣ его доходы.

Василіемъ Арслановичемъ собственно кончается родъ хановъ Касимовскихъ, и не останься послѣ его смерти въ живыхъ еще его мать, новаго хана изъ Москвы въ Касимовъ не было бы прислано. Все ужъ было сдѣлано для того, чтобы Касимовъ ни чѣмъ, никакими особенностями по управленію не отличался отъ прочихъ городовъ русскихъ. Но старуха была жива и московское правительство «не захотѣло обижать» Фатимы-Султаны на послѣднихъ дняхъ ея жизни и, по кончинѣ Василія, признало ее владѣтельною царицею Касимовскою, присвоило ей права, которыми пользовался сынъ ея.

Эта деликатность, такъ не свойственная тогдашнему духу московскаго правительства, объясняется, конечно, безвредностью старухи и, вообще, ничтожностью власти хановъ въ Касимовѣ.

Старуха проскрипѣла, однако, послѣ сына года два и умерла. Касимовское царство кончилось.

Странное было это царство — «служительское»!.. Никогда оно не было независимымъ. Ни одинъ ханъ его не зналъ, что такое независимость. Всѣ, отъ перваго до послѣдняго, были «слугами» московскими... Въ исторіи нѣтъ другого такого примѣра.

Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что сознавая свое безсиліе и не надѣясь ни на какое не только расширеніе своихъ правъ отъ Москвы, но даже и на сохраненіе и удержаніе за собою и тѣхъ правъ, какія были прежде, касимовскіе цари и царевичи охотно соглашались ѣхать и дѣйствительно ѣхали въ Москву, гдѣ имъ льстило хоть внѣшнее, зло подсмѣивавшееся надъ ними, выраженіе почтенія къ нимъ и блескъ и шумная жизнь московскихъ царей, у которыхъ они могли жить этой жизнью, если не отравляло ихъ всецѣло сознаніе, что они допущены къ этой жизни ради ея бле-

стоянно и холодно накладывавшую на нихъ свою руку.

Съ этой жалкой ролью они, повидимому, мирились и, считая свое дѣло окончательно и навѣки проиграннымъ, удовлетворялись и тѣми малыми крохами уваженія и почтенія, которыя, совершенно, конечно, внѣшнія, давала имъ побѣдительница Москва...

V.

Благотворительное дамское гулянье, въ которомъ и я принималъ участіе, помогая продавать благотворительные орѣшки, затянулось часовъ до двухъ ночи, такъ что я едва не опоздалъ на другой день утромъ на пароходъ, отходящій изъ Рязани что-то очень рано, часовъ въ 6 или 7; къ тому же пристань пароходная для чего-то отнесена отъ Рязани верстъ за пять за городъ и дорога до этой пристани поистинѣ убійственная.

День начинался чудесный, ясный, тихій, какіе бываютъ, въ этой мѣстности весной—я ѣхалъ въ маѣ—и какіе, впрочемъ, весной вездѣ бываютъ. Ока широко разлилась и стояла гладкая какъ зеркало.

— Самое время по ней ѣздить теперь,—говорили на пароходѣ.

— А развѣ шибко мелѣетъ лѣтомъ.

— Лѣтомъ въ половину мелѣетъ.

— Но пароходы-то все-таки ходятъ?

— Ходятъ. Волга еще больше мелѣетъ лѣтомъ, а все-таки все лѣто ходятъ.

Пароходъ, казалось, катился по гладкому зеркалу рѣки. Желтые, песчаные берега съ одной стороны, съ правой, и низменные, зеленые, заливные, съ другой, съ лѣвой, далеко уходили извилинами впередъ, окоймляя эту зеркальную воду, блестѣвшую подъ солнцемъ ослѣпительнымъ блескомъ. Виднѣлись села по берегамъ, деревни, богатыя, повидимому, барскія усадьбы, широко и просторно раскинувшіяся, то тамъ, то тутъ на крутыхъ берегахъ, съ правой стороны отъ парохода.

Я сидѣлъ на верхней палубѣ и смотрѣлъ на роскошную картину весенняго разлива широкой рѣки. Возлѣ меня на скамеечкѣ сидѣли какихъ-то двое, очевидно, не здѣшняго края жители и, тоже любуясь привольемъ рѣки и цвѣтущимъ видомъ ея береговъ, вели между собою разговоръ:

— Вѣдь вотъ, чтожъ тутъ удивительнаго, что губернія богата,—говорилъ одинъ изъ нихъ.—Одна эдакая рѣка чего стоитъ.

— А земля-то здѣсь какая!

— Да, и неудивительно что въ цѣнѣ.

— И самое положеніе—подмосковная.

— Да, жить можно тутъ.

вамъ сейчасъ.

— Рѣдкія условія для процвѣтанія.

— Да вѣдь и богатство же. Вы смотрите. Вонъ, туда смотрите.

Одинъ изъ разговаривающихъ пассажировъ указывалъ рукой на мальчишекъ, ловившихъ бреднемъ рыбу у праваго берега.

— Вѣдь вотъ пошлютъ мальчишекъ, они и наловятъ ее сколько угодно, вотъ и обѣдъ готовъ... Благодатный край!

— Благодать здѣсь просто претъ. А, сады-то смотрите-ка по берегу. Вѣдь это все сады. Вы видите, вѣдь это все яблони, груши насажены...

— Благодатная сторона...

Но я уже кое-что зналъ, потому что я уже зналъ, что въ этой благодатной сторонѣ, т. е. въ этой губерніи, уже не осталось почти и половины лошадей въ крестьянскихъ дворахъ, и «бездомныя» крестьянскія семьи въ каждомъ уѣздѣ ея считаются тысячами, и что по оскудѣнію «благодатная» губернія эта идетъ едва ли не впереди всѣхъ остальныхъ... Я молчалъ и слушалъ ихъ.

На палубу къ намъ взошелъ капитанъ, плотный, здоровый мужчина лѣтъ тридцати пяти и, подходя ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ вы хотѣли, кажется, стерлядку-то купить? Такъ это вотъ на этой пристани будетъ. Ихъ тутъ съ лодокъ продаютъ: какая вамъ взглянется, ту и берите себѣ.

Пассажиры, разсуждавшіе все время о благодати Рязанской губерніи, услыхали это и тоже заговорили, что и они хотятъ купить себѣ стерлядку, но что они потомъ будутъ съ нею дѣлать?

— Какъ что?—сварить, уху сварить, а то такъ разварить,— сказалъ капитанъ.

— Да гдѣ это? На берегу же?

— Зачѣмъ? Здѣсь у себя на пароходѣ. Заплатите, дадите за это повару, онъ вамъ и сваритъ. Подъ соусомъ можно приготовить, порусски, поамерикански, а то въ огуречномъ разсолѣ—тоже прелесть какъ хорошо, знаете, эдакъ кисло-солененькой соусокъ потомъ къ нимъ можно сдѣлать, сухого хрѣнку натереть, да если этакъ съ водочкой...

Капитанъ смѣялся, пассажиры плотоядно улыбались, предвкушая предстоявшее имъ удовольствіе съѣсть стерлядку въ ухѣ или съ однимъ изъ такъ аппетитно разсказанныхъ имъ «соусковъ».

— Такъ вотъ-съ,—сказалъ капитанъ, — сейчасъ подойдемъ къ пристани, вы себѣ сойдите, хорошенько поторгуйтесь—народъ здѣсь мошенники все—выбирайте, у которой брюхо потолще—это значитъ съ икрой: икру тоже можно тутъ же приготовить—да пожелтѣй и, подлую ее, сейчасъ подъ жабры и на пароходъ!.. А ужъ тутъ мы съ ней справимся!.. Ха, ха...

прищелкнулъ языкомъ, ловко повернулся, дѣлая намъ рукою что-то въ родѣ привѣтствія, и пошелъ къ огромному колесу руля, въ стеклянную бесѣдку.

Пароходъ медленно подходилъ къ пристани—жалкой какой-то лачужкѣ на берегу, съ дрожавшимъ помостомъ на сваяхъ, куда мы должны были сейчасъ причалить. Нѣсколько лодокъ съ рыбаками стояли у пристани и въ ожиданіи насъ посматривали на нашъ пароходъ тоже, вѣроятно, съ неменьшимъ нашего аппетитомъ продать намъ свой живой товаръ.

— Благодатный край,—говорилъ пассажиръ, посматривая на лодки.

— Благодать,—отвѣчалъ ему другой пассажиръ.

Черезъ часъ, когда пароходъ шелъ опять уже полнымъ ходомъ, а мы, пассажиры, купившіе себѣ на пристани стерлядей, ѣли ихъ въ ухѣ или разварными подъ разными соусами, порусски, поамерикански, или подъ кисленькимъ соусомъ изъ огуречнаго разсола, къ намъ, въ общую каюту, опять пришелъ капитанъ.

— Не хотите ли? не отвѣдаете ли?—обращались къ нему со всѣхъ сторонъ благодарные за указаніе о мѣстѣ нахожденія стерлядей пассажиры—водочки рюмочку? а закуска-то какова?..

Выпивъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по рюмкѣ водки и закусывая ихъ стерлядями подъ разными соусами—американскими, русскими и кисленькими, капитанъ заговорилъ:—Дѣйствительно здѣшнія мѣста, въ этомъ отношеніи, не чего и говорить, лучшаго и желать нельзя, нигдѣ, можно сказать, за такую цѣну ничего подобнаго и достать нельзя.—Только, съ одной стороны, это на первый разъ хорошо, скоро надоѣдаетъ—потомъ не глядѣлъ бы даже—а, съ другой, народъ здѣшній—подлецъ... Голый совсѣмъ и изъ года въ годъ голѣй и голѣй все становится!—вдругъ совершенно какъ-то неожиданно—отъ стерлядей да къ народу—перешелъ онъ.

Пассажиры, все время очень внимательно кушавшіе стерлядей, при этихъ словахъ его, подняли на него глаза и начали спрашивать:

— Т. е. какъ это?

— Отчего?

— Избалованы? Распущены?...

— Не могу вамъ объяснить этого хорошо,—говорилъ капитанъ,—но только довѣрія никому никакого нельзя дѣлать... Сдѣлаете довѣріе и потомъ сами же будете раскаиваться.

— Это вы собственно о наймѣ... вотъ при наймѣ рабочихъ,—спросилъ кто-то изъ пассажировъ.

— И о наймѣ рабочихъ и вообще. Потому, ну я васъ спрашиваю, что вы потомъ съ него возьмете?.. Онъ голый и потому, что̀ вы съ него возьмете? У него взять нечего...

жиръ, сдѣлавшій ранѣе этого предположеніе о распущенности, но, сейчасъ же сообразивъ, проговорилъ,—впрочемъ, вездѣ вѣдь у насъ одинаковое управленіе, штаты одни и тѣ же. Можетъ присмотръ слабый?

— Не могу вамъ съ точностію сказать,—отвѣчалъ капитанъ,— но имѣть дѣло у насъ съ народомъ и, вообще, всякія дѣла здѣсь— сущее наказаніе...

Когда всѣ поѣли стерлядей, утерлись и, посидѣвъ нѣкоторое время, откинувшись на спинки стульевъ, начали одинъ по одному вставать, закуривать папироски, сигарки и уходить сидѣть опять на верхнюю палубу, я обратился къ капитану съ вопросомъ:

— Когда мы придемъ въ Касимовъ?

— Завтра утромъ, на разсвѣтѣ. Только солнышко начнетъ вставать, мы и придемъ. А, что вы только до Касимова развѣ?

— Нѣтъ, я и дальше, но сойду въ Касимовѣ. Мнѣ тамъ дня два надо побыть.

— Татарскій городъ,—сказалъ капитанъ.

— Вы бывали въ немъ?

— Какъ же-съ. Сколько даже разъ.

— Хорошій городъ?

— Татары живутъ хорошо... Да вотъ, — вдругъ опять одушевляясь началъ онъ, — вотъ эти самые татары...

— Чтожъ такое?

— Вѣдь живутъ же... Отчего же это наши не могутъ жить?

— Они чѣмъ занимаются? Татары-то?

— Да чѣмъ? Все тѣмъ же. А все отчего? Оттого, что живутъ вотъ какъ!—онъ сжалъ пальцы въ кулакъ.

— Скупо?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не скупо, а дружно. Одинъ за другого стоятъ, дружка за дружку стоятъ. Ихъ разорить нельзя. Одного тронь, они всѣ заголосятъ.

— А пробовали развѣ ихъ трогать-то?

— Все было,—нехотя отвѣчалъ капитанъ. — Нѣкоторые вѣдь изъ нихъ богато живутъ... Да вотъ вы поѣдете по городу—раззоренный домъ—это русскій; крѣпкая усадьба, дворъ чистый—татарскій домъ... Ну-съ, и потомъ, вѣдь, и то надо сказать, народъ бывалый, очень многіе между ними и въ Петербургѣ, въ Москвѣ, живали, и теперь живутъ по ресторанамъ тамъ, по гостинницамъ. Большія деньги нѣкоторые имѣютъ... Знакомства есть у нихъ. Служитъ иной въ ресторанѣ, или въ гостинницѣ, аристократія туда всякая пріѣзжаетъ... инымъ даже очень многіе графы и князья должны. Какъ его тронешь-то?.. Это тоже очень хорошо у насъ знаютъ,—глубокомысленно замѣтилъ капитанъ. И, помолчавъ не много, добавилъ:—По-

пятные.

Я посидѣлъ, поболталъ съ нимъ еще кой объ чемъ, и тоже пошелъ на верхнюю палубу, гдѣ теперь собрались всѣ пассажиры.

VI.

Ока становится все шире и шире, правый берегъ ея круче и обрывистѣе. Какіе-то бѣлые полосы въ немъ—это известнякъ. Лѣвый берегъ совсѣмъ плоскій, кое-гдѣ только возвышается на сажень или сажени на двѣ надъ водой. Этотъ берегъ весь зеленый, кажется, тутъ заливные луга. Ширина Оки здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ версту. Встрѣчаются отмели, бѣлыя, песчаныя, всѣ покрыты чайками. При приближеніи парохода, особенно когда онъ проходитъ близко отъ отмели, чайки съ криками поднимаются и летятъ впереди, справа, слѣва и позади парохода цѣлыми стаями: тутъ ихъ тысячи и всѣ онѣ кричатъ. Съ непривычки, это очень оригинальная картина.

Налѣво, гдѣ-то далеко, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега поднималось облако дыма. Бывалые, изъ здѣшнихъ, пассажиры, смотря на это облако, дѣлали различныя предположенія, чтò именно это горитъ, т. е. какое село:

— Это непремѣнно Богородицкое, — говорили одни.

— Нѣтъ, это Покровское,—возражали имъ.

— Богородицкое объ эту пору всякій годъ горитъ,—говорили торговаго вида люди.

— И Покровское тоже каждый годъ горитъ,— возражали имъ другіе.

Начали спрашивать капитана.

— Да ужъ теперь пойдетъ, каждый день пойдетъ горѣть,—отвѣчалъ капитанъ.—Это Богородицкое горитъ,—заключилъ онъ.— Покровское будетъ дальше — вонъ гдѣ, противъ вонъ этого мыса. Во-онъ, во-о-онъ, что надъ бѣлымъ обрывомъ-то. Тутъ еще, въ прошломъ году, когда Покровское-то горѣло, мы тутъ одну лодку чуть не опрокинули. Да какъ же, дали имъ свистокъ, а они знай себѣ все на перерѣзъ пароходу ѣдутъ... Такой народъ...

Вечеромъ, когда смерклось, мы, сидѣвшіе на верхней палубѣ, не боясь сырости, могли наблюдать одновременно еще два пожара какихъ-то близь лежащихъ деревень.

— Теперь пойдетъ... теперь пошло!—весело повторялъ капитанъ, точно онъ этому радовался.

Пассажиръ, дѣлавшій утромъ, передъ стерлядями, предположеніе о распущенности народа въ Рязанской губерніи, и сидѣвшій теперь въ пальто съ поднятымъ, отъ сырости вечерняго воздуха, воротникомъ, соглашался, что съ нашимъ народомъ ничего не по-

— Ну, вы возьмите во Франціи, въ Германіи, я не говорю ужъ объ Англіи...—доносилось до меня.

— Да нѣтъ, вы возьмите даже у насъ, въ Лифляндской, въ Курляндской губерніяхъ...

— Тамъ есть присмотръ-съ...

Я посидѣлъ еще сколько-то, становилось сыро; съ рѣки поднимался густой туманъ, такъ что я не знаю какъ мы и шли. Мнѣ захотѣлось чаю, и я сошелъ внизъ въ общую каюту. Тамъ на трехъ столахъ играли въ винтъ.

— Такъ вы отъ насъ въ Касимовѣ уйдете?—обратился ко мнѣ капитанъ.

— Да, непремѣнно.

— Посмотрите, посмотрите... Велѣть васъ развѣ разбудить, какъ придемъ? Чтобы не остались на пароходѣ, не проспали?

— Да, пожалуйста.

— Съ удовольствіемъ... съ удовольствіемъ!..—растягивая слова, говорилъ капитанъ.—Я для пассажировъ, особенно такихъ милыхъ и любезныхъ какъ вы, всегда все готовъ сдѣлать.

Когда я уходилъ, немного погодя, къ себѣ въ каюту, онъ это замѣтилъ—онъ тоже игралъ—всталъ, взялъ меня за руки и, пожимая ихъ, повторилъ нѣсколько разъ:

— Я для моихъ пассажировъ готовъ всегда. Я на это такъ смотрю: пассажиръ что такое? Онъ мой гость?

— Это такъ,—сказалъ я.

VII.

То утро было хорошо, когда я выѣзжалъ изъ Рязани, а это, кажется, еще лучше было. Тишина на рѣкѣ была удивительная. Зеркало воды курилось легкимъ паромъ, растилавшимся и поднимавшимся передъ пароходомъ. Въ кустахъ, на берегу, гдѣ-то свисталъ соловей. Солнце еще не вставало, но было уже совсѣмъ свѣтло.

— Чаю не прикажете?—спросилъ меня за спиной, продрогшій на утреннемъ холодѣ, дежурный лакей на пароходѣ, когда я вышелъ на палубу.

— А можно? Успѣю я еще?

Вдали виднѣлся на горѣ Касимовъ. Изъ купы деревъ и изъ садовъ его высились церкви, бѣлѣли колокольни. Лакей принесъ мнѣ стаканъ чаю съ лимономъ и поставилъ его на столикъ.

— Ты татаринъ?—спросилъ я его, всматриваясь въ его толстое, бритое, круглое лицо.

— Татарынъ,—отвѣтилъ онъ.

— А прежде гдѣ былъ?

— У Бореля, въ Петербургѣ... Я васъ знаю,—весело и широко улыбаясь, сказалъ онъ и отступилъ на нѣсколько шаговъ, заложивъ руки назадъ.

— Ты какъ же сюда-то попалъ отъ Бореля?

— Да такъ-съ,—онъ пожалъ плечами, помялся на мѣстѣ и сказалъ,—признаться, маленько было зашибать началъ.

— Нехорошо...

— Теперь ничего, осенью опять туда поѣду.

Пароходъ быстро бѣжалъ. Касимовъ былъ уже—вотъ онъ, рукой подать. Съ парохода онъ кажется очень красивымъ и чистымъ городкомъ. Надъ страшной кручью, на самомъ берегу Оки, рядъ хорошенькихъ домиковъ; много зелени; желтые обрывистые берега, пароходы у пристани, барки, суда, лодки,—все это очень пестро, живо и красиво. Въ городѣ, какъ и у насъ на пароходѣ, всѣ еще спали, не видно было ни души. Жизнь, казалось, вотъ-вотъ проснется сейчасъ и закипитъ. Но она еще не закипала. Пароходъ подошелъ и остановился. На палубу вышло человѣкъ двадцать заспанныхъ, сонныхъ пассажировъ. Начали выносить багажъ—чемоданы, корзины, узлы. Вышли откуда-то двѣ татарки, закутанныя съ головой въ тяжелые толстые шерстяные платки московской фабрикаціи. Лицъ не видно,—только блеститъ пара черныхъ, маленькихъ глазъ. Старикъ татаринъ въ шапкѣ изъ сѣрыхъ мерлушекъ, надвинутой совсѣмъ на затылокъ, такъ что видна была спереди ермолка, надѣтая на бритую голову, подошелъ къ нимъ и что-то говорилъ—приказывалъ, объяснялъ—мнѣ показалось—потому что все время разводилъ руками. Наконецъ, пароходъ остановился, и мы вышли на берегъ. У пристани стояло нѣсколько извозчиковъ.

— Извозчикъ!—сказалъ я и остановился—я не зналъ куда его нанять...—Какая у васъ лучшая гостинница?

— Гостинница?

— Ну, да.

— Татарская... Номера Середковой...

— Вези въ татарскую,—сказалъ я, предположивъ по чему-то что въ татарскомъ городѣ татарская гостинница должна быть лучшею.

Мы начали подниматься по кручѣ все вверхъ, лошадь едва шла. Спускъ отъ города къ рѣкѣ, къ пристани, совсѣмъ не устроенъ: какіе-то булыжники, наваленные по дорогѣ, призваны, вѣроятно, изображать мостовую. Подъ колесами они непріятно визжать, а дрожки, попадая на нихъ, чуть не опрокидываются на бокъ. Поднялись мы, наконецъ, на верхъ и поѣхали по какимъ-то улицамъ, узенькимъ, грязнымъ-прегрязнымъ. Направо что-то въ родѣ гостиннаго двора, но такъ какъ было еще очень рано, то всѣ лавки были

строенный, потому что еще не отштукатуренъ и главы покрыты еще не позолоченной и невыкрашенной бѣлой жестью; но самое зданіе большое и для уѣзднаго городка даже величественное, хотя вкусу и стиля въ немъ никакого, просто несоразмѣрно громаденъ въ сравненіи съ городкомъ, гдѣ всѣ почти дома маленькіе, двухъэтажные и большею частью деревянные.

Мы подъѣхали къ грязному-прегрязному каменному дому желтаго цвѣта и остановились.

— Что это? Это и есть татарская гостинница?

— Та самая.

Уже одинъ внѣшній видъ съ улицы былъ такой, что я велѣлъ везти себя дальше—ужасъ что такое!

Извозчикъ проѣхалъ нѣсколько шаговъ дальше и остановился у противуположной стороны улицы.

— А это что?

— Номера Середковой.

И домъ, и внѣшній видъ совершенно такіе же. Я посмотрѣлъ, подумалъ, поглядѣлъ вдаль, въ концѣ улицы — пусто, уныло, скучно, мысль невольно перелетѣла назадъ, на приволье Оки, на чистый, уютный, комфортабельный пароходъ, только-что мною оставленный и я чуть-чуть не велѣлъ ѣхать назадъ. Но извозчикъ, перебивъ мою мысль, спросилъ:

— Въѣзжать?

— Въѣзжай, чтожъ дѣлать? — въ торопяхъ, несобравшись съ мыслями, отвѣтилъ я, и мы въѣхали — въѣхали въ нѣчто неописуемо и неизобразимо грязное, вонючее, зловонное.

Подъ навѣсомъ сарая какой-то здоровой мужикъ, нагнувшись, что-то мнѣ показалось, завязывалъ или развязывалъ, завернутое въ полушубокъ или тулупъ. Когда онъ обернулся, и сталъ смотрѣть на насъ, я увидѣлъ, что у него всѣ руки въ крови, красныя; показавшійся мнѣ тулупъ оказался бараномъ, котораго онъ только-что зарѣзалъ.

— Сейчасъ,—проговорилъ мужикъ, смотря на насъ и вытирая клочкомъ сѣна окровавленныя руки.

— Номера свободныя есть?—спросилъ его извозчикъ.

— Есть, сейчасъ,—отвѣтилъ мужикъ и подошелъ, чтобы брать и нести на верхъ мои чемоданы. Я брезгливо посмотрѣлъ невольно ему на руки, какъ бы онъ не перепачкалъ ими еще мои вещи. Онъ взвалилъ на плечи чемоданы и пошелъ впередъ; я за нимъ.

Прислуга — высокій, до невѣроятности, оборванный, блѣдный, скверно блѣдный, болѣзненный лакей и какой-то мальчишка— спали на не постланной кровати въ одномъ изъ нумеровъ, оба не раздѣтые, только съ разстегнутыми жилетами и штанами.

чемоданы.

— Ты тише братецъ,—сказалъ я ему. Меня ужъ эта грязь уѣздного городка начала раздражать. Можно еще помириться съ деревенской грязью — отъ нея можно уйти на чистый воздухъ: душно, воняетъ — иди себѣ сидѣть или спать на крыльцо, въ ригу, на огородъ. А тутъ куда уйдете? На улицу такую же вонючую? На балконъ, который виситъ надъ этой улицей?

Номера по полтора и по два рубля были всѣ пустые, настежь отворенные въ корридоръ и всѣ одинаковы — только побольше и поменьше. Дѣлать, однако, было нечего, я остался, велѣлъ подать себѣ самоваръ, сливокъ, булокъ, потомъ подошелъ къ окну, отворилъ его и сталъ смотрѣть на улицу. Тишина — ни души, ни направо, ни налѣво. Лавки заперты. По серединѣ улицы спитъ, свернувшись комкомъ, собака. Я посмотрѣлъ на часы, было только еще нѣсколько минутъ пятаго. Вдали раздался длинный, продолжительный свистокъ—отходилъ пароходъ, на которомъ я пріѣхалъ...

Я напился чаю, выкурилъ сигару — въ городѣ все еще было мертво, тихо, не смотря на то, что было ужъ часовъ шесть. Въ самомъ маленькомъ городишкѣ и даже посадѣ съ бойкой торговлей, движеніе обыкновенно начинается часовъ въ пять утра и даже раньше. Тутъ же никто не просыпался и въ шесть. Отъ нечего дѣлать, я свистнулъ и началъ звать собаку, которая лежала какъ разъ противъ моихъ оконъ на улицѣ. Она сонно подняла на меня голову и сейчасъ же еще плотнѣе и компактнѣе улеглась и сколько ужъ я не звалъ ее, не думала оглядываться. А утро было чудесное, день начинался ясный, солнечный, зелень виднѣлась въ садахъ яркая, свѣжая, весенняя... Но вотъ мало-по-малу начали на улицѣ показываться люди — одинокіе, молчаливые, куда-то торопливо проходившіе. И вдругъ ударъ колокола, гдѣ-то близко, точно вотъ за угломъ сейчасъ. Потомъ второй разъ, третій и пошло. Звонъ начался во всѣхъ церквахъ, гдѣ погромче, гдѣ потоньше, какъ-то съ перезвономъ, по праздничному, и улица вдругъ оживилась — показался вдругъ откуда-то высыпавшій народъ, мѣщане, купцы, мѣщанки, купчихи въ пестрыхъ, лѣтнихъ, шолковыхъ платкахъ и мантильяхъ. Я вышелъ и отправился бродить по городу.

С. Терпигоревъ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

ВОСПОМИНАНІЯ БЫВШЕЙ КАМЕРЪ-ЮНГФЕРЫ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ [1].

XVI.

А НѢСКОЛЬКО дней до поѣздки въ Москву для коронованія императрица Марія Александровна была въ большомъ затрудненіи. Старшая изъ камеръ-юнгферъ ея сильно захворала, вторая была слишкомъ еще неопытна въ путешествіяхъ, тѣмъ болѣе при большихъ туалетахъ, такъ какъ она не задолго передъ этимъ поступила на службу, на мѣсто моей родственницы, вышедшей замужъ.

Императрица приказала своему секретарю просить мою родственницу сопровождать ее на время пребыванія въ Москвѣ; конечно, та съ большою радостью исполнила желаніе императрицы.

Однажды, пріѣхала я съ моею 8-ми лѣтнею дѣвочкой въ Зимній дворецъ. Такъ какъ моя родственница была дежурная, то мнѣ пришлось спуститься въ дежурную комнату. Почти вслѣдъ за мною вошли великіе князья; они посмотрѣли на мою дѣвочку и побѣжали, крича:

— Мама! какая хорошенькая дѣвочка пришла!

Тотчасъ же одинъ изъ великихъ князей вернулся и принесъ цѣлый узелъ анисовыхъ пряниковъ.

— Держи твой передникъ!—сказалъ онъ моей дочери.

Она повиновалась и великій князь высыпалъ цѣлую груду пря-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. xxxi, стр. 393.

— Мама сказала, что пряники не хорошо сдѣланы, ты не кушай ихъ, а вотъ мама даетъ тебѣ конфекты,—и далъ ей двѣ тянушки.

Въ Дармштадтѣ есть обыкновеніе къ Рождеству печь анисовые пряники. Великая княгиня ихъ очень любила. Луиза Бегеръ, о которой я уже говорила, подносила великой княгинѣ ихъ каждый годъ къ Рождеству. Впослѣдствіи ихъ стали печь въ придворной кондитерской, но великая княгиня находила, что ихъ не такъ хорошо приготовляютъ.

Разъ, въ Пасху пріѣхала я поздравить государыню и взяла съ собою моего 6-ти лѣтняго мальчика, крестника ея. Всѣ пріѣхавшія поздравить ее были позваны въ опочивальню. Вошелъ государь. Онъ только-что перехристосовался съ массою ординарцевъ, часовыхъ, стоявшихъ у дверей его комнатъ, со всѣми своими служащими, и началъ христосоваться съ нами: подходя къ каждой, онъ говорилъ: «Христосъ воскресе!»—подставлялъ три раза то правую, то лѣвую щеку, громко чмокая губами въ воздухъ, будто цѣлуетъ; каждая изъ насъ скороговоркою отвѣчала: «Воистину воскресе!» и цѣловала подставленныя щеки, а онъ, проходя быстро, успѣвалъ дѣлать нѣсколько вопросовъ. Похристосовавшись съ моимъ мальчикомъ, для чего присѣлъ, онъ спросилъ:

— C'est votre garçon? (Это вашъ мальчикъ?)—провелъ пальцемъ по лицу ото лба до подбородка и опять спросилъ:

— Quel âge a-t-il? pourquoi est-il si pâle? (Который ему годъ? отчего онъ такой блѣдный?).

Потомъ вошла императрица, на ней былъ надѣтъ нарядный бѣлый кашемировый съ шелковой отдѣлкою капотъ, бѣлый кружевной чепчикъ и на груди бриллiантовая брошь; съ нею вышелъ великій князь Сергій Александровичъ, онъ держалъ довольно большую корзину съ фарфоровыми яицами.

Мы подходили къ государынѣ одна послѣ другой и говорили: «Христосъ воскресе!» она, кивая головой, очень привѣтливо отвѣчала: «Merci» (Благодарю). Мы цѣловали ей руку, а она насъ въ голову; брала изъ корзинки яйцо и приговаривала:

— Voici pour vous aussi un oeuf (Вотъ вамъ также яйцо).

Мнѣ она дала порфировое яйцо [1]). Увидавъ моего мальчика, она сказала:

— Ah c'est le tout jeune, c'est le quatrième? (А! это самый младшій, это четвертый?) и, улыбаясь, прибавила: n'est-ce pas, vous en avez assez? (не правда ли, у васъ ихъ довольно?)

---

[1]) Императрица къ яйцу иногда прибавляла какую-нибудь фарфоровую или стеклянную вещицу: вазу или тарелку для фруктовъ, графинъ со стаканомъ, подсвѣчники, или какое-нибудь хорошенькое украшеніе на туалетъ.

шлось поздравлять государя на его половинѣ. Государь никогда не раздавалъ яицъ, но въ этотъ и единственный разъ, онъ далъ мнѣ красное мраморное яйцо.

XVII.

Въ одинъ изъ большихъ праздниковъ передъ переѣздомъ въ Царское Село, при дворѣ былъ выходъ. Императрица надѣла драгоцѣнное жемчужное ожерелье, состоявшее изъ четырехъ нитокъ крупнаго жемчуга; крупнѣйшія зерна находились на срединѣ, менѣе крупныя къ концамъ и замыкались большимъ фермуаромъ изъ жемчуга же.

Вскорѣ опять былъ выходъ и императрица пожелала снова надѣть то же ожерелье. Надо замѣтить, что жемчугъ былъ такъ математически вѣрно подобранъ по величинѣ, и нитки лежали такъ плотно одна къ другой, что составляло какъ бы нѣчто сплошное. Въ этотъ же день, къ крайнему изумленію всѣхъ, ожерелье ни коимъ образомъ не могли уложить ровно: верхняя нитка постоянно падала на слѣдующую; какъ ни поправляли, ожерелье не было возможно надѣть. Императрица, конечно, этимъ осталась очень недовольна; она надѣла длинную нитку крупнаго жемчуга, спускавшуюся ниже пояса.

Какъ только государыня ушла въ церковь, камеръ-фрау послала тотчасъ же за придворнымъ ювелиромъ и таксиромъ—Кеммеромъ. Онъ зналъ всѣ брилліанты и драгоцѣнности государыни. Придя, Кеммереръ уложилъ ожерелье въ ящикъ, въ которомъ были сдѣланы четыре желобка, куда всыпаются зерна, когда ихъ нанизываютъ. Сейчасъ же обнаружилось, что тутъ не всѣ зерна; но симметрическое распредѣленіе жемчуга по величинѣ не было нарушено, а потому и было трудно тотчасъ опредѣлить, сколько и какихъ зеренъ не хватаетъ. По вѣсу и справкѣ въ книгѣ, ювелиръ объявилъ, что не хватаетъ 8 жемчужинъ, стоимостью въ 800 рублей.

Несчастная камеръ-фрау пришла въ отчаяніе; она не находила покоя, измученная и озабоченная невозможностію найти виновнаго и узнать, какимъ способомъ и когда могли извлечь изъ замкнутой витрины жемчугъ.

Тотчасъ дано знать о пропажѣ оберъ-полиціймейстеру: конечно, за всѣми былъ учрежденъ строгій, секретный надзоръ.

На другой день неожиданно приходитъ къ камеръ-фрау женщина, бросается передъ нею на колѣни, умоляя не погубить ее, и объявляетъ, что она можетъ указать кѣмъ похищенъ жемчугъ.

Камеръ-фрау успокоиваетъ ее, обѣщая не только не погу-

юнгферы О...ниной, называетъ виновницу и разсказываетъ, какъ было дѣло.

Въ дежурной комнатѣ по очереди ночевали: камеръ-фрау и старшая камеръ-юнгфера. Когда О. была дежурная ночью и горничная ея пришла въ дежурную комнату слать постель и помочь раздѣться, то увидала въ рукахъ О. ожерелье. О. принуждала свою горничную помочь ей перенизать бусы; у нея заранѣе было приготовлено нѣсколько нитокъ бѣлаго тамбурнаго шелку, какой обыкновенно употребляютъ ювелиры для нанизыванія бусъ; на каждомъ концѣ нитки были всучены тонкія золотыя проволочки, служившія вмѣсто иголки.

Горничная умоляла свою госпожу не трогать жемчуга. О. ничего не хотѣла слышать и продолжала приводить въ исполненіе свое намѣреніе. Горничная сообщила, что жемчугъ гдѣ-то заложенъ. Камеръ-фрау, запретивъ горничной разсказывывать кому бы то ни было о томъ, что она сообщила, написала и показала императрицѣ анонимное письмо, будто сейчасъ полученное ею, въ которомъ названа преступница. Тотчасъ дано было знать объ этомъ оберъ-полиціймейстеру. Уже по первому заявленію о пропажѣ, полиція объѣздила всѣхъ ростовщиковъ и напала на слѣдъ. О..ну поджидалъ сыщикъ у одного ростовщика, разсчитавъ совершенно вѣрно, что она поторопится выкупить жемчугъ. Выкупивъ жемчугъ, она возвращалась домой, но ее арестовали у дверей квартиры и отвезли въ полицію, гдѣ ей отвели комнату съ однимъ окномъ за желѣзною рѣшеткой и крошечнымъ отверстіемъ въ дверяхъ, въ которое постоянно наблюдалъ за ней часовой съ ружьемъ. Ее нѣсколько разъ допрашивали, но она не сознавалась.

Наконецъ, къ ней въ комнату вошелъ молодой человѣкъ пріятной наружности; онъ сталъ съ большимъ участіемъ распрашивать и жалѣть ее, совѣтовалъ лучше самой сознаться, чѣмъ ждать пока все будетъ раскрыто полиціей; но виновница стойко поддерживала свою невинность. Тогда, съ видомъ участія, онъ сталъ говорить, что совершенно понимаетъ, что любящая женщина на все готова рѣшиться и жертвовать собою для любимаго человѣка; онъ знаетъ, что она любитъ молодого доктора и хотѣла ему помочь, знаетъ, что для этого она заложила жемчугъ за 800 р., знаетъ, что она его выкупила, какъ только разнесся слухъ о пропажѣ, но что не успѣла его вернуть обратно. Она все еще упорствовала и не сознавалась.

Наконецъ, онъ сказалъ, что такого-то числа въ такомъ-то домѣ она позвонила и ей открылъ дверь лакей, который видѣлъ какъ она выкупала жемчугъ, а этотъ лакей былъ онъ самъ, и что въ эту минуту жемчугъ лежитъ у нея въ сакъ-вояжѣ. Гораздо лучше,

гдѣ онъ его нашелъ.

Видя, что все открыто и больше запираться нельзя, она, рыдая, во всемъ созналась, отдала ему жемчугъ и отвѣчала на всѣ его вопросы, а тѣмъ временемъ за стѣною всѣ ея отвѣты записывались.

Государь приказалъ ей въ 24 часа оставить Петербургъ съ запрещеніемъ когда-либо въ него вернуться. Кажется, ей было указано жить въ Новгородѣ. Государыня ассигновала ей 400 рублей пенсіи.

Года черезъ два, три, она все-таки рѣшилась пріѣхать въ Петербургъ и даже показаться въ Царскомъ Селѣ, неподалеку отъ дворца. Государь, возвращаясь съ прогулки, издали ее узналъ и тотчасъ велѣлъ полицейскому, стоявшему у дворца, немедленно отправить ее обратно на мѣстожительство и повторить ей запрещеніе показываться въ Петербургѣ и его окрестностяхъ.

Когда великому князю Николаю Александровичу пошелъ восьмой годъ, къ нему приставленъ былъ дядька и мужская прислуга. Императрица Марія Александровна (тогда еще великая княгиня) оставила его камеръ-юнгферу К. Е. Ш. при себѣ. Съ этого времени при императрицѣ были три камеръ-юнгферы, и онѣ стали дежурить каждая черезъ два дня. Чрезъ нѣсколько лѣтъ К. Е. Ш. объявила, что намѣрена выйти замужъ. Императрица очень жалѣла съ нею разстаться и сказала ей:

— Во всякомъ случаѣ, знайте, что такъ или иначе, но я всегда буду готова и всегда буду довольна васъ снова имѣть при себѣ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ К. Е. Ш. по мужу Винклеръ сильно и опасно заболѣла. Императрица, узнавъ объ этомъ, послала къ ней своихъ докторовъ и, по выздоровленіи, поручила своему секретарю предложить ей чистую отставку съ пенсіей всего ея содержанія $3\frac{1}{2}$ тысячи. К. С. Ш. отвѣтила просьбой, чтобы ей простили тѣ 15,000 р., которые она получила заимообразно для перестройки ея дома. На ея просьбу согласились.

Эта честная и благородная особа заслуживала полнаго уваженія и любви всѣхъ знавшихъ ее.

Когда цесаревна Марія Θеодоровна, нынѣ благополучно царствующая императрица, имѣла надежду быть скоро матерью, императрица Марія Александровна поручила камеръ-фрау Винклеръ приготовить приданое для будущаго новорожденнаго. Приданое стоило большихъ денегъ и состояло изъ такого множества вещей и бѣлья, что ребенокъ не могъ употребить всего, тѣмъ менѣе сносить. Когда же вторично надо было готовить приданое, императрица снова обратилась съ этимъ порученіемъ къ камеръ-фрау; послѣдняя напомнила о томъ, что множество вещей осталось не тронутыми отъ перваго приданаго и осмѣлилась предложить нѣкоторую благо-

получить деньги.

Цесаревна была довольна этою мыслью, и какъ она, такъ и императрица, выразили милостиво на то свое согласіе. Такъ какъ, по обычаю, за приготовленное приданое, камеръ-фрау получала подарки, то императрица спросила Винклеръ:

— Зачѣмъ вы отказались готовить приданое? вѣдь вы получаете же за это что-нибудь изъ магазиновъ?

Винклеръ обидѣлась и съ чувствомъ собственнаго достоинства просила императрицу не имѣть такого о ней мнѣнія.

— Я никому не дозволяла поднести мнѣ что бы то ни было; прошу ваше величество вѣрить моимъ словамъ.

Достойная Каролина Егоровна Винклеръ была безкорыстна для себя и доброжелательна для другихъ.

XVIII.

Въ день серебряной свадьбы покойнаго государя, явилось множество желавшихъ принести свои вѣрноподданническія поздравленія царской четѣ. Въ числѣ ихъ было много особъ, отжившихъ свой вѣкъ, уже очень старыхъ, едва державшихся на ногахъ, напримѣръ, камердинеръ покойнаго государя Николая Павловича—Малышевъ — согбенный, сѣдой старикъ; заслужёная, бѣлая какъ лунь, камеръ-фрау покойной императрицы Александры Ѳеодоровны—Рорбекъ и др.

Когда я пришла поздравить государя и государыню и при этомъ выразила, что горячо благодарю Бога за то, что онъ допустилъ меня видѣть эти счастливые 25 лѣтъ, государыня отвѣтила:

— Ja, ich habe viel Kummer, aber auch viel Segen gehabt! (Да, я имѣла много печали, но также и много благополучія).

И государь и государыня милостиво вспомнили, что я осталась единственная, которая со дня пріѣзда государыни изъ Дармтадта поступила на службу, была свидѣтельницею ихъ бракосочетанія и теперь свидѣтельница ихъ серебряной свадьбы; остальныя или поступили позднѣе на службу, или не дожили до этого дня.

Ея королевское величество, королева виртембергская, Ольга Николаевна находилась тутъ же; она милостиво выразила свое удовольствіе, что послѣ многихъ лѣтъ опять увидала меня, и сказала:

— Aber veraendert haben sie sich sehr! (Но вы очень перемѣнились).

Государь примѣрилъ казацкій мундиръ, въ которомъ вѣнчался, и который теперь невозможно было застегнуть.

Между поздравляющими находились бывшія камеръ-юнгферы покойной императрицы Александры Ѳеодоровны, давно вышедшія замужъ; онѣ любопытствовали видѣть, что государь подарилъ го-

двухъ или трехъ бездѣлушекъ, тогда какъ государь Николай Павловичъ подарилъ государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ къ серебряной свадьбѣ бриллiантовый эсклаважъ съ семью по числу дѣтей грушеобразными крупными подвѣсками.

Императрица Марiя Александровна имѣла огромное количество драгоцѣнностей, которыя рѣдко надѣвала. Она давно отказалась отъ дорогихъ подарковъ, а принимала ихъ отъ государя деньгами; много золотыхъ и драгоцѣнныхъ вещей превращала въ деньги; во время войны она отказалась даже шить себѣ новыя платья, и всѣ эти сбереженiя отдавала на пользу вдовъ, сиротъ, раненыхъ и больныхъ.

Когда наступило время воспитывать моихъ дѣтей, я рѣшилась просить императрицу дать мнѣ на это возможность. Я написала ей письмо, прося платить за обѣихъ дочерей въ гимназiю; въ то время это составило бы 80 р. въ годъ. Письмо мое долго оставалось безъ отвѣта, а время шло. Сама я была больна и потому попросила одного знакомаго узнать въ канцелярiи императрицы, какой отвѣтъ данъ на мое письмо.

Мнѣ прислали сказать, что всѣ суммы, назначенныя на воспитанiе, уже распредѣлены. Этотъ отвѣтъ показался мнѣ невѣроятнымъ.

Въ скоромъ времени намѣревалась я обратиться къ государю по поводу проекта «Щитовыхъ и столбовыхъ объявленiй», выставляемыхъ на улицахъ, какъ это существуетъ за границей. Хозяинъ проекта былъ нѣкто Плюшаръ, когда-то очень богатый содержатель типографiи; компаньонами его были: художникъ Микѣшинъ, гласный думы Я. И. Григорьевъ и мужъ мой. Капиталъ долженъ былъ быть представленъ отъ всѣхъ четырехъ поровну; а я взялась хлопотать о разрѣшенiи. Главнымъ препятствiемъ могло быть то, что 25 лѣтъ тому назадъ, Плюшаръ представлялъ этотъ проектъ государю Николаю Павловичу, который тогда отказалъ утвердить его. Для представленiя проекта государю, надо было ѣхать въ Царское Село; мнѣ хотѣлось заодно похлопотать и о моемъ сынѣ; съ этою цѣлью я приготовила письмо на имя государя. Это было позднею осенью; къ пяти часамъ я прiѣхала въ Царское Село.

Мнѣ сказали, что государь обѣдаетъ у императрицы и что скоро возвратится. Дѣйствительно, чрезъ двѣ-три минуты государю доложили обо мнѣ; онъ тотчасъ же меня принялъ. Послѣ обычныхъ его фразъ: «Bonjour, comment ça va» (Здравствуйте, какъ поживаете) и т. д. онъ спросилъ:

— Vous avez quelque chose à me dire? (Вы имѣете мнѣ что-нибудь сказать),

Говоря это, государь протянулъ руку и взялъ у меня свертокъ

былъ полученъ отказъ. Государь слушалъ меня очень внимательно и, пока я говорила, разсматривалъ рисунки, которые очень ему понравились; они были сдѣланы художникомъ Микѣшинымъ. Когда я кончила, онъ посмѣялся, что я занялась проектами, и сказалъ:

— Отвѣтъ получите.

О дѣлѣ онъ всегда говорилъ порусски. Потомъ спросилъ о здоровьѣ моего мужа (ему было извѣстно, что мой мужъ слѣпъ и постоянно былъ боленъ).

Тутъ я ему сказала, что дерзаю просить его помочь мнѣ воспитать старшаго сына.

— Я такъ несчастна,—прибавила я,—въ апрѣлѣ мѣсяцѣ просила императрицу дать мнѣ возможность воспитать дочерей, а въ сентябрѣ получила отвѣтъ, что всѣ суммы заняты.

Онъ переспросилъ.

— Comment? l'impératrice vous a tout-á-fait refusê? (Какъ? императрица вамъ совсѣмъ отказала)?

Я повторила полученный отвѣтъ.

— Pour le garçon soyez tranquille. (На счетъ мальчика будьте спокойны).

Дня черезъ два я узнала о дальнѣйшей судьбѣ моего письма къ государю. Государь вернулся къ императрицѣ съ моимъ письмомъ въ рукахъ и засталъ ее еще въ уборной, гдѣ при ней находились камеръ-юнгферы.

— La Outermer t'a demandé pour ses filles, Marie! elle t'a servi, et tu lui a refusé? (Утермеръ просила тебя за своихъ дочерей, Мари! она тебѣ служила и ты ей отказала)?

Она быстро повернулась къ нему и сказала:

— Je n'en sais rien! (Я ничего объ этомъ не знаю)!

Онъ подалъ мое письмо и сказалъ:

— Fais ce que tu peux. (Сдѣлай, что можешь).

Черезъ два дня получила я изъ канцеляріи письмо, въ которомъ было сказано, что по высочайшему повелѣнію государя, мнѣ предоставляется избрать: или получать за одну дочь деньгами 300 р. въ годъ, или помѣстить одну же въ институтъ, для чего надо приготовить необходимые документы. Вслѣдъ за тѣмъ, мнѣ были даны средства и на воспитаніе сына.

Черезъ девять дней послѣ того, какъ я подала государю проектъ Плюшара—пришло извѣстіе изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, что дѣлу о «Щитовыхъ и проч. объявленіяхъ» данъ ходъ. Надо было видѣть радость Плюшара, который 25 лѣтъ лелѣялъ свое дѣтище и не зналъ къ кому съ нимъ обратиться, и вдругъ— въ перспективѣ представляется осуществленіе его давнишняго желанія! Часто бываетъ, что, повидимому, еще только одинъ шагъ—

тутъ: препятствія были со стороны министерства, ему казалось, что предложенная нами гарантія недостаточно обезпечиваетъ дѣло относительно какого-нибудь скандала въ видѣ появленія какихъ-нибудь недозволенныхъ публикацій на столбахъ, а дума желала выговорить себѣ, вмѣсто вознагражденій, разныя льготы. Дѣло затянулось. Прошло года два, вдругъ мы читаемъ въ газетѣ, что дума, съ разрѣшенія генералъ-губернатора свѣтлѣйшаго князя Суворова, вызываетъ конкурентовъ на устройство нашего дѣла. Я тотчасъ отправилась къ государю.

— Государь!—сказала я,—меня обкрадываютъ.

— Какъ такъ?

— Ваше величество, извольте вспомнить, что около двухъ лѣтъ тому назадъ, я имѣла счастье представить вамъ проектъ о щитовыхъ и столбовыхъ объявленіяхъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, этотъ проектъ былъ представленъ покойному государю, и въ продолженіе этихъ 27 лѣтъ ни одного подобнаго проекта не было представлено ни въ думу, ни въ министерство. На этихъ дняхъ дума посредствомъ печати вызываетъ конкурентовъ на проектъ, который принадлежитъ Плюшару и мнѣ, его компаньону.

— Да, я хорошо помню проектъ съ рисунками. Дайте мнѣ записку объ этомъ дѣлѣ для отсылки, куда слѣдуетъ о пріостановкѣ притязаній со стороны думы.

Въ бумагѣ, которую я подала государю, было ясно и точно выражено, что вызывать конкурентовъ дума не имѣетъ права, такъ какъ этотъ проектъ есть собственность извѣстнаго лица, просящаго привиллегію, и что содержаніе проекта стало извѣстно нѣкоторымъ лицамъ только съ того времени, какъ онъ былъ препровожденъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Такъ какъ вызовъ конкурентовъ былъ сдѣланъ съ разрѣшенія свѣтлѣйшаго князя Суворова, то мнѣ необходимо было видѣть его. Съ самаго начала этого дѣла я нѣсколько разъ бывала у генералъ-губернатора и мнѣ всегда приходилось съ нимъ говорить въ торопяхъ, потому что сотни желающихъ говорить съ нимъ ждали своей очереди; я находила, что объясненія съ нимъ при такихъ обстоятельствахъ ни къ чему не ведутъ.

Въ одно прекрасное утро я отправилась довольно рано, въ девятомъ часу, въ Зимній дворецъ, въ дежурную комнату императрицы. Я знала, что князь ежедневно приходитъ въ дежурную комнату освѣдомляться о здоровьѣ императрицы и о томъ, какъ она провела ночь. Я ждала не долго. Является князь и на свои вѣрноподданическіе вопросы получаетъ отвѣтъ; послѣ этого дежурная сказала ему:

жила у ея величества, а теперь желаетъ съ вами говорить.

Князь сейчасъ же вторично поклонился мнѣ, подалъ руку и сказалъ, что помнитъ, что я нѣсколько разъ была у него въ пріемный день. Я передала ему все, что мнѣ было желательно. Изъ разговора съ нимъ я могла замѣтить, что онъ желаетъ меня убѣдить, будто всѣ отзывы о моемъ проектѣ противъ меня.

— Я васъ попрошу,—закончилъ Суворовъ нашъ разговоръ,—придти ко мнѣ завтра утромъ въ 10 часовъ.

На это дежурная вмѣшалась, сказавъ:

— Ну, нѣтъ, князь, изъ этого толку не будетъ, чиновники ее не допустятъ до васъ.

— А, въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ бумагу и перо.

Это было тотчасъ исполнено, и князь написалъ на бумажкѣ крупными буквами: «Суворовъ» и расчеркнулся своимъ почеркомъ.

На другой день въ 10 часовъ утра, взявъ съ собою своего маленькаго сына, я явилась къ князю. Конечно, мнѣ объявили, что князя нѣтъ дома и что сегодня не пріемный день. Тогда я сказала, что князь назначилъ мнѣ день и часъ, чтобы къ нему явиться, и вотъ его подпись; тотчасъ меня приняли въ залъ, но просили подождать, такъ какъ князя дѣйствительно не было дома. Черезъ четверть часа услышала я голосъ князя: онъ былъ раздраженъ и кому-то съ сердцемъ выговаривалъ. Въ залѣ было еще два посѣтителя. Князь подошелъ къ первому, выслушалъ его и принялъ бумагу, со вторымъ говорилъ онъ очень любезно и весело. Покончивъ съ нимъ, онъ подошелъ ко мнѣ, совершенно серьезно и молча смотрѣлъ на меня, видимо или забылъ, или не узналъ. Эта сцена въ молчанку показалась мнѣ забавною, и я усмѣхнулась. Тутъ онъ всплеснулъ руками: «Бо-же мой! я васъ со всѣмъ не узналъ; милости прошу»! предложилъ руку и повелъ меня въ свой кабинетъ, усадилъ сначала моего маленькаго кавалера, поговорилъ и приласкалъ его, потомъ указалъ мнѣ стулъ противъ себя за письменнымъ столомъ. Я подала ему обширную записку, гдѣ въ въ главныхъ чертахъ былъ описанъ ходъ дѣла моего; въ то же время, жалуясь на произволъ думы, я предупредила, что сообщила обо всемъ государю, и что не далѣе, какъ дня черезъ два, вѣроятно, онъ пришлетъ князю мою бумагу. Князь терпѣливо прочелъ отъ доски до доски поданную мною записку и, наконецъ, сказалъ, вздохнувъ:

— Я былъ губернаторомъ въ Финляндіи, я былъ губернаторомъ въ Ригѣ, но нигдѣ та-кой без-го-ло-вой ду-мы не ви-далъ, какъ здѣшняя!! На какомъ основаніи она могла вызывать конкурентовъ?... А въ карманѣ у меня лежала газета, въ которой было сказано, что это сдѣлано съ разрѣшенія и по распоряженію губернатора и проч. и проч.

и дѣло стало быстро подвигаться. Чрезъ нѣсколько дней, Плюшаръ объявляетъ намъ, что въ министерствѣ ему сказали, что остается пройти еще только одну инстанцію и дѣло рѣшено. Компаньоны стали совѣщаться, какъ приступить къ дѣлу: всѣ расчитывали нажить чуть ни милліоны...—какъ вдругъ Плюшаръ сыгралъ съ нами самую глупую шутку... захворалъ—да дней черезъ пять и умеръ.

XIX.

Когда дочери мои кончили курсъ въ Васильевской гимназіи, я повезла ихъ въ Царское Село къ императрицѣ, чтобы они могли сами выразить ей свою горячую благодарность за образованіе, которое получили по великой ея милости. Императрица приняла ихъ въ высшей степени благосклонно, разговаривала то съ одной, то съ другой; распрашивала ихъ, чѣмъ онѣ намѣреваются теперь заняться. Обѣ высказали желаніе, старшая продолжать совершенствоваться къ живописи, младшая заняться педагогикой. Младшая получила золотую медаль, привезла ее показать императрицѣ, которая вынула медаль изъ футлярчика и со вниманіемъ разсматривала. Дочери благодарили императрицу еще и за присланные ею богатые подарки: она прислала имъ полный туалетъ ко дню акта, при чемъ подумала о самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ туалета, даже прибавила небольшую сумму на наемъ кареты, чтобы ѣхать во дворецъ къ принцу Ольденбургскому, гдѣ происходилъ актъ съ раздачею дипломовъ, медалей и евангелій.

Когда чрезъ нѣсколько лѣтъ младшая дочь моя сдѣлалась невѣстой, я представила ее императрицѣ. Она сказала:

— Je suis bien contente d'apprendre cette nouvelle, (я очень рада узнать эту новость),—съ участіемъ входила во всѣ подробности положенія и матеріальныхъ средствъ жениха, освѣдомлялась давно ли мы знаемъ его. Когда она узнала, что онъ давалъ дочери моей уроки латинскаго языка, то, улыбаясь, спросила:

— Est-ce en latin qu'il vous a fait sa proposition? (Онъ вамъ сдѣлалъ предложеніе на латинскомъ языкѣ)?

Императрица милостиво выразила свое согласіе благословить невѣсту къ вѣнцу. Скоро она прислала богатое приданое, сама выбрала большой образъ Казанской Богоматери и тотчасъ же приказала его освятить, говоря:

— Es muss fertig sein, damit wenn die Kleine [1]) kommt, sie nicht zu warten braucht. (Это должно быть готово, чтобы когда придетъ малютка, ей не надо было бы ждать).

---

[1]) Такъ называла императрица мою дочь; хотя послѣдняя отнюдь не была маленькаго роста.

правилась въ Павловскъ на именины къ великому князю Константину Николаевичу. Здѣсь она простудилась и серьезно занемогла; эта болѣзнь ясно очертилась и, можетъ быть, была зародышемъ ея смертельной болѣзни.

Когда, въ первые дни іюня мѣсяца, я пріѣхала съ дочерью для благословенія, императрица была такъ больна, что постоянно находилась въ забытьѣ. Только государь и великая княгиня Марія Александровна входили къ ней и то съ большою осторожностію и на самыя короткія минуты; принца Александра не допускали къ больной.

Государю доложили, что я пріѣхала съ дочерью: онъ пожелалъ, чтобы мы пришли къ нему, такъ какъ онъ самъ хотѣлъ благословить.

— Императрица очень больна, сказалъ онъ, и къ сожалѣнію не можетъ исполнить своего намѣренія — васъ благословить; я съ удовольствіемъ благословлю васъ отъ ея имени.

Затѣмъ онъ взялъ образъ, благословилъ невѣсту, далъ ей приложиться и сказалъ:

— Поздравляю васъ, желаю вамъ счастья, и если Господь благословитъ васъ дѣтьми, — воспитывайте ихъ такъ, какъ воспитывала васъ мать ваша!

Ничего болѣе лестнаго и милостиваго не могъ бы мнѣ сказать государь; я не ожидала подобной милости и была глубоко тронута его словами.

Императрица уѣхала за границу на продолжительное время. Осенью 1879 года она вернулась. Приближенные грустно смотрѣли на ея измѣнившееся лицо; она была слаба, но все-таки иногда проглядывалъ лучъ надежды. Весной предполагали поѣздку по Волгѣ. Каждое утро она вставала, ее одѣвали и усаживали въ кресло, на которомъ катили въ другую комнату, тщательно наблюдая, чтобы не было перемѣны температуры. Тутъ она молилась, потомъ слегка завтракала. Она сильно кашляла, зловѣщимъ, долгимъ, сухимъ кашлемъ. Нѣсколько разъ въ день она вдыхала кислородъ посредствомъ воздушныхъ подушекъ, и каждый вечеръ втирали ей мазь, для облегченія дыханія.

1880 года, 22-го мая, послѣ долгой и мучительной болѣзни, Господу угодно было усыпить навсегда императрицу Марію Александровну—эту святую женщину, мать бѣдныхъ и страждущихъ. Ей шелъ 56-й годъ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, я получила письмо изъ канцеляріи, въ которомъ говорилось: что государю императору благоугодно было предоставить мнѣ на память отъ въ Бозѣ почивающей императрицы Маріи Александровны—золотой браслетъ.

Въ концѣ 70 годовъ стали поговаривать, что въ министерствѣ путей сообщенія предполагается сократить штатъ. Боясь, что мой братъ, служившій въ Нижнемъ-Новгородѣ начальникомъ судоходной дистанціи, можетъ попасть въ категорію заштатныхъ, я просила государя оставить брата на его мѣстѣ. Еще при министрѣ Чевкинѣ, государь ходатайствовалъ о доставленіи брату хорошаго мѣста, которое черезъ два дня и было ему предоставлено.

Въ зиму 80-го года братъ извѣстилъ меня, что совершенно неожиданно и случайно изъ газетъ узналъ, что его повысили чиномъ и причислили къ департаменту на самое скудное жалованье, а на мѣсто его назначили другого. Я хотѣла было просить государя возвратить брату прежнее мѣсто; но, конечно, если начальству нужно было предоставить его мѣсто другому лицу, то идти противъ, было бы по меньшей мѣрѣ неблагоразумно. Цѣлый годъ братъ мой бѣдствовалъ при разстроенномъ здоровьѣ. Къ веснѣ обѣщано было ему мѣсто при постройкѣ Сибирской пристани, а пока надо было жить и лѣчиться. Письма его ко мнѣ были самыя раздирающія душу. Я рѣшилась во что бы то ни стало помочь ему.

Я чистосердечно разсказала государю неудачную судьбу моего брата. Едва только кончивъ курсъ, онъ былъ отосланъ въ Новгородъ на службу. Здѣсь онъ женился, или вѣрнѣе, его женили, и онъ началъ мыкать горе на маленькомъ жалованьи. Въ семейной жизни онъ не зналъ счастья, и ему скоро пришлось разстаться съ женой по обоюдному согласію; это не могло не подѣйствовать пагубно на всю его судьбу. Теперь внезапная перемѣна должности застала брата съ долгомъ. Когда кредиторы узнали, что онъ уже не на прежнемъ мѣстѣ, то стали неотступно требовать уплаты.

Государь узналъ отъ меня, какимъ образомъ братъ лишился мѣста, котораго уже нѣсколько лѣтъ домогались многіе, и внезапно сдѣлался несостоятельнымъ должникомъ. Онъ внялъ моимъ мольбамъ и обѣщалъ спасти доброе имя брата. Тотчасъ телеграфировала я брату: «Молись и надѣйся на нашего милосерднаго царя». Я думала, что пройдетъ нѣсколько дней пока мнѣ возможно будетъ обрадовать брата. Но какъ была я удивлена, когда въ самый же день разговора моего съ государемъ, курьеръ привезъ мнѣ 4,000 р., которые я тотчасъ чрезъ банкъ перевела въ Нижній.

Благодаря такому щедрому подарку добраго государя, братъ мой могъ расплатиться со всѣми своими кредиторами до послѣдней копѣйки.

1-е Марта 1881 года было для меня самымъ ужаснымъ днемъ во всей моей жизни. Я была на базарѣ, дававшемся въ пользу еврейской школы, когда раздались два зловѣщіе взрыва. Отъ прибывающей публики я узнала страшную вѣсть; я бросилась домой. На подъѣздѣ швейцаръ встрѣчаетъ меня вопросомъ: «правда ли?»

ронцову, узнать истину. Слухъ подтвердился. Народу, запрудив-шему всю площадь и толпившемуся у подъѣзда Зимняго дворца, было объявлено о кончинѣ государя въ 4 часа. Я не въ силахъ передать то, что чувствовала въ эти страшныя минуты; я находилась почти въ безсознательномъ состоянiи.

На другой день въ 9 часовъ утра, я поѣхала къ генералу Г., чтобы узнать какимъ способомъ мнѣ можно будетъ попасть во дворецъ и проститься съ государемъ.

Высокiй, худой, блѣдный, бѣлый какъ лунь, подавленный до глубины души кровавымъ событiемъ, утомленный отъ безсонной ночи, слабымъ, дрожащимъ голосомъ, едва понятно отвѣтилъ генералъ на мой вопросъ. Видомъ своимъ онъ производилъ потрясающее впечатлѣнiе. Онъ только-что вернулся изъ дворца, гдѣ всю ночь проработалъ, убирая бумаги и вещи государя, и куда тотчасъ же долженъ былъ опять ѣхать.

Въ дежурной комнатѣ мнѣ дали проводника, безъ котораго никого не пускали на половину государя. Я вошла въ комнату, гдѣ онъ лежалъ на низенькой желѣзной кровати; она стояла посреди комнаты по дiагонали изголовьемъ къ окнамъ; подъ головою у него были двѣ подушки, верхняя была та, на которой онъ постоянно спалъ: краснаго сафьяна набитая сѣномъ и покрытая бѣлою наволочкою; ноги были покрыты шинелью, руки сложены такъ, что лѣвая лежала на правой; такой же образокъ (складень), какой былъ у покойной императрицы, лежалъ на груди его.

Лицо, лобъ, въ особенности надъ глазомъ, кончикъ носа и щеки были изранены, т. е. покрыты мелкими подкожными кровяными пятнышками, также руки, особенно правая. Въ ногахъ стояло духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ, читали евангелiе; множество военныхъ толпилось въ сторонѣ. Художникъ писалъ портретъ съ усопшаго.

Дрожа какъ въ лихорадкѣ, я машинально приложилась къ образку, встала на колѣни и поцѣловала его холодную руку; голова у меня закружилась, и я дотронулась до локтя его, чтобы пробудить въ себѣ сознанiе, что это не сонъ, а страшная неотразимая дѣйствительность... Едва прошли два мѣсяца съ того времени, какъ въ этой самой комнатѣ онъ милостиво обѣщалъ мнѣ посѣтить заведенiе, котораго я была начальницей; а теперь я прощаюсь навсегда съ благодѣтелемъ моимъ—съ гуманнѣйшимъ и сострадательнѣйшимъ государемъ въ мiрѣ—такъ безчеловѣчно оторваннымъ отъ своего народа и отъ своей семьи.

Тяжело мнѣ вспоминать о томъ ужасномъ времени; мнѣ постоянно видится бездыханное, окровавленное лицо страдальца-мученика.

«Благодѣтель нашъ! да будетъ миръ праху Твоему,
И да возвеселится душа Твоя въ сонмѣ Святыхъ!»

А. Яковлева.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И ПРУССКІЙ ДВОРЪ.[1]

III.

Императоръ Николай I и Фридрихъ Вильгельмъ III.

ВЪ БЕРЛИНѢ одновременно узнали и о воцареніи императора Николая, и о смутѣ, сопровождавшей это событіе, и, наконецъ, о быстромъ и полномъ возстановленіи порядка, благодаря проявленнымъ молодымъ государемъ мужеству и твердости. Въ тотъ день, когда курьеръ изъ Петербурга привезъ королю Фридриху-Вильгельму III извѣстіе о происшествіяхъ 14-го (26-го) декабря 1825 года, сыновья его находились на охотѣ, въ окрестностяхъ столицы, близъ монастыря Ленина. Король тотчасъ же послалъ къ нимъ нарочнаго съ доброю вѣстью о благополучномъ прекращеніи безпорядковъ и объ утвержденіи на престолѣ ихъ зятя и сестры. Съ тѣхъ поръ и до недавняго времени, прусскіе принцы ежегодно устроивали въ память этого дня охоту, преимущественно въ той же самой мѣстности, и на торжественномъ обѣдѣ пили за здоровье императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны[2]).

Имя покойнаго императора Александра I было на вѣчныя времена сохранено прусскому гренадерскому полку его. Дворъ и вся армія, по приказанію короля, три недѣли носили трауръ по умер-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 349.

[2]) L. Schneider, Militärische Biographie des Kaisers Nikolaus, Soldatenfreund, März 1855. Seite 23.

какъ король отправилъ въ Петербургъ второго сына, принца Вильгельма, который прибылъ въ нашу столицу 5-го (17-го) января 1826 года и оставался тамъ болѣе шести недѣль. Въ половинѣ іюля, пріѣхалъ въ Петербургъ другой братъ императрицы, принцъ Карлъ, назначенный представлять отца своего при торжествѣ коронованія. Его высочество находился при очистительномъ молебствіи, совершенномъ 14-го (26-го) іюля, въ полугодовой день мятежной вспышки, посреди Исаакіевской площади, въ присутствіи государя, всей императорской фамиліи, гвардейскихъ полковъ и безчисленной толпы народа. Онъ сопровождалъ ихъ величества въ Москву, участвовалъ въ торжественномъ въѣздѣ въ первопрестольную столицу, а въ самый день коронаціи шествовалъ въ Успенскій соборъ, ведя за руку восьмилѣтняго наслѣдника, великаго князя Александра Николаевича.

Нельзя, однако, сказать, чтобы тѣсная дружественная связь, установившаяся между родственными дворами русскимъ и прусскимъ, въ одинаковой мѣрѣ отразилась и на ихъ взаимныхъ политическихъ отношеніяхъ. Причиною тому была полная зависимость берлинскаго кабинета отъ вѣнскаго, во всѣхъ дѣлахъ общей политики, и несогласія возникшія между Россіею и Австріею по поводу событій совершавшихся на Востокѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ III поставилъ себѣ правиломъ одинаково поддерживать доброе согласіе свое съ Петербургомъ и Вѣною, а это было очень трудно, въ виду полной противоположности въ воззрѣніяхъ обоихъ императорскихъ дворовъ на Восточный вопросъ. Вотъ почему, хотя король въ письмахъ къ своему августѣйшему зятю и выражалъ сочувствіе и одобреніе мѣрамъ, принимаемымъ имъ по уговору съ морскими державами для умиротворенія Греціи, но самъ не приступалъ къ соглашенію, состоявшемуся между Россіею, Англіею и Франціею, подчиняясь внушеніямъ князя Меттерниха, и опасаясь оставить вѣнскій дворъ въ состояніи совершеннаго одиночества. Эти же самыя соображенія побудили короля отказать принцу Вильгельму въ разрѣшеніи принять участіе въ нашей войнѣ противъ турокъ. Принцъ провелъ около года въ Петербургѣ, въ самомъ близкомъ ежедневномъ общеніи съ зятемъ и сестрою. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ взгляды и убѣжденія императора Николая по отношенію къ Востоку и явился краснорѣчивымъ защитникомъ ихъ предъ княземъ Меттернихомъ, такъ какъ по возвращеніи изъ Петербурга, лѣтомъ 1828 года, онъ получилъ приказаніе отправиться на маневры въ окрестностяхъ Вѣны. Вотъ что писалъ о немъ австрійскій канцлеръ послу своему въ Лондонѣ: «Въ числѣ иностранцевъ, прибывшихъ въ лагерь подъ Баденомъ (въ Трайскирхенѣ) находятся принцы Вельгельмъ и Августъ прусскіе. Первый принцъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ. Вамъ извѣстно, что онъ

очень друженъ съ императоромъ Николаемъ, и что онъ оставилъ Петербургъ, проведя тамъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ самымъ отъѣздомъ его императорскаго величества въ армію. Принцъ Вильгельмъ, сильно настаивалъ на полученіи дозволенія короля, отца своего, совершить походъ въ рядахъ русской арміи. Король отказалъ ему... Я устанавливаю прежде всего, что принцъ Вильгельмъ посвященъ во всѣ помыслы его величества русскаго императора. Онъ провелъ возлѣ него мѣсяцы, предшествовавшіе началу военныхъ дѣйствій, и я знаю навѣрное, что государь не только питаетъ къ нему большое личное довѣріе, но и ведетъ съ нимъ оживленную переписку. Исходя изъ этого основанія, я долженъ допустить, что слова принца имѣютъ вполнѣ значеніе рѣчей, исходящихъ изъ устъ самого императора Николая. Принцъ горячо отстаивалъ правоту русскаго дѣла и необходимость строго наказать Порту за ея жестокость и вѣроломство. Онъ не сомнѣвался и въ успѣшномъ исходѣ кампаніи» [1]).

Весною 1829 года, принцъ Вильгельмъ вступилъ въ бракъ съ принцессою Августою Саксенъ-Веймарскою, племянницею императора Николая. Не смотря на заботы, вызываемыя въ немъ ходомъ турецкой войны и усложненіемъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ прочими великими державами, государь пожелалъ лично присутствовать на свадьбѣ своего друга. Изъ Варшавы, гдѣ происходило коронованіе его въ качествѣ царя польскаго, онъ съ императрицею и наслѣдникомъ отправился въ Берлинъ, куда прибылъ 25-го мая (6-го іюня). «Наконецъ», писалъ онъ оттуда графу Дибичу, «я отдыхаю здѣсь послѣ четырехлѣтнихъ трудовъ. Всѣ приняли насъ не только съ радостью, но съ восторгомъ» [2]).

Встрѣча, дѣйствительно, была торжественна и задушевна. Къ предстоящему семейному празднику собрались вокругъ короля всѣ члены его семьи, пріѣхали съ мужьями и обѣ младшія его дочери: наслѣдная великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, Александрина, и принцесса Луиза Нидерландская. Всѣ братья императрицы выѣхали императорской четѣ на встрѣчу во Франкфуртъ на Одерѣ; король и принцессы встрѣтили ее въ Фридрихсфельде. Туда же высыпали толпы берлинскихъ жителей, оглашая воздухъ радостными кликами. Домà столицы расцвѣтились флагами, путь по которому имѣли прослѣдовать дорогіе гости былъ усыпанъ цвѣтами. Частыя посѣщенія Берлина и долгое пребываніе въ немъ, въ 1820—1821 годахъ, сдѣлали императора Николая крайне популярнымъ среди берлинцевъ. Они называли его не иначе какъ «нашъ зять», а императрицу «наша дочь». Хозяева и гости въѣхали въ столицу въ трехъ экипажахъ: въ первомъ сидѣлъ король съ тремя дочерьми,

---

[1]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 2 (14) сентября 1828.

[2]) Императоръ Николай графу Дибичу, 26 мая (7 іюня) 1829.

съ государемъ наслѣдникомъ. По прибытіи въ замокъ, обступавшія его толпы народа не переставали кричать ура, пока императрица не показалась на балконѣ, держа сына своего за руку. Невозможно описать восторгъ, охватившій толпу, когда на балконъ вышелъ и старикъ-король и на глазахъ у всѣхъ обнялъ и горячо поцѣловалъ своего маленькаго внука. Вечеромъ, соединенные оркестры всѣхъ расположенныхъ въ Берлинѣ полковъ дали высочайшимъ особамъ серенаду на замковой площади. Изъ числа депутацій, представлявшихся русскимъ императору и императрицѣ, особенно выдѣлялась депутація Берлинскаго университета, привѣтствовавшая ихъ величества одою на древне-греческомъ языкѣ. Въ ней воспѣвались побѣды государя надъ турками и совершаемыя имъ освобожденіе и возрожденіе Эллады, а также красота и добродѣтели государыни.

28-го мая (9-го іюня) высокіе гости переѣхали въ Потсдамъ, куда въ тотъ же день прибыла невѣста принца Вильгельма и гдѣ 30-го (11-го) совершено было бракосочетаніе, и уже 1-го (13-го) іюня императоръ Николай уѣхалъ съ наслѣдникомъ въ Варшаву. По пути онъ остановился на день въ замкѣ Сибилленортъ въ Силезіи, близъ котораго расположенъ былъ кирасирскій его полкъ, и произвелъ ему смотръ. Кратковременное пребываніе его величества въ Пруссіи не осталось и безъ политическихъ послѣдствій. Онъ убѣдилъ короля и его министровъ въ своемъ искреннемъ миролюбіи и вызвалъ отправленіе въ Константинополь генерала барона Мюфлинга, который, какъ извѣстно, не мало содѣйствовалъ успѣху нашихъ мирныхъ переговоровъ съ Турціею и скорому заключенію столь для насъ почетнаго и выгоднаго Адріанопольскаго мира [1]).

Императрица оставалась цѣлый мѣсяцъ въ Потсдамѣ и отпраздновала тамъ день своего рожденія. Извѣстна была любовь ея къ цвѣтамъ, въ особенности къ бѣлымъ розамъ, за которую ее прозвали въ семьѣ: blanche-fleur. Предпочтеніе это послужило главнымъ мотивомъ праздника, даннаго въ день ея рожденія въ Потсдамскомъ дворцѣ и названнаго въ честь ея «праздникомъ бѣлой розы». Мысль его опять принадлежала герцогу Карлу Мекленбургскому, раздѣлившему заботу объ его устройствѣ съ главнымъ интендантомъ королевскихъ театровъ графомъ Редерномъ. Первая часть праздника происходила на площади передъ дворцомъ, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей, обитателей Потсдама и берлинцевъ, любителей подобныхъ торжествъ. Приглашенные гости заняли мѣста въ трибунахъ, окаймлявшихъ площадь и украшенныхъ

---

[1]) О посольствѣ барона Мюфлинга въ Константинополь и объ участіи его въ нашихъ мирныхъ переговорахъ съ Портою, см. книгу мою «Внѣшняя политика императора Николая», стр. 207 и слѣд.

королевской фамиліи. Праздникъ начался въ шесть часовъ вечера. Императрица появилась подъ руку съ королемъ: на ней было бѣлое платье, украшенное бѣлыми же розами. Всѣ принцессы и придворныя дамы имѣли также вѣнки изъ бѣлыхъ розъ на головѣ. На площадь въѣхалъ верхомъ герольдъ съ двумя асистентами и, обратясь къ императрицѣ, просилъ ее дозволить предстать предъ ней толпѣ рыцарей, желающихъ развлечь ее воинственными играми. По знаку ея величества, шествіе началось. Впереди ѣхалъ хоръ трубачей, одѣтыхъ въ роскошные средневѣковые костюмы зеленаго и оранжеваго цвѣтовъ. За ними слѣдовали рыцари, на коняхъ, въ полномъ вооруженіи, раздѣленные на десять кадрилей, во главѣ каждаго изъ коихъ стоялъ принцъ королевскаго дома. То были: четыре сына короля: Фидрихъ-Вильгельмъ, Вильгельмъ, Карлъ и Альбрехтъ; братъ его Вильгельмъ и племянникъ Адальбертъ; зятья: наслѣдный великій герцогъ Павелъ Фридрихъ Мекленбургъ-Шверинскій и принцъ Фридрихъ Нидерландскій; наконецъ герцоги Вильгельмъ Брауншвейгскій и Карлъ Мекленбургскій. Послѣдній, какъ главный распорядитель праздника обратился къ императрицѣ съ рѣчью въ стихахъ. «Привѣтствую тебя», воскликнулъ онъ, «высшая изъ царственныхъ женъ, цвѣтъ граціи, солнце счастья»! Герцогъ пояснялъ, что чудо привлекло сюда этихъ сорокъ рыцарей. Каждому изъ нихъ явился волшебный знакъ: роза, бѣлая какъ источникъ свѣта. Она манила ихъ въ тотъ замокъ, гдѣ скрыта тайна бѣлой розы. Замокъ этотъ здѣсь, а зеркало, обладающее волшебною притягательною силой—взоръ государыни. «Взоръ полный любви», продолжалъ герцогъ, «величія и милосердія! Вотъ оно зеркало! Волшебенъ твой взглядъ! Хочу ли я найдти розу въ живомъ лицѣ, стоитъ мнѣ только взглянуть на тебя». Рыцари готовы сразиться за «бѣлую розу». Но ей не угодны кровопролитіе, вражда. Герцогъ заключилъ рѣчь свою просьбой дозволить рыцарямъ состязаться въ играхъ, въ честь «бѣлой розы». Затѣмъ начались эти игры: метаніе копей, кинжаловъ, мечей. Каждый разъ когда ударъ попадалъ въ цѣль, изъ мишени сыпались розы. Судьями ристалища были выбранные государыней герцогъ Карлъ Мекленбургскій и принцъ Фридрихъ Нидерландскій. По окончаніи турнира, рыцари продефилировали передъ главною трибуною и, проѣзжая мимо императрицы, преклонились передъ нею. Потомъ всѣ слѣзли съ лошадей и проводили ее во дворецъ, при звукахъ торжественнаго хора. Тамъ состоялась вторая часть праздника. Въ концѣ обширной залы возвышалась сцена, изображавшая волшебное зеркало. Въ немъ явился рядъ живыхъ картинъ, олицетворявшихъ главныя воспоминанія изъ собственной жизни государыни. Картины исполнены были лучшими артистами придворнаго театра. Первая картина представляла

шескіе годы; далѣе Москва, гдѣ родился старшій сынъ ея и сама она была увѣнчана императорской короной. Въ заключеніе появилась Беллона, богиня войны и побѣды, въ ознаменованіе подвиговъ русскихъ войскъ, въ это самое время готовившихся къ переходу чрезъ Балканы. Изъ зрительной залы, все общество перешло въ такъ называемую «гротту», гдѣ скрытый за кустомъ бѣлыхъ розъ оркестръ приглашалъ молодежь къ танцамъ. Въ нихъ приняли участіе двадцать паръ, одѣтыя въ средневѣковые наряды и этимъ завершился поэтическій праздникъ. Три дня спустя, императрица оставила Берлинъ [1]).

Событія 1830 года, французская революція, волненія въ Бельгіи, Германіи и Италіи, наконецъ польскій мятежъ снова вызвали сближеніе между Россіею и Австріею, къ великому удовольствію берлинскаго двора. Съ возстановленіемъ союза трехъ сѣверныхъ державъ, король Фридрихъ Вильгельмъ III получилъ возможность вполнѣ согласовать политику свою съ своимъ родственнымъ чувствомъ. Лѣтомъ 1833 года рѣшено было утвердить согласіе, водворившееся между союзнымъ кабинетомъ свиданіемъ монарховъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Наибольшее политическое значеніе долженъ былъ имѣть съѣздъ императоровъ Николая и Франца, предположенный въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ Чехіи. Но предварительно русскій государь желалъ свидѣться со своимъ тестемъ. Встрѣча ихъ имѣла состояться въ Шведтѣ, небольшомъ городкѣ Бранденбургской области, куда король съ семействомъ прибылъ уже въ половинѣ (въ концѣ) августа. Государя ожидали туда въ первыхъ числахъ сентября по новому стилю. Знали, что онъ сядетъ на пароходъ въ Кронштадтѣ и прибудетъ моремъ въ Штетинъ. Между тѣмъ, время было бурное и царскій пароходъ не показывался. Король послалъ въ Штетинъ наслѣднаго принца, встрѣтить императора и сопутствовать ему до Шведта. Наконецъ, 24-го августа (5-го сентября) совершенно неожиданно, государь прибылъ въ Шведтъ въ открытой коляскѣ, въ сопровожденіи одного генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа. Буря помѣшала ему совершить переѣздъ моремъ. Не дойдя до Ревеля, онъ возвратился въ Петергофъ и рѣшился ѣхать сухимъ путемъ. Въ Шведтѣ провелъ онъ четыре дня. Утро посвящалось ученью и смотрамъ расположеннаго въ этомъ городѣ 2-го драгунскаго полка, шефомъ коего былъ принцъ Вильгельмъ. Вечеромъ избранные актеры берлинскаго придворнаго театра, съ придачею извѣстнаго комика Бекмана, исполняли въ замкѣ небольшія комедіи и шутки, до которыхъ король былъ большой охотникъ.

---

[1]) Grimm: «Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland», I, стр. 315—320.

[illegible] гораздо [illegible] переговорами своими съ прусскимъ минист-ромъ иностранныхъ дѣлъ Ансильономъ, упорно отказывавшимся ѣхать въ Мюнхенгрецъ для принятія участія въ совѣщаніяхъ съ графомъ Нессельроде и княземъ Меттернихомъ. Цѣлью этихъ совѣщаній было установленіе общаго дѣйствія трехъ союзныхъ державъ во всѣхъ современныхъ политическихъ вопросахъ. Ансильонъ отговаривался тѣмъ, что въ отсутствіе своего государя онъ не можетъ-де принять на себя отвѣтственность за важныя совмѣстныя рѣшенія и даже намекнулъ, что поѣздка его въ Мюнхенгрецъ была бы несогласна съ достоинствомъ Пруссіи. Чтобы умилостивить государя, раздраженнаго этимъ отказомъ, король рѣшилъ послать туда своимъ представителемъ наслѣднаго принца [1]).

Выѣхавъ изъ Шведта въ ночь съ 27-го на 28-е августа (съ 8-го на 9-е сентября) императоръ Николай прибылъ на другой день въ Мюнхенгрецъ, гдѣ ожидалъ его австрійскій императоръ. Изъ трехъ конвенцій, условленныхъ тамъ между дворами петербургскимъ и вѣнскимъ, лишь одна касалась Пруссіи, а именно конвенція опредѣляющая такъ называемое право вмѣшательства. Для полученія согласія на нее короля отправлены были въ Берлинъ русскій вице-канцлеръ графъ Нессельроде и австрійскій посолъ при нашемъ дворѣ графъ Фикельмонтъ.

«Мы не станемъ излагать», повѣствуетъ баронъ Брунновъ, «всѣ подробности переговоровъ, продолжавшихся три недѣли и не лишенныхъ трудностей. Мы ограничимся указаніемъ главнѣйшихъ ихъ условій. Прусскому двору не нравилась мысль подписать какое-либо новое обязательство, такъ какъ по мнѣнію его достаточно было и прежнихъ договоровъ. Его страшили послѣдствія, которыя могли возникнуть при всякой публичной манифестаціи, повидимому, направленной спеціально противъ Франціи. Боязнь эта овладѣла прусскимъ министерствомъ и открыто выражалась въ рѣчахъ г. Ансильона и графа Бернсдорфа. Послѣдній хотя и удалился отъ дѣлъ, но ему было поручено участвовать въ обсужденіи этихъ вопросовъ. Успѣхъ былъ бы, несомнѣненно, невозможенъ, если бы уполномоченные двухъ императорскихъ дворовъ не дѣйствовали въ этомъ щепительномъ случаѣ съ большою умѣренностью и крайнею осторожностью. Лишь мало-по-малу, незамѣтно и посредствомъ ловкихъ уступокъ робости берлинскаго двора, удалось убѣдить его подписать мюнхенгрецкіе акты. Первый шагъ, приведшій къ этому результату, состоялъ въ успокоительныхъ объясненіяхъ, данныхъ графомъ Нессельроде прускимъ министрамъ по Восточному вопросу. Они всего болѣе боялись какъ бы не навязали имъ обязательства въ виду извѣстной случайности, которое

---

[1]) Дневникъ княгини Меттернихъ, 31-го августа (12-го сентября) 1833.

въ случаѣ возникновенія какого-либо усложненія на Востокѣ. Проникнутый благосклонными намѣреніями государя въ дружественныхъ сношеніяхъ его съ прусскимъ дворомъ, графъ Нессельроде не поколебался разсѣять это безпокойство берлинскаго кабинета, исключивъ Восточныя дѣла изъ круга общихъ вопросовъ, къ коимъ относились прямыя обязательства между Пруссіею и Россіею. Успокоительныя объясненія, сообщенныя вице-канцлеромъ г. Ансильону, удостоились полнаго одобренія государя, выраженнаго въ кабинетномъ письмѣ, съ коимъ его величество самъ обратился къ королю прусскому [1]). Такимъ образомъ, это опасеніе было устранено, но оставалось другое крайне озабочивавшее берлинскій кабинетъ. Оба императорскіе двора, желая придать болѣе энергіи представленіямъ своимъ, кои они рѣшились предъявить въ Парижѣ по дѣлу пропаганды, условились между собою разрѣшить своимъ представителямъ сообщить безъ обиняковъ тюильрійскому кабинету конвенцію о правѣ вмѣшательства, дабы французское правительство знало какія рѣшенія примутъ союзники съ общаго согласія въ случаѣ возникновенія гдѣ-либо возстанія, даже если бы Франція захотѣла принять его подъ свое покровительство. При одной мысли о подобномъ сообщеніи, сдѣланномъ въ Парижѣ отъ имени трехъ дворовъ, г. Ансильонъ приходилъ въ ужасъ. За длинными разсужденіями слѣдовали объемистыя записки. Наконецъ, послѣ спора, бывшаго съ обѣихъ сторонъ оживленнымъ и серьезнымъ, уговорились относительно общаго образа дѣйствій трехъ дворовъ. Вотъ каковъ былъ результатъ этого совѣщанія: 1) Пруссія согласилась подписать конвенцію о началѣ вмѣшательства, на основаніяхъ условленныхъ въ Мюнхенгрецѣ. 2) Актъ этотъ долженъ былъ пока считаться **тайнымъ** и стороны предоставляли себѣ сообщить его содержаніе французскому правительству лишь въ томъ случаѣ, если бы послѣднее выразило намѣреніе воспротивиться законному вмѣшательству. Въ такомъ случаѣ сообщеніе самаго акта доставило бы союзникамъ средство, быть можетъ, достаточное для пріостановленія вмѣшательства французскаго правительства и предупрежденія всеобщаго столкновенія. 3) Между тѣмъ, дабы не скрыть отъ тюильрійскаго кабинета рѣшеній, которыя имѣли послужить въ будущемъ правиломъ для союзниковъ, представителямъ ихъ въ Парижѣ поручалось громко высказаться противъ дѣла пропаганды и формально заявить по вопросу о правѣ вмѣшательства тѣ самыя начала, на которыхъ основана мюнхенгрецкая конвенція, подписанная въ Берлинѣ. 4) Рѣшено, что заявленіе это будетъ сдѣлано въ Парижѣ одновременно представителями трехъ

---

[1]) Императоръ Николай королю Фридриху-Вильгельму III, 24-го октября (5-го ноября) 1833.

были условія, на коихъ прусское министерство рѣшилось послѣ долгихъ колебаній подписать конвенцію 3-го (15) октября»[1]).

Приведенный нами отзывъ одного изъ нашихъ главныхъ дипломатическихъ дѣятелей разсматриваемой эпохи проливаетъ яркій свѣтъ на тѣ оговорки и ограниченія, съ коими берлинскій дворъ приступилъ къ возстановленному въ началѣ тридцатыхъ годовъ союзу трехъ сѣверныхъ державъ. Онъ какъ нельзя лучше доказываетъ, что Пруссія рада была воспользоваться всѣми истекающими для нея изъ этого союза преимуществами, тщательно уклоняясь отъ исполненія налагаемыхъ ими на нея обязательствъ. По тому, сколько труда стоило убѣдить ее принять участіе въ общей мѣрѣ, имѣвшей лишь значеніе совокупнаго слова, можно заключить о томъ сопротивленіи, которое она не преминула бы оказать всякой попыткѣ, перейдти отъ словъ къ дѣлу. Впрочемъ, и вѣнскій дворъ столь же мало былъ расположенъ дѣйствовать, но онъ умѣлъ искуснѣе скрывать свою инерцію подъ потокомъ шумныхъ фразъ, обильно изливавшихся изъ-подъ пера князя Меттерниха. Въ сущности одна Россія оставалась на стражѣ началъ и преданій Священнаго Союза, всегда готовая поддержать ихъ contra quousque, всѣми зависящими отъ нея средствами.

Императоръ Николай довольно снисходительно относился къ слабости обоихъ союзныхъ правительствъ, а если иногда и гнѣвался на министровъ и австрійскихъ, и прусскихъ, то личныя его отношенія къ царственнымъ семьямъ какъ Габсбурговъ, такъ и Гогенцоллерновъ, все же оставались самыми близкими и дружественными. Въ особенности съ послѣднею они поддерживались постояннымъ обмѣномъ военныхъ вѣжливостей. Такъ къ назначенному на 30-е августа (11 сентября) 1834 года торжественному открытію Александровской колонны, въ Петербургъ прибыла предводимая принцемъ Вильгельмомъ депутація отъ всѣхъ полковъ прусской гвардіи, а также отъ кирасирскаго имени императора всероссійскаго полка, всего въ составѣ 18 офицеровъ и 38 нижнихъ чиновъ. Депутація пробыла въ нашей столицѣ цѣлый мѣсяцъ и была осыпана знаками высочайшей милости и вниманія. Осенью того же года, императрица Александра Θеодоровна снова посѣтила Берлинъ, а въ ноябрѣ прибылъ туда и самъ государь и провелъ тамъ около недѣли, занимаясь преимущественно ученьями и смотрами, производимыми частямъ прусскихъ войскъ, расположенныхъ въ Берлинѣ и окрестностяхъ.

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова. Берлинская конвенція 3-го (15-го) октября 1833 года напечатана профессоромъ Мартенсомъ въ IV т., 1 ч., его «Собранія трактатовъ и конвенцій», стр. 460.

прусской была завѣтною мечтою императора Николая. Онъ любилъ переноситься ко временамъ общей ихъ борьбы за независимость Европы и всячески старался поддерживать въ нихъ преданія этой славной эпохи. Въ началѣ августа слѣдующаго 1835 года, императрица съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и великою княжною Ольгою Николаевною отправилась въ Фишбахъ въ Силезію, имѣніе принадлежавшее дяди ея, принцу Вильгельму, гдѣ къ тому времени вокругъ короля собрались и всѣ прочіе члены прусскаго королевскаго семейства. По прибытіи туда и императора Николая, начались между Лигницемъ и Бреславлемъ большіе маневры V и VI прусскихъ корпусовъ, въ присутствіи государя и многочисленныхъ иностранныхъ гостей. По окончаніи ихъ, императоръ и императрица, съ сыномъ и дочерью, поспѣшили въ Калишъ, гдѣ готовилось одно изъ величайшихъ военныхъ торжествъ, долго жившее въ памяти его участниковъ.

Въ лагерѣ подъ Калишемъ, на самой прусской границѣ, собрано было три пѣхотныя и одна кавалерійская дивизія съ ихъ артиллеріею. Въ придачу къ нимъ были командированы туда же по одному сводному пѣхотному и кавалерійскому полку, составленному каждый изъ всѣхъ полковъ гвардейской пѣхоты и кавалеріи, весь гренадерскій короля прусскаго полкъ и по одному батальону отъ гренадерскихъ полковъ, коихъ шефами состояли наслѣдный принцъ и принцы Вильгельмъ и Карлъ прусскіе. Гвардейскія части были перевезены изъ Петербурга въ Данцигъ моремъ и прослѣдовали въ Калишъ чрезъ прусскія владѣнія. Если прибавить къ этимъ войскамъ собственный конвой его императорскаго величества, жандармскіе эскадроны и казачьи полки, то число всѣхъ войскъ собранныхъ въ Калишѣ простиралось до 50,000 человѣкъ.

Для совмѣстныхъ ученій и маневровъ съ этими войсками былъ направленъ въ калишскій лагерь и отрядъ прусскихъ войскъ, состоявшій изъ трехъ сводныхъ гвардейскихъ полковъ: пѣхотнаго, легко-коннаго и кирасирскаго, кирасирскаго же полка имени императора Николая, двухъ полу-батарей гвардейской конной и пѣшей артиллеріи, по взводу отъ гвардейскихъ стрѣлковъ, піонеровъ и егерей, эскадрона уланскаго полка и учебнаго полу-эскадрона, всего до 5,000 человѣкъ.

Соединеніе въ мирное время въ одномъ и томъ же лагерѣ армій двухъ государствъ, хотя и союзныхъ и сосѣднихъ, было явленіемъ безпримѣрнымъ, молва о которомъ пронеслась по всей Европѣ. Оно должно было служить нагляднымъ выраженіемъ тѣсной дружбы и единенія не только государей Россіи и Пруссіи, но и ихъ военныхъ силъ. Нельзя себѣ представить ничего великолѣпнѣе той обстановки, при которой происходило это торжество.

стантина Николаевича и Михаила Павловича и великой княжны Ольги Николаевны, окружала столь же блестящая сколько и многочисленная военная и придворная свита, во главѣ коей находился намѣстникъ царства Польскаго, генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій. Прусскій король пріѣхалъ со всѣми принцами своего дома, а также съ супругами обоихъ принцевъ Вильгельмовъ, его сына и брата. Представителями австрійскаго императора явились эрцгерцоги Францъ-Карлъ и Іоаннъ. Изъ прочихъ высокихъ посѣтителей назовемъ: герцога Нассаускаго, наслѣдныхъ великихъ герцоговъ Мекленбургъ-Шверинскаго и Гессенъ-Дармштадтскаго, принцевъ Фридриха Виртембергскаго и Фридриха Нидерландскаго, герцога Евгенія Виртембергскаго, двухъ принцевъ Шлезвиго-голштино-зонденбургъ-глюксбургскихъ. Англійскую армію представляли братъ короля Вильгельма IV герцогъ Кумберландскій и маркизъ Дуэро, старшій сынъ герцога Веллингтона. Мы лишены возможности перечислить всѣхъ прочихъ почетныхъ иностранцевъ, министровъ, дипломатовъ и военныхъ всѣхъ чиновъ и званій.

Празднества начались съ пріѣздомъ короля прусскаго 30-го августа (11 сентября) и окончились 10-го (22) сентября съ его отъѣздомъ. Они заключались въ цѣломъ рядѣ маневровъ, при чемъ прусскіе генералы командовали русскими частями и наоборотъ. На большомъ парадѣ въ строю находилось 60½ батальоновъ, 68 эскадроновъ и 136 орудій, всего 59,400 человѣкъ. Однихъ музыкантовъ, трубачей, барабанщиковъ и пѣсенниковъ было болѣе 3,000. Верхомъ совершенства былъ блистательный фейерверкъ, превосходившій все до того извѣстное въ этомъ родѣ. Каждый вечеръ давалось въ театрѣ представленіе выписанными изъ Берлина артистами придворной драматической труппы, балетмейстеромъ Тальони съ женою и варшавскими балетными танцовщицами[1]).

Едва успѣли высокіе посѣтители разъѣхаться изъ Калиша, какъ четыре дня спустя, русская императорская чета и король прусскій съѣхались снова въ Теплицѣ съ императоромъ и императрицею австрійскими, и всѣ вмѣстѣ присутствовали при открытіи памятника воздвигнутаго въ честь русской гвардіи на полѣ Кульмскаго боя.

Частыя свиданія трехъ союзныхъ государей возбуждали большія опасенія въ Парижѣ и Лондонѣ, хотя тамъ и старались ослабить впечатлѣніе, произведенное ими на общественное мнѣніе западной Европы. «Лагерь въ Калишѣ», читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ

[1]) О калишскомъ съѣздѣ см. книгу прусскаго генерала Декера: «Die Truppenversammlungen bei Kalisch», а также брошюру Шнейдера: «Kalisch im Jahre 1835».

праздниковъ, какъ они ставились на оцѣнку во времена Екатерины II. Мы живемъ въ такое время, когда подобныя вещи уже не производятъ эффекта. Пруссія приняла участіе не потому, чтобы ей это доставляло удовольствіе, а потому, что она не могла отказать ради политики и слабосердечія черезчуръ вѣжливому союзнику и зятю [1])». Въ самой Пруссіи не было недостатка въ людяхъ, которымъ было не по сердцу всякое проявленіе дружественной связи съ Россіею: то были послѣдователи либеральныхъ идей, адепты такъ называемой молодой Германіи, видѣвшіе въ Россіи главное препятствіе къ преобразованію Пруссіи въ конституціонное государство и къ объединенію подъ главенствомъ послѣдней всего нѣмецкаго отечества. Одинъ изъ виднѣйшихъ представителей означеннаго направленія Фарнгагенъ фонъ-Энзе въ слѣдующихъ словахъ выражалъ свою досаду наканунѣ калишскаго съѣзда: «Калишъ! Калишъ! Какъ плачевно! Ни цѣли, ни возможнаго результата! Игра въ солдатики! Нѣсколько здѣшнихъ комедіантовъ, танцоровъ и вѣнскій скрипачъ Штраусъ — вотъ представители художественныхъ развлеченій! Ужасно! Монархи почувствуютъ разныя мелкія неудовольствія, станутъ порицать другъ друга, войска будутъ косо поглядывать одно на другое, издержки будутъ уплачены и тѣмъ все дѣло успокоится.... Никто ничего не ждетъ отъ калишскаго свиданія и ничего не опасается. Здѣсь, всѣ отношенія къ Россіи, вообще, крайне претятъ людямъ» [2]). Тотъ же писатель съ ужасомъ заносилъ въ свой дневникъ слухъ, будто въ 1837 году рѣчь шла о приглашеніи на прусскіе маневры 3,000 русскихъ солдатъ. «Я не могу отрицать», замѣчалъ онъ, «что дѣло это представляется мнѣ крайне сомнительнымъ. Это начало, продолженія коего и конецъ нельзя упустить изъ виду, опасный примѣръ, который лучше было бы не подавать [3]).

Опасенія прусскихъ либераловъ не оправдались. Въ 1837 году русскія войска не «совершили вторженія» въ Пруссію. Все ограничилось присутствіемъ принцовъ Адальберта и Августа и прусской военной депутаціи на большихъ кавалерійскихъ маневрахъ, устроенныхъ императоромъ Николаемъ въ окрестностяхъ города Вознесенска, Херсонской губерніи, а въ маѣ 1838 года самъ государь прибылъ въ Берлинъ для принятія участія въ маневрахъ гвардейскаго корпуса. Съ его величествомъ пріѣхали императрица, наслѣдникъ цесаревичъ, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи и великая княжна Александра Николаевна. Весенніе маневры отличались особою торжественностью. На нихъ, кромѣ рус-

---

1) Stockmar's Denkwürdigkeiten, стр. 299.

2) Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе, 18-го (30) и 19-го (31) августа 1835 г.

3) Тотъ же дневникъ, 26-го февраля (10 марта) 1837 г.

скій, но оба какъ бы исчезали въ сіяніи императора Николая. Всюду войско и народъ привѣтствовали его восторженными кликами и городъ Берлинъ поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго гражданина.

Проведя около мѣсяца въ Потсдамѣ и Сансуси, императрица Александра Θеодоровна съ великою княжною Александрою Николаевною поѣхала въ Зальцбрунъ, въ Силезію, для лѣченія водами. Въ началѣ іюля, прибылъ туда и государь и, посѣтивъ по пути короля прусскаго въ Теплицѣ, отвезъ августѣйшую свою супругу въ мѣстечко Крейтъ, въ Баварскихъ Альпахъ, гдѣ ея величество продолжала лѣченіе сывороткою. Между тѣмъ, императоръ совершилъ поѣзку въ Мюнхенъ и тамъ съ величайшимъ вниманіемъ осматривалъ воздвигнутыя королемъ Лудовикомъ I великолѣпныя зданія, навѣстилъ въ его мастерской знаменитаго ваятеля Шванталера, совѣтовался съ зодчимъ Кленце о постройкѣ петербургскаго Эрмитажа. Въ Мюнхенѣ же была рѣшена свадьба великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ. Обратный путь ихъ величествъ лежалъ чрезъ Саксонію и Пруссію. Въ Магдебургѣ государь остановился на нѣсколько дней съ цѣлью прослѣдить за осенними маневрами IV прусскаго корпуса. Въ половинѣ сентября и онъ и императрица чрезъ Берлинъ возвратились въ Петербургъ.

Казалось бы нельзя себѣ и вообразить болѣе близкихъ и дружественныхъ отношеній, чѣмъ тѣ, которыя существовали между дворами петербургскимъ и берлинскимъ. На дѣлѣ, было не совсѣмъ такъ. Доказательствомъ тому служитъ отзывъ барона Бруннова о нашихъ сношеніяхъ съ Пруссіею въ курсѣ читанномъ имъ въ 1839 году наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу.

«Узы связывающія императорскую фамилію съ королевскою,— говоритъ баронъ,—соприкасаются слишкомъ близко съ ихъ самыми драгоцѣнными чувствами, чтобы намъ нужно было указывать на тѣсное ихъ единеніе. Необходимо заботиться о томъ, чтобы отношенія между двумя дворами всегда согласовались съ этою счастливою связью. Работа эта должна быть тѣмъ усерднѣе, что между сосѣдними странами часто возникаютъ частныя пререканія и столкновенія насущныхъ интересовъ, которыя могутъ послужить поводомъ къ взаимному неудовольствію. Этимъ объясняется, что государства, границы которыхъ соприкасаются, нуждаются въ бо́льшей взаимной осторожности и, смѣю сказать, снисходительности, чѣмъ тѣ, коихъ раздѣляютъ дальнія разстоянія. Въ послѣднее время, мы присутствовали при возникновеніи между нашимъ кабинетомъ и берлинскимъ достойнаго сожалѣнія спора, вызваннаго, именно затрудненіями, проистекающими изъ сосѣдственныхъ отношеній (Grenzverkehr) между сопредѣльными областями. Безпорядки, происхо-

водѣйствія этимъ злоупотребленіямъ оказались недостаточными. Вопросъ этотъ продолжаетъ обращать на себя вниманіе обоихъ кабинетовъ. Причина препятствующая до сего времени благопріятному разрѣшенію этого дѣла, состоитъ, повидимому, главнымъ образомъ въ томъ, что прекратилось дѣйствіе нашей торговой конвенціи съ Пруссіею, срокъ коей истекъ уже въ 1834 году и которая была временно продолжена до августа 1836 года. Переговоры, начатые въ С.-Петербургѣ въ видахъ возобновленія этой сдѣлки, были безуспѣшны. Съ тѣхъ поръ не существуетъ болѣе торговаго уговора между обоими правительствами. Изъ сего проистекаетъ по многимъ причинамъ порядокъ худо опредѣленный, и если мнѣ позволено такъ выразиться, ежедневная вражда и раздраженіе между двумя странами, у которыхъ въ нравственномъ и политическомъ отношеніи однѣ и тѣ же интересы. Отсюда проистекаетъ прискорбное размышленіе, что въ то самое время, когда нѣжная привязанность соединяетъ оба двора, общественное мнѣніе въ Пруссіи высказывается иногда противъ насъ. Отсюда же происходитъ и тотъ странный контрастъ, что пока чувство взаимнаго благорасположенія одушевляетъ правительство, они опечалены тѣмъ, что на границахъ ихъ обмѣниваются ружейными выстрѣлами. Такое состояніе слишкомъ противно основнымъ началамъ обоихъ кабинетовъ, чтобы продолжаться долѣе. Нужно надѣяться, что они изыщутъ наилучшія средства, чтобы повозможности скоро положить ему конецъ посредствомъ новаго торговаго договора. Нашъ кабинетъ ждетъ, чтобы въ Пруссіи живѣе почувствовали необходимость подобной сдѣлки, дабы переговоры по этому предмету могли открыться впредь подъ болѣе счастливыми предзнаменованіями, обѣщая тѣмъ болѣе обезпеченный успѣхъ, что потребность въ немъ будетъ зрѣлѣе сознана. Слѣдуетъ желать скорѣйшаго достиженія нами этого результата, представляющагося соотвѣтственнымъ вѣрно понятымъ интересамъ Россіи. Ибо какова бы ни была ея сила, она не должна терять добраго расположенія своихъ сосѣдей. Утверждать связи соединяющія насъ съ Пруссіею, удалять путемъ мягкаго обращенія все, что можетъ нарушить нашу съ нею дружбу—значитъ, по глубокому моему убѣжденію, съ пользою служить истиннымъ интересамъ Россіи» [1]).

Существовали и другія болѣе политическія и даже личныя причины, вызвавшія нѣкоторое охлажденіе между обоими дворами. Въ Петербургѣ взирали съ неудовольствіемъ на французскія симпатіи министра Ансильона, на сближеніе его съ тюильрійскимъ кабинетомъ, на почетный пріемъ оказанный въ Берлинѣ сыновьямъ короля Лудовика-Филиппа, на заботы самаго Фридриха-Вильгельма III

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

объ устройствѣ женитьбы герцога Орлеанскаго на Мекленбургъ-Шверинской принцессѣ. Съ другой стороны, при прусскомъ дворѣ не одобряли брака старшей дочери государя, великой княжны Маріи Николаевны, съ сыномъ Евгенія Богарне, бывшаго вице-короля итальянскаго, пасынка Наполеона.

Не смотря на все это, едва узнали въ Россіи о тяжкой болѣзни постигшей короля прусскаго лѣтомъ 1840 года, какъ не только императрица, но и императоръ рѣшились отправиться въ Берлинъ проститься съ нѣжно любимымъ отцомъ и тестемъ. Ея величество прибыла въ Берлинъ съ великою княжною Ольгою Николаевною 22-го мая (3 іюня), а государь 26-го (7), въ самый день кончины короля. Отдавъ послѣдній долгъ усопшему, онъ возвратился въ Петербургъ, а императрица съ дочерью поѣхала въ Эмсъ, гдѣ снова пользовалась водами.

Въ лицѣ короля Фридриха-Вильгельма III, русская императорская семья лишилась нѣжно любившаго ее родственника, Россія искренняго и признательнаго друга. Правда, король не всегда руководился въ своей государственной дѣятельности влеченіемъ сердца, и году не прошло со времени приступленія его къ Священному Союзу какъ русскій посланникъ въ Берлинѣ уже писалъ про него: «Будучи сердцемъ и душою преданъ нашему августѣйшему государю, король въ особенности любитъ и русскій народъ, и вотъ именно эта любовь усиливаетъ его робость. Германскіе демагоги ставятъ ему въ укоръ его пристрастіе къ русскимъ и это побуждаетъ его не входить въ подробности политическихъ сношеній обоихъ дворовъ. Онъ предоставляетъ ихъ государственному канцлеру (князю Гарденбергу), прекрасно расположенному въ нашу пользу, но который, не смотря на твердость своего характера, болѣе или менѣе находится подъ вліяніемъ подчиненныхъ существъ, христіанъ или евреевъ, среди коихъ нѣтъ ни одного человѣка знатнаго происхожденія. Люди эти не безъ основанія боятся насъ, ибо чувствуютъ, что близкія личныя отношенія между императоромъ и королемъ мѣшаютъ имъ играть первенствующую роль и не даютъ восторжествовать ихъ революціоннымъ принципамъ» [1]). Такъ продолжало идти дѣло и при преемникахъ Гарденберга, графѣ Бернсторфѣ и въ особенности при Ансильонѣ. Послѣ смерти послѣдняго, послѣдовавшей въ 1837 году, въ Берлинѣ ожидали, что король назначитъ министромъ иностранныхъ дѣлъ того изъ прусскихъ дипломатовъ, который отличался наибольшею преданностію къ русскому двору, а именно посланника въ Штутгартѣ, генерала Рохова. Занося слухъ этотъ въ свой дневникъ, Фарнгагенъ фонъ-Энзе язвительно замѣчалъ: «Почему нѣтъ? поприще ему ново, дѣла — чужды, въ познаніяхъ — недостатокъ, равно какъ и въ

---

[1]) Алопеусъ графу Нессельроде, 5-го (17) января 1816.

умѣньи держать себя и въ характерѣ, за то онъ г. Роховъ и приверженъ къ Россіи, такъ почему же нѣтъ» [1])? Но король назначилъ министромъ не его, а посланника въ Парижѣ, Вертера, личность вполнѣ безцвѣтную. Въ послѣдніе годы царствованія, у Фридриха-Вильгельма III сложилось твердое убѣжденіе, что благо Пруссіи требуетъ поддерживать одинаково хорошія отношенія съ Россіей и Австріею, не оказывая предпочтенія ни той, ни другой. Мысль эту онъ выразилъ и въ своемъ духовномъ завѣщаніи, обращенномъ къ старшему сыну и наслѣднику и озаглавленномъ: моему милому Фрицу. «Главное», писалъ король, «чтобы Пруссія, Россія и Австрія никогда не разъединялись». Тотчасъ по вступленіи на престолъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV приказалъ обнародовать завѣщаніе отца во всеобщее свѣдѣніе.

IV.

Императоръ Николай и Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

Въ первые дни по воцареніи короля Фридриха-Вильгельма IV, въ прежнихъ дружественныхъ отношеніяхъ обоихъ родственныхъ дворовъ не замѣчалось никакой перемѣны. Императоръ Николай воспользовался подношеніемъ ему подарка офицерами его кирасирскаго полка, чтобы гласно выразить увѣренность свою, «что гдѣ бы ни пришлось русскому и прусскому войску дѣйствовать сообща на полѣ сраженія, ихъ постоянно будутъ одушевлять тѣ же чувства единенія и любви» [2]). Русская военная депутація прибыла въ Берлинъ поздравить первый полкъ прусской гвардейской кавалеріи, такъ называемыхъ «тѣлохранителей», (gardes du corps) съ его столѣтнимъ юбилеемъ. При возвращеніи императрицы Александры Ѳеодоровны изъ Эмса въ Россію, чрезъ Кёльнъ, Кобленцъ и Дрезденъ, въ послѣдній городъ выѣхали ей на встрѣчу король и королева прусскіе. Наконецъ, по случаю принесенія земскими чинами восточной Пруссіи торжественной присяги на вѣрность подданства новому государю, императоръ Николай отправилъ въ Кенигсбергъ, для привѣтствованія короля, виленскаго генералъ-губернатора Мирковича, съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ настаивалъ на необходимости строгихъ взаимно согласованныхъ мѣръ противъ мятежныхъ замысловъ поляковъ какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ Познани [3]).

---

[1]) Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе, 24-го марта (5 апрѣля) 1837.

[2]) Рескриптъ императора Николая прусскому кирасирскому имени его полку 30-го мая (11 іюня) 1840.

[3]) Императоръ Николай королю Фридриху-Вильгельму IV, 15-го (27) августа 1840. О поѣздкѣ генерала Мирковича въ Кенигсбергъ см. интересныя записки его, напечатанныя въ «Русской Старинѣ», августъ, 1886 года, стран. 305—334.

Но прошло не много времени, какъ уже начали обнаруживаться признаки кореннаго разногласія, полнаго противорѣчія во взглядахъ обоихъ государей на важнѣйшіе вопросы политики какъ внутренней, такъ и внѣшней.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV далеко не былъ расположенъ осуществить надежды, возлагавшіяся на него либеральною партіею и даровать странѣ конституцію, замѣнивъ существовавшее уже въ Пруссіи областное земское представительство — центральнымъ государственнымъ. Но отказывая либераламъ въ главномъ ихъ требованіи, онъ проявилъ въ отношеніи прочихъ большую непослѣдовательность. Воцареніе его было ознаменовано цѣлымъ рядомъ мѣръ, направленныхъ къ ослабленію власти: освобожденія изъ заключенія лицъ приговоренныхъ къ тюрьмѣ за государственныя преступленія, разрѣшеніе вернуться въ Пруссію уроженцамъ другихъ нѣмецкихъ странъ, высланныхъ за политическую агитацію, возвращеніе каѳедръ профессорамъ, удаленнымъ за неблагонадежный образъ мыслей. Не взирая на то, что всѣ областныя земскія собранія громко требовали конституціи, король значительно расширилъ ихъ права, обязался созывать ихъ періодически, чрезъ каждые два года, и даже учредилъ изъ ихъ делегатовъ центральный комитетъ въ Берлинѣ. Такія полумѣры ни мало не удовлетворили либеральную партію, а только поощрили ея притязательность, въ охранительныхъ же кругахъ вызвали всеобщее неудовольствіе, подорвали довѣріе къ власти. Въ особенности непріятно поразило послѣдніе принятіе въ составъ правительства такихъ завѣдомыхъ либераловъ, какъ новые министры: военный, генералъ Бойенъ, и исповѣданій — Эйхгорнъ. Не трудно было предвидѣть, что неминуемымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ уступокъ тому, что выдавалось за общественное мнѣніе страны, будетъ разстройство всѣхъ отраслей государственнаго управленія и въ концѣ концовъ преобразованіе Пруссіи въ монархію конституціонную революціоннымъ путемъ. Императоръ Николай уже въ 1841 году выразилъ это убѣжденіе въ пророческихъ словахъ: «Мой прусскій братъ себя погубитъ» [1]). Не могло также нравиться государю одно изъ прямыхъ послѣдствій расширенія автономій прусскихъ областей выразившееся въ томъ, что познанскій сеймъ съ первыхъ же засѣданій провозгласилъ право польской національности на независимое существованіе. Русскій дворъ вынужденнымъ нашелъ напомнить берлинскому, что въ отношеніи Польши три державы участницы раздѣла связаны другъ съ другомъ извѣстною солидарностью и что всякія дальнѣйшія уступки полякамъ прусскаго правительства несовмѣстимы съ его союзными обязательствами относительно Россіи [2]).

---

[1]) Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе, 20-го апрѣля (2 мая) 1841.

[2]) Тотъ же дневникъ 23-го апрѣля (5 мая) 1841. Ср. Berlin und Petersburg, Preussische Beiträge zur Geschichte der Russisch-Deutschen Beziehungen, стр. 12.

Въ возрѣніяхъ на внѣшнюю политику у Фридриха-Вильгельма IV была всего одна общая съ императоромъ Николаемъ черта: глубокая ненависть и презрѣніе къ іюльской монархіи во Франціи. Во всѣхъ прочихъ политическихъ вопросахъ они если и не прямо расходились, то по меньшей мѣрѣ относились къ нимъ весьма различно. Руководящимъ началомъ русскаго государя было всюду законность и уваженіе существующихъ международныхъ договоровъ, тогда какъ прусскій король не прочь былъ измѣнить status quo во многихъ отношеніяхъ. Такъ, въ германскихъ дѣлахъ, онъ желалъ удовлетворить національнымъ стремленіямъ, преобразовать Германію изъ союза государства въ союзное государство и добродушно расчитывалъ въ этомъ предпріятіи на содѣйствіе вѣнскаго двора, во главѣ котораго стоялъ еще князь Меттернихъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ писалъ австрійскому канцлеру, «что у него нѣтъ недостатка въ энергіи, въ особенности когда рѣчь идетъ о соединеніи его усилій съ императоромъ австрійскимъ для упроченія силы и величія общаго германскаго отечества и для созданія въ центрѣ Европы плодотворныхъ согласія и единства, противъ коихъ безсильными окажутся грозы и противные вѣтры, съ какой бы стороны они ни подули»[1]. Въ вопросѣ Восточномъ, стоявшемъ тогда на очереди, король вдохновлялся иными чувствами, а именно прозелитизмомъ протестантскаго богослова и стремленіемъ обезпечить за евангелическимъ исповѣданіемъ на Востокѣ одинаковыя права съ православіемъ и католичествомъ. Предположенія его объ установленіи въ Палестинѣ общаго протектората великихъ державъ надъ святыми мѣстами и христіанскимъ населеніемъ этой области произвели, по словамъ русскаго дипломатическаго документа, на государя «тяжелое и прискорбное впечатлѣніе»[2]. Тѣмъ ближе старался король сойтись въ этомъ дѣлѣ съ сентъ-джемскимъ кабинетомъ, къ которому, по словамъ его, онъ «тяготѣлъ своимъ старопрусскимъ и евангелическимъ сердцемъ». Посредникомъ между нимъ и англійскимъ дворомъ служилъ назначенный имъ посланникомъ въ Лондонъ, личный другъ его и довѣренный совѣтникъ Бунзенъ, нашедшій единомышленниковъ въ лицѣ супруга королевы Викторіи принца Альберта и его Эгеріи—врача Стокмара. Всѣ трое убѣдили королеву пригласить Фридриха-Вильгельма лично прибыть въ Англію, чтобы служить воспріемникомъ отъ купели новорожденному принцу Валійскому, наслѣднику великобританскаго престола. Приглашеніе было принято и въ половинѣ января 1842 года, король прусскій дѣйствительно пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ большими почестями и, провелъ двѣ недѣли, войдя въ самое тѣсное общеніе не только съ королевскою четою, но и съ

---

[1]) Король Фридрихъ Вильгельмъ IV князю Меттерниху, 9-го (21) іюня 1840.
[2]) Циркуляры графа Нессельроде 20-го и 25-го февраля (4 и 9 марта) 1841.

выдающимися государственными людьми Великобританіи и съ англійскою аристократіею, давшею въ честь его блестящія празднества.

Поѣздка короля въ Англію произвела непріятное впечатлѣніе на нашъ дворъ, такъ какъ ясно было, что предпринята она въ виду политическихъ цѣлей, несогласныхъ съ общими цѣлями охранительнаго союза трехъ сѣверныхъ державъ. Фридрихъ-Вильгельмъ самъ чувствовалъ необходимость изгладить это впечатлѣніе и гласно заявить, что въ чувствахъ его къ государю и Россіи не произошло никакой перемѣны. Онъ воспользовался для этой цѣли совершившимся 26 марта (7 апрѣля) 1842 г. двадцатипятилѣтіемъ со дня назначенія императора Николая шефомъ прусскаго 6-го кирасирскаго полка. Депутація отъ полка была отправлена въ Петербургъ для принесенія поздравленія августѣйшему шефу, а въ самый день юбилея король прибылъ въ Бранденбургъ, гдѣ квартировали кирасиры и въ рѣчи обращенной къ офицерамъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ отозвался о русскомъ государѣ и его отношеніяхъ къ Пруссіи. «Съ того времени», сказалъ онъ, «какъ императоръ принялъ полкъ и тогда же соединился съ прусскимъ домомъ тѣсными родственными узами, онъ сталъ моему въ Бозѣ почивающему родителю любвеобильнымъ сыномъ, мнѣ дорогимъ зятемъ. Онъ мой вѣрнѣйшій, ближайшій, лучшій другъ, и искреннѣйшій другъ всего прусскаго народа и государства, въ особенности же войска... Онъ государь необыкновеннаго величія, такой государь, который въ силу своей мощи имѣетъ большой вѣсъ въ политическихъ обстоятельствахъ всей Европы и самъ соединяетъ въ себѣ всѣ качества, свойственныя великому монарху» [1]). Въ томъ же году императоръ Николай праздновалъ и серебрянную свою свадьбу. Король самъ прибылъ по этому случаю въ Петергофъ и принялъ участіе въ праздникѣ сестры своей и зятя.

Посѣщеніе Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV русскаго двора скрѣпило его личныя связи съ членами царской семьи, но не имѣло вліянія на направленіе его политики. Напротивъ, пребываніе въ Лондонѣ, гдѣ онъ, между прочимъ, былъ свидѣтелемъ торжества открытія парламента королевою, расположило его въ пользу учрежденія и въ Пруссіи собранія государственныхъ чиновъ. При этомъ онъ не имѣлъ въ виду даровать странѣ своей конституцію въ англійскомъ смыслѣ этого слова, а намѣревался строго ограничить кругъ дѣятельности будущаго парламента. Король льстилъ себя надеждою, что либеральная партія удовольствуется этою уступкою и что во власти его будетъ сдержать ея порывы къ полной поли-

---

[1]) Рѣчь произнесенная королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV передъ фронтомъ 5-го кирасирскаго имени императора всероссійскаго полка, 26 марта (7 апрѣля) 1842 года.

тической свободѣ. Въ означенномъ намѣреніи его поддерживали близкіе друзья его и впереди всѣхъ Бунзенъ, но оно не встрѣчало сочувствія въ прусскихъ министрахъ. Энергично возражалъ королю и наслѣдникъ престола, братъ его, принцъ прусскій [1]), выразившій даже сомнѣніе относительно права царствующаго государя, связывать своихъ преемниковъ закономъ, ограничивающимъ верховную власть. При нерѣшительности и слабости Фридриха-Вильгельма, прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ онъ осуществилъ свое намѣреніе. Пока же онъ довольствовался тѣмъ, что требовалъ отъ всѣхъ государственныхъ сановниковъ заключенія по занимавшему его вопросу.

Въ концѣ августа (началѣ сентября) 1843 года, императоръ Николай отдалъ визитъ своему зятю въ Берлинѣ и присутствовалъ при осеннихъ кавалерійскихъ маневрахъ происходившихъ въ окрестностяхъ прусской столицы. Одновременно съ нимъ гостями короля были великія княгини Елена Павловна и Марія Павловна, великая герцогиня Саксенъ-Веймарская, наслѣдный принцъ Шведскій съ женою и принцъ Іоаннъ Саксонскій. Замѣчено было, что государь обращается съ королемъ вѣжливо и даже привѣтливо, но сдержанно и какъ бы недовѣрчиво, тогда какъ онъ почти не разлучался съ принцемъ прусскимъ, бесѣдуя съ нимъ по долгимъ часамъ [2]). На возвратномъ пути его изъ Берлина въ Познань произошелъ загадочный случай, такъ и оставшійся не разъясненнымъ. При выѣздѣ изъ города, на самомъ мосту, перекинутомъ чрезъ Варту, въ одинъ изъ экипажей императорскаго поѣзда занятый двумя чиновниками походной канцеляріи сдѣланъ былъ выстрѣлъ, оставившій слѣдъ на покрышкѣ коляски. Мѣстныя власти никакъ не хотѣли допустить, чтобы выстрѣлъ этотъ могъ быть покушеніемъ на жизнь его величества, хотя за нѣсколько часовъ до царскаго проѣзда въ близь лежащей корчмѣ обратили на себя вниманіе нѣсколько подозрительныхъ личностей, разговаривавшихъ между собою попольски, пофранцузски и поанглійски. Для разслѣдованія дѣла командированъ былъ въ Познань комендантъ Берлина, генералъ Мюфлингъ, но не смотря на обѣщанную денежную награду за указаніе виновныхъ, ему не удалось ихъ обнаружить [3]). Когда два года спустя въ принадлежащихъ Пруссіи польскихъ областяхъ вспыхнуло возстаніе, стало, однако, извѣстно, что задолго до того во всемъ краѣ уже дѣйствовала тайная польская революціонная организація.

14 (26) мая слѣдующаго 1844 года, государь, ѣхавшій въ Англію, остановился на сутки въ Берлинѣ и обѣдалъ въ Шарлотен-

---

[1]) По воцареніи Фридриха-Вильгельма IV, братъ его Вильгельмъ получилъ титулъ принца прусскаго.

[2]) Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе, 7 (19) сентября 1843 года.

[3]) Тотъ же дневникъ, 14 (26) сентября 1843 года.

бургѣ у короля [1]). Возвращаясь изъ Лондона, онъ остался въ прусской столицѣ лишь нѣсколько часовъ, спѣша въ Петербургъ къ смертному одру великой княгини Александры Николаевны. Прошло много лѣтъ прежде чѣмъ берлинцы снова увидѣли русскаго императора къ стѣнахъ своихъ. Лѣченіе водами въ Германіи уже было недостаточно для возстановленія разстроеннаго здоровья императрицы Александры Ѳеодоровны. Врачи требовали отправленія ея на югъ, зимовки въ Палермо, куда она и прослѣдовала осенью 1845 года, чрезъ Берлинъ. Король провожалъ ее до Галле. Но когда самъ государь отправился въ Италію для посѣщенія императрицы, то проѣхалъ прямымъ путемъ чрезъ Варшаву, Мюнхенъ и Бреннерскій перевалъ, а въ Россію вернулся чрезъ Вѣну. Онъ рѣшился миновать Берлинъ по многимъ причинамъ. Предстоявшее присоединеніе Кракова къ Австріи, условленное обоими императорскими дворами вопреки берлинскому кабинету, вызвало охлажденіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ нашихъ съ Пруссіею. Къ тому же король прямо заявилъ князю Меттерниху о безповоротномъ рѣшеніи своемъ даровать прусскому народу центральное представительство въ видѣ Соединеннаго Ландтага, составленнаго изъ делегатовъ всѣхъ областныхъ собраній. Государь не одобрялъ этой мѣры, противъ которой принцъ прусскій не переставалъ протестовать во имя наслѣдственныхъ правъ своихъ. Лѣтомъ 1846 года, онъ посѣтилъ русскій дворъ, и былъ принятъ въ Варшавѣ и въ Петергофѣ съ распростертыми объятіями. Въ этотъ періодъ его жизни мнѣнія и чувства его болѣе чѣмъ когда либо совпадали со взглядами и убѣжденіями императора Николая. Единомысліе это было очень непріятно королю, которому приписывали слѣдующія слова, сказанныя имъ вскорѣ по возвращеніи принца изъ Россіи: «братъ мой не имѣетъ права вмѣшиваться не въ свое дѣло, а императоръ пусть заботится о собственныхъ своихъ владѣніяхъ» [2]).

Въ началѣ 1847 года, обнародованъ былъ королевскій патентъ, созывавшій въ Берлинѣ государственные чины Пруссіи подъ именемъ Соединеннаго Ландтага, въ составѣ двухъ палатъ. Мѣра эта была равносильна введенію конституціи, хотя въ рѣчи, произнесенной при открытіи перваго собранія, король и заявилъ, что не потерпитъ «чтобы между нимъ и его народомъ воздвигался листъ бумаги» [3]). Въ прусскихъ придворныхъ и дипломатическихъ кружкахъ знали, что императоръ Николай гласно выразилъ порицаніе рѣшенію своего зятя. Разсказывали даже—источникомъ этихъ слу-

[1]) О проѣздѣ государя чрезъ Берлинъ въ 1844 году, см. статью мою—«Императоръ Николай въ Лондонѣ», глава III, «Историческій Вѣстникъ», мартъ, 1886 года, стр. 602.

[2]) Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе, 22 августа (3 сентября) 1846 года.

[3]) Рѣчь произнесенная Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV при открытіи соединеннаго Ландтага, 30 марта (11 апрѣля) 1847 года.

ховъ было письмо, писанное женою прусскаго посланника въ Петербургѣ генерала Рохова къ одной пріятельницѣ—будто государь сказалъ, что «если только созваніе государственныхъ чиновъ приведетъ къ безпорядкамъ, то онъ вмѣшается въ дѣло, ибо пожаръ сосѣдняго дома угрожаетъ его собственному» [1]). Опасенія русскаго императора не замедлили оправдаться. Не прошло и году, какъ вспыхнувшій на улицѣ мятежъ снесъ конституціонное зданіе, воздвигнутое слабыми руками Фридриха-Вильгельма и поколебалъ въ ея основаніяхъ полуторовѣковую монархію Гогенцоллерновъ.

Съ марта по ноябрь 1848 года, въ Берлинѣ царили смута и безначаліе. Учредительный Ландтагъ вносилъ въ вырабатываемую имъ конституцію разрушительнѣйшія начала. Войска были выведены изъ столицы и вооруженныя шайки всякой сволочи безчинствовали въ ней на волѣ. Конституціонное министерство, смѣнившееся четыре раза въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, являлось послушнымъ исполнителемъ такъ называемой народной воли, выражаемой даже не парламентомъ, а демагогическими клубами и уличными сборищами. Послѣ робкихъ попытокъ сопротивленія не продолжавшихся и сутки, король уступилъ все, что у него потребовали, далъ вырвать власть изъ своихъ рукъ. Проявленная имъ въ минуту опасности слабость и безхарактерность произвели тяжелое впечатлѣніе на императора Николая. Ему прискорбно было видѣть въ своемъ зятѣ столь полное забвеніе королевскаго достоинства, сказавшееся въ воззваніи Фридриха-Вильгельма къ «его милымъ берлинцамъ» и въ совершенномъ имъ объѣздѣ главныхъ улицъ столицы, въ предшествіи революціонныхъ знаменъ и эмблемъ, и съ трехцвѣтнымъ шарфомъ на рукавѣ. Очень можетъ быть, что государь и дѣйствительно излилъ свою горечь въ приписываемыхъ ему молвою словахъ, въ коихъ онъ будто бы упомянулъ имя Лежара, извѣстнаго въ то время наѣздника изъ цирка. Берлинскія происшествія не только оскорбляли самыя дорогія его чувства, они грозили ему и серьезными политическими осложненіями. Вопросъ о переустройствѣ Пруссіи на конституціонныхъ началахъ былъ тѣсно связанъ съ другимъ, еще болѣе революціоннымъ вопросомъ—объединенія Германіи. Готовилось въ центрѣ Европы полное ниспроверженіе порядка созданнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ. Въ одномъ изъ своихъ воззваній, король прусскій объявилъ, что «берется руководить судьбами общаго нѣмецкаго отечества и что отнынѣ Пруссія должна слиться съ Германіею».

Въ виду этихъ потрясающихъ событій, въ нѣсколько дней видоизмѣнившихъ всю политическую поверхность Европы, императоръ Николай принялъ рѣшеніе, не вмѣшиваясь въ происходившіе въ сосѣднихъ государствахъ безпорядки, оберегать русскую гра-

---

[1]) Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе, 7 (19) февраля 4 (16) марта 1847 года.

ницу отъ ихъ вторженія, спокойно и твердо ожидать ихъ окончанія, а въ случаѣ надобности отразить силу силою. Къ счастію для Пруссіи дѣло не дошло до объявленія ею войны Россіи, хотя берлинскіе демагоги, а съ ихъ голоса и конституціонные министры Фридриха-Вильгельма IV, требовали того отъ короля. Воинственный пылъ ихъ нашелъ исходъ въ менѣе опасной борьбѣ съ Даніею изъ-за при-эльбскихъ герцогствъ. Прусскія войска вступили въ Голштинію и Шлезвигъ и оттуда вторглись въ Ютландію. Они были остановлены появленіемъ русскаго флота подъ Копенгагеномъ и заявленіемъ императорскаго кабинета, что герцогства принадлежатъ Даніи въ силу международныхъ договоровъ и что всякое нарушеніе ихъ со стороны Пруссіи будетъ сочтено нами за casus belli. Результатомъ этого заявленія было Мальмёское перемиріе, заключенное съ датчанами Пруссіею, отъ имени и по уполномочію Германскаго Союза.

Воздерживаясь отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла, какъ Австріи такъ и Пруссіи, государь, однако, считалъ своею обязанностью, въ случаѣ обращенія къ нему того или другого союзнаго двора, не отказать въ помощи для возстановленія порядка. Съ начала революціи, король Фридрихъ-Вильгельмъ находился во власти, а отчасти и подъ вліяніемъ демагоговъ. Но наслѣдникъ престола, принцъ прусскій, не призналъ перемѣнъ, происшедшихъ въ государственномъ устройствѣ страны. Онъ удалился въ Англію, а между тѣмъ въ Берлинѣ, въ либеральныхъ кругахъ и даже въ парламентѣ, возбужденъ былъ вопросъ о провозглашеніи его лишеннымъ правъ на наслѣдованіе. Естественно было предположить, что принцъ Вильгельмъ не подчинится такому проявленію «народнаго самодержавія» и съ оружіемъ въ рукахъ станетъ остаивать права свои. Весьма вѣроятно, что въ виду этой случайности принцу была предложена наша поддержка [1]). Хорошо знакомый съ духомъ прусской арміи, императоръ Николай не сомнѣвался, что въ концѣ концовъ она положитъ конецъ анархіи и возстановитъ верховную власть во всей ея неприкосновенности. Этимъ убѣжденіемъ объясняются слова обращенныя имъ къ командиру расположеннаго въ восточной Пруссіи перваго прусскаго корпуса генералу графу Дона, присутствовавшему осенью 1848 года на маневрахъ нашихъ войскъ въ пограничныхъ съ Пруссіею губерніяхъ. «Вамъ нравятся мои

---

[1]) О такихъ предложеніяхъ подробно разсказываетъ анонимный авторъ памфлета, появившагося въ 1880 году и озаглавленнаго: «Berlin und Petersburg, Preussische Beiträge zur Geschichte der russisch-deutschen Beziehungen». Не говоря уже о тенденціозной враждебности къ намъ этой книжки, мы не повторяемъ сообщаемыхъ ею данныхъ, потому что въ подтвержденіе ихъ авторъ не представилъ ни малѣйшихъ доказательствъ. Ср. также Записку о прусскихъ дѣлахъ, сообщенную генераломъ Рачемъ и напечатанную въ январской книжкѣ «Русской Старины» 1870 года.

знакомился съ семействомъ матери моей, людьми хорошей фамиліи, Массальскими, и при томъ очень богатыми. Въ семействѣ этомъ было два сына и три дочери; двѣ изъ нихъ замужнія, третья моя мать, дѣвица 16-ти лѣтъ, въ которую мой отецъ влюбился и которая ему тѣмъ же отвѣчала. Отецъ задумалъ жениться, но такъ какъ онъ и въ г. Краковѣ велъ жизнь самую расточительную и при томъ не совсѣмъ похвальную, то родители моей матери наотрѣзъ ему отказали. Кажется и дѣлу бы конецъ, но не таковъ былъ мой отецъ: онъ остался въ Краковѣ, попрежнему велъ жизнь расточительную и безалаберную и, наконецъ, успѣлъ добиться своей цѣли,—укралъ мою мать, обвѣнчался съ ней въ Россіи и опять возвратился съ женою въ г. Краковъ для принесенія повинной ея родителямъ; но расчетъ оказался ошибочнымъ. Родители не только не приняли ихъ, но даже лишили мою мать наслѣдства. Извѣстно, что поляки жестоко поступаютъ тамъ, гдѣ задѣтъ ихъ гоноръ. Въ которомъ году это было навѣрное, за давностію времени, узнать я не могъ, но приблизительно должно было это происходить между 1818 и 1819 годами. Отецъ мой возвратился съ женою обратно домой въ г. Дубно, и здѣсь въ 1824 г. умеръ, проживъ почти все, что у него еще сохранилось и оставивъ меня на второмъ году моего рожденія наслѣдникомъ единственно только своей фамиліи. Мать моя, овдовѣвъ и располагая очень малыми средствами, умоляла родителей своихъ простить ей опрометчивый поступокъ молодости, но они остались непреклонны. Мать все-таки хотѣла возвратиться на свою родину и не знаю почему просила объ этомъ не государя, а великаго князя Константина Павловича, отъ котораго послѣдовалъ отвѣтъ, что она, если ей угодно, можетъ ѣхать за границу, но такъ какъ я родился въ Россіи, то и долженъ въ ней остаться. Въ то время мнѣ было три года; моя мать, любившая меня до обожанія, разумѣется, не могла на это согласиться. Въ г. Дубнѣ и окрестностяхъ его, гдѣ жила моя мать со мною, квартировалъ Волынскій пѣхотный полкъ, офицеры котораго постоянно бывали въ домѣ отца, при жизни его. Мать моя, какъ мнѣ передавали, была очень красива и при томъ необыкновенно доброй души. Она не могла видѣть бѣдности и, забывая о себѣ, послѣднее отдавала нуждающимся, а потому многіе, даже вовсе не нуждающіеся, эксплуатировали ея доброту. Благодаря ея молодости и симпатичности, претендентовъ получить ея руку было много; въ числѣ ихъ были люди со средствами, даже большими, но она всѣмъ отказывала, во-первыхъ потому, что въ ея сердцѣ еще не изгладились воспоминанія объ отцѣ моемъ, котораго она до безумія любила, а во-вторыхъ потому, что непремѣнно хотѣла возвратиться на родину, въ г. Краковъ, и усердно продолжала объ этомъ хлопотать. По тогдашнему времени, переписка о дозволеніи матери выѣхать вмѣстѣ со мной изъ Россіи продолжалась безконечно, а между тѣмъ средства ея истощались и, наконецъ,

не подѣтски любилъ, а обожалъ и благоговѣлъ предъ нею, какъ передъ святынею.

Мать моя по тогдашнему времени была женщина весьма образованная и потому полагаю, что она своимъ умомъ и добрымъ сердцемъ съумѣла вселить во мнѣ любовь къ себѣ выше дѣтской. Ея предсмертныя слова «будь честнымъ», я и поднесь свято исполняю. Послѣ похоронъ, прямо съ кладбища, одна пріятельница моей матери взяла меня къ себѣ въ домъ къ своимъ дѣтямъ, одинаковаго со мною возраста, съ которыми я былъ очень друженъ въ счастливое мое время. На другой день моего переселенія въ чужой домъ былъ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова, столь пріятный для всѣхъ дѣтей, но я его встрѣтилъ самымъ грустнымъ образомъ; со мной сдѣлался бредъ и хотя меня окружили самымъ тщательнымъ уходомъ и докторъ не переставалъ посѣщать меня во все время моей болѣзни, однако, я пролежалъ два мѣсяца. Послѣ выздоровленія я пробылъ въ этомъ домѣ еще нѣкоторое время и, затѣмъ, меня отвезли къ отчиму, въ деревню, гдѣ была расположена его рота. Отчимъ сначала меня попрежнему ласкалъ, а я попрежнему его ненавидѣлъ, хотя мнѣ каждый день всѣ твердили, что я долженъ его любить; затѣмъ, отчимъ сталъ дѣлаться ко мнѣ все холоднѣе и холоднѣе, пересталъ меня ласкать и дѣлать подарки, но все-таки учителя нанялъ, такъ какъ мнѣ пошелъ уже седьмой годъ. Быть можетъ, читатель подумаетъ, что такая неблагодарность моя къ отчиму происходила отъ моей нравственной испорченности; нѣтъ, напротивъ, я былъ самое доброе дитя, какого только могутъ желать родители; но я ненавидѣлъ отчима прежде безотчетно, и послѣ уже сознательно за то, что онъ крѣпко и часто наказывалъ солдатъ, которыхъ я любилъ равно, какъ и они меня. Не понимаю для чего онъ, послѣ смерти матери, любилъ наказывать солдатъ возлѣ своей квартиры, и хотя я уходилъ отъ оконъ, но несчастныя жертвы своимъ крикомъ и мольбой о помилованіи раздирали мнѣ душу. Я пробовалъ нѣсколько разъ просить его, чтобы онъ смилловался надъ страдальцами, но никогда не успѣвалъ въ этомъ, и онъ меня всякій разъ грубо отталкивалъ и прогонялъ.

Въ 1830 году возстала Польша, не взирая на то, что пользовалась правами и преимуществами несравненно больше коренной Россіи. Она хотѣла добиться еще бо̀льшаго и потеряла все. Въ Волынскомъ пѣхотномъ полку, гдѣ служилъ мой отчимъ, больше половины полка были поляки, не только офицеры, но и солдаты. Когда Польша подняла знамя мятежа, то многіе офицеры полка, забывъ присягу и долгъ, бѣжали къ мятежникамъ; въ числѣ ихъ бѣжалъ и мой отчимъ; фамилій измѣнниковъ я не помню, хотя всѣхъ зналъ, — только одинъ изъ нихъ остался въ моей памяти, маіоръ Иконовичъ, и то потому, что незадолго до бѣгства, онъ былъ изъ капитановъ произведенъ въ маіоры, и я всякій разъ,

Мнѣ также сдѣлалось извѣстнымъ потомъ, что они дали клятву отчиму, какъ только онъ бѣжитъ, тотчасъ взять меня къ себѣ и воспитывать наравнѣ съ своими дѣтьми, а равно позаботиться и о дальнѣйшей моей судьбѣ. Они поступили со мной такъ жестоко и безчестно отъ одной лишь трусости. Сдружившись съ сыномъ ресторатора, я ходилъ съ нимъ, почти каждый день, на рѣку удить рыбу, въ чемъ оказывалъ большіе успѣхи. Отецъ его продолжалъ хорошо меня кормить, и я былъ счастливъ. Въ домъ отчима я ходилъ единственно для того, чтобы брать разныя вещи, которыя просилъ ресторат оръ, но чаще онъ самъ забиралъ ихъ безъ всякаго спроса, потому что ключи отъ всего находились у него. Тетрадки и книги мои были сложены мною очень аккуратно, но я больше въ нихъ не заглядывалъ, пользуясь вполнѣ свободой. Сколько времени это продолжалось, не помню. Вдругъ нагрянула полиція. Начали меня допрашивать о такихъ предметахъ, которыхъ я не только не зналъ, но и не понималъ. Сначала мнѣ дарили конфекты, а послѣ угрожали, но добиться ничего не могли; отъ ресторатора тоже ничего не узнали, на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ: «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю». Только и могли допытаться отъ него, что отчимъ сказалъ ему, что уѣзжаетъ на десять дней въ отпускъ и просилъ, чтобы онъ въ это время прокормилъ меня и прислугу и за это уплатилъ деньги впередъ. Послѣ этого была сдѣлана опись всѣмъ оставшимся вещамъ отчима, а затѣмъ аукціонъ. Хотя кормилецъ мой и перетаскалъ много вещей, но въ домѣ это было не замѣтно и оставалось еще очень много. Куда дѣвались деньги, вырученныя отъ продажи, я не знаю. Говорятъ, они были конфискованы въ казну, мнѣ же выдали только принадлежащее мнѣ платье и книги. Заступиться за меня охотниковъ не нашлось. Меня также допрашивали, гдѣ живутъ мои родные и отвѣту моему, что у меня нигдѣ ихъ нѣтъ, не повѣрили; но, затѣмъ, собравъ справки, а быть можетъ и потому, что меня никто не бралъ къ себѣ, вынуждены были выдать изъ денегъ, полученныхъ отъ аукціона, небольшую сумму тому же ресторатору на содержаніе меня въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а о томъ, что дѣлать со мной дальше, представили на благоусмотрѣніе начальства. Однако, благоусмотрѣніе продолжалось очень долго. Когда мною были проѣдены деньги, оставленныя на мое содержаніе ресторатору, послѣдній пошелъ къ тому же начальству, и началъ требовать вновь денегъ на тотъ же предметъ, но ему не только ничего не дали, но вытолкали въ шею, каковую обиду онъ выместилъ на мнѣ тѣмъ, что перестал ъ кормить. Положеніе мое было бы самое критическое, еслибъ его сынъ не кормилъ меня тайно; наконецъ, ресторат оръ, чтобы избавиться отъ меня, придумалъ такую хитрость: разузнавъ къ кому чаще всѣхъ ѣздилъ въ деревню мой отчимъ, онъ нанялъ лошадей, велѣлъ мнѣ собрать всѣ мои пожитки, и мы поѣхали. Дорогой онъ говорилъ мнѣ, что

ему писали и просили доставить меня къ помѣщику П., чему я былъ очень радъ потому, что бывая у П., я полюбилъ ихъ дочь Эльжбету, уже взрослую, которая, смѣясь, увѣряла меня, что непремѣнно выйдетъ за меня замужъ. Въ тотъ же день вечеромъ, мы достигли цѣли нашего путешествія. Остановившись у параднаго крыльца, мой спутникъ передалъ меня и мои вещи двумъ выскочившимъ казачкамъ, а самъ поворотилъ лошадей и удралъ, не оглядываясь. Меня приняли радушно, но замѣтно боязливо, къ чему я уже привыкъ, потому что всѣ сторонились отъ меня, какъ отъ преступника. Хозяйка дома позвала своего эконома и велѣла дать моему подводчику сѣна, овса и ужинать, но когда ей доложили, что онъ удралъ, да еще въ карьеръ, то она растерялась, начала меня допрашивать о малѣйшихъ подробностяхъ, въ особенности о полиціи, и, видимо, успокоилась моими отвѣтами. Объ одномъ только она соболѣзновала, что ея мужа нѣтъ дома, и что онъ не скоро пріѣдетъ, чему я, наоборотъ, отъ души радовался, боясь, чтобы онъ не прогналъ меня. Помню, что любовь моя къ паннѣ Эльжбетѣ разомъ прошла, при томъ и она сторонилась отъ меня. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ панъ П. Я долго не показывался ему на глаза и порядкомъ трусилъ, чтобы онъ не прогналъ меня; наконецъ, меня позвали. Онъ, лаская меня, до того расчувствовался, что даже прослезился и, утирая свои слезы, говорилъ, что держать меня у себя не можетъ, а повезетъ до пана М. А я въ это время думалъ: «врешь, врешь, подлецъ, ты можешь, да не хочешь». Однако, не взирая на то, что мнѣ было объявлено о невозможности держать меня, я почему-то прожилъ довольно долго, кажется, мѣсяца три или около того. Послѣ этого срока меня отвезли къ пану Р., у того, не помню, сколько я пробылъ. Такимъ порядкомъ меня передавали отъ одного къ другому пану три года. Перевозили меня не только по Дубенскому уѣзду, но и по двумъ сосѣднимъ, и всегда къ богатымъ людямъ. Вездѣ меня держали не долго; у одной лишь пани маршалковой, предводительши дворянства, я пробылъ около года и то потому, что ей нуженъ былъ мальчикъ моихъ лѣтъ, равныхъ ея сыну, для совмѣстныхъ съ нимъ занятій. У нихъ былъ гувернеръ превосходный человѣкъ, но за то сынокъ ея былъ «большая дрянь» и имѣлъ пороки не по лѣтамъ своимъ. Какой былъ націи гувернеръ не знаю, только не полякъ и не русскій, потому что на обоихъ этихъ языкахъ онъ говорилъ довольно плохо. Насколько съ каждымъ днемъ привязывался ко мнѣ гувернеръ, настолько сынокъ пани маршалковой презиралъ и ненавидѣлъ меня за то, что я учился превосходно, постоянно получалъ похвалы, а онъ выговоры и даже наказанія, конечно, не тѣлесныя. Если я не остался у маршалковой, то единственно потому, что во всемъ превосходилъ ея сына, кромѣ французскаго языка, которому меня не учили, за то я отлично читалъ попольски, понѣмецки и плохо полатыни. Порусски меня не

учили, но я прежде читалъ отлично; въ ариѳметикѣ я далеко обогналъ моего товарища. Сперва мои успѣхи какъ будто радовали маршалкову, но послѣ ревность взяла верхъ, и я былъ отвезенъ къ пану С., потомъ къ другому, и т. д. Странствовалъ я до тѣхъ поръ, пока не послѣдовала правительственная резолюція о дальнѣйшей моей судьбѣ, состоявшаяся въ 1833-мъ году, весной. Если бы меня спросили каково мнѣ жилось эти три года, то, мнѣ кажется, самый подходящій отвѣтъ будетъ: «такъ себѣ». Въ нѣкоторыхъ домахъ мнѣ было лучше, въ другихъ хуже, но хорошо нигдѣ. Въ каждомъ домѣ мнѣ твердили, что я скоро поступлю въ кадетскій корпусъ, но чтобы я тамъ не набирался поганаго русскаго духу. Не знаю почему кадетскій корпусъ не только не пугалъ меня, а, напротивъ, поступленія туда я ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

II.

Распоряженіе правительства объ отдачѣ меня въ Екатеринославское сиротское отдѣленіе военныхъ кантонистовъ.—Отправленіе меня къ мѣсту назначенія по этапу.—Неожиданный благотворитель.—Походъ до Кіева.—Жизнь въ этомъ городѣ.—Первое знакомство съ кантонистами.—Кража у меня кошелька съ деньгами.—Затруднительное положеніе.—Выгодный промыселъ. — Выступленіе изъ Кіева.—Путевыя приключенія.

Въ одно прекрасное утро, къ пану, у котораго я проживалъ уже нѣсколько недѣль, пріѣхалъ ассесоръ и увезъ меня въ уѣздный городъ Дубно, объявивъ при этомъ, что я назначенъ въ Екатеринославское сиротское отдѣленіе военныхъ кантонистовъ. Вотъ тебѣ и кадетскій корпусъ! подумалъ я и еще больше возненавидѣлъ отчима, а съ нимъ и всѣхъ пановъ, потому что слово «кантонистъ» въ то время равно было ругательному слову. На другой день ассесоръ доставилъ меня въ земскій судъ, а послѣдній препроводилъ меня къ этапному начальнику со всѣми моими вещами. Этапный начальникъ распорядился отправить меня въ казарму и велѣлъ караулить, чтобы я не бѣжалъ. Въ казармѣ я пробылъ цѣлую недѣлю. Солдаты обращались со мною очень хорошо; я имѣлъ нѣсколько злотыхъ, и они мнѣ покупали съѣстное, не забывая, конечно, и себя; впрочемъ, я охотно всѣмъ дѣлился съ ними... Наконецъ, наступилъ день отправки. На дворѣ явилось много арестантовъ и арестантокъ, закованныхъ въ одиночку и группами на желѣзныхъ прутьяхъ. Была произведена перекличка отправляющемуся этапу, въ томъ числѣ окликнули и меня, не въ числѣ арестантовъ, а въ другомъ спискѣ, озаглавленнымъ «не въ родѣ арестантовъ», но для сокращенія насъ всегда и вездѣ называли просто «не въ родѣ». Я говорю насъ, потому что не я одинъ принадлежалъ къ этой категоріи, а

еще нѣсколько солдатъ, бывшихъ въ лазаретѣ и пересылаемыхъ къ полкамъ. Этапный офицеръ вручилъ каждому «не въ родѣ» суточныя деньги, по расчету до Кіева, полагая на каждыя сутки по 16 коп. ассигнаціями, что на серебро составляетъ по 4 коп. въ день. Затѣмъ, было скомандовано: «этапъ, направо, скорымъ шагомъ маршъ»! Я стоялъ тоже во фронтѣ, на лѣвомъ флангѣ «не въ родѣ» и это меня занимало. Наши и арестантскія вещи были положены на подводы, на которыхъ сидѣли арестантки съ грудными и не грудными дѣтьми. Помню, какъ теперь, что по слову «маршъ» я горько заплакалъ, но скоро успокоился, боясь, чтобы меня кто-нибудь не узналъ изъ знакомыхъ; мнѣ очень было стыдно идти съ арестантами. Выйдя изъ города на большую дорогу, «не въ родѣ» пошли бульваромъ, обсаженнымъ деревьями; день былъ отличный, майскій, и я повеселѣлъ, тѣмъ болѣе, что владѣлъ капиталомъ, какъ мнѣ тогда казалось, огромнымъ, по крайней мѣрѣ, я такого не имѣлъ еще въ своей жизни. Я забылъ упомянуть, что наканунѣ дня отправленія этапа, ко мнѣ въ казарму явился какой-то вовсе мнѣ незнакомый панъ и, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ вопросовъ, далъ мнѣ хорошій шелковый кошелекъ, набитый деньгами, и сказалъ мнѣ: «тутъ сорокъ злотыхъ, береги ихъ и покупай на нихъ себѣ кушать, а то будешь голоденъ», что я и дѣлалъ; большею половиною моего капитала воспользовались солдатики и партіонный унтеръ-офицеръ, но за то они сажали меня на подводы, и я могъ ѣхать сколько вздумается, хотя мнѣ подводы не полагалось. Разстояніе отъ города Дубно до города Кіева 360 верстъ и мы шли ихъ довольно долго; въ путешествіи этомъ не произошло ничего замѣчательнаго; мы шли два дня, а на третій день была дневка. По приходѣ на каждый этапъ, арестантовъ запирали въ этапный острогъ, а насъ, «не въ родѣ», деревенскій десятскій разводилъ по квартирамъ, повторяя при этомъ каждой хозяйкѣ, что мы идемъ на кормовыхъ; въ переводѣ это означало, что тотъ изъ насъ, кто желаетъ ужинать, на другой день позавтракать и на дорогу получить полхлѣба, долженъ заплатить хозяевамъ 12 коп. ассигнаціями, остальныя 4 коп., или, по теперешнему счету, одна коп. сер., полагались на приварокъ къ полученному отъ ночлежнаго хозяина хлѣбу на обѣдъ; кто же не хотѣлъ платить, тотъ не долженъ былъ ничего требовать отъ хозяина, кромѣ охапки соломы и рядна для постели. Быть можетъ, читателю покажется невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ могъ прокормиться 16 коп. ассигнаціями, которыя равны четыремъ теперешнимъ коп. серебромъ. Во-первыхъ, я говорю правду, а во-вторыхъ, могу даже увѣрить, что въ то время, о которомъ я пишу, можно было на эти деньги прожить даже безъ всякой казенной квартиры; въ то время 16 коп. ассигнаціями гораздо больше значили и на нихъ можно было купить всего больше, нежели теперь на 30 коп. серебромъ.

Наконецъ, мы приплелись въ Кіевъ. Арестантовъ, по обыкновенію, отвели въ острогъ, а насъ, «не въ родѣ», оставили ночевать въ казармахъ, потому что было уже довольно поздно. На другой день мы были размѣщены по квартирамъ въ части города, называемой «Звѣринцемъ». При отправкѣ на квартиры, каждому изъ насъ было выдано на нѣсколько дней хлѣба, полагая по три фунта и ячныхъ крупъ по 1/30 гарнца въ день; больше ничего не полагалось; вмѣстѣ съ тѣмъ строго было приказано ничего не требовать отъ хозяевъ, что, впрочемъ, было совершенно лишнее, такъ какъ они и безъ того не дали бы постояльцу пообѣдать, еслибы онъ даже умиралъ съ голоду. Жители Кіева не отличались добротой и гуманностью. Намъ также приказано было являться каждое утро въ казармы на перекличку. Кромѣ выданнаго мнѣ на руки громаднаго хлѣба и горсти крупы, у меня было порядочное количество собственныхъ вещей, заключавшихся въ платьѣ, бѣльѣ и учебныхъ книгахъ, а потому нужно было нанять подводу, на что мнѣ очень жаль было тратить деньги, которыхъ оставалось очень мало; въ то время я начиналъ уже расчитывать. На перекличку надо было ходить не менѣе пяти верстъ, но я являлся съ удовольствіемъ, потому что встрѣчался тамъ съ другими кантонистами. Сперва мы дичились другъ друга; но это продолжалось не долго: оказалось, что нѣсколько человѣкъ жило возлѣ моей квартиры. Они начали часто меня посѣщать; я ихъ угощалъ булками, но вскорѣ они украли у меня кошелекъ и всѣ деньги, которыхъ было еще десять злотыхъ. Долго я ихъ оплакивалъ, но не жаловался никому, не смотря на совѣты хозяйки. Кража эта поставила меня въ большое затрудненіе, и я не зналъ чѣмъ мнѣ пропитываться, потому что получаемый на недѣлю хлѣбъ мы тутъ же продавали торговкамъ, такъ какъ донести его на квартиру было тяжело не только мнѣ, но и старшимъ. Къ одной бѣдѣ присоединилась другая: послѣдняя пара сапогъ требовала ремонта; изъ казны намъ никакой одежды еще не полагалось. Пришлось продать часть своего гардероба, за который торговцы дали мнѣ, разумѣется, что хотѣли. Не знаю, чтобы я дѣлалъ дальше, еслибъ случайно не встрѣтилъ знакомаго уже мнѣ кантониста, несшаго нѣсколько разнокалиберныхъ удочекъ и направлявшагося къ Днѣпру, на мостъ, удить рыбу. Я попросилъ его взять меня съ собою, на что онъ охотно согласился; дорогою я пріобрѣлъ у него одну удочку. Ловля была превосходная, и мы продали рыбу тутъ же, возлѣ моста, гдѣ было выстроено нѣсколько балагановъ съ продажею всевозможныхъ съѣстныхъ припасовъ, начиная отъ борща, хлѣба, сельдей и кончая лакомыми пирожками съ печенкой, ворохами булокъ и бубликовъ, яблокъ и грушъ, такъ что мы не только въ волю наѣлись и полакомились на деньги вырученныя за проданную рыбу, но еще у насъ осталось по нѣскольку копѣекъ. Товарищъ по ловлѣ

рыбы познакомилъ меня съ своею матерью, вдовою солдаткой, оказавшейся очень порядочной женщиной; она строго внушила мнѣ, ни съ кѣмъ не знаться, кромѣ ея сына, говоря, что всѣ остальные кантонисты воришки и ихъ часто ловятъ въ лавкахъ въ воровствѣ разной мелочи, которую она высчитывала подробно. Дѣйствительно, сынъ ея оказался хорошимъ, нравственнымъ мальчикомъ. Дня черезъ два у меня было уже много удочекъ, а черезъ недѣлю я владѣлъ ершовкою, вещью не всѣмъ мальчикамъ доступною, по своей дороговизнѣ; но ершовка доставляла большой доходъ; она носила свое названіе отъ рыбы ерша, и механизмъ ея очень простой: нѣсколько саженъ, особенно для того дѣлаемой, тонкой, но крѣпкой шворки, на которой, во всю ея длину, привязываются другія шворки на двѣ четверти длины, къ которымъ привязываются крючки, числомъ до ста, къ послѣднимъ накладывается приманка, а на самомъ концѣ шворки привязанъ свинецъ, фунта въ два вѣсу; шворка опускается въ воду, пока грузило не достигнетъ дна; другой конецъ ея привязывается къ мосту и выжидается часа два, въ теченіе которыхъ удится другая рыба на удилища разнаго сорта. Когда шворка вытаскивается изъ воды, то часто ерши попадаются почти на каждый крючокъ.

Мы ожидали кормовыхъ денегъ мѣсяца три, и все это время я постоянно удилъ рыбу, отъ промысла которой не только былъ сытъ и ѣлъ, что мнѣ хотѣлось, но еще скопилъ нѣсколько злотыхъ на дорогу, и пряталъ ихъ въ купленный сафьянный чересъ, который носилъ на тѣлѣ.

Изъ Кіева мы выступили тѣмъ же порядкомъ, какъ изъ Дубно; разница состояла лишь въ томъ, что арестантовъ, кантонистовъ и конвойныхъ было гораздо больше. Кормовыя деньги намъ выдали на руки, съ прибавкой до 17½ коп. ассигнаціями.

Этапъ нашъ велъ уже не унтеръ-офицеръ, а офицеръ, а потому было гораздо строже; подводъ было недостаточно и ѣхать мнѣ не приходилось; но я уже привыкъ ходить, тѣмъ болѣе, что переходы были небольшіе, съ дневками на третій день. Во время этого перехода не случилось ничего особеннаго, кромѣ только того, что съ первой же дневки бѣжало три кантониста, за что партіонный офицеръ хотѣлъ было и насъ запереть съ арестантами, но къ счастію нашему не было помѣщенія, и офицеръ, выругавъ насъ изрядно, отпустилъ по квартирамъ. Больше бѣглыхъ кантонистовъ не было.

Въ Кременчугѣ мы только передневали и тѣмъ же порядкомъ, опять съ арестантами, но уже въ гораздо меньшемъ количествѣ, отправились далѣе къ цѣли нашего путешествія. Велъ нашъ этапъ опять унтеръ-офицеръ и было свободнѣе. Хозяева и хозяйки были гораздо добрѣе, чѣмъ въ первомъ переходѣ, кормили лучше, на дорогу давали паляницы, сало и арбузы, и не только за все это не

требовали денегъ но даже обижались, если я давалъ настойчиво.— «Заховай, хлопчику, воны тоби пригодятся».—Спасибо вамъ, добрые люди! Сбереженія эти, дѣйствительно, мнѣ очень пригодились.

III.

Прибытіе въ Екатеринославъ.—Военно-сиротское отдѣленіе.—Первое представленіе баталіонному командиру.—Отправленіе въ лагерь.—Баталіонный фельдфебель.—Помѣщеніе кантонистовъ.—Дядька.—Кантонистскіе порядки.—Продажа вещей.—Фронтовое и классное обученіе.—Выпускъ кантонистовъ.—Переводъ меня въ третью роту.—Жестокость начальниковъ.—Нарядъ на собираніе розогъ.—Кантонистскія пѣсни.—Кантонистскія розги.

Наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, прибыли мы въ Екатеринославъ, въ которомъ находилось Сиротское отдѣленіе военныхъ кантонистовъ, куда я былъ опредѣленъ. По сдачѣ арестантовъ, этапный унтеръ-офицеръ привелъ насъ прямо во дворъ Сиротскаго отдѣленія, находившагося на самомъ концѣ города. Зданіе это было довольно большое, трехъэтажное, деревянное; на обширномъ дворѣ красовалось безчисленное множество теплыхъ и холодныхъ построекъ; всѣ онѣ были выкрашены однимъ сѣрымъ цвѣтомъ съ темно-красными крышами и въ общемъ производили самый сумрачный видъ. Нашъ унтеръ-офицеръ, съ своей кожанной сумкой, гдѣ у него хранились бумаги, отправился въ канцелярію, откуда вышелъ нескоро. Писарь, сдѣлавъ намъ перекличку, вызвалъ меня, велѣлъ выйти изъ фронта и поставилъ впереди, затѣмъ вызвалъ еще троихъ и поставилъ рядомъ со мною на нѣкоторомъ разстояніи, а самъ ушелъ. Мы простояли въ такомъ порядкѣ довольно долго, и я удивлялся, зачѣмъ это поставили насъ впереди другихъ; но скоро дѣло объяснилось; вышелъ баталіонный командиръ въ сопровожденіи того же самаго писаря, у котораго въ рукахъ было много какихъ-то бумагъ. Наружность баталіоннаго обѣщала мало хорошаго: онъ былъ уже не молодъ, но и не старикъ, средняго роста; все лицо его, не исключая носа, было красно-синее, походка такая, которую называютъ «ходить фертикомъ». Прежде всего онъ подошелъ къ намъ; писарь началъ ему пояснять, указывая на меня и касаясь рукою:

— Это столбовой дворянинъ, а это оберъ-офицерскій сынъ, а это два брата изъ разночинцевъ.

Я невольно взглянулъ на своего сосѣда, но онъ ни одеждой и ничѣмъ другимъ не отличался отъ прочихъ кантонистовъ. Баталіонный командиръ взглянулъ на насъ и велѣлъ идти на свои мѣста, т. е. къ прочимъ кантонистамъ, которые были выстроены въ двѣ шеренги и, давъ намъ стать на свои мѣста, крикнулъ «здорово ребята!» на что ему отвѣтили, и то нѣкоторые, въ полголоса: «здравія желаемъ вашему благородію». Я одинъ громко отвѣтилъ

пискливымъ голосомъ: «здравія желаю вашему высокоблагородію». Неумѣніе отвѣтить, а еще больше пониженіе ранга подполковника, очень его взбѣсило, и онъ съ азартомъ крикнулъ:

— Кто сказалъ ваше высокоблагородіе, выйди впередъ!

Но я не выходилъ, потому что крѣпко струсилъ. Этапный унтеръ-офицеръ, стоявшій около, вывелъ меня. Тогда баталіонный командиръ, поворотивъ меня лицомъ къ фронту, сказалъ:

— Вотъ видите, дураки, самый меньшій и умнѣе всѣхъ васъ; помните, ослы, я уже давно не благородіе, а ваше высокоблагородіе, при томъ отвѣчайте громко.

Затѣмъ онъ послалъ меня на свое мѣсто и, отойдя отъ насъ на нѣсколько шаговъ, опять сталъ подходить, какъ бы въ первый разъ увидѣвъ насъ, и опять крикнулъ: «здорово, ребята»! но опять вышла чепуха. Онъ опять выбранилъ всѣхъ и опять отходилъ и подходилъ вновь, здороваясь, что повторялось разъ десять, угрожалъ даже пересѣчь насъ розгами, наконецъ, остался доволенъ и тогда спросивъ, не имѣемъ ли мы какой-нибудь претензіи къ этапному унтеръ-офицеру, распредѣлилъ насъ, смотря по росту, въ роты. Всѣ вещи наши были сложены въ цейхаузъ; я былъ назначенъ въ четвертую роту, въ разрядъ маленькихъ, куда насъ и повелъ баталіонный унтеръ-офицеръ. Хотя уже было довольно холодно, но кантонисты были еще въ лагерѣ, въ баракахъ, устроенныхъ изъ досокъ на разстояніи около версты отъ корпуса и города. Ротный фельдфебель, усачъ, но гораздо благовиднѣе баталіоннаго командира и, какъ послѣ я узналъ, очень добрый человѣкъ, узнавъ, что я дворянинъ, далъ мнѣ наставленія, заключавшіяся въ трехъ пунктахъ: быть послушнымъ, не красть и не бродяжничать, въ противномъ случаѣ будетъ мнѣ плохо. Послѣ этого, вызвавъ стараго кантониста, онъ сказалъ мнѣ: «вотъ тебѣ дядька, слушай его»!

Дядька мой былъ старше меня на одинъ только годъ, но находился въ этой ротѣ три года и былъ ефрейторомъ. Для каждой роты былъ отдѣльный баракъ или, лучше сказать, сарай, потому что оконъ и потолка не было, дверей тоже, а существовали лишь нѣсколько воротъ, отпиравшихся на двѣ половины. Во всю длину сараевъ были устроены нары такимъ порядкомъ: по срединѣ широкія и на нихъ ложились въ два ряда, голова къ головѣ, которыя отдѣляли двѣ доски, у обѣихъ же стѣнъ сараевъ лежали головами къ стѣнкамъ. На каждаго человѣка полагались тюфякъ и подушка, набитые соломой, и суконное одѣяло; простыни давались только при смотрахъ; въ одномъ концѣ сарая была перегорожена комната для фельдфебеля, тутъ же висѣла икона; возлѣ каждыхъ воротъ былъ ушатъ съ водой и кружками; для ночного освѣщенія въ разныхъ мѣстахъ висѣли большіе фонари; въ противоположномъ отъ иконы углу возвышалась цѣлая груда отличныхъ розогъ; больше этого ничего не было. Дядька мой положилъ меня рядомъ съ собою,

для чего перевелъ своего сосѣда на свободный тюфякъ. Начались разспросы кто я, откуда и есть ли у меня отецъ, мать и т. д. Выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, дядька началъ въ свою очередь разсказывать о себѣ. Оказалось, что у него тоже не было отца и матери; въ заключеніе онъ сказалъ, что если я стану его слушать, то меня не будутъ пороть, а то будетъ бѣда; потомъ спросилъ много ли у меня вещей, есть ли деньги и сколько, — на послѣднее я отвѣчалъ уклончиво; дѣйствительно, я не зналъ сколько ихъ было, потому что на злоты счету уже не было, а считалось на рубли ассигнаціями; дядька безъ себя не велѣлъ продавать вещей, иначе надуютъ, держать же собственныхъ вещей, какихъ бы то ни было, строго воспрещалось; ужинать въ столовую мы не ходили, что охотно дозволялось, а купили ужинъ у торговки на мои деньги. Въ девять часовъ пробили зорю, послѣ чего всей ротой была пропѣта молитва къ отходу ко сну, а затѣмъ всѣ легли спать,—не ложились только дежурный унтеръ-офицеръ и дежурные кантонисты, которые по наряду ночью чередовались. Спать мнѣ было холодно подъ однимъ одѣяломъ. Узнавъ объ этомъ, мой дядька, какъ заботливая мать, прикрылъ меня своею шинелью. На разсвѣтѣ снова пробили зорю, но никто не проснулся, кромѣ меня, а всѣ спали самымъ сладкимъ сномъ. Не болѣе какъ чрезъ полчаса, послѣдовала лаконическая команда: «вставай», но и на эту команду мало обратили вниманія, продолжая спать. Тогда дежурные начали срывать съ спящихъ одѣяла, давая при этомъ по нѣсколько розогъ,—живо надѣвъ сапоги и шинели въ накидку, всѣ бѣжали къ ушатамъ умываться. Торопливость эта происходила для того, чтобы захватить сухое полотенце, которое послѣднимъ уже не доставалось. Затѣмъ происходилъ болѣе сложный туалетъ: чистка сапогъ и надѣваніе куртокъ. Причесываться не было надобности, потому что всѣ были острижены низко, до невозможности. Далѣе слѣдовала команда къ молитвѣ; всѣ поворачивались лицомъ къ иконѣ и пѣли утреннюю молитву, затѣмъ слѣдовала команда «выходи, стройся». Оставались только одни дневальные и капральные ефрейторы для выравниванія по шнуру тюфяковъ и освидѣтельствованія сухости ихъ; оказавшійся мокрымъ, выбрасывался въ сторону. Выстроенной ротѣ фельдфебель дѣлалъ перекличку и, посчитавъ ряды, командовалъ: «заднія двѣ шеренги отступи». Въ это время служители, изъ старыхъ солдатъ, являлись съ огромными корзинами, наполненными порціями хлѣба, каждая вѣсомъ въ 1/4 фунта, такъ называемыхъ снѣданками; гдѣ же вѣсъ былъ не полонъ, тамъ была приколка съ кусочкомъ хлѣба, но приколки эти рѣдко достигали цѣли,—ими обыкновенно пользовались тѣ же служители и продавали нѣсколько кусочковъ за копѣйку ассиг. Завтракая снѣданки, рота стояла всегда вольно и потому происходила большая бѣготня по фронту,—нуждающійся въ чемъ-нибудь, клалъ полученный снѣданокъ себѣ на ладонь, чтобы каждый

могъ видѣть его достоинство и выкрикивалъ: «кто иголку, цѣлый снѣданокъ», другой, кто грифель, дальше кто цѣлое перо, кусочекъ карандаша, кто копѣйку и т. д. Взявшій снѣданокъ, свято выполнялъ договоръ.

Послѣ завтрака камандовалось: «смирно, заднія двѣ шеренги приступи». Затѣмъ, вызывались впередъ тѣ кантонисты, у которыхъ оказались мокрые тюфяки и начиналась порка, которую производилъ фельдфебель; виновные были еще дѣти, небольше девяти, десяти лѣтъ, и получали только по 25 розогъ, но это потому, что нашъ фельдфебель былъ добрѣе всѣхъ. По окончаніи порки, если ротный командиръ не приходилъ, то рота отправлялась въ классы. На этотъ разъ ротный командиръ не пришелъ и въ 8 часовъ рота двинулась въ классы, а я съ дядькой въ цейхаузъ для пригонки казенной одежды и полученія своихъ вещей. Мнѣ пригнали сперва новую пару, и написали на подкладкѣ куртки мою фамилію, а затѣмъ, эта пара была сдана обратно; другая пара, совсѣмъ старая, рубашка, фуражка, новые сапоги и шинель остались на мнѣ. Когда я надѣвалъ казенную рубашку, дядька увидѣвъ на мнѣ чересъ и, узнавъ, что тамъ деньги, сказалъ: «давай сюда, у тебя его отнимутъ», что я и исполнилъ. Получивъ свои вещи, мы сейчасъ же приступили къ ихъ продажѣ. Покупщики такихъ вещей знали въ какіе дни приходить въ этапъ, и являлись въ такомъ количествѣ, что ихъ было больше, чѣмъ вещей всей нашей партіи. Дядька мой такъ дѣльно торговался, что я не могъ понять, гдѣ это онъ выучился такому искусству. По продажѣ всѣхъ вещей и чемодана, мы пошли въ укромное мѣсто и онъ принялся считать деньги, которыхъ оказалось, сбереженныхъ кормовыхъ, отъ промысла рыбы и вырученныхъ за вещи, 58 рублей ассигнаціями. Дядька мой сказалъ, что я богачъ и что въ цѣломъ отдѣленіи ни у кого нѣтъ такихъ большихъ денегъ; и онъ говорилъ совершенную правду; при этомъ приказалъ мнѣ, чтобы я никому не признавался въ томъ, что у меня есть деньги. Дядька подвязалъ себѣ мой чересъ подъ рубашку и мы отправились обратно въ лагерь. При передачѣ мною ему череса съ деньгами, не было ни одного свидѣтеля, и онъ могъ бы всѣ употребить въ свою пользу, но онъ безъ моего согласія не воспользовался ни одной копѣйкой. Въ наше время, полагаю, онъ поступилъ бы иначе. По возвращеніи въ лагерь, стрижельщикъ не остригъ, а положительно оболванилъ меня и мой дядька немедленно началъ учить меня стойкѣ и поворотамъ. Въ тотъ же день я былъ смѣрянъ и записанъ въ спискѣ подъ ранжиръ (подходящій ростъ). Фронтовое ученіе меня ни сколько не пугало, я довольно насмотрѣлся на него и даже былъ въ лагеряхъ съ отчимомъ, а потому оказалъ большіе успѣхи; недѣли черезъ двѣ я былъ уже во фронтѣ, какъ старый кантонистъ, что другіе достигали чрезъ полгода. Классы раздѣлялись на низшій, средній и верхній, и въ

каждомъ изъ нихъ три разряда: первый, второй и третій. Классы были общіе, т. е. не для каждой роты отдѣльные, а сортировались ученики по ихъ знанію, такъ что ученикъ первой роты громаднаго роста нерѣдко былъ низшаго класса, а маленькіе, четвертой и третьей ротъ, въ среднемъ и даже въ верхнемъ классахъ. Учителя были изъ тѣхъ же самыхъ кантонистовъ и преподаваемые предметы знали хорошо, пользовались хорошей репутаціей и, по закону, были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, сами же насъ пороли сколько душѣ было угодно. Меня привели въ низшій классъ для испытанія. Узнавъ мои знанія, хотѣли зачислить меня прямо въ средній классъ, но я не училъ и не зналъ Закона Божія и священной исторіи, и потому былъ оставленъ въ низшемъ классѣ, но въ первомъ отдѣленіи. Дней чрезъ десять лагерь былъ конченъ; первыя три роты пошли на зимнія квартиры въ деревни, лежащія близь города, а наша четвертая рота вся помѣстилась въ отдѣленіи,—такъ называлось главное зданіе корпуса. Насъ размѣстили по 60 человѣкъ въ каждую комнату и каждому была дана кровать съ той же постелью, которая была въ лагеряхъ, съ прибавкою простыни. Ротный нашъ командиръ былъ человѣкъ больной, но добрый, наказывалъ насъ рѣдко и не жестоко; цѣлую зиму мы ходили въ классы, но мнѣ нечего было тамъ учить, кромѣ Закона Божія, священной исторіи и чистописанія, а потому меня заставляли учить другихъ; вообще, съ нами обращались лучше, чѣмъ въ другихъ ротахъ; правда, у насъ не было тѣхъ проказъ, какія дѣлали высшія роты, но тамъ и наказывали не почеловѣчески. Намѣреваясь описывать всѣ подробнности, я нисколько не увлекаюсь, тѣмъ болѣе, что воспоминанія эти далеко не лестны для меня, а дѣлаю это для того, что я нигдѣ не встрѣчалъ описанія быта кантонистовъ того времени, какъ будто бы они были не люди, тогда какъ объ арестантахъ пишутъ довольно много. Между тѣмъ, быть кантониста, если былъ не хуже, то ни въ какомъ случаѣ не лучше арестанта, и еслибы мнѣ, за какую-нибудь провинность, дали на выборъ или идти въ каторжную работу, или поступить кантонистомъ при тѣхъ самыхъ условіяхъ, какія существовали въ то время, о которомъ я пишу, то я предпочелъ бы первое.

На слѣдующій годъ моего поступленія, въ маѣ мѣсяцѣ, весь баталіонъ былъ снова собранъ въ лагерь, т. е. размѣщенъ въ тѣхъ же сараяхъ, о которыхъ упомянуто раньше. Въ томъ же маѣ происходилъ ежегодный выпускъ кантонистовъ, достигнувшихъ совершеннолѣтія, на дѣйствительную службу. Вслѣдствіе этого, произошло большое передвиженіе изъ роты въ роты и я съ моимъ дядькой, въ числѣ прочихъ, былъ переведенъ въ третью роту. Выпускные поступали на дѣйствительную службу, большею частью, въ писаря въ департаменты и министерства въ Петербургъ, и это были писаря въ полномъ смыслѣ этого слова; всѣ они были доведены почти до совер-

шенства въ каллиграфическомъ искусствѣ; въ настоящее время подобныхъ писарей нигдѣ нѣтъ. Затѣмъ, красавцы назначались въ первый карабинерный полкъ; прилагательное «красавцы» давалось имъ не даромъ, потому что всѣ они вмѣстѣ, и каждый порознь, годились бы для модели художнику. Остальные, такъ называемая «дрянь», поступали куда попало.

Въ третьей ротѣ мнѣ, да и всѣмъ другимъ переведеннымъ, было гораздо хуже, нежели въ четвертой, потому что, начиная отъ капральныхъ, ефрейторовъ и до ротнаго командира, всѣ были живодеры; каждый изъ нихъ находилъ величайшимъ для себя удовольствіемъ наказывать, съ равной жестокостью, какъ виноватыхъ, такъ и не виноватыхъ. Въ настоящее время трудно повѣрить, чтобы можно было находить удовольствіе въ сѣченіи. Однако, это было такъ и даже не считалось предосудительнымъ, потому что вполнѣ соотвѣтствовало нравамъ и понятіямъ той эпохи.

Въ третьей ротѣ уже дѣлались наряды на разныя работы, какъ-то: дергать мочалу для подушекъ въ больницу, ходить за розгами и на вѣсти къ ротному и другимъ офицерамъ; было много и другихъ работъ, но самымъ любимымъ нарядомъ было—ходить за розгами, потому что здѣсь каждый чувствовалъ себя на свободѣ, а такъ какъ и изъ другихъ ротъ тоже назначались кантонисты для собиранія экзекуціоннаго матеріала, то насъ собиралось всегда до пятидесяти человѣкъ и составлялись хоры пѣсельниковъ. Пѣсни пѣлись при рѣзаніи розогъ самыя заунывныя, напримѣръ: «Калина съ матушкой, что не рано зацвѣла, не въ ту пору времячко мати сына родила и, не собравшись съ разумомъ, въ солдаты отдала». При вязаніи розогъ въ пучки, пѣлись пѣсни собственнаго сочиненія кантонистовъ, неудобныя въ печати: сперва доставалось командирамъ, а послѣ говорилось, какъ наказанный, умирая отъ розогъ, прощается и прощаетъ своей матери и всѣмъ своимъ товарищамъ, которые его обижали; при этихъ словахъ напѣвъ до того заунывный, что слабонервные плакали. Когда случалось пѣть эту пѣсню въ присутствіи хохлушекъ, то всѣ онѣ, хотя бы съ самыми крѣпкими нервами, навзрыдъ рыдали; но эта пѣсня была запрещена и нарушавшіе запретъ жестоко наказывались. Я убѣжденъ, что если бы въ настоящее время съ такою безпощадностью наказывали бы розгами нынѣшнихъ солдатскихъ дѣтей, то ихъ всѣхъ засѣлки бы на смерть; но то было другое время и другія натуры, отличавшіяся необычайной выносливостью, хотя и тогда отъ розогъ каждый годъ, смѣло можно сказать, одна треть баталіона отправлялась въ Елисейскія поля, но комплектъ былъ всегда полный, потому что прибывали новыя партіи кантонистовъ, по требованію баталіоннаго командира. Куда исчезали и въ такомъ количествѣ дѣти, никому никакого дѣла не было, да едва ли въ то время и нужно было кому-нибудь это знать. Возвращаюсь опять къ розгамъ. Читатель

подумаетъ, да что же тутъ распространяться о розгахъ? въ описываемое мною время, вѣдь сѣкли во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, и многія лица, испытавшія на себѣ это наказаніе, еще живы; но въ томъ-то и дѣло, что всегда и вездѣ розги употреблялись березовыя, отчего и носили названіе «березовая каша», но наши розги были далеко не тѣ: въ той мѣстности, о которой я говорю, въ окружности ста и больше верстъ, никакихъ лѣсовъ не было и въ настоящее время нѣтъ, а тѣмъ болѣе березы, но за то было много красной, баканового цвѣта, лозы, которая ростетъ на пескахъ; вѣтокъ у ней нѣтъ, одни стволы, такъ хорошо гнущіеся, что изъ каждаго прута можно свернуть кольцо, не поломавъ лозы; длина розги полагалась $1^1/_2$ аршина, и вотъ этими-то розгами наказывали исключительно барабанщики, о которыхъ скажу въ свое время. Отъ каждаго удара не только разсѣкалась у жертвы кожа, но даже прутья грузли въ тѣло. Не знаю, справедливо ли, но говорили, что эти розги были хуже плети палача.

IV.

Несчастная участь моего дядьки.—Мое послѣднее свиданіе съ нимъ.—Бани.—Осмотръ бѣлья.—Особенная страсть каптенармуса къ крови.—Корпорація барабанщиковъ.—Размѣщеніе кантонистовъ на зимнія квартиры.—Квартирные хозяева.—Отношенія ихъ къ кантонистамъ.—Мытье панталонъ.—Казенная пища кантонистовъ.—Кража хлѣба.—Чесотка и ея лѣченіе.—Бѣгства кантонистовъ.—Наказаніе бѣглецовъ.

Дядька мой, по переходѣ въ третью роту, престалъ быть ефрейторомъ, такъ-какъ тамъ были свои, и ему спороли желтую тесьму съ эполетъ, означавшую его рангъ, и онъ уже не только перестал быть моимъ дядькой, а скорѣе я сдѣлался его менторомъ. Какимъ образомъ я подчинилъ его себѣ — не знаю, потому что ни усилій, ни стараній на то съ моей стороны не было; теперь, переставъ быть ефрейторомъ, онъ назначался на всѣ работы и, между прочимъ, ходилъ на вѣсти къ ротному командиру. Обязанность вѣстового заключалась въ томъ, чтобы находиться въ полномъ повиновеніи деньщика ротного командира и кухарокъ его. Какъ-то, несчастный, бывшій мой дядька, состоя на вѣстяхъ, чистилъ кастрюлю и неосторожно толкнулъ вблизи стоявшій кувшинъ съ молокомъ; хотя кувшинъ уцѣлѣлъ, но содержимое въ немъ пропало, за что виновному дали 50 розогъ; но высѣкъ его не ротный командиръ, котораго въ то время не было, а ротная командирша; неудовольствовавшись этимъ, она прогнала его вонъ и велѣла сказать фельдфебелю, чтобы прислалъ другого. Фельдфебель, узнавъ въ чемъ дѣло, далъ ему еще и отъ себя 50 розогъ. Напрасно бѣдняга доказывалъ фактически, что онъ уже высѣченъ командиршей роты—все было

напрасно. Вскорѣ надъ нимъ стряслась новая бѣда, имѣвшая роковыя послѣдствія. Куреніе табаку считалось проступкомъ уголовнымъ, за который могъ наказывать не фельдфебель, а только ротный и баталіонный командиры, что въ переводѣ означало: 500 и больше розогъ. Несчастный Коля, такъ звали моего бывшаго дядьку, попался съ сигарой въ рукахъ, за что и былъ наказанъ 500 ударами. Страдалецъ сперва кричалъ, а потомъ стоналъ, къ концу же сѣченія совсѣмъ умолкъ. Я горько плакалъ не только во время его мукъ, но плакалъ и на другой день. Полуживого отнесли его въ лазаретъ; въ свободное время я просиживалъ около него по нѣскольку часовъ и, смотря на его раны, каждый разъ плакалъ и упрекалъ его, зачѣмъ онъ не послушалъ меня и не бросилъ куренія. Деньги мои все еще хранились у него и ихъ оставалось довольно, потому что онъ былъ разсчетливъ. Сначала онъ какъ будто началъ поправляться; я просилъ его не жалѣть денегъ, покупать съѣстное, что ему угодно, но это не помогло: онъ сталъ жаловаться на сильную боль сердца, а мѣсяца черезъ два объявилъ мнѣ, что онъ уже не жилецъ на этомъ свѣтѣ и при этомъ благодарилъ меня за все, твердилъ о своей привязанности ко мнѣ, взялъ съ меня обѣщаніе, чтобы я берегъ себя отъ наказаній, «иначе,—прибавлялъ онъ,—не перенесешь и тебя убьютъ, какъ меня убили». Странно, что онъ не только не бранилъ своихъ убійцъ, но даже не упоминалъ о нихъ, какъ будто имъ такъ и слѣдовало его убить; онъ отдавалъ мнѣ мои деньги, но я ихъ не взялъ, не ожидая, что онъ скоро умретъ. Прощаясь съ нимъ, я не думалъ, что не дальше, какъ черезъ годъ и меня постигнетъ такая же катастрофа, и если я останусь живъ, то лишь благодаря своей нѣмецкой фамиліи и умѣнью, хотя плохо, говорить понѣмецки; но объ этомъ рѣчь впереди. Черезъ нѣсколько дней я опять выпросился навѣстить моего друга Колю, но увы! онъ уже три дня какъ былъ похороненъ. Миръ праху твоему, мой милый, мой дорогой Коля! ты умеръ, какъ умирали мученики, прощая своихъ убійцъ. Странное чувство овладѣло мной, когда я вернулся въ лагерь; мнѣ казалось, что я осиротѣлъ, когда не стало моего добраго Коли, а при его жизни я не чувствовалъ себя ни сиротой, ни одинокимъ, такъ была сильна моя привязанность къ нему; онъ мнѣ замѣнялъ все и всѣхъ. Послѣ его смерти, многіе навязывались ко мнѣ съ своей дружбой, и хотя я ихъ не отталкивалъ, но они сами устранялись, въ особенности, когда узнали, что я лишился своего кошелька съ деньгами, котораго я даже и не спросилъ у лазаретныхъ служителей, зная, что это напрасный трудъ. До настоящаго времени я не былъ еще ни одного разу высѣченъ формально и по всѣмъ правиламъ, то есть въ растяжку на землѣ, скамьѣ или на воздухѣ, за что обязанъ былъ моему дядькѣ и необыкновенной моей памяти: заданные уроки я никогда не долбилъ, какъ всѣ это дѣлали; для меня достаточно было прочесть заданный

урокъ три раза, ложась спать, а на другой день я не только твердо зналъ его, но даже помнилъ всѣ запятыя и точки, да и во всѣхъ предметахъ я шелъ изъ числа первыхъ, а потому и былъ избавленъ отъ назначенія на работы. Всѣ, такъ называемые прилежные, обязаны были постоянно ходить въ классы, за исключеніемъ каникулярнаго времени. Я упомянулъ, что еще не былъ ни одного раза формально высѣченъ, тѣмъ не менѣе, по поступленіи въ третью роту, я каждую субботу испытывалъ на себѣ всѣ прелести лозы. Каждую субботу насъ водили въ баню и каждый изъ насъ послѣ мытья обязанъ былъ явиться въ костюмѣ праотца Адама каптенармусу, сдать грязную рубашку и получить отъ него чистую; сдаваемая грязная рубашка тщательно разсматривалась каптенармусомъ. По положенію, на ней не должно было быть ни одной распорки, двѣ тесьмы у ворота должны были быть въ цѣлости; кромѣ того, не полагалось еще кой-чего, хотя бы носившій рубашку и страдалъ разстройствомъ желудка, что со многими случалось очень часто. Если при осмотрѣ оказывалось что-либо подозрительное, то виновнаго тутъ же сѣкли въ растяжку, на воздухѣ; особенно доставалось тѣмъ, у которыхъ тѣло было нѣжное и бѣлое. У проклятаго каптенармуса была какая-то страсть видѣть на нѣжномъ тѣлѣ рубцы и кровь, и вотъ благодаря этой-то проклятой страсти, я каждую субботу получалъ по нѣскольку розогъ, единственно за то, что имѣлъ бѣлое тѣло, но я все-таки получалъ розги не въ растяжку, потому что сдаваемыя мною рубашки были всегда въ исправности; обыкновенно, каптенармусъ хваталъ меня за руку и гонялъ, какъ на кордѣ, я дѣлалъ всевозможныя антраша, чтобы ему трудно было нанести такой ударъ, какой хотѣлось, то есть, чтобы брызнула кровь, ибо одни рубцы его не удовлетворяли. Бывало, когда онъ добьется-таки своего, то долго не даетъ чистой рубашки, а любуется и смакуетъ говоря: «ишь, какъ славно! будь ты проклятъ!» Прошло уже болѣе полвѣка послѣ всего этого, а я и до настоящаго времени не могу безъ отвращенія вспомнить рожи каптенармуса.

Теперь скажу о корпораціи барабанщиковъ. Въ нихъ поступали такіе кантонисты, которыхъ драли, драли, но, наконецъ, перестали, потому что они оказывались неспособными отъ природы ни къ какой наукѣ; но находились и добровольцы, такъ какъ быть барабанщикомъ было выгодно. Одинимъ изъ существенныхъ условій для барабанщика должно было быть крѣпкое тѣлосложеніе; должность ихъ была самая легкая: бить въ барабаны утреннюю и вечернюю зорю и при баталіонныхъ ученіяхъ, дежурить въ столовой и всюду гдѣ находились кантонисты на работѣ, но главная ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы крѣпко сѣчь, смотрѣть за розгами, докладывать о ихъ убыли и требовать пополненія. Свободные отъ дежурства барабанщики по цѣлымъ днямъ упражнялись въ бара-

баны, а нѣкоторое время посвящали и упражненію въ примѣрномъ сѣченіи, ибо это было въ своемъ родѣ искусство, въ коемъ иные положительно достигали совершенства. Нужно было видѣть этихъ выродковъ рода человѣческаго, когда они сѣкли и распоряжались тѣми, кто держалъ растянутую жертву на скамьѣ, или на воздухѣ. Послѣ 50 ударовъ, потъ лился съ нихъ градомъ, а рожи дѣлались красными; тогда ихъ смѣняли другіе барабанщики, ожидавшіе съ нетерпѣніемъ своей очереди насладиться; они во время сѣченія приходили въ какой-то звѣриный экстазъ. Нерѣдко случалось, что экзекуторъ, превративъ свою жертву въ бифштексъ, говоритъ:

— «Довольно!»

А барабанщики, опьяненные кровью, не могутъ остановиться и продолжаютъ сѣчь; тогда за ослушаніе порятъ ихъ самихъ.

Въ концѣ сентября, всѣ роты, кромѣ четвертой, размѣстились на зиму по деревнямъ. Наша рота квартировала въ Каменкѣ и всѣмъ намъ въ отношеніи пищи было лучше, потому что продовольствовали хозяева, хотя пища и здѣсь была не казиста, но, по крайней мѣрѣ, разнообразна; розги же и барабанщики были тѣ же. Для классовъ и фронтового ученія, были отведены самыя просторныя хаты, какія оказались въ деревнѣ. Мы находились въ полной зависимости отъ нашихъ хозяевъ, которые относительно насъ изобрѣли слѣдующую методу: если кантонистъ чѣмъ-нибудь обидитъ свою хозяйку, послѣдняя брала, обыкновенно, два десятка яицъ, а нерѣдко и курицу, и отправлялась съ жалобой на обидчика къ ротной командиршѣ; послѣдняя, получивъ хабару и записавъ имя обидчика, докладывала своему муженьку, который на слѣдующее же утро, когда рота являлась для переклички, отсчитывалъ виновному сотню, а часто и больше розогъ; дать меньше розогъ ротный командиръ не могъ, такъ какъ это не позволялъ ему его рангъ. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ, если погода была хорошая, насъ водили въ церковь, но отъ розогъ даже и святые насъ не спасали; правда, въ церкви насъ не сѣкли, а расплата производилась по возвращеніи домой. Провинности въ данномъ случаѣ были разныя: во время службы мы обязательно должны были пѣть цѣлой ротой «Вѣрую», «Достойно» и «Отче нашъ», и вотъ нѣкоторые, отъ слишкомъ сильнаго религіознаго умиленія, задирали такого козла, что ушамъ дѣлалось больно; иные проказники дѣлали это просто для потѣхи, надѣясь на русское «авось пройдетъ», но не многимъ это «авось» удавалось; другіе, наскучивъ долгимъ стояніемъ, для развлеченія, ловили мухъ на спинахъ товарищей и т. п. Лѣтомъ насъ водили каждую недѣлю къ Днѣпру для мытья холщевыхъ панталонъ, на что мыла не полагалось, а давалось на капральство кусокъ бѣлой крейды; въ обратный путь отъ Днѣпра, мы шли безъ панталонъ, а каждый развѣшивалъ ихъ для просушки на своей спинѣ; другая же пара панталонъ, имѣвшаяся у каж-

даго кантониста, всегда тщательно хранилась въ цейхаузѣ для однихъ смотровъ. Обѣдать и ужинать мы ходили въ столовую поротно; рота, войдя въ промежутокъ столовъ, останавливалась, пѣла молитву, а затѣмъ, по барабанному сигналу, въ одинъ темпъ отодвигались скамьи и по такому же сигналу садились и придвигали скамьи. Тарелки, ложки и чашки были оловянныя; въ ножахъ и вилкахъ не было никакой надобности, потому что хлѣбъ подавался ломтями, а обѣдъ состоялъ изъ борща съ саломъ и ячной каши; на ужинъ та же каша, только въ жидкомъ видѣ, борща на ужинъ не полагалось. Эта пища никогда не перемѣнялась, за исключеніемъ смотровъ, тогда въ борщъ клали мелко крошеную говядину, а каша подавалась гречневая и съ масломъ. Не помню сколько минутъ полагалось на обѣдъ, но что-то очень мало, почему многіе не успѣвали наѣдаться, но по барабанному бою нужно было въ ту же минуту вставать, кто же этого не исполнялъ, а такихъ всегда набиралось много, того за такую провинность дежурный офицеръ безпощадно сѣкъ; той же экзекуціи подвергались кантонисты, попадавшіеся въ воровствѣ хлѣба; ихъ также было много, чему нельзя удивляться, потому что къ подобной кражѣ вынуждалъ голодъ; крали обыкновенно корки, во-первыхъ потому, что онѣ сытнѣе, а во-вторыхъ, ихъ удобнѣе было прятать; но при выходѣ изъ столовой, въ дверяхъ, служители обшаривали каждаго и попавшіеся получали по сту розогъ.

Среди кантонистовъ существовали, конечно, разныя болѣзни, но господствовавшей въ батальонѣ была чесотка или, проще выражаясь, короста, которой ни одинъ вновь прибывшій не могъ избѣгнуть. Лѣченіе ея производилось слѣдующимъ образомъ: для чесоточныхъ приготовлялась отдѣльная баня, натапливаемая очень жарко; въ предбанникѣ стояло въ котелкѣ лѣкарство изъ слѣдующаго матеріала: куриный пометъ, синій камень и сѣра въ порошкѣ, размѣшанные въ чистомъ дегтѣ; этимъ-то составомъ чесоточные намазывали одинъ другого. По окончаніи мазки, всѣхъ загоняли въ баню на самый высокій полокъ и поддавали паръ въ такомъ количествѣ, что не только вымазанному этой эссенціей человѣку было невозможно выдержать, но даже и не вымазанному. Тутъ происходили сцены довольно смѣшныя и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительныя; отъ жары и мази, разъѣдающей тѣло, кантонисты кубаремъ летѣли съ полковъ внизъ; здѣсь ихъ поджидали присмотрщики, принимавшіеся сѣчь несчастныхъ по чемъ попало; тѣ бросались опять на полокъ, но, не выдерживая мученія, снова соскакивали внизъ и опять начиналась таже исторія, продолжавшаяся иногда цѣлый часъ, послѣ чего, наконецъ, разрѣшалось обмыться водой. Я много читалъ о средневѣковыхъ пыткахъ и мнѣ кажется, что онѣ очень схожи съ пытками, которымъ подвергались наши кантонисты.

Бѣглецовъ у насъ всегда было много; причинъ къ побѣгу, конечно, находилось множество; при томъ же и приманка была соблазнительна: на Днѣпрѣ почти постоянно стояли цѣлое лѣто плоты и всевозможныя барки, на которыя не только принимали бѣглецовъ охотно, но и кормили вволю пшенной кашей съ саломъ, или свѣжей рыбой; все это дѣлалось не ради какой-нибудь выгоды, а ради Христа. Многіе бѣглецы такъ и канули, какъ въ воду, но многихъ приводили съ обритыми головами черезъ годъ, два и даже больше. Наказывалъ бѣглецовъ всегда самъ баталіонный командиръ передъ цѣлымъ баталіономъ; но описывать процедуру этого наказанія я не могу,—потому что прихожу въ содраганіе отъ одного воспоминанія. Скажу только, что несчастныхъ раздѣвали донага, а его высокоблагородію выносили стулъ, чтобы не утомиться отъ долгаго стоянія. Я забылъ сказать, что въ тѣхъ случаяхъ сѣченія, когда экзекуторъ приходилъ въ звѣрскій экстазъ, онъ приказывалъ барабанщикамъ «бить корешками»; тогда барабанщики обматывали себѣ руки тонкими концами розогъ, а корешками наносили жертвѣ удары; экзекуторъ же выкрикивалъ «жги его, каналью»! и, дѣйствительно, жгли.

Быть можетъ, читатель скажетъ: что же это такое все сѣкли и сѣкли, а развѣ не было высшаго начальства? Какъ не быть, было, да оно же и приказывало сѣчь, въ чемъ, кажется, и заключалась вся его обязанность.

М. Кретчмеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ Н. А. ПОЛЕВОГО.

(1828—1845).

ВЪ ПОЛОВИНѢ нынѣшняго столѣтія, въ нашей литературѣ, какъ и вообще въ русской жизни, наступила эпоха общей ломки и отрицанія, шумная, богатая яркими красками, громкими событіями и крупными талантами. Эта эпоха, мелькнувшая блестящимъ, быстрымъ метеоромъ, не только заслонила собою все, что было сдѣлано до 50-хъ годовъ, но и значительно отдалила возможность безпристрастнаго, спокойнаго отношенія къ предшествующему періоду. Подъ вліяніемъ нахлынувшихъ къ намъ новыхъ идей, новыхъ теорій и воззрѣній, подъ впечатлѣніемъ новыхъ общественныхъ идеаловъ и вожделѣній, въ нашей литературѣ выработалась очень узкая и чрезвычайно суровая программа, подъ которую новые литературные дѣятели старались подвести формулярные списки нашихъ писателей. Все, что не подходило подъ условія этой программы, старались вычеркнуть изъ памяти и устранить изъ русскаго литературнаго пантеона, какъ незаслуживающее вниманія или даже обреченное на забвеніе. Въ числѣ многихъ другихъ литературныхъ дѣятелей прошлаго времени былъ забытъ и одинъ изъ писателей, много потрудившихся на пользу русской литературы и журналистики—Николай Алексѣевичъ Полевой.

Литературная дѣятельность Н. А. Полевого захватываетъ собою цѣлую четверть вѣка — отъ начала 20-хъ годовъ и до 1846 года. Кипучая, неутомимая, разнообразная, свидѣтельствующая о замѣчательной силѣ таланта, о безпримѣрной энергіи, она невольно останавливала на себѣ вниманіе каждаго образованнаго русскаго

человѣка. Въ послѣднемъ, менѣе блестящемъ періодѣ, дѣятельность Н. А. Полевого, силою обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ его воли, была подчинена особымъ, чрезвычайно тягостнымъ и стѣснительнымъ условіямъ; и не смотря на это, она все же представляется на столько замѣчательною, что заслуживаетъ серьезнаго изученія. Еще весьма недавно подобное изученіе было невозможно [1]), потому что невозможно было спокойное и безпристрастное отношеніе къ предшествующему литературному періоду. И только теперь, когда уже напечатаны «Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полевого» и въ большинствѣ образованныхъ русскихъ людей возбужденъ интересъ къ изученію той эпохи, въ которую Н. А. Полевому приходилось жить и дѣйствовать—мы рѣшаемся печатать новые и весьма важные для его біографіи матеріалы, а именно: выдержки изъ дневниковъ Н. А., проливающихъ яркій свѣтъ на послѣдній періодъ его жизни и превосходно характеризующихъ его, какъ человѣка и какъ писателя.

Печальные наши дневники не были извѣстны даже брату Н. А., оставившему намъ «Записки о его жизни и сочиненіяхъ»; а между тѣмъ, они служатъ чрезвычайно важнымъ дополненіемъ къ тѣмъ письмамъ Н. А. Полевого, изъ которыхъ составлена вся третья часть «Записокъ» брата его Ксенофонта. Дополненіе это важно именно потому, что письма, хотя и весьма искреннія, писались все же для брата, а дневники—исключительно для удовлетворенія потребности въ той внутренней бесѣдѣ съ самимъ собою, которая очевидно была необходима Николаю Алексѣевичу, тѣмъ болѣе становилась необходимою, чѣмъ болѣе онъ удалялся отъ людей и замыкался въ себѣ въ послѣдніе годы жизни. Эта долгая, постоянная, непрекращавшаяся въ теченіе многихъ лѣтъ, бесѣда съ самимъ собою представляетъ одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ такой искренней исповѣди, передъ которою блѣднѣютъ всѣ извѣстныя намъ произведенія этого рода. Изо-дня-въ-день продолжая свой дневникъ, Николай Алексѣевичъ не задавался никакою цѣлью, не полагалъ въ основу его никакой опредѣленной идеи, не давалъ въ немъ преобладающаго значенія ни одной изъ сторонъ своего нравственнаго существа. Очень строго относясь къ себѣ самому, давая замѣчательно-правильную и безпристрастную оцѣнку каждому своему шагу, онъ не поддается однако же самобичеванію и самоуниженію; вѣрно оцѣнивая отношенія къ себѣ окружающихъ, онъ однако же

---

[1]) Первая часть «Записокъ о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полевого», составленная братомъ его К. А. Полевымъ и напечатанная въ 185— году, вызвала такую бурю насмѣшекъ, глумленій и несправедливыхъ укоровъ, что авторъ «Записокъ» не рѣшился печатать 2-ую и 3-ю части ихъ, которыя могли явиться въ свѣтъ только уже 20 лѣтъ спустя послѣ смерти К. А. Полевого. Напечатанныя вполнѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прошлаго, 1887 года, онѣ теперь появились отдѣльной книгой.

до конца не перестаетъ вѣрить «въ человѣка» и надѣяться на возможность улучшенія своей горькой доли. Глубоко-вѣрующій—онъ безпрестанно обращается въ своемъ дневникѣ къ Богу, начинаетъ и заканчиваетъ свои записки молитвенными возгласами, и нерѣдко, стараясь утѣшить себя въ тягостныя минуты неутолимаго горя, повторяетъ на память свои любимыя молитвы или изреченія св. Писанія. Подъ вліяніемъ свѣтлаго настроенія, навѣяннаго какою-нибудь удачею или минутнымъ успокоеніемъ, онъ даетъ полный просторъ своей фантазіи—мечтаетъ, строитъ планы, высказываетъ надежды, даже стоя на краю гибели... Вообще говоря, ни одно слово въ дневникахъ Н. А. Полевого не расчитано на эфектъ, на публику, на посторонній глазъ; ни одна фраза не написана въ назиданіе кому-либо или въ оправданіе себѣ передъ своею строгою, взыскательною совѣстью. Тщательно отъ всѣхъ скрываемые при жизни, дневники только какимъ-то чудомъ избѣгли того погрома, который постигъ всѣ оставшіяся послѣ Николая Алексѣевича бумаги. Не задолго до своей послѣдней болѣзни, въ минуту какого-то мрачнаго отчаянія, онъ сжегъ очень много разныхъ своихъ рукописей, бумагъ и писемъ. Дневники, однако же, не были при этомъ сожжены (ихъ было, очевидно, жаль Николаю Алексѣевичу). Но зато послѣ его смерти они, по какому-то странному недосмотру, попали въ ту громадную груду бумагъ, которую предназначено было сложить въ коробъ и отправить на храненіе въ подвалы россійско-американской компаніи, вмѣстѣ съ другими коробами, заключавшими въ себѣ обширную библіотеку Николая Алексѣевича. По счастью, въ грудѣ бумагъ, пестрыя тетрадки дневниковъ и маленькія памятныя книжки, исписанныя замѣтками Николая Алексѣевича, обратили на себя вниманіе одной изъ младшихъ дочерей его... Она заглянула въ эти книжки и тетрадки, совершенно инстинктивно поняла и оцѣнила ихъ значеніе, и вдругъ задалась мыслью—припрятать ихъ какъ можно подальше отъ посторонняго взгляда. Дѣйствительно, въ теченіе почти 30-ти лѣтъ, она хранила эти дневники, какъ святыню, и затѣмъ уже передала ихъ въ собранный нами запасъ матеріаловъ для біографіи своего горячо-любимаго отца. Но біографія еще не скоро появится въ свѣтъ, и мы рѣшаемся печатать выдержки изъ дневниковъ Н. А. Полевого ранѣе ихъ помѣщенія въ біографіи, потому что признаемъ важное значеніе этихъ выдержекъ для характеристики одного изъ самыхъ смѣлыхъ и энергичныхъ бойцевъ русской мысли и слова, для правильной и справедливой оцѣнки его, какъ писателя и какъ человѣка.

До насъ дошли три памятныя книжки 1837, 1839 и 1844 годовъ—съ замѣтками и краткими записями Николая Алексѣевича, и три тетрадки въ четвертку, мелко исписанныя подробными за-

письмами. Въ памятныхъ книжкахъ находимъ помѣтки, касающіяся 1837, 1839 и 1844 гг.; въ тетрадкахъ—почти полные дневники за 1838, часть 1839 г., 1843, 1844 и значительную часть 1845 года (отъ января по ноябрь). Записи прекращаются, слѣдовательно, за два съ небольшимъ мѣсяца до послѣдней болѣзни Н. А., окончившейся смертью (22 февраля 1846 г.). Есть основаніе думать, что существовали подобные же дневники и за всѣ остальные годы петербургскаго періода дѣятельности Н. А. Полевого: это видно изъ многихъ намековъ въ сохранившихся дневникахъ и въ особенности изъ того, что Н. А. часто сравниваетъ мѣсяцъ одного года съ тѣмъ же мѣсяцемъ въ предшествующемъ году. Чрезвычайно любопытно и то, что краткія записи памятныхъ книжекъ не исключали записей подробныхъ, въ тетрадкахъ дневниковъ; первыя служили только основою, изъ которой развивалась болѣе подробная запись дневника. Помѣты въ «памятныхъ книжкахъ», бѣглыя, мимолетныя, дѣлались очень спѣшно, среди дня, полунамекомъ, только для того, чтобы извѣстный фактъ не ускользнулъ изъ памяти; записи дневниковъ писались въ концѣ дня, въ видѣ вывода или заключенія, писались подъ живымъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій, испытанныхъ ударовъ и неудачъ, неожиданныхъ встрѣчъ и пріятныхъ бесѣдъ, подъ впечатлѣніемъ только-что законченнаго труда или недавно-прочтенной новой книги. Случалось, что нѣсколько дней проходили незамѣтно, безъ всякой помѣтки въ дневникѣ, но впечатлѣнія ихъ все же записывались потомъ, подъ однимъ изъ послѣдующихъ чиселъ, и эти записи оставались отголоскомъ всего пережитаго, передуманнаго и перечувствованнаго въ извѣстный періодъ времени.

Минуя чрезвычайно любопытныя краткія записи «памятной книжки» на 1837 годъ, мы прямо перейдемъ къ дневнику 1838 года, предпославъ ему лишь нѣсколько краткихъ замѣтокъ для того, чтобы ознакомить читателя съ положеніемъ, которое Н. А. Полевой занялъ въ Петербургѣ, послѣ переѣзда сюда (въ концѣ 1837 года), въ качествѣ редактора Смирдинскаго «Сына Отечества», при чемъ долженъ былъ принять на себя и завѣдыванье дѣлами редакціи въ «Сѣверной Пчелѣ», издаваемой Гречемъ и Булгаринымъ. Для того, чтобы сойтись съ Смирдинымъ, стоявшимъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ Греча и Булгарина, Н. А. Полевой долженъ былъ порвать свои отношенія съ Сенковскимъ и «Библіотекой для Чтенія», въ которой онъ много работалъ за послѣдніе годы своего пребыванія въ Москвѣ. Съ другой стороны, по пріѣздѣ въ Петербургъ, приготовляясь вновь выступить на журнальное поприще въ качествѣ редактора (хотя и негласнаго) [1]) двухъ боль-

[1]) Н. А. Полевой еще несъ въ это время на себѣ одну изъ самыхъ жестокихъ административныхъ каръ: онъ не имѣлъ права выставлять свое имя ни подъ статьями, ни на оберткѣ изданій.

шихъ изданій, — журнала и газеты — Н. А. спѣшилъ окончаніемъ всѣхъ работъ, которыми поддерживалъ свое существованіе въ Москвѣ, послѣ запрещенія «Московскаго Телеграфа». Въ памятной книжкѣ 1837 года, мы видимъ, что почти весь ноябрь посвящается именно этимъ московскимъ работамъ и окончанію работъ по «Библіотекѣ для Чтенія». Наконецъ, подъ 27-мъ ноября находимъ запись: «Кончилъ для «Библіотеки» все!» Въ то же самое время онъ оканчивалъ отдѣлку первой своей драмы «Уголино», за которую принялся подъ впечатлѣніемъ того восторженнаго пріема, которымъ былъ встрѣченъ на сценѣ его переводъ «Гамлета». Подъ 9-мъ декабря видимъ запись: «Кончилъ «Уголино» и переписалъ». Затѣмъ, весь декабрь ушелъ на приготовленіе декабрской книжки обновленнаго «Сына Отечества» и первыхъ нумеровъ «Сѣверной Пчелы», въ которой Н. А. Полевой принялъ на себя самое дѣятельное участіе. Одновременно съ этимъ шли хлопоты о постановкѣ «Уголино» на сцену... Послѣдніе дни декабря 1837 г. были особенно хлопотливы. Н. А., противъ своего обыкновенія, работалъ запершись и никого не принимая, въ теченіе 27-го, 28-го и 29-го декабря; но 30-го числа плотину прорвало; въ памятной книжкѣ помѣчено:

«Тьма работы, а между тѣмъ, Черниковъ, Ивановъ, Болотовъ, Каратыгинъ, Алексѣевъ, Губертъ, Сушинскій, Мундтъ, Песоцкій, Глинка. Послѣ обѣда не спалъ—къ Гречу и въ ночь работали.

«31-го дек. (пятница). Спалъ только три часа въ сутки. Съ утра у Смирдина, тамъ и обѣдалъ — корректуры, цензорà: — къ Корсакову, Крылову. Встрѣтили новый годъ—я, жена, двое дѣтей, теща и тетка (женина)».

Этими записями, необходимыми для пониманія дальнѣйшихъ помѣтокъ дневника, оканчивается «памятная книжка» 1837 года. и затѣмъ уже начинается тѣсно связанный съ нею дневникъ 1838 года, тетрадка въ четвертку, заключающая въ себѣ 50 страничекъ, исписанныхъ довольно крупнымъ и довольно четкимъ почеркомъ.

П. Н. Полевой.

1838.

Господи благослови!

Январь.

1-го. Утомленный работой вчерашнею, я проспалъ до 9-го часа. Приходилъ (женинъ) дядя К. И. и многіе—я отказывалъ. Ѣздилъ къ Смирдину — вышелъ С. О. (Сынъ Отечества)—Булгаринъ говорилъ мнѣ о гнѣвѣ Брамбеуса, и будто Сперанскій сказалъ, что за это стòю я памятника. Письмо къ брату. Вечеромъ Галаховъ [1]); работа для «Пчелы».

[1]) Алексѣй Дмитріевичъ, извѣстный авторъ «Исторіи Словесности» и различныхъ хрестоматій,—и. нынѣ здравствующій.

2-го. Грустный день. Я отправился къ Гречу со статьями; онъ встрѣтилъ меня шумомъ, что «Пчелѣ» нѣтъ матеріаловъ, что все идетъ дурно! Явился Булгаринъ съ глупостями—все это разстроило меня. Я воротился домой грустный и больной,—принялся писать—вмѣсто отдыха! Жена и Алексѣй сдѣлались больны, Mutter [1]) ненадежна; Лиза лѣзетъ съ своимъ журналомъ [2]); денегъ нѣтъ; опасенія... Вечеромъ послалъ Гречу статей. Странная жизнь: работа безъ конца, грусть дома, тревога за судьбу. Вечеромъ еще надоѣдалъ мнѣ какой-то чудакъ изъ Дерпта; Розбергъ [3]) надѣляетъ меня ими, какъ прежде изъ Одессы.

3-го. Работалъ съ 4-хъ часовъ, и послалъ статей Гречу. Письма въ Моску о дѣлахъ—тяжкая обязанность: 10,000 р. платежа въ январѣ—а гдѣ они? Отправился къ Гречу и положили съ нимъ. Взглянулъ на носорога [4])—прелесть! У Смирдина встрѣтилъ П. А. Корсакова, и онъ обрадовалъ меня, что С. О. довольны [5]). Подписка идетъ ладно. Безъ меня были: Каратыгинъ, съ извѣстіемъ, что «Уголино» пропущенъ. Это весело! Воейковъ съ требованіемъ статьи. Устряловъ—стало онъ не сердится? Никитенко съ статейкою. Вечеромъ князь Одоевскій привезъ статьи въ «Пчелу» и мы просидѣли часа два (Бартольди второй Бетховенъ — мысль, что Бетховенъ выражаетъ не здѣшнюю музыку). Пожаръ въ Фурштадской. Условіе съ Смирдинымъ подписали.

4-го. Весь день «Пчелѣ», съ ранняго утра. Письмо отъ брата, отъ 1-го января—добрый Ксенофонтъ! Получены французскія газеты. Вечеромъ сидѣлъ Черниковъ и толковалъ о музыкальныхъ прибавленіяхъ. Пустое что-то... Алексѣю легче. Братъ Ростопчиной пріѣзжалъ говорить о мирѣ съ Вяземскимъ [6]).

5. Опять день непріятностей! Утромъ письмо отъ Греча, что статей нѣтъ. Вдругъ Корсаковъ (цензоръ) зоветъ къ себѣ — ѣхать къ Каменному мосту [7]), когда дѣла тьма, и ожидать непріятныхъ вопросовъ отъ министра. Но тамъ нашелъ я Карлгофа и князя Дундука — знакомство, наставленія!! Надобно терпѣть... Мундтъ

---

[1]) Такъ называлъ Н. А. свою тещу. Алексѣй—младшій членъ семьи Н. А—ча.

[2]) Лиза—свояченица Н. А., Елисавета Францовна Сафонова, извѣстная впослѣдствіи издательница моднаго журнала «Ваза».

[3]) Извѣстный профессоръ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ. Онъ былъ женатъ на племянницѣ Николая Алексѣевича.

[4]) Подъ этимъ названіемъ Н. А. разумѣетъ цензора Лангера, назначеннаго для «С. О.».

[5]) Т. е. довольны въ цензурномъ вѣдомствѣ и выше. П. А. Корсаковъ—также цензоръ.

[6]) Кн. П. А. Вяземскій, нѣкогда сотрудникъ и соучастникъ по изданію «Моск. Телеграфа», а впослѣдствіи непримиримый литературный врагъ и критикъ Н. А—ча.

[7]) Н. А. жилъ въ то время на Лиговкѣ, въ д. Смирдина (нынѣ Волосныхъ), близъ угла Гусева переулка.

съ извѣстіемъ, что Ротчева сынъ привезенъ изъ Ситхи. Вечеромъ Рупини [1]) съ пѣснью, Лиза съ журналомъ! Работа для «Пчелы». Дѣти начали у Успенскаго латынь и греческій языкъ.

6-го. Алексѣй вышелъ къ чаю. День рожденія Сергѣя. Работы для «Пчелы». Послѣ обѣда попалъ къ Смирдину, и засталъ его за столомъ. Они ѣздили по желѣзной дорогѣ [2]). Газеты. Злоба Сенковскаго. Толкъ объ деньгахъ мнѣ. Домой къ чаю. Холодъ. Дѣти играли «Желѣзное перо» [3]), и заставили смѣяться. Письмо Верстовскаго, премилое. Но какъ мнѣ переслать въ Москву цензурный списокъ «Уголино?» Дней такъ мало.

7-го. Для «Пчелы» работа. Письмо къ Ксенофонту. Къ Смирдину за переводнымъ письмомъ въ Москву. Булгаринъ съ толками о Сенковскомъ. Лангеръ и его понятія о цензурѣ, а онъ нашъ цензоръ—скотина! (...) [4]). Послѣ обѣда пришли газеты, Алянчиковъ и Галаховъ — толки о Москвѣ. Холодъ. Галаховъ смѣшилъ разсказами о томъ, что видѣлъ въ Петербургѣ. Заѣзжалъ къ Каратыгину и толковалъ объ «Уголино». Чердакъ моего переписчика!.. Онъ боленъ; я посѣтилъ и порадовалъ его. Вечеромъ Филимоновъ...

8-го. Работалъ для «Пчелы». Кислингъ пришелъ снимать портретъ, хоть мнѣ и нѣкогда было. Это по желанію Смирдина; онъ пишетъ меня уродомъ! Явился Тимковскій—онъ сынъ И. Ѳ., зять Шелихова, былъ въ Ситхѣ и привезъ сына Ротчева, черезъ Сибирь; страстно любитъ санскритскій языкъ, и ему только 23 года. Приходилъ юноша Бутаковъ, молодой морякъ, и взялся переводить съ англійскаго. Просидѣли до обѣда. Вечеромъ работалъ для «Пчелы».

9-го. Воскресенье. Спѣшилъ къ Гречу, но ко мнѣ втерся какой-то безногій Бобылевъ просить переводовъ. Такъ замѣшкался, что Гречъ встрѣтилъ на дорогѣ. (...). Отправился къ Булгарину. Съ нимъ шумъ о томъ, что «Пчела» суха. Зашелъ къ Рупини—онъ бѣсится, что имени моего не пропустили на пѣснѣ. (...). Къ чаю пришли Галаховъ (ѣдетъ въ Москву), Кони и Сахаровъ. Забавные толки.

10-го. Письмо въ Москву, чтобы позволили играть «Уголино» безъ цензурнаго экземпляра. Къ Гречу, гдѣ былъ Булгаринъ и Бурачекъ, и толки о «Пчелѣ». Къ Смирдину, гдѣ Булгаринъ, Ястребцовъ и проч. Домой обѣдать. Къ чаю явился какой-то поэтъ, гвар-

---

[1]) Рупини—плохой музыкантъ, учитель музыки, жившій во флигелѣ того же дома Смирдина; онъ обучалъ дѣтей Н. А. музыкѣ.

[2]) Царскосельской—въ то время только-что открытой.

[3]) Либретто этой оперы Верстовскаго было написано Н. А. Полевымъ.

[4]) (...) обозначаютъ пропуски тѣхъ мѣстъ «Дневника», которыя не могутъ имѣть общаго интереса. Остальныя точки, помѣщаемыя нами, находятся въ самомъ «Дневникѣ».

деецъ. Готовилъ 2-й № «С. О.». Былъ Филимоновъ — меня уговорили съ нимъ мириться...[1]).

11-го. Вчера получилъ я письмо отъ опекуновъ Рыбниковой — тяжкое. Споры по «Пчелѣ»; мысль, что Мочалову не могу я послать экземпляръ «Уголино»; мысль объ уплатѣ денегъ въ Москвѣ; мысль, что я не могу управиться работою (...); недостатокъ денегъ здѣсь; болѣзни; холодъ въ квартирѣ, если угодно — все это, съ мыслью о прошломъ и будущемъ, слухи о врагахъ, о странномъ моемъ отношеніи къ правительству — все растерзало меня! Работалъ для «Пчелы» и «С. О.» цѣлый день; вечеромъ пошелъ смотрѣть «Гамлета», ибо давно далъ слово быть, хоть теперь нѣкогда и не хотѣлось; успѣхъ его и восторгъ въ театрѣ — все это сдѣлало то, что я со слезами послѣ ужина молилъ Господа, да спасетъ Онъ меня, Онъ — единая моя защита и спасеніе!

12-го. Три дня я ничего не записывалъ... Жизнь однообразная, грустная, въ работѣ тяжелой и безпрерывной, убійственной для души, и неблагодарной! Кто цѣнитъ ее? И что въ ней цѣнить? Я сидѣлъ цѣлый день дома; работалъ для «Пчелы»; кое-кто приходилъ мѣшать—обѣдъ, ужинъ, чай, холодъ, безденежье и—тоска...

13-го. Поутру былъ Владиславлевъ, съ просьбою о сборникѣ Волкова. Работа для «Пчелы» и «С. О.»; вечеромъ былъ у Греча, гдѣ толки о Лангерѣ, о непропускѣ журналистики, и проч. Были Муравьевъ, П. М., Крашенинниковъ и Корсаковъ, П. А. — Ѳаддей [2]) превосходенъ.

14-го. Объявленіе объ «Уголино»; послалъ его къ брату. Работа для «Пчелы» и для «С. О.» (повѣсть Ростопчиной. Какая прелесть! Это наша Ж. Зандъ).

15-го. Письмо отъ брата—полугрустное. Вѣсти о Мочаловѣ—все этотъ проклятый списокъ «Уголино»! Работа для «С. П.» [3]) (о китайской торговлѣ). Вечеромъ Булгаринъ и толки объ его «Исторіи», объ Уваровѣ и проч. (очень милъ).

16-го. Въ 11 часовъ поѣхалъ къ Каратыгину, и съ нимъ на репетицію. Странное чувство!..

17-го. Работа. Къ Филимонову и—сцена съ нимъ. Холодъ ужасный. Къ Смирдину. Въ театръ—успѣхъ «Уголино».

18-го. Успенскій и другіе съ поздравленіемъ (по поводу успѣха «Уголино»). Работа. Каратыгинъ.

20-го. Работа. Вечеромъ въ театръ. Необыкновенный успѣхъ «Уголино»! Письма отъ брата и Загоскина. Ну, слава Богу! Мочалову играть дозволено. Этотъ день замѣчательный.

---

[1]) В. С. Филимоновъ много лѣтъ сряду не являлся въ домъ къ Н. А. Полевому, вслѣдствіе семейныхъ непріятностей, въ которыхъ Филимоновъ былъ кругомъ виноватъ.

[2]) Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ.

[3]) «Сѣверной Пчелы».

21-го. Описалъ все въ письмѣ къ брату.

22-го, 23-го, 24-го. Былъ въ театрѣ, на «Уголино». Меня еще разъ вызвали! Не понимаю!

25-го. Послѣ работы для «Пчелы» и «С. О.», отправился къ Смирдину, къ Белизару, къ Лири. Видѣлъ Б. М. Өедорова и Шелихова. Были у меня вчера: Бурачекъ, Олинъ, Хриповъ, а сегодня Костюринъ (купилъ «Уголино»). Черниковъ — вышло позволеніе на «Музыкальныя Прибавленія». Вечеромъ былъ у Рупини, слушать пѣсельниковъ.

26-го—31-го. Исторія съ Булгаринымъ и миръ. Юбилей Крылова.

За январемъ въ «Дневникѣ» слѣдуетъ пропускъ въ цѣлые два мѣсяца. Но въ эти два мѣсяца многое успѣло для Н. А. выясниться... Онъ понялъ, что вести журналъ, въ которомъ Булгаринъ былъ оффиціальнымъ редакторомъ — просто невозможно; а потому и миръ, заключенный съ нимъ на-время, послѣ ссоры, въ концѣ января 1837 года, былъ очень непродолжителенъ. Послѣ долгихъ усилій, Н. А. Полевому удалось, наконецъ, вытѣснить Булгарина изъ «Сына Отечества», какъ мы это увидимъ изъ продолженія «Дневника». Но, одновременно съ этимъ немаловажнымъ успѣхомъ, Николаю Алексѣевичу съ грустью пришлось убѣдиться въ томъ, что надежды, возлагаемыя на Смирдина, оказываются очень шаткими: дѣла Смирдина уже находились въ такимъ разстроенномъ положеніи, что онъ безпрестанно былъ въ зависимости то отъ Греча, то отъ Сенковскаго. Смирдинъ часто сидѣлъ безъ денегъ преимущественно перебиваясь кредитомъ, а потому нерѣдко ставилъ и Н. А. Полевого въ самое тяжкое положеніе, то отодвигая на неопредѣленное время уплату заработанныхъ имъ денегъ, то не выдавая ему условленныхъ векселей, которые были необходимы Н. А—чу для правильныхъ разсчетовъ съ его московскими кредиторами. Все это побуждало Н. А—ча, сверхъ всѣхъ лежавшихъ на немъ журнальныхъ работъ, искать еще работъ на сторонѣ и браться за работы крайне-утомительныя и невыгодныя, но доставлявшія ему возможность иногда перехватиться деньгами, которыя были необходимы при семьѣ, состоявшей изъ восьми человѣкъ дѣтей и массы родственниковъ, родственницъ, приживальщиковъ и нахлѣбниковъ, которыми домъ Н. А. былъ постоянно наполненъ. Чрезвычайно-добрый, мягкосердечный по самой природѣ своей, Н. А. никогда, до самаго конца жизни, не могъ избавиться отъ этой докучной саранчи. Другимъ великимъ бѣдствіемъ для слабохарактернаго Н. А—ча были тѣ просители и искатели, которые навязывали ему хлопоты по своимъ дѣламъ, выправку своихъ сочиненій, составленіе какихъ-то проектовъ и т. п. Многіе изъ этихъ господъ, хорошо зная натуру Н. А., и пользуясь его стѣсненнымъ

положеніемъ, старались даже найти возможность оказать ему какую-нибудь ничтожную, маленькую услугу, и затѣмъ уже распоряжались его трудомъ и временемъ совершенно безцеремонно. Эти ловчаки съумѣли отлично устроить свои дѣла при помощи Н. А—ча; многіе изъ нихъ обогатились, благодаря его ходатайствамъ и хлопотамъ, многіе составили себѣ громкое имя и солидное положеніе, благодаря тому, что искусно пользовались слабохарактерностью Н. А—ча, ловко умѣли задѣть за живое его самолюбіе и польстить ему во-время. Въ числѣ послѣднихъ, въ описываемую нами эпоху, и едва ли не самымъ безсовѣстнымъ изъ всѣхъ эксплуататоровъ таланта Н. А. Полевого, былъ знаменитый трагикъ Каратыгинъ, который постоянно побуждалъ Н. А—ча писать для сцены, сдружился съ нимъ, былъ каждодневнымъ его посѣтителемъ, и, благодаря своей житейской ловкости, умѣлъ даромъ получать отъ него для своихъ бенефисовъ такія пьесы, какъ «Уголино» и «Елена Глинская», которыя могли бы принести Н. А—чу довольно значительный доходъ, еслибы онъ самъ поставилъ ихъ на сцену и отдалъ бы въ дирекцію театровъ. Впрочемъ, — спѣшимъ оговориться—Каратыгинъ, послѣ каждой подаренной ему пьесы, считалъ долгомъ прислать Н. А—чу какой-нибудь грошевый подарокъ: то гравюру, то граненую рюмку, то ёлку дѣтямъ, то ложу въ театръ для семейства... Въ довершеніе всего, что мы указали выше, Н. А., привлекавшій всѣхъ своею обворожительною рѣчью и чрезвычайно-милою бесѣдою, поневолѣ перезнакомившійся съ разными петербургскими литературными кружками, былъ всюду безпрестанно приглашаемъ, и не зналъ, какъ отбиться отъ посѣтителей, которые не довольствовались тѣмъ, что являлись къ нему по вечерамъ, а нерѣдко отнимали у него даже и значительную часть его рабочаго дня. Не даромъ «Дневникъ» Н. А—ча испещренъ замѣтками въ родѣ: «Все утро отняли такіе-то»... Или: «Весь вечеръ мучилъ такой-то»... Нѣкоторые изъ посѣтителей (напр., Филимоновъ) были даже до такой степени назойливы, что являлись регулярно каждый день къ обѣду или къ вечернему чаю, такъ что Н. А. отмѣчалъ даже въ «Дневникѣ»: «Сегодня не было Филимонова!»

Читая продолженіе «Дневника», въ особенности, начиная съ 1-го іюня 1837 года, слѣдуетъ имѣть въ виду, что редактируя «Сынъ Отечества», Николай Алексѣевичъ, по обязанности редактора, писалъ туда и критику, и смѣсь, и библіографію, (и даже моды!), «поставлялъ» серьезныя статьи и беллетристику, однимъ словомъ, наполнялъ почти всю книжку каждаго мѣсяца, за исключеніемъ какой-нибудь одной или двухъ статей, одного или двухъ стихотвореній. При этомъ, редакторъ «С. Отечества» былъ, кажется, и его единственнымъ корректоромъ, и безпрестаннымъ ходатаемъ за свои и чужія статьи въ цензурѣ. Однимъ словомъ, только при необычайномъ навыкѣ къ постоянному, неутомимому труду оказывалась возмож

ность справиться съ работами по «С. Отечества»; а Николай Алексѣевичъ успѣвалъ еще найти время на полдюжины стороннихъ литературныхъ работъ и даже понемногу писалъ новую драму: «Елену Глинскую». Послѣ всѣхъ этихъ объясненій продолжаемъ выдержки изъ «Дневника».

Апрѣль.

1-го. Пятница. Какъ тѣнь изъ гроба, Ив. Ник. Бухаринъ, о которомъ такъ много слыхалъ въ дѣтствѣ, тотъ, что̀ въ Охотскѣ держалъ Хвостова и Давыдова. Дряхлый старикъ, съ краснымъ носомъ, дурно и бѣдно одѣтый! (...). Первая сцена «Елены Глинской». Корректуры «С. О.». Вечеромъ Свиньинъ съ планомъ «Отеч. Записокъ». День ясный и весенній.

2-го. Суббота. Два листа корректуры «Уголино» и девять «С. О.» (статья Іакинѳа и повѣсть Ростопчиной). Кончить не было силъ. Вечеромъ «Географія» Арсеньева.

3-го. Воскресенье (Св. Хр.). Не спалъ до заутрени и поѣхалъ въ Казанскій соборъ; тѣснота. Послѣ обѣдни пѣшкомъ домой, въ 5 часовъ. Спалъ. Разговѣнье. Писалъ — географію, статьи и проч. (...) Вечеромъ Булгаринъ (статья Сенковскаго).

5-го. Вторникъ. Явился Ястребцовъ, а затѣмъ графиня Бобринская и Врангель.

8-го. Пятница. Липинскій игралъ у Булгарина. Большое собраніе.

11-го. Понедѣльникъ. Вечеръ у И. И. Панаева, гдѣ Воейковъ и другіе.

(Пропускъ отъ апрѣля до іюня).

Іюнь.

1-го. Вышла наконецъ бѣдная майская книжка «С. О.», безъ имени Булгарина.

2-го. Іюнь «С. О.» (Сакунтала). Были Гречъ и Каратыгинъ.

3-го. Вечеромъ были Трубецкая и Панина, и я читалъ имъ (?). Романовичъ поутру.

4-го. Къ Смирдину, но успѣху нѣтъ. Размѣнялъ наполеоновскій луйдоръ [1]) и взялъ билетъ на паровозъ. Въ театръ на считкѣ водевиля [2]). Приходилъ Надеждинъ. Поѣхалъ съ Глинкою въ Павловскъ къ Кукольнику, на паровозѣ. Тамъ Петровъ и Пеликанъ. Поэмы и драмы Кукольника. Толки о «Русскомъ Вѣстникѣ».

6-го. Понедѣльникъ «С. О.». Читалъ за ужиномъ «Дурочку» (повѣсть, помѣщенную впослѣдствіи въ «Ста русск. литераторахъ»)

---

[1]) Изъ той коллекціи старыхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, которую Н. А. хранилъ отъ своей молодости. Далѣе упоминается о піастрѣ, изъ той же коллекціи.

[2]) «Чересполосныя владѣнія».

7-го. Вторникъ (...) «С. О.» (Сакунтала). Годовщина Марлинскому [1]).

8-го. Среда. Сакунтала, съ 6-ти до 3-хъ часовъ. Обѣдали у П. П. Свиньина. Майковы, Б. Өедоровъ, Панаевъ, etc. Свиньину сегодня 60 лѣтъ. Въ театрѣ «Черный Корсаръ», (видѣлъ Ободовскаго). «Петербургская невѣста» и «Ложа 1-го яруса». Разсказъ о предчувствіи Родофиникина.

9-го. Четвергъ. Для «С. О.». Корректура 3-го листа «Очерковъ Русск. Литературы» (Державинъ). Тепло и дождь. Объявленіе о водевилѣ,—Сушковъ. Юноша Канаевъ.

11-го. Суббота (...) на репетиціи водевиля.

12-го. Воскресенье. Тоже. На паровозѣ въ Царское Село къ Бартеневу, гдѣ обѣдалъ (Маркеловъ).

13-го. Понедѣльникъ (...) Въ театрѣ мой водевиль. (Братья: Ксенофонтъ и Петръ пріѣхали изъ Москвы 21-го іюня).

25-го. ... Съ Ксеноф. къ Соболевскому и къ Одоевскому.

26-го. Воскресенье (...) вечеромъ читалъ Ксенофонту «Елену».

27-го. Понедѣльникъ. Статью о Петрѣ Великомъ не пропускаютъ.

30-го. Четвергъ (...) Ругательство на водевиль въ «Пчелѣ».

Іюль.

2-го. Суббота. Коррект. для «С. О. (...) Вечеромъ Пассекъ и Бестужевъ Павелъ.

6-го. Среда. За чаемъ княгиня Трубецкая.

9-го. Суббота. Грустное письмо Наташи, [2]) грустное письмо къ ней. Ни копѣйки дома; занялъ у Самохотова 50 руб., и отдалъ ихъ на насущный хлѣбъ (...) Вечеромъ сальныя свѣчки [3]).

10-го. Воскресенье. Переводъ статьи Гондркура, и повѣсти А. Мюссе, въ іюль «С. О.».

11-го. Понедѣльникъ (...) вынулъ піастръ и купилъ восковыхъ свѣчъ; а на портеръ не было гроша.

14-го. . . . Долго сидѣлъ съ Денисомъ Давыдовымъ.

18-го. Понедѣльникъ (...) Послѣ обѣда княгиня Трубецкая.

21-го. (...) Куторга (въ первый разъ).

24-го. Воскресенье. Кончилъ Мюссе. Проливной дождь. Поѣхали съ Наташей къ Трубецкой, и съ нею, и съ Мещериновымъ, какимъ-то генераломъ, отправились въ академію. Мадонна, Помпея— но что за люди! И это высшій свѣтъ?

---

[1]) Убитъ на Кавказѣ 7-го іюня 1837 г.

[2]) Семейсто Н. А—ча жило на дачѣ.

[3]) Не слѣдуетъ забывать, что ни лампъ, ни стеариновыхъ свѣчей въ ту пору не было. Заниматься приходилось съ восковыми свѣчами, которыя были довольно дороги. Сальныя свѣчи въ кабинетъ не подавались.

30-го. Суббота, вышелъ «С. О.» за іюль. Давно не было такого грустнаго дня: я прочиталъ письмо Семёна; сообразилъ дѣла; сталъ писать письма; отчаяніе овладѣло мною: я изорвалъ письмо къ брату, такъ было оно тяжко... Грусть и тоска... Наташа повезла письма на почту, а я остался. Но тутъ—не былъ ли это благодѣтельный переломъ? Сообразивъ, что если бы я двинулъ всякую всячину, то много бы поправилъ, и рѣшился приняться за работу... Боже! Укрѣпи меня. Даруй помощь твою!!—Вечеромъ перебралъ бумаги, отыскивалъ, находилъ до 2-го часа... Пущу даже и «Исторію Русскаго народа».

31-го. Воскресенье. Рвеніе мое продолжается, упованіе крѣпитъ душу мою!

Еслибъ я могъ:

«Маленькую Исторію» . . 10,000
«Синіе и Зеленые» 10,000

Но тутъ работы:
«Дурочка»
«Кастерину очерки»
«Арсеньева географія»
«Зотова Исторія»
«Лексиконъ Ольдекопа»
«Кукольнику»
«Воейкову»
«Сынъ Отечества»
«Маленькая Исторія»
«Исторія Русск. Народа»
«Синіе и Зеленые»
«Судьба Аббаддонны»
«Колумбъ» [1]).

Гдѣ силы? въ Богѣ!

Пересмотрѣлъ «Исторію Русскаго Народа», томъ VII-й. Пущу! Перенесъ книги, etc. Былъ изъ Одессы Мурзакевичъ, чума—возы. буря на Черномъ морѣ, (...) вечеромъ было семейство Глинки и касимовскій философъ, Галичъ И. С.

Августъ.

1-го. Писалъ «Маленькую Исторію».

2-го. Вторникъ. «Исторія». Денегъ такъ мало, что вина купить не на что! Но оживленный надеждою работаю. (...) Дождь и сумрачно всячески. Упованіе, не оставь меня!

4-го. Четвергъ (...) Къ Скобелеву—его бесѣда (...) Каратыгинъ и Сушковъ; Н. Н. Кологривый съ женою.

6-го. Суббота. (Преображеніе) Ровно за 28 лѣтъ я говѣлъ въ первый разъ и пріобщался. Докончилъ 15-й разск. «Мал. Исторіи».

---

[1]) Нѣкоторыя изъ помѣченныхъ здѣсь работъ представляютъ собою не болѣе какъ предположенія и наброски, невыполненныя и впослѣдствіи («Судьба Аббаддонны», «Колумбъ»); другіе, напр. «Синіе и Зеленые», явились потомъ подъ другимъ названіемъ («Византійскія легенды»), и, очевидно, лежали уже въ портфелѣ автора; третьи, наконецъ, уже были почти окончены («Дурочка») или почти отпечатаны («Очерки Русской Литературы»).

8-го. Понедѣльникъ... Глупо-досадный день... Приходили какіе-то поэты, и проч. Началъ переводить «Луизу» для «С. О.» и располагалъ 16-й разсказъ.

9-го. Вторникъ. «Донна Луиза» въ «С. О.» до обѣда. Въ 2 ч. отправилъ въ типографію и въ цензуру. Отвезъ VII-й томъ «Ист. Рус. Народа» [1]). Въ академіи смотрѣть картины, а потомъ къ Кулону, гдѣ обѣдали у Лухманова Крыловъ, Гречъ, Глинка, Басинъ, Ухтомскій, Монферранъ, Крутиковъ, Лугенъ и проч.

15-го. Понедѣльникъ. Съ утра принялся писать къ брату большое письмо; не дали кончить: Кастеринъ и Сахаровъ; толки о политическихъ событіяхъ, о журналахъ, о Краевскомъ, о ссорѣ Жукова съ Воейковымъ, и проч. (...) Предложеніе преподавать Исторію; кончилъ половину «Донны Луизы». Вечеромъ немного «Елены». Филимоновъ. Читалъ ему—споръ о теоріи драмы.

Сентябрь.

1-го. Четвергъ. Онъ грустно начинается, хоть день прелестный. Хочу теперь писать «Малую Исторію» и Смирдину повѣсть, но нѣтъ силъ—имъ есть предѣлы (...) Началъ «Малую Исторію»; разсказъ о Петрѣ—приготовилъ для него все, и началъ его писать, но написалъ немного.

2-го. Пятница. Какой день: Наполеонъ и Москва! (...) «Дурочка» для «С. О.» и вечеромъ «Глинская», но все плохо.

3-го. Суббота. «Дурочку», изрядно, и отвезъ ее, и начало «С. О.» къ Смирдину. (...) Письмо отъ Л. В. Дуббельта о «Петрѣ Великомъ» [2]). Вечеромъ «Петръ Великій» въ «Мал. Исторіи». — Сѣверное сіяніе.

4-го. Воскресенье. Цѣлый день «Петръ Великій» — хорошо, слава Богу! Поутру Сушковъ, Смолинъ старикъ. Кто-то отъ Розенгейма.

5-го. Понедѣльникъ. Цѣлый день «Петръ Великій». Хорошо, слава Богу! Дописалъ до 1712 года.

6-го. Вторникъ. Глупый день! Работы тьма, чувствую, что не успѣю ни въ чемъ. Что я дѣлалъ? Просмотрѣлъ XV-й разсказъ, сталъ править XVI-й и съ горемъ бросилъ его—нѣкогда! Принялся

---

[1]) Это указаніе дневника чрезвычайно любопытно и важно! Изъ него видимъ что VII т. «Ист. Русскаго Народа» былъ написанъ и даже доведенъ до того, что его можно было готовить къ печати, хотя авторъ и не совсѣмъ былъ имъ доволенъ. Но никакихъ слѣдовъ этого тома до сихъ поръ нельзя было отыскать.

[2]) Здѣсь дѣло идетъ не о разсказѣ «Петръ Великій», которымъ въ данную минуту былъ занятъ Н. А., а объ его же статьѣ которую цензура не дозволила напечатать въ «С. О.». См. объ этомъ выше въ дневникѣ, запись подъ 27-мъ іюня. Не слѣдуетъ забывать, что, вообще, всѣ статьи Н. А—ча, въ корректурѣ, доставлялись изъ цензурнаго комитета въ III-е Отдѣленіе, гдѣ ихъ просматривалъ Л. В. Дуббельтъ, всегда относившійся къ Н. А—чу чрезвычайно гуманно.

за «Дурочку», надобно кончить ее, Смирдинъ требуетъ. Не кончилъ—корректуры «С. О.» (оригиналу, оригиналу!), «Очерковъ» (Сахаровъ, какъ съ ножемъ стоитъ), «Горя отъ ума»—съ толку сбиваюсь...

8-го. Четвергъ. Кончилъ къ обѣду Дурочку.

12-го. Понедѣльникъ. Вечеромъ кончилъ первый актъ «Елены».

16-го. Пятница. Цѣлый день объ Энц. Лекс. [1]).

17-го. Суббота. Не видя возможности кончить, разбилъ было статью объ Э. Л. на двѣ. Пріѣхалъ Гречъ; я читалъ ему—онъ заспорилъ, что надобно въ одинъ №. Что же дѣлать?

18-го. Воскресенье.—25-го. Воскресенье. Не помню, когда бы такъ безумно я работалъ, какъ эту недѣлю! Кончилъ всѣ статьи почти, кромѣ извѣстій и смѣси и немного перевода—объ Э. Л., библіографію,—ужасаюсь, и можно ли, чтобъ это было хорошо? О Боже, Боже! (....) Были у меня: Бартеневъ. Ободовскій (его трагедія и Комоэнсъ), Сушковъ (съ корректурой), Болотовъ (съ Франкеромъ), Смирдинъ (съ 100 авторами).

26-го. Понедѣльникъ. «С. Отечества» (....) Мою критику не пропускаютъ; денегъ нѣтъ; погода ужасная. — .... — Былъ Каратыгинъ,—ихъ разговоръ съ Глинкой—что̀ если драму?

28-го. Середа. Былъ у Греча. Онъ генералъ и гнусный эгоистъ при томъ.

29-го, 30-го. Работалъ надъ «С. О.»—Въ пятницу хотѣлъ кончить все, но не могъ; корректура «С. О.», «Картинъ Россіи» Свиньина, «Горя отъ ума», «Очерковъ», Исторіи Зотова, «Ста литераторовъ»! Смирдинъ съ извѣстіемъ объ угрозахъ Брамбеуса, если помѣстимъ критику [2]). (....) Булгаринъ бросаетъ въ меня шпильки, а Гречъ пропускаетъ; въ каждомъ листѣ «Пчелы» мерзость. Работа меня истомила до полусмерти. Чувствую, что долго мнѣ не вынести. Купилъ Вильмена и «Le Club des Pickwistes». Погода болѣе, чѣмъ ужасная,—все мертвѣетъ; холодъ и листья желтѣютъ и падаютъ. Мысль о драмѣ—«Любовь и Честь».

---

[1]) Н. А. писалъ большую статью, разъясняющую значеніе предпринимаемаго Гречемъ «Энциклопедическаго Лексикона». Гречъ зналъ, что никто лучше и популярнѣе Н. А—ча не изложитъ этой темы и потому очень ухаживалъ за нимъ, пока статья не была написана—даже сулилъ ему участіе въ предпріятіи на очень выгодныхъ условіяхъ. Разочарованіе наступило очень скоро для Н. А—ча: какъ только статья была написана и сдана, Гречъ отъ него отвернулся.

[2]) Т. е. критику на статьи его въ «Библіотекѣ для Чтенія». Сенковскій (Брамбеусъ) могъ грозить Смирдину, потому что тотъ находился отъ него въ зависимости по своимъ денежнымъ дѣламъ. Изъ дальнѣйшаго видимъ, что не только Сенковскій добился своего, но, немного спустя, добился и того, что Смирдинъ сталъ отдавать «Библ. для Чт.» явное предпочтеніе передъ «Сыномъ Отечества», чѣмъ жестоко оскорбилъ Н. А—ча, всѣми силами старавшагося поднять этотъ журналъ.

Октябрь.

1-го. Суббота. Мнѣ кажется, этому № «С. О.» конца не будетъ!..

2-го. Воскресенье. Кончилъ совершенно, и послѣ обѣда поѣхалъ съ рукописью къ Д. И. Успенскому. Туда явился Смирдинъ—мерзкія интриги Брамбеуса!

3-го. Понедѣльникъ. Пошла исторія: письмо Булгарина и посѣщеніе Греча. Новую статью, вмѣсто критики—объ Америкѣ—(....) — Поѣхалъ къ Смирдину—косые взгляды! Вечеромъ былъ Ферморъ и юноша Некрасовъ [1]). «Елена Глинская» немного.

4-го. Когда я работалъ статью въ замѣну критики, пріѣхалъ Гречъ, гов рилъ о ссорѣ Булгарина съ Сенковскимъ за жену; о гоненіи на Краевскаго за статью; о выключеніи Смирдинымъ критики. Досадно! (....) Вечеромъ корректуры и немного «Елены». (....) Читалъ Вильмена и Пиквистовъ.

5-го. Середа. 15 лѣтъ нашей свадьбы! Корректуры. Къ Уварову—гордо, но ласково. Къ Кукольнику, гдѣ Булгаринъ, Брюловъ, etc., въ типографію. Къ Асенковой—нечаянно.

6-го. Четвергъ. До обѣда корректуры, и не кончилъ. Стихи Паниной въ альбомъ; она пріѣзжала проститься, и съ невѣсткою.

8-го. Суббота. Съ 6-ти часовъ за «Елену»—написалъ три акта сносно. Отправился читать. У Каратыгина были Сосницкій и Орловъ. Читали послѣ обѣда—вечеромъ домой къ 10 часамъ.

9-го. Воскресенье. Къ Владиславлеву—альманахъ, картинки, и проч. Къ Свиньину—Сенковскій, журналъ, и проч.—вечеромъ Кологривые etc. (....) Немного «Ботика» [2]).

10-го. Понедѣльникъ. Съ 6-ти часовъ принялся за «Дѣдушку Русскаго флота», для Владиславлева и Асенковой. Кончилъ къ обѣду и читалъ его своимъ. Дѣти смѣялись. Вечеромъ утомленный перебиралъ бумаги. Былъ Демонъ [3]).

11-го. Вторникъ. Корректуры «Очерковъ» и «С. О.» Къ Смирдину (засталъ въ хлопотахъ о векселѣ въ 3000; въ казначейство—

---

[1]) Это первое посѣщеніе Николая Алексѣевича Некрасова—будущаго поэта и журналиста—къ Н. А. Полевому. Впослѣдствіи Некрасовъ сдѣлался на столько же домашнимъ человѣкомъ въ семьѣ Н. А—ча, на сколько и Бѣлинскій—во время пребыванія Н. А—ча въ Москвѣ.

[2]) Это указаніе на первый набросокъ «Дѣдушки Русскаго Флота»—пьесы, написанной на другой день за одинъ присѣстъ—очень важно для насъ въ біографическомъ смыслѣ, какъ доказательство необыкновенной способности Н. А—ча увлекаться и настраиваться извѣстными впечатлѣніями. 5-го октября онъ нечаянно заѣхалъ къ Асенковой, которая, вѣроятно, просила его какой-нибудь новенькой пьески для своего бенефиса. И вотъ—10-го октября пьеса для нея готова!

[3]) Такъ называлъ Н. А. своего стараго пріятеля, извѣстнаго библіографа Соболевскаго, который посѣщалъ его довольно часто и оставался съ нимъ друженъ до конца жизни.

бумаги вексельной!) .... Къ Асенковой — отдалъ «Дѣдушку Русскаго флота» — читалъ ей.

12-го. Середа. Поѣхалъ къ Д. М. Княжевичу (о статьѣ въ его Альманахъ). Къ Уварову — не принялъ (видѣлъ Карлгофа). Къ Гречу (...). Къ Недоумко [1]) (у Демута). Панаевъ, etc. Къ Смирдину (очень ласковъ).

16-го. Воскресенье. Повѣсть Берту. Къ Смирдину о векселяхъ—страшная пыль у него и холодно. И я долженъ унижаться!!.. [2]) (....) Былъ Струговщиковъ (о Гёте)—вечеромъ статья о Дмитріевѣ.

17-го. Понедѣльникъ. Цѣлый день о Дмитріевѣ. Обѣдалъ Любарскій—вечеромъ юноша Некрасовъ. А Смирдинъ молчитъ!

18-го. Вторникъ. Кончилъ о Дмитріевѣ. Двойное зрѣніе. Боленъ. Дождь и сырость. Былъ Песоцкій—его театральный журналъ. Слухъ о водевилѣ. Вечеромъ заходилъ Іакинѳъ. (...) А Смирдинъ молчитъ! [3])

19-го. Середа. (...) Отъ Дуббельта статьи [4]).

27-го. Четвергъ. Поѣхалъ къ Ольдекопу, говорить о непропускѣ стиховъ въ «Ботикѣ». Его отвѣтъ, что Государь читалъ самъ. Къ Смирдину (видѣлъ Бутурлина, Д. П.). Къ Каратыгину.

28-го. День мрачный. Очень боленъ. «С. О.» извѣстія. Глинка обѣдалъ (шумитъ о запрещеніи его журнала). Вечеромъ Шидловскій (поэтъ) и Демонъ. Поутру Сахаровъ съ «Очерками».

29-го. (...) Письмо ругательное отъ Глинки.

30-го. Воскресенье. «С. О.» Боленъ опять. Вечеромъ Филимоновъ и поэтъ Некрасовъ съ Ферморомъ. Наташа и дѣти переписываютъ «Дѣдушку».

Ноябрь.

1-го. Вторникъ. «С. О.» Ничего не успѣваю! Корректуры. Въ цензуру «Дѣдушку». Давыдовъ В. П.—Никитенко (...) Былъ Полторацкій.

2-го. Среда. Къ Карганову о «Дѣдушкѣ»—къ Полторацкому. Дома, когда со всѣхъ сторонъ требуютъ, щиплютъ, ничего сдѣлать не успѣваешь—и все надобно,—а Москва?.. А будущность?.. Такое

[1]) Псевдонимъ Надеждина.

[2]) Эта запись важна по отношенію къ послѣдующему: Н. А. засталъ Смирдина въ хлопотахъ по векселю въ 3,000 руб., тотчасъ предложилъ его выручить и выдалъ ему вексель на эту сумму. Такія же услуги неоднократно оказывалъ онъ Смирдину и впослѣдствіи, и всѣ эти векселя пали на Н. А—ча и окончательно его погубили.

[3]) По общему торговому обычаю, Смирдинъ долженъ былъ выдать Н. А—чу контръ-вексель на ту же сумму, т. е. на 3,000 руб. Но онъ медлилъ, и вынуждалъ Н. А—ча къ напоминаніямъ и выжиданіямъ, весьма тревожнымъ. (См. записи 17-го и 18-го октября).

[4]) См. примѣчаніе 2, на стр. 667.

горе взяло, что я чуть не заплакалъ горько... и вотъ уже восемь лѣтъ этой жизни, и всяческихъ страданій—Боже Всемогущій! Хоть частицу благъ, для того, чтобы я не задохся...

3-го. Четвергъ. Корректуры «С. О.» (библіографія), но среди досадъ и нездоровья, безпрерывно мѣшали—разлекали—голова кружится, но что мнѣ дѣлать?.. Боже! спаси и помоги!.. Въ домѣ ни гроша денегъ, а взять негдѣ... Были: Каратыгинъ и Бѣгичевъ. Вечеромъ Полторацкій.

4-го. Пятница. Была дѣвица-кавалеристъ.

8-го. Вторникъ. (...) Началъ «Любовь и Честь».

9-го. Середа. На пробу «Дѣдушки» въ 2 часа. Шло ладно. Послѣ обѣда... въ театрѣ. Блестящій успѣхъ «Дѣдушки». Крыловъ, Бѣгичевъ, Кологривой, княгиня.

11-го. (...) Вечеромъ былъ опять въ театрѣ, гдѣ «Дѣдушка». Пріемъ и вызовъ — это шевелитъ сердце [1])!.. Письмо отъ Л. В. Дуббельта.

12-го. Суббота. Корректура, и хотѣлъ было дописать «Елену»—понесъ читать ее къ Каратыгину, гдѣ обѣдалъ; но такъ глупо вышло, что изорвалъ въ клочки. Былъ П. Каратыгинъ и Сосницкій. Вечеромъ пошли къ Асенковой, гдѣ много народа—дурачки, чай, ужинъ—она была очень мила;—воротился въ два, за что сердилась на меня жена все утро, и упрекала, что я «свожу знакомство съ актрисами»—нельзя было не смѣяться.

18-го. Пятница. Государь пріѣхалъ. Работалъ плохо (проспалъ). Къ Смирдину—получилъ 200 рублей!!! Вечеромъ пріѣхалъ Песоцкій, сказать, что государь въ театрѣ. Онъ былъ доволенъ «Дѣдушкой»—за кулисами я стоялъ отъ него въ 5 шагахъ... Жена была въ 3-мъ ярусѣ, въ ложѣ съ дѣтьми — государь напротивъ, съ супругою, зятемъ и великою княжною. Меня поздравляли, а если бы знали, каково мнѣ было,—что ждетъ меня дома! Горе, горе! Когда ты отъ меня отстанешь? Если бы онъ—хоть слово сказалъ... всю ночь такіе сны. Каратыгинъ поутру прислалъ мнѣ Іоанна Богослова (гравюру)—это меня порадовало. Да будетъ, чему быть.

19-го. Суббота. Поутру поѣхалъ къ Л. В. Дуббельту, и засталъ—въ канцеляріи. Тамъ онъ — что-то грустенъ; но обласкалъ меня — утѣшилъ, говорилъ... Домой, корректуры «С. О». etc. Повѣсть Нодье. Расположилъ писать «Иголкина».

20-го. Воскресенье. Съ утра началъ—ладно! Былъ Ѳ. В. Базуновъ, Каратыгинъ—читалъ ему—онъ обнялъ и благодарилъ меня (...) Вечеромъ была Трубецкая. «Иголкинъ».

---

[1]) Въ этой записи заключается объясненіе всей сценической дѣятельности Н. А—ча. Его театральные успѣхи шевелили его сердце, заставляли его забывать о грустной и ужасной дѣйствительности; вотъ почему, едва дописавъ «Дѣдушку», онъ берется за «Иголкина». Его литературные враги не могли понять этого.

21-го. Понедѣльникъ. Рано утромъ за «Иголкина», былъ Песоцкій. Всѣмъ отказывалъ. Кончилъ (только эпилогъ). Вечеромъ извѣстія отъ графа А. X. и добраго Л. В. [1]) Читалъ внизу Mutter [2]) «Иголкина».

22-го. Вторникъ. Отправился къ графу въ 9 часовъ, и онъ вручилъ мнѣ перстень—тутъ и Л. В.

23-го. Среда. (...) «Иголкина» пересмотрѣлъ и отослалъ Каратыгину—онъ былъ — были Владиславлевъ и Грузинъ, что статью на Сенковскаго принесъ—корректура—письмо Глинки (холодное)—Богъ съ нимъ!

24-го. (...) Дописалъ эпилогъ — дочиталъ корректуры. Вечеромъ принесли «Иголкина» переписаннаго—читалъ его и т. д.

Декабрь.

1-го. Четвергъ. День провелъ глупо и нелѣпо! Выпросилъ у Смирдина 100 рублей, и тѣмъ существую! Книжкѣ «С. О». не вижу конца — боленъ; изъ Москвы ничего — работъ — мнѣ даже смѣшно самому!.. Съ пяти часовъ утра сидѣлъ до 3-хъ пополудни, безъ силъ пришелъ къ обѣду... Добрая жена моя была именинница, а Кати рожденье... Но радости не было... И погода несносная!.. Вечеромъ я опять засѣлъ. Молюсь, да спасетъ! Отъ Врангеля письмо, что не печатаютъ его книги—поэтъ Константиновъ, что его стихи... я готовъ былъ...

2-го. Пятница. Кажется, этотъ денекъ будетъ получше вчера! Письмо отъ Мундта, отъ Булгакова (о деньгахъ) — рожа тетки... Жена нечаянно разорвала паспортъ няни!.. Дм. Ив. [3]) денегъ, денегъ! Корректуры «Очерковъ»... Довольно, довольно! Бѣдная жена моя отправилась заложить въ ломбардъ перстень.... и мы порадовались, что за него выдали 1,000 руб. Можно передохнуть... Работая до упаду, кончилъ критику; вечеромъ, отдохнувши — повѣсть Нодье. Письмо отъ брата—сухо и печально... Верстовскій на меня сердитъ! Извѣстія о «Дѣдушкѣ» не порадовали брата... Булгаринъ ругаетъ въ «Пчелѣ» бѣднаго Фауста Губерова. Ночью снѣгъ. Читалъ мнѣнье Фридриха о литературѣ—какъ глупо!

3-го. Суббота. Расплатясь кое съ кѣмъ, я повеселѣлъ. Рѣшился не оканчивать теперь на-скоро «Елены», — нѣтъ ни времени, ни духа, ни силъ. Просилъ Каратыгина прійти; онъ пришелъ—я предложилъ ему драму мою, обѣщая ее кончить скоро. Онъ обнялъ меня. Говорили объ «Иголкинѣ»; объ отзывѣ государя о «Гам-

[1]) Т. е. отъ графа А. X. Бенкендорфа и Л. В. Дуббельта о томъ, что государь жалуетъ Н. А—чу перстень за «Дѣдушку Русскаго флота».

[2]) Такъ называлъ Н. А. свою тещу—женщину очень умную и образованную. Занимаясь воспитаніемъ его дѣтей, она жила въ нижнемъ этажѣ домѣ Смирдина.

[3]) Дм. Ив. Успенскій, обучавшій сыновей Н. А. древнимъ языкамъ.

летѣ». Работалъ усердно «С. О.». Получилъ отъ брата жизнь Грибоѣдова [1]). Корректуры, etc. Вечеромъ, до самого ужина, переводилъ. Читалъ повѣсть Скриба—милая шалость. Какъ хороша эта повѣсть Нодье, что я перевожу. Рюи-Блазъ В. Гюго, кажется, вздоръ. Марія Падилла Ансело,—просто нелѣпость! Но что за странное направленіе современной драмы? Вечеромъ, Дм. Ив., но я былъ радъ ему — расплатился! Какая грусть и тоска! Мнѣ все кажется, что меня ждетъ большое несчастье... Молюсь Господу!

6-го. Вторникъ. Всталъ въ 7-мъ — корректуры. — Я имянинникъ — угостилъ дѣтей калачами. Работать было нельзя. Посѣтители—Ободовскій, Кони, Песоцкій, Романовичъ, Кологривые, Болотовъ, Бурхардтъ, Д. И. Успенскій, Сушковъ, Некрасовъ,—какъ имъ не лѣнь ѣздить!—Каратыгинъ прислалъ мнѣ премилый сюрпризъ.

14-го. Среда. Дочиталъ корректуры XI № «С. О.». Разбирался; дочиталъ корректуры «Дурочки». Были Глинка, В. А. Сафоновъ и Пузановъ (изъ Курска). О графѣ Гейденѣ. Послѣ обѣда уснуть не могъ—поѣхали! Полонъ театръ. Государь! Что сказать объ «Иголкинѣ»? Не знаю! Буду слушать, что̀ скажутъ... Въ ложѣ съ нами дядя, Алексѣй, дѣти.

15-го. Четвергъ. День какой-то странный, какъ обыкновенно бываетъ послѣ сильныхъ движеній... Принимался за новую драму, которую обѣщалъ Каратыгину. Дѣлалъ «С. О.». Переводилъ то и другое... Были Д. И. Успенскій, Некрасовъ [2]), Филимоновъ (мимоходомъ)—вечеромъ дѣлилъ статьи критики въ 1-й №. Былъ Каратыгинъ.

16-го. Пятница. Новая драма. Каратыгинъ съ женой и Глинка. Смѣялись и говорили (. . . .). Въ театрѣ, гдѣ полный успѣхъ «Иголкина». Съ Песоцкимъ домой. Кукольникъ и Бартеневъ—благодарю Бога за сегодняшній день! Благодарю—я счастливъ—хотя ошибкой! Трогательный разговоръ за ужиномъ... Уснулъ спокойно...

21-го. Середа. Не нелѣпость ли? Когда мнѣ дохну̀ть нѣкогда, я пишу эту драму, и пишу, когда для нея остаются часы, а не дни? Но такъ вся жизнь моя—корректуры, Смирдинъ съ бумагами, и—голова моя кругомъ, какъ я все успѣю сдѣлать, — но это ужъ послѣдній опытъ — буду умнѣе впередъ.

22-го. Четвергъ. }
23-го. Пятница. } Два однообразныя дня — драмы написано три акта; четвертаго половина, пятаго начало, если что выйдетъ порядочное, я самъ не постигну, какъ это

---

[1]) Т е. біографію Грибоѣдова, предназначенную къ помѣщенію въ томъ миніатюрномъ изданіи «Горя отъ ума», которое печаталъ въ это время Смирдинъ. Выше упоминалось о корректурѣ «Горя отъ ума».

[2]) Некрасовъ, въ это время, жилъ у Д. И. Успенскаго, который, по просьбѣ Н. А. Полевого, принялся приготовлять молодого человѣка къ поступленію въ университетъ.

сдѣлалось! Корректуры «С. О.», Давыдова, «Очерковъ», «100 литераторовъ». Лиза съ мученьями!

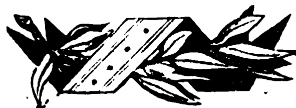
24-го. Суббота. Чувствую, что я глупо поступаю: писать драму, вздоръ, когда дѣла, когда письма къ Ксенофонту я не успѣваю нанаписать!.. Зато Каратыгинъ прислалъ намъ ёлку [1]... Какъ одурѣлый писалъ я, все забывши, драму свою, небритый четыре дня— нездоровъ уже съ недѣлю... Отослалъ къ К. 4-е и часть 5-го; и къ обѣду утомился, еле живъ. Наташа ѣздила на рынки, etc. — вечеромъ зажгли елку для дѣтей, и она произвела радостный восторгъ, съ ея зелеными и красными свѣчками, и конфектами, и сюрпризами. Дописалъ драму. Дочиталъ «Путев. Зап.» Греча. Сижу и соображаю всю нелѣпость бытія моего, всю странность моего образованія, всю глупость моихъ обстоятельствъ и ложнаго моего положенія въ свѣтѣ. Но, да будетъ! Развѣ мы сами себѣ создаемъ жизнь и обстоятельства? Но въ настоящемъ меня страхъ беретъ! Что̀ мнѣ дѣлать? Примусь молиться и сумасшедше работать! Остальное Богу и волѣ Его!

29-го. Четвергъ. Работалъ хорошо. Но поѣхалъ къ Смирдину, узналъ, что ничего не печатаютъ, а что «Б. для Ч.» взяли въ типографію—разсердился и боленъ! (. . .) Книжка Греча сына (глупая). «Басурманъ» Лажечникова.

30-го. Пятница. «С. О.» — Вильменъ (кончилъ вечеромъ). По утру къ Смирдину — толковали, обѣщалъ печатать. Разрывъ съ «Пчелою» — подписали о томъ условіе. Пиквикъ. Снѣгъ. Работалъ изрядно, и легче мнѣ.

31-го. Суббота. И вотъ онъ — еще годъ! Снѣгъ цѣлый день. Съ утра ранняго за работу. Письмо къ Дидероту. Была Смирдина. Былъ Яковлевъ (деньги). Мундтъ (idem). Бутаковъ (idem) — работалъ изрядно. Корректура Лизѣ (несносная). Что за жизнь! Это жизнь? Гроша она не стоитъ! Повѣсть Корфа — какъ глупо! Сидѣлъ за работой до 12 часовъ ночи.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

[1] Въ этой записи заключается горькая иронія. Н. А. очень хорошо понимаетъ, что трагикъ Каратыгинъ его безсовѣстно эксплуатируетъ — и не будучи въ силахъ защититься отъ этого назойливаго и ловкаго человѣка, онъ только самъ надъ собою посмѣивается, въ видѣ утѣшенія.

ЖАБЫНСКАЯ ВВЕДЕНСКАЯ ПУСТЫНЬ.

АБЫНСКАЯ Введенская пустынь находится въ семи верстахъ отъ города Бѣлева, на правомъ берегу рѣки Оки, по большой дорогѣ въ Лихвинъ и Калугу. Она основана старцемъ Онуфріемъ, въ 1585 году, на дворцовой землѣ, [1]) и именуется по крошечной рѣчкѣ Жабынкѣ, вытекающей изъ «Жабынца-кладезя», расположеннаго на взгорьѣ, у опушки лѣса, когда-то громаднаго, а теперь почти истребленнаго. Самый же колодезь получилъ свое наименованіе, вѣроятно, отъ влажной кругомъ его почвы, гдѣ находилось множество жабъ (лягушекъ), не смотря на то, что мѣстность эта далеко не изъ низменныхъ.

Въ 1615 году, извѣстный польскій наѣздникъ Лисовскій разорилъ Бѣлевъ и, преслѣдуемый подоспѣвшими русскими войсками, удалился къ Перемышлю. Жабынская пустынь находилась на пути слѣдованія шаекъ Лисовскаго и испытала одинаковую участь съ своимъ роднымъ городомъ, то есть, была разорена и сожжена. Памятниками бывшихъ около монастыря битвъ, могутъ служить остатки кургановъ, видимыхъ теперь на лѣвой сторонѣ дороги, идущей мимо стѣнъ монастыря на Лихвинъ, отъ котораго Перемышль находится въ 15—17 верстахъ.

---

[1]) Въ грамотѣ царя Θеодора Іоанновича 7093 (1583 г.) сказано: «Государевы Царевы и великаго князя Бѣлевскихъ дворцовыхъ селъ писцы Никита Григорьевичъ Ржевскій съ товарищи дали старцу Онуфрію жабынское городище подъ монастырь въ Карманьи»...

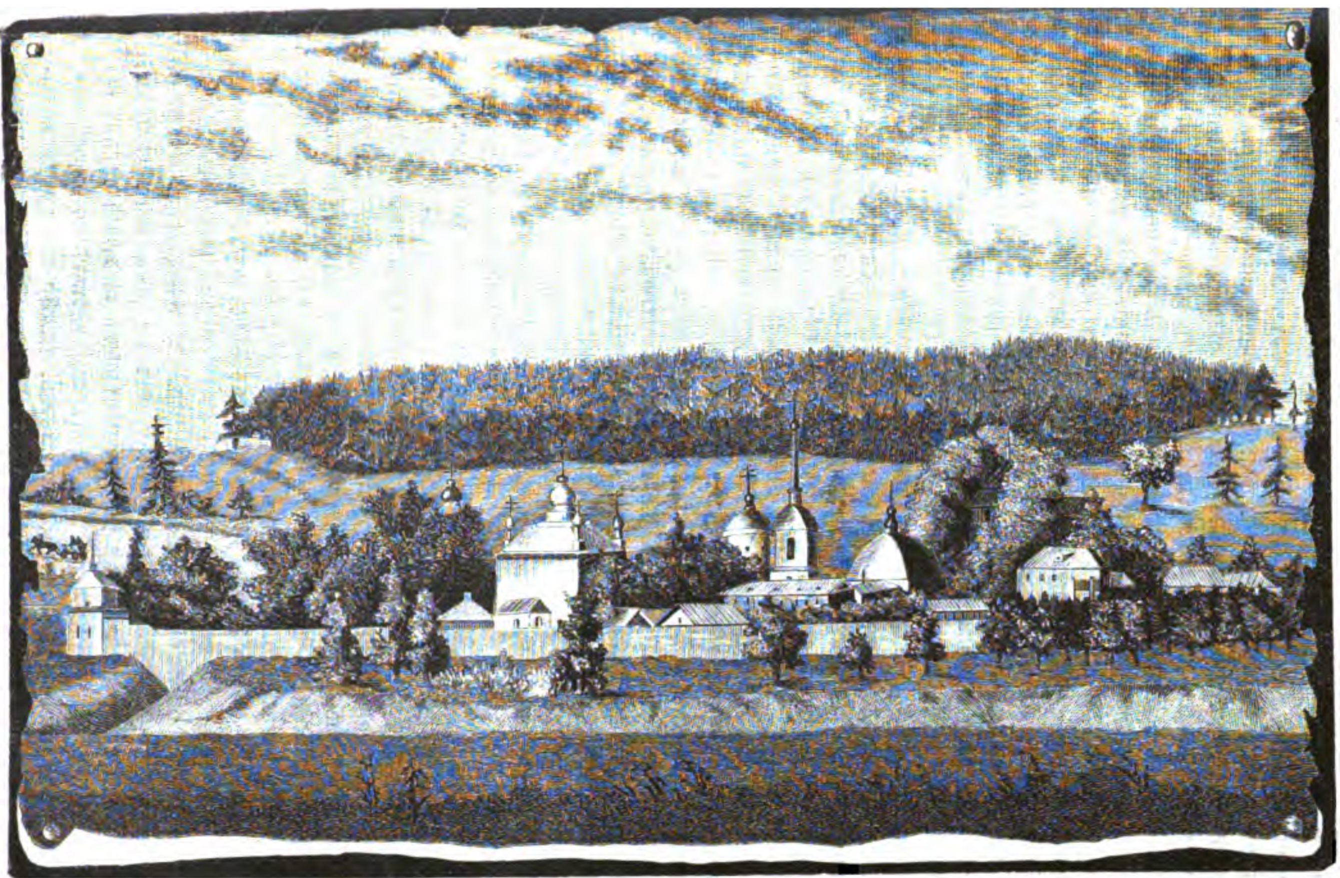
Возстановителемъ Жабынской обители, послѣ литовскаго погрома, является священноинокъ Макарій, который по святости своей жизни нетолько въ устныхъ преданіяхъ, но и въ письменныхъ памятникахъ, мѣстныхъ и общихъ, именуется «преподобнымъ отцемъ Макаріемъ, Бѣлевскимъ чудотворцемъ». Память его совершается 22-го января, а мощи св. Макарія лежатъ подъ спудомъ въ Никольской церкви, устроенной на протокѣ Жабынки, на правой сторонѣ отъ входа, гдѣ стоитъ гробница съ его изображеніемъ, въ одеждѣ схимника. Въ старинномъ синодикѣ обители записано о немъ слѣдующее извѣстіе: «Синодикъ Владычицы Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Введенія и преподобнаго отца нашего Макарія, Бѣлевскаго чудотворца, иже на Жабынцѣ кладези живщаго, и чрезъ многія лѣта въ чудесѣхъ и донынѣ сіяющаго, [1]) отъ града Бѣлева разстояніемъ яко пять поприщъ, въ терпѣніи иночески плотію страждa, мразъ, зной, во алчбѣ и жаждѣ претерпѣ, монастырь возгради, братію собра, поживе же въ терпѣніи своемъ лѣта довольна, врага человѣкоубійцу діавола подъ нозѣ свои покори, преставися въ лѣто міозданія 7131 (1623) году, погребенъ учениками своими, на своемъ отъ него созданнѣмъ монастырѣ мѣсяца Іаннуарія 22 дня. Да всякъ правовѣрный прочитавъ прибѣгаетъ къ цѣльбоносному гробу его получивъ изцѣленіе, якоже изъявися въ чудесѣхъ его». Иконы св. Макарія находятся въ четырехъ церквахъ, въ самой пустыни и въ городскихъ: Вознесенской (единовѣрческой), Покровской и въ Спасопреображенскомъ мужескомъ монастырѣ, въ которомъ вѣрующіе служатъ св. Макарію молебны; въ самой же пустыни поются надъ нимъ панихиды, почему объ одинаковомъ совершеніи угоднику Божію молебныхъ пѣснопѣній городское общество вошло съ просьбою въ Сѵнодъ.

Бѣлый причтъ духовенства, безъ всякаго сомнѣнія, существовалъ при пустыни съ ея основанія.

Къ концу XVII столѣтія обитель запустѣла вовсе. Объ этомъ событіи сохранилось краткое извѣстіе въ одномъ изъ актовъ послѣдующаго столѣтія (1707 года): «въ прошлыхъ-де годѣхъ, изволеніемъ Божіимъ, оный монастырь запустѣлъ и живущіе въ томъ монастырѣ монахи разбрелись по разнымъ обителямъ и остался того запустѣлаго монастыря у церкви токмо одинъ бѣлый попъ». Сколько времени продолжалось это запустѣніе и вслѣдствіе какихъ причинъ оно произошло, неизвѣстно; но въ 1707 году, какъ сказано въ томъ же актѣ, «по указу великаго государя царя Петра Алексѣевича, за благословеніемъ преосвященнаго митрополита Иларіона Сарскаго и Подонскаго, оный монастырь пак обновился, и начали въ

---

[1]) Надпись на синодикѣ, по общему предположенію, сдѣлалъ игуменъ Тихонъ, который о жизни св. Макарія, могъ имѣть еще свѣжее преданіе. Тихонъ умеръ въ 1739 году и похороненъ въ Спасопреобранскомъ монастырѣ.

Видъ Жабынской пустыни съ западной стороны.

(Съ рис. А. Чуфрина).

немъ вновь жить самые неимущіе монахи, числомъ всѣхъ братьевъ 23 человѣка, да трудниковъ 10 человѣкъ, и кормитца трудомъ своимъ и подаяніемъ, и государева хлѣбнаго и денежнаго жалованья не опредѣлено, токмо что отъ благолюбивыхъ людей подаянія и строенія чинять и сами питаютца». Для обновленія неимущей пустыни преосвященный Иларіонъ назначилъ бывшаго ризничаго своего архіерейскаго дома іеромонаха Тихона съ возведеніемъ его въ санъ игумена. Тихонъ вполнѣ оправдалъ довѣріе своего архипастыря и съ любовію трудился надъ обновленіемъ и украшеніемъ обители. Въ 1710 году онъ завелъ «вкладную книгу» «на строеніе каменныя церкви и на церковную утварь и на прочія монастырскія потребы, и братіи на пищу и одежду, кто что ради своего многолѣтняго здравія и душевнаго спасенія, такожде и въ блаженномъ успеніи поминовенія родителей своихъ отъ иждивенія своего пожаловалъ и то значить ниже сего».

Приношенія по книгѣ дѣлались «отъ всякаго чина людей», начиная съ самаго митрополита Сарскаго и Подонскаго Иларіона и кончая, напримѣръ, именитаго человѣка Григорія Дмитріевича Строгонова приказнымъ его человѣкомъ, который живетъ въ Бѣлевѣ, Ильею Чудиновымъ. Самыя приношенія заключались изъ ризъ, матеріи на нихъ, денегъ, хлѣбныхъ запасовъ и коней; такъ нѣкто Дмитрій Шетневъ пожертвовалъ коня гнѣда, Борисъ Сухочевъ, впослѣдствіи инокъ Боголѣпъ, коня чала въ 21 руб. и кобылицу въ 10 рублевъ съ полтиною. Обязательства жертвовать разнаго рода житомъ единовременно и впередъ на нѣсколько лѣтъ были довольно многочисленны. Всѣхъ жертвователей по «вкладной книгѣ» насчитывается 55 человѣкъ.

Благодаря пожертвованіямъ «всякаго чину людей», о. игуменъ Тихонъ въ 12 лѣтъ (1710—1722) успѣлъ возобновить ввѣренную ему обитель по всѣмъ частямъ, такъ что къ концу его управленія въ ней было три храма: два деревянныхъ, впослѣдствіи времени замѣненныхъ каменными, и одинъ каменный, существующій и понынѣ. Но одного обновленія зданій было недостаточно для утвержденія обители, которую игуменъ Тихонъ, по справедливости, именовалъ въ книгѣ «неимущею»: она не имѣла ни жалованья государева, ни земель, ни крестьянъ.

Собственно по этой причинѣ, заботливый игуменъ, при самомъ назначеніи своемъ въ Жабынь, испросилъ у покровительствовавшаго ему митрополита Иларіона дозволеніе перенести въ пустынь чудотворный образъ Знаменія Божіей Матери изъ села Оверска (Перемышльскаго уѣзда) для того, чтобы обитель могла имѣть содержаніе отъ подаяній усердствующихъ къ святынѣ богомольцевъ. Перенесеніе иконы породило, разумѣется, тяжбу между монастыремъ съ одной, и священно-служителями и прихожанами съ другой стороны; но заботливый игуменъ просилъ преемника митрополита

Иларіона, епископа Θеодосія, утвердить распоряженіе своего предмѣстника на будущее время нерушимо своею архіерейскою грамотою. Вотъ содержаніе—вторая половина грамоты Θеодосія, присланной о. Тихону, въ 1711 году, по этому дѣлу.

... «И азъ Божіею милостію преосвященный Θеодосій епископъ Сарскій и Подонскій, слушавъ прежняго брата нашего преосвященнаго Иларіона митрополита указу и Макаріевы пустыни, что на кладезѣ Жабынцѣ, игумена Тихона съ братіею челобитіи указалъ: тому чудотворному образу Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Знаменія быть въ одной Макаріевской Жабынской пустыни неотъемлемо попрежнему. А села Озерска попомъ съ причетники и съ прихожаны указать отказать, для того, что такому чудотворному образу достойно быть въ монастырѣ общаго житія монашескаго, а не въ приходской церкви. Понеже попы и причетники церковныя подаяніе и имѣніе похищаютъ себѣ, которое отъ благочестивыхъ христіанъ приносится въ даръ Самому Богу, и въ честь Божіей Матери, и во украшеніе церкве Божія и во иныя церковныя нужныя потребы, въ чемъ они попы съ причетники корысть себѣ получали, и церкви Божіей обиду чинили, и во ономъ они смертно грѣшили. И сего убо ради дадеся имъ игумену Тихону съ братіею сія наша благословенная грамота рукою нашею подписанная и печатію запечатанная впредь для челобитья и спору села Озерска поповъ съ причетники и прихожаны. Писася на Крутицахъ, лѣта Господня 1711 года, маія въ 15 день».

Но тѣмъ не ограничились еще заботы о. Тихона о матеріальныхъ средствахъ обители: по просьбѣ его, въ 1717 году, была учреждена въ Жабыни недѣльная Ильинская ярмарка, на которой, въ видѣ льготы, дозволено пріѣзжающимъ торговать три года безпошлинно. Бѣлевъ принадлежалъ тогда къ Кіевской губерніи (отъ Кіева городъ отстоитъ 600 верстъ) и потому кіевскій ланґратъ Кафтыревъ прислалъ бѣлевскимъ земскимъ «бурмистромъ» «объявительный о семъ листъ». Затѣмъ, игуменъ Тихонъ началъ хлопотать въ вотчинной коллегіи объ отводѣ для обители четвертей пашни изъ прилегающихъ къ ней деревень.

Но вскорѣ игуменъ Тихонъ былъ назначенъ настоятелемъ Бѣлевскаго Спасопреображенскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, а вслѣдъ затѣмъ, въ мартѣ 1723 г., согласно распоряженію Петра Великаго объ упраздненіи малобратныхъ монастырей, было велѣно Жабынскую пустынь приписать къ Бѣлевскому Спасопреображенскому монастырю, со всѣмъ, что въ ней есть. Къ монастырю же приписана была тогда и извѣстная теперь Козельская Введенская Оптина пустынь, возстановленная впослѣдствіи, по просьбѣ козельскаго воеводы Ардашева съ товарищами.

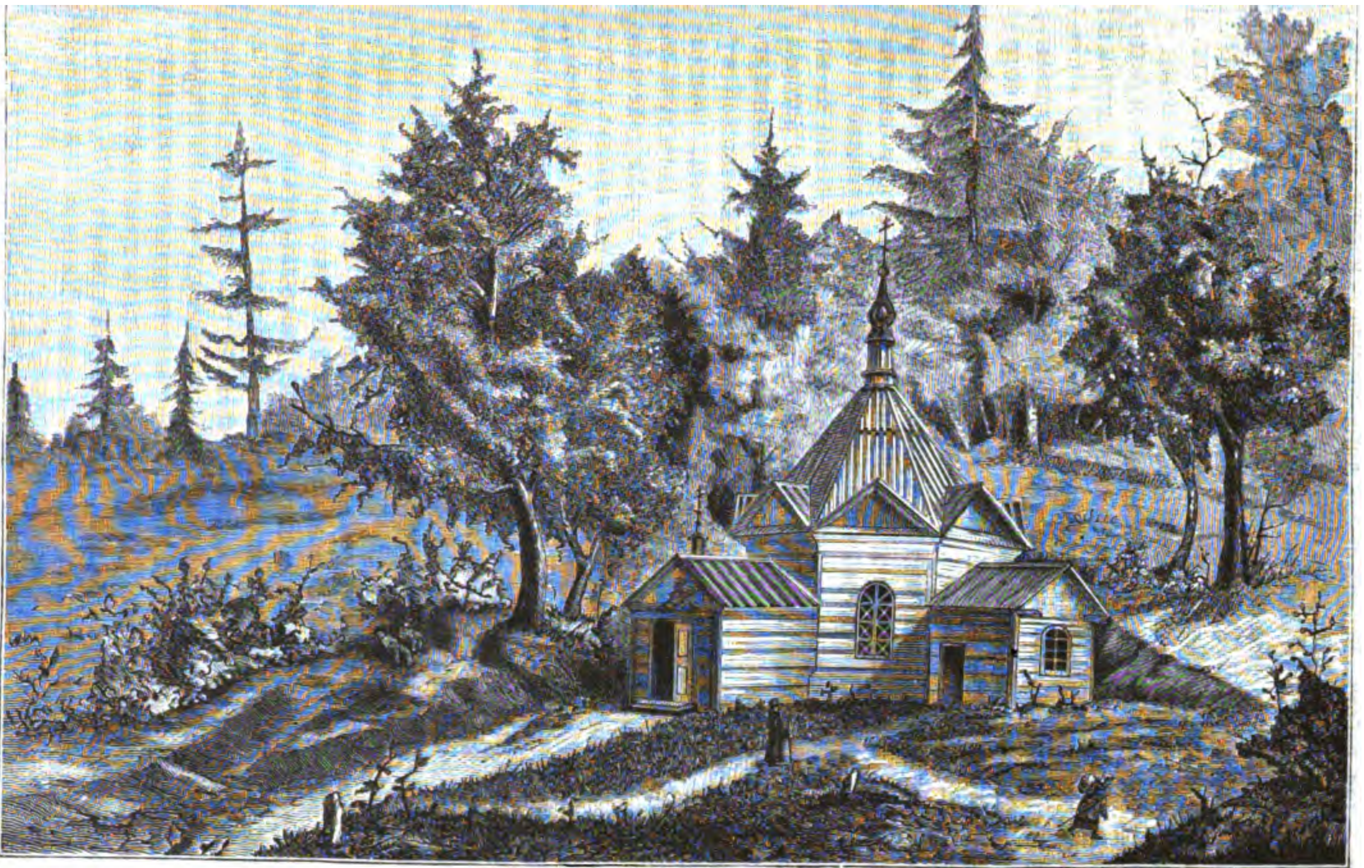
Впрочемъ, есть поводъ думать, что Жабынская пустынь, уничтоженная юридически, фактически все-таки существовала еще цѣ-

лыя 40 лѣтъ, до утвержденія новыхъ духовныхъ штатовъ (1764 г.), вслѣдствіе которыхъ она сдѣлалась опять самостоятельною. Пустынь за это время управлялась намѣстниками, назначаемыми отъ Спасопреображенскаго монастыря. Доказательствомъ тому можетъ служить «вкладная книга» обители, гдѣ сказано: «въ 1734 году послѣ стольника Андрея Юшкова, по обѣщанію мужа и по своему, для дѣтей своихъ богомолія, а по мужѣ своемъ и по себѣ и прочихъ родителей въ вѣчное поминовеніе, во оную пустынь на царскія двери и на иконостасъ на позолоту десять рублевъ денегъ»; подъ этою статьею росписались: «архимандритъ Тихонъ и намѣстникъ іеромонахъ Макарій». Монастырская церковь, числившаяся приходскою, въ 1736 году, во время межеванія, надѣлена землею изъ помѣстныхъ земель владѣльца деревень Волотковой и Горбуновой преміеръ-маіора Возницына, къ которому обѣ деревни перешли отъ Мавры Карабиной. Крестьяне Возницына состояли приходомъ къ жабынской церкви и потому бѣлевскій воевода Быковъ ѣздилъ къ Возницыну для отмежеванія изъ его деревень «десяти четвертей въ полѣ, и въ дву потомужъ, съ лѣсы и съ дубровы и съ сѣнными покосы, и со всякими угодьи»; что все и значится въ современномъ актѣ [1]). Актъ этотъ говоритъ: «По указу ея императорскаго величества, изъ государственной вотчинной коллегіи, по челобитью Бѣлевскаго уѣзду, Погорѣльскаго стану, церкви Введенія Пресвятыя Богородицы попа Григорія Петрова, капитанъ и бѣлевскій воевода Иванъ Ильинъ сынъ Быковъ ѣздилъ въ Бѣлевскій уѣздъ, въ Погорѣльскій станъ въ недвижимое имѣніе Александра Артемьева сына Возницына въ деревни Волоткову и Горбунову»...

Упомянутый въ актѣ попъ Григорій Петровъ, исходатайствовавшій жабынскому бѣлому причту землю, которою пользуется теперь монастырь, заслуживаетъ того, чтобы разсказать о немъ подробнѣе, основываясь на подлинномъ дѣлѣ архива пустыни, значащемся по описи подъ № 37 и озаглавленномъ: «Представленіе и указъ 1744 г. и прочее о жабынскомъ попѣ Григоріѣ Петровѣ».

Дѣло Григорія Петрова началось изъ-за пустяковъ, столь обыкновенныхъ во время крѣпостного права въ прошломъ столѣтіи. Повѣнчалъ попъ Григорій въ жабынской церкви, въ октябрѣ 1744 г., 15-тилѣтняго парня деревни Горбуновой, вотчины помѣщика Ивана Антоновича Черкасова, Козьму Лукьянова, на крестьянской дѣвкѣ той же деревни и вотчины Аннѣ Григорьевой. Молодая женщина, какъ видно, нужна была семьѣ для господскаго «тягла», иначе ска-

[1]) Отъ Возницына деревни Волотково и Горбуново перешли во владѣніе Ивана Антоновича Черкасова, возведеннаго императрицею Анною Іоанновною въ 1745 г. въ баронское достоинство, въ періодъ времени между донесеніемъ духовной канцеляріи и донесеніемъ архимандрита Герасима. Обѣ деревни принадлежатъ и теперь потомкамъ Черкасова.

Видъ Жабынца-кладезя.

(По рис. А. Чуфрина).

вать—для работъ. Вскорѣ послѣ того, именно 5 ноября, попъ Григорій прибилъ іеромонаха Спасопреображенскаго монастыря Серафима. Послѣдній подалъ въ Бѣлевскую духовную канцелярію жалобу на попа за нанесенные побои. Когда канцелярія стала вызывать попа Григорія для дачи объясненія по этому дѣлу, то онъ не явился на вызовъ ея, а явись попъ въ канцелярію, можетъ быть, дѣло съ Серафимомъ уладилось бы миромъ. Въ монастырѣ, между тѣмъ, зорко слѣдили за дѣйствіями попа Григорія, какъ это можно заключить изъ оставшейся замѣтки какого-то приказнаго крюка (вѣроятно, повытчика канцеляріи) на черновомъ донесеніи о повѣнчаніи попомъ 15-тилѣтняго парня. На донесеніи этомъ, сложенномъ вчетверо и, повидимому, долго носимомъ въ карманѣ, осталась надпись такого рода: «Къ донесенію на жабынскаго попа протопопъ [1]) не подписывается. Какъ соизволите»? Съ другой оборотной стороны значится тою же рукою: «зде денегъ указныхъ 79 р. 31 к., да 6 р. назначается вашему преподобію на дорогу церковныхъ книгъ». По употребленію титула «преподобіе» можно догадываться, что черновое донесеніе посылалось для прочтенія къ монаху. А монахомъ, желавшимъ низверженія бѣлаго попа Григорія, могъ быть никто другой, какъ начальникъ Спасопреображенскаго монастыря архимандритъ Герасимъ, которому по Жабынской пустыни могъ чѣмъ-нибудь насолить Григорій, человѣкъ, повидимому, упорный, съ характеромъ, что и погубило его. Вотъ тутъ-то и понадобилось вліяніе о. Герасима на протопопа, чтобы донесеніе о незаконномъ бракѣ пошло въ ходъ. Впрочемъ, о. Герасимъ, какъ увидимъ ниже, преслѣдовалъ попа Григорія и по его низложеніи, когда онъ былъ, какъ говорится, уже «разстригою»: въ этомъ усматривается чисто личная непріязнь.

Донесеніе Бѣлевской духовной канцеляріи о повѣнчаніи попомъ Григоріемъ малолѣтнаго Козьмы Лукьянова пошло къ преосвященному Платону, архіепископу Сарскому и Подонскому. Владыка былъ крутой и строгій; замѣчая въ священно-церковно-служителяхъ своей епархіи наклонность къ пьянству и, вообще, нравственную распущенность, Платонъ составилъ для обузданія его строгую «инструкцію» и разослалъ по духовнымъ канцеляріямъ. Вслѣдствіе доношенія протопопа, указомъ отъ 26-го ноября за № 1017, консисторія предписала архимандриту Герасиму «съ товарищи» выслать попа Григорія въ консисторію, по касающемуся до него дѣлу за карауломъ, на его коштъ, въ указный по генеральному регламенту срокъ; а какіе отъ него, Петрова, происходили противности и непорядочные поступки, о томъ, справясь въ правленіи по дѣламъ, объявить въ письменномъ донесеніи именно. Капралу Ѳомѣ Дани-

---

[1]) Бѣлевскими протопопами, въ прошломъ столѣтіи, были преимущественно священники здѣшней Богородицерождественской (Стефановской) церкви.

лову поручено было, 20-го декабря, ѣхать въ Жабынь и, взявъ попа Григорія, привезти его въ правленіе. Капралъ не нашелъ попа дома, а домашніе объявили ему, что попъ уѣхалъ въ Москву. Для поимки попа Григорія были вторично отправлены монастырскіе служители Петръ Костроминъ и Петръ Мочалкинъ, но и они возвратились ни съ чѣмъ. Наконецъ, въ третью ужъ поѣздку, 24-го января, Костромину съ товарищами удалось схватить попа Григорія и представить въ правленіе. Петрову сковали цѣпью руки и посадили его въ сторожку. Но на другой день оказалось, что попъ Григорій разбилъ на рукахъ цѣпь и убѣжалъ сквозь проломанную имъ крышу сторожки. Видно, жабынскій попъ имѣлъ атлетическое сложеніе и владѣлъ хорошею силою. Но какъ бы то ни было, правленіе и монастырь, общими силами, успѣли гдѣ-то схватить попа Григорія и представить въ канцелярію. По разсмотрѣніи всѣхъ винъ попа Григорія, духовная канцелярія постановила слѣдующее рѣшеніе:

«Означенному попу Григорію за его безчинство и за выписанныя отъ посылокъ укрывательства и за побѣгъ изъ-подъ караула, при собраніи священно-и-церковно-служителей, учинить наказаніе: бить плетьми нещадно, для того, что въ данной отъ его преосвященства инструкціи во 2 пунктѣ написано: ежели изъ градскихъ и уѣздныхъ священно-и-церковно-служителей за кѣмъ усмотритца какая непристойность или пьянство и другія непотребности, или же въ чемъ противитца, тѣхъ по увѣщаніи и по важности вины наказывать при собраніи священно-и-церковно-служителей плетьми. Того ради онаго попа и наказать, дабы впредь другимъ такъ чинить было не повадно».

Согласно опредѣленію канцеляріи, попъ Григорій былъ наказанъ плетьми 25-го января въ присутствіи восемнадцати другихъ сельскихъ поповъ.

На другой день, 26-го января, жестоко наказанный плетьми попъ отправленъ былъ за карауломъ, на его коштъ, въ Москву въ консисторію преосвященнаго Платона. Въ консисторіи попъ пробылъ до 20-го августа. Что Григорій въ Москвѣ дѣлалъ и пришлось ли ему опять попробовать плетей, неизвѣстно.

Кромѣ тѣлеснаго наказанія, расходовъ и пребыванія подъ «началомъ» попъ Григорій потерпѣлъ другое наказаніе, гораздо чувствительнѣйшее: онъ былъ лишенъ права священства, въ чемъ отъ консисторіи получилъ паспортъ, давшій ему право отправляться «во всѣ четыре стороны». На свободное же мѣсто въ Жабыни, для отправленія требъ, поступилъ священникъ села Сныхова, Гаврило Григорьевъ.

Село Сныхово расположено на лѣвомъ берегу Оки, какъ разъ напротивъ Жабыни. Вслѣдствіе, разумѣется, горя и семейной нужды (у Григорія были дѣти), лишенному права попу пришлось

бродяжничать по окрестнымъ селеніямъ и предаваться пьянству, а можетъ быть, и думать объ отмщеніи виновнику всѣхъ своихъ бѣдъ, о. Герасиму. Послѣдній, какъ видно, сильно боялся своей несчастной жертвы и, желая удалить изъ Жабыни бывшаго попа Григорія, писалъ въ дополненіи, 24-го августа, къ архіепископу Платону:

«...По пріѣздѣ своемъ въ домъ, означенный попъ сталъ чинить великіе непорядки: напивается всегда пьянъ безмѣрно и напившись ходитъ въ отчину дѣйствительнаго статскаго совѣтника барона Ивана Антоновича Черкасова, въ деревни Болотново и Горбуново, и возмущаетъ крестьянъ, чтобы на меня писать къ оному господину Черкасову челобитную, умысля якобы въ порубкѣ въ оной пустыни рощи—напрасно и небезъизвѣстно, что потому его возмущенію оное представленіе показанныхъ дровъ, крестьяне къ тому господину своему уже и готовятъ; да къ томужъ незнаемо за что порицаетъ меня, именованнаго, всегда всякими непотребными словами. А понеже означенной рощи я рубить никому не приказывалъ, точію онъ попъ наглостію своею той пустыни рощи обрубилъ не малое число и построилъ на томъ мѣстѣ дворъ свой».

Былъ ли удаленъ, по этому донесенію о. Герасима, Григорій Петровъ изъ Жабыни, изъ дѣла не видно, какъ неизвѣстно и то, гдѣ и какимъ образомъ бывшій попъ окончилъ послѣдніе дни своей печальной жизни...

Для характиристики о. Герасима, погубившаго попа Григорія, мы имѣемъ еще одно доказательство его жестокости, выходившей за предѣлы положеннаго. Покойный монахъ Бѣлевскаго Спасопреображенскаго монастыря Пименъ (садовникъ), жившій въ монастырѣ около 48 лѣтъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ прошеніе двухъ іеромонаховъ къ преосвященному Сарскому и Подонскому о томъ, что о. Герасимъ наказалъ ихъ плетьми въ самый день совершенія ими обоими божественной литургіи. Монахи жалуются преосвященному на о. Герасима не за то, что онъ наказалъ ихъ, но за то, что наказалъ именно въ день священнодѣйствія. Прошеніе это, найденное въ архивѣ, покойный Пименъ показывалъ одному нашему знакомому.

Жабынская пустынь имѣетъ постояннаго дохода со всѣхъ хозяйственныхъ статей болѣе 1,000 рублей, включая въ это число и проценты съ 9 тысячнаго капитала, хранящагося въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Монахи пустыни и послушники (человѣкъ 25) сами занимаются земледѣліемъ и огородничествомъ. По цѣлебности воды въ «Жабынцѣ-кладезѣ», чистотѣ воздуха и близости еловой рощи, Жабынь, въ лѣтнее время, служитъ обыкновенно мѣстомъ постояннаго жительства больныхъ, страдающихъ грудными болѣзнями. Но не одни больные, а вмѣстѣ съ ними и здоровые, любящіе сельскую природу и имѣющіе лишнія средства, перебираются на лѣто Жа-

бынь и живутъ тамъ до осени. Монастырскія постройки улучшены предпослѣднимъ строителемъ пустыни Іоною, живущимъ теперь въ обители на покоѣ.

Къ Жабынскому приходу приписаны деревни Кураково, Боровна, Карманье, Горбуново и село Волотново, всего до 1,000 душъ мужскаго пола. Главный доходъ причта получается отъ исполненія требъ, такъ какъ отведенная ему земля, на берегу Оки, почти не окупаетъ труда: она слишкомъ песчана.

П. Мартыновъ.

КАРРИКАТУРА М. П. МУСОРГСКАГО.

Ъ АЛЬБОМѢ покойнаго артиста русской оперы, Петра Ивановича Гумбина, сохранилась прилагаемая каррикатура, изображающая двѣ извѣстныя въ музыкальномъ мірѣ личности: Даргомыжскаго и Сѣрова. По словамъ свояченицы П. И. Гумбина, Анны Никитичны Тушинской, которой принадлежитъ теперь эта каррикатура, рисунокъ ея сдѣланъ былъ, въ домѣ Гумбиныхъ, покойнымъ Мусоргскимъ.

Талантливый композиторъ и музыкантъ, М. П. Мусоргскій, обладалъ, кромѣ того, многими качествами, дѣлавшими его незамѣнимымъ человѣкомъ въ обществѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ, молодымъ, только-что окончившимъ курсъ, юношей, я любилъ бывать у Кокушкина моста, въ домѣ Куманиной, гдѣ въ квартирѣ Гумбиныхъ, зачастую, собирался почти весь составъ русской оперы и большинство лицъ, такъ или иначе, причастныхъ къ музыкальному міру. Пріятно мнѣ было видѣть артистовъ не со сцены, а въ дружеской компаніи; слышать ихъ вблизи, а не съ театральныхъ подмостковъ. Нечего и говорить, что такой искусный акомпаніаторъ, какъ Мусоргскій, былъ всегда дорогимъ гостемъ среди пѣвцовъ; но далеко не всегда онъ ограничивался скромною ролью акомпаніатора. Не говоря уже про то, что его искусная игра не могла не доставлять удовольствія слушателямъ, онъ умѣлъ, когда хотѣлъ, доводить ею до смѣха всѣхъ присутствовавшихъ. У меня остался въ памяти одинъ такой комическій концертъ. Мусоргскій былъ особенно въ духѣ и весь вечеръ не отходилъ отъ рояля. Чего только тутъ не было? То какая-нибудь общеизвѣстная арія игралась съ такимъ измѣненіемъ темпа и такта, что безъ смѣху ее нельзя было слушать, то обѣ руки артиста исполняли разныя пьесы: лѣвая — Lieber Augustin, а правая вальсъ изъ Фауста. Далѣе попури изъ разныхъ веселенькихъ полекъ и вальсовъ, торжественныхъ гимновъ, похоронныхъ маршей, органной музыки и т. п., и во всемъ

этомъ, то въ басу, то въ дисканту, неотлучно слышались лихіе звуки Камаринской, всегда строго согласованные съ настроеніемъ пьесы, въ составъ которой они вторгались.

Настала очередь и вокальной части концерта. Сначала шло подражаніе пѣвицамъ итальянской оперы и какъ оно не странно, а высокая фистула Мусоргскаго, выводившая «Adio del pisati» — напоминала незабвенную Бозіо. Вдругъ арія сопрано прервалась и совершенно неожиданно раздался басъ Петрова, исполнявшаго, усиленно въ носъ, свою послѣднюю арію изъ «Жизни за царя». Услыша ее, Осипъ Аѳанасьевичъ, игравшій въ преферансъ въ сосѣдней комнатѣ, бросилъ карты и прибѣжалъ въ зало, говоря съ добродушной улыбкой, что онъ долженъ проучить мальчишку, позволяющаго себѣ передразнивать стариковъ. Много было смѣху. Такъ, кажется, недавно все это было, а сколькихъ уже нѣтъ на свѣтѣ!...

В. У.

ШУТЫ И СКОМОРОХИ ВЪ ДРЕВНОСТИ И ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ [1]).

V.

Оффиціальные шуты при дворѣ французскихъ королей (продолженіе).—Сударь-Гильомъ.—Николай Жубэръ; Марэ; Жанъ Дусэ; Л'Анжели.—Послѣдніе придворные шуты.—Шутовство во времена Директоріи.

РЕЕМНИКОМЪ Шико при дворѣ Генриха IV, былъ настоящій шутъ, ограниченный и простоватый, но забавный и веселый; онъ напоминалъ своего предшественника развѣ только тѣмъ, что былъ ярымъ приверженцемъ Лиги и питалъ величайшее отвращеніе къ протестантизму. Первоначально онъ былъ аптекаремъ въ городѣ Лувье и назывался Гильомъ Маршалъ или Ле-Маршалъ. Во время взятія Лувье войсками Генриха IV, въ 1591 году, Гильомъ былъ раненъ алебардой въ голову и это повліяло на его умственныя способности. Вскорѣ послѣ того мы уже видимъ его шутомъ на службѣ при дворѣ кардинала де-Бурбонъ, второго сына принца Лудовика де-Кондѐ.

Со службы кардинала, «Сударь-Гильомъ», какъ его называли, перешелъ на службу къ Генриху IV и сталъ потѣшать его своимъ немудренымъ остроуміемъ. Оно, повидимому, имѣло много общаго съ тою обыденною мужицкою простотою, о которой сложилась въ народѣ пословица, что эта «простота хуже воровства». Отличительною чертою остроумія Гильома была извѣстнаго рода спохватливость и

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 453.

смѣтка, которая всегда давала ему возможность ловко выпутываться изъ затруднительныхъ положеній и находить удачные отвѣты на самые мудреные вопросы. Въ этомъ смыслѣ любопытенъ сохранившійся намъ споръ Гильома съ кардиналомъ Дю-Перрономъ.

«Сударь-Гильомъ» въ одинъ прекрасный день вздумалъ какъ то въ шутку похвастаться древностью своего рода и увѣрялъ будто онъ еще во времена потопа находился вмѣстѣ съ Ноемъ, его женою и дѣтьми, въ ковчегѣ.

— Экую нелѣпость выдумалъ!—возразилъ ему кардиналъ.—Ты позабылъ, что въ ковчегѣ было всего восемь человѣкъ: Ной, его жена, трое сыновей Ноевыхъ и ихъ три жены! Вѣдь ты, конечно, не былъ Ноемъ?

— Конечно, нѣтъ!—отвѣчалъ шутъ.

— Не былъ и женою Ноя?

— Не думаю...

— Не былъ, конечно, и ни однимъ изъ сыновей Ноевыхъ?

— Само собою—нѣтъ.

— Такъ, можетъ быть, ты былъ женою одного изъ этихъ сыновей?

— Я бы это помнилъ, если бы это было...

— Ну, такъ значитъ ты не былъ въ ковчегѣ Ноевомъ, или, если ты былъ тамъ, то въ числѣ скотовъ, потому что, кромѣ восьми человѣкъ, въ ковчегѣ находились одни безсловесныя животныя.

«Сударь-Гильомъ» былъ нѣсколько озадаченъ логическимъ выводомъ кардинала Дю-Перрона, но, пораскинувъ умомъ, сообразилъ и сказалъ своему неумолимому критику:

— Позвольте, да вѣдь въ «Библіи»-то упомянуты только одни господа, а когда говорятъ о господахъ, то случается, что о слугахъ и вовсе не упоминаютъ: а я вотъ именно въ числѣ слугъ-то Ноевыхъ и находился въ ковчегѣ!

Есть основаніе думать, что «Сударь-Гильомъ» пользовался въ свое время нѣкоторою популярностью, потому что отъ его времени сохранилось 72 небольшія брошюрки, заключающія въ себѣ шутовскіе діалоги и насмѣшливыя стихотворенія, направленныя противъ современныхъ богачей и знати, и всѣ эти брошюрки или приписаны ему, или украшены его именемъ. Даже Рейнье (одна изъ крупныхъ литературныхъ извѣстностей того времени) напечаталъ подъ именемъ этого популярнаго шута свою 14-ю сатиру. Рядомъ съ Гильомомъ, видимъ при дворахъ Генриха IV и Людовика XIII другихъ шутовъ — Николая Жубэра, Марэ и Жана Дусэ. Первый изъ нихъ былъ одновременно и придворнымъ шутомъ, и предсѣдателемъ того веселаго «общества глупцовъ», которое образовалось въ Парижѣ, въ началѣ XVII вѣка, для представленія на публичной сценѣ разныхъ смѣхотворныхъ пьесъ и площадныхъ комедій (sotties). Это братство нерѣдко соединялось для своихъ представленій

съ кружкомъ клерковъ Базоши или главнаго Парижскаго суда, и эти представленія нерѣдко превращались въ совершенныя сатурналіи. Жубэръ особенно прославился своими комическими тяжбами противъ «братства страстей Господнихъ», которое, одновременно съ клерками Базоши и съ «обществомъ глупцовъ», давало театральныя представленія религіозно-нравственнаго содержанія въ Бургонскомъ отелѣ (Hôtel de Bourgogne). Тяжбы эти восходили на разрѣшеніе самого парламента, и члены парламента, участвовавшіе въ засѣданіи, не могли удержаться отъ смѣха, читая жалобы Жубэра и разрѣшая дѣла въ его пользу.

Не такъ успѣшны были его попытки обратить на себя вниманіе парижской толпы и добиться популярности. Современный хронистъ разсказываетъ намъ, что, въ четвергъ, 22-го января 1604 года, въ то время, какъ король Генрихъ IV выходилъ изъ Лувра, вмѣстѣ съ духовникомъ своимъ, отцомъ Коттономъ[1]). Жубэръ, завидѣвъ ихъ, снялъ колпакъ и закричалъ во все горло: «Да здравствуютъ король, и отецъ Коттонъ!» Но одинъ изъ дворянъ, сопровождавшихъ короля, тотчасъ же отпустилъ ему здоровый ударъ палкою, чтобы научить его относиться съ большимъ уваженіемъ къ королевскому величеству.

При наслѣдникѣ Генриха IV, Людовикѣ XIII, положеніе всѣхъ шутовъ быстро измѣнилось къ лучшему, такъ какъ этотъ король, истощенный варварскимъ лѣченіемъ современныхъ докторовъ[2]), страдалъ жестокими припадками меланхоліи и до такой степени нуждался въ развлеченіяхъ и забавахъ, что допускалъ шутовъ и скомороховъ даже на аудіенціи, которыя давалъ своимъ министрамъ. Сюлли не могъ съ этимъ примириться, и однажды сказалъ юному королю:

— Государь, когда король, отецъ вашъ, блаженной памяти, дѣлалъ мнѣ честь — совѣщался со мною о государственныхъ дѣлахъ, онъ начиналъ всегда съ того, что приказывалъ удаляться изъ комнаты шутамъ и скоморохамъ.

Вмѣстѣ съ Гильомомъ и Жубэромъ, при дворѣ Людовика XIII является еще одинъ довольно забавный шутъ — Марэ. Современный хронистъ разсказываетъ слѣдующее объ одной изъ его шутовскихъ выходокъ, особенно разсмѣшившихъ короля:

«Людовикъ XIII, прискучивъ безпорядочною жизнью двоихъ

---

[1]) Пьерръ Коттонъ, іезуитъ, былъ проведенъ ко двору маршаломъ де-Ледисіеръ. Король, повидимому, позабывши, что іезуиты нѣкогда подсылали къ нему убійцу, принялъ Коттона ласково и сдѣлалъ своимъ духовникомъ. Впослѣдствіи, ловкій ученикъ Лойолы добился того, что король разрѣшилъ ордену іезуитовъ, изгнанному въ 1594 г., возвратиться во Францію.

[2]) Въ теченіе одного года, его лейбъ-медикъ, Буваръ, сорокъ семь разъ пускалъ ему кровь, двѣсти двѣнадцать разъ давалъ ему слабительное, и двѣсти пятнадцать разъ поставилъ ему промывательное!

музыкантовъ своего придворнаго хора, приказалъ ихъ наказать тѣмъ, чтобы, впредь до исправленія, имъ выдавалось неполное, а только половинное содержаніе. Марэ, узнавъ объ этомъ, выручилъ бѣдняковъ изъ бѣды. Онъ провелъ ихъ съ собою во дворецъ къ утреннему пріему короля, и въ то время, какъ король еще занятъ былъ своимъ туалетомъ, научилъ ихъ—поплясать передъ его величествомъ въ маскахъ и очень курьезныхъ костюмахъ; на одномъ изъ музыкантовъ было только исподнее платье, и не было верхняго, а на другомъ только верхнее и не было исподняго».

— Что это значитъ?—спросилъ озадаченный король.

— Ваше величество!—отвѣчали опальные музыканты,—кто получаетъ половинное жалованье, тотъ можетъ быть и одѣтъ только въ половину.

Король разсмѣялся, и смѣнилъ гнѣвъ на милость.

Иногда положеніе шута Марэ при Людовикѣ XIII становилось затруднительнымъ: приходилось волей-неволей смѣяться надъ сильными міра, съ которыми шутки были опасны. Такъ, однажды, король приказалъ Марэ передразнить д'Эпернона (герцога и пэра Франціи, адмирала, губернатора Меца и т. д.) въ присутствіи этого сановника.

— Покажи намъ, каковъ онъ бываетъ, когда сердитъ и боленъ.

Шутъ повиновался, и голосомъ д'Эпернона крикнулъ:

— Эй, вы! — кто тамъ есть, — позвать сюда сейчасъ же моего шута Блэза!

— Ваша свѣтлость, никакъ это невозможно...

— Какъ невозможно!—для особы въ моемъ положеніи все возможно!

— Ваша свѣтлость, онъ умеръ два мѣсяца тому назадъ.

— Ну, все равно!—все-таки скажите, чтобы ко мнѣ явился.

Г. д'Эпернонъ, присутствуя при этой сценѣ, смѣялся вмѣстѣ съ другими, изъ приличія; но когда король вышелъ изъ комнаты, Марэ поспѣшилъ передъ нимъ извиниться.

— Ничего, ничего, — сказалъ ему герцогъ,—вы шутъ какихъ мало.

Но если д'Эпернонъ могъ относиться къ Марэ съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, то суровый кардиналъ Ришельё, никому и никогда ничего не спускавшій, отнесся къ шуту иначе. Прійдя какъ-то къ королю, Ришельё засталъ его за очень серьезнымъ дѣломъ — онъ брилъ бороду своему шуту Марэ. А такъ какъ онъ это дѣлалъ очень неискусно и неловко, то Марэ сердился и переносилъ эту операцію съ большимъ неудовольствіемъ. Когда же, окончивъ бритье, король потребовалъ у шута обычной за бритье платы, то шутъ далъ ему разною мелочью пятнадцать су.

— Этого мало,—замѣтилъ ему Людовикъ XIII.

— Въ другой разъ, когда лучше будете брить, дамъ и тридцать,—отвѣчалъ шутъ съ досады...

Отвѣтъ шута не понравился кардиналу — онъ нашелъ его не почтительнымъ и приказалъ шуту удалиться отъ двора.

Упоминаютъ еще и о четвертомъ шутѣ Людовика XIII—о нѣкоемъ Жанѣ Дусэ. Король самъ его выискалъ. Случайно проѣзжая черезъ какую-то деревню около С.-Жермена, онъ подозвалъ къ себѣ мужика и заговорилъ съ нимъ. Мужикъ объяснялся съ нимъ не стѣсняясь и на всѣ вопросы его отвѣчалъ открыто и смѣло. Въ заключеніе бесѣды, онъ сказалъ королю:

— А что, сударь, хлѣбà-то тамъ у васъ такіе-же славные, какъ у насъ здѣсь! Или похуже будутъ?

Королю это такъ понравилось, что онъ посадилъ его съ собою въ экипажъ и привезъ въ С.-Жерменъ. Тамъ король заставилъ его съ собою играть въ «камешки» (pierette) [1]), и выигралъ съ него десять су, чѣмъ и привелъ Дусэ въ величайшее неудольствіе. За то король былъ такъ доволенъ своимъ выигрышемъ, что нарочно поѣхалъ къ кардиналу и показалъ ему выигранныя деньги. Дусэ былъ оставленъ при дворѣ въ качествѣ шута; ему даже сшили какой-то яркій балахонъ, въ родѣ женскаго платья, вмѣсто обычной шутовской одежды. Судя по нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ разсказамъ о Дусэ, онъ былъ, вѣроятно, не такъ глупъ и не такъ простъ, какъ о немъ многіе думали. Такъ, напр., однажды, получивъ отъ короля въ подарокъ двадцать червонцевъ, онъ поспѣшилъ ихъ спрятать въ свой кошелекъ, и, похлопывая по карману, сказалъ:

— Небось, сами знаете, сударь, что они отъ меня къ вамъ опять вернутся! Вѣдь кто же, какъ не вы, назначаетъ налоги и сбираетъ ихъ съ нашего брата, бѣдняка!

Послѣднимъ оффиціальнымъ шутомъ при французскихъ короляхъ былъ знаменитый въ свое время Л'Анжели; о немъ самъ Буалò вспоминаетъ въ своей первой сатирѣ (стихъ 109 и слѣд.), которая была имъ написана въ 1660 году. Надо полагать, что около этого времени онъ, вѣроятно, и пользовался наибольшею извѣстностью при дворѣ. Л'Анжели былъ сыномъ придворнаго портного и крестникомъ конюшаго, служившаго у принца де-Кондэ. Вѣроятно, черезъ посредство этого крестнаго отца, Л'Анжели и попалъ на службу въ тотъ же домъ. Герцогъ Энгіенскій (впослѣдствіи «великій Кондэ») увезъ его съ собою въ походъ, въ 1643 году, и приблизивши его къ себѣ, убѣдился, что онъ малый умный и смѣтливый; тогда онъ принялъ Л'Анжели въ свой домъ въ качествѣ шута. И только уже по окончаніи Фронды, Кондэ уступилъ своего шута Людовику XIV. Само собою разумѣется, что Л'Анжели ничего не потерялъ отъ этого перехода на службу ко двору, гдѣ онъ очень быстро разбогатѣлъ. Всѣ ему тамъ платили деньги: одни, чтобы вознаградить его за тѣ веселыя минуты, которыя Л'Анжели имъ доставлялъ, другіе, чтобы

[1]) Дѣтская игра, въ родѣ извѣстной нашей русской игры — въ котлы.

цѣною денегъ купить его молчаніе или избѣжать его колкихъ насмѣшекъ. Онъ почти постоянно присутствовалъ за королевскимъ обѣдомъ и, стоя позади кресла Людовика XIV, смѣло пускалъ оттуда стрѣлы своего ѣдкаго и безпощаднаго остроумія въ каждаго изъ присутствовавшихъ. Многіе его очень опасались, а большинство придворныхъ его ненавидѣло.

Л'Анжелй былъ послѣднимъ оффиціальнымъ шутомъ при французскомъ королѣ. Людовикъ XIV никѣмъ не замѣстилъ его, когда онъ умеръ. Роль шута,—но никакъ не оффиціальное положеніе его при дворѣ Людовика XIV,—выполнялъ иногда Шарль Ривіеръ-Дюфрений, большой гуляка, отчаянный игрокъ и разбитной малый

Л'Анжелй, шутъ Людовика XIV.

«на всѣ руки». Одаренный большимъ художественнымъ вкусомъ, онъ былъ знакомъ и съ поэзіей, и съ музыкой, недурно пѣлъ и рисовалъ, и отличался особеннымъ мастерствомъ въ искусствѣ распланировывать сады. Онъ, собственно говоря, и ввелъ въ моду во Франціи сады англійскіе. Людовикъ XIV очень его любилъ и назначилъ его смотрителемъ всѣхъ королевскихъ садовъ и парковъ.

Современный хронистъ разсказываетъ, между прочимъ, и такой эпизодъ, рисующій намъ отношенія Людовика XIV къ Дюфрений. За ужиномъ, который былъ данъ королемъ по поводу взятія Лилля, Людовикъ XIV приказалъ Дюфрений спѣть какое-нибудь стихотвореніе его сочиненія, въ прославленіе успѣховъ французскаго оружія. Дюфрений, который не умѣлъ настраивать свою лиру на торжественный ладъ, спѣлъ свою пѣсню «Сборъ винограда», и она всѣмъ очень понравилась. Одна изъ дамъ, присутствовавшихъ за ужиномъ,

обратилась къ Вобану и спросила его, указывая на Дюфрени: — «Кто этотъ красивый юноша?» — «Этотъ красивый юноша — шутъ короля», — отвѣчалъ не стѣсняясь знаменитый инженеръ. — «Ты слышалъ, что сказалъ Вобанъ?» — замѣтилъ Людовикъ XIV, обращаясь къ Дюфрени; — «такъ и знай, Шарлò, что ты шутъ короля. И я тебѣ скажу, что одного шута недостаточно на такую большую компанію серьезныхъ людей».

Впослѣдствіи Дюфрени такъ прокутился и проигрался, что вынужденъ былъ жениться на своей прачкѣ, у которой водились коекакіе деньжонки. Когда онъ возвѣстилъ Людовику XIV о своемъ

«Мячикъ» — плясунъ при дворѣ Людовика XV.

намѣреніи жениться и покинуть дворъ, король сказалъ: — «А кто же безъ тебя заставитъ меня отъ всего сердца смѣяться?.. А, впрочемъ, не удерживаю; но когда будешь очень нуждаться въ деньгахъ — вспомни, что я могу тебѣ помочь. Полагаю, что это побудитъ тебя довольно часто со мною видѣться». И дѣйствительно, Дюфрени не забывалъ о королевскомъ ласковомъ словѣ и отъ времени до времени навѣщалъ своего высокаго покровителя.

Но, если и перевелись при дворѣ шуты оффиціальные, что, отчасти, объясняется значительнымъ прогрессомъ въ общественныхъ нравахъ, введеніемъ при дворѣ болѣе утонченной вѣжливости и болѣе развитаго вкуса въ выборѣ зрѣлищъ и развлеченій, — то это исчезновеніе шутовъ изъ придворной среды вовсе еще не исключало ихъ

присутствія въ частной жизни конца XVII и начала XVIII вѣка. Принцы крови и важнѣйшіе изъ вельможъ продолжали содержать шутовъ въ числѣ своей многочисленной прислуги. Дофинъ, сынъ Людовика XIV, содержалъ шута Маранзака, который, по смерти своего господина, перешелъ на службу къ герцогинѣ Бурбонъ-Кондè; и эта принцесса до такой степени потѣшалась продѣлками и тяжелымъ остроуміемъ этого шута, что, говорятъ, предпочитала его общество — обществу Фенелона и Фонтенеля. Въ царствованіе Людовика XV особеннымъ успѣхомъ при дворѣ пользовался танцоръ-буффъ, по имени Баллонъ (ballon—мячикъ); а одинъ изъ писателей первой половины XVIII вѣка разсказываетъ, что ему, въ 1738 г., удалось провести нѣсколько минутъ въ Булонскомъ лѣсу съ шутомъ кардинала Флёри. «Онъ былъ одѣтъ кардиналомъ, съ красной

Панталонъ, Жиль и Мизелэнъ (олицетвореніе Директоріи).

скуфейкой на головѣ и съ круглой кардинальской шапкой въ рукахъ; верхняя одежда на немъ была фіолетовая, а чулки—красные. Онъ сидѣлъ верхомъ на богато убранномъ лошакѣ, какъ обыкновенно ѣздятъ римскіе кардиналы. Придворные, обращаясь къ нему, говорили ему: «ваше преосвященство». Этому человѣку, уроженцу Прованса, было на видъ лѣтъ 60 отъ роду; онъ казался очень глупымъ, очень спѣсивымъ и довольно тупымъ»...

Революція 1789 года смела и дворъ, покровительствовавшій шутамъ, и знать, содержавшую шутовъ въ средѣ своей дворни. Но, конечно, никакая революція не способна была отучить людей отъ смѣха, который такъ необходимъ, такъ свойственъ самой природѣ человѣка, а тѣмъ болѣе природѣ француза. И вотъ, шутовство возродилось и въ кровавыя времена Директоріи и Террора, но въ новыхъ формахъ. Явились каррикатурные наряды и модныя кривлянья «невѣроятныхъ» (les incroyables), явились условные маскарадные ко-

стюмы, изображавшіе собою извѣстные типы изъ народа (Pantalon или Gilles) и Директоріи (Mizelin). Модныя красавицы облекались въ такъ называемые «греческіе костюмы», которые едва прикрывали наготу... И весь этотъ пестрый, современный революціи, маскарадъ плясалъ, шутилъ и дурачился на ужинахъ и вечерахъ у Талліена и Барраса, пуская въ ходъ весь запасъ веселости и шутовства, вообще, столь необходимаго обществу, какъ естественное отвлеченіе отъ того крутого и болѣзненнаго переворота, который пережить было не легко. Въ эту эпоху являлось даже много забавниковъ и затѣйщиковъ по ремеслу—прямыхъ преемниковъ прежней «веселой братіи»—и эти забавники до такой степени всѣмъ нравились, что многіе изъ нихъ составили себѣ даже хорошія состоянія. И если мы серьезно станемъ всматриваться въ то, что насъ окружаетъ, то мы, можетъ быть, придемъ къ такому убѣжденію, что шутовство не умерло и въ наши дни, и дурацкій колпакъ съ погремушками доставляетъ и въ наше время, гордое успѣхами цивилизаціи, болѣе вѣрный хлѣбъ, нежели ученый трудъ или государственная служба.

VI.

Придворные шуты въ Англіи, Германіи, Италіи.—Шуты на Кавказѣ.—Шуты у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ.

Придворные шуты не были исключительнымъ явленіемъ средневѣковой жизни, не были также и мѣстнымъ бытовымъ явленіемъ во Франціи. Какъ мы видѣли въ древности шутовъ при особѣ государей и вельможъ, такъ точно и въ средніе вѣка, и въ новѣйшее время — видимъ ихъ у всѣхъ народовъ Европы. И не только Европы — тоже явленіе замѣчаемъ и въ другихъ странахъ свѣта, при дворѣ индѣйскихъ раджей, и въ резиденціяхъ владѣтельныхъ князей средней Африки. Но мы болѣе подробно говорили о шутахъ французскихъ королей, потому что ихъ исторія болѣе богата фактическими данными, а потому и болѣе интересна, нежели исторія шутовъ всѣхъ остальныхъ странъ [1]).

При дворѣ англійскихъ королей шуты водились изстари, какъ и при дворѣ королей французскихъ. Если бы даже не существовало въ доказательство этого достовѣрныхъ историческихъ документовъ, то было бы достаточно припомнить извѣстныя сцены изъ Шекспировскаго «Короля Лира», въ которыхъ великій англійскій драматургъ даетъ такую видную роль шуту несчастнаго короля.

---

[1]) О шутахъ и шутовствѣ въ Россіи мы будемъ говорить въ послѣдней главѣ нашей статьи.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію то, что, въ этой трагедіи Шекспиръ выводитъ на сцену обычаи своего времени или временъ, весьма близкихъ къ его эпохѣ. Король Лиръ привязанъ къ своему шуту и любитъ его, и шутъ такъ ему преданъ, что не покидаетъ своего господина даже и тогда, когда онъ покинутъ своими неблагодарными дочерьми и безсовѣстными слугами. Онъ обращается съ нимъ чрезвычайно ласково, называя его то «дитя мое», то «другъ мой». Шутъ, въ своемъ родѣ, чрезвычайно типиченъ; онъ даетъ благіе совѣты своему господину, старается все выставить ему въ настоящемъ свѣтѣ, пытаясь ободрить его и поддержать въ немъ мужество, и при этомъ говоритъ постоянно отрывочными фразами, пословицами, поговорками. Шутъ Лира не походитъ ни на Трибулэ, ни на Брюскэ. Онъ забываетъ о себѣ и проникнутъ глубочайшемъ состраданіемъ къ несчастному королю, котораго старается то развлечь шутками, то убѣдить доводами простого здраваго смысла.

Вилль Сёммерсъ, шутъ Генриха VIII, по рис. Гольбейна.

Но и кромѣ этого шута при королѣ Лирѣ, заимствованнаго Шекспиромъ, конечно, изъ живой дѣйствительности, имѣются несомненныя историческія данныя, убѣждающія насъ въ существованіи цѣлаго сословія придворныхъ шутовъ при особѣ англійскихъ королей. Наибольшею извѣстностью между ними пользовался Вилль Сёммерсъ, состоявшій на службѣ шутомъ при Генрихѣ VIII. По происхожденію, онъ былъ сынъ бѣднаго пастуха изъ графства Нортгэмптонъ. Нѣкоторое время онъ служилъ въ домѣ богатаго вельможи, сэра Ричарда Фермора, который имѣлъ несчастіе прогнѣвать Генриха VIII. Король приказалъ его заключить въ темницу, а имущество его конфисковалъ. Тогда Вилль Сёммерсъ, оставшись безъ мѣста и безъ средствъ къ пропитанію, явился въ Лондонъ и поступилъ шутомъ въ домъ одного лорда, извѣстнаго крайнею ограниченностью ума. И вдругъ съ этимъ лордомъ произошла перемѣна,—лордъ поумнѣлъ. Загадка вскорѣ разъяснилась очень просто, когда всѣ узнали, что у лорда завелся умный и ловкій шутъ, и что господинъ его, безъ церемоніи, заимствовалъ остроуміе и веселость у своего шута. Генрихъ VIII, узнавъ объ этомъ, захотѣлъ увидѣть Сёммерса,—шутъ понравился королю до такой степени, что тотъ захотѣлъ имѣть его постоянно при себѣ и принялъ его ко двору на службу. До какой степени Сёммерсъ

былъ близокъ къ грозному Генриху VIII, видно изъ того, что король приказалъ придворному своему живописцу, Гольбейну, написать портретъ Сёммерса, а затѣмъ, на двухъ другихъ портретахъ его королевскаго величества, по его желанію, былъ изображенъ около него и любимый его шутъ. Прекрасный портретъ Сёммерса, писанный Гольбейномъ, прилагается нами здѣсь; на этомъ портретѣ Сёммерсъ изображенъ въ своемъ обычномъ костюмѣ, со всѣми аттрибутами своей шутовской должности — съ рожкомъ въ рукѣ, съ побрякушками на поясѣ и съ нашитыми на груди кафтана буквами H—R (Heinricus Rex, Генрихъ-король).

Привязанность Генриха VIII къ Виллю Сёммерсу выказывалась еще и въ томъ, что онъ позволялъ ему смѣяться надъ другимъ своимъ любимцемъ, кардиналомъ Уольсэемъ. И шутъ, не любившій тщеславнаго и корыстнаго кардинала, сшутилъ надъ нимъ не одну очень непріятную для него шутку. Особенно любилъ Сёммерсъ трунить надъ страстью Уольсэя къ внѣшней роскоши и постояннымъ обычаемъ окружать себя духовными особами, при чемъ кардиналъ приближалъ къ себѣ постоянно людей громаднаго роста. Для того, чтобы успѣшнѣе направить противъ кардинала стрѣлы своего остроумія и вредить ему различными способами, Сёммерсъ сошелся съ шутомъ кардинала, Пучемъ.

Однажды, возвращаясь изъ гостей отъ кардинальскаго шута, Сёммерсъ зашелъ къ королю. Генрихъ VIII спросилъ его, хорошимъ ли виномъ его угощали?

— Я полагаю, что лучшаго вина еще никто не пивалъ,—отвѣчалъ Сёммерсъ.

— Даже и за моимъ столомъ?

— Даже и за вашимъ столомъ!

— Однако же, всѣмъ извѣстно, что у меня въ погребѣ хранятся лучшія вина Европы.

— Помилуйте, да у кардинала въ погребѣ стоитъ такое бургонское, которое въ тысячу разъ лучше вашего!

— Быть не можетъ!—сказалъ король съ досадою.

— Какъ, быть не можетъ? Да знаете ли вы, что онъ бочку его не продастъ и за 200,000 франковъ.

Такъ какъ король продолжалъ удивляться и находить утвержденія Сёммерса преувеличенными и невѣрными, то Сёммерсъ разсказалъ ему, что спустившись потихоньку вмѣстѣ съ Пучемъ въ погребъ кардинала, они нашли въ немъ нѣсколько винныхъ бочекъ, совершенно пустыхъ, а одну полную, и когда Сёммерсъ пробуравилъ ее съ боку, то убѣдился, что она доверху биткомъ набита червонцами. Генрихъ VIII, чрезвычайно алчный до денегъ, едва услышалъ это, какъ тотчасъ же приказалъ произвести осмотръ кардинальскаго погреба, и бочку съ золотомъ прибралъ къ рукамъ. Кардиналъ никакъ не могъ утѣшиться и забыть эту утрату,

которая, говорятъ, послужила впослѣдствіи одною изъ причинъ его опалы.

Сёммерсъ былъ человѣкомъ разумнымъ и весьма добрымъ. Преданіе гласитъ о немъ, что онъ никогда не пользовался своимъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ на короля для личныхъ выгодъ. Онъ осыпалъ своими насмѣшками только гордыхъ, развращенныхъ и корыстолюбивыхъ царедворцевъ. Особенную честь его памяти дѣлаетъ то, что онъ съ неутомимою настойчивостью ходатайствовалъ у Генриха VIII о помилованіи прежняго своего господина, Ричарда Фермора. Ему и удалось добиться этого помилованія, но уже не задолго до смерти короля.

Германскіе принцы и императоры также содержали шутовъ при дворахъ своихъ. Въ числѣ тѣхъ, которые несомнѣнно имѣли при себѣ постоянныхъ шутовъ, слѣдуетъ упомянуть императора Фридриха III, умершаго въ 1493 году. Извѣстно, что въ 1452 году во время пребыванія императора въ Венеціи, его шутъ бросилъ на полъ и разбилъ цѣлую полку очень цѣннаго хрусталя. Фридрихъ только улыбнулся на эту милую шалость и замѣтилъ, что вотъ «если бы на мѣсто хрусталя было серебро или золото, и даже разбилось бы въ дребезги, то и эти дребезги можно было бы употребить съ пользою».

Случалось, что и сами императоры Германскіе, и принцы императорскаго дома, сжившись со своими шутами, иногда мѣнялись съ ними ролью и поражали всѣхъ своими шутовскими продѣлками и выходками. Въ числѣ такихъ правителей Германіи видное мѣсто принадлежитъ сыну Фридриха III, Максимиліану I, которому принадлежитъ, между прочимъ, изобрѣтеніе знаменитой матримоніальной политики, впослѣдствіи такъ быстро и значительно обогатившей Австрію. Постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, Максимиліанъ [1]) былъ до нихъ очень падокъ и эта сторона его характера выразилась слѣдующею милою шуткою. Когда евреи, поселившіеся въ Вормсѣ, вздумали однажды поднести въ даръ Максимиліану I корзину съ золотыми яйцами, онъ приказалъ посадить ихъ въ тюрьму, вѣроятно, имѣя въ виду выманить отъ нихъ побольше денегъ; при этомъ, совершенно не стѣсняясь, онъ насмѣхался надъ заключенными и говорилъ: «хочу приберечь курочекъ, которыя несутъ такія славныя яйца»! Черта, достойная Брюскэ и ему подобныхъ [2]).

---

[1]) Недаромъ итальянцы называли его не иначе, какъ «Максимиліанъ Нищій».

[2]) Остроуміе Максимиліана I высказалось еще и въ слѣдующемъ наблюденіи. Онъ сказалъ однажды, обращаясь къ своимъ приближеннымъ: «Король Испанскій правитъ людьми: его подданные повинуются ему во всемъ, что почитаютъ справедливымъ. Король англійскій правитъ ангелами: его подданные повинуются ему охотно, потому что онъ ничего, кромѣ добра имъ и не желаетъ. Я, лично, всѣмъ королямъ король: мои подданные повинуются мнѣ только тогда, когда имъ это нравится. А французскій король правитъ истинными ослами: его подданные сносятъ и переносятъ все то, что ему угодно на нихъ навьючить».

Маленькіе германскіе дворы, конечно, не отставали отъ большихъ: шутовство и тамъ процвѣтало. Изъ нѣмецкихъ шутовъ прошлаго вѣка особенною извѣстностью пользуется нѣкій Перкео, шутъ курфюрста Карла-Филиппа, жившій въ Гейдельбергѣ около 1728 года. Каррикатурное изображеніе этого шута, грубо вырѣзанное изъ дерева и размалеванное весьма не искусно, поставлено было еще въ прошломъ вѣкѣ насупротивъ знаменитой Гейдельбергской винной бочки, содержащей въ себѣ, какъ извѣстно, 140,000 литровъ вина. Мѣсто для постановки этого памятника шуту Перкео было выбрано «по заслугамъ»: преданіе гласитъ о немъ, что онъ никогда не ложился спать иначе, какъ поглотивши 18 или 20 литровъ рейнской цѣлительной влаги.

Перкео.

Шутовъ придворныхъ находимъ и въ Италіи, въ самый цвѣтущій періодъ эпохи Возрожденія; ихъ видимъ тамъ и при дворахъ владѣтельныхъ принцевъ, и при дворѣ папъ. Послѣдніе, впрочемъ, старались не отступать отъ уставовъ церковныхъ, избирая себѣ шутовъ изъ среды бѣдныхъ или разстриженныхъ монаховъ. Просвѣщенный папа Левъ X, покровительствовавшій такимъ великимъ художникамъ, какъ Микель-Анджело и Рафаэль, не гнушался однако же общества шутовъ, и даже любилъ окружать себя ими, удаляясь изъ Рима на отдыхъ, въ свою великолѣпную загородную виллу Малліона. Тамъ сажалъ онъ ихъ за свой столъ, любовался ихъ чудовищнымъ аппетитомъ и съ удовольствіемъ слушалъ ихъ болтовню и грубыя остроты. По странной игрѣ случая, одному изъ шутовъ привелось напутствовать Льва X даже и на смертномъ одрѣ. Въ концѣ ноября 1521 года Левъ X, простудившись въ своей виллѣ, вернулся въ Римъ. Онъ скончался 1-го декабря, въ 8 часовъ вечера, не успѣвъ причаститься св. Тайнъ. Въ эту торжественную минуту около него находился только одинъ изъ кормившихся при немъ шутовъ-монаховъ, какой-то Марьяно, который все повторялъ: «Св. отецъ! а св. отецъ! просите Бога, чтобы помиловалъ вашу грѣшную душу»!

Мы бы еще долго не кончили нашего обзора, если бы вздумали подбирать и приводить здѣсь даже только наиболѣе выдающіеся факты изъ исторіи шутовства въ Европѣ. Сводя во едино всѣ факты, намъ извѣстныя, мы приходимъ къ тому выводу, что до половины прошлаго вѣка, шутовство существовало еще почти повсемѣстно, при всѣхъ дворахъ Европы, и было явленіемъ весьма

обыкновеннымъ въ средѣ европейской знати. Цивилизація, съ Запада и Юго-Запада, подвигаясь на Востокъ и Сѣверо-Востокъ Европы, постепенно вносила съ собою такіе нравы, при которыхъ шутовство не могло удержать своего положенія ни при дворахъ владѣтельныхъ особъ, ни въ палатахъ вельможъ. И если бы мы, въ данную минуту, не заглядывая въ нашу старину и въ наше прошлое, вздумали ближе изучить придворныхъ и домашнихъ шутовъ, какъ явленіе, достойное вниманія, то намъ бы пришлось обратиться въ Индію или на Кавказъ, гдѣ, по свидѣтельству мѣстныхъ наблюдателей шуты еще весьма обыкновенны въ домахъ грузинскихъ и мингрельскихъ сановниковъ и мѣстныхъ помѣщиковъ. Португальскій майоръ Серпо Пинто, совершившій въ 1877 и 1878 годахъ путешествіе черезъ всю внутреннюю Африку, разсказываетъ, что онъ вездѣ, при дворахъ крупныхъ и мелкихъ негритянскихъ князьковъ, видѣлъ шутовъ, въ качествѣ необходимыхъ членовъ свиты князька. Шуты эти тамъ пользуются нѣкоторымъ значеніемъ и довѣріемъ своихъ господъ, которые поручаютъ имъ даже заботы о подметаніи порога и входа въ княжеское жилище.

Оглядываясь назадъ, и припоминая все то, что было нами разсказано о придворныхъ шутахъ, мы должны невольно прійти къ тому выводу, что шуты, подобные шуту короля Лира, или даже подобные Виллю Сёммерсу, Шико и Трибулэ — бывали явленіями рѣдкими, единичными, исключительными. Въ большинствѣ случаевъ, люди, попадавшіе въ выгодное и привилегированное положеніе придворнаго шута, совершенно не понимали значенія своей роли, увлекались мелкими и своекорыстными разсчетами, погрязали въ неправдѣ и дворскихъ интригахъ, и въ концѣ концовъ заботились только объ угожденіи слабостямъ и порокамъ своихъ могущественныхъ владыкъ. Многіе ли изъ нихъ проникались сознаніемъ своей силы настолько, чтобы отрѣшиться отъ помысловъ о себѣ и напомнить своему покровителю о несчастныхъ, угнетаемыхъ, погибающихъ братіяхъ? Многіе ли изъ нихъ воспользовались своимъ вліяніемъ на благо и пользу своихъ ближнихъ или даже на то, чтобы смягчить, ослабить грубыя выходки и жестокія затѣи своего властителя, подобно тому, какъ Давидъ нѣжной музыкой и пѣснями смягчалъ мрачнаго и суроваго Саула? Нѣтъ, въ придворныхъ шутахъ болѣе, чѣмъ въ какомъ-бы-то-ни было иномъ классѣ людей, рѣзко сказался и ясно проявился тотъ человѣческій эгоизмъ, который способенъ принимать всѣ формы и всѣ образы, и для котораго одинаково надежнымъ прикрытіемъ служитъ и папская тіара, и шутовской колпакъ съ побрякушками!..

VII.

Народные шуты въ древности.—Ателланы.—Маккусъ.—Санніо.—Слѣды древней народной комедіи въ Италіи, Англіи, и Германіи.—Пульчинелло.—Пончъ.—Гансвурстъ.

Къ счастью человѣчества, даръ смѣха есть даръ всеобщій,—онъ данъ не однимъ только великимъ и мощнымъ міра сего, но и каждому самому простому смертному. И толпа, точно также, какъ немногіе избранные, чувствуетъ потребность въ весельи, въ развлеченіи, въ забвеніи тягостей жизни... Вотъ почему, во всѣ времена, для забавы толпы точно также существовали площадные шуты, какъ при дворахъ правителей были шуты придворные, а въ палатахъ и замкахъ знати—шуты домашніе.

Первые вполнѣ достовѣрныя извѣстія о народныхъ шутахъ въ древности мы находимъ у греческихъ классиковъ во времена Аристофана, Исократа и Ѳеофраста; мы видимъ этихъ шутовъ на площадяхъ, въ праздничные дни, видимъ различные ихъ разряды, выказывающіе искусство свое на разные лады. Одни изъ нихъ удивляютъ толпу чревовѣщательствомъ; другіе подражаютъ хрюканью поросенка, клохтанью курицы или карканью вѳрона. Третьи, предсказывая будущее, показывая различные фокусы, привлекаютъ публику къ своимъ подмосткамъ остротами и шутками. Нѣкоторые изъ шутовъ забавляютъ публику маріонетками, вывезенными изъ Египта. И самъ Аристотель уже изумлялся тому совершенству, съ которымъ эти маріонетки приводились въ движеніе.

Рядомъ съ этими шутами, площадными по преимуществу и дѣйствующими на площади, были еще и другіе шуты и скоморохи бродячіе, во множествѣ ходившіе по аѳинскимъ улицамъ и переулкамъ.

Во времена Филиппа Македонскаго они даже составляли въ Аѳинахъ нѣчно въ родѣ отдѣльной корпораціи или братства, которое собиралось въ храмъ Геркулеса. Извѣстно, что Филиппъ послалъ имъ талантъ [1]), прося за это ихъ прислать ему собраніе ихъ лучшихъ шутокъ и вымысловъ.

Выше этихъ площадныхъ и уличныхъ потѣшниковъ по ремеслу стояли мимы, нѣчто въ родѣ низшаго разряда актеровъ, дававшихъ представленія и на публичныхъ сценахъ, но не въ торжественные дни, и безъ участія хоровъ. Между мимами бывали импровизаторы; бывали и такіе, которые разыгрывали настоящія, писанныя пьесы. Одновременно съ ними выступали на сцену скоморохи, въ родѣ современныхъ намъ клоуновъ, которые то передразнивали борцовъ, то кулачныхъ бойцовъ, то стихотворцевъ и музыкантовъ. Въ концѣ V вѣка до Р. Х. представленія мимовъ достигли до-

---

[1]) Серебряный талантъ по нынѣшнему курсу долженъ былъ бы равняться 1,600 и даже 1,900 руб. сер.

вольно высокой степени развитія, и уже очень близко подходили къ комедіи низшаго разбора. Но мимы все же значительно отличались и отъ трагическихъ, и отъ комическихъ актеровъ по своимъ сценическимъ обычаямъ и пріемамъ. Во-первыхъ, они играли въ оркестрѣ [1]), а не на самой сценѣ театровъ; во-вторыхъ, не носили ни котурновъ, ни другой обуви, возвышающей ростъ актера на сценѣ; въ-третьихъ, женскія роли, въ представленіяхъ мимовъ, исполнялись женщинами, что, какъ извѣстно не допускалось на греческой сценѣ въ представленіяхъ трагедій и комедій. Народные шуты были и въ Италіи. Они принимали участіе въ тріумфахъ

Маккусъ.

римскихъ полководцевъ. Въ толпѣ, сопровождавшей колесницу тріумфоратора, по древнему, установившемуся обычаю, шло и нѣсколько шутовъ, наряженныхъ въ курьезные и уродливые костюмы, и между прочимъ Мандукусъ, нѣчто въ родѣ чудовища съ огромными зубами, и двѣ женскія фигуры, Петрея и Цитэрія. Знаемъ о нихъ только то, что первая изображала женщину пьяную и что ея тѣлодвиженія были очень развязны и не совсѣмъ приличны; а вторая представляла собою просто-болтливую и зубастую бабу, которая перебранивалась и пересмѣивалась съ встрѣчною толпою.

[1]) Оркестромъ въ древнемъ греческомъ театрѣ называли переднюю, выдающуюся часть сцены, на которой выступалъ и дѣйствовалъ хоръ.

Уличное скоморошество въ Римѣ было распространено чрезвычайно и составляло одну изъ язвъ, много способствовавшихъ растлѣнію общественной нравственности. Извѣстно, что уличные римскіе скоморохи распадались на нѣсколько классовъ: одни (grallatares) подражали движеніямъ и крикамъ животныхъ, другіе (ventilatores, preastigiatores) изумляли толпу ловкими фокусами и гимнастическими штуками, третьи (circulatores)—глотали мечи или укрощали змѣй.

Но самою любимою забавою римской черни было представленіе Ателлановъ[1]). Это было нѣчто въ родѣ площадной народной комедіи, которая первоначально была сочинена на осскскомъ нарѣчіи, а потомъ передѣлана на латинскій языкъ, съ небольшими вставками на провинціальномъ нарѣчіи. На сцену въ этой комедіи вы-

Санніо (по изобр. на камеѣ).

Комическая бронзовая фигура (№ 243, въ колл. Жонзэ, въ Луврѣ).

водились типы, заимствованные изъ деревенскаго захолустья, выставлялись въ смѣшномъ видѣ кампанскіе нравы, а иногда осмѣивались и чудаки-провинціалы, случайно попадавшіе въ Римъ и не привычные къ нравамъ всемірнаго города. Большею частью, личности, выводимыя въ комедіи ателлановъ, бывали всегда одни и тѣ же; ихъ костюмы и маски, которыми рѣзко обозначался типъ того или другого лица, оставались неизмѣнными, и потому именно казались толпѣ особенно забавными, что выставляли на общее осмѣяніе людскіе пороки и глупость. Въ числѣ лицъ, непремѣнно принимавшихъ участіе въ представленіяхъ ателлановъ, видное мѣсто занималъ Маккусъ (Maccus) — плѣшивый, вислоухій, съ огромнымъ обвислымъ носомъ, нескладный и уродливый, съ двумя горбами, спереди и сзади, изображавшій глупца и въ то же время большого охотника поѣсть и выпить на чужой счетъ. Открыто и

[1]) Ателла, городъ Осковъ въ Кампаньи, между Неаполемъ и Капуей.

нагло стремясь къ удовлетворенію своихъ грубыхъ наклонностей, онъ постоянно попадался впросакъ и подвергался побоямъ. Рядомъ съ Маккусомъ, выступали на сцену ателлановъ—Букко, Паппусъ, Доссенусъ, Мандукусъ, Ламія и Санніо.

Букко представлялся тощимъ и голоднымъ болтуномъ, и наглымъ лжецомъ, страстно стремившимся только къ тому, чтобы гдѣ-нибудь перехватить обѣдъ или ужинъ.

Паппусъ — ревнивый старикъ, скряга, никому недовѣряющій, но чрезвычайно ограниченный и потому обманываемый всѣми, кто только добирается до его кармана или пылаетъ незаконною страстью къ его женѣ.

Доссенусъ — хитрый горбунъ, который прикидывается очень

Курьезный бронзовый антикъ, № 3418, въ Луврѣ.

ученымъ и знающимъ, и очень дорого заставляетъ всѣхъ платить за свои лѣкарства и талисманы.

Мандукусъ — чудовище въ маскѣ, съ огромными челюстями, постоянно скалившее зубы, стучавшее челюстями, и какъ бы готовое всѣхъ поглотить. Подъ пару ему, выводилось на сцену подобное же существо женскаго пола, людоѣдка Ламія, пожиравшая маленькихъ дѣтей.

Наконецъ, серія этихъ каррикатурныхъ лицъ заканчивалась типомъ Санніо, — съ бритою головою, съ лицомъ, запачканнымъ сажею, босыми ногами и одеждою, составленною изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Санніо былъ главнымъ забавникомъ въ комедіи ателлановъ и заставлялъ публику смѣяться своими гримасами, кривляньями и остротами.

Перечисленныя нами лица были далеко не единственными лицами, участвовавшими въ ателланахъ; но краткія, отрывочныя свѣдѣнія, сохранившіяся объ этихъ второстепенныхъ лицахъ у древнихъ писателей, не даютъ ни малѣйшей возможности получить болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о тѣхъ характерахъ, которые они изображали на сценѣ. Но, по какой-то удивительной случайности, почти необъяснимой въ общемъ историческомъ ходѣ цивилизаціи, комедія ателлановъ пережила паденіе Западной Римской имперіи, пережила разрушеніе царствъ, возникшихъ на ея территоріи, и почти въ полномъ своемъ составѣ воплотилась въ итальянской балаганной комедіи, въ тѣхъ фарсахъ паяццовъ, которые получили въ Европѣ общераспространенную извѣстность, подъ названіемъ арлекинады. Типы Ателлановъ сохранились въ арлекинадѣ почти неизмѣнными. Маккусъ обратился въ неаполитанскаго Пульчинелля (Полишинеля); Санніо — въ Арлекина, съ его деревяннымъ мечемъ и пестрой одеждой изъ лоскутковъ; Паппусъ — въ глупца Кассандра, скрягу и ревнивца; Доссенусъ — въ доктора арлекинады, болтуна и невѣжду. Нѣкоторому видоизмѣненію подвергся Маккусъ-Полишинель на итальянскомъ народномъ театрѣ только въ томъ отношеніи, что замѣнился не однимъ, а двумя типами. Полишинелей двое: одинъ — плутоватый и вѣтренный, другой — глупый и неповоротливый. Пульчинелль и того, и другого типа, до сихъ поръ составляетъ любимѣйшую забаву неаполитанской черни, и выводится на сцену то холостой, то семейный, окруженный такими же, какъ онъ самъ, маленькими Пульчинеллями, которыхъ онъ, прежде всего, поучаетъ воздержности, указывая имъ, какъ на примѣръ невоздержанія, на своего слугу Гралло (одно изъ постоянныхъ лицъ итальянской арлекинады), вѣчно страдающаго разстройствомъ желудка.

Пульчинелль.

Впрочемъ, веселые и остроумные «сыны Авзоніи счастливой» сохранили намъ отъ древности не одну только шутовскую комедію ателлановъ, — они съумѣли заставить смѣяться и статуи, съумѣли оживить и одухотворить мраморныя изваянія, завѣщанныя древнимъ Римомъ новому Риму. Дѣйствительно, двѣ античныя статуи, извѣстныя подъ названіемъ «Паскино» и «Марфоріо», нѣкогда стоявшія близко одна отъ другой на Piazza di Pasquino, по давно установившемуся римскому обычаю, уже много вѣковъ сряду ве-

дутъ между собою самую оживленную бесѣду, полную остроумія, колкостей и насмѣшекъ надъ существующимъ порядкомъ вещей. На пьедесталѣ Паскино — изображающаго торсъ (съ головой и частью ногъ) гладіатора—появлялись обыкновенно сатирическіе вопросы, то прямо написанные на мраморѣ, то наклеенные въ видѣ писанныхъ и печатныхъ листковъ; а на пьедесталѣ статуи Марфоріо[1]) — писались и наклеивались отвѣты, и эта шутовская бесѣда иногда поднимала на ноги весь городъ, волновала политическихъ дѣятелей и вызывала въ папахъ серьезныя опасенія. Одинъ

Статуя Пакэна въ Римѣ.

изъ нихъ, Адріанъ VI (1522—1523), до такой степени былъ озлобленъ направленными противъ него паскинàдами, что даже думалъ уже приказать—бросить Паскино въ Тибръ. Нашлись умные люди, которые его отъ этого отговорили и дали ему понять, что такимъ безполезнымъ варварствомъ онъ, вѣроятно, еще болѣе возбудилъ бы противъ себя общественное мнѣніе—и Паски́но остался на прежнемъ мѣстѣ. Но впослѣдствіи, по какимъ-то особымъ, постороннимъ соображеніямъ, Марфоріо, прежде стоявшій по сосѣдству съ Паскино, у стѣны дворца Браски, былъ перенесенъ во дворъ нынѣшняго капитолійскаго музея.

[1]) Такъ называется статуя, изображающая какого-то бога рѣки, склонившагося на урну. Названіе ея произошло отъ того, что она была отрыта изъ земли на форумѣ Марса (Martis foro).

Арлекинада, облетѣвшая всю Европу, всюду нравящаяся и всюду пустившая прочные корни, нашла себѣ во всѣхъ народностяхъ Европы подходящіе элементы, въ которыхъ, путемъ постепенныхъ видоизмѣненій проявился типъ Маккуса-Пульчинелля или Арлекина.

Въ Англіи этотъ типъ національнаго шутовства олицетворился въ личности Пончa (Punch)[1]. Впервые, достовѣрнэ выступилъ Пончъ въ англійской литературѣ и искусствѣ уже въ концѣ XIII столѣтія; съ нѣкоторою достовѣрностью предполагають, что этотъ типъ англійскаго Полишинеля первоначально занесенъ былъ изъ Фран-

Пончъ, первоначальный типъ.

Пончъ, новѣйшій типъ.

ціи, при первыхъ Стюартахъ. И дѣйствительно, по внѣшнему виду своему, англійскій Пончъ нѣсколько напоминаетъ намъ французскаго Полишинеля своими двумя горбами, большимъ носомъ и всею своею обрюзглою неуклюжею фигурою; но въ Пончѣ—какъ сценическомъ характерѣ англійской народной комедіи—олицетворилась вся грубость англійскаго національнаго типа, съ его кровожадными, буйными наклонностями, съ его эгоизмомъ и жестокосердіемъ. Всѣ эпизоды, изъ которыхъ состоитъ старинная народная комедія Пончъ и Джёди (жена его), сводятся къ тому, что Пончъ, во время всего своего пребыванія на сценѣ, постоянно кого-нибудь бьетъ, насилуетъ, обманываетъ, убиваетъ, выбрасываетъ своего ребенка за окно, «чтобы не кричалъ», наконецъ попадается въ руки правосудія, но

[1]) Самое названіе Пончъ (Punch) есть ничто иное, какъ сокращеніе слова Пончинелло и Пульчинелло.

и тутъ убиваетъ констэбля, судью, убиваетъ и самаго палача, а затѣмъ даже и дьявола, и удаляется со сцены распѣвая:

«Пончу отнынѣ нечего бояться судьбы,
«Онъ можетъ спокойно прожить на свѣтѣ,
«Потому что нѣтъ болѣе дьявола».

Эта народная комедія, въ началѣ XVIII вѣка, по свидѣтельству Аддисона, пользовалась такимъ огромнымъ успѣхомъ, что ее всѣ въ Лондонѣ смотрѣли охотнѣе, чѣмъ современную итальянскую оперу, которая была тогда модною новинкою.

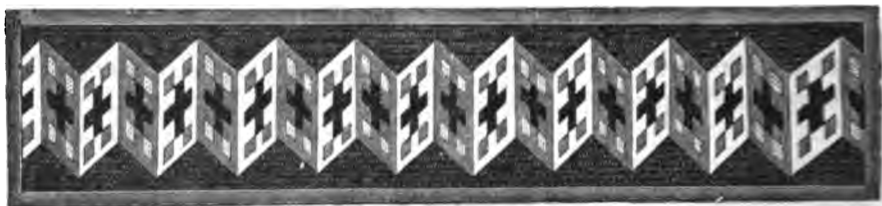
Сценическій типъ шута Пончa сдѣлался съ теченіемъ времени каррикатурнымъ олицетвореніемъ англійскаго общественнаго мнѣнія и собирательнымъ наименованіемъ всякой сатиры, бичующей современные нравы или порицающей внѣшнюю политику страны. Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ англійскихъ сатирическихъ журналовъ нашего времени, помѣщающій на страницахъ своихъ политическія каррикатуры, носитъ и теперь заглавіе «Пончa». Впрочемъ, въ политической каррикатурѣ дѣйствующимъ лицомъ и олицетвореніемъ общественнаго мнѣнія является часто другой Пончъ, болѣе современнаго типа, одѣтый въ обще-европейское платье, но внѣшностью своею напоминающій стараго Пончa.

Въ Германіи тотъ же Маккусъ-Пульчинелло переродился въ типъ народнаго шута Гансвурста (Hanswurst—Гансъ-Колбаса), еще болѣе грубый, болѣе хищный и еще менѣе привлекательный, нежели англійскій Пончъ. Нѣсколько ближе къ итальянскому Пульчинелло, и французскому Полишинелю подходитъ голландскій Гансъ Пикельгеринъ (Гансъ Соленая Селедка) и австрійскій весельчакъ Касперлэ, которые являются главными дѣйствующими лицами площадной народной комедіи въ Голландіи и Австріи. Но изъ всѣхъ прямыхъ потомковъ Маккуса болѣе всего заслуживаетъ вниманія французскій Полишинель и вся его свора, послужившая прочною основою для французской народной комедіи, которой мы и посвящаемъ ближайшую главу.

П. П.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе Н. Д. Сергѣевскаго, экстраординарнаго профессора императорскаго С.-Петербургскаго университета. Спб. 1888.

КНИГА Г. СЕРГѢЕВСКАГО принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ и весьма рѣдкихъ въ нашей литературѣ ученыхъ изслѣдованій, которыя, не смотря на спеціальность своего содержанія, должны возбуждать общій интересъ не только потому, что касаются вопроса, въ высшей степени интереснаго, но и потому, что написаны чрезвычайно легко и живо. Пріятно видѣть, что кабинетныя занятія молодого ученаго не заставили его вполнѣ отрѣшиться отъ міра и предаться исключительно интересамъ своей ученой кельи и того маленькаго ученаго кружка, въ которомъ онъ вращается и дѣйствуетъ; еще пріятнѣе видѣть, что, вслѣдствіе жизненности, которую авторъ съумѣлъ въ себѣ сохранить, онъ не лишилъ себя ни бодрости духа, ни смѣлости, иногда побуждающихъ ученаго браться за темы слишкомъ широкія, неукладывающіяся въ тѣсную рамку небольшого изслѣдованія, даже до нѣкоторой степени непосильныя... Великою заслугою такихъ ученыхъ, при всѣхъ недостаткахъ ихъ трудовъ, всегда остается то, что въ избранномъ ими научномъ вопросѣ они являются первыми піонерами, они намѣчаютъ и прокладываютъ пути. Такую именно заслугу мы признаемъ за книгою г. Сергіевскаго, которую, съ величайшимъ интересомъ, внимательно прочли отъ первой страницы до послѣдней. Опуская въ ней все то, что касается юридической, правовой стороны вопроса, положеннаго г. Сергіевскимъ въ основу его изслѣдованія, мы коснемся только исторической и бытовой стороны книги, составляющихъ главную основу юридическихъ выводовъ изслѣдованія.

Авторъ изслѣдованія, видимо, давно уже занимался собираніемъ и обработкою матеріаловъ для своего настоящаго изслѣдованія. Объ этомъ свидѣ-

тельствуютъ его статьи, напечатанныя въ теченіе 1884—1887 гг. въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права» («Смертная казнь въ Россіи въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка», «Тѣлесное наказаніе въ Россіи въ XVII вѣкѣ», «Ссылка въ Россіи въ XVII вѣкѣ») и въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» («Тюремное заключеніе въ Россіи въ XVII вѣкѣ»). Богатый матеріалъ собирался авторомъ, очевидно, не для того небольшого изслѣдованія, которое онъ издалъ въ настоящее время:—замыслы его, конечно, были болѣе обширными; но онъ весьма благоразумно поступилъ, ограничивъ до нѣкоторой степени свою задачу и не слѣдуя дурному примѣру тѣхъ изслѣдователей, которые иногда всю жизнь собираютъ матеріалъ для извѣстнаго ученаго труда и кончаютъ тѣмъ, что никогда своего труда не закончатъ и не издадутъ въ свѣтъ.

Что г. Сергѣевскій искусственно ограничилъ и преднамѣренно съузилъ рамки своего изслѣдованія — это ясно доказывается неправильностью постройки основнаго плана всего изслѣдованія и тѣми границами, изслѣдуемой имъ области, которыя слѣдуетъ признать вполнѣ произвольными. Эта произвольность является для насъ очевидною даже изъ словъ самаго автора:

«Избравъ предметомъ работы наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, я поставилъ себѣ цѣлью собрать все, что заключается въ напечатанныхъ памятникахъ, и сложить изъ имѣющихся отдѣльныхъ свѣдѣній посильную картину того, что было. Кромѣ памятниковъ законодательныхъ, оказалось необходимымъ проштудировать памятники всякаго рода: путешествія, записки современниковъ, судебныя рѣшенія, договоры частныхъ лицъ, и т. д., даже (?) житія святыхъ». Уже и здѣсь, въ этомъ краткомъ обзорѣ матеріала, положеннаго авторомъ въ основу изслѣдованія, мы видимъ тѣ произвольныя границы, которыя онъ себѣ самъ полагалъ, довольствуясь только печатными памятниками и отстраняя отъ себя всякую (столь необходимую въ настоящее время) ученую разработку архивнаго матеріала; вслѣдствіе этого, конечно, и «картина», составленная имъ «изъ отдѣльныхъ (и отрывочныхъ) свѣдѣній», могла явиться только посильною, а не полною. Допустивъ нѣкоторую произвольность въ выборѣ матеріала, авторъ, вѣроятно для облегченія своей задачи, еще болѣе произвольно и искусственно ограничилъ область изслѣдованія однимъ XVII вѣкомъ. И это ограниченіе представляется намъ опять-таки очевидно искусственнымъ, и это для насъ ясно изъ словъ самаго автора:

«Причина, по которой изслѣдованіе ограничено XVII вѣкомъ, есть слѣдующая: во-первыхъ, уголовное право XVII вѣка непосредственно связано съ нашимъ дѣйствующимъ правомъ, заключая въ себѣ основой источникъ его значительной части; во-вторыхъ, памятники древнѣйшей эпохи, до XVII в., такъ бѣдны по вопросамъ уголовнаго права, что составить изъ нихъ сколько-нибудь полную картину, безъ произвольныхъ субъективно-созидательныхъ дополненій, я былъ ни въ силахъ» (стр. X).

Полагаемъ, что самъ авторъ, когда писалъ эти строки, сознавалъ всю слабость своихъ доводовъ въ пользу ограниченія темы изслѣдованія. Если «уголовное право XVII вѣка» — по совершенно справедливому замѣчанію г. Сергѣевскаго—«непосредственно связано съ нашимъ дѣйствующимъ правомъ», то ужъ, конечно, «еще болѣе непосредственно» связано оно съ уголовнымъ правомъ предшествующей, древнѣйшей эпохи и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отъ него оторвано. Многое въ юридическихъ памятникахъ XVII

вѣка представится для насъ совершенно темнымъ, если мы не поищемъ объясненія въ памятникахъ предшествующей эпохи, и, какъ бы ни были бѣдны эти памятники по вопросамъ уголовнаго права, ихъ необходимо принять въ соображеніе, потому что въ исторіи каждаго вопроса народной жизни мы не видимъ періодовъ развитія, которые бы ограничивались 1600 или 1699 годомъ. Вотъ почему мы и думаемъ, что вопросъ «о наказаніи въ русскомъ правѣ», можетъ быть, во всякомъ случаѣ, разсматриваемъ въ ученомъ изслѣдованіи только по отношенію ко всей совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ (отъ древнѣйшей и до новѣйшей эпохи), а никакъ не въ періодъ времени между 1600 и 1699 годомъ. И напрасно пугался бы авторъ, при составленіи болѣе полной картины тѣхъ «произвольныхъ субъективно-созидательныхъ дополненій», которыя составляютъ и должны составлять существенную часть каждаго изслѣдованія по памятникамъ; смѣемъ увѣрить его, что онъ гораздо менѣе повредилъ бы своему изслѣдованію подобными «дополненіями», нежели тѣми «произвольными урѣзываньями», которыя несомнѣнно вредятъ правильной постановкѣ и разработкѣ избраннаго имъ любопытнѣйшаго вопроса.

Вслѣдъ за предисловіемъ, о которомъ мы сейчасъ упоминали, вся книга г. Сергѣевскаго распадается на два отдѣла. Въ первомъ, руководящемъ отдѣлѣ, авторъ говоритъ вообще «о карательной дѣятельности и ея задачахъ», касаясь общаго характера взысканій въ связи съ общимъ характеромъ избранной имъ эпохи. Во-второмъ отдѣлѣ, онъ разсматриваетъ, по частямъ, каждую изъ карательныхъ мѣръ: 1) смертную казнь, 2) тѣлесныя наказанія, 3) тюремное заключеніе, 4) ссылку, 5) имущественныя наказанія, 6) пораженія чести и правъ, 7) наказанія церковныя, въ ихъ различныхъ примѣненіяхъ, при чемъ, дѣйствительно, весьма добросовѣстно исчерпываетъ весь печатный матеріалъ, какимъ обладаетъ русская наука — матеріалъ, въ настоящее время, довольно обширный. Въ заключеніе своей книги, г. Сергѣевскій предлагаетъ читателю «Указатель статей уложенія 1648 года, относящихся къ предмету изслѣдованія».

Коснемся, главнымъ образомъ, историческихъ воззрѣній автора, насколько они выражаются въ первомъ отдѣлѣ, такъ какъ они вполнѣ заслуживаютъ вниманія и свидѣтельствуютъ о несомнѣнной способности талантливаго автора къ историческому изслѣдованію; а затѣмъ, сдѣлаемъ нѣсколько указаній и замѣчаній относительно второго отдѣла, заключающаго въ себѣ богатыя данныя для описанія извѣстной стороны древне-русскаго быта и, отчасти, для характеристики русскаго человѣка вообще.

Прежде всего слѣдуетъ, конечно, обратить вниманіе на то, что г. Сергѣевскій очень вѣрно и безпристрастно смотритъ на ту переходную эпоху общественнаго броженія, которая началась въ XVII вѣкѣ «Смутнымъ временемъ» и закончилась не менѣе смутнымъ періодомъ «великихъ преобразованій» Петра. Справедливо остерегаясь тѣхъ крайнихъ воззрѣній на XVII вѣкъ, которыми грѣшили многіе изъ предшествовавшихъ изслѣдователей (въ особенности Костомаровъ и Дитятинъ), то черезчуръ порицавшихъ, то черезъ мѣру восхвалявшихъ древне-русскую жизнь въ эпоху до-петровскую, г. Сергѣевскій очень вѣрно выставляетъ на видъ, что «нельзя писать исторію изъ отдѣльныхъ случаевъ, при томъ односторонне-собранныхъ»... «Историкъ долженъ раскрыть положительныя стороны въ народной жизни; указать то, что сдѣлано народомъ въ извѣстную эпоху, какое положительное наслѣдіе

оставилъ онъ для своихъ потомковъ». Признавая, конечно, важное значеніе фактовъ отрицательныхъ, г. Сергѣевскій, говоритъ, что они одни не могутъ составить исторіи народа, да при томъ, не должно забывать, что добродѣтели и положительныя черты народныхъ силъ не такъ ярко отражаются въ историческихъ памятникахъ соотвѣтствующей эпохи, какъ факты разврата и пороки» (стр. 61).

Переходя отъ общихъ замѣчаній и возраженій историкамъ-отрицателямъ къ изложенію своихъ собственныхъ воззрѣній на XVII вѣкъ, г. Сергѣевскій говоритъ, что въ русской исторіи этотъ вѣкъ не только не былъ вѣкомъ разложенія, но наоборотъ «вѣкомъ созиданія и наибольшаго напряженія народныхъ силъ, хотя напряженія односторонняго». Это «одностороннее напряженіе» было направлено къ одной исключительной цѣли — укрѣпленію государственной власти и поддержанію государственнаго единства всѣми мѣрами. «И этому дѣлу люди XVII вѣка такъ служили, что никакіе смятенія и перевороты, въ родѣ смутнаго времени и разиновщины, не разложили государства, а наоборотъ, оно продолжало крѣпчать, рости и пожирать своихъ сосѣдей съ востока и запада, съ сѣвера и юга». Признавая, въ основѣ, совершенно вѣрною идею автора, мы, однако же, не вполнѣ можемъ съ нимъ согласиться въ подробностяхъ, которые считаемъ исторически-невѣрными. Во-первыхъ, нельзя смѣшивать эпоху смутнаго времени съ «разиновщиною»—нельзя говорить о смутномъ времени и о разиновщинѣ, какъ о двухъ равносильныхъ «смятеніяхъ и переворотахъ». Бунтъ Стеньки Разина былъ явленіемъ мѣстнымъ, вызваннымъ весьма опредѣленными условіями древне-русской жизни; эпоха смутнаго времени была такимъ періодомъ общаго шатанія и колебанія всѣхъ основъ русской жизни, которую могла выдержать только крѣпкая натура русскаго человѣка, давно уже познавшаго, что единственнымъ спасеніемъ Русской земли можетъ быть только единеніе «подъ высокою рукою Великаго Государя». И такое стремленіе къ созданію сильной государственной власти, начавшееся гораздо ранѣе XVII вѣка, можетъ быть, усилилось въ этомъ вѣкѣ только благодаря тѣмъ ужасамъ, которые пришлось пережить всѣмъ русскимъ людямъ въ эпоху смутнаго времени. Что же касается Разинскаго бунта, то онъ явился уже только весьма существеннымъ доказательствомъ того, что власть государственная, послѣ смутнаго времени, явилась, болѣе чѣмъ когда-либо, окрѣпнувшею и сильною.

Чрезвычайно вѣрно объясняетъ г. Сергѣевскій и то обиліе казней, и ту крайнюю суровость, съ которою онѣ совершались въ XVII вѣкѣ. «Безпощадность казней», — говоритъ онъ между прочимъ,—«свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что жизнь и личность отдѣльнаго человѣка теряли всякую цѣну и значеніе передъ тѣми началами, на защиту которыхъ уголовное правосудіе поднимало свой кровавый мечъ, именно, передъ началами государственности и общественнаго порядка». Онъ напоминаетъ, въ подтвержденіе высказанной имъ мысли, что личность отдѣльнаго человѣка въ XVII вѣкѣ вовсе не имѣла того значенія, которое она имѣетъ теперь и въ обществѣ и передъ закономъ: «все приносилось на жертву государству, а для человѣка оставалось очень мало мѣста» (стр. 79).

За то ужъ мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ въ другомъ его выводѣ, который отчасти даже противорѣчитъ только-что приведеннымъ соображеніямъ. Г. Сергѣевскій говоритъ, что «государство въ XVII вѣкѣ не

имѣло возможности да не имѣло и желанія, затрачивать свои скудныя средства на организацію карательныхъ мѣръ. Отсюда, вся карательная система отличается крайнею дешевизною: смертная казнь и тѣлесныя наказанія, какъ самыя дешевыя — на первомъ планѣ и т. д.» (стр. 43). Невѣрность этого вывода должна быть ясна для каждаго, кто знаетъ, какъ дорого цѣнился въ XVII вѣкѣ каждый пахарь-работникъ, каждый «тяглецъ» и плательщикъ. Государство, которое затрачивало такъ много усилій на прикрѣпленіе своихъ людей къ землѣ, на обезпеченіе взысканія податей съ наибольшаго количества плательщиковъ, не могло прибѣгать къ смертной казни только потому, что она была дешевымъ средствомъ избавиться отъ человѣка вреднаго или опаснаго: въ этомъ отношеніи рукою власти должны были, вѣроятно, управлять какія-нибудь иныя и болѣе вѣскія соображенія.

Бо̀льшая, вторая половина книги г. Сергѣевскаго посвящена подробному разбору «карательныхъ мѣръ», каждой въ отдѣльности, при чемъ каждая мѣра прослѣжена по всѣмъ извѣстнымъ въ печати источникамъ и полнота свѣдѣній дѣлаетъ честь начитанности автора. Печатный матеріалъ, дѣйствительно, исчерпанъ имъ, по разбираемому вопросу, до конца. Вдаваясь въ частности и придираясь къ подробностямъ быта, можно сдѣлать автору кое-какія возраженія [1]; но, въ общемъ, работа произведена чрезвычайно добросовѣстно, и можетъ войти цѣликомъ въ послѣдующее, болѣе полное и шире построенное изслѣдованіе по тому же вопросу, котораго мы ожидаемъ въ будущемъ отъ г. Сергѣевскаго. Подробности, собранныя имъ о каждой изъ карательныхъ мѣръ, о бытѣ «тюремныхъ сидѣльцевъ» и ссыльныхъ, до такой степени любопытны и такъ живо изложены, что каждый, даже и вовсе не занимающійся наукою, прочтетъ ихъ съ интересомъ, какъ живую и яркую страницу изъ нашего историческаго прошлаго.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ выводъ, къ которому приходитъ г. Сергѣевскій по отношенію къ русскому человѣку, который выносилъ суровую дисциплину уголовнаго кодекса XVII вѣка. Масса казней производившихся въ Москвѣ поражаетъ иностранцевъ. Одинъ изъ нихъ, Рейтенфельсъ, говоритъ даже, что въ Москвѣ «казнятъ больше людей, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ бьютъ собакъ». Другихъ поражала та простота обстановки, среди которой казнь происходила и то чрезвычайное спокойствіе, съ которымъ осужденные шли на̀ смерть. Не понимая этой черты народнаго характера, иностранцы склонны были видѣть въ ней «одну жесткость нравовъ и грубость чувствъ или апатію къ жизни», даже какую-то беззаботность, совершенно несвойственную русскому человѣку. Г. Сергѣевскій блистательно опровергаетъ иностранцевъ и даетъ другое гораздо болѣе правильное толкованіе. Онъ видитъ въ этомъ спокойствіи «ясное сознаніе неизбѣжнаго подчиненія государственной силѣ, одержавшей побѣду, послѣ которой побѣжденному оставалось одно — умереть. Борьба кончена, счеты кончены, другого выхода нѣтъ! И шелъ русскій человѣкъ на плаху съ одною мыслью: умереть въ порядкѣ, и старался онъ умереть подъ топоромъ палача, по возможности

---

[1]) Къ числу такихъ возраженій принадлежитъ, напримѣръ, указаніе на невѣрность замѣчанія автора объ устройствѣ лобнаго мѣста (стр. 96); на стр. 99, авторъ считаетъ сѣкиру не топоромъ, а какимъ-то особеннымъ орудіемъ казни; предполагаетъ, что плаха дѣлалась изъ липоваго дерева (ibid); недоумѣваетъ, что значитъ ѣздить на вожжахъ (стр. 221) и т. д., но всѣ эти мелочи, легко-устранимыя, ни мало не вредятъ общему достоинству книги.

такъ же, какъ дѣдъ и отецъ его умирали у себя въ избѣ, въ большомъ углу, на лавкѣ подъ образами»... «Повторяемъ, это было не равнодушіе къ жизни, не апатія и не грубость, а геройское мужество, являвшееся прямымъ результатомъ соотношенія общественныхъ силъ; государственный порядокъ открыто боролся съ враждебными ему элементами: противники, можно сказать, уважали другъ друга, и борьба шла на однородномъ оружіи. Побѣжденные должны были погибать; они сознавали это, и умѣли умирать въ бою, на плахѣ подъ топоромъ и на висѣлицѣ съ петлей на шеѣ» (стр. 75 и 77).

Выводъ совершенно вѣрный, свидѣтельствующій о несомнѣнной способности автора разбираться въ обширномъ, запутанномъ и противорѣчивомъ запасѣ свидѣтельствъ — и все же не уклоняться отъ вѣрнаго взгляда на ту историческую почву, которая не поддается разработкѣ односторонней и совершенно сбиваетъ съ толку каждаго, приступающаго къ изученію нашего прошлаго съ однимъ желаніемъ подбирать и нанизывать факты опредѣленнаго характера.

Въ успѣхѣ книги г. Сергѣевскаго мы не сомнѣваемся, но, въ заключеніе, еще разъ выскажемъ, что смотримъ на нее только какъ на хорошій матеріалъ, только какъ на «пробу пера» для будущихъ его трудовъ.

П. П.

Москва и Лондонъ. Историческіе, общественные и экономическіе очерки и изслѣдованія С. В. Иппо. Спб. 1888.

Очерки и изслѣдованія г. Иппо дѣлятся на двѣ части. Первая подъ заглавіемъ «Москва» есть идейная часть книги, а потому и представляетъ собою главнѣйшій интересъ ея, вторая—«Лондонъ» посвящена описанію города, населенія и разныхъ явленій коммерческой англійской жизни. Авторъ, какъ онъ самъ заявляетъ, «человѣкъ торговый», а потому смотритъ на всѣ событія времени и дѣянія человѣческихъ рукъ съ точки зрѣнія практической тенденціи. «Точкою опоры политическаго міра,—говоритъ онъ,—перестаетъ быть штыкъ, дипломатическія ноты и трактаты, написанные блестящимъ французскимъ стилемъ, а на смѣну имъ является что-то другое, болѣе совершенное болѣе значущее, болѣе соотвѣтствующее духу XIX столѣтія—матерія. Это... ситецъ, тотъ ситецъ, который теперь послѣ хлѣба сталъ первою необходимою потребностью человѣка» и далѣе «въ трубахъ фабричныхъ и паровыхъ станкахъ, могущихъ вырабатывать товары дешевле всѣхъ, кроется и великая политическая сила. Значеніе этихъ трубъ для народовъ, долженствующихъ выполнить великую историческую миссію относительно менѣе культурныхъ народовъ, важнѣе выигранныхъ кровопролитныхъ сраженій и болѣе цѣлесообразно и прочнѣе всѣхъ хитросплетенныхъ дипломатическихъ трактатовъ». Таковъ катехизисъ автора, который онъ горячо и открыто исповѣдуетъ и который составляетъ краеугольный камень его сочиненія. Кто же тѣ народы, которые должны выполнить великую историческую миссію относительно народовъ менѣе культурныхъ? Это мы — русскіе и нашъ «истинный геній» — Москва и англичане съ Лондономъ, этимъ торговымъ центромъ вселенной.. Москва и Лондонъ, «два полюса политическаго и экономическаго движенія на востокъ и западъ Европы, на которые уже больше вѣка обращены взоры всего цивилизованнаго міра», все ближе и ближе сходятся лицомъ къ лицу въ своихъ политическихъ и экономическихъ задачахъ,

и борьба за преобладаніе между ними можетъ загорѣться во всякое время. Театромъ борьбы должно быть пространство восточной Европы и Азіатскаго континента. Положеніе, которое занимаютъ по отношенію къ Востоку эти два всемірные города не случайное, а является результатомъ цѣлаго ряда географическихъ, историческихъ и экономическихъ причинъ и условій. Авторъ подробно останавливается на этихъ условіяхъ и въ живыхъ краскахъ повѣствуетъ, когда возникло стремленіе русскаго торговаго человѣка къ сокровищамъ Индіи, какъ завязались сношенія съ англичанами, исторію Московско-Лондонскаго торговаго товарищества (1555 г.), описываетъ попытки англичанъ добиться свободнаго проѣзда въ Индію черезъ Россію, развитіе торговли и промышленности Москвы, стремленіе русскихъ государей захватить страну Набобовъ. Вся эта часть изложена чрезвычайно интересно, живо и картинно. Далѣе авторъ передаетъ исторію владычества англичанъ надъ Индостаномъ, дѣятельность Остъ-Индской компаніи, управленіе Индіей; эти главы имѣютъ цѣлью показать читателю съ одной стороны, что господству Англіи надъ Индіей наступаетъ конецъ и что народы, обитающіе въ Азіи, должны найти въ Москвѣ и ея политикѣ «тотъ благодатный, оживляющій ключъ, котораго они такъ давно жаждутъ, истомленные промышленнымъ безплодіемъ родныхъ земель»; этого требуютъ, по мнѣнію автора, вѣчные, неизмѣнные соціально-политическіе законы, такъ какъ владычество однихъ народовъ постоянно смѣняется другими, напримѣръ: «послѣ Тира—Карѳагенъ. Послѣ Венеціи—Амстердамъ. Послѣ Лондона—несомнѣнно Москва». Для этого необходимо, чтобы наше правительство шло неустанно по пути національной «Московской политики Россіи», историческимъ лозунгомъ которой служитъ стремленіе къ завѣтнымъ странамъ Индіи; осуществить же этотъ лозунгъ очень удобно въ настоящее время, ибо, благодаря проведенной Закаспійской желѣзной дорогѣ, Москва въ три раза ближе до Калькуты, нежели Лондонъ, вслѣдствіе чего мы можемъ гораздо быстрѣе доставлять на Остъ-Индскіе рынки наши товары и тѣмъ держать восточные народы въ экономической зависимости и снабжать ихъ фабричными издѣліями, а въ этомъ, по мнѣнію г. Иппо, вся суть, потому что кто будетъ одѣвать и обувать эти народы, тотъ и будетъ имѣть наибольшее вліяніе на ихъ судьбу. Съ этою цѣлью Россіи необходимо какъ можно выше поднять свою промышленность и торговлю, для чего могучимъ рычагомъ является протекціонная система, столь сильно выдвинутая у насъ нѣкогда графомъ Канкринымъ. Въ Россіи, какъ полагаетъ авторъ, на первомъ планѣ должно стоять развитіе промышленности, если даже оно идетъ въ ущербъ земледѣлію; государство должно стараться превратиться въ всероссійскую мануфактуру и тѣмъ самымъ заставить Азіатскія и Балканскія народности платить ему дань посредствомъ покупки ея фабричныхъ и кустарныхъ издѣлій. Но въ какомъ же положеніи находится наша мануфактура и торговля? Она падаетъ и ей грозитъ серьезная опасность. «Нашъ государственно-экономическій корабль, выдержавшій столько бурныхъ и опасныхъ испытаній въ водоворотѣ нашего историческаго теченія, можетъ разбиться о тайныя подводныя скалы: Лодзь, Сосновицы и Варшава», т. е. говоря простымъ языкомъ польская торговля и промышленность вытѣсняетъ московскую. Это государственное возрожденіе Польши анормально, на это ей не даютъ право ни ея историко-географическое положеніе, ни политическія обстоятельства. Однако, это такъ и въ этомъ для политическаго и экономическаго существованія Россіи источникъ великихъ бѣдъ и

потрясеній. «Кто знаетъ, замѣчаетъ г. Иппо, не захочетъ ли она (Польша) принять новую форму (правленія), которую ей обѣщаетъ желѣзный канцлеръ, если она окажетъ ему и его союзницѣ Австріи какія-нибудь услуги въ борьбѣ съ Россіей». А эту борьбу Польша уже начала и «правительственныя лица должны подумать остановить это антигосударственное возрожденіе». Но какъ же народился этотъ злополучный вопросъ и какъ помочь горю? Читатель очерковъ, слѣдящій до сихъ поръ съ напряженнымъ вниманіемъ за патріотическимъ и національнымъ ходомъ мысли и развитіемъ чувствъ автора, удвоиваетъ вниманіе и ждетъ отъ него разрѣшенія вопроса нашего историческаго бытія. Онъ уже знаетъ, что Москва должна въ будущемъ осилить Лондонъ, неужели же она погибнетъ у стѣнъ Варшавы и истечетъ кровью въ этой ситцевой борьбѣ? Конечно, нѣтъ и она восторжествуетъ, она широко и славно разрѣшитъ мучительный вопросъ, стоитъ только пойти слѣдомъ за г. Иппо. Весь корень зла заключается въ «пресловутой чертѣ осѣдлости,—говоритъ онъ,—существующей для еврейскаго населенія имперіи, имѣвшей послѣдствіемъ, что вмѣсто одного московскаго промышленно-кустарнаго центра явились въ западной половинѣ имперіи Лодзь, Сосновицы, Варшава и Бѣлостокъ». Вы смѣетесь, читатель? Послушайте далѣе г. Иппо. Такъ какъ по смыслу торговаго устава только евреямъ-купцамъ 1-й гильдіи разрѣшается селиться и торговать во внутреннихъ промышленныхъ губерніяхъ Россіи, а вся внутренняя оптовая и розничная торговля ведется по документамъ 2-й гильдіи, то и выходитъ, что «московскимъ производителямъ затрудненъ отпускъ товаровъ для массы потребителей: въ 4 милліона евреевъ и еще 26 милліоновъ поляковъ, литовцевъ, латышей, нѣмцевъ, бѣлоруссовъ, малоруссовъ и проч., словомъ, рынокъ въ 30 милліоновъ населенія, получающій необходимыя имъ фабричныя издѣлія большею частью черезъ еврейскія руки, лишенъ возможности пользоваться производствомъ московскаго промышленнаго района». Спасти Россію должна интеллигенція: «она должна бы была ходатайствовать и вызвать сочувствіе въ высшихъ правящихъ сферахъ объ отмѣнѣ ограниченій, касающихся свободнаго передвиженія еврейскаго торговаго класса во внутреннія и промышленныя губерніи Россіи, сильно тормозящія развитіе и упроченіе торговопромышленныхъ связей между западными потребителями и подмосковными производителями». И евреи достойны этого тѣмъ болѣе, что они «никакого вреднаго вліянія не имѣли на русскую народность», «никогда съ мятежными элементами государства не имѣли ничего общаго» и «на притѣсненія имъ причиненныя смотрѣли какъ на заблужденіе». Вотъ къ чему свелся въ книгѣ весь вопросъ о нашей борьбѣ съ Лондономъ, о нашемъ владычествѣ надъ Востокомъ, о нашей великой исторической миссіи. Ловкій человѣкъ г. Иппо, нужно отдать ему въ этомъ справедливость.

В. Г.

Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Часть III. С. Т. Аксаковъ.—П. И. Мельниковъ.—А. Н. Островскій. Спб. 1888.

Новая русская литература находится у насъ въ загонѣ: въ гимназіяхъ, программы, составленныя 15 лѣтъ тому назадъ, знаютъ русскую литературу только до Гоголя, такъ что весь сорокалѣтній блестящій періодъ развитія нашей словесности послѣ Гоголя считается для гимназистовъ какъ бы со-

всѣмъ не существующимъ, ни одинъ преподаватель ничего имъ не говоритъ ни о Тургеневѣ, ни объ Островскомъ, ни тѣмъ болѣе о Толстомъ или Достоевскомъ. Даже въ университетахъ считается пустяшнымъ занятіемъ читать о новой русской словесности; лекціи объ этомъ предметѣ признаются слишкомъ легкимъ дѣломъ и ученые олимпійцы, съ увлеченіемъ сообщая студентамъ о Лукѣ Жидятѣ, Ѳеодосіи Печерскомъ, Тредіаковскомъ, Сумароковѣ и т. п., считаютъ недостойнымъ себя спускаться до современныхъ писателей; однако, теперь можно сказать въ ихъ оправданіе, что имъ вообще нечего усердствовать, такъ какъ русская литература признана предметомъ второстепеннымъ, поставлена ниже изученія разныхъ грековъ и римлянъ. А между тѣмъ, въ обществѣ существуетъ несомнѣнный интересъ къ этому предмету, образованный русскій человѣкъ не можетъ не знать своей новой словесности, и поэтому всякій новый трудъ, ей посвященный, находитъ очень хорошій пріемъ. Трудовъ этихъ очень немного: нѣсколько маленькихъ брошюръ, да нѣсколько плохихъ учебниковъ, и нельзя не привѣтствовать продолженія предпринятаго почтеннымъ ученымъ О. Ѳ. Миллеромъ сочиненія: «Русскіе писатели послѣ Гоголя», о первыхъ двухъ частяхъ котораго уже былъ помѣщенъ отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прошлаго года.

Вышедшая теперь третья часть посвящена С. Т. Аксакову, П. И. Мельникову и А. Н. Островскому. Изъ этихъ писателей о Мельниковѣ писано очень мало (прекрасная статья П. С. Усова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1885 г. не идетъ въ счетъ, такъ какъ это преимущественно біографическое сочиненіе и чисто-литературной критикѣ въ немъ отведено мало мѣста), а Островскимъ критика занималась серьезно только въ первый періодъ его дѣятельности, о немъ писали Добролюбовъ и Аполлонъ Григорьевъ, послѣ же ихъ смерти крупныхъ статей о нашемъ драматургѣ совсѣмъ не появлялось.

Сказавъ нѣсколько словъ объ отношеніи Аксакова къ природѣ въ его охотничьихъ произведеніяхъ, О. Ѳ. Миллеръ пытается опредѣлить мѣсто, занимаемое имъ среди писателей Гоголевскаго періода. Онъ указываетъ въ его произведеніяхъ вліяніе Гоголя, но говоритъ, что Аксаковъ дополнилъ Гоголя, достигъ того, къ чему послѣдній стремился такъ неудачно; по выраженію Хомякова, Аксаковъ «первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на жизнь съ положительной, а не съ отрицательной точки зрѣнія». Вліяніе Гоголя на творчество Аксакова выразилось близостью къ жизни, простотой и безъискусственностью. Обращаясь затѣмъ къ «Семейной хроникѣ», авторъ указываетъ, что характеристическою чертой выведенныхъ въ ней лицъ является властность, что герои ея представители крупно развившагося личнаго начала. Эту черту онъ старается прослѣдить, какъ въ Степанѣ Михайловичѣ Багровѣ, такъ и въ Куролесовѣ, Прасковьѣ Ивановнѣ, Софьѣ Николаевнѣ и др. Другая черта героевъ «Семейной хроники» — стихійность, особенно выражающаяся въ Степанѣ Михайловичѣ; «какъ гнѣвъ, такъ и милость сказывались въ немъ стихійно, подобно тѣмъ разрушительно-бурнымъ и благодѣтельно-тихимъ днямъ, пестрая смѣна которыхъ сказывается въ природѣ». Охарактеризовавъ Софью Николаевну, какъ типъ просвѣщенной горожанки, неуживающейся съ сельскимъ бытомъ Багровыхъ, авторъ переходитъ къ «Дѣтскимъ годамъ Багрова внука», гдѣ Софья Николаевна занимаетъ такое видное мѣсто, гдѣ она выступаетъ, какъ мать и воспитательница. Тутъ разбирается свойство материнской любви Софьи Николаевны,

отношеніе Сережи къ ней и къ отцу, говорится о возникновеніи подъ вліяніемъ отца въ душѣ Сережи любви къ народу, отъ котораго его всѣми силами старалась удалить Софья Николаевна. Разобравъ «Воспоминанія» и прочія сочиненія Аксакова, авторъ касается его отношенія къ практическимъ вопросамъ жизни, изъ которыхъ главнымъ было крѣпостное право, отмѣчаетъ его солидарность съ молодымъ поколѣніемъ, съ сыновьями, припоминаетъ его стихотвореніе: «При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ»; здѣсь автору приходится защищать Аксакова противъ г. Венгерова, нашедшаго добродушіе въ отношеніи Аксакова къ крѣпостному праву. «Вовсе и не думая добродушно относиться къ крѣпостному праву», говоритъ авторъ, «Аксаковъ во многомъ сочувственно рисовалъ намъ старый помѣщичій бытъ и людей, въ немъ жившихъ, сочувственно рисовалъ во многихъ отношеніяхъ нравственную природу русскаго человѣка, вообще, какъ и физическую природу русской земли со всѣмъ ея птичьимъ и звѣринымъ міромъ».

Отъ Аксакова авторъ переходитъ къ столь же безъискусственному живописателю русскаго быта, особенно быта «низовыхъ» людей, къ П. И. Мельникову. Онъ останавливается прежде всего на его мелкихъ разсказахъ и очеркахъ. Тутъ прежде всего стоятъ «Красильниковы», гдѣ выведены два разошедшіяся поколѣнія, своего рода «Отцы и дѣти»; затѣмъ идетъ «Поярковъ», грѣховодникъ, напоминающій Некрасовскаго Власа, «съ тою великою разницей, что не страхъ адскихъ мукъ пробудился въ немъ, а въ душѣ наконецъ-то заговорила совѣсть, уже не дающая себя провести ничѣмъ»; «Дѣдушка Поликарпъ» является воплощеніемъ народнаго здраваго смысла въ своей нелюбви къ отвлеченно-научному и казенному умничанью надъ жизнью; эта же нелюбовь къ казенному мудрованію высказывается прямо отъ лица автора въ «Медвѣжьемъ углу». Подробнѣе разбираетъ г. Миллеръ историко-бытовые очерки Мельникова: «Старые годы» и «Бабушкины розсказни». «Въ нихъ, говоритъ критикъ, оживаетъ передъ нами нашъ XVIII вѣкъ со всею его европейски-азіатскою двуличневостью». Типъ князя Заборовскаго, выведенный въ «Старыхъ годахъ», характеризуется тою же властностью и тѣмъ же развитіемъ личнаго начала, которыя замѣчаются въ герояхъ «Семейной хроники», но только эта властность достигаетъ здѣсь крайнихъ размѣровъ, выражается въ ужасающихъ формахъ, кн. Заборовскій тотъ же Куролесовъ даже еще хуже и ужаснѣе. Коснувшись затѣмъ разсказа изъ раскольничьяго быта: «Гриша», г. Миллеръ переходитъ къ большимъ произведеніямъ Мельникова: «Въ Лѣсахъ» и «На Горахъ». Приведемъ общій отзывъ критика объ этихъ эпопеяхъ: «Скопить и привести въ порядокъ такой богатый этнографическій матеріалъ могъ только настоящій ученый, а создать изъ него такую полную и стройную картину русской жизни могъ только истинный художникъ. Своеобразное значеніе Мельникова именно и заключается въ такомъ сочетаніи двухъ стихій, рѣдко кому дающихся въ равной мѣрѣ. Обѣ онѣ, конечно, замѣтны и у стараго пріятеля, а отчасти учителя Мельникова, В. И. Даля,—но Мельниковъ далеко превосходитъ его, какъ художникъ». Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на характеристикѣ Мельниковскихъ типовъ, мастерски сдѣланной критикомъ, отмѣтимъ только его общее сужденіе о народной жизни. Сила народная, нравственные устои его заключаются въ общинѣ-мірѣ. Мельниковъ самъ влагаетъ сочувственную рѣчь о нихъ въ уста артельщика Артемія, но съ дру-

гой стороны онъ отрицательно относится къ поземельной общинѣ. Тутъ критикъ замѣчаетъ у него исключительно экономическую точку зрѣнія и полемизируетъ съ нимъ, говоря, что свѣтлый образъ Чапурина могъ возникнуть только на общинно-мірской почвѣ. Сила раскола заключается въ томъ, что духъ любви, составляющій суть церковнаго ученія, заслоненъ отъ народа внѣшнимъ формализмомъ. «Мельниковъ раскрылъ передъ нами, въ цѣломъ рядѣ явленій общественныхъ роковыя послѣдствія подавленія духа любви... Наше чувство отдыхаетъ лишь на немногихъ образахъ, въ которыхъ не замеръ еще духъ жизни, истинный духъ любви и правды, потому что образы эти возникли на бытовой почвѣ общины».

Третій писатель, о которомъ идетъ рѣчь въ разбираемой книгѣ — А. Н. Островскій; тщательному анализу его драмъ посвящена бо̀льшая часть книги. Говоря о первомъ періодѣ его дѣятельности, авторъ разсматриваетъ отзывы о немъ Добролюбова и Ап. Григорьева; перейдя къ произведеніямъ драматурга, написаннымъ послѣ смерти этихъ даровитыхъ критиковъ, онъ не обращаетъ особеннаго вниманія на всякіе о нихъ отзывы. Авторъ приходитъ къ заключенію, что «Добролюбовская формула «самодурства» слишкомъ узка для характеристики творчества Островскаго, что въ нее далеко не укладываются его разнообразныя произведенія». «Мы потому-то и предпочитаемъ, говоритъ онъ, нѣсколько неопредѣленную, но за то широкую формулу Аполлона Григорьева—формулу «народности». Она, мы согласны, черезчуръ широка; за то она не служитъ для произведеній Островскаго прокрустовымъ ложемъ». Не соглашается авторъ съ Добролюбовымъ и въ оцѣнкѣ типа Катерины въ «Грозѣ», онъ не видитъ въ ней, «никакихъ признаковъ новой жизни, ничего возрождающаго и освободительнаго въ ея гибели». На взглядъ автора, Катерина «въ своей смерти вовсе не побѣдительница темнаго царства, а только одна изъ наиболѣе трогающихъ, наиболѣе привлекающихъ наше сочувствіе, жертвъ его». Нельзя не согласиться съ справедливостью этого замѣчанія. Свой разборъ драмъ Островскаго авторъ завершаетъ такимъ общимъ опредѣленіемъ его значенія: «Островскій—народный поэтъ, хотя у него и всего менѣе того, что принято у насъ называть народными типами, т. е. типами изъ жизни простого народа. Самые крестьяне являются у него, по преимуществу, въ несочувственномъ для народа видѣ, оторвавшихся отъ своей земледѣльческой почвы и перешедшихъ на почву торговую». Главнымъ образомъ встрѣчаемся мы у Островскаго съ купцами и барами. «Все это, стоящее надъ народомъ, окрашивается въ его глазахъ одною краскою, разсматривается имъ съ одной общей точки зрѣнія. Вотъ эта-то точка зрѣнія прямо и заимствована у самого народа нашимъ драматургомъ; она дѣйствительно сводится къ самодурству, но понимаемому такъ широко, что тутъ далеко недостаточно тѣхъ успѣховъ умственнаго развитія, на которые возлагали всю надежду Добролюбовъ и вслѣдъ за нимъ Писаревъ». Типъ самодура—типъ старинный, данный уже въ народной поэзіи въ лицѣ Васьки Буслаева; основа его — «сила, возомнившая себя властью, позабывшая о какихъ-либо нравственныхъ основахъ власти, о той «правдѣ-царицѣ», въ которой коренится настоящая власть». Буслаеву народная поэзія противопоставляетъ Илью Муромца, человѣка земскаго, произведеніе почвы общинной. Островскій своимъ самодурамъ также противоставляетъ людей другого склада—Любима Торцова, Козьму Минина, Дубровина—это и есть свѣтлыя явленія въ «темномъ царствѣ». Герой одной изъ его драмъ дѣлитъ людей на

«мерзавцевъ своей жизни» и «патріотовъ своего отечества». Но помимо народнаго своего значенія, Островскій великъ, какъ обличитель культа золотого тельца, все болѣе и болѣе ростущаго; въ его пьесахъ выдвигается могучій запросъ на силу нравственную, и потому онѣ получаютъ широкое общечеловѣческое значеніе.

Таково резюме книги О. Ѳ. Миллера, и мы не можемъ въ заключеніе не пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свой почтенный трудъ и скорѣе издалъ бы обѣщанный имъ обзоръ русской поэзіи послѣ Гоголя.

А. В.—инъ.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ восьмой. Перевелъ Андреевъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

Чтобы ни говорили ученые спеціалисты, которымъ наименѣе изслѣдованное кажется достойнымъ преимущественнаго вниманія, для образованной публики во всѣхъ областяхъ историческаго знанія всегда останутся скучные отдѣлы и скучные періоды. «Міръ—не садъ, и исторія—не романъ», говоритъ Карамзинъ. Конечно, не романъ; но она имѣетъ много общаго съ романомъ по отношенію къ ней читателей: талантливо написанная объ интересной эпохѣ историческая монографія, какъ и хорошій романъ, дѣйствуетъ не только на умъ, но и на чувство и воображеніе читателей, и потому «Исторія Англіи» Маколея развѣ немногимъ меньше читается, нежели любой изъ романовъ Диккенса. Но романистъ самъ и изобрѣтаетъ факты и излагаетъ ихъ, а историкъ строитъ изъ готоваго матеріала и по готовому въ общихъ чертахъ рисунку, а какъ ни украшай кирпичныя казармы, какъ ни соразмѣряй красоту ихъ частей, все же ихъ не превратишь въ Парѳенонъ.

Невыносимо скученъ романъ, если въ немъ выведена масса лицъ съ сходными характерами и сходной судьбою. Невыносимо скучна исторія восточной державы, повѣствующая о длинномъ рядѣ династій и владыкъ, мало чѣмъ отличающихся другъ отъ друга по своимъ взглядамъ и дѣйствіямъ. Но и въ исторіи западной Европы есть такіе скучные по однообразію и повтореніямъ періоды, и одинъ изъ нихъ обнимаетъ лежащій передъ нами томъ Вебера.

Спросите любого учителя исторіи въ любомъ учебномъ заведеніи, насколько легко дается ученикамъ средняя исторія сравнительно съ древней и новой. Онъ вамъ навѣрно отвѣтитъ, что нѣкоторые ея эпизоды и при томъ не изъ самыхъ простыхъ, какъ напримѣръ, Атилла, основаніе франкскаго государства Хлодвигомъ, Карлъ Великій, борьба папъ съ императорами, первые крестовые походы, Фридрихъ Барбарусса, Людовикъ IX, даже основныя понятія о феодализмѣ, рыцарствѣ, общинахъ, легко даются большинству учениковъ, гораздо легче, нежели новая исторія; но для другихъ ея отдѣловъ и въ особенности для исторіи мелкихъ государствъ Европы и послѣдней трети среднихъ вѣковъ самыя лучшія головы оказываются плохо воспріимчивыми. Да тоже самое учитель испытываетъ и на себѣ, если только онъ не заинтересованъ спеціально какимъ-либо отдѣломъ: ему достаточно хорошо приготовиться одинъ, много два раза къ разсказу о Карлѣ Великомъ, о Барба-

руссѣ, и этого предовольно для всей его педагогической карьеры, между тѣмъ какъ Арпадовъ, Пястовъ, Люксамбурговъ, Вальдемаровъ, Эриковъ и проч. ему придется просматривать передъ урокомъ много лѣтъ.

Причина понятна: тамъ — художественное разнообразіе, сила, оригинальность; здѣсь — прозаическое однообразіе, шаблонность, вѣчное повтореніе тѣхъ же характеровъ и тѣхъ же мотивовъ.

Конечно, всякій, кто пріобрѣлъ предыдущіе семь томовъ Вебера, пріобрѣтетъ и этотъ 8-й; для справокъ онъ также важенъ, если еще не важнѣе, но для чтенія онъ ничего не даетъ, за исключеніемъ немногихъ оазисовъ, которые легко перечесть по пальцамъ: это—борьба швейцарцевъ за свободу, Гуссъ, Кола Ріензи, взятіе Константинополя, Орлеанская Дѣва, Людовикъ XI, да событія англійской исторіи; послѣднія только благодаря освѣщенію ихъ творческимъ геніемъ Шекспира.

Еслибъ Веберъ былъ историкъ-мыслитель, самостоятельно переработавшій этотъ отдѣлъ, онъ, конечно, могъ бы заинтересовать насъ указаніями на факты, свидѣтельствующіе о сильной внутренней работѣ общества и о подготовленіи новаго порядка вещей; но онъ только компиляторъ, не выходящій за предѣлы того періода, событія котораго онъ пересказываетъ, и мы не въ правѣ отъ него требовать болѣе того, что онъ обѣщалъ намъ.

Какъ бы въ утѣшеніе, переводчикъ къ этому тому прибавилъ въ видѣ большого предисловія продолженіе своего «Очерка научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи», который онъ началъ при седьмомъ томѣ чрезвычайно интересною главою о расахъ. Здѣсь идетъ вторая глава: «О классификаціи людей по языку», которая развѣ немногимъ уступаетъ въ интересѣ предыдущей. Доказавъ вполнѣ убѣдительно, что расовыя отличія имѣютъ чрезвычайно ничтожное значеніе для разграниченія національностей (по крайней мѣрѣ при настоящемъ положеніи этнографіи), авторъ переходитъ къ опредѣленію значенія для той же цѣли языка; онъ считаетъ языкъ самымъ прочнымъ основаніемъ національнаго чувства (стр. XIX). Можно, пожалуй, возразить противъ выраженія: самый прочный и предложить замѣнить его словомъ: первый, но сущность дѣла отъ этого измѣнится немного.

Далѣе авторъ предлагаетъ краткій экстрактъ изъ классификаціи языковъ по Вильгельму Гумбольдту [1]) и съ замѣчательной ясностью излагаетъ различіе языковъ изолирующихъ, агглутинирующихъ и фектирующихъ. Изложивъ, затѣмъ, не знаемъ, гдѣ и кѣмъ въ такой рѣзкой формѣ выраженные, взгляды европейскихъ ученыхъ на сравнительное достоинство этихъ трехъ группъ (стр. XXXV), авторъ энергично возражаетъ на нихъ, доказывая, что и въ индо-европейскихъ языкахъ силенъ элементъ изолированія, не говоря уже про элементъ агглутинаціи, и что въ одномъ изъ самыхъ культурныхъ языковъ міра — англійскомъ, въ настоящее время слова неизмѣняемыя составляютъ огромное большинство; стало быть, мы не имѣемъ никакого права утверждать, что народы, говорящіе изолирующими языками, отъ природы несравненно глупѣе насъ.

Какъ выше замѣчено, мы недоумѣваемъ, какіе ученые утверждали, будто въ умѣ человѣка, говорящаго изолирующимъ языкомъ, нѣтъ связи между

---

[1]) Ее въ главныхъ основаніяхъ принялъ и Шлейхеръ въ своемъ знаменитомъ Compendium'ѣ.

понятіями (стр. XXV). Если авторъ, ради наглядности и силы, только преувеличилъ общераспространенное мнѣніе, что изолированіе указываетъ на низшую ступень развитія, нежели агглутинированіе, а тѣмъ болѣе флектированіе, то, возставая противъ этого, онъ побиваетъ себя собственнымъ оружіемъ: вѣдь онъ же признаетъ, что англійскій, напримѣръ, языкъ прошелъ черезъ всѣ эти ступени и теперь представляетъ орудіе наиболѣе развитаго изъ новыхъ народовъ; а орудіе, которымъ народъ пользуется въ пору ранняго дѣтства, конечно, менѣе совершенно чѣмъ-то, которымъ пользуется тотъ же народъ въ періодъ юности. Если же авторъ имѣетъ въ виду лингвистовъ, которые не допускаютъ перехода языка съ одной ступени на другую высшую, и антропологовъ, которые считаютъ извѣстныя племена отъ природы осужденными на коснѣніе въ грубомъ варварствѣ, мы, конечно, становимся всецѣло на его сторонѣ: мнѣнія такихъ лингвистовъ давно сданы въ архивъ, а взгляды такихъ антропологовъ, какъ объяснилъ самъ же г. Андреевъ въ предыдущей статьѣ, имѣли вовсе не научный источникъ. Послѣ такихъ общихъ разсужденій о сравнительномъ достоинствѣ трехъ главныхъ классовъ языковъ и весьма ясной (хотя въ подробностяхъ не вездѣ точной) характеристики особенностей двухъ группъ флектирующихъ языковъ—индогерманской и семитической, читатель въ правѣ ожидать раздѣленія группъ на семейства и семействъ на отдѣльные языки. Но г. Андреевъ вмѣсто этого предлагаетъ нѣсколько наблюденій и соображеній общаго характера о частомъ противорѣчіи между національностью по языку и національностью по исторической связи, объ отношеніи колоній къ метрополіямъ и о консерватизмѣ колонистовъ, и потомъ дѣлаетъ какъ бы большой экскурсъ для рѣшенія дѣйствительно важнаго въ настоящее время и интереснаго вопроса о томъ, составляютъ ли сѣверо-американцы особую національность или это тѣ же англичане, только поставленные въ иныя условія?

Авторъ держится послѣдняго изъ этихъ мнѣній и въ защиту его приводитъ нѣсколько очень интересныхъ соображеній и фактовъ. Онъ заканчиваетъ эту главу своего очерка малоожиданнымъ и, какъ мы думаемъ, произвольнымъ выводомъ: «судя по нынѣшнему ходу дѣла, говоритъ онъ, наиболѣе вѣроятной представляется та перспектива, что люди англійскаго языка получатъ преобладающее вліяніе на исторію всего человѣчества». Противъ этого можно возразить такъ много, что журнальная рецензія должна была бы превратиться въ цѣлую статью.

Мы съ большимъ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія интереснаго «Очерка» г. Андреева и, между прочимъ, той его части, гдѣ онъ обѣщаетъ говорить о стремленіи народныхъ семействъ къ обособленію (пангерманизмъ, панроманизмъ, панславизмъ): пусть онъ часто увлекается, пусть въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ въ лингвистикѣ онъ только диллетантъ; но онъ и здѣсь диллетантъ начитанный и многодумавшій; а въ соціальныхъ вопросахъ, судя по первой статьѣ, онъ совсѣмъ на своемъ мѣстѣ. Правда, широта его взглядовъ и смѣлость его выводовъ плохо гармонируютъ съ мелочной кропотливостью и осторожностью автора, котораго онъ снабжаетъ своими предисловіями; но это имѣетъ и свою хорошую сторону: авторъ и переводчикъ какъ бы восполняютъ другъ друга.

А. К.

Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Начата подъ ред. В. Ѳ. Корша, продолж. подъ ред. проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XXI. Спб. 1887.

Настоящій выпускъ этого изданія, продолжаемаго хотя не быстро, но настойчиво и безъ значительныхъ перерывовъ, занятъ, главнымъ образомъ, тремя статьями, имѣющими въ общей связи изданія болѣе или менѣе самостоятельный характеръ. Первая—«Англійскіе драматурги, современные Шекспиру и школа Шекспира», принадлежитъ г. С. Варшеру. Авторъ разбираетъ здѣсь преимущественно Бенъ-Джонсона, признавая его «послѣ Шекспира, несомнѣнно, величайшимъ изъ драматурговъ блестящаго вѣка Елисаветы». Одною изъ выдающихся и драгоцѣнныхъ чертъ его нравственной и литературной физіономіи является его самостоятельность и отсутствіе желанія льстить, ради пріобрѣтенія успѣха, современнымъ вкусамъ: «онъ никогда не шелъ за общественнымъ мнѣніемъ, а всегда стремился возвыситься надъ нимъ». Имѣя современникомъ себѣ такого поэтическаго гиганта, какъ Шекспиръ, Бенъ-Джонсонъ съумѣлъ, однако же, проложить себѣ самостоятельную дорогу въ области драматургіи; въ то время, какъ Шекспиръ обращался за сюжетами къ исторіи и литературнымъ источникамъ, Бенъ-Джонсонъ черпалъ изъ современной жизни: «ни у кого изъ тогдашнихъ драматурговъ не найдемъ мы такой отзывчивости на современные вопросы, такой чуткости ко всему современному; его піесы — лучшій матеріалъ для изученія быта и нравовъ эпохи». Поэтому, Бенъ-Джонсонъ, въ противоположность Шекспиру, разработывалъ преимущественно «комедію нравовъ». Превратность его собственной жизни дозволила Бенъ-Джонсону хорошо изучить жизнь разнообразныхъ классовъ англійскаго общества и дать въ своихъ комедіяхъ множество типичныхъ лицъ и оригинальныхъ положеній. Изъ другихъ современниковъ Шекспира, работавшихъ на драматическомъ поприщѣ, г. Варшеръ останавливается въ своей статьѣ на Георгѣ Чапманѣ, который былъ сторонникомъ литературныхъ взглядовъ Бенъ-Джонсона. Менѣе даровитый, чѣмъ послѣдній, Чапманъ, однако же, пользовался значительной извѣстностью между современниками, которые даже воздвигли ему памятникъ. Въ его драматическихъ произведеніяхъ сильно преобладалъ эпическій элементъ; съ Бенъ-Джонсономъ сходился онъ, главнымъ образомъ, въ стремленіи изображать дѣйствительную жизнь.

Другая статья въ названномъ выпускѣ «Исторіи всеобщей литературы» принадлежитъ г. Алексѣю Веселовскому; это — «Англійская литература въ періодъ республики и реставраціи». Авторъ, съ увлекательной легкостью, изображаетъ вначалѣ разнообразныя направленія религіозной и политической мысли въ Англіи въ періодъ республики. Литература съумѣла ярко выразить такое разнообразіе, и результатомъ этого являются нѣсколько замѣчательныхъ авторовъ и произведеній. Одно изъ видныхъ мѣстъ между писателями этой поры принадлежитъ Джону Бэніану, который своимъ «Путемъ паломника» выразилъ общее стремленіе къ новой жизни значительной части англійскаго общества и пріобрѣлъ славу народнаго писателя. Другимъ, еще болѣе знаменитымъ, и не въ одной Англіи, писателемъ этой поры, является Джонъ Мильтонъ, въ значительной мѣрѣ отразившій въ своихъ безсмерт-

ныхъ твореніяхъ, «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», и свои личныя чувства, и настроеніе своихъ современниковъ. Рядомъ съ такими грандіозными твореніями, какъ поэмы Мильтона, періодъ республики выдвинулъ и множество болѣе мелкихъ видовъ литературы: оживилась журналистика, появились политическіе трактаты Гаррингтона, Сиднея, Бакстера, Фильмера и друг. Далѣе является Томасъ Гоббзъ съ своимъ «Левіаѳаномъ», всецѣло основаннымъ на научномъ методѣ Бэкона. Съ возвращеніемъ Стюартовъ, англійская литература переживаетъ періодъ деморализаціи: писатели не стѣсняются принимать на себя роли льстецовъ и шпіоновъ, и совершенно забываютъ о законныхъ требованіяхъ націи. Упавшіе литературные вкусы обращаются для подражанія къ такимъ французскимъ образцамъ, какъ романы Скюдери, Кальпренеда, д'Юрфэ; наиболѣе видными представителями этой поры англійской литературы являются: Ботлеръ (комическая поэма), Афра Бэнъ (романъ) и друг. Но рядомъ съ этимъ теченіемъ, совершенно лишеннымъ смысла современости, въ англійской литературѣ реставраціи является и политическое направленіе, выразившееся, главнымъ образомъ, въ журналахъ и памфлетахъ; представителями эпической и драматической поэзіи за это время являются Отвэй и Драйденъ; на произведеніяхъ послѣдняго нерѣдко лежитъ яркая печать современности.

Третья статья: «Французская литература въ эпоху псевдоклассицизма» принадлежитъ проф. А. Кирпичникову. Она открывается характеристикой родоначальника классицизма во французской литературѣ—Франсуа Малерба, культивировавшаго, главнымъ образомъ, оду и оказавшаго большія услуги относительно языка. Почти одновременно съ этимъ сильнымъ шагомъ преобладанія классицизма, въ свободной французской литературѣ явились два лица, давшія послѣдній отпоръ новому направленію, это — Матуринъ Ренье и Агриппа д'Обинье. Рядомъ съ зарожденіемъ этого новаго направленія, французская литература подвергается вліянію итало-испанскаго пасторальнаго романа, самымъ извѣстнымъ представителемъ котораго во Франціи явился Оноре д'Юрфэ—со своей «Астреей». Централизующая дѣятельность Ришелье, работавшаго надъ проведеніемъ въ жизнь идеи абсолютизма Генриха IV, отразилась и на французской литературѣ—учрежденіемъ академіи; роль послѣдней, какъ законодательницы литературнаго вкуса, выполняли до ея возникновенія нѣкоторые парижскіе салоны, между которыми особенно извѣстенъ «Отель Рамбулье»; сама академія выродилась изъ частнаго литературнаго кружка, имѣвшаго во главѣ своей нѣкоего Шапелена; этому кружку кардиналъ Ришелье и предложилъ принять оффиціальное положеніе; первымъ крупнымъ изданіемъ академія явился «Словарь», вышедшій въ 1694 году. Французскій театръ этого времени имѣлъ нѣсколько даровитыхъ представителей, между которыми должны быть упомянуты: Гарди, Раканъ, Мерэ, Жоржъ де-Скюдери; наконецъ, являются корифеи французскаго ложноклассицизма, Корнель и Расинъ. Теоретикомъ новаго направленія выступаетъ не менѣе знаменитый Буало. Выступившіе противъ деморализаціи католическаго духовенства, янсенисты нашли себѣ поддержку въ Паскалѣ, который своими «Провинціальными письмами» въ значительной мѣрѣ подготовилъ нерасположенное настроеніе французской буржуазіи къ королевской власти. Другими видными представителями французской литературы XVII вѣка являются: Мольеръ (комедіи), Перро (сказки), Ларошфуко (афоризмы), Лафонтенъ (басни), Боссюэтъ (проповѣди), Фенелонъ («Приключенія Теле-

мака») и друг. Въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей уже лежали тѣ зерна, изъ которыхъ впослѣдствіи выросли многія изъ причинъ, создавшихъ французскую революцію. **Е. П.**

Матеріалы для біографіи Иннокентія, архіепископа Херсонскаго. Н. И. Барсова. Выпускъ второй. Спб. 1888.

Съ именемъ архіепископа Иннокентія связывается одна изъ самыхъ яркихъ страницъ въ исторіи духовной литературы и, вообще, жизни новѣйшаго времени. Не только въ проповѣдничествѣ (гдѣ арх. Иннокентій по справедливости прозванъ «русскимъ Златоустомъ»), но и во всѣхъ другихъ сферахъ своей дѣятельности онъ проявилъ необычайную силу ума и таланта и пользовался огромнымъ вліяніемъ во всѣхъ сферахъ русскаго общества. Изученіе такой выдающейся личности представляетъ, безспорно, большой интересъ для всякаго мыслящаго человѣка. Однако, до сихъ поръ мы не имѣемъ еще полной біографіи преосвященнаго Иннокентія. Наша духовная литература до недавняго времени ограничивалась только эпизодическими очерками, статьями и воспоминаніями о немъ, что̀, строго говоря, нельзя назвать и матеріаломъ для его біографіи. Въ 1887 году, явилось сочиненіе г. Буткевича: «Иннокентій Борисовъ, бывшій архіепископъ Херсонскій», но сочиненіе это, не смотря на свои достоинства, не представляетъ полной біографіи знаменитаго архипастыря. Авторъ не имѣлъ подъ руками громадной массы, оставшихся послѣ смерти Иннокентія, писемъ (до 5,000) къ нему разныхъ лицъ. Къ разработкѣ этихъ писемъ, какъ матеріаловъ для біографіи Иннокентія, въ 1884 году приступилъ профессоръ Н. И. Барсовъ, издавшій уже первый выпускъ ихъ, содержащій въ себѣ, главнымъ образомъ, письма къ Иннокентію болѣе выдающихся его современниковъ. Въ видѣ введенія къ письмамъ имъ же издана особая брошюра «Архіепископъ Иннокентій Борисовъ по новымъ матеріаламъ для его біографіи», въ которой дѣлается общая характеристика личности и дѣятельности Иннокентія — проповѣднической и профессорской, его занятій въ области археологіи и исторіи, и вообще его научныхъ работъ, его отношеній къ современному ему обществу и дѣятельности іерархической. Появившійся теперь второй выпускъ «Матеріаловъ» содержитъ въ себѣ письма самаго Иннокентія (въ числѣ 25-ти) и письма къ нему Ѳ. А. Голубинскаго, Іоанна, еп. Смоленскаго, и протоіереевъ: І. С. Кочетова, Г. П. Павскаго и Ѳеофила Новицкаго, и друг. Въ то время, къ которому относятся ихъ письма, эти лица были главными представителями богословской учености въ Россіи, свѣтилами духовной науки, пользовавшимися громкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью не только въ Россіи, но и за предѣлами ея. Письма ихъ имѣютъ значеніе матеріала для исторіи проповѣдей и другихъ сочиненій преосв. Иннокентія и знакомятъ съ ходомъ его научныхъ работъ и съ тѣми затрудненіями, съ какими приходилось ему бороться при изданіи въ свѣтъ своихъ сочиненій. Важны здѣсь отзывы о словахъ Иннокентія въ «праздники» и «Свѣтлую седмицу» и замѣчанія, характеризующія отношеніе современной духовной цензуры къ его произведеніямъ. Послѣднія поражали своими достоинствами цензоровъ и высшихъ духовныхъ лицъ: одни видѣли геніальность въ произведеніяхъ Иннокентія, другіе—слишкомъ смѣлый и неправильный полетъ мысли, а третьи — прямо налагали на нихъ клеймо неправославія и еретичества. Все это вполнѣ гармонировало съ ду-

хомъ того времени, когда совершался кризисъ въ исторіи отечественнаго богословствованія. Особый отдѣлъ въ настоящемъ выпускѣ составляютъ «Письма съ Востока», сообщающія интересныя свѣдѣнія о дѣлахъ Востока и показывающія какъ живо интересовали Иннокентія событія на Востокѣ и какъ компетентно судилъ онъ о нихъ. Со времени же назначенія Иннокентія на одесскую архіепископскую каѳедру, ему пришлось стать въ непосредственныя отношенія къ славянству въ качествѣ члена одесскаго болгарскаго настоятельства и практически принести не мало пользы южнымъ славянамъ и своимъ ходатайствомъ за нихъ, и денежными средствами, и сообщеніемъ въ высшія сферы свѣдѣній о ходѣ у нихъ умственнаго образованія и гражданственности, о тѣхъ ненормальныхъ явленіяхъ и злоупотребленіяхъ, которыя возникли среди самой греческой іерархіи. Письма самого Иннокентія къ разнымъ лицамъ интересны и важны въ томъ отношеніи, что указываютъ на вліяніе его и въ сферѣ чисто государственной. Онъ былъ въ дѣловой перепискѣ и съ особами царствующаго дома и съ многими сановниками своего времени, занимавшими высокое положеніе въ государственной іерархіи.—Письма Гавріила, епископа Рязанскаго, къ Иннокентію важны какъ матеріалъ для біографіи послѣдняго, характеристики личности перваго и, наконецъ, какъ историческое сообщеніе о состояніи тогдашнихъ дѣлъ обще-церковныхъ и мѣстныхъ епархіальныхъ. Письма архіепископа Иринея Нестеровича цѣнны для обрисовки этой своеобразной личности, какъ источникъ свѣдѣній о церковно-религіозной жизни въ Вологдѣ за 1842—1848 годы и, затѣмъ, какъ данныя для личной жизни самого Иннокентія. Письма Фотія, архимандрита Новгородскаго Юрьева монастыря, обрисовываютъ вторую половину жизни этого «русскаго Саванароллы», о которой доселѣ почти ничего не было въ печати. Наконецъ, письма И. М. Скворцева къ Иннокентію интересны въ томъ отношеніи, что знакомятъ съ взаимными отношеніями этихъ двухъ лицъ, бывшихъ самыми искренними и близкими друзьями. Здѣсь находится масса свѣдѣній о частной и оффиціальной жизни ихъ; не мало любопытныхъ сообщеній о жизни Кіева и его ученаго міра, а также мнѣнія Скворцева по общимъ вопросамъ церковно-общественной и гражданской жизни Россіи за время 1835—1857 годы. Наконецъ, письма эти важны еще въ томъ отношеніи, что содержатъ много прямыхъ и откровенныхъ замѣчаній со стороны Скворцева Иннокентію, которыя возможны только въ интимной перепискѣ, о лицахъ такъ или иначе причастныхъ академіи, о ея внутреннемъ строѣ и перемѣнахъ и т. п. Словомъ, обширная корреспонденція друзей Иннокентія заключаетъ въ себѣ массу, не только личнаго матеріала, относящагося къ біографіи ихъ самихъ и Иннокентія, но и, вообще, историческаго матеріала, касающагося событій и лицъ того времени, а потому и является цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. Н. Т—въ.

Е. С. Шумигорскій. Очерки изъ русской исторіи. I. Императрица-публицистъ. Эпизодъ изъ исторіи литературной дѣятельности Екатерины II. Спб. 1887.

Цѣль настоящаго очерка—выяснить подробности полемики между издаваемымъ Екатериною II журналомъ «Всякая Всячина» и другими журналами, и указать на положеніе, принятое Екатериной «какъ писательницей въ журнальномъ движеніи 1769 г. и, вообще, на отношеніе ея къ журналистикѣ этого вре-

мени». Изложеніе этого эпизода не есть новость въ нашей литературѣ и уже съ достаточною полнотою представлено въ трудахъ гг. Пекарскаго, Добролюбова, Мордовцева, и главнымъ образомъ Незеленова, такъ что г. Шумигорскій ничего не прибавляетъ новаго съ фактической стороны къ тому, что уже сказано. Разница между нимъ и остальными авторами та, что тѣ захватывали всю литературную дѣятельность Екатерины и ея противниковъ, онъ же ограничивается лишь однимъ эпизодомъ и, иллюстрируя его незначительными анекдотами, изъ этого скромнаго уголка дѣлаетъ широкіе выводы, справедливость которыхъ, однако, подвержена сильному сомнѣнію или, покрайней мѣрѣ, ничѣмъ не доказана. Такъ напр., говоря, что государыня, выступая по ея словамъ въ своей литературной и правительственной дѣятельности «Курцгалопомъ», дѣйствительно, успѣла многое совершить на этомъ пути: дарованіемъ правъ дворянству и городскому сословію она открыла дорогу, сдѣлала необходимымъ и освобожденіе крестьянъ (?!), а «учрежденіемъ о губерніяхъ» въ связи съ другими своими актами (?) провозвѣстила важность земскаго (?!) начала, призваннаго, наконецъ, къ жизни незабвеннымъ императоромъ Александромъ II»... Такое смѣлое сближеніе принциповъ реформъ Екатерины II и Александра II не находитъ себѣ научнаго оправданія, и изъ трудовъ проф. Владимірскаго - Буданова мы знаемъ, что государство второй половины XVIII в. и не думало носить въ себѣ какого - либо зародыша земскаго начала, а было государствомъ «полицейскимъ» въ строгомъ смыслѣ слова. Равнымъ образомъ и изъ трудовь г. Семевскаго мы не видѣли, чтобы именно въ царствованіе Екатерины II «была открыта дорога, сдѣлано необходимымъ освобожденіе крестьянъ». Мы уже не станемъ говорить про покойнаго Ив. С. Аксакова, утверждавшаго, что по духу реформъ Александръ II черезъ голову Петра и Екатерины протянулъ руки Θеодору и Борису.

Совершенно произвольно сближаетъ также авторъ очерка «бунтъ» декабристовъ съ «проявленіемъ духа той части служилаго дворянства, которая привыкла въ XVIII в. вершить судьбу Россіи путемъ переворотовъ». Эти спорные и поспѣшные выводы въ книжкѣ г. Шумигорскаго придаютъ ей фельетонный характеръ и лишаютъ серьезности, которую можно бы было предъявить къ сочиненію, хотя бы и очень небольшому по размѣрамъ, какъ настоящее, выходящему отдѣльнымъ изданіемъ. Странна также и полемика г. Шумигорскаго съ академикомъ Пекарскимъ послѣ того, какъ неточности въ сочиненіи послѣдняго устранены г. Незеленовымъ и въ его книгѣ «Николай Ивановичъ Новиковъ» уже не попадаются. Попытки психологическаго анализа въ очеркѣ не совсѣмъ удачны, и, дѣлая строгіе выговоры гг. Добролюбову, Мордовцеву, Пекарскому и Незеленову, авторъ самъ беретъ только тѣ стороны журнальной дѣятельности государыни, которыя служатъ въ ея пользу, такъ что читатель получаетъ ложное впечатлѣніе, будто взглядъ на журналистику Екатерины былъ одинаковъ въ началѣ ея царствованія и въ концѣ. «Отношеніе государыни,—говоритъ г. Шумигорскій,—къ журналистикѣ и къ своимъ противникамъ характеризуется тѣмъ, что два года спустя... Новиковъ вновь началъ изданіе журнала знаменитаго «Живописца» при личномъ ея содѣйствіи и даже сотрудничествѣ: государыня на опытѣ узнала достоинства Новикова, какъ журналиста, и относилась къ нему съ уваженіемъ».

Это вѣрно, но вѣрно также и то, что та же дѣятельность Новикова черезъ нѣсколько лѣтъ была признана зловредною и онъ, какъ и другой ея

собрать по перу, извѣстный Радищевъ, дорого поплатились за свое литераторство. «Императрица-публицистъ» есть первый очеркъ г. Шумигорскаго и можно догадываться, что онъ собирается подарить публикѣ еще нѣсколько подобныхъ, а потому пожелаемъ ему въ дальнѣйшихъ трудахъ отрѣшиться отъ поспѣшности и смѣлости выводовъ и посовѣтуемъ ему по одному эпизоду изъ жизни и дѣятельности человѣка не судить о цѣлой эпохѣ во всѣхъ ея отправленіяхъ. В. Г.

Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ мистическихъ и раціоналистическихъ. Въ трехъ частяхъ. Составилъ Н. Ивановскій. Казань. 1887.

Послѣ выхода въ свѣтъ въ 1855 году «Исторіи русскаго раскола» архіеп. Макарія, не появлялось ни одной попытки полнаго общаго обозрѣнія исторіи этого важнаго явленія русской жизни, а между тѣмъ трудъ покойнаго Макарія, въ свое время имѣвшій очень большое значеніе, представляется теперь сильно устарѣвшимъ, въ особенности въ той части, гдѣ говорится о происхожденіи и первоначальномъ развитіи раскола; нѣтъ у Макарія обзора мѣръ правительства и духовной власти противъ раскола; о Бѣлокриницкой іерархіи говорится у него очень мало. Между тѣмъ, съ 1855 года, наука о расколѣ ушла значительно впередъ: явилось множество спеціальныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ иныя имѣютъ несомнѣнно бо́льшую цѣнность, особенно обогатился нашъ запасъ свѣдѣній о сектахъ раціоналистическихъ и мистическихъ, совсѣмъ не затронутыхъ Макаріемъ, издано много различныхъ историческихъ матеріаловъ,... да и сама жизнь не стояла: въ расколѣ народились разныя новыя направленія, возникъ споръ окружниковъ съ противуокружниками, измѣнилось отношеніе правительства къ расколу. Все это нужно было свести, чувствовалась необходимость въ новомъ общемъ сочиненіи о расколѣ, замѣчался пробѣлъ, и вотъ этотъ-то пробѣлъ восполняетъ настоящая книга почтеннаго профессора Казанской духовной академіи, предназначенная служить собственно руководствомъ по исторіи и обличенію раскола для духовныхъ семинарій.

Книга Н. И. Ивановскаго состоитъ изъ трехъ частей: въ первой излагается исторія раскола, во второй—обличеніе раскола, и въ третьей сообщаются свѣдѣнія о сектахъ раціоналистическихъ и мистическихъ. Мы разсмотримъ только первую и третью части, такъ какъ вторая посвящена вопросамъ богословскимъ и историческаго интереса не представляетъ. Г. Ивановскій опредѣляетъ расколъ, какъ обрядовѣріе, и поэтому старается съ древнѣйшихъ временъ прослѣдить возникновеніе и развитіе на Руси привязанности къ обряду и буквѣ: онъ говоритъ о псковскихъ спорахъ изъ-за аллилуіи, о хожденіи посолонь и т. д. Указавъ на порчу книгъ, авторъ сообщаетъ объ ихъ исправленіи до Никона: Максимомъ Грекомъ, архимандритомъ Діонисіемъ. При патріархѣ Іосифѣ возникаетъ новое направленіе въ справщицкомъ дѣлѣ, являются ученые малороссы, является мысль объ исправленіи книгъ по греческимъ образцамъ, посылается на Востокъ Арсеній Сухановъ. Здѣсь нельзя не замѣтить, что у г. Ивановскаго это время характеризовано недостаточно полно, слишкомъ мало сказано о противникахъ новаго направленія, явившихся уже при Іосифѣ, и не выяснены причины ихъ протеста. Обращаясь

къ Никоновскимъ исправленіямъ, г. Ивановскій видитъ главную причину противодѣйствія имъ въ личныхъ неудовольствіяхъ московскихъ протопоповъ противъ суроваго патріарха. Этотъ взглядъ тоже узокъ. Также неправильно обвинять въ обрядовѣріи однихъ сторонниковъ старины, этому обвиненію не въ меньшей, можетъ быть, степени подлежатъ и сами исправители, особенно изъ грековъ. Сказавъ о московскихъ соборахъ 1666 и 1667 годовъ, г. Ивановскій переходитъ къ разсмотрѣнію внутренняго состоянія раскольнической общины при первыхъ расколоучителяхъ, выясняетъ возникновеніе ученія объ антихристѣ, говоритъ объ отношеніяхъ общины къ церкви и государству. Разсказавъ исторію Соловецкаго возмущенія и стрѣлецкаго бунта 1682 года, онъ останавливается на указѣ 1685 года и на его послѣдствіяхъ. Здѣсь онъ касается самосожигательства, но далеко не полно объясняетъ его возникновеніе; онъ говоритъ, что о самосожигательствѣ «упоминаетъ» Аввакумъ, между тѣмъ какъ у Аввакума есть цѣлая выработанная теорія о его спасительности и постоянный призывъ къ огненной смерти за вѣру. Далѣе говорится о дробленіи раскола сперва на два большіе отдѣла—поповщину и безпоповщину, а затѣмъ на мелкія секты, при чемъ коротко разсказывается исторія отдѣльныхъ сектъ. Въ этой же главѣ мы находимъ подробную исторію Бѣлокриницкой іерархіи и споровъ окружниковъ съ противоокружниками. Слѣдующая, четвертая глава посвящена единовѣрію и его исторіи, въ пятой главѣ говорится о правительственныхъ мѣрахъ противъ раскола, но слишкомъ коротко, такъ что совсѣмъ не характеризуются отдѣльные періоды, на которые можно раздѣлить исторію этихъ мѣръ. Въ этой же главѣ разсматриваются полемическія сочиненія противъ раскола, начиная съ «Жезла Правленія» до сочиненія митрополита Григорія «Истинно-древняя, истинно-православная Христова церковь». Таково содержаніе первой части. Въ третьей части авторъ подробно характеризуетъ ученія и излагаетъ исторію сектъ молоканъ, духоборцевъ, хлыстовъ, скопцевъ и примыкающихъ къ нимъ небольшихъ согласій раціоналистовъ. Вообще, о книгѣ слѣдуетъ сказать, что она составлена достаточно полно, что авторъ воспользовался всѣми источниками и литературой, хотя библіографическія указанія его нѣсколько устарѣли и не упоминаются нѣкоторыя сочиненія, имѣющія довольно большое значеніе.

А. В—нъ.

Евреи-земледѣльцы. Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе колоній со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней. 1807—1887. В. Н. Никитина. Спб. 1887.

Подъ этимъ длиннымъ, не совсѣмъ складнымъ заглавіемъ вышла, въ концѣ прошлаго года, огромная книга (почти въ 700 страницъ), въ своемъ изложеніи также не отличающаяся особенною складностью. Для своего труда авторъ пользовался «исключительно оффиціальными документами, до сихъ поръ нигдѣ еще не опубликованными», хранящимися въ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ. «Изъ этихъ документовъ»,—заявляетъ авторъ,—«мы почерпнули все, что можетъ служить къ всесторонней и безпристрастной характеристикѣ дѣйствительнаго положенія колоній со времени ихъ открытія до нашихъ дней. Такимъ образомъ, въ правдивости и полной безпристрастности нашего изложенія никто, смѣемъ думать, не вправѣ намъ отказать». Дѣйствительно, г. Никитину нельзя дѣлать того упрека, какой ему

сдѣлалъ кн. Н. Н. Голицынъ, обозвавшій его «защитникомъ евреевъ, тенденціознымъ». Если въ книгѣ по временамъ проявляются симпатіи автора къ евреямъ, то самымъ невиннымъ и наивнымъ образомъ: такъ, г. Никитинъ очень трогательно разсказываетъ о разныхъ злоключеніяхъ, которымъ подвергались еврейскіе колонисты, старается уязвить ихъ притѣснителей, иногда даже острить; напримѣръ, говоря объ отношеніяхъ къ евреямъ министра внутреннихъ дѣлъ, кн. Куракина, г. Никитинъ замѣчаетъ: «онъ, сытый, не разумѣлъ голодныхъ»; можно, наконецъ, видѣть сочувствіе автора къ евреямъ въ предисловіи къ книгѣ, но и тутъ онъ старается сохранить безпристрастіе. По нашему мнѣнію, г. Никитину слѣдуетъ сдѣлать совсѣмъ другой упрекъ: онъ не съумѣлъ справиться съ огромнымъ матеріаломъ, находившимся въ его распоряженіи, и получилось въ результатѣ ужасное нагроможденіе всяческихъ фактовъ и цифръ, въ которыхъ чрезвычайно трудно распутаться. Быть можетъ, это произошло отъ чрезмѣрнаго стремленія къ объективности, но для усвоенія себѣ вопроса объ евреяхъ-земледѣльцахъ, надъ изслѣдованіемъ г. Никитина надо производить новое изслѣдованіе, иначе ничего не извлечешь изъ той массы правительственныхъ распоряженій, законодательныхъ и административныхъ проектовъ, рапортовъ, отчетовъ, статистическихъ данныхъ и прочаго матеріала, который находится въ его трудѣ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ предметъ изслѣдованія г. Никитина не можетъ не интересовать русскихъ образованныхъ людей.

Размѣры библіографической замѣтки, конечно, не позволяютъ намъ заняться подробнымъ изложеніемъ вопроса, трактуемаго въ книгѣ г. Никитина, и мы ограничимся только указаніемъ на то, какъ возникла мысль обратить евреевъ въ земледѣльцевъ и какія она встрѣтила препятствія къ своему осуществленію. «Положеніемъ 1804 года о гражданскомъ устройствѣ евреевъ» созданъ былъ классъ евреевъ-земледѣльцевъ. Вводя этотъ новый классъ среди евреевъ, правительство имѣло въ виду: 1) расширить предѣлы ихъ свободнаго пребыванія, дать имъ новыя средства жизни и умалить антипатію къ нимъ эксплуатируемыхъ крестьянъ; 2) пріучить ихъ къ физическому труду, который плодотворнѣе торговаго, и 3) заселить пустыя пространства Новороссіи. Для привлеченія евреевъ къ земледѣлію имъ обѣщаны были разныя льготы и пособія. На призывы правительства явилось много охотниковъ въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ, и въ 1806 году началась еврейская колонизація. При императорѣ Александрѣ I и въ первое время царствованія Николая I этимъ дѣломъ завѣдывало министерство внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ оно перешло въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ. Нельзя сказать, чтобы въ высшихъ сферахъ къ еврейской колонизаціи относились равнодушно, напротивъ, цѣлый рядъ министровъ: гр. Кочубей, кн. Куракинъ, Козодавлевъ, Блудовъ, гр. Киселевъ, Зеленый, очень ревностно стремились къ ея поддержанію; гр. Киселевъ говорилъ даже, что «чѣмъ дѣло труднѣе, тѣмъ болѣе имѣть должно настойчивости». Не было недостатка во всевозможныхъ законодательныхъ проектахъ лучшаго устройства быта еврейскихъ поселенцевъ, издержано было на это дѣло множество денегъ, а, между тѣмъ, результатъ получился самый ничтожный: въ 1885 году всего было 39 еврейскихъ колоній, съ населеніемъ въ 26,733 души обоего пола, при чемъ экономическое ихъ состояніе было далеко не блестящее, не смотря на всѣ льготы и пособія, которыя правительство оказывало имъ въ теченіе 80 лѣтъ. Причина такого плачевнаго результата лежитъ, прежде

всего, въ самихъ евреяхъ: всѣ почти лица, посылавшіяся правительствомъ для ревизіи и изученія быта еврейскихъ колоній, въ своихъ отчетахъ свидѣтельствуютъ, что евреи земледѣліемъ занимаются неохотно, что шли они въ колонисты исключительно привлекаемые льготами и пособіями, придя на мѣсто всячески стремились къ занятію торговлей и разными другими промыслами, что ихъ учителя и меламеды поддерживали въ нихъ религіозное отвращеніе къ земледѣльческой профессіи и т. д. Рядомъ съ этимъ указываются причины неуспѣха еврейскихъ колоній другого рода, причины, не зависѣвшія отъ евреевъ: нищета поселенцевъ, болѣзни ихъ, физическая слабость, непривычка къ земледѣльческому труду, злоупотребленія низшихъ правительственныхъ агентовъ при раздачѣ евреямъ пособій, при отводѣ земли, постройкѣ для нихъ домовъ, злоупотребленія, иногда очень крупныя и т. д. Все это должно было дурно отзываться на колоніяхъ, но главная причина ихъ неудачи все же въ самихъ евреяхъ. Особенно рельефно это положеніе выясняется въ изслѣдованіяхъ гг. Иславина, Бартоломея и Тихѣева. По словамъ послѣдняго, «еврей не охотно зарабатываетъ кусокъ хлѣба тяжкимъ земледѣльческимъ трудомъ, а при складѣ своего ума и способностей, онъ легче и лучше обезпечитъ себя инымъ путемъ». Этимъ объяснялась масса бродячихъ евреевъ, исключенныхъ изъ земледѣльцевъ. Еврей-земледѣлецъ «дорожилъ своимъ званіемъ, если жизнь въ колоніи благопріятствовала его торговымъ, арендным или другимъ операціямъ, а надѣлъ свой онъ обработывалъ преимущественно крестьянскимъ трудомъ, изъ части урожая». А, между тѣмъ, «во всей Россіи не было ни одного крестьянскаго общества, на которое столь щедро лились бы пособія не только на продовольствіе, но даже на устройство бань, а пособія эти не могли оставаться тайною для крестьянъ и не могли не вызывать въ нихъ не добраго чувства». Таковы отзывы весьма многихъ изслѣдователей еврейскихъ колоній, и, прислушиваясь къ нимъ, мы никакъ не можемъ раздѣлять высказаннаго г. Никитинымъ пожеланія «образованія новыхъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній». Это будетъ повтореніемъ прежнихъ неудачныхъ опытовъ и продолженіемъ несправедливости къ русскому коренному крестьянству. В.

Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ четвертый. Изслѣдованіе И. И. Дубасова. Тамбовъ. 1888.

Съ первыми тремя выпусками почтеннаго труда И. И. Дубасова, предсѣдателя Тамбовской архивной комиссіи, читатели «Историческаго Вѣстника» своевременно были ознакомлены. Это трудъ, заслуживающій тѣмъ большаго вниманія, что онъ нѣкоторымъ образомъ единственный до сихъ поръ въ своемъ родѣ. Со временемъ, конечно, можно ожидать, что по документамъ и матеріаламъ собраннымъ и другими архивными комиссіями, тоже кто-нибудь составитъ подобный «сводъ» матеріаловъ и другихъ губерній, но до сихъ поръ «Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края» остаются единственной попыткой въ этомъ родѣ.

Прекрасный трудъ г. Дубасова есть именно «сводъ» всѣхъ извѣстій и матеріаловъ о прошломъ губеріи: «Изслѣдованіе»—названіе гораздо меньше къ нему идущее. Г. Дубасовъ просто группируетъ свѣдѣнія, имъ собранныя, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ высказываетъ свое о нихъ мнѣніе. Онъ на-

копляетъ и, по возможности, группируетъ матеріалъ—и только. Въ предисловіи къ вышедшему теперь четвертому выпуску г. Дубасовъ говоритъ: «Конечно, и этотъ мой выпускъ далеко не исчерпываетъ былого разнообразія мѣстной жизни и всей массы мѣстныхъ и иныхъ историческихъ документовъ, уже извѣстныхъ Тамбовской архивной комиссіи и мнѣ, и еще хранящихся подъ спудомъ архивнаго хлама и пыли. Во всякомъ случаѣ, на основаніи прежнихъ архивныхъ опытовъ, я совершенно увѣренъ, что въ предѣлахъ Тамбовскихъ, Московскихъ и иныхъ, для мѣстной исторіи снова найдется обильный, разнообразный и неожиданный матеріалъ, а потому я смѣло говорю относительно настоящей своей работы: продолженіе впредь»... При такомъ твердомъ убѣжденіи, что для «изслѣдованія» имѣется въ наличности еще далеко не весь матеріалъ, или покрайней мѣрѣ, не весь онъ еще разобранъ, трудно добросовѣстному «изслѣдователю» позволять себѣ дѣлать какія-либо заключенія или выводы...

Также просто и логично г. Дубасовъ объясняетъ и неизбѣжный недостатокъ въ выпускахъ своихъ «очерковъ»—повторенія и возвращенія къ тому, о чемъ прежде уже было говорено. «Нѣкоторыя главы первыхъ трехъ моихъ выпусковъ, по справедливому замѣчанію одного петербургскаго журнала, недостаточно закончены и нерѣдко въ нѣкоторыхъ подробностяхъ повторяютъ одна другую. Но этотъ мой литературный недостатокъ, по моему мнѣнію, былъ неизбѣженъ, такъ какъ работа моя шла по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, и со временемъ, при первомъ удобномъ случаѣ, будетъ легко устраненъ. Нельзя же мнѣ было ждать окончательнаго собранія моихъ матеріаловъ, потому, что имъ и теперь конца не предвидится»...

Четвертый выпускъ труда г. Дубасова заключаетъ въ себѣ четыре группы матеріаловъ: I) Тамбовская колонизація и ея дѣятели; II) Миссіонерство въ Тамбовскихъ предѣлахъ; III) Русскіе люди Тамбовскаго края въ XVII столѣтіи и IV) Сказанія о тамбовскихъ Кудеярахъ.

Намъ остается, въ заключеніе, конечно, только пожелать, чтобы г. Дубасовъ сдержалъ свое обѣщаніе, т. е. чтобы за выходомъ четвертаго выпуска послѣдовали пятый и слѣдующіе выпуски. С. Т—ъ.

Маркитантка. Историческій эскизъ времени революціи, консульства и имперіи. Соч. В. А. Абазы. Спб. 1888.

Въ этой книжкѣ представленъ краткій очеркъ событій во Франціи съ восшествія на престолъ короля Людовика XVI до вторичнаго отреченія Наполеона и отъѣзда его на островъ св. Елены. Въ послѣдовательномъ рядѣ эпизодическихъ разсказовъ авторъ передаетъ главныя происшествія, которыми ознаменована была бурная эпоха отъ созванія въ Версаль Генеральныхъ Штатовъ до возвращенія Бурбоновъ въ Парижъ. Тутъ, въ бѣгломъ, поверхностномъ эскизѣ, набросана картина дѣйствій Законодательнаго Собранія и Конвента, характеристика важнѣйшихъ двигателей революціи, учрежденіе Директоріи и первые шаги Бонапарте, наконецъ, провозглашеніе Имперіи и время властительства Наполеона. При всей сжатости очерка всѣмъ извѣстныхъ событій, нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя черты разсказа автора не могутъ быть признаны исторически-вѣрными, какъ, напримѣръ, сцена отравленія Наполеона въ Фонтенбло, не подтверждаемая достовѣрными источ-

никами. Не представляя, такимъ образомъ, ничего новаго въ своей существенной части, историческій эскизъ г. Абазы не могъ бы имѣть никакого значенія, еслибы онъ не былъ, можно сказать, вставленъ въ рамку довольно интересной повѣсти, которая много оживляетъ его. Авторъ соединилъ описанныя имъ дѣйствительныя происшествія съ вымышленными приключеніями молодой маркитантки. При выступленіи Анжуйскаго гренадерскаго полка изъ Буржа, въ 1784 году, въ обозной повозкѣ нашли подкинутую дѣвочку. Сержантъ и капралъ сдѣлались ея «пріемными отцами», а жена полковника занялась ея воспитаніемъ. Когда эта дочь полка стала взрослою дѣвушкою, ее назначили маркитанткою, и она во время войнъ республики и имперіи участвовала въ походахъ, побывала въ Испаніи и въ Россіи, а при Реставраціи поселилась въ Парижѣ и открыла тамъ маленькую лавочку. Интрига повѣсти основана на долгой преданной любви одного изъ солдатъ къ красивой маркитанткѣ, которая цѣнитъ его привязанность и соглашается, наконецъ, быть его женою. Разсказъ оканчивается, однако, неожиданной катастрофой: оба они, въ самый день свадьбы, погибаютъ въ Сенѣ. Нѣкоторыя сцены написаны очень живо, какъ, напримѣръ, встрѣча маркитантки съ Наполеономъ при посѣщеніи имъ военнаго госпиталя, когда восторженная почитательница императора бесѣдуетъ съ нимъ, не узнавая своего кумира. Особенность сочиненія г. Абазы состоитъ въ томъ, что оно рѣзко распадается на двѣ части, не связанныя органически, какъ это обыкновенно бываетъ въ историческихъ романахъ и повѣстяхъ. Очеркъ дѣйствительныхъ событій и разсказъ о приключеніяхъ маркитантки не соединены въ одно стройное цѣлое и могутъ читаться порознь. Кажется, будто здѣсь слиты двѣ отдѣльныя книжки — чисто-историческій очеркъ и вымышленная повѣсть,—которыя авторъ разорвалъ на части, перемѣшалъ эпизоды и сшилъ вмѣстѣ, сохраняя только по возможности хронологическую послѣдовательность въ ихъ размѣщеніи. Что касается изложенія, то книга написана живымъ и бойкимъ языкомъ, не лишеннымъ, впрочемъ, нѣкоторой странной своеобразности. Таковы, напримѣръ, выраженія: «большіе черные глаза въ красивой оправѣ», «густыя поросли гнѣдого цвѣта на лицѣ», «кучки стѣснялись возлѣ центра, которымъ былъ перпендикулярный женихъ» и т. п. **А. М.**

Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ. Д. Цвѣтаева. Москва. 1887.

Столкновенія москвичей съ протестантами въ дѣлахъ религіи должны были прежде всего обнаружиться на почвѣ обрядовой; обрядъ, какъ видимое проявленіе благочестія, игралъ огромную роль въ жизни русскихъ людей; иконопочитаніе, посты, монашество, дѣятельная сторона церковной жизни, были имъ понятнѣе и ближе, чѣмъ отвлеченная система богословія, и стоя на этой почвѣ они сразу стали недовѣрчиво относиться къ протестантамъ, не признававшимъ никакого обряда; съ другой стороны протестанты позволяли себѣ нападать именно на эти внѣшнія проявленія благочестія, объявляя иконопочитаніе идолопоклонствомъ, смѣясь надъ постомъ и монашествомъ. Но эти нападенія и попытки пропаганды на первыхъ же порахъ встрѣтили сильный отпоръ. Цѣлый рядъ полемистовъ выступаетъ изъ православной среды; обзоръ сочиненій этихъ полемистовъ составляетъ задачу раз-

бираемаго изслѣдованія г. Цвѣтаева, скромно называющаго свой трудъ «библіографическимъ очеркомъ».

Рядъ сочиненій, направленныхъ противъ протестантовъ, обыкновенно начинаютъ съ Максима Грека. Филаретъ, арх. Черниговскій относитъ къ разряду противопротестанскихъ пять сочиненій Максима, но позднѣйшая критика въ лицѣ Никольскаго, Иконникова, Макарія, Фехнера, ограничила это число и признала, что сочиненія эти писаны не противъ протестантовъ и лютеранъ, а противъ домашнихъ русскихъ раціоналистовъ; г. Соколовъ возвратился къ мнѣнію Филарета Черниговскаго и довелъ его до крайности, отыскивая слѣды противолютеранской полемики и въ другихъ сочиненіяхъ Максима. Авторъ рѣшаетъ вопросъ такимъ образомъ: сочиненія Максима писаны первоначально противъ домашнихъ раціоналистовъ, но потомъ уже были обращены противъ протестантовъ, получили названіе бесѣдъ на Лютера и Кавильна и вошли въ полемическіе сборники. Первымъ полемистомъ, относительно котораго не можетъ уже быть подобныхъ сомнѣній, выступаетъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный. Авторъ подробно описываетъ сношенія Грознаго съ протестантами, его бесѣды о религіозныхъ вопросахъ, желаніе получить точныя свѣдѣнія о протестантствѣ. Наиболѣе крупнымъ фактомъ является извѣстное преніе Іоанна съ пасторомъ Рокитой. Іоаннъ обнаружилъ въ этомъ спорѣ свою огромную богословскую начитанность, свою сильную діалектику и высказалъ мысль, составляющую основу православнаго взгляда на протестантовъ и полемику съ ними: «Мнѣ нельзя не считать тебя еретикомъ, объявилъ онъ Рокитѣ, потому что все твое ученіе неправо предъ Христовымъ ученіемъ, и церкви Христовой во всемъ ты мудрствуешь противно. Но ты лишь лютеранинъ, а есть еще хуже тебя: но и тебѣ впредь ученія своего въ нашей землѣ не объявлять, и о томъ молю Господа Бога, чтобъ онъ сохранилъ нашъ россійскій народъ отъ тьмы невѣрія вашего». Послѣ Іоанна Грознаго полемика съ протестантами получаетъ особенную силу при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ. Здѣсь обнаруживается и вліяніе южнорусской полемики, къ этому времени достигшей уже значительнаго развитія и выражавшейся въ большомъ числѣ сочиненій. Полемическій трудъ священника Василія Острожскаго: «О единой истинной православной вѣрѣ» и статья неизвѣстнаго автора: «объ образѣхъ и крестѣ» переведены на славянскій языкъ и распространяются въ Москвѣ. Переводъ послѣдней статьи, какъ остроумно доказываетъ г. Цвѣтаевъ, сдѣланъ былъ ключаремъ Успенскаго собора, священникомъ Иваномъ Насѣдкой. Г. Цвѣтаевъ подробно разсматриваетъ дѣятельность этого замѣчательнаго полемиста, разбираетъ большое его полемическое сочиненіе, извѣстное подъ именемъ: «Изложенія на лютеры». При Михаилѣ Өеодоровичѣ полемическія сочиненія противъ протестантовъ начинаютъ печататься, выходятъ «Соборникъ, слова избранныя о чести святыхъ иконъ и поклоненіи» и такъ называемая «Кириллова книга о вѣрѣ». Послѣднее сочиненіе переводное, и оно служитъ доказательствомъ усиленія южнорусскаго вліянія. Сильный толчекъ противопротестанской полемикѣ былъ данъ дѣломъ Вольдемара Датскаго; происходившія поэтому поводу пренія сильно заинтересовали все московское общество. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича полемика продолжалась въ прежнемъ направленіи. Г. Цвѣтаевъ останавливается на трудахъ Крижанича и архимандрита Игнатія. Затѣмъ, онъ переходитъ къ полемической дѣятельности Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева, говоритъ о дѣлѣ

Яна Бѣлободскаго. Тутъ онъ касается вліянія греческихъ полемистовъ, характеризуетъ труды братьевъ Лихудовъ, говоритъ о дѣятельности патріарховъ Іоакима и Адріана. Заключается сочиненіе обзоромъ полемическихъ посланій Аѳанасія, архіепископа холмогорскаго и составленнаго имъ громаднаго сборника: «Щитъ Вѣры». Полнота и всесторонность изслѣдованія, новость нѣкоторыхъ матеріаловъ, живость изложенія, дѣлаютъ новый трудъ г. Цвѣтаева весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ русской исторической литературы.

А. В—нъ.

Двадцатипятилѣтіе церковно-литературной дѣятельности протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго (7 октября 1862—1887 г.). Почаевъ. 1887.

Протоіерей А. Ѳ. Хойнацкій принадлежитъ къ числу скромныхъ, но весьма почтенныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя изученію мѣстной, областной исторіи. Труды его относятся, главнымъ образомъ, къ исторіи нашего Юго-Западнаго края. Свою литературную дѣятельность А. Ѳ. Хойнацкій началъ еще будучи студентомъ Кіевской духовной академіи, за годъ до окончанія курса въ 1862 г., и съ тѣхъ поръ неустанно трудился въ теченіе 25 лѣтъ надъ изученіемъ мѣстной церковной исторіи и археологіи, помѣщая свои статьи въ «Трудахъ Кіевской духовной академіи», «Христіанскомъ Чтеніи», «Древней и Новой Россіи», «Историческомъ Вѣстникѣ», въ различныхъ духовныхъ изданіяхъ. Чтобы охарактеризовать количество его большихъ сочиненій и мелкихъ статей, замѣтимъ, что настоящая брошюра, посвященная его юбилею, почти вся (40 страницъ) состоитъ изъ голаго ихъ перечня. Тутъ видимъ мы историческія работы, богословскія, проповѣди и т. п. Изъ историческихъ его сочиненій можно считать важнѣйшимъ вышедшее въ 1878 г. подъ заглавіемъ: «Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни, изложенные въ жизнеописаніяхъ св. угодниковъ Волынскихъ». Обширную и заслуживающую особеннаго вниманія серію статей составляютъ изслѣдованія и замѣтки А. Ѳ. Хойнацкаго по обозрѣнію исторіи и святыни Почаевской лавры. Важны также сочиненія А. Ѳ., касающіяся уніи; имъ сдѣланъ тщательный и подробный историческій обзоръ уніатскаго богослуженія и уніатскихъ богослужебныхъ книгъ. Изъ богословскихъ трудовъ А. Ѳ. наиболѣе имѣютъ значеніе относящіеся къ такъ называемому пастырскому богословію; изъ нихъ укажемъ «Практическое руководство для священно-служителей при совершеніи св. Таинствъ». Въ настоящее время, какъ сообщаетъ авторъ брошюры, А. Ѳ. Хойнацкій занятъ собраніемъ своихъ статей, которыя предполагаетъ издать подъ заглавіемъ: «Итоги церковно-литературной дѣятельности съ 1863 по 1888 годъ». Z.

Личность и дѣятельность Симеона Полоцкаго. (По поводу сочиненія о немъ І. Татарскаго). Г. Я. Кіевъ. 1887.

Брошюра, авторъ которой скрылъ свое имя подъ иниціалами Г. Я., имѣетъ преимущественно критическую цѣль,—разобрать сочиненіе о Симеонѣ Полоцкомъ г. Татарскаго и опровергнуть выводы, къ которымъ пришелъ послѣдній въ своемъ изслѣдованіи,—и передъ этой критической цѣлью отступаетъ на задній планъ самое опредѣленіе личности и характеристика дѣятель-

ности Симеона. Авторъ сразу отвергаетъ всякое научное значеніе изслѣдованія г. Татарскаго; уже на первыхъ страницахъ своей брошюры онъ заявляетъ: «Мы не находимъ въ его изслѣдованіи критической проницательности и историческаго чутья или смысла; но въ особенности зловредное вліяніе на доброкачественность изслѣдованія оказали неуваженіе къ истинѣ, недостатокъ безпристрастія и неустойчивость нравственныхъ сужденій автора». Далѣе онъ говоритъ: «Не рискуя впасть въ преувеличеніе, мы можемъ сказать, что книга г. Татарскаго не только не составляетъ вклада въ науку, но положительно вредна для нея, какъ фальшивая въ основныхъ принципахъ». Сдѣлавъ такую общую оцѣнку книги г. Татарскаго, рецензентъ ставитъ слѣдующіе вопросы: «1) какъ отнесся г. Татарскій къ источникамъ для біографіи Симеона и какъ слѣдовало бы отнестись къ нимъ, чтобы была гарантирована истинность основанной на источникахъ біографіи; 2) какъ относится онъ къ свидѣтелямъ о жизни и дѣятельности Симеона и какъ нужно бы отнестись къ нимъ; 3) насколько правильна его оцѣнка Симеона, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, и какая оцѣнка должна быть сдѣлана на основаніи фактовъ и свидѣтельствъ». Отвѣчая на первые два вопроса, авторъ высказываетъ весьма много справедливаго, онъ очень правильно отмѣчаетъ отсутствіе у г. Татарскаго надлежащаго критическаго отношенія къ источникамъ, излишнюю его довѣрчивость въ отношеніи къ благопріятнымъ извѣстіямъ о Симеонѣ и недовѣріе его къ отзывамъ, представляющимъ Симеона въ несовсѣмъ привлекательномъ свѣтѣ; рецензетъ указываетъ недостатокъ безпристрастія въ г. Татарскомъ, стремленіе обѣлять Симеона,— и во всемъ этомъ рецензентъ правъ. Отрицательная, критическая сторона брошюры очень сильна, но за то сильно хромаетъ положительная ея часть, гдѣ рецензентъ пытается опредѣлить нравственный характеръ Симеона и оцѣнить его дѣятельность на пользу просвѣщенія. Тутъ онъ также не высказываетъ много безпристрастія; какъ г. Татарскій старается обѣлить Симеона, такъ рецензентъ, что есть силы, старается его очернить; обвиняя г. Татарскаго въ томъ, что по его изображенію Симеонъ выходитъ святымъ, безгрѣшнымъ человѣкомъ, рецензентъ впадаетъ въ другую крайность, представляетъ Симеона какимъ-то порожденіемъ чуть не самого сатаны. «По нашему мнѣнію, говоритъ онъ, крупными нравственными недостатками Симеона были: лесть, доходившая до низкаго заискиванія и пресмыкательства, лицемѣріе и двоедушіе, непомѣрное честолюбіе, корыстолюбіе, доходившее до попрошайства, интригантство и тщеславное стремленіе играть выдающуюся роль въ ущербъ правамъ другихъ людей, сухая разсудочность и эгоистичность». Кажется, худшаго портрета и нарисовать нельзя; но разбирая всѣ изъ приведенныхъ качествъ въ отдѣльности, рецензентъ добавляетъ еще много чертъ, дѣлающихъ его болѣе безобразнымъ. Странными представляются иные критическіе взгляды рецензента, такъ напримѣръ, на стр. 12 онъ спрашиваетъ: «Можно ли вѣрить полякамъ»? Оказывается, что нельзя, потому что «полякъ тщеславенъ, у него нѣтъ ни истиннаго самолюбія, ни сознанія своего достоинства, онъ пресмыкается передъ высшими и въ свою очередь любитъ, чтобы ему ласкательствовали низшіе; полякъ малодушенъ и труслив и потому въ борьбѣ съ врагами не разбираетъ средствъ, да и вообще онъ склоненъ къ низости и подлости» и т. д. Комментаріи къ этому, кажется, излишни. Нѣкоторые критическіе пріемы автора просто совсѣмъ недопустимы, таковы, напримѣръ, его разсужденія о нравственныхъ понятіяхъ г. Татар-

скаго и та рѣзкость тона, которой проникнута вся брошюра, рѣзкость, чуть не переходящая въ брань; укажемъ на стр. 23 восклицаніе: «Ври, да знай же мѣру». Такіе пріемы могутъ быть гдѣ-нибудь въ газетныхъ фельетонахъ, а не въ серьезныхъ критическихъ статьяхъ. **А. В—инъ.**

Наши сосѣди. Справочная книжка (заключающая подробныя свѣдѣнія о сосѣднихъ съ нами государствахъ: Швеціи, Пруссіи, Австро-Венгріи, Румыніи, Азіатской Турціи, Персіи, Афганистанѣ, Китаѣ и Кореи). Сост. А. Старчевскій. Спб. 1887.

Въ этой книжкѣ авторъ задается полезною цѣлью дать читателямъ «сборникъ положительныхъ свѣжихъ и вѣрныхъ свѣдѣній о силахъ и средствахъ сосѣдей Россіи, къ которому, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, каждый могъ бы обратиться за необходимыми для него справками разнаго рода». Наша книготорговля очень небогата такого рода справочными свѣдѣніями; у насъ даже нѣтъ порядочныхъ путеводителей и справочныхъ книгъ о собственномъ государствѣ и сплошь да рядомъ приходится обращаться къ иностраннымъ изданіямъ; спеціальные же труды по каждому предмету въ отдѣльности не всегда доступны для массы по своей цѣнѣ и неудобны для пользованія. Въ пользѣ подобныхъ изданій въ западной Европѣ убѣдились уже давно, и Германія, напр., имѣетъ въ своемъ распоряженіи разнообразныя и обстоятельныя свѣдѣнія о своихъ Восточныхъ и Западныхъ сосѣдкахъ (Hof. Kalender).

Настоящая книга дѣлится на 2 равномѣрныя части: въ первой излагаются данныя о нашихъ западныхъ сосѣдяхъ, во второй—о южныхъ. Каждая глава, посвященная отдѣльному государству, обнимаетъ собою отдѣлы: географическій и этнографическій, политическій, административный, финансовый, военный (сухопутный и морской), сельско-хозяйственный, промышленный и путей и сообщенія. Особенною полнотою отличаются отдѣлы военный, географическій и этнографическій, послѣдній по преимуществу. Хотя въ книгѣ встрѣчаются невѣрности, промахи и опредѣленія, отличающіяся излишней общностью и неопредѣленностью, порой даже курьезныя, напр.: «Шведы любятъ сытно и хорошо поѣсть и попить», лапландцы «счастливы по своему», въ западной Австріи крестьянинъ «храбръ въ битвахъ и дракахъ», Цахоры (монгольское племя) «отъ перваго до послѣдняго человѣка, всѣ отъявленные плуты и негодяи», Корея:—«страна производитъ только тѣ продукты, которые необходимы для ея потребленія» и пр., тѣмъ не менѣе мы считаемъ трудъ г. Старчевскаго не безполезнымъ.

Книга издана очень тщательно и по своей цѣнѣ (1 р. 50 к.) доступна.

В. Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Положеніе Россіи во французской оцѣнкѣ.—Русскіе процессы.—Нѣмецкія притязанія на балтійскія провинціи.—Ближайшая война Россіи.—Закаспійскій край и его желѣзная дорога.—Авторъ, самъ разбирающій свое сочиненіе.—Русскіе защитники болгарскаго и бисмарковскаго режима.—Мадьяризація хорватовъ.—До какой степени вѣрны историческія свѣдѣнія.—Итальянская реабилитація Тиверія.—«Воспоминанія» Лессепса.—Королева Каролина Матильда и Струензе.—Двѣ книги о Джіордано Бруно.—Англійская журналистика.—Кого можно назвать настоящимъ журналистомъ.

Ъ КЛЕРИКАЛЬНОМЪ и монархическомъ журналѣ «Le Correspondant», но помѣщающемъ нерѣдко очень дѣльныя статьи, почти весь отдѣлъ «Экономическихъ фактовъ и общественнаго движенія» (Les faits économiques et le mouvement social) посвященъ Россіи и оцѣнкѣ ея современнаго положенія. Авторъ начинаетъ съ картины промышленнаго и торговаго движенія во Франціи, въ прошломъ году, и находитъ, что оно было весьма незначительно, тогда какъ вообще дѣла поправились въ Бельгіи, Англіи, Германіи, Россіи, даже въ Италіи. Самымъ печальнымъ явленіемъ было уменьшеніе привоза во Францію сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для промышленной обработки, и застой въ вывозѣ мануфактурныхъ произведеній. Льняныя, шелковыя и желѣзныя издѣлія плохо сбывались за границу, а ввозъ итальянскихъ и испанскихъ винъ понизилъ цѣны на французскія вина и безъ того пострадавшія отъ филоксеры. Денежный рынокъ не отличается также обиліемъ и выгодностью операцій. Долгъ Франціи выше чѣмъ во всѣхъ другихъ державахъ и доходитъ до 31 милліарда франковъ, тогда какъ на военныя издержки потрачено 859 милліоновъ. Второю державою по отношенію къ задолженности стоитъ (по Неймарку и Кауфману) Россія съ

долгомъ слишкомъ въ 18 милліардовъ франковъ и 988 милліонами фр. военныхъ издержекъ. Затѣмъ, Англія должна 17 милліардовъ 829 милліоновъ, а вооруженія стоятъ ей 700 милліоновъ, Австрія—12 милліардовъ 466 милліоновъ долга, при 342-хъ милліонахъ военнаго бюджета, Италія, съ 11 милліардами 121 милліономъ долга и 342 милліонами на вооруженія. Наконецъ, долгъ Германіи вычисленъ въ 8 милліардовъ 954 милліона, при 539 милліонахъ военныхъ издержекъ. Къ этому теперь надо еще прибавить только-что утвержденный рейхстагомъ заемъ на вооруженія въ 280 милліоновъ марокъ. Вообще, долги этихъ державъ доходятъ до 117½ милліардовъ и по нимъ платится ежегодно процентовъ и погашенія болѣе 5½ милліардовъ, тогда какъ военный бюджетъ доходитъ до 5-ти милліардовъ. Нельзя сказать, чтобы Европа покупала миръ дешевой цѣною. Положеніе Россіи, съ ея сто восьми милліоннымъ населеніемъ и территоріею, равняющеюся пространству всей сѣверной Америки, а въ Европѣ занимающею площадь равную всѣмъ державамъ вмѣстѣ взятымъ—не внушаетъ Франціи опасенія. Статья говоритъ о послѣднихъ пріобрѣтеніяхъ Россіи въ Средней Азіи, о желѣзной дорогѣ въ Самаркандъ, о восьмиверстномъ мостѣ черезъ Аму-дарью, о разведеніи въ Бухарѣ хлопка и шелка, о русскихъ школахъ въ Хивѣ, объ иригаціонныхъ работахъ въ Мервскомъ оазисѣ, о туркменахъ, превратившихся изъ разбойниковъ въ усердныхъ работниковъ, о колонизаціи на Амурѣ, даже о сибирской желѣзной дорогѣ, которая, конечно, въ отдаленномъ будущемъ—соединитъ Петербургъ съ Пекиномъ. Объ отношеніяхъ Россіи къ нѣмцамъ, французскій журналъ высказываетъ совершенно вѣрныя сужденія. Стремясь постоянно на востокъ, нѣмцы въ послѣднее время, наводнили Подолію, Волынь, Литву, подавая черезъ эти области руку своимъ братьямъ баронамъ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи. Въ одномъ 1885 году, въ эти области эмигрировало 111,000 нѣмцевъ. Въ царствѣ Польскомъ, скупая земли шляхты, погрязшей въ долгахъ, они захватили до 257,000 десятинъ и завладѣли 296-ю фабриками и заводами, куда перевели изъ-за границы рабочими своихъ же братьевъ нѣмцевъ. Указомъ 14 марта 1887 года, запрещено иностранцамъ пріобрѣтать земли на западной границѣ. Переходящія къ нимъ по наслѣдству имущества должны быть, въ теченіе трехъ лѣтъ проданы русскимъ, если наслѣдники не хотятъ принять русское подданство. Этотъ законъ былъ строго соблюденъ и по отношенію къ имѣнію князя Витгенштейна въ Литвѣ, занимающему 20,000 квадратныхъ верстъ. Намѣстникъ Эльзаса и Лотарингіи князь Гогенлоэ, наслѣдникъ Витгенштейна, напрасно хлопоталъ, чтобы для него было сдѣлано исключеніе изъ закона. Съ неменьшею твердостью правительство дѣйствуетъ по подчиненію Балтійскихъ провинцій общимъ узаконеніямъ имперіи, вмѣсто феодальныхъ учрежденій, введенныхъ нѣмецкими баронами, тяготѣющими къ Пруссіи. Еще болѣе хлопотъ принесло Россіи устройство трехмилліоннаго паразитнаго племени евреевъ, лежащаго тяжелымъ бременемъ на юго-западныхъ провинціяхъ Россіи. Статья говоритъ о неудачныхъ попыткахъ правительства—основать земледѣльческія еврейскія колоніи въ Херсонской и Екатеринославской губерніи, о томъ какъ всѣ эти колонисты бросали землю, которую должны были обработывать и сдѣлались кабатчиками и ростовщиками. Послѣ долголѣтнихъ опытовъ убѣдились въ томъ, что евреи враждебны государственному порядку и коренному населенію, и принуждены были ограничить ихъ права, запретили имъ пріобрѣтать недвижимыя иму-

щества, содержать кабаки; пришлось даже положить преграды ихъ стремленію къ образованію, потому что они и въ либеральныхъ профессіяхъ эксплуатировали русскихъ людей, вытѣсняя ихъ изо всѣхъ званій и должностей. Россія и безъ того богата интеллигентнымъ пролетаріатомъ—дѣтьми чиновниковъ, обѣднѣвшаго дворянства, духовенства, чтобы допускать конкуренцію юркихъ жидовъ — и теперь они выселяются ежегодно въ одну Америку въ числѣ 24,000 тысячъ. Племя это, впрочемъ, такое плодовитое, что эмиграціонная убыль съ лихвой пополняется приростомъ новорожденныхъ. Фабричная промышленность Россіи быстро развивается. Добываніе металловъ, соли, угля, сахару, нефти достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Статья приводитъ цифры, относящіяся къ 1884 году и утверждаетъ, что отъ экономической войны, поднятой Висмаркомъ пострадаетъ больше Германія, чѣмъ Россія. Новыя постановленія о работахъ на фабрикахъ и заводахъ приводятся въ подробности. Самое слабое мѣсто Россіи — ея финансы. Причину паденія ея курса авторъ видитъ не въ излишнемъ выпускѣ бумажныхъ денегъ, а въ громадныхъ займахъ за границею. Онъ порицаетъ также увеличеніе налоговъ и обложеніе пошлиною предметовъ первой необходимости. Недоимки превышаютъ болѣе чѣмъ на половину смѣту доходовъ. Крестьяне подавлены тяжестью налоговъ. Не смотря на это авторъ убѣжденъ, что Россію не подавитъ бремя ея долговъ и экономическія затрудненія. Даже разорительная война, къ которой подстрекаютъ ее нѣмцы, не подорветъ ея финансоваго положенія. Статья оканчивается изложеніемъ системы общиннаго землевладѣнія, подъ которой находится 31% земли въ великорусскихъ губерніяхъ. Колонизація Сибири и Амура производится также на общинномъ началѣ. Авторъ находитъ даже, что для крестьянина власть помѣщика замѣнилась волостью, имѣющею право не только всякаго лишить права передвиженія, отказавъ ему въ выдачѣ паспорта, но и сослать его въ Сибирь. «Міръ» играетъ важную роль въ жизни русскаго человѣка, хотя общины переходятъ нерѣдко къ системѣ частной земельной собственности, что признаютъ и славянофилы, указывая только и на обратные переходы деревень къ общинной обработкѣ земель и соединеннымъ съ нею передѣламъ. Вообще, статья журнала доказываетъ близкое знакомство французовъ съ нашимъ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ.

— Въ изданіи «знаменитыхъ процесовъ», выпустившемъ уже въ свѣтъ процесы Бельгіи, Англіи и Германіи, вышли и русскіе процесы: «Causes célèbres de la Russie, par Albert Savine». Тутъ помѣщены только два громкія судебныя дѣла: полковника Коструба-Карицкаго и г-жи Дмитріевой и два процеса Сары Векеръ. Цѣль сборника—представить читателямъ такія дѣла, которыя изображали бы картину общественной среды и нравовъ. Московскій процесъ рисуетъ характеристику всемогущаго провинціальнаго чиновника и его отношенія общественныя и частныя—къ своей возлюбленной. Дѣло Бекеръ выставляетъ нравственныя понятія среднихъ классовъ петербургскаго общества, зараженныхъ не менѣе высшихъ классовъ страстью къ наживѣ. Авторъ могъ бы выбрать изъ послѣдняго времени и болѣе интересныя дѣла для ознакомленія съ ними французской публики, но, вѣроятно, это только первый выпускъ задуманнаго имъ сборника, относящагося къ Россіи.

— Нѣмцы, негодуя на болѣе твердыя мѣры, принятыя по управленію нашими Балтійскими провинціями, выпустили въ свѣтъ наглую

брошюру «Сила права и правонарушеніе лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій» (Rechtskraft und Rechtsbruch der Liev—und Estländischen Privilegien). Авторъ брошюры утверждаетъ, что политическія учрежденія Балтійскихъ провинцій основаны на договорахъ, заключенныхъ дворянствомъ и городами съ Петромъ I и подчинившихъ ему этотъ край лишь условно, вслѣдствіе чего сомодержавная власть русскихъ государей въ Балтійскомъ краѣ превращается въ монархическую ограниченную. Поэтому если русское правительство не исполняетъ принятыхъ имъ на себя въ краѣ обязанностей, то и самое основаніе права дальнѣйшаго владѣнія (der Rechtstictel zum ferneren Besitz) падаетъ само собою, такъ какъ уничтоженіе договора однимъ контрагентомъ, даетъ права и другому разорвать договоръ. Стало быть, въ случаѣ введенія въ краѣ русскихъ реформъ, Лифляндія и Эстляндія могутъ считать себя свободными отъ обязанностей русскихъ подданныхъ. Всѣ эти претензіи не разъ высказывались Бокомъ, Ширреномъ, Сиверсомъ и другими профессорами дерптскаго университета, окончившими свою службу въ Россіи — переселеніемъ въ Германію, откуда не переставали осыпать бранью и клеветами страну, давшую имъ возможность откормиться и опериться. Но трудно было думать, чтобы подобныя наглыя претензіи расходившихся бароновъ также беззастѣнчиво повторялись и въ наше время. А между тѣмъ, въ Балтійскімъ краѣ, даже по счету самихъ нѣмцевъ, живетъ болѣе 81,000 русскихъ, кромѣ православно-русскаго сельскаго населенія Курляндіи. Стало быть русскихъ въ краѣ не меньше чѣмъ нѣмцевъ, которыхъ насчитывается не болѣе 100,000 и, между тѣмъ, русскіе должны отстаивать свои права въ нѣмецкихъ судахъ, на нѣмецкомъ языкѣ, воспитывать своихъ дѣтей въ нѣмецкихъ школахъ, гимназіяхъ и университетѣ, проникнутыхъ ненавистью ко всему русскому. Неужели подобное положеніе можно назвать нормальнымъ и желательнымъ? Вѣдь это хуже всякого status in statu.

— Легко можетъ быть, что въ виду такихъ важныхъ союзниковъ, живущихъ въ Россіи, нѣмцы такъ смѣло провозглашаютъ свое военное превосходство надъ нею не только въ рѣчахъ своего канцлера, но и въ многочисленныхъ брошюрахъ. Въ Ганноверѣ вышелъ стратегическій этюдъ «Ближайшая война Россіи» (Russland's nächster Krieg. Eine strategische Studie). Серьезный нѣмецкій стратегъ, пишущій подъ псевдонимомъ «Сарматикусъ», отлично изслѣдовавшій наши военныя силы и средства, такъ же какъ и театръ войны на западныхъ границахъ, высказалъ, что для сосредоточенія русской арміи потребуется втрое болѣе времени, чѣмъ для германской. Теперь, ганноверская брошюра признаетъ несомнѣннымъ, что ранѣе семи-восьми недѣль послѣ объявленія мобилизаціи, Россія не можетъ двинуть свою армію за границу. Между тѣмъ, въ 1870 году мобилизація германской арміи началась 19 іюля, а 6-го августа, то есть черезъ 18 дней, нѣмцы уже одержали во Франціи двѣ рѣшительныя побѣды. Значеніе всѣхъ этихъ расчетовъ и указаній ясно само собою, и Бисмарку не резонъ было хвастать въ своей рѣчи неудержимою «тевтонскою яростью» и своими офицерами, и унтеръ-офицерами, выше которыхъ нѣтъ никого въ цѣломъ мірѣ. Милліонная нѣмецкая армія, выставленная на восточной границѣ, съ резервомъ ландвера въ 750,000, конечно, можетъ по словамъ «Русскаго Инвалида» собрать, на первыхъ порахъ дешевые лавры, но самое составленіе этой чудовищной арміи, въ конецъ истощающей экономическія средства Германіи, доказываетъ

уже, что furor teutonicus мало страшенъ русской стойкости и выносливости.

— Нѣмцы считаютъ себя до того передовою націею, что позволяютъ себѣ не только въ политикѣ, но и въ литературѣ такія выходки, какихъ не встрѣтишь у другихъ націй. О. Гейфельдеръ, составляющій «Литературные отчеты о Россіи» въ критическомъ журналѣ «Magazin für die Litteratur des In-und Auslandes», написалъ книгу «Закаспійская область и ея желѣзная дорога» (Transkaspien und seine Eisenbahn) и самъ же разбираетъ ее въ этомъ журналѣ, говоря, что не смотря на свое заглавіе, чуждое политики, книга все-таки имѣетъ руководящее значеніе для политиковъ и историковъ. Въ ней изображены не только техническая часть сооруженія, устройства и управленія этой дороги, но въ особенности исторія распространенія русскаго могущества на Востокѣ, его вліянія на азіатовъ и увѣнчаніе завоевательной политики—основаніемъ рельсовыхъ путей въ Закаспійскомъ краѣ и Бухарѣ. Тутъ же изложена исторія покоренія Ахалъ-Теке, присоединеніе Мерва и Бухары. Авторъ сообщаетъ, что ему были открыты всѣ русскіе, французскіе и англійскіе документы министерства иностранныхъ дѣлъ, что онъ самъ былъ въ Азіи въ 1880—81 году при Скобелевѣ, въ 1887 году при Анненковѣ и принималъ дѣятельное участіе въ этихъ важныхъ эпохахъ нашего времени. Интересны причины, приводимыя авторомъ въ оправданіе того, что онъ самъ разбираетъ свою книгу: во-первыхъ — это и безъ того часто случается, только авторы-рецензенты въ этомъ не сознаются (стало быть они все-таки скромнѣе Гейфельдера). Во-вторыхъ — авторъ имѣетъ передъ рецензентами то преимущество, что дѣйствительно прочиталъ свою книгу (это должно быть—иронія). Въ третьихъ—никто лучше автора не видитъ недостатковъ своей книги (ну, это далеко не всегда). Наконецъ, онъ же можетъ лучше судить о внѣшнихъ достоинствахъ книги (это почему?). Къ своему разбору авторъ не забываетъ, конечно, присоединить похвалы своей книгѣ со стороны «Allgemeine Zeitung». Разбору своей книги Гейфельдеръ предпосылаетъ похвалы ретроградной брошюрѣ князя Николая Голицына «Les théories de Katkoff», о которой мы говорили въ прошломъ году и статьямъ еврея Слонимскаго въ защиту болгарскихъ палочниковъ, помѣщеннымъ въ «Вѣстникѣ Евпропы», за что редакторъ этого журнала и авторъ статей, восхваляющихъ управленіе самозваннаго балгарскаго правительства, удостоились получить отъ его королевскаго высочества, князя Фердинанда I Болгарскаго, какъ его величаютъ палочники и Готскій альманахъ — орденъ за гражданскія заслуги. Развѣ не трогательно единодушіе во взглядахъ редакцій бисмарковскаго органа, русскаго журнала, бывшаго редактора «Варшавскаго Дневника» и нѣмецкаго автора-рецензента выдающаго себя съ истинно тевтонской беззастѣнчивостью за сотрудника Скобелева и Анненкова.

— Въ хорватскомъ Загребѣ вышла брошюра: «Къ выборамъ въ хорватскій сеймъ» («Zu den Landtagswahlen in Kroatien). Извѣстно съ какою даже не тевтонскою, но чисто гуннскою яростью стараются мадьяры уничтожить малѣйшія проявленія самобытности въ славянскихъ племенахъ, имѣвшихъ несчастіе, при дѣленіи Австрійской имперіи на Цис-и-Транс-Лейтанію, войти въ составъ такъ называемыхъ земель «короны св. Стефана», т. е. попасть въ лапы мадьяръ, этихъ потомковъ царя гунновъ, Аттилы.

Стараясь омадьярить менѣе сильныя славянскія племена, живущія въ Венгріи и въ предгорьяхъ Карпатовъ, словаковъ, словенцовъ и угорскихъ русскихъ, венгерское правительство до сихъ поръ боялось наложить руку на автономію многочисленнаго хорватскаго племени, но теперь, при тайномъ попустительствѣ Австріи и явной поддержкѣ Германіи, начало открыто преслѣдовать славянскій элементъ на мѣстномъ сеймѣ Хорватіи и проводить въ него омадьярившихся жидовъ и нѣмцевъ. На послѣднихъ выборахъ въ хорватскій сеймъ, бывшихъ въ концѣ прошлаго года, происходили со стороны правительства такія сцены подкупа, насилій, безпорядковъ, застращиванья и угрозъ всякаго рода, совершенно въ духѣ болгарскихъ сопаджіевъ и румынскихъ батоушей, что славянское населеніе не вынесло явнаго нарушенія своихъ правъ и справедливости, и обнародовало протестъ противъ беззаконій, совершившихся на выборахъ. Теперь протестъ этотъ явился и въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, отдѣльною брошюрою, но мы сильно сомнѣваемся, чтобы онъ убѣдилъ первую націю въ мірѣ, какою ее призналъ въ своей рѣчи германскій канцлеръ,—въ той простой истинѣ, что если эта передовая нація считаетъ себя вправѣ онѣмечивать славянъ, то вѣдь и они имѣютъ право не желать этого онѣмеченія. Въ брошюрѣ приведены изумительные факты насилія и беззаконія, но сеймъ отвергнулъ протестъ славянъ и выборы признаны правильными. Къ чему же послужитъ обнародованіе протеста? Vae victis!

— До какой степени достовѣрны пріобрѣтенныя нами историческія свѣдѣнія? вопросъ этотъ не разъ занималъ мыслителей и историковъ. Не говоря уже о томъ, что намъ не разъ случалось мѣнять наши сужденія объ историческихъ фактахъ, долго считавшихся неоспоримыми, пока не открывались новые документы, бросающіе новый свѣтъ на событія,—побудительныя причины этихъ событій можно объяснять себѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Еще чаще приходилось измѣнять взглядъ на того или другого историческаго дѣятеля. Когда англичанинъ Гротъ, въ своей исторіи Греціи, обрисовалъ героевъ классической древности вовсе не такими идеальными красками, какими они изображены у греческихъ историковъ, и доказалъ, что въ поступкѣ Леонида при Ѳермопилахъ не было ничего геройскаго,—и ученые, и простые читатели были удивлены неожиданными разслѣдованіями. Но теперь, когда и со смерти Грота прошло уже 17 лѣтъ, мы стали такъ богаты всякаго рода разоблаченіями и реабилитаціями, что насъ уже не удивляютъ никакія измѣненія въ сужденіяхъ о характерѣ историческихъ лицъ. Итальянскій писатель, Иджиніо Джентиле, является съ обѣленіемъ «императора Тиверія, на основаніи современной исторической критики» (L'imperatore Tiberio secondo la moderna critica storica). Авторъ прямо называетъ ложью всѣ обвиненія противъ этого наслѣдника Августа и подробно разбираетъ всѣ показанія въ его пользу. Дѣйствительно, современники императора, Горацій, Веллей Патеркулъ, Страбонъ, Филонъ, изображаютъ только хорошія стороны Тиверія, признаютъ въ немъ благородство и серьезный умъ, называютъ его искуснымъ полководцемъ и мудрымъ политикомъ. Первыя тѣни на эту свѣтлую характеристику набрасываютъ Сенека, Іосифъ Флавій, Ювеналъ, Плиній младшій; наконецъ, является Тацитъ, выставившій на позоръ исторіи кровожаднаго капрейскаго развратника. Но Тацитъ былъ защитникомъ римской аристократіи, преслѣдуемый императоромъ, и не щадилъ рѣзкихъ

красокъ для изображенія своего врага. Светоній, писавшій послѣ Тацита, только подтвердилъ его обвиненія, лежавшія на Тиверіи въ теченіе шестнадцати вѣковъ. Только въ XVII вѣкѣ итальянцы Страда и Маскарди пытались обѣлить его. Затѣмъ, Вольтеръ назвалъ баснями разсказы Тацита и Светонія. Римскіе историки, Висконти, Замбелли, Бетти, нѣмецъ Сиверсъ, французъ Дюрюи (въ 1853 г.), старались оправдать Тиверія. Джентиле доказываетъ, что императоръ не щадилъ преступныхъ аристократовъ и за это они клеветали на него. Законъ объ оскорбленіи величества не примѣнялся во всей строгости. Въ царствованіе Тиверія было произнесено только 36 смертныхъ приговоровъ (13 осужденныхъ избѣгли казни самоубійствомъ). Правда, въ 33-мъ году, въ Римѣ было казнено множество лицъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, но гораздо меньше, чѣмъ во время сентябрскихъ убійствъ 1792 года въ Парижѣ,—прибавляетъ авторъ,—какъ будто это можетъ сколько-нибудь оправдать Тиверія! Легенды о Капреѣ—просто сказки: Тиверій удалился на островъ «изъ любви къ уединенію, для того, чтобы заниматься науками и отдохнуть отъ дворцовыхъ интригъ». Отравленіе Германика, казнь Постума, злодѣйства Сеяна, всѣ мрачныя страницы этого царствованія авторъ опровергаетъ, безъ достаточныхъ основаній и, хотя не сравниваетъ Тиверія съ Фридрихомъ II, какъ дѣлаетъ одинъ нѣмецкій историкъ, но ставитъ его такъ высоко, обвиняя Тацита въ клеветѣ, что, при необходимости выбирать между современнымъ итальянскимъ и великимъ римскимъ историкомъ, невольно становишься на сторону послѣдняго.

— Знаменитый прорыватель каналовъ, Фердинандъ Лессепсъ, издалъ два тома своихъ «сорокалѣтнихъ воспоминаній, посвященныхъ его дѣтямъ» (Souvenirs de quarante ans, dédiés à mes enfants). Прежде, чѣмъ дѣйствовать на поприщѣ инженера, этотъ замѣчательный представитель даровитости и дѣятельности французской націи былъ дипломатомъ и занималъ, съ 1825 по 1849 годъ, различные посты при посольствахъ въ Лиссабонѣ, Алжирѣ, Тунисѣ, Египтѣ, Голландіи и Испаніи. Республика 1848 года отправила его посломъ въ Мадридъ, но онъ былъ вскорѣ замѣненъ принцемъ Наполеономъ, назначеннымъ президентомъ Луи-Наполеономъ, а въ 1849 году, отправленъ въ Римъ представителемъ французской республики въ то время, когда генералъ Удино собирался уничтожить римскую республику. Понятно, что между дипломатіей и военной силой произошли сначала недоразумѣнія, потомъ столкновенія, кончившіяся тѣмъ, что Лессепсъ подалъ въ отставку. Удино взялъ Римъ, а законодательное собраніе въ Парижѣ, замѣнившее собраніе учредительное, составившее органическіе законы второй республики, выразило порицаніе дѣйствіямъ Лессепса въ Римѣ. Почти вся первая часть «Записокъ» посвящена защитѣ этихъ дѣйствій и наполнена множествомъ оффиціальныхъ документовъ, черезъ сорокъ лѣтъ потерявшихъ уже интересъ и значеніе, да журнальными статьями Лессепса, не имѣющими никакого отношенія къ главному предмету его дѣятельности. Только вторая часть «Воспоминаній», посвященная исключительно исторіи прорытія Суэзскаго канала, любопытна и поучительна. Авторъ началъ заниматься этимъ вопросомъ съ 1854 года, состоя при новомъ египетскомъ пашѣ Могамедъ-Саидѣ. Какихъ трудовъ стоило Лессепсу осуществить свою идею, съ какими препятствіями, повидимому, непреодолимыми, приходилось ему бороться! Онъ составлялъ

планы, писалъ брошюры, читалъ лекціи, разъѣзжалъ по Европѣ, былъ и въ Россіи, возбуждая вездѣ интересъ къ своему предпріятію, воюя противъ подозрительности Порты, равнодушія Саида-паши, занятаго только грязнымъ распутствомъ, противъ интригъ Англіи, враждебнаго настроенія ея парламента, апатіи Луи-Наполеона, клеветъ враговъ. И, не смотря на все это, въ 1859 году, съ самой слабой поддержкой правительства и банкировъ, этотъ неутомимый дѣятель, собралъ частной подпиской, съ содѣйствіемъ торговыхъ фирмъ, капиталъ въ двѣсти милліоновъ франковъ и началъ работы, нѣсколько разъ прерывавшіяся. Въ 1865 году уже былъ открытъ каналъ для небольшихъ судовъ, а въ ноябрѣ 1869 года совершилось торжественное открытіе нормальнаго канала. Доживетъ ли творецъ его до окончанія своего второго гигантскаго предпріятія—прорытія Панамскаго канала, гдѣ ему приходится бороться еще съ бо́льшими препятствіями со стороны людей и природы — будемъ надѣяться для чести человѣчества, хотя Лессепсу уже 83 года.

— Судьба Струензе принадлежитъ также къ числу вопросовъ, неразрѣшенныхъ исторіей. Лагрезъ, въ своемъ сочиненіи: «Королева Каролина-Матильда и графъ Струензе» (La reine Caroline-Mathilde et le comte Struensée, par G. B. de Lagrèze) доказываетъ чистоту отношеній королевы къ этому любимцу Христіана VII, сдѣлавшемуся изъ докторовъ первымъ министромъ этого мрачнаго деспота, потерявшаго разсудокъ въ концѣ своего царствованія. Но въ подтвержденіе своихъ доказательствъ, авторъ не приводитъ никакихъ новыхъ документовъ, и не опровергаетъ прежнихъ обвиненій. Почему королева съ такимъ жаромъ защищала Струензе? Она находила реформы министра полезными для государства, отвѣчаютъ ея защитники, сознаваясь, въ то же время, что она нисколько не интересовалась государственными дѣлами. Король, полупомѣшанный уже и въ то время, бросилъ ее, она была нѣжна и чувствительна, Струензе красивъ, уменъ и предпріимчивъ,—все это давало поводъ и въ то время къ сильнымъ подозрѣніямъ. Но авторъ выясняетъ, по крайней мѣрѣ, что Струензе былъ жертвою политическаго заговора и интригъ двухъ королевъ, вдовы Христіана VI и Іуліаніи, вдовы Фредерика V, заботившейся о доставленіи престола своему сыну. Всѣ судебныя формы и всякая законная справедливость были нарушены въ процессѣ Струензе и хотя министръ оказался неблагодарнымъ и даже низкимъ по отношенію къ своей благодѣтельницѣ или сообщницѣ, но онъ, все-таки, былъ лучше своихъ палачей, безжалостно казнившихъ его въ 1772 году. Королева, если и была виновна, искупила свою вину тяжелымъ тюремнымъ заключеніемъ, скандаломъ развода, лишеніемъ трона. Все это и въ особенности отнятіе у нея ея сына, несомнѣнно, было причиной ея преждевременной смерти. Но, вообще, эта темная и драматическая страница исторіи Даніи требуетъ новыхъ и болѣе тщательныхъ изслѣдованій. Книга Лагреза скорѣе апологія Каролины-Матильды, чѣмъ серьезный трудъ.

— Въ послѣднее время ученые обратились къ новымъ изслѣдованіямъ о сочиненіяхъ Джіордано Бруно, этого предшественника Спинозы, сожженнаго въ 1600 году святою инквизиціею. Кромѣ важныхъ нѣмецкихъ трудовъ по разработкѣ его философіи, въ Англіи Фритъ написалъ замѣчательную «Жизнь философа», Сеймондсъ представилъ его характеристику въ книгѣ: «Возрожде-

ніе въ Италіи», а миссъ Вильямсъ перевела вновь открытую поэму его: «Героическіе энтузіасты, эпическая поэма» (The heroic enthusiasts, an ethical poem). Но еще болѣе занимаются философомъ его соотечественники и видятъ въ немъ творца новаго религіознаго ученія, какъ Давидъ Леви въ своей книгѣ: «Джіордано Бруно или религія мысли» (Giordano Bruno o la religione del pensiero). У книги есть еще другое заглавіе: «Человѣкъ-апостолъ-мученикъ», и другая цѣль, кромѣ восхваленія этого мыслителя XVI столѣтія. Цѣль эта — протестъ противъ ученій современнаго римскаго католицизма или папизма. Но авторъ доводитъ уже до крайностей поклоненіе своему герою, сравнивая его съ Христомъ. Жизнь и ученіе Бруно, какъ протестъ противъ папскаго обскуратизма, изложены, впрочемъ, ясно и увлекательно. Главныя положенія философа, что идея божественнаго находится скорѣе въ насъ самихъ, чѣмъ внѣ насъ, и что человѣкъ, въ виду единства жизни, принадлежитъ столько же своимъ ближнимъ, какъ и природѣ,—комментируются основательными аргументами. Поэма Бруно: «Gli eroici furori», переведенная миссъ Вильямсъ, представляетъ, въ формѣ діалога, то же ученіе, замѣняющее набожность, святое невѣдѣніе и покорность папству,—развитіемъ интеллигенціи, справедливости и уничтоженіемъ заблужденій.

— Фоксъ Боурнъ издалъ два тома «Англійскія газеты: главы изъ исторіи англійской журналистики» (English newspapers: chapters in the history of english journalism). Въ наше время журналистика играетъ такую важную роль, что опредѣленіе ея значенія не можетъ не интересовать всякаго. Кого изъ писателей можно назвать журналистами? Вопросу этому авторъ придаетъ слишкомъ широкое рѣшеніе, причисляя къ журналистамъ Мильтона, Болингброка, Вальполя, Борке, Питта, Фокса, Каннинга, Пиля, Росселя, Пальмерстона и Гладстона. Мильтонъ писалъ, правда, въ защиту неограниченной свободы печати, но по отношенію къ книгамъ, а на газеты не обращалъ никакого вниманія, а Пальмерстонъ и Гладстонъ, хотя и посылали иногда въ газеты передовыя статьи и письма, не могутъ же быть названы журналистами въ настоящемъ значеніи этого слова. Остальные же государственные дѣятели, перечисленные авторомъ, и вовсе ничего не писали въ газетахъ. Да и между писателями, причисляемыми Боурномъ къ журналистамъ, многимъ положительно нельзя дать этого имени. Такъ, Свифта можно скорѣе назвать памфлетистомъ; Кольриджъ писалъ въ газетахъ, но это не причина причислять его къ газетчикамъ. Нельзя назвать журналистомъ даже того, кто собираетъ современныя извѣстія и печатаетъ ихъ въ газетахъ. Настоящій журналистъ долженъ быть представителемъ и руководителемъ общественнаго мнѣнія. Распространеніе газеты еще не доказываетъ ея значенія. «Petit Journal» расходится въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, но чтобы ознакомиться съ политическимъ движеніемъ нашего времени, въ Парижѣ обращаются не къ этому листку, а къ «Temps» или «Rèpublique française». Объ англійской журналистикѣ авторъ высказываетъ мнѣнія, съ которыми нельзя согласиться во многихъ отношеніяхъ. Онъ придаетъ отдѣльнымъ личностямъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ они имѣютъ на самомъ дѣлѣ. Въ наше время, журналистика дѣло общее, колективное, и вліяніе отдѣльныхъ лицъ не играетъ въ ней такой роли, какъ это кажется тѣмъ,

кто не знакомъ близко съ дѣломъ изданія газеты. Въ ней далеко не такъ необходимо преобладаніе одного господствующаго лица или мнѣнія, какъ соединенныя, дружныя усилія многихъ сотрудниковъ, стремящихся къ одной цѣли, подерживающихъ одинъ, главный принципъ. Пусть будутъ лица эти анонимны, дѣло не въ именахъ, а въ направленіи, въ физіономіи газеты—и только эти условія создаютъ настоящаго журналиста.

СМѢСЬ.

Десятилѣтіе археологическаго института. 15-го января исполнилось десять лѣтъ со дня основанія археологическаго института. Въ настоящее время институтъ состоитъ изъ почетныхъ членовъ, профессоровъ, сотрудниковъ, членовъ-сотрудниковъ и слушателей. Директоромъ института состоитъ съ 1885 года, по смерти Н. В. Калачева, профессоръ И. Е. Андреевскій, а преподавателями профессора Покровскій, Д. И. Проворовскій, Л. А. Миллеръ, П. И. Саввантовъ, Н. В. Султановъ и другіе. Слушателей въ настоящее время всего 43 человѣка, которые по прослушаніи 2-хъ годичнаго курса обыкновенно расходятся по всей Россіи для изученія русской старины. Въ вечернемъ торжественномъ собраніи былъ отпразднованъ день 10-тилѣтія существованія института. Торжество имѣло скромный, семейный характеръ. Засѣданіе открылось чтеніемъ профессора церковныхъ древностей Н. В. Покровскаго обзора древностей института за минувшій десятилѣтній періодъ. Сдѣлавъ краткій обзоръ учебнаго состоянія института, его значительной библіотеки и пополняющагося музея, Н. В. заключилъ рѣчь свою перечисленіемъ крупныхъ пожертвованій, поступившихъ въ институтъ. Вступившій затѣмъ на каѳедру директоръ института И. Е. Андреевскій обратился съ поздравленіемъ къ собравшимся членамъ о послѣдовавшемъ соизволеніи Государя на принятіе его высочествомъ Сергіемъ Александровичемъ археологическаго института подъ свое покровительство. Сообщивъ, затѣмъ, результаты непрерывныхъ трудовъ архивныхъ губернскихъ комиссій, И. Е. перешелъ къ перечисленію лицъ, избранныхъ совѣтомъ института въ почетные его члены во вниманіе къ ученымъ трудамъ и въ благодарность содѣйствія дѣлу архивныхъ комиссій. Изъ числа дѣйствительныхъ членовъ избраны въ почетные—генералъ-маіоръ Н. Е. Бранденбургъ, профессора университета Н. И. Веселовскій и В. Д. Смирновъ и бывшіе слушатели Н. В. Калачева, преподаватель нумизматики въ институтѣ А. К. Марковъ, И. Г. Даниловъ и А. В. Гавриловъ. Затѣмъ, были избраны члены-сотрудники. На будущее время намѣчены задачи: 1) расширить науч-

ный курсъ института введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ преподаванія; 2) устройство центральныхъ архивовъ въ городахъ Одессѣ и Харьковѣ и оказать имъ возможное матеріальное содѣйствіе; 3) составить полный списокъ книгъ, дѣйствительно необходимыхъ для справокъ каждому архивисту, а накопившіяся незначущія сочиненія предложить для пополненія Публичной библіотекѣ, и 4) приступить къ задуманнымъ способамъ единенія института съ архивными коммиссіями.

Академическое изданіе сочиненій Ломоносова. Отдѣленіе русскаго языка и словесности, предпринимая изданіе полнаго собранія сочиненій Ломоносова, предполагаетъ, согласно представленной М. И. Сухомлиновымъ программѣ, напечатать всѣ безъ изъятія сочиненія и письма Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями и съ присоединеніемъ его біографіи. По этому поводу отдѣленіе обращается ко всѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ могутъ находиться матеріалы для такого изданія, въ особенности же частныя письма Ломоносова, съ просьбою не отказать въ сообщеніи подобныхъ документовъ, какъ бы незначительны ни казались они, на время въ академію, адресуя: «Въ отдѣленіе русскаго языка и словесности». Каждый такой документъ будетъ тщательно сбереженъ и по минованіи надобности возвращенъ владѣльцу въ полной сохранности. Отдѣленіе ласкаетъ себя надеждою, что предпріятіе это будетъ сочувственно встрѣчено всѣми просвѣщенными соотечественниками и что русское общество охотно окажетъ академіи содѣйствіе къ успѣшному его исполненію.

Конкурсы 1888 года. Въ нынѣшнемъ году, по второму отдѣленію Академіи Наукъ, сверхъ ежегоднаго соисканія пушкинскихъ премій, предстоятъ слѣдующіе конкурсы:

1) На соисканіе наградъ графа Д. А. Толстого принимаются по 1-е мая оригинальныя сочиненія, вышедшія въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ по русской и славянской филологіи или по исторіи языка и словесности русскаго и другихъ славянскихъ народовъ, не исключая обработанныхъ ученымъ образомъ словарей и грамматикъ. Эти награды состоятъ изъ почетныхъ золотыхъ медалей въ 300, 250 и 150 рублей и изъ денежныхъ премій въ 800 и въ 400 рублей.

2) На соисканіе премій профессора Котляревскаго принимаются, до исхода декабря мѣсяца, сочиненія, напечатанныя въ предшествовавшее конкурсному 1889 году трехлѣтіе, по славянской филологіи и археологіи, именно: а) изслѣдованія по славянскимъ древностямъ; б) изслѣдованія по исторіи славянскихъ литературъ или устной словесности, и в) изслѣдованія по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ или лексическомъ отношеніи. Премія присуждается въ размѣрѣ 1,000 или 500 рублей, смотря по степени достоинства сочиненія. Подробныя правила о преміяхъ могутъ быть получаемы въ комитетѣ правленія Академіи Наукъ у бухгалтера Э. С. Вагенскаго.

Результаты изслѣдованій древне-русскаго искусства. По порученію Академіи Художествъ, извѣстный изслѣдователь древне-русскаго зодчества В. В. Сусловъ составилъ при содѣйствіи членовъ археологической комисіи проекты реставраціи трехъ любопытныхъ памятниковъ этого зодчества, а именно: собора въ Юрьевѣ-Польскомъ (XIII вѣка), собора въ Мирожскомъ монастырѣ, во Псковѣ (XII вѣка), и часовни близъ Переяславля-Залѣсскаго (XVI вѣка). По примѣру прежнихъ лѣтъ, академикъ В. В. Сусловъ совершилъ прошлымъ лѣтомъ поѣздку съ художественной цѣлью, для снятія рисунковъ съ памятниковъ древне-русскаго искусства въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь Новгородской губерніи, въ города Переяславль-Залѣсскій и Юрьевъ-Польскій, Владимірской губерніи, и по Ярославской губерніи. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, В. В. Сусловъ дѣлалъ рисунки съ древнихъ церковныхъ зданій, измѣрялъ ихъ, рисовалъ и фотографировалъ выдающіеся въ художественномъ отношеніи предметы, находящіеся въ ризницахъ. Кромѣ того, В. Сусловымъ

собрана и привезена для музея Академіи Художествъ, интересная, по характеру рисунковъ, коллекція изразцовъ XVI и XVII столѣтій, собранныхъ имъ въ Александровскомъ женскомъ монастырѣ, Владимірской губерніи. Всѣ эти работы будутъ выставлены на годичной академической выставкѣ 1888 года. За послѣднее время Академія Художествъ стала обращать серьезное вниманіе на сохранившіеся еще въ разныхъ уголкахъ Россіи остатки древняго зодчества, съ этою цѣлью нѣсколько лѣтъ подрядъ ежегодно командировала художниковъ въ разныя мѣстности Россіи для воспроизведенія точныхъ рисунковъ съ знаменитыхъ древнихъ церквей и построекъ, а также и для собиранія матеріаловъ къ составленію русской художественной исторіи. Трудами этихъ художниковъ въ настоящее время составлена коллекція около 1,000 рисунковъ, къ сожалѣнію, доселѣ еще не вполнѣ изданныхъ. Кромѣ того, по изданному въ прошломъ году циркулярному предложенію отъ Академіи Художествъ всѣмъ епархіальнымъ вѣдомствамъ по доставленію свѣдѣній о тѣхъ храмахъ и церковныхъ предметахъ, включительно по XVIII вѣкъ, которые заслуживаютъ вниманія какъ по оригинальности, такъ и по художественнымъ качествамъ и историческимъ воспоминаніямъ, доставлена въ академію масса весьма интересныхъ метрикъ, которыя въ скоромъ времени приведутся въ надлежащій порядокъ и появятся на предстоящей въ текущемъ году академической выставкѣ. Въ настоящее время болѣе шести тысячъ метрикъ-свѣдѣній уже присланы съ самыми подробными отмѣтками; къ нимъ приложено много рисунковъ, и еще болѣе фотографій и изданій. Эти метрики принесли много самыхъ интересныхъ матеріаловъ, указали на памятники доселѣ неизвѣстные, сообщили массу историческихъ и энографическихъ свѣдѣній и, вообще, представили самый точный и полный сборникъ всего художественнаго матеріала, включительно по 1764 годъ, т. е. до времени основанія Академіи Художествъ. Приведеніе въ порядокъ этихъ метрикъ и приготовленіе для разсмотрѣнія въ археологической комиссіи возложено на почетнаго вольнаго общника академіи А. Кибальчича.

75-лѣтіе церкви Вознесенія. 26-го января исполнилось 75 лѣтъ со дня освященія нынѣшняго каменнаго храма Вознесенія Господня въ С.-Петербургѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Петра I жители бывшихъ адмиралтейскихъ слободъ вознамѣрились соорудить храмъ взамѣнъ находившейся небольшой часовни, для чего собрали незначительную сумму и построили въ 1728 г. деревянную церковь, которая была освящена во имя Вознесенія Господня, съ однимъ придѣломъ Іоанна Воина. Церковь эта строилась слишкомъ 20 лѣтъ и не смотря на сильные пожары 1737 года, испепелившіе окружавшія ее зданія, оставалась невредимою до тѣхъ поръ, пока отъ времени сама не пришла въ ветхость. Въ 1769 году была заложена каменная церковь, освященная въ 1772 году. Однако, почему-то выстроенную церковь разобрали и соорудили новую — также на пожертвованную сумму. 26-го января 1813 года новый каменный храмъ былъ освященъ во имя Вознесенія Господня и въ такомъ видѣ существуетъ до настоящаго времени.

Коллекція закавказскихъ древностей. Среди знатоковъ и любителей старины извѣстенъ нѣкто г. А. С. Роиновъ, какъ коллекціонеръ и приверженецъ археологіи. Грузинъ по происхожденію, фотографъ по профессіи, А. С. Роиновъ изъѣздилъ все Закавказье и весь Дагестанъ, съ цѣлью снятія фотографическихъ видовъ мѣстностей, типовъ и т. п. Осмотрѣвъ нѣсколько развалинъ древнихъ церквей и найдя разныя старинныя вещи въ аулахъ горцевъ, г. Роиновъ мало-по-малу пристрастился къ археологіи и сталъ пріобрѣтать всякія древности и замѣчательныя издѣлія, какія ему попадались. Такимъ образомъ, онъ составилъ цѣлую коллекцію вещей, часть которыхъ продалъ въ прошломъ году, чтобы на вырученную сумму еще болѣе увеличить свое собраніе. Желая нѣсколько покрыть свои расходы и ознакомить съ своимъ собраніемъ любителей старины, г. Роиновъ предпринялъ поѣздку по Россіи и въ минув-

шемъ году показывалъ свой «кавказскій музей» въ Астрахани, Саратовѣ и на рождественскихъ праздникахъ въ Москвѣ, откуда прибылъ въ Петербургъ. Всѣ изделія (кромѣ купленныхъ у наслѣдниковъ Шамхала Тарковскаго) пріобрѣтались г. Ронновымъ въ различныхъ аулахъ Дагестана, гдѣ они хранились въ теченіе многихъ лѣтъ и передавались изъ рода въ родъ. По преданіямъ, они попадали въ Дагестанъ изъ Грузіи и другихъ сосѣднихъ областей при набѣгахъ горцевъ, а такъ же какъ уплата при выкупѣ плѣнныхъ, нѣкоторые изъ нихъ доставлялись торговцами изъ Персіи.

Древности Винницы. Въ Юго-Западномъ краѣ, во многихъ городахъ, не говоря ужъ о селеніяхъ, не только не заботятся о поддержаніи памятниковъ старины, но, напротивъ, уничтожаютъ ихъ при первой возможности. Такъ, въ Винницѣ, на лѣвой сторонѣ рѣки Буга, при впаденіи рѣчки Винницы, возвышается скалистая гора, на которой, два года назадъ, профессоръ В. Б. Антоновичъ, осматривая городъ, нашелъ городище очень древнее, вѣроятно, князей Корибутовичей. Такъ какъ гора представляла удобное мѣсто для добыванія камня, то городъ, безъ предварительнаго изученія ея археологами, устроилъ на ней каменоломни. При постройкѣ винницкихъ казармъ успѣли уже уничтожить третью часть городища. Ниже, по теченію, противъ паромной переправы, есть гора, уже на половину разрушенная предпріимчивымъ евреемъ Трателемъ. На ней построенъ былъ замокъ, въ началѣ XVI вѣка, княземъ Пронскимъ, затѣмъ замокъ былъ передѣланъ въ 1552 году и сгорѣлъ въ 1580 году. Онъ построенъ по типу литовскихъ замковъ; въ немъ было шесть башень, 30 городень, 20 погребовъ и спускной мостъ. Въ настоящее время виднѣется только южная половина вала, подъ которымъ пріютилась хата мѣщанина, продавшаго за безцѣнокъ всю гору Трателю для ломки камня. Возлѣ моста черезъ рѣку Бугъ есть островъ, на которомъ помѣщался замокъ, построенный въ концѣ XVII вѣка и просуществовавшій весь XVIII вѣкъ. Еще на памяти многихъ мѣстныхъ жителей, послѣдній камень разобранъ на постройки, а самый островъ проданъ городомъ одному еврею, который снесъ часть вала, построилъ домикъ и завелъ складъ керосина. Остатки вала постепенно исчезаютъ подъ плугомъ и лопатой при вспашкѣ огородовъ. Четвертый винницкій замокъ, построенный на государственныя средства Александромъ-Валентиномъ Калиновскимъ, въ 1605 году, представляетъ нынѣ груды развалинъ, расположенныхъ среди города за іезуитскими зданіями. Зданія прежней іезуитской коллегіи, а затѣмъ подольской гимназіи, состоятъ въ вѣдѣніи распорядительнаго комитета и переданы въ пользованіе мѣстнымъ войскамъ. Замокъ этотъ былъ разрушенъ въ 1649 и болѣе не возобновлялся. Нѣсколько башень и стѣнъ держатся до сихъ поръ довольно крѣпко. Самое интересное въ этомъ замкѣ составляютъ подземелья, состоящія изъ обширныхъ погребовъ и подземныхъ галлерей. Но войти туда, чтобъ имѣть понятіе объ этомъ памятникѣ старины, — невозможно. Никто не въ силахъ вынести ужасной вони отъ нечистотъ, которыя никогда не удаляются изъ этого забытаго угла, хотя онъ и лежитъ въ самомъ центрѣ города. Въ усадьбѣ, составляющей собственность Браиловскаго женскаго монастыря, переведеннаго ужъ лѣтъ сорокъ изъ Винницы въ мѣстечко Браиловъ, помѣщался Базиліанскій общежительный женскій монастырь, устроенный иждивеніемъ Михаила Кропивницкаго, въ 1630 году. Здѣсь были двѣ церкви. Теперь ужъ ихъ нѣтъ; на кладбищѣ огороды; обитель передѣлана на квартиры, а отъ стѣнъ, окоповъ и валовъ, за которыми въ 1651 году Иванъ Богунъ такъ храбро выдерживалъ осаду и въ концѣ побѣдилъ поляковъ, и слѣда не осталось.

Письмо королевы Каролины-Матильды. Въ отдѣлѣ «Заграничныхъ историческихъ новостей» нынѣшней книжки «Историческаго Вѣстника», при разборѣ книги Лагрева: «La reine Caroline-Mathilde» выражено сомнѣніе въ невинности королевы. Въ то же время, копенгагенскій корреспондентъ газеты «Standard» заявляетъ, что по найденнымъ недавно въ датской столицѣ бу-

магамъ Струензе, будто бы, ясно доказана существовавшая между нимъ и королевою Каролиною-Матильдою преступная связь. Датскія газеты приводятъ по этому поводу слѣдующее письмо несчастной королевы изъ мѣста изгнанія, въ самый день смерти, къ своему брату, англійскому королю Георгу III. Письмо это, писанное въ торжественную минуту и носящее печать истины, хранится въ тайномъ государственномъ архивѣ въ Копенгагенѣ. Вотъ текстъ этого посланія: «Государь! Въ торжественный часъ смерти я обращаюсь къ вамъ, моему брату, для того, чтобы выразить вамъ мою благодарность за дружбу, оказанную вами мнѣ при жизни, въ особенности же, во время продолжительнаго періода моихъ несчастій. Я охотно умираю, потому что ничто не привязываетъ меня къ жизни, ни молодость (королевѣ было тогда всего 23 года), ни радости, которыя рано или поздно могутъ еще выпасть на мою долю. Можетъ ли, вообще, жизнь имѣть какую-либо прелесть для женщины, оставленной тѣмъ, кого она любитъ, брошенной своимъ мужемъ, своими дѣтьми, братьями и сестрами? Я,—королева и потомокъ королевской семьи, вела самую несчастную жизнь и представляю міру новый примѣръ, что корона и скипетръ не предохраняютъ отъ тяжкихъ бѣдствій. Я заявляю, что я не виновата, и это заявленіе пишу дрожащею рукой умирающей. Я не виновна. Богъ, къ которому я взываю, который создалъ меня и скоро будетъ судить меня, свидѣтель моей невинности. Я умоляю Всевышняго, чтобы Онъ, послѣ моей смерти, убѣдилъ весь міръ въ томъ, что я не виновна, что я никогда не заслужила ни одного изъ тѣхъ тяжкихъ обвиненій, которыми трусливые враги хотѣли очернить меня, запятнать мою репутацію, затоптать въ грязь мое королевское достоинство. Государь, вѣрьте вашей умирающей сестрѣ, королевѣ и, что еще болѣе, христіанкѣ, которая со страхомъ и ужасомъ ожидала бы будущей жизни, еслибы ея послѣднее сознаніе было ложью. Будьте увѣрены, что я умираю съ радостью, потому что несчастныя считаютъ смерть благодѣяніемъ. Но что для меня хуже смерти — это то, что ни одно изъ лицъ, которыхъ я люблю, не находится у моего смертнаго одра, чтобы сказать мнѣ послѣднее «прости», чтобы утѣшить меня взглядомъ, чтобы закрыть мнѣ глаза. Но я, все-таки, не одна. Богъ, единственный свидѣтель моей невинности, видитъ меня въ эту минуту на моемъ уединенномъ ложѣ. Мой ангелъ-хранитель стережетъ меня; онъ вскорѣ поведетъ меня туда, гдѣ мнѣ дано будетъ молиться за спокойствіе лицъ, дорогихъ моему сердцу, и за моихъ палачей. Прощайте, братъ, да прольетъ Господь на васъ свою милость, да хранитъ онъ васъ, моего мужа, моихъ дѣтей, Англію, Данію и весь міръ. Молю васъ о томъ, чтобы тѣло мое было похоронено въ гробницѣ моихъ предковъ и, затѣмъ, примите послѣднее «прости» вашей несчастной сестры Каролины-Матильды. Целле, 10-го марта 1775 года».

† 9-го января, въ Москвѣ, **Николай Михайловичъ Богомоловъ**, высоко-образованный и безукоризненно-честный дѣятель печатнаго слова. Родился онъ въ 1841 году, въ богатой семьѣ откупщика, и получилъ превосходное домашнее образованіе. Ко времени его поступленія въ университетъ, дѣла отца разстроились и обезпеченная жизнь барича смѣнилась для молодого Богомолова трудовою жизнью бѣдняка-студента. Въ университетѣ онъ познакомился съ новыми вѣяніями шестидесятыхъ годовъ и всецѣло отдался порывамъ эпохи великихъ реформъ. Вслѣдствіе студенческихъ волненій въ Харьковѣ, ему не пришлось окончить университетскій курсъ, а, между тѣмъ, какъ стипендіатъ, онъ былъ обязанъ отработать стипендію. Это заставило его избрать карьеру городского учителя. Потомъ, богатый знаніями и педагогическимъ опытомъ, онъ выступилъ на литературное поприще въ «Грамотеѣ» (напечатанныя тамъ статьи его о жизни и дѣятельности Песталоцци вышли впослѣдствіи отдѣльной книгой). Въ семидесятыхъ годахъ онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Бесѣды» С. А. Юрьева и газеты «Голосъ»; къ этому

времени относится длинный рядъ серьезныхъ его статей по вопросамъ внутренней политики и экономіи. Въ 1879 году, онъ вошелъ въ составъ кружка журналистовъ и ученыхъ, основавшихъ «Русскій Курьеръ». Богомоловъ жилъ съ семьей въ деревнѣ, а Москву посѣщалъ наѣздами, для пополненія своей библіотеки и для бесѣдъ въ редакціонномъ кружкѣ. Когда этотъ кружокъ распался и «Русскій Курьеръ» лишился умѣлаго и убѣжденнаго руководства, Богомоловъ пересталъ принимать въ немъ участіе и отдался деревнѣ, съ ея хозяйствомъ. Но онъ не могъ долго оставаться вдали отъ центровъ умственной дѣятельности. Года полтора назадъ, онъ вернулся въ Москву и принялъ на себя редактированіе общедоступнаго популярно-научнаго журнала «Сотрудникъ народа», переименованнаго затѣмъ просто въ «Сотрудникъ». Журналъ этотъ не былъ задуманъ съ цѣлью издательскаго гешефта; Богомоловъ горячо взялся за дѣло и бодро велъ его. Особымъ здоровьемъ покойный никогда не отличался, но не было и причинъ ждать печальной катастрофы; случайно схваченное крупозное воспаленіе быстро свело его въ могилу.

† 31-го января, въ Маріинской больницѣ, отъ водянки, одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ литераторовъ, **Владиміръ Петровичъ Бурнашевъ**, 78 лѣтъ. Изъ трудовъ покойнаго, работавшаго на литературномъ поприщѣ шестьдесятъ лѣтъ, особенно выдѣляются: «Воспоминанія петербургскаго старожила». Бурнашевъ писалъ также много по сельскому хозяйству. Послѣдній трудъ его: «Разсказы о народной войнѣ 1812 года», изданъ редакціей журнала «Досугъ и Дѣло».

† въ Ниццѣ, 68 лѣтъ, сенаторъ **Сергѣй Ивановичъ Зарудный**, одинъ изъ даровитѣйшихъ юристовъ и литераторъ. Особенно много потрудился онъ при составленіи новыхъ судебныхъ уставовъ. Болѣе двухъ лѣтъ трудился онъ надъ составленіемъ проекта устава гражданскаго судопроизводства, но былъ сторонникомъ не устнаго, а письменнаго процесса, и потому не принималъ участія въ примѣненіи къ дѣлу судебныхъ уставовъ. Тогда онъ занялся литературой, изучилъ итальянскій языкъ, переводилъ итальянскихъ юристовъ, кодексъ дѣйствующихъ итальянскихъ законовъ, Тасса, Данте.

† въ Петербургѣ первая русская женщина-библіографъ, **Зинаида Михайловна Пенкина**, на 27 году. Слушательница высшихъ женскихъ курсовъ, она занималась переводами, писала мелкія статьи въ газетахъ, но главнымъ занятіемъ ея была библіографія, которую она изучила подъ руководствомъ В. И. Межова. Ею составлены библіографическіе указатели книгъ, относящихся къ Полѣсью, къ морскому дѣлу, по женскому вопросу и нѣсколько другихъ неоконченныхъ трудовъ. Выйдя замужъ за г. Триполитова, она не долго наслаждалась семейнымъ счастьемъ и умерла преждевременно.

† славянскій поэтъ **Томашекъ**, 75 лѣтъ. Онъ славится, какъ авторъ гуситской пѣсни «Hej Slovane», которую чехи признаютъ своимъ національнымъ гимномъ. Три года назадъ, младочехи праздновали 50-тилѣтній юбилей этой пѣсни и автору ея поднесли почетный подарокъ.

† въ Гмюнденѣ, 80 лѣтъ, **Фридрихъ-Теодоръ Фишеръ**, нѣмецкій литературный критикъ и эстетикъ, оказывавшій большое вліяніе на развитіе нѣмецкаго искусства. Въ его многотомной «Эстетикѣ» обслѣдовано всесторонне ученіе о прекрасномъ. Онъ былъ профессоромъ эстетики въ Тюбингенѣ, Цюрихѣ и Штутгартѣ. Какъ писатель, онъ извѣстенъ своими памфлетами о политическихъ и соціальныхъ злоупотребленіяхъ Германіи, своими классическими пародіями, которыя онъ сочинялъ подъ псевдонимомъ «Schartenmayer», наконецъ, своей третьею частью «Фауста», гдѣ имъ зло осмѣяны преувеличенія и увлеченія изслѣдователей и коментаторовъ Гёте.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Еще къ вопросу о могилѣ іеромонаха Арсенія въ Верхнеудинскѣ.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1885 годъ была помѣщена мною небольшая замѣтка подъ заглавіемъ: «Могила іеромонаха Арсенія въ Верхнеудинскѣ». Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двухъ лѣтъ; за это время я долженъ былъ, по дѣламъ службы, побывать въ Петербургѣ и мнѣ пришлось вернуться въ Сибирь только въ 1887 году.

О своемъ отсутствіи изъ Сибири упоминаю не безъ основанія, такъ какъ «Замѣтка» моя объ Арсеніи Верхнеудинскомъ вызвала въ средѣ мѣстнаго и областнаго духовенства нѣкоторую сенсацію, возбудила споры и толки и даже обратила на себя вниманіе его преосвященства Мелетія, епископа Селенгинскаго, по распоряженію котораго образъ, находившійся когда-то на «голбчикѣ», поставленномъ надъ могилой іеромонаха Арсенія, былъ посланъ въ г. Иркутскъ, для снятія съ него копіи. Копія эта теперь находится въ часовенькѣ на городскомъ общественномъ кладбищѣ; оригиналъ же (образъ Арсенія Великаго) епископомъ Мелетіемъ увезенъ въ г. Читу.

Все это случилось въ мое отсутствіе.

Къ сожалѣнію, участіе мѣстнаго духовенства въ выясненіи вопроса о личности іеромонаха Арсенія этимъ только и ограничилось. Единственное лицо, обязательно принявшее на себя трудъ собрать справки изъ архивныхъ дѣлъ Верхнеудинскаго и Нерчинскаго соборовъ, а также изъ дѣлъ бывшаго Нерчинскаго Успенскаго монастыря,—о. протоіерей Амфилогій Кузнецовъ, за время моего отсутствія изъ Верхнеудинска, къ величайшему огорченію любившей его паствы умеръ. Что онъ успѣлъ сдѣлать, какія собралъ данныя, за смертью его такъ и осталось не извѣстнымъ.

Вопросъ объ Арсеніи Верхнеудинскомъ, слѣдовательно, находится опять открытымъ.

Наконецъ, въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1887 годъ появилась замѣтка г. П. А. Мордовского, по поводу моей статьи «Могила іеромонаха Арсенія» [1]).

Всякому лицу, принявшему какое либо участіе въ выясненіи запутаннаго пока вопроса:—кто такой былъ іеромонахъ Арсеній, похороненный на Верхнеудинскомъ кладбищѣ, хотя съ краткой его біографіей, доведенной до послѣднихъ дней его жизни, мы можемъ быть только благодарны. Нисколько не сомнѣваемся, что и г. Мордовской, помѣщая свою замѣтку въ «Историческомъ Вѣстникѣ», также хотѣлъ, по имѣющимся у него даннымъ, только возстановить историческую правду. Желаніе благое и похвальное: «умъ хорошо, два—лучше того», гласитъ пословица.

Посмотримъ же теперь—на сколько г. Мордовской достигъ своей цѣли, на сколько помогъ своей замѣткой приблизиться къ истинѣ?

---

[1]) Помѣщая эту замѣтку въ «Историческомъ Вѣстникѣ», мы были совершенно далеки отъ мысли—доказывать, что Арсеній Верхнеудинскій есть именно Арсеній Мацѣевичъ. Цѣлью нашей было только сообщить редакціи извѣстные намъ факты, безъ всякаго обобщенія ихъ и вывода. Е. П.

Начнемъ съ того, на какихъ историческихъ, не подлежащихъ сомнѣнію, данныхъ г. Мордовской безъапеляціонно основываетъ свое сужденіе, что «каменная часовня на «Троицкомъ» кладбищѣ построена именно надъ прахомъ іеромонаха Арсенія, сосланнаго въ Сибирь въ 1767 году безъ лишенія званія, но съ запрещеніемъ священнодѣйствовать, за дерзости и ложный доносъ на настоятеля монастыря»? Эти единственныя, по мнѣнію г. Мордовского, безусловно вѣрныя данныя, — случайная корреспонденція нѣкоего, г. Паршина, подписывавшаго свои замѣтки псевдонимомъ «Куйтунова», помѣщенная имъ въ № 44 «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1865 годъ, а также «свѣдѣнія о томъ же іеромонахѣ Арсеніи, основанныя (будто бы) на справкѣ, взятой г. Куйтуновымъ изъ нерчинскаго архива», помѣщенныя имъ въ одномъ изъ номеровъ тѣхъ же «Иркутск. Губ. Вѣдом.» за 1876 или 1878 годъ (г. Мордовской точно этого не знаетъ). Вотъ и всѣ данныя, служащія фундаментомъ и не отразимымъ аргументомъ, на которыхъ г. Мордовской основалъ свою замѣтку.

Правда, въ томъ же № 44 «Иркутск. Губ. Вѣд.» г. Куйтуновъ (т. е. Паршинъ), говоритъ, что у него «въ началѣ сороковыхъ годовъ былъ одинъ подлинный документъ временъ Екатерины II, пріобрѣтенный въ Нерчинскѣ (?) за подписью генерала Ушакова, въ которомъ кратко прописывались вины Арсенія и назначалось ему содержаніе, но въ какомъ количествѣ — онъ (Паршинъ) не помнитъ», такъ какъ кто-то похитилъ у него этотъ интересный документъ.

Спустя уже 12—15 лѣтъ послѣ этого, появилось первое сообщеніе г. Паршина объ іеромонахѣ Арсеніи въ № 44 «Иркутск. Губерн. Вѣдомостей».

Что же помѣшало раньше г. Паршину воспользоваться столь рѣдкимъ документомъ, какимъ-то чудомъ «пріобрѣтеннымъ» имъ въ тѣ отдаленныя отъ насъ и суровыя времена, очевидно, изъ «секретныхъ» дѣлъ нерчинскихъ комендантскаго или духовнаго правленій? На сколько намъ извѣстно, доступъ къ дѣламъ такого рода сопряженъ съ весьма большими затрудненіями даже и въ наше время, не говоря уже объ эпохѣ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ.

Но, допустивъ даже, что вся эта исторія съ похищеннымъ документомъ могла случиться,—разъясняетъ ли намъ это сущность дѣла? На чемъ мы можемъ основывать неопровержимость словъ г. Паршина?

Единственно на допускѣ его авторитетности, его эрудиціи и компетентности... Но кто же былъ г. Паршинъ, чтобъ намъ вѣрить ему на слово въ столь щекотливомъ и запутанномъ вопросѣ, имѣющемъ связь, безъ всякаго сомнѣнія, случайную, съ вопросомъ объ исторической личности Арсенія, митрополита Ростовскаго, съ вопросомъ, продолжающимъ изрѣдка волновать умы нашихъ обывателей даже и по сіе время?

Отвѣтомъ на это можетъ служить выписка (повидимому) изъ послужнаго списка г. Паршина, съ обозначеніемъ даже годовъ, мѣсяцевъ и чиселъ «прохожденія имъ службы», помѣщенная въ «Замѣткѣ» г. Мордовского по поводу нашей статьи.

Но, смѣемъ думать, что многимъ такой аргументъ покажется не достаточно вѣскимъ, не достаточно убѣдительнымъ; а, слѣдовательно, ничего не доказавшимъ и, по нашему мнѣнію, еще болѣе запутавшимъ вопросъ о личности Арсенія Верхнеудинскаго.

Между тѣмъ, для жителей Забайкалья вообще и для верхнеудинцевъ въ

особенности, вопросъ этотъ далеко не праздный, далеко не пустой. Стоитъ только припомнить то обстоятельство, что личность іеромонаха Арсенія, похороненнаго на «Троицкой горѣ», большинствомъ православнаго населенія Забайкалья почитается какъ личность «житія святаго»; что на могилѣ его ежегодно, въ присутствіи молящейся публики, соборнымъ духовенствомъ совершается церковная служба и панихиды...

Сопоставляя же съ этимъ фактъ, сообщенный г. Паршинымъ, что на Троицкомъ кладбищѣ похороненъ ни кто другой, какъ простой іеромонахъ, сосланный «за дерзости и ложный доносъ», полагаемъ, должно произойти... «нѣкоторое смятеніе».

Одна же ссылка на авторитетъ г. Паршина, ни для кого не обязательный, и на компетентность его въ вопросѣ такого рода, безъ предъявленія вѣрныхъ историческихъ документовъ и данныхъ, по меньшей мѣрѣ, не убѣдительна.

Обращаясь затѣмъ къ нашей замѣткѣ, помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1885 годъ, и сличая сообщенныя нами цифровыя данныя съ таковыми же, сообщенными г. Паршинымъ въ № 44 «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», оказывается, что они не имѣютъ ничего между собой общаго. Дѣйствительно: по нашимъ свѣдѣніямъ, іеромонахъ Арсеній Верхнеудинскій былъ сосланъ въ 1763 году и прощенъ въ 1771 году, умеръ въ 1771 году, 74 лѣтъ отъ роду; а по Паршину, — онъ былъ сосланъ въ 1767 году, возвращался изъ Нерчинска въ 1773 году и въ этомъ же году умеръ, имѣя въ то время только 55 лѣтъ отъ роду. Очевидно, дѣло идетъ о двухъ совершенно разныхъ лицахъ, бывшихъ въ ссылкѣ въ Нерчинскѣ почти въ одно и то же время [1]).

Далѣе. Самое народное преданіе, приписываемое яко бы предвѣдѣнію своей кончины іеромонахомъ Арсеніемъ, г. Паршинымъ передано совершенно не вѣрно, о чемъ, конечно, должно быть извѣстно и г. Мордовскому. Нигдѣ и никогда никто не говорилъ, кромѣ г. Паршина, что Арсеній умеръ 15-го іюня, не доѣзжая 48 верстъ до Верхнеудинска. Напротивъ, преданіе гласитъ буквально такъ, какъ сообщено было нами: Арсеній умеръ на «Троицкой горѣ», проѣхавъ уже рѣчку «Березовку», протекающую въ 4 верстахъ отъ города. Но эта легендарная часть не такъ для насъ важна... Если г. Паршинъ и могъ даже имѣть какой-либо документъ, пріобрѣтенный имъ яко бы въ Нерчинскѣ, то документъ этотъ, подписанный, по словамъ автора, генераломъ Ушаковымъ, ужъ ни коимъ образомъ не могъ трактовать о непредвидѣнной кончинѣ Арсенія въ Верхнеудинскѣ, и, на чемъ основаны г. Паршинымъ такія положительныя данныя о времени и мѣстѣ смерти этого іеромонаха, для насъ остается совершенно не понятнымъ. Остальная часть народнаго преданія передана имъ приблизительно вѣрно. Выходитъ, что быль перемѣшана съ небылицей.

Сообщенная же нами «выправка», найденная при разборѣ архивныхъ дѣлъ, бывшихъ верхнеудинскихъ комендантскаго правленія и городской полиціи, съ 1765 по 1802 годъ, есть дѣйствительно документъ историческій документъ не опровержимый. Въ документѣ этомъ между прочимъ прямо

---

[1]) Есть большое основаніе полагать, что въ бывшемъ Нерчинскомъ Успенскомъ монастырѣ въ ссылкѣ находился только одинъ іеромонахъ Арсеній, о которомъ и желательно было бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія. Е. П.

сказано: «и о выправкѣ о погребенномъ при Троицкой церкви привезенномъ изъ Нерчинскаго Успенскаго монастыря схимонахѣ Арсеніи—какого онъ былъ прежде достоинства». Дѣло помѣчено сверху: «1789 г. сентября 20, № 715—50; а снизу: «Сентября 18-го, 1792 года, на 5 листахъ».

Если, какъ сообщаетъ г. Паршинъ, Арсеній былъ сосланъ въ Сибирь «безъ лишенія званія», то что значатъ слова на сообщенной выправкѣ: «какого онъ былъ прежде достоинства»?.. Допустивъ первое предположеніе, очевидно, вопроса о прежнемъ достоинствѣ этого іеромона не могло быть и возбуждаемо.

Спрашивается: кто же былъ Арсеній Верхнеудинскій, тѣмъ болѣе, что и г. П. П. Каратыгинъ, (который ужъ конечно компетентнѣе нашихъ доморощенныхъ историковъ), передавая письмо барона В. И. Штейнгеля [1]), между прочимъ упоминаетъ, что іеромонахъ Нижегородскаго монастыря Арсеній былъ сосланъ въ Нижнеудинскъ (Иркутской губерніи). По Паршину же выходитъ, что эта же самая личность была сослана въ Нерчинскъ, Забайкальской области. Допустивъ даже, что въ письмѣ барона Штейнгеля ошибочно названъ Нижнеудинскъ вмѣсто Верхнеудинска, все-таки выходитъ, что и это не вѣрно: по свѣдѣніямъ Паршина, и простой нижегородскій іеромонахъ Арсеній, сосланный за «продерзости и клевету» на свое начальство, и знаменитый поборникъ Екатерины II, Арсеній, митрополитъ Ростовскій,—оба въ одно и то же время подверглись одинаковой участи, будучи сосланы на смиреніе въ Нерчинскій Успенскій монастырь. Кто тутъ правъ, предоставимъ судить исторіи [2]).

Съ своей стороны мы рѣшаемся предложить одинъ вопросъ, могущій послужить до нѣкоторой степени руководящей нитью при розыскѣ дѣлъ и перепискѣ, относящихся къ интересующему насъ предмету. Вопросъ этотъ такого рода:

Нѣтъ ли въ архивныхъ дѣлахъ бывшаго Успенскаго Нерчинскаго монастыря, за время съ 1763—1774 годовъ, какихъ-нибудь «вѣдомостей» о содержащихся тамъ монашествующихъ и ссыльныхъ арестантахъ, находившихся подъ особеннымъ надзоромъ монастырской администраціи, на подобіе того какъ это велось, напримѣръ, еще во второй половинѣ XVIII и даже въ началѣ XIX столѣтій, въ Соловецкомъ монастырѣ? Какъ извѣстно, въ вѣдомостяхъ этихъ, противъ фамиліи каждаго арестанта или поднадзорнаго обозначалось: по какому распоряженію содержится поднадзорный; въ какой мѣрѣ строгости долженъ быть производимъ надъ нимъ надзоръ и проч.

Всѣ послѣдующія распоряженія о дальнѣйшей судьбѣ поднадзорныхъ, исходящія какъ отъ властей высшихъ инстанцій, такъ и ближайшаго начальства, по всей вѣроятности, должны также находиться въ дѣлахъ «секретныхъ» за указанный періодъ.

Въ настоящее время къ архивнымъ дѣламъ бывшаго Нерчинскаго Успенскаго монастыря ближе всего поставленъ причтъ Нерчинскаго собора. При-

---

[1]) См. «Истор. Вѣстн.» за 1884 годъ, августъ, стр. 370.

[2]) Зная, что Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій, послѣ перваго надъ нимъ слѣдствія, былъ сосланъ въ Николаевскій Корельскій монастырь, мы тѣмъ не менѣе, пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобъ путемъ печати, еще разъ поднявъ вопросъ объ іеромонахѣ Арсеніи, погребенномъ въ Верхнеудинскѣ, окончательно рѣшить его, вызвавъ возраженіе или подтвержденіе на сообщеніе г. Паршина со стороны лицъ, болѣе компетентныхъ въ этомъ. Е. П.

нявъ на себя трудъ по разборкѣ архивныхъ дѣлъ конца прошедшаго столѣтія, причтъ этого собора оказалъ бы въ интересующемъ насъ дѣлѣ неоцѣненную услугу.

Смѣемъ надѣяться, вмѣстѣ съ г. Мордовскимъ, что и остальное областное духовенство, во главѣ со своимъ просвѣщеннымъ владыкой, не отнесутся безучастно къ возбужденному нами вопросу и своими изысканіями помогутъ наконецъ пролить лучъ свѣта на этотъ темный и запутанный до сихъ поръ, но, тѣмъ не менѣе, далеко не праздный вопросъ. **Е. Путиловъ.**

II.

Къ статьѣ «По какому случаю построенъ Пѣвческій мостъ».

Въ статьѣ г. М. М. Михайлова «По какому случаю построенъ Пѣвческій мостъ», помѣщенной въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» вкрались слѣдующія неточности, которыя, мнѣ кажется, слѣдуетъ оговорить:

Графъ Ю. А. Головкинъ умеръ не въ 1844 году, а въ 1846; эта дата его смерти обозначена, вмѣстѣ съ датой его рожденія (1764 г.) на надгробномъ памятникѣ графа, воздвигнутомъ надъ его прахомъ въ церкви мѣстечка Константинова, дочерью графа княгиней Наталіей Юрьевной Салтыковой-Головкиной и внукомъ его княземъ Алексѣемъ Александровичемъ Салтыковымъ.

Князь Юрій Николаевичъ Голицынъ названъ г. Михайловымъ двоюроднымъ внукомъ графа Головкина, между тѣмъ, какъ князь Юрій Голицынъ родной правнукъ графа Головкина, а именно: у графа Юрія Александровича Головкина, отъ брака съ Нарышкиной, была одна дочь Наталія, которая отъ брака съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Салтыковымъ имѣла четырехъ дочерей; старшая изъ нихъ, княжна Елена Александровна, была замужемъ за княземъ Николаемъ Борисовичемъ Голицынымъ и въ бракѣ съ нимъ родила сына князя Юрія Николаевича Голицына.

Имѣніе графа Головкина при мѣстечкѣ Константиновѣ съ селами и деревнями было не въ Харьковской губерніи и уѣздѣ, а находилось и находится въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, па берегу рѣки Сулы, въ томъ углу Роменскаго уѣзда, который граничитъ съ Лебединскимъ уѣздомъ Харьковской губерніи и Путивльскимъ, Курской губерніи.

Имѣніе Константиново, по смерти графа Головкина, перешло къ его дочери княгинѣ Наталіи Юрьевнѣ Салтыковой-Головкиной, будучи обращено, согласно просьбѣ графа, указомъ императора Николая I въ маіоратъ; послѣ нея къ ея сыну и внуку графа, князю Алексѣю Александровичу Салтыкову-Головкину, а послѣ него въ 1874 году къ праправнуку графа князю Евгенію Юрьевичу Голицыну-Головкину, который умеръ 2-го сентября 1887 года. Указъ императора Николая I о маіоратѣ данъ 20-го іюля 1845 года.

Н. Стечькинъ.

III.

Письмо въ редакцію.

М. г. Въ помѣщенной на стр. 243 и 244 октябрской книги, редактируемаго вами журнала замѣткѣ подъ заглавіемъ «Научный и историческій от-

дѣлъ Екатеринбургской выставки», вкралось нѣсколько неточностей, на которыя считаю долгомъ своевременно указать въ виду того, что «Историческій Вѣстникъ» поставилъ одною изъ своихъ задачъ собираніе и публикованіе однихъ лишь точныхъ, несомнѣнныхъ фактовъ. Только изъ чувства глубокаго уваженія къ редактируемому вами журналу я отступаю отъ принятаго мною правила оставлять безъ возраженія статьи о нашей выставкѣ.

Выставка была открыта съ 14 іюня по 15 сентября, а не въ августѣ только.

Библіотека покойнаго Н. К. Чупина составляетъ собственность его малолѣтняго наслѣдника, хотя временно хранится въ ящикахъ въ зданіи музея Уральскаго Общества любителей естествознанія; если бы ее всю выставить, то пришлось бы отказать многимъ другимъ экспонентамъ за недостаткомъ мѣста, что было бы несправедливо и нецѣлесообразно. О пріобрѣтеніи этой библіотеки цѣликомъ для храненія отдѣльно отъ библіотеки названнаго Общества ведется уже нѣсколько лѣтъ переписка съ губернскимъ земствомъ. П. М. Вологодскимъ, которому покойный Н. К. Чупинъ ввѣрилъ вмѣстѣ со мною попеченіе о его наслѣдники, составленъ подробный библіографическій каталогъ всей библіотекѣ—почтенный трудъ, если принять во вниманіе, что въ ней есть книги и брошюры на 50-ти слишкомъ языкахъ.

На могилѣ Чупина воздвигнутъ памятникъ, состоящій изъ бюста незабвеннаго ученаго (работы М. Н. Плюсинна) на соотвѣтствующемъ пьедесталѣ изъ сѣраго и бѣлаго мрамора. Средства на сооруженіе этого памятника собраны Уральскимъ Обществомъ естествознанія путемъ высочайше разрѣшенной подписки между почитателями Чупина. На торжественномъ открытіи этого памятника (6 августа 1887 г.) присутствовали, между прочимъ, делегаты германскаго правительства на выставкѣ, проф. Рело (Reuleaux) изъ Берлина и Штида (Stieda) изъ Кенигсберга, делегатъ Вѣнскаго Антропологическаго Общества д-ръ Гегеръ (Heger) и пр. Положеніе о преміи имени Чупина за лучшія научныя изслѣдованія Уральскаго края будетъ распубликовано по утвержденіи правительствомъ.

Сочиненія Д. Д. Смышляева и Е. П. Красноперова находятся въ библіотекѣ Общества, но почему почтенные эти изслѣдователи не пожелали экспонировать ими на выставкѣ, мнѣ неизвѣстно.

«Пермская Лѣтопись» В. Н. Нишонка была выставлена и удостоена большой серебряной медали.

Авторъ замѣтки не упоминаетъ о бывшихъ на выставкѣ богатыхъ коллекціяхъ доисторическихъ древностей, большею частью изъ Уральскаго и Пріуральскаго края. О нихъ читатель найдетъ свѣдѣнія въ авторитетномъ очеркѣ проф. Анучина въ «Русской Мысли».

Примите увѣреніе и проч. **О. Клеръ.**

Опекунъ надъ наслѣдникомъ Н. К. Чупина, секретарь Уральскаго Общества любителей естествознанія и комитета выставки.

Въ статьѣ П. М. Ковалевскаго «Встрѣчи на жизненномъ пути», напечатанной въ Февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», на страницѣ 370, въ строкѣ 18, вкралась слѣдующая, измѣняющая смыслъ фразы, опечатка: напечатано: «намѣреніе мое оставаться добрымъ»—должно быть: «намѣреніе мое оставаясь добрымъ».

— Буду нѣмъ, какъ могила, г. Стеенъ.

— Мнѣ этого достаточно,—съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ хозяинъ,—возьми свою шапку, и пойдемъ.

Когда, нѣсколько минутъ спустя, Ганнеке вернулся съ шапкой, то увидѣлъ, что господинъ его уже не одинъ: рядомъ съ нимъ стоялъ тотъ датчанинъ, котораго онъ видѣлъ на Шоненѣ. Съ изумленіемъ посмотрѣлъ онъ на своего господина и на датчанина, такъ какъ ему представлялось, что, послѣ той ужасной ночи, эти два человѣка никогда въ жизни не должны будутъ свидѣться. Впрочемъ, ни хозяинъ, ни гость — не обратили ни малѣйшаго вниманія на изумленіе рыбака, и всѣ трое вышли молча изъ дома, между тѣмъ какъ старикъ Даніэль смотрѣлъ имъ вслѣдъ, покачивая головою.

Госвинъ Стеенъ направился къ лежавшей по сосѣдству торговой площади, которая тогда была гораздо обширнѣе, нежели теперь, такъ какъ на ней стояла въ ту пору высокая и прекрасная Маріинская церковь, въ ту пору почитавшаяся лучшимъ изъ Божіихъ храмовъ на Сѣверѣ Европы. На самой серединѣ площади возвышалась городская ратуша, затѣйливо построенная изъ черныхъ и красныхъ цвѣтныхъ поливныхъ кирпичей; къ ратушѣ съ одной стороны примыкалъ рядъ лавокъ готоваго платья, въ которомъ портные выставляли свой товаръ, а далѣе—кожевенный рядъ. Кругомъ площади лѣпились лавченки золотыхъ дѣлъ мастеровъ, игольщиковъ, литейщиковъ и многихъ другихъ ремесленниковъ. Тутъ же сидѣли за своими столиками мѣнялы и писцы, съ чернильницей и перомъ за поясомъ и ревностно были заняты удовлетвореніемъ толпившейся около нихъ многочисленной и разнообразной публики.

Черезъ эту обычную рыночную толкотню и давку Госвинъ Стеенъ пробирался со своими спутниками, безпрестанно отвѣчая на глубокіе и почтительные поклоны встрѣчныхъ ему людей. Онъ направился прямо къ высокому крытому крыльцу ратуши, которая, своей стройной башенкой, своими легкими аркадами и всѣмъ характеромъ своей изящной архитектуры напоминала роскошныя итальянскія постройки.

Стеенъ не зашелъ въ этотъ день въ большую ганзейскую залу, въ которой, обычно, происходили всѣ важныя совѣщанія, и прямо прошелъ въ такъ называемую «аудіенцъ-залу», гдѣ совершались различные акты, въ присутствіи старшаго бюргермейстера.

Госвинъ Стеенъ сначала приказалъ доложить о себѣ одномъ господину Іоганну Виттенборгу, и сообщилъ ему о своемъ желаніи занести въ книгу ратуши нѣкое долговое обязательство. Въ тогдашнее время на кредитъ смотрѣли не такъ легко, какъ теперь; купцы очень рѣдко рѣшались давать другъ другу деньги взаймы, и въ обезпеченіе подобныхъ займовъ не только требовали наторіальнаго документа, съ занесеніемъ всего дѣла въ книгу городской ратуши, но еще брали съ должника и залоги.

Вотъ почему Виттенборгъ и былъ крайне изумленъ, когда услышалъ отъ Стеена, что тотъ отказывается взять со своего должника надлежащій залогъ, въ обезпеченіе ссужаемой ему суммы, и это изумленіе возросло до крайнихъ предѣловъ, когда, въ лицѣ должника Госвина Стеена, Виттенборгъ узналъ Кнута Торсена, недавно исключеннаго изъ общества ганзейскихъ купцовъ. Стеенъ постарался избѣгнуть вопрошающихъ взглядовъ бюргермейстера, и потому тотъ долженъ былъ прямо перейти къ исполненію обычныхъ законныхъ формальностей и къ составленію актовъ, которые, по общему средневѣковому обычаю, велись на латинскомъ языкѣ. Всѣ городскія книги, всѣ удостовѣренія и служебные отчеты — даже торговыя книги купцовъ велись полатини, такъ какъ этотъ языкъ составлялъ общее достояніе высшихъ классовъ. Пониманіе латинскаго языка и умѣнье имъ владѣть было тѣмъ болѣе необходимо для купца, что, при сношеніяхъ съ торговцами другихъ странъ, ему необходимъ былъ одинъ общій, всѣмъ извѣстный языкъ; а такимъ универсальнымъ языкомъ, въ то время, былъ только языкъ латинскій.

Въ актѣ, изготовленномъ стараніями бюргермейстера, Кнутъ Торсенъ утвердилъ своею подписью то, что онъ отъ любекскаго купца Госвина Стеена такую-то сумму денегъ взаймы получилъ, и обязуется уплатить ему свой долгъ въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ.

Когда датчанинъ подписалъ этотъ документъ, при чемъ бюргермейстеръ и Ганнеке подписались свидѣтелями, Госвинъ Стеенъ передалъ Торсену означенную въ документѣ сумму, а затѣмъ датчанинъ удалился въ самомъ пріятномъ настроеніи духа.

Стеенъ, болѣе чѣмъ когда-либо сумрачный, собирался уже за нимъ послѣдовать, вмѣстѣ съ Ганнеке, но Виттенброгъ удержалъ его, и онъ вынужденъ былъ отпустить Ганнеке одного.

— Извините мнѣ мою откровенность,—сказалъ Стеену бюргермейстеръ,—но я, право, не постигаю вашего сегодняшняго способа дѣйствій. Вы слишкомъ хорошо знаете, съ какимъ уваженіемъ я всегда на васъ смотрѣлъ, и потому меня вдвойнѣ удивляетъ, что такой человѣкъ, какъ вы, такъ хорошо знакомый и съ нашимъ городомъ, и съ важнѣйшими интересами ганзейской торговли—рѣшаетесь давать въ займы человѣку, исключенному изъ нашего общества, такую большую сумму, которая составляетъ чуть ли не цѣлое состояніе. Да еще такому человѣку, который несомнѣнно принадлежитъ къ націи намъ враждебной, и королю которой мы собираемся объявить войну! Скажите, что васъ къ этому побуждаетъ? Гдѣ же ваша прославляемая всѣми осторожность и умѣлость въ дѣлахъ? Подумайте же, наконецъ, что вѣдь вы и сами можете очутиться въ дурномъ положеніи, если этотъ Торсенъ не сдержитъ своего слова и не возвратитъ вамъ выданную вами сумму къ опредѣленному сроку?

Во время этой рѣчи бюргермейстера, Госвинъ Стеенъ нѣсколько разъ мѣнялся въ лицѣ. Жилы на лбу его надулись; губы его подергивало, — онъ, видимо, сильно гнѣвался. Нѣсколько разъ собирался онъ возражать бюргермейстеру, но не въ силахъ былъ выговорить ни слова. Наконецъ, онъ настолько овладѣлъ собою, что могъ высказаться:

— Мы всѣ свободные граждане, г. Іоганнъ Виттенборгъ, и каждый изъ насъ воленъ поступать, какъ ему угодно. Понимаете ли вы меня?

— Я вовсе не хотѣлъ васъ прогнѣвать, — сказалъ бюргермейстеръ.—Въ качествѣ вашего сотоварища по ратушѣ и собрата по нашимъ отношеніямъ къ Ганзѣ, я полагаю, что мы съ вами довольно близки, и я имѣю право высказать вамъ мое мнѣніе. Извините меня, если я во всемъ этомъ ошибся.

И затѣмъ, Виттенборгъ очень ловко перевелъ разговоръ на политику, которая, конечно, была самымъ жгучимъ вопросомъ времени.

— Всѣ бюргермейстеры приморскихъ городовъ,—сообщилъ Виттенборгъ,—съѣзжались въ Грейфсвальдѣ. Представителемъ нашего города былъ мой младшій сотоварищъ Бруно - фонъ-Варендорпъ. Прежде всего, рѣшено воспретить всякій вывозъ товаровъ въ Данію и въ Шоненъ подъ страхомъ лишенія жизни и имущества. Сверхъ того, хотятъ хлопотать о заключеніи союза съ Швеціею и Норвегіею.

— Это для меня новость!—сказалъ Госвинъ Стеенъ.

— Если бы вы пожаловали къ намъ, во вчерашнее засѣданіе совѣта, то вамъ бы это было извѣстно,—возразилъ Виттенборгъ.— Къ сожалѣнію, вы въ послѣднее время, вообще, стали рѣдкимъ гостемъ на нашихъ засѣданіяхъ, и ваше отсутствіе вдвойнѣ ощутительно, такъ какъ гибель нашей Бойской флотиліи все еще кипятитъ многихъ.

Госвинъ Стеенъ изо всей силы ударилъ кулакомъ о столъ.

— Да развѣ же я не сдѣлалъ уже въ этомъ дѣлѣ гораздо бобѣе, нежели было нужно сдѣлать! — гнѣвно воскликнулъ онъ. — Развѣ господа члены городского совѣта не вознаграждены мною за всѣ, понесенные ими убытки, и всѣ вмѣстѣ, и каждый порознь? Или это благодарность мнѣ за то, что я дѣлалъ сверхъ силъ своихъ?

— На то была ваша добрая воля,—сказалъ бюргермейстеръ.— Вы, вѣроятно, по свойственной вамъ добросовѣстности и честности, почувствовали, что вамъ слѣдуетъ принести эту жертву.

— Ну, такъ чего же еще отъ меня требуютъ? — закипятился опять Стеенъ.

— Вы сегодня слишкомъ раздражены,—возразилъ Виттенборгъ, покачивая головой,—сегодня никакое спокойное соглашеніе съ вами не оказывается возможнымъ. Я только одно могу вамъ сказать: вамъ

бы слѣдовало опять аккуратно посѣщать засѣданія совѣта, чтобы самому лично отражать всякія мелочныя нападки. Если вы отъ нихъ сами станете отбиваться, то они разлетятся прахомъ—и только; а въ противномъ случаѣ, изъ этихъ мелочей можетъ вырости такая гора, что ее и сдвинуть будетъ трудно даже человѣку вашего ума и силы воли. Честь имѣю кланяться, г. Стеенъ, это я все вамъ на пользу говорю.

Стеенъ ушелъ, даже не пожавъ руки бюргермейстеру. Слова его оскорбили Стеена и онъ направился домой уже гнѣвный и недовольный и другими, и собой. Настоящее представлялось ему въ самомъ мрачномъ видѣ; да и отъ будущаго онъ не ожидалъ ничего хорошаго. И въ такомъ настроеніи пошелъ онъ домой черезъ торговую площадь, не отвѣчая ни на чьи поклоны, и тѣмъ самымъ возбуждая въ толпѣ непріязненное чувство къ себѣ.

XI.

Неправый судъ.

Когда онъ подошелъ къ своему дому, ему случайно попалась на глаза изсѣченная на камнѣ руками «марка» его торговаго дома, окруженная священными эмблематическими изображеніями. Его отецъ приказалъ изсѣчь на камнѣ, подъ этою маркою, свое любимое присловье: «Живъ еще старый Богъ!» И вспомнилось Стеену, какъ часто въ дѣтствѣ онъ стаивалъ передъ этою надписью и читалъ ее по складамъ, слово за словомъ. По обще-дѣтскому обычаю, онъ, бывало, читывалъ ее на-распѣвъ, подлаживая къ ней то веселую, то торжественную мелодію. Старое присловье глубоко пустило корни въ его сердцѣ;. оно сопутствовало ему на всемъ долгомъ пути его жизни; оно вспоминалось ему постоянно во время его дальнихъ и опасныхъ странствованій. И вотъ теперь, когда волоса его стали серебриться сѣдиною, и твердая опора религіи стала ему особенно необходима—теперь прекрасное присловіе вдругъ утратило для него всякій смыслъ, и онъ злобно засмѣялся, когда прочелъ эти давно знакомыя ему слова.

Онъ хотѣлъ пройти въ свою контору, но не могъ! Онъ опасался, что увидитъ тамъ тѣнь того человѣка, по отношенію къ которому онъ сегодня выказалъ такъ много великодушія.

— «Великодушія!..» — Госвинъ Стеенъ захохоталъ громко при этой мысли, но его испугалъ отголосокъ его собственнаго хохота въ пустыхъ комнатахъ.

Не заходя въ контору, Госвинъ быстро пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, и на верхней площадкѣ къ нему на встрѣчу вышла Гильдегарда, свѣтлая и радостная, и возвѣстила о счастливомъ возвращеніи своего возлюбленнаго брата.

— Отецъ! онъ привезъ добрыя вѣсти!—радостно сообщила она Стеену.

Молодая дѣвушка не получила отъ отца никакого отвѣта. Казалось, что Госвинъ Стеенъ даже и не замѣчаетъ вовсе ея присутствія. Онъ прошелъ мимо ея и вступилъ въ тотъ покой, въ которомъ мать, обрадованная пріѣздомъ сына, ходила съ нимъ подъ руку взадъ и впередъ.

Реймаръ поспѣшилъ на встрѣчу отцу, чтобы обнять его, но на полдорогѣ остановился... Взглядъ, которымъ встрѣтилъ его отецъ, не выражалъ ни отеческой любви, ни пріязни...

Радостное настроеніе, господствовавшее въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ до прихода Стеена, быстро исчезло — и мать съ дочерью удивленно и боязливо устремили взоры на отца, который медленно спустилъ съ головы куколь (пришитый къ кафтану мѣшокъ, замѣнявшій шляпу) и затѣмъ подошелъ къ одному изъ оконъ.

Реймаръ прижалъ руку къ сердцу и глубоко вздохнулъ. Мать и сестра обняли его, и ихъ умоляющіе взоры говорили его сердцу краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Реймаръ ихъ понялъ, пожалъ ихъ руки, а затѣмъ приблизился къ окну, у котораго стоялъ отецъ, и сказалъ:

— Я привезъ изъ Визби благопріятныя извѣстія. Наша контора, конечно, такъ же какъ и другія, подверглась нашествію со стороны солдатъ аттердага, однако же намъ удалось укрыть отъ непріятелей всю нашу наличность, при чемъ особенно отличился сынъ Ганнеке, молодой Янъ. Быстро сообразилъ онъ, что весь запасъ серебряныхъ слитковъ вмѣстѣ съ наиболѣе цѣнными шкатулками и важнѣйшими долговыми обязательствами, слѣдуетъ припрятать подъ запасомъ дровъ, сложенныхъ среди двора. Едва успѣлъ онъ это выполнить, какъ нагрянули къ намъ солдаты; но на дрова они не обратили никакого вниманія, и только нѣкоторые незначительные запасы, находившіеся въ нашемъ пакгаузѣ попали къ нимъ въ руки; такъ что нашъ убытокъ весьма незначителенъ. А такъ какъ мы, дѣйствительно, многимъ обязаны находчивости Яна, то я бы просилъ тебя — сократить годы его ученья и выдать ему прикащичье свидѣтельство. Онъ этого вполнѣ заслуживаетъ.

— Да, потому именно, что онъ не выказалъ себя трусомъ, — грубо и рѣзко отозвался Госвинъ Стеенъ, особенно ударяя на одномъ словѣ.

Реймаръ съ удивленіемъ взглянулъ на отца, и то же самое удивленіе отразилось на лицахъ матери и сестры его.

— Ты, кажется, меня не понимаешь? — продолжалъ Госвинъ Стеенъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Или не желаешь понять?

Реймаръ не зналъ, что ему слѣдуетъ сказать, и въ нерѣшительности взглянулъ на мать и на сестру. Тонъ, которымъ отецъ говорилъ, звучалъ такъ грозно; въ немъ слышался страшный гнѣвъ,

ежеминутно готовый разразиться, и потому одинаково пугавшій всѣхъ присутствующихъ.

Госвинъ Стеенъ скрестилъ руки на груди, и, наклонивъ голову, подступилъ къ сыну.

— Благо тому отцу, — заговорилъ онъ, — у котораго сынъ не трусъ. Я, по крайней мѣрѣ, завидую ему. Теперь-то ты понимаешь ли меня?

Грозно были устремлены очи Госвина на Реймара. Въ лицѣ Реймара выступила легкая краска.

— Видно, твоя совѣсть лучше меня понимаетъ, нежели ты выказать хочешь! — воскликнулъ отецъ.

Тогда Реймаръ отступилъ шагъ назадъ, положилъ руку на сердце и отвѣчалъ:

— Клянусь Богомъ, что твои слова для меня загадка!..

— Въ самомъ дѣлѣ? — язвительно переспросилъ Госвинъ Стеенъ, разводя правою рукою. — Ну, такъ я долженъ буду прійти на помощь твоему недогадливому уму! Я только-что сказалъ, что завидую каждому отцу, у котораго есть храбрый сынъ, — да, завидую, потому съ сердечной болью вижу и убѣждаюсь, что мой единственный сынъ — подлый трусъ!!

— Отецъ! — вскрикнулъ Реймаръ въ изступленіи, поднимая вверхъ руки какъ бы для того, чтобы оборониться отъ удара...

Мать и дочь поблѣднѣли, какъ полотно.

— Да, подлый трусъ, — повторилъ Госвинъ Стеенъ, не сдерживая болѣе своей злобы, — трусъ, который бы заслуживалъ того, чтобы его отодрали розгами!..

— Отецъ! — еще разъ воскликнулъ Реймаръ, но уже голосомъ отчаянья.

— Трусъ, который запятналъ позоромъ мой старый домъ, — продолжалъ кричать въ слѣпомъ порывѣ ярости отецъ, грубо отталкивая отъ себя бросившихся къ нему жену и дочь. — Трусъ, который своею трусостью приводитъ теперь на край гибели все свое семейство, который...

— Стой! — прервалъ Реймаръ гнѣвный потокъ рѣчей отца. — Ни слова болѣе отецъ, если ты хочешь, чтобы я не забылъ моего сыновняго долга по отношенію къ тебѣ!..

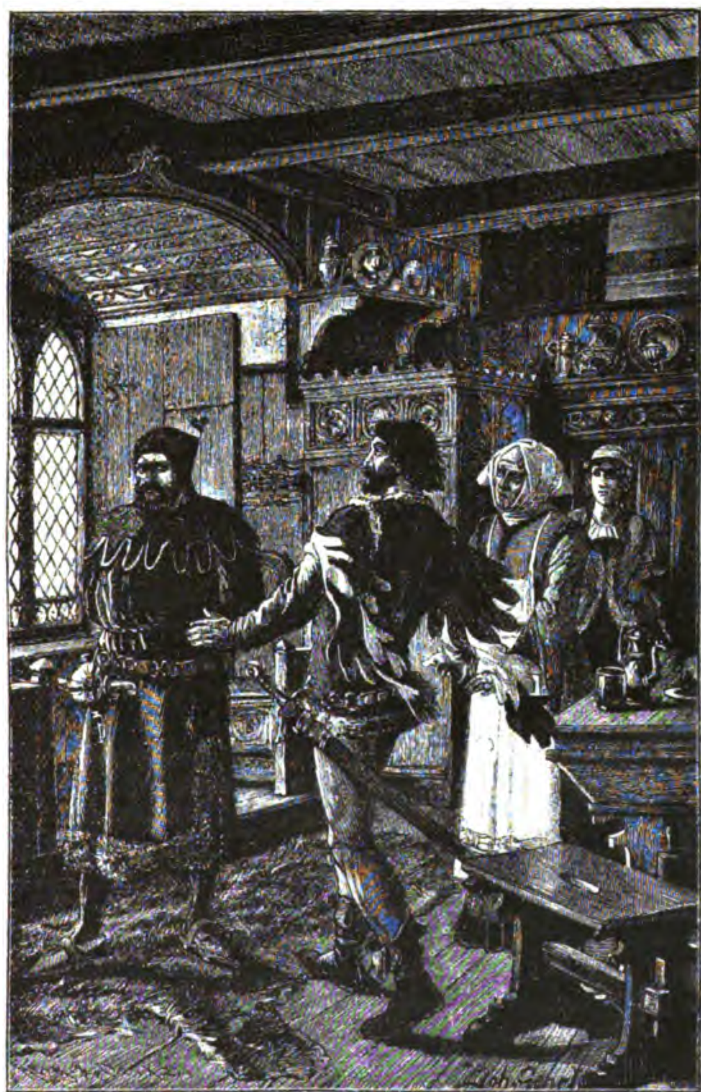
— И ты осмѣливаешься грозить мнѣ, несчастный!

— И въ мысляхъ у меня этого нѣтъ; но вѣдь въ моихъ жилахъ, батюшка, течетъ твоя же, огневая кровь, а потому — пощади меня, не позорь и не обвиняй напрасно.

— Что же ты — къ трусости хочешь еще и хвастовство приплести? — язвилъ отецъ.

Реймаръ закрылъ себѣ на мигъ глаза рукою, дѣлая надъ собою страшныя усилія.

— Отецъ мой, — началъ онъ, повидимому, спокойнымъ голосомъ,

— Отецъ!—воскликнулъ Реймаръ голосомъ отчаянья...

но въ которомъ слышалось внутреннее волненіе,—если бы меня на улицѣ вздумалъ оскорбить встрѣчный человѣкъ изъ низшаго сословія, то я бы просто пришибъ его. Если бы оскорбилъ меня равный мнѣ человѣкъ, я бы потребовалъ, чтобы онъ помѣрялся со мною мечами. Но передъ вами я безсиленъ и безоруженъ—не забывайте же этого! Отецъ, конечно, имѣетъ право давать своему сыну всякія позорящія его честь названія, но если только въ его сердцѣ есть хоть капля справедливости, тогда онъ скажетъ сыну, на чемъ основываются, его жестокія слова, тогда онъ не скроетъ отъ сына и тотъ поводъ, по которому онъ рѣшился назвать его унизительнымъ именемъ труса.

Слушая Реймара, Госвинъ Стеенъ дышалъ тяжело, потому что ярость его душила. Вотъ почему онъ и отвѣчалъ глухимъ, подавленнымъ голосомъ:

— Прекрасно! Ты во мнѣ найдешь вполнѣ справедливаго отца. Но я не желаю, чтобы твоя мать и сестра могли видѣть ту краску стыда, которая покроетъ твое лицо, если въ твоемъ сердцѣ уцѣлѣла еще хоть капля чувства чести. Оставьте насъ однихъ!—обратился онъ къ женѣ и дочери, которыя очень неохотно вышли изъ комнаты.

Госвинъ Стеенъ позаботился о томъ, чтобы они не остались и въ сосѣдней комнатѣ, а потому онѣ и не могли слышать ни слова изъ того горячаго и громкаго разговора, который начался между сыномъ и отцомъ. До ихъ слуха долетѣлъ только одинъ страшный, пронзительный возгласъ, заставившій ихъ обѣихъ вздрогнуть.

Прошло ужасныхъ полчаса — цѣлая вѣчность для двухъ любящихъ сердецъ. Затѣмъ, они услышали хлопанье дверей и шаги отца на лѣстницѣ. Слышно было, что онъ ушелъ къ себѣ въ контору.

Минуту спустя явился Реймаръ, съ страшно искаженнымъ лицомъ. Тотъ бодрый видъ, который придавалъ такую прелесть его лицу, исчезъ безслѣдно, и смѣнился въ немъ выраженіемъ страданія и горечи. По глазамъ его видно было, что слезы его душили, но онъ дѣлалъ надъ собою усиліе, подавляя ихъ. Его губы были сжаты — онъ старался казаться спокойнымъ, между тѣмъ, какъ сердце его разрывалось отъ порыва отчаянія. Всклоченные волосы въ безпорядкѣ падали ему на лобъ и виски...

Мать и сестра схватили его за руки. Руки были холодны, какъ ледъ, и также холоденъ былъ тонъ его голоса, когда онъ заговорилъ:

— Все кончено, и мы должны навсегда разстаться!

— Реймаръ!—воскликнули въ одинъ голосъ обѣ женщины.

Но онъ продолжалъ, качая головою:

— Иначе и быть не можетъ; я уже никогда болѣе не вступлю въ этотъ домъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — рыдая стала ему говорить мать,—это не можетъ, не должно такъ быть! Богъ этого не попуститъ!

— Можетъ ли Богъ научить людей разуму!—сказалъ Реймаръ съ горечью.

— Ты не долженъ такъ къ сердцу принимать слова отца!—доказывала ему мать, между тѣмъ, какъ Гильдегарда нѣжно его обнимала.—Съ нимъ, въ послѣднее время что-то происходитъ странное. Его бѣднаго тяготятъ какія-то большія невзгоды! Вотъ почему мы всѣ и должны быть къ нему снисходительны, — вѣдь ты же знаешь, что любовью всего можно достигнуть; а ты, Реймаръ, я это знаю, ты вѣдь любишь отца всѣмъ сердцемъ.

— О, матушка!—въ отчаяньи вскричалъ Реймаръ,—зачѣмъ ты мнѣ объ этомъ напоминаешь! Вотъ, возьми мой кинжалъ, вонзи мнѣ его въ сердце, да потомъ и увѣряй меня въ твоей любви. Нѣтъ, нѣтъ,—закончилъ онъ, дико оглядываясь кругомъ, — нельзя шутить съ тѣмъ, что есть у человѣка самого святого!

— Не добрòмъ звучатъ твои слова!—сказала Гильдегарда, боязливо отстраняясь отъ своего брата.—Дикою ненавистью горитъ твой взоръ,—Боже ты мой! Да что же случилось?

— Сынъ потерялъ отца!—съ усиліемъ проговорилъ Реймаръ и громко зарыдалъ, закрывъ лицо обѣими руками.

— Царь мой небесный!—жалобно проговорила мать,—что же это творится на свѣтѣ? Ярость во взорахъ, и потомъ слезы,—жесткія, грубыя рѣчи, и такія трогательныя слова...

— Что же удивляетъ васъ? Гнѣвъ разрываетъ мое сердце, и я все же не могу безъ слезъ помыслить о томъ, что у меня нѣтъ болѣе отца?

— Да скажи, по крайней мѣрѣ, что произошло между тобою и отцомъ?—допрашивала мать.—Разскажи намъ все, чтобы мы могли какъ-нибудь васъ съ отцомъ примирить!

— Никакое примиреніе между нами не возможно!

— Какъ? почему же?—воскликнули почти одновременно и мать, и дочь.

— Потому что мнѣ оно противно! — горячо воскликнулъ Реймаръ,—потому что здѣсь у меня земля подъ ногами горитъ, потому что я долженъ стереть въ своемъ сердцѣ всякое воспоминаніе отъ этомъ домѣ, чтобы мнѣ опять жизнь показалось мила, потому что...

— Остановись! — сказала мать, — не бери себѣ грѣха на душу передъ Богомъ и передъ отцомъ своимъ!

— Передъ отцомъ!—съ горькой усмѣшкой произнесъ Реймаръ.— Но зачѣмъ мы станемъ понапрасну тратить слова: мое рѣшеніе принято твердо и безповоротно... Иду по бѣлу свѣту искать того который...

Онъ не кончилъ фразы, но поднялъ правую руку, какъ бы произнося какую-то страшную клятву, которую не слышно шептали его уста.

— Такъ скажи же намъ пожалуйста, почему это между тобою

и отцомъ твоимъ не можетъ произойти примиренія? — продолжала допрашивать сына фрау Мехтильда.

Быстро откинулъ Реймаръ волосы, покрывавшіе ему лобъ, и указывая рукою, проговорилъ:

— Видишь ли ты здѣсь это жгучее красное пятно? Это ударъ отцовской руки, который горитъ у меня на лицѣ, и вѣчно будетъ горѣть. Понимаете ли вы теперь, почему я навсегда покидаю этотъ домъ? Я никогда не былъ о себѣ особенно высокаго мнѣнія. Виноватъ ли я въ томъ, что отецъ преувеличивалъ мои достоинства? Я допускаю, что провинился въ дѣйствіи необдуманномъ; но этимъ я еще не заслуживалъ того, чтобы мой отецъ нанесъ мнѣ такое страшное оскорбленіе! Будь я не «плоть отъ плоти» его,—видитъ Богъ!—онъ дорого поплатился бы мнѣ за это оскорбленіе! Ну, а такъ какъ онъ отецъ, то я долженъ стерпѣть эту смертную обиду. Но всякая кровная связь, отнынѣ, между нами порвана.

На все это мать и дочь могли отвѣчать только слезами, а не словами. Онѣ чувствовали, что счастливыя семейныя узы — порваны, и ангелъ мира отлетѣлъ отъ дома, въ которомъ доселѣ царила любовь и преданность.

Да! счастье исчезло, какъ тотъ лучъ солнца, который сегодня утромъ такъ прихотливо игралъ и переливался въ мрачной конторѣ богатаго купца. Теперь онъ тамъ стоялъ одинъ-одинешенекъ у открытаго окна; взглядъ его былъ омраченъ и лобъ покрытъ глубокими морщинами тяжкаго раздумья. Вся длинная вереница прожитыхъ имъ лѣтъ проходила передъ нимъ, въ его воспоминаніяхъ, со всѣми ея печалями и радостями, какія Богъ на насъ посылаетъ, ибо «старый Богъ еще живъ»... Такъ гласитъ надпись на камнѣ, вырѣзанная подъ торговою «маркою» Госвиновъ.

— Но живъ ли онъ еще въ твоемъ сердцѣ, Госвинъ Стеенъ?— казалось, спрашивалъ купца какой-то внутренній голосъ.

И вдругъ онъ откинулся отъ окна — тѣнь, мелькнувшая мимо окна, его испугала. То былъ отлетавшій его добрый ангелъ — его единственный сынъ, покидавшій и домъ отца, и родной городъ.

XII.

Хищная морская птица.

Осенній день былъ сумраченъ и наводилъ невыносимую тоску на душу. Нигдѣ, во всемъ ландшафтѣ, ни малѣйшаго признака жизни. Даже море, охваченное съ трехъ сторонъ далеко выступившими скалистыми и лѣсистыми вершинами сѣверо-западной части Шонена, покоилось въ своихъ берегахъ такъ неподвижно, какъ будто никогда ни одна волна не рябила его поверхности. Тростники и камыши у берега, неколеблемые никакимъ вѣтромъ,

словно замерли около угрюмыхъ и голыхъ скалъ. На прибрежьи лежалъ несчастный челнокъ — единственный признакъ близости жилья и присутствія человѣка среди этой мертвой природы. Изрѣдка взмоетъ надъ моремъ чайка и сдѣлаетъ два-три круга надъ водою, либо ястребъ спугнетъ дикихъ утокъ и заставитъ ихъ попрятаться въ камыши. И внѣ этого — полное молчаніе, полное отсутствіе жизни и въ природѣ, и въ этихъ скалахъ, покрытыхъ жалкимъ папортникомъ и верескомъ, поросшихъ на вершинѣ старымъ и мрачнымъ лѣсомъ.

По этому лѣсу бродилъ какой-то одинокій пришлецъ, нетерпѣливо и безпокойно поглядывая на море.

Судя по его одеждѣ, онъ могъ принадлежать и къ высшему слою общества, хотя загрубѣлое лицо его нѣсколько противорѣчило этому предположенію.

Онъ, очевидно, кого-то ожидалъ, потому что все кружилъ около одного мѣста, съ котораго виденъ былъ Норезундъ. Онъ поглядывалъ вдаль и видѣлъ, какъ многіе корабли выходили изъ Копенгагенской гавани, но ни одинъ изъ нихъ не направлялся въ Шоненъ.

Съ досадой отворачивался онъ отъ моря, ходилъ нѣкоторое время по лѣсной тропинкѣ, и проклиналъ тишину и одиночество, среди которыхъ такъ громко говоритъ нашъ внутренній голосъ, напоминая все то, что заглушаетъ въ насъ шумъ и плескъ житейскаго моря.

Съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ возвращался онъ къ прежнему мѣсту своихъ наблюденій... Наконецъ-то показалось какое-то темное судно, которое направлялось на Шоненъ. Но оно выходило не изъ Копенгагена, а шло откуда-то съ сѣвера. Пониже Гельсингборга оно остановилось на самой срединѣ теченія, спустило лодку, и въ ней отплылъ отъ судна какой-то человѣкъ. Еще издали онъ махалъ рукою и кивалъ нетерпѣливо ожидавшему на берегу человѣку, и, наконецъ, подплылъ къ берегу и привязалъ челнокъ къ старому пню.

— Долгонько вы замѣшкались, — сказалъ ему ожидавшій на берегу.

— Не мудрено. Далеко объѣзжать пришлось! — отвѣчалъ новоприбывшій, человѣкъ очень неказистой и даже непріятной наружности. На его небольшомъ короткомъ тѣлѣ неуклюже была посажена огромная голова. Низкій лобъ, выдавшіяся скулы, плоскій носъ и узкіе глаза придавали его лицу сходство съ монгольскимъ типомъ. Жидкая бородка и косматые черные волосы, дополняли физіономію пріѣзжаго.

— Я думалъ, что вы пріидете изъ Копенгагена? — спросилъ, помолчавъ, товарищъ.

— Нѣтъ, мейстеръ Нильсъ, — съ усмѣшкою отвѣчалъ другой,

видимо, смѣлый и безстрашный искатель приключеній,—я все держался въ Норвежской столицѣ, въ королевскомъ городѣ Ослё [1]).

— Въ Ослё? — повторилъ Нильсъ, видимо, разочарованный. — Такъ развѣ вы не были въ Любекѣ, не привезли мнѣ необходимыхъ вѣстей?

— Привезъ вамъ и вѣсти, — лукаво подмигнулъ морской коршунъ,—да еще почище и поподробнѣе тѣхъ, которыя могъ бы добыть въ самомъ Любекѣ.

— Да говорите же толкомъ, Петеръ Скитте! — съ досадой промолвилъ Нильсъ.

— А вотъ вы потерпите немножко,—отвѣчалъ съ усмѣшкой Скитте.—Прежде всего надобно бы намъ здѣсь поудобнѣе усѣсться.

—.Такъ вотъ пойдемъ въ лѣсъ,—сказалъ Нильсъ, между тѣмъ какъ финнъ зорко оглядывался кругомъ,—тамъ найдется для насъ довольно каменныхъ лавокъ.

Скитте поморщился и отрицательно помахалъ рукою.

— Не люблю я здѣшняго лѣса,—сказалъ онъ сумрачно,—много тамъ всякой нечисти живетъ: и лѣшій, и русалки...

— Пожалуй что и такъ,—замѣтилъ Нильсъ.—Я и самъ до лѣса неохотникъ: тоска какая-то на меня въ лѣсу нападаетъ. Ну, такъ усядемся здѣсь,—и раскажите все по порядку.

— По порядку?—повторилъ финнъ, усаживаясь на пескѣ.—Ну, такъ намъ придется прежде всего свести наши счеты.

Нильсъ съ досадою глянулъ на сидѣвшаго.

— Вамъ бы все только деньги да деньги!—проворчалъ онъ,—вотъ ужъ истинно ненасытная утроба!

Собесѣдникъ его разсмѣялся.

— Что дѣлать? Мнѣ нужна еще кое-какая небольшая сумма денегъ—а то не прійдется мнѣ купить мызу у себя на родинѣ, ни хозяйствомъ обзавестись! Вѣдь мнѣ пора ужъ и на покой!

— Вамъ?—спросилъ недовѣрчиво Нильсъ.

— Да, мнѣ, — подтвердилъ финнъ. — Мнѣ эта разбойничья жизнь ужъ прискучила. Вѣдь при каждомъ кораблѣ, который я съ товарищами захватываю, жизнь моя подвергается опасности, да при томъ и ганзейскіе города положили за мою голову хорошую награду. Или вы думаете, что рано или поздно не сыщется охотникъ—получить эту сумму?

Нильсъ пожалъ плечами, и сказалъ:

— Желалъ бы я знать, какъ бы онъ это устроилъ. Какъ бы ухитрился захватить васъ, предводителя цѣлой флотиліи вольныхъ мореходовъ?

— Да вѣдь не всегда же мои товарищи за мною по пятамъ ходятъ!—отозвался предводитель пиратовъ.—И я убѣжденъ,—добавилъ

---

[1]) Древнее названіе Христіаніи—главнаго города Норвегіи.

онъ смѣясь и, въ видѣ шутки, сильно ударивъ Нильса по ногамъ,— что и вы сами не побрезгали бы денежками, если бы съумѣли меня захватить.

Нильсъ быстро отскочилъ въ сторону, а Скитте разразился громкимъ хохотомъ.

— Теперь вы ужъ знаете, почему я такъ ненасытенъ къ серебру и золоту,—проговорилъ онъ, продолжая смѣяться,—такъ ужъ не извольте медлить, а просто-на-просто отсчитайте-ка мнѣ заслуженную мною награду.

— А я было думалъ,—возразилъ Нильсъ уклончиво,—что вы уже достаточную награду получили, ограбивъ этотъ корабль.

Скитте вскочилъ въ бѣшенствѣ.

— Да развѣ мы съ вами не дѣлились добычей?—воскликнулъ онъ, отвратительно искривляя ротъ.—Развѣ вамъ-то изъ этой добычи ничего не досталось? Небось вотъ этотъ-то богатый нарядъ, что на васъ теперь надѣтъ—вы трудомъ, что ли, заработали? Я требую обѣщанной мнѣ суммы, а о добычѣ, что намъ толковать— она могла и ускользнуть изъ рукъ. Такъ слышишь ли ты, датская собака!—продолжалъ онъ угрожающимъ голосомъ,—сейчасъ же выкладывай мнѣ деньги, не то я дамъ свистокъ моимъ людямъ, и ты сегодня же отправишься къ чертямъ!

— Ужъ очень вы горячитесь!—сказалъ Нильсъ, стараясь прикинуться веселымъ и въ то же время тревожно поглядывая на темное судно, которое стояло какъ разъ по срединѣ Норезунда.—Получите, получите вашу награду, только возьмите на часъ терпѣнія, пока прійдетъ сюда съ полными карманами тотъ, для котораго собственно вы и нападали-то на это судно.

— А кто онъ таковъ?—спросилъ Скитте.

— Это васъ не касается.

Пиратъ помолчалъ съ минуту, а затѣмъ снова спросилъ:

— Да товарищъ-то вашъ сюда прійдетъ?

— Да, сегодня обѣщалъ сюда быть,—отвѣчалъ Нильсъ.—Потому-то я и условился съ вами, что мы здѣсь въ лѣсу сойдемся. Ну, а ужъ вы-то не упрямьтесь, сообщите мнѣ все, что знаете. Что тамъ у нихъ въ ганзейскихъ городахъ готовится, и что намѣрены они предпринять противъ аттердага?

— Или вы меня за дурака считаете? Думаете, что я вамъ хоть словомъ обмолвлюсь, прежде нежели вы мнѣ старый долгъ уплатите. Нѣтъ-съ, господинъ ювелиръ, мы, финны не такъ еще глупы, какъ, можетъ быть, вы предполагать изволите! И у насъ вѣдь тоже есть такая поговорка: сначала деньги на столъ, а потомъ и товаръ на возъ!

Нильсъ пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и сталъ ходить взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ Скитте преспокойно продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ.

Время тянулось невыносимо медленно, и прошло времени не мало... Уже начинало вечерѣть и туманъ сталъ легкой дымкой отдѣляться отъ воды, когда, наконецъ, въ южномъ направленіи, показался парусъ небольшого одномачтоваго судна, которое и бросало якорь вблизи того мѣста, гдѣ находились Нильсъ и Скитте.

Съ этого судна сошелъ Кнутъ Торсенъ. Имъ было судно нанято спеціально для этой поѣздки.

Нильсъ пошелъ на встрѣчу подплывавшему Торсену, который прибылъ прямо изъ Любека, въ нѣсколькихъ словахъ сообщилъ ему о происшедшемъ въ домѣ Госвина Стеена и заключилъ словами:

— Сынъ порвалъ всякія связи съ отцомъ — и я, значитъ, отмщенъ!

— Точно такъ же, какъ и я отплатилъ за себя на Визби!— сказалъ Нильсъ, посмѣиваясь съ торжествующимъ видомъ. А затѣмъ, самымъ тихимъ шопотомъ, добавилъ:—А что? Стеенъ выплатилъ вамъ деньги?

Торсенъ утвердительно кивнулъ головою.

— Ну, и прекрасно, потому Петеръ Скитте ожидаетъ своей награды.

Хотя финнъ никогда еще не видывалъ Торсена, но раскланялся съ нимъ какъ со старымъ знакомымъ. Когда Торсенъ выплатилъ ему условную сумму, то его рожа искривилась даже въ какое-то подобіе улыбки.

Зоркій и смѣтливый Нильсъ тотчасъ замѣтилъ по выраженію лица Кнута Торсена, что общество финна ему не особенно пріятно. Поэтому онъ постарался отвлечь его вниманіе на другой предметъ, и обратился къ Торсену съ вопросомъ:

— А какъ тамъ, вообще, въ Любекѣ?

Бросивъ еще разъ взглядъ въ сторону финна, который жадно пересчитывалъ полученныя деньги, Торсенъ отвѣчалъ:

— У меня не было ни времени, ни охоты, изслѣдовать настроеніе города, въ которомъ, какъ вы знаете, послѣ взятія Визби, къ намъ, датчанамъ, никто собенно не расположенъ.

— Ха! ха!—отозвался Скитте, съ величайшимъ удовольствіемъ набивая карманы полученнымъ золотомъ, — вы не знаете? такъ я вамъ могу сообщить всѣ любекскія новости.

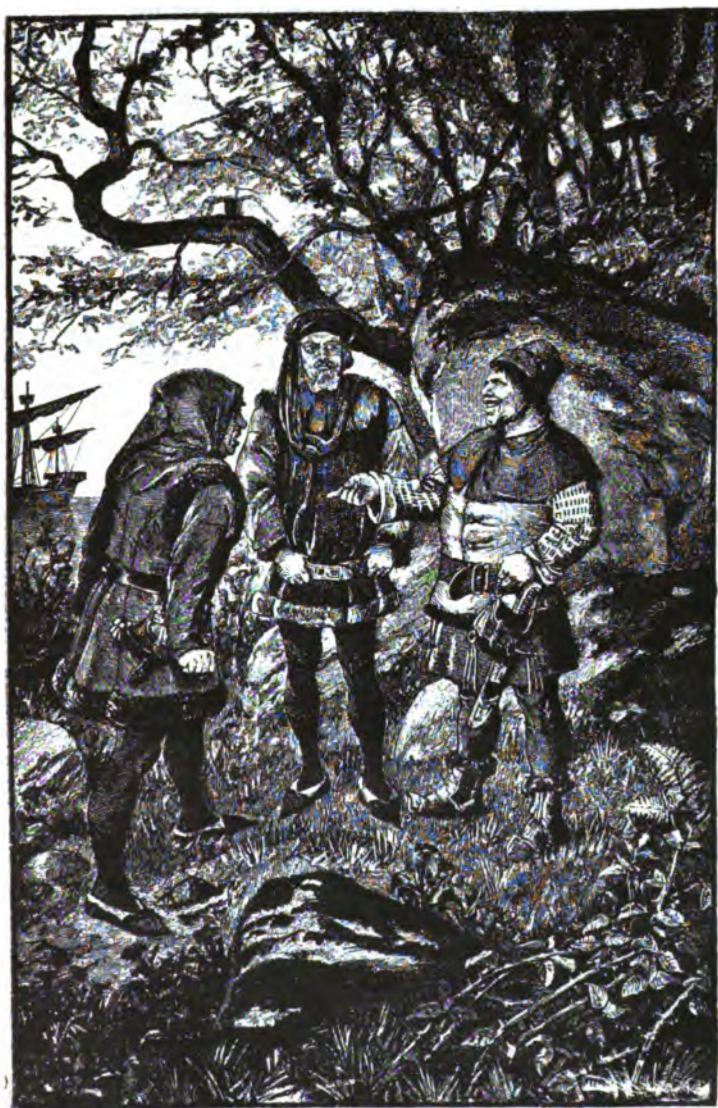
— Такъ говорите же!—подстрекалъ его Нильсъ.

— Почему и не сказать, если вы не пожалѣете за мой сказъ заплатить какъ слѣдуетъ.

— Несытная утроба!

— Я вѣдь тоже кой-какого ума отъ ганзейцевъ понабрался: знаю, что товаръ слѣдуетъ продавать, какъ можно дороже.

— Да мы отъ васъ никакого товара и не требуемъ!—съ досадою огрызнулся Нильсъ.

Коса нашла на камень!

— Товара не требуете, а слова желаете услышать, которыя для васъ дороже всякаго товара! Вы эти слова потомъ самому королю аттердагу на вѣсъ золота продадите! Знаю я, что вы его ищейки!

Нильсъ вскипѣлъ, а финнъ продолжалъ смѣясь:

— Вы ужасно какъ смѣшны, когда обозлитесь! Можетъ быть, вы еще и шутомъ не служите ли при дворѣ-то?

Нильсъ стиснулъ кулаки, но пиратъ сталъ хохотать еще громче. Онъ поднялся съ песку, потянулся, и, ухмыляясь заявилъ, что ему ужъ пора возвратиться на корабль.

— Такъ повремените же еще немножко,—съ досадою проговорилъ Нильсъ. — Сколько же собственно желаете вы получить за сообщеніе мнѣ извѣстій о положеніи дѣлъ въ ганзейскихъ городахъ?

Скитте тотчасъ принялъ видъ человѣка чрезвычайно равнодушнаго и заломилъ порядочную сумму. Послѣ нѣкотораго торга, Нильсъ сошелся съ нимъ на какой-то суммѣ, и когда онъ отсчиталъ финну опредѣленное количество золотыхъ, тотъ началъ такъ:

— Между шведскимъ королемъ Магнусомъ, его сыномъ Ганономъ норвежскимъ и ганзейскими городами рѣшено заключить союзъ. Магнусъ и Ганонъ вчера только-что вернулись изъ Грейфсвальда, гдѣ происходило большое совѣщаніе. Мой родственникъ состоитъ на службѣ при королевскомъ дворѣ, и съ его-то помощью могъ я пробраться въ замокъ Ослё и тамъ, изъ-за двери, слышалъ, что въ Грейфсвальдѣ много было споровъ и перекоровъ между посланцами различныхъ городовъ прежде, нежели они пришли къ соглашенію. Затѣмъ рѣшено было воевать.

— Такъ неужели же ганзейцы дерзнутъ напасть на аттердага?— спросилъ Торсенъ съ изумленіемъ.

— Ну, что же! — и останутся съ длиннымъ носомъ, посмѣялся Нильсъ.—Разсказывайте дальше, Петеръ Скитте.

— А вотъ тутъ-то и начинается самое любопытное, — заявилъ Скитте, съ такимъ хитрымъ выраженіемъ лица, что онъ, дѣйствительно, напоминалъ собою лисицу.—Недурно бы только, господинъ ювелиръ, получить съ васъ еще хоть червонецъ?

Такой неожиданный переходъ ужасно взбѣсилъ Нильса, но его гнѣвъ очень скоро прошелъ, когда финнъ заявилъ, что это онъ подшутилъ, чтобы еще разъ потѣшиться — посмотрѣть, какъ мейстеръ Нильсъ изволитъ гнѣваться.

— Ужъ очень онъ смѣшонъ, когда сердится,—смѣясь замѣтилъ онъ Торсену, и затѣмъ продолжалъ свой докладъ:—Магнусъ и Ганонъ обязались еще до дня св. Мартина выставить двѣ тысячи рыцарей и вооруженныхъ кнехтовъ, съ кораблями и всѣмъ воинскимъ снарядомъ, для борьбы противъ Вольдемара и морскихъ разбойниковъ на Шоненѣ, Оландѣ и Готландѣ...

— Неужели такъ и было сказано?—перебилъ его Нильсъ,—или это ужъ вы отъ себя придумали?

— Я повторяю только то, что я слышалъ своими ушами, — утверждалъ Скитте,—и я признаюсь, что мнѣ трудно и непріятно произносить это слово: «разбойники»... Выраженіе глупое и неосновательное, которое такъ и напоминаетъ о сѣкирѣ палача!

Онъ съ отвращеніемъ поморщился и продолжалъ:

— Короли, на тотъ случай, если бы имъ не удалось собрать сумму, необходимую для покрытія военныхъ издержекъ, заложили ганзейцамъ свои замки и даже обѣщали, что если Шоненъ будетъ освобожденъ отъ датскаго владычества, то они уже никогда болѣе никому его не заложатъ, безъ разрѣшенія со стороны ганзейскихъ городовъ.

— Ого!—насмѣшливо замѣтилъ Нильсъ,—да эти нѣмецкіе лавочники, кажется, ужъ хотятъ стать выше самихъ королей!

— А какія же обязательства приняли на себя ганзейцы?—спросилъ Кнутъ Торсенъ.

— Любекъ взялся снарядить двѣнадцать шнекъ съ шестью стами воиновъ, со всякимъ метательнымъ снарядомъ и штурмовымъ матеріаломъ; остальные вендскіе города взялись поставить то же: Гамбургъ—двѣ шнеки съ двумя стами воиновъ, Бременъ половину, а Киль, Кольбергъ Штетинъ, и Анкламъ—обязались доставить судовъ и войска, сколько будетъ возможно. Ганзейцы надѣются собрать войско тысячи въ три человѣкъ, а если это имъ удастся, тогда, конечно, аттердагу—не сдобровать.

— Да мы еще увидимъ, что это лавочническое войско сможетъ сдѣлать противъ панцырной рати короля Вольдемара! — заносчиво заявилъ Нильсъ.

— И кто же беретъ на себя покрытіе военныхъ издержекъ?— освѣдомился Торсенъ.

— Конечно, жители городовъ, — отвѣчалъ Скитте. — Любекскій бюргермейстеръ Виттенборгъ даже и ввелъ уже новую пошлину, такъ называемую «вѣсовую», которую должны платить и иностранные купцы при ввозѣ своихъ товаровъ въ ганзейскіе города и при вывозѣ изъ нихъ ганзейскихъ товаровъ.

— Настоящіе лавочники!—презрительно замѣтилъ Нильсъ.

— Какъ бы тамъ ни было, а это умно придумано! — сказалъ Торсенъ, котораго втайнѣ оскорбляло презрѣніе, высказываемое Нильсомъ по отношенію къ купцамъ, еще недавнимъ сотоварищамъ Торсена.—Виттенборгъ—умная голова. Я его терпѣть не могу, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ Госвиномъ Стееномъ подалъ въ совѣтѣ голосъ за мое исключеніе изъ ганзейцевъ, но, что правда—то правда, и аттердагъ умно поступитъ, если не слишкомъ станетъ пренебрегать этими «лавочниками», какъ вамъ угодно называть ганзейцевъ.

Это замѣчаніе навело Нильса на раздумье. Когда послѣ этого финнъ, пронзительнымъ свисткомъ, далъ знать своему разбойничьему кораблю, чтобы тотъ готовился къ отплытію, то Нильсъ сказалъ ему:

— А не захотите ли вы, съ вашими ребятами, оказать помощь аттердагу?

— Нѣтъ,—отрѣзалъ Скитте,—я только того хочу, что приноситъ мнѣ прямой барышъ.

— Недаромъ же твоихъ услугъ требуютъ, финская лисица!— съ досадою вскричалъ Нильсъ.

— Опять горячится!—проговорилъ со смѣхомъ пиратъ, поталкивая Торсена въ бокъ.— Клянусь честью, до смерти онъ смѣшонъ, когда сердится, и я даже въ заслугу себѣ ставлю, что такъ ловко умѣю его выводить изъ терпѣнія:—кабы не я, такъ никто бы не съумѣлъ расшевелить его жёлчи!

И онъ опять разсыпался мелкимъ, дряннымъ смѣхомъ и смѣялся, пока Нильсъ не сказалъ ему грубо:

— Ну, такъ и чортъ съ тобой, если тебѣ заработокъ не нуженъ; а между тѣмъ, тутъ могъ бы ты зашибить порядочную сумму.

Тогда финнъ перересталъ смѣяться.

— Ну, говорите скорѣй, чего отъ меня потребуютъ?—сказалъ онъ скороговоркой.—Я готовъ и способенъ на все, что можетъ привести меня къ прибытку.

— Вотъ теперь вы говорите разумно,—замѣтилъ съ удовольствіемъ Нильсъ.—Если дѣйствительно ганзейцы дойдутъ до такой дерзости, что пойдутъ противъ аттердага, то они, конечно, должны будутъ войти со своимъ флотомъ въ Норезундъ. Ну, а вы въ немъ хозяйничаете, какъ у себя дома. Тамъ вы вѣдь ужъ не одинъ корабль сцапали!

— Такъ-то-такъ, да вотъ противъ военныхъ-то кораблей еще никогда не случалось мнѣ дѣйствовать,—замѣтилъ морской разбойникъ.

— Ваши быстроходныя суда могутъ схватиться съ любымъ кораблемъ!—Ну, такъ что же? хотите помогать королю вашими судами и экипажами? Еще разъ напоминаю вамъ, что васъ ожидаетъ большая награда.

Финнъ кивнулъ головою и съ удовольствіемъ сталъ потирать руки.

— Ну, и прекрасно!—сказалъ Нильсъ,—а теперь перевезите меня въ Эльсиноръ, гдѣ собственно и находится аттердагъ. Завтра здѣсь же опять сойдемся, и обо всемъ переговоримъ подробно.

— Тогда уже захватите съ собою и ручательство въ уплатѣ обѣщанной мнѣ награды,—сказалъ предусмотрительный пиратъ.

— Если Вольдемаръ дастъ вамъ свое королевское слово, то, я полагаю, вы будете достаточно обезпечены.

— А почемъ я знаю, можно ли еще на него положиться!—Вѣдь ужъ сколько же разъ вашъ аттердагъ преступалъ клятвы, въ которыхъ клялся именемъ вашего христіанскаго Бога.

— Можетъ быть оно и такъ?—сказалъ Нильсъ.—Ну, а свое-то королевское слово онъ выше всякой клятвы цѣнитъ.

— Прекрасно!—такъ я васъ сейчасъ же перевезу къ королевскому замку, — сказалъ финнъ, отвязывая отъ пня свой челнъ, въ который и вступилъ вмѣстѣ съ Нильсомъ.

Торсенъ, при разставаньи съ Нильсомъ обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими тайными словами и также направился въ челнѣ на свою яхту, намѣреваясь немедленно отплыть въ Визби.

Оба судна разомъ снялись съ якоря и вскорѣ исчезли изъ вида подъ нависшимъ пологомъ вечерняго сумерка.

XIII.

Торгъ и промыселъ.

Нѣмецкій средневѣковый купецъ, въ томъ, что касается своекорыстія и личной выгоды, ничуть не отличался отъ остальныхъ сословій современнаго ему общества. Какъ могъ онъ одинъ занять особое, выдающееся положеніе тамъ, гдѣ всѣмъ сословіямъ и всѣмъ владыкамъ, начиная съ самого императора германскаго, и кончая послѣднимъ ремесленникомъ, былъ такъ свойственъ самый узкій эгоизмъ? Можно ли было при этомъ упрекнуть его за то, что онъ, безпрестанно подвергая опасности свою жизнь и свои товары на опасныхъ путяхъ и на бурныхъ волнахъ моря, желалъ для себя одного: воспользоваться плодами своихъ тяжкихъ трудовъ! Можно ли укорять его за то, что онъ старался ихъ закрѣпить за собою или при помощи привиллегій, которыя покупалъ, или при помощи союзовъ, которые заключалъ съ другими купцами?

Онъ дѣлалъ только то, чему его научали—его личная опытность и современныя условія жизни, и все же, слѣдуя этому направленію, онъ распространялъ всюду, гдѣ появлялся, высшую культуру и блага просвѣщенія. Купецъ, въ средніе вѣка, боролся и съ пиратомъ на морѣ, и съ хищнымъ разбойничьимъ барономъ на сушѣ, и съ дикими нравами береговыхъ жителей, и съ дикою пустынею, среди которой онъ воздвигалъ цвѣтущіе города и богатыя факторіи, и даже съ язычествомъ, такъ какъ повсюду, по слѣдамъ предпріимчиваго купца, шли проповѣдники слова Христова. Мало того, купцу приходилось нерѣдко защищать и отстаивать границы своей родины, поддерживать честь своей націи—тогда какъ это не всегда удавалось выполнить съ успѣхомъ ни императору, ни князьямъ, ни благородному рыцарству.

Однако же, верхне-нѣмецкій и нижне-нѣмецкій купецъ не сообща выполняли свою работу. Они дѣйствовали врозь и это отчасти вызывалось самыми условіями торговли, среди которыхъ они дѣйствовали. Здѣсь торговля велась моремъ, а тамъ сухопутная; здѣсь господствовала и преобладала простота нравовъ, тамъ—утонченность, заимствованная южнымъ германцемъ изъ Италіи. Верхне-нѣмецкіе города крѣпли только для себя, старались сплотиться въ тѣсный союзъ противъ князей и вассаловъ, но не заключали между собою договоровъ для веденія торговли сообща. Совсѣмъ иначе шло дѣло въ сѣверной Германіи, гдѣ сохранилось много старинныхъ и грубыхъ обычаевъ, вслѣдствіе сношеній съ народами сѣвера. Нижне-нѣмецкому купцу гораздо болѣе выгоднымъ представлялся ввозъ съѣстныхъ припасовъ, сырыхъ продуктовъ и другихъ чужеземныхъ товаровъ, нежели вывозъ предметовъ собственнаго изготовленія, и только нижне-рейнскіе купцы составляли, въ данномъ случаѣ, исключеніе.

Но, какъ ввозъ, такъ и вывозъ были одинаково сопряжены съ большими опасностями. Разбойничьи суда всюду поджидали купцовъ въ скрытныхъ береговыхъ засадахъ и дѣйствовали за-одно съ владѣльцами прибрежныхъ разбойничьихъ замковъ, которые охотно переносили на море обычаи, господствовавшіе въ теченіе среднихъ вѣковъ на большихъ дорогахъ. Сѣверные нѣмецкіе купцы должны были защищаться противъ всей этой массы грабителей, а это оказывалось возможно только потому, что они заключали между собою споры. Рѣдко случалось, чтобы корабли пускались въ дальнее плаваніе въ одиночку; бо̀льшею частью бывало такъ, что корабли разныхъ купцовъ соединялись въ флотиліи, при чемъ экипажи отдѣльныхъ судовъ давали клятвенное обѣщаніе помогать другъ другу во всѣхъ случайностяхъ и опасностяхъ плаванія. Только при такомъ способѣ дѣйствій оказывалось возможно распространять торговлю и завязывать за границею выгодныя торговыя связи.

Такіе союзы «гражданъ моря», все болѣе и болѣе расширялись и крѣпли, пока, наконецъ, въ послѣдней половинѣ XIV вѣка, слились въ одинъ обширный «Ганзейскій Союзъ» [1]).

Обороты торговли Союза были весьма значительны и разнообразны. Изъ Скандинавіи, Руси и владѣній гроссмейстера Тевтонскаго Ордена (изъ нынѣшней Пруссіи) нижне-нѣмецкіе купцы вывозили желѣзо, дерево, ленъ, сало, воскъ и пушной товаръ; съ прибрежій Балтійскаго и Нѣмецкаго морей вывозили они сельдь и треску, обычное постное блюдо средневѣковой Европы. Нерѣдко вывозились ганзейцами въ Европу и бѣлые кречеты изъ Норвегіи или Лифляндіи, такъ какъ за эту рѣдкую птицу англійскіе бароны,

---

[1]) Ганза — слово, по происхожденію своему, готское; первоначально обозначало толпу, сборище; позднѣе—сообщество, сотоварищество.

страстные охотники, платили сумасшедшія деньги. Прирейнскія провинціи доставляли благородныя вина, Фландрія сукна и полотна, Италія и Испанія всевозможные фабрикаты и лакомства, и даже восточные товары, составлявшіе тогда еще диковинку въ Европѣ, ганзейцы вносили въ кругъ своей торговли и доставляли, напр., въ Лондонъ; а оттуда возвращались, нагрузивъ суда мѣстными продуктами—кожами и шерстью. Послѣдней ганзейцы вывозили въ годъ около 450,000 центнеровъ [1]). Такимъ же важнымъ торговымъ пунктомъ, какъ Лондонъ, былъ для ганзейцевъ на сѣверо-востокѣ Европы городъ Визби, на островѣ Готландѣ. Этотъ пунктъ былъ особенно существенъ для поддержанія сношеній съ Лифляндіей и Русью. Жители города Визби (висбляне) владѣли въ Новгородѣ конторою и торговымъ дворомъ, на которомъ у нихъ была выстроена изстари и своя церковь. Тамъ-то и находился главный складъ дорогихъ восточныхъ товаровъ; оттуда-то и добывались превосходные и дорогіе мѣха, которые въ значительной степени способствовали быстрому разбогатѣнію Магдебурга, Брауншвейга и Кведлинбурга.

При дальнѣйшемъ распространеніи торговыхъ сношеній Ганзы, были основаны еще двѣ важныя факторіи — одна въ Норвегіи, а другая въ Фландріи. Норвежская факторія, Бергенъ, была настолько же важна въ отношеніи къ рыбной торговлѣ ганзейцевъ, насколько и выгодна, въ смыслѣ доходности. Ежегодно сходились тамъ въ опредѣленное время болѣе двухъ тысячъ ганзейскихъ кораблей и вывозили оттуда рыбные запасы, которыми снабжали весь крещеный міръ, конечно, кромѣ Руси. Еще болѣе важною факторіей былъ городъ Брюгге, во Фландріи, служившій связующимъ звеномъ сѣверной ганзейской торговли съ южной всесвѣтной торговлей венеціанцевъ. Корабли венеціанцевъ и генуэзцевъ свозили сюда товары со всего юга Европы и здѣсь мѣняли ихъ на мѣдь и другія произведенія сѣвера. Какъ велики были торговые обороты Брюгге, можно судить уже потому, что въ главной конторѣ ганзейской, находившейся въ близь лежащемъ Антверпенѣ, постоянно были заняты дѣломъ 300 агентовъ и писцовъ.

Во главѣ всего ганзейскаго союза, въ самое цвѣтущее время его существованія стоялъ городъ Любекъ, постепенно поднявшійся до этого первостепеннаго значенія въ силу особыхъ, благопріятныхъ обстоятельствъ. Недаромъ всѣ остальные ганзейцы звали Любекъ «умнымъ городомъ»; недаромъ и въ гербѣ этого города изображенъ былъ корабль, у котораго на рулѣ стоялъ старецъ, который указывалъ сидѣвшему на носу юношѣ на крестъ, водруженный на мачтѣ. Любекскіе купцы отличались замѣчательною энергіею, неутомимостью и смѣлостью въ своихъ предпріятіяхъ, а главное—умѣли пользоваться тѣми громадными преимуществами, какія давало имъ раньше

[1]) Центнеръ=100 фунтамъ, т. е. $2^1/_2$ пудамъ.

другихъ пріобрѣтенное матерьяльное благосостояніе. Любчане, сверхъ всякихъ иныхъ торговыхъ оборотовъ, вели громадный торгъ деньгами, при помощи которыхъ умѣли добиваться благорасположенія князей и бароновъ, почти не выходившихъ изъ-подъ гнета нужды и изъ денежныхъ затрудненій. Благодаря этому мудрому умѣнью, ганзейцы, ни съ кѣмъ не воюя открыто, все дальше и шире распространяли свои мирныя завоеванія въ области торговли, пока завоевательные планы и корыстные виды датскаго короля Вольдемара IV и въ особенности произведенные имъ захваты Шонена и Готланда не вынудили ганзейцевъ вступить съ ними въ серьезную и тяжелую борьбу.

XIV.

Простота и лукавство.

Съ тѣхъ поръ, какъ ганзейцы стали готовиться къ войнѣ противъ аттердага, трудно было даже узнать улицы и площади Любека, всегда полныя суеты и движенія, — такъ измѣнился городъ подъ вліяніемъ ожидавшихся грозныхъ военныхъ событій! Отъ Гольстенскихъ воротъ и до самой Маріинской торговой площади толпилась сплошная масса народа, видимо, чѣмъ-то возбужденная до крайности и занятая толками о современныхъ событіяхъ. Торговая и ремесленная дѣятельность совершенно прекратились— они никому и въ голову не шли; теперь въ гавань шли люди только затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ подвигаются постройки судовъ на верфяхъ, да полюбоваться на работы блиденмейстера [1]), который устанавливалъ на палубахъ судовъ тяжелыя метательныя машины и рядомъ съ ними громоздилъ балки и камни, предназначенные для метанія въ стѣны непріятельскихъ замковъ и въ непріятельскія суда.

Во всѣхъ горожанахъ какъ-то разомъ проснулось стремленіе къ войнѣ, къ кровавой борьбѣ съ исконнымъ врагомъ—датчанами. Всюду только и было разговоровъ, что о предстоящихъ битвахъ, и всюду громкими, восторженными кликами встрѣчалъ народъ бюргермейстера Виттенборга, который, главнымъ образомъ, побудилъ ганзейцевъ рѣшиться на борьбу съ аттердагомъ. И если, при общемъ одушевленіи, союзные города все еще медлили вступленіемъ въ борьбу, то виною этому, съ одной стороны, было неблагопріятное для плаванья осеннее ненастье, а еще болѣе—раздоры, возникшіе между главными союзниками Ганзы,—королемъ шведскимъ и сыномъ его, королемъ норвежскимъ.

Но даже и эти досадныя замедленія не охлаждали воинственнаго пыла ганзейцевъ, которые всю зиму продолжали свои воен-

[1]) Блидами или баллистами назывались метательныя машины.

ныя приготовленія и занимались обученіемъ навербованныхъ ими солдатъ и матросовъ.

Наступилъ, наконецъ, и май мѣсяцъ, въ теченіе котораго рѣшено было начать войну. Но, прежде чѣмъ начать ее, пришлось, согласно старинному германскому обычаю, шумно и весело отпраздновать майскій праздникъ, который и въ этотъ годъ, какъ и въ прошлые, сопровождался различными процессіями, символическою борьбою весны противъ зимы, воинскими играми, стрѣльбою въ цѣль изъ арбалетовъ и пляскою мечей. Подъ вечеръ, когда пиво и вино щедро лилось во всѣхъ погребахъ и пивныхъ города Любека, въ винномъ погребѣ ратуши, въ особомъ укромномъ уголкѣ, за занавѣсомъ, сошлись за бутылкою добраго вина двое старшихъ представителей города.

— Не празднуется нынче какъ-то!—сказалъ Іоганнъ Виттенборгъ своему сотоварищу Бруно-фонъ-Варендорпу.—Все нейдутъ у меня изъ головы приготовленія къ походу! Такъ и кажется, что не мѣшало бы намъ майскій-то праздникъ отложить до первой побѣды надъ аттердагомъ.

— Васъ не то тревожитъ!—смѣясь замѣтилъ Бруно-фонъ-Варендорпъ.

— А что же бы такое?—спросилъ Виттенборгъ.

— Да ужъ полноте, не прикидывайтесь! Или вы думаете, что я не знаю о вашихъ тайныхъ испытаніяхъ надъ новымъ огневымъ зельемъ, которое теперь уже примѣнено въ Италіи и въ Испаніи къ военнымъ потребностямъ? Вѣдь стоитъ только постоять у Гольстенскихъ воротъ, такъ сейчасъ и услышишь, какъ это зелье-то пощелкиваетъ!

— Такъ, такъ! что же мнѣ отъ васъ-то скрываться, другъ Варендорпъ,—сказалъ бюргермейстеръ,—я надѣюсь этимъ новымъ зельемъ распугать грозныхъ панцерниковъ аттердага. Большая, я вамъ скажу, сила заключается въ этомъ черномъ порошкѣ. Я почти увѣренъ въ томъ, что намъ вскорѣ прійдется совсѣмъ оставить наши блиды... Однако же, я не рѣшусь открыто заявить объ этой новинкѣ, прежде чѣмъ не буду вполнѣ убѣжденъ въ успѣшномъ дѣйствіи этого зелья.

— Особенно опасайтесь Госвина Стеена,—предостерегалъ Варендорпъ,—онъ вѣдь врагъ всякаго нововведенія...

— Но его мнѣніе уже не оказываетъ теперь такого рѣшающаго вліянія на мнѣнія остальныхъ членовъ городского совѣта, какъ въ былые годы. Да при томъ же онъ сталъ рѣдкимъ гостемъ на нашихъ собраніяхъ.

— Откровенно говоря,—сказалъ Варендорпъ, по-пріятельски положивъ свою руку на руку товарища,—я этого Стеена никакъ въ толкъ не возьму! Я все-таки еще предполагаю, что онъ человѣкъ

честный; но если вѣрить всѣмъ тѣмъ слухамъ, которые ходятъ по городу на счетъ его самого и его сына, то...

— Мнѣ кажется, что я тутъ понимаю главную суть дѣла, — сказалъ Виттенборгъ.—Разрывъ Стеена съ его сыномъ ясно доказываетъ, что послѣдній виноватъ въ гибели Бойской флотиліи. И если что мнѣ дѣйствительно темно и неясно въ Стеенѣ-отцѣ, такъ это то загадочное долговое обязательство, о которомъ я еще недавно говорилъ вамъ.

— Да если, зная это,—горячо замѣтилъ Варендорпъ,— сообразить, что Стеенъ далъ въ долгъ эту большую сумму датчанину, то, пожалуй, нетрудно уже будетъ уяснить себѣ и то, почему онъ выказывалъ такое отвращеніе къ войнѣ противъ датчанъ! Я доказать этого не могу, но мнѣ сдается, что этотъ старикъ не болѣе и не менѣе, какъ тайный сторонникъ нашихъ враговъ!

— Ну, нѣтъ! вы смотрите на это ужъ слишкомъ мрачно,—замѣтилъ Виттенборгъ, и вдругъ оборвалъ рѣчь на полусловѣ и спросилъ, указывая на одинъ изъ сосѣднихъ столиковъ:—кто бы могъ быть этотъ иноземецъ, котораго привелъ съ собою думскій писарь Беерь!

Писарь Беерь былъ высокій, худощавый малый, лѣтъ тридцати, съ весьма пріятнымъ лицомъ, которое, однакоже, не располагало къ довѣрію. И онъ, и чужой гость, введенный имъ, усѣлись рядомъ съ мейстеромъ Детмаромъ (однимъ изъ зажиточнѣйшихъ ремесленниковъ Любека), его женой и хорошенькой дочкой Елизаветой; а по другую сторону помѣстился нашъ старый знакомецъ Ганнеке, съ женою и сыномъ Яномъ, высокимъ и красивымъ юношей.

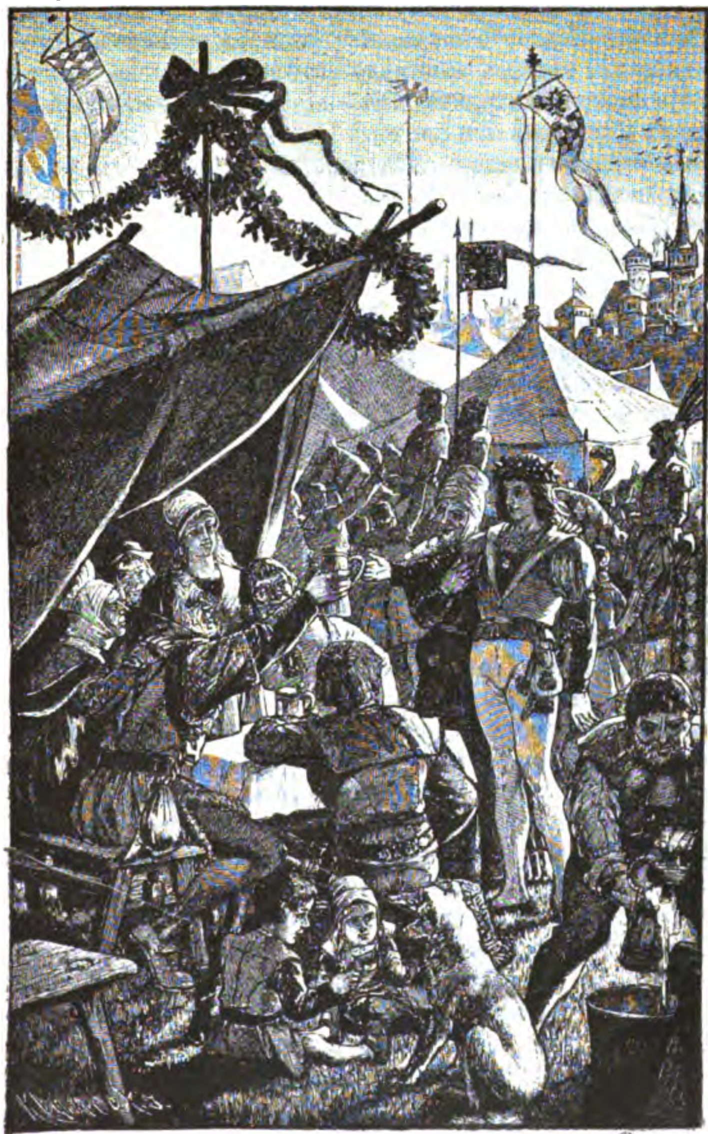
Ганнеке, какъ и вся окружавшая его компанія, были (послѣ многократныхъ возліяній вина и пива) болѣе чѣмъ веселы. Честный рыбакъ даже начиналъ уже отъ веселья переходить къ тому грустно-сентиментальному настроенію, которымъ у него обыкновенно выражалась значительная степень опьяненія.

— Да, вотъ тутъ сидишь теперь,—заговорилъ онъ, подъ вліяніемъ этого настроенія, обращаясь къ собесѣдникамъ,—сидишь, а самъ и не знаешь: приведетъ ли Богъ еще когда-нибудь попраздновать въ такомъ хорошемъ обществѣ! Кто знаетъ,—продолжалъ онъ, разнѣживаясь и поднимая къ верху бокалъ рейнвейна,—увидятъ ли мои глаза...

Голосъ его оборвался, а его нѣжнѣйшая половина уже стала всхлипывать.

— Вотъ онъ все теперь такъ говоритъ! — шепнула она женѣ Детмара.—Кто знаетъ, это можетъ быть предчувствіе?..

Собесѣдница Марики, дама болѣе или менѣе образованная и далекая отъ всякихъ предрасудковъ, замѣтила только довольно сухо,

— «За процвѣтаніе нашего города!»

что «въ предчувствіе она не вѣритъ, и полагаетъ, что каждому слѣдуетъ заботиться о своей шкурѣ».

Но грустное настроеніе Ганнеке только отчасти происходило отъ вина и отъ «всякихъ предчувствій» будущаго:—его гораздо болѣе грусти настраивало то настоящее, которое происходило у него передъ глазами, которое занимало его каждый день, съ утра и до ночи. Не смотря на то, что Янъ—его возлюбленный сынокъ—былъ оставленъ на службѣ при конторѣ Госвина Стеена въ Любекѣ, жизнь въ домѣ стараго купца становилась для Ганнеке день ото-дня болѣе и болѣе невыносимою. О Реймарѣ не было ни слуху, ни духу,—онъ словно сгибъ да пропалъ! Самое имя его никто въ домѣ не смѣлъ произносить. А между тѣмъ, Госвинъ Стеенъ, съ каждымъ днемъ становился все болѣе и болѣе желчнымъ, раздражительнымъ и придирчивымъ. Онъ совсѣмъ отдалился отъ семьи, и большую часть дня и вечера проводилъ у себя въ конторѣ, углубившись въ мрачныя размышленія. Даже и неожиданный пріѣздъ его брата Ансельма не принесъ ему ни облегченія, ни развѣянія, такъ что Ансельмъ, пробывъ нѣсколько дней въ семьѣ Госвина, поспѣшилъ удалиться въ Лондонъ, въ свою мирную келью. Госвинъ, видимо, болѣе и болѣе приближался къ тому мизантропическому настроенію, которое такъ близко граничитъ съ мрачною ипохондріею. Такое тяжкое душевное настроеніе хозяина, при постоянной мертвенной тишинѣ во всемъ домѣ, прерываемой только глубокими вздохами его жены и дочери — ужасно тяжело дѣйствовало на всѣхъ домашнихъ. Ганнеке былъ даже радъ военной тревогѣ, избавлявшей его отъ этого тяжкаго гнета, и только мысль о разлукѣ съ женою и сыномъ его нѣсколько тревожила. Но за то тѣмъ сильнѣе, тѣмъ неудержимѣе и ярче горѣла въ его груди ненависть къ датчанамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ не только враговъ отечества, но и нарушителей счастія всей семьи Госвина Стеена.

Чувствительному настроенію Ганнеке положенъ былъ предѣлъ приходомъ думскаго писца и спутника его.

— Извините, — поспѣшилъ заявить Бееръ, пожимая руку Детмара,—мы хотя и не приглашены къ вашему столу, а все же надѣемся, что вы намъ позволите здѣсь присѣсть. Намъ пріятно будетъ провести часокъ въ такомъ пріятномъ обществѣ.

И онъ усиленно изгибался и раскланивался на всѣ стороны.

— Чтожъ! садитесь! мѣста хватитъ,—отвѣчалъ Бееру польщенный его любезностію мейстеръ Детмаръ,—да и въ винѣ, и въ пивѣ тоже недостатка не будетъ.

— А!—продолжалъ съ глубокимъ поклономъ писецъ, — тутъ и почтеннѣйшая супруга г. Детмара, и красавица дочка! Давно, давно не имѣлъ чести видѣть, потому въ послѣднее время ужъ очень много навалили мнѣ, бѣдному писцу, всякой работы. Но, если позволите, въ первое же воскресенье, непремѣнно посѣщу...

Фрау Детмаръ приняла эту цвѣтистую рѣчь весьма благосклонно; но фрейлейнъ Елизавета наморщила носикъ. Думскій писецъ былъ ей очень противенъ, и она гораздо охотнѣе продолжала бесѣду со своимъ сосѣдомъ Яномъ, любуясь его удивительными бѣлокурыми кудрями. И Яну тоже очень было пріятно и весело съ хорошенькою дочкой мейстера Детмара, почему онъ и не обратилъ вниманія ни на Беера, ни на пришедшаго съ нимъ чужого гостя.

— Такъ, значитъ, у васъ не на шутку затѣвается дѣло съ аттердагомъ?—вступилъ въ бесѣду этотъ гость.

— Само собою!—утвердительно отвѣтилъ мейстеръ Детмаръ,— еще нѣсколько дней и нашъ городской военный флотъ отвалитъ къ Зунду.

— Дѣло, конечно, рискованное, смѣлое,—замѣтилъ одинъ изъ компаніи Детмара,—но такъ какъ нашъ бургмейстеръ Виттенборгъ самъ принимаетъ главное начальство надъ флотомъ, то можно, конечно, надѣяться на успѣхъ.

— Вы, должно быть, тоже принадлежите къ тѣмъ,—съ досадою замѣтилъ говорившему Детмаръ, — которые не очень довѣряютъ намъ, горожанамъ. Такъ вотъ вы и увидите, какъ побѣгутъ датчане отъ нѣмецкаго-то кулака! Да, пускай бы вотъ они, сегодня-то, посмотрѣли бы, какъ наша молодежь отличалась въ воинскихъ упражненіяхъ, какъ она съ мечемъ-то обращаться умѣетъ! Тогда бы, пожалуй, и не такъ бы заговорили о насъ, горожанахъ...

— Да я вовсе этого и не предполагалъ..?—началъ было отнѣкиваться собесѣдникъ.

— Какъ не предполагалъ, когда сказалъ?—шумѣлъ Детмаръ.— Нѣтъ-съ, мы, ремесленники, тоже помнимъ, что мы граждане достославнаго города Любека и даже еженедѣльно упражняемся въ стрѣльбѣ изъ арбалета, помнимъ, что у насъ на гильдейскомъ гербѣ написано:

«Кто въ Любекѣ быть хочетъ гражданиномъ,
«Тотъ знай и ремесло, и мечъ не забывай!..»

— Нѣтъ-съ, извините, никому не позволю легкомысленно отзываться о нашемъ городскомъ ополченіи!

Мейстеръ Детмаръ, произнося эту рѣчь, такъ разгорячился, что вся кровь бросилась ему въ голову.

— Я, однако же, думаю, — вступился гость, пришедшій съ Бееромъ,—что любечане этому отъ брюггенцовъ научились. Ополченіе—ополченіемъ, а все же, я полагаю, что любой ландскнехтъ лучше можетъ владѣть оружіемъ, нежели честный ремесленникъ.

— Та-а-къ? Въ самомъ дѣлѣ?—гнѣвно крикнулъ Детмаръ, опираясь на столъ обоими кулаками и выставляя впередъ голову.— Это вы такъ рѣшили? А позвольте-ка узнать, откуда вы такой умникъ выискались?

— Помилуйте, да я не для спора это сказалъ,—замѣтилъ гость совершенно спокойно.—Я только на счетъ того хотѣлъ намекнуть, что не легко будетъ любечанамъ и ихъ союзникамъ управиться съ Даніей безъ помощи Швеціи.

— А я вамъ сейчасъ скажу, какъ мы съ ними управимся,— горячо возразилъ мейстеръ Детмаръ, стараясь, сколько возможно, смягчить голосъ, такъ какъ онъ замѣтилъ обоихъ бюргермейстеровъ, сидѣвшихъ неподалеку за своимъ столикомъ. — Я сегодня самъ слышалъ, на праздникѣ, какъ нашъ Іоганнъ Виттенборгъ сказалъ Аттендорпу—прошлогоднему любскому графу, — что нашъ военный флотъ вовсе не задержится подъ Копенгагеномъ, а прямёхонько весь обратится къ ихнему крѣпкому замку Гельсингборгу, и имъ сначала овладѣетъ. Вотъ тогда-то мы и посмотримъ, что запоютъ господа датчане? Зададутъ имъ тамъ перцу! Ха! ха! ха!

Чужой гость усмѣхнулся съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, чѣмъ еще болѣе раздражилъ мейстера Детмара, и еще болѣе заставилъ его выболтаться. Дѣло дошло до того, что Детмаръ сообщилъ ему и о новоизобрѣтенныхъ орудіяхъ и о новомъ огневомъ зельѣ, которое цехъ стрѣлковъ собирался пустить въ ходъ во время предстоящей кампаніи. А между тѣмъ, гость все только слушалъ да улыбался, и все также сомнительно покачивалъ головой, такъ что, наконецъ, мейстеръ Детмаръ не выдержалъ—грохнулъ кулачищемъ о столъ и заревѣлъ:

— Да что за чортъ! На смѣхъ что ли вы къ намъ пожаловали? Подумаешь—мудрецъ какой! Ничему вѣрить не хочетъ! Откуда васъ нелегкая къ намъ занесла?

Въ это самое время кто-то коснулся плеча Детмара. Онъ оглянулся и увидѣлъ, что Янъ наклоняется къ нему и шепчетъ ему на ухо:

— Г. Детмаръ! Да вѣдь я этого чужого-то гостя теперь узналъ! Это золотыхъ дѣлъ мастеръ Нильсъ, тотъ самый, что прежде былъ въ Визби.

У Детмара кровь въ жилахъ застыла.

— Да ты точно ли въ этомъ увѣренъ?—спросилъ онъ чуть слышнымъ голосомъ.

— Да вѣдь я же Нильса-то каждый день видалъ. Его и мастерская-то была близёхонько отъ нашей конторы.

— А!—громко вскричалъ Детмаръ,—такъ я же теперь понимаю, почему этотъ господинъ старался задѣть меня заживое своей недовѣрчивой улыбкой! Онъ хотѣлъ меня поддѣть—заставить высказаться, чтобы потомъ все довести до свѣдѣнья своего возлюбленнаго короля-аттердага, у котораго онъ состоитъ на службѣ!.. Такъ вотъ это кто! Это шпіонъ Нильсъ изъ Визби!

Это имя, всѣмъ одинаково ненавистное, тотчасъ вызвало цѣлую бурю. Виттенборгъ бросился изъ-за своего стола, чтобы захватить

негодяя... Но тотъ былъ не промахъ:—какъ только замѣтилъ, что Детмаръ шепчется съ Яномъ (а Янъ былъ хорошо извѣстенъ Нильсу), какъ онъ уже поднялся со своего мѣста и юркнулъ въ толпу. Полумракъ погреба ратуши оказался какъ нельзя болѣе удобнымъ для того, чтобы улизнуть незамѣтно; и между тѣмъ какъ всѣ сидѣвшіе за столиками разомъ поднялись и безтолково стали бросаться изъ стороны въ сторону. Нильсъ уже успѣлъ взбѣжать на верхъ лѣстницы и очутился на торговой площади, когда сзади него раздались голоса: «Стой! стой! Держи шпіона!» Но было уже поздно: Нильсъ успѣлъ исчезнуть въ лабиринтѣ темныхъ улочекъ.

— Какъ вы осмѣлились,—строго замѣтилъ Виттенборгъ, обращаясь къ Бееру,—привести сюда этого злого и опаснаго негодяя?

Писецъ разсыпался въ извиненіяхъ, увѣрялъ, что онъ самъ незнаетъ, какъ къ нему этотъ неизвѣстный человѣкъ навязался въ спутники; расказалъ, что онъ съ нимъ цѣлый день ходилъ по городу и все еще благодарилъ его за то, что онъ не отказывается показывать ему городскія диковинки...

Виттенборгъ сурово глянулъ на него, и добавилъ:

— Будьте на будущее время осторожнѣе съ иноземцами, а не то вы лишитесь вашего мѣста.

Бееръ низко-пренизко поклонился, а бюргермейстеръ повернулся къ нему спиною и потому не могъ видѣть того взгляда глубочайшей ненависти, который послалъ ему вслѣдъ думскій писецъ.

Этотъ эпизодъ совершенно нарушилъ общее веселое настроеніе всѣхъ собравшихся въ погребкѣ. Детмаръ съ своей компаніей направился домой пасмурный и сердитый; и всѣ разошлись по домамъ въ невеселомъ и тяжеломъ настроеніи.

Виттенборгъ принялъ всѣ мѣры къ отысканію шпіона—но напрасно. Нильсъ исчезъ безслѣдно, хотя никому недозволено было въ теченіе ночи проходить черезъ городскія ворота. Приходилось предположить, что у Нильса, въ самыхъ стѣнкахъ города Любека, есть какой-нибудь укромный уголокъ, въ которомъ онъ скрывается.

На слѣдующій день и писецъ Бееръ не явился въ должность. Онъ прислалъ сказать, что извиняется, не можетъ прійти по болѣзни—«лежитъ молъ въ постели». Такъ сильно подѣйствовалъ будто бы на него испугъ, когда онъ узналъ, что привелъ въ думскій погребъ датскаго шпіона!

XV.

«Война! Война!»

Силы, находившіяся въ распоряженіи ганзейскихъ городовъ, были далеко недостаточны для борьбы съ такою грозною державой, какою была Данія въ описываемое нами время. Не слѣдуетъ за-

бывать, что и тактика морской войны, въ ту пору, была совсѣмъ иная—ни мало не похожая на тактику послѣдующихъ столѣтій, въ которую такія важныя перемѣны были внесены введеніемъ огнестрѣльныхъ орудій. Въ описываемое нами время нельзя было расчитывать ни на быстрые повороты судовъ, ни на мѣткія дѣйствія артиллеріи ихъ—и вся борьба сводилась къ единоборству одного судна съ другимъ. Старались сцѣпиться корабль съ кораблемъ, и экипажи сцѣпившихся судовъ дрались грудь съ грудью. Аттака, производимая на непріятельскій флотъ только отчасти могла быть поддержана блидами, т. е. тяжелыми метательными машинами, и стрѣлками, которые размѣщались на двухъ возвышенныхъ палубахъ, расположенныхъ въ носовой и кормой частяхъ корабля, или же въ просторныхъ крытыхъ сàлингахъ (нѣчто въ родѣ корзинокъ) наверху ма́чтъ. Оттуда могли они, уже на близкомъ разстояніи, осыпать непріятеля градомъ стрѣлъ.

При такой первобытной тактикѣ морская война, какъ и сухопутная, главнымъ образомъ, сводилась къ численному превосходству, и на чьей сторонѣ это превосходство оказывалось—тотъ и бралъ верхъ въ борьбѣ. Вотъ почему важнѣйшіе приморскіе, торговые города и старались собрать у себя какъ можно болѣе наемныхъ солдатъ и ландскнехтовъ, принадлежавшихъ, въ большей части случаевъ, къ обѣднѣвшему дворянству. Это войско стоило городамъ очень недешево. Но въ описываемый нами походъ, предпринятый ганзейцами противъ Даніи, Іоганнъ Виттенборгъ вводилъ въ первый разъ въ дѣло совершенно особый родъ войска, а именно—команду огневыхъ стрѣлковъ, вооруженныхъ «диковинными огненными трубами», а также умѣвшихъ метать въ непріятеля каменныя ядра изъ нѣкотораго подобія морскихъ орудій, въ родѣ мортиръ и бомбардъ. На эту-то команду, главнымъ образомъ, и возлагались ганзейцами всѣ ихъ надежды и расчеты на успѣхъ.

Май мѣсяцъ еще только подходилъ къ концу, какъ уже любекскій военный флотъ поднялъ паруса и вышелъ изъ гавани на соединеніе съ эскадрами другихъ городовъ близь Норезунда.

Настроеніе духа, какъ въ отплывавшихъ на войну, такъ и въ покидаемыхъ ими, было самое твердое, близкое къ увѣренности въ неизбѣжномъ успѣхѣ. Конечно, дѣло не обошлось безъ слезъ, и, напримѣръ, нашъ добрый пріятель Ганнеке немало ихъ пролилъ, прощаясь съ своей Марикой и Яномъ; но всякія печали и страданія разлуки были разомъ забыты, когда толпа радостными и громкими кликами привѣтствовала главнаго командира всей флотиліи, Іоганна Виттенборга, отправлявшагося на свой корабль. Радостная надежда всѣхъ оживила и всѣ съ гордостью взглянули на любекскій флагъ, развивавшійся на адмиральскомъ кораблѣ; съ этимъ бодрымъ чувствомъ и проводили любечане своихъ согражданъ, смѣло выступавшихъ на борьбу съ грознымъ аттердагомъ.

Небольшой эскадры, отдѣленной отъ главнаго флота ганзейцевъ было достаточно, чтобы отнять у аттердага Оландъ и Готландъ и захватить врасплохъ датскаго фохта въ Визби. Слухи объ этихъ успѣхахъ могли достигнуть Любека прежде, нежели даже ганзейцы соединенными силами вошли въ Норезундъ.

Плаванье флота было не вполнѣ благопріятное для намѣченныхъ ганзейцами цѣлей. Почти все время плаванія къ Норезунду и даже послѣ того, какъ они въ него вступили, они встрѣчали противные вѣтры и сильное волненіе, съ которыми имъ приходилось бороться, что значительно замедляло ихъ движеніе. Ни одно датское военное судно не смѣло показаться въ морѣ и только издали видѣли ганзейцы тѣ легкія суда, которыя, укрываясь въ бухтахъ и между островами, наблюдали за движеніемъ непріятеля и спѣшили улепетнуть отъ него на всѣхъ парусахъ, для передачи вѣстей аттердагу.

Когда ганзейскій флотъ поравнялся съ южною оконечностью острова Амагера, небольшое легкое судно отдѣлилось отъ береговъ Шонена, и быстро стало приближаться къ адмиральскому кораблю, выкинувъ бѣлый флагъ въ знакъ мирныхъ намѣреній экипажа. Черезъ полчаса къ адмиральскому кораблю подкатила шлюпка; въ ней сидѣлъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ шведской военной одеждѣ; онъ изъявилъ желаніе быть представленнымъ Іоганну Виттенборгу.

Пріѣзжій оказался посланцемъ короля Ганона и привезъ отъ него любекскому бюргермейстеру извѣстіе о томъ, что король уже выступилъ въ походъ со своимъ войскомъ и думаетъ присоединиться къ ганзейцамъ подъ стѣнами Гельсингборга.

Виттенборгъ принялъ это извѣстіе съ великою радостью, приказалъ королю Ганону передать поклонъ и сказать, что отъ Копенгагена всѣ ганзейскія силы направятся къ вышепомянутой крѣпости. Тотчасъ послѣ того шведъ раскланялся, сѣлъ въ шлюпку и направился къ своему легкому судну.

Ганзейскій адмиралъ собралъ всѣхъ подчиненныхъ командировъ отдѣльныхъ судовъ, и сообщилъ имъ неожиданное пріятное извѣстіе, которое всѣхъ обрадовало несказанно.

Только стральзундскій ратсгеръ Эвергардъ фонъ-Море покачалъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ головою и заявилъ:

— Не очень-то я довѣряю Ганоновой исправности и аккуратности. Вся ихъ семья—люди перемѣнчивые, прихотливые и положиться на нихъ мудрено. Онъ датчанъ боится, и потому не слишкомъ будетъ спѣшить вступить съ ними въ борьбу. Такъ нелучше ли будетъ, если мы не станемъ разсчитывать на чужую помощь—а болѣе на свои собственныя силы.

— Я тоже держусь того же мнѣнія,—воскликнулъ Готшалькъ фонъ-Аттендорпъ, начальствовавшій однимъ изъ самыхъ большихъ и тяжелыхъ любекскихъ кораблей. — Главное, г. Виттенборгъ, не

дайте себя отвлечь этимъ извѣстіемъ со шведской стороны отъ первоначальнаго вашего военнаго плана, который всѣми одобренъ въ общемъ собраніи нашей думы.

— Время покажетъ, какъ надобно будетъ дѣйствовать,—горделиво отвѣчалъ Виттенборгъ.—Если мнѣ понадобится спросить васъ о вашихъ мнѣніяхъ, то я, конечно, васъ попрошу ихъ высказать. Но, прежде всего, мы должны произвести высадку близь Копенгагена и этотъ датскій городъ захватить и ограбить, въ отмщеніе за Визби!

— Да, да—месть за Визби!—воскликнуло большинство командировъ судовъ, и на этотъ кликъ мести громко откликнулся весь экипажъ адмиральскаго корабля, а затѣмъ и всѣхъ остальныхъ судовъ.

Но фонъ-Море и Аттендорпъ не раздѣляли общаго порыва и, весьма недовольные, возвратились на свои суда.

Гордый военный флотъ ганзейцевъ поплылъ далѣе. И нигдѣ невидать было ни одного датскаго военнаго корабля, и весь берегъ непріятельской страны казался какъ бы вымершимъ:—на немъ не было замѣтно ни малѣйшаго оживленія.

А между тѣмъ, король-аттердагъ несомнѣнно снарядился къ войнѣ и даже собралъ всѣ свои силы для нея; но всѣ эти силы (въ особенности, морскія) оказались слишкомъ ничтожными сравнительно съ могущественнымъ флотомъ, который ганзейцы нашли возможность противъ него выставить. Только теперь пришлось ему на опытѣ убѣдиться въ томъ, какъ могущественъ оказывался союзъ нижне-нѣмецкихъ купцовъ, къ которому князья и бароны относились вначалѣ съ такимъ пренебреженіемъ! Союзъ оказывался силою, съ которою, какъ оказывалось, даже и король датскій не въ силахъ былъ бороться. Аттердагъ удалился въ свой крѣпкій замокъ Эльсиноръ, который былъ отчасти защищенъ собранными подъ Гельсингборгомъ военными силами, такъ какъ эта крѣпость была отдѣлена отъ королевскаго замка только проливомъ версты въ четыре шириною.

«Месть за Визби!» — Съ этимъ воинскимъ крикомъ ганзейскія суда подвалили къ датскому берегу, и тотчасъ же повели аттаку на Копенгагенъ. Датчане, вдоль всего прибрежья копенгагенской гавани воздвигли много разныхъ земляныхъ окоповъ и укрѣпленій и твердо выжидали за окопами нападенія ганзейцевъ. Словно стѣна стоялъ строй закованныхъ въ желѣзо ратниковъ аттердага, готовясь до послѣдней крайности защищать лежавшій у нихъ въ тылу замокъ и городъ. Однако же, огонь, открытый ганзейцами изъ пищалей, каменныя ядра, выбрасываемыя ихъ бомбардами, а главное, оглушительный, подобный грому гулъ выстрѣловъ — все это подѣйствовало самымъ сокрушительнымъ образомъ на датское войско. Порохъ съ его «таинственною» силой — былъ имъ неизвѣстенъ, и ганзейцы, вооруженныя бомбардами и пищалями,

